

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919842 4

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

511143

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТЫЙ.

INDEX F.

1870

С Е Н Т Я Б Р Ъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

- I. МОСКОВСКІЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ НАЧАЛА XVIII ВѢКА И СТЕФАНЪ ЯВОРСКИЙ. Гл. I—II. Н. С. Тихонравова.
- II. ФИНАНСОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГОРНАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ РОССИИ. В. П. Безобразова.
- III. ДВА ЭПИЗОДА ИЗЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II. Эпизодъ второй. Барона Э. А. Вюлера.
- IV. ГЛАВА ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ. Окончаніе. П. К. Щебальскаго.
- V. МУЖЪ И ЖЕНА. Романъ. Коалунза. Гл. XLII—XLVI.
- VI. ПАЛИКАРЬ-КОСТАКИ. Разказъ. К. Н. Леонтьева.
- VII. ОЧЕРКЪ УЧЕНІЯ О ПРОИЗВОЛЬНОМЪ ЗАРОЖДЕНІИ. Рѣчь профессора Гёксли.
- VIII. СЕМЕЙСТВО ГОЛЬЦЪ. Разказъ. А. А. Фета.
- IX. ВООБРАЖЕНІЕ КАКЪ ОДНО ИЗЪ ОРУДІЙ НАУЧНАГО ИЗЛЪДОВАНІЯ. Лекція профессора Тундала.
- X. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. I. *Материалы для этнографіи Россіи*. Соч. А. Ф. Риттixa. *Положеніе рабочаго класса въ Россіи*. Соч. Н. Флеровскаго. II. *Политическія движенія Русскаго народа*. Соч. Д. Мордовцева. II. III.
- XI. ЗАМѢТКИ. I. Въ чемъ заслуга Бёрне. II. Что требуется отъ историка. III. Покойный Писаревъ и его читатели. IV. Горе отъ ума. Л. Н.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧЪ ЛѢ ПОДЪ ВОДОЙ. Разказъ Юлиана Верна. Часть вторая, гл. XIII—XVI.

Digitized by Google

ВЪ ДВУНА ДРУДА. Романъ Чарльза Диккенса. Продолженіе оставшихся главъ.

ИЗДАНИЕ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

издаваемый

М. БАТКОВИЧЪ.

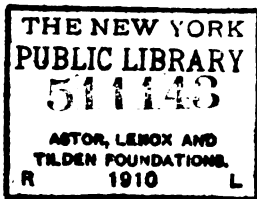
ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТЫЙ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).

На Страстномъ бульварѣ.

1870.

МОСКОВСКІЕ ВОЛЬНОДУМЦЫ

НАЧАЛА XVIII ВѢКА

И

СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ *

I.

Ни одно изъ сочиненій Стефана Яворскаго не вызвало своего появленіемъ столько толковъ, такой горячей и ожесточенной полемики какъ *Камень вѣры*, написанный противъ Гверитинова и людей, подобно ему, увлекавшихся лютеранствомъ. *Камень вѣры* имѣетъ свою весьма любопытную исторію. Въ этомъ полемическомъ произведеніи, касавшемся богомольскихъ вопросовъ, Яворскій выразилъ свой протестъ духу и направленію преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. Недаромъ эта книга не могла быть напечатана при жизни императора. Лишь при Петрѣ II, когда „суевѣрные и

* Главнымъ источникомъ предлагаемой статьи служила *Записка о дѣлѣ Тверитинова*, составленная для какого-то духовнаго лица. Несмотря на крайнее пристрастіе къ Яворскому, записка драгоцѣнна, предлагая любопытнѣйшія подробности о ходѣ дѣла Тверитинова въ Петербургѣ, неизвѣстныя ни по бумагамъ синодальнаго архива, ни по слѣдственному дѣлу Московской синодальной бібліотеки. Хотя авторъ *Записки* жилъ, какъ изъ нея же видно, въ Петербургѣ, но ему удалось „черезъ достовѣрныхъ самовидцевъ и свидѣтелей въ томъ дѣлѣ бывшихъ“, собрать важныя свѣдѣнія о дѣятельности пособниковъ Яворскаго въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, въ экземплярѣ *Записки* которыми мы пользовались недостаетъ конца. *Прим. авт.*

невѣрные отечеству и Петру Великому рабы“ * вступили в синодъ, книга Яворскаго увидѣла свѣтъ, благодаря стараніямъ его вѣрнаго „эмиссара“ Теофилакта Лопатинскаго. Издава посмертное сочиненіе своего покровителя, Теофилактъ во хвалялъ Яворскаго за то что онъ вооружился словомъ и *дѣломъ*, увидѣвъ „нѣкіихъ колеблющихся въ православіи и прѣносящихъ сгранныя, иныхъ же и творящихъ восточномъ благочестію неприличная, имъ же научишася отъ сожителства съ иноувѣрными въ Россіи и въ чужихъ ихъ странахъ по реченному: *спѣшишася языкомъ и навѣкоша дѣломъ ихъ.*“ ** Въ пору ожесточенной борьбы друзей и враговъ реформы, не могъ остаться незамѣченнымъ этотъ укоръ, такъ часто обрацавшійся въ устахъ раскольниковъ противъ личности и дѣятельности Петра Великаго. Сочинитель *Возраженія* (или *Молотка*) на *Камень въры* имѣлъ право сказать что изда- тель здѣсь „скрытно разумѣетъ онаго преславнаго императора Петра Великаго.“ *Камень въры* былъ въ самомъ дѣлѣ лишь завершеніемъ цѣлаго ряда дѣйствій Яворскаго, которыя произвели окончательный разладъ между царемъ и блюстителемъ патріаршаго престола. Въ дѣлѣ Тверитинова ясно сказалась діаметральная противоположность тенденцій Петра Великаго и Стефана Яворскаго.

Дмитрій Евдокимовичъ Тверитиновъ былъ родомъ изъ Твери, онъ былъ тамошній чернослободецъ. Въ слободу Тверитиновъ съ братьями пошелъ изъ стрѣльцовъ; прежде прозывались они Дерюжкиными. Около 1692 года Дмитрій Тверитиновъ „въ самой мизирности“ пришелъ въ Москву съ однимъ роднымъ и тремя двоюродными братьями. Въ числѣ послѣднихъ былъ и сынъ посадскаго человѣка города Твери, Оома Ивановъ. Чтобы снискать себѣ пропитаніе, Тверитиновъ съ братьями пошелъ въ службу къ иноземцамъ „разныхъ религій“: работали въ аптекахъ, присматривались къ цирюльному мастерству, выучились брить, лускать кровь, составлять лѣкарства. Около 1700 года Дмитрій въ Москвѣ женился и, вѣроятно, въ то же время сталъ жить отдѣльно отъ своей матери, женщины свято хранившей обычай и преданія старины. *** Изъ числа новыхъ родственниковъ Тверитинова,

* Такъ выражается авторъ *Молотка на Камень въры*.

** *Камень въры. Сказаніе о твореньи книги сего.*

*** Слѣдственное дѣло въ синодальн. библ. № 58, л. 151 об.

Олисовыхъ, одинъ шурина, Матвѣй, былъ серебряникъ, другой, Степанъ, ученикъ алтекарскихъ дѣлъ;* третьяго шурина его, Петра, не было въ Москвѣ, когда произошла свадьба Тверитинова: онъ, по обѣщанію, пошелъ поклониться Соловердкамъ чудотворцамъ. Степанъ Олисовъ, ученикъ алтекарскихъ дѣлъ, тянулъ Тверитинова, который уже сошелся съ иноземцами, къ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ въ 1700 году открыта была первая частная аптека Іоганномъ Готфридомъ Грегори. Сюда-то пошелъ Тверитиновъ „искать науки у дохтуровъ и лѣкарей“. Природа одарила его яснымъ умомъ и живою воспріимчивостію; онъ былъ „между другими братьями отъ натуры остроумнѣе и тцаливѣе“. Дмитрій не остановился на тѣхъ практическихъ свѣдѣніяхъ о составленіи лѣкарствъ и о дурьюльномъ мастерствѣ которыми довольствовались его братья и Олисовъ. Жадно прислушиваясь къ разговорамъ иноземцевъ,** Тверитиновъ начиналъ интересоваться многими вопросами не входившими въ кругъ „дохтурской науки“: цѣлый міръ новыхъ понятій, вѣрованій, жизни раскрывался предъ нимъ въ Нѣмецкой слободѣ. Онъ не былъ удовлетворенъ „новопечатными“ церковными книгами, особенно *Православнымъ исповданіемъ вѣры*, въ предисловіи котораго послѣдній русскій патріархъ такъ горько жаловался на иноземцевъ, которые „и въ нашу Всероссійскую страну вошли какъ волки въ овечьихъ кожахъ и начали тайно и явно вносить громады своихъ нощеподобныхъ во мракъ предлоговъ и обычаевъ, спрашивая: чего ради сіе и на что оно?“*** Именно эти вопросы зародились въ головѣ Тверитинова, когда онъ ближе познакомился съ обитателями Нѣмецкой слободы: откуда это? почему такъ, а не иначе? Нѣмецкую слободу нельзя упрекнуть въ намѣренной вѣроисповѣдной пропагандѣ. „Мы не пришли для наученія васъ вѣрѣ (лишить отъ лица иноземцевъ авторъ *Возраженія на Камень вѣры*) и ниже чѣмъ хотимъ въ вашъ законъ вступаться. Но что вѣруемъ, то исповѣдуемъ чисто и ясно не для васъ, но для насъ самихъ и сла-

* Тамъ же, л. 276 об.

** „Слушаху со тцаніемъ еретическихъ ихъ о вѣрѣ разговоры, сами не укрѣпившеса и ничто же восточныя святаы матере нашея православныя церкви догматовъ знающе.“ *Записка*.

*** Грамота патріарха Адріана предъ *Православнымъ исповданіемъ*.

сенія души нашей. А ежели кто пришелъ къ вамъ закона нашего для служенія, купечества или коего-либо ремесла, оно не вѣсть своевольное, но по волѣ, призыву и просьбѣ вашего монарха. И ежели случится въ разговорѣ, по прошенію, сказать что-то не естъ проповѣдь.“ Тверитиновъ обратился къ тѣмъ именамъ по двумъ „полнымъ яда“ книгамъ отъ чтенія которыхъ предостерегалъ православныхъ патріархъ Адріанъ, прибавляя что „вкратцѣ неудобно изрещи каковыхъ и коликихъ плевелъ исполнены эти книги.“ То были *Лютеранскій Катихизисъ то-есть наука стародавняя христіанская отъ светого писма, для простыхъ людей языка русскаго*, напечатанный на бѣлорусскомъ нарѣчій въ Несвижѣ Кавечинскимъ, Симономъ Буднымъ и Кришковскимъ въ 1562 году, и *Краткій лютеранскій катихизисъ съ молитвами*, напечатанный на русскомъ языкѣ въ Стокгольмѣ мастеромъ Петромъ фанъ-Селавомъ въ 1628 году. Эти книги понравились Тверитинову болѣе *Православнаго исповѣданія* Петра Могилы. „Что въ ней написано (говорилъ онъ о первой), то въ ней правда, и надобно содержать сіе всякому человѣку, и будетъ оправданъ Богомъ.“ Съ неменьшимъ уваженіемъ относился Тверитиновъ и къ краткому стокгольмскому катихизису: „онъ читалъ оныя молитвы лютеранскія съ великимъ почтеніемъ, и зѣло хвалилъ и цѣловалъ ихъ.“ Тверитиновъ на згомъ не остановился. Вопросы занимавшіе его не имѣли исключительно-богословскаго характера; онъ стремился объяснить себѣ тѣ явленія въ жизни русскаго народа которыя не могли не остановить на себѣ вниманія мыслящаго человѣка въ эпоху Петровской реформы, когда, среди воллей приверженцевъ византійской теологіи, разлагался старый русскій бытъ; новое движеніе идей увлекло Тверитинова. Онъ сознавалъ что принадлежитъ къ числу этихъ людей которыхъ тотъ же патріархъ Адріанъ обвинялъ въ богопротивномъ еретичествѣ, — людей „пожелавшихъ лить воду нестоянную своихъ имъ суеумствованій, восхотѣвшихъ исхать воду возмущенную конскою свирѣлостію непокорствія.“ Духъ непокорства колебавшемуся авторитету все болѣе и болѣе развивался въ Тверитиновѣ. Его не смущала угроза патріарха что „своемысліе виновно бываетъ пререканію, пререканіе же непокоренію, непокореніе отъ человѣкъ и отъ Бога удаленію, удаленіе же вѣчной погибели.“ Тверитиновъ учился въ Нѣмецкой слободѣ уже въ царствованіе Петра Великаго; онъ уже испытывалъ на себѣ дѣйствіе со-

вершавшейся реформы; онъ отдался ей вполнѣ, и сочувственно привѣтствовалъ освобожденіе русской жизни и мысли отъ оковъ стараго преданія. „Нынѣ у насъ на Москвѣ, слава Богу, говоритъ Тверитиновъ, повольно всякому кто какую вѣру избереть такую и вѣруетъ.“ Слова указа 1702 года: „Мы, по дарованной намъ отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пецись о спасеніи души своей“, * были у него въ свѣжей памяти. Почувствовавъ въ себѣ разладъ съ тѣмъ чтó читала и чтѣмъ жила русская старина, Тверитиновъ понялъ въ то же время всю бѣдность своего образованія, ограничивавшагося конечно лишь простымъ знаніемъ грамоты. Уже въ Нѣмецкой слободѣ, кое-какъ „неправильнымъ ученіемъ“, выучился онъ латинскому языку и „устремился читать на томъ языкѣ Библию“. Вѣроятно, впрочемъ, что Тверитиновъ, новоукъ въ латинскомъ языкѣ, изучалъ Библию на славянскомъ языкѣ и прибѣгалъ къ Вульгатѣ лишь для объясненія тѣхъ мѣстъ которыя были для него непонятны въ славянскомъ текстѣ. Иноземцы иногда помогали ему въ этомъ трудѣ. ** Результатомъ такого изученія Библии у Тверитинова явился цѣлый рядъ выписокъ изъ Священнаго Писанія, касавшихся почитанія иконъ и призванія святыхъ, почитанія мощей, чудесъ, значенія преданій и твореній отцовъ церкви, незаконности проклятій и преслѣдованій еретиковъ, обязанностей истиннаго наставника и пастыря, власти и чести духовенства, церковныхъ бенефицій. Выбравъ обо всемъ этомъ около пятисотъ текстовъ изъ Библии, Тверитиновъ распредѣлялъ ихъ по однородности содержанія на нѣсколько группъ; но къ этимъ выпискамъ не прибавлялъ своихъ выводовъ, надъ нѣкоторыми группами не выставилъ даже никакихъ заглавій, какъ бы желая представить читателю въ своихъ тетрадахъ матеріалъ, изъ котораго бы онъ могъ собственнымъ мышленіемъ свободно вывести заключеніе. Вопросы за рѣшеніемъ которыхъ Тверитиновъ обратился къ Библии давно уже под-

* Полное собраніе законовъ, т. IV, № 1.910. Дѣянія Петра Великаго, IV, 383.

** По словамъ Залиски, Тверитиновъ „устремился читать на томъ (латинскомъ) языкѣ Библию, съ руководствомъ тѣхъ же иноземцевъ.“

нялись среди русскихъ людей; подготовляя и потомъ сопровождавша реформу Петра, они были предметомъ самаго живаго общаго интереса въ то время когда жилъ Тверитиновъ. Еще монахъ Евсеимій жаловался патріарху Адріану что „зміи, ползающіи по земли, лютеры, кальвины и *своеродныя нѣкіе раскольники* наполняютъ не тощю невѣждамъ слухи своею кійждо ересію, но и тѣмъ которые мечтаютъ что они обладаютъ знаніемъ закона и писаній, что эти зміи осмѣваютъ преданія церкви писанныя и неписанныя, толкуя о святыхъ постахъ, о поклоненіи святымъ иконамъ, монашескомъ устроеніи и иныхъ: сіе чего ради? и сіе откуда взято? и сіе кто предаде? и сіе гдѣ писано?“ * Несомнѣнно что протестантизмъ имѣлъ вліяніе на складъ возрѣній и вѣрованій Тверитинова, на то или другое рѣшеніе волновавшихъ его сомнѣній; но Тверитинова нельзя назвать простымъ послѣдователемъ протестантской догмы. Ни изъ тетрадей Тверитинова, ни изъ слѣдственнаго дѣла о немъ не видно чтобъ онъ принялъ одно изъ основныхъ положеній протестантизма объ оправданіи одною вѣрою во Христа, независимо отъ добрыхъ дѣлъ. Самъ Стефанъ Яворскій прямо и положительно утверждалъ что выводы Тверитинова „не отъ разговоровъ другихъ, но *отъ своего вымысла въ новую догму написаны*“, что одни изъ нихъ согласны съ ученіемъ православной церкви, а другіе не признаются и противниками оной. ** Не догма лютеранскаго богословія отвлеченно интересовала Тверитинова; его занимали тѣ новыя условія въ которыя окончателно вступала русская жизнь съ реформою Петра Великаго. Слѣдя за устѣхами послѣдней, приглядываясь къ старому русскому быту, Тверитиновъ ясно понималъ необходимость нравственнаго обновленія русскаго общества, и церковная реформа являлась ему настоятельною потребностью. Выводы тетрадей Тверитинова, мысли которыя онъ любилъ высказывать въ разговорахъ съ близкими людьми, не тѣ же ли они съ которыми встрѣчаемся мы въ законодательныхъ актахъ Петра Великаго, въ пунктахъ о монашествѣ, въ Духовномъ Регламентѣ, въ проповѣдяхъ и трактатахъ Θεофана Прокоповича? Не были ли они порожденіемъ того же духа и желаній коими исполненъ былъ Пре-

* *Щитъ вѣры*, по Румянцовскому списку.

** *Православное Обозрѣніе* 1863, августъ, стр. 323.

образователь? Какъ Левинъ, Талицкій, Докукинъ и цѣлая вереница подобныхъ имъ старовѣровъ отыскивала въ Священномъ Писаніи тексты въ обличеніе скверны новаго направленія, въ доказательство того что Петръ антихристъ; такъ и Тверитиновъ вписывалъ въ свои тетради изъ Библии все то что, казалось ему, доказывало необходимость новыхъ, коренныхъ преобразованій въ русскомъ обществѣ и особенно въ духовенствѣ. Перечитывая тетради Тверитинова, знакомимся съ человѣкомъ глубоко возмущеннымъ низкимъ нравственнымъ уровнемъ современнаго ему общества, его суевѣріемъ, религиознымъ формализмомъ и невѣжествомъ,—съ человѣкомъ который желаетъ выхода къ лучшему, требуетъ новыхъ наставниковъ, и особенно занять разъясненіемъ свойствъ и обязанностей истиннаго пастыря и наставника. Увлечение Тверитинова, тѣ оригинальные, крайніе выводы до которыхъ онъ иногда доходилъ, „новая догма“ его (по выраженію Яворскаго) имѣли своимъ источникомъ рѣшительный протестъ его русской старинѣ, особенно въ дѣлахъ вѣры и церкви. Этотъ исходный пунктъ живо чувствуется въ тетрадяхъ Тверитинова.

Основнымъ положеніемъ его „новой догмы“ было то что „правая вѣра отъ писанія богодухновеннаго и добродѣтели познавается, а не отъ чудесъ.“* Дѣло не въ догмѣ, а въ жизни. „Можно спастись во всѣхъ вѣрахъ (говоритъ Тверитиновъ); ибо алоголь сказалъ: „бояйся Бога и дѣлай правду во всякомъ языкѣ приятенъ Ему есть“. (Дѣян. X, 35).** Необходимость самой широкой вѣротерпимости истекала изъ самой сущности убѣжденій Тверитинова. Всякія преслѣдованія за религиозное неправомысліе онъ считалъ несогласными съ тою любовію которую проповѣдуетъ христіанство; противъ неправомыслящихъ, по мнѣнію Тверитинова, можно дѣйствовать только словомъ убѣжденія. „Недостойтъ (доказывалъ онъ въ своихъ тетрадяхъ библейскими текстами) убивати въ ересѣхъ пребывающихъ, но съ кротостію наказовати (то-есть наставлять, поучать),*** да негли обратятся.“ Онъ не допускаетъ и церков-

* Тетради Тверитинова, въ свѣдственномъ дѣлѣ синодальн. библіотеки, № 58, надп. 16. Налечтаны въ *Православномъ Обзорніи*, 1863, августъ.

** Пафнуція, *Рожнецъ духовный*, по рукописи Ундольскаго, въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, № 1.226, л. 83.

*** Срав. *наказаніе отца къ сыну*, то-есть *наставленіе*.

наго проклятiя на еретиковъ, цитую изъ Премудрости Соломона слова „*яко недостойно кляти на лице и яко подобаетъ праведному быти человеколюбу.*“ Рядомъ съ отдѣлами въ которыхъ собраны изъ Библии тексты для подтвержденiя этихъ положенiй, Тверитиновъ ставитъ рядъ текстовъ Священнаго же Писанiя, изъ которыхъ видно „какую хвалу прiемлютъ убивающiе пророковъ и праведныхъ и како ослѣпляетъ злоба человековъ и изводитъ въ звѣрокое сродство.“* „Не подобаетъ (заключалъ Тверитиновъ) кого-либо неволити въ догмахъ и въ житiи, но въ произволенiи оставятъ.“** Высказывая эту мысль, онъ понималъ что сталкивается съ крѣпко-укоренившимся убѣжденiемъ людей которыхъ Феофанъ Прокоповичъ провищески называлъ „отличными ревнителями церкви“. И Тверитиновъ отвергаетъ церковный авторитетъ. „Я самъ церковь“, говорилъ онъ въ отвѣтъ тѣмъ которые ссылались на ученiе церкви и ея iерархiю: „всякiй-де христiанинъ находится въ чинѣ iерейства; потому что о Христѣ сказано въ Писанiи: *сотворилъ еси насъ Богови нашему цари и iереи.* (Апок. V, 10).“*** „И зачѣмъ (спрашивалъ Тверитиновъ) установлены церковныя чины въ эти послѣднiе годы? Развѣ чувствовался какой-нибудь недостатокъ въ христiанствѣ? И какимъ образомъ нѣкоторые спаслись безъ этихъ чиновъ.“**** Естественно что вопросъ о свойствахъ истиннаго пастыря и учителя долженъ былъ особенно занимать человека неудовлетвореннаго состоянiемъ и дѣятельностью современнаго ему русскаго духовенства. „Дѣло истиннаго пастыря (думалъ Тверитиновъ) засвидѣтельствовать *Евангелiе* благодати Божiей, *показать собою образъ благочестiя* и не созидать ничего на иномъ (чуждомъ) основанiи.“† Не все то должно принимать на вѣру чему учитъ духовенство. „Слова учителя слѣдуетъ повѣрять Писанiемъ, и то что согласно съ Писанiемъ принимать, то же что ему чуждо отбрасывать.“†* Въ дѣлахъ вѣры и церкви Тверитиновъ признаетъ единственно авторитетъ Священнаго Писанiя, не придавая значенiя церковному преданiю, опредѣленiямъ соборнымъ и творенiемъ святыхъ отцовъ. „Въ

* Тетради, написание 21, 22, 23.

** *Роженецъ*, л. 69.

*** *Роженецъ*, л. 79.

**** Тамъ же, л. 68.

† Тетради, надп. 26.

* Тамъ же, надп. 25.

церковь не слѣдуетъ принимать другаго писанія кромѣ того что заключаетъ въ себѣ священная Библия.“* „Писанія отцовъ несогласны между собою; отцы поправляли одинъ другаго и прежнихъ порицали за невѣжество.“** Онъ „не хотѣлъ въ утвержденіе святой церкви принять доказательсва изъ древнихъ писаній, но о всякой вещи (внѣ) истязалъ собственнаго, особеннаго повелѣнія.“***

Своему идеалу духовнаго пастыря и наставника Тверитиновъ не находить осуществленія въ русскомъ духовенствѣ и не безъ намѣренія посвящаетъ онъ цѣлый отдѣлъ библейскимъ текстамъ о пастыряхъ аживыхъ, которые прельщаютъ и губятъ людей своими лестями,**** сами предаваясь праздности и тунеядству. „Наставникамъ, проповѣдующимъ благовѣстіе, говорится въ тетрадахъ Тверитинова, слѣдуетъ литаться не имъ однимъ, но отъ труда своего, и не отягчать другихъ, но съ усердіемъ дѣлать своими руками и подпирать чуждую немощь.“† „Иереемъ подобаетъ отъ своихъ рукъ лицу себѣ востыжати, якоже и Павелъ сотвори“.†* Выказывая такимъ образомъ требованіе которое Петръ Великій постоянно пытался примѣнять къ монашеству, Тверитиновъ, вслѣдъ затѣмъ, собираетъ изъ Евангелія рядъ текстовъ доказывающихъ неприличіе власти и внѣшнихъ почестей для духовенства (*contra ordinem ecclesiasticum ejusque potestatem et decorem*, какъ замѣтилъ Стефанъ Яворскій). „Наставникамъ (записано въ тетрадахъ) слѣдуетъ подражать Истинному Пастырю,—не славы и чести искать, но смиряться предъ людьми и всѣмъ показывать собою образъ благочестія.“†** Въ этомъ отдѣлѣ стояли, между прочимъ, слова которыя Спаситель сказалъ ученикамъ Своимъ, когда между ними былъ споръ кто изъ нихъ долженъ почитаться большимъ: „Царіе языкъ господствуютъ ими и обладающіи ими благодателе нарицаются. Вы же не тако; но болій въ васъ да будетъ яко мній, и старѣй яко служай. Кто бо болій: возлежай ли, или служай? Не возлежай ай? Азь же посредѣ васъ есмь, яко служай“ (Лук. XXII, 25—27).

* *Розбѣеуъ*, л. 26.

** Тамъ же, л. 30—31 об.

*** Тамъ же, 90 л.

**** Тетради, надп. 24.

† Тамъ же, надп. 29.

†* *Розбѣеуъ*, л. 82.

†** Тетради, надп. 27.

Этотъ отдѣлъ тетрадей касался горячаго вопроса времени, того вопроса которымъ занялся Теофанъ Прокоповичъ въ словѣ о власти и чести царской, и который разрѣшился въ Духовномъ Регламентѣ учрежденіемъ правительствующаго синода. Образъ „великаго государя“ патріарха, часто затмѣвавшего собою личность царя, носился еще въ мечтахъ вліятельнаго духовенства; начинаніямъ Петра оно противопоставляло еще *Карлчюю книгу* и неприкосновенность церковной власти. „Многіе мысляли еще что *не вси* весьма людие симъ должнствомъ (повиновеніемъ власти царской) обязаны суть, но нѣкіи выключаются, именно же священство и монашество.“ * Теофанъ долженъ былъ доказывать что „священство — иное дѣло, иный чинъ есть въ народѣ, а не иное государство.“ Сочинитель *Возраженія на Камень Вѣры* сохранилъ слѣдующее любоблѣтное извѣстіе: „Прочія же одежды и убранства (епископовъ) оставляемъ, зане вы сами, откуда оныя начались, не весьма извѣстны; о чемъ вѣще архіерей Теофанъ Прокоповичъ, яко сущій стада Христова учитель, лицемѣрія же, суевѣрствія *противобожественнаго любочестія гонитель*, въ наукахъ искусный, въ разсужденіи преизящнаго дара преисполненный, въ исторіяхъ церковныхъ довольно извѣстный, всякаго почтенія и похвалъ достойный, дѣта 1720, января 1го, въ присутствіи его величества и *въ твоемъ* (Стефана Яворскаго) *служеніи* явно таковыя убранства въ поученіи толковалъ, а наипаче о бѣломъ клобукѣ и *пестрой ризѣ*, же весьма недавно нѣкоего ради случая вымышлены.“ Кантемиръ бросилъ насмѣшку въ опредѣленную, извѣстную партію, когда говорилъ:

Епископомъ хочешь быть? Убериса въ расу;
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ....

И Теофанъ услышалъ въ этихъ стихахъ отголосокъ своихъ мыслей. Ободря молодого сатирика за преданность направленію которому самъ дѣятельно и усердно служилъ, онъ не безъ основанія замѣтилъ что Кантемиру были еще страшны „сильныхъ глуцовъ нравы“. Въ самомъ дѣлѣ, Кантемиръ слышалъ около себя угрожающіе клики

Людей брадатыхъ, черною главою кивающихъ.

* *Собраніе поучительныхъ словъ и рѣчей Теофана Прокоповича*, I, стр. 257.

Эти люди считали сатирика „достоинѣмъ временной и вѣчной казни“ за то что мавтію дерзнулъ называть полосатою ризою.

Но возвратимся къ Тверитинову.

Отвергая значеніе церковной іерархіи, онъ и въ другомъ пунктѣ своихъ вѣрованій сходится со старыми локковскими стригомльниками.* Известно какъ сильно возставали послѣдніе противъ обычая, широко распространеннаго въ древней Россіи, дѣлать вклады въ монастыри и приносы въ церковь за душу умершаго. Настаивая на важности дѣятельной нравственной жизни, Тверитиновъ постоянно высказывалъ мысль что „несогласно съ Священнымъ Писаніемъ молиться о заступленіи ангеламъ и отшедшимъ святымъ, и стихословить имъ какія-либо похвалы: они далеко отстоятъ отъ насъ, не знаютъ нашихъ прошеній и ничего не могутъ для насъ сдѣлать“. ** „Святые по отшествіи изъ этого міра подобны спящему.“ *** „Суетна всякая молитва за умершихъ, потому что по смерти человека затворяется для него всякое милосердіе Божіе.“ **** „Святые не получали просимаго ими отъ Бога даже тогда когда находились въ живыхъ.“ † Тверитиновъ особенно любилъ возвращаться къ этому вопросу. Не только въ тетрадахъ своихъ сгруппировалъ онъ библейскіе тексты въ которыхъ видѣлъ подтвержденіе этому вѣрованію; на особомъ листѣ, который висѣлъ у него на стѣнѣ въ рамѣ, Тверитиновъ помѣстилъ увѣщаніе не прельщаться суетными надеждами о

* На сходство возрѣній Тверитинова и протестантовъ съ стригомльниками указывалъ еще Арсеній Мадревичъ въ своемъ *Возраженіи на пасквиль лютеранскій, глаголемый Молотокъ*: „Въ книгѣ *Розмыслъ* воспоминаются еретики, глаголемыи стригомлики, въ Псковѣ появившіеся и по примѣру твоему лютеранскому, такожъ и раскольническому о пошанинахъ архіерейскихъ, будто бы о симоніи клеветущіи и отъ церкви, какъ бы и раскольщики, отступившіи, которыхъ правовѣрніи людіе, ревнующе по благочестію, побита... Таковыми убо чортовыми мучениками, какъ нашихъ раскольщикамъ, такъ и вамъ, лютеранамъ, согласными бьемъ вамъ обоимъ челомя: приимите ихъ себѣ въ свой календаръ и прославляйте, и почитайте, когда вамъ они любви и правы.“

** *Розмыслъ*, л. 32 об.

*** Тамъ же, л. 37 об.

**** Тамъ же, л. 72.

† Тетради, надл. 20.

своемъ спасеніи. * На этомъ листѣ, предъ которымъ часто, какъ бы для молитвы, становился Тверитиновъ, какъ предъ иконою, увѣщаніе не надѣяться на предстательство святыхъ по смерти было выражено слѣдующими словами *Маргарита*: „Авраамъ называлъ богатаго чадомъ своимъ и не въ силахъ былъ оказать ему того что доставляетъ отецъ сыну. Богатый называлъ Авраама отцомъ и не былъ участникомъ пріязни, которою прилично пользоваться чадамъ. Научись отсюда что ни родство, ни дружба, ни иное что не можетъ приносить пользы тому котораго предаешь собственная жизнь. Добродѣтель другихъ не можетъ доставить намъ никакой пользы. Вспомни тѣхъ двѣхъ которыя не дали масла другимъ пяти двѣмъ: не вошли эти послѣднія въ *невѣстникъ*, и затворилъ онъ предъ ними. Благо тому кто ожидаетъ спасенія отъ своего собственного исправленія.“ Никто не надѣйся получить добро, не сотворивши добра, хотя бы у него и было тысячи тысячъ праведныхъ правдъ: *кѣждо бо прилетѣя къ себѣ сотвори съ тѣломъ* (2 Кор., зач. 179).

Взглядъ Тверитинова на молитвы за умершихъ стоялъ въ неразрывной связи съ его умствованіями о святыхъ. „До дня страшнаго суда“ думалъ онъ, „нельзя называть кого-либо праведнымъ или грѣшнымъ.“ ** Святые не бывали въ адѣ, но не были также и въ присутствіи Бога, какъ и нынѣ. *** „Праведники умершіе еще не получили обѣщаннаго блаженства.“ **** Съ другой стороны изъ которыхъ, по мнѣнію Тверитинова, напрасно называютъ святыми, потому что они превозносились своими дѣлами. † Такъ, онъ полагалъ что нельзя признавать святыми тѣхъ которые издавна извѣстны были на Руси подъ именемъ юродивыхъ или блаженныхъ: „ихъ де житіе не по Богѣ и не благообразно видится.“ †* Въ исторіи христіанства Тверитиновъ думалъ найти подтвержденіе своимъ взглядамъ. „Отчего“, спрашивалъ онъ, „въ древности не отправляли святымъ такихъ великихъ почитаній?“ †** И онъ приходитъ къ заключенію что „противно

* *Православное Обозрѣніе*, 1863, августъ, стр. 334.

** *Ружнецъ*, л. 40 об.

*** Тамъ же, л. 42.

**** Тетради, надп. 19.

† *Ружнецъ*, л. 84.

†* Тамъ же, л. 85.

†** Тамъ же, л. 41 об.

истинѣ созидать церкви во имя святыхъ“. * Съ своей точки зрѣнія, а также и потому что „человѣческое естество отъ начала тлѣннѣю подлежатъ“, ** Тверитиновъ осуждалъ чествованіе воздаваемое въ православной церкви святымъ мощамъ, отрицалъ знаменія и чудеса. *** Поклоненіе иконамъ онъ называлъ идолопоклонствомъ. Нѣсколько отдѣловъ въ своихъ тетрадахъ наполнилъ Тверитиновъ библейскими текстами запрещающими идолопоклонство и многобожіе: онъ примѣнялъ эти тексты къ иконамъ. **** Двѣ первыя заповѣди десятословія вписаны были имъ въ самомъ началѣ листа предъ которымъ онъ безмолвно, „духомъ“ молился Богу. Тверитиновъ отдалъ много мѣста въ своихъ тетрадахъ текстамъ противъ идолопоклонства (или поклоненія иконамъ, какъ онъ давалъ разумѣть), потому что вокругъ себя, въ старомъ русскомъ быту, онъ видѣлъ то обоготвореніе иконъ противъ котораго такъ часто поднимали голосъ и Феофанъ Прокоповичъ, и самъ Петръ. „Простѣйшіе люди обоготворили иконы“, † говорилъ Тверитиновъ. „Зачѣмъ“, спрашивалъ онъ, „установили иконамъ поклоненіе и каженіе? Зачѣмъ приносятъ къ нимъ свѣчи, надписуютъ ихъ именемъ Первообразнаго, называютъ ихъ чудотворными и гдѣ-либо бывши, имѣютъ ихъ съ собою? Зачѣмъ исповѣдуютъ что отъ нихъ происходитъ спасеніе? †* „Не этимъ поклоненіемъ можно угодить Богу, но милостынею къ ближнимъ“ †** „Икона только валя и доска безъ силы чудотворенія: если бросить ее въ огонь, она сгоритъ и не сохранитъ себя. Богу же подобаетъ кланяться въ небо духомъ“, заключалъ Тверитиновъ. †*** Въ духовномъ смыслѣ, въ значеніи страдальческаго житія, понималъ онъ и слова Священнаго Писанія о крестѣ Господнемъ, †**** признавая „неподобнымъ кланяться кресту, какъ бездушному дереву, неимѣющему никакой силы“. „Если“, разсуждалъ Тверитиновъ, „у кого сына убьютъ ножомъ или

* *Розѣнеуъ*, л. 41.

** Тетрада, надл. 18.

*** Тамъ же, надл. 15 и 16.

**** Тамъ же, надл. 1, 7 и 10.

† *Розѣнеуъ*, л. 54 об.

†* Тамъ же, л. 55.

†** Тамъ же, л. 57 об.

†*** *Свѣдств. дѣло*, л. 172, 213.

†**** Тетрада, надл. 30.

палкой, и тое палку или ножъ отецъ того убитаго какъ можетъ любить, понеже онымъ убитъ сынъ его? Такъ и Богъ какъ можетъ любить то древо на которомъ былъ распятъ Сынъ Его?“ * Если поклоняться кресту, то слѣдуетъ почитать и Иудеевъ за то что они сотворили крестъ. **

Монашеству Тверитиновъ не находилъ оправданія въ Священномъ Писаніи; напротивъ, изъ словъ апостола Павла: *отступаютъ нручи отъ въры, иже возбраняють отъ женитвы и брашенъ*, онъ выводилъ заключеніе что „монашеское дѣвство не по разуму святыхъ писаній держится“. *** „Зачѣмъ“, спрашивалъ онъ, „дѣлается это не просто, но съ обѣщаніемъ?“ **** Отрицаніе монашества условливалось у Тверитинова отчасти его протестантскимъ понятіемъ о постахъ. По его мнѣнію, поститься значить въ какое-нибудь время совершенно воздерживаться отъ пищи, какъ дѣлали Христосъ и апостолы; потому надобно де предоставить на волю каждаго — когда поститься и какую пищу употреблять. † Монахи же, совершенно отрекшись отъ вкушенія мяса, какъ бы считаютъ его нечистымъ. †* Тверитиновъ осуждалъ и то что монахи, какъ бы выставляя на показъ свою добродѣтель, носятъ особыя одѣянія. †**

Таково содержаніе тетрадей Тверитинова. Не останавливаемся на мнѣніи что вода въ крещеніи не нужна, ибо Иоаннь сказалъ о крещеніи Христовѣ: *Азъ убо вы крещая водою, той же вы крестите Духомъ Святымъ*; †*** или на мысли что „несправедливо думаютъ будто первѣйшіе ангелы повелѣваютъ низшими ангелами: всѣ они равны и научаются тайнамъ непосредственно отъ самого Бога. †**** Эти положенія не представляютъ особеннаго интереса для характеристики Тверитинова; имъ не придавали особеннаго значенія и самые обвинители его.

Составивши сборникъ библейскихъ текстовъ по предметамъ

* Слѣдственное дѣло, л. 176.

** *Рожнецъ*, л. 87.

*** Тамъ же, л. 59 об.

**** Тамъ же, л. 60 об.

† Тамъ же, л. 66.

†* Тамъ же, л. 63 об.

†** Тамъ же, л. 61 об.

†*** Тамъ же, л. 78.

†**** Тамъ же, л. 83 об.

его интересовавшимъ, выучивши эти тексты наизусть, Тверитиновъ пользовался случаемъ чтобы навести разговоръ на свои любимыя темы. Съ Нѣмецкою слободой онъ не разрывалъ своей связи и тогда когда обученіе его дохтурской наукѣ уже давно было кончено: къ нему ходили ученики нѣмецкой школы потолковать о вѣрѣ, и самъ онъ за рѣшеніемъ своихъ недоумѣній обращался къ учителю нѣмецкой школы, „для того что онъ вельми умѣетъ противно о томъ отвѣщать“. Разговоры съ различными лицами изъ православнаго русскаго духовенства удовлетворяли его гораздо менѣе. Пришелъ однажды Тверитиновъ къ архимандриту Златоустинскаго монастыря Антонію и засталъ его за чтеніемъ *Исповданія православной вѣры*. Тверитиновъ спросилъ Антонія: есть ли у него Библия? и получивъ утвердительный отвѣтъ, замѣтилъ: „а когда есть, почто тебѣ многія книги читать? довольно тебѣ и одной Библии, понеже въ ней пророческое, и апостольское, и самого Бога ученіе, а не нововымышленныя человѣческія басни.“ Не одинъ разъ потомъ заводилъ Тверитиновъ съ архимандритомъ рѣчь о святыхъ иконахъ, о молитвахъ къ святымъ отшедшимъ, и „непрестанно съ утѣшеніемъ спрашивалъ“ * Антонія: „откуда сіе и сіе у васъ взято?“ — „У насъ все отъ святыхъ положено,“ могъ только отвѣчать архимандритъ: „и кому вѣрить лучше, святымъ ли и учителямъ церковнымъ, или Мартину Лютеру, растлившему древніе обычаи святой церкви?“ — „Лютеръ не растлилъ церкви,“ возражалъ Тверитиновъ, — „а изыскалъ и возобновилъ древніе обычаи.“ Антоній былъ „не ученый и наукъ не умѣющій и не весьма читатель божественнаго писанія“; Тверитинову нетрудно было поставить его въ туликъ; лѣткаръ „едва его не прельстилъ“. ** Антоній списалъ его тетради и сталъ читать лютеранскій катихизисъ. Чтобы повѣрить свои мнѣнія и толки слышанные въ Нѣмецкой слободѣ, Тверитиновъ обращался и къ ученымъ московской Славяно-греко-латинской академіи. Цѣлый годъ ходилъ онъ къ префекту ея и учителю философіи, Стефану Прибыловичу, „съ своими о догматахъ церкви Восточной усумнѣніями, и говаривалъ что я де зѣло усумнѣваюся и въ недоумѣніи пребываю и требую отъ тебя рѣшенія о поклоненіи святыхъ иконъ и о призываніи святыхъ божіихъ преставль-

* Собственное показаніе Антонія въ слѣдственномъ дѣлѣ.

** Записка о дѣлѣ Тверитинова.

шихся, и о всѣхъ догматахъ нашихъ противныхъ люторскому и кальвинскому ученію нынѣшнему; и разговаривалъ съ нимъ съ пріемомъ“. Прибыловичъ, сколько могъ, утверждалъ его въ догматахъ православной церкви, разбивалъ протестантскіе доводы; но онъ не усложилъ сомнѣній Тверитинова: лѣкаръ продолжалъ повторять что всѣ преданія не основанныя на Библии суть басни человѣческія. * Прибыловичъ отчаялся убѣдить Тверитинова въ противномъ и оставилъ его „съ болѣзнію сердца своего“, говорятъ одни, „пооружденный Тверитиновымъ“, ** справедливо замѣчаютъ другіе. Прибыловичъ вскорѣ послѣ того уѣхалъ изъ Москвы и своими богословскими умствованіями непріятно поразилъ новгородскаго митрополита Іова, который приписывалъ ихъ вліянію Кіевской академіи. „Мудръ есть человѣкъ,“ писалъ митрополитъ о Прибыловичѣ, „и богослова себя нарицаетъ множае лаче, неже иныя нѣкіи. Егдаже услышиши, самъ весьма уразумѣешь каковы суть богословы, являющіеся въ кіевскихъ новыхъ аеинейскихъ школахъ.“ *** Прибыловичу поручено было архіепископомъ новгородскимъ Θεодосіемъ исправить пролога. Прибыловичъ, уже тронутый толками Тверитинова о чудесахъ и святыхъ, такъ „невѣжливо сталъ ихъ править и перечеркивать“ что этому труду не было дано хода. ****

Тверитиновъ „препиралъ философовъ и богослововъ въ словено-латинскихъ школахъ и пріобрѣталъ ихъ въ свою прелесть“; † тѣмъ сильнѣе было его вліяніе на людей малообразованныхъ и на тѣхъ для которыхъ богословскія науки не были предметомъ спеціальныхъ занятій. Шуринъ его, Петръ Олисовъ, возвратившись изъ своего благочестиваго странствованія въ Соловки, познакомился съ Тверитиновымъ, который уже былъ ему извѣстенъ, по разказахъ отца, за „Нѣмчина не природою, но вѣрою“. Дмитрій посоветовалъ ему читать Библию, показалъ свои тетради, вызывалъ на разсужденія и диспуты по вопросамъ вѣры. „Невѣжества своего ради“, Петръ уступилъ ему, пришелъ отъ его доводовъ „въ немалое

* Показаніе префекта Гавриила въ сѣдствіиномъ дѣлѣ.

** Записка о отцѣ Тверитинова: „Богъ вѣсть, не повредилъ ли и того.“

*** Чистовича: *Геофанъ Прокоповичъ и его время*, стр. 30, 90.

**** Тамъ же, стр. 214

† Записка о отцѣ Тверитинова.

сомнѣніе“; * и наконецъ „удобно его, Дмитріеву, науку при-
вѣлъ“. ** Цѣлые три года оставался онъ вѣрнымъ послѣдо-
вателемъ мыслей Тверитинова. Старикъ Олисовъ обвинялъ
своего сына въ ереси, „отводилъ его отъ Дмитрія бранью,
презрѣніемъ, проклятіемъ“; родственники и знакомые его не
отставали отъ старика. Петръ не стерпѣлъ укоровъ и уни-
женія; имъ начали овладѣвать сомнѣнія; въ увѣщаніяхъ род-
ныхъ ему слышались „нѣкоторые и крѣпкіе православные
доводы“; его лютянуло къ отвергнутымъ имъ вѣрованіямъ, къ
примиренію съ семьею; онъ взялъ въ руки Библию, тетради
Тверитинова, и отдался уединенному изученію Священна-
го Писанія и повѣркъ имъ мнѣній своего родственника—Нѣм-
чана. Чтеніе Библии убѣдило Петра что слова Священнаго Пи-
санія о языческомъ многобожіи Тверитиновъ примѣнялъ къ
тогдашнимъ Божиимъ въ церкви святой почитаемымъ; что ска-
занное въ Писаніи противъ языческихъ же идоловъ Тверити-
новъ относилъ къ святымъ иконамъ. Изъ всей Библии Петръ
въ свою очередь сдѣлалъ множество выписокъ противъ дово-
довъ Тверитинова, и вполнѣдствіи „изо той своей выписки,
сокративши по возможности, учинилъ книжицу, которая на-
звана *Рожнецъ*“, *** и представляетъ довольно полное изложе-
ніе мнѣній Тверитинова. „Тяжко вмѣнилъ себя Петръ“ ****
свое временное отступничество отъ православія и постригся
въ монахи въ Переяславль Залѣскомъ, въ Никольскомъ мо-
настырѣ, съ именемъ Пафнутія.

Медицинская практика, сблизкая Тверитинова съ людьми
различныхъ сословій, открывала ему широкій просторъ ра-
пространять свои мнѣнія. Онъ не упускалъ случая посмѣять-
ся надъ старыми русскими обычаями, особенно если видѣлъ
въ нихъ ясныя слѣды суевѣрія и невѣжества. Вдова извѣст-
наго дьяка Украинцева дала обѣщаніе каждый годъ подни-
мать изъ церкви въ свой домъ образъ Св. Илатія Чудо-
творца и служить ему молебень. Во время одного изъ такихъ
молебень случился у Украинцевой Тверитиновъ. „А у обра-
за Илатія чудотворца издревле отъ благочестивыхъ людей
приложены, исцѣленія ради очесъ болящихъ, оки серебряныя,

* Собственное показаніе Пафнутія въ слѣдственномъ дѣлѣ.

** Записка о дѣлѣ Тверитинова.

*** Тамъ же.

**** Тамъ же.

якоже и у образа святаго священномученика Антипія приложены зубы.“ Во время молебствованія, Украинцева подозвала священника и сказала ему вслухъ: „Хочу я приложить образу Илатія чудотворца оку?“ — „Изволь прикладывать,“ отвѣчалъ священникъ, „сіе дѣло богоугодно.“ Тверитиновъ подошелъ къ Украинцевой и тихо сказалъ ей: „У твоей милости нога болитъ, прикажи ногу сдѣлать и приложи къ образу.“ Слова Тверитинова были переданы священнику. „Еслибы,“ сказалъ послѣдній вслухъ, „онъ говорилъ эти слова отъ благочестія, пріятно бы и сіе Богу было; но понеже онъ, врагъ и противникъ святой церкви, глаголетъ сія отъ противности: велить ногу сдѣлать, потомъ руки, таже главу и всего человѣка, и начнетъ глаголати яко идолъ содѣланъ и идолу кланяемся,—убо не изволь его слушать: онъ врагъ и противникъ святой церкви.“ На это Тверитиновъ отвѣчалъ: „взорить и джетъ поль,“ и поллевалъ. * Въ Петербургѣ, комиссаръ Сергѣевъ, у котораго болѣли глаза, просилъ у Тверитинова лѣкарства противъ своей болѣзни. „У вашей милости есть изрядное лѣкарство,“ пронически отвѣчалъ ему лѣкаръ. „А какое?“ спрашивалъ Сергѣевъ. Тверитиновъ разсмѣялся и сказалъ: „Изволь кулить глазокъ или оба серебряные и отнеси ихъ къ Пятницѣ Прощѣ, что на Москвѣ, на Пятницкой улицѣ, то глазки твои и здоровы будутъ. А ежели у вашей милости болятъ зубки, то изволь кулить зубокъ серебряный Антипію чудотворцу.“ И „разсмѣявся зѣло, Тверитиновъ даже повалился на то мѣсто гдѣ сидѣлъ“. ** Человѣкъ „неглуный въ политикѣ“, Тверитиновъ любилъ серьезно потолковать и поспорить о предметахъ особенно его занимавшихъ. Изъ словъ онъ привыкъ выходить побѣдителемъ. Самые враги лѣкаря признавались что онъ „имѣетъ поправіе уклонное, мягкое и весьма льстивое, такъ что уже и тѣломъ своимъ не можетъ быть не уклоненъ, не уступчивъ, не прегибателенъ на тотъ бокъ и на другой: такожде и шею свою и на то и на другое плечо полагаетъ, и самъ весь изгибается и говоритъ очень вѣжливо, утѣшно, смѣхомъ растворяя; приступаетъ и уступаетъ, и всячески мастерить, дабы тому, что съ кѣмъ-нибудь говорить, пріятенъ былъ, и таковымъ поправіемъ такъ одаренъ что едва равнаго ему обрѣсти можно“. *** Разсужденія

* Слѣдственное дѣло.

** Тамъ же.

*** Записка о дѣлѣ Тверитинова.

Тверитинова слушались съ удовольствіемъ, „въ сладость“; они касались вопросовъ обще-интересныхъ для того времени и велись отъ Священнаго Писанія. „Неискусные въ писаніи“ не замѣчали въ нихъ уклоненій отъ православія; другимъ и хотѣлось сопротивляться, но одолѣть Тверитинова они не могли: онъ былъ подготовленъ вести споры и зналъ наизусть тексты Святаго Писанія.* Людей уже тронутыхъ вліяніемъ Нѣмецкой слободы было тогда довольно на Москвѣ; имъ приходились по сердцу разговоры Тверитинова. Къ числу особенныхъ почитателей его принадлежали школьникъ Иванъ Максимовъ и московскій фискаль Михайло Андреевъ Косой.

Максимовъ поступилъ въ Славяно-греко-латинскую академію въ то самое время когда въ ней, по указу Петра Великаго, заведены были латинскія ученія.** Его отецъ, священникъ московской церкви Трехъ Святителей, посланъ былъ Петромъ на вѣчное житіе въ Нарву, и велѣно ему быть тамъ въ соборной церкви попомъ. По отъѣздѣ отца изъ Москвы Максимовъ учился съ мѣсяцъ въ математической школѣ; потомъ отъ школы отсталъ и лѣтъ съ пять учился математической наукѣ у себя дома. Навѣстивши отца въ Нарвѣ, Максимовъ возвратился въ Москву, и тогда-то префектъ Теофилактъ Латинскій принялъ его въ Славено-латинскій коллегіумъ; въ немъ онъ прошелъ богословскій и философскій классъ. „Отъ пасторовъ и отъ разговоровъ противныхъ“ Максимовъ слышался о томъ что не слѣдуетъ поклоняться иконамъ и мощамъ; а потомъ познакомился съ Тверитиновымъ и не разъ присутствовалъ при разговорахъ его съ Михайлою Андреевымъ Косымъ о томъ что „не подобаетъ никакому рукотворенію человѣческому поклоняться“. Максимовъ увлекся толками столь рѣзко противорѣчившими тому что преподавалось ему въ коллегіумѣ. Не привыкну сдерживать свой языкъ, онъ сталъ „вездѣ острыми укоризнами и невѣжливыми рѣченіями укорять православные догматы.“ Въ 1710 году жилъ онъ на Иверскомъ подворьѣ вмѣстѣ съ Адамомъ, влослѣдствіи монахомъ Сласскаго монастыря. Максимовъ не разъ толковалъ Адаму что мощамъ святыхъ угодниковъ не надобно поклоняться и почитать ихъ. Чѣмъ болѣ-

* Записка о дѣлѣ Тверитинова.

** Слѣдственное дѣло, а. 9. Ср. Древняя російская галерея, ч. XVI, стр. 302.

шимъ чествованіемъ окружало какую-нибудь святыню народное благоговѣніе, тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ „брехалъ“ на нее Максимовъ. Николай Угодникъ былъ особеннымъ предметомъ его хулы. Въ 1713 году прибылъ въ Москву, по указу царицы Параскевы Феодоровны, Рувимъ, игумень Добринской пустыни новоявленнаго Николая Чудотворца для сборовъ на церковное строеніе. Игумень пришелъ въ Богоявленскій монастырь, въ палату гдѣ жили ученики славено-латинскихъ школъ, навѣстити больнаго Василия Кошельницкаго. Рувимъ говорилъ Василию чтобъ онъ обѣщался молеbstвовать Чудотворцу Николаю, и будетъ здоровъ. Въ палатѣ случился Максимовъ. Онъ плюнулъ, услышавши слова Рувима, и сказалъ: „что Николаю Чудотворцу поклонятся? онъ будетъ въ аду.“ * Въ той же палатѣ Максимовъ говаривалъ школьникамъ: „Авось и Никола будетъ въ леклѣ?“ Ученики останавливали его: „такихъ де словъ тебѣ не подобаетъ говорить.“ Максимовъ возражалъ: „А кто съ Богомъ въ бесѣдѣ былъ?“ ** Указывая въ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, что за Срѣтенскими воротами, на образъ Николая Чудотворца, который въ пожарѣ сгорѣлъ мало, Максимовъ говорилъ: „Какъ можетъ Святой Николай людямъ помощь подавать, если и самъ не защитилъ себя отъ огня?“ *** Мужикъ носилъ подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ образъ Пресвятыя Богородицы, мало опаленный, и говорилъ чтобы тому чудотворному образу подавали на строеніе. Максимовъ замѣтилъ на это: „Буде бы тотъ образъ былъ чудотворный, и тотъ бы образъ не сгорѣлъ.“ **** Особенно любознательно показаніе о Максимовѣ священника церкви Воскресенія Христова, что въ Гончарахъ, Иосифа Никифорова. Этотъ священникъ, въ 1713 году, въ Рождественскъ постъ, былъ на обѣдѣ у діакона той же церкви, Василия Родіонова, у котораго, какъ у своего зятя, жилъ Максимовъ. Школьникъ говорилъ о непоклоненіи иконамъ, о томъ что не слѣдуетъ призывать угодниковъ Божиихъ и учреждать имъ празднества: „какъ де умершіе могутъ вѣдать творимая имъ здѣсь празднества и како могутъ, во гробѣхъ лежаще, ходатайствовать и молитися о насъ Богу?“ Свое умствование Максимовъ под-

* Слѣдственное дѣло, л. 13.

** Тамъ же, л. 13 об.

*** Тамъ же, л. 14.

**** Тамъ же, л. 15.

тверждалъ такими словами: „Кто вѣсть идѣже духи челоувѣческіе отходятъ?“ Максимовъ доказывалъ далѣе что „не слѣдуетъ крестить младенцевъ, которые рождаются отъ крещенныхъ родителей, на томъ основаніи что на родителяхъ оныхъ младенцевъ то таинство совершилось, и первородный грѣхъ отягся; и тѣ де младенцы святы и безъ крещенія.“ * Объ освященіи воды Максимовъ также разсуждалъ по своему. „Какая та святая вода (говорилъ онъ), въ которой водѣ омывають лопы крестъ въ чашѣ и сами архіереи то же творять? а вашиаче вышедъ на рѣку и въ быстринѣ рѣчной въ которой часъ крестъ омывають, въ тотъ часъ та вода и протекаетъ и водѣ святости отъ омытія креста не бываетъ.“ Священникъ вразумлялъ расходившагося школьника; но Максимовъ продолжалъ: „Я седьмага собора на иконоборцевъ клятвы и ученія отеческаго не слушаю и историческія писанія въ бѣси вмѣняю.“ При этомъ разговорѣ присутствовалъ одинъ изъ прихожанъ Іосифа Никифорова, Иванъ Михайловъ. „И стали мы, — разсказываетъ священникъ, — того дома діакону Василью Родіонову говорить: „Уйми его, Ивана школьника, чтобъ онъ пересталъ святой церкви противныя слова говорить.“ „И онъ, діаконъ, возбранилъ, и хотѣлъ его бить, и съ двора ссылалъ, и говорилъ ему что и впредь де ты съ такими словами ко мнѣ въ домъ не ходи. И онъ, школьникъ, умолчалъ. И я, іерей Іосифъ, съ нимъ, Иваномъ Михайловымъ, отъ него, діакона, изъ дому пошли; и позвалъ я, іерей, его, Ивана Михайлова, къ себѣ въ домъ. И послѣ приходу нашего, мало помѣшкавъ, онъ же, школьникъ, не званъ, самовольствомъ, ко мнѣ жь въ домъ и въ горницу внезапно пришелъ и, не вопрошенъ отъ насъ, лаки, якожь и въ дому дьяконовѣ, противныя слова православнымъ догматамъ сталъ говорить о Пресвятой Богородицѣ: чего де ради вы ее вельми почитаете? Она де подобна есть мѣшкѣ простому, наполненну бывшу драгоценныхъ каменій и бисеровъ; а егда де изъ онаго мѣшка оныя драгіе каменія и бисеры изсыпаны, оной мѣшокъ каковой цѣнѣ и чести достоинъ? И я, іерей Іосифъ, со онымъ призваннымъ, бывшимъ въ дому моемъ, съ Иваномъ

* Тверитиковъ говорилъ что вода въ крещеніи не нужна, ибо Іоаннъ сказалъ о крещеніи Христовѣ: *Азъ убо вы крещая водою, Тойже вы крестите Духомъ Святымъ* (Матѣ. 3). *Разъясненіе* Пафкутія, г. 78.

Михайловымъ, о такомъ его, школьникомъ, еретическомъ мудрованіи и о таковой его хулѣ на Пресвятую Богородицу слышавши, устрашилися, и хотѣли его связать и въ утрешній день отвести къ преосвященному архіерею. И онъ, школьникъ, — аще истинно или притворно, совѣсть его вѣсть, — сталъ намъ говорить что я де, сія глаголя, чиню испытацию; намъ де школьникамъ такъ чинить должно, чтобъ, услышавши отъ кого мудрые отвѣты, моглибъ мы тѣми еретиковъ побѣдить. И я, іерей Іосифъ, выбилъ его изъ горницы и съ двора своего велѣлъ его, школьника, сослать въ тотъ же часъ.“ *

Максимовъ, говорятъ, хулилъ православные догматы чуть не на площади. Иконнаго ряду торговый человекъ Григорій Васильевъ разказывалъ: „Въ прошломъ 1709 году пришелъ я, Григорій, въ иконный рядъ къ лавкѣ своей поутру, въ обѣдню. И подлѣ моей лавки стоялъ Иванъ Максимовъ, школьникъ, съ человекомъ, не знаю какова чину; и что говорили они до моего къ лавкѣ приходу, того я, Григорій, не вѣдаю; только я, пришедъ, слышалъ: говорить тотъ человекъ Ивану Максиму: „Какъ де ты сему не вѣришь, а сіе де апостолы говорили.“ И онъ, школьникъ Иванъ, говорилъ: „Не вѣрую я и апостоламъ.“ И оный человекъ говорилъ ему, школьнику, что де сія апостолы глаголали чрезъ Духа Святаго. А Иванъ Максимовъ говорилъ: „Хотя де апостолы сіе и чрезъ „Духа Святаго глаголали, я де не вѣрую.“ И тотъ человекъ сказалъ: „То де ты и Духу Святому не вѣруешь?“ И онъ, школьникъ, сказалъ: „Я де не вѣрую и Духу Святому.“ И оной человекъ сказалъ: „Есть во святомъ Евангеліи написано: „но: всякъ грѣхъ и хула, яже рекутъ на Сына человеческого, „отпустится человекомъ, а на Святаго Духа не отпустится ни „въ сіи вѣкъ, ни въ будущій. Такъ де ты посему проклять.“ И лянувъ тотъ человекъ и пошелъ отъ него, школьника, прочь.“ **

Тяглець Котельной слободы, Михайло Андреевъ Косой, во время Стрѣлецкаго бунта 1682 года, „нѣкако согласіе возымѣлъ съ тѣми бунтовщиками стрѣльцами, которые за такыя свои злобныя дѣла наказаны различными видами и разсланы въ дальнія разныя мѣста, а иныя изъ нихъ и смер-

* Слѣдственное дѣло, л. 239—242 об.

** Слѣдственное дѣло, л. 243.

тію казнены. Также и онъ, Михайло, наказанъ и сосланъ былъ въ ссылку въ Сибирь^{*}. Другое извѣстіе прибавляетъ что Михайло съ товарищами ходили бунтомъ къ дьякамъ и подьячимъ, брали съ нихъ деньги, и за то были сосланы въ Тобольскъ.^{**} Около 1692 года, Михайло тайно прибылъ въ Москву. Боясь чтобъ его не узнали, онъ больше жилъ между проземицами, особенно у лютеранина Якова Якимова, на Чистомъ Прудѣ. Это обстоятельство не осталось безъ вліянія на Михайлу Андреева. Съ Тверитиновымъ онъ сошелся близко: лѣкаръ крестилъ у него дѣтей. Косой увлекался доводами и начитанностію Тверитинова. „То-то бы патріархъ-отъ былъ!“ восклицалъ онъ, слушая его разговоры и диспуты. Библия сдѣлалась его любимымъ чтеніемъ. На вопросъ московскаго вице-губернатора Ершова: читаешь ли Библию? Косой отвѣчалъ что то его и животъ Библия, а по ней мудрствованіе такое держитъ и книжное писаніе разумно умѣть. Въ домашнемъ быту, Михайло Андреевъ позволялъ себѣ такія уклоненія отъ уложеній старины въ которыхъ многіе видѣли неуваженіе къ святынямъ и ересь. „Въ дому своемъ всякому христіанину (училъ старшій Домострой), во всякой храмѣ святыя и честныя образы, написаны на иконахъ по существу, ставити на стѣнахъ, устройвъ благолѣпно, со всякимъ украшеніемъ и со свѣтильники, въ нихъ же свѣчи предъ святыми образы возжигаются на всякомъ славословіи Божіи, а по отпѣтіи погашаются, завѣсою закрываются, всякія ради чистоты и отъ пыли, благочинія ради и бреженія; а къ святымъ образамъ касатися достойнымъ въ чистой совѣсти; а на славословіи Божіи и на святомъ пѣніи и мѣлитвѣ свѣчи вжигати и кадити благовоннымъ ладаномъ и фиміаномъ.“^{***} Михайло Андреевъ „свѣчи отъ святыхъ иконъ отымалъ и курилъ табакъ; а къ иконамъ говорилъ: стойте такъ, лучше;“^{****} „предъ образами онъ мало любилъ свѣчи и въ домѣ своемъ отъ образовъ откинулъ.“ † Открыто называя иконы угодицковъ Божіихъ богами, Михайло Андреевъ любилъ высказываться противъ почитанія иконъ. Если ему случалось

^{*} Записка о дѣлѣ Тверитин. Камень огры въ статьѣ: Вина и случай писанія сей книги.

^{**} Слѣдственное дѣло, л. 44 об.

^{***} Домострой, по изданію Голохвастова, глава 8я.

^{****} Слѣдственное дѣло.

† Записка о дѣлѣ Тверитинова.

у кого-нибудь быть, то онъ украдкою, усмотря время, перелорачивалъ икону головою внизъ. Однажды, бывши въ подмосковной деревнѣ у Ершова, Михайло Андреевъ присутствовалъ при разстановкѣ иконъ. Видя что Ершовъ ставитъ на гвоздяхъ образъ святаго Иоанна Златоустаго, онъ сказалъ съ усмѣшкою: „Для чего гвозди колотишь? поставь такъ къ стѣнѣ чтобъ о себѣ стоялъ безъ гвоздей, а на гвоздяхъ де и что-нибудь стоитъ“. Ершовъ возражалъ ему что и самъ Христосъ плотію на дрѣвѣ пригвожденъ былъ, а не прильнулъ. Михайло, разсмѣявшись, отворотился и пошелъ прочь: „дѣлайте де что хотите“. Косой вступалъ иногда и въ диспуты. Однажды онъ такимъ образомъ состязался съ дьякомъ Иваномъ Позняковымъ да со старымъ подъячимъ Максимомъ Даниловымъ. * „Исповѣдуешь ли Святую Троицу и святымъ иконамъ поклоняешься ли?“ спрашивалъ Максимъ Даниловъ. „Откуда ты извѣстіе имаши?“ требовалъ доказательствъ Михайло Андреевъ. „Сіе взяли отъ святаго Восточныя церкви“, вмѣшался Позняковъ. „Покажи,“ настаивалъ Михайло. Не умѣя представить доказательствъ которыхъ требовалъ Косой, Позняковъ далъ диспуту другой оборотъ. „Развѣ ты не слыхалъ,—спрашивалъ онъ Михайлу,—что сказано въ недѣлю православія? Если кто не поклоняется образу Божію и Богоматери и святымъ угодникамъ его, того клянетъ: да будетъ анаѳема!“ Но Михайло требовалъ подтвержденія и этому установленію церкви: „Аще сіе достоверно, да показано будетъ“. Косому ставили въ вину что онъ интересовался подобными вопросами, мудрствовалъ и рассуждалъ о догматахъ вѣры, не будучи образованнымъ человѣкомъ. Ершовъ „въ азбукѣ предложилъ ему просодію.“ „И онъ, Косой, не точію просодію разумно знаетъ, но и зальятую точкою назвалъ, а больши ничто“. Ершовъ „зѣло прилежно, со слезами“ сталъ журить Косаго, „что не знаячи и азбуки, а оставя корабль церковный, въ такое бездонное и безконечное вступилъ море, отонуду же какъ съ таковымъ своимъ дурацкимъ разумомъ, идѣже многіе потонули и не съ такимъ разумомъ, елико въ немъ есть.“ ** Неизвѣстно сталъ ли Косой учиться просодію для того чтобъ

* Въ сабдственномъ дѣлѣ, л. 228 об., находится „Копія съ диспуты письменной Михайла Андреева сына Косова, которую онъ Михайла самъ и началъ писать, съ дьякомъ Иваномъ Позняковымъ да съ старымъ подъячимъ Максимомъ Даниловымъ“.

** Сабдственное дѣло.

„истинно знать догматы церковные и истинно испытать, какъ наша вѣра истинная;“ но на Москвѣ было въ его время много людей которые томилась тѣмъ же желаніемъ „истинно испытать,“ которые также не знали „просодіи“ и которыхъ волеи новаго движенія отбивали отъ церковнаго корабля, унося въ безконечное и бездонное море. Въ числѣ людей „мудрствовавшихъ“ подобно Косому, встрѣчаемъ саложника Михайла Чепару, часоваго мастера Якова Иванова, Андрея Александрова изъ овощнаго ряда, цирюльника Отому Иванова и Никиту Мартинова изъ Котельной слободы. И они, подобно школьнику Максиму, „вездѣ острыми укоризнами и мѣткими рѣченіями укоряли не токмо православные догматы, но и на таинство брехали“.

II.

Новыя стремленія и мудрствованія, къ тому же окрашенныя протестантскимъ оттѣнкомъ, не могли не вызвать горячій, рѣшительной оппозиціи со стороны того кому, волею Петра, поручено было блюсти уже обреченное на упраздненіе мѣсто патріарха. Своими задушевными симпатіями, всѣмъ складомъ своихъ воззрѣній Стефанъ Яворскій принадлежалъ отходящей старинѣ. Воспитанный въ польскихъ школахъ іезуитами, Яворскій рано обнаружилъ ненависть къ лютеранству. Въ первой изъ своихъ напечатанныхъ проповѣдей, *Виноградъ Христовъ* (въ январѣ 1698 года), ** онъ далъ мѣсто ожесточеннымъ ругательствамъ на Лютера, „треокалннаго еретика, червя наполненнаго адскимъ ядомъ, скареднаго и богомерзкаго соблазвателя, правдоненавистнаго еретика, глухаго аспіда“. Въ эпоху перехода отъ патріаршества къ синодальному управленію, поставленный на первенствующее мѣсто въ русской духовной іерархіи, Стефанъ не вошелъ въ виды Преобразователя и не оказалъ поддержки начинаніямъ своего царственнаго покрови-

* Собственное выраженіе Косаго предъ диспутомъ съ Позняковымъ.

** Мы пользовались рукописнымъ сборникомъ проповѣдей Яворскаго принадлежащимъ о. архимандриту Никодиму, которому и приносимъ благодарность за сообщеніе намъ этого манускрипта. Самъ Яворскій называетъ *Виноградъ* первую изъ напечатанныхъ проповѣдей своихъ: прежнія казавъ, „которыя на рождныхъ мѣстахъ лучшася мѣти, талантомъ заледво могутъ ся назвати“, и потому не были напечатаны.

теля въ трудныя минуты кризиса, когда глухо волновалась народная масса ожиданіями пришествія антихриста, видя въ дѣяніяхъ царя выраженіе его нечистаго духа. Мало того: Яворскій самъ склонялся къ тому же взгляду на совершавшійся въ Россіи переворотъ, и не одною мыслию, но словомъ и дѣломъ былъ, насколько то можно было осторожному ученику іезуитовъ, съ друзьями старины, съ врагами Петра... „Столпы высокіе (говорилъ Стефанъ въ одной изъ своихъ проповѣдей) во градѣхъ и вертоградѣхъ сего ради поставляются, дабы отъ нихъ мощно познати и предувѣдати отдалече приходящіе непріатели или воры, хетящіе разграбити плоды. Сея ради вины и Господь небесный въ вертоградѣ своемъ церковномъ утверждаетъ столпы сей—вѣру, дабы отъ сего столпа удобнѣе мы познавать возмогли находящіе непріатели, плоды и имѣніе душевное хетящіе разграбити. Вѣра есть столпы оный Давидовъ, о которомъ воспоминають *Пѣсни пѣсней*;—тысяща щитовъ виситъ на немъ и вся стрѣлы сильныхъ; которая вѣра еще гдѣ тверда пребываетъ, премногія и неисчислимыя тысячи съ собою имать добродѣтелей, аки непреломленныхъ щитовъ“. * Гдѣ изнемогаетъ вѣра, тамъ все изнемогаетъ, продолжаетъ проповѣдникъ. Такимъ именно временемъ изнеможенія вѣры называлъ Яворскій эпоху петровской реформы. „Мнози скоро отъ своеса православныя вѣры каѳолическія подвижутся и прелагаются и *чуждыя* богомерзкія, еретическія, пространнымъ лутемъ во адъ ведущія вѣры похваляютъ; свою же, юже отъ отецъ и праотецъ воспріяша, назданную на основаніи Христовомъ, воспріятую отъ апостоловъ, ругаютъ, осмѣиваютъ и уничтожаютъ. Многимъ случается, яко, *едва чуждыя узрятъ земли*, отлучившися отъ своего отечества, и отъ вѣры удаляются.“ ** Стефанъ предостерегаетъ православныхъ отъ содружества съ иноземцами и иновѣрцами: „Не видишь ли, яко отъ недужнаго скоро недугъ воспріемлетъ здравый, цѣльбы же недужный отъ здраваго въ сожитіи никогда получить? И чтѣ тебѣ пользуетъ дружество по плоти съ тѣмъ иже есть врагъ твой по духу? Дружество есть вещь изрядная, но другъ долженъ уподобитися врачу: врачъ не любитъ больнаго, аще не возненавидитъ его болѣзни. Тѣмже и ты, аще хочещи поистинѣ любити друга, возненавидь его злонаравіе и зловѣріе“. Уча православныхъ

* *Проповѣди Стефана Яворскаго*, II, 13.

** Тамъ же, II, 23.

дружбѣ основанной на ненависти, Яворскій прибавлялъ: „дніе лукави суть; сего ради не бывайте несмысленни, но разумѣюще что есть воля Божія. Содружества съ таковыми и собесѣдства, а наипаче въ писаніяхъ неискуснымъ и въ вѣрѣ неутвержденнымъ всячески возбраняеть Павелъ святой.“ * Взглядъ Яворскаго на общеніе съ иностранцами не былъ слишкомъ далекъ отъ понятій старовѣровъ; мѣстоблюститель патріаршаго престола склонялся болѣе къ нимъ, чѣмъ къ Петру и его плетцамъ. Въ новшествахъ Петра старовѣрамъ видѣлись ясныя знаменія прішествія антихриста, и Стефанъ Яворскій, призванный разсвѣять невѣжественныя толкованія фанатиковъ старины, выразителемъ которыхъ явился Талицкій, не находитъ въ себѣ искренняго убѣжденія въ живости этихъ толкованій, и вмѣсто прямого и положительнаго обличенія враждебной Преобразователю смуты, печатаетъ переводъ выдержекъ изъ книги Омь Мальвенды *объ антихристѣ*. Доводы Яворскаго, изложенные въ его *Знаменіяхъ прішествія антихристова и кончины епака*, такъ мало были убѣдительны для „домашнихъ враговъ“ Петра что капитанъ Левинъ, возобновившій мнѣнія Талицкаго и всенародно провозгласившій въ Пензѣ прішествіе антихриста, показалъ на сулъ что „проповѣдуя прішествіе антихристова, приведенъ былъ въ соблазнъ тою книгой Яворскаго“ и утверждалъ свое мнѣніе на ней. Говорятъ что „самъ Яворскій, погрѣшеніе свое видя, простотою и незнаниемъ извинился и просилъ прощенія, которое милостію его императорскаго величества ему отпущено.“ ** Безсильнымъ оказался Яворскій и при увѣщаніи Талицкаго, который открыто называлъ Петра антихристомъ и котораго царевичъ Алексѣй Петровичъ почиталъ человекомъ великаго ума. „Что до обличенія Талицкаго надлежитъ разказываетъ авторъ *Молотка*, — о томъ могутъ присутствующіе тому еще свидѣтельствовать что на преніи Яворскому Талицкій ни мало не уступалъ, но ругательно пророкомъ Вааловымъ и прочее называлъ, донелъ же, по прошенію всѣхъ собравшихъ, а паче слыша Яворскаго невозможнаго, кришелъ его императорское величество кратко явными Христовыми словами побѣдилъ и въ раскаяніе привелъ, о чемъ точно при казни оного еретика во объявленіи, потомъ поученіемъ Яворскаго на день Петра и Павла точно показано было.

* *Камень въри.*

** *Молотокъ на Камень въри.*

Не можетъ же кто сказать чтобъ то по привужденію отъ него: ибо оное сказывалъ въ небытность его, въ Польшѣ 1708 году, о чемъ, можетъ, оный монархъ и потомъ не вѣдалъ, въ толикихъ трудахъ и подвизѣхъ пребываа⁴.

Едва ли можно приписать случайности что Яворскій, столь настойчивый и, какъ увидимъ, до опрометчивости неугомонный въ преслѣдованіи людей враждебнаго ему направленія, оказывался вялымъ и безсильнымъ, исполняя навязанную ему обязанность обличать темныхъ людей, видѣвшихъ въ Петрѣ антихриста. Толки о кончинѣ міра, о появленіи антихриста родились въ невѣжественной средѣ приверженцевъ старины съ первыми попытками Московскихъ государей распространить въ Россіи иноземное просвѣщеніе, они росли и крѣпли съ каждымъ ударомъ который наносился Петромъ Великимъ старинѣ. Преобразованія въ церковномъ управленіи, сиротство, а потомъ и упраздненіе патріаршаго престола, всѣ новыя законоположенія, коими Петръ, по выраженію современныхъ ему старовѣровъ, „восхищалъ на себя царскую, святительскую и Божію власть, дѣлался самовластнымъ пастыремъ, единою безглавною главой надо всѣми“, *—все это укрѣпляло въ извѣстной средѣ мысль что Петръ — противникъ Христовъ, антихристъ. Яворскій, ближе всѣхъ стоявшій къ великому и священному въ глазахъ народа сану патріарха, въ честолюбивыхъ мечтахъ своихъ могъ лелѣять мысль о возстановленіи патріаршества въ прежней силѣ; эта надежда не покидала многихъ русскихъ іерарховъ и много лѣтъ спустя послѣ смерти Петра, Стефанъ, говорятъ, „крайнимъ прилежаніемъ трудился, како бы возмогъ чинъ и власть патріарха получить, для котораго дары многимъ роздалъ великіе, а инымъ обѣщалъ“. ** Учрежденію синода Яворскій „весьма противился и черезъ долгое время подписать (Духовный Регламентъ) отрицался, отговариваясь немощью, иногда же яко бы неяснымъ въ некоторыхъ пунктахъ истолкованіемъ; но наконецъ, побѣжденъ отъ его величества, которому противиться не смѣя, съ великою горестію подписался, жалѣя что такъ долго ожидаемаго патріаршества лишился.*** Между тѣмъ каждое нововведеніе Петра въ сферѣ церковнаго управленія, разочаровывало властолюбивыя надежды

* Чистовича, *Феофанъ Прокоповичъ и его время*, стр. 59.

** *Молотокъ на Камень тры*.

*** *Молотокъ на Камень тры*.

мѣстоблюстителя патріаршаго престола; его власть суживалась постепенно, прерогативы патріарха одна за другою ускользала изъ рукъ его: царь „восхищалъ власть патріаршескую и Божескую“. При самомъ назначеніи Стефана мѣстоблюстителемъ, уничтоженъ патріаршій приказъ; 31го января 1701 года учрежденъ монастырскій приказъ и управление имъ поручено графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, въ его же завѣдываніе поступили патріаршій и архіерейскій домъ, монастырскія дѣла и имѣнія. Въ 1709 году, Петръ, можетъ-быть вслѣдствіе жалобъ Яворскаго, писалъ Ромодановскому: „Архіерея рязанскаго, также брата; и прочихъ дому ево служителей, прикажи вѣдать всякими дѣлами въ одномъ монастырскомъ приказѣ, а въ другіе ни въ которые волочить не веди, и въ нашихъ приказахъ, кромѣ только государственныхъ дѣлъ, ихъ не вѣдать.“ * Мѣстоблюститель увидалъ себя подъ вѣдываніемъ бывшаго астраханскаго воеводы; онъ не стерпѣлъ этого униженія, и въ Чудовѣ монастырѣ, на новый 1710 годъ, сказалъ проповѣдь прямо направленную на Мусина-Пушкина. Произыося это лоученіе, Яворскій, говорятъ, „отъ ярости забывалъ свой санъ и мѣсто гдѣ стоялъ“. ** Намеки конечно были ловяты; ждали недобрыхъ послѣдствій для Стефана, который своею проповѣдью косвенно задѣвалъ новое распоряженіе царя. Друзья старины встреленулись. Царевичъ Алексѣй Петровичъ, любезный Яворскому и его приверженцамъ, писалъ своему духовнику изъ Дрездена: „Прошу изволь то казанье, буде напечатано, что рязанскій въ Новый годъ сказывалъ, прислать.“ Въ другомъ письмѣ царевичъ проситъ своего духовника: „Также о Рязанскомъ лиши что о немъ будетъ дѣлаться.“*** Гроза, впрочемъ, прошла на этотъ разъ мимо Стефана; но въ Духовный Регламентъ занесено было послѣдствіемъ запрещеніе носить кого-либо персонально въ проповѣдяхъ. Это запрещеніе вызвано было лоученіемъ Яворскаго. **** Духовный Регламентъ осудилъ личныя намеки въ проповѣдяхъ въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ: „Обычай нѣкіимъ проповѣдникамъ есть, аще кто его въ чемъ прогнаѣ

* *Дѣянія Петра Великаго*, XII, 69.

** *Молотокъ на Камень огнь*.

*** *Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей российскіихъ*, 1861, кн. III, отд. II, стр. 41 и 42.

**** *Молотокъ на Камень огнь*.

вить, на проповѣди своей мститъ оному, хотя не именно терзая славу его, обаче такъ говоря что можно слышателемъ знать о комъ рѣчь есть: и таковыя проповѣдники самыя бездѣльники суть. "Проловѣдь Яворскаго, не разъ становившаяся выраженіемъ личныхъ отношеній его, тѣмъ сильнѣе дѣйствовала на слушателей что проповѣдникъ усвоилъ себѣ особенную манеру произносить поученія. Сочинитель *Молотка на Камень съры*, крайне нерасположенный къ Яворскому, говоритъ о его проповѣдническомъ талантѣ слѣдующее: „Что вѣтійства касается, правда что имѣлъ удивительный даръ, и едва подобные ему во учителяхъ российскихъ обрѣстися могли: ибо мнѣ довольно случися видѣть въ церкви, что онъ могъ во ученіи слышателей привести—*плакать или смѣяться*, которому *движеніе его тѣла и рукъ*, помаваніе очей и лица превѣненіе весьма помоществовало, которое ему природа дала. Онъ, когда хотѣлъ, то часто отъ ярости забывалъ свой санъ и мѣсто гдѣ стоялъ.“ Духовный Регламентъ несомнѣнно имѣлъ въ виду Яворскаго, осуждая такими словами театральную и изысканную декламацию проповѣдей: „Не надобно проповѣднику *шататься вельми*, будто въ суднѣ весломъ гребеть. Не надобно *руками спляскивать*, въ бока улиратися, подскакивать, *смѣяться*, да не надобѣ и *рыдать*; но, хотя бы и возмугилася духъ, надобѣ, елико мощно, увимать слезы: вся бо сія лишняя и неблагообразна суть и *слышателей возмущаютъ*.“

Между проповѣдями Яворскаго найдется довольно похвальныхъ словъ Петру; но они представляютъ лишь официальный панегирикъ царю, а не искреннюю похвалу преобразователю. Напротивъ, многія поученія Стефана ни своимъ тономъ, ни своимъ направленіемъ не соответствовали видамъ Петра и „за многіе въ нихъ соблазны“ были запрещаемы.*

Упольскихъ іезуитовъ Яворскій перенялъ способъ маскировать оппозиціонный духъ проповѣдей; онъ часто употреблялъ въ своихъ поученіяхъ „вымышленные примѣры,“ говорилъ притчами.

* Свидѣтельство *Молотка на Камень съры*. Мусинъ-Пушкинъ писалъ Поликарпову, 9го мая 1715 года: „Книги которыя ты взялъ у рязанскаго Стефана митрополита нынѣ не печатай, дожде исправитъ, когда будетъ на Москвѣ; а какъ исправить, о томъ ко мнѣ отпиши.“ *Собрание писемъ къ Поликарпову*, въ Типографской библіотекѣ, № 1.349, л. 251. Не о проповѣдяхъ ли Яворскаго идетъ здѣсь рѣчь?

Такъ, въ *Словѣ въ недѣлю вторую по Свѣтомъ Духъ*, Стефанъ проводитъ такую параллель: „Второе подобіе людей съ рыбами: рыба рыбу съѣдаетъ. И еще бы много рода, напри-
хлѣръ, еще бы щука лля, либо карася, либо окуня ѣла, то бы еще не дивно, а то своего рода: щука щуку, бѣлая мѣн-
шую, съѣдаетъ, пожираетъ. Велие воистину суровство, кото-
рое и между звѣрями земными не бываетъ!... Но мы рыбамъ не дивимся: ти бо суть безсловесни; то лаче, что у насъ, лю-
дей разумныхъ, тоежь дѣлается. О коль многія нынѣ обрѣ-
таются острозубыя щуки, которыя мѣньшихъ щучекъ бѣд-
ныхъ съѣдаютъ, пожираютъ! Чтѣ вы творите, безмилосердые
человѣки? Смотрите кого съѣдаете; зрите на кого гортань
отверзаете! Се есть родъ вашъ! Единаго есте рода и ничимъ
же разяствуете, только тѣмъ что ты—большая щука, а той—
мѣньшая; ты — щука сильнѣйшая, а той — щука бѣдная, без-
сильна. Но даромъ рыба рыбу съѣдаетъ, щука щуку безъ ми-
лосердія пожираетъ, съѣдающіи люди вмѣсто хлѣба! Посто-
итежь только, острозубыя щуки! Не имате вы милосердія надъ
мѣньшими щуками, не будетъ и надъ вами милосердія, егда
вашъ съ ножемъ своимъ изощреннымъ смерть заглянетъ въ
очи: *нѣтъ милости не сотворимъ милости!* И сія то есть
вина, слышательіе, что всякъ человѣкъ, егда видитъ рыбу уби-
ваему, рѣжему и на части раздробляему, не имѣетъ никогда
сожалѣнія надъ убіеніемъ ея, рѣзаніемъ и заколеніемъ. Надъ
иными животными, егда ихъ убиваютъ, или рѣжутъ, обычно
есть человѣку имѣти нѣкое сожалѣніе. Рѣзникъ, егда быка,
корову, тѣля убиваетъ, имѣетъ нѣкое сожалѣніе, либо онъ,
либо людіе на то смотрящіи, поварь—куруцу, либо гуся рѣ-
жетъ, и ту бываетъ нѣкое смотрящихъ сожалѣніе; хортъ зай-
ца утонить, начнетъ терзати, и тужъ найдется такіи чтѣ надъ
бѣднымъ зайцемъ имѣетъ сожалѣніе. А надъ рыбами отнюдь
сожалѣнія не бываетъ: начнетъ поварь рѣзати рыбу, распла-
стывать, на части раздѣлять, въ округъ вѣющій, на сквradу,
на роженъ влагати; а кто надъ рыбою имѣетъ сожалѣніе?
Никтоже! Для чего жъ надъ звѣрями земными убиваемыми
есть сожалѣніе, а надъ рыбами нѣтъ? Для того: ибо звѣріе
звѣрій своего рода не съѣдаютъ, имѣютъ надъ ними пощаде-
ніе; еще и могутъ большій мѣньшего съѣсти, не съѣдаютъ, но
имѣетъ надъ нимъ сожалѣніе. Для того такожде и отъ людей
при своихъ бѣдствахъ имѣютъ сожалѣніе звѣріе земныя, а
рыбы надъ рыбами своего рода никакова не имѣютъ сожалѣ-

ня и пощаденія. *Нѣтъ милости не сотворишю милости!* О рыбы словесныя, которыя смѣдаете меньшія рыбы! вѣстели что васъ ожидаетъ? * Стефанъ ведетъ свое сравненіе людей съ рыбами далѣе: „Отъ головы начинается рыба смердѣть, отъ начальниковъ множищею въ собраніяхъ бѣдство. А кто виновенъ бѣдству оной прекрасной Сусанны? Главы, старѣйшины, судіи израильскіи. А кто виноватъ распятію Христову неловинному? Главы, архіереи, книжники, фарисеи и весь сплкнуть іудейскій. Кратко рекше: отъ главы — рыбы, отъ начальниковъ — многажды собранія раставляются, согвиваются, погибаютъ.“ ** Въ подобныя образы Яворскій облакалъ то чего не смѣлъ высказать ясно и опредѣленно, что не рѣшался назвать собственнымъ именемъ. Въ устахъ воспитанника іезуитовъ и слѣдующій примѣръ одной проповѣди Яворскаго могъ имѣть особенное примѣненіе къ извѣстнымъ личностямъ. Слово (говоритъ Стефанъ), когда приходитъ къ водѣ лить, возмущаетъ ее чтобы не видать своей мерзости. То же дѣлаетъ и верблюдъ. Также поступаютъ и тѣ которые облачаемы бываютъ проповѣдію: „возмущаютъ ю, да не увидятъ себе и своя прегрѣшенія, да мерзостей и дѣлъ своихъ незаконныхъ не увидятъ. Баше сицевъ верблюдъ Иродъ четверовластникъ, иже, егда слыша Іоанна Крестителя иныхъ облачающа о сицевыхъ вещахъ которыя до его не касакуса, въ сладость послушаше его. Когда глаголетъ Іоаннь: пресвѣтлѣйшій государь! въ томъ дому сходятся пьяницы, картежники, блудники, убійства, татѣбы, клеветы творящія: слушаетъ его въ сладость Иродъ, абіе посылаетъ слуги, разгоняетъ безчинниковъ, разсыпаетъ, казнить. Глаголетъ Іоаннь: тамо на прельщеніе многимъ творятся соблазны, тамо млади безчинствуютъ, тамо безвременные крики и воли. На сіе Иродъ: разрушу совѣты ихъ, вскорѣ соборище ихъ искореню, заключу въ темницахъ. Глаголетъ Іоаннь: невинніи страждутъ, въ узахъ и оковахъ напрасно заключены; многихъ бьютъ напрасно на правѣхъ; мнози обидими отъ сильнѣйшихъ. Глаголетъ

* Рукописный сборникъ проповѣдей Стефана Яворскаго въ Московской Типографской библіотекѣ, № 1599, л. 45. Въ печатномъ изданіи, которое набиралось съ этой рукописи, приводимое мѣсто значительно сокращено и передѣлано; а другія проповѣди Яворскаго въ печати мѣстами смягчены.

** Ср. *Проповѣди Стефана Яворскаго*. (М. 1804), часть I, стр. 208.

Иродъ: осужду, испущу, свободу ихъ. Коснулся послѣ Іоаннъ и самаго безобразія Иродова, осыза раны его, откры гробъ его мерзостявѣннѣйшій: ваше величество! ты и самъ еси отъ другихъ злѣйшій; понеже ты подданнымъ своимъ злѣйшій образъ подаешь, отъ тебя мнози соблазняются. Почто ты удержи- ваешь жену братнюю? Не подобаетъ тебѣ держати жену брата твоего. Здѣ Иродъ тотчасъ говоритъ Іоанну: молчи! въ темницу его! За дерзость казнь да прииметъ! Мѣшаетъ чистую воду проповѣди, кто не слушаетъ слово Божіе въ терпѣн- ніи.“ * Духовный Регламентъ не оставилъ безъ вниманія и этой стороны проповѣдей Яворскаго: онъ требуетъ чтобы проповѣдникъ прилежно читалъ книги Святаго Іоанна Златоустаго, „а казнодѣшниковъ легкомысленныхъ, каковы наилаче польскіе бывають, не чель бы.“ Подъ покровомъ подобныхъ притчей проповѣдникъ могъ бросать съ церковной кафедры укору и насмѣшки своимъ недругамъ и оставлять себѣ выходъ къ оправданію; потому „въ уставѣ духовномъ, — свидѣтельствуетъ авторъ *Молотка*, — накрѣпко его величество запрета- тель, дабы (проповѣдникъ) *сказокъ и приипровъ вымышленныхъ* въ поученіяхъ не употреблялъ и персонально поносить никого не дерзалъ.“

Въ 1711 году, нанесенъ былъ новый ударъ власти мѣстоблюстителя патриаршаго престола. 5го марта, Петръ далъ ново- учрежденному сенату указъ, въ коемъ между прочимъ повелѣ- валось „выбрать оберъ-фискала, человѣка умнаго и добраго.“ Онъ долженъ былъ „надъ всѣми дѣлами тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, такожъ въ сборѣ казны и прочаго, и кто неправду учинить, то долженъ фискалъ по- звать предъ сенатъ (*какой высокой степени ни есть*) и тамо его уличать. И буде уличить кого, то половина штрафа въ казну, а другая ему, фискалу; *буде же и не уличить, отнюдь фискалу съ вина не ставитъ*, ниже досадовать, подъ жесто- кимъ наказаніемъ и разореніемъ всего имѣнія; такожъ надле- житъ ему имѣть нѣсколько подъ собою провинціаль-фиска- ловъ, у каждаго дѣла по одному, которые еще подъ собою нѣсколько нижнихъ имѣють, которые во всемъ имѣють та- кую же силу какъ и оберъ-фискалъ“ и т. д. ** Въ августъ то- го же года, оберъ-фискалу предписано было смотрѣть надъ судьями въ патриаршемъ и архіерейскихъ приказахъ. *** Многие

* *Проповѣди Стефана Яворскаго*, часть II, стр. 138—139.

** *Дѣянія Петра Великаго*, XII, 284.

*** Тамъ же IV, 54.

епископы встрѣтили это нововведеніе ролотомъ, видя въ немъ посягательство на независимость церковнаго суда, на *Кормчю*, на соборныя постановленія. Одинъ изъ горячихъ приверженцевъ Яворскаго, человекъ одного съ нимъ духа, новгородокій митрополитъ Іовъ, писалъ Римскому-Корсакову въ 1713 году: „Фискаломъ, аще и домогаются они, лишуще объ отказѣ на мя, чтобъ имъ надсматривать въ нашихъ приказѣхъ, обаче имъ не надлежитъ у меня быти и надсматривати; понеже азъ самъ отъ Бога посланный на престолъ святѣйшія сея во управленіе епархіи архипастыръ есмь, и судія, и рѣшитель по законамъ Божиимъ, царскимъ же и правильнымъ.... И будетъ имъ, таковымъ неукамъ и весьма неприказнымъ и глухимъ людямъ, пребывать при мнѣ, и мѣсто имъ дать надсматривать, то уже мнѣ, и приказнымъ нашимъ что дѣлать будетъ? Развѣ и церковь отдать имъ, фискаламъ, подъ надзирательство? Фискаломъ у дѣлъ нашихъ духовныхъ непристоитъ быти. Отъ вѣка сего не слыхано, ниже повѣдаша намъ отцы наши, что надъ церковію и надъ штрафы на насъ приказными управленьми нашими фискальствовать и неправедныя имъ штрафы на насъ чрезъ законы взимать.“ Въ заключеніи письма, Іовъ напоминаетъ что, напротивъ, по законамъ царскимъ, какъ греческимъ, такъ и русскімъ, повелѣно повсюду при воеводахъ быти епископскимъ тиунамъ: Іовъ ссылается на историковъ Константина Великаго, на церковный уставъ Владиміра Святаго, на законоположенія царя Іоанна Васильевича всея Руси.... * Яворскій пошелъ дальше Іова. На второй недѣлѣ Великаго поста, въ 1712 году, онъ произнесъ въ Успенскомъ соборѣ проповѣдь, въ которой всенародно высказалъ то что шевелилось на языкѣ многихъ епископовъ того времени. Коснувшись указа о фискалахъ, Яворскій *кричалъ народу*: ** „Законы человѣческіе о коликое имуть разстояніе отъ закона Божія! Законъ Господень непороченъ, а законы человѣческіе бывають порочны! А какой ми то законъ надпримѣръ: поставити назирателя надъ судами и дати ему волю, кого хочеть обличити, да обличить; кого хочеть обезчестити, да обезчестить; поклепъ сложить на ближняго судію—вольно то ему; а хотя того не доведеть о чемъ на ближняго своего клевететь, то за вину не ставить, о томъ ему и слова не гово-

* *Странникъ*, 1861, томъ I, 112.

** Собственное выраженіе Яворскаго объ этой проповѣди, въ письмѣ къ Петру.

рять: вольно то ему. Не тако подобаетъ симъ быти: искалъ оны мойя главы, поклесть на меня сложилъ, а не довелъ: пусть положить свою главу; сѣтъ мнѣ скрылъ, пусть самъ ввяззеть въ узкую; ровъ мнѣ ископалъ, пусть самъ владеть въ оны, сымъ погибельный, чужею бо мѣрою мѣрите. А то какова слова ему ни говорити, залипаеть за безчестіе. А какой же законъ лорочень или непорочень, разсуждайте сами: я о законѣ Господнѣ глаголю⁴. * Проловѣдникъ говорилъ о казняхъ Божиихъ, которыя постигаютъ разорителей закона Божія, преступниковъ Божиихъ заповѣдей. Слушатели не могли не понять кого касалось это старовѣрческое обвиненіе, послѣ того какъ Яворскій прямо сказалъ: „Того ради не удивляйтесь что *многомятежная* Россія наша досель въ кровныхъ буряхъ волнуется; не удивляйтесь что по толикихъ смятеніяхъ досель не имамы превожделѣннаго мира. Миръ есть сокровище веоцѣненное; но ти только симъ сокровищемъ богатятся которые любятъ Господень законъ; а кто законъ Божій разоряетъ, отъ того миръ далече отстоитъ.“ Въ заключеніе своего слова, Яворскій склонялъ симпатіи слушателей къ царевичу Алексію Петровичу, находившемуся тогда за границей. Называя его „единою нашею надеждою“, проповѣдникъ противопоставлялъ царевича „особеннаго заповѣдей Божіихъ хранителя, истиннаго раба Христова“ **, тѣмъ „разорителямъ закона Божія и преступникамъ Божиихъ заповѣдей“ въ которыхъ не могъ не узнать себя Петръ и дѣятельные пособники его реформы. Царя не было въ Москвѣ когда сказана была эта тенденціозная проповѣдь, въ которой такъ живо сказалось сочувствіе мѣстоблюстителю къ старинѣ и къ тому въ комъ многіе ждали увидать нѣкогда ея возстановителя. Недовольные казаньемъ Яворскаго сенаторы переслали слово его царю. Князь Яковъ Федоровичъ Долгорукій и другіе говорили что „не слѣдовало ему, архіерею, о царевичѣ государѣ жалости публично произносить и фискаловъ поносить, которые учинены по волѣ государевой, отчего де можетъ въ народныхъ сердцахъ родитися мятежь.“ *** Самъ царевичъ испугался слишкомъ от-

* Устряловъ, *Исторія царствованія Петра Великаго*, VI, 31.

** Тамъ же, стр. 30—32.

*** *Записка о дѣлѣ Тевритинова*, весьма пристрастная къ Стефану, оправдывая Яворскаго, излагаетъ и содержаніе проповѣди, и ходъ дѣла о ней невѣрно. „Оный преосвященный митрополитъ отправлялъ въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, на день Алексѣя Человѣка

кровенной агитезы которую поторопилася высказать Яворскій. Узнавъ о проповѣди Яворскаго въ Помераніи, царевичъ, въ іюль того же года, писалъ своему духовнику: „Понеже рязанскій у рождаго мя за нѣкакія казанія естъ въ ненавидѣннѣи великомъ, и того ради мнѣ писать къ нему опасно, а говорятъ что ему быть отлучену отъ сего управленія, въ немъ же естъ, и того ради самъ легчал сіе чрезъ кого-нибудь дѣлатъ; а я совѣтую чтобъ вамъ съ симъ человекомъ съ опасностію обходиться не въ короткѣ, чтобъ не причинилъ какой вредъ.“ Яворскій былъ „знакомѣ“ другихъ архіереевъ съ царевичемъ; Алексѣй Петровичъ хвалилъ его за проповѣдь о разорителяхъ закона Божія, но послѣ нея „корреспонденцію съ нимъ пресѣкъ и къ нему не ѣздилъ и къ себѣ не пускалъ его, чтобъ не подать тѣмъ подозрѣнія.“* Царь прочелъ проповѣдь Яворскаго и „улучивъ архіерея, спрашивалъ: для чего онъ тако въ проповѣди произносилъ чего не надлежало? И архіерей, якоже возмогъ, тако извинялся; а потомъ уже съ великою клятвою доносилъ что говорено было безо всякія хитрости и безъ наклоненія возбужденія, но просто.“** Яворскаго пригласили въ сенатъ, гдѣ со стороны духовенства присутствовалъ одинъ только александроневскій архимандритъ Θεодосій; „лоборая по правдѣ“, онъ не привалъ стороны Стефана, и этого Яворскій никогда не могъ простить ему.*** Въ письмѣ къ царю, свидѣтельствуясь Богомъ,

Божія проповѣдь. А въ этой проповѣди между другими поучительными словесы похвалялъ его царское величество (!) и сына государева, государя царевича Алексія Петровича, въ день тезоименитства его, ему же, государю царевичу, бывшу тогда въ европейскихъ краяхъ; и, похваляя его, жалость объ немъ имѣлъ, яко онъ удачился отъ своего отечества, по волѣ отца его и государя, ради полезныхъ наукъ. Да въ той же проповѣди произносилъ правоучительно, дабы самшатели пребывали благоговѣйно, праведно, безобидно и не ябеднически, яко же нѣкіи ябедники препростыхъ и смиренныхъ сердцемъ приказными дѣлами обижаютъ или разоряютъ напрасно, или якоже и фискалы многожды доносятъ, не усмотрѣвши подачно и неправедно и тѣмъ разоряютъ и невинныхъ; тако учаше, яко надлежитъ проповѣдникамъ слова Божія.... Сенаторы по времени донесли его царскому величеству, а можетъ-быть, и съ прибавленіемъ*

* Объявленіе розыскаго дѣла и суда на царевича Алексія Петровича. Слб. 1718.

** Записка о дѣлѣ Тверитинова.

*** Θεодосій впоследствии писалъ Петру Великому что „разак-

что онъ и въ ломашаекии не имѣлъ „дерзновеніемъ касаться царской чести и возмущать народъ на бунтъ и мятежъ“, Яворскій поддерживалъ свое убѣжденіе о незаконности фискаловъ въ духовныхъ судахъ. „Ставятъ мнѣ (писалъ онъ) за вину то что я говорилъ о фискалахъ, *которымъ дали власть надо мною* и надъ приказомъ духовнымъ съ таковою вольностію что мощно фискалу, кого хоцетъ, обезчестити и обличити, и хотя того фискаль не доведетъ о чесомъ на ближняго своего казещетъ, то ему то за вину не вмѣнати и слово ему за то не говорити. О семъ я говорилъ что не подобаетъ симъ тако быти и въ архіерейскихъ судахъ фискалу быти не обычно и не пристойно.“*

Сенаторы, говорятъ, запретили Яворскому говорить проповѣди; ** запрещеніе это, конечно, не имѣло особеннаго значенія для Стефана; *** но Петръ, не положивши гнѣва на него „политично“, **** окончателно охладѣлъ къ мѣстоблюстителю патріаршаго престола; быть-можетъ, онъ уже убѣдился (какъ увѣряетъ авторъ *Молотка*) что „во ономъ мѣшкѣ не зяць, но лисица имѣлась.“ Таковы были отношенія Яворскаго къ царю, когда рязанскій митрополитъ поднималъ дѣло о московскихъ „еретикахъ.“ Это было въ 1713 году.

Двѣнадцать лѣтъ спокойно прожилъ Тверитиновъ въ Москвѣ; его мнѣнія давно извѣстны были правительственнымъ и мнѣтельнымъ духовнымъ лицамъ въ Москвѣ, не исключая и самого начальника монастырскаго приказа. Въ 1710 году, шуринъ Тверитинова, монахъ Пафнутіи, оставилъ свой монастырь и прибылъ въ Москву. Цѣлый годъ твердилъ Пафнутіи на Москвѣ что зять его Димитрій еретикъ, а Тверитинова не трогали. Лишь въ 1711 году, † купецъ Иванъ Короткой

скій архіерей гнѣвается на него (Феодосія) за конференцію о плученіи, на которой изъ духовныхъ былъ только онъ, гдѣ и приразился Стефану.* Соловьева, *Исторія Россіи*, XVI, 365.

* Чистовичъ, *Феофанъ Прокоповичъ и его время*, стр. 62.

** „Господа сенаторы... мнѣ отсѣлъ запретили казанья говорить“, пишетъ Яворскій царю, 21го марта, черезъ три дня послѣ произнесенія проповѣди о фискалахъ. Устряловъ, *Исторія царствованія Петра Великаго*, VI, 30.

*** „Оттодѣ умолчашъ и впредь молчати готовъ есмь“, пишетъ Яворскій Петру, въ 1715 году. *Рукопись Рязанской семинаріи*, N 83, л. 1040.

**** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

† Показаніе Магницкаго въ слѣдственномъ дѣлѣ.

привелъ Пафнуція къ извѣстному составителю ариѳметики— Леонтію Магницкому: „оба сказали ему про него, еретика Димитрія“; мало того: „*многажды* показали Димитрія въ слово-преніяхъ Магницкому“; * послѣдній донесъ на Тверитинова вице-губернатору Василию Ершову. Этотъ, въ свою очередь, пригласилъ Тверитинова къ себѣ, какъ будто для пользованія отъ болѣзни, слышалъ отъ него *всякіе противные разговоры*; однако Димитрія „не раздражалъ, но началъ его къ себѣ *приближати пріятствомъ*, дабы, его освидѣтельствовавъ, показать кому надлежитъ.“ Михайло Андреевъ Косой „давно былъ *схожъ* къ вице-губернатору Ершову по фискальскимъ дѣламъ“, бывалъ у него въ деревнѣ; Магницкій зналъ его еще съ 1704 года, зналъ ** что онъ „зѣло дерзновенно противится православнымъ“. Ершовъ часто журилъ Косого за его мнѣнія; „часто пилъ съ Михайлою Андреевымъ разговоры о догматахъ;“ Михайло иногда колебался въ мнѣніяхъ, но Тверитиновъ „утверждалъ“ его и Михайло „являлся горшимъ хульникомъ“. Все это давно извѣстно было Ершову и Магницкому; они восемь лѣтъ не поднимали объ этомъ дѣла и только въ концѣ роковаго для Яворскаго 1712 года, когда открытое нападеніе на фискаловъ обрушилось на голову самого обвинителя, убѣдились что *фискалъ* Михайло Косой еретикъ, стали совѣщаться какъ бы такому злу возбранить, и присовѣтовали учинить тому Магницкому у себя обѣдъ и созвать нѣкоторыхъ, особенно таковыхъ *которые бы могли въ разговорахъ силу знать*, и Ершову съ собою привести Димитрія для разговору *при тѣхъ званыхъ* ***.

Предложенный обѣдъ состоялся 26го января 1713 года „Званые“ собрались; привезены были Тверитиновъ и Михайло Андреевъ. „Званнымъ“ конечно извѣстно было что лѣкарь „чувствамъ своимъ внимая больше, нежели слову Господню, не вѣрилъ чтобы въ таинствѣ евхаристіи лодъ видомъ хлѣба и

* Записка о дѣлѣ Тверитинова.

** Самъ Магницкій показалъ, 26го сентября 1714 года: „Котораго Михайлу знаю въ прешедшее время, лѣтъ за десять, что онъ, Михайла, зѣло дерзновенно противится православнымъ.“ Почему же Магницкій *десять лѣтъ* молчалъ о заблужденіяхъ Михайлы Андреева Косого, и заговорилъ о нихъ только тогда когда Косой сдѣланъ былъ фискаломъ?

*** Записка о дѣлѣ Тверитинова.

вина были плоть и кровь Христова.“ * И вотъ, стали разговаривать, сначала о святой евхаристіи, потомъ о животворящемъ крестѣ, о святыхъ иконахъ, о постахъ, о различіи брашенъ, о преданіяхъ, о мощахъ святыхъ, о призываніи п ходатайствѣ за насъ отшедшихъ святыхъ и о поминовеніи усопшихъ. Разговоры были „крѣпкіе“: спорили безъ умолку одиннадцать съ половиною часовъ. Тверитиновъ „нудился отъ всей своей силы“ и, когда уже не могъ продолжать споровъ, до того сталъ печалевъ что и „въ лицѣ зѣло испаль и почернѣлъ.“ Видя что Тверитиновъ олечалился, и замышляя умножить на него свидѣтелей, Ершовъ обратился къ Магницкому съ словами: „Надобно намъ Димитрія любить.—„За чтѣ его любить?“ спросилъ Магницкій. Ершовъ отвѣчалъ: „Отъ иныхъ ли онъ Димитрій сихъ противностей научился, или отъ себя изобрѣлъ; однакожь тѣми противностями возбудилъ толико разговоровъ, еликихъ а отъ роду своего не слыхалъ, отчего и всѣ мы пользу пріяли и научилися: того ради надобно его всѣмъ любить.“ Тогда Магницкій сталъ говорить: „Ежели его, Димитрія, за то любить что онъ трудить насъ и нудитъ писаніе собирать и памятовать противу его непріятельскихъ разговоровъ, то уже и непріятели нашего Шведа надобно любить что въ войнѣ съ нимъ уже четырнадцатый годъ наши солдаты пребываютъ и научилися съ нимъ воевать. Да чтѣ реку? И измѣнника Мазелу подобнѣ надобно любить, якоже Димитрія: понеже, аще бы не измѣнилъ, и непріятели, Шведскаго короля, на Украину не привель, то и викторію таковой, на весь свѣтъ славной, подъ Полтавою мы не получили бы.“ „Также,—сталъ говорить іеродіаковъ Пафнутій—намъ надобно любить и Иуду, хриstopредателя, понеже аще бы онъ Христа не предалъ Иудеямъ на распятіе,—и тѣмъ всему міру учинися спасеніе.“ „Подобно (продолжалъ купецъ Иванъ Короткой) надобно любить и діавола, понеже писаніе повѣствуетъ: *многажды и діаволъ спасенію вина бываетъ.*“ „Добрѣ,—заклучилъ Магницкій,—слетеса пятнадцатичный вѣведъ (сирѣчь изъ пяти вѣвниковъ): еретикъ, и непріятель Шведъ, и измѣнникъ Мазела проклятый, и Иуда предатель, и діаволъ, всему міру врагъ! Равнѣ съ ними и Димитрій да почтется!“ Тверитиновъ почернѣлъ, какъ земля, но не сказалъ ни слова; а „православные съ веселымъ сердцемъ и ослабленными устами начали Бога благодарить что во всѣхъ раз-

* *Розснечъ*, а. 73 об.

говорахъ верхъ получили, и *праведно* таковыми жестокими реченіями бесѣду заключили въ укоризну Димитрію, и, выливши: почитай влрвые, по двѣ чарки водки, а пива по стакану, разтѣхались въ самую полночь.“ *

Но „православные“ на самомъ дѣлѣ не были довольны результатами званого обѣда. Ершовъ и Магницкій пришли къ Стефану Яворскому, который былъ скрытою, но главною пружиной начатаго дѣла, и „докладывали ему на еретиковъ, и особенно на Димитрія, что онъ ереси учитель, упорно, и несклонно, и невѣжливо или нечестиво о всей святынѣ разглагольствуетъ“. Архіерей объявилъ что онъ *уже слышалъ объ немъ* и о другихъ его согласникахъ и о *школьникахъ*, ** а слышалъ онъ *словесный же извѣтъ отъ префекта и отъ прочихъ учителей*. „Но надобно,—прибавилъ Яворскій,—письменное отъ кого-либо извѣстіе принять, понеже по словесному извѣту таковыхъ дѣлъ дѣйствовать неприлично естъ.“ И „мало вѣчто разглагольствуя, Стефанъ съ сожалѣніемъ отпустилъ“ Магницкаго и Ершова. ***

Слуга мѣсяцъ послѣ этого разговора, Магницкій съ извѣтомъ на Тверитинова явился къ графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, который тогда изъ сенаторовъ одинъ былъ въ Москвѣ членъ сенатской канцеляріи. Этому начальнику монастырскаго приказа Магницкій донесъ что Тверитиновъ „не уможаетъ разсѣвать плевелы соблазна между неуксусными людьми“. Графъ велѣлъ доносителю привести лѣкаря на диспутъ съ нимъ. „Неудобно (отвѣчалъ Магницкій) тебѣ съ нимъ диспуты чинить, понеже онъ зѣло въ словѣ силенъ“. Слова эти попали въ цѣль. Мусивъ-Пушкинъ разсердился: „Какъ я съ нимъ, бѣздѣльникомъ и нешкольнымъ человѣкомъ не могу отъ Писанія диспуты отпривить? Чѣмъ онъ силенъ?“ Этого только и нужно было Магницкому. „Димитрій,—отвѣчалъ онъ,—имѣетъ изъ Библіи и изъ другихъ отеческихъ книгъ

* *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

** Нельзя не обратить вниманія на то что Стефанъ зналъ уже о *школьникахъ* (то-есть Максимовѣ), когда устраивали званый обѣдъ Тверитинову (въ январѣ). Лишь 21го апрѣля префектъ записалъ словесный свой извѣтъ письменнымъ донесеніемъ Яворскому о Максимовѣ. Въ этомъ промежуткѣ сдѣланы были новыя попытки *умножить* свидѣтелей на Тверитинова, и тетради послѣдняго сообщены Мусину-Пушкину.

*** *Записка о дѣлѣ Тверитинова.*

выписки противъ церкви святой, сентенцій съ пятьсотъ, и выучены всѣ на память: ими онъ твои реченія забросаетъ. А ваше сіятельство, аще и довольнаго ума, но къ такому диспуту не предъготовленъ.“ Мусинъ-Пушкинъ потребовалъ выписки Тверитинова изъ Библіи; Магницкій привезъ ихъ къ нему въ тотъ же день. Графъ не одинъ принялся за чтеніе выписокъ; онъ призвалъ къ себѣ судью печатнаго двора Федора Поликарлова. Это былъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ сторонниковъ Стефана Яворскаго. Косо смотрѣлъ онъ на обличеніе съ иностранцами. Въ предисловіи къ своему *Славяно-греко-латинскому букварю* Поликарловъ говорилъ: „Сего убо православныя вѣры столпа, апостольскою утверждена пролюбовдію и восточными украшенаго догматы, яко да всякъ Россо-греческія церкви сынъ, смотря основу на греческихъ книгахъ оперту, благоизволилъ всесвятый параклитъ озарити умъ и мысль вѣрнѣйшему святыя православно-каѳолическія вѣры защитнику, любомудріа и трудолюбія взыкателю прилежнѣйшему, благочестивѣйшему великому государю нашему... Петру Алексіевичу, еже бы утвердити ему своего православія столпъ, Давидову подобенъ, книгами разноязычными, аки щитами, въ защиту церкви оградити.“ * Поликарловъ еще находилъ нужнымъ объяснять читателю что онъ припечаталъ въ своемъ букварѣ латинскія буквы „не ко вреду“, прибавляя:

Душу спасаетъ не азыкъ, но вѣра:

Всѣмъ долгъ хранити правыхъ догмъ предѣла....

Лучше своими (книгами) чужихъ уловляти,

Нежели въ чуждихъ самимъ углубати.

Въ описываемое время, судья печатнаго двора былъ занятъ составленіемъ російской исторіи, по повелѣнію Петра Великаго, и трехязычнаго лексикона, предисловіе къ которому долженъ былъ написать Стефанъ Яворскій. ** Поликарловъ имѣлъ кромѣ того свои причины неблагосклонно смотрѣть на людей въ обществѣ которыхъ былъ дружески принять фискаль Косой: онъ бралъ взятки съ своихъ подчиненныхъ (за что впоследствии и былъ отрѣшенъ отъ должности директора типографіи). *** Поликарловъ естественно долженъ былъ бояться фискаловъ, и въ 1715 году, онъ даже обратился

* *Букварь славяно-греко-латинскій*. 1701. Предисловіе, л. 2 об.

** Въ 1716 году, 2го января, Мусинъ-Пушкинъ писалъ Поликарпову что объ эти книгу царю „не очень благоугодны были.“

*** Пекарскій, *Наука и литература при Петрѣ Великомъ*, II, 687.

къ Мусину-Пушкину съ просьбою поручить его покровительству губернатора и вице-губернатора, какъ видно изъ слѣдующаго письма графа Ивана Алексѣевича къ Поликарпову: „Да писалъ ты ко мнѣ, отъ 22го дня ноября, что хотятъ тебя считать фискалы, чего имъ дѣлать не повелѣно; а велѣно имъ только смотрѣть, и буде усмотрятъ въ чемъ твою неправду, то долженъ доносить, а не считать. И ежели придутъ и станутъ у тебя чего спрашивать, то видя свою правду, имъ не воспрещай; а къ губернатору и вице-губернатору о храненіи мнѣ писать неприлично. А фискаловъ опасатца (приписалъ Мусинъ-Пушкинъ собственною рукою) не для чего, ежели правъ, то всегда бѣзъ опасенія будешь; а ежели неправедно что учинено, то и безъ фискаловъ надобѣтъ боятца.“ *

Поликарповъ, по самому положенію своему, справщика, судьи печатнаго двора, долженъ былъ обладать значительными богословскими и церковно-историческими свѣдѣніями. Мусинъ-Пушкинъ пригласилъ его для разбора тетрадей Тверитинова, какъ спеціалиста. Прочитавъ и обсудивъ, при содѣйствіи Поликарпова, выписки лѣкаря изъ Библіи, Мусинъ-Пушкинъ снова просилъ Магницкаго привести къ нему Тверитинова. Магницкій однако отказался исполнить эту просьбу, отговорившись тѣмъ что этотъ по его призыву къ графу не пойдетъ и въ диспутъ при немъ не вступитъ, потому что „въ его домѣ былъ онъ обруганъ великими досадительными рѣчами“. Спустя три дня, Мусинъ-Пушкинъ самъ пригласилъ къ себѣ Тверитинова, и завелъ съ нимъ рѣчь объ иконахъ. Лѣкарь „переговорилъ его такъ скоро, что менѣе чѣмъ въ четверть часа, заставилъ его замолчать“. Говорятъ что Мусинъ-Пушкинъ, оставивъ тогда доводы отъ Священнаго Писанія, сказалъ Тверитинову: „Ты, Димитрій, оставь сіе мудрованіе и не соблазняй народъ; а ежели ты сего не оставишь, то мы тебя распытаемъ.“ ** Тверитиновъ очень вѣжливо замѣтилъ графу:

* Собраніе писемъ къ Поликарпову, въ типограф. библіотекѣ № 1.349, л. 265.

** *Записка о долѣ Тверитинова*, написанная въ интересахъ Яворскаго, намѣренно представляетъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ поведеніе Мусина-Пушкина, съ которымъ Стефанъ, какъ мы знаемъ, былъ не въ ладахъ. Едва ли графъ угрожалъ Тверитинову пыткой: весь дальнѣйшій ходъ дѣла говоритъ противъ этого; изъ другихъ источниковъ, и между прочимъ изъ вышеприведеннаго показанія Теофилакта Лопатинскаго, видно что Мусинъ-Пушкинъ смотрѣлъ на Тве-

„Ваше сіятельство меня изволили на сей разговоръ повудить.“
 Говорятъ также что Тверитиновъ, называя Мусина-Пушкина іудейскимъ судьей, вездѣ говорилъ о своей побѣдѣ надъ нимъ: „Тако-де въ первенствующей церкви іудейскіе судьи, не могли говорить противъ апостоловъ, запрещали имъ говорить: *не запрещеніемъ ли запретихомъ вамъ глаголати о имени семъ*, то-есть Иисусовъ? Такъ и нынѣшніе судьи: графъ не могъ говорить противъ меня отъ Писанія и теперь запрещаетъ истинную проповѣдь.“ Тогда нѣкоторые будто бы спрашивали Тверитинова: „Если графъ—іудейскій судья, стало-быть ты—апостоль и проповѣдникъ?“ Лѣкаръ же, не обинуясь, отвѣчалъ: — „Такъ, я подлинно апостоль и проповѣдникъ истинны“. *

Какъ бы то ни было, но Мусинъ-Пушкинъ, повидимому, не нашелъ во мнѣніяхъ Тверитинова особенно вреднаго и опаснаго еретичества. Теофилактъ Лопатинскій разказываетъ что однажды при немъ лѣкаръ вошелъ къ Мусину-Пушкину. Увидя его, графъ сталъ ему говорить: „Для чего ты сіе затѣвашь? Для чего не перестанешь отъ своего злоумствованія? Бѣдный, бѣдный! Жаль мнѣ тебя! Аще ты не отъ ереси, но отъ любопренія противности сія возобновляеши, для чего предъ вѣжками сіе глаголеши? А ради лучшаго своего православія изъявленія отвѣчай на свои тетради.“—„Не могу я,—возразилъ Тверитиновъ,—рѣшить этихъ лисаній, которыя собралъ въ свои тетради отъ священнѣйшаго Писанія.“—„Поможетъ отвѣчать тебѣ архимандритъ Теофилактъ“, сказалъ Мусинъ-Пушкинъ. Тверитиновъ замолчалъ. **

Замѣчательно что ни Магницкій, ни Поликарповъ, завѣдывавшіи школами, ни слова не уломянули Мусину-Пушкину о томъ что „еретическія“ мысли Тверитинова обнаружилсь уже въ школьникахъ, хотя о томъ уже было извѣстно отъ пре-

ригина доволно смисходительно. Едва ли, съ другой стороны, и лѣкарю было благоразумно хвастаться своимъ разговоромъ съ графомъ и бранить его.

* *Замиска* прибавляетъ къ этому разказу: „Таковъ злобный отступникъ что предъ тѣмъ незадолго, у Магницкаго въ домѣ, тако обличень, яко ни въ единомъ догматѣ чтобы верхъ получилъ, и доволно было ему познати свое заблужденіе и обратитиса къ матери своей, къ благочестивой церкви, а онъ паче простирашеса.“

** Слѣдств. дѣло.

фекта Стефану Яворскому, извѣстно было Магницкому и не могло быть неизвѣстно Полицарлову.

Мусинъ-Пушкинъ вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ, повидимому, позабылъ объ извѣстѣ Магницкаго, или же не придалъ ему никакаго значенія, объяснившись лично съ Тверитиновымъ. Отъ 17го мая, онъ писалъ Полицарлову изъ Петербурга:

„Федоръ Полицарловичъ, здравствуй!

„Выпиши ис толкованія Корнѣя Олябды на второе посланіе Петрово на послѣднюю главу і пришли ко мнѣ на словенскомъ языкѣ. Скажи искусно отцу Лопатинскому: великій государь милость къ нему имѣеть, а на Крутицы не пускаеть, понеже лутчаго ему хоцеть. Поль Василей, чѣдъ былъ ключарь, а нынѣ въ Голандіи, много премудрости навывкъ; но иная причина не допускаеть, понеже все съ собою за лазухомъ кошку носить. А сказываеть что изъ человѣка выходитъ душа въ кошку; и вси выдащи ругаються ему, а наши стыдятся имъ и хотять отпустить его къ Архангельскому городу, а отъ такова глупова своего мнѣнія чають, что отшелъ ума; а во иныхъ словахъ не показуется безумень, токмо кошка. Я не видалъ нигдѣ въ писмѣхъ и ни слышахъ чѣтобъ душа человѣчская въ кошку преходила. Были дураки нѣкоторые Елене во мнѣніи, яко преноситися отъ человѣческаго тѣла до другихъ животныхъ, а не особливо въ кошку. Василѣй же превзыдѣ старыхъ дураковъ въ таковыхъ мысляхъ, особливо дадѣ кошке силу пріянія души человѣчские. Сие пишу ни для какия нужды, токмо глупство новаго еилософа показую. Вашей милости всякихъ благъ желатѣль, граѣъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ.“ *

Въ Москвѣ въ это время уже шло дѣло о своихъ „новыхъ философахъ“. 21го апрѣля, префектъ славяно-латинскихъ школъ, Іоасафъ, подалъ Стефану письменное доношеніе ** что ученикъ философіи, Иванъ Максимовъ, „не знамо откуда“ изучился еретичества, а именно иковоборства, и въ непочитаніи святыхъ Божіихъ угодниковъ, также гнушается церковною канолическою алогостольскою, и многихъ къ себѣ привернулъ на люторскую и кальвинскую вѣру, такихъ же учений научилъ какихъ и самъ изучень отъ отца своего діавола; и отъ того

* Письма къ Полицарлову, а. 220.

** Записка о дѣлѣ Тверитинова прибавляеть что, еще прежде Іоасафа, игумень Добринской пустыни, Рувимъ, слышавъ негдѣ въ компаніи отъ Ивана Максимова хулы на церковныя догматы, подалъ доношеніе Яворскому.

его, Иванова, ученія творится великая соблазнь прочимъ ученикамъ“. Максимова взяли для допроса въ патриаршій приказъ; школьникъ не сознавался въ обвиненіяхъ на него взведенныхъ. Стефанъ приказалъ держать Максимова въ колодечной палатѣ, при патриаршемъ дворѣ, за крѣпкимъ карауломъ. Въ то же время сдѣлана была новая попытка „приумножить свидѣтелей“ на Тверитинова. У симоновскаго архимандрита Петра устроенъ былъ обѣдъ, къ которому приглашены были архимандритъ Теофилактъ Лопатинскій, вице-губернаторъ Ершовъ и „другія знатныя персоны“. Ершовъ привезъ съ собою Тверитинова. Надѣялись что лѣкарь непременно станегъ спорить; знали что онъ „имѣлъ незатыкаемыя уста и въ компаніяхъ не могъ быть безъ противныхъ разговоровъ“. Но Тверитиновъ замѣтилъ погавленную ему западню: онъ „ничто же восхотѣ говорити“. Ершовъ и другія персоны „поудили“ Тверитинова принять участіе въ бесѣдѣ; но онъ говорилъ „осторожно и вѣжливо“. Попытка Ершова снова не удалась: „ничего въ той компаніи въ свидѣтельство надъ Тверитиновымъ не получили, но еще тѣмъ и оправданьице ему заготовили принужденіемъ въ разговоръ“. Тогда Стефанъ прибѣгнувъ къ рѣшительной мѣрѣ: 30го апрѣля онъ велѣлъ отослать Максимова въ преображенскій приказъ для пытки. Когда наконецъ пытка заставила Максимова оговорить Тверитинова, торговаго человѣка Никиту Мартынова, торговаго человѣка Михайлу Мисина, фискала Михайлу Андреева и цирюльника Оому Иванова, тогда только увѣдомилъ Поликарловъ Мусина-Пушкина о появленіи между школьниками „новыхъ философовъ“; но Поликарловъ, повидимому, писалъ графу коротко, въ общихъ выраженіяхъ и, что особенно важно, ни слова не упомянулъ о человѣкѣ на котораго взводилось главное обвиненіе—о Дмитріи Тверитиновѣ. Мусинъ-Пушкинъ отвѣчалъ на это увѣдомленіе слѣдующимъ письмомъ:

„Федоръ Поликарловичъ, здравствуй!

За писаніе твое благодаренъ и впредь, прошу, не оставь. Писалъ ты ко мнѣ о новыхъ философахъ, Иванъ* да Фадѣе, Дмитрѣеве брате**, что взяты они въ Преображенское, а по

* То-есть Максимовъ.

** Родной братъ Тверитинова, Фаддей, умеръ, кажется, во время производства слѣдствія надъ ними. Записка замѣчаетъ коротко: „Фаддей за нестерпимыя хулы Пресвятыя Богородицы пріялъ достой-

какому дѣлу неведомо, і ты справся подлинно, отъ какова званія они взяты і о томъ ко мнѣ отлиши подлинно. Вашей милости доброжелатель, граѣъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ. Изъ Санктъпетербурха, маія 26 дня 1713 году. Пришли вѣдомость школьникомъ сымяннымъ спискомъ, что ихъ въ какихъ школахъ учится.“ *

Въ Преображенскомъ, Тверитиновъ показалъ что оговоренъ Максимовымъ, вѣроятно, по наученію архимандрита Теофилакта Лопатинскаго; что дѣйствительно „въ домъ къ нему, Ивану, прихаживалъ онъ, Димитрій, для разговоровъ латинскаго языка, и диспуты у него съ нимъ по-латыни и по-словенски о поклоненіи святымъ иконамъ и святымъ мощамъ и о призываніи святыхъ чиномъ школьнымъ бывали, въ лицѣ святой церкви и въ лицѣ лютерскомъ, для его Дмитріевы науки латинскаго языка, а не ради противности церковной, и не отъ своего мышленія, но все отъ Священнаго Писанія“. Максимовъ подтвердилъ что къ нему въ духовный приказъ приходилъ отъ Лопатинскаго и префекта богословскіи учитель и два школьника; что послѣдніе, „по многіе дни приходя отъ префекта говорили чтобъ онъ сказалъ на Дмитрія Тверитинова что онъ держится лютерскія вѣры; что де и свободенъ будетъ и полпрежнему взять въ школы; а ежели не скажетъ, и они де его отошлютъ къ розыску въ Преображенскіи приказъ, и будетъ мученъ“.... Цирюльникъ Ома Ивановъ *самъ явился* ** къ розыску въ Преображенскомъ; съ поразительною откровенностію и прямою онъ показалъ: „Разговоры о святыхъ иконахъ, что имъ не покланяются, съ нимъ, Иваномъ, у него, Омы, не бывало. А онъ, Ома, написаннымъ иконамъ, также которыя бывають облитыя златомъ и серебромъ и на камняхъ вырѣзаны, и тѣламъ что называютъ святыми мощами не покланяется и ихъ не почитаетъ, тѣла и крови Христовой не почитаетъ же и за истину не ставитъ, и Святыхъ Таинъ онъ не причащается, и у отца духовнаго не былъ на исповѣди лѣтъ съ двадцать, того ради что онъ, Ома, читалъ въ Библии о несотвореніи себѣ ваянія и никоего же образа елико на небеси горѣ и елико на земли долу (слѣдуетъ рядъ текстовъ изъ Священнаго Писанія). А когда на какомъ мѣстѣ

ную мечь языкободія, ибо въ корени языка его имѣлась болѣзнь именуемая ракъ, отъ нея же нужно душу изверже“.

* Письма къ Поликарпову, а. 222.

** Слѣдственное дѣло, а. 255.

ему, *Θомѣ*, прилучится творить поклоненіе, и на томъ мѣстѣ стоя творить онъ по святому Евангелію поклоненіе самому Богу и Отцу духомъ и истиною, а не написаннымъ иконамъ покланяется. Тѣлесамъ, что называютъ святыми мощами, не покланяется для того что его, *Θому*, сотворили не они, но вышній Богъ. Тѣла и крови, что совершается во святую литургію, не почитаетъ онъ, потому что оно все совершается человѣческими руками и не есть истина что то самое тѣло и кровь Христова. А о лѣкарѣ Дмитріи Тверитиновѣ, противность чтобъ иконамъ и мощамъ не кланяться, имѣеть ли, не знаетъ, и разговоръ съ нимъ въ томъ не было, а иконоборцевъ и развратниковъ никого онъ, *Θома*, не знаетъ.“

15го июня, Преображенскій приказъ отослалъ *Θому* къ Стефану Яворскому, съ тѣмъ „чтобъ имѣть объ немъ, испытаніе и разговоры“ и потомъ отписать будетъ ли онъ утверждаться въ своемъ мудрованіи или принесетъ истинное обращеніе, и чего онъ за такое обращеніе или противленіе окажется достоинъ. Яворскій ограничился тѣмъ что приказалъ держать его за крѣпкимъ карауломъ въ патріаршемъ приказѣ.

Прежде чѣмъ слѣдствіе о „новыхъ московскихъ философахъ“ привело къ какому-нибудь результату, Стефанъ вышелъ противъ нихъ съ открытымъ обличеніемъ съ высоты церковной кафедры. Въ недѣлю седьмую по Святомъ Духѣ онъ сказалъ проповѣдь на текстъ: *Отче святыи! соблюди насъ во имя Твое, иже далъ еси Мнѣ: да будутъ едино, якоже и мы.** Проловѣдникъ задачей слова поставилъ доказать что святые угодники Божіи, предстоя престолу Божію, молятся о

* *Проповѣди Стефана Яворскаго*, I, стр. 138—162. Вѣроятно, эта проповѣдь сказана была 24го мая 1713 года (въ этомъ году Пасха была 5го апрѣля). Трудно отнести ее къ 1714 году, когда дѣло о Тверитиновѣ уже получило опредѣленный оборотъ. Въ проповѣди говорится что „еретики не престають укорять православную церковь“ (стр. 142), что „лукавый еретикъ еще роетъ сквернымъ носомъ виноградъ церкви Божіей“ (стр. 155), что они еще спрашиваютъ и шумятъ (159), что они величаются и распространяются между православными (161), что, наконецъ, только въ *милоседемскихъ недѣляхъ* слушатели Яворскаго узнали о томъ что на церковь православную возстали злочестивые лжехристиане (142). Если при этомъ Яворскій разумѣетъ огласку о Тверитиновѣ, вслѣдствіе доноса Лосасафа, сдѣланнаго въ апрѣль, то дѣйствительно до 24го мая, когда сказана была проповѣдь, прошло лишь нѣсколько недѣль.

нась, знаютъ наши моленія къ нимъ и приносятъ ихъ къ Богу, помоществуютъ намъ во всякихъ нуждахъ нашихъ и предстательствуютъ. Стефанъ прямо выставляетъ на видъ что его поученіе вызвано современными еретическими толкованіями: „пустъ злочестивые познають какую ложь рязѣвають они въ православномъ народѣ“ о святыхъ угодникахъ Божиихъ! Не называя Тверитинова по имени, Стефанъ указываетъ въ его мѣвнїяхъ и толкахъ вѣяніе „вреднаго духа“ Лютера и Кальвина. Въ проповѣди приводятся даже слова сказанныя Тверитиновымъ въ какомъ-нибудь частномъ разговорѣ: „Кто имъ (угодникамъ Божиимъ) далъ такія долгія уши что они съ небесъ слышатъ моленія земныхъ? кто далъ имъ такія ясныя очи чтобы съ небесъ видѣть землю?“ * Въ проповѣди Яворскій опровергаетъ нѣкоторые пункты тетрадей „несмысленнаго и коснаго сердцемъ развратника вѣрныхъ“—Тверитинова. ** Указывая какъ превратно объяснялъ лѣকারь тексты Священнаго Писанія, Стефанъ не оставляетъ безъ вниманія главнаго требованія обличаемыхъ. „Всегда вопрошаете и надменными гласно шумите устами: да покажется *отъ писаній!* И уже премудрѣйшія писанія учителей церковныхъ, Василія Великаго, Григорія Богослова, Иоанна Златоустаго, Кирилла, Софронія, Амвросія, едиными баснями нарицаете.“ Стефанъ зналъ что Тверитиновъ для доказательства догматовъ требовалъ только словъ „кореннаго“ (какъ онъ выражался) Писанія ***, то-есть Библии, и потому старался опровергать его умствованія объ угодникахъ Божиихъ исключительно свидѣтельствами Священнаго Писанія. Щедро надѣливъ Тверитинова, „грубѣйшаго невѣжду, треклятую адскую гидру“, рѣзкими ругательствами, Яворскій, по своему обыкновенію, прилѣминаетъ „преокаяннымъ клеветникамъ приловѣсть славнаго баснотворца Эзола. „Мышь, глаголетъ, влѣзши нѣкогда въ сосудохранильницу, обычнаго себѣ искаше корму; не обрѣвши же ничтоже, изыскала лилу и хотящи утолити алчбу свою, начатъ ю съ прилежаніемъ

* *Проповѣди Стефана Яворскаго*, I, 151.

** „Развратникъ вѣрныхъ (говорится въ проповѣди, стр. 153) приводитъ въ свидѣтельство джи своея Писаніе; о еже не вѣдати святыхъ моленій нашихъ и глаголетъ сія Екклесіастова словеса: *Живіи разумлють, яко умрутъ*“ и т. д. Этотъ текстъ изъ Екклесіаста дѣйствительно внесенъ въ тетради Тверитинова, надписаніе 9е. *Православное Обозрѣніе*, 1863, августъ, стр. 326.

*** Тамъ же, стр. 148.

грызти; грызущи же ю, вся своя зубы объ оную лилу притупила и перерѣзала. Будеть, глаголю вамъ, о ереселюбителю! иже хотяще церкви Божія установленія и преданія подгрызти: скверныя свои зубы притупите, прорѣжите и весьма приложите: ибо врата отца вашего діавола не одолѣють ей. Нынѣ ругаете церковь православную, но *обратится болѣзнь ваша на главы ваши.*“ * Въ заключеніе этого поученія, которое коснулось лишь одного отдѣла тетрадей Тверитинова объ угодникахъ Божіихъ, Яворскій выражаетъ православному народу желаніе: „О дабы сіи мытари и язычницы, развращающіи православныхъ, и не слушающіи церкви божественной, отсѣчены и весьма истреблены были!... Приидите убо, приладемъ и восплачемся предъ Господомъ, сотворшимъ насъ, приключимъ колѣна наша предъ всѣми его угодниками святыми, да сей вредъ, сія злохульныя левелы исторгнутъ отъ насъ, развѣютъ и дадутъ на сожженіе, аще не обратятся и покаются, огню неугасающему. Аще же обратятся отъ прелести и заблужденія, да отверзетъ имъ Господь умныя очеса, еже видѣти правду, да купно съ нами единѣми усты и единымъ сердцемъ прославятъ и воспоютъ пречестное и великолѣпное имя Господне!“ Стефанъ оканчиваетъ свою проповѣдь тѣмъ же текстомъ которымъ она открывается: „Отче святыи! соблюди ихъ во имя Твое... да будутъ едино, яко же и мы...“ Послѣдующее изложеніе покажетъ сколько искренности было въ этомъ желаніи Яворскаго.

Когда попытка Преображенскаго приказа заставила Максимова назвать имена Тверитинова и другихъ лицъ, фискаль Михайло Косой отправился вмѣстѣ съ лѣкаремъ въ Петербургъ и ускользнулъ отъ Преображенскаго приказа. Явившись къ князю Якову Федоровичу Долгорукову, московскіе бѣглецы жаловались ему что Стефанъ, „не любя фискаловъ и въ противность воли государевой *иными посторонними дѣлами* ихъ фискаловъ хочеть разорити и, принявши на нихъ клевету въ еретичествѣ, гонитъ ихъ напрасно.“ Долгоруковъ обѣщалъ Тверитинову и Косому свое покровительство. „Надѣйтесь; я васъ обороню“, сказалъ онъ имъ. Между тѣмъ изъ Преображенскаго приказа пришло въ Петербургъ требованіе выслать Косаго и Тверитинова въ Москву къ розыску. У Тверитинова нашлись теперь и другіе сильные покровители,

* *Проповѣди Стефана Яворскаго*, I, стр. 160.

кромя Долгорукова. Въ его дѣло вступился сенаторъ Михаилъ Самаринъ; ему сталъ помогать и сильный своимъ вліяніемъ александровскій архимандритъ Θεодосій. Не за то только ненавидѣлъ Яворскій Θεодосія что тотъ рѣзко высказался въ сенатѣ противъ проповѣди Стефана о фискалахъ; цѣлая пропасть лежала между вліятельнымъ архимандритомъ, очень индифферентно относившимся къ религіи и угодливо хлопотавшимъ о церковныхъ реформахъ, и суровымъ мѣстоблюстителемъ. Θεодосій твердилъ что не должно боготворить иконы, и обдиравъ съ нихъ богатая ризы для своего обогащенія. Онъ приказывалъ священникамъ чтобы свѣчъ въ церквахъ чрезъ потребу всею не жгли, чтобы пречистыхъ Тайнъ за лѣкарство аптекарское здоровымъ и больнымъ младенцамъ не употребляли, но по крещенію, причастивъ однажды, оставляли бы непрчастныхъ до познанія добра и зла. * Онъ высказывался и противъ „ложныхъ“ чудесъ. Θεодосія клетимилитѣмъ же названіемъ еретика, поврежденнаго лютеранскою прелестію которое лежало теперь на Тверитиновѣ. Новгородскій митрополитъ Іовъ горько жаловался на „гордость и суетное киченіе“ быстро выдвинувшася архимандрита, который распорядился порою въ его епархіи безъ его вѣдома. ** Паденіе Θεодосія встрѣчено было вполнѣдствіи криками громкаго восторга, отголоскомъ котораго осталась „Гисторія. Объявленіе пунктовъ“. Изъ этихъ сатирическихъ виршей, уродливыхъ по формѣ, приведемъ немногіе характеристическіе отрывки:

Нѣки архіепископъ, именемъ Θεодосъ,
Привелъ себя въ 725 году въ тяжкой доносъ.
О чемъ же себя публикаціею привелъ въ винность,
Которая пришла во всенародную дивность,
О непорядочныхъ его житейскихъ дѣлахъ,
О недостаточныхъ безумныхъ своихъ бѣдахъ.
Таковы шѣлъ у себя удобы,
Наложень былъ всякія пакости и злобы,
О чемъ ниже сего въ сей гисторіи объявляю,
А по дѣламъ же его любезныхъ читателей удивляю.

* Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XVI, 364—365.

** „Да судить ему Богъ по дѣломъ его (прибавляетъ Іовъ); въ мю же мѣру мѣритъ, возмѣрится ему стократно.“ И тотъ же Іовъ пишетъ Θεодосію: „Да здравствуетъ преподобство ваше мирно и благополучно во всякомъ благоукрашеніи духовномъ и тѣлесномъ на многая лѣта.“ *Странникъ*, 1861, томъ I, стр. 101, 105.

Имѣлъ онъ гордость, лести, зависть, лихоимство,
Сребролюбіе отчасти и лукавство.

А гордость же паче мѣры Богу есть противна,
Которая въ семь народѣ есть дивна.

Сей бо гордый, малородный человѣкъ,
Льстивостію намѣренъ, во власть себя привлечь,
Однакожь помѣшательство его льстивое познали
И, вмѣсто смерти, ссылкой честь воздали.

Таковъ бо лестию въ чести содержался,
А въ сотвореніи злобы весьма не ужасался,
Не токмо прочимъ дѣлами,

Но имѣлъ веселіе святіемъ колоколами,
Обаче образы въ забвеніи не покидалъ:

Оклады и висящее прочь отдиралъ:
Вся бо завистію яро къ себѣ прибиралъ:

Образы и иконы пилою растиралъ,
Древнюю ризницу, и омофоры, и саккосы златые,
Сребро и каменія драгія,

Все въ продажѣ рсточалъ,
А за то деньги себѣ получалъ.

На собранныя вещи выписалъ изъ-за моря, купилъ сервизъ,
За который въ Россіи немного и самъ не повиошъ,

Драгихъ же многихъ вещей у себя утаиша,
Отъ которыхъ нынѣ и прочь его отдалиша,

Никому жогъ задружити,
Ибо тщаася все разрушити;

Но имѣлъ въ своемъ сердцѣ внятность,
Которую признавалъ себѣ въ пріятность,

Христіанъ россійскихъ идолопоклонниками называлъ.*

Въ *Камниъ стры* Яворскій, можетъ-быть, желалъ намековать на корыстный источникъ толковъ Θεодосія о небоготвореніи иконъ, сказавъ что лютеранамъ, непочитающимъ иконъ, то наплаче изощряетъ зубы, яко видять у насъ иконы, сребромъ, и златомъ и каменіемъ драгоценнымъ сіяюще, святокрадцы, хотяще похитити.“

Человѣкъ подобный Θεодосію былъ находкою для Тверитова при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Суровая кара духовнаго суда уже висѣла надъ его головою. Θεодосій не только помогалъ ему своими совѣтами въ это трудное время; онъ исповѣдалъ и пріобщилъ его Святыхъ Таинъ. Сенаторы Ти-

* Незданная *Гисторія* находится въ рукописи Общества Исторіи и древн. отд. I, № 213, л. 322.

хонъ Стрѣшневъ и уже знакомый съ Тверитиновымъ Мусинъ-Пушкинъ были однихъ мыслей съ Долгоруковымъ. По докладу послѣдняго, царь приказалъ чтобы дѣло о Тверитиновѣ изъ Преображенскаго приказа передано было на разсмотрѣніе въ сенатъ и чтобы въ Петербургъ присланы были колодники содержавшіеся въ патриаршемъ приказѣ по обвиненію въ ереси. Это было въ августѣ 1713 года. Снова раздраженъ былъ Яворскій неприятнымъ для него оборотомъ, который принимало слѣдствіе надъ обвиненными: онъ устранился отъ участія въ судѣ надъ людьми обвиненными имъ въ ереси. Сознавая что „сіе дѣло есть отъ части *духовныхъ*“, Яворскій написалъ царю письмо, въ которомъ убѣждалъ его „не полуститъ отъ сихъ малыхъ искръ большому возгнѣвающаюся пожару, да не како малый сей раскольниковъ ядъ великое убійство душъ вѣрному народу сотворитъ.“ Въ сентябрѣ, отправился въ Петербургъ Теофилактъ Лопатинскій; по дорогѣ онъ заѣхалъ къ Новгородскому митрополиту Іову и залася отъ него письмомъ къ царевичу Алексію Петровичу. Оно оканчивалось такимъ образомъ: „При семъ прошу, государь, твою хриstopодражательную царскую особу о явленіи милости къ сему письмовручителю, господину архимандриту Теофилакту; и егда либо нѣчто востребуеть къ полезному и защищенію святыя христовы церкви въ нашихъ православнѣйшихъ догматахъ, основанныхъ на седми святѣйшихъ вселенскихъ соборахъ, присутствіемъ Пресвятыя Троицы,—благоволи, государь, руку помощи ему даровати. Нелѣбо бо есть въ толикой величайшей и пресвѣтлѣйшей истинѣ нашихъ святѣйшихъ догматовъ недоумѣніе и прѣвіе, кромѣ общаго соборнаго согласія, со еретики, паче же со атеисты разглагольство полустити, да не когда тмою лжи своея, прикладомъ нѣкихъ суетныхъ аргументовъ, возмнѣвъ, прославяютъ самихъ себя правыхъ быти. О семъ и богодухновенный царепророкъ Давидъ: „Словеса беззаконникъ премогаша мя.“ *

Передача дѣла Тверитинова въ сенатъ имѣла рѣшительное вліяніе на судьбу обвиненныхъ. Авторъ *Молотка на Камень стры* справедливо замѣтилъ: „Тверитиновъ съ товарищи, ежелибъ не послѣдшилъ богобоязнаго и правосуднаго императора указъ, тобъ безъ сомнѣнія меча не избѣгли.“

Въ сенатѣ, фискаль Михайло Андреевъ Косой показалъ что

* *Странникъ* 1861, томъ I, стр. 114—115.

самъ онъ въ сомнѣніи и соблазнѣ не пребываетъ. Иванъ Максимовъ говорилъ что префектъ поклепалъ его напрасно, а свидѣтели сказали на него ложно, по наученію префекта, что въ Преображенскомъ приказѣ онъ винился не терпя жестокой пытки, что другихъ обвинилъ въ ереси бывши въ безпамятствѣ и въ великой скорби и отъ страха. Въ сенатѣ и Гома Пвановъ нѣсколько измѣнилъ * свое прежнее показаніе. Онъ говорилъ что „пребываетъ въ православной католической вѣрѣ и противности никакой не чинитъ, еретичества жъ, иконоборства и люторской и кальвинской вѣрѣ не держится“. Впрочемъ, тутъ же Гома повторилъ сказанное имъ въ Преображенскомъ приказѣ: „А на какомъ мѣстѣ прилучится ему, Гоми, творить поклоненіе, и на томъ де мѣстѣ стоя творить онъ поклоненіе по святому Евангелію самому Богу и Отцу духомъ и истинною, а не написаннымъ иконамъ поклоняется. Мощемъ святымъ не поклоняется для того что его, Гоми, сотворилъ не они, но вышній Богъ.“

Дѣло тянулось. 5го февраля 1714 года Яворскому послали изъ сената просьбу взять о Тверитиновѣ показанія съ его духовника и приходскаго священника; Стефанъ исполнилъ требованіе сената: оба священника свидѣтельствовали что Тверитиновъ въ догматахъ церковныхъ противности не имѣлъ и къ церкви святой никакого противленія они отъ него не признавали. Ссылаясь на эти заявленія и на то что онъ былъ приобщенъ Св. Таинъ архимандритомъ Θεодосіемъ, Тверитиновъ, въ мартѣ того же года, просилъ да повелитъ сенатъ дать ему великаго государя указъ для оправданія въ неправедномъ оклеветаніи въ противности святой церкви.

„1714 года, іюня въ 3й день, великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ указалъ: школьника Ивана Максимова и торговаго человѣка Никиту Мартынова, и цирюльника Гоми Иванова за карауломъ послать къ Москвѣ, къ преосвященному Стефану, для того: хотя изъ нихъ Максимовъ и Мартыновъ въ С.-Петербургѣ въ разспросѣхъ сказали что они пребываютъ въ православной католической вѣрѣ и противленія никакого не чинятъ, а пребываютъ въ повиновеніи, однако жъ еще ихъ по правиламъ св. апостоль и св. отецъ свидѣтельствовать духовнѣ, истинно ль они православ-

* Въ сенатѣ, Гома объяснилъ что „отца духовнаго имѣеть, а на исповѣди у него не былъ и Святыхъ Таинъ не причащался года съ три за суетами своими“, что въ Преображенскомъ онъ показывалъ будто не былъ на исповѣди *лѣтъ съ двадцать* изъ страха.

ную католическую вѣру содержать твердо, и буде по свидѣтельству явятся что они православно-католическую вѣру по преданію св. апостолъ и св. отецъ содержать твердо безъ сомнѣнія, и о томъ, взявъ у нихъ исповѣданіе на письмѣ за ихъ руками, подъ прещеніемъ суда Божія, въ торжественный день въ соборной апостольской церкви, во время лѣнія божественной литургіи, представить всенародно и велѣть имъ самимъ о себѣ объявить что они въ православно-католической вѣрѣ по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ пребываютъ твердо безъ сомнѣнія, дабы тѣмъ народное о нихъ мнѣніе искоренить и потомъ учинить ихъ свободныхъ. И буде у кого дворы и животы отписаны, и тѣ со отписаніемъ отдать имъ съ росписками. А цирюльника же Оому Иванова по правилу св. апостолъ и св. отецъ въ православную католическую вѣру *духовнѣ исправить*, для того что онъ по розыску явился неисправенъ и подъ многими сомнѣніемъ, о чемъ явно по разспроснымъ ево рѣчамъ, дабы онъ позналъ самую истину безо всякаго сомнѣнія. И если онъ въ истинное познаніе придетъ и въ томъ повиноватися будетъ, взявъ у него исповѣданіе на письмѣ за его рукою, въ которомъ подтвержденіе написать противъ вышелисаннаго жъ, въ торжественный день, въ соборной церкви, велѣть ему самому о себѣ прежнее свое безумное сомнѣніе, и потомъ о познаніи истины и повинованіи объявить всенароднѣ, и какъ онъ то все самъ о себѣ объявить, и его такожъ учинить свободна. А буде онъ въ совершенное исправленіе не придетъ и будетъ стоять въ безумномъ своемъ упрямствѣ, и его тако жъ отослать въ Московскую губернію къ гражданскому суду для казни по уложенію, какъ о такихъ противникахъ чинить повелѣно. А лѣкаря Тверитинова послать съ тѣмъ же урядникомъ и велѣть ему и его объявить преосвященному Стефану, дабы онъ въ соборной церкви въ торжественный день всенароднѣ его объявилъ что онъ, Димитрій, по свидѣтельству отцовъ духовныхъ имѣеть, которые сказали что въ церковныхъ догматахъ противленія никакого они за нимъ не признавали, и въ С.-Петербургѣ сего 1714 года, на первой недѣлѣ святаго поста, онъ, Димитрій, Св. Таинъ причаститися сподобленъ, дабы тѣмъ объявленіемъ объ немъ, Дмитріѣ, прежнее всенародное мнѣніе искоренить и учинить его свободна.“

5го іюля 1714 года, привезенные изъ Петербурга колодники, Иванъ Максимовъ, Ома Ивановъ и Никита Мартыновъ, приняты были въ духовномъ приказѣ и посажены въ колодничью галату; 17го іюля, туда же помѣстили и Тверитинова. Фискаль Михайло Андреевъ Косой, даже не упомянутый въ указѣ сснанага, оставленъ былъ въ Петербургѣ: онъ былъ „лучшимъ фаворитомъ“ князя Долгорукова. *

* *Записка о дѣлѣ Тверитинсва.*

Указъ царя не могъ удовлетворить Яворскаго. Долгоруковъ, зная упрямый характеръ мѣстоблюстителя патріаршаго престола, увѣренъ былъ что Стефанъ не исполнитъ посланнаго къ нему царскаго указа; онъ самъ поѣхалъ въ Москву, какъ будто для того чтобы присутствовать въ московской сенатской канцеляріи. Предположенія Долгорукова сбылись. Получивъ указъ и копію съ сенатскаго дѣла, Яворскій потребовалъ отъ колодниковъ „дабы они написали за руками своими исповѣданіе вѣры, како они содержатъ и содержали.“ Заключенные исполнили приказаніе Стефана и подали, каждый отдѣльно, свое исповѣданіе вѣры. Тверитиновъ писалъ между прочимъ: „О томъ моемъ православномъ исповѣданіи вашему архіерейству извѣстно имяннымъ царскаго величества указомъ, чрезъ явное свидѣтельство о мнѣ отцевъ моихъ духовныхъ и приходскаго священника. А исповѣданіе мое сіе есть, которое предала намъ мать наша святая соборная апостольская каеолическая церковь въ книгѣ названной *Православное исповѣданіе*; а все что въ оной святой книгѣ предано намъ хранити, тако содержалъ исперва, содержу и сохраняю, и исповѣдую безъ всякаго сумнѣнія.“ Другіе колодники принесли исповѣданіе съ приложеніемъ символа вѣры и перечисленіемъ нѣкоторыхъ догматовъ. Одинъ Оома Ивановъ въ своемъ исповѣданіи написалъ что былъ въ сомнѣніи о святыхъ иконахъ, о мощахъ и о призываніи святыхъ; но что онъ отложилъ то безумное сомнѣніе и теперь во всемъ повируется святой, соборной и апостольской церкви.

19го іюля, Яворскій опредѣлилъ „уготовить для нихъ время ко исповѣданію святой церкви“ и назначилъ для того Успенскій постъ; но черезъ два дня онъ принялъ новую мѣру относительно присланныхъ къ нему колодниковъ. Посоветовавшись со случившимися тогда въ Москвѣ архіереями *, Стефанъ велѣлъ опубликовать по всей Москвѣ подписанное нѣсколькими епископами *Увѣщаніе къ православнымъ*, въ которомъ убѣждалъ „сыновъ святаго православія,“ чтобы всякій, кто знаетъ или слышалъ о еретичествѣ Тверитинова, подалъ о томъ письменное доношеніе. „На укрывающаго и злобу ихъ умалчивающаго (говорилъ Яворскій въ *Увѣщаніи*) буди клят-

* Съ Алексіемъ, архіереемъ сарскимъ и подонскимъ, Игнатіемъ, епископомъ суздаальскимъ, Іоаннкіемъ, митрополитомъ іеропольскимъ.

ва отъ святыхъ седми соборовъ вселенскихъ и отъ нашего смиренія, отъ неяже не можетъ освобоженъ быти и въ самое лютое смертное время, ибо обидящій и честь матере своея церкви святыхъ не соблюдающій недостойнъ есть отъ нея помилованія и прощенія.“

Упомянутое разослано во всея сороки; списки съ него выставлены были у всехъ церковныхъ дверей; по всемъ церквамъ разосланы указы съ именами всехъ ославленныхъ еретиками: въ торжественные дни велѣно читать тѣ указы въ церквахъ. Такъ „истреблялъ“ митрополитъ всенародное мнѣніе о Тверитиновѣ и его товарищахъ!

Угроза церковнаго проклятія подѣйствовала на многихъ. Священниковъ давшихъ отзывы о Тверитиновѣ велѣно было поставить предъ самого митрополита. Еще въ 1716 году, Матвѣй Короткой просилъ у Стефана разрѣшить ему тотъ грѣхъ, котораго не отпустилъ ему духовникъ, что онъ не донесъ на Тверитинова. Въ обвинительныхъ сказкахъ недостатка не было. Въ бытность подсудимыхъ въ Петербургѣ, приверженцы Стефана не дремали: „благочестивою ревностію“ комиссара Сергѣева, увезенъ былъ изъ дома фискала Михайлы Косаго извѣстный листъ съ библейскими текстами. Яворскій и духовное начальство рассмотрѣли и листъ, и тетради Тверитинова. Стефанъ приказалъ, 17го августа, разослать подсудимыхъ по московскимъ монастырямъ и до указа держать ихъ за крѣпкими караулами, чтобъ они не ушли; допускать къ нимъ никого не велѣлъ, для того что въ приказъ подходятъ къ нимъ такіе жъ противники на большее развращеніе; бумаги и чернилъ давать имъ не было разрѣшено. Максимова заключили въ Андроньевѣвъ монастырь, Тверитинова въ Заиконоспасскомъ, Мартынова въ Богоявленскомъ, Оному Иванова въ Чудовѣ. Предъ тѣмъ какъ разослать ихъ въ эти монастыри, Тверитинову, и въ лицѣ его всемъ подсудимымъ, объявили что ежели онъ желаетъ получить прощеніе и церковное разрѣшеніе, то долженъ написать „истинное о тѣхъ своихъ ересяхъ покаяніе и „сказать въ правду: отъ кого онъ тѣхъ ересей научился и кого именно научилъ, и колико ихъ, и гдѣ житіе имѣютъ въ таковыхъ же ересяхъ пребывающіе и тыя свои ереси, притворяя словеса божественными и апостольскими, худьно и развращенно и еретически отъ него написанные, проклинаеть ли и впредь соединится ли со святою православною Восточною соборною и апостольскою церковью? И догма-

тамъ ея православно вѣрнымъ, и святымъ иконамъ, кресту же Христову и мощамъ святыхъ честь и поклоненіе творити желаетъ ли? Преданія, и призыванія святыхъ и молитвы за умершихъ пріемлетъ ли? Въ евхаристіи святой вѣруетъ ли истинное бытіе тѣло и кровь Христова? И аще тако сотворити восхоцетъ, то истинно да утвердитъ свое истинное покаяніе симъ образомъ. Аще же, яко лезъ на первыя своя блевотины возвратится и начнетъ тѣхъ своихъ ересей лаки держатися и вышеломянутые благочестивые догматы лаки отвержетъ и такихъ же противниковъ кого утаитъ, да будетъ подъ вѣчною анаеомою и постиженіемъ праведнаго суда Божія и вѣчныя муки, здѣ же временною казнію смерти.“

Съ такимъ налутствіемъ разослали колодниковъ по монастырямъ.

Н. ТИХОНРАВОВЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ФИНАНСОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

ГОСУДАРСТВЕННОГО ГОРНАГО ХОЗЯЙСТВА

ВЪ РОССІИ

Читатели *Русскаго Вѣстника* отчасти уже знакомы * съ печальными обстоятельствами въ которыхъ находилось, въ послѣдніе годы, наше горное хозяйство, и которыя побудили правительство предпринять коренную реформу въ законодательствѣ и администраціи по этой части. Надо надѣяться что эта реформа, несмотря на множество затрудненій и препятствій, будетъ приведена въ исполненіе съ тою же настойчивостью какою отличались всѣ другія преобразованія нынѣшняго царствованія, поборовшія на своемъ пути несравненно большія затрудненія. Одинъ изъ существенныхъ вопросовъ горной ре-

* См. статью нашу „Уральское горное хозяйство и вопросъ о продажѣ казенныхъ горныхъ заводовъ“, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1868 года, № 7й. Подъ такимъ же заглавіемъ издано въ свѣтъ въ 1869 году сочиненіе наше, заключающее въ себѣ подробное описаніе путешествія нашего по Уральскому горнозаводскому краю, въ 1867, собранныя нами свѣдѣнія о положеніи казенныхъ и частныхъ горныхъ заводовъ и результаты всѣхъ нашихъ изслѣдованій относительно условій и мѣръ необходимыхъ для улучшенія этого положенія. Къ этой книгѣ мы отсылаемъ всѣхъ желающихъ ближе ознакомиться съ предметомъ. Сверхъ того мы должны указать на полемику возбужденную упомянутыми трудами нашими въ 1869 году въ *Горномъ Журналѣ* (издаваемомъ горнымъ ученымъ комитетомъ при горномъ департаментѣ). См. объ этой полемикѣ въ *Современной Лѣ-*

формы, передача казенныхъ заводовъ въ частныя руки, долженъ быть окончателно рѣшенъ въ самомъ скоромъ времени; законодательное рѣшеніе этого вопроса важно не само по себѣ, а только какъ провозглашеніе руководящаго принципа, обязательнаго на будущее время для всей системы нашего государственнаго горнаго хозяйства. До сихъ поръ эта система имѣла преимущественно въ виду возможно большее развитіе казеннаго горнаго и металлургическаго производства, а частная горнозаводская промышленность составляла совершенно второстепенный предметъ попеченій администраціи, приносилась въ жертву казенному производству, разсматривалась почти какъ необходимое зло. Продажа казенныхъ горныхъ заводовъ, или прекращеніе ихъ дѣйствій въ рукахъ казны, хотя и не сопряжены съ такими непреодолимыми трудностями, какъ это

толиси Московскихъ Вѣдомостей 1870, рядъ статей подъ заглавіемъ: „Куріозы казенной ученой литературы“. Въ этихъ статьяхъ изобличена несправедливость обвиненій которымъ подвергались наши труды въ упомянутой полемикѣ. Мы можемъ только радоваться движенію возбужденному въ горномъ мѣрѣ нашими изслѣдованіями, и въ особенности гласному обсужденію вопросовъ вызванныхъ реформою горнаго вѣдомства, хотя бы даже въ этомъ движеніи мы лично и подвергались самымъ жесточайшимъ нападкамъ. Все это ожесточеніе стараго порядка вещей, сознающаго свою несостоятельность посреди обновившагося со всѣхъ сторонъ государственнаго и общественнаго строя, слѣшкомъ естественно и неизбежно чтобы мы могли быть имъ недовольны. Шумливые голоса, раздающіеся съ необычайною смѣлостью въ нѣкоторыхъ слояхъ горной администраціи въ пользу сохраненія стараго порядка, только въ томъ отношеніи вредны что они внушаютъ публикѣ несправедливое мнѣніе что весь нашъ горнозаводскій мѣрѣ какъ будто проникнутъ этими отсталыми понятіями и противится реформѣ. Между тѣмъ къ ней враждебны только несостоятельные предъ потребностями новаго времени личные интересы, конечно многочисленные, но далеко не единственные въ этомъ мѣрѣ. Дѣйствительные труженники на казенныхъ горныхъ заводахъ и всѣ просвѣщенные горные инженеры, поставленные въ весьма тяжелое положеніе нынѣшнюю переходную эпоху горной администраціи, вполне сознаютъ необходимость преобразованій и пламенно ихъ желаютъ. Какъ на доказательство этому, мы можемъ указать на книгу, недавно отпечатанную, В. А. Грамматчикова: *Горное законодательство и администрація въ западной Европѣ*. Объ этомъ почтенномъ трудѣ будетъ сказано нами ниже въ текстѣ.

представляютъ защитники стараго порядка, но во всякомъ случаѣ не могутъ быть произведены разомъ и требуютъ многихъ соображеній и времени; въ нашихъ глазахъ важнѣе всего окончательное безповоротное признаніе необходимости освобожденія казны отъ ея заводовъ, и ихъ постеленнаго перехода въ частныя руки, такъ чтобы казенное производство металловъ и металлическихъ издѣлій продолжалось лишь на столько на сколько въ нихъ нуждается правительство для своихъ государственныхъ, не промышленныхъ и не финансовыхъ цѣлей. Таково, на примѣръ, изготовленіе на казенныхъ заводахъ артиллерійскихъ орудій и снарядовъ, съ тѣмъ однакоже чтобъ эта операція была подчинена требованіямъ арміи и флота, которые должны имѣть требуемую ими свободу исполнять свои заказы и на частныхъ заводахъ. Развитіе дѣйствій частныхъ заводовъ по удовлетворенію потребностей арміи и флота во всѣхъ отношеніяхъ желательнѣе; смотрѣть на это съ недоброежелательствомъ, какъ на дѣло вредное для дѣйствій казенныхъ горныхъ заводовъ и потому будто бы вредное для государства, въ высшей степени странно и изобличаетъ только отсталость понятій, господствовавшихъ прежде въ нашей горной администраціи. Чѣмъ болѣе будетъ развиваться частное производство по вооруженію арміи и флота, тѣмъ прочнѣе будетъ обезпечена оборона государства, которая, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ въ заботахъ правительства гораздо болѣе вниманія чѣмъ процвѣтаніе казенныхъ горныхъ заводовъ, не имѣющихъ нынѣ никакого другаго назначенія кромѣ изготовленія металловъ для военныхъ вѣдомствъ. Плохо пришлось бы государству, еслибъ оно, въ критическія военныя эпохи, вынуждено было довольствоваться дѣйствіями однихъ казенныхъ заводовъ, и не находило бы ресурсовъ въ частной промышленности, готовой, по требованію обстоятельствъ, расширить свое производство въ размѣрахъ недоступныхъ для казеннаго хозяйства. Кто же не видитъ и не знаетъ теперь что не одними наличными военными силами рѣшаются войны и опредѣляется международное могущество государствъ; въ войнѣ и въ мирѣ дають нынѣ перевѣсъ только живыя народныя силы, эти резервы, въ которыхъ заключается источникъ всякихъ финансовыхъ и военныхъ способовъ дѣйствія государства. Количество этихъ способовъ въ минуту опасности зависитъ гораздо менѣе отъ силъ правительства бывшихъ налицо во время мира, нежели отъ запа-

са сила, остающагося въ самомъ народѣ. Для армій, выстав-
ляемыхъ въ поле въ наше время, и для громадныхъ средствъ
ихъ вооруженія и движенія, недостаточна денежная и вся-
кая другая матеріальная наличность, которою располагаетъ
правительства до объявленія войны; весь вопросъ и
место военный или стратегическій, и военно-государственный,
или вопросъ военной администраціи и военныхъ финансовъ,
заключается только въ томъ какое количество силъ, сверхъ
мирнаго времени, и съ какою быстротой можетъ быть упо-
треблено въ дѣйствиіе, поставлено на военную ногу. Этотъ на-
бытокъ силъ доставляется не казной, а только самимъ наро-
домъ, его богатствомъ и его свободною дѣятельностью, спо-
собными мгновенно увеличить могущество государства, дѣй-
ствующее на полѣ битвъ, до послѣдняго предѣла нравственна-
го и матеріальнаго могущества всего народа. Не видимъ ли мы
предъ собою знаменательное явленіе: наличные способы воен-
наго дѣйствія казались гораздо значительнѣе у Франціи, чѣмъ
у Германіи, а въ моментъ войны оказалось наоборотъ? Ни-
какіе запасы самого правительства и казны, какъ бы они ни
были велики, не въ состояніи выдержать борьбы съ могуще-
ствомъ выходящимъ изъ самой народной среды на бой въ
современной исторіи, и въ нѣсколько дней рѣшающимъ судь-
бы государствъ. Какіе бы запасы ни собирались казной на
случай опасности, они не только ничтожны для дѣйствія, но,
истощая народныя силы во время мира, тѣмъ самымъ увели-
чиваютъ безсиліе государства во время войны. Нынѣ коли-
чество войска выводимаго въ поле опредѣляется гораздо ме-
нѣе его численнымъ составомъ людей ружьемъ въ мирное
время, нежели организаціей резервовъ, то-есть собственно
всѣмъ народонаселеніемъ страны, всѣмъ его воспитаніемъ,
всю его физическою и нравственною готовностью къ вой-
нѣ; количество годныхъ для дѣла офицеровъ опредѣляется
гораздо менѣе количествомъ штабъ- и оберъ-офице-
ровъ состоящихъ на дѣйствительной службѣ, нежели про-
порціей образованныхъ людей къ народонаселенію, пропорціей
людей съ высшимъ образованіемъ, способныхъ быстрѣе вся-
каго закаленного фронтовика овладѣть страшными оруді-
ями разрушенія нашего времени. Когда всякая военная вы-
правка, ловкость и даже храбрость уничтожаются предъ
этими сложными машинами дѣйствія, превращающими въ
ничто военное искусство стараго времени и требующими

для войны столько же рабочихъ, машинистовъ и ученыхъ техниковъ, сколько солдатъ, офицеровъ и генераловъ, тогда самыя чуждыя военному дѣлу науки, въ самомъ высшемъ своемъ развитіи, и высшія гражданскія школы оказываются необходимыми для войны. Такъ же точно было бы смѣшно накоплять, по примѣру государей добраго стараго времени, денежныя сокровища для покрытія военныхъ издержекъ; такія сокровища заключаются нынѣ въ развитіи народнаго богатства и кредита, на счетъ которыхъ казна можетъ собрать несравненно значительнѣйшія чрезвычайныя ресурсы, нежели на счетъ казенныхъ капиталовъ, нарастающихъ въ мирное время только въ ущербъ народному благосостоянію. Совершенно то же можно сказать и относительно изготовленія всякихъ военныхъ припасовъ или военнаго матеріала, въ обширномъ смыслѣ этого слова; вмѣсто того чтобъ обезсиловать промышленность и частную предпримчивость сооружеиіемъ, на счетъ капиталовъ взятыхъ у нихъ же, казенныхъ заводовъ для изготовленія военнаго матеріала, распространять производство этихъ заводовъ и на не военные предметы, и этимъ производить убійственную конкуренцію частнымъ заведеніямъ того же рода, накоплять въ рукахъ казны запасы издѣлій дѣлающихся быстро ни на что негодными, при вынѣшней безпрерывной измѣнчивости вооруженій, вмѣсто всего этого не лучше ли приспособить частную промышленность къ удовлетворенію всѣхъ военныхъ потребностей, какъ это и дѣлается нынѣ во всемъ мірѣ. Дѣятельность и жертвы правительства въ этомъ направленіи гораздо производительнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ на поприщѣ собственнаго казеннаго хозяйства. Самыя образцовыя казенныя фабрики остаются навсегда лабораторіями, достопримѣчательностями, куріозами, не обладающими силою водворенія и распространенія въ странѣ. Капиталы отданные въ распоряженіе частной промышленности содѣйствуютъ вообще ея успѣхамъ, не по одной только части изготовленія принадлежностей военнаго дѣла; сооруженіе броненосныхъ судовъ значительно содѣйствовало развитію металлургическаго производства по другимъ отраслямъ. Этотъ пунктъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Слишкомъ тяжко обходится для всѣхъ народовъ нынѣшній военный періодъ, чтобы не желать извлечь сколько можно пользы для науки, искусства и промышленности изъ этихъ колоссальныхъ военныхъ расходовъ. Потому нельзя не

радоваться усиліямъ, сдѣланнымъ у насъ въ послѣднее время къ исполненію заказовъ для арміи и флота на частныхъ заводахъ, и въ особенности должно быть признательнымъ морскому министерству, энергически поощрявшему водвореніе у насъ нѣкоторыхъ новыхъ производствъ. Не странно ли слышать съ какою изумительною дерзостью люди ставящіе личные интересы и самолюбіе впередъ интересовъ государства порицаютъ всѣ эти патріотическія начинанія, указывая на случаи въ которыхъ будто бы тѣ же самыя издѣлія (напримѣръ артиллерійскіе снаряды) обходились правительству дороже на частныхъ заводахъ, чѣмъ могли бы они стоить на казенныхъ. Не мѣшаетъ замѣтить мимоходомъ что во всѣхъ подобныхъ сравненіяхъ, какъ впрочемъ и во всѣхъ официальныхъ вычисленіяхъ стоимости казенныхъ издѣлій, никогда не принимаются въ разчетъ общіе (накладные) расходы содержанія казенныхъ заведеній и управленія, и проценты на затраченные капиталы, основныя и оборотныя; значительную часть этихъ расходовъ, которые всѣ до копѣйки входятъ въ цѣну частныхъ издѣлій, невозможно даже приблизительно опредѣлить въ казенномъ хозяйствѣ. Но, не говоря даже объ этомъ, самая непожѣрная дороговизна исполненія заказовъ правительства частными лицами гораздо менѣе убыточна для государства, въ особенности когда эти заказы относятся къ промышленности возникающей, чѣмъ даже меньшая денежная (нарицательная) стоимость тѣхъ же издѣлій на казенныхъ фабрикахъ: въ первомъ случаѣ, всякая трата казны переходитъ въ народный капиталъ, который обогащаетъ государство, а съ нимъ, рано или поздно, и самую казну, а во второмъ случаѣ, народныя сбереженія, изъ которыхъ слагаются налоги, истребляются безъ всякаго остатка для государства, ибо казенное производство не обладаетъ само-по-себѣ, безъ частной предпріимчивости, никакими силами развитія и водворенія въ отравѣ, не имѣетъ будущности и не сберегаетъ капитала иначе какъ развѣ путемъ злоупотребленій, растлѣвающихъ народныя нравы. Сверхъ того, не ближе ли къ цѣли и не выгоднѣе ли правительству покровительствовать промышленности и поддерживать ее, если это необходимо, казенными заказами, нежели разными другими искусственными мѣрами, каковы оруды и субсидіи, которая невозможно раздавать безъ вреда успѣхамъ промышленности и безъ нарушенія интересовъ третьихъ лицъ. Хотя все это самая элементарная жо-

нѣтія, вошедшія въ плоть и кровь современныхъ образованныхъ народовъ, но ихъ поневолѣ приходится повторять, когда безпрестанно слышишь мнѣнія которыя противоудѣствуютъ распространенію у насъ этихъ здравыхъ понятій, и между тѣмъ провозглашаются съ самоуверенностью, способною ввести въ заблужденіе многихъ скромныхъ и робкихъ людей.

Мы вынуждены были такъ много распространиться по вопросу объ изготовленіи принадлежностей военной обороны на нашихъ казенныхъ горныхъ заводахъ, такъ какъ необходимость ихъ защищается преимущественно съ этой точки зрѣнія. Впрочемъ, пока не было и рѣчи о продажѣ чисто военныхъ заводовъ (каковы лучечныя фабрики), которые находятся нынѣ въ завѣдываніи горной администраціи и могли бы гораздо удобнѣе дѣйствовать въ рукахъ военнаго вѣдомства, въ связи съ другими такими же точно заведеніями и арсеналами. Потому противники передачи казенныхъ горныхъ заводовъ въ частныя руки, по незнанію или по недобросовѣстности, ссылаются, какъ на аргументъ противъ этой операціи, на необходимость сохраненія казенныхъ фабрикъ, изготовляющихъ холодное оружіе, артиллерійскія орудія и пр., когда эти фабрики и не были вовсе включены пока въ списокъ предложенныхъ къ продажѣ горныхъ заводовъ. Но говоря о необходимости сохраненія въ казенныхъ рукахъ заводовъ изготовляющихъ принадлежности арміи и флота, подъ такими заводами разумѣютъ часто всѣ безъ изъятія заводы исполняющіе какіе-либо заказы военныхъ вѣдомствъ или приготавлиющіе сырые матеріалы для чисто военныхъ фабрикъ; такимъ образомъ, къ заводамъ необходимымъ для военныхъ цѣлей причисляются чугуноламельные, желѣзодѣлательные и мѣдноламельные заводы. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ товара котораго бы нельзя было назвать военнымъ, и нѣтъ производства которымъ бы казна не обязана была заниматься. Коль скоро товаръ прямо или косвенно нуженъ для вооруженія производится въ странѣ независимо отъ спроса казны, и существуетъ въ торговлѣ, то его уже невозможно считать военнымъ, и нѣтъ надобности правительству самому заниматься его производствомъ, когда опытъ доказалъ возможность изготовленія частными лицами даже чисто-военныхъ предметовъ. Можно ли забывать что пока нѣтъ спроса на какой-нибудь товаръ, до тѣхъ поръ не можетъ быть и производства его въ промышленности; само собою разумеет-

ея что пока казна будет сама лавить чугуны для своихъ литейныхъ фабрикъ, до тѣхъ поръ не возникнетъ производство этого чугуна на частныхъ чугуноплавильныхъ заводахъ. Пеневолѣ приходится повторять такія простые вещи, когда слышишь серьезныя разсужденія о необходимости производства казеннаго чугуна за неимѣніемъ его въ торговлѣ.

Съ сокращеніемъ военныхъ нарядовъ на казенныхъ горныхъ заводахъ, дѣйствія ихъ въ послѣдніе годы обращены были въ значительной степени на изготовленіе металловъ для военной продажи; нѣкоторые заводы были исключительно заняты этою крайне убыточною для казны операціей, и кредиты ассигнуемые на нее по бюджету ежегодно возрастали. Защитники такой системы опираются въ своихъ доказательствахъ преимущественно на необходимость доставить способы пропитанія рабочимъ, приписаннымъ къ заводамъ и находящимся на Уралѣ въ бѣдственномъ положеніи. Какъ ни уважителенъ съ виду этотъ новый интересъ, выдвигаемый нынѣ особенно часто для защиты казеннаго горнаго производства, но разсуждать такъ могутъ только люди незнакомыя съ мѣстными условіями быта уральскаго горнозаводскаго народонаселенія или же разчитывающіе на незнаніе другихъ. Совершенно справедливо что горнозаводское временно-обязанное народонаселеніе на Уралѣ особенно бѣдствуетъ въ казенныхъ округахъ; но для улучшенія и прочнаго обезпеченія его быта казна располагаетъ средствами гораздо болѣе дѣйствительными и нынѣ для нея убыточными чѣмъ продолженіе дѣйствій заводовъ, все-таки не доставляющихъ достаточно заработковъ народонаселенію. Первая и главная мѣра для достиженія этой цѣли заключается въ окончательной развязкѣ временно-обязанныхъ отношеній, и поземельное устройство народонаселенія; нынѣ казна доставляетъ посредствомъ ненужнаго ей производства заработокъ временно-обязанному народонаселенію для уплаты ей же самой оброковъ за землю, и къ тому же эти оброки плохо и почти вовсе не поступаютъ въ казну. Уже это одно доказываетъ какъ умѣстна была бы здѣсь величайшая щедрость въ надѣленіи народонаселенія землей, * которая можетъ въ этихъ отдаленныхъ и пустынныхъ мѣстностяхъ приобрѣ-

* Въ книгѣ нашей *Уральское горное хозяйство* указаны въ подробности всѣ мѣры необходимыя къ устройству быта рабочаго народонаселенія.

сти цѣнность для государства только посредствомъ переходя въ собственность горнозаводскаго приписнаго народонаселенія.

Наконецъ, есть еще одна, третья, точка зрѣнія, съ которой поддерживается обыкновенно государственная польза казенныхъ горныхъ заводовъ: говорятъ что они должны быть разсадникомъ горнаго искусства въ Россіи и служить примѣромъ техническихъ усовершенствованій для частныхъ предпріятій, преслѣдующихъ исключительно промышленныя цѣли, съ пренебреженіемъ къ услугамъ техники. Чтобы съ этой точки зрѣнія казенное производство было необходимо, нужно доказать что безъ него добыча и обработка металловъ въ частныхъ рукахъ не могутъ нынѣ совершенствоваться въ Россіи; но этого доказать невозможно, потому что всѣ главные металлы: чугунъ, желѣзо, мѣдь, выдѣлываемые на нашихъ частныхъ заводахъ, отличаются первостепенными качествами не только въ Россіи, но во всемъ мірѣ. Такъ, напримѣръ, лучшіе отечественные и иностранные авторитеты по горному дѣлу всегда указываютъ, какъ на образцовые въ Россіи во всѣхъ отношеніяхъ заводы, идущіе впереди всѣхъ техническихъ усовершенствованій, на Тагильскіе заводы гг. Демидовыхъ. Мы упоминаемъ объ этомъ фактѣ только какъ объ одномъ изъ многихъ и самомъ безспорномъ, подтвержденномъ, сколько намъ извѣстно, и на послѣдней Всероссийской мануфактурной выставкѣ.

Кромѣ Тагила, есть у насъ частные заводы не щадящіе усилій и жертвъ къ улучшенію своихъ издѣлій (напримѣръ, Алапаевскіе заводы, наследниковъ Яковлевыхъ, по производству желѣза, преимущественно листоваго, механическіе заводы гг. Шилова и Струве, и т. д.); мы упомянули о Тагилѣ лишь потому что онъ отличается тою техническою роскошью, любовью къ прогрессу и непрерывнымъ общеніемъ съ наукой, которыя желаютъ у насъ усвоить казенному горному хозяйству, и которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, чужды будто бы нашимъ частнымъ предпріятіямъ. Между тѣмъ, едва ли казенному хозяйству не гораздо труднѣе идти впереди техническихъ услугъ чѣмъ частному; и это замѣчено не только у насъ, но даже въ Пруссіи, и это никоимъ образомъ не можетъ быть поставлено въ упрекъ лицамъ распоряджающимся на казенныхъ заводахъ. Личная щекотливость, возбуждающаяся у насъ при всякомъ сравненіи издѣлій казенныхъ и частныхъ заводовъ, совершенно, по мнѣнію нашему, неумѣст-

на, потому что никакъ нельзя сказать что техническія достоинства или недостатки нашего казеннаго и частнаго металлическаго производства свидѣтельствовали о сравнительныхъ достоинствахъ двухъ различныхъ разрядовъ техниковъ: казенныхъ и частныхъ. Тѣ же самые техники или горные инженеры трудились какъ на казенныхъ, такъ и на частныхъ заводахъ; горнозаводскій техническій міръ одинъ, и невозможно различить что сдѣлано и заимствовано одними или другими. Но тѣмъ же самымъ людямъ труднѣе дѣйствовать, и тому же самому дѣлу труднѣе улучшаться посреди условій казеннаго хозяйства, чѣмъ посреди условій частнаго. Совершенно фальшивая мысль, кажущаяся многимъ аксіомою, будто казна можетъ дѣлать болѣе непроизводительныхъ затратъ и болѣе приносить жертвъ на техническія усовершенствованія горнаго дѣла, чѣмъ частныя лица. Мы увидимъ ниже какіе требуются отъ правительства громадные капиталы, при нынѣшнемъ положеніи казенныхъ горныхъ заводовъ, только для продолженія ихъ дѣйствій, сколько-нибудь состоятельнаго; а чтобы поставить ихъ на ногу соответствующую всѣмъ современнымъ требованіямъ техники, нужны капиталы рѣшительно превосходящіе способы государственнаго казначейства. Дальнѣйшее продолженіе даже нынѣшнихъ расходовъ по горному вѣдомству, не обезпечивающихъ работу на заводахъ въ теченіи цѣлаго года, будетъ, безъ всякаго сомнѣнія, въ скоромъ времени признано невозможнымъ; впрочемъ, это уже признано, такъ какъ правительство заявило намѣреніе передать свои заводы въ частныя руки, вслѣдствіе необходимости сокращенія расходовъ по государственному бюджету. Мы вскорѣ убѣдимся что эта мысль правительства какъ нельзя болѣе справедлива. Сверхъ того, есть еще другая причина препятствующая успѣхамъ техники на казенныхъ заводахъ, это недостаточная самостоятельность ближайшихъ распорядителей и зависимость ихъ отъ высшихъ инстанцій въ употребленіи капиталовъ. Для техническаго улучшенія дѣла, необходима безусловная свобода въ распоряженіи имъ согласно съ личными видами, вкусами, и иногда даже фантазіями управляющихъ заводомъ; эта свобода, неизбежно сопряженная съ ошибками и рисками, обрушивающимся на чужой капиталъ, возможна только при личномъ нравственномъ и коммерческомъ довѣріи собственника завода, и при его готовности на жертвы, въ которыхъ онъ не обязанъ отчетомъ никому, кромѣ самого себя. Въ эти условія несомнѣнны съ казеннымъ хозяйствомъ,

какъ бы ни старались упростить нынѣшній сложный и устарѣлый механизмъ нашего горнаго вѣдомства и правила отчетности, возбуждающія столько жалобъ въ средѣ мѣстныхъ распорядителей.

Говоря о казенномъ горномъ производствѣ какъ о разсадникѣ горнаго искусства, забываютъ впрочемъ объ одномъ важномъ обстоятельстве, отнимающемъ всякое промышленное значеніе у техническихъ услугъ казеннаго дѣла. Только тѣ техническія усовершенствованія полезны для промышленности и имѣютъ какую-нибудь для нея цѣну которая *выгодна*, то-есть, уменьшаютъ расходы производства при тѣхъ же качествахъ издѣлій, или улучшаютъ издѣлія при тѣхъ же расходахъ. Всякія иныя техническія усовершенствованія, изобрѣтенія и открытія принадлежатъ къ области науки или теоріи искусства, и хотя необходимы для услугъ промышленности, но могутъ быть для нея полезны, — расширяя кругъ познаній, посредствомъ которыхъ совершенствуется самая промышленность. Чтобы послужить на пользу промышленности, всякое техническое усовершенствованіе должно пройти чрезъ практическій промышленный опытъ, быть одѣвлено относительно своей выгодности, а въ этомъ опытѣ казеннаго производства не можетъ быть примѣромъ для частнаго промышленнаго предпріятія, находящагося въ совершенно иныхъ и большею частью даже противоположныхъ экономическихъ условіяхъ. То что не разорительно и даже выгодно съ государственной точки зрѣнія для казны, можетъ быть убійственно для частныхъ капиталовъ. Именно, вся область научныхъ изслѣдованій, ученыхъ работъ, лишь косвенно выгодныхъ для промышленности, изобрѣтеній и открытій, требующихъ жертвъ и затратъ на продолжительное время, рисковъ, не окулающихся никакими немедленными прибылями, — вотъ эта область должна пользоваться особеннымъ покровительствомъ и пособіями казны. Въ такомъ только случаѣ правительство будетъ дѣлать для промышленности то что ей самой недоступно. Это понято въ образованныхъ государствахъ западной Европы, жертвующихъ, какъ напримѣръ Англія и Пруссія, на ученые работы и предпріятія по горному дѣлу огромные капиталы. Услуги оказанныя у насъ правительствомъ горной наукѣ и всѣмъ вспомогательнымъ ея отраслямъ неоспоримы; въ средѣ нашихъ горныхъ инженеровъ многіе пользуются европейскою извѣстностью, и всѣ вообще

стоятъ по своему научному образованію на одномъ уровнѣ съ инженерами другихъ отрасль. Но въ Россіи, какъ мы увидимъ ниже, расходы на учебную часть горнаго дѣла, сравнительно съ другими странами и размѣрами нашего горнаго бюджета, ничтожны. Итакъ, въ смыслѣ содѣйствія успѣхамъ горной техники, нужно желать, вмѣсто казенныхъ заводовъ, развитія правительственной дѣятельности по образованію и воспитанію горныхъ техниковъ, не только высшихъ, какъ это дѣлается нынѣ, но и среднихъ и низшихъ, или вообще такъ-называемыхъ мастеровъ, увеличенія расходовъ на геологическія и географическія изслѣдованія и описанія Россіи, на содержаніе лабораторій, музеевъ и пр. Можетъ-статься и полезны были бы въ связи съ учеными и учебными учрежденіями, подъ руководствомъ ученыхъ техниковъ, одинъ или два завода (горный и металлургическій), съ характеромъ лабораторій или учебныхъ мастерскихъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова,—какъ объ этомъ уже была рѣчь. Но между такими заведеніями, не рассчитывающими на прибыль, и множествомъ казенныхъ заводовъ, безпрерывно развивающихся въ качествѣ промышленныхъ предпріятій и конкурирующихъ на рынкѣ съ частными предпріятіями, нѣтъ ничего общаго.

Мы сдѣлали очеркъ всѣхъ важнѣйшихъ доводовъ которыми обыкновенно стараются у насъ доказать пользу и необходимость казенныхъ горныхъ заводовъ для государства. Теперь мы увидимъ во что они ему обходятся, и съ какими убытками для казны сопряжены ихъ дѣйствія. Вопросъ о количествѣ матеріальныхъ жертвъ или безвозвратныхъ расходовъ производимыхъ на какое-либо государственное учрежденіе играетъ первостепенную роль въ самыхъ даже сужденіяхъ о пользѣ имъ приносимой; государство не частный человекъ, который имѣетъ право по своему произволу тратить на предпріятія, хотя бы и вовсе для него не полезныя, но удовлетворяющія какой-нибудь его прихоти. Всякій государственный расходъ долженъ быть оправданъ положительною, несомнѣнною пользою имъ приносимую государству; и даже мало этого, нужно чтобы тотъ же расходъ, обращенный на другой предметъ, не могъ сдѣлаться еще полезнѣе. У нашего государства столько нуждъ, въ удовлетвореніи которыхъ отказывается единственно за неимѣніемъ на то средствъ, что едва ли даже самые горячіе защитники казенныхъ горныхъ заводовъ найдутъ возможнымъ доказывать пользу продолженія нынѣш-

нихъ расходовъ на нихъ, ниже нами вычисляемыхъ. Между тѣмъ эти расходы далеко не достаточны чтобы казенные заводы находились въ полномъ своемъ дѣйстви, и, въ случаѣ сохраненія ихъ въ рукахъ казны, эти расходы должны быть въ значительной степени увеличены. Нынѣшнее положеніе казенныхъ горныхъ заводовъ можетъ быть терпимо лишь какъ временное, до передачи ихъ въ частныя руки; всѣ они требуютъ капитальныхъ исправленій и усиленія оборотныхъ капиталовъ, безъ которыхъ многіе не могутъ продолжать своихъ дѣствий. Впрочемъ и нынѣ расходы по казеннымъ заводамъ ежегодно возрастаютъ.

Финансовыя результаты операцій казенныхъ горныхъ заводовъ до сихъ поръ не были точнымъ образомъ изслѣдованы, и потому о нихъ судятъ большею частью почти гадательно, предполагая то убытки для казны, то барыши. Мы постарались, на сколько это возможно, привести въ ясность эти результаты, на основаніи всѣхъ доступныхъ для насъ данныхъ. * По своимъ размѣрамъ, финансовыя операціи горнаго вѣдомства имѣютъ первостепенное значеніе въ нашемъ государственномъ бюджетѣ. Общій валовой итогъ всѣхъ доходовъ исчисленныхъ по смѣтѣ горнаго вѣдомства (за исключеніемъ Царства Польскаго) составлялъ въ 1869 году до 14.400.000 р., въ 1870 до 15.200.000 р. то-есть около $3\frac{3}{10}\%$ всѣхъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ. Во всемъ нашемъ бюджетѣ, только три источника доходовъ (подушныя подати, литейные и таможенные сборы) превосходятъ валовую цифру горныхъ доходовъ, всѣ же остальные статьи гораздо ихъ мельче. Но точно такъ же крупны и расходы по горному вѣдомству, на которые нельзя иначе смотрѣть какъ на издержки взиманія упомянутыхъ доходовъ. Вся смѣта расходовъ горнаго департамента, за исключеніемъ незначительной цифры 156.000 р.,** истрачиваемыхъ по ученой и учебной части горнаго вѣдомства, не имѣетъ въ строгомъ смыслѣ слова иного значенія какъ издержекъ взиманія казенныхъ доходовъ, ибо мы видѣли что нельзя признать государственной необходи-

* Нижеслѣдующіе выводы изъ нашего мемуара, изданнаго въ свѣтъ Императорскою Академіею Наукъ въ 1870, и дополнены новыми данными.

** Всѣ наши вычисления сдѣланы по бюджету 1869 года; но общій характеръ горнаго бюджета не измѣнился и въ 1870.

мости за дѣйствіями казенныхъ заводовъ. Горные расходы достигаютъ въ 1869 общаго итога въ 7.961.000 р., а въ 1870 7.760.000 р. * Такимъ образомъ, общая сумма расходовъ по горному вѣдомству превосходитъ итоги расходныхъ смѣтъ дѣльныхъ министерствъ и отдѣльныхъ частей государственнаго управленія, каковы: министерство иностранныхъ дѣлъ (2.273.000), государственныхъ имуществъ (5.000.000), государственный контроль (1.800.000), и если взять въ разчетъ сверхсмѣтные кредиты горнаго вѣдомства, то его расходы равняются расходамъ вѣдомства свѣтѣйшаго синода (8.663.000), Императорскаго Двора (9.000.000), министерства юстиціи (9.000.000). Между тѣмъ, многія изъ упомянутыхъ отраслей государственнаго управленія бываютъ вынуждены отказываться отъ выполненія важнѣйшихъ своихъ обязанностей, необходимыхъ для государства, единственно за недостаткомъ финансовыхъ къ тому способовъ. Расходы по горному вѣдомству непрерывно возрастаютъ, несмотря на призванную необходимость сокращенія по всѣмъ частямъ управленія.

Въ 1866 горная смѣта составляла .	6.436.000
• 1867	6.865.000
• 1868	7.496.000
• 1869	7.961.000

Незначительное уменьшеніе горныхъ расходовъ по смѣтѣ 1870 года (на 200.000 р.) произведено было вслѣдствіе усилій нашей вышней бюджетной инстанціи сократить убытки казны по этой части; но едва ли это уменьшеніе будетъ осуществимо и едва ли не потребуются сверхсмѣтные кредиты, такъ какъ развитіе расходовъ на горные заводы, пока они существуютъ и распространяются, не зависитъ отъ воли администраціи, а вынуждено самою сущностью дѣла. Исполненіе горной смѣты отличается постоянными сверхсмѣтными кредитами, доходившими въ 1866 году до 2.283.000 р., въ 1867 до 645.000 р., а въ 1869 до 713.000 р. Если мы будемъ смотрѣть на расходы горнаго вѣдомства какъ на издержки взиманія этой отрасли доходовъ, то громадность ихъ размѣровъ далеко оставить за собою издержки взиманія всѣхъ безъ изъятія отраслей госу-

* По горному вѣдомству всегда испрашивается, какъ увидимъ ниже, сверхсмѣтные кредиты, такъ что уменьшеніе расходовъ по смѣтѣ 1870 нельзя признать дѣйствительнымъ уменьшеніемъ.

дарственныхъ доходовъ. Расходная смѣта составляетъ здѣсь 57% валоваго дохода, то-есть цифру не имѣющую себѣ подобной въ другихъ отрасляхъ государственныхъ доходовъ. Въ 1866 году дѣйствительные расходы, по контрольному отчету, достигли 8.388.000, въ то время какъ поступления составляли только 8.657.000, такъ что чистый доходъ казны равнялся 269.000 р. или издержки взиманія составили почти 100%. Если 1866 годъ и составляетъ исключительную эпоху въ операціяхъ нашего горнаго дѣла, на что мы не имѣемъ положительныхъ доказательствъ, то во всякомъ случаѣ необходимо имѣть въ виду крайніе предѣлы убытковъ по нашему государственному горному хозяйству.

Общіе итоги горной смѣты, какъ они сами по себѣ ни замѣчательны, не даютъ однако полнаго понятія о финансовыхъ результатахъ нашего государственнаго горнаго хозяйства, въ которомъ сосредоточены самые разнокачественные источники доходовъ, въ томъ числѣ и такіе которые не имѣютъ ничего общаго съ *горными* доходами въ настоящемъ, неофициальномъ смыслѣ этого слова. Чтобы вполне опредѣлить финансовое значеніе нашихъ государственныхъ горныхъ доходовъ, необходимо ближе разсмотрѣть финансовые результаты каждаго изъ ихъ источниковъ. Съ этою цѣлью, мы сдѣлаемъ краткое обзорнѣе всѣхъ главнѣйшихъ частей горной смѣты, и относительной выгодности каждой группы доходовъ. Числовыя данныя, которыя мы должны будемъ представить, послужатъ основаніемъ для всѣхъ дальнѣйшихъ нашихъ сужденій, и лучше всего объяснятъ неудовлетворительность господствующей системы и необходимость коренной реформы по этой части. *

Вся дѣятельность нашего горнаго вѣдомства, сосредоточеннаго въ горномъ департаментѣ министерства финансовъ, и всѣ связанная съ нею операціи распадутся на слѣдующія четыре отрасли:

· I. *Монетное дѣло*: чеканка монеты, пробирная часть, разныя побочныя металлургическія производства монетныхъ дворовъ.

* Въ упомянутомъ уже академическомъ межуарѣ сведены нами подробная таблица всѣхъ статей доходовъ и расходовъ по горному вѣдомству; здѣсь мы сообщаемъ только общіе выводы, основанные на этихъ данныхъ.

II. Частная горная промышленность: взиманіе всѣхъ государственныхъ налоговъ которыми обложено частное горное производство, и завѣдываніе частными горными заводами и промыслами, насколько они подчинены олеку правительства.

Отношенія казны къ частной горной промышленности опредѣляются въ законахъ слѣдующимъ образомъ: *содѣйствіе* частнымъ лицамъ въ управленіи ихъ заводами и промыслами и въ поддержаніи ихъ благосостоянія; *попеченіе* о томъ чтобы минеральныя богатства не оставались безъ разработки; *покровительство* частной горной промышленности зависящими отъ правительственныхъ лицъ способами и даже *снабженіе* частныхъ заводчиковъ матеріальными пособіями, *наблюденіе* за правильнымъ употребленіемъ этихъ пособій. (См. *Наказъ министерства финансовъ*, стр. 927—936). Надо думать что этотъ характеръ отношеній правительства къ горной промышленности, установленный законами давно прошедшаго времени и устарѣлыми понятіями о народномъ хозяйствѣ, измѣнится съ изданіемъ новаго горнаго устава. Казна уже испытала какъ невыгодна для нея и какъ бесполезна для промышленности опека, которой до сихъ поръ подчинены были частные заводы; миллионныя ссуды, выдачныя казною на поддержку несостоятельныхъ заводовъ, погибли безвозвратно и не оказали никакаго содѣйствія успѣхамъ горнаго дѣла.

III. Казенное горное хозяйство: добыча металловъ и минераловъ на казенныхъ земляхъ, по непосредственному распоряженію казны и на ея счетъ, дальнѣйшая обработка металловъ и изготовленіе ихъ, отчасти для потребностей самого правительства, отчасти для вольной продажи, и управленіе горнозаводскими имуществами и землями.

IV. Ученая и учебная часть: управленіе учебными горными заведеніями, содѣйствіе къ воспитанію горныхъ техниковъ, ученыя предпріятія и изслѣдованія къ изученію горныхъ богатствъ Россіи, геогностическія и минералогическія экспедиціи, и вообще попеченіе правительства объ успѣхахъ горнозаводской науки.

Только при слѣланной нами классификаціи всѣхъ денежныхъ операцій горнаго вѣдомства и при сравненіи доходовъ съ расходами по каждому разряду, можно сдѣлать какое-нибудь заключеніе относительно выгодности или убыточности каждой отрасли горной администраціи.

Монетныя операціи (возвышеніе нарицательной цѣны се-

ребряной и мѣдной монеты противъ цѣнности металловъ) составляютъ главный источникъ доходовъ, исчисляемыхъ по смѣтѣ горнаго вѣдомства (14.387.000), на долю монетныхъ доходовъ приходится 5.088.000 (при 747.000 расхода, то-есть 14% на валовую сумму доходовъ), и изъ 6½ милл. общаго итога чистаго дохода получаемаго по горному вѣдомству, монетныя доходы давали въ 1869 году 4.340.000 р. (въ 1870 г. 5 милл.).

Самый главный источникъ государственныхъ доходовъ отъ частнаго горнаго производства составляетъ подать съ золота дающая, по росписи 1869 года, до 1.860.000 руб. валоваго дохода (въ 1870 году 2.500.000 р.) и до 1.700.000 р. чистаго (въ 1870 году до 2.200.000 р.). Главную часть этого дохода даетъ восточная Сибирь (1.400.000 р.), въ сравненіи съ которымъ поступленіе золотой подати по другимъ мѣстностямъ ничтожно. Финансовое значеніе подати съ золота таково что оно одно даетъ почти 70% всего чистаго дохода казны отъ частной горной промышленности, и около 27% всего чистаго дохода по всѣмъ операціямъ правительства по горной части. Если же мы исключимъ вовсе монетный доходъ, какъ не принадлежащій по своей сущности къ горнымъ доходамъ, то окажется что подать съ золота участвуетъ болѣе чѣмъ на 80% во всемъ чистомъ доходѣ казны по горной части.

Вся совокульность горныхъ податей, вмѣстѣ съ разными случайными казенными сборами, съ ними связанными, давала въ 1869 году до 2½ миллионѣвъ чистаго дохода, за исключеніемъ изъ валоваго дохода (2.700.000 р.) издержекъ взиманія, составляющихъ 10% и обнимающихъ собою, сверхъ специальныхъ административныхъ расходовъ по этой части, содержаніе всѣхъ учрежденій по взысканію податей и по надзору за горною промышленностью. Въ 1870 году ожидается отъ горныхъ податей болѣе 2.700.000 р. чистаго дохода.

Итакъ, горныя подати составляютъ нынѣ единственный существенный источникъ государственныхъ доходовъ по горной части, если исключить изъ нихъ монетные доходы. Горныя подати представляютъ собою самый нормальный источникъ доходовъ казны отъ горной промышленности, хотя и онѣ требовали бы нѣкоторыхъ преобразованій; а всего настоятельнѣе безусловная отмена подати съ чугуна, дающей незначительный доходъ (до 300.000 р.).

III. Доходы от казенныхъ горныхъ имуществъ, заводовъ и промысловъ.

Въ этой категоріи, обнимающей собою всѣ доходы правительства какъ собственника горнозаводскихъ имѣній и какъ производителя въ казенномъ горномъ хозяйствѣ, должно различать два совершенно отличные одинъ отъ другаго вида казенныхъ доходовъ:

A) Доходы по различнымъ операціямъ, входящимъ въ кругъ казеннаго горнаго производства или тѣсно или обусловленными.

Главныя группы доходовъ сюда относящихся суть слѣдующія:

- 1) Добыча металловъ имѣющихъ самостоятельную торговую цѣнность, независимо отъ своей дальнѣйшей обработки: золота, серебра, мѣди и свинца.
- 2) Изготовленіе металловъ по нарядамъ министерствъ военного, морскаго и путей сообщенія.
- 3) Изготовленіе металловъ и издѣлій для вольной продажи.
- 4) Разныя мелкія денежныя поступленія въ казну, обусловленные казеннымъ горнымъ хозяйствомъ, каковы: продажа провіанта рабочимъ, плата за лѣченіе въ госпиталѣхъ постороннихъ лицъ и пр.

Отъ всѣхъ этихъ доходовъ совершенно отличны:

B) Доходы поступающіе по казеннымъ горнозаводскимъ имуществамъ, независимо отъ казеннаго горнаго и металлургическаго производства.

Вся совокупность этихъ доходовъ пока численно весьма ничтожна (по росписи 1869 года всего 153.000 р.) и состоитъ изъ множества мелкихъ сборовъ, каковы: плата за добычу руды въ казенныхъ дачахъ, наемъ казенныхъ домовъ и разныя оброчныя статьи, распродажа ненужнаго казеннаго имущества и пр. Двѣ главныя статьи этой группы доходовъ составляютъ: *поземельные доходы* (оброки временно-обязаннаго горнозаводскаго народонаселенія и наемъ свободныхъ заводскихъ угодій) и *разныя лѣсные сборы*.

Точное опредѣленіе финансовыхъ результатовъ казеннаго горнаго производства сопряжено со многими трудностями; ко-

торыя преимущественно заключаются въ слѣдующемъ: вопервыхъ, болѣе половины всѣхъ операцій по этой части состоятъ въ изготовленіи металловъ и металлическихъ издѣлій для министерствъ военнаго, морскаго и путей сообщенія, а цѣнность этихъ предметовъ опредѣляется лишь операционными расходами, ассигнуемыми на ихъ производство и перевозку, съ надбавкою весьма произвольно взятой цифры изъ общихъ расходовъ по горному управленію. Въ дѣйствительности же почти невозможно опредѣлить цѣнность этихъ произведеній, не имѣющихъ ходячей цѣны, вслѣдствіе монополіи казеннаго производства, такъ же какъ невозможно опредѣлить какое количество общихъ расходовъ горнаго вѣдомства должно быть отнесено на этотъ предметъ. Извѣстно только что оба военныя вѣдомства старались объ освобожденіи ихъ отъ обязательныхъ нарядовъ на казенныхъ горныхъ заводахъ, и не только не требовали болѣе денегъ на случай заготовленія нужныхъ имъ издѣлій путемъ частной промышленности, но даже готовы были уменьшить свои кредиты. Само собою разумѣется, что пока это только предположеніе, на которое нельзя безусловно полагаться. Вовторыхъ, при неразрывной практической связи всѣхъ частей государственной дѣятельности по горному вѣдомству, невозможно съ точностью опредѣлить какая часть расходовъ уладеетъ на казенное горное хозяйство, и какая потребовалась бы на горную администрацію безъ казенныхъ заводовъ. Втретьихъ, невозможно оцѣнить выгоды для государства могущія произойти отъ упраздненія казеннаго горнаго хозяйства: возрастаніе доходовъ отъ горныхъ податей, съ развитіемъ частной промышленности, удешевленіе правительственныхъ заготовокъ металловъ, освобожденіе казны отъ искусственныхъ пособій частной горной промышленности и проч. Наконецъ, вчетвертыхъ, бюджетъ не даетъ понятія о дѣйствительныхъ расходахъ по казенному горному хозяйству, которые постоянно производятся путемъ сверхсметныхъ кредитовъ, въ теченіи бюджетныхъ періодовъ. По всѣмъ этимъ причинамъ нельзя вывести съ математическою точностью финансовыхъ результатовъ (то-есть сравнить прибыли съ убытками) по казеннымъ горнымъ заводамъ.

Между тѣмъ, даже приблизительное рѣшеніе вопроса объ общей суммѣ убытковъ, происходящихъ отъ казеннаго горнаго производства, въ высшей степени важно, какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія; потому мы ниже слѣ-

имѣемъ опытъ вычисленія упомянутыхъ убытковъ, а теперь упомянемъ еще о четвертой отрасли дѣятельности горнаго вѣдомства.

IV. Ученая и учебная часть.

Здѣсь доходы, заключающіеся въ выручкѣ отъ ученыхъ изданій и отъ платы за учениковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, всего 5.600 р. Расходы по этой части (содержаніе Горнаго Института 114.000 р., ученаго комитета, ученая экспедиція и изданія сочиненій) составляютъ всего 156.000 р. Эта сумма скорѣе ниже чѣмъ выше государственныхъ потребностей связанныхъ съ этою частью, и затѣмъ чистый убытокъ казны во 151.000 р. конечно нельзя назвать непроизводительною тратой.

Теперь мы обращаемся къ вычисленію общей суммы убытковъ по казенному горному производству, и постараемся опредѣлить *наименьшую* цифру этихъ убытковъ, руководствуясь данными горной смѣты:

По смѣтѣ горнаго вѣдомства на 1869 годъ, общій итогъ всѣхъ ея доходовъ (14.387.000 р.) превышаетъ общій итогъ расходовъ (7.961.000) на 6.426.000 р.

Найденныя же нами цифры чистыхъ доходовъ по отдѣльнымъ отраслямъ операций горнаго вѣдомства слѣдующія: *

I. Монашые доходы.....	4.340.000 р.
II. Горныя подати.....	2.500.000 р.
III. Добыча золота на казенныхъ приискахъ	240.000 р.
Разные доходы по горнозаводскимъ имуществамъ, не зависящія отъ казеннаго производства.....	150.000 р.
Всего	7.230.000 р.

Вотъ перечень и итогъ всѣхъ чистыхъ доходовъ, какіе только получаютъ по разнообразнымъ операциямъ горнаго вѣдомства.

Вычтя изъ послѣдней цифры, выражающей собою нынѣшній чистый доходъ казны по горному вѣдомству, *безъ операций по казеннымъ горнымъ заводамъ*, итогъ чистаго дохода (6.426.000 р.), показанный по горной смѣтѣ 1869 года, то-есть итогъ заключающій въ себѣ результаты *операций по казен-*

* Мы не можемъ приводить здѣсь всѣхъ цифръ, изъ которыхъ составились наши итоги; любопытствующимъ отсылаемъ къ нашему академическому мемуару.

мымъ заводамъ, получимъ разность въ 800.000 р., которая, за исключеніемъ 151.000 р. расходующихся по ученой и учебной части, составляетъ 650.000 р.; эта послѣдняя цифра и представляетъ собою убытки отъ казенныхъ заводовъ, согласно даннымъ горной смѣты.

Хотя нашъ выводъ и далеко не согласенъ съ выводомъ горной смѣты, по которой показывается чистая прибыль отъ дѣйствій казенныхъ заводовъ (на 1870 годъ въ 200.000 р.), однако наша цифра не соответствуетъ даже минимуму дѣйствительныхъ убытковъ наносимыхъ казнѣ ея горными заводами, ибо, не вдаваясь въ гипотетическія вычисленія выгодъ какія казна могла бы извлечь отъ передачи заводовъ въ частныя руки и отъ усиленія частной горной промышленности, мы смѣло можемъ присовокупить къ цифрѣ 650.000 нѣкоторыя несомнѣнныя прибыли, которыя казна могла бы получить отъ упраздненія казеннаго производства. Отъ передачи казенныхъ золотыхъ приисковъ въ частныя руки казна получила бы:

Податей, 10% съ количества добычи.....	450.000 р.
Вознагражденіе за право собственности на прииски	225.000 р.
Итого.....	675.000 р.

Вычтя изъ этой суммы 240.000 р., которые казна получаетъ нынѣ отъ добычи золота, мы получимъ 435.000 р.

Этотъ излишекъ дохода отъ передачи золотыхъ приисковъ въ частныя руки наименьшій, ибо мы предполагаемъ въ нашемъ разчетѣ что добыча золота только утрется противъ нынѣшней казенной добычи, а она должна возрасти въ гораздо сильнѣйшей степени.

Проценты (5%) на оборотный капиталъ или бюджетные кредиты по казенному горному хозяйству, которые дѣлаются излишними съ упраздненіемъ казенныхъ заводовъ, 200.000 р. Всего 1.285.000 р.

Итакъ, сумма около 1.300.000 р. ежегодно есть минимумъ убытковъ, которые терпитъ казна отъ содержанія своихъ горныхъ заводовъ, или минимумъ сбереженія, которое она можетъ сдѣлать съ прекращеніемъ ихъ дѣйствій. При этомъ не должно забывать что въ сдѣланномъ исчисленіи остаются неприкосновенными 3.367.000 р. расходовъ на заготовленіе металлическихъ издѣлій для вѣдомствъ военнаго, морскаго и путей сообщенія, и что эта сумма могла бы быть выдаваема

на руки означеннымъ вѣдомствамъ для нарядовъ на частныхъ заводахъ. Мы не предполагали сокращенія въ этихъ расходахъ, но такое сокращеніе вѣроятно, судя по многократнымъ заявленіямъ представителей арміи и флота, увѣренныхъ въ возможности сокращенія издержекъ, какъ только они будутъ освобождены отъ обязательныхъ нарядовъ на казенныхъ заводахъ. Мы однако не беремъ въ соображеніе этого сокращенія, какъ и множества другихъ вѣроятныхъ прибылей казны, и ограничиваемся *несомнѣнно достоверными данными*. Лишь на такія данныя можно опираться, проектируя финансовыя мѣры и вычисляя ихъ выгодныя послѣдствія; болѣе или менѣе вѣроятныя прибыли должны быть только въ виду, какъ прибавокъ къ положительно достовернымъ прибылямъ и какъ запасъ для непредвидѣнныхъ дурныхъ случайностей.

Выведенный нами минимумъ убытковъ, причиняемыхъ казнѣ ея горнымъ производствомъ, основанъ исключительно на бюджетныхъ данныхъ, которыхъ недостаточно чтобъ опредѣлить всѣ вѣроятныя размѣры этихъ убытковъ. Съ величайшею вѣроятностью, почти достоверностью, мы можемъ назначить гораздо высшіе размѣры этихъ убытковъ.

Во первыхъ, положенное въ основаніе нашихъ вычисленій предположеніе что казна, съ прекращеніемъ дѣйствій казенныхъ горныхъ заводовъ, не извлечетъ изъ нихъ, чрезъ передачу ихъ частнымъ лицамъ, никакихъ новыхъ доходовъ, или, другими словами, что эти заводы не заключаютъ въ себѣ никакой цѣнности, совершенно произвольно, и сдѣлано нами въ видѣ крайней уступки противникамъ этой мѣры. Всѣ казенныя горнозаводскія имѣнія, даже безъ заводскихъ строеній и устройствъ, имѣютъ по своимъ естественнымъ богатствамъ, минеральнымъ и лѣснымъ, весьма высокую цѣнность, не говоря даже о земельныхъ угодьяхъ, весьма обширныхъ - и въ иныхъ мѣстахъ очень плодородныхъ. Достаточно указать въ видѣ примѣра на Гороблагодатскій округъ на Уралѣ, который, при неисчерпаемомъ богатствѣ магнитнаго желѣзняка и при обиліи въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ лѣсонасаженій, можетъ возбудить сильнѣйшую конкуренцію между капиталистами по покупкѣ заводовъ и заводскихъ дачъ. Если продажа всѣхъ горнозаводскихъ имѣній будетъ организована обдуманно, съ знаніемъ мѣстныхъ условій, если продаваемые имѣнія будутъ раздроблены (это главное) и первоначальная ихъ оцѣнка будетъ низка, то нельзя

сомнѣваться въ успѣшномъ ходѣ этой операціи. Съ увѣренностью можно положить до 500.000 руб. ежегодной выручки казны отъ этой операціи въ теченіе значительнаго числа лѣтъ. Эта цифра будетъ вѣроятно признана даже слишкомъ умѣренной лицами знающими мѣстные обстоятельства Приуральскаго края, гдѣ сосредоточены главныя горнозаводскія имѣнія казны и гдѣ съ крайнимъ нетерпѣніемъ ждутъ ихъ продажи. Не говоря о многихъ другихъ комбинаціяхъ которыя могутъ быть придуманы для успѣха этого дѣла, упомянемъ только о приѣмѣ въ уплату за заводы государственныхъ процентныхъ бумагъ, что было бы вполне рационально и чрезвычайно облегчило бы продажу. Хотя отдача заводовъ въ аренду была отвергнута при обсужденіи проекта ихъ продажи, однако и не слѣдуетъ вовсе отказываться отъ этой мѣры, въ случаѣ безуспѣшныхъ торговъ на нѣкоторыя заводскія дачи. Аренда можетъ быть важнымъ восполненіемъ для извлеченія дохода изъ казенныхъ горнозаводскихъ имѣній.

Еслибы продажа всѣхъ казенныхъ горныхъ заводовъ встрѣтила затрудненія, то нѣкоторые изъ нихъ, и именно металлургическіе или *передѣлочныя*, могли бы быть отданы въ арендное содержаніе. Если аренда признается вообще невыгодною для горныхъ заводовъ, то только для *горныхъ*, въ настоящемъ смыслѣ этого слова (то-есть перерабатывающихъ руду, которая можетъ быть хищнически выработана), а передѣлочные заводы сюда вовсе не относятся. Что же касается до истребленія лѣсовъ, то противъ этого могутъ быть приняты разныя мѣры, и во всякомъ случаѣ едва ли слѣдуетъ опасаться лѣсоистребленій въ рукахъ частныхъ лицъ, большіхъ чѣмъ нынѣ при казенномъ горномъ хозяйствѣ. Продолжительная аренда будетъ вѣроятно бережливѣе чѣмъ казенная администрація.

Итакъ, весьма вѣроятную прибыль казны отъ прекращенія казеннаго горнаго производства уже можно опредѣлить, съ 500.000 руб. дохода отъ отчужденія заводовъ, въ 1.800.000, до 2.000.000 р. въ годъ. Но и эта цифра еще ниже истины.

Далѣе, слѣдуетъ замѣтить что всѣ наши вычисленія основаны на смѣтныхъ данныхъ, между тѣмъ какъ результаты исполненія бюджета различествуютъ отъ его предвидѣній,—это хорошо всѣмъ извѣстно. Судя по отчетнымъ свѣдѣніямъ горнаго вѣдомства, недовыручки въ его дѣйствительныхъ доходахъ противъ смѣтныхъ цифръ, и превышенія расходовъ про-

твѣ смѣтныхъ ассигнованій особенно замѣтны. Мы указали выше на сверхсмѣтные кредиты по этому вѣдомству за 1866, 1867 и 1868 годы. Чтобы дать понятіе о недочетахъ нашего горнаго хозяйства въ сравненіи со смѣтными цифрами, мы представимъ нѣсколько наиболее замѣчательныхъ данныхъ о доходахъ и расходахъ горнаго вѣдомства за 1866, 1867 и 1868 годы. Вотъ каковъ былъ общій результатъ исполненія горной смѣты въ 1866 году, по отчету государственнаго контроля. Недовыручка въ доходахъ простиралась до 2.566.000 р. (вмѣсто ожидавшихся по смѣтѣ 11.224.000 поступило 8.657.000), а передержка въ расходахъ до 1.952.000 (вмѣсто ассигнованныхъ 6.436.000 израсходовано 8.388.000). Такимъ образомъ, результатъ финансовыхъ операцій по горному вѣдомству въ 1866 году заключался въ томъ что вмѣсто ожидаемаго чистаго дохода въ 4.898.000 р. получено было только 269.000, то-есть дѣйствительный доходъ былъ почти въ девятнадцать разъ ниже предполагаемаго по государственной росписи! Вотъ какъ бывають ошибочны смѣтныя предположенія горнаго вѣдомства и вотъ какими убытками угрожаетъ казнѣ ея горное хозяйство. Въ этомъ отношеніи 1866 годъ представляетъ весьма поучительный примѣръ, хотя бы онъ и принадлежалъ къ исключительномъ эпохамъ казеннаго горнаго производства. Такія ошибки въ смѣтныхъ исчисленіяхъ какъ нельзя болѣе естественны при переходныхъ обстоятельствахъ нашей горной промышленности и при непостояствѣ цѣвъ на матеріалы и на трудъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ чтобы съ точностью указать на всѣ причины необычайныхъ финансовыхъ результатовъ по выполненію горной смѣты въ 1866 году. Мы не знаемъ какаѣ была по каждой доходной статьѣ разница между смѣтною цифрой и дѣйствительнымъ поступленіемъ; однако мы видимъ по свѣдѣніямъ государственнаго контроля что недовыручка по монетнымъ доходамъ составляла 600.000, по горнымъ податямъ 200.000, всего 800.000, и что потому главная часть общей недовыручки, 1.700.000 на 2½ милліона, должна быть отнесена къ доходамъ ожидавшимся отъ казенныхъ горныхъ заводовъ. Превышеніе расходовъ, составлявшее въ 1866 году до двухъ милліоновъ рублей, также съ достовѣрностью можетъ быть отнесено преимущественно къ казеннымъ горнымъ заводамъ, ибо, судя по предметамъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ ассигнованныхъ въ 1866 году по горному вѣдомству, изъ всего ихъ итога въ 2.283.000 по-

крайней мѣрѣ 2.089.000 имѣли своимъ назначеніемъ казенное горное производство, и изъ этого числа 1.400.000 были прямо ассигнованы на расходы по добычѣ и изготовленію металловъ, и 234.000 на постройки и капитальныя исправленія на заводахъ.

Итакъ, результаты казеннаго горнаго производства въ 1866 году суть слѣдующіе:

Недовыручка въ доходахъ.	1.700.000 руб.
Превышеніе расходовъ.	2.000.000 .
<hr/>	
Всего убытка	3.700.000 руб.

Результаты исполненія горной смѣты за 1867 г. съ перваго взгляда представляются совершенно иными, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, и они подтверждаютъ общій выводъ, сдѣланный на основаніи операций 1866 г. Въмѣсто 11.310.800 руб., назначенныхъ къ поступленію по горной смѣтѣ 1867 года, дѣйствительно поступило 15.129.600, что составляетъ излишекъ въ 3.818.800. Хотя сверхсмѣтные кредиты составляютъ въ 1867 году 645.000, но общій итогъ расходовъ этого года превышаетъ итогъ ассигнованныхъ на нихъ суммъ только на 121.000 р. Такимъ образомъ, дѣйствительное исполненіе горной смѣты за 1867 закончилось для казны излишкомъ въ 3.939.000 руб. прибылью противъ смѣтныхъ предвидѣній. Такой результатъ могъ бы быть названъ въ высшей степени блестящимъ, еслибы мы уже не знали что при разнообразіи финансовыхъ элементовъ, входящихъ въ составъ операций горнаго вѣдомства, общіе ихъ итоги лишены всякаго значенія.

Разсматривая дѣйствительныя поступления горныхъ доходовъ въ 1867 году по отдѣльнымъ статьямъ, мы увидимъ что одни монетные доходы превысили на 4.775.800 р. цифру назначенную въ бюджетѣ, такъ что, если мы сравнимъ эту цифру съ общимъ итогомъ излишка доходовъ (3.818.000), то окажется по другимъ отраслямъ недовыручка почти въ одинъ миліонъ рублей. Главная часть этой недовыручки прямо ложится на казенные заводы, такъ какъ недовыручка по горнымъ податямъ составляетъ лишь 21.000. Этотъ фактъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, такъ какъ, съ одной стороны, вольная продажа казенныхъ металловъ дала 800.000 недовыручки, и съ другой стороны, по изготовленію провіанта для рабочихъ, оказывается также недочетъ въ 184.000 руб. Итакъ, несмотря на превышеніе доходовъ по горному вѣдомству въ 1867 году, собственное казенное горное хозяй-

ство представляетъ недочетъ болѣе чѣмъ на одинъ милліонъ рублей. Что касается до расходовъ за 1867 годъ, то почти всѣ экстраординарные кредиты (645.000) истрочены собственно на операціи по казеннымъ горнымъ заводамъ; они получили изъ этихъ кредитовъ 590.000, въ томъ числѣ 119.000 на постройки и капитальныя исправленія, и 450.000 на цеховые расходы. Такимъ образомъ, казенное горное производство и въ 1867 году сопровождалось недовыручкой въ доходахъ до одного милліона рублей и передержкою въ расходахъ до 600.000. Итого общаго недочета противъ смѣтныхъ исчисленій 1.600.000 р. Въ 1868 году мы находимъ въ доходахъ недовыручку по вольной продажѣ казенныхъ металловъ 216.000 руб. и по расходамъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ на добычу, выдѣлку и перевозку металловъ 447.000 р., и на постройки 83.000; ограничиваясь этими совершенно достовѣрными данными, мы все-таки получаемъ за 1868 годъ общій недочетъ по операціямъ казенныхъ заводовъ въ 746.000 р. Такимъ образомъ, мы получаемъ за три года (1866 — 68) общій итогъ недочета по казеннымъ горнымъ заводамъ противъ смѣтныхъ назначеній въ шесть милліоновъ рублей, или по два милліона ежегодно. Таковы убытки казны отъ дѣйствія ея горныхъ заводовъ, *сверхъ убытковъ, выведенныхъ нами по однимъ смѣтнымъ исчислениямъ 1869 года.*

При ежегодномъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, недочетѣ по смѣтамъ казенныхъ горныхъ заводовъ въ два милліона, будетъ конечно не преувеличено съ нашей стороны положить этотъ недочетъ въ годъ въ одинъ милліонъ; мы можемъ сдѣлать такое умѣренное предположеніе относительно будущаго лишь вслѣдствіе уменьшившихся въ началѣ трехъ отчетныхъ лѣтъ недочетовъ. Итакъ, къ минимуму убытковъ отъ казенныхъ горныхъ заводовъ нами выведенному выше въ два милліона, мы можемъ смѣло прибавить еще одинъ милліонъ недочета по исполненію смѣты ($\frac{1}{2}$ милліона недовыручки въ доходахъ и $\frac{1}{2}$ милліона передержки въ расходахъ). Опредѣляя неизвѣстные убытки казны по казеннымъ горнымъ заводамъ въ эти три милліона, мы останемся въ очень умѣренныхъ предѣлахъ, ибо въ 1866, 1867 и 1868 годахъ эти убытки были гораздо значительнѣе. Почему эти жертвы, приносимыя казною на содержаніе горныхъ заводовъ, не такъ очевидны изъ смѣтъ и отчетовъ горнаго вѣдомства; и какіе источники сажаютъ для доставленія всѣхъ этихъ значительныхъ капиталовъ — весьма ясно изъ всѣхъ

представленныхъ нами свѣдѣній. Убытки казенныхъ заводовъ покрываются на счетъ доходовъ отъ горныхъ податей и монетной части, безъ которыхъ дѣйствія казенныхъ заводовъ были бы невозможны. Чистые доходы по этимъ двумъ статьямъ должны были дать по бюджетамъ: 1867 болѣе 5 милліоновъ, 1868 около 7, 1869 около 7. Сверхъ этого были еще разныя другіе доходы по горному вѣдомству, не зависящія отъ казеннаго горнаго производства.

Таковъ окончательный результатъ точнаго анализа всѣхъ финансовыхъ операцій по нашему горному хозяйству.

Доказанная нами убыточность дѣйствій казенныхъ горныхъ заводовъ какъ нельзя болѣе оправдываетъ предложенную правительствомъ передачу ихъ въ частныя руки, и проектированную имъ коренную реформу въ горномъ законодательствѣ и во всей дѣйствующей системѣ нашего государственнаго горнаго хозяйства. Выведенная нами *наименьшая* цифра убытковъ, три милліона въ годъ, претерпѣваемыхъ нынѣ государственнымъ казначействомъ отъ казеннаго горнаго производства, подтверждаетъ вѣрность общей мысли, заявленной въ 1866 году министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ, которые указали на продажу казенныхъ заводовъ какъ на одну изъ существенныхъ мѣръ къ уменьшенію дефицитовъ въ нашемъ государственномъ бюджетѣ. Такого важнаго государственнаго значенія невозможно не признавать за этою мѣрой, ибо едва ли найдется въ нашемъ бюджетѣ какая-нибудь другая статья, по которой, не только безъ всякаго государственнаго ущерба, но и съ очевидною пользой для успѣховъ народнаго хозяйства, можно было бы съ полною увѣренностью сократить расходы, или чтѣ то же самое, возвысить доходы *на три милліона въ годъ*. Само собою разумѣется что это ежегодное сбереженіе въ слособахъ государственнаго казначейства на три милліона не можетъ быть сдѣлано разомъ, ибо вся операція упраздненія казеннаго горнаго производства и продажи заводовъ потребуетъ нѣсколькихъ лѣтъ и разныхъ переходныхъ мѣръ для своего исполненія. Но весьма важно достоверно знать итогъ выгодъ, какого можно достигнуть, когда правительство предпринимаетъ какую-либо финансовую операцію. Этотъ выведенный нами итогъ не можетъ быть полученъ казною вдругъ, это правда, но за то отъ наименьшій, и можно съ достоверностью надѣяться на гораздо болѣшія прибыли для казны,

когда продажа ея заводовъ и реформа горнаго законодательства оживятъ и усилятъ горную промышленность, и вмѣстѣ съ тѣмъ возвысятъ доходы извлекаемые изъ нея казной.

Сознанная самимъ правительствомъ необходимость продажи казенныхъ горныхъ заводовъ и коренной реформы горной администраціи встрѣтила у насъ не мало возраженій, порицаній и противодѣйствій со стороны разныхъ интересовъ, ставшихся, какъ всегда, парализовать благія начинанія правительства и затормозить приведеніе ихъ въ исполненіе. Тѣмъ большей признательности и уваженія заслуживаютъ тѣ протѣжники представители горной администраціи которые, вопреки окружающимъ ихъ предразсудкамъ, смѣло возвышаютъ свой голосъ въ пользу реформы. Потому, въ заключеніе, мы считаемъ нашимъ долгомъ обратить вниманіе публики на замѣчательный трудъ одного изъ достойнѣйшихъ нашихъ горныхъ техникувъ, В. А. Грамматчикова, весьма недавно изданный въ свѣтъ: *Горное законодательство и горная администрація Англіи, Бельгіи, Франціи, Австріи и Пруссіи*. Авторъ, содѣйствію котораго мы многимъ обязаны въ нашихъ изслѣдованіяхъ на Уралѣ, совершилъ въ истекшемъ году путешествіе по западной Европѣ, съ специальною цѣлю изученія различныхъ системъ которымъ слѣдуютъ правительства въ своихъ отношеніяхъ къ горной промышленности. Его точка зрѣнія по преимуществу техническая, и финансовыя и административныя вопросы интересуютъ его лишь настолько, насколько они обуславливаютъ собою техническія услѣхи горнаго дѣла; эта точка зрѣнія совершенно противоположна нашей, съ которой финансовыя и народно-хозяйственныя интересы стоятъ на первомъ планѣ. Это различіе методовъ и цѣлей тѣмъ выгоднѣе что оно даетъ возможность повѣрки результатовъ и требованій, къ которымъ приходятъ люди трудящіеся въ одной и той же области и идущіе отъ противоположныхъ точекъ. Потому намъ тѣмъ пріятнѣе видѣть что общіе выводы, къ которымъ приходитъ почтенный авторъ помянутой книги, пользующійся первостепеннымъ авторитетомъ въ дѣлѣ горнозаводской техники, въ сущности тѣ же къ какимъ пришли и мы. Разумная техника никогда не можетъ идти врозь съ экономической стороною промышленности. Для предпринятой у насъ реформы горной части, книга г. Грамматчикова въ высшей степени назидательна. Чѣмъ менѣе онъ высказываетъ личные свои взгляды на необходи-

мыя у насъ преобразованія, и чѣмъ болѣе держится фактическаго описанія положенія горной промышленности въ другихъ государствахъ, тѣмъ болѣе недостатки системы нашего государственнаго горнаго хозяйства и желательное направление преобразованій выступаютъ сами собою изъ его изложенія. Несостоятельность казенныхъ нашихъ заводовъ, какъ источника дохода, необходимость освобожденія казны отъ тѣхъ изъ нихъ безъ которыхъ могутъ обойтись армія и флотъ, увеличеніе жертвъ государства на содѣйствіе научной сторонѣ горнаго дѣла, возможно большій просторъ для частной горной промышленности и облегченіе ея обязанностей предъ казною, таковы въ самыхъ общихъ чертахъ требованія, которымъ должна удовлетворить горная реформа, судя по изысканіямъ автора. Послѣдовавшее надняхъ назначеніе В. А. Грамматчикова на должность главнаго начальника уральскихъ горныхъ заводовъ даетъ основаніе надѣяться на быстрый и успѣшный ходъ горной реформы, и будетъ, безъ сомнѣнія, встрѣчено съ сочувствіемъ всеми кому дороги интересы нашей горной промышленности. Уломянутымъ назначеніемъ правительство еще разъ доказало свое намѣреніе не останавливаться въ исполненіи прекрасно-задуманнаго имъ дѣла.

ВЛАДИМІРЬ БЕЗОБРАЗОВЪ.

ДВА ЭПИЗОДА

ИЗЪ

ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II*

Эпизодъ второй.

„Вы скажете: знать ей досугъ писать;
а мнѣ, право, не досугъ читать!...“

(Екатерина II графу Н. И. Панину.)

„Il faudrait que les jours eussent à Pétersbourg plus de 24 heures, pour que V. M. eût seulement le temps de lire tout ce qu'on Lui écrit de l'Europe et de l'Asie.“

(Voltaire à Catherine II.)

„Morgen-Stund
Hat Gold im Mund.“

(Пословица.)

I.

Второй эпизодъ изъ царствованія императрицы Екатерины II, который мы предположили описать, есть одновременное съ наступленіемъ совершеннолѣтія великаго князя Павла Петровича, бракосочетаніе его съ принцессою Гессенъ-Дармштадтскою.

Кромѣ немногихъ печатныхъ свѣдѣній, разбросанныхъ въ сочиненіяхъ Фридриха Великаго и Вольтера, равно какъ и въ нѣсколькихъ современныхъ мемуарахъ, повѣствованіе наше основано преимущественно на письмахъ ландграфини Ген-

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 2 и 3.

ріетты-Каролины Гессенъ-Дармштадтской, рожденной принцессы Цвейбрюкенъ-Биркенфельдъ (de Deux-Ponts, отрасль Баваро-палатинскаго дома), сдѣлавшейся тещею Россійскаго цесаревича, писанныхъ большею частію въ бытность ея при нашемъ дворѣ, то къ королю Прусскому, то къ матери ея, рожденной принцессѣ Нассау-Зебрикской; далѣе, на журналѣ веденномъ камеръ-юнкеромъ и флота капитанъ-лейтенантомъ, графомъ А. К. Разумовскимъ, во время плаванія русской эскадры, привезшей ландграфиню и ея трехъ дочерей изъ Травемюнде въ Ревель, и на перепискѣ происходившей между Екатериною II и барономъ А. И. Черкасовымъ, * когда она послала его встрѣтить и сопровождать въ С.-Петербургъ принцессу.

* Какъ мы уже упоминали въ нашей первой статьѣ (*Русскіи Вѣстникъ* за январь сего 1870 года), у насъ находится только 15 собственноручныхъ записочекъ Екатерины II къ барону Черкасову, относящихся по большей части до пріивтія ей ослы. Изъ его автографовъ имѣемъ мы сдѣланный имъ переводъ одного донесенія доктора Димсдала, и черновые отлуски всѣхъ писемъ которые отпращены были Черкасовымъ Екатеринѣ II изъ Ревеля, въ 1773 году. Собственноручныя же отвѣтныя письма, тогда же адресованныя ему государыней, въ 1832 году, то-есть вскорѣ послѣ кончины его дочери, кавалерственной дамы Елисаветы Александровны Пальменбахъ, перешли къ его родному внуку, барону Александру Петровичу Черкасову; со времени же престѣченія въ лицѣ его мужскаго потомства старшей линіи бароновъ Черкасовыхъ, эти собственноручныя письма Екатерины II составляютъ собственность старшаго лица въ младшей линіи той же фамиліи, а именно: барона Ивана Ивановича Черкасова, бѣлевскаго уѣзднаго предводителя дворянства, имѣющаго трехъ сыновей отъ брака съ княжною С. В. Оболенской. Баронъ Иванъ Ивановичъ живетъ въ Тульской губерніи, близъ Бѣлева, въ селѣ Володьковѣ. Съ его согласія, мы печатаемъ письма Екатерины II, по копіи сохранившейся у насъ съ 1832 года, и соединивъ ихъ съ подлинными черновыми донесеніями къ ней барона А. И. Черкасова. По этому случаю, приносимъ искреннюю благодарность барону Ивану Ивановичу, какъ за нѣкоторыя сообщенныя намъ дополнителныя свѣдѣнія объ этой исторической личности, такъ и за изъявленную имъ готовность исправить путемъ печати же тѣ ошибки которыя могли вкрасться въ нашъ списокъ съ писемъ Екатерины II. Сколько намъ извѣстно, подобныя копіи находились у покойныхъ: канцлера Россійскихъ ордемовъ, князя Александра Николаевича Голицына, извѣстнаго почитателя великой императрицы, нѣкогда бывшаго ея лакемъ, и у вдовы оберъ-шенка, графини Анны Михайловны Толстой, рожденной княжны Хилковой. Теперь еще имѣетъ подоб-

Этотъ эпизодъ, богатый доказательствами заботливости Екатерины II о семейномъ счастіи ея наследника, занимаетъ видное мѣсто въ исторіи внѣшнихъ сношеній Россіи, и вообще нашей иностранной политики. Онъ послужилъ къ закрѣпленію и утверженію дружескихъ отношеній Россіи къ Пруссіи, начавшихся со вступленіемъ на престолъ Петра III.

Съ эпохи описываемаго нами эпизода, Пруссія поставила себя въ то выгодное для себя положеніе, послѣдствія котораго продолжаются донынѣ. Фридрихъ Великій два раза былъ сватомъ великаго князя Павла Петровича: онъ поочередно и одну послѣ другой предлагалъ ему невѣсть изъ числа своихъ болѣе или менѣе близкихъ родственницъ, а именно: принцессу Дармштадтскую и Вюртембергскую, * и даже помолвка цесаревича съ сею послѣднею совершилась въ Берлинѣ.

Родственные связи дворовъ устанавливали въ описываемое нами время международные союзы, и вся политика Фридриха Великаго разчитана была на такихъ связяхъ. Въ 1773 году, роль свата по отношенію къ Россіи была для него далеко не новою. По свидѣтельству фонъ-Гельбига ** (*Biographie Peter des Dritten, Tübingen*, 1808, часть Iя, стр. 46—52), неудовольствія императрицы Елизаветы Петровны противъ этого государя главнѣйше происходили оттого что онъ отказалъ великому князю Петру Федоровичу въ рукѣ своей родной се-

ный списокъ родной правнукъ барона А. И. Черкасова, съ материнской стороны, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Лезъ Павловичъ Батюшковъ. Наконецъ, въ сборникѣ составленномъ нами въ 1859 году для Государя Императора, вся корреспонденція Екатерины II съ Черкасовымъ соединена въ одно цѣлое, такъ что инструкціи императрицы, его донесенія ей и отвѣтныя ея письма слѣдуютъ одна за другими, въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, подъ 27ю номерами, причежъ еще дополнены предисловіемъ, оглавленіями (суммаріумами) и историческими примѣчаніями.

* Императрица Марія Федоровна, дочь герцога Вюртембергъ-Мольдальскаго Фридриха-Евгенія и принцессы Фридерики-Доротеи-Софіи Бранденбургской, мать которой была принцесса Прусская Доротея, родная сестра Фридриха-Великаго. (*Mémoires de la Baronne d'Oberkirch*. Paris, 1853, tome V, p. 19.)

** Von-Helbig. Онъ былъ саксонскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Россійскомъ дворѣ. (Herman, *Geschichte des Russischen Staates*, томъ V, стр. 109 и *Русскій Архивъ*, 1865 г., стр. 211.)

сгры, принцессы Амаліи, * отозвавшись что ни за что не позволить ей перемѣнить вѣру. Такой отвѣтъ со стороны короля-философа, хвалившагося вѣротерпимостью и любившаго повторять что въ его государствѣ *каждый можетъ по своему заботиться о спасеніи души своей* (In meinen Staaten kann ein jeder auf seine Weise selig werden) былъ только пустымъ предлоломъ. Въ кругу приближенныхъ Фридриха было извѣстно что онъ не считалъ правленіе Елизаветы довольно упроченнымъ. Въ послѣдствіи, онъ перемѣнилъ мнѣніе, и счелъ для себя выгоднымъ предложить дочь прусскаго фельдмаршала и штетинскаго коменданта, принца Ангальтъ-Цербстскаго, принцессу Софію-Августу-Фридерiku, въ невѣсты наследнику Всероссійскаго престола. Ея мать была изъ Голштинскаго дома, къ которому Елизавета Петровна особенно благоволила, такъ какъ любимая сестра ея, цесаревна Анна Петровна, была за герцогомъ Голштинскимъ. Поэтому предложеніе было принято, несмотря на сопротивленіе канцлера Бестужева, и, такимъ образомъ, первый опытъ въ семъ отношеніи Фридриха Великаго увѣнчался, въ 1744 году, полнымъ успѣхомъ. Королю удалось сосватать ту которая прославилась подъ именемъ Екатерины II, и 23 года была его вѣрною союзницей. **

Нѣкоторые писатели утверждали будто, еще за пять лѣтъ до совершеннолѣтія великаго князя Павла Петровича, его вѣнценосная мать начала заботиться о приисканіи ему невѣсты между германскихъ дворовъ. Еслибы дѣйствительно мысль о его женитьбѣ занимала ее въ 1768 году, то оба избранные нами эпизода изъ великаго царствованія случились бы въ одинъ, слѣдуя другъ за другомъ безъ пробѣла. По документамъ нашли мы только одинъ намекъ на это, въ письмѣ барона фонъ-дерь-Ассебурга къ вице-канцлеру графу Н. И. Панину, отъ 23го апрѣля (4го мая) 1773 года, въ которомъ упоминается что онъ (Ассебургъ) именно *въ 1768 году* въ первый разъ видѣлъ принцессу Гессенъ-Дармштатскихъ. Ихъ тогда было *пять*, и изъ нихъ старшая, *Каролина*, вышла, въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года, за ландграфа Гессенъ-Гом-

* Она въ послѣдствіи вышла за курфюрста Баварскаго Максимилиана-Иосифа.

** Фридрихъ скончался въ 1785 году. Объ ея сватовствѣ см. также стр. 13, тома I *Осьмнадцатаго вѣка*, статья *Екатерина II, новая свѣдѣнія*.

бургскаго; * а вторая, *Фридрика*, въ слѣдующемъ 1769 году, за принца Прусскаго, роднаго племянника и наследника престола Фридриха Великаго, въ послѣдствіи и сдѣлавшагося его преемникомъ, подъ именемъ Фридриха-Вильгельма II. ** Можно допустить что именно Ассбургъ, *родомъ Пруссакъ*, предложилъ эту принцессу въ племянницы своему государю, и даже велъ переговоры объ этомъ бракѣ; а такъ какъ сохранилось преданіе что Ассбургъ принятъ былъ въ русскую службу по протекціи Фридриха Великаго, то можно догадываться что король рекомендовалъ его Екатеринѣ II какъ дипломата, испытаннаго въ брачныхъ негоціаціяхъ и потому наиболѣе способнаго приискать невѣсту цесаревичу.

Въ запискахъ своихъ (*Oeuvres historiques*, Tome VI, Berlin, 1846, *Mémoires depuis la paix de Hübertsboury*, Chapitre I, стр. 57 и далѣе, стр. 119), Фридрихъ Великій подробно объясняетъ какъ важно для него было, вслѣдствіе завоеванія Силезіи и первыхъ раздѣловъ Польши, поддерживать свое вліяніе при Русскомъ дворѣ, сильно подкопанное враждою князя Г. Г. Орлова противу вице-канцлера графа Панина, причемъ, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ, онъ сознается что вдавался въ разные происки и интриги для того чтобы породниться съ Екатериной II и чрезъ то закрѣпить политическій союзъ съ Россіей. (Ce ne fut qu'à force de menées et d'intrigues, que le Roi parvint à fixer le choix, que l'Impératrice fit d'une belle-fille, sur la Princesse de Darmstadt, *propre soeur de la Princesse de Prusse*). Король былъ убѣжденъ что выборъ невѣсты для наследника Россійскаго престола могъ обратиться въ пользу или во вредъ Пруссіи.

„Pour avoir du crédit en Russie,“ писалъ онъ, „il fallait y placer des personnes, qui tinsent à la Prusse... Il y avoit tout à gagner, si une de ces Princesses (de Darmstadt) devenait Grande Duchesse, parce que les noeuds de la parenté, se joignant à ceux de l'alliance, semblaient annoncer que l'union de la Prusse et de la Russie serait par là plus cimentée que jamais... Ces sortes de mesures peuvent tromper; cependant, il

* I. C. Hoffmeister, *Handbuch über alle Linien des hohen Regentenhauses. Hessen-Cassel*, 1861, p. 155 et 156.

** Онъ женатъ былъ первымъ бракомъ на принцессѣ Елизаветѣ Брауншвейгской, но развелся съ нею. Сынъ, родившійся, въ 1770 году, отъ втораго брака, былъ король Фридрихъ-Вильгельмъ III, отецъ въ Возѣ почившей императрицы Александры Феодоровны.

ne faut pas les négliger. Mr d'Assebourg, *sujet du Roi*, et qui avoit passé au service de l'Impératrice, fut chargé de parcourir toutes les Cours d'Allemagne, où il y avoit des Princesses nubiles, et d'en faire son rapport. *Le Roi réveilla son zèle patriotique*, en lui marquant que la Princesse de Darmstadt étoit celle, pour la quelle il s'intéressait le plus. *L'Envoyé servoit si bien S. M.* que cette Princesse fut désignée pour épouser le Grand-Duc....⁴

Изъ свѣдѣній имѣющихся въ государственномъ архивѣ о службѣ барона Ассебурга и дополняющихъ во многихъ отношеніяхъ его записки, * оказывается что онъ родился въ 1721 году, въ княжествѣ Гальберштатскомъ, ** въ наследственномъ имѣніи Мейсдорфъ *** (которымъ самъ онъ владѣлъ еще въ 1783 году); вступилъ въ 1734 году въ гессенъ-кассельскую службу по гражданской части, и вскорѣ послѣ того въ датскую, по министерству иностранныхъ дѣлъ, въ русскій же службу перешелъ только въ 1771 году, въ то время когда находился датскимъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ; слѣдовательно, въ 1768 году, онъ былъ въ Дармштадтѣ въ качествѣ туриста или, быть-можетъ, датскаго посланника, когда видѣлъ тамъ всѣхъ пятерыхъ дочерей ландграфини, и лишь два года спустя былъ акредитованъ въ качествѣ русскіаго посланника при регенбургскомъ имперскомъ сеймѣ и разныхъ германскихъ дворахъ. Ясно что для совершения съ перваго раза такого важнаго шага, человѣку имѣвшему уже 50 лѣтъ отъ роду нужна была **** весьма сильная рекомендація. Далѣе увидимъ что дѣй-

* Эти записки изданы въ Берлинѣ въ 1842 году, въ одномъ томѣ, съ предисловіемъ Фарнгагена фонъ-Энзе и имѣютъ слѣдующее заглавіе: *Denkwürdigkeiten des Freiherrn Achatz Fr. von-der-Asseburg*. Тутъ же объяснено что эти мемуары составлены и изданы отставнымъ дипломатомъ, по бумагамъ оставшимся послѣ Ассебурга. Самое предисловіе помѣщено и въ собраніи сочиненій Фарнгагена фонъ-Энзе (*Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften*, Leipzig, 1846), на стр. 419—422, тома VII.

** Епископство Гальберштатское Вестфальскимъ миромъ обращено было въ княжество, тогда же отданное курфюрсту Бранденбургскому; теперь оно составляетъ часть Магдебургскаго округа.

*** Изъ записокъ его видно что онъ также владѣлъ вотчиною Фалькенштейнъ.

**** Ассебургъ жилъ преимущественно въ Брауншвейгѣ, а въ Регенбургѣ оставялъ своего секретаря, съ званіемъ повѣреннаго въ дѣлахъ. Въ концѣ этого очерка, мы разкажемъ, въ видѣ эпизода, даль-

ствительно Фридрихъ Великій развѣтвлялъ, какъ паукъ, свою паутину, и даже находилъ въ графѣ Н. И. Панинѣ покорное орудіе для исполненія своихъ плановъ.

Какую рѣзкую въ этомъ случаѣ противоположность съ дѣйствіями Панина составляло поведеніе Бестужева, который, по свидѣтельству Гельбига (томъ I, стр. 49), всячески старался выжить изъ Россіи принцессу Ангальтъ-Цербстскую, привезшую свою дочь (Екатерину II), ибо видѣлъ въ ней прусско-французскаго агента, причѣмъ досадовалъ на то что болѣзнь, постигшая принцессу въ Петербургѣ, такъ долго задерживала ее при нашемъ дворѣ, то-есть слишкомъ полтора года, съ 3го февраля 1744 по 23е сентября 1745 года. Въ главѣ IX своей *Histoire de mon temps*, Фридрихъ Великій свидѣтельствуетъ что его посланникъ Мардфельдъ и маркизь де-ла-Шетарди, по прибытіи въ Россію принцессы Ангальтъ-Цербстской, сочли себя довольно сильными чтобы домогаться удаленія Бестужева. Что же касается до ландграфини Генриетты-Каролины Гессенской, то хотя сама Екатерина II писала объ ней московскому главнокомандующему, князю Михаилу Никитичу Волконскому что эта принцесса *человкъ души твердой, et rien moins qu'une comtèdre* (отъ 25го сентября 1773 г. № 74, письма Екатерины II къ князю Волконскому, въ томѣ I *Осьмнадцатаго вѣка*), однако перепуска ея съ Фридрихомъ доказываетъ что это была женщина въ высшей степени честолюбивая, и что въ отношеніи къ нему она держалась пословицы: *долгъ платежъ съ трасенью*. Такъ, въ письмѣ своемъ отъ 20го августа 1773 года, изъ Царскаго Села, она обѣщаетъ королю наблюдать внимательно за всѣмъ тѣмъ что можетъ его интересовать въ Россіи и дать ему объ этомъ отчетъ.... (Les questions que V. M. veut me faire m'engageront à observer avec attention les divers objets, sur lesquels Elle voudra me questionner, et j'en rendrai compte tant bien que mal); а въ письмѣ изъ Кенигс-

бъшнюю судьбу Ассбургга, равно какъ и ландграфини Дармштадтской съ ея семействомъ, самого барона Черкасова и вообще всѣхъ дѣствующихъ въ этомъ эпизодѣ лицъ. Къ свѣдѣніямъ о фамиліи Ассбургъ и объ ея родствѣ съ Биронами, сообщеннымъ въ главѣ X нашей статьи (*Русскій Вѣстникъ* за мартъ сего года), мы покажемъ только прибавимъ что 2го (14го) минувшаго марта скончалась въ Нейндорфѣ, 84 лѣтъ отъ роду, графиня Ассбургъ, дочь прусскаго фельдмаршала Блюхера (*Journal de St.-Petersbourg*, 13го (25го) марта 1870 г. № 56, подъ рубрикой *Prusse*.)

берга, отъ 13го ноября того же года, обѣщаетъ изустно отвѣчать на нѣкоторые пункты письма полученнаго отъ Фридриха (*C'est de bouche que j'aurai l'honneur de répondre à quelques articles de la lettre de V. M.*)

II.

Приглашая къ своему двору ландграфиню Дармштадтскую, Екатерина II имѣла свой расчетъ, какъ это ясно докажетъ ея переписка съ барономъ Черкасовымъ: она не хотѣла разставаться съ сыномъ, отправляя его въ заграничное путешествіе, и усгудать графу Панину или королю Прусскому ни малѣйшей доли того вліянія на цесаревича которое законнымъ образомъ принадлежало ей. Притомъ Екатерина II въ это время еще искала популярности, и самолюбію ея льстило что Европа и Россія примуть за новое проявленіе ея величія и могущества то обстоятельство что иностранная владѣтельная особа везетъ троихъ дочерей своихъ на показъ и на выборъ наследнику Всероссийскаго престола. До тѣхъ поръ на Западѣ существовалъ обычай, въ силу котораго одни короли не ѣздили за своими невѣстами, а ихъ привозили къ нимъ, *но заочно помолвленными, или даже обрученными.* А тутъ невѣсты еще не было, и вообще тому чего великая государыня добилась отъ ландграфини Дармштадтской не бывало примѣра въ исторіи....

Если прежде 1771 года Ассбургъ находился въ частной перепискѣ съ королею и съ Панинымъ, то достовѣрно что съ этой поры уже завязалась у него *официальная* переписка съ вице-канцлеромъ о нѣсколькихъ германскихъ принцессахъ, изъ числа которыхъ, по лѣтамъ ихъ, по красотѣ и образованію, могла быть избрана невѣста для Россійскаго цесаревича.

Во время разѣздовъ своихъ по Германіи, въ 1771—72 годахъ, Ассбургъ присылалъ то на имя императрицы, то вице-канцлеру шифрованныя донесенія, то-есть совершенно секретныя, большею частью (для отвлеченія, быть-можетъ, всякаго подозрѣнія) чрезъ посредство тайнаго совѣтника Федора Ивановича фонъ-Гросса, бывшаго тогда русскіимъ посланникомъ при Ганзейскихъ городахъ и при князьяхъ Нижне-Саксонскаго округа Германо-Римской имперіи, и имѣвшаго пре-

бываніе въ Гамбургѣ. * Въ письмахъ, при которыхъ Гроссъ сопровождалъ делеши Ассенбурга, онъ обращался къ Панину не какъ къ президенту иностранныхъ дѣлъ, а какъ къ воспитателю цесаревича, называя его *Monseigneur le grand Gouverneur*. Что же касается до Ассенбурга, то онъ писалъ Панину въ самомъ дружескомъ тонѣ, какъ сверстникъ по лѣтамъ и какъ человѣкъ издавна находившійся съ нимъ въ короткихъ отношеніяхъ.

* Германія раздѣлялась тогда на десять округовъ, а именно: Нижне-Саксонскій, Верхне-Саксонскій, Вестфальскій, Франконскій, Австрийскій, Богемскій, Бургундскій, Нижне-Рейнскій, Верхне-Рейнскій и Швабскій. О миссіи нашей при первомъ изъ нихъ говорится въ именномъ указѣ, данномъ 27го апрѣля 1798 года коллегіи иностранныхъ дѣлъ. (*Полн. С. З. Р. И. т. XXV.*) Эта миссія была соединена тогда съ другою, бывшею дотошъ въ Эйтинѣ, при Гоштинскомъ дворѣ. Кромѣ курфюрста Ганноверскаго и герцоговъ Брауншвейгскаго и Мекленбургскаго, эта миссія акредитована была нѣкоторое время и при королѣ Прусскомъ. Имена *двоихъ Гроссовъ* очень памяты въ исторіи русской дипломатіи, какъ дѣятелей умныхъ, образованныхъ и полезныхъ. Вышеломянутый *Ф. И. фонъ-Гроссъ*, тайный совѣтникъ и кавалеръ ордена Св. Владимира 2й ст. большого креста (съ 22го сентября 1786, то-есть съ 4й годовщины его уроченія), въ продолженіе почти всего царствованія Екатерины II, былъ ея посланникомъ при Нижне-Саксонскомъ округѣ. Онъ родился въ 1729 и умеръ въ 1797 году. Въ службу вступилъ въ 1750, секретаремъ російской миссіи, при родномъ дядѣ своемъ *Георгии Гроссѣ*, родившемся въ 1718 году, въ герцогствѣ Вуртембергскомъ, обучавшемся въ Тюбингскомъ университетѣ и подружившемся съ княземъ Амлюхомъ Кантеміромъ, который и опредѣлялъ его при себѣ секретаремъ російскаго посольства; сперва въ Лондонѣ, потомъ въ Парижѣ, и по смерти котораго, *Георгии Гроссъ*, въ 1745 году, вступилъ его мѣсто, первоначально въ качествѣ російскаго резидента, а послѣ того и полномочнаго министра. Изъ Берлина посланникомъ сопровождалъ въ Дрезденъ (1752), въ Гаагу и въ Лондонъ, дядю своего, перебивавшаго во всѣхъ этихъ столицахъ російскихъ посланниковъ, и окончившагося въ 1765 году, 52 лѣтъ отъ роду, въ послѣдней изъ нихъ, гдѣ онъ погребенъ въ церкви Св. Павла. Блѣтностъ *Георгия Гросса* въ Пруссіи непосредственно предшествовала Семилѣтней войнѣ, и разрывъ произведенъ былъ имъ съ главною инструкціи Вестушева; во время же войны онъ былъ назначенъ при графѣ *Ив. Григ. Чернышевѣ* вторымъ російскимъ уполномоченнымъ на Аугсбургскій конгрессъ, который однакожъ не состоялся; а находясь при дворѣ Польско-Саксонскомъ, Гроссъ сколько

Въ началѣ 1772 года, Ассербургъ представилъ списокъ *пяти* *надцати* невѣсть, и хотя многіи изъ нихъ были еще слишкомъ молоды, есть полное основаніе утверждать что въ продолженіи нѣкотораго времени, выборъ колебался чуть ли не между *семью* принцессами, если ихъ напимѣтъ не было болѣе. По крайней мѣрѣ, кромѣ принцессы Шарлотты, дочери принца Георга Гессенъ-Дармштадтскаго, принцессы Саксенъ-Готской, одной изъ сестеръ курфюрста Саксонскаго, принцессы Софіи Дормъ вступался за греко-уитовъ и, вслѣдствіе наставленій которыя получалъ изъ Петербурга, препятствовалъ избранію брата короля-курфюрста на Курляндскій престолъ, который такимъ образомъ и остался за сымальнымъ Вирономъ. Въ промежутки между этими миссіями, Гроссъ былъ двукратно въ Петербургѣ (куда и сопровождалъ его племянникъ), болѣе или менѣе долгое время членомъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Онъ отлично зналъ по-русски, делалъ свои письма по-титулѣ, и самъ говаривалъ что только при Аннѣ Іоанновнѣ присылалъ донесенія на нѣмецкомъ языкѣ „страха Виронова ради“. Онъ былъ пожалованъ Елисаветою Петровною въ тайные совѣтники и, 30го августа 1760 года, получилъ отъ нея Александровскую ленту (*Списокъ кавалерамъ четырехъ российскихъ орденовъ*. Москва, 1814, стр. 210). Петръ III очень его любилъ, и такъ какъ Гроссъ былъ малъ ростомъ, то онъ въ шутку называлъ его уменьшительнымъ именемъ Grobsschen. Портретъ этого заслуженнаго дипломата, писанный въ Берлинѣ живописцемъ Певъ (Antoine Pevne), находился на выставкѣ, которая, по примѣру Московской, устроена была въ семь году въ С.-Петербургѣ, въ домѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ, и значится въ первомъ изданіи каталога ея подъ № 279, а въ послѣдующихъ подъ № 213. Въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ находятся между прочимъ собственноручныя: *Скаска дѣйствительнаго штатскаго совѣтника и чрезвычайнаго посланника при королевско-пальскомъ и куръ-саксонскомъ дворѣ Генриха Гросса*, 25го апрѣля (6го мая) 1758 года, и *Скаска переводчика Фридриха Гросса* (отъ того же числа), копіи съ промеморій, представленныхъ первымъ, въ томъ же году, королю-курфюрсту въ пользу уитовъ, и съ королевскихъ грамотъ, отправляемыхъ вслѣдствіе сего великому канцлеру литовскому и т. п. интересныхъ документовъ. Въ *Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли*, Баттышъ-Камеюскаго, помѣщена довольно полная біографія Генриха Гросса и о немъ упоминають: П. К. Щербальскій въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за сентябрь 1864 года, — А. А. Васильчиковъ въ *Семействѣ Разумовскихъ*. Москва, 1868 г., стр. 72 и 78, равно какъ *Русскій Архивъ* 1865 стр. 1505 и *Архивъ князя Воронцова*, М. 1870; томъ I, стр. 251, 252, 395, 399, 403—413, 460, 461—529. Генрихъ Гроссъ и племянникъ его Федоръ Ивановичъ не были жена-

ротен-Августы Виртембергской (въ послѣдствіи и бывшей второю супругой великаго князя Павла Петровича, подъ именемъ великой княгини Маріи Феодоровны) и трехъ дочерей ландграфини Дармштадтской, должно назвать еще принцессу Виртембергскую, дочь принца Георга, о которой упоминается въ письмахъ ландграфини къ Фридриху II, отъ 5го іюня и 9го сентября 1772 года, изъ Дармштадта. Ландграфиня пишетъ именно: „Plusieurs Princesses sont sur les rangs...“ (Многія принцессы имѣются въ виду) и указываетъ на красавицу принцессу Виртембергскую, какъ на nouvelle aspirante, побывавшую уже съ отцомъ своимъ при пышномъ и утонченно образованномъ Версальскомъ дворѣ, и потому представляющуюся, въ глазахъ ландграфини, весьма опасною соперницей для ея дочерей.

гг. О нихъ обоихъ идетъ рѣчь на стр. 315 тома III *Россійск. Родосл. Книгъ*, С.-Петербургъ, 1856, и о послѣднемъ, въ томъ VIII *Энцикл. Лексикона*, С.-Петербургъ, 1837, на стр. 598. Федоръ Ивановичъ былъ въ дружеской перепискѣ съ Штедлиннымъ, разборомъ которой занимается академикъ П. П. Пекарскій. Извѣстный Дубровскій, который приобрѣлъ въ Парижѣ, во время революціи, сокровища Бастильской библіотеки, увезъ ихъ сперва въ Голландію, и потомъ былъ прикомандированъ къ миссіи Ф. И. Гросса, пока представился ему случай отвезти свои приобретения въ Петербургъ. Секретарями при Федорѣ Ивановичѣ были сперва поочередно родные племянники его съ материнской стороны, бароны: Карлъ и Андрей Яковлевичи Бюлеры, потомъ г. Свѣчинъ (братъ котораго былъ с.-петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ при Павлѣ I) и г. фонъ-Струве, въ 1880 годахъ самъ бывшій русскимъ посланникомъ при Гамбургскихъ городахъ и Ольденбургскомъ дворѣ, постъ, который послѣ него занялъ его сынъ, Густавъ Андреевичъ фонъ-Струве. У Генриха Гросса былъ братъ, Карлъ, состоявшій на службѣ въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, при графѣ Остерманѣ, и бывшій академикомъ С.-Петербургской Академіи Наукъ (Ср. тотъ же томъ *Архива князя Воронцова*, стр. 404). Онъ также не былъ женатъ, и застрѣлился, когда, при переворотѣ 1741 года, генераль-прокуроръ князь Трубецкой застрадалъ его перспективой пытки. О Карлѣ и племянникѣ его, Федорѣ Гроссахъ, упоминаетъ *Спада*, на стр. 62 и 727 тома II своихъ *Ephémérides russes, St.-Petersbourg*, 1816. Если вѣрить Бантышъ-Каменскому, то отецъ Генриха и Карла былъ извѣстный въ Германіи математикъ Гроссъ; мы же имѣемъ положительное указаніе (но одно другому не мѣшаетъ) что онъ былъ одно время ротмистромъ въ цесарскомъ войскѣ. Быть-можетъ, онъ же въ послѣдствіи поступилъ въ русскую службу и былъ воеводой на Бѣломъ

Еще въ маѣ мѣсяцѣ 1772, она была крайне обрадована письмомъ Фридриха IIго, который въ первый разъ далъ ей понять что бракъ между великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и одною изъ ея дочерей можетъ состояться. Вторая ея дочь, какъ это выше было сказано,—уже съ 1769 года, была за наследникомъ Прусскаго престола. Очень было бы естественно еслибы велась перепуска между обоими родственными дворами; но перепуски не было, и началась она именно по описываемому нами поводу. Ландграфиня говоритъ (23го октября) что мысль о женитьбѣ Павла Петровича возбудила перепуску (*Je dois à l'idée de ce mariage ma correspondance avec V. M.*). На первый намекъ короля, который на языкѣ дипломатическомъ слѣдуетъ назвать *ouverture*, ландграфиня отвѣчала, 18го мая, выраженіемъ восторженной благодарности за то что онъ считаетъ подобный бракъ *comme une chose faisable*; а 5го іюня увѣдомила Фридриха что ручается за дочь свою Вильгельмину, которая вислолько не затруднится принять предложеніе и перемѣнить вѣроисповѣданіе (*Je réponds que ma fille Wilhelmine accèptera sans aucune difficulté*).

Но главою Дармштатскаго дома былъ въ то время супругъ ландграфини Каролины, ландграфъ Гессенъ-Дармштатскій Лудвигъ IX. Хотя въ упомянутомъ уже письмѣ своемъ къ Панину Ассебургъ и представлялъ его государемъ мало занимавшимся семейными дѣлами и совершенно равнодушнымъ къ воспитанію своихъ дѣтей, однако ландграфиня его, лояльному, все-таки лобавалась. Такъ, 5го іюня, она сознается Фридриху что не рѣшилась сказать его свѣтлости *dass mein Kind soll griechisch werden* (что ея дитя должно принять греческую

озерѣ. (См. стр. 469 и 470 тома IV *Актовъ Археографической Экспедиціи*, С.-Петербургъ, 1836. Грамота царей Иоанна и Петра Алексѣевичей, 1го марта 1699 года, бѣлозерскому воеводѣ Леонтію Леонтьевичу Гроссу). Впрочемъ, фамилія Гроссъ чуть ли не до сихъ поръ существуетъ въ королевствѣ Вуртембергскомъ. По крайней мѣрѣ, изъ *Almanach de Gotha* 1835—39 видно что въ то время старшимъ членомъ королевскаго совѣта былъ дѣйств. тайн. сов. фонъ-Гроссъ; а не далѣе какъ въ прошломъ 1869 году, скончался тамъ членъ высшаго суда, Густавъ-Георхъ Гроссъ, сынъ королевско-вуртембергскаго тайнаго совѣтника Гросса (*Auserordentliche Beilage zur Augsburger Zeitung* 2 Juni, 1869, № 153).

вѣру); а 30го июня свѣтуетъ на то что отца Екатерины II, принца Ангальтъ-Цербстскаго давно нѣтъ въ живыхъ, * ибо будь иначе, она бы бросилась хоть на край свѣта чтобы узнать отъ него: какія соображенія убѣдили его отдать свою дочь за Петра III? (Quel dommage que ce bon Prince de Zerbst n'existe plus! Je l'aurais cherché au bout du monde pour connaître les raisons, qui lui ont paru les plus convaincantes et l'ont déterminé à consentir au mariage de sa fille). Однакожь, ландграфъ провѣдалъ дѣло, и когда уже супруга его была съ дочерью въ Петербургѣ, прислалъ туда президента Мозера на заключенія брачнаго контракта, настойчиво требуя при этомъ чтобы высоконареченную невѣсту не принуждали къ перемѣнѣ вѣры. Между тѣмъ, за двое сутокъ до прибытія Мозера, св. муроломазаніе было уже совершено и, разказывая это въ письмѣ своемъ Фридриху, отъ 1го сентября 1773 года, изъ Царскаго Села, ландграфиня клянется что принужденія не было, и что она, единственно изъ почтенія къ своему свѣтлѣйшему супругу, не вдается по этому случаю въ дальнѣйшія подробности (Je pourrais faire serment que ma fille n'a pas été contrainte.... Je n'ose rien ajouter, crainte de manquer au respect, que je dois à mon Sérénissime Epoux). Въ слѣдующемъ письмѣ своемъ (отъ 10го сентября, изъ С.-Петербурга), она пишетъ что хотя опасается гнѣва ландграфа, но никогда не станетъ сожалѣть о томъ что дочь ея сдѣлалась великою княгиней (Je ne sais comment le Landgrave prendra le changement de religion de sa fille. Il s'y opposait.... Toute la faute en retombera sur moi et, malgré cela, je ne me repentirai point de savoir ma fille Grande Duchesse.) Наконецъ, 21го октября, ландграфиня, вполне успокоенная, увѣдомила Фридриха, что очень довольна послѣдними письмами своего супруга, который уже не говоритъ ни слова объ этомъ предметѣ (Il ne parle plus de la naturalisation de ma fille).

Изъ трехъ принцессъ Дармштадтскихъ: Амаліи, Вильгельмины и Луизы, ** Ассербургъ, еще весною 1772 года, отдавалъ полное предпочтеніе второй. Изъ числа трехъ братьевъ ихъ, принцевъ Лудвига, Фридриха и Христіана,—старшій былъ въ

* Овъ скончался въ Цербстѣ, 16го марта 1747 года.

** Изъ нихъ, принцесса Амалія почти сговорена была за наследнаго принца Баденскаго; а Луиза объявила что не перемѣнитъ вѣры.

то время полковникомъ въ нидерландской службѣ; въ іюнѣ мѣсяцѣ 1773 года, онъ поступилъ въ свиту короля Прусскаго, а въ октябрѣ того же года, въ русскую службу, и принималъ участіе въ турецкой войнѣ; съ 1790 года, онъ сдѣлался, послѣ смерти отца своего, владѣтельнымъ ландграфомъ, подъ именемъ Лудвига X; а съ 1806 года, великимъ герцогомъ Гессенскимъ, подъ именемъ Лудвига I.

Весною же 1772 года, отпралялся изъ Германіи дипломатическимъ курьеромъ въ С.-Петербургъ секретарь россійской миссіи въ Гамбургѣ, баронъ К. Я. Бюлеръ, въ послѣдствіи бывший самъ россійскимъ посланникомъ при разныхъ европейскихъ дворахъ и сеймахъ, *—и Ассербургъ поручилъ ему

* Выше сказано было что россійскимъ посланникомъ въ Гамбургѣ находился въ то время Федоръ Ивановичъ фонъ-Гроссъ. На сестрѣ его, Маріѣ Ивановнѣ, былъ женатъ дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ Яковъ Ивановичъ Бюлеръ. Старшій сынъ ихъ, баронъ *Карлъ Яковлевичъ*, началъ службу при родномъ дядѣ своемъ, Ф. П. Гроссѣ, былъ потомъ совѣтникомъ россійскаго посольства во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, при графѣ Н. П. Румянцевѣ, и съ 1787 года, начальникомъ дипломатической канцеляріи главнокомандующаго, князя Потемкина; состоялъ при конгрессѣ въ Яссахъ, при Гродненскомъ сеймѣ и Тарговицкой конфедераціи; съ 1795 по 1805 годъ, былъ россійскимъ посланникомъ при дворахъ Виртембергскомъ и Баварскомъ и на Регенбургскомъ имперскомъ сеймѣ, гдѣ принималъ дѣятельное участіе въ *секуляризаціи* мелкихъ германскихъ владѣній; послѣ чего, былъ старшимъ членомъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, снова при гр. Н. П. Румянцевѣ, уже канцлерѣ, и сенаторомъ. Онъ скончался въ С.-Петербургѣ, 22го іюня 1811 года. Превосходный портретъ этого дипломата, писанный въ 1790 году въ Вѣнѣ знаменитымъ профессоромъ Лампи и послужившій сему послѣднему рекомендаціей у Екатерины II, находился во второй Екатерининской залѣ на выставкѣ старинныхъ портретовъ, которая въ семь году устроена была въ С.-Петербургѣ, въ домѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ, и значится во 2мъ изданіи каталога этой выставки подъ № 495. О баронѣ К. Я. Бюлерѣ упоминается въ біографіи его младшаго брата, дѣйствит. тайн. совѣтника, сенатора барона А. Я. Бюлера, помѣщенной Н. А. Полевымъ въ № 23 *Стверной Пчелы* (29го янв. я 1844 года); въ *Архивъ Государственнаго Сольта*, С.-Петербургъ, т. ІІІ. часть 1я, стр. 927, 937—940 и 942, въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей* 1866 года, кн. III, на стр. 55—58; въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ*, С.-Петербургъ, 1837 года, т. VIII, стр. 598 и 599; въ *Annuaire historique*, Paris, 1844, томъ I, стр. 80 и 81, въ *Россійск. Родосл. Книжѣ*, С.-Петербургъ, 1856 года.

доставить цесаревичу портретъ принцессы Вильгельмины. Портретъ этотъ и врученъ былъ великому князю его воспитателемъ, графомъ Панинымъ.

Въ послѣдствіи Ассбургъ горько сожалѣлъ о такомъ поступкѣ, когда сталъ сильно сомнѣваться падеть ли выборъ императрицы именно на эту принцессу.

III.

Между тѣмъ, Ассбургомъ предложено было ландграфинѣ, отъ имени Екатерины II, предпринять съ дочерью путешествіе въ С.-Петербургъ (письмо ландграфини Фридриху Великому, отъ 27го ноября 1772 года, изъ Дармштадта). Ландграфиня нѣсколько затруднялась вести ихъ туда на выборъ и даже опасалась что пожалуй ни одна изъ трехъ не понравится (*Il faudrait un malheur singulier pour que l'une ou l'autre de mes filles ne convint pas au Grand Duc!*) И уже рѣшившись пуститься въ дальній путь и будучи приглашена королемъ заѣхать въ Потсдамъ, она хотя и была обнадежена что оны и братъ его, принцъ Генрихъ, уже побывавшіи въ Петербургѣ (№ IV въ перепискѣ Екатерины II съ Черкасскимъ), снабдятъ ее своими совѣтами, помышляла однакожь не безъ робости о новой для нея средѣ. Она писала 9го апрѣля 1773 года: „*Il faudra user de prudence pour approfondir les caractères des personnes en place et ménager la chèvre et*

т. III, стр. 315 и 316; у Тьера (*Histoire du Consulat et de l'Empire*, Paris 1845, tome IV, p. 1—161, Livre XV, Les Sécularisations; см. преимущественно стр. 119, 120, 146, 147 и 157); у Шмита, на стр. 365, тома IIго его сочиненія: *Suworow und Polens Untergang*, Leipzig, 1858; у Суверса, на стр. 43—44 тома 2го его записокъ: *Ein Russischer Staatsman*; у Спада, на стр. 728й, части IIй *Ephémérides russes*, S.-Petersbourg, 1816, и у П. И. Костомарова, въ статьяхъ помѣщенныхъ имъ въ *Вѣстникъ Европы* 1869 года, подъ заглавіемъ: *Послѣдніе годы Речи Посполитой*. Бюлеры ведутъ начало изъ Франконіи; предки ихъ, патриціи вольнаго города Нюрнберга, принимали участіе въ борьбѣ противъ католицизма, и возведены были въ баронское достоинство Германской имперіи. Родъ ихъ, нынѣ православнаго исповѣданія, внесенъ въ дворянскій гербовникъ Россійской имперіи, и хотя въ прошломъ столѣтіи временно владѣлъ жалованными арендами въ остзейскихъ губерніяхъ, но никогда не заявлялъ желанія быть внесеннымъ въ матрикулы тамошняго дворянства.

„le chou“ и тутъ же жаловалась королю что тогдашнія газеты (вообще такъ мало знавшія) проникли ея тайну (*Les gazettes parlent des mariages, qui se traitent avec mystère, et mon histoire devient ainsi le secret de la comédie*), и сомнѣвалась въ успѣхъ своего предпріятія. (J'aurai l'honneur de conter à V. M. le pourquoi de la visite à Darmstadt du Margrave de Bade avec femme et fils. * Si l'ancien goût des romans subsistait encore, j'y pourrais fournir quelques matières, non pas pour ma personne, — à 52 ans on est bonne tout au plus à conter les aventures des preux et loyales (sic) Chevaliers et des dames de leurs pensées. *Pourvu, Sire, que la fin de mon grand roman soit comme elles le sont ordinairement et que le temple de l'Hymen en fasse la clôture!*...) Даже въ бытность свою въ Потсдамѣ, свѣтлѣйшая путешественница сильно была озабочена исходомъ своей повѣдки, — доказательствомъ чего служить депеша Фридриха Великаго къ его посланнику при нашемъ дворѣ, графу Сольмсу, составляющая 4е приложение къ № VIII, въ помѣщенной ниже сего перепишкѣ Екатерины II съ барономъ Черкасовымъ. Этою депешей поручалось представителю Пруссіи добиться чтобы въ Петербургѣ раслуценъ былъ слухъ, *будто выборъ уже сдѣланъ великимъ княземъ*, и что сестры сопровождаютъ невѣсту единственно потому что мать не захотѣла ихъ оставить однихъ въ Дармштадтѣ.

Наконецъ, въ письмѣ своемъ Екатеринѣ II, отъ 14го мая новаго стила 1773 года, изъ Потсдама (приложение 1 къ № VIII, въ слѣдующей за симъ корреспонденціи), ландграфиня писала:

„Ma démarche Vous prouve, Madame, que s'il est question de Vous plaire, de Vous obéir, ou de suivre les préjugés, qui rendent le public un juge sévère et redoutable, je ne sais pas balancer“... **

И въ послѣдствіи, ландграфиня не пропускала ни одного случая сѣтовать на фальшивое положеніе свое и дочерей (№ XXI), чѣмъ вѣроятно старалась привлечь къ себѣ участіе и вѣрнѣе

* Наслѣдныи принцъ Баденскіи сватался въ это время за принцессу Амалію Дармштадтскую. (См. донесеніе Ассесбурга).

** (Мой поступокъ доказываетъ вамъ, государыня, что когда дѣло идетъ о томъ чтобы вамъ угодить и повиноваться, или сѣдовать предразсудкамъ, на осмowanіи коихъ публика дѣлается судьей строгимъ и страшнымъ, то выборъ меня нисколько не затрудняетъ....)

достигнуть той цѣли за приближеніе къ которой была такъ признательна Фридриху Великому.

Тонъ писемъ которыя она ему писала болѣе чѣмъ учтивый. Она безпрестанно твердила ему о своемъ энтузіазмѣ, преданности и даже обожаніи (adoration); называла его своимъ покровителемъ и premier Monarque de l'univers. Первое письмо Екатерины II, которое вручилъ ей нашъ посланникъ въ Берлинѣ, князь Долгоруковъ, 20го (31го мая), она тотчасъ же переслала королю въ Потсдамъ (этого письма нѣтъ въ нашемъ сборникѣ); изъ Ревеля, впрочемъ, не написала ему ни строки; а письма которыя получала отъ него въ Петербургѣ показывала императрицѣ, остававшейся, однакожь, очень довольною какъ пріятнымъ для нея содержаніемъ ихъ, такъ и довѣріемъ, которое ландграфиня ей такимъ образомъ оказывала. Съ прусскимъ же посланникомъ, графомъ Сольмсомъ, она встрѣчалась рѣдко, только на большихъ церемоніяхъ, и вообще держала себя при нашемъ дворѣ осторожно и съ тактомъ. *

Въ это время, на встрѣчу ландграфинѣ и для сопутствованія ей до Ревеля уже отправленъ былъ въ Любекъ генераль-майоръ Ребиндеръ. ** Въ государственномъ архивѣ сохранилась инструкция изъ 18 пунктовъ, собственноручно написанная начерно Екатериною II на нѣмецкомъ языкѣ, 28го апрѣля. Этою инструкціей императрица поручила Ребиндеру внушить ландграфинѣ что вѣрнѣйшее средство понравиться ей состоитъ въ томъ чтобъ *оказывать всевозможное почтеніе цесаревичу и народу Русскому* (Hochachtung für mein Sohn und für die Nation). Ребиндеръ отправился въ путь съ

* Въ какой стелени она очаровала Фридриха Великаго, всего лучше доказываетъ эпитафія, которую онъ послѣ ея кончины сочинилъ для нея: *Femina sexu, ingenio vir.*

* Надо полагать что это былъ *Густавъ-Христіанъ* Ребиндеръ, который значится на стр. 244, тома III *Россійской Родословной Книги*, С.-Петербургъ, 1856, родившимся въ 1722 году, имѣвшимъ, следовательно, въ 1773 году за 50 лѣтъ, и умершимъ (неизвѣстно когда именно) въ чинѣ *генераль-майора*. О немъ часто идетъ рѣчь въ перепискѣ Екатерины II съ Черкасовымъ. Въ самой инструкціи своей она говоритъ о немъ какъ о человѣкѣ хорошо ей извѣстномъ своею догадливостью и смѣтливостью, и то поручаетъ Черкасову переслать ему письмо, то передать поклонъ отъ нея. Онъ сопровождалъ ландграфиню отъ Любека до Ревеля, и оттуда, чрезъ

цѣлою русскою эскадрой, состоявшею изъ фрегата *Св. Маркъ* и пакетботовъ *Быстрый* и *Соколы*. Флотилія и фрегатъ предназначенный для Дармштатскихъ принцессъ находились подъ командою флота капитана, кавалера Крузе или, какъ значитъ въ журналѣ плаванія, *Sir Ale-*

Гатчину, въ Царское Село (№ I, пунктъ 7й и №№ II — IV, VI и XXIII). Поэтому не слѣдуетъ его смѣшивать съ другимъ Ребиндеромъ, о которомъ, именно въ то время какъ ландграфина выѣзжала изъ Ревеля и направляла путь свой въ Царское Село, Екатерина II писала Черкасову (№ XXVI) что приказала Ребиндеру выслать въ Кипень гонца. Это, по всей вѣроятности, принадлежавшій къ числу приближенныхъ императрицы, двоюродный братъ предшествоващаго, штабмейстеръ *Василій Михайловичъ* Ребиндеръ, бывшій въ послѣдствіи, какъ сказано на вышеприведенной стран. *Родословной Книги*, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и имѣвшій родныхъ братьевъ: *Ганса-Вильгельма*, россійскаго резидента въ Данцигѣ (см. *Записки княгини Дашковой*, Лондонъ, 1859, стр. 103 и 104), бывшаго полковникомъ, а послѣ того статскимъ совѣтникомъ, — и *Ивана Михайловича*, генераль-поручика. Донесенія одного (изъ Данцига), за 1764, и другаго, за 1783—1792, въ качествѣ *правлящаго должность* генераль-губернатора нижегородскаго и пензенскаго, находятся въ государственномъ архивѣ; но тамъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о *первыхъ двухъ* названныхъ нами Ребиндерахъ. Изъ нихъ, генераль-майоръ Густавъ-Христіанъ, то-есть тотъ который сопровождалъ ландграфиню Дармштатскую отъ Любека до Царскаго Села, не значитъ въ *Описаніи торжества высокобранаго сочетанія великаго князя Павла Петровича*, С.-Петербургъ, 1773, а тамъ, въ церемональнѣ высочайшаго поѣзда въ Казанскій соборъ, поименованъ вѣхавшимъ верхомъ, предъ каретою императрицы, въ *должности штабмейстера* генераль-майоръ Ребиндеръ, то-есть, очевидно, тотъ самый который, съ утвержденіемъ его въ *приворномъ чинѣ* штабмейстера, тѣмъ самымъ повышенъ изъ генераль-майоровъ въ III классъ, а въ послѣдствіи и во II, съ производствомъ въ *гравюинскій чинъ* дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Этого-то штабмейстера В. М. Ребиндера называетъ и Сумароковъ въ числѣ лицъ сопровождавшихъ Екатерину II въ Тавриду (ч. II, стр. 195). Особы этой фамиліи и иныя, состоящія съ ними въ родствѣ, къ которымъ мы обращались, сообщили намъ объ одномъ только В. М. Ребиндерѣ, что на гравюрахъ, представляющихъ путешествіе Екатерины II, онъ изображенъ вѣдущимъ верхомъ возлѣ ея кареты (гравюръ такихъ, кромѣ одной аллегорической, мы не видали), и что онъ былъ долгое время ктитормъ (вѣроятно послѣ графа Ангальта) Петропавловской лютеранской кирки въ С.-Петербургѣ, гдѣ имѣлъ на Невскомъ проспектѣ домъ, принадлежащій нынѣ Казанскому собору.

landre Kruse, Esq; пакетботъ *Быстрый* предназначенъ былъ для ихъ свиты и багажа, и состоялъ подъ начальствомъ флота капитанъ-лейтенанта графа Андрея Кириловича Разумовскаго; * а *Соколъ*, имѣвшій командиромъ лейтенанта Шубина, долженъ былъ перевезти въ Ревель ихъ дорожные экипажи. Эскадра снялась съ якоря въ Кронштадтскомъ рейдѣ 7го мая стараго стilia, и *Св. Маркъ* съ *Соколомъ* прибыли въ Травемюндскую гавань 17го мая, гдѣ обмѣнялись салютомъ съ тамошнею крѣпостью; а *Быстрый* не оправдалъ своего имени и догналъ ихъ только 19го, да и въ послѣдствіи запоздалъ въ Ревель. ** Между тѣмъ Крюйсъ и Ребиндеръ отправили Шубина изъ Травемюнде, чрезъ Любекъ, въ Берлинъ, для извѣщенія ландграфини, чрезъ посредство нашей миссіи, о прибытіи эскадры на мѣсто.

* Сынъ гетмана, названный Андреемъ, въ память ордена полученнаго отцомъ (А. А. Васильчиковъ, *семейство Разумовскихъ*. Москва, 1868, стр. 121), въ послѣдствіи посланникъ въ Колонгагенъ, Стокгольмъ и Неаполь; а затѣмъ посолъ въ Вѣнѣ. Тамъ, въ царствованіе Павла I, успѣшно велъ онъ переговоры о бракосочетаніи великой княжны Александры Павловны съ палатиномъ Венгерскимъ, и возведенъ былъ въ княжеское Россійской Имперіи достоинство. Фамилія *Разумовскихъ* вѣтъ въ *Россійской Родословной Книгѣ* Долгорукова. Въ государственномъ архивѣ, въ числѣ бумагъ князя Разумовскаго, находятся три журнала рейсовъ, въ коихъ онъ, вѣроятно, во всѣхъ принималъ участіе. *Первый*, 1764 года, о плаваніи въ Балтійскомъ морѣ; *второй*, 1772 года, о поѣздкѣ въ Архангельскъ, подъ начальствомъ контръ-адмирала Н. И. Сенявина и капитана 2го ранга Арсеньева; *третій*, 1778 года, о командованіи пакетботомъ *Быстрый*, совершившимъ кампанію отъ Кронштадта до Травемюнде и обратно чрезъ Ревель, съ 4го мая по 27е июня. Этотъ журналъ подписанъ *французскаго* ранга штурманомъ Ив. Антоновымъ. Въ *Описаніи торжества высокобращнаго сочетанія великаго князя Павла Петровича*, графъ А. К. Разумовскій названъ въ числѣ камеръ-юнкеровъ бывшихъ верхомъ предъ императрицей; сестра его, графиня Елизавета Кирилловна, въ числѣ сопровождавшихъ ее фрейлинъ; а отецъ ихъ, бывшій гетманъ, бывшій, какъ фельдмаршалъ, то-есть особа I класса, въ послѣдней золотой каретѣ, вмѣстѣ съ другимъ, моложе его, фельдмаршалою, княземъ А. М. Голицынымъ. Но въ числѣ камеръ-юнкеровъ служившихъ въ этотъ день за высочайшимъ столомъ, графъ А. К. Разумовскій не поименованъ.

** Докесеніе Черкасова. № XXII.

Въ Ревель же Екатерина II заблаговременно выслала одно изъ самыхъ близкихъ къ себѣ и довѣренныхъ лицъ. 22го апрѣля, стараго стilia, за обѣдомъ въ царскосельской галлерей, * она въ первый разъ сообщила барону А. И. Черкасову что имѣеть его въ виду для того чтобы привѣтствовать отъ ея имени ландграфиню и ея дочерей, при вступленіи ихъ въ предѣлы Имперіи и для сопровожденія ихъ до Царскаго Села (№ XVIII.)

Какъ это извѣстно изъ начала нашего разказа, баронъ Черкасовъ хотя и былъ дѣйствительнымъ камергеромъ, но съ тѣхъ поръ какъ по званію президента медицинской коллегіи управлялъ цѣлымъ отдѣльнымъ вѣдомствомъ, освобожденъ былъ отъ очереднаго дежурства при дворѣ, и гораздо прежде 1773 года произведенъ былъ въ тайные совѣтники (*Русскій Вѣстникъ* за январь, стр. 34 и за мартъ сего года, стр. 189); но въ то время можно было оставаться камергеромъ и при повышеніи въ III классъ; камергерство считалось только несовмѣстнымъ съ нѣкоторыми самостоятельными высшими должностями, какъ, напримѣръ, съ сенаторствомъ. Извѣстно что Нелединскій-Мелецкій и иные близкіе къ Екатеринѣ II камергеры именно поэтому долго уклонялись отъ назначенія въ сенаторы, говоря что *де мы такимъ образомъ подвергнемся исключенію изъ общества приближенныхъ императрицы.*

Итакъ, Черкасовъ былъ въ ту пору, какъ это тогда называлось, однимъ изъ *камергеровъ чина тайнаго совѣтника*, ** и отправляя Черкасова, 13го мая, въ Ревель, Екатерина II вручила ему письмо къ ландграфинѣ, въ которомъ, называя его именно своимъ Chambellan, выражалась слѣдующимъ образомъ:

„Je vous prie d'ajouter entièrement foi à ce qu'il vous dira. Je l'ai choisi entre bien d'autres aspirants, comme un homme sûr, qui m'est connu depuis longtems par son attachement à

* Вѣроятно *Камероновская*, извѣстная подъ названіемъ колоннады. Она пристроена къ старому дворцу и отъ нея идетъ широкая, открытая лѣстница къ озеру.

** Называя особъ которая составляли свиту Екатерины II во время путешествія ея въ Тавриду въ 1787 году, Сумароковъ говоритъ что между прочимъ тутъ находились *тайные совѣтники*: Стрекаловъ, гр. Скавронскій, гр. Стакельбергъ и камергеры того же чина: Нелединскій-Мелецкій, Валуевъ и Салтыковъ. (*Обозрѣніе царствованія и свойствъ Екатерины Великой, С.-Петербургъ, 1832 года, часть II, стр. 195.*)

ma personne, et par son sens droit et son esprit dégagé de préjugés....“*

Екатерина II снабдила также Черкасова собственноручною инструкціей, состоявшею изъ 11ти пунктовъ, съ секретнѣйшею припискою (инструкція эта, написанная начерно рукой императрицы хранится въ госуд. архивѣ) За инструкціей послѣдовали еще три записочки, изъ коихъ двѣ на русскомъ языкѣ. Тутъ очень обстоятельно предвидѣно и указано весьма многое, относившееся до прибытія ландграфини и принцессы въ Ревель, до этикета ихъ приѣма, подобно тому какъ была принята въ Ригѣ сама Екатерина II, будучи еще невѣстою, и до путешествія ихъ въ Петербургъ. Подъ конецъ этой инструкціи, императрица въ шуточномъ тонѣ выражала желаніе чтобы съ Черкасовымъ не приключилось ни падагры, ни головокруженія, и прибавляла что сочла излишнимъ сообщить ландграфинѣ о тѣхъ прозвищахъ которыми она его жаловала, когда несчастливо играла въ карты.

Въ письмѣ генералу Ребиндеру, она и ему поручала внушить ландграфинѣ *на какой ногѣ* Черкасовъ *отъ давнихъ лѣтъ* находился при императрицѣ. Сообщая объ этомъ ему самому, она писала: „Однако что при *кривичной* игрѣ проис-
„*даживало*, я тутъ не включила; ибо все вдругъ сказать „людямъ не прилично....“ Въ послѣдствіи же, въ бытность Черкасова въ Ревель, она приказывала ему оказывать всевозможное вниманіе ея свѣтлости, и по этому случаю писала: „Я надѣюсь что ты мнѣ не ударишь лицомъ въ грязь!...“ (Письмо № XXIII.)

Все это подтверждаетъ прежде сказанное нами о томъ что баронъ А. И. Черкасовъ принадлежалъ къ избранному обществу императрицы, чуть ли не постоянно составлялъ ея партію, и вечера проводилъ болѣею частію при дворѣ. Но назвать этотъ тѣсный кругъ *Эрмитажнымъ* было бы, кажется, анахронизмомъ, ибо множество обстоятельствъ побуждаетъ насъ думать что, въ теченіи 16ти-лѣтняго періода служебной дѣятельности этого вельможи въ Петербургѣ (съ 1762 по 1778 г.), названіе *Эрмитажъ* еще вовсе не было введено въ употребленіе.

* Прошу васъ вполнѣ довѣрять его словамъ. Я его выбрала изъ среды весьма многихъ кандидатовъ, какъ человека вѣрнаго, который мнѣ давно извѣстенъ своею личною ко мнѣ приверженностью, равно какъ своею прямою и умомъ свободнымъ отъ предразсудковъ...

Извѣстно что Екатерина II назвала *Эрмитажемъ* зданія пристроенныя со стороны Невы къ Зимнему Дворцу; но, когда именно дано имъ было это наименованіе и когда написаны извѣстныя *Эрмитажныя правила*,—на это мы нигдѣ не нашли положительнаго указація, несмотря на то что объ Эрмитажѣ и объ Эрмитажныхъ вечерахъ имѣется очень много печатныхъ свѣдѣній.

Первое изъ помянутыхъ зданій отстроено было въ 1765 году. Это теперешній *Арабскій павильонъ*. Онъ соединяется съ дворцомъ посредствомъ галлерей, нынѣ называемой *Романовскою*, потому что тамъ помѣщены портреты всѣхъ Августѣйшихъ членовъ Дома Романовыхъ. Въ концѣ ея, у самаго выхода, виситъ черная доска, на которой написаны золотыми буквами эти самыя *Эрмитажныя правила*, но безъ означенія какого-либо года и числа. Они напечатаны на стр. 59й части II *Обозрѣнія царствованія и свойствъ Екатерины Великой*, С.-Петербургъ, 1832 г., соч. П. А. Сумарокова и въ *Описаніи достопримѣчательностей С.-Петербурга и его окрестностей*, С.-Петербургъ, 1821 года, П. И. Свиньина (съ переводомъ на французскій языкъ), откуда Ансело (Anselot) перевелъ ихъ, и помѣстилъ въ своей книгѣ: *Six mois en Russie*.

Второе зданіе, гдѣ преимущественно и помѣщены были картины, пріобрѣтенныя въ это время нашимъ Дворомъ и которымъ въ 1774 году, уже былъ составленъ каталогъ, выстроено въ 1775 году и соединяется съ павильономъ аркою имѣющею видъ моста. Часть этого зданія, обращенная къ Большой Милліонной, долго называлась Шелелевскимъ дворцомъ. * Въ послѣдствіи времени сюда прибавлены были Рафаэлевы ложи; а въ 1780 году выстроены были на Дворцовой же набережной, за Зимнею канавкой, Эрмитажный театръ, къ которому, со стороны улицы, прилегаетъ казарма лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

Замѣчательно и то что въ *первомъ* каталогѣ (1774 года) и даже во *второмъ*, составленномъ камеръ-юнкеромъ графомъ Минихомъ (съ 1773 по 1783 годъ), не употреблено выраженіе *Эрмитажъ*.

Мы позаимствовали эти извѣстія изъ историческихъ пре-

* Бывшій домъ гофмейстера Шелелева (см. стр. 41 *Семейство Разумск.*) вошелъ въ составъ *Новаго Эрмитажа*, обращеннаго фасадомъ на Большую Милліонную и выстроеннаго въ 1849 году баварскимъ архитекторомъ Кленцелемъ.

дисловіи (*Notice sur la formation du Musée de l'Ermitage*) къ сочиненіямъ: Ф. А. Жилля, стр. I—XXI, вышедшему въ С.-Петербургѣ, подъ заглавіемъ: *Musée de l'Ermitage Impérial*, 1мъ изданіемъ въ 1860 году, въ русскомъ переводѣ въ 1861 году, и 2мъ изданіемъ, на французскомъ же языкѣ, въ 1863 году, и барона Б. В. фонъ-Кёне, *Ermitage Impérial, Catalogue de la Galerie des tableaux*, S.-Petersbourg, 2de édition, р. I—X. Остается замѣтить что предисловіе Ф. А. Жилля, собственно въ отношеніи *Эрмитажныхъ вечеровъ*, основано преимущественно на разказахъ оберъ-камергера А. И. Рибольера, умершаго въ 1865 году, 86 лѣтъ отъ роду; слѣдовательно жившаго только 17 лѣтъ когда скончалась Екатерина II, и потому, вѣроятно, не знавшаго нѣкоторыхъ подробностей касавшихся 1760 и 1770 годовъ. Даже въ числѣ самихъ эрмитажныхъ гостей, которыхъ онъ называлъ Ф. А. Жиллю, находятся, изъ сверстниковъ Черкасова, только княгиня Дашкова, Л. А. Нарышкинъ и графъ Строгановъ (стр. 28, 167, 182, 183 и 185 настоящаго очерка, главы III, X, XI въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за январь и мартъ мѣсяцы сего года).

Что же касается до цѣлыхъ очевидцевъ начала царствованія Екатерины II, то ихъ авторитетъ почти убѣждаетъ насъ въ томъ что названіе *Эрмитажъ* дано во всемъ тремъ пристройкамъ къ Зимнему дворцу, чуть ли не по окончаніи ихъ, въ 1780хъ годахъ.

Такъ, Порошинъ, въ запискахъ своихъ, веденныхъ за 1764 и 1765 года (С.-Петербургъ, 1844), на стр. 247 упоминаетъ о томъ что 9го января 1765 года (въ воскресенье) куртажъ былъ въ *галлерей*, вѣроятно въ той гдѣ развѣшаны были недавно пріобрѣтенныя картины, въ тогда же выстроенномъ павильонѣ. Далѣе видно что куртажи бывали и въ кавалергардской комнатѣ, или въ билліардной, близко отъ олочивальни Екатерины II; но названіе *Эрмитажъ* нигдѣ у Порошина не встрѣчается, что вполнѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ (какъ это и замѣчено было выше) что первое изъ трехъ зданій, въ послѣдствіи составившихъ Эрмитажъ, въ ту пору только что было отстроено. Между тѣмъ, въ запискахъ Порошина иногда идетъ рѣчь о *большомъ придворномъ театрѣ*; но объ немъ не объяснено: принадлежалъ ли онъ къ составу Зимняго дворца, или помѣщался за Зимнюю канавкой въ томъ дворцѣ гдѣ скончался Петръ Великій и гдѣ теперь находится Эрмитажный театръ, — или

же, наконецъ, былъ гдѣ-нибудь въ иномъ, отдѣльномъ мѣстѣ, въ самомъ городѣ?

Наконецъ, хотя въ 1773 году Екатерина II писала свои письма барону Черкасову въ лѣтнее время, изъ Царскаго Села; но, часто вспоминая о томъ какъ они игравали въ карты (вѣроятно незадолго предъ тѣмъ, въ предшествовавшую же зиму), ни она, ни онъ вовсе не употребляютъ выраженіе *Эрмитажъ* (№№ II, III и XVII). Его даже нѣтъ въ *Описаніи торжества высокобранаго сочетанія великаго князя Павла Петровича, С.-Петербургъ, 1773 года*, гдѣ однакожь, на стр. 38й, идетъ рѣчь о балахъ, бывшихъ по этому случаю два дня сряду (29го и 30го сентября) въ *галлерей*, а на стр. 44й, о куртагѣ, также происходившемъ 1го октября въ *галлерей*.

Княгиня Дашкова говоритъ, въ первый разъ, въ своихъ *Запискахъ* (Лондонъ 1859) объ *Эрмитажномъ театрѣ* въ 1782 году, на стр. 183й. Н. М. Карамзинъ, въ своемъ *Похвальномъ Словѣ Екатерины II* (Москва 1802), упоминаетъ только вскользь объ ея вечернихъ собраніяхъ (стр. 176), а П. А. Сумароковъ ничего не указываетъ опредѣлительно (стр. 59 части II). *Записки* графа Сегюра намъ, въ этомъ случаѣ, бесполезны; такъ какъ этотъ французскій посолъ прибылъ въ Петербургъ только въ 1785 году (стр. 191 тома IIго *Mémoires ou Souvenirs et anecdotes*, Paris, 1827).

Но всего любопытнѣе что въ книгахъ и статьяхъ посвященныхъ именно этому предмету, какъ напримѣръ *Théâtre de l'Ermitage de Catherine II*, Paris, an. VII; въ *Сынъ Отечества* 1836 года (№ 2): *Литературныя забавы Екатерины Великой въ Эрмитажѣ* (П. И. Свиньина, который однакожь тутъ же признавалъ что „каждое дѣйствіе, каждое слово Екатерины принадлежитъ исторіи и есть достояніе и честь Россіи“ (стр. 86); въ *Маякѣ* 1842 (за апрѣль мѣсяць): *Листокъ изъ Эрмитажной игры императрицы Екатерины*, и въ *Репертуарѣ и Пантеонѣ* 1844 (№ 1й): *Екатерина IIя на поприщѣ драматическомъ*, — не заключается ни малѣйшаго указанія на то когда именно введено было въ употребленіе названіе *Эрмитажъ*.... Полученіемъ послѣдней изъ этихъ статей редакція *Репертуара и Пантеона* обязана была почтенному московскому сторожильцу археологу М. Н. Макарову и, печатая ихъ, просила какъ его, такъ и всѣхъ имѣющихъ еще какія-либо свѣдѣнія объ эрмитажныхъ вечерахъ, сообщить ихъ ей.

Предоставляя специалистамъ разъяснить этотъ вопросъ, имѣющій для насъ лишь второстепенный и случайный интересъ, по своимъ мемуарамъ или по Камеръ-Фурьерскому журналу, котораго мы въ настоящее время не имѣемъ подъ рукой, повторяемъ что хотя баронъ А. И. Черкасовъ и принадлежалъ къ самому близкому кружку Екатерины II, но назвать этотъ кружокъ *эрмитажскимъ* не было бы исторически вѣрно; такъ какъ въ то время когда онъ удалился отъ двора (въ 1778 году) едва ли существовало названіе *Эрмитажъ*, да притомъ и большая часть картинъ, изъ которыхъ составила этотъ музей, приобрѣтены были лишь за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, какъ, на примѣръ, коллекціи знаменитаго саксонскаго министра графа Брюля, барона Кроза (Crozat), герцога Шуазеля (1772), Буассе, принца Конти (1777) и лорда Вальпола (Walpole) въ 1779 году.

Тѣмъ не менѣе, изъ переписки императрицы съ Черкасовымъ, увидимъ что онъ проводилъ у ней цѣлые вечера, игралъ съ нею въ карты, и именно въ 1773 году, преимущественно въ *криббеджъ* (cribbage). Эта англійская карточная игра вѣроятно недолго была въ модѣ; ибо Порошинъ упоминаетъ только объ ломберѣ и ликетѣ (въ 1764), княгиня Дашкова о шахматахъ (въ 1782 году, стр. 183 ея *Записокъ*), а Сумароковъ о вистѣ, бостонѣ и рокамболѣ (часть Iя, стр. 181 и 182), хотя, на стр. 209 части IIй того же сочиненія, увѣряетъ что Екатерина II не любила карты.

Какъ выше было сказано, Черкасовъ выѣхалъ изъ Петербурга 13го мая. Въ государственномъ архивѣ сохранилось донесеніе, написанное имъ императрицѣ по-русски, на почтовой бумагѣ не очень большаго формата, именно ввечеру этого дня, и гдѣ онъ ее увѣдомляетъ что „уже послалъ по лошадей“; а также о томъ что онъ беретъ съ собою конюшеннаго офицера Богданова и штабъ-лекаря Кельхена, у котораго трудныхъ больныхъ въ ту пору не было, и что получить отъ князя Н. М. Голицына (оберъ-гофмаршала) 2.000 рубл., да прогоны на 12 лошадей, тогда какъ ихъ нужно 18.

Если достоверно фамильное преданіе, то въ этотъ самый день совершился довольно странный случай. Когда Черкасовъ откланивался Екатеринѣ II, то она подъ конецъ разговора сказала ему: „Побывайте еще у графа Панина!“ Когда же Черкасовъ зашелъ къ вице-канцлеру, то послѣдній объявилъ ему что императрица сочла приличнымъ пожаловать

ему Аннинскій орденъ (имѣвшій тогда одну только степенъ), дабы при встрѣчѣ ландграфини онъ былъ *ex leuiti*. Приложимъ что отношенія Черкасова съ Панинымъ были довольно натянуты (*Русск. Вѣст.* сего года за январь, стр. 28 и 46, и за мартъ, стр. 201). Понятно что будучи, по званію президента коллегіи, начальникомъ отдѣльнаго вѣдомства, во всемъ зависѣвшего отъ императрицы, онъ очень удивился претензіи вице-канцлера отнестись къ нему какъ къ подчиненному. Черкасовъ вообразилъ, и не безъ основанія, что еслибы мысль украсить его Аннинскою лентой дѣйствительно принадлежала самой Екатеринѣ II, то ея величество сама бы отдала ее ему, или бы прислала; а что Панинъ, вручая ему наименьшій въ то время орденъ, обижалъ въ лицѣ его президента коллегіи, да притомъ старался оскорбить его, ясно выразивъ что де безъ ленты онъ, самъ по себѣ, не будетъ имѣть никакого значенія въ глазахъ иностранной владѣтельной особы. На это Черкасовъ нисколько не затруднился отвѣчать: „Благодарите отъ меня императрицу; я уже и безъ того взысканъ ею не по заслугамъ; на встрѣчу ландграфини я очень хорошо могу ѣхать и безъ ленты; къ тому же, принять ее телерь, когда я только что приступаю къ высочайше возложенному на меня порученію, мнѣ неловко; если же Богъ дастъ мнѣ его хорошо выполнить, то ея императорское величество сама наградитъ меня по своему благоусмотрѣнію!...“ Надо однакожь замѣтить что Аннинскій орденъ тогда еще считался *иностраннымъ*, голштинскимъ (только Павелъ I, 5го апрѣля 1797, включилъ его *младшимъ* въ число россійскихъ орденовъ),*

* См. т. II *Энциклопед. Лексикона*, С.-Петербургъ, 1835 года, стр. 319—320 и 331—333. Аннинскій орденъ учрежденъ былъ, 3го февраля (ст. ст.) 1835, владѣтельнымъ герцогомъ Шлезвиг-Голштинскимъ Карломъ-Фридрихомъ (отцомъ Петра III), въ честь и память его супруги, цесаревны Анны Петровны, старшей дочери Петра Великаго, скончавшейся въ Килѣ въ 1728, и погребенной въ С.-Петербургѣ, въ Петропавловской крѣпости. Вокругъ краснаго креста, посреди звѣзды девизъ: *Amantibus Iustitiam, Pietatem, Fidem*, начальныя буквы коего соотвѣтствуютъ словамъ: Анна Imperatoris Petri Filia. Авторъ статьи: *Аннинскій Орденъ* (въ *Энци. Лекс.*) говоритъ что этотъ орденъ пожалованъ былъ въ 1754 великому князю Павлу Петровичу, и будто Екатерина II возложила его на себя, 29го іюня 1762 года. При Павлѣ I орденъ этотъ раздѣленъ на три степени:

и что настоящіе русскіе вельможи иногда уклонялись отъ полученія оного, противъ чего Екатерина II не выражала неудовольствія. Это доказывается въ настоящемъ случаѣ и тѣмъ что если даже въ словахъ Черкасова заключался разчетъ, то онъ вполнѣ оправдался, такъ какъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ день бракосочетанія цесаревича, императрица пожаловала барону Черкасову уже не голштинскую, Аннинскую, а высшую надъ нею, вполнѣ русскую, Александровскую ленту. Этотъ поступокъ Черкасова нѣсколько напоминаетъ урокъ, который, гораздо позже, Суворовъ далъ Потемкину, осмѣлившемуся его спросить: „Чѣмъ могу я наградить васъ?“ на что герой отвѣчалъ: „Помилуй Богъ! награждать меня можетъ только матушка императрица!“

Между тѣмъ, ландграфиня и принцессы Дармштатскія направляли путь свой чрезъ Берлинъ въ Любекъ и Травемюнде, куда для нихъ была отправлена русская эскадра.

Свита ихъ состояла изъ 40 лицъ. Значительнѣйшее изъ нихъ былъ баронъ Ридезель (въ родѣ гофмаршала); другой при ихъ свѣтлостяхъ *кавалеръ* (официальный терминъ) былъ г. фонъ-Штраутенбахъ; кромѣ ихъ, тутъ находились: жена сего послѣдняго, гофъ-дама ландграфини, и ея фрейлины: фонъ-Ворхбергъ и фонъ-Левенъ, одинъ секретарь, одинъ докторъ, восемь горничныхъ, четыре камердинера и иная прислуга.

Вотъ маршрутъ которому слѣдовали ландграфиня и наша эскадра, сперва врозь, потомъ вмѣстѣ, и который мы занимаемъ изъ разныхъ документовъ, между прочимъ и изъ журнала веденнаго подъ руководствомъ графа А. К. Разумовскаго, во время плаванія эскадры отъ Травемюнде до Ревеля.

Отъѣздъ ландграфини изъ Дармштадта послѣдовалъ 6го мая (н. ст.) и при медленности тогдашней ѣзды, съ ночлегами, она прибыла въ Потсдамъ, согласно желанію Фридриха Великаго, 13го мая (н. ст.) въ Потсдамъ: по крайней мѣрѣ 3го (14го) числа она писала оттуда Екатеринѣ II. Пребываніе тамъ ея свѣтлости нѣсколько продлилось отчасти оттого что младшая ея дочь, принцесса Луиза, заболѣла (приложеніе къ № XV); впрочемъ, ландграфиня только 20го (31го) числа узнала, отъ пріѣхавшаго

лента, крестъ на шеѣ и на шлагѣ; а въ 1808, прибавлена еще одна степень: крестъ въ петлицѣ. Въ Петербургѣ открытъ недавно музей главнаго интендантскаго управленія (на Англійскомъ проспектѣ № 36), гдѣ можно видѣть кивера голштинской гвардіи съ изображеніемъ на нихъ звѣздъ ордена *Св. Анны*.

къ ней въ Потсдамъ посланника нашего въ Берлинѣ, князя В. С. Долгорукова,* что высланная за нею русская эскадра на ходилась въ Любекъ съ 17го (28го) мая.

Ландграфиня выѣхала изъ Берлина въ пятницу, 24го мая (4го июня); переночевавъ на половинѣ дороги въ Кирицѣ (Kyritz), написала оттуда въ слѣдующее утро благодарственное письмо королю Прусскому, въ которомъ снова клялась въ своей непоколебимой къ нему приверженности (*C'est à Vous seuls, Sire, que je Vous fais le serment d'un attachement éternel et inviolable*), и прибыла въ воскресенье, 26го мая (6го июня) въ Любекъ.

Эскадра снялась съ якоря въ Травемюнде только 29го мая (9го июня), подъ восемью флагами и съ пушечною пальбой; послѣ чего, при противныхъ вѣтрахъ, прерывавшихся штилемъ и туманомъ, показала въ виду Ревеля 6го (17го июня) въ полдень, и бросила якорь въ тамошнемъ портѣ въ 4 часу (№ XXI, а также письмо ландграфини изъ Царскаго Села и всеподданнѣйшее донесеніе генераль-фельдмаршала, *Ревельской* губерніи генераль-губернатора, принца Голштейнъ-Бекскаго,—въ бумагахъ государственнаго архива), гдѣ съ 16го мая (ст. ст.) ландграфиню ожидалъ баронъ Черкасовъ, помѣстившійся сперва въ городѣ, а потомъ, въ Екатерининскомъ дворцѣ, и приготовившій оный для приема ея съ дочерьми.

Черкасовъ встрѣтилъ ландграфиню въ самомъ портѣ, высадивъ ее изъ шлюпки, при пушечной пальбѣ, привѣтствовалъ свѣтлѣйшихъ путешественницъ отъ имени государыни съ благолучнымъ прибытіемъ въ Россію, вручилъ ландграфинѣ поздравительное письмо ея величества, и отвезъ ихъ въ придворныхъ экипажахъ въ Екатерининскій дворецъ, гдѣ былъ приготовленъ почетный караулъ, подъ командой поручика. Вечеромъ всѣ онѣ совершили прогулку съ барономъ въ дворцовомъ саду; на

* Князь Владиміръ Сергѣевичъ, дѣйствит. тайн. совѣтникъ, цѣлыхъ 24 года занималъ этотъ постъ; былъ холостъ, и скончался 86 лѣтъ с. р. въ 1803. Онъ происходилъ по прямой линіи отъ князя Алексѣя Григорьевича, прадѣда князя Долгорукова-Крымскаго. (*Росс. Род. книга*, С.-Петербург. 1854. Томъ I, стр. 96 и 108.) Княгиня Дашкова упоминаетъ объ немъ на стр. 104, 127, 176 и 178 своихъ *Записокъ*, изображая его человѣкомъ всеми любимымъ и уважаемымъ, радушнымъ, внимательнымъ къ соотечественникамъ, и притомъ большимъ приверженцемъ Фридриха Великаго и его военной системы, такъ что онъ часто присутствовалъ при производимыхъ имъ смотрѣхъ войскъ.

другой день, 6го (17го іюня), вмѣстѣ съ Черкасовымъ, командиръ русской эскадры, привезшей ихъ, приглашенъ былъ къ столу ландграфини; послѣ обѣда, она съ дочерьми каталась по городу; а потомъ принимала ревельскихъ дамъ.

Отъѣздъ изъ Ревеля въ С. Петербургъ, *сухимъ путемъ*, продолжалъ 11го іюня (ст. ст.) *полудни* (донесеніе генералъ-губернатора); а 14го числа, эскадра отправилась обратно въ Бронштадтъ (журналъ Разумовскаго).

Свѣтлѣйшія путешественницы имѣли первый ночлегъ въ 48ми верстахъ отъ Ревеля и въ 2хъ отъ почтовой станціи Кагаль, на мызѣ *Колкъ*, въ каменномъ домѣ графа Стенбока; 12го числа имѣли ночлегъ у г-жи Вангерсеймъ въ *Гакковъ*; 13го, въ *Ямбургѣ*; а 14го, въ имѣніи графа Сиверса (нынѣ барона Корфа) *Сельцо*. Вообще, онѣ дѣлали едва ли болѣе 50 верстъ въ сутки; согласно мысли барона Черкасова, одобренной Екатериной II, останавливались предпочтительно у жилищъ помѣщиковъ, въ домахъ болѣе обширныхъ и лучше устроенныхъ чѣмъ почтовые; а такъ какъ ландграфиня заранѣе объявила Черкасову что въ дорогѣ привыкла обходиться безъ обѣда и кушать одинъ только разъ въ продолженіи сутокъ, то для обѣда онѣ нигдѣ не останавливались, и только ужинали тамъ гдѣ имѣли ночлегъ.

15го (26го іюня) ландграфиня и принцессы въ сопровожденіи барона Черкасова, прибыли со станціи Килень въ Гатчино, имѣніе князя Г. Г. Орлова, гдѣ ихъ ожидала императрица съ малочисленною свитой. Послѣ обѣда, она отправилась съ своими гостями въ Царское Село, откуда, на встрѣчу имъ, выѣхалъ цесаревичъ.

БАРОНЪ Ө. БЮЛЕРЪ.

(До слѣдующ. №).

Г Л А В А

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ *

IV.

Законодательный корпусъ все еще не былъ созванъ. Единственнымъ серьезнымъ поводомъ къ тому можно было почесть желаніе правительства окончить безъ всякихъ помѣхъ проектъ измѣненій въ конституціи; но вотъ этотъ проектъ уже оконченъ и сообщенъ сенату, и все еще нѣтъ рѣчи о созывѣ народныхъ представителей! Это была ошибка, которую горько оплакивала серьезная и благонамѣренная часть печати и которою воспользовались газеты радикальными и непримиримыми. При этомъ теряло не только правительство, но и самое общество, сама нація; партіи раздражались и въ средѣ ихъ обнаруживались безпрестанные расколы, такъ что всѣ онѣ грозили, повидимому, потерять всякую организацию и лишиться правительство, даже при доброй его волѣ, возможности опереться на которую-нибудь изъ нихъ. Выигрывали только тѣ которые проповѣдывали анархію и жили ею. „Каждый,—писалъ въ это время г. Мазадъ,—слѣдуетъ сдѣлать свое личное заявленіе, и поднять собственное знамя; каждое утро, самые темные люди внезапно пробуждаются кормчими общественнаго мнѣнія, устроителями манифестацій, руководителя-

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 85.

ми преній и, подъ предлогомъ служенія свободѣ, самая бѣшная самолюбія и самая ожесточенныя личныя вражды выступаютъ на сцену съ шумными бравадами.“ Одинъ изъ депутатовъ республиканской партіи, нынѣшній префектъ Парижа, г. Кератри, на обѣдѣ въ которомъ участвовали оставшіеся въ Парижѣ народные представители, настаивая на законѣ обязывающемъ правительство созвать палату не позже какъ черезъ полгода послѣ выборовъ, объявилъ что узаконенный срокъ оканчивается 26го октября, и что въ этотъ день народнымъ представителямъ слѣдуетъ собраться въ залу Бурбонскаго дворца, хотя бы они и не получили приглашенія. Это заявленіе вызвало шумные толки въ газетахъ; органы совершенно независимые и даже съ орлеанистскимъ отбѣнкомъ, какъ *Journal de Paris, Débats* или *Constitutionnel*, отозвались неблагоклонно о словахъ г. Кератри; въ *Siècle* напечатана была статья депутата тоже республиканской партіи, г. Пикара, не одобрявшая такого революціоннаго воззванія; за то избиратели Сенскаго департамента и города Лиона приняли сторону г. де-Кератри, а *Rappel*, возвѣщая что правительство несомнѣнно желаетъ обмануть народъ пустыми обѣщаніями, намекала что оно само устроило страшное убійство въ Пантенѣ, которое произвело величайшее впечатлѣніе и кончилось публичною казнью Тролмана, чтобъ отвлечь вниманіе общества отъ либеральныхъ реформъ. Г. Викторъ Гюго, съ обыкновенною торжественностію своей фразы, приглашалъ народныхъ представителей въ день 26го октября вступить въ Бурбонскій дворецъ, но безъ депутатскаго шарфа, потому что онъ остался на трутѣ Бодена, убитаго 2го декабря“, и ручался что за ними послѣдуетъ конвой въ 100.000 человекъ, а г. Распайль, полпрежнему неистовый, не взирая на свои 80 лѣтъ, вызывался въ единственномъ своемъ лицѣ открыть законодательный корпусъ въ узаконенный срокъ.

Въ сущности, эти господа дѣлали то что они дѣлали всегда, то-есть производили агитацію, ту злую агитацію которая не имѣетъ другой опредѣленной цѣли кромѣ раздраженія страстей и подготовленія уличной толпы къ уличнымъ беспорядкамъ. Законъ, правда, обязывалъ правительство созвать законодательный корпусъ въ шестимѣсячный срокъ по его распущенію; но онъ не говоритъ чтобы сессія этого собранія, подобная той въ которой прочитано было посланіе 12го іюля, не взирая на ея краткость, считалось за ничто. Прави-

тельство стояло слѣдовательно на легальной почвѣ гораздо тверже чѣмъ гг. Распайль, Гюго или Кератри. Но оно поступило неосторожно и безтактно, оскорбляя самолюбіе палаты, а въ лицѣ ея и самолюбіе всей націи; оно поступило неосторожно и потому еще что неловкостью своею подавало поводъ къ агитаціи раздражительной полемикѣ. Разумѣется, серіозные люди лжжали плечами, читая выходки непримиримыхъ газетъ и похвалбы ихъ; но эти выходки и похвалбы дѣйствовали и на ту безпокойную часть населенія которая издавна служитъ в Франціи орудіемъ демагоговъ. Въ Бельвилѣ и нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ произошли социально-демократическія сходки которыя полиція принуждена была разгонять, и дѣло не обошлось безъ драки. Во многихъ промышленныхъ заведеніяхъ обнаружились между рабочими стачки, причемъ, какъ въ послѣдствіи было доказано, къ вопросамъ экономическимъ примѣшана была революціонная пропаганда.

Правительство, впрочемъ, рѣшилось въ это время допустить полную свободу слова и не преслѣдовать даже самыя необузданныя проявленія вражды и ненависти. Взявъ предлогомъ для своего негодованія беззаконное будто бы раслуценіе палаты непримиримыя газеты, къ числу коихъ прибавилась *Réforme* не только требовали преданія суду министровъ и даже императора, но осыпали самыми грязными ругательствами и клеветами всѣхъ членовъ императорской фамиліи въ ихъ частной жизни. *Rappel*, газета семейства Гюго, называла Наполеона III не иначе какъ Лудовикомъ-Бонапартомъ, призывая къ этому имени элитеты бунтовщика и убійцы; въ *Réveil*, по случаю болѣзни императора, какой-то медикъ заявлялъ что „Артаксерксъ“ близокъ къ помѣшательству, высчитывалъ сколько времени еще ему остается жить, и вдавался въ самыя грязныя подробности о вѣдомыхъ будто бы ему, медику, причинахъ этой болѣзни.... „Не надѣется ли, писалъ парижскій корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей*, теряясь въ догадкахъ почему Наполеонъ не прибѣгаетъ къ своему праву,—не государя, а просто человѣка пользующагося покровительствомъ законовъ,— чтобы принудить къ молчанію неистовыхъ хулителей: „не надѣется ли онъ зрѣлищемъ пьянаго раба демагогіи возбудить къ нимъ ужасъ и отвращеніе всей Франціи.“

Весьма вѣроятно что именно такова была цѣль Наполеона.

И эта цѣль была въ значительной мѣрѣ достигнута. Многія независимыя газеты выражали рѣшительное неодобреніе этой разнузданности печати, компрометирующей свободу, а воззванія къ мятежу встрѣтили возраженія даже со стороны нѣкоторыхъ радикаловъ и республиканцевъ. Гг. Пельтанъ и Жюль Фавръ печатно заявили о своемъ разрывѣ съ людьми крайнихъ убѣжденій; многіе изъ числа самыхъ рѣшительныхъ противниковъ правительства совѣтовали своимъ друзьямъ, посредствомъ газетъ, не дѣлать никакихъ незаконныхъ демонстрацій въ день 26го октября. Благодаря такому настроенію общественнаго мнѣнія, а также и мѣрамъ принятымъ публичными властями, этотъ день прошелъ спокойно, какъ въ Парижѣ, такъ и во всей Франціи; г. Распайль не выходилъ изъ своей квартиры; никто не стучался въ двери Бурбонскаго дворца. Только какой-то старичокъ, по имени Гань, рѣшился пропнесту на одной изъ парижскихъ площадей рѣчь предъ толлою зѣвакъ, и прочелъ стихи своего сочиненія; но такъ какъ и рѣчь, и стихи вызвали только смѣхъ, то старичокъ спокойно убрался домой.

29е ноября—день назначенный для открытія законодательнаго корпуса—приближался, и общественное мнѣніе занималъ вопросъ, прежнее ли или новое министерство, избранное изъ среды парламентскаго большинства, явится предъ народными представителями? Правительство могло предвидѣть что олюзція потребуетъ у него объясненій по поводу прерванія чрезвычайной сессіи, и что повѣрка выборовъ поведетъ къ раздражительнымъ преніямъ о вліяніи министерства внутреннихъ дѣлъ на выборы. Г. де-Форкадъ-Ларокетъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, отнюдь не отказывался отъ объясненія своего образа дѣйствій во время избирательной кампаніи, настаивая что выборы не могутъ и не должны быть производимы иначе какъ подъ извѣстнымъ правительственнымъ вліяніемъ; но нѣкоторые изъ его товарищей, какъ на примѣръ гг. Манъ и Шасслу-Лобъ, не раздѣляли его воззрѣній на этотъ предметъ, и опасались что палата ихъ не поддержитъ. Пренія о прекращеніи чрезвычайной сессіи были бы щекотливы для министровъ, и потому еще что этотъ вопросъ былъ рѣшенъ императоромъ, едва ли не безъ ихъ вѣдома. Оба эти затрудненія устранились бы, еслибы ко времени открытія сессіи образовалось новое министерство, члены

котораго, разумѣется, не могли бы отвѣтствовать за дѣйствія не ими совершенныя. Еслибъ это обстоятельство и не устранило непріятныхъ объясненій въ средѣ законодательнаго корпуса, то они происходили бы между палатой и отдѣльными лицами, не составляющими уже правительства, такъ что по крайней мѣрѣ особа императора и правительство въ его отвлеченномъ значеніи остались бы внѣ лоричаній. Поэтому Наполеонъ сдѣлалъ (именно чрезъ гг. Маня и Шасслу-Лоба) предложенія гг. Оливье, де-Талуэ и Сегри принять портфели. Но это была лишь полумѣра. Три новыя лица включенныя въ министерство не составляютъ министерства, и имъ не могло, разумѣется, быть пріятно стать частями той коллективной единицы которая подлежала отвѣтственности за постороннія имъ дѣла. Они отказались отъ сдѣланныхъ имъ предложеній, и составъ министерства остался безъ измѣненій.

29го ноября, въ часъ пополудни, сопровождаемый своими блестящими тѣлохранителями (*cent gardes*), среди войскъ разставленныхъ шпалерами и при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, императоръ прибылъ въ Луврскій дворецъ, гдѣ уже находились въ сборѣ сенаторы и народные представители. Держа за руку императорскаго принца, онъ всгупилъ въ большую залу этого дворца, при привѣтственныхъ восклицаніяхъ, и занялъ мѣсто на престолѣ, имѣя по правую руку сына, а по лѣвую принца Наполеона. На лицѣ его не было замѣтно слѣдовъ недавней болѣзни, и голосъ его былъ громокъ и звученъ, когда онъ произнесъ такъ-называемую тронную рѣчь. Эта рѣчь была тщательно выработана; говорятъ что она была подвергнута не только обычному обсужденію министровъ, но и что нѣкоторые члены оппозиціи, между прочимъ г. Оливье, были приглашены разсмотрѣть ее. Императоръ энергически указывалъ въ ней на „мятежныя страсти“ которыя такъ сильно обнаружилась въ послѣднее время, онъ настаивалъ на необходимости сохраненія порядка вмѣстѣ съ расширеніемъ свободы и исчислялъ тѣ законопроекты которые изготавляются правительствомъ.

Эти законопроекты касались вообще предметовъ заключающихся въ сенатусъ-консултѣ и, кромѣ того, избранія меровъ изъ среды муниципальных совѣтовъ, расширенія круга дѣйствія общинныхъ и генеральныхъ совѣтовъ, распространенія дароваго обученія, уменьшенія расходовъ по судопроиз-

водству, сложенія нѣкоторыхъ податей, улучшеній въ устройствѣ сельскихъ сберегательныхъ кассъ, правилъ для работы дѣтей на фабрикахъ и т. п. Такимъ образомъ, правительство надѣялось доказать палатѣ что оно по крайней мѣрѣ не потеряло времени по прекращеніи чрезвычайной сессіи, и обезоружить социалистовъ законопроектами о даровомъ обученіи и о сокращеніи работы дѣтей на фабрикахъ. Мы увидимъ что ему не удалось однакожь отклонить щекотливыхъ залросовъ и раздражительныхъ преній; напротивъ, слишкомъ настойчивое повтореніе въ тронной рѣчи мысли о томъ что сенатусъ-консультъ есть естественное развитіе прежнихъ либеральныхъ начинаній, то-есть что онъ отнюдь не вызванъ усиленіемъ оппозиціи, произвело несомнѣнно выгодное впечатлѣніе въ публикѣ. Сенатъ и даже законодательный корпусъ приняли съ живѣйшимъ одобреніемъ слова императора, нѣсколько разъ прерывая ихъ восклицаніями: *cite l'empereur!* но газеты, имѣя текстъ тронной рѣчи предъ глазами, не преминули замѣтить старанія Наполеона отнести къ своей инициативѣ то либеральное движеніе которое, какъ мы видѣли, вызвано было программой *ста-шестнадцати*, и еще болѣе общимъ характеромъ послѣднихъ выборовъ. Впрочемъ и здѣсь мы должны замѣтить то же что объ императорскомъ посланіи предшествовавшемъ сенатусъ-консульту, а именно, что иностранная печать, особенно англійская, отнеслась къ нему благосклоннѣе чѣмъ французская.

Мы не будемъ останавливаться на преніяхъ, которыя возбудила повѣрка выборовъ и въ продолженіе которыхъ г. де-Форкадъ имѣлъ случай доказать что онъ прекрасный ораторъ, но не могъ отстоять принципъ который защищалъ; мы не будемъ останавливаться и на нѣкоторыхъ любопытныхъ впрочемъ, эпизодахъ новой сессіи, какъ напримѣръ, на предложеніи внесенномъ гг. Распайлемъ и Ромфоромъ, которые требовали присвоенія законодательному корпусу исключительнаго права рѣшать вопросы общаго интереса, какъ напримѣръ, объявлять войну (единственно оборонительную), которые предлагали замѣнить регулярную армію народнымъ ополченіемъ, съ правомъ для солдатъ избирать себѣ офицеровъ, а для палаты—назначать генераловъ, установленія подати соразмѣрной съ состояніемъ плательщиковъ, и другихъ столь же мечтательныхъ узаконеній, которыя даже не были подвергнуты рассмотрѣнію и не вызвали

прямаго отвѣта со стороны правительства. Мы обратимъ лучше вниманіе на группировку партій и на значеніе каждой изъ нихъ. Можно было впрочемъ заранѣе предсказать что главная сила палаты, что ея центръ тяжести обозначится при соединеніи обѣихъ главныхъ ея партій, правой и лѣвой, а общественное мнѣніе давно уже указывало на г. Оливье, какъ на главу будущаго парламентарнаго министерства. Дѣйствительно, между депутатами правой и лѣвой стороны стали происходить частныя сближенія, и первые результаты этого сближенія доказали что оно можетъ имѣть рѣшающее значеніе въ дѣлахъ палаты. Такъ на примѣръ, предсѣдателемъ законодательнаго корпуса избранъ былъ г. Шнейдеръ, 150 голосами изъ 272, и приблизительно такимъ же большинствомъ избраны были и вице-президенты. Но при этомъ же случаѣ обнаружилась и слабая сторона этого сближенія; въ числѣ вице-президентовъ оказались гг. Жеромъ Давидъ, глава „Аркадцевъ“, и Дюмираль, другъ и наперсникъ г. Руэра. Избраніе этихъ столбовъ империализма оскорбило многихъ изъ друзей г. Оливье. Они горько упрекали его за столь явный компромиссъ съ системою личнаго управленія, между тѣмъ какъ другіе оправдывали его, утверждая что онъ не менѣе ихъ удивленъ подобнымъ выборомъ, который будто бы есть не что иное какъ результатъ происковъ г. Руэра, съ цѣдію поселить раздоръ въ средѣ либеральной партіи. Уже и прежде впрочемъ, въ началѣ года, наиболѣе радикальные изъ оппозиціи (не говоримъ о непримиримыхъ) упрекали г. Оливье за уступки правительству, и, какъ мы видѣли, кандидатура его между парижскими избирателями не имѣла успѣха. Слухи о личныхъ его сношеніяхъ съ императоромъ и настойчиво воздвигаемые переговоры относительно портфеля, на условіяхъ казавшихся многимъ его старымъ товарищамъ болѣе выгодными правительству чѣмъ странѣ, побудили ихъ отстраниться отъ него. Такимъ образомъ, не вся группа *ста-шестнадцати* окружала его уже при открытіи палаты, 29го ноября; спустя нѣсколько дней, такіе люди какъ гг. Дарю и Бюффе стали являться на собранія депутатовъ называвшихъ себя лѣвою стороною, гдѣ первенствующую роль игралъ Жюль Фавръ: Съ другой стороны, подъ знамя г. Оливье стали многіе правительственные депутаты, изъ коихъ нѣкоторые дали торжественныя свидѣтельства либеральнаго образа мыслей. Такъ на примѣръ, какъ только

въ палатѣ былъ возбужденъ вопросъ о несовмѣстимости придворныхъ должностей съ депутатскою обязанностию, одинъ изъ Наполеоновыхъ камергеровъ, графъ Латуръ-Мобуръ, заявилъ палатѣ что онъ и нѣкоторые изъ его товарищей сложили съ себя придворныя должности, чтобъ остаться представителями народа. Таковы были новые союзники г. Оливье изъ числа бывшихъ депутатовъ правой стороны. Центръ тяжести палаты перемѣщался слѣва направо, но перемѣщался правильно: за партией которая выставяла своимъ вождемъ г. Оливье начинало утверждаться наименованіе *праваго центра*, а что касается до ея программы, то въ ней заключались слѣдующія два главнѣйшія требованія, сверхъ предметовъ упомянутыхъ въ тронной рѣчи: пересмотръ избирательнаго закона и распределенія избирательныхъ округовъ, отмена официальныхъ кандидатуръ. Эта программа служила именно *слѣдующимъ шагомъ* на пути реформъ возвыщенныхъ правительствомъ, и императоръ не могъ уклониться, если онъ дѣйствовалъ искренно, отъ серьезныхъ перемѣнъ въ избирательномъ законѣ, какъ ни тяжело можетъ-быть ему отклоняться отъ ваянія на избирателей и отъ официальныхъ кандидатуръ.

Группа депутатовъ выдѣлявшаяся изъ *ста-шестнадцати* и покинувшая г. Оливье попробовала было войти въ сношенія съ прочими членами оппозиціи, но такъ какъ здѣсь встрѣтились ей многочисленные республиканцы, требовавшіе, между прочимъ, заодно съ гг. Распайлемъ и Рошфоромъ, исключительнаго положенія для законодательнаго корлуса, то эта группа остановилась на поллуги между правымъ центромъ и лѣвою стороною и образовала изъ себя *львій центръ*. Первенствующими въ ней лицами были гг. Бюффе, Дарю, д'Анделарръ, а программа ихъ имѣла лишь незначительныя отличія отъ той которую заявляли приверженцы г. Оливье.

Что касается до собственно лѣвой стороны, то она, заключаая въ своей средѣ многихъ радикаловъ и республиканцевъ, рѣзко отдѣлялась отъ лѣваго центра; наиболѣе видные въ ней люди были гг. Фавръ, Гамбетта, Пикаръ и Пельтанъ. Затѣмъ на оковечностяхъ палаты воздымались: *бллая гора*, увѣнчанная г. де-Кассаньякомъ, и двуглавая *красная* съ гг. Распайлемъ и Рошфоромъ, которые издали всякому вступавшему въ залу Бурбонскаго дворца кидались въ глаза, одинъ своею длиною бѣлою бородой, другой — своими ярко-красными перчатками.

Итакъ, главною группою была та которою предводительствоваль г. Оливье,—група праваго центра, къ которой весьма легко могъ бы примкнуть и лѣвый центръ, главныя лица котораго вышли изъ рядовъ *ста-шестнадцати*: ихъ разлучило съ прежними ихъ товарищами не столько различіе принциповъ, сколько личныя неудовольствія противъ г. Оливье за слишкомъ скорое, по ихъ мнѣнію, сближеніе его съ Тюльерійскимъ дворцомъ. Полагаютъ что въ этомъ раздвоеніи бывшей средней партіи играли большую роль внушенія г. Руэра, котораго не удовлетворяло почетное, но пассивное положеніе во главѣ сената и которому хотѣлось бы раздробить оппозицію на мелкія фракціи, и, образовавъ бонапартистское большинство, снова стать во главѣ законодательнаго корпуса. Но интригамъ г. Руэра неожиданно явилось сильное противодѣйствіе въ лицѣ ветерана государственныхъ людей Франціи, г. Гизо. Сойдя съ политическаго поприща въ 1848 году, г. Гизо предался исключительно интересамъ науки и посвятилъ единственно академію, которой составляетъ украшеніе и донынѣ. Въ продолженіи слишкомъ двадцати лѣтъ, онъ не переступалъ порога Тюльерійскаго дворца иначе какъ по дѣламъ академіи; но въ 1869 году, когда для всѣхъ непредубѣжденныхъ умовъ стало яснымъ что имперія становится на путь парламентаризма, старый представитель этой системы счелъ не только возможнымъ, но и нужнымъ посвѣщать иногда кабинетъ императора. Чтò именно говорилось при этихъ посвѣщеніяхъ, остается покаместъ неизвѣстнымъ; полагаютъ, между прочимъ, что г. Гизо внушалъ императору мысль о брачномъ союзѣ между наследникомъ престола и одною изъ принцессъ Орлеанскаго дома,—мысль которая кажется очень естественно должна была представиться старому министру Луи-Филиппа. Не оставиваясь, впрочемъ, на этомъ извѣстіи, можно быть увѣреннымъ что г. Гизо утверждалъ Наполеона въ его намѣреніи отказаться отъ личнаго правленія. Съ другой стороны, онъ понималъ что это намѣреніе сдѣлается безловоротнымъ лишь тогда когда въ палатѣ образуется серіозное большинство, уважительное по числу и по личному составу, готовое поддержать правительство на его новомъ пути, и потому онъ употребилъ авторитетъ своего имени чтобы сблизить между собою оба центра палаты. Старанія его увѣнчались успѣхомъ. Программа праваго центра сообщена была комитету лѣваго, который доложилъ собранію этого центра „что онъ съ удоволь-

ствіемъ усматриваетъ со стороны такого большого числа товарищей подтвержденіе принципа парламентарнаго правленія“. Собраніе лѣваго центра вполнѣ усвоило взглядъ комиссіи, и на слѣдующій день, въ боковыхъ залахъ Бурбонскаго дворца, предъ засѣданіемъ и во время самаго засѣданія, старые товарищи пожимали другъ другу руки, обнимались и сляганіемъ своимъ образовали среднюю партію, превосходившую своею численностію всѣ прочія въ ихъ совокуности: эта партія считывала въ своихъ рядахъ до 150 членовъ.

Это важное по своимъ послѣдствіямъ обличеніе произошло во второй половинѣ декабря; а такъ какъ между тѣмъ приближалось окончаніе повѣрки выборовъ, и чрезвычайная сессія должна была прекратиться, то въ Парижѣ распространились настойчивые слухи что императоръ составитъ къ открытію ординарной сессіи новое министерство, либеральное и парламентарное, главою коего называли Эмиля Оливье. Къ готовности Наполеона искренно вступить на либеральный путь и отказаться отъ личнаго управленія начинало усиливаться довѣріе. Всѣми было замѣчено что 19го декабря, принимая депутаціи отъ нѣсколькихъ городскихъ обществъ, онъ, отвѣчая на ихъ ходатайство, сказалъ: „Хорошо, я передамъ это на разсмотрѣніе совѣта министровъ.“ Обыкновенно, замѣчали при этомъ французскія газеты, императоръ, въ подобныхъ случаяхъ, или тутъ же давалъ рѣшеніе, или обѣщавалъ оное, не упоминая о министрахъ. Утверждали также будто императоръ, въ разговорѣ съ однимъ изъ своихъ старѣйшихъ приверженцевъ, герцогомъ Персиньи, сказалъ что рѣшительно не хочетъ и не можетъ возвратиться къ старой системѣ своей, что онъ убѣдился въ невозможности „подновить“ кабинетъ, но рѣшился совершенно „возобновить его“. Тюлерійскій дворецъ сдѣлался въ это время настоящимъ пульсомъ парижской жизни: всѣ взоры были обращены туда, каждое извѣстіе выходившее оттуда, вѣрное или невѣрное, мгновенно облетало столицу и предмѣстья, печаталось въ журналахъ, комментировалось въ провинціяхъ....

V.

27го декабря послѣдовали одновременно закрытіе чрезвычайной и открытіе ординарной сессіи законодательнаго корпуса, и въ тотъ же день министерство подало прошеніе объ

отставкѣ, а на слѣдующій день напечатано было въ *Официальномъ Журналь* слѣдующее письмо императора на имя г. Оливье

„Г. депутатъ, такъ какъ министры подали мнѣ прошеніе объ увольненіи ихъ, то я обращаюсь къ вамъ съ полнымъ довѣріемъ къ вашему патриотизму, *прося васъ указать мнѣ лица* которыя могли бы составить съ вами *однородный кабинетъ*, представляющій большинство законодательнаго кортуса и которыя взяли бы на себя примѣнить сенатусъ-консуать 8 сентября по буквѣ и духу его. Я полагаюсь на преданность законодательнаго кортуса великимъ интересамъ страны, равно и на вашу преданность, для содѣйствія мнѣ въ принятіи мною на себя попеченіи дать *правильный ходъ конституціонному порядку*.“

Это письмо, напечатанное, какъ сказано, въ *Официальномъ Журналь*, сопровождалось статьей въ *Peuple Français*, личномъ органѣ императора, которая служила какъ бы разъясненіемъ и дополненіемъ письму императора. „Общественное мнѣніе говорилось въ ней, требуетъ искренняго и полного примѣненія конституціоннаго порядка, начало коему въ принципѣ положено посланіемъ 12го іюля. Что же необходимо для исполненія этого требованія? Необходимо чтобы при государѣ былъ парламентарный кабинетъ, то-есть кабинетъ составленный изъ вождей большинства, и чтобы это былъ кабинетъ однородный, то-есть чтобы министры, соединенные общею идеей, дружно примѣняли къ дѣлу твердо опредѣленные заранее правительственные принципы.“ Затѣмъ, названная газета, объяснивъ что въ представительномъ собраніи Франціи большинство принадлежитъ правому центру, замѣчала что конституціонный государь не можетъ дѣлать ничего иного какъ обратиться къ признанной главѣ этой партіи, то-есть въ настоящемъ случаѣ къ г. Оливье, и въ заключеніе выражала желаніе чтобы новый кабинетъ „основалъ свободу не тревожа интересовъ, чтобы онъ подготовилъ будущее, не отрекаясь отъ всего великаго и плодотворнаго завѣщаннаго прошедшимъ, и отказался бы отъ ~~нѣкоторыхъ~~ правительственныхъ пріемовъ, безсильныхъ на будущее время.“

Если съ этими словами, провозглашенными всѣмъ известнымъ органомъ Наполеона III, сопоставить напечатанный въ *Официальномъ Журналь*, отъ 30го декабря, отчетъ объ обычаяхъ англійскаго парламента, значеніе котораго при настоящихъ обстоятельствахъ кажется не требуетъ никакихъ объясненій, то невозможно было ожидать отъ императора Французовъ ни

было данаго и точнаго провозглашенія принциповъ представительнаго правленія, ни болѣе конституціоннаго образа дѣйствій. Это признала вся независимая печать Франціи (кроме, конечно, непримиримыхъ газетъ). Единственная газета въ безусловно рукоприкладавшая повороту совершившемуся во внутренней политикѣ Франціи, *Opinion Nationale*, сожалѣла лишь о томъ что рѣшеніе императора послѣдовало не нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе, да еще *Avenir National*, органъ радикаловъ, выразилъ сомнѣніе чтобы г. Оливье имѣлъ нужнѣйшій для своего призванія авторитетъ. Впрочемъ обѣ газеты не отказывали въ своемъ сочувствіи принципу внушившему императору намѣреніе образовать парламентарный кабинетъ. Г. Шнейдеръ, избранный снова президентомъ законодательнаго корпуса, въ рѣчи, съ которою онъ обратился къ собранію, назвалъ сенатусъ-консултъ 8го сентября и лисьмо къ г. Оливье мирною революціей,—такъ глубоко казались ему измѣненія вносимыя ими въ политическую жизнь націи. Въ виду такихъ фактовъ, сказалъ онъ, всѣ предубѣжденія должны сгладиться, раздоры—смирнѣе, вражда—прекратиться. Подобнаго рода совѣты подавали и нѣкоторыя иностранныя газеты.

Разумѣется, оппозиція, даже оппозиція систематическая, была неизбежна. Но она не имѣла большой силы въ палатѣ; она располагала не болѣе какъ 66 голосами, считая въ томъ числѣ и непримиримыхъ, которые притомъ по многимъ вопросамъ отдѣлялись отъ прочихъ членовъ лѣвой стороны и составляли незначительную группу. На правой сторонѣ, то-есть въ средѣ Бонапартистовъ, болѣе или менѣе недовольныхъ прошедшими перемѣнами, насчитывали 83 депутата; между тѣмъ какъ правый центръ (100 человекъ) вмѣстѣ съ лѣвымъ центромъ (43) составляли около полутора ста человекъ, безъ сомнѣнія долженствовавшихъ подавать голоса вмѣстѣ по главнымъ вопросамъ, и къ которымъ легко могли присоединиться еще до 30 голосовъ изъ правой и лѣвой оконечности палаты. Впрочемъ настроеніе палаты выразилось очень знаменательно въ избраніи бюро на ординарную сессію: г. Шнейдеръ получилъ 190 избирательныхъ голосовъ, а въ вице-президенты были избраны два члена праваго центра, гг. Талуэ и Шевандье-де-Вальдромъ, одинъ членъ лѣваго центра,—г. Дарю, и одинъ членъ правой стороны, г. Ж. Давидъ,—всѣ значительнымъ числомъ голосовъ. Итакъ, первое состоявшееся въ пала-

латъ голосованіе вполнѣ оправдало рѣшеніе императора обратиться для образованія новаго министерства къ предводителю праваго центра. Г-ну Оливье естественно было съ своей стороны желать опереться не на одинъ правый, а на оба центра, вступить въ управленіе въ качествѣ вождя и представителя всѣхъ умѣренныхъ, всѣхъ друзей благоразумной свободы, и приобрести содѣйствіе способнѣйшихъ между ними. Не въ рѣшительную минуту снова обнаружались нѣкоторыя колебанія со стороны членовъ лѣваго центра. Эти послѣдніе потребовали, какъ условіе своего вступленія въ министерство, распущенія настоящей палаты и образованія новой, съ устраненіемъ официальныхъ кандидатуръ и безъ всякаго вліянія правительства на выборы. Принципъ былъ совершенно справедливъ, но едва ли благоразумно было подвергать страну новымъ волненіямъ, неразлучнымъ съ избирательною кампаніей; г. Талуэ, хотя и причисляемый къ правому центру, не соглашался вступить въ кабинетъ безъ старыхъ своихъ политическихъ друзей лѣваго центра, графа Дарю и г. Сегрѣ; но г. Дарю принадлежалъ къ числу тѣхъ членовъ законодательнаго собранія во время республики которые, въ день 2го декабря 1851 года, подписали энергическій протестъ противъ государственнаго переворота, а потому г. Оливье казалось невозможнымъ внести г. Дарю въ министерскій списокъ. Покинутый частью своихъ прежнихъ друзей, г. Оливье принужденъ былъ оставить портфели въ рукахъ многихъ прежнихъ министровъ, присутствіе коихъ въ парламентарномъ кабинетѣ было неудобно, и замѣнить другихъ нѣсколькими членами праваго центра. Изъ числа первыхъ оставлены были министры военный и морской, а также гг. Манъ (финансы) и Бурбѣ (просвѣщеніе); изъ членовъ праваго центра, г. Шевадье-де-Вальдромъ принялъ званіе министра внутреннихъ дѣлъ; это была единственная замѣтная личность изъ своей партіи, которую г. Оливье удалось привлечь въ кабинетъ. Такимъ образомъ, на дѣлѣ оказалось что министерство не „возобновилось“, а только „подновилось“. Г. Оливье очень хорошо это видѣлъ, и въ сущности былъ недоволенъ составленнымъ имъ спискомъ; но онъ находилъ что всего важнѣе было въ настоящую минуту доказать что парламентарный кабинетъ можетъ образоваться; онъ надѣялся въ послѣдствіи привлечь къ себѣ новыхъ дѣятелей. Не всѣ однакожь его товарищи были въ этомъ отношеніи согласны съ нимъ. Они думали что не слѣдуетъ компро-

метгировать парламентарный кабинетъ неудовлетворительнымъ его составомъ. Разказываютъ что 30го декабря вечеромъ, когда министерскій списокъ былъ окончательно составленъ, г. Шевандье, пробѣжавъ этотъ списокъ, пришелъ въ раздумье: его поразила политическая ничтожность большинства его сочленовъ. Онъ поѣхалъ къ г. Тьеру, чтобы посовѣтоваться съ нимъ. Былъ уже двѣнадцатый часъ ночи. Патріархъ государственныхъ людей Франціи сидѣлъ съ супругой своей и двумя пріятелями.

— Ну что, закричалъ ему Тьеръ навстрѣчу, — вы министръ или нѣтъ?

— Увы, да! отвѣчалъ г. Шевандье, и отвѣдя всторону хозяина, пересчиталъ ему имена своихъ товарищей.

— Этотъ кабинетъ будетъ посмѣшищемъ всей Франціи, сказалъ г. Тьеръ.

Г. Шевандье отправился домой еще болѣе смущенный чѣмъ пріѣхалъ, и на слѣдующее утро поскакалъ къ г. Маню. Онъ нашелъ и его въ величайшемъ смущеніи.

— Эта же самая мысль не давала мнѣ заснуть всю ночь, сказалъ онъ своему гостю, когда тотъ сообщилъ ему свои опасенія и замѣчаніе Тьера.

Они рѣшились оба вмѣстѣ ѣхать къ императору и представить ему свои сомнѣнія. Говорятъ что еще ранѣе принцъ Наполеонъ представлялъ ему о томъ же и говорилъ что надо или опять призвать къ дѣламъ г. Руэра, или же дать серьезныя гарантіи готовности слѣдовать новой системѣ. Поэтому, когда новые министры начали излагать императору причины своего прибытія, онъ не только внимательно выслушалъ ихъ, но и сказалъ: „Мы не станемъ слѣшать; министерскій списокъ не объявленъ еще въ *Официальномъ Журналѣ*; а такъ какъ завтра, по случаю Новаго Года, я увижу всѣхъ высшихъ сановниковъ, то мнѣ легко будетъ судить о впечатлѣніи которое производятъ новыя назначенія.“ Съ этими словами, онъ ихъ отпустилъ, пригласивъ пріѣхать завтра послѣ официального пріема. Подобное же приглашеніе было послано и г. Оливье.

Разказываютъ что когда они прибыли на слѣдующее утро, то императоръ обратился къ нимъ съ словами: „господа, кажется что мы сдѣлали ошибку; всѣ лица на нынѣшнемъ пріемѣ были вытянуты. Г. Оливье, прошу васъ озаботить-

ся составленіемъ другаго кабинета, и даю вамъ въ этомъ отношеніи полную свободу.

Это была большая уступка сравнительно съ извѣстной статьёй *Peuple français*, гдѣ говорилось исключительно об одномъ правѣ центра.

Получивъ такое полномочіе, г. Оливье послѣдилъ свои воити въ сношенія съ членами лѣваго центра. Принятіе порфеля г-мъ Шевандье, весьма уважаемымъ въ этой партіи, облегчило ея сближеніе съ главою кабинета. Г. Бюффе первый принялъ сдѣланное ему предложеніе и, какъ онъ сказалъ в тотъ же день одному изъ своихъ пріятелей, открылъ дверь въ кабинетъ своимъ политическимъ друзьямъ. Дѣйствительно изъ числа 12ти членовъ министерства 2го января къ лѣвому центру, принадлежали четверо, или даже пятеро, если считать г. Талуэ, временно отдѣлившагося отъ этой партіи. Вот списокъ напечатанный въ *Официальномъ Журналѣ*, отъ 3я января:

Г. Эмиль Оливье — министръ юстиціи и вѣроисповѣданій
хранитель печати.

Графъ Дарю — иностранныхъ дѣлъ.

Г. Шевандье де-Вальдромъ — внутреннихъ дѣлъ.

Г. Бюффе — финансовъ.

Генераль Лебёфъ — военнымъ.

Адмираль Риго-де-Женульи — морскихъ силъ и колоній.

Г. Сегрѣ — просвѣщенія.

Маркизь Талуэ — публичныхъ работъ.

Г. Луве — земледѣлія и торговли.

Маршаль Вальякъ — императорскаго двора.

Г. Ритаръ — изящныхъ искусствъ.

Г. Парьё — предсѣдатель государственнаго совѣта.

Наполеонъ долженъ былъ сдѣлать большія усилія надъ собою чтобы допустить въ число своихъ совѣтниковъ энергическаго противника переворота 2го декабря, графа Дарю, или орлеанистовъ, какъ гг. Бюффе, Сегрѣ и де-Талуэ. Съ другой стороны, и эти четыре министра обнаружили доброе гражданское чувство, не уклонившись отъ служенія, хоть и подъ неприятымъ имъ знаменемъ, дѣлу которое они считали полезнымъ для страны. „Не слѣдуетъ,“ сказалъ нѣкогда Бенжаменъ Констанъ, „пропускать и малѣйшей вѣроятности доставить отечеству свободу!“

Въ такомъ именно смыслѣ и съ этой точки зрѣнія фран

ская печать дружно привѣтствовала „первое парламентарное министерство“. Однѣ лишь газеты крайней лѣвой партіи, партіи непримиримыхъ, рѣзко отдѣлились отъ діализона французской журналистики. Газета *Reveil* привѣтствовала новое министерство слѣдующею статьею: „Кого здѣсь надуваютъ? Вотъ то мы спрашиваемъ, видя въ *Официальномъ Журналь* имена юныхъ министровъ, которые благоволили присоединиться къ Эмлю Оливье. Роли совершенно извращены. Тюлериѣ фактотумъ изъ залѣвалы обратился въ рядоваго хориста. Желанный образователь однородный (homogène) кабинетъ, который бы сколь возможно вѣрно представлялъ большинство, — въ понятіи г. Оливье это значило правую сторону, — онъ въ состояніи былъ набрать десяти человѣкъ готовыхъ идти другъ возлѣ друга, и вотъ въ новорожденномъ министерствѣ правую сторону представляетъ всего-на-все одинъ г. Оливье, да его безобидный двойникъ г. Морисъ Ришаръ! Скажемъ со всею откровенностію: намъ пріятнѣе было бы видѣть министерскіе портфели въ рукахъ *мamelukовъ* правой стороны, съ г-мъ Оливье во главѣ. Эта когорта, столько же слѣпая какъ и неосторожная, не замедлила бы сдѣлать вызовъ страдѣ, послѣдствіемъ коего была бы, разумѣется, побѣда демократіи...“

Итакъ, газета *Reveil* открыто объявляла что ея лозунгъ, чѣмъ хуже тѣмъ лучше...“ По счастью, людей спекулирующихъ общественными бѣдствіями не такъ много во Франціи. Биржа выразила свое сочувствіе совершившемуся повороту повыше-ніемъ курса; люди давно удалившіеся отъ дѣлъ и отъ всякихъ сношеній съ правительствомъ, какъ напримѣръ князь Броли, Одильонъ Барро и даже нѣкоторые легитимисты стали показываться въ пріемныхъ комнатахъ новыхъ министровъ, Гизо послѣшилъ протянуть руку новому министерству. Тьеръ сказалъ одному изъ своихъ пріятелей что хотя онъ еще и не находится въ сношеніяхъ съ правительствомъ, но уже „начинаетъ кланяться съ нимъ“.

Въ самые первые дни своего существованія, новый кабинетъ принялъ нѣсколько мѣръ льстившихъ общественному мнѣнію страны: г. Оливье отказался отъ казеннаго помѣщенія, присвоеннаго главѣ министерства; уволенъ былъ префектъ Севскаго департамента, пресловутый Гаусманъ; снята была предварительная цензура съ иностранныхъ газетъ, и допущена уличная продажа всѣхъ періодическихъ изданій.

VI.

Третьяго января новые министры представлялись императору, а седьмого они должны были въ первый разъ предстать предъ лицемъ сената, а слѣдовательно также и предъ публикой, которой въ предшествующемъ году было разрѣшено присутствовать на засѣданіяхъ сената. Этимъ дозволеніемъ публика вообще мало пользовалась, но 7го января хоры Люксембургскаго дворца были биткомъ набиты. Сверхъ обыкновенія и сенаторы были почти всѣ налицо. Эти почтенные сановники, вообще подвергавшіеся упрекамъ въ алатіи, обнаруживали въ этотъ день необыкновенное одушевленіе и шумно разговаривали до открытія засѣданія, разбившись на группы. Но вотъ, между группами шитыхъ золотомъ мундировъ, показался человекъ въ простомъ черномъ фракѣ: „это г. Оливье“, пронесся шопотъ по рядамъ посторонней публики. Сотни лорнетовъ обратились съ хоровъ на скромную и неказистую фигуру перваго министра, на этого сановника, такъ „демократически“, такимъ буржуа представшаго предъ лицо высшаго государственнаго учрежденія. Но члены этого учрежденія едва ли не усмотрѣли аффектаціи въ этой скромности: по крайней мѣрѣ на лицахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ мелькнула ироническая улыбка при появленіи г. Оливье; г. Барошъ, этотъ *спрныи* слуга всѣхъ династій и всѣхъ политическихъ системъ, довольно холодно отвѣтилъ на его поклонъ, и только старый Орлеанистъ Одильонъ Барро и графъ Ньюверкеркъ „друзья дома“ въ Тюльери, послѣшили навстрѣчу первому министру и дружески пожали ему руку.

Но вотъ, президентъ всходитъ на свое мѣсто, сенаторы усаживаются, и г. Руэръ, посреди глубокой тишины, произноситъ: „Слово за г. министромъ иностранныхъ дѣлъ.“

Тогда графъ Дарю, въ полномъ министерскомъ мундирѣ вступилъ на кафедру. „Милостивые государи, произнесъ онъ нѣсколько взволнованнымъ, но внятнымъ голосомъ, новый кабинетъ не намѣренъ избѣгать объясненій; мы будемъ изъясняться какъ въ той, такъ и въ другой палатѣ съ откровенностью, приличествующею честнымъ людямъ, и исполнимъ всѣ данныя нами обѣщанія, — всѣ“. Затѣмъ, коснувшись вопро-

совъ заявленныя еще прежнему министерству, онъ сказалъ что назначаетъ для этого нѣкоторые дни въ недѣлю, потому что, прибавилъ онъ, „необходимо новымъ министрамъ время для того чтобы переговорить между собою и усювиться относительно мѣръ которыя они желали бы предложить.“

Что касается до г. Оливье, то онъ предположилъ самъ заявить о вступленіи въ должность новаго министерства, въ засѣданіи законодательнаго корпуса 10го января. Здѣсь и онъ и всѣ прочіе министры были нѣкоторымъ образомъ *своими людьми*, не такъ какъ въ сенатѣ; появленіе ихъ не могло вызвать движенія любопытства. Но когда г. Оливье, вставъ съ своего мѣста, началъ всходить на ступени трибуны, воцарилось глубокое молчаніе; депутаты и публика приготовились со вниманіемъ слушать его заявленіе.

„Милостивые государи, сказалъ онъ, новый кабинетъ полагаетъ первою обязанностью своею войти въ прямыя и непосредственныя съ вами сношенія (*Очень хорошо!*). Мнѣ не нужно для этого долгихъ объясненій. Кто изъ васъ не знаетъ въ чемъ состоятъ правила, принципы, мнѣнія, стремленія и желанія тѣхъ которые имѣютъ честь предстать нынѣ предъ вами? По мѣрѣ того какъ будетъ требовать теченіе дѣлъ, и какъ будутъ вызывать насъ запросы палаты или необходимость отстаивать наши предположенія, мы намѣрены често обсуждать вмѣстѣ съ вами каждый вопросъ представляющійся нашему общему вниманію. А теперь, мы полагаемъ, досаточно будетъ заявить что и управляя дѣлами страны мы останемся тѣмъ же чѣмъ были прежде (*очень хорошо, очень хорошо!*) и станемъ примѣнять тѣ же самыя правила которыя совѣтовали примѣнять другимъ. Въ занятіяхъ своихъ мы намѣрены прислушиваться къ требованіямъ времени и указаніямъ опыта, но будемъ трудиться и настаивать до тѣхъ поръ пока не исполнимъ вполнѣ общевыработанную нами программу, ту программу во имя которой мы соединились (*Сильное одобреніе*).... Мы просимъ вашего довѣрія, мм. гг., и съ своей стороны намѣрены принимать во вниманіе не только мнѣніе большинства, которое почитъ насъ своею поддержкой, но и мнѣніе оппозиціи, которая благоволяетъ сообщить намъ свои замѣчанія. Мы будемъ благодарны и большинству за его поддержку, и оппозиціи за ея замѣчанія, которыя помогутъ намъ исправлять свои ошибки, будутъ насъ останавливать и возбуждать наше рвеніе (*Общее одобреніе*). Если же случится что какая бы то ни было группа народныхъ представителей приобрѣтетъ перевѣсъ въ общественномъ мнѣніи страны, мы послышимъ передать имъ—

на которой бы стороны этой залы они ни сидѣли,—тяжелое бремя ответственности за теченіе общественныхъ дѣлъ (*Очень хорошо!*). Итакъ, мы просимъ добраго содѣйствія у всѣхъ безъ исключенія; мы имѣемъ въ виду соглашеніе, примиреніе; мы будемъ стараться всѣми дѣйствіями нашими, во всѣ минуты нашей министерской жизни, образовать, такъ-сказать, токъ свободы, взаимнаго довѣрія и честныхъ отношеній, который умчалъ бы всѣ горькія воспоминанія, всѣ пререканія, всѣ раздраженія, всѣ дурныя страсти. Такимъ образомъ мы будемъ стремиться къ осуществленію высокой задачи современнаго государственнаго челоуѣка, и мечты всякаго возвышеннаго ума, а именно: къ установленію прочнаго національнаго правительства, примѣняющагося безъ ущерба твердости къ перемѣнчивымъ требованіямъ времени и ловагій, такого правительства которое, благопріятствуя прогрессивному возвышенію поколѣній и ихъ стремленіямъ, руководствуясь ихъ постепеннымъ развитіемъ, утвердило бы великій демократическій принципъ Франціи и доставило бы торжество идеѣ прогресса безъ потрясеній, и свободы безъ переворотовъ“ (*Руконлеканія*).

По единогласному свидѣтельству газетъ, — конечно кромѣ непримиримыхъ,—эта рѣчь произвела наилучшее впечатлѣніе. Слова касавшіяся общей всему кабинету и обще имъ выработанной программы, а также горячее рукопожатіе оратору со стороны г. Бюффѣ, (министра постулившаго изъ лѣваго центра) услокоительно подѣйствовали на тѣхъ,—очень впрочемъ многихъ,—которые не довѣряли искреннему слиянію въ средѣ кабинета членовъ праваго и лѣваго центровъ. Но тѣмъ мѣже могли быть довольны непримиримые, и г. Распайль послѣдшилъ сдѣлать въ палатѣ предложеніе объ устраненіи политической присяги челоуѣку который, по его словамъ, съ минуты на минуту можетъ власть въ сумашествіе. Это предложеніе было встрѣчено почти всеобщимъ смѣхомъ; но послѣдовавшій затѣмъ эпизодъ, вызванный г. Гамбеттой, имѣлъ болѣе серьезное значеніе. Онъ сдѣлалъ запросъ военному министру, извѣстно ли ему что французскихъ солдатъ переводятъ на службу въ Алжирію за то что они участвовали въ какомъ-то публичномъ сходбищѣ? Г. Лебѣфъ объявилъ что дѣйствительно онъ сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи изъ Парижа нѣсколькихъ солдатъ, которые посѣщали сходбища гдѣ систематически подрывали правила военной дисциплины и откуда два солдата получили возмутительное воззваніе, распространенное ими между своими товарищами; солдаты, сказалъ ми-

листръ, не должны заниматься политикою; они могутъ быть избирателями лишь до поступленія въ службу или по окончаніи ея. На это г. Гамбетта ядовито, но не безъ основанія, замѣтилъ что правительство допускаетъ голосованіе арміи, когда считаетъ это выгоднымъ для своихъ цѣлей, а г. Лебёфъ, раздраженный этимъ замѣчаніемъ, позволилъ себѣ сказать своему противнику: „Страна не съ *вами*, и армія на сторонѣ націи; она противъ *васъ* и я не совѣтую *вамъ* прибѣгать въ этомъ отношеніи къ опытамъ...“ Это была большая неловкость, которую не преминулъ воспользоваться г. Гамбетта. Кто были эти *вы* о которыхъ говорилъ генералъ Лебёфъ? Депутатъ къ которому онъ обращался протестовалъ противъ подозрѣнія въ сочувствіи уличнымъ переворотамъ со стороны кого-либо изъ членовъ палаты и противъ угрозъ со стороны вооруженной силы. Г. Оливье принужденъ былъ выступить на выручку своего товарища. Съ другой стороны, г. Араго бросилъ въ разгаръ преній воспоминанія о 2мъ декабря 1851 года; но ему не удалось раздражить опытнаго адвоката. Г. Оливье, напротивъ, съ особенною силой настаивалъ на томъ, что, по его убѣжденію, члены палаты, имѣя въ виду одну цѣль,—благо страны,—различествуютъ въ нѣкоторыхъ только частностяхъ, въ нѣкоторыхъ лишь подробностяхъ относительно мѣръ къ осуществленію общей имъ цѣли. Но г. Гамбетта, при громкихъ одобреніяхъ лѣвой стороны, воскликнулъ въ отвѣтъ на миролюбивыя заявленія оратора: „Нѣтъ, несправедливо будто насъ отдѣляютъ отъ правительства лишь отгѣнки мыслей; различіе между вами и нами заключается въ самыхъ основаніяхъ! Следовательно, если вы надѣетесь основать свою свободу при нашемъ содѣйствіи, то бросьте эту надежду.“ — „Да, подхватилъ г. Жюль Фавръ, — между вами и нами нѣтъ ничего общаго: вы стоите у дѣлъ по волѣ палаты, а мы признаемъ законною лишь волю націи: всеобщая подача голосовъ, — вотъ единственный способъ рѣшенія предъ которымъ мы преклоняемся...“ Корифей лѣвой стороны не подозрѣвалъ что этотъ самый способъ рѣшенія вопросовъ въ очень близкомъ будущемъ произнесетъ приговоръ такъ мало согласный съ желаніемъ его и его товарищей, а съ другой стороны, и защитники правительства не ожидали конечно что не только оно, но и династія будутъ низвергнуты такъ скоро послѣ плебисцита, самымъ рѣшительнымъ образомъ, ловидимому, выразившаго одобреніе и довѣ-

ріе къ водворившемуся порядку дѣлъ!.. Неосторожныя и не-
ловкія выраженія генерала Лебѣфа повредили положенію ко-
ваго кабинета. На другой же день, многія газеты заговорили
что военный министръ долженъ будетъ отказаться отъ порт-
феля. Но въ самый день десятаго января случилось другое
происшествіе, которое если не скомпрометтировало положеніе
всего кабинета, то чрезвычайно затруднило оное. Это проис-
шествіе было такъ-называемое Отельское убійство.

Нѣсколько времени уже продолжалась раздражительная по-
лемика между принцемъ Петромъ Бонапартомъ, двоюроднымъ
братомъ императора, въ корсиканской газетѣ *Avenir Corse* и
политическими его противниками въ *Revanche*, органѣ мѣст-
ныхъ радикаловъ, куда посылалъ свои корреспонденціи г.
Груссе, одинъ изъ сотрудниковъ *Марсельезы*. Этою полеми-
кой вознамѣрилась воспользоваться газета г. Рошфора, вида
въ ней случай пустить нѣсколько комковъ грязи въ семейство
Бонапартовъ. Надо признаться что жизнь принца Петра по-
давала къ тому поводъ; это человѣкъ съ необузданными стра-
стями, у котораго, по живописному выраженію г. Ламартина,
рука была черезчуръ близка отъ головы. Увѣряютъ, напри-
мѣръ, что во время пребыванія своего, вмѣстѣ съ быв-
шимъ императоромъ Французовъ, въ Нью-Йоркѣ, прогуливаясь
однажды по улицамъ этого города вмѣстѣ со своимъ двоюрод-
нымъ братомъ, онъ попросилъ у какого-то встрѣчнаго чело-
вѣка огня чтобъ закурить сигару; но тотъ слѣшилъ, и оста-
вилъ безъ вниманія обращенную къ нему просьбу, а принцъ,
взбѣшенный этимъ, выхватилъ никогда не покидавшій его
револьверъ и пустилъ пулю вдогонку грубому Янки.... Принцъ
Петръ былъ сынъ роднаго брата Наполеона I, Луціана Бо-
напарта; подобно отцу, онъ щеголялъ своимъ республиканиз-
момъ; женатъ онъ былъ на дѣвушкѣ принадлежавшей къ мелкой
буржуазіи; будучи членомъ законодательнаго корпуса въ 1849
году, отличался необычайною запальчивостью и подавалъ го-
лосъ вмѣстѣ съ крайними; затѣмъ, послѣ 2го декабря, хотя онъ
и получилъ званіе принца, но ко двору не вѣдиль, и доживъ до
55 лѣтъ, сохранилъ свой бѣшеный нравъ. Poleмика съ та-
кимъ противникомъ была находкой для непримиримыхъ: его не-
мудрено было вызвать на скандалъ, а скандалъ произведен-
ный имъ не могъ не коснуться отчасти его вѣнценоснаго род-
ственника. Дѣйствительно, выведенный изъ терпѣнія одною
статьей *Марсельезы*, онъ послалъ, 7го января, вызовъ ея

издателью; но такъ какъ статья была написана не г. Рошфоромъ, а Груссе, то этотъ послѣдній, принявъ вызовъ принца, посылалъ къ нему, утромъ 10 числа, своихъ секундантовъ, которые были приняты Петромъ Бонапартомъ грубо, даже оскорблены имъ, за что одинъ изъ нихъ, г. Нуаръ, далъ пощечину принцу, который тутъ же застрѣлилъ его.

„Огѣльское убійство“ произвело потрясающее впечатлѣніе въ Парижѣ, и непримиримые сдѣлали все отъ нихъ зависящее чтобъ еще усилить это впечатлѣніе. № *Марсельезы* отъ 11го января вышелъ съ траурнымъ ободкомъ и со статьею г. Рошфора слѣдующаго содержанія:

„Я имѣлъ слабость думать что Бонапартъ можетъ быть чѣмъ-нибудь другимъ кромѣ убійцы!

„Я могъ воображать что честный поединокъ возможенъ для людей для которыхъ подгаивать западни и убивать составляетъ семейное преданіе и обычай.

„Нашъ сотрудникъ, Паскаль Груссе, раздѣлялъ мое заблужденіе, и вотъ почему нынѣ мы оплакиваемъ нашего бѣднаго дорогаго друга Виктора Нуара, умерщвленнаго разбойникомъ Петромъ-Наполеономъ Бонапартомъ.

„Восемнаадцать лѣтъ уже Франція находится въ окровавленныхъ рукахъ этихъ разбойниковъ (*coque-jarrets*), которые не довольствуются тѣмъ что осылаютъ картечью республиканцевъ на улицахъ, но заманиваютъ въ гнусныя засады чтобы рѣзать ихъ тамъ поодиночкѣ.

„Французскій народъ! Неужели ты все еще не находишь что жовольно этого?“

Нумеръ *Марсельезы* съ этою статьею былъ конфискованъ, но уже послѣ того какъ весь Парижъ успѣлъ его прочесть. Онъ продавался по франку, по ляти, даже по десяти франковъ. Вечеромъ самъ авторъ приведенной статейки выѣзжалъ на Монмартрское предмѣстье и на другіе пункты населенные преимущественно рабочими, и массы блузниковъ слѣдовали за нимъ съ криками *браво* и *виватъ*. Въ кофейняхъ, погребкахъ и кабакахъ какіе-то люди ораторствовали на тему поданную *Марсельезой*, и ударяя на то что убитый былъ „*enfant du peuple*“... 12 числа *Марсельеза* напечатала изображеніе Нуара на смертномъ одрѣ, съ приглашеніемъ рабочимъ собраться на его похороны; въ *Rappel* открыта была подписка для сооруженія памятника Виктору Нуару; во время похоронъ послѣдьяго, на его могилѣ, г. Фонвиель, бывший вмѣстѣ съ нимъ у принца Бонапарта, произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Граждане! На этой могилѣ, предъ лицомъ васъ всѣхъ, я клянусь что Викторъ Нуаръ былъ подлымъ образомъ умерщвленъ однимъ изъ Бонапартовъ (par un Bonaparte).

„Безъ всякой причины, безъ всякаго вызова съ его стороны онъ былъ хладнокровно убитъ при моихъ глазахъ.

„Но подождемъ возмездія!

„Если мы ничего не дождемся отъ императорскихъ судовъ, мы прибѣгнемъ къ правосудію народа.

„Викторъ Нуаръ, мой другъ, мой братъ, твоя кровь оросила жилище аристократа, принца, за святое дѣло свободы, республики!

„Я отмщу за тебя!

„Я отмщу за тебя!

„Я отмщу за тебя!“

Похороны должны были происходить въ этотъ самый день. Квартира покойнаго находилась въ Нёльи, а мѣсто для его могилы приготовлено было на кладбищѣ Лашеза. Нѣкоторымъ изъ агитаторовъ пришла мысль провести процессію по всему Парижу и, между прочимъ, мимо законодательнаго корпуса, куда было бы удобно ввести людей находившихся въ процессію, а появленіе толпы въ помѣщеніяхъ государственныхъ учрежденій и подчиненіе оныхъ блужникамъ составляетъ, какъ извѣстно, любимый пріемъ французскихъ демагоговъ еще со временъ первой революціи... Но родственники покойнаго и самъ г. Рошфоръ воспротивились этому, за что послѣдній принужденъ выслушать отъ друзей своихъ ругательства и обвиненія въ измѣнѣ. Впрочемъ усилія г. Рошфора едвали увѣнчались бы успѣхомъ, еслибъ не были приняты болѣе дѣйствительныя мѣры чтобъ воспрепятствовать замысламъ демагоговъ. Въ Елсейскихъ поляхъ, откуда предполагалось повернуть въ городъ, выставлено было войско, которое остановило толпу, и съ трехкратнымъ барабаннымъ боемъ потребовало чтобъ она шла своею дорогою. Такимъ образомъ дальнѣйшіе безпорядки были предупреждены; но это прекрасное гулянье жестоко пострадало при этомъ: цвѣтники, газоны были безплощадно приотплатаны ногами разсыпавшейся во всѣ стороны толпы.

Во время совершенія Отельскаго убійства, императора не было въ Парижѣ; онъ ѣздилъ на охоту въ Рамбулье съ эрцгерцогомъ Альбрехтомъ. Возвратившись въ Тюилери, онъ нашелъ тамъ полицейскаго префекта, который донесъ ему о происшествіи, и г. Оливье, который представилъ къ его подписи декретъ о преданіи суду принца и о созваніи для этой цѣли верховнаго суда, такъ какъ по конституціи 1852 года

члены императорскаго дома подлежатъ приговорамъ только этого суда. Декретъ былъ немедленно обнародованъ въ *Официальномъ Журналь* и содержаніе его немедленно же сообщено въ редакцію *Марсельезы*; но это не остановило издавша непримиримой газеты. Явившись въ засѣданіе законодательнаго кортуса 11го января, онъ потребовалъ слова: „Убіиство было совершено вчера надъ молодымъ человѣкомъ прикрытымъ священнымъ правомъ свидѣтеля, то-есть парламентаря. Убіица есть членъ императорской фамиліи. Я спрашиваю у г. министра юстиціи, предполагаетъ ли онъ и въ настоящемъ случаѣ уклониться отъ обязанности доставить судебное удовлетвореніе, какъ это бывало въ отношеніи гражданъ оскорбленныхъ даже дѣйствіемъ со стороны сановниковъ имперіи? Положеніе дѣлъ серіозно, волненіе неописанно. Убитый есть дитя народа...“ Прерванный на минуту шумомъ возвизшимъ въ палатѣ, г. Рошфоръ продолжалъ: „Я говорю что убитый есть дитя народа, и народъ желаетъ самъ судить убійцу“. „Въ виду такого происшествія какъ вчерашнее, въ виду фактовъ которые давно уже совершаются, я спрашиваю, заключилъ Рошфоръ, съ кѣмъ имѣемъ мы дѣло, съ Бонапартами или съ Борджіями? Я приглашаю всѣхъ гражданъ застаться оружіемъ и чинить расправу собственнымъ судомъ...“

Относительно дальнѣйшаго хода преній, мы сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ официального отчета о засѣданіи 11го января.

Г. Э. Оливье. Мм. гг., мы представляемъ законъ и справедливость; прошу васъ быть спокойными (*Очень хорошо!*)..

Г. Распайль. Однако совершилось убійство!

Г. Э. О. Позвольте мнѣ высказаться; вы будете отвѣчать потому, если вамъ угодно. Вы требуете объясненій у правительства и въ то же время его оскорбляете. Правительство будетъ отвѣчать вамъ, но не будетъ васъ оскорблять (*Очень хорошо! Очень хорошо!*). Горестное происшествіе....

На лѣвой сторонѣ. Горестное происшествіе!... Нѣтъ, это преступленіе!

Г. Э. Олл. Еслибы г. Рошфоръ былъ болѣе знакомъ съ правомъ, котораго однакожь онъ хочетъ быть исключительнымъ толкователемъ, то онъ зналъ бы что никому не предоставлено позвать человѣка преданнаго суду, но еще не обвиненнаго (*очень хорошо! очень хорошо!*), и конечно не я, представитель французской магистратуры, подамъ здѣсь примѣръ подобнаго забвенія приличій (*одобренія*).... Горестное происшествіе совершилось вчера. Какъ только министръ юстиціи былъ о томъ увѣ-

домленъ, онъ немедленно же сдѣлалъ распоряженіе объ арестованіи принца Петра Бонапартъ. Это распоряженіе не успѣло еще быть исполнено, когда принцъ Петръ Бонапартъ, являсь въ Консьержеръ, самъ отдался въ руки правосудія. Послѣ этого надлежало опредѣлить тотъ порядокъ какому слѣдовало держаться преслѣдуя дѣло правосудія. Чрезъ посредство г. императорскаго прокурора, принцъ Бонапартъ представилъ министру юстиціи ходатайство о преданіи его обыкновенному суду. Но министръ юстиціи отвѣчалъ что онъ не властенъ это сдѣлать, имѣя въ виду формальный законъ, для всѣхъ обязательный, и что отъ него зависитъ развѣ одно—обсудить въ послѣдствіи, не надлежитъ ли подвергнуть этотъ законъ какимъ-либо измѣненіямъ (*Очень хорошо!*)....

....» Что касается до этихъ возбужденій, съ помощью коихъ стараются раздражать общественное мнѣніе, до этихъ фразъ о томъ что убитый „дѣтя народа“, до распространяемыхъ печатно кровавыхъ изображеній, способныхъ взволновать воображеніе, возбудить и смутить умы, то мы смотримъ на нихъ съ совершеннымъ спокойствіемъ и безъ опасеній. На нашей сторонѣ законъ, право, умѣренность; за насъ свобода, а если къ тому принудятъ насъ, то увидятъ что за насъ же и сила“ (*Очень хорошо! Очень хорошо! Продолжительныя одобренія.*)

Послѣднія слова оратора были обращены къ гортъ. Между тѣмъ президенту законодательнаго кортуса подано было письмо отъ генеральнаго прокурора Гранлерре, съ просьбою дозволить начать судебное преслѣдованіе по поводу вышеприведенной статьи *Марсельезы*. Такъ какъ отвѣтственнымъ издателемъ этой газеты былъ народный представитель, то отъ палаты зависѣло дозволить или не дозволить это преслѣдованіе. Согласно уставу палаты, ходатайство г. Гранлерре было передано на предварительное разсмотрѣніе комиссіи, съ тѣмъ чтобъ она къ слѣдующему засѣданію представила докладъ. 12го января онъ былъ представленъ; комиссія соглашалась на преданіе суду г. Рошфора, но палата отложила постановленіе о томъ приговора до 17го числа, по настоянію нѣкоторыхъ членовъ лѣвой стороны, полагавшихъ что слѣдуетъ въ интересъ самого правительства дать ему время усложниться и, какъ они надѣялись, отказаться отъ судебного преслѣдованія. Они вполнѣ соглашались что г. Рошфордъ и его друзья подали слѣшкомъ достаточные поводы для уголовного процесса, но полагали что судебное преслѣдованіе противъ нихъ повредитъ правительству въ общественномъ мнѣніи. Что касается до непримиримыхъ, то они продолжали вызывать и фрондировать правительство; на повѣстку слѣдственнаго судьи, г. Груссе, по-

сдѣлавшій секунданта къ Петру Бонапарту, отвѣтилъ сѣдующею запиской, которую *Марсельеза* послѣшила огласить:

„Симъ увѣдомляемъ г. сѣдственнаго судью Люреі что мы не признаемъ судовъ ни первой, ни второй инстанціи, что мы не признаемъ сѣдственныхъ судей, что мы не признаемъ бонапартистской юрисдикціи и что потому отказываемся добровольно явиться на его вызовъ....“

Не взирая на этотъ явно разчитанный образъ дѣйствія рѣказовъ, или можетъ-быть потому что онъ былъ явно разчитанъ на скандалъ, либеральные члены палаты желали отклонить правительство отъ судебного преслѣдованія. Они внесли сѣдующее предложеніе: „Палата, вполне увѣренная въ твердости министерства и отдавая справедливость принятымъ имъ мѣрамъ для охраненія порядка, находитъ поводы ко взятію обратно предложенія о начатіи судебного преслѣдованія.“ Но г. Оливье не согласился, отъ имени всего кабинета, подчиниться такому рѣшенію, которое поставило бы оный, сказалъ онъ, въ невозможность продолжать управленіе дѣлами. На такое рѣзкое заявленіе, г. Пикаръ, депутатъ лѣвой стороны, отвѣчалъ блестящею и весьма искусною рѣчью, въ которой упрекалъ министра юстиціи за затруднительную дилемму предложенную имъ палатѣ. Я не желалъ бы, сказалъ онъ, низвергать министерство едва приступившее къ дѣлу и отъ котораго страна ожидаетъ много добра, но министерства перемѣняются, а палата остается; ей необходимо озаботиться соблюденіемъ своего достоинства; она не можетъ допустить чтобы сравненіе нынѣшняго парламентарнаго управленія съ прежнимъ, личнымъ, было въ пользу послѣдняго,—а это непременно будетъ, потому что за послѣдніе полгода свобода печати была неограниченна. Г. Рошфоръ и его друзья выражались рѣзко, это правда, но развѣ менѣе рѣзко они выражались нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда не было такихъ поводовъ къ раздраженію какъ нынѣ? Отвѣчая г. Пикару, г. Оливье заявилъ что правительство не думаетъ стѣснять печати, что не подаетъ и не подаетъ ни малѣйшаго признака неудовольствія даже за самые несправедливые и горькіе отзывы о своихъ дѣйствіяхъ, но что оно рѣшилось не допускать оскорблять особу государя и взывать къ оружію или готовить такъ-называемыя на жаргонѣ демагоговъ дни, нарушающіе общественную безопасность, стѣсняющіе торговлю и промышленность и никогда не обходящіеся безъ пролитія кро-

ви. Объясненія г. министра юстиціи были выслушаны съ живѣйшими признаками сочувствія правою стороною, и вопросъ о преслѣдованіяхъ противъ г. Рошфора разрѣшенъ положительно 222 голосами противъ 34.

Многія вполнѣ независимыя газеты одобрили это рѣшеніе. Повидимому неустовсгва радикаловъ начинали возбуждать къ нимъ омерзеніе: зрѣлище „пьянаго раба демагогіи“ доставленное сгранѣ Наллеономъ, достигало, казалось, своей цѣли. Судъ приговорилъ г. Рошфора къ полугодовому заключенію и 3.000 франковъ пени. Но этотъ оригинальный господинъ, не требовавшій кассациі и не апеллировавшій, отвѣтилъ на сдѣланное ему приглашеніе подчиниться исполненію приговора, статью, въ которой объявлялъ что вовсе не намеренъ подчиниться ему добровольно и что уступить только силѣ. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этой статьи:

„Повидимому, меня серьезно приговорили на дняхъ къ шестимѣсячному заключенію. Правду сказать, нѣкоторыя газеты объявляли что два или три старика въ черныхъ юлкахъ пробормотали между собою что-то касающееся меня.... И вотъ г. Оливье посылаетъ мнѣ приглашеніе. Это превосходить предѣлы позволительной дерзости! Послѣ этого онъ можетъ-быть вздумаетъ еще приглашать меня на свои обѣды или на предстоящій у него балъ. Продолжайте, господинъ Оливье, не церемоньтесь! Вы повидимому желаете привлечь къ себѣ порядочныхъ людей.... Вы какъ-то разъ сказали на одномъ изъ вашихъ представленій: „если вы принудите насъ, то мы будемъ сила“.

„Вотъ я и хочу принудить васъ къ этому. Будьте силой.

„Но знайте, Жокриссы власти, что вы сдѣлали новую глупость приглашая меня подвергнуться заключенію; еслибъ я въ самомъ дѣлѣ, какъ вы говорите, хотѣлъ устраивать „дни“, то мнѣ стоило бы только предупредить народъ что я въ такомъ-то часу поѣду въ тюрьму, и сорокъ тысячъ работниковъ явились бы чтобъ меня проводить.“

Послѣднія слова однако очень похожи на приглашеніе обращенное къ этимъ сорока тысячамъ работникамъ. Г. Оливье въ объясненіяхъ которыя происходили въ законодательномъ корпусѣ, утверждалъ что при выходѣ изъ этого собранія, въ которомъ въ день появленія приведенной статьи, находился г. Рошфоръ, было до 200 его друзей съ цѣлю воспрепятствовать его арестованію, еслибъ оно было тамъ произведено, и что въ тотъ же вечеръ въ одномъ домѣ Фландрской улицы происходило собраніе, въ которомъ обсуждалось предположеніе

произвести мятежъ. Это собраніе, сказалъ глава кабинета, ожидало только прибытія г. Рошфора чтобы постановить свое рѣшеніе, но именно при входѣ въ него Рошфоръ и былъ арестованъ. Въ продолженіе двухъ слѣдующихъ затѣмъ дней была попытка произвести мятежъ, построить баррикады, но всѣ хѣры были приняты чтобы не допустить серьезныхъ безпорядковъ.

VII.

Сенатусъ-консультъ 8го сентября 1869 года и парламентарнаго министерство 2го января 1870 года,—вотъ два главные момента „мирной революціи“ совершившейся во Франціи, изображеніе коихъ исчерпываетъ задачу настоящей статьи; едва ли можетъ представить какой-нибудь интересъ дальнѣйшее изложеніе дѣйствій министерства, которому суждено было пасть восемь мѣсяцевъ спустя, едва за день до паденія династіи, которую оно надѣялось утвердить на тронѣ и правительственной системы которую оно представляло. Друзья благоразумной свободы, къ какой бы націи они ни принадлежали, слѣдили съ живѣйшимъ участіемъ за ходомъ совершившейся во Франціи „мирной революціи“ и возлагали на нее большія надежды. Рѣшеніе Наполеона вступить на путь парламентаризма могло казаться искреннимъ, такъ какъ это было единственнымъ средствомъ упрочить его династію: большинство націи высказывалось противъ личнаго управленія и въ то же время противъ анархіи; устами своихъ представителей страна требовала свободы и порядка, и путемъ лебисцита одобрила образъ дѣйствій какъ правительства, такъ и палаты. Мы видѣли что люди различныхъ партій начинали сближаться съ правительствомъ 2го января, и что людей съ крайними убѣжденіями оказалось немного. Путь къ дальнѣйшимъ совершенствованіямъ конституціи и къ развитію либеральныхъ началъ былъ, казалось, открытъ, и предлоги къ насильственнымъ переворотамъ были, казалось, устранены.... Никто не предчувствовалъ что Франція находится наканунѣ самыхъ невѣроятныхъ событій, что пройдетъ немного дней и человѣкъ восемнадцать лѣтъ державшій въ рукахъ своихъ судьбу могущественнаго государства будетъ оставался главою государства, ѣздить въ продолженіи нѣсколь-

кихъ недѣль при обозѣ своей арміи, какъ арестованный офицеръ, и первый отдастъ неприятелю свою шлагу! Кто могъ предвидѣть такое униженіе? Послѣдніе дни второй имперіи открываютъ глаза на многое, чего не ожидали и самые проницательные политики: генералъ Мольтке, хотя и увѣренный въ окончательномъ торжествѣ надъ французскими арміями, ожидалъ съ ихъ стороны рѣшительнаго движенія ихъ за Рейнъ и нѣсколькихъ сильныхъ ударовъ при началѣ кампаніи. Послѣдніе шаги Наполеона III на его политическомъ поприщѣ таковы что ихъ конечно не ожидали люди наименѣ уважаемые бывшаго императора французовъ. „Я обомѣлялъ отъ изумленія“, сказалъ, говорятъ, недавно графъ Бисмаркъ, „когда мнѣ донесли что императоръ Французовъ находится въ нашемъ лагерѣ и желаетъ меня видѣть.“ Теперь на многое раскрылись глаза и стало ясно какъ поворна дурно была администрація второй имперіи и въ какой мѣрѣ разслабило страну управленіе, по внѣшности казавшееся блестящимъ.

Но въ этомъ печальномъ порядкѣ вещей нельзя винить единственно и исключительно Наполеона III. Это послѣдіе революціонной эпохи, послѣдствіе борьбы династическихъ партій и смѣны привительствъ, главную заботу свою полагавшихъ въ томъ чтобъ удержаться на своемъ мѣстѣ. Отсюда необходимость требовать отъ личнаго состава администраціи прежде всего преданности не интересамъ страны, а интересамъ партіи находящейся во власти; отсюда же снисходительность къ нравственнымъ, а отчасти и умственнымъ качествамъ членовъ служебной іерархіи. Смѣщая правителей страны какъ простыхъ наемниковъ, нація принуждаетъ и ихъ самихъ смотрѣть на себя съ такой же точки зрѣнія и постулатъ соответственно тому, то-есть ставить интересъ партіи на мѣсто интересовъ націи, а личную себѣ преданность на мѣсто всѣхъ другихъ качествъ, она принуждаетъ ихъ покушать эту преданность цѣною безнаказанности за самыя возмутительныя дѣйствія своихъ клеветовъ и отстранять всякую слишкомъ выдающуюся личность изъ опасенія быть заслоненнымъ, — побужденія мелкія, но весьма естественныя въ человѣчкѣ положеніе котораго не стоитъ вѣв спора. Не слѣдуетъ полагать чтобъ и администрація Наполеона I, которую многіе почитали у насъ близкою къ совершенству, была чужда тѣхъ недостатковъ которые нынѣ съ такою силой сказались во Франціи. Можетъ - быть родоначальникъ Наполеонидовъ умѣлъ

лучше чѣмъ Наполеонъ III находить людей способныхъ, но и онъ принужденъ былъ закрывать глаза на грабительства Массены или пресловутаго въ свое время Уврара. Наполеонъ I имѣлъ, впрочемъ, возможность удовлетворять жадности своихъ маршаловъ и министровъ, отдавая въ ихъ личное владѣніе цѣлыя герцогства и княжества въ завоеванныхъ странахъ. Племеникъ его не располагалъ этими средствами, и потому долженъ былъ допустить другіе способы для вознагражденія людей преданныхъ ему и его династіи, а именно огромные оклады, синекуры, негласные доходы и даже, какъ увѣряютъ, похищенія собственныхъ его суммъ. Администрація второй имперіи имѣла стройную внѣшность и кажущуюся энергію, но, какъ нынѣ оказывается, насквозь проникнута была безнравственностію.

Между тѣмъ нынѣшнія событія лучше всякихъ словъ доказываютъ выгоды хорошей и невыгоды дурной администраціи. Не въ высококъ ли превосходствѣ прусской администраціи заключается прямая причина удивительныхъ успѣховъ Пруссіи? Не въ беспорядкахъ ли и злоупотребленіяхъ военнаго управленія Франціи кроется непосредственная вина несыханныхъ ея неудачъ? Не прусскіе солдаты, а прусская администрація поставила Францію на край гибели; не сабля генерала Мольтке рѣшила сраженія, а карандашъ и циркуль, съ которыми этотъ замѣчательный полководецъ изображается въ современныхъ иллюстрированныхъ журналахъ.

Но династія Бонапартовъ пала, и едва ли какая бы то ни было сила въ состояніи будетъ возстановить и упрочить ее, — такъ низко уронили ее послѣднія событія. Оставимъ же ее въ покоѣ. Но что будетъ дальше? Какъ выскажется учредительное собраніе, имѣющее собраться въ непродолжительномъ времени? Вступитъ ли Франція въ число государствъ *en quѣte d'un roi*, или же приметъ республиканскую форму правленія? Въ томъ и другомъ случаѣ ей придется выдержать большія испытанія. Нельзя не видѣть что монархическое начало сильно поколеблено въ этой странѣ, въ продолженіи восьмидесяти лѣтъ четыре раза мѣнявшей династію. Строго говоря, этого начала не заключалось уже и въ послѣдней ея конституціи. Первое условіе монархіи есть неприкосновенность особы государя, а императоръ отвѣтственный предъ странюю есть въ дѣйствительности лишь президентъ республики; императорская Франція была въ сущности республикой съ наследственнымъ

президентскою властію,—нѣчто подходящее къ старинной Рѣчи Послодитоѣ. Съ другой стороны, едва ли Франція заключаетъ въ себѣ условія необходимыя и для республиканской формы правленія. Для того чтобъ эта форма правленія была не фикціей, не отвлеченіемъ, не мертвою буквою, нужно чтобы весь строй жизни въ данной странѣ былъ проникнутъ республиканскимъ духомъ. Для прочности республики нужно прежде всего чтобы въ народномъ понятіи власть со всѣми ея послѣдствіями представлялась не приманкою, а обязанностью и тягостью, которая отбывается во исполненіе долга; нужно чтобы человекъ, поднимаясь по іерархической лѣстницѣ, не желалъ и не былъ принужденъ въ то же время измѣнять свой образъ жизни, расширять свои расходы, обращаться въ вельможу; надо чтобы, какъ въ сѣверной Америкѣ, президентъ изумлялъ простою своего образа жизни и фамиллярностью своего обхожденія, чтобы не швейцаръ въ галунгахъ, а служанка отворяла двери въ пріемную комнату министра, чтобы сенаторъ, по окончаніи сессіи, не стыдился приняться за шило, топоръ или плугъ. Но такого взгляда на вещи, очевидно, не можетъ утвердить въ странѣ какой-либо декретъ или хоть бы актъ учредительнаго собранія. Надо чтобъ онъ проникъ въ нравы страны, иначе каждое избраніе въ президенты легко можетъ подать поводъ къ междоусобіямъ и къ тайнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, а наконецъ и явному вмѣшательству сосѣднихъ правительствъ. Вотъ серьезная опасность которая, при республиканской формѣ правленія, можетъ угрожать Французамъ, крайне податливымъ на приманку власти. Весьма легко можетъ быть что, усвоивъ республиканскую форму правленія, Франція останется монархіей по своимъ понятіямъ, но потеряетъ при этомъ гарантіи прочности, свойственныя монархическимъ державамъ.

Вмѣстѣ съ республиканскою формою правленія, господствующая теперь во Франціи партія желала бы утвердить въ ней начала самой широкой демократіи. Ученіе этой партіи было изложено однимъ изъ самыхъ видныхъ ея членовъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ нынѣшняго временнаго правительства, г. Гамбеттой, въ обширной и блестящей рѣчи произнесенной 5го апрѣля. „Вы допускаете въ принципѣ, сказалъ онъ, верховенство народа и демократію; вы допускаете даже плебисциты: это обязываетъ васъ, если вы хотите быть послѣдовательными, замѣнить монархію республикой, ибо начало всеобщей подачи голосовъ несомнѣнно съ принципомъ наслед-

ственной власти; оно несогласно даже съ существованіемъ какой бы то ни было постоянной конституціи, такъ какъ народная воля можетъ и должна подвергаться ежеминутнымъ измѣненіямъ: сегодняшняя воля не та какая можетъ быть будетъ завтра"... Мы назвали рѣчь г. Гамбетты блестящею потому что такъ ее называли возражавшій на нее г. Оливье и многіе другіе члены французской палаты, потому что газеты протрубили о ней и потому, наконецъ, что она дѣйствительно чрезвычайно эффектна. Но въ сущности рядъ строго-логическихъ, повидимому, построеній, имѣющихъ кажущуюся связь, скрываетъ въ себѣ рядъ поразительныхъ противорѣчій. Верховенство народа и народная воля есть первенствующій догматъ въ теоріи г. Гамбетты, ея основной камень и точка исхода. Но, кто же можетъ поручиться что этотъ верховный рѣшитель своей судьбы, будучи спрошенъ: желаетъ ли онъ монархіи, не скажетъ *да*, а будучи спрошенъ желаетъ ли республики, не скажетъ *нѣтъ*? Не знаемъ какое рѣшеніе послѣдуетъ въ будущемъ относительно формы правленія Франціи, но всѣмъ извѣстно что полгода тому назадъ воля народа высказалась въ пользу монархіи съ парламентарными формами. Правда, по словамъ г. Гамбетты, въ такихъ дѣлахъ утро вечера мудренѣе; но еслибы французскому народу пришлось всякій вечеръ заказывать себѣ на слѣдующее утро конституцію, какъ обѣдъ, то вышло бы во всякомъ случаѣ нѣчто такое о чемъ не возможно говорить серьезно. И вотъ, однако, что произносилось предъ лицомъ всего законодательнаго корпуса, по поводу чего горячо спорили, что превозносили, чѣмъ восхищались, чего боялись, что доставило г. Гамбеттѣ министерскій портфель! Легко сказать: „надо замѣнить божественное право всеобщею подачей голосовъ“. Но вѣдь это значитъ перемѣститъ центръ тяжести всѣхъ интересовъ, установить на новыхъ основаніяхъ все выработанное исторіей и пережитое народами!

П. ЩЕБАЛЬСКІЙ.

МУЖЪ И ЖЕНА

РОМАНЪ ВИЛЬКИ КОЛЛИНЗА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.)

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.—ДОМЪ СЭРЪ-ПАТРИКА.

ГЛАВА XLII.

Окно курительной комнаты.

— Это невозможно! Я не вѣрю вамъ. Вы хотите разлучить меня съ моимъ мужемъ, вы хотите вооружить меня противъ моего лучшаго друга. Это безчеловѣчно! Это ужасно! Что я вамъ сдѣлала? О, Боже мой! Вы сведете меня съ ума!

Блѣдная и растерянная, схватившись руками за волосы и порывисто ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, такъ отвѣчала Бланка своей мачихѣ, когда цѣль посвѣщенія леди Лунди была исполнена и ужасная правда высказана.

Ея свѣтлость сидѣла непоколебимо спокойная, смотря въ окно на однообразный ландшафтъ лѣсовъ и полей окружавшихъ Гамфермъ.

— Я была готова къ такому пріему, отвѣчала она горестно.— Такія безумныя слова облегчатъ ваше переполненное сердце, мое бѣдное дитя. Я подожду, Бланка, я подожду.

* См. Русск. Вѣст. №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8.

Бланка остановилась и взглянула въ лицо леди Лунди.

— Мы съ вами никогда не любили другъ друга, сказала она.— Я недавно написала вамъ дерзкое письмо. Я всегда брала сторону Анны противъ васъ. Я показывала вамъ прямо, даже грубо, что была рада выйти замужъ и разстаться съ вами. Не мнѣнїе ли это съ вашей стороны?

— О, Бланка, Бланка! Какія мысли, какія слова! Я могу только молиться за васъ.

— Я сошла съ ума, леди Лунди. Вы терпѣливы. Будьте терпѣливы и со мною. Я только что вышла замужъ. Я люблю его, я люблю ее, всѣмъ моимъ сердцемъ. Вспомните что вы сказали мнѣ о нихъ. Вспомните, вспомните, вспомните!

Она произнесла эти слова съ отчаяннымъ крикомъ, подняла руки къ головѣ и опять заходила по комнатѣ.

Леди Лунди испробовала силу ласковаго увѣщанія.

— Ради васъ самихъ, Бланка, сказала она, — не упорствуйте въ ненависти ко мнѣ. Въ этомъ страшномъ испытаніи у васъ нѣтъ друга кромѣ меня.

Бланка вернулась къ стулу мачихи и молча устремила на нее испытующій взглядъ. Леди Лунди подчинилась испытанію и выдержала его превосходно.

— Загляните въ мое сердце, Бланка, сказала она. — Сердце мое обливается кровью за васъ.

Бланка слушала не понимая. Вниманіе ея было поглощено собственными мыслями.

— Вы религіозная женщина, сказала она.—Поклянитесь вы на вашей Библии что то что вы сказали мнѣ—правда.

— На моей Библии? повторила леди Лунди горячо.—О, дитя мое! Развѣ вы не имѣете доли въ этомъ драгоценномъ достояніи? Развѣ у васъ нѣтъ Библии?

Лицо Бланки озарилось минутнымъ торжествомъ.

— Вы не смѣете побожиться, сказала она.—Этого съ меня довольно!

Она отвернулась насмѣшливо. Леди Лунди схватила ее за руку и притянула къ себѣ. Страдающая святая исчезла; женщина съ которою нельзя было шутить заступила ея мѣсто.

— Пора положить конецъ этому, сказала она.— Вы не вѣрите тому что я сказала. Хотите я дамъ вамъ доказательство?

Бланка содрогнулась и выдернула руку. Въ перемѣнѣ тона леди Лунди была ужасающая убѣдительность.

— Какое? спросила она.

— Увидите. Скажите мнѣ сначала правду. Въ самомъ дѣлѣ сэръ-Патрика нѣтъ дома, какъ сказалъ слуга?

— Да. Онъ уѣхалъ съ управляющимъ. Вы застали насъ врасплохъ. Вы писали что прїѣдете съ слѣдующимъ поѣздомъ.

— Когда приходитъ слѣдующій поѣздъ? Теперь одиннадцать часовъ.

— Во второмъ часу.

— Сэръ-Патрикъ до тѣхъ поръ не вернется?

— Нѣтъ.

— Гдѣ мистеръ Бринквортъ?

— Мой мужъ?

— Вашъ мужъ, если хотите. Его тоже нѣтъ дома?

— Онъ въ курительной комнатѣ.

— Въ длинной комнатѣ, на задней сторонѣ дома?

— Да.

— Пойдемте сейчасъ же внизъ.

Бланка сдѣлала шагъ впередъ, потомъ отступила назадъ.

— Чего вы хотите отъ меня? спросила она подъ вліяніемъ минутнаго недоумѣнія.

Леди Лунди обернулась къ ней съ нетерпѣливымъ взглядомъ.

— Неужели вы не поняли до сихъ поръ, сказала она рѣзко, что ваши интересы и мои въ этомъ дѣлѣ одни и тѣ же? Что я сказала вамъ?

— Пожалуйста не повторяйте.

— Я должна повторить. Я сказала вамъ что Арнольдъ Бринквортъ былъ у Анны Сильвестеръ въ Крегъ-Ферри въ то время когда мы предполагали что онъ отправился прямо въ свое имѣніе. Вы не вѣрите что это правда, а я хочу дать вамъ доказательство что не обманываю васъ. Хотите вы убѣдиться достоинъ или нѣтъ этотъ человекъ слѣдлага доумѣнія, съ которымъ вы положились на него?

Бланка дрожала съ головы до ногъ и не отвѣтила.

— Я хочу пойти въ садъ и поговорить съ мистеромъ Бринквортомъ въ окно курительной комнаты. Хватить у васъ смѣлости пойти со мною, постоять за угломъ и выслушать то что онъ скажетъ самъ? Я не лобоялась предложить вамъ такое доказательство. Рѣшитесь вы пойти со мною?

Тонъ этихъ словъ затронулъ гордость Бланки.

— Еслибъ я считала его виновнымъ, сказала она смѣло,—

я не рѣшилась бы принять ваше доказательство. Но я убѣждена что онъ невиненъ. Пойдемте, леди Лунди, если вамъ угодно.

Онъ вышелъ изъ комнаты Бланки и сошелъ въ залу. Леди Лунди остановилась и взглянула на росписание поѣздовъ, висѣвшее у выходной двери.

— Слѣдующій поѣздъ въ Лондонъ отходитъ въ двѣнадцать, сказала она.—Сколько времени ходьбы отсюда до станціи?

— Зачѣмъ вы это спрашиваете?

— Узнаете послѣ. Отвѣтите на мой вопросъ.

— Минуть двадцать.

Леди Лунди взглянула на свои часы.

— Успѣемъ, сказала она.

— Что успѣемъ?

— Пойдемте въ садъ.

Съ этимъ отвѣтомъ она вышла изъ комнаты.

Курильная комната съ полукруглымъ окномъ, выходившимъ въ садъ, выдавалась изъ стѣны дома продолговатымъ угольникомъ. Прежде чѣмъ завернуть за уголъ, леди Лунди обернулась и сдѣлала знакъ Бланкѣ чтобъ она остановилась. Бланка остановилась.

Въ слѣдующую минуту она услышала голоса леди Лунди и Арнольда, заговорившихъ чрезъ отворенное окно. Арнольдъ заговорилъ первый.

— Леди Лунди! Мы не ожидали васъ такъ рано.

Леди Лунди не замедлила отвѣтомъ.

— Мнѣ удалось выѣхать изъ Лондона раньше чѣмъ я предполагала. Не вставайте и не бросайте сигару, я не войду.

Послѣ этого послѣдовалъ быстрый обмѣнъ вопросовъ и отвѣтовъ, и всякое слово было слышно ясно въ уединенномъ мѣстѣ.

— Видѣли вы Бланку? спросилъ Арнольдъ.

— Бланка одѣвается чтобъ пойти погулять со мною. Мнѣ надо переговорить съ ней о многомъ. Но прежде чѣмъ мы уйдемъ, я хочу поговорить съ вами.

— О чемъ-нибудь серіозномъ?

— Объ очень серіозномъ.

— Что касается меня?

— Васъ. Я знаю гдѣ вы были вечеромъ въ день виндигетскаго праздника. Вы были въ Крегъ-Ферри.

— Боже мой! Какъ вы узнали?

— Я знаю съ кѣмъ вы были тамъ. Съ Анной Сильвестеръ. Я слышала что говорить о васъ. Васъ называютъ мужемъ и женой.

— Тише! Не говорите такъ громко. Кто-нибудь можетъ услышать.

— Такъ что же что услышать? Я единственная особа изъ нашего семейства для которой это было тайной. Вы все здѣсь знаете это.

— Совсѣмъ нѣтъ! Бланка ничего не знаетъ.

— Какъ! Ни вы, ни сэръ-Патрикъ не сказали ей до сихъ поръ о вашемъ положеніи?

— Нѣтъ еще. Сэръ-Патрикъ предоставилъ это мнѣ, а я никакъ не могу рѣшиться сказать ей. Ради Бога, не говорите ей ни слова. Я не знаю какъ Бланка взглянетъ на это. Миссъ Сильвестеръ ожидаютъ завтра въ Лондонъ. Я хочу подождать пока сэръ-Патрикъ не сведетъ ихъ вмѣстѣ. Миссъ Сильвестеръ оумѣетъ объявить ей ужасную тайну лучше чѣмъ я. Это моя мысль. Сэръ-Патрикъ одобряетъ ее. Позвольте! Неужели вы уже хотите уйти?

— Она сама придетъ сюда, если я останусь здѣсь долѣе.

— Одно слово, леди Лунди. Я хочу знать...

— Узнаете послѣ.

Леди Лунди завернула за уголъ стѣны. Слѣдующія слова были произнесены шепотомъ:

— Довольны вы теперь, Бланка?

— Хватитъ у васъ человѣколюбія, леди Лунди, чтобъ увезти меня отсюда.

— Милое дитя мое! Для чего же я взглянула въ залъ на росписаніе лошадей?

Г Л А В А XLIII.

В з р ы в ъ.

Арнольдъ былъ далеко не въ спокойномъ состояніи духа, когда остался одинъ въ курительной комнатѣ.

Потерявъ нѣсколько времени на тщетную попытку угадать изъ какого источника леди Лунди почерпнула свои свѣдѣнія, онъ надѣлъ шляпу и пошелъ по направленію къ любимому мѣсту прогулки Бланки. Ему пришло въ голову что на всякій случай не мѣшаетъ присоединиться къ женѣ и ея маичи,

хотя онъ надѣялся на скромность ея свѣтлости. Но третье лицо, думалъ онъ, помѣшаетъ ихъ разговору принять опасво-откровенный характеръ.

Онъ не нашелъ дамъ. Онѣ пошли не по тому направленію гдѣ онъ надѣялся встрѣтить ихъ.

Арнольдъ возвратился въ курильную комнату и рѣшился ждать нетерпѣливо дальнѣйшихъ событій. Въ этомъ пассивномъ положеніи, не забывая ни на минуту о леди Лунди, онъ вспомнилъ слова сэръ-Патрика, сказанныя наканунѣ, по поводу письма въ которомъ леди Лунди объявляла о своемъ намѣреніи посѣтить Гамфермъ. Сэръ-Патрикъ сказалъ прямо что позвѣдка ея свѣтлости на югъ имѣеть серіозную, тайную причину.

— Я сильно сомнѣваюсь, Арнольдъ, сказалъ онъ,—хорошо ли я поступилъ оставивъ ея письмо безъ отвѣта. Мнѣ кажется что мы поступили бы очень благоразумно, еслибы открыли ей тайну завтра же. Мы находимся въ самомъ неловкомъ положеніи. Мы не могли помѣшать Бланкѣ (не открывъ ей тайны) написать то несчастное письмо которымъ она раздразнила ея свѣтлость, и во всякомъ случаѣ леди Лунди узнала бы изъ другихъ источниковъ о вашемъ неожиданномъ возвращеніи. Я не сомнѣваюсь что съ своей стороны я сумѣлъ бы скрыть отъ нея ваше положеніе, и согласенъ что это было бы полезно въ томъ отношеніи что помѣшало бы ей вѣстаться въ ваши дѣла пока я не привелъ бы ихъ въ порядокъ. Но какой-нибудь несчастный, не зависящій отъ насъ случай можетъ открыть ей истину, и я очень боюсь что тогда она предприметь что-нибудь, и будетъ имѣть вредное вліяніе на Бланку.

Леди Лунди открыла истину, и въ настоящую минуту находится гдѣ-нибудь наединѣ съ Бланкой. Арнольдъ схватилъ шляпу и отправился отыскивать дамъ по другому направленію.

Вторая экспедиція была такъ же неудачна какъ и первая. Арнольдъ не нашелъ ни леди Лунди, ни Бланку.

Взглянувъ на часы, Арнольдъ увидѣлъ что уже прошло то время когда сэръ-Патрикъ обѣщалъ вернуться. Онъ вошелъ въ домъ, обошелъ весь нижній этажъ и не найдя никого, отправился наверхъ и постучался въ комнату Бланки. Не дождавшись отвѣта, онъ отворилъ дверь. Комната была пуста. На коврѣ, возлѣ самой двери, лежало письмо. Арнольдъ тотъ-

часъ же замѣтилъ его, поднялъ и увидалъ что оно адресовано ему рукою жены.

Онъ послѣдшне разорвалъ конвертъ. Письмо начиналось безъ обычной формы обращенія. Арнольдъ прочелъ:

„Я знаю гнусную тайну, которую вы и дядя старались скрыть отъ меня. Я знаю вашу низость и ея низость, и положеніе въ которомъ, благодаря васъ и ей, я нахожусь теперь. Упрекать такого человѣка какъ вы было бы бесполезно. Пишу эти строки для того чтобы сказать вамъ что я переѣзжаю въ Лондонъ, гдѣ буду подъ покровительствомъ моей мачихи. Не пытайтесь слѣдовать за мною,—это было бы бесполезно. Пусть другіе рѣшатъ связываетъ ли меня съ вами брачная церемонія, которую вы разыграли. Что касается меня, я уже рѣшилась. Я увѣзжаю чтобы никогда не возвращаться и никогда не видать васъ. Бланка.“

Бросившись внизъ, съ одною опредѣленною мыслию—послѣдовать немедленно за женою, Арнольдъ столкнулся въ залѣ съ сэръ-Патрикомъ, который стоялъ съ письмомъ въ рукѣ у стола на который по обыкновенію кладись письма и карточки посѣтителей. Угадавъ тотчасъ же намѣреніе Арнольда, сэръ-Патрикъ обхватилъ его рукой и остановилъ у выходной двери.

— Вы мущина, сказалъ онъ.—Перенесите это мужественно.

Арнольдъ опустилъ голову на плечо своего добраго стараго друга и горько заплакалъ.

Сэръ-Патрикъ далъ волю первому неудержимому проявленію горя. Молчаніе въ такія минуты бываетъ благодѣяніемъ. Сэръ-Патрикъ не сказалъ ни слова. Письмо которое онъ держалъ въ рукѣ (письмо отъ леди Лунди) упало на полъ.

Арнольдъ поднялъ голову и вытеръ слезы.

— Я стыжусь за себя, сказалъ онъ.—Пустите меня.

— Вы неправы, бѣдный другъ мой, возразилъ сэръ-Патрикъ,—вдвойнѣ неправы. Такихъ слезъ стыдиться не надо, а уходить отъ меня вамъ незачѣмъ.

— Я хочу видѣть ее, и увижу.

— Прочтите, сказалъ сэръ-Патрикъ, указавъ на лежавшее на полу письмо.—Вы хотите увидать вашу жену? Жена ваша у женщины написавшей эти строки. Прочтите.

Арнольдъ прочелъ:

„Дорогой сэръ-Патрикъ! Еслибы вы удостоили меня довѣріемъ, я сочла бы долгомъ посовѣтоваться съ вами, прежде чѣмъ рѣшилась бы освободить Бланку отъ положенія въ ко-

торое поставилъ ее мистеръ Бринквортъ. Теперь же, дочь вашего покойнаго брата находится подъ моимъ покровительствомъ въ моемъ лондонскомъ домѣ. Если вы попробуете употребить вашу власть, вы принуждены будете прибѣгнуть къ насилію—иначе я не уступлю. Если мистеръ Бринквортъ попробуетъ употребить власть, онъ принужденъ будетъ доказать въ судѣ что имѣетъ право на это.

„Искренно преданная вамъ

„Юлія Лунди.“

Рѣшимость Арнольда не поколебалась нисколько.

—Такъ что же! сказалъ онъ съ жаромъ.—Пусть полиція проведетъ меня по улицамъ. Но я увижу Бланку. Я оправдаюсь предъ ней въ ужасной клеветѣ, которой она вѣритъ. Я прочелъ ваше письмо, прочтите и вы мое.

Здравый смыслъ сэръ-Патрика понялъ настоящее значеніе безразсудныхъ словъ Бланки.

—Вы приписываете это письмо вашей женѣ, сказалъ онъ.—Здѣсь въ каждомъ словѣ видна леди Лунди. Вы увидите себя, если будете серьезно защищаться противъ такой клеветы. Вы не хотите понять меня? Вы стоите на своемъ. Такъ напишите Бланкѣ. Вы не можете лопастъ къ ней, письмо ваше можетъ. Я сдѣлалъ уступку, позволивъ вамъ написать. Сдѣлайте и съ своей стороны уступку. Пойдемте въ библіотеку. Я ручаюсь что помирю васъ съ Бланкой, если вы положитесь на меня. Вѣрите вы мнѣ или нѣтъ?

Арнольдъ уступилъ. Она вошла въ библіотеку. Сэръ-Патрикъ подвелъ Арнольда къ письменному столу.

—Облегчите свое сердце здѣсь, сказалъ Джонъ.—И постарайтесь чтобъ я нашелъ въ васъ разумаго человѣка, когда вернусь.

Когда онъ вернулся въ библіотеку, письмо было написано, и Арнольдъ значительно успокоился.

—Я самъ отвезу ваше письмо къ Бланкѣ, сказалъ сэръ-Патрикъ.—Поѣздъ въ Лондонъ пройдетъ черезъ полчаса.

—Возьмите меня съ собой.

—Не сегодня. Я вернусь къ обѣду и разкажу вамъ все что случится. Завтра вы поѣдете со мною въ Лондонъ, если я найду нужнымъ пробыть тамъ нѣсколько дней. Между тѣмъ постарайтесь быть спокойнѣе. Будьте увѣрены что Бланка получитъ ваше письмо. Для этого я прибѣгну къ насилію, если мачиха ея будетъ мѣшать. Мое уваженіе къ прекрасному по-

ду простирается на тѣхъ особъ которыя заслуживаютъ уваженія, а леди Лунди не заслуживаетъ его. Нѣтъ такого преимущества у мужчинъ предъ женщинами которымъ бы я не рѣшился воспользоваться относительно моей свояченицы.

Онъ подавъ руку Арнольду и отправился на станцію.

Въ семь часовъ столъ былъ накрытъ, и въ семь часовъ сэръ-Патрикъ сошелъ внизъ, одѣтый, по обыкновенію, безукоризненно, и спокойный, будто ничего не случилось.

— Она прочла ваше письмо, шелнулъ онъ, взявъ Арнольда подъ руку, и ввелъ его въ столовую.

— Сказала она что-нибудь?

— Ни одного слова.

— Какъ она смотрѣла?

— Какъ ей слѣдовало смотрѣть, огорченною своимъ поступкомъ.

Начался обѣдъ. По необходимости, разговоръ о поѣздѣ сэръ-Патрика приостанавливался, когда слуги находились въ комнатѣ, и аккуратно возобновлялся Арнольдомъ въ промежуткахъ между блюдами.

— Признаюсь, я надѣялся что Бланка вернется съ вами, сказалъ онъ печально, когда унесли супъ.

— Иными словами, возразилъ сэръ-Патрикъ,—вы забыли, врожденное упрямство женскаго пола. Бланка начинаетъ сознавать что поступила дурно. Что же должно быть естественнымъ слѣдствіемъ этого? Она продолжаетъ упорствовать въ своемъ дурномъ поступкѣ. Оставьте ее въ покоѣ и предоставьте вашему письму произвести свое дѣйствіе. Серіозныя затрудненія на нашемъ пути зависятъ не отъ Бланки. Утѣштесь этимъ.

Внесли рыбу, и Арнольдъ принужденъ былъ молчать до слѣдующаго промежутка въ теченіи обѣда.

— Какія же затрудненія? спросилъ онъ.

— Ваше и мое затрудненіе, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ.—Мое затрудненіе состоитъ въ томъ что я не могу воспользоваться моею властью олекуна, если признаю (что я и дѣлаю) племянницу мою замужнею женщиной. Ваше затрудненіе состоитъ въ томъ что вы не можете воспользоваться своею властью мужа, пока не будетъ доказано что вы не мужъ миссъ Сильвестеръ. Леди Лунди знала отлично что поставитъ насъ въ это положеніе, если увезетъ отсюда Бланку. Она допросила мистрисъ Инчбаръ; она писала вашему управляющему, и узна-

да въ какой день вы прибыли въ свое имѣніе; она сдѣлала все что могла сдѣлать, разчитала все и предугадала все, но упустила изъ виду мой терпѣливый характеръ. Единственная ея ошибка состоитъ въ томъ что она надѣялась вывести меня изъ терпѣнія. Нѣтъ, милый мой! Мое терпѣніе—мой козырь. Я держу его въ рукавъ, Арнольдъ. Да, я держу его въ рукавъ.

Внесли слѣдующее блюдо. Сэръ-Патрикъ хвалилъ баранину, и началъ длинное и интересное повѣствованіе объ исторіи рѣдкаго бѣлаго бургонскаго вина, стоявшаго на столѣ. Арнольдъ послѣдилъ заговорить о своемъ, когда унесли баранину.

— Чертовское положеніе, сказалъ онъ.

— Безъ вульгарностей, Арнольдъ, замѣтилъ сэръ-Патрикъ.

— Ради Бога, сэръ-Патрикъ, сжальтесь надъ моимъ страданіемъ. Скажите мнѣ какъ вы намѣрены поступить?

— Я намѣренъ взять васъ съ собою завтра въ Лондонъ, съ условіемъ чтобы вы дали мнѣ честное слово что не будете стараться увидать вашу жену до будущей субботы.

— А въ субботу я увижу ее?

— Если дадите мнѣ честное слово что до субботы не будете стараться увидать ее.

— Даю, даю!

Внесли слѣдующее блюдо. Сэръ-Патрикъ разсуждалъ о достоинствахъ куролатки какъ съѣдобной птицы. — Сама по себѣ, Арнольдъ, зажаренная куралатка, безъ всякихъ приправъ, птица не стоящая вниманія. Мы очень любимъ стрѣлять ее потому считаемъ долгомъ любить ее. Но, судя строго, она не боѣе какъ приправа къ соусу и трюфелямъ. Впрочемъ такая птичка несовсѣмъ справедлива. Я считаю долгомъ прибавить что куролатка имѣетъ честь входить въ знаменитый французскій рецептъ приготовленія оливки. Знаете вы этотъ рецептъ?

Пришелъ конецъ дичи и соуса, и настала опять очередь Арнольда.

— Что вы будете дѣлать завтра въ Лондонѣ? спросилъ онъ.

— Завтрашній день, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ, — будетъ достопамятнымъ днемъ въ нашемъ календарѣ. Завтра вторникъ, — день, въ который произойдетъ мое свиданіе съ миссъ Сильвестеръ.

Арнольдъ поставилъ на столъ стаканъ, который онъ поднесъ къ губамъ.

— Послѣ всего случившагося, сказалъ онъ,—я не могу слышать равнодушно это имя. Миссъ Сильвестеръ разлучила меня съ женой.

— Она вознаградитъ васъ за это, соединивъ васъ съ женой.

— Она до сихъ поръ была моею лагубой.

— Теперь она можетъ сдѣлаться вашимъ спасеніемъ.

Внесли сыръ, и сэръ-Патрикъ возвратился къ поваренному искусству.

— Знаете вы какъ надо варить оливку, Арнольдъ?

— Нѣтъ.

— Что знаетъ молодое поколѣніе? Оно знаетъ грести, стрѣлять, играть въ крикетъ, держать пари, а болѣе ничего не знаетъ. На что будетъ годно это поколѣніе, когда лишится своихъ мускуловъ, то-есть когда состарится? До меня впрочемъ это не касается—меня тогда не будетъ. Вы слушаете, Арнольдъ?

— Слушаю.

— Какъ варить оливку: положить оливку въ жаворонка, положить жаворонка въ перепела, положить перепела въ голубя, голубя въ куропатку, куропатку въ курицу, курицу въ индѣйку. Хорошо. Поджарить немного на сковородѣ, потомъ положить въ кастрюлю, накрыть и оставить въ печкѣ, пока все хорошо поджарится до самой оливки. Хорошо. Отворить окно. Выбросить индѣйку, курицу, куропатку, голубя, перепела и жаворонка. Наконецъ, съѣсть оливку. Кушанье дорогое, но, по свидѣтельству знатоковъ, стоить жертвъ. Квинтъ-эссенція соковъ шести птицъ сосредочивается въ одной оливкѣ. Мысль великая! Вылейте еще стаканъ бургонскаго, Арнольдъ.

Наконецъ слуги ушли окончателно, оставивъ на столѣ вино и десертъ.

— Я долго терпѣлъ, сэръ-Патрикъ, сказалъ Арнольдъ.—Довершите ваши благодаренія, разкажите мнѣ все что случилось у леди Лунди.

Былъ холодный вечеръ. Въ комнатѣ горѣлъ яркій свѣтъ. Сэръ-Патрикъ подвинулъ стулъ къ огню.

— Я разкажу вамъ все по порядку, сказалъ онъ.—Волевымъ, я засталъ у леди Лунди гостей, двухъ совершенно незнакомыхъ мнѣ особъ: капитана Ньюендина и племянницу его,

мистрисъ Гленармъ. Леди Лунди предложили принять меня въ другой комнатѣ. Гости предложили что они уйдутъ въ другую комнату. Я отклонилъ оба предложенія. Первый ударъ ея свѣлости! Она была увѣрена, Арнольдъ, что мы не рѣшимся стать лицомъ къ лицу съ общественнымъ мнѣніемъ. Я съ самаго начала показалъ ей что мы такъ же мало боимся общественнаго мнѣнія какъ и она.—„Я всегда мирюсь съ тѣмъ что называется совершившимся фактомъ“, сказалъ я.—„Вы довели дѣло до кризиса, леди Лунди. Сдѣланнаго не поправяшь. Я намѣренъ поговорить съ моею племянницей (въ вашемъ присутствіи, если вамъ угодно), потомъ съ вами, не безпокоя вашихъ гостей“. Гости сѣли, свѣдаемые любопытствомъ. Развѣ приличіе позволяло леди Лунди отказать мнѣ, при двухъ свидѣтеляхъ, въ свиданіи съ племянницей? Конечно нѣтъ. Я повидался съ Бланкой (леди Лунди конечно присутствовала) въ задней гостиной. Я отдалъ ей ваше письмо, замолвилъ за васъ доброе слово, замѣтилъ что она раскаивается, хотя не хочетъ признаться въ этомъ. Мы вернулись въ большую гостиную. Не успѣлъ я сказать пяти словъ, какъ оказалось, къ моему величайшему удивленію и удовольствію, что капитанъ Ньюендинъ пріѣхалъ по тому же дѣлу по которому пріѣхалъ я, то-есть по вашему дѣлу съ миссъ Сильвестеръ. Моею цѣлью было отвергнуть, въ интересахъ моей племянницы, вашъ бракъ съ миссъ Сильвестеръ. Его цѣлью было утвердить, въ интересахъ его племянницы, вашъ бракъ съ миссъ Сильвестеръ. Къ величайшему неудовольствію двухъ дамъ, мы немедленно приступили къ переговорамъ самымъ дружескимъ образомъ.—„Очень радъ что имѣю удовольствіе видѣть васъ, капитанъ Ньюендинъ.“—„Я въ восторгѣ что имѣю честь познакомиться съ вами, сэръ-Патрикъ.“—„Мнѣ кажется, мы можемъ придти къ соглашенію въ двѣ минуты, капитанъ?“—„Вы выразили мою мысль, сэръ-Патрикъ.“—„Опредѣлите ваше положеніе, капитанъ.“—„Съ величайшимъ удовольствіемъ, сэръ-Патрикъ. Вотъ моя племянница, мистрисъ Гленармъ, невѣста мистера Джозфри Деламена. Все было бы отлично, но явилось неожиданное препятствіе въ образѣ женщины. Ясно ли я выражаюсь?“—„Превосходно, капитанъ. Еслибъ отъ этого не пострадалъ британскій флотъ, вамъ слѣдовало бы быть адвокатомъ. Сдѣлайте одолженіе, продолжайте.“—„Вы слыш-комъ снисходительны, сэръ-Патрикъ. Я продолжаю. Мистеръ Деламенъ утверждаетъ что претендующая особа не имѣетъ

никакихъ правъ на него, и въ доказательство справедливости своихъ словъ, увѣряетъ что она уже замужняя женщина, и что мужъ ея мистеръ Бринквортъ. Леди Лунди и моя племянница увѣряютъ меня, на основаніи доказательствъ которыя онъ считаютъ удовлетворительными, что мистеръ Деламень правъ. Я не считаю доказательствъ удовлетворительными. Надѣюсь, сэръ-Патрикъ, что вы не сочтете меня чрезмѣрно упрямымъ человѣкомъ?— „Напротивъ, капитанъ, вы внушаете мнѣ высокое мнѣніе о вашей способности оцѣнивать по достоинству доказательства. Позвольте спросить какого образа дѣйствій намѣрены вы держаться?— „Я самъ только что хотѣлъ сказать это. Вотъ каковъ мой образъ дѣйствій. Я отказываюсь дать согласіе на бракъ моей племянницы съ мистеромъ Деламеномъ, пока мистеръ Деламень не докажетъ справедливость своего увѣренія, представивъ свидѣтелей брака претендующей особы. Онъ отсылаетъ меня къ свидѣтелямъ, но отказывается дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ лично, на томъ основаніи что готовится къ бѣгу. Я согласенъ что это дѣйствительно препятствіе, и соглашаюсь взять на себя трудъ вызвать въ Лондонъ свидѣтелей. Съ послѣднею почтой я отправилъ письмо къ моему пертскому адвокату съ порученіемъ отыскать свидѣтелей, предложить имъ приличное вознагражденіе (на счетъ мистера Деламена) за потерю времени, и представить ихъ сюда въ опредѣленное время. Бѣгъ назначенъ въ будущій четвергъ. Послѣ четверга, мистеръ Деламень будетъ свободенъ и въ состояніи присутствовать при допросѣ свидѣтелей. Чтѣ вы скажете, сэръ-Патрикъ, насчетъ того чтобы намъ собраться въ субботу, въ этой комнатѣ (съ позволенія леди Лунди)?“ Вотъ сущность сказаннаго капитаномъ. Онъ такъ же старъ какъ и я, а одѣтъ какъ тридцатилѣтній, но, несмотря на это, славный малый. Я поразилъ леди Лунди, принявъ его предложеніе не поколебавшись ни на одну минуту. Мистрисъ Гленармъ и леди Лунди переглянулись въ безмолвномъ удивленіи. Мы говорили о дѣлѣ по поводу котораго двѣ женщины перессорились бы на смерть. А мы, два старика, оговорились самымъ дружескимъ образомъ. Желалъ бы я чтобы вы видѣли лицо леди Лунди, когда я благодарилъ капитана за то что онъ избавилъ меня отъ продолжительнаго объясненія съ ея свѣтлостью. „Благодаря капитану,“ сказалъ я ей очень вѣжливо, — „намъ больше не о чемъ толковать. Я пошлѣшу домой чтобы успокоить поскорѣе Арнольда Бринкворта“. Я общалъ пред-

ставить васъ въ субботу обществу въ числѣ котораго будетъ ваша жена. Другимъ я показалъ что это не страшитъ меня и мало. Но вамъ я долженъ сказать что не легко предугадать чьихъ будетъ результатъ субботняго допроса. Все зависитъ отъ исхода моего свиданія съ миссъ Сильвестеръ. Можно сказать безъ преувеличенія, Арнольдъ, что судьба ваша въ ея рукахъ.

— Я дорого далъ бы чтобы вовсе не знать миссъ Сильвестеръ, сказалъ Арнольдъ.

— Будьте справедливы, возразилъ сэръ-Патрикъ.—Скажите что вы дорого дали бы чтобы вовсе не знать Джозфри Деламена. Арнольдъ опустилъ голову.

КОНЕЦЪ ОДИННАДЦАТОЙ СЦЕНЫ.

СЦЕНА ДВѢНАДЦАТАЯ.—ДРУРИЛЕНЪ.

ГЛАВА XLIV.

Письмо и законъ.

Шумный потокъ лондонской жизни, протекая по темному каналу Друрилена, достигъ извилистымъ путемъ изъ переднихъ комнатъ въ заднюю приѣмную одного дома въ Друриленѣ, назначеннаго для низшихъ занятій музыкальнаго и театральнаго промысловъ. На грязномъ полу лежали кучи старыхъ вощъ. Театральныя маски, оружіе, портреты лѣвицъ и танцовщицъ украшали стѣны. Пустой скрипичный футляръ смотрѣлъ изъ одного угла на разбитый бюстъ Россини, стоявшій въ другомъ. Надъ каминомъ была наклеена гравюра изображавшая допросъ королевы Каролины. Дубовые стулья и столъ были неподдѣльными образцами стариннаго столярнаго искусства. На полу лежалъ небольшой обрывокъ ковра, а на потолокъ толстый слой копоти. Подъ вечеръ Михайлова два въ этой комнатѣ сидѣли двое: сэръ-Патрикъ Лунди и Анна Сильвестеръ.

Вступительный разговоръ между ними,—съ одной стороны разказъ о случившемся въ Пертѣ и Свангавенѣ, съ другой—

исчисленіе обстоятельствъ сопровождавшихъ разлуку Арнольда и Бланки,—пришелъ къ концу. Сэръ-Патрику предстояло направить разговоръ къ цѣли свиданія. Онъ взглянулъ на свою собесѣдницу, и поколебался.

— Чувствуете ли вы себя въ силахъ продолжать? спросилъ онъ.—Если вамъ угодно отдохнуть, пожалуста не стѣсняйтесь.

— Благодарю васъ, сэръ-Патрикъ. Я чувствую себя въ силахъ и прошу васъ продолжать. Никакими словами не передашь съ какою готовностью я сдѣлала бы все чѣмъ могла бы быть полезна вамъ. Ваша опытность должна указать мнѣ что я могу сдѣлать.

— Для этого, миссъ Сильвестеръ, я долженъ распросить васъ безъ церемоніи обо всемъ что мнѣ нужно знать. Волерыхъ, не имѣеть ли вашъ пріѣздъ въ Лондонъ какой-нибудь цѣли, которой вы не сказали мнѣ? Я говорю конечно о такой цѣли которую я (въ качествѣ повѣреннаго Арнольда Брикворта) имѣю право знать.

— У меня была цѣль, сэръ-Патрикъ, но она не удалась мнѣ.

— Могу я узнать ее?

— Мнѣ хотѣлось поговорить съ Джофри Деламеномъ.

— Какъ! Такъ вы уже пытались поговорить съ нимъ? Когда же вы успѣли?

— Сегодня утромъ.

— Вы пріѣхали въ Лондонъ только вчера вечеромъ.

— Да, но я потеряла много дней въ дорогѣ, сказала Анна.— Я принуждена была отдохнуть въ Эдинбургѣ, потомъ въ Йоркѣ, и боялась что мистрисъ Гленармъ увидитъ его раньше меня.

— Боялись! повторилъ сэръ-Патрикъ.—Я понялъ изъ вашихъ словъ что вы не имѣли намѣренія оспаривать негодяя у мистрисъ Гленармъ. Съ какою же цѣлью вы хотѣли видѣть его?

— Съ тою же цѣлью съ которою я ѣздила въ Свагавенъ.

— Неужели! Вы думали что Джофри можетъ поправить дѣло, и что вы можете побудить его къ этому обѣщаніемъ отказаться отъ вашего права?

— Будьте свисходительны къ моему неблагоразумію, сэръ-Патрикъ. Я теперь постоянно одна; у меня обратилось въ привычку мучать себя разными мыслями. Я очень мучилась думая о положеніи въ которомъ находится, благодаря мнѣ, мистеръ Бриквортъ. Ожидать что мнѣ удастся уговорить Джофри Деламена, послѣ того какъ я уже потерѣла неудачу

съ мистрисъ Гленарми, было конечно самонадѣянностью, ни на чемъ не основанною самонадѣянностью. Но я и теперь не потеряла надежды. Еслибъ оны только захотѣли выслушать меня, моя глупая поѣздка въ Фульгамъ имѣла бы оправданіе.

Она горько вздохнула. Сэръ-Патрикъ взялъ ея руку.

— Она и такъ имѣетъ оправданіе, сказалъ оны съ участіемъ. — Ваше намѣреніе безукоризненно. Позвольте мнѣ прибавить, чтобъ усложнить васъ, что еслибы Джофри выслушалъ васъ и согласился на ваше предложеніе, результатъ былъ бы тотъ же самый. Вы ошибаетесь, полагая что ему стоить только сказать слово чтобы поправить дѣло. Оно зашло уже слишкомъ далеко. Надо разъяснить недоразумѣніе которое произошло въ тѣ несчастные часы которые Арвольдъ провелъ съ вами въ Крегъ-Ферри.

— О, сэръ-Патрикъ, еслибъ я это знала до моей поѣздки въ Фульгамъ!

Она содрогнулась при этихъ словахъ. Было ясно что одно воспоминаніе о свиданіи съ Джофри потрясаетъ ея нервы. Почему? Сэръ-Патрикъ рѣшилъ что необходимо разъяснить этотъ вопросъ.

— Я знаю цѣль вашей поѣздки въ Фульгамъ, но вы не сказали мнѣ что случилось тамъ.

Анна поколебалась.

— Развѣ это необходимо? спросила она, съ очевидною неохотой начать разказъ.

— Положительно необходимо, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ, — потому что это касается Деламена.

Анна собралась съ духомъ и начала разказъ.

— Адресъ его узналъ мнѣ человекъ съ которымъ я имѣю здѣсь дѣло. Но я не скоро нашла домъ. Это скорѣе дача съ большимъ садомъ, окруженнымъ высокою каменною оградой. Я увидала карету, ожидавшуюся кого-то. Кучеръ показалъ мнѣ дверь. Большая деревянная дверь съ рѣшеткой въ оградѣ. Я позвонила. За рѣшеткой показалась служанка, и на мою просьбу, отказалась впустить меня. Хозяйка, сказала она, запретила впускать чужихъ, въ особенности женщинъ. Я дала ей денегъ и попросила вызвать хозяйку. Черезъ нѣсколько минутъ, за рѣшеткой появилось другое лицо, показавшееся мнѣ знакомымъ. Я была въ нервномъ состояніи; увидавъ это лицо, я вздрогнула. „Мы кажется знаемъ другъ друга“, сказала

я. Вдругъ дверь отворилась, и какъ вы думаете кого я увидела предъ собой?

— Развѣ это былъ кто-нибудь кого я знаю?

— Да.

— Муцина или женщина?

— Эсфирь Дезриджъ.

— Эсфирь Дезриджъ!

— Да. Одѣтая какъ всегда и вислолько не измѣнившаяся, съ доскою на боку.

— Удивительно! Позвольте, гдѣ я видѣлъ ее въ послѣдній разъ? Да, на Виндигетской станціи, когда она отправлялась въ Лондонъ, отказавшись отъ мѣста у моей свояченицы. Такъ она поступила на другое мѣсто, не предупредивъ меня, какъ я просилъ ее.

— Она живетъ въ Фульгамѣ.

— Въ услуженіи?

— Нѣтъ, въ своемъ собственномъ домѣ.

★ Вотъ какъ! У Эсфири Дезриджъ свой собственный домъ! Это хорошо. Отчего же и ей не возвыситься въ этомъ мірѣ какъ возвышаются другіе. Впустила она васъ?

— Она стояла нѣсколько времени устремивъ на меня свой странный взглядъ. Виндигетская прогулка всегда говорила что она не въ своемъ умѣ, и вы сами согласитесь что это правда, когда я расскажу вамъ какъ она приняла меня. Она сумашедшая. Я спросила ее: „развѣ вы не помните меня?“ Она взяла въ руки свою доску и написала: „Я помню васъ въ обморокъ, въ Виндигетсѣ.“ Я не знала что она была въ библиотекѣ во время моего обморока. Это ли открытіе поразило меня, или ея странный, мертвенный взглядъ, но я нѣсколько минутъ не могла сказать ни слова. Она начала опять писать на доскѣ, и написала необыкновенно странный вопросъ: „Я сказала тогда что это сдѣлалъ муцина. Отгадала я?“ Еслибъ этотъ вопросъ былъ предложенъ кѣмъ-нибудь другимъ, я сочла бы его дерзостью. Но представьте, сэръ-Патрикъ, я отвѣтила ей. Сама не знаю почему, но я отвѣтила ей. Она заставила меня отвѣтить своими каменными глазами. Я сказала „да.“

— Все это происходило у двери?

— У двери.

— Когда же она впустила васъ?

— Когда я отвѣтила ей, она тотчасъ же впустила меня. Она

взяла меня за руку, довольно грубо, ввела въ дверь и затворила ее за мною. Я была взволнована; я задрожала отъ ея прикосновенія. Она выпустила мою руку. Я стояла предъ ней какъ ребенокъ, ожидая чтобъ она оказала или сдѣлала что-нибудь. Она долго смотрѣла на меня, потому издала страшный нѣмой звукъ, но видно было что она не сердится; напротивъ, еслибъ это была не Есфиръ Дезриджъ, я подумала бы что она хочетъ выразить радость, удовольствіе. Понимаете вы ее, сэръ-Патрикъ?

— Нѣтъ еще; позвольте мнѣ спросить не выказывала ли она особенной привязанности къ вамъ въ Виндигетсѣ?

— Ни малѣйшей. Трудно вообразить чтобъ она могла любить кого-нибудь:

— Писала она еще что-нибудь на доскѣ?

— Да. Она написала еще вопросъ подъ тѣмъ который былъ уже написанъ. Она все еще думала о моемъ „обморокѣ и о мушкетерѣ который сдѣлалъ это“. Она написала: „скажите мнѣ какъ онъ сдѣлалъ это. Онъ ударилъ васъ?“ Многіе заострялись бы на такой вопросъ: я испугалась. Я сказала „нѣтъ“. Она покачала головой, точно не вѣрила мнѣ, и написала: „мы не любимъ признаваться что они поднимаютъ на насъ свои кулаки и бьютъ насъ; не правда ли?“ Я отвѣчала: „право вы ошибаетесь.“ Она написала: „кто онъ?“ У меня хватило присутствія духа сказать ей что я не отвѣчу на этотъ вопросъ. Она отворила дверь и показала мнѣ знакомъ чтобъ я ушла. Я попросила ее подождать немного. Она съ непонятнымъ удивленіемъ обратилась ко мнѣ олять съ вопросомъ о „мушкетерѣ“. На этотъ разъ вопросъ былъ еще яснѣе; она, должно-быть, уже объяснила по своему цѣль моего прихода въ ея домъ. Она написала: „Это тотъ мужчина который живетъ въ моемъ домѣ?“ Я знала что она прогонитъ меня, если я не отвѣчу ей. Мнѣ нельзя было не признаться что она угадала. Я сказала: „да, я хочу видѣть его“. Она взяла меня за руку такъ же грубо какъ и въ первый разъ, и ввела въ свой домъ.

— Я начинаю понимать ее, сказалъ сэръ-Патрикъ. При покойномъ братѣ, я слышалъ что она была несчастна съ своимъ мужемъ. Зная это, вы поймете сцѣвленіе идей въ ея помраченномъ умѣ. Какъ она видѣла васъ въ послѣдній разъ? Въ обморокѣ?

— Да.

— Она заставляетъ васъ признаться что она была права

сказавъ что мущина виноватъ въ томъ положеніи въ которомъ вы были тогда. Что обморокъ можетъ быть свидѣтельствомъ нравственнаго страданія, она неспособна понять. Судя по собственному опыту, она приписываетъ его грубому физическому удару. Въ этомъ она видитъ повтореніе ея собственныхъ страданій и случая съ ней самой. Это довольно интересное фактъ для того кто изучаетъ человѣческую природу и этимъ можно объяснить—необъяснимое иначе—слисхожденіе которое она оказала вамъ, впустивъ васъ къ себѣ вопреки своему приказанію служанкѣ. Что же случилось потомъ?

— Она ввела меня въ свою комнату и знакомъ предложилъ мнѣ чаю, необыкновенно страннымъ образомъ, безъ малѣйшаго ловидимому участія. Послѣ того что вы мнѣ сейчасъ сказали, я начинаю понимать что происходило въ ея душѣ. Мнѣ кажется, она чувствовала благородное участіе къ жемчужинѣ которую считала столь же несчастною какъ она сама была несчастна. Я отказалась отъ чаю, и попробовала обратить разговоръ на цѣль моего посѣщенія. Но она не обратила ни малѣйшаго вниманія на мои слова. Она сдѣлала движеніе рукой, показывая мнѣ комнату, потомъ подвела къ окну и показала садъ, будто хотѣла сказать: это мой домъ и мой садъ. Въ саду стоялъ Джофри Деламенъ и около него три человѣка. Я опять сказала ей что хочу поговорить съ нимъ, но она опять не обратила вниманія на мои слова. Сдѣлавъ мнѣ знакъ чтобъ я отошла отъ окна, она подошла къ камину и показала мнѣ висѣвшій надъ нимъ листъ бумаги, въ рамкѣ со стекломъ. Она, кажется, очень гордится этою рукописью, потому что настояла чтобъ я прочла ее. Это было извлеченіе изъ духовнаго завѣщанія.

— Завѣщанія по которому ей достался домъ?

— Да. Изъ завѣщанія ея брата. Тамъ говорилось что онъ сожалѣетъ что всегда отдалялся отъ сестры, съ тѣхъ поръ какъ она вышла замужъ противъ его воли и совѣтовъ. Въ доказательство своего искренняго желанія помириться съ нею и въ вознагражденіе за страданія которыя она вынесла отъ своего покойнаго мужа, онъ оставляетъ ей 200 фунтовъ ежегоднаго дохода и домъ съ садомъ въ пожизненное владѣніе.

— Это дѣлаетъ честь ея брату и ей самой, сказалъ сэръ Патрикъ. — Принявъ во вниманіе ея странный характеръ, я понимаю что она любитъ хвастаться этимъ. Но меня удив-

дастъ для чего она, имѣя достаточный годовой доходъ, отдастъ свой домъ внаймы.

— Это и меня удивило, и я рѣшилась спросить ее. Зная что съ ней надо говорить осторожно, я, чтобы приготовить ее къ вопросу, спросила ее сначала кто ея жильцы. Квартиру у нея нанялъ повѣренный Джофри Деламена, вѣроятно его учитель. Онъ удивилъ Есэиръ Девриджъ, обративъ большое вниманіе на ея садъ.

— Это очень понятно, миссъ Сильвестеръ. Большой садъ, окруженный высокою оградой, есть именно такое мѣсто какое нужно для упражненій его кліента. Продолжайте.

— Потому я спросила ее для чего она отдаетъ свой домъ внаймы. Когда она услышала мой вопросъ, ея мрачное лицо сдѣлалось еще мрачнѣе, и она написала мнѣ: „У меня нѣтъ въ мірѣ ни одного друга. Я боюсь жить одна.“ Грустное, безотрадное положеніе, сэръ-Патрикъ, не правда ли?

— Дѣйствительно грустное положеніе. Но что же было дальше? Попали вы въ садъ?

— Да, послѣ второй попытки. Она какъ будто вдругъ передумала, и сама отворила мнѣ дверь. Проходя мимо окна ея комнаты, я оглянулась. Она сидѣла у стола предъ окномъ и слѣдила за мною. Во взглядѣ ея было что-то необыкновенно странное, — не умѣю сказать вамъ что — отчего мнѣ сдѣлалось неловко. Взглянувъ съ вашей точки зрѣнія, можно подумать, какъ ни ужасно такое предположеніе, что она желала увидать чтобы со мной поступили такъ же какъ нѣкогда поступали съ нею самой. Я вздохнула свободнѣе, когда скрылась изъ ея глазъ, хотя знала что иду на рискъ. Подходя ближе къ людямъ стоявшимъ въ саду, я услышала что двое изъ нихъ говорятъ что-то съ жаромъ Джофри Деламену. Четвертый, пожилой господинъ, стоялъ поодаль. Я остановилась и отошла всторону, въ ожиданіи окончанія ихъ разговора. Но я не могла не слышать его. Два человѣка уговаривали Джофри поговорить съ пожилымъ господиномъ. Они говорили ему что это известный докторъ, съ которымъ стоить посоветоваться.

Сэръ-Патрикъ прервалъ ее.

— Не называли ли они его по имени? спросилъ онъ.

— Да. Они называли его мистеръ Слывель.

— Слывель! Вашъ разказъ, миссъ Сильвестеръ, становится интереснѣе чѣмъ вы предполагаете. Я самъ слышалъ какъ

мистеръ Спидвель предупреждалъ Деламена чтобъ онъ берегъ свое здоровье, когда мы были всѣ вѣстѣ въ Виндигеттѣ. Послушался Деламенъ? Посоветовался съ докторомъ?

— Нѣтъ. Онъ думалъ то что вы сейчасъ вспомнили. Онъ отвѣчалъ: „чтобъ я посоветовался съ тѣмъ кто сказалъ что я разбитый человекъ? Ни за что!“ Закончивъ свой отвѣтъ проклятіемъ, онъ отшелъ отъ другихъ. Къ несчастію, онъ пошелъ по направленію къ мѣсту гдѣ я стояла, и увидалъ меня. Одинъ взглядъ на меня привелъ его въ бѣшенство. Я не въ состояніи повторить вамъ словъ съ которыми онъ обратился ко мнѣ; довольно что я слышала ихъ. Право, сэръ-Патрикъ, елибы товарищи его не подбѣжали и не схватили его, Есфирь Дезриджъ увидала бы то чего она ожидала. Онъ былъ такъ страшень, что я, видѣвшая его не разъ въ приладкахъ бѣшенства, пришла въ ужасъ, и до сихъ поръ не могу безъ содроганія вспомнить о немъ. Одинъ изъ мушкетъ, остановившихъ его, былъ въ своемъ родѣ такъ же грубъ. Онъ сказалъ мнѣ, въ самыхъ безцеремонныхъ выраженіяхъ что елибы съ Деламеномъ случился обморокъ, онъ проигралъ бы дѣло, и что въ этомъ была бы виновата я. Елибы не мистеръ Спидвель, я не знаю что со мною было бы. Онъ тотчасъ же подошелъ ко мнѣ. „Здѣсь не мѣсто ни вамъ, ни мнѣ,“ сказалъ онъ, взявъ меня подъ руку и повелъ къ дому. Есфирь Дезриджъ вышла намъ навстрѣчу и загородила мнѣ рукой дорогу. Мистеръ Спидвель спросилъ ее что ей нужно. Она взглянула на меня, потомъ на садъ и замахнулась сжатымъ кулакомъ. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ я знаю ее—надѣюсь что я ошиблась—мнѣ показалось что она улыбнулась. Мистеръ Спидвель увелъ меня. „Они здѣсь хорошо подобраны“, сказалъ онъ „женщина такая же дикая какъ и мушкетъ.“ Карета которую я видѣла прежде принадлежала ему. Онъ предложилъ довести меня. Я согласилась воспользоваться его добротой до станціи желѣзной дороги. Пока мы говорили, Есфирь Дезриджъ подошла къ двери. Она сдѣлала опять такое же движеніе рукой, взглянула на садъ, потомъ на меня и покачала головой, точно хотѣла сказать: „а онъ еще ударитъ васъ“. Какъ я была рада, когда мы уѣхали отъ нея. Надѣюсь что мнѣ не придется встрѣтиться съ ней еще разъ.

— Не знаете ли какъ попалъ туда мистеръ Спидвель? По собственному желанію, или они пригласили его?

— Пригласили. Я рѣшилась предложить ему нѣсколько во-

просовъ о Джофри Деламенѣ и о людяхъ которые были съ нимъ. Мистеръ Слидвель очень снисходительно объяснилъ мнѣ все чего я не могла понять сама. Одинъ изъ нихъ былъ учитель, а другой докторъ, съ-которымъ учитель имѣлъ обыкновеніе совѣтоваться о здоровьи своихъ пациентовъ. Кажется, главною причиною побудившею учителя перевезти Джофри Деламена изъ Шотландіи въ окрестности Лондона была необходимость въ медицинской помощи. Докторъ къ которому обратился учитель сказалъ прямо что не понимаетъ нѣкоторыхъ симптомовъ болѣзни Джофри, и самъ пригласилъ въ Фульгамъ мистера Слидвеля сегодня утромъ. Мистеръ Слидвель сказалъ мнѣ: „Я встрѣчался съ Деламеномъ въ обществѣ и такъ заинтересовался его болѣзнію что согласился ѣздить къ нему. Каковъ былъ результатъ моего визита вы увидите сами.“

— Говорилъ онъ вамъ что-нибудь о здоровьи Деламена?

— Онъ говорилъ что спрашивалъ доктора дорогою въ Фульгамъ, и что нѣкоторые симптомы болѣзни Джофри представляютъ серіозную опасность. Я не знаю какіе это симптомы. Мистеръ Слидвель говорилъ только о такихъ перемѣнахъ къ худшему въ Джофри которыя понятны женщинамъ. Иногда онъ бываетъ такъ апатиченъ что ничто не можетъ расшевелить его. Иногда, напротивъ, на него находятъ припадки бѣшенства безо всякой видимой причины. Въ Шотландіи, учитель нашелъ невозможнымъ содержать Джофри на правильной діетѣ, и докторъ одобрилъ выборъ фульгамской квартиры, удовлетворившись не только въ удобствѣ сада, но и въ томъ что на Есфирь можно положиться какъ на отличную кухарку. Съ ея помощію, они подвергли его совершенно новой діетѣ. Но при этомъ имъ встрѣтилось неожиданное прелатствіе. Когда Джофри привели на новую квартиру, оказалось что онъ видѣлъ Есфирь Дезриджъ въ Виндгетсѣ, и почувствовалъ къ ней непреодолимую антипатію. Увидавъ ее въ Фульгамѣ, онъ, говорятъ, пришелъ въ ужасъ.

— Пришелъ въ ужасъ? Почему?

— Никто не знаетъ почему. Учитель и докторъ могли заставить его поселиться въ ея квартирѣ угрозой отказаться отъ ответственности приготовить его къ бѣгу, если онъ не овладѣетъ собою и не будетъ вести себя какъ мужчина, а не какъ ребенокъ. Понемногу онъ помирился съ своею новою квартирою, отчасти вслѣдствіе старанія Есфри не попадать-

ся ему на глаза, отчасти вслѣдствіе сознанія пользы дѣтъ которую могъ соблюдать съ ея помощью. Мистеръ Спидвелъ говорилъ еще что-то, но теперь я всего не припомню, и передамъ вамъ только заключеніе къ которому онъ пришелъ. Поразительное заключеніе отъ человѣка съ такимъ авторитетомъ: Бѣгъ будущаго четверга угрожаетъ опасностью жизни Деламена.

— Опасностью умереть на мѣстѣ?

— Да.

Сэръ-Патрикъ задумался. Прошло нѣсколько минутъ прежде чѣмъ онъ заговорилъ.

— Мы не безъ пользы потеряли время, сказалъ онъ, — оставившись на вашей повѣздкѣ въ Фульгамъ. Въ виду смерти этого человѣка, я долженъ подумать серьезно о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Мнѣ хотѣлось бы, въ интересахъ моей племянницы и ея мужа, предугадать какое вліяніе будетъ имѣть роковой результатъ бѣга на субботнее слѣдствіе. Мнѣ кажется вы можете помочь мнѣ въ этомъ.

— Скажите что я могу сдѣлать, сэръ-Патрикъ?

— Могу я разчитывать на ваше присутствіе въ субботу?

— Конечно.

— Вы должны знать что въ Бланкѣ вы найдете особу вооруженную въ настоящее время противъ васъ, друга и сестру, переставшую (подъ вліяніемъ леди Лунди) считать себя вашимъ другомъ и сестрой.

— Я ожидала, сэръ-Патрикъ, что Бланка вооружится противъ меня. Въ письмѣ къ мистеру Бринкворту я предупредила его такъ деликатно какъ только умѣла что въ его женѣ легко пробудить ревность. Вы можете положиться на мое самообладаніе. Что бы Бланка ни сказала или ни сдѣлала, ничто не заставитъ меня забыть чѣмъ я обязана ей за прошлое. Я никогда не разлюблю ее. Пусть это увѣреніе успокоитъ васъ, если вы оласались за мое поведеніе. Скажите мнѣ какъ я могу послужить интересамъ которые мнѣ столь же дороги какъ и вамъ.

— Вотъ какъ: скажите мнѣ въ какомъ положеніи находились вы относительно Джоффри Деламена, когда отправились въ гостиницу Крегъ-Ферри?

— Дѣлайте мнѣ вопросы какіе сочтете нужными, сэръ-Патрикъ.

— Вы даете мнѣ право?

— Да.

— Я начну съ того что вы уже сказали мнѣ. Деламенъ обещалъ жениться на васъ?

— Безсчетное число разъ.

— Словесно?

— Да.

— И письменно?

— И письменно.

— Понимаете вы къ чему я веду?

— Несовсѣмъ.

— При началѣ свиданія, мы говорили о письмѣ которое вы взяли у Башонригса. Я узналъ отъ Арнольда что на украденномъ листкѣ было два письма, одно написанное вами Деламену, другое—написанное Деламеномъ вамъ. Содержаніе послѣдняго письма Арнольдъ припомнилъ. Вашего письма онъ не читалъ. Мнѣ необходимо, миссъ Сильвестеръ, прочесть его прежде чѣмъ я уйду отсюда.

Анна не отвѣчала. Она сидѣла сложивъ руки на колѣняхъ. Въ первый разъ она съ безлокойствомъ отвернулась отъ сэръ-Патрика.

— Не достаточно ли будетъ, сказала, она подумавъ немного,—если я разкажу вамъ содержаніе моего письма не показывая его?

— Нѣтъ, этого не будетъ достаточно, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ не стѣсняясь.—Я намекнулъ вамъ, если помните, когда вы говорили о письмѣ, что мнѣ хотѣлось бы прочесть его. Я замѣтилъ что вы съ намѣреніемъ не обратили вниманія на мои слова. Мнѣ очень непріятно настаивать на томъ что вамъ тяжело исполнить. Но если вы хотите помочь мнѣ, я указалъ вамъ средство.

Анна встала и вмѣсто отвѣта отдала ему письмо.

— Вспомните все что сдѣлалъ Деламенъ послѣ того какъ я написала ему это письмо, сказала она,—и не судите меня строго за то что я не хотѣла показать вамъ его.

Съ этими словами она отошла къ окну. Пока сэръ-Патрикъ читалъ письмо, она стояла приложивъ руку къ сердцу и устремивъ разсѣянный взглядъ на заколченную картину лондонскихъ крышъ и трубъ.

Чтобы правильно оцѣнить событія, необходимо перечесть съ сэръ-Патрикомъ уже известную, краткую переписку.

1. Отъ Анны Сильвестеръ къ Джофри Деламену.г --

„Виндигетсъ, 12го августа 1868.

„Джофри Деламень! Я ждала въ надеждѣ что вы прїѣдете, и прождала напрасно. Ваше поведеніе относительно меня въ высшей степени жестоко; я не хочу выносить этого долѣе. Подумайте! Подумайте для своей же пользы, прежде чѣмъ доведете до отчаянія несчастную женщину повѣрившую вамъ. Вы обѣщали жениться на мнѣ, поклявшись всѣмъ что есть святаго. Я требую исполненія обѣщанія. Я требую безъ всякихъ уступокъ чтобы вы сдѣлали меня тѣмъ чѣмъ покаялись сдѣлать, чѣмъ я ждала сдѣлаться все это время, что я есть предъ небомъ — вашею законною женой. Леди Лунди даетъ здѣсь праздникъ 14го. Я знаю что вы приглашены. Если вы не прїѣдете, я не отвѣчаю за то что можетъ случиться. Я рѣшаюсь покончить съ неизвѣстностью. О, Джофри, вспомните прошлое! Не обманывайте, будьте справедливы къ вашей любящей женѣ

„Аннѣ Сильвестеръ.“

2. Отъ Джофри Деламена къ Аннѣ Сильвестеръ.

„Дорогая Анна! Сейчасъ узналъ что долженъ ѣхать къ отцу въ Лондонъ. Телеграфируютъ что онъ плохъ. Оставайтесь тамъ гдѣ телерь. Я напишу вамъ. Клянусь честью, я исполню обѣщаніе. Вашъ будущій любящій мужъ

„Джофри Деламень.“

„Виндигетсъ, 14го августа, 4 часа пополудни. Ужасно слѣшу. Поездъ отходить въ 4 ч. 30 м.“

Сэръ-Патрикъ прочелъ письма съ напряженнымъ вниманіемъ. При послѣднихъ строкахъ послѣдняго письма, онъ сдѣлалъ то чего не дѣлалъ уже двадцать лѣтъ, вскочилъ съ мѣста и прошелъ комнату безъ помощи палки.

Анна вздрогнула, и, отвернувшись отъ окна, взглянула на него съ безмолвнымъ изумленіемъ. Онъ былъ подъ вліяніемъ сильнаго волненія; это было очевидно по его лицу, голосу, манерамъ.

— Сколько времени провели вы въ Шотландіи предъ тѣмъ какъ написали это письмо? спросилъ онъ съ такимъ жаромъ что закашлялся при первомъ словѣ.—Болѣе трехъ недѣль? прибавилъ онъ, устремивъ свои черные, блестящіе глаза на лицо Анны.

— Да.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Вполнѣ увѣрена.

— И можете доказать это съ помощію лицъ видѣвшихъ васъ?

— Могу.

Онъ обернулъ листокъ, и показалъ ей написанное на четвертой страницѣ письмо Деламена.

— Сколько времени былъ онъ въ Шотландіи предъ тѣмъ какъ написалъ это письмо? Тоже болѣе трехъ недѣль?

Анна подумала съ минуту.

— Ради Бога, не ошибайтесь, сказалъ сэръ-Патрикъ. — Вы не знаете что зависитъ отъ этого. Если не запомните, такъ лучше скажите прямо что не знаете.

— Я не могла вспомнить вдругъ, но теперь знаю навѣрное. Онъ жилъ въ Пертѣ у своего брата, три недѣли прежде чѣмъ написалъ это письмо. Предъ прѣвѣдомъ въ Свангавель, онъ провѣлъ три или четыре дня въ долинѣ Эскъ.

— Вы и въ этомъ увѣрены?

— Вполнѣ увѣрена.

— Не знаете ли вы кого-нибудь кто видѣлъ его въ долинѣ Эскъ?

— Я знаю одного человѣка который передалъ ему письмо отъ меня.

— Человѣкъ котораго легко найти?

— Очень легко.

Сэръ-Патрикъ отложилъ въ сторону письмо, и схватилъ въ неудержимомъ волненіи обѣ ея руки.

— Выслушайте меня, сказалъ онъ. — Весь заговоръ противъ васъ и Арнольда Бринкворта обращается въ ничто предъ этими письмами. Когда онъ былъ у васъ въ гостиницѣ...

Онъ остановился и взглянулъ на нее. Ея руки начали дрожать въ его рукахъ.

— Когда Арнольдъ Бринквортъ былъ у васъ въ гостиницѣ, началъ онъ, — вы по шотландскому закону были уже замужнею женщиной. Въ тотъ день и въ тотъ часъ когда были написаны эти строки карандашомъ на вашемъ письмѣ вы сдѣлались законною женой Джозефи Деламена.

Онъ остановился и взглянулъ на нее опять.

Не возразивъ ни однимъ словомъ, не сдѣлавъ никакого движенія, она подняла на него глаза, съ смертельною блѣдностью ужаса въ лицѣ, съ смертельнымъ холодомъ ужаса въ рукахъ.

Сэръ-Патрикъ отступилъ молча назадъ. Ея ужасъ отразился на его лицѣ. Жена негодяя, не задумавшагося оклеветать потугленную имъ женщину и бросить ее безпомощною въ міръ! Жена предателя, не поколебавшагося обмануть до вѣр-

Арнольда и разстроить счастье Арнольда! Жена злодѣя, который ударилъ бы ее въ это утро, еслибъ его не остановили! Объ этомъ сэръ-Патрикъ не подумалъ. Поглощенный заботою о будущности Бланки, онъ не подумалъ объ Аннѣ, пока пораженное ужасомъ лицо не обратилось къ нему и не сказала ему взглядомъ: подумайте и о моей будущности!

Онъ подошелъ къ ней и взялъ ее холодную руку.

— Простите мнѣ, сказалъ онъ,—что я подумалъ сначала о Бланкѣ.

Имя Бланки, казалось, ободрило ее. Лицо ея оживилось немного, тихая грусть проглянула въ глазахъ. Онъ увидалъ что теперь можно высказаться яснѣе.

— Я самъ понимаю какъ страшна жертва, сказалъ онъ.—Я сомнѣваюсь имѣю ли я право, имѣть ли право Бланка.

Она остановила его, тихо пожавъ его руку.

— Да, сказала она,—если отъ этого зависитъ счастье Бланки.

КОНЕЦЪ ДВѢНАДЦАТОЙ СЦЕНЫ.

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ — ФУЛЬГАМЪ.

ГЛАВА XLV.

Б ѣ г ѣ.

Одинокій чужестранецъ, бродя по Лондону, побрелъ случайно по направленію къ Фульгаму, въ день фульгамскаго праздника.

Мало-по-малу онъ очутился въ толпѣ буйныхъ Англичанъ стремившихся къ одной опредѣленной цѣли. Въ одеждѣ ихъ преобладали два цвѣта—розовый и желтый. Увлекаемый потокомъ толпы (въ сопровожденіи потока экилажей), чужестранецъ шелъ впередъ, пока толпа не остановилась у какой-то калитки. Заплативъ деньги за входъ каассиру, толпа наводила собою большое, открытое пространство, похожее на залущенный садъ.

Войдя сюда вмѣстѣ съ другими, чужестранецъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на представившееся зрѣлище. Онъ уви-

даль тысячи людей, принадлежавшихъ почти исключительно къ среднему и высшему классамъ общества. Они собрались вокругъ большого огороженного мѣста и развѣстались на деревянныхъ лавкахъ, уставленныхъ амфитеатромъ, и на крышкахъ отляженныхъ экилажей, уставленныхъ рядами. Эта толпа оглашалась такимъ ревомъ одушевленныхъ головъ какого ему не случилось еще слышать ни въ одномъ публичномъ собраніи на этомъ островѣ. Вслушавшись въ этотъ ревъ, онъ различилъ одинъ несмолкаемый вопросъ, начинавшійся словами „кто держитъ“, и оканчивавшійся полперемѣно двумя британскими именами, незнакомыми чужеземнымъ ушамъ. Увидавъ это странное зрѣлище и услышавъ этотъ оглушительный ревъ, чужестранецъ обратился къ полицейскому, и спросилъ, съ трудомъ произнося по-англійски:

— Позвольте спросить, что это такое?

Полицейскій отвѣчалъ:

— Сѣверъ противъ Юга. Состязаніе.

Получивъ отвѣтъ, но не удовлетворившись имъ, чужестранецъ сдѣлалъ кругообразное движеніе рукой, указывая на публику и спросилъ: „зачѣмъ?“

Полицейскій не сталъ тратить словъ съ человѣкомъ который могъ предлагать такіе вопросы. Онъ молча поднялъ толстый, красный палецъ, съ большимъ бѣлымъ ногтемъ и торжественно указалъ ему на печатное объявленіе, приклеенное на стѣнѣ. Чужестранецъ побрелъ къ объявленію.

Прочитавъ его внимательно съ верху до низу, онъ обратился за объясненіемъ къ стоявшему возлѣ него частному человѣку, который оказался въжливѣе и сообщительнѣе полицейскаго. Изъ его объясненія чужестранецъ, какъ человѣкъ не понимающій важнаго значенія атлетическихъ упражненій, вывелъ слѣдующее заключеніе:

Розовый цвѣтъ есть цвѣтъ Сѣвера, желтый—цвѣтъ Юга. Сѣверъ выставляетъ сорокъ розовыхъ представителей, Югъ тридцать желтыхъ. Состязаніе розовыхъ и желтыхъ есть празднество. Празднество есть слѣдствіе неукротимой національной страсти къ укрѣпленію ногъ и рукъ. Состязанія происходятъ публично. Достигаемые результаты: — въ физическомъ отношеніи—необычайное развитіе мускуловъ (пріобрѣтаемое во вредъ сердцу и легкимъ); въ нравственномъ отношеніи — слава. Человѣкъ который вздумалъ бы утверждать что атлетическія упражненія приносятъ вредъ людямъ занимаю-

щимся ими, или напелъ бы что-нибудь дурное въ публично совершеніи того что есть основаніе истиннаго величія народовъ, остался бы человѣкомъ нелояльнымъ. Атлетическая Англія развиваетъ свои мускулы не слушая такихъ людей.

Чужестранецъ вмѣшался въ толпу и началъ наблюдать внимательно окружающее общество.

Онъ уже встрѣчался съ этими людьми. Онъ видалъ ихъ, а примѣръ, въ театрахъ, гдѣ слѣдилъ съ любопытствомъ и удивленіемъ за ихъ нравами и обычаями. Когда занавѣсъ опускался, они, повидимому, бывали такъ мало заинтересованными что видѣли и слышали что почти не говорили между собой въ антрактахъ. Когда занавѣсъ бывалъ поднятъ, и еслъеса которую они смотрѣли имѣла въ виду тронуть ихъ въ сокимы, благородными чувствами человѣчества, они относились къ ней какъ къ чему-нибудь утомительному или просто смѣялись надъ ней какъ надъ нелѣпостью. Соотечественники Шекспира, повидимому, признавали въ драматическомъ писателѣ только два достоинства — способность заставлять ихъ смѣяться и способность приводить пиесу къ скорому благополучному окончанію. Театральные антрепренеры въ Англіи могутъ разчитывать на успѣхъ, судя по рѣдкимъ рукоплесканіямъ ихъ просвѣщенныхъ почитателей, не иначе какъ тратя большія деньги на декораціи и нанимая множество безстыдныхъ женщинъ. И не только въ театрахъ, но и въ другихъ общественныхъ собраніяхъ чужестранецъ замѣчалъ такую же тулую алатію, когда отъ благородныхъ англійскихъ умовъ требовалось усиліе, и такое же бессмысленное равнодушіе, когда у благородныхъ англійскихъ сердець просили сочувствія. Мы не хотимъ наслаждаться ничѣмъ кромѣ шутокъ и скандаловъ! Мы не хотимъ уважать ничего кромѣ аристократіи и богатства! Вотъ что выражали эти Островитяне и Островитянки при другихъ обстоятельствахъ и другихъ зрѣлищахъ. Здѣсь же все было наоборотъ. Здѣсь было сильное чувство, горячій интересъ, страстный энтузіазмъ. Величественные джентльмены, которымъ лѣтъ было говорить когда къ нимъ обращалось искусство, кричали здѣсь до хрилоты. Прекрасныя леди, которыя зѣвали подъ вѣерами когда ихъ вызывали на мысль или чувство, махали здѣсь платками въ непритворномъ восторгѣ и краснѣли подъ пудрой и румянами. И чѣмъ же восторгались? Они восторгались атлетическими фокусами.

Чужестранецъ смотрѣлъ, и, какъ гражданинъ цивилизованной страны, старался объяснить себѣ все что видѣлъ. Онъ еще ничего не понималъ, когда представленіе приостановилось на время.

Барьеры, служившіе для показанія современной удовлетворительной степени развитія (способности прыгать) высшаго класса Ангаи, были унесены. Привилегированныя особы, которыя могли входить въ огороженное мѣсто, исчезли одна за другою. Безмолвіе ожидало обняло всю толпу. Очевидно, готовилось что-то необычайно интересное и необычайно важное. Внезапно безмолвіе замѣнилось громомъ руколесканій и восторженными криками. Присутствующіе переглянулись и сказали съ радостью: „одинъ пришелъ“. Опять воцарилось молчаніе, и вскорѣ опять нарушилось руколесканіями и восторженными криками. Присутствующіе переглянулись и сказали: „слава Богу, оба пришли.“ Безмолвіе ожидало обняло опять всю толпу; всѣ глаза устремились на одну точку въ пространствѣ,—на маленькій павильонъ съ опущенными столами и затворенными дверями.

Чужестранецъ былъ глубоко заинтересованъ безмолвнымъ ожиданіемъ толпы. Онъ сочувствовалъ ей, самъ не зная почему. Ему казалось что приближается минута когда онъ пойметъ наконецъ англійскую націю.

Очевидно, готовилась какая-то торжественная церемонія. Не скажетъ ли какой-нибудь великій ораторъ рѣчь народу? Не будутъ ли праздновать какую-нибудь великую годовщину? Не готовятся ли они къ религіозной церемоніи? Онъ оглянулся съ намѣреніемъ обратиться къ кому-нибудь за объясненіемъ. Въ эту минуту, два пожилые джентльмена, отличавшіеся отъ большинства лублики своими приличными манерами, пробрались сквозь окружавшую его толпу. Онъ почтительно спросилъ ихъ: въ чемъ будетъ состоять національное торжество котораго ожидаетъ народъ? Изъ отвѣта онъ узналъ что два сильные молодые человека пробѣгутъ извѣстное число круговъ, чтобъ доказать который изъ нихъ бѣгаетъ скорѣе.

Чужестранецъ поднималъ глаза и руки къ небу. О непостижимая сила творчества! Кто бы могъ подумать что въ числѣ безконечно разнообразныхъ существъ міра, есть и подобныя созданія? Съ этимъ чувствомъ онъ повернулся и ушелъ.

На обратномъ пути ему понадобился носовой платокъ, но онъ не нашелъ его. Кошелекъ тоже исчезъ. Когда онъ воз-

вратился на родину, къ нему обратились съ серьезными просьбами объ Англіи. У него былъ только одинъ отвѣтъ: „Англія для меня загадка. Я понималъ только англійскихъ мошенниковъ.“

Между тѣмъ, два пожилые джентльмена дошли до оградъ окружавшей мѣсто состязаній.

Показавъ полицейскому формальное предписаніе, они были влущены въ священныя предѣлы. Тѣсно скученные зрители взглянули на нихъ съ завистью и любопытствомъ, и дивились спрашивая себя кто они такіе. Не судьи ли они, избранны чтобы произнести приговоръ надъ соперниками? Не сотрудники ли они газетъ? Не агенты ли полиціи? Ни то, ни другое ни третье. Два джентльмена были мистеръ Слидвель, докторъ и сэръ-Патрикъ Лунди.

Они дошли до центра огороженного мѣста и взглянули на окружавшую ихъ картину.

Зеленый лугъ на которомъ они стояли былъ олеясанъ широкою, ровною дорожкой, усыпанною золою и пескомъ и окруженною изгородью, за которою толпились зрители. За изгородью возвышался, съ одной стороны, амфитеатръ, съ другой рядъ экипажей. Картина освѣщалась яркимъ вечернимъ солнцемъ; свѣтъ и тѣнь лежали большими массами; разнообразныя краски предметовъ мягко сливались въ лучахъ солнца. Картина была великолѣпна и торжественна.

Сэръ-Патрикъ взглянулъ на оживленныя лица окружавшихъ его людей, и обратился къ своему другу, доктору.

— Желалъ бы я знать, сказалъ онъ, — найдется ли въ этой толпѣ хоть одинъ человекъ который пришелъ бы смотреть на бѣгъ съ тѣмъ же сомнѣніемъ въ душѣ которое побудило насъ придти сюда.

Мистеръ Слидвель покачалъ головой.

— Никто изъ нихъ не знаетъ и не хочетъ знать чѣмъ могутъ поплатиться соперники за свое состязаніе.

— Я начинаю расказывать что пришелъ сюда, сказалъ сэръ-Патрикъ.—Если этотъ несчастный....

Докторъ прервалъ его.

— Не смотрите сэръ-Патрикъ съ мрачной точки зрѣнія. Мое мнѣніе до сихъ поръ не имѣетъ положительнаго основанія. Мнѣ кажется что я правъ, но я отгадываю въ потемкахъ. Въ организмѣ мистера Деламена есть можетъ-быть больше жизненной силы чѣмъ я предполагаю. Я пришелъ сюда съ науч-

вою цѣлью, а не для того чтобъ увидать исполненіе моего предвѣщанія. Я знаю что здоровье его разстроено, и что этотъ бѣгъ можетъ обойтись ему дорого, но не будьте слишкомъ увѣрены въ результатъ. Результатъ можетъ доказать что я ошибся.

Сэръ-Патрикъ не сказалъ ни слова. Онъ былъ не въ духѣ. Убѣдившись что Анна Сильвестеръ законная жена Джозфри Деламена, онъ неизбѣжно пришелъ къ заключенію что у нея нѣтъ другаго исхода изъ этого положенія кромѣ смерти Деламена. Эта мысль не покидала его куда бы онъ ни пошелъ, что бы онъ ни дѣлалъ, какъ онъ ни старался думать о чемъ-нибудь другомъ. Онъ взглянулъ на широкую песчаную дорожку, съ сознаніемъ что бѣгъ имѣеть для него тайный интересъ, невыразимо неприятный. Онъ попробовалъ возобновить разговоръ съ докторомъ, съ намѣреніемъ поговорить о чемъ-нибудь не касающемся бѣга. Усиліе было безуспѣшно. Вопреки самому себѣ, онъ заговорилъ о предстоящемъ состязаніи.

— Сколько круговъ должны они пробѣжать? спросилъ онъ.

Мистеръ Спидвель показалъ на человѣка приближавшагося къ нимъ въ эту минуту.

— Вотъ этотъ джентльменъ отвѣтитъ вамъ, сказалъ онъ.

— Вы его знаете?

— Онъ мой пациентъ.

— Кто онъ?

— Послѣ двухъ соперниковъ, онъ здѣсь главное лицо. Онъ беспорный авторитетъ,—судья надъ соперниками.

Джентльменъ о которомъ шла рѣчь былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ преждевременными морщинами и преждевременною сѣдиной, съ отрывистымъ разговоромъ и рѣзкими манерами.

— Одинъ кругъ содержитъ четыреста сорокъ ярдовъ, сказалъ онъ, когда докторъ повторилъ ему вопросъ сэръ-Патрика.— Иными словами, чтобъ избавить васъ отъ ариѳметики, кругъ есть четверть мили. Соперники должны пробѣжать шестнадцать круговъ. Чтобъ опять избавить васъ отъ ариѳметики, скажу вамъ прямо что они должны пробѣжать четыре мили,—пространство безпримѣрной длины въ подобныхъ состязаніяхъ.

— Скороходы по профессіи, кажется, могутъ пробѣжать больше четырехъ миль.

— Гораздо больше,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

— Долговѣчные ли они люди?

— Нѣтъ. Немногіе доживаютъ до старости.

Мистеръ Спидвель взглянулъ на сэръ-Патрика. Сэръ-Патрикъ обратился съ вопросомъ къ судѣ.

— Вы сейчасъ сказали что два молодые человека предпринимаютъ бѣгу безпримѣрной длины. Увѣрены ли люди которые могутъ судить объ этомъ что они способны выдержать такое трудное испытаніе?

— Судите сами. Вотъ одинъ изъ нихъ.

Онъ указалъ на лавильюна. Въ ту же минуту раздался оглушительный взрывъ рукоплесканій безчисленной толпы. Флитвудъ, герой Сѣвера одѣтый въ розовое, сошелъ со ступенекъ лавильюна.

Молодой, развязный и изящный, съ гибкой силой выражавшейся въ каждомъ движеніи его членовъ, съ веселой улыбкой на молодомъ, энергичномъ лицѣ, герой сѣвера однимъ взглядомъ побѣдилъ женскія сердца. Со всѣхъ сторонъ послышались восторженныя одобренія женщинъ. Мущины были хладнокровнѣе, въ особенности люди знакомые съ дѣломъ. Ихъ занималъ важный вопросъ: „не слишкомъ ли изящень Флитвудъ? Выдержанъ превосходно, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, но не слишкомъ ли онъ выдержанъ для четырехъ-мильного бѣга?“

Герой сѣвера вошелъ въ ограду въ сопровожденіи своихъ друзей, сторонниковъ и учителя. Послѣдній несъ въ рукахъ оловянную кружку.

— Холодная вода, объяснилъ судья.—Если онъ начнетъ изнемогать, учитель вспрыснетъ его водой.

Новый взрывъ рукоплесканій огласилъ арену: Деламень, герой Юга, одѣтый въ желтое, предсталъ взорамъ публики.

Оглушительный шумъ голосовъ усиливался по мѣрѣ того какъ Деламень приближался къ центру обширнаго зеленого луга. Преобладающимъ чувствомъ минуты было удивленіе при видѣ необыкновеннаго контраста между соперниками. Деламень былъ головою выше Флитвуда и значительно шире его. Женщины, лѣтвившіяся свободными манерами и веселой улыбкой Флитвуда, были поражены мрачной силой представителя Юга, когда онъ медленно шелъ впередъ, опустивъ голову, нахмутивъ брови, не обращая вниманія на рукоплесканія, которыми его осыпали, не замѣчая обращенныхъ на него взглядовъ, не говоря ни съ кѣмъ, замкнувшись въ самомъ себѣ.

Люди знакомые съ дѣломъ смотрѣли на него съ напряженнымъ вниманіемъ. Вотъ она прославленная „выносливость“, которая покажетъ себя въ послѣдней страшной миле бѣга, когда быстрый, красивый Флитвудъ истощитъ всю свою силу. До пубрики дошли слухи что приготовленіе Деламена къ бѣгу шло несомнѣнно хорошо. Теперь, когда всѣ увидали его, сужденіе о немъ свѣдущихъ лицъ было совершенно противоположно сужденію объ его соперникѣ. Сомнѣвались достаточно ли выдержитъ Деламень. Но его замѣчательная сила, медленная, плавная какъ у тигра походка, и главное, его славная репутація въ атлетическомъ мірѣ произвели свое дѣйствіе. Большинство, которое съ случайными колебаніями было до сихъ поръ на его сторонѣ, осталось и теперь на его сторонѣ: „Флитвудъ хорошъ для болѣе короткихъ разстояній, но для четырехъ-мильного бѣга Деламень лучше.“

— Какъ вы думаете, замѣтилъ онъ насъ? спросилъ сэръ Патрикъ доктора.

— Онъ никого не видитъ.

— Можете вы судить отсюда о состояніи его здоровья?

— У него вдвое больше мускульвой силы чѣмъ у его соперника. Его грудная полость и члены великолѣпны. Я не могу судить о состояніи его здоровья, потому что не вижу ясно его лица.

Разговоръ въ публикѣ началъ стихать, и скоро воцарилось опять безмолвіе ожиданія. Всѣ лица имѣвшія официальное отношеніе къ бѣгу собрались въ кучку на дугу. Между ними былъ Перри, съ кружкой въ рукахъ. Онъ съ жаромъ толковалъ шелотомъ съ своимъ клиентомъ, напутствуя его послѣдними совѣтами. Докторъ Деламена, оставивъ ихъ вдвоемъ, подошелъ засвидѣтельствовать почтеніе своему славному собрату, мистеру Спидвелю.

— Какъ чувствовалъ себя мистеръ Деламень съ тѣхъ поръ какъ я видѣлъ его въ Фальгамѣ? спросилъ мистеръ Спидвель.

— Превосходно. Вы видѣли его въ одинъ изъ его дурныхъ дней. Онъ дѣлалъ чудеса въ послѣдніе два дня.

Тайно докторъ сдѣлалъ то же самое что сдѣлалъ Перри. Онъ взялъ пари за соперника Деламена. Явно онъ держался своего цвѣта. Окинувъ презрительнымъ взглядомъ Флитвуда, онъ говорилъ безъ малѣйшаго колебанія: „конечно.“

Въ эту минуту разговоръ ихъ былъ прерванъ внезапнымъ

движеніемъ въ оградѣ. Соперники пошли къ мѣсту отправленія. Наконецъ наступила минута начала бѣга.

Они остановились плечо съ плечомъ, каждый поставивъ ногу на черту. Выстрѣлъ изъ пистолета далъ сигналъ къ началу. Въ ту же секунду они двинулись впередъ.

Флитвудъ тотчасъ же обогналъ Деламена ярда на два или на три. Въ такомъ разстояніи они пробѣжали первый кругъ, второй и третій, оба сберегая силу, оба сопровождаемые нетерпѣливыми взглядами всѣхъ присутствующихъ. Учителя, съ кружками въ рукахъ, бѣгали взадъ и впередъ по луку на встрѣчу своимъ кліентамъ и взглядывали пристально на ихъ лица. Должностные люди стояли группой, слѣдя съ напряженнымъ вниманіемъ за соперниками. Докторъ Деламена не отставалъ отъ мистера Спидвеля и сэръ-Патрика, и объяснялъ имъ бѣгъ.

— Первую милю стоить смотрѣть только для того чтобы видѣть ихъ „стиль“, сэръ.

— Вы хотите сказать что они еще не напрягаютъ силъ?

— Нѣтъ еще. Собираются съ духомъ и расправляютъ ноги. Какъ красиво бѣжить Флитвудъ, сэръ, не правда ли? Ноги держать лучше чѣмъ нашъ, и пятки поднимаетъ не такъ высоко. Его техника лучше, съ этимъ я согласенъ. Но замѣтите который изъ нихъ бѣжитъ тверже по прямой линіи? Вотъ чѣмъ Деламень осилитъ его. У нашего шагъ тверже, сильнѣе, увѣреннѣе. Вы увидите что я правъ, когда они пробѣгутъ половину пути.

Такъ распространялся докторъ о различіи „стилей“, въ выраженіяхъ свисходительно примѣненныхъ къ пониманію людей незнакомыхъ съ условными выраженіями бѣга.

Во время четвертаго круга, послѣдняго круга первой мили, произошла первая перемѣна въ относительномъ положеніи соперниковъ. Деламень вдругъ обогналъ. Флитвудъ при этомъ только улыбнулся. Деламень бѣжалъ впереди до половины пятаго круга, когда Флитвудъ, по знаку своего учителя, ускорилъ шаги. Онъ въ одну минуту обогналъ Деламена, и бѣжалъ впереди до конца шестаго круга. Въ началѣ седьмаго, Деламень въ свою очередь ускорилъ шаги. Нѣсколько минутъ они бѣжали рядомъ. Потомъ Деламень началъ обгонять понемногу, вершокъ за вершокъ и обогналъ, при громѣ рукопесканий сторонниковъ Юга.

— Деламень начинаетъ, кажется, осилить, сказалъ сэръ Патрикъ.

Услыхавъ это, докторъ Деламена пзмѣнилъ себя. Заразившись возрастающимъ одушевленіемъ толпы, онъ выдалъ правду.

— Погодите, сказалъ онъ. — Флитвудъ съ умысломъ дастъ ему обогнать себя. Онъ хочетъ посмотрѣть на что способенъ Деламень.

— Хитрость, какъ видите, сэръ-Патрикъ, играетъ не послѣднюю роль въ мужественныхъ забавахъ, сказалъ мистеръ Спидвель спокойно.

Въ концѣ седьмага круга, Флитвудъ оправдалъ предсказаніе доктора. Онъ обогналъ Деламена какъ стрѣла изъ лука. Въ концѣ восьмага круга, онъ былъ впереди Деламена на два ярда. Половина бѣга была окончена въ десять минутъ тридцать три секунды.

Въ концѣ девятого круга, Деламень началъ обгонять, и очутился опять впереди. Такъ они бѣжали до конца десятого круга. Въ началѣ одиннадцатаго Флитвудъ поднялъ торжественно руку, и съ возгласомъ: „ура Сѣверу!“ обогналъ Деламена. „Ура Сѣверу!“ повторили зрители. По мѣрѣ того какъ соперники приближались къ концу, росло и возбужденіе толпы, слѣдившей за ними.

Двѣнадцатый кругъ Флитвудъ пробѣжалъ на шесть ярдовъ впереди Деламена. Сторонники Сѣвера поощряли его торжествующими криками; сторонники Юга отвѣчали имъ насмѣшками. Въ началѣ слѣдующаго круга, Деламень уменьшилъ пространство отдѣлявшее его отъ соперника. Въ началѣ четырнадцатаго, они бѣжали рядомъ. Еще нѣсколько ярдовъ, и Деламень обогналъ, при руколещканіяхъ всей публики. Еще нѣсколько ярдовъ, и Флитвудъ догналъ его, обогналъ, опять отсталъ, обогналъ опять, и въ концѣ круга остался назади. Возбужденіе толпы дошло до высочайшаго градуса, когда соперники, съ багровыми лицами, задыхаясь, попеременно обгоняли другъ друга. Въ одно и то же время слышались проклятія и руколещканія. Когда начался предпоследній кругъ, женщины поблѣднѣли, а мужчины стиснули зубы.

Въ началѣ пятнадцатаго круга, Деламень былъ впереди, но вдругъ Флитвудъ выдалъ причину своего неровнаго бѣга въ предыдущемъ кругѣ, промелькнувъ мимо своего соперника — первый разъ во время бѣга съ высочайшею степенью своей скорости. Всѣ зрители поняли что онъ добровольно позволилъ Деламену обгонять себя, чтобъ истощить его силу, и только въ первый разъ серіозно обогналъ его. Деламень

сдѣлалъ усиліе, отчаянное усиліе, возбудившее въ публикѣ бѣшеный энтузіазмъ. Между тѣмъ какъ голоса ревѣли, платки и шляпы развѣвались въ воздухъ, и побѣда была еще сомнительна, мистеръ Спидвелъ взялъ сэръ-Патрика за руку.

— Будьте готовы, сказалъ онъ.—Все кончено.

Въ эту минуту, Деламень закачался на дорожкѣ. Перри вспрыснулъ его водой. Онъ собрался съ силой, и сдѣлалъ еще шага два, закачался опять, поднимая руку ко рту, съ бѣшенымъ крикомъ впился зубами, какъ дикій звѣрь, въ собственное тѣло, и упалъ безъ чувствъ на землю.

Хаосъ звуковъ послѣдовалъ за его паденіемъ. Крики ужаса сливались съ криками торжества сторонниковъ Сѣвера, когда ихъ герой побѣждалъ не слѣдша къ неоспоримой уже побѣдѣ. Толпа вломилась въ огороженное мѣсто. Среди шума и толкотни, Деламень былъ перенесенъ на траву, въ сопровожденіи его доктора и мистера Спидвеля. Въ ужасную минуту, когда мистеръ Спидвелъ положилъ руку на его сердце, мимо нихъ пробѣжалъ Флитвудъ, который съ помощью своихъ друзей и полиціи, очищавшихъ ему дорогу, оканчивалъ шестнадцатый и послѣдній кругъ бѣга.

Умеръ несчастный, или онъ въ обморокѣ? Всѣ ждали устремивъ глаза на доктора.

Мистеръ Спидвелъ поднималъ голову и велѣлъ привести воды, чтобъ облить больному голову, и вина, чтобы налить ему въ ротъ. Онъ возвращался къ жизни, онъ пережилъ бѣгъ. Когда его подымали съ земли, чтобъ перенести въ лавальионъ, раздавался послѣдній, оглушительный взрывъ рукоплеканій, приветствовавшій побѣду Флитвуда.

Сэръ-Патрикъ былъ единственный человѣкъ изъ постороннихъ, которому (по просьбѣ мистера Спидвеля) позволили войти въ лавальионъ. Когда онъ поднимался по лѣстницѣ, кто-то дотронулся до его руки. Обернувшись, онъ увидалъ капитана Ньюендина.

— Ручаются доктора за его жизнь? спросилъ капитанъ. — Племянница моя очень безпокоится.

Мистеръ Спидвелъ, услышавшій вопросъ, отвѣчалъ съ верхней ступеньки лѣстницы.

— Въ настоящее время онъ живъ.

Поблагодаривъ его, капитанъ исчезъ.

Они вошли въ лавальионъ. Здѣсь, подъ руководствомъ мистера Спидвеля, были употреблены всѣ необходимыя средства.

чтобъ привести въ чувство Деламена. Побѣжденный атлетъ,— по наружности неподвижная масса силы, величественная даже въ своемъ паденіи,—внутренно былъ слабѣ мухи, жужжавшей на окнѣ. Мало-по-малу онъ пришелъ въ чувство. Солнце садилось, начинало смеркаться. Мистеръ Слидвель отозвалъ Перри въ уголъ комнаты.

— Черезъ полчаса, а можетъ-быть и скорѣе, его можно будетъ перевезти домой. Гдѣ его родные? У него есть, кажется, братъ.

— Его братъ въ Шотландіи, сэръ.

— Отецъ?

Перри покачалъ головой.

— Съ отцомъ, насколько мнѣ извѣстно, онъ не въ ладу.

Мистеръ Слидвель обратился къ сэръ-Патрику.

— Знаете вы сколько-нибудь его семейныя отношенія?

— Очень мало. Но то что вамъ сказалъ сейчасъ этотъ человекъ, кажется, справедливо.

— Мать его жива?

— Да.

— Я самъ напущу ей. Между тѣмъ кто-нибудь долженъ же отвезти его домой. У него здѣсь много товарищей. Гдѣ они?

Говоря это, онъ выглянулъ въ окно. Вокругъ лавильюна собралась толпа ожидавшая извѣстій. Мистеръ Слидвель посоветовалъ Перри пойти поискать въ толпѣ знакомыхъ Деламена. Перри покачалъ головой.

— Что же вы не идете? спросилъ докторъ рѣзко. — Вѣдь вы вѣроятно видали его друзей?

— Они едва ли теперь здѣсь.

— Почему вамъ такъ кажется?

— Они держали за него большія пари, сэръ, и проиграли.

Вопреки этому доводу, мистеръ Слидвель настоялъ чтобъ Перри пошелъ и искалъ въ толпѣ друзей Деламена. Вернувшись, Перри объявилъ:

— Вы правы, сэръ. Я нашелъ нѣсколько человекъ его товарищей. Они хотятъ видѣть его.

Введите двоихъ или троихъ.

Трое вошли, поглядѣли, выразили сожалѣніе въ рѣзкихъ выраженіяхъ, и обратились съ вопросомъ къ мистеру Слидвелю.

— Мы хотѣли видѣть его. Что съ нимъ?

Здоровье его разстроено.

— Фдствіе дурнаго приготовления?

— Вслѣдствіе атлетическихъ упражненій.

— О? Благодарю васъ. Прощайте.

И они убѣжали отъ мистера Сливеля, какъ стадо барановъ отъ собаки. Ихъ не успѣли даже спросить не хотятъ ли она отвезти его домой.

— Я не оставлю его, сэръ, сказалъ Перри, — можете положить на меня.

— Я тоже поѣду съ нимъ и не оставлю его, пока не уложу въ постель, сказалъ докторъ Деламена.

Только эти два человѣка, обезпечившіе свои лари за него, согласились позаботиться о немъ.

Они вернулись всѣ вмѣстѣ къ дивану гдѣ онъ лежалъ. Его налитые кровью глаза искали чего-то съ сосредоточеннымъ, утомленнымъ выраженіемъ. Онъ взглянулъ на своего доктора, и тотчасъ же отвернулся отъ него. Взглянулъ на мистера Сливеля, и остановилъ на немъ долгій, пристальный взглядъ. Мистеръ Сливель наклонился къ нему.

— Вы хотите сказать что-то?

Онъ спросилъ, съ трудомъ произнося слова прерывистымъ голосомъ:

— Я умру?

— Надѣюсь что нѣтъ.

— Вы ручаетесь?

— Нѣтъ.

Онъ началъ опять озираться, и остановилъ глаза на своемъ учителѣ. Перри нагнулся къ нему.

— Чтò я могу сдѣлать для васъ, сэръ?

Онъ отвѣчалъ, останавливаясь послѣ каждого слова:—мой... сюртукъ.... карманъ.

— Вотъ этотъ, сэръ?

— Нѣтъ.

— Этотъ?

— Да. Книжка.

Перри ощупалъ карманъ и вынулъ записную книжку.

— Чтò сдѣлать съ ней, сэръ?

— Дайте прочесть.

Перри развернулъ книжку на послѣдней исписанной страницѣ. Деламень съ нетерпѣніемъ заворочалъ головой. Онъ очевидно, не могъ разобрать имъ самимъ написаннаго.

— Не прочесть ли мнѣ, сэръ?

— Да.

Перри прочелъ одну за другой три записки, безъ всякаго результата; всѣ счета по нимъ были честно окончены. Выслушавъ четвертую, больной сказалъ „довольно“. Это было пари, рѣшеніе котораго зависѣло еще отъ будущаго, пари которое Джофри предложилъ въ Виндигетсѣ вопреки мѣшью доктора и по которому онъ обязался грести на весенней университетской гонкѣ лодокъ.

— Что же надо сдѣлать, сэръ?

Онъ собрался съ силами и отвѣчалъ, останавливаясь послѣ каждаго слова:

— Налитиште... брату... Юлю... Заллатить. Арнольдъ... выиграть....

Его торжественно поднятая при этихъ словахъ рука упала. Онъ закрылъ глаза и впалъ въ тяжелый сонъ. Отдайте ему справедливость. Хотя онъ и негодяй, но отдайте ему справедливость. Въ страшную минуту, когда жизнь его висѣла на волоскѣ, онъ вспомнилъ объ единственномъ долгѣ чести, который признается людьми его разряда и племени, — о долгѣ проиграннаго пари.

Отправивъ Джофри на его квартиру, мистеръ Спиддель и сэръ-Патрикъ отправились домой вмѣстѣ. У калитки они увидѣли Арнольда Бринкворта. Онъ скрылся въ толгу и вернулся домой одинъ. Разлука съ Бланкой измѣнила его характеръ. Онъ просилъ чтобы, до тѣхъ поръ пока онъ не соединится опять съ женой, его оставили въ покоѣ и не мѣшали ему выносить разлуку какъ ему угодно.

Сэръ-Патрикъ, освободившись отъ неприятнаго чувства, мѣшавшаго ему говорить во время бѣга, предложилъ доктору, на обратномъ пути, вопросъ вертѣвшійся у него на языкѣ съ той минуты когда Джофри упалъ.

— Я не могу понять, сказалъ онъ, — почему вы такъ беспокоились о Деламентѣ, когда увидали что это только обморокъ? Развѣ это не простой обморокъ?

— Отъ васъ не для чего скрывать истину, сказалъ мистеръ Спиддель. — Ему угрожаетъ апоплексическій ударъ.

— Вы подразумѣвали апоплексическій ударъ, когда говорили съ нимъ въ Виндигетсѣ?

— Да, я замѣтилъ это по его лицу, и предостерегъ его. Въ этотъ я не ошибся. Я ошибся въ оцѣнкѣ жизненной силы которую онъ обладаетъ. Когда онъ упалъ, я былъ увѣренъ что найду его мертвымъ.

— Можетъ-быть у него наследственный параличъ? Съ отцомъ недавно былъ ударъ.

Мистеръ Слывдвель улыбулся.

— Наслѣдственный параличъ, повторилъ онъ. — Человѣкъ этотъ феноменъ здоровья и силы. Наслѣдственный параличъ поразилъ бы его не раньше какъ лѣтъ черезъ тридцать. И атлетическія упражненія всему виною.

Сэръ-Патрикъ рѣшился дать совѣтъ.

— Съ вашею репутаціей, сказалъ онъ, — вамъ слѣдовало (обнародовать это, въ предостереженіе другимъ.

— Мое предостереженіе не принесло бы никакой пользы. Деламенъ не первый пострадалъ отъ усиленнаго потрясенія жизненныхъ органовъ. Публика имѣетъ счастливую способность забывать такіе случаи. Она въ отвѣтъ указала бы мнѣ на его соперника, услѣдивъ выдержавшаго испытаніе.

Будущность Анны не выходила изъ головы сэръ-Патрику. Онъ спросилъ можно ли надѣяться на выздоровленіе Джоффри.

— Онъ никогда не выздоровѣетъ вполнѣ, отвѣчалъ мистеръ Слывдвель. — Ему будетъ всегда угрожать параличъ. Долго ли онъ проживетъ, я не могу опредѣлить. Многое зависитъ отъ него самого. Въ его положеніи, какая-нибудь неосторожность или сильное волненіе можетъ убить его въ одну минуту.

— Если не случится ничего особеннаго, сказалъ сэръ-Патрикъ, — скоро ли будетъ онъ въ состояніи встать съ постели и выйти изъ дома?

— Скоро.

— Я знаю что онъ обѣщавъ быть въ одномъ домѣ въ субботу, послѣ завтра. Можно ли надѣяться что онъ будетъ въ состояніи исполнить свое обѣщаніе?

— Очень можно.

Сэръ-Патрикъ не сказалъ болѣе ни слова. Ему вспомнилось лицо Анны въ достопамятную минуту, когда онъ объявилъ ей что она жена Джоффри Деламена.

КОНЕЦЪ ТРИНАДЦАТОЙ СЦЕНЫ.

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.—ПОРТЛЕНДЪ.

Г Л А В А XLVI.

Шотландскій бракъ.

Пришла суббота, третьяго октября, день въ который предполагается бракъ Арнольда съ Анной Сильвестеръ долженъ былъ быть подвергнутъ изслѣдованію.

Около двухъ часовъ пополудни, Бланка и мачиха ея вошли въ гостиную лондонскаго дома леди Лунди, въ Портлендѣ.

Со вчерашняго вечера погода измѣнилась къ худшему. Дождь шелъ безпрерывно. Видъ изъ окна на пустынный Портлендъ былъ въ высшей степени унылъ. Мрачные дома на противоположной сторонѣ были всё пусты. На мостовой лежала непроходимая грязь. Колотъ смѣшивалась съ падающимъ дождемъ и усиливала мрачность поднимавшагося тумана. Пѣшеходы и экипажи рѣдко нарушали гробовую тишину улицы. Даже шарманки безмолвствовали и бродячія собаки слишкомъ промокли чтобы лаять. Отвернувшись отъ окна и взглянувъ на парадную комнату леди Лунди, всякій согласился бы что видѣнное уныніе болѣе чѣмъ гармонировало съ уныніемъ комнаты. Леди Лунди не предполагала жить зиму въ своей лондонской резиденціи, и на время короткаго посѣщенія хозяйки не сочла нужнымъ измѣнить положеніе вещей въ домѣ. Мебель была покрыта темно-коричневыми чехлами. Люстры скрывались въ большихъ мѣшкахъ. Часы показывали часъ когда ихъ остановили два мѣсяца тому назадъ. На угловыхъ столахъ, въ другое время ломившихся подъ различными украшеніями, теперь не было ничего кромѣ чернилъ, перьевъ и бумаги, приготовленныхъ для предстоящаго слѣдствія. Воздухъ въ домѣ былъ затхлый; тишина невозмутимая. Только одна унылая горничная какъ привидѣніе посѣщала верхній этажъ дома. Только одинъ унылый слуга, должность котораго состояла въ томъ чтобы впускать посѣтителей, пользовался удобеніемъ нижней области дома. Въ гостиной, леди Лунди и Бланка не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Каждая ждала, углубившись въ свои собственные мысли, появленія особъ до которыхъ касалось предстоящее слѣдствіе. Ихъ положеніе было печальною пародіей на положеніе двухъ женщинъ которыя дають вечеръ и спятъ въ ожиданіи прибытія гостей. Неуже-

ли ни одна изъ нихъ не замѣчала этого? Или, можетъ-быть замѣчал, онѣ не хотѣли сознаться въ своемъ смѣшномъ положе-
женіи? Кто любитъ сознаваться въ такихъ вещахъ? Въ жизни не мало случаевъ когда мы могли бы смѣяться сквозь слезы но только дѣти осмѣливаются слѣдовать своему побужденію. Въ человѣческомъ существованіи насмѣшка надъ серьезнымъ такъ нераздѣльна съ серьезною дѣйствительностію что только самоуваженіе удерживаетъ насъ отъ смѣха въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ жизни. Обѣ женщины ожидали предстоящаго слѣдствія съ подобающею случаю торжественностію. Безмолвная горничная беззвучно впрорхнула наверхъ. Безмолвный слуга ждалъ неподвижно въ нижней области дома. Улица была пустыней. Домъ былъ могилой.

Церковные часы пробили два.

Въ эту минуту пріѣхалъ первый изъ ожидаемыхъ посѣтителей.

Леди Лунди ждала спокойно открытія дверей гостиной. Бланка вздрогнула. Не Арнольдъ ли? Не Анна ли?

Дверь отворилась, и Бланка вздохнула свободнѣе. Вошелъ повѣренный леди Лунди, приглашенный защищать интересы ея свѣтлости. Онъ былъ одинъ изъ обширнаго класса чистыхъ механическихъ и въ высшей степени посредственныхъ дѣятелей въ юридической профессіи, которые, съ развитіемъ цивилизаціи, по всей вѣроятности будутъ замѣнены машинами. Онъ оказалъ свою долю пользы, измѣнивъ положеніе столовъ и стульевъ, такъ чтобы вполне разобщить состояющіеся партіи, и въ то же время попросилъ леди Лунди не забывать что онъ не имѣетъ никакого понятія о шотландскомъ законѣ и будетъ присутствовать только въ качествѣ друга. Сдѣлавъ свое дѣло, онъ сѣлъ къ окну и принялся смотрѣть съ безмолвнымъ интересомъ на дождь, будто дождь былъ такимъ явленіемъ природы котораго онъ еще не имѣлъ случая видѣть.

Слѣдующій энонокъ былъ предвѣстникомъ прибытія особы совершенно другаго рода. „Калитанъ Ньюендинъ,“ возвѣстивъ унылый слуга.

Вопреки, повидимому, обстоятельствамъ, вопреки природѣ, калитанъ сдѣлалъ еще шагъ назадъ, къ золотымъ днямъ своей юности. Онъ былъ раскрашенъ и наваченъ, причесанъ и одѣтъ такъ чтобы олицетворять собою отвлеченное представленіе человѣческаго существа мужескаго рода, двадцати пяти лѣтъ, въ полномъ цвѣтѣ здоровья и силы. Въ

области талии была нѣкоторая принужденность, и недостава-ло твердости въ вѣкахъ и подбородкѣ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ калитанъ былъ дѣйствительно олицетвореніемъ двадцати лѣти, или по крайней мѣрѣ тридцати пяти-лѣт-наго возраста, вопреки истинѣ, приписывавшей ему семьде-сять лѣтъ. Съ цвѣткомъ въ петлицѣ сюртука, съ изящною тросточкой въ рукахъ, живой, розовый, улыбающійся, наду-шенный,—калитанъ своимъ появленіемъ прояснилъ унылую комнату. Онъ вошелъ какъ праздный молодой человекъ, при-ѣхавшій съ утреннимъ визитомъ. Присутствіе Бланки замѣт-но удивило его. Леди Лунди сочла долгомъ дать объясненіе.

— Падчерица моя пришла сюда вопреки моимъ мольбамъ и совѣтамъ. Сюда явятся особы которыхъ ей, по моему мнѣ-нію, не слѣдуетъ видѣть. Здѣсь будутъ сдѣланы разоблаченія которыхъ молодой женщиной не слѣдуетъ слышать. Она на-стояла на своемъ, калитанъ Ньюендинъ, и я принуждена по-кориться.

Калитанъ пожалъ плечами, и показалъ свои прекрасные зубы.

Предстоящее слѣдствіе было такъ важно для Бланки что она не сочла нужнымъ сказать что-нибудь въ свое оправда-віе, и какъ будто даже не слыхала словъ маичихи. Повѣрен-ный продолжалъ смотрѣть съ сосредоточеннымъ вниманіемъ на интересное зрѣлище падающаго дождя. Леди Лунди спро-сила о мистрисъ Гленармъ. Калитанъ, въ отвѣтъ, описалъ тре-вогу своей племянницы, какъ что-то такое.... такое.... такое.... словомъ, какъ что-то такое что могло быть передано только покачиваніемъ его душистыхъ кудрей и волнообразнымъ дви-женіемъ изящной тросточки. Мистрисъ Деламень осталась съ ней до возвращенія дяди.—Гдѣ Юлій?—Юлія задержали въ Шотландіи выборы.—Гдѣ лордъ и леди Гольчестеръ?—Лордъ и леди Гольчестеръ объ этомъ ничего не знаютъ.

Опять звонокъ. Блѣдное лицо Бланки поблѣднѣло еще бо-лѣе. Не Арнольдъ ли? Не Анна ли? Послѣ довольно долгаго промежутка, вошелъ слуга и объявилъ: „Мистеръ Джофри Де-ламень и мистеръ Мой.“

Джофри вошелъ медленно, поклонился двумъ дамамъ и не замѣтилъ мушницъ. Лондонскій повѣренный оторвался на мигъ отъ увлекательнаго зрѣлища дождя, и показалъ ново-прибывшимъ назначенныя имъ мѣста. Джофри сѣлъ, не оки-нувъ даже взглядомъ комнату. Облокотившись локтями на

колѣни, онъ началъ обводить своею толстою, дубовою лапкою узоръ ковра. Лицо его съ отвисшими губами выражало лояное равнодушіе. Проигрышъ бѣга и сопровождавшія его обстоятельства сдѣлали его тулѣе и мрачнѣе чѣмъ онъ былъ прежде.

Калиганъ пошелъ къ нему чтобы поговорить съ нимъ, и остановился на полдорогѣ, поколебался, раздумалъ и обратился къ мистеру Мою.

Адвокатъ Джофри, Шотландецъ здороваго, дѣятельнаго общепитательнаго тѣла, охотно вступилъ въ разговоръ съ капитаномъ. Въ отвѣтъ на вопросъ капитана, онъ объявилъ что свидѣтели (мистрисъ Инчбаръ и Бишорригсъ) будутъ ждать внизу, пока ихъ не потребуютъ.—Трудно ли было отыскать ихъ?—Нисколько. Мистрисъ Инчбаръ нашли, конечно, въ ея гостиницѣ. Навели справки о Бишорригсѣ, и оказалось что онъ уже помирился съ хозяйкой и занялъ опять въ ея гостиницѣ мѣсто главнаго слуги. Разговоръ капитана и мистера Моея, начатый такимъ образомъ, продолжался свободно и остроумно. Только ихъ голоса и нарушали тишину ужасныхъ минутъ ожиданія послѣдняго звонка.

Наконецъ раздался звонокъ. Теперь уже не могло быть сомнѣнія кто войдетъ въ комнату. Леди Лунди схватила руку Бланки, изъ опасенія чтобы она, подъ вліяніемъ минутнаго лобужденія, не сдѣлала какой-нибудь глупости. Бланка въ первый разъ въ жизни охотно оставила свою руку въ рукѣ мачихи. Дверь отворилась, и они вошли.

Впереди шелъ сэръ-Патрикъ, подъ руку съ Анной Сильвестеръ. За ними слѣдовалъ Арнольдъ Бриквортъ.

Сэръ-Патрикъ и Анна молча поклонились присутствующимъ. Леди Лунди отвѣтила церемонно на поклонъ сволка и не обратила ни малѣйшаго вниманія на Анну. Бланка не поднимала глазъ. Арнольдъ подошелъ къ женѣ съ протянутою рукой. Леди Лунди встала и движеніемъ руки остановила его.

— Не теперь, мистеръ Бриквортъ, сказала она своимъ спокойно-безжалостнымъ тономъ.

Арнольдъ стоялъ, не обращая на нее вниманія, и смотрѣлъ на жену. Бланка подыала на него глаза; они тотчасъ же наполнились слезами. Смуглое лицо Арнольда покрылось мертвенною блѣдностью. Онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе.

— Я не буду беспокоить васъ, сказалъ онъ тихо, и отошелъ къ столу возлѣ котораго сидѣли сэръ-Патрикъ и Анна

Сальвестеръ, въ отдаленіи отъ другихъ. Сэръ-Патрикъ подалъ ему руку съ безмолвнымъ одобреніемъ.

Единственный человѣкъ не принимавшій никакого участія, даже въ качествѣ зрителя, въ обстоятельствахъ послѣдовавшихъ за входомъ сэръ-Патрика съ его слутниками, былъ Джофри. Единственная замѣтная въ немъ черта была то что онъ не обводилъ уже палкой узоръ ковра, а ударялъ ею въ полъ. Голова его была попрежнему опущена на грудь, а смуглыя руки на колѣни. Ему надоѣло уже одно ожиданіе того, для чего онъ пришелъ.

Сэръ-Патрикъ прервалъ молчаніе. Онъ обратился къ своимъ гостямъ.

— Леди Лунди, всѣ ли особы которыхъ вы ожидали видѣть сегодня явились?

Скопившійся идъ леди Лунди воспользовался первою возможностью уязвить.

— Здѣсь всѣ кого я ожидала, отвѣчала она.—И даже болѣе чѣмъ я ожидала, прибавила она, взглянувъ на Анну.

Взглядъ не былъ возвращенъ ей, не былъ даже замѣченъ. Съ той минуты какъ Анна заняла свое мѣсто возлѣ сэръ-Патрика, она не спускала глазъ съ Бланки. Она не шевельнулась, не измѣнила своего грустнаго взгляда, услыхавъ слова ненавидящей ее женщины. Все что было прекраснаго въ этой благородной натурѣ укрѣпилось при видѣ Бланки. Когда она глядѣла на сестру своихъ прошлыхъ, забытыхъ дней, ея усталое, измученное лицо освѣтилось врожденнымъ ему прекраснымъ выраженіемъ. Всѣ мужчины (кромѣ Джофри) находившіеся въ комнатѣ смотрѣли на нее, и всѣ (кромѣ Джофри) загляли ее.

Сэръ-Патрикъ предложилъ леди Лунди второй вопросъ.

— Есть ли между нами представитель интересовъ мистера Деламена? спросилъ онъ.

Леди Лунди посоветовала ему обратиться съ этимъ вопросомъ къ самому мистеру Деламену. Джофри, не поднимая глазъ, указалъ своею большою, смуглою рукой на мистера Моа, который сидѣлъ возлѣ него.

Мистеръ Моа (занимавшій въ шотландскомъ юридическомъ сословіи положеніе соответствующее положенію англійскаго повѣреннаго по дѣламъ) всталъ и поклонился сэръ-Патрику съ уваженіемъ, какъ человѣку въ свое время славному на поприщѣ адвокатуры.

— Я повѣренный мистера Деламена, отвѣчалъ онъ, — и радуюсь, сэръ-Патрикъ, что предстоящее слѣдствіе дастъ мнѣ возможность поучиться у васъ.

Сэръ-Патрикъ возвратилъ поклонъ и комплиментъ.

— Не вамъ у меня, а мнѣ у васъ слѣдуетъ поучиться, отвѣчалъ онъ. — Я уже успѣлъ забыть все что зналъ когда-то.

Пока адвокаты обмѣнивались любезностями, леди Лудм смотрѣла на нихъ съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ.

— Позвольте, джентльмены, напомнить вамъ что мы в этомъ углу комнаты томимся ожиданіемъ, и спросить васъ когда вы намѣрены начать? сказала она.

Сэръ-Патрикъ, взглянувъ вызывающимъ взглядомъ на мистера Мой. Мистеръ Мой взглянулъ вызывающимъ взглядомъ на сэръ-Патрика. Опять формальныя любезности. На этотъ разъ вѣжливое состязаніе кому изъ двухъ ученыхъ мужей успѣть другому первое слово. Скромный мистеръ Мой упорно молчалъ, и сэръ-Патрикъ заговорилъ первый.

— Я явился сюда, началъ онъ, — въ качествѣ защитника интересовъ друга моего Арнольда Бринкворта. Позвольте мнѣ представить его вамъ, мистеръ Мой, какъ мужа моей племянницы, съ которою онъ былъ обвиняемъ, по всѣмъ правиламъ закона, семнадцатаго числа прошлаго сентября, въ церкви Святой Маргариты, въ приходѣ Гоули, въ Кентскомъ графствѣ. Я привезъ съ собою копію съ брачнаго свидѣтельства. Не угодно ли вамъ взглянуть на нее?

Мистеръ Мой вѣжливо отказался взглянуть на копію.

— Это было бы совершенно бесполезно, сэръ-Патрикъ. Я допускаю что названныя вами особы были обвиняемы въ названный вами день, но утверждаю что это былъ бракъ недѣйствительный. Отъ имени моего кліента, мистера Джозфа Деламена, я говорю что мистеръ Арнольдъ Бринквортъ вступилъ въ бракъ раньше семнадцатаго сентября, а именно четырнадцатаго августа, въ Шотландіи, въ мѣстечкѣ называемомъ Крегъ-Ферри, съ миссъ Анною Сильвестеръ, которая жива въ настоящее время, и, если не ошибаюсь, присутствуетъ здѣсь между нами.

Сэръ-Патрикъ представилъ Анну.

— Вотъ миссъ Сильвестеръ, мистеръ Мой.

Мистеръ Мой поклонился.

— Во избѣжаніе формальностей, сэръ-Патрикъ, не признавать ли намъ вопросъ о тождествѣ рѣшеннымъ съ обѣихъ сторонъ?

Сэръ-Патрикъ выразилъ согласіе на предложеніе своего ученаго оппонента. Леди Лунди щелкнула вѣеромъ съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ. Повѣренный леди Лунди былъ глубоко заинтересованъ. Калитанъ Ньюендинъ, закрывъ ротъ платкомъ, зѣвалъ къ услажденію своего сердца. Сэръ-Патрикъ продолжалъ:

— Вы утверждаете что мистеръ Бринквортъ женатъ на миссъ Сильвестеръ, сказалъ онъ. — Не угодно ли вамъ доказать это.

Мистеръ Мой, окинувъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ, началъ:

— Наша встрѣча здѣсь, сказалъ онъ, — имѣетъ, если не ошибаюсь, цѣль двойную. Во первыхъ, особа имѣющая большой интересъ въ исходѣ этого слѣдствія (онъ взглянулъ на калитана. Калитанъ началъ слушать внимательно) желала убѣдиться справедливо ли утвержденіе моего клиента относительно брака мистера Бринкворта. Во вторыхъ, всѣ присутствующія здѣсь особы желаютъ одинаково, — каковы бы ни были различія во мнѣніяхъ относительно другихъ пунктовъ, — избавитесь этимъ частнымъ слѣдствіемъ отъ непріятной гласности судебного слѣдствія.

При этихъ словахъ сколившись ядъ леди Лунди вылустилъ второе жало, лодъ прикрытіемъ протеста обращеннаго къ мистеру Мою.

— Позвольте мнѣ заявить отъ имени моей падчерицы, сказала она, — что мы не боимся гласности. Мы согласились присутствовать при этомъ, какъ вы выразились, частномъ слѣдствіи, сохранивъ за собой право перенести дѣло за стѣны этой комнаты. Я не знаю имѣетъ ли мистеръ Бринквортъ возможность оправдаться въ ужасномъ подозрѣніи которое лежитъ на немъ и на другой особѣ. Это дѣло второстепенной важности. Цѣль наша здѣсь, по моему мнѣнію, — если женщина позволительно имѣетъ свое мнѣніе о такихъ вещахъ, — состоитъ въ томъ чтобъ опредѣлить имѣетъ ли моя падчерица право потребовать отъ мистера Бринкворта отчетъ въ его поступкахъ, въ качествѣ его жены. Если результатъ этого слѣдствія не удовлетворитъ насъ въ этомъ отношеніи, мы не задумаемся обратиться въ судъ.

Сказавъ это, она откинулась на спинку кресла, раскрыла вѣеръ и оглянула присутствующихъ взглядомъ женщины вы-

звѣщающей обществу быть свидѣтелемъ что она исполнила свой долгъ.

Выраженіе страданія пробѣжало по лицу Бланки во время словъ мачихи. Леди Лунди взяла опять ея руку. Бланка рѣшительно и съ досадою отняла руку. Сэръ-Патрикъ замѣтилъ это движеніе съ большимъ интересомъ. Прежде чѣмъ мистеръ Мой успѣлъ сказать что-нибудь въ отвѣтъ, Арнольдъ привлекъ на себя общее вниманіе, неожиданно подавъ свой голосъ. Бланка взглянула на него. Ея лицо вспыхнуло, но тотчасъ же поблѣднѣло опять. Сэръ-Патрикъ и это замѣтилъ, и началъ слѣдить за нею внимательнѣе. Письмо Арнольда къ женѣ, съ помощью времени, вполнѣ уничтожило вліяніе леди Лунди на Бланку.

— Послѣ того что сказала сейчасъ леди Лунди въ присутствіи моей жены, воскликнулъ Арнольдъ съ своею юношескою прямою,—мнѣ кажется, я имѣю право сказать слово съ моей стороны. Я хочу только объяснить какъ случилось что я отправился въ Крегъ-Ферри, и пусть мистеръ Деламень опровергнетъ, если можетъ, мои слова.

При послѣднихъ словахъ, его голосъ возвысился, и глаза заблестали негодованіемъ, когда онъ взглянулъ на Джофри.

Мистеръ Мой обратился къ своему ученому оппоненту.

— Съ полнымъ уваженіемъ къ превосходству вашего сужденія, сэръ-Патрикъ, я позволю себѣ замѣтить что предложеніе молодого человѣка, по моему мнѣнію, неумѣстно при настоящемъ положеніи дѣла.

— Прошу васъ извинить меня, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ.— Вы сами назвали это слѣдствіе частнымъ слѣдствіемъ. Съ полнымъ уваженіемъ къ превосходству вашего сужденія, мистеръ Мой, я скажу что частное предложеніе не кажется мнѣ неумѣстнымъ при настоящихъ обстоятельствахъ.

Неустойчивая скромность мистера Мой уступила безъ борьбы. Но отвѣтъ сэръ-Патрика озадачилъ его. Человѣкъ съ опытностью сэръ-Патрика долженъ знать что увѣреніе Арнольда въ своей правотѣ можетъ имѣть на дѣло только то вліяніе, что безъ всякой пользы приостановить его на время. Сэръ-Патрикъ оправдалъ бесполезную приостановку. Не ищетъ ли онъ тайно какого-нибудь случайнаго обстоятельства которое помогло бы ему дать хорошій оборотъ дѣлу почти проигранному.

Получивъ разрѣшеніе говорить, Арнольдъ заговорилъ. Увѣ-

решность въ своей правотѣ слышалась въ каждомъ словѣ его разказа. Онъ передалъ подробно все что случилась съ того времени когда Джофри обратился къ нему съ просьбой о помощи въ Виндигетсѣ, и довелъ свой разказъ до той минуты когда, по порученію Джофри, онъ явился въ гостиницу Крегъ-Ферни. Тутъ сэръ-Патрикъ оставилъ его. Арнольдъ спросилъ позволять ли ему предложить Джофри подтвердить его разказъ. Сэръ-Патрикъ опять удивилъ мистера Мой, давъ согласіе и на эту неправильность. Арнольдъ обратился къ Джофри.

— Вы отвергаете что все разказанное мною истинная правда? спросилъ онъ.

Мистеръ Мой исполнилъ свою обязанность относительно своего кліента:

— Вы не обязаны отвѣчать если не желаете, сказалъ онъ.

Джофри поднялъ немедленно голову и смѣло взглянулъ въ лицо обманутому имъ человѣку.

— Я отвергаю все разказанное вами отъ перваго до послѣдняго слова, отвѣчалъ онъ вызывающимъ тономъ.

— Кончили мы теперь съ оправданіями и обвиненіями, сэръ-Патрикъ? спросилъ мистеръ Мой съ невозмутимой вѣжливостью.

Заставивъ Арнольда—не безъ труда—овладѣть собою, сэръ-Патрикъ довелъ недоумѣніе мистера Мой до высшаго градуса. По причинѣ ему одному извѣстной, онъ рѣшился усилить благоприятное впечатлѣніе которое оправданіе Арнольда очевидно произвело на Бланку.

— Я разчитываю на ваше снисхожденіе, мистеръ Мой, сказалъ онъ.—Я еще не удовольствовался оправданіями и обвиненіями.

Мистеръ Мой откинулся на спинку кресла со смѣшаннымъ чувствомъ недоумѣнія и покорности. Или разсудокъ его собрата пришелъ въ уладокъ, или собрать его имѣть въ виду какую-нибудь цѣль, до сихъ поръ еще невыяснившуюся. Второе предположеніе казалось ему правдоподобнѣе. Онъ не сталъ спорить, но благоразумно рѣшился ждать и наблюдать.

Сэръ-Патрикъ перешелъ, не стѣсняясь, отъ одной неправильности къ другой.

— Прошу мистера Мой позволить мнѣ возвратиться къ предполагаемому браку въ Крегъ-Ферни, четырнадцатаго августа, началъ онъ. Арнольдъ Бриквортъ! Отвѣчайте за себя, въ

присутствіи собравшихся здѣсь лицъ. Не было ли то что вы говорили и что вы дѣлали въ гостиницѣ слѣдствіемъ единственно желанія облегчить по возможности положеніе миссъ Сильвестеръ, и исполнить порученіе данное вамъ мистеромъ Джофри Деламеномъ? Правда ли это?

— Истинная правда, сэръ-Патрикъ.

— Въ тотъ день когда вы были въ Крегъ-Ферни, не просили ли вы у меня, за нѣсколько часовъ предъ отъѣздомъ изъ Виндигетса, позволенія жениться на моей племянницѣ?

— Просилъ, сэръ-Патрикъ, и вы позволили мнѣ.

— Съ той минуты когда вы вошли въ гостиницу, и до минуты когда вы вышли оттуда, не было ли у васъ хоть малѣйшаго намѣренія жениться на миссъ Сильвестеръ?

— Мнѣ никогда и въ голову не приходила мысль вступить въ бракъ съ миссъ Сильвестеръ.

— И вы даете въ этомъ честное слово благороднаго человѣка?

— Даю честное слово благороднаго человѣка.

Сэръ-Патрикъ обратился къ Аннѣ.

— Дѣйствительно ли было необходимо, миссъ Сильвестеръ, чтобы вы назвали себя, четырнадцатаго августа, въ гостиницѣ Крегъ-Ферни, замужней женщиной?

Анна отвернулась отъ Бланки въ первый разъ съ тѣхъ поръ какъ вошла въ комнату. Она отвѣчала сэръ-Патрику спокойно, съ готовностью и твердо, между тѣмъ какъ Бланка смотрѣла на нее и слушала ее съ горячимъ интересомъ.

— Я пришла въ гостиницу одна, сэръ-Патрикъ. Хозяйка отказала самымъ положительнымъ образомъ позволить мнѣ остаться, если я не представлю доказательства что я замужняя женщина.

— Котораго изъ двухъ джентльменовъ ждали вы въ гостиницѣ—Арнольда Бринкворта, или мистера Джофри Деламена?

— Мистера Джофри Деламена.

— Когда вмѣсто его пришелъ Арнольдъ Бринквортъ и сказалъ то что необходимо было сказать чтобы успокоить подозрительную хозяйку,—понимали ли вы что онъ поступаетъ такъ изъ сочувствія къ вашему положенію, и руководствуясь инструкціями мистера Деламена?

— Понимала, но мнѣ было непріятно что онъ ставитъ себя въ ложное положеніе ради меня.

— Было ли это вамъ непріятно потому что вы знали шот-

ландскій законъ о бракахъ, и знали въ какое положеніе особеннѣности этого закона могутъ поставить Арнольда Бринкворта?

— Я не знала шотландскаго закона. У меня было смутное сознаніе что мистеръ Бринквортъ поступаетъ неосторожно, принимая на себя фальшивую роль, и я боялась чтобы мое собственное поведеніе въ этомъ случаѣ не было перетолковано въ дурную сторону особой которую я горячо любила.

— Моей племянницей?

— Да.

— Вы обращались къ мистеру Бринкворту (зная его привязанность къ моей племянницѣ) съ просьбой чтобы онъ, ради своей невесты, оставилъ васъ.

— Да.

— А онъ, какъ честный человѣкъ обязавшійся помочь женщинѣ въ отсутствіи человѣка на помощь котораго она разчитывала, отказался оставить васъ.

— Да, онъ отказался на этомъ основаніи.

— Съ начала до конца вы не имѣли намѣренія вступить въ бракъ съ мистеромъ Бринквортомъ?

— Я отвѣчу, сэръ-Патрикъ, какъ'отвѣтилъ мистеръ Бринквортъ. Мнѣ никогда въ голову не приходила мысль вступить въ бракъ съ мистеромъ Бринквортомъ.

— И вы даете въ этомъ клятву христіанки?

— Даю клятву христіанки.

Сэръ-Патрикъ обернулся къ Бланкѣ. Ея лицо было закрыто руками. Мачиха тщетно упрашивала ее успокоиться.

Мистеръ Мой подалъ голосъ свой въ интересахъ своего кліента.

— Я не хочу, сэръ-Патрикъ, воспользоваться моимъ правомъ предлагать вопросы съ моей стороны. Я хочу только напомнить вамъ и всѣмъ присутствующимъ что все сейчасъ слышанное нами есть не болѣе какъ увѣреніе въ своей невинности со стороны двухъ особъ которыя имѣютъ прямой интересъ выйти изъ компрометирующаго ихъ положенія. Я жду возможности доказать отвергаемый ими бракъ не простымъ увѣреніемъ съ моей стороны, но показаніемъ компетентныхъ свидѣтелей.

Леди Лунди, послѣ краткаго совѣщанія съ своимъ повѣреннымъ, послѣдовала примѣру мистера Мой и протестовала въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ.

— Я хочу чтобы вы узнали, сэръ-Патрикъ, прежде чѣмъ

пойдете дальше, что я уведу отсюда мою падчерицу при первой новой попыткѣ ввести въ заблужденіе ея чувства и разумъ. У меня не хватаетъ словъ чтобы выразить вамъ мое негодованіе на вашу жестокій, неприличный способъ веденія этого свидѣвія.

Повѣренный Леди Лунди счелъ долгомъ поддержать своего кліента.

— Въ качествѣ легальнаго совѣтника ея свѣтлости, я поддерживаю протестъ сейчасъ выраженный ея свѣтлостью, сказалъ онъ.

Даже капитанъ Ньюендинъ присоединился къ общему протесту противъ сэръ-Патрика.

— Да, да! сказалъ онъ.—Совершенно справедливо. Я вполне огласенъ.

Сэръ-Патрикъ, ни мало не смущаясь, повидимому, своимъ положеніемъ, обратился къ мистеру Мою.

— Вамъ угодно представить вашихъ свидѣтелей немедленно? спросилъ онъ.—Я противъ этого ничего не имѣю, съ тѣмъ, конечно, условіемъ чтобы потомъ мнѣ предоставлено было право сказать все что я намѣренъ сказать.

Мистеръ Мой подумалъ. Оппонентъ (теперь уже въ этомъ не могло быть сомнѣнія), очевидно, имѣеть что-то въ виду. Полезнѣе будетъ дать ему высказаться, чѣмъ настаивать на чисто-формальныхъ правахъ и привилегіяхъ. Ничто не можетъ поколебать твердости положенія мистера Моего. Напротивъ, чѣмъ дольше сэръ-Патрикъ, своими неправильными дѣйствіями, задержитъ ходъ дѣла, тѣмъ сильнѣе, со всею силой контракта, подѣйствуютъ факты, переданные ожидающимися внизу свидѣтелями. Мистеръ Мой рѣшился подождать.

— Сохраняя за собою право протестовать сэръ-Патрикъ, отвѣчалъ онъ, я прошу васъ продолжать.

Къ общему удивленію, сэръ-Патрикъ обратился прямо къ Бланкѣ, и началъ намекомъ на слова Леди Лунди.

— Вы меня настолько знаете, другъ мой, чтобы быть увѣренной что я не способенъ умышленно ввести въ заблужденіе ваши чувства и вашъ разумъ. Я предложу вамъ вопросъ на который вы можете отвѣтить или не отвѣчать мнѣ, смотря по вашему благоусмотрѣнію.

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ предложить свой вопросъ, леди Лунди вступила въ споръ со своимъ повѣреннымъ. Упросивъ ея свѣтлость помолчать немного, повѣренный ея обратился

къ сэръ-Патрику и заявляя что онъ тоже сохраняетъ за собою право протестовать въ интересахъ своей клиентки.

Сэръ-Патрикъ поклонился въ знакъ согласія, и продолжалъ свою рѣчь къ Бланкѣ.

— Вы слышали оправданіе Арнольда Бринкворта и оправданіе миссъ Сильвестеръ. Мужъ любящій васъ и подруга любящая васъ лютвердили свои слова торжественными клятвами. Вспомните ваши прежнія отношенія съ ними, вспомните то что они сказали сейчасъ, и скажите мнѣ: думаете ли вы что они сказали ложь?

Бланка отвѣчала не задумавшись.

— Я вѣрю, дядя, что они сказали правду.

Ни одинъ изъ адвокатовъ не протестовалъ. Леди Лунди попыталась выразить свое мнѣніе, но въ этотъ разъ была оставлена не только своимъ адвокатомъ, но и адвокатомъ Джофри.

— Сомнѣваетесь ли вы сколько-нибудь въ честности поступковъ вашего мужа и вашей подруги теперь, когда вы слушали ихъ лицомъ къ лицу?

Бланка отвѣчала опять безъ малѣйшей сдержанности:

— Я прошу ихъ простить меня. Я очень виновата предъ вами.

Она взглянула сначала на мужа, потомъ на Анну. Арнольдъ всталъ. Сэръ-Патрикъ послѣшшо удержалъ его. — „Погодите“, шепнулъ онъ. — „Вы еще не знаете что будетъ дальше.“ Сказавъ это, онъ взглянулъ на Анну. Взглядъ Бланки проникъ въ сердце благородной, любящей женщины. Она сидѣла отвернувшись и тщетно старалась скрыть слезы своими блѣдыми, худыми руками.

Адвокаты и въ этотъ разъ не протестовали. Сэръ-Патрикъ обратился къ племянницѣ съ послѣдними словами:

— Вы вѣрите въ невинность Арнольда Бринкворта, вы вѣрите въ невинность миссъ Сильвестеръ. Вы знаете что даже мысль о бракѣ не приходила имъ въ голову въ гостиницѣ. Вы знаете что нѣтъ никакой возможности предполагать что кто-нибудь изъ нихъ согласится что бы впредь ни случилось, признать что они были когда-нибудь или могутъ быть мужемъ и женой. Довольно этого съ васъ? Согласны вы принять руку вашего мужа, возвратиться подъ покровительство вашего мужа и предоставить остальное мнѣ, повѣривъ мнѣ на слово что на основаніи случившихся фактовъ даже шотланд-

скій законъ не можетъ оправдать чудовищной клеветы о бракѣ въ Крегъ-Ферни.

Леди Лунди встала. Оба повѣренные встали. Арнольдъ сидѣлъ пораженный удивленіемъ. Даже Джофри, до сихъ поръ живоотно-равнодушный ко всему что дѣлалось вокругъ него поднималъ голову, внезапно оживившись. Среди глубокаго впечатлѣнія, подѣ которыми находились всѣ присутствующіе Бланка, отъ рѣшенія которой зависѣлъ весь дальнѣйшій ходъ слѣдствія, отвѣчала:

— Надѣюсь, дядя, что вы не сочтете меня неблагоюдарной. Я увѣрена что Арнольдъ не сдѣлалъ мнѣ умышенно никакого зла. Но я не могу возвратиться къ нему пока не буду *вполнѣ увѣрена* что я его жена.

Леди Лунди обняла падчерицу съ непритворною нѣжностію

— Дорогое дитя мое! воскликнула она.—Умно сказано, милая моя.

Сэръ-Патрикъ опустилъ голову.

— О, Бланка, Бланка, слышалъ Арнольдъ его шопотъ.— Еслибы вы знали чего вы требуете отъ меня.

Мистеръ Мой выразилъ свое мнѣніе объ отвѣтѣ Бланки.

— Я позволю себѣ замѣтить что вполнѣ одобряю рѣшеніе молодой особы. Трудно вообразить что-нибудь оласнѣе предложенія которое мы сейчасъ слышали. При всемъ уваженіи къ сэръ-Патрику Лунди, я скажу что мнѣніе его о невозможности доказать бракъ въ Крегъ-Ферни, требуетъ подтвержденія. Я самъ держусь противоположнаго мнѣнія объ этомъ вопросѣ. Другой шотландскій адвокатъ (въ Глазго) согласенъ съ моимъ мнѣніемъ. Еслибы молодая особа не поступила съ такимъ благоразуміемъ и такою осторожностію, которыя дѣлаютъ ей честь, она можетъ-быть дожила бы до дня когда была бы лишена правъ на званіе жены, и дѣти ея на наследство. Кто можетъ поручиться что впредь не случится чего-нибудь такого что заставитъ мистера Бринкворта или миссъ Сильвестеръ признать бракъ который они отвергаютъ теперь? Кто поручится что родственники, заинтересованные въ наследствѣ, не подвигнутъ вопроса о дѣйствительности кентскаго брака. Признаюсь, я завидую безграничной самонадѣянности съ которою сэръ-Патрикъ относится къ нерѣшенному вопросу закона и рѣшаетъ его въ свою пользу.

Онъ сѣлъ, среди одобрительнаго шопота, и бросилъ слегка вызывающій взглядъ на лобитаго противника. „Если и это не

засгавить его выдать свои разчеты, то другого средства я не знаю.“

Сэръ-Патрикъ поднялъ медленно голову. Онъ не былъ разраженъ: лицо его было грустно когда онъ заговорилъ.

— Я не буду, мистеръ Мой, оспаривать ваше мнѣніе. Я понимаю что мой образъ дѣйствій долженъ казаться сграницнымъ и предосудительнымъ не только вамъ, но и другимъ. Мой молодой другъ (онъ взглянулъ на Арнольда) можетъ засвидѣтельствовать что ваше мнѣніе объ опасностяхъ которыя угрожаютъ его браку съ моею племянницей было когда-то и юнымъ мнѣніемъ, и что мой образъ дѣйствій до сихъ поръ прямо противорѣчитъ совѣту который я далъ ему не такъ давно. Извините меня, если я не объясню (теперь по крайней мѣрѣ) что имѣло вліяніе на мои поступки въ этой комнатѣ. На мнѣ лежитъ безпримѣрная, чрезвычайно тяжелая отвѣтственность. Пусть это заявленіе послужитъ мнѣ оправданіемъ, если я попрошу вашего снисхожденія на послѣднюю неправильность которой я задержу окончаніе этого слѣдствія.

Одна леди Дунди не одвинула искренняго и трогательнаго достоинства, съ которыми были сказаны эти слова.

— Довольно съ насъ неправильностей, сказала она.—Я разъ навсегда объявляю что не намѣрена выносить ихъ долѣе.

Сэръ-Патрикъ терпѣливо ждалъ отвѣта мистера Мой. Шотландскій адвокатъ и англійскій адвокатъ переглянулись и полагали другъ друга. Мистеръ Мой отвѣчалъ за двоихъ:

— Мы не намѣрены, сэръ-Патрикъ, стѣснять васъ другими границами кромѣ тѣхъ которыя вы, какъ джентльменъ, сами налагаете на себя. Тѣмъ не менѣе, прибавилъ осторожный Шотландецъ,—мы опять сохраняемъ за собой право протестовать.

— Протестуете вы противъ моего намѣренія поговорить съ вашимъ клиентомъ?

— Съ мистеромъ Джофри Деламеномъ?

— Да, съ мистеромъ Джофри Деламеномъ.

Всѣ глаза обратились на Джофри. Онъ, повидимому, дремалъ, свѣсивъ свои тяжелыя руки съ колѣнъ и опершись на набалдашникъ палки.

Взглянувъ на Анну, когда сэръ-Патрикъ произнесъ имя Джофри, мистеръ Мой замѣтилъ въ ней перемѣну. Она отняла руки отъ лица и внезапно обернулась къ сэръ-Патрику. Не посвящена ли она въ тайну тщательно скрываемой причины,

руководящей дѣйствіями его оппонента? Мистеръ Мой рѣшилъ разъяснить этотъ вопросъ. Онъ движеніемъ пригласилъ сэръ-Патрика продолжать. Сэръ-Патрикъ обратился къ Джоффри

— Вы серьезно заинтересованы въ этомъ слѣдствіи, сказалъ онъ,—но до сихъ поръ вы не принимали въ немъ никакого участія. Примите въ немъ участіе теперь. Взгляните на эту женщину.

Джоффри не шевельнулся.

— Она мнѣ уже надоѣла, отвѣчалъ онъ грубо.

— Очень понятно что вамъ стыдно взглянуть на нее, сказалъ сэръ-Патрикъ спокойно.—Но вы могли бы выразить это въ болѣе приличныхъ словахъ. Вспомните четырнадцатое августа. Неужели вы отвергаете что вы обѣщали жениться таю на миссъ Сильвестеръ въ гостиницѣ Крегъ-Ферри?

— Я протестую противъ этого вопроса, вмѣшался мистеръ Мой.—Мистеръ Деламенъ не обязанъ отвѣчать на него.

Джоффри, начинавшій горячиться, искалъ случая сорвать на комъ-нибудь свою злость.

— Если захочу, такъ отвѣчу! крикнулъ онъ на своего адвоката. Онъ поглядѣлъ съ минутой на сэръ-Патрика, не поднимая подбородка съ набалдашника палки. — Отвергаю, сказалъ онъ, олутивъ глаза.

— Вы отвергаете что обѣщали жениться на миссъ Сильвестеръ?

— Отвергаю.

— Я просилъ васъ сейчасъ взглянуть на нее.

— А я сказалъ вамъ что она уже мнѣ надоѣла.

— Такъ взгляните на меня. Вы отвергаете, въ моемъ присутствіи и въ присутствіи всѣхъ находящихся здѣсь, что вы обязаны загладить бракомъ вашу вину предъ этою женщиной?

Джоффри вдругъ поднялъ голову. Его глаза остановились на минутой на лицѣ сэръ-Патрика, потомъ медленно перенеслись на Анну и засверкали яростію тигра.

— Я знаю въ чемъ состоитъ моя обязанность, сказалъ онъ.

Безграничная ненависть во взглядѣ сопровождалась свирѣлою мстительностію въ тонѣ голоса. На него страшно было смотрѣть, его страшно было слушать.

— Я откажусь, если вы не будете сдерживать себя, сказалъ ему мистеръ Мой шолотомъ.

Не отвѣтивъ, не обративъ даже вниманія на слова адвоката, Джоффри поднялъ руку и задумчиво поглядѣлъ на нее. Онъ

рошелталъ что-то про себя и сосчиталъ что-то, загнувъ попеременно три пальца руки. Потомъ остановилъ олять глаза на Аннѣ съ прежнею ненавистью во взглядѣ и обратившись прямо къ ней, съ прежнею ненавистью въ голосъ, сказалъ:

— Еслибы не вы, я былъ бы женатъ на мистрисъ Гленармъ. Еслибы не вы, я былъ бы въ хорошихъ отношеніяхъ съ отцомъ. Еслибы не вы, я выигралъ бы бѣгъ. Я знаю въ чемъ состоитъ моя обязанность. Его опущенныя руки сжались въ кулаки, голова опустилась на широкую грудь. Онъ не сказалъ болѣе ни слова.

Никто не шевельнулся, никто не произнесъ слова. Всѣ были поражены ужасомъ. Анна взглянула на Бланку. Твердость уха не оставила ее даже въ эту минуту.

Сэръ-Патрикъ всгаль. Сильное волненіе, которое онъ скрывалъ до сихъ поръ, выразилось ясно въ его лицѣ, выразилось ясно въ голосъ.

— Пойдемте въ другую комнату, сказалъ онъ.—Я долженъ поговорить съ вами немедленно.

Не замѣчая общаго удивленія, не обращая ни малѣйшаго вниманія на возраженія леди Лунди и шотландскаго адвоката, онъ взялъ Анну за руку, отворилъ створчатую дверь въ одну изъ концевъ комнаты, увелъ Анну въ слѣдующую комнату и затворилъ за собой дверь.

Леди Лунди обратилась къ своему повѣренному. Бланка встала, сдѣлала нѣсколько шаговъ, и остановилась посреди комнаты въ безмолвномъ ожиданіи, устремивъ глаза на дверь. Арнольдъ сдѣлалъ шагъ къ женѣ. Калитанъ подошелъ къ мистеру Мою.

— Что это значитъ? спросилъ онъ.

— Это значитъ что меня обманули, отвѣчалъ мистеръ Мой возмущеннымъ голосомъ.—Сэръ-Патрикъ Лунди имѣетъ какое-то доказательство, сильно компрометирующее мистера Деламана. До сихъ поръ онъ скрывалъ свое доказательство, теперь онъ вынужденъ показать его. Почему вы ничего не сказали мнѣ объ этомъ? спросилъ адвокатъ, строго обратившись къ своему клиенту.

— Я самъ не знаю что это такое, отвѣчалъ Джофри не поднимая головы.

Леди Лунди сдѣлала знакъ Бланкѣ отойти всторону, и положила къ двери. Мистеръ Мой остановилъ ее.

— Совѣтую вашей свѣтлости вооружиться терпѣніемъ. Вмѣшательство тамъ неумѣстно.

— Развѣ я не хозяйка моего дома, сэръ?

— Если не ошибаюсь, слѣдствіе въ вашемъ домѣ приходитъ къ концу. Вмѣшательствомъ вы повредите вашимъ собственнымъ интересамъ. Должны же мы наконецъ узнать въ чемъ дѣло. Не отдаляйте конца.

Леди Лунди уступила, и воротилась на свое мѣсто. Всѣ ждали молча открытія дверей.

Сэръ-Патрикъ Лунди и Анна Сильвестеръ были одни въ комнатѣ.

Онъ вынулъ изъ бокового кармана сюртука листокъ почтовой бумаги содержавшій письмо Анны и отвѣтъ Джоффри. Голова его дрожала.

— Я сдѣлалъ все что можно было сдѣлать. Я испробовалъ всѣ средства которыми надѣялся избавиться отъ необходимости показать это письмо, сказалъ онъ.

— Я съ благодарностью вижу вашу доброту, сэръ-Патрикъ. Теперь вы должны показать письмо.

Спокойствіе женщины представляло странный и трогательный контрастъ съ волненіемъ мужчины. Въ лицѣ ея не было страха, въ голосѣ не было нерѣшимости, когда она отвѣчала ему. Онъ взялъ ея руку. Два раза онъ пытался заговорить, и два раза волненіе осиливало его. Онъ молча протянулъ ей письмо.

Молча съ своей стороны она отстранила отъ себя письмо, не понимая его намѣренія.

— Возьмите его назадъ, сказалъ онъ.—Я не могу показать его. Я не смѣю показать его. Послѣ того что я видѣлъ собственными глазами, послѣ того что я слышалъ собственными ушами въ сосѣдней комнатѣ, призываю Бога во свидѣтели, я не смѣю просить васъ назваться женой Джоффри Деламена.

— Вспомните о Бланкѣ, отвѣчала она ему.

Онъ нетерпѣливо покачалъ головой.

— Даже въ интересахъ Бланки, даже для счастья Бланки не смѣю. Если въ этомъ есть какой-нибудь рискъ, я беру его на себя. Я держусь моего мнѣнія. Я считаю мой взглядъ правильнымъ. Пусть дѣло дойдетъ до суда. Я буду защищать васъ, и выиграю.

— Вы увѣрены что выиграете, сэръ-Патрикъ?

Вмѣсто отвѣта, онъ протянулъ ей письмо.

— Уничтожьте его, шеллулъ онъ.—Положитесь на мое молчаніе.

Она взяла письмо.

— Уничтожьте его, повторилъ онъ.— Они могутъ отворить дверь. Они могутъ войти каждую минуту и увидать письмо въ вашихъ рукахъ.

— Прежде чѣмъ уничтожить его, я предложу вамъ вопросъ, сэръ-Патрикъ. Бланка не хочетъ воротиться къ своему мужу пока не будетъ вполне увѣрена что онъ ей мужъ. Если я покажу это письмо, она можетъ вернуться къ нему сегодня. Если я объявлю себя женой Джоффри Деламена, Арнольдъ будетъ немедленно и навсегда освобожденъ отъ подозрѣнія въ жевитѣхъ на нѣ. Увѣрены ли вы что можете освободить его также несомнѣнно другимъ способомъ? Отвѣйте мнѣ на этотъ вопросъ, какъ честный человекъ жевитѣхъ которая вѣритъ ему безгранично.

Она глядѣла ему прямо въ лицо. Онъ опустилъ глаза предъ ея взглядомъ и молчалъ.

— Вы отвѣтили мнѣ, сказала она.

Съ этими словами, она встала и взялась за ручку двери.

Онъ удержалъ ее. Со слезами на глазахъ онъ вернулъ ее на средину комнаты.

— Зачѣмъ же ждать? спросила она.

— Подождите, хоть ради меня, отвѣчалъ онъ.

Она спокойно сѣла на ближайшій стулъ и задумчиво опустила голову на руку.

Онъ нагнулся надъ ней и вывелъ ее изъ задумчивости не терпѣливо, почти сердито. Ея непоколебимая рѣшимость приводила его въ ужасъ, когда онъ вспоминалъ о Джоффри Деламенѣ.

— Подумайте. Не поддавайтесь минутному побужденію. Не поддавайтесь подъ вліяніемъ ложнаго увлеченія. Ничто не обязываетъ васъ къ такому страшному самопожертвованію.

— Увлеченіе, самопожертвованіе, повторила она, съ грустною улыбкой, его слова.— Знаете ли, сэръ-Патрикъ, о чемъ я думала сейчасъ? О прошломъ, когда я была дѣвочкой. Я упала печальную сторону жизни раньше чѣмъ большинство дѣтей начинаютъ видѣть ее. Моя мать была жестоко покинута. Жестокій брачный законъ былъ къ ней безжалостнѣе чѣмъ ко мнѣ. Она умерла съ разбитымъ сердцемъ. Одна только подруга утѣшала ее въ послѣднія минуты и обѣщала

ей быть матерью ея ребенку. Я не могу припомнить ни одного несчастнаго дня во все время когда я жила съ этою великодушною женщиной и ея маленькою дочерью до самаго дня разлуки. Увѣжая, она предчувствовала приближающуюся смерть. Она сказала мнѣ: „Я общала вашей матери что вы будете мнѣ дочерью, и это ее успокоило. Успокойте вы меня теперь, Анна, предъ моимъ отъѣздомъ. Что бы впредь ни случилось, общайте мнѣ остаться для Бланки, какъ теперь, сестрою.“ Развѣ такіа воспоминанія ложное увлеченіе, сэръ-Патрикъ? И можетъ ли назваться жертвой что бы я ни сдѣлала для Бланки?

Она встала и протянула ему руку. Сэръ-Патрикъ молча поднесъ ее къ губамъ.

— Пойдемте, сказала она. — Ради насъ обоихъ не будемъ ждать долѣе.

Онъ отвернулся отъ нея. Теперь не время было показывать ей какъ онъ страдалъ за нее. Она ждала, положивъ руку на замокъ двери. Онъ собрался съ духомъ и рѣшился примириться съ неизбѣжнымъ. Анна отворила дверь и первая вошла въ другую комнату.

Сэръ-Патрикъ и Анна сѣли на свои мѣста, среди общаго молчанія. Стукъ экипажа, проѣхавшаго по улицѣ, произвелъ непріятное впечатлѣніе. Стукъ двери, въ нижнемъ этажѣ, заставилъ всѣхъ вздрогнуть.

Прекрасный голосъ Анны прервалъ тяжелое молчаніе.

— Должна ли я говорить сама за себя, сэръ-Патрикъ? Или вы (я прошу васъ объ этомъ, какъ о послѣдней и величайшей милости) будете говорить за меня?

— Вы настаиваете чтобъ я показалъ письмо которое вы держите въ рукахъ?

— Я рѣшилась показать его.

— И ничто не заставитъ васъ отсрочить, — насколько это зависитъ отъ васъ, — конецъ этого слѣдствія хоть на сутки?

— Кто-нибудь изъ насъ двоихъ, сэръ-Патрикъ, долженъ сказать то что надо сказать, и сдѣлать то что надо сдѣлать, прежде чѣмъ мы уйдемъ отсюда.

— Дайте мнѣ письмо.

Она отдала ему письмо.

— Что это такое? спросилъ Мой шелотомъ у своего кліента.

Джофри покачалъ головой.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ не знаете что такое?

— Не знаю, отвѣчалъ Джоффри мрачно.

Сэръ-Патрикъ обратился ко всѣмъ присутствующимъ:

— Я обязавъ извиниться предъ вами, сказалъ онъ, — въ томъ что такъ безцеремонно ушелъ изъ комнаты и увелъ съ собою миссъ Сильвестеръ. Всѣ кромѣ этого человека (онъ указалъ на Джоффри), надѣюсь, полюбятъ и извинятъ меня, потому что теперь я принужденъ дать полное и ясное объясненіе моего образа дѣйствій. Съ этимъ объясненіемъ я обращаюсь къ моей мамьяницѣ.

Бланка вздрогнула.

— Ко мнѣ! воскликнула она.

— Да, къ вамъ, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ.

Бланка взглянула на Арнольда, пораженная смутнымъ предчувствіемъ чего-то страшнаго. Въ письмѣ которое она получила отъ мужа, послѣ разлуки съ нимъ, говорилось, конечно, объ отношеніяхъ Анны къ Джоффри, о которыхъ Бланка предъ тѣмъ не подозрѣвала. Неужели въ письмѣ Арнольда было сказано еще не все?

Сэръ Патрикъ началъ:

— Нѣсколько времени тому назадъ, обратился онъ къ Бланкѣ, я предлагалъ вамъ возвратиться подъ покровительство вашего мужа, и предоставить окончаніе дѣла мнѣ. Вы отказались возвратиться къ нему до тѣхъ поръ когда будете вполне увѣрены что вы его жена. Благодаря самопожертвованію, ради вашихъ интересовъ и вашего счастья, со стороны миссъ Сильвестеръ, самопожертвованію отъ котораго я—говорю вамъ прямо—всѣми силами старался отговорить ее, я могу теперь доказать положительно что Арнольдъ Бринквортъ былъ холостой человекъ, когда женился на васъ въ Кентѣ.

Опытность мистера Моя подсказала ему что будетъ дальше.

— Вы предъявляете письменное обѣщаніе, сказалъ онъ указывая на письмо въ рукѣ сэръ-Патрика.

Сэръ-Патрикъ отвѣчалъ вопросомъ:

— Помните вы знаменитое рѣшеніе консисторіальнаго суда утвердившее бракъ капитана Дельримлиа и миссъ Гордовъ?

Мистеръ Мой удовлетворился отвѣтомъ.

— Я понимаю васъ, сэръ-Патрикъ, сказалъ онъ, и подумавъ съ минуту, прибавилъ обратившись къ Аннѣ:—и уважаю васъ, сударыня, изъ глубины моего сердца.

Слова эти были сказаны съ горячей искренностью, усилившей интересъ тѣхъ которые еще ждали болѣе яснаго объясненія. Леди Луэди и калитавъ Ньюендинъ зашептались безлокойствомъ. Арнольдъ побѣднвалъ. Блаяка залакала.

Сэръ-Патрикъ обратился олять къ племянницѣ.

— Нѣсколько времени тому назадъ, я имѣлъ случай разкзать вамъ о постыдной неопредѣленности шотландскихъ брачныхъ законовъ. Еслибы не эта неопредѣленность, не имѣющая ничего подобнаго себѣ въ другихъ цивилизованныхъ странахъ міра, Арнольдъ Брииквортъ никогда не попалъ бы въ положеніе въ которомъ онъ былъ здѣсь, и это сѣдствіе и было бы возможно. Не забывайте этого. Неопредѣленность закона есть единственная причина не только всѣхъ непріятностей уже совершившихся, но и страшнаго зла которое еще имѣеть совершиться.

Мистеръ Мой написалъ замѣтку. Сэръ-Патрикъ продолжалъ

— При всей неопредѣленности и невнимательности шотландскаго закона, въ немъ есть однако странное правило, примѣненіе котораго подтверждено и рѣшено англійскимъ судомъ. Если мущина и женщина, въ Шотландіи, обмѣняются письменными обѣщаніями вступить въ бракъ другъ съ другомъ шотландскій законъ дѣлаеть ихъ мужемъ и женой. Англійская судебная палата (по поводу случая который я привелъ на память мистеру Мою) признала это правило, и рѣшеніе было подтверждено высшимъ авторитетомъ палаты лордовъ. Слѣдовательно, если особы живущія въ Шотландіи обѣщали письменно вступить въ бракъ другъ съ другомъ, то тутъ уже не можетъ быть сомнѣнія. По закону, они мужъ и жена. Правъ я? обратился онъ къ мистеру Мою.

— Совершенно правы, сэръ-Патрикъ, относительно фактовъ. Но признаюсь, меня удивляетъ ваше мнѣніе о нихъ. Я ставлю высоко нашъ шотландскій брачный законъ. Человѣкъ обманувшій женщину, не исполнивъ письменнаго обѣщанія жениться на ней, принуждается этимъ закономъ (въ интересахъ общественной нравственности) признать ее своею женой.

— Особы присутствующія здѣсь, мистеръ Мой, увидать сегодня нравственное достоинство шотландскаго закона, одобреннаго Англіей, въ приложеніи его къ дѣйствительности. Они будутъ судить сами о нравственности (шотландской или англійской) которая навязываетъ силой покинутую женщину не-

годю бросившему ее, и добродѣтельно предоставляет ей выносить послѣдствія.

Сказавъ это, онъ обратился къ Аннѣ, и показалъ ей развернутое письмо.

— Я спрашиваю васъ въ послѣдній разъ: настаиваете вы чтобъ я предъявилъ это письмо?

Она встала и отвѣчала наклоненіемъ головы.

— Исполняя мою печальную обязанность, сказалъ сэръ-Патрикъ,—я объявляю, отъ имени этой женщины, что она требуетъ, на основаніи письменныхъ обѣщаній которыми обмѣнялись обѣ стороны, во время пребыванія въ Шотландіи, быть признанной, съ четырнадцатаго числа прошлаго августа, законною женой Джоффри Деламена.

Крикъ ужаса со стороны Бланки, смущенный шепотъ со стороны остальныхъ послѣдовали за произнесеніемъ этихъ словъ.

Съ минуту всѣ оставались недвижимыми.

Потомъ Джоффри медленно всталъ на ноги и устремилъ глаза на свою жену.

Зрители страшной сцены обернулись всѣ единодушно къ несчастной жертвѣ. Взглядъ которымъ онъ смотрѣлъ на нее, слова которыя онъ сказалъ ей пришли всѣмъ на память. Она стояла въ ожиданіи, возлѣ сэръ-Патрика, устремивъ кроткіе, сѣрые глаза на лицо Бланки. Увидавъ это безпримѣрное мужество и это безпримѣрное самоотверженіе, всѣ усумнились въ истинѣ совершившагося, и обернулись къ Джоффри, чтобъ разрѣшить сомнѣніе.

Торжество закона и нравственности надъ нимъ было полное. Онъ не произнесъ ни одного слова. Этотъ свирѣлый человекъ былъ невозмутимо, злобще спокоенъ. Съ обѣщаніемъ безплощадной мести, написаннымъ дьявольскою рукою на его безумномъ лицѣ, онъ устремилъ глаза на женщину которую онъ погубилъ и ненавидѣлъ, на женщину связанную съ нимъ бракомъ на всю жизнь.

Мистеръ Мой подошелъ къ столу сэръ-Патрика. Сэръ-Патрикъ передалъ ему листокъ почтовой бумаги.

Онъ прочелъ оба письма съ глубокимъ, сосредоточеннымъ вниманіемъ. Минуты которыя прошли прежде чѣмъ онъ подынялъ голову показались часами.—Можете вы доказать почерки и мѣстопребываніе? спросилъ онъ.

Сэръ-Патрикъ взялъ другой листокъ, лежавшій у него подъ рукою.

— Вотъ имена лицъ которыя могутъ доказать почерки мѣстопробываніе, сказалъ онъ.—Одинъ изъ вашихъ свидѣтеле (иначе бесполезный) можетъ назвать часъ когда мистеръ Бриквортъ пришелъ въ гостиницу, и этимъ доказать что дамъ которую онъ называлъ своею женой была уже въ то время мистрисъ Джофри Деламень. Надпись ввиду письма, въ которой также обозначено время, сдѣлана рукой того же свидѣтеля къ которому я и отсылаю васъ, если вы считаете нужнымъ провѣрить мои слова.

— Я для формы провѣрю ваши ссылки, сэръ-Патрикъ. Меня жду тѣмъ, во избѣжаніе бесполезной и тяжелой проволочки я обязанъ сказать что не могу опровергнуть вашихъ доказательствъ.

Отвѣтивъ сэръ-Патрику, онъ обратился съ очевиднымъ уваженіемъ и симпатіей къ Аннѣ.

— На основаніи письменныхъ обѣщаній, которыми вы обмѣнялись въ Шотландіи, вы требуете чтобы мистеръ Джофри Деламень былъ признанъ вашимъ мужемъ?

Она твердымъ голосомъ повторила его слова:

— Я требую чтобы мистеръ Джофри Деламень былъ признанъ моимъ мужемъ.

Мистеръ Мой обратился къ своему кліенту. Джофри прервалъ наконецъ свое молчаніе.

— Рѣшено? спросилъ онъ.

— Практически рѣшено.

Онъ продолжалъ, не сводя глазъ съ Анны:

— Шотландскій законъ признаетъ ее моею женой?

— Шотландскій законъ признаетъ ее вашею женой.

Онъ предложилъ третій и послѣдній вопросъ.

— Шотландскій законъ повелѣваетъ ей жить съ своимъ мужемъ?

— Да.

Онъ усмѣхнулся, и сдѣлалъ ей знакъ чтобъ она подошла къ нему.

Она ловиновалась. Когда она сдѣлала первый шагъ въ его сторону, сэръ-Патрикъ взялъ ея руку и шепнулъ ей: „положитесь на меня.“ Она тихо положила его руку и подошла къ Джофри. Въ эту минуту Бланка бросилась къ ней и обвила руками ея шею.

— О, Анна! Анна!

Истерическія рыданія заглушили ея голосъ. Анна тихо

сняла съ своей шеи ея руки, и подняла съ своей груди ея голову.

— Теперь вы будете счастливы, мой другъ, сказала она. — Не думайте обо мнѣ.

Она поцѣловала ее, поглядѣла на нее, поцѣловала опять, и передала ее Арнольду. Арнольдъ вспомнилъ ея послѣднія слова въ Крегъ-Ферри, когда они пожелали другъ другу доброй ночи: „Вы оказали услугу благодарной женщицѣ. Можетъ-быть придетъ время когда я отплатю вамъ.“ Благодарность и удивленіе боролись въ немъ, и волненіе помѣшало ему высказать то что было у него на душѣ.

Она тихо наклонила голову, въ знакъ что понимаетъ его, и остановилась предъ Джофри.

— Я пришла, сказала она ему.—Чего вы хотите отъ меня? Безобразная улыбка расширила его отвисшія губы. Онъ предложилъ ей руку.

— Мистрисъ Джофри Деламень, сказалъ онъ, — пойдете домой.

Картина уединеннаго дома, окруженнаго высокими стѣнами; фигура злобѣщей, нѣмой женщины, съ каменными глазами и дикими манерами, — вся сцена какъ ее изобразила ему Анна два дня тому назадъ живо представилась сэръ-Патрику. „Нѣтъ“, воскликнулъ онъ, увлеченный великодушнымъ порывомъ. „Этого не будетъ!“

Джофри стоялъ невозмутимый и ждалъ съ предложенною рукой. Блѣдная но твердая, она подняла свою благородную голову, и призвавъ на помощь мужество покинувшее ее на минуту, взяла его руку.

Онъ повелъ ее къ двери. „Не давайте Бланкѣ тосковать обо мнѣ“, сказала она Арнольду. Далѣе они поровнялись съ сэръ-Патрикомъ. Его симпатія къ ней превозмогла опять всѣ другія соображенія. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и загородилъ дорогу Джофри. Джофри остановился, и въ первый разъ взглянулъ на сэръ-Патрика.

— Законъ повелѣваетъ ей жить съ мужемъ, сказалъ онъ. — Законъ запрещаетъ вамъ разлучать мужа и жену.

Правда. Положительная, неоспоримая правда! Законъ оправдывалъ ея гибель такъ же несомнѣнно какъ нѣкогда оправдывать гибель ея матери. Во имя нравственности, пусть онъ возьметъ ее! Во имя добродѣтели пусть она живетъ съ нимъ какъ сумѣетъ!

Ея мужъ отворилъ дверь. Мистеръ Мой положилъ руку на плечо сэръ-Патрика. Леди-Луиди, капитанъ Ньюендинъ, лондонскій адвокатъ выступили впередъ, подъ вліяніемъ одного чувства. Арнольдъ послѣдовалъ за ними, поддерживая жену. Анна обернулась къ нимъ на одно достопамятное мгновеніе. Потомъ она и мужъ ея переступили за порогъ комнаты и сошли съ лѣстницы. Внизу слышался стукъ дверей. Они ушли.

Совершилось, во имя нравственности. Совершилось, во имя добродѣтели. Совершилось, въ вѣкъ прогресса и въ государствѣ управляемомъ лучше всѣхъ государствъ міра.

КОНЕЦЪ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ СЦЕНЫ.

ПАЛІКАРЪ-КОСТАКИ

РАЗКАЗЪ КАВАССА-СУЛЮТА.

I.

Если вы любите, господинъ мой, слушать исторіи разныя про то какъ живутъ люди въ Турціи и что случается въ нашихъ мѣстахъ,—я разкажу вамъ какъ влюбленъ былъ одинъ молодой Суліотъ нашъ, Костаки, въ дочь богатаго кулца, Мавулаки Сакелларіо, и какъ онъ на ней женился.

Костаки значитъ Константинъ. Такъ его крестили. Онъ былъ всегда мнѣ близкій другъ, и теперъ я иногда ѣзжу къ нему въ Акарнанію.

Въ этой исторіи можно видѣть какъ велика премудрость промысла Божія! Какъ однимъ бываетъ отъ чего-нибудь убытокъ и погибель, а другіе чрезъ это судьбу свою составляютъ и желаніямъ своимъ успѣхъ видать.

Не случись пожара въ городѣ, гдѣ бы Костаки взяли дочку у Сакелларіо. А пожаръ этотъ полсотни лавокъ сгубилъ, весь базаръ уничтожилъ, богатыхъ разорилъ, а бѣдныхъ безъ хлѣба на нѣсколько мѣсяцевъ оставилъ. Да это я вамъ послѣ скажу. Теперъ о самомъ Костаки. О Суліи слышали ли вы какъ слѣдуетъ? Марко Бочарисъ былъ Суліотъ: и даже сестра его Еленко сражалась съ Турками и была убита. На пути изъ Янины въ Арту, стоитъ у самой дороги большое дерево, подъ которое ее раненую положили Турки, и она скончалась подъ нимъ.... Есть у насъ и стихи старинные про Еленку:

Всѣ капитаны, всѣ черноглазыя,
 Всѣ попались въ пѣнь Туркамъ, всѣхъ ихъ забрали.
 Одна только Лѣна Бодарись, эта одна черноглазая,
 Въ пѣнь не попалась и ее не забрали.
 Пятеро Турокъ за нею бѣгутъ и пять емычаровъ.
 Обернулась къ нимъ Лѣна и такъ говоритъ; обернулась и молви
 Турки мои! не трудитесь напрасно, не тратьте труда вы;
 Елена я Бодарись и Марку сестра я;
 Ружье ношу я, саблю Дамасскую и пистолеты серебряныя.
 И въ руки Турокъ живая не отдамся!

Горы наши страшныя со всѣхъ сторонъ видны. Если вѣхатъ
 изъ Яшны въ Превезу или въ Арту, онѣ будутъ на право
 рукъ; а назадъ поѣдете, онѣ будутъ у васъ на лѣвой. Крѣ-
 постъ Суліи стоитъ высоко и вѣхатъ туда трудно даже на са-
 момъ хорошемъ мулѣ. Дорогъ вовсе нѣтъ отъ деревни къ
 деревнѣ; только въ долину Лакки полегче. И я и Костаки
 другъ мой, въ этой Лаккѣ родились.

Суліоты всѣ герои. Неужели вы не слышали и не читали въ
 книгахъ какъ тиранъ элпирскій Али-Паша хотѣлъ завоевать
 Сулію, и какъ суліотскія женщины съ высокой скалы по-
 бросали дѣтей своихъ и побросались сами? Спаслись про-
 бившись съ оружіемъ сквозь турецкое войско, очень немно-
 гие. А отдаться никто не хотѣлъ!

Вотъ что такое Суліоты! Поэтому и зовутъ даже нашу
 Сулію: *Злая Сулія!* Суліотовъ нашихъ и лордъ одинъ великій
 хвалитъ въ своихъ сочиненіяхъ. Я забылъ его имя; но его
 у насъ еще помнятъ старики; игумень въ монастырѣ Св.
 Илиіи, что въ Зидѣ, говоритъ: „Какъ сейчасъ предъ собою
 вижу: Кудрявый и красивый мущина былъ; въ монастырѣ
 „нашемъ три дня гостилъ, и съ меня портретъ карандашомъ
 „снялъ, и отдалъ мнѣ на память, да пропалъ портретъ съ дру-
 „гими бумагами во время албанскихъ набѣговъ.“ — Этотъ
 лордъ въ Миссалонгѣ умеръ; онъ собирался за Грековъ сра-
 жаться, да заболѣлъ и скончался. Да проститъ Богъ его
 душу! Хотя онъ и Англичанинъ былъ, а я все-таки скажу:
 да проститъ Богъ его душу!

Вотъ этотъ-то лордъ въ своихъ сочиненіяхъ, сказываютъ
 ученые люди, весьма возвышенно хвалилъ Суліотовъ, и го-
 ворилъ: „я самъ храбръ и за Эмладу кровь пролью, а Суліоты
 ужъ выше всякой мѣры герои!“

II.

Какъ сулютскія женщины кидали съ горы своихъ дѣтей, такъ бросила и мать нашего Костаки; ей тогда уже десять лѣтъ было; она кричала и не хотѣла, бѣдненькая, кидаться, но мать насильно столкнула ее, и Богъ ее дивнымъ, удивительнымъ образомъ спасъ. Послушайте, эффенди: это пріятно слышать! Какъ бросила ее мать, она прямо съ ужасной крутизны на другія тѣла упала и только ногу полортила.

Вотъ вещи какія ихъ родъ видалъ! Отецъ его тоже старикъ отчаянный былъ. Усы сѣдые вотъ до какихъ поръ!

Вышесть—веселый человѣкъ станетъ; одинъ разъ къ нашему консулу пришель. Деревенскій человѣкъ, простой. Посади его консулъ. Люблю, говоритъ, старыхъ людей, уважаю! Вава ему, раки*, кофе, чубукъ.... Старикъ и важность свою бросилъ.

— Дайте мнѣ, ваше сіятельство, позволеніе лѣтъ?

Далъ консулъ съ радостью. До полуночи старикъ лѣлъ разныя старыя лѣсни, а консулъ, глядя на него, веселился.

А дома онъ былъ суровый человѣкъ. Всѣ мы въ горахъ жень нашихъ въ строгости большой держимъ; онъ съ нами и за столъ не смѣютъ сѣсть, а стоя служатъ намъ, и кушаютъ послѣ. Я и самъ разъ хотѣлъ было застрѣлить жену свою и вотъ за чтѣ. Шель я по улицѣ, а она у сосѣдскихъ воротъ стоитъ съ сосѣдкой и смѣется, слюной къ улицѣ; я иду; она видитъ, и должна была повернуться ко мнѣ лицомъ. Да забыла, бѣднѣя, видно. Я дома и показалъ ей чтѣ значить мужъ. Оно, конечно, я ужъ не деревенскій человѣкъ и европейское обращеніе съ господами видѣлъ, и даже чрезъ мѣру знакомъ со всѣмъ этимъ, ибо много консульшъ всякихъ державъ, и другихъ знаменитыхъ и официальныхъ дамъ знавалъ близко. Поэтому я на жену и не разсердился вправду, а только видъ ей страшный показалъ, чтобы древній обычай чтила.

Да, это я такъ; а другіе у насъ хуже меня много.

Уважаютъ жену всячески, но чтобы она помнила что она жена Старшій братъ нашего Костаки женился въ другой сулютской деревнѣ на дѣвушкѣ изъ очень хорошей семьи. И дѣда, и отецъ, и дѣдъ ея подъ Миссалонгами сражались и на-

* Раки—водка.

чальниками были; дѣда Али-паша уважалъ; а другой ея дядя уѣхалъ въ Аѳины учиться, и вышелъ ученѣйшій человекъ. Съ материнской стороны дядя у нея полковникомъ греческой службы, потому что маленькимъ въ Аѳинахъ учился. Вотъ ка-кая родня!

Когда повезъ жену свою старшій братъ Костаки въ домъ отца, видитъ онъ что она еще такая молоденькая и нѣжная, пожалѣлъ, и посадилъ ее на лошадь, а самъ около пѣшкомъ пошелъ. Жалко, говорить, а другой лошади не взяли. Увидалъ старикъ новобрачныхъ и встрѣтилъ ихъ съ ружьемъ въ рукѣ.

— Видишь это ружье, негодяй! говоритъ сыну,—другой разъ увижу, на мѣстѣ ублю.

— За что Христось и Панагія?* говоритъ сынъ.

— За что? говоритъ старикъ.—Развѣ прилично воину суліотскому жену посадить на лошадь? Ты сиди самъ на лошади какъ мущина, а жена должна идти около и ружье твое на плечѣ вести. Если тебѣ жалко стало ее, по дорогѣ везъ бы на лошади, а въ деревню не вѣзжалъ бы срамить меня.

Такая вся родня была у Костаки честная и хорошая, никто ихъ семью въ безчестномъ какомъ-нибудь дѣлѣ укорить не смѣлъ.

И родъ знаменитый ихъ былъ въ нашихъ горахъ.

III.

Костаки и самъ былъ малый, какъ у насъ говорится, *костяной носъ*.

И ростомъ, и силой и смѣлостью изъ первыхъ у насъ. Танцовать станеть—всѣ любятъ; сперва тихо начнетъ; одну ногу подвигаетъ важно и тихонько, потомъ другую высгавить и остановится: глядитъ на всѣхъ. А потомъ какъ подопрется и закружится и залрыгаетъ; фустанелла на немъ изъ трехсотъ кусковъ шита, пышная, развѣвается—удивительно! Я тоже, эффенди, танцую хорошо, но Костаки гораздо лучше меня танцовалъ.

Суліоты всѣ наши одѣваться любятъ чисто. Если вы заѣдете въ наши горы и увидите нашихъ какъ они бѣдно живутъ, вы удивитесь и скажите: *dikie ljudi!* Наши дома не то что въ городахъ, а у рѣдкихъ хозяевъ потолокъ въ домѣ

* Панагія, Божія Матерь, Всесвятая.

Стекла на окнахъ никакъ во всей Суліи у одного только человѣка и есть, да и то недавно вставилъ ихъ. Зимой, какъ поднимется вѣтеръ и снѣгомъ насъ начнетъ заносить, мы въ буркахъ у очага сидимъ и ставни притворимъ днемъ. Школь въ другихъ округахъ Эпира много, а у насъ ни одной нѣтъ до сихъ поръ. Нельзя и быть намъ богатымъ. Ружье— вотъ наша жизнь настоящая. А какъ другіе Эпироты жить умеемъ у насъ не въ обычаѣ. Лучше слугою пойти къ богатому человѣку, чѣмъ столяромъ или башмачникомъ быть. Какъ-то мы какъ дикіе звѣри живемъ, эффенди. По мнѣ вы е судите, я политикъ въ городахъ обучался, и даже въ Болгаріи былъ и въ Босніи. А гордость у Суліотовъ нашихъ у снѣхъ большая. Посмотрите вы на маленькаго Суліота въ какомъ-нибудь ховайскомъ домѣ въ Янинѣ или въ другомъ городѣ, на малое неразумное дитя десяти какихъ-нибудь лѣтъ. Что вы видите? Слугою его взяли въ домъ, напимѣръ, и безъ платы, а только одѣвать и кормить. Завелся у него двѣ фустанеллы, онъ встанетъ рано, самъ вымоетъ фустанеллу, потомъ выгладитъ и надѣнетъ, и ужъ пробуетъ какъ ему расоваться въ ней. И такъ станеть, и такъ прыгнетъ, и пропандуетъ одинъ! Завелся небольшія деньги у Суліота, онъ сейчасъ оружіе хорошее покупаетъ, одежду такую что обувь мнѣ, красная-шелковая съ кистями, лиръ пять турецкихъ платъ, серебряные щипчики, чтобы уголья горячіе доставать изъ мангала* для чубуковъ, за поясъ золотомъ шитый закинетъ и гордится. „Пусть видятъ люди что воинъ-человѣкъ идетъ!“

Другіе Эпироты, хоть бы Яніоты или Загорцы богатые, снѣются надъ нами. „Варвары люди!“ говорятъ они объ насъ. Однако ни Яніотъ, ни Загорець недостойны къ оружію прикоснуться, и безъ нашихъ калитановъ сами Турки и паши разбойниковъ даже преслѣдовать не могутъ. Придетъ часъ, господина мой, и вы опять увидите что значить Суліотъ!

Таково мое слово вамъ.

Костаки тоже, какъ слѣдуетъ Суліоту, одѣвался чисто, и самъ консуль, у котораго я служилъ, всегда хвалилъ его за это. Придетъ ко мнѣ въ гости Костаки; если консуль его увидитъ, всегда скажетъ ему: „Добрый вечеръ, Костаки! Что ты

* Мангалъ, жаровня, brasero, для согрѣванія комнатъ зимою; употребляется, если не ошибаюсь, во всѣхъ южныхъ странахъ Европы и на Востокъ.

дѣлаешь? Какой ты опрятный, я все люблюсь на тебя. Скажи мнѣ, Костаки (разъ это ему консуль говоритъ), отчего это васъ люди простые, ремесленники, кавассы и всѣ сельскіе и ликары такіе чистые и нарядные? И благо на васъ столько и все чисто, и руки вы чисто держите, такъ что васъ въ примѣръ Европейцамъ можно поставить; а кулцы богатые ваши доктора, ученые и всѣ что у васъ европейскую одежду носятъ и кого вы, дураки, благородными, чортъ знаетъ почему зовете, отчего они такіе неопрятные и неловкіе, и сертукі скверно сшиты и на воротникѣ сала три ока? Отчего это?"

Мы улыбаемся оба съ Костаки и молчимъ. Хоть и знаемъ что сказать, а хотимъ консулу почтенье показать, какъ будто стыдимся.

— Говорите же! разсердился немного консуль.

— Моя такая мысль, г. консуль, говоритъ Костаки, — думаю я, эти богатые и ученые у насъ надѣются что ихъ и лаши, и консулы и всякій примутъ, и посадятъ и уваженіе сдѣлаютъ хоть они и грязные придутъ. А намъ, горцамъ, что дѣлать чтобы хоть немного получше казаться? мы и украшаемъ сами себя какъ умѣемъ.

— Умно говоришь ты, Костаки, говоритъ консуль. — А я еще и другое думаю: что по здѣшнему одѣваться отъ отца, и дѣда, и прадѣда обычай идетъ, и всякій знаетъ какъ надо. А эти медвѣди хотятъ по-европейски одѣться — и не умѣютъ. Такъ какъ ваши архонты одѣваются, у насъ такъ нищие либо преступники гамерные одѣты.

Ужасно любитъ Костаки нашъ консуль. Все говоритъ ему: „Когда жъ это я тебя къ себѣ кавассомъ возьму? Да увижу тебя съ красотою твоей въ красной курткѣ золотомъ расшитой? Что мнѣ дѣлать? Мои старики-кавассы вѣрно мнѣ слушать столько лѣтъ. Не могу я прогнать ихъ чрезъ тебя! А болѣе четырехъ не положено!“

Покраснѣвъ Костаки отъ радости. Какъ не радоваться похвалямъ такимъ?

Придумалъ наконецъ консуль въ сеисы, то-есть въ конюхи, его взять.

— Если, говоритъ консуль, не умѣешь за лошадью смотрѣть—не смотри; я другаго возьму для ухода, а ты только для красы будешь; будешь около меня идти когда я съ визитами верхомъ поѣду, и стремя будешь держать когда сажусь. Что скажешь?

— Нельзя, говорить Костаки; то, другое, третье.... Нельзя. А говорилъ онъ неправду все. Не хотѣлъ отъ гордости сеи-
 домъ стать. И хорошо сдѣлалъ. Иное дѣло кавассъ, иное
 дѣло сеисъ. Сеисъ простой слуга; его и Турки схватить и су-
 дить могутъ безъ спроса у консула. А кавассъ вещь великая;
 кавассъ оружіе носить; кавассъ точно офицеръ иностранный;
 онъ жизнь и честь консула защищаетъ; для него паша—нуль,
 погубите мнѣ! Для него одна глава—консуль. Прикажетъ кон-
 суль: „убей этого Турка!“ и убью я безъ страха. Это не я,
 а консуль убилъ. Консуль своему правительству отвѣчаетъ.
 А мнѣ одно дѣло есть—повиноваться консулу. Меня не смѣетъ
 и паша тронуть безъ позволенія консула. На это трактаты су-
 ществуютъ, клянусь вамъ! Мѣсто паша свое теряетъ если
 тронетъ меня. И нельзя иначе! Фанатизма еще много у Ту-
 рокъ; консулау трудно ходить одному по улицамъ. Турчата
 камнями бросать; солдаты честь не отдадутъ; обругаютъ и
 прибьютъ нарочно; а потомъ, дьявольскія души, скажутъ: „Мы
 люди простые, виноваты, и не знали что это консулъ; кавасса
 съ нимъ не было; мы думали простой Франкъ.“

Да и ваши христіане, безъ злаго умысла, а по грубости на
 базарѣ толкнуть. Знаете, нашъ Грекъ какъ объ деньгахъ
 заспорить, не то консуль, король самъ иди, не разсмотритъ;
 онъ смотритъ какъ бы свои полпастра выиграть.

А порядокъ ли это, чтобы представителя великой державы,
 котораго всякій въ городѣ знаетъ, какой-нибудь глухой че-
 ловѣкъ на базарѣ толкалъ?

Вотъ у насъ чтò значить кавассъ, господинъ мой! Великое
 дѣло кавассъ; онъ и въ бумагахъ зовется „привилегирован-
 нымъ“. А конюхъ—одно слово конюхъ.

Костаки и не могъ лойти въ конюхи, потому что онъ былъ
 изъ слишкомъ хорошаго калитанскаго рода. И хлѣбъ у семьи
 ихъ все-таки какой-нибудь былъ.

Теперь я хотѣлъ вамъ еще сказать какой Костаки былъ
 хитрый и смѣлый.

Этому, господинъ мой, я надѣюсь, вы даже смѣяться будете.

IV.

Объ Турками ссориться и драться у Костаки было ни по
 чести. И не думайте чтобъ онъ это дѣлалъ какъ дуракъ; а иной
 разъ силой и отвагой, а другой разъ умомъ и хитростью
 возьметъ.

Одинъ разъ однако, не умомъ и не снѣдливостью спласса, а счастьемъ однимъ. Спласла его старушка одна, и старушка эта послѣ всю судьбу его устроила. Не будь этой старушки, было бы худо ему отъ Турокъ.

Надо вамъ и то сказать что старикъ, отецъ Костаки, былъ въ 54 году въ дѣлахъ замѣшанъ, и потому, какъ дѣла испортились, онъ уѣхалъ въ Элладу, и съ греческимъ паспортомъ вернулся въ Турцію.

Турки его не трогали, только греческимъ подданнымъ ни его, ни Костаки, ни другихъ его дѣтей не хотѣли считать.

Я поэтому не разъ и говорилъ Костаки:

— Остерегайся, братъ! У консуловъ греческихъ силы мало. Турки ихъ не боятся; а твоего эллинскаго подданства и знанья не захотятъ.... Смотри!

Иногда онъ меня и слушался, а иногда нѣтъ.

Есть у насъ въ городѣ старикъ одинъ, дервишъ, и любитъ онъ грѣться у своего дома на солнцѣ. Ничего старикъ: ни худа, ни добра никто отъ него теперь не видитъ. Однако люди которые молодымъ его помнятъ говорятъ что онъ былъ золъ и фанатикъ.

Костаки мимо него каждый день по дѣламъ своимъ проходилъ. Сердце его требовало сказать что-нибудь чтобы подразнить Турка.

Проходитъ и шелчетъ, какъ будто про себя: „Чтобы вы ваша порода съ Магометомъ проклятымъ не спласся отъ зла!“

Старикъ разъ прослушалъ, два прослушалъ, и пошелъ жаловаться кади. А кади человекъ опасный былъ; никакихъ новыхъ уставовъ знать не хотѣлъ, а только свой шеріатъ * открытъ. Денегъ онъ не бралъ; а Турокъ честный для насъ еще хуже вора: отъ вора откупиться, а отъ честнаго не спасешься ничѣмъ. Позвали Костаки, онъ не испугался, а только притворился что испуганъ, и говоритъ: „Я? Да, что я сумасшедшій что ли, кади-эффенди, чтобъ живя въ Османли-Девлетѣ, а

* Шеріатъ, священный законъ, судъ по Корану, которому долгое время были подчинены не только Турки, но и христіане въ Турціи. Исключеніе составляли всегда лишь семейныя и чисто релігіозныя дѣла, которыя судились архіереями съ помощью старшины. Изданіе новыхъ законовъ избавило христіанъ отъ шеріата по крайней мѣрѣ въ принципѣ; но это не могло сдѣлаться вдругъ и многіе мусульманскіе судьи, вопреки всевозможнымъ общинамъ и распоряженіямъ, долго судили лишь по шеріату.

противъ вашей вѣры говорить сталъ такія скверныя слова! Вретъ старикъ отъ злобы, а я не боюсь, потому что знаю что кади-эффенди не на вѣру чью, а на правду смотреть.“

— Хорошо ты говоришь, мой сынъ! сказалъ кади.—А ты, старикъ, самъ дервишъ, а не знаешь что судъ *Мехкеме* нашъ двухъ свидѣтелей требуетъ.

Только это онъ не при Костаки, а послѣ дервишу сказалъ. На счастье Костаки, въ Мехкеме пришла въ эту самую минуту по своему дѣлу одна старушка, Катинко Хаджи-Димо, христіанка. Слышала она, и хоть и не имѣла съ Костаки знакомства, а пожалѣла его. Думаетъ: „гдѣ бы его найти?“ Отыскала и говоритъ: „Паликаръ молодой! берегись: по твоему дѣлу два свидѣтеля будутъ.“

На счастье, дервишъ былъ почти нищій, подкупить ему свидѣтелей нечѣмъ было; и приходилось правды держаться; упрямъ онъ двухъ Турокъ спрятаться за стѣну могилы турецкой и ждать Костаки.

Костаки идетъ мимо и говорить громко товарищу который съ нимъ былъ:

— Ахъ, что у насъ за счастье нынче въ городѣ что кади у насъ справедливый и клеветы не любитъ!

Свидѣтели и ушли ни съ чѣмъ. Недѣлю Костаки молчалъ, а потомъ опять проклялъ Магомета. А старичокъ дервишъ ужъ только вздохнулъ, и говорить:

— И я, братъ, его проклинаяю теперь, потому что онъ слугъ своихъ не хорошо защищаетъ.

Да и мало ли что еще я могу сказать про Костаки! Патриотъ былъ мальчикъ этотъ! 19 лѣтъ ему всего было, а онъ маврскій крестъ вытравилъ себѣ на рукѣ, и съ этимъ знакомъ его всѣ Турки видѣли.

Пришелъ я въ нашъ городъ, когда его родители померли, и не зналъ онъ чѣмъ заняться. Денегъ отецъ его, хоть и не бѣденъ былъ, а не много оставилъ; много тоже на проценты были розданы и много изъ нихъ пропало чрезъ злодѣйство людское и чрезъ неправосудіе Турокъ.

Я тоже въ это время отошелъ отъ консула и сталъ жить въ этомъ городѣ и торговать. Торговалъ я русскою кожей, которую у насъ зовутъ *телятиной* и изъ которой и здѣсь, и въ Акарнании шьютъ *чарухи*.*

* *Чарухи*, красивая обувь, съ загнутыми вверхъ носками, кото-

У Костаки отъ отца осталось лиръ сто. Я и говорю ему „Будемъ торговать вмѣстѣ“. Онъ согласился, и всѣ дивились въ городѣ что два Суліота магазинъ открыли.

Наши кромѣ барановъ, да еще уголья и дрова кое-какіе привозить въ городъ и продавать, ничего не знаютъ.

Жили мы съ Костаки хоть и врозь, потому что я семью мою въ городъ привезъ, но видѣлся съ нимъ каждый день, и тогда-то узналъ я что дочь Сакелларіо моему паликару сердце согрѣла.

V.

Влюбился Костаки въ дочь купца Сакелларіо. Только вы господинъ мой, не думайте что въ нашей сторонѣ бываетъ любовь какъ у другихъ, у Франковъ, или у Русскихъ, или въ Аѳинахъ, что дѣвушка съ молодымъ человекомъ разговариваетъ или подъ ручку гулять съ нимъ идетъ. У насъ этой свободы нѣтъ. Я въ жизни моей множество вещей видѣлъ и стихи читалъ разные, и миѳическія исторіи о любви: у другихъ людей иначе это все бываетъ, а у насъ иначе. Въ Болгаріи я былъ, на примѣръ; и какъ увидалъ что простые, сельскія дѣвушки у Болгаръ съ молодцами танцуютъ; возьмутся всѣ руками, вокругъ станутъ и пляшутъ, и прыгаютъ высоко,—и дѣвушки, и мужчины,—Господь Богъ одинъ знаетъ какъ я удивился! И смѣшно мнѣ и стыдно стало; и еще удивительнѣе для меня было что эти болгарскіе паликары возьмутъ цѣлѣтокъ и дѣвушкѣ при всѣхъ дадутъ. Это значитъ: „Я тебя люблю“. Въ Босніи тоже я былъ. Такъ тамъ не только христіане, а и Турки съ молодыми дѣвушками на улицѣ смѣются. Дѣвушки придутъ за водой на колодезь; а паликары-Босняки и христіане и Турки съ ними шутить станутъ. Подойдетъ другою, сейчасъ ей два-три комплиментъ скажетъ; а она рада! И это у нихъ *ашикъ* называется.

Гдѣ у насъ такъ дѣлать!

У насъ въ Эпирѣ дѣвушка какъ подросла такъ что можно замужъ идти, залрутъ ее въ домъ, — и никуда она выходить не смѣетъ; не то на танцы или свадьбу чью, а и въ церковь нельзя. Срамъ великій! Одинъ разъ въ годъ всѣ дѣвушки при-

рая употребляется въ Эпирѣ, Аккарманіи и другихъ странахъ. Дѣлается изъ красной *русской кожи*, которую Греки зовутъ *телятинки*.

чащаться въ одну церковь собираются ночью; и кромѣ лола и пѣвчихъ ни одного мущины нѣтъ тогда въ церкви; и митрополитъ въ эту ночь у лаши залтѣе требуетъ, чтобы дверь церковную стерегли. И въ самомъ вилайетѣ, въ Янинѣ, еще строже чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. И чѣмъ богаче домъ, тѣмъ строже, потому что и спрятать дѣвушку въ богатомъ домѣ легче.

Извольте теперь судить какаѣ у насъ любовь можетъ быть! Сверхное наше мѣсто насчетъ этого!

Однако пока дѣвушка еще не выросла совсѣмъ для замужества, ее можно видѣть вездѣ, — и въ домѣ гостямъ варенье и кофе она подаетъ, и въ школу по утрамъ ходитъ, и въ гости, и на танцы ее берутъ родители, пока мала.

Такъ и Костаки нашъ Софицу Сакелларіо узналъ, когда еще ей четырнадцать лѣтъ было; и влюбился въ нее. Она уже велика была, а еще ходила въ училище. По мнѣ, ничего въ ней хорошаго не было, блѣдная и худенькая, какъ почти всѣ наши элпирскія женщины. (Это такъ! у насъ все больше худыя; родъ уже такой!) Глаза у нея это правда что сладкіе были, и обращеніе хорошее, цѣломудренное.

Идетъ съ нянькой утромъ въ училище всегда очень скромно, а вечеромъ изъ училища въ домъ отца возвращается. Одежда она была по старинному, и не шляпку на головѣ носила, а феску; идетъ и глазъ отъ земли не подыметъ. И обучена была она въ школѣ выше всякой мѣры хорошо.

Подушки по канвѣ большими франкскими цвѣтами вышивала; рубашки европейскія шить умѣла. Исторію и географію всю наизусть знала.

Пріѣхавъ къ намъ новый митрополитъ и пошелъ на экзаменъ въ дѣвичье училище. Пришла очередь Софицы. И такъ знала она хорошо, блѣдная, — какъ въ барабанъ забила! не разберешь даже словъ.

А митрополитъ хитрый; спрашиваетъ вдругъ у нея: „Есть въ Молдавіи горы или нѣтъ?“ Покраснѣла Софица; на учительшу глядитъ. Учительша тоже застыдилась, а помочь нельзя. Подумала Софица, и говоритъ митрополиту: „Нѣтъ горъ въ Молдавіи; все поле.“ Всѣ обрадовались.

Костаки, конечно, ея воспитанія не имѣлъ. Однако и его священникъ нашъ читать и писать хорошо обучилъ; лѣтъ онъ въ церкви съ дѣтства и Апостоль читалъ прекрасно. Суліотъ — человекъ! Гдѣ жь ему географію знать?

VI.

Ни я, ни другіе друзья и товарищи Костаки долго не знали что ему нравится дочь Сакелларіо. Только стали замѣчать что онъ пѣть чаще сталъ. Все поетъ и поетъ! И особенно одну пѣсенку.

Эту пѣснь вы часто, господинъ мой, можете слышать на улицѣ и въ Явнѣ, и въ Артѣ, и въ другихъ нашихъ городахъ; въ праздникъ, когда стемнѣетъ, лаликары наши выльютъ въ кофейняхъ, идутъ по улицамъ и громко поютъ ее:

Проснись и не спи,
Моя золотая канарейка!
Встань съ постели
И услышь какъ я пою.

Вотъ эту пѣсенку Костаки все распѣваетъ. Онъ распѣваетъ, а Софица въ школу мимо нашей лавки ходить.

Ужъ когда я спросилъ у него отъ всего сердца правду и просилъ его мнѣ исповѣдаться, онъ признался.—Люблю ее, горю.

— Ба! говорю я ему:—Трудное это дѣло! Не случится это чтобы дочь такого официальнаго человѣка какъ Манулаки за мальчика Суліота вышла...

— Я Суліотъ, а онъ франкскій портной, *франкорафтъ*... * говорить.

— Это такъ, говорю я.—Да онъ, видишь, не только богатъ, но и въ драгоманъ теперь поступилъ; корону на фуражкѣ золотую носить; съ лашой обѣдалъ раза два у консула, у консула въ большомъ уваженіи.

— Да онъ осель, говорить опять Костаки...

— Осель, да поди навьючь его?—не навьючишь!

— Богъ все дѣлаетъ! отвѣтилъ Костаки, и ушелъ.

Я молчу; жалю лаликара что безуміе такое задумалъ. Такъ и прошло довольно много времени.

Оно не то чтобы Манулаки былъ изъ какой-либо старинной элпирской семьи; есть у насъ древнія имена по сту лѣтъ даже. Все торговали и въ уваженіи были. А Манулаки-франкорафтъ съ тѣхъ поръ наживаться сталъ какъ у насъ въ моду вели-

* *Франкорафтъ*, франкскій портной, который шьетъ европейское платье.

кую это европейское платье стало входить. Человѣкъ оный былъ и не умный, а судьбу хорошую имѣлъ. Сначала многие помятъ его у Итальянца портнаго: босой бѣгалъ мальчикомъ, а потомъ за женой взялъ деньги хорошія и началъ богатѣть. Судьба ему даже такая вышла что жену свою оный не любилъ и, видно по желанію его, ее разбойники убили. Вотъ какъ это было: у жены его въ Загорахъ, въ деревнѣ былъ домикъ; виноградники были и еще кой-какія вещи. Въ 54 году, разбрелся люди Гриваса, потому что ужъ Гривасъ не могъ держаться: были у Гриваса всякіе люди, и побродяги и злодѣи были. Нельзя безъ этого при возстаніи. И люди Гриваса сильно озлоблены были на Загорскихъ, потому что загорскіе жители мошенники и хитрецы. Я Суліотъ, и не люблю ихъ. * Они и защищать себя сами никогда не умѣли, а нашихъ же прежде калитановъ съ молодцами изъ Лакки-Суліи сторожить себя отъ разбойниковъ нанимали. Деньги наживать—это они умѣютъ, сказано Загорцы.

* Загоры, гористый округъ, тысячъ въ 20—25 жителей, къ сѣверо-западу отъ Янины. Округъ этотъ пользовался прежде особыми правами и своего рода самоуправленіемъ. Права эти уничтожены лишь въ послѣднее время, при устройствѣ вилайетовъ въ Турціи, и Загоры стали простымъ уѣздомъ. Загоры мѣсто очень своеобразное; сорокъ слѣшкомъ селъ, которыя составляютъ округъ, всѣ почти очень богаты, чисты, и дома въ нихъ большіе, какъ въ городахъ. Богатство Загорцевъ все пріобрѣтено въ путешествіяхъ; земледѣлія нѣтъ. Рѣдкій Загорецъ остается дома; всѣ почти женятся рано, покидаютъ тотчасъ же жену подъ присмотромъ родныхъ, и уѣзжаютъ въ Молдо-Валахію, въ Россію, въ Бгилетъ, въ другія провинціи Турціи. Возвращаются на короткое время, чтобы жены не оставались безплодными, и опять уѣзжаютъ. Загорцы занимаются всѣмъ: одинъ выходитъ докторомъ, другой учителемъ, третьи арендуютъ имѣнія въ Молдо-Валахіи, торгуютъ, скупаютъ *гамы* на большихъ дорогахъ и въ дальнихъ городахъ и т. д. Загорцы очень хитры, корыстолюбивы и леутомимы въ трудѣ. Воспѣваемый и небогатый Суліотъ бранитъ ихъ въ нашихъ разказахъ; во всякій своеобразный край производитъ и хорошіе, и дурные плоды. Изъ Суліи и другихъ бѣдныхъ и воинственныхъ округовъ Эмира выходили и выходятъ разбойлаки и герои-патріоты; изъ Загоръ выходятъ скупцы, боязливые и холодные мошенники, но за те вышши и до сихъ поръ выходятъ патріоты другого рода, — патріоты, которые все состояніе свое, добытое трудомъ, строжайшею экономіей и, можетъ-быть, всякою хитростію, жертвуютъ на школы, на богоугодныя заведенія, на церкви, на приданое бѣднымъ дѣвушкамъ

Вотъ ребята Гриваса и разбрелись туда и сюда. Пришла латія въ Загоры ночью.—Мы, говорятъ, султанское войско.— „Дервень-Агадесъ“, * сельская стража.

Поужинали. А Сакалларіо они знали, знали что онъ и Тукамъ кланялся всегда низко, и на возстаніе ни латіра не далъ. Онъ въ это время уѣхалъ въ Загоры посмотрѣть свой домъ и виноградники.

Подошли къ его дому:— Отворяй! кричатъ.

— Куда отворять! Убѣжалъ черезъ крыши и скрылся портной проклятый... а жену беременную оставилъ.

Они ее и не хотѣли убить. Но видно ея смертный часъ пробилъ тогда. Мошенникъ мужъ отъ скудости своей все на вѣрилъ ей, и пряталъ отъ нея деньги. Зароетъ ихъ въ погребъ въ землю въ одинъ уголь, и призоветъ и покажетъ... Смотри, вотъ деньги гдѣ. А потомъ опять испугается чтобы она не взяла и не истратила, лотихоньку отъ нея въ другое мѣсто перенесетъ. Потомъ опять зоветъ, показываетъ; опять тайкомъ въ третье мѣсто переноситъ. Такъ она, несчастная, и не знала гдѣ деньги.

Впустила она, бѣдная, грабителей. Что жъ ей дѣлать было? Беременная, убѣжать не успѣла...

— Гдѣ деньги у мужа? кричатъ разбойники. Она указала на послѣднее мѣсто. Рыли, рыли, ничего не нашли; указала она на другое, третье мѣсто: опять ничего, измучились рывши.

— Ты, вѣдьма, насъ обманываешь, смѣешься надъ нами! Здѣсь со злости ее, несчастную, и убили. Зарѣзали съ ребенкомъ вмѣстѣ, который въ утробѣ ея былъ. Такъ и ушли. Франкорафту что? Славу Богу! Жены нѣтъ, а деньги цѣлы. Для хозяйства старушку бѣдную, сестру свою родную, вдову, взялъ и живетъ хорошо.

родной страны и т. д. Покойный, трудолюбивый, медленно-аукавый характеръ Загорцевъ напоминаетъ Болгаръ. Имя округа заставляетъ также думать что Загорцы погреченные Славяне. Судіоты, напротивъ того, погреченные Албанцы и сохранили еще всѣ черты албанскаго характера: соединеніе суровости съ большою живостью, ответственность, гордость пріемовъ, отвращеніе къ мирному труду и ремесламъ. И Загорець, и Судіотъ, каждый по своему, могутъ еще принести много пользы едличизму.

* *Дервень-ага*, сельскій стражъ.

Вотъ какой былъ человекъ Сакарарио! Худой человекъ! А въ почетъ большомъ, куда бы ни пришелъ, особенно какъ къ богатству его, да корону на фуражку надѣлъ и драгоманомъ сталъ....

VII.

Какимъ драгоманомъ сдѣлался Манулаки, французскимъ, русскимъ или австрійскимъ, ужъ я и сказать вамъ не могу. Виде-консуломъ въ нашемъ маленькомъ городкѣ былъ одинъ мусьё Бертоме, Франкъ изъ Армянъ. Онъ былъ вовсе простой человекъ и служилъ безъ жалованья, а только изъ чести, и поднималъ разомъ три флага: русскій, французскій и австрійскій. Русскій настоящій консулъ означилъ его для кое-какихъ переходныхъ дѣлъ и еще чтобы было кому защитить иногда человекъ пять-шесть русскихъ подданныхъ (изъ нашихъ же Грековъ они всѣ были).

Хоть и простой и смиренный человекъ, а былъ мусьё Бертоме въ большомъ уваженіи, потому что изъ старыхъ хозяевъ былъ въ городѣ и состояніе свое имѣлъ. Въ праздники императоровъ Русскаго, Австрійскаго и Французскаго расходовъ не жалѣлъ; угощалъ всѣхъ кофеемъ и ликеромъ, кто ни придетъ, и старался бѣдный какъ могъ. И вотъ что удивительно: хоть и Франкъ онъ былъ по вѣрѣ своей, однако, какъ будто, русскій флагъ больше другихъ уважалъ. Я думаю своимъ мозгомъ, который мнѣ Богъ далъ, что онъ это въ угоду Грекамъ дѣлалъ, чтобы въ городѣ его больше любили. Ничего, былъ человекъ хорошій. Только бѣдный умъ его плохо рѣзалъ.* Придетъ къ лашѣ, улыбается все, а сказать, какъ слѣдуетъ, ничего не умѣетъ. Еслибы не консульша, дѣла бы вовсе нешли. Та была паликаръ старуха! На лашу накинется: „Я съ тобой говорить не хочу! Ты все лжешь и обманываешь насъ. Обицалъ выпустить вотъ того-то и того-то изъ тюрьмы, а не выпускаешь. Учатъ-учатъ васъ, а вы все такіе же.... Не смотри ты на меня, лаша... я сама тебѣ вчера пироги сладкіи испекла, своими руками замѣсила; а ты насъ не любишь, и я сама тебя теперь ужъ не люблю!“ Просить ее

* Умъ рѣзалъ — одно изъ любимыхъ выраженій греческаго просторечія. Умъ хорошо рѣзаетъ у этого человека, значитъ человекъ этотъ уменъ.

лаша, обниметь. „Эй, морѣ * кирия, не сердись! Не сердись морѣ консульша! Отпущу этого челоѣтика тебѣ въ угоду. Върнми! мы съ мужемъ твоимъ старые друзья... Въ одномъ горѣ дѣ родились...“

На жандармовъ кричала, командовала ими консульша. То не такъ, другое не такъ! „Ты знай свое мѣсто, разбойникъ; а ты свое дѣло смотри; а ты свой долгъ знай, и тѣмъ и уважишь кого надо!“...

Такъ и покрикиваетъ, и мужъ за ней тихонько да съ уаибкой: „Чтожь ты это? Правду она говоритъ: ты это не такъ, морѣ, дѣлаешь.“

Были у нихъ двѣ дочки молодыя: м-ше Роза и м-ше Маря. Дѣвочки красивыя и скромныя. Сама старушка была изъ Сиры, франкорумля, ** и былъ у нея родной племянникъ, тоже франкорумысь, Жоржаки.

Вотъ этотъ-то Жоржаки и свель съ ума стараго дурака Сакелларю, сдѣлалъ его драгоманомъ, всячески насмѣялся надъ старикомъ, и ограбилъ его потомъ черезъ мѣру.

Я съ кавассами г. Бертоме былъ большой другъ и часто бывалъ въ консульствѣ. Приду и сажу у нихъ. И они мнѣ много разказывали, а многое и самъ слышалъ. Жоржаки такой негодный былъ, что и сказать трудно. Жидевкій, да съ бородкой, какъ Еврей, такъ и крутится Дьяволь! А хвастаться это первое дѣло. Придетъ къ намъ съ кавассами ввязъ: „я, говорить весь свѣтъ изъѣздалъ! Въ Александріи былъ, въ Константинополѣ жилъ, въ Молдавіи и Валахіи торговалъ. Въ Константинополѣ въ посольствахъ замучали меня. Я, другъ мой, люблю простоту; комплиментами тягочусь. Нѣтъ покоя! Надѣвай, Жоржаки, фракъ и перчатки каждый вечеръ! „Кирь - Жоржаки! говоритъ русскій посланникъ, вы обѣдаете у меня сегодня?“—Французъ къ себѣ зоветъ, Нѣмецъ къ себѣ. Тиранія! кататься верхомъ съ секретарями, французскую посланницу, вечеромъ à la brasetta домой съ балу англійскаго провожай! Я съ ними со всѣми былъ знакомъ. Конечно, люди высокаго званія, аристократія такая что ваши влоротскія головы и не постигають во

* Морѣ, гаулый, гауленькій; подупрезрительное, подуласкательное выраженіе, которое вездѣ и всѣми употребляется въ Турціи, безъ всякаго намѣренія оскорбить.

** Франкорумысь и франкорумля, Грекъ-католикъ, Гречавка-католичка.

вѣки вѣчные. А иной разъ бывало отъ утомленія всѣхъ ихъ къ чорту поплещь — „Чтобы ваши души не сплелись!“ скажешь про себя. Ужь довольно мнѣ комплиментовъ этихъ!..“

Такъ онъ намъ разказывалъ. Вѣрить намъ этому или нѣтъ — не знаю. И еще говорилъ: „скажу я тебѣ, братъ, что я вотъ какой человекъ: чѣмъ хочу тѣмъ и буду: съ пастухомъ я самъ пастухъ, съ лордомъ лордъ, съ ученымъ ученый, съ пашой паша, съ дуракомъ дуракъ, съ мудрымъ мудрецъ первой степени!.. У меня ключъ всего міра; что захочу — отолру. Вотъ что я!“

Топнота, бывало, видѣть его какъ онъ вертится и хвалится; панталоны узенькія и самъ тонкій... Господи, избави!

Разъ, одинъ старичокъ простой сидѣлъ у насъ и сказалъ ему: „Это точно, оно можетъ быть что ваше благородіе съ пастухомъ пастухъ; учености я и мудрости никакой не знаю; лордовъ въ жизни моей не видалъ. А съ пашей-то вы когда, такъ на пашу не похожи; а какъ-бы, такъ-сказать, больше къ простымъ людямъ приближается... Паша пашѣ кланяется иначе чѣмъ вы, да и говорить, я думаю, иначе чѣмъ вы говорите!“

— Ты, говорить, глупый старикъ — грамотѣ не обучался и свѣту не видалъ... Не вмѣстить головѣ твоей толстой сужденіе о человекѣ какъ слѣдуетъ благородномъ... Это моя вина, что у меня гордости нѣтъ, и что я съ такою сволочью какъ ты въ разговоры удостоиваю вступать! Ты знаешь ли, несчастный, что я на все способенъ!.. Знаешь ли ты, что если на меня хоть-бы писать найдеть охота, перо въ рукѣ моей трепещетъ! Какъ въ лихорадкѣ само перо бьется! Вотъ что я такое! Никто здѣсь и понять даже не въ салихъ что у меня за душа... И сверхъ того еще какая я собака....

Разсердился Жоржаки — бѣда! а мы отъ смѣха чуть не задохлись всѣ.

А благородство его тѣмъ и кончилось, я говорилъ уже вамъ, что онъ старика Сакелларіо ограбилъ.

Разъ, сидѣли мы вечеромъ внизу съ кавассами, — слышали у господъ на верху шумъ и смѣхъ, и дочки консула тоже громко хохочуть.

Взошли мы тихонько на лѣстницу, глядимъ: стараго Сакелларіо Жоржаки на царство вѣнчаютъ...

Правду — я вамъ говорю; на царство вѣнчаютъ. — Вѣдь этотъ Жоржаки безсовѣстный что выдумалъ: у епископа нитру выпросилъ. — „У насъ споръ, говорить, въ консульствѣ

сколько митръ у васъ есть. — Я говорю двѣ; а консуль говорить одна. — Нѣтъ я говорю... Одна здѣшняго круглаго фасона, а другая высокая изъ Россіи...“ „Я, говоритъ консуль, только круглую видѣлъ..“? Такъ и выпросилъ митру Жоржаки.

Наложили немножко старика, и посадили на очагъ какъ на тронъ и митру надѣли...

— Zito! кричить Жоржаки, и другіе кричатъ „Zito!“

— Zito! императоръ Австріѣckій!..

— Чтò, говоритъ Жоржаки, императоръ Австріѣckій... Не того онъ достоиць... Съ такимъ величіемъ, съ такимъ, говоритъ, лицомъ, ему только Византійскимъ императоромъ бы прилично быть...

Консуль говоритъ:—полно, полно! А тотъ безумный сидитъ на очагѣ въ митрѣ и улыбается, и не видитъ что изъ него *карагѣза** сдѣлали...

Выйти въ этотъ день намъ пришлось съ Манулаки вмѣстѣ изъ консульства. Мальчикъ опоздалъ придти за нимъ съ фонаремъ, у меня былъ фонарь, я и говорю: „пойдемте вмѣстѣ киръ-Манолу!“

Пошли.

— Чтò, говорю я ему: хорошо повеселились сегодня.

— Съ такими благородными, воспитанными людьми, какъ не веселиться, говоритъ. Боже ты мой! чтò значитъ человекъ въ Европѣ былъ! Совсѣмъ другой обычай! Свобода обращенія, благородство, веселость?.. А у насъ чтò? бѣдность, нищета, каждый ищетъ только какъ бы осудить и обмануть другаго! Варварство, Турція, одно слово...

Я слушаю его и думаю; „вотъ чтò! А давно ли я видѣлъ какъ ты башмаки снималъ въ сѣняхъ, не то у паши, а у послѣдняго турецкаго меймура, ** и подбѣгалъ къ нему согнувшись, точно лолу поцѣловать собирался!“

Думаю я такъ, а самъ говорю ему:

— Да, киръ-Манолу — Турція и дѣла турецкія вещь пропадая! Пора и тутъ эллинской свободѣ распространиться!

— Нѣтъ! отвѣчаетъ: этого ты также не говори.. Я Эллиновъ не люблю.. Ты меня не понимаешь, несчастный... И я тебя не вию, потому-что ты не такъ-то грамотенъ.. Я говорю о

* *Карагѣзъ*, шутъ, пааць.

** *Меймуръ*, турецкій чиновникъ.

свободѣ обращенія, а ты объ Элладѣ! Чтѣ хорошаго твоя Эллада? Разбой, всякій пастухъ равенъ богатому и образованному торговцу. Теперь хотѣ бы мнѣ... Я человекъ хорошей фамили, благородный, имѣю состояніе... Приятно-ли мнѣ будетъ, если всякій Куце-Влахъ,* всякій *блѣшаночникъ*** будетъ со мной равенъ. Здѣсь тебѣ все-таки почетъ какой-нибудь есть... Здѣсь другъ мой, есть еще аристократія. Просфору мнѣ въ церкви подаютъ особую, потому что цѣвятъ и уважаютъ меня за мое состояніе... Чтѣ это значитъ? Это значитъ аристократія!

— Ну, хорошо! думаю я про себя. — Мнѣ чтѣ до этого... Подожду какъ начнется тревога какая въ краю, да перейдутъ Эллины границу, чтѣ тогда заговоришь?.. Первый отъ страха закричишь: „Zito!“

Черезъ недѣлю мы узнали что Манулаки драгоманомъ сдѣлали.

Надѣлъ онъ фуражку съ галуномъ и съ короной вышитой, мундиръ шилъ, ходить прямѣе сталъ, глядитъ строже. Бѣдалъ ужъ и предъ пашей въ салогахъ сидитъ; башмаки пересталъ носить (а прежде салогъ не носилъ, легче скидать), смотримъ, онъ ужъ и съ Турками споритъ: Извините, говоритъ, на это трактаты великихъ державъ существуютъ!

Зашелъ я къ нему съ Рождествомъ его поздравить. Садись, говоритъ. А прежде бывало: добро пожаловать, капиталъ Яни! Добро пожаловать, садитесь. Какъ живете?

А теперь просто: Садись, братъ. Ныне праздникъ, ты у меня гость.... Садись!

* *Куце-влахи* зовутъ людей валахскаго племени, которые занимаются преимущественно овцеводствомъ въ Эпирѣ, Фессалии и Македоніи; они ведутъ полукочевую жизнь, имѣютъ села, и покидаютъ ихъ на зиму, спускаясь съ горъ на болѣе теплыя пастбища.

** Слово *блѣшаночникъ* (*аспирскуфосъ*), означющее въ устахъ богатаго горожанина, также какъ и „куце-влахъ“ — *простой человекъ*, происходитъ отъ того что эпирскіе простолюдины, Греки и Албанцы, жатъ каждый день надѣвать феску, носятъ обыкновенно бѣлые колпачки на бекрень, которые дѣлаются женщинами дома. При извѣстнѣхъ фустанеллахъ и вообще греко-албанской одежды даже и тогда когда она отъ работы и несовѣстнѣ опрятна, бѣлый колпачокъ этотъ вовсе не производитъ впечатлѣнія какого-нибудь спалнаго колпака, и насмѣшка надъ нимъ доказываетъ только какъ мало развито теперь чувство изящнаго у болѣе образованной части восточно-христіанскаго общества.

И фуражка драгоманская на столѣ, на особой вышитой подушкѣ у него лежитъ; короной впередъ; пройдетъ мимо, и поправитъ ее.

— Ба, ба, ба! Думаю: какъ этотъ человѣкъ вдругъ распухъ и возгордился.

VIII.

Костаки, я вамъ скажу, можетъ-быть при одной лѣсенкѣ бы и остался. Все бы думалъ: куда мнѣ навьючить богача и драгомана! Поскучалъ бы и сказалъ бы послѣ: „Софица—Мобфица, * не все ли равно! На Лаккиоткѣ нашей женюсь.“ Но та старуха которая отъ Кади его спасла, Катинко Хаджи-Димо—расплатила своими словами его любовь. О томъ что Софица нравится нашему молодцу, она отъ меня узнала. Я сказалъ ей:—„Вотъ бы сдѣлать ему хорошую судьбу“? Катинко была прелюбопытная старуха. Добрая была на разговоры, да и надѣла всякія, какъ мущина.

Послѣ того какъ она спасла Костаки отъ наказанія, Костаки сталъ бывать у ней въ домѣ. Она жила одна; хоть мужъ у ней и былъ еще живъ: однако онъ давно уѣхалъ въ свое село и съ ней не видался никогда. Она сама развелась съ нимъ, сумашедшая! Не любила его, а повѣрьте мнѣ что онъ въ молодости былъ превидный собой мужчина! Да сказала себѣ женщина: „Не люблю его и конечно!“ Представили архіерею прошеніе что у ней будто зобъ на шеѣ больше растеть, когда она съ мужемъ вмѣстѣ. „У меня зобъ, говорить, есть: и какъ я уѣду отъ него къ матери моей, такъ у меня зобъ меньше; вернусь къ мужу, зобъ больше станетъ!“

Доктора свидѣтельствовали ее, свидѣтельствовали. Всѣ говорятъ одно:

— Не слышали мы и въ книгахъ не писано чтобы черезъ мужа зобъ сталъ больше!

А Хаджи-Димо свое:

— Не хочу чтобы меня черезъ него да зобъ бы задушил! Архіерей говорить: „Это не причина.“ А она ему: Ваше пре-

* *Софица—Мобфица, вылаѣтъ—малаѣтъ, консулъ — монсулъ*, принятая у восточныхъ людей шутка; и наши крымскіе Татары говорили: *становой—мановой*. Это значить какъ бы пренебреженіе: „становой и тому подобнае“. Второе слово должно непремѣнно начинаться буквой *л*.

освященство монахъ, человекъ святой, отъ такихъ дѣлъ далеко жили. Вы мнѣ повѣрьте. Доктора мошенники. Кабы я побогаче была, не то чтобы зобъ, а и худшую бы причину нашам.

Таскали, таскали мужа по ханамъ. * Усталъ человекъ. А Катинко оставить дѣло на два-три мѣсяца, увидеть къ матери въ село, и опять въ городъ судиться. У нея родные вездѣ были; у родныхъ живеть. А мужу несчастному каково въ гаву жить, когда его вызовутъ? Ужь онъ и самъ сталъ сомнаматься. „Хоть мнѣ она и по душѣ была, и зобъ этотъ у нея не великъ, и я этимъ зобомъ нисколько не брезгаю; однако, Богъ съ ней, есаи я ей угодить не могу“ (надо и то сказать что деньги и имѣніе у нея было, а онъ былъ бѣденъ). Архіерей, однако, все еще увѣщевалъ ее и уступилъ только тогда когда Катинко сказала:—„Эй! не разведете, пойду къ Туркамъ и потурчусь—одно мое вамъ слово“.

Испугался архіерей и всѣ старшины, и развели ее. А она свѣтеса послѣ: „Слыханое ли дѣло, чтобы хорошая христіанка потурчилась? Кто поидеть турчиться? Развѣ распутная какая-нибудь, которая Турка полюбила!“

И стала съ тѣхъ поръ жить сама одна.

Женщина эта многое вынесла и многое видѣла и знала. Она и у разбойниковъ въ лѣтну была. Да! взяли ее на дорогѣ разбойники и двѣ недѣли держали въ лѣсу. „Извините, кирія, говорили они ей, что у намъ угощать васъ нечѣмъ кромя хлѣба и кизиля“. Кизилевыми ягодами все ее кормили; послали одного пастуха Влаха съ угрозами въ городъ и велѣли роднымъ выслать пять тысячъ піатровъ; „а не вышлете, уьемъ кирю Катинко.“

Дома у нея были деньги, и послали родные пять тысячъ піатровъ. Разбойники ночью проводили ее сами до хана и сдали ее Ханджи въ руки. „Смотри, осель, береги кирю, и завтра отправь бережно въ городъ! Это наша кирія, мы ее любимъ.“

И еще сказали ей: „Мы, сударына, знаемъ какое у васъ состояніе; не богатое и не малое, а среднее; оттого мы съ васъ больше пяти тысячъ піатровъ и взять не хотѣли“....

Когда вернулась Катинко въ городъ, захотѣли турецкіе чиновники ее видѣть и узнать что-нибудь о разбойникахъ. И

* Ханъ, гостиница, подворье.

она своими отвѣтами всёжъ смѣшила, а показать что-нибудь важное на разбойниковъ не показала.

Случилась тогда въ конакѣ одинъ греческій подданный, и вздумалъ онъ, когда всё отъ отвѣтовъ Катинки развеселился, подшутить надъ ней.

— А что, говоритъ, Катинко, какъ здоровье ваше? Послѣ разбойниковъ у васъ какъ будто зобъ опять побольше сталъ?

Всѣ засмѣялись. А она ему:

— Стыдись, несчастная твоя голова! Ты думаешь это Эллада ваша что ли? У васъ въ Элладѣ, въ Юнавистанѣ* вѣдемъ разбойники люди безсовѣстныя, такіе же какъ ты! А здѣсь Османли-Девлетъ, и Албанцы которые меня взяли люди цѣломудренныя и разумныя.

Боже мой! Какъ хвалили ее Турки за эти слова!

А она вышла изъ Конака и говоритъ христіанамъ:

— На! пропадите всё вы, и лапа, и кади, и всё діаволы! Захотѣлъ чтобъ я на разбойниковъ что-нибудь показала! Какъ же, ждите! Развѣ можно хорошему человѣку въ Турціи на разбойниковъ показывать? Что жъ это будетъ за порядокъ, если въ Турціи переведутся разбои и скажутъ всё: „Турція хорошее государство, Турція впередъ идетъ. А Эллада государство скверное; Эллада неидетъ впередъ; въ Элладѣ есть разбойники, грабятъ и бьютъ; а въ Турціи нѣтъ! Ну, какіе же и вы сами патріоты, если хотѣли чтобъ я на разбойниковъ килеякамъ показывала?“

Вотъ какая была женщина эта Катинко. Всѣ мы ее уважали; а Костаки такъ и говорилъ: „она для меня больше матери.“

Я сказалъ вамъ что Костаки сталъ къ ней часто ходить послѣ того какъ она его изъ рукъ кади спасла. Старуха его очень любила. Ласкала его какъ сына и любила шутить съ нимъ и дразнить и стыдить его.

Костаки былъ отцомъ своимъ въ большомъ цѣломудріи воспитанъ. Кто видѣлъ его съ мущинами въ пляскѣ, или на базарѣ, или когда на горѣ за городомъ въ праздникъ начнутъ играть въ войну, и раздѣлась надрѣвъ партіи, камнями бросать, всякій говорилъ: „какой этотъ смѣлый и дерзкій паликаръ!“

* Юнавистанъ, турецкое названіе Греціи. Происходитъ, вѣроятно, отъ слова юнакъ—Юнкеръ.

А при женщинахъ онъ все краснѣлъ, и никогда никто отъ него безстыдной шутки не смыхалъ; мы, которые постарше, часто и шутить начнемъ между собой. У того есть въ городѣ кума; а у того двѣ кумы. Костаки только краснѣть. Разъ, какъ я зналъ что Катинко любитъ Костаки какъ своего сына, я и говорю ему въ праздникъ:

— Пойдемъ, Костаки, сдѣлаемъ посѣщеніе кира-Катинкѣ.

— Пойдемъ.

Пришли. „Садитесь, садитесь. Какъ поживаете?“ Очень хорошо. „А вы какъ?“ Очень хорошо! Стали разговаривать. Костаки курить и молчить въ углу, какъ дѣвица.

Пришла служанка, подала намъ варенья и кофе. Служанка была молодая Куде-Влаха и собой красивая.

Я на нее взглянулъ; а Костаки и глазъ на нее не подыалъ.

Ушла служанка. Кира-Катинко и говоритъ паликару:

— Чтò же это ты, другъ мой, такую великую суровость оказываешь? На женскій полъ не глядишь.

Застыдился Костаки! Какъ свекла красная покраснѣлъ.

— Оставьте его, кира; говорю я.—Костаки мальчикъ у насъ хорошій, стыдливый и честный. А паликаръ вы сами знаете какой! Онъ отцомъ въ цѣломудріи и молодечествѣ воспитанъ.

— Знаю, знаю, говоритъ Катинко.—Я пошутить хотѣла съ нимъ, потому что я его люблю какъ своего сына. А что онъ, такой паликаръ, краснѣть и стыдится когда говорятъ съ нимъ о женщинахъ, это точно доказываетъ его скромность. И знай ты, если молодой человекъ краснѣть когда съ нимъ говорятъ о чемъ бы то ни было старшіе или по званію вышніе, то это значитъ что онъ хорошій человекъ будетъ. Это значитъ что душа его чувствуетъ все!

— Женить бы его, кира, поскорѣй, говорю я,—чтобы не развратился, не испортился...

— Чтò жь, женили бы его.

А я говорю: „На комъ?“

— На комъ? говоритъ кира.

— На дѣвушкѣ честной и красивой, изъ уважаемой семьи и съ приданымъ.

Такъ этотъ разговоръ и кончился. Мы ушли, и съ тѣхъ поръ Катинко задумала непременно женить Костаки.

IX.

Старушка Катинко Хаджи-Димо какъ задумала своего любимца Костаки женить на Софицѣ, такъ и стала паликару объ этомъ говорить.

— Вотъ изволь, тебѣ жена какъ слѣдуетъ... Ты молодецъ и она миленькая. Ты молодецъ, а она еще моложе. Пѣра! Дѣвочка, ты меня, сынъ мой, послушай, диво! Обходительная, кроткая, хозяйка. Теперь, какъ изъ школы вышла, посмотрѣлъ бы ты на нее; ни минуты безъ дѣла не бываетъ, посуду моетъ сама, всѣмъ старшимъ и роднымъ, которые въ домъ придутъ погостить, постелею стелеть; на кухню безпрестанно ходить; шить; я даже видѣла разъ что она стѣны бѣлила сама.

Старуха хвалить, а Костаки только краснѣетъ, бѣдный.

Такъ всякій день говорила Катинко паликару. И это была правда. Что другое, а воспитаніе Манулаки дочерямъ хорошее давалъ, благочестивое. И въ семьѣ онъ и самъ былъ добрый и ласковый человекъ. Вообще и подарками, и ласкою дочерей старался утѣшить.

А Катинко все свое твердить:

— Какая, я тебѣ говорю, Софица эта тихая. Я у нихъ часто бываю и вочую даже верѣдко. И что жь, повѣришь ли ты: слова почти отъ нея не слыжала! Только улыбается всѣмъ и угощаетъ, бѣдная: не угодно ли кофе, киръ, не угодно ли ликеру, не угодно ли варенья, киръ? Такая сладкая дѣвушка! И приданаго за ней будетъ лиръ 200 и даже болѣе...

— Не отдадутъ ее за Костаки! говоримъ мы.

— Старуха Катинко—колдунья! Не бойтесь. Ужъ не знаю отчего это я полюбила такъ этого паликара? Или оттого что мнѣ за мои грѣхи Богъ дѣтей не далъ; такъ ужъ ему душу всю отдаю!.. Будетъ, будетъ это! Пусть Костаки еще годикъ поторгуетъ *телятиной* и немножко поправится деньгами!

Катинко призналась мнѣ что она и Софицѣ говорила.

— Хочешь замужъ, дочь моя? сказала ей старуха.

Софица только глаза опустила.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи...

— Это воля отца моего, говорить.

— А твоя воля?

Конечно, двѣца скромная на это не должна отвѣтить.. Да старуха усложойться не могла.

Велѣла паликару пройти мимо оконъ, и позвала Софицу.

— Смотри, что эта картинка хорошая?

— Какая? говорить.

— Этотъ паликаръ.

— Хорошо, говорить Софица,—я его знаю; это Костаки, Сулють, который кожей торгуеть. Я въ школу мимо его магазина ходила.

— Вотъ тебѣ мужъ! говорить старуха.

Софица обидѣлась и покраснѣла.

— Ба! говорить,—бѣлошпочникъ, и вдругъ мнѣ мужемъ будетъ! Простой человекъ. Весь, какъ Клефть, въ бѣломъ платьѣ!...

Этого мы не сказали Костаки бѣдному, чтобы не огорчить его.

Такъ-то шло это дѣло. А старикъ Манулаки въ это самое время о мошенникѣ Жоржаки съ ума сходилъ.

Тотъ извергъ ему все льстилъ, въ дѣлахъ своихъ совѣтовался, способности его хвалилъ.

— Какже не проклянуть вамъ, здѣшнимъ православнымъ, эту Турцію! Сколько великихъ способностей пропадаетъ. Да вы министромъ, губернаторомъ должны быть.

— Не брани Турцію, скажетъ Манулаки,—какъ бы хуже не было!

— Ба! ба! ба! Да вы такой умный, да вы такой честный и опытный гражданинъ... Я, который столько видѣлъ людей... мало видѣлъ такихъ какъ вы... Вы меня извините, я вамъ скажу, у вашихъ здѣсь мало благородства въ обращеніи... А у васъ благородство выше всякой мѣры. Вы мнѣ отецъ! Я отца своего такъ никогда не любилъ.

Катинко все это сама слыхала и сама разказывала намъ.

И полюбилъ старикъ Жоржаки крѣпко. Пироги ему шлетъ; виноградъ привезутъ ему изъ деревни, онъ цѣлые вьюки винограда къ Жоржаки шлетъ.

Похвалитъ Жоржаки у него въ домѣ коверъ болгарскій, — старикъ коверъ даритъ ему.

Самъ по улицѣ идетъ въ драгоманской фуражкѣ съ базара, а слуга за нимъ большую каракатицу для Жоржаки несетъ.

— Каракатицъ свѣжихъ, говорить, привезли изъ Превезы! Жоржаки плачетъ, обнимаетъ его „ты мнѣ отецъ!“ кричить.

А Манулаки вездѣ вздыхаетъ и разказываетъ: „Много жаловался что судьба дала мнѣ однихъ дочерей, и пожалѣ меня Богъ, послалъ мнѣ сына въ Жоржѣ!“

Катинко сокрушалась, боялась смерть чтобы Софицу Жоржа не отдали.

— Нѣтъ! Я говорю ей,—этой-то мерзости ужъ не сдѣлаетъ старикъ. Все какъ бы то ни было христіанинъ, за Франка отдастъ!

— Закрутился, увѣряетъ Катинко, закутился старикъ отъ похвалъ и отъ драгоманскаго галуна!

Не долго, однако, веселился съ Франками Манулаки.

Смотрю я разъ поутру бѣжить за мной мальчикъ отъ Хаджи-Димо: „Идите, говорить: киръ-Яваки! госпожа моя желаетъ васъ видѣть.“

Прихожу.

— Чтò такое случилось!

— Случилось, капитанъ Яви, дѣло мерзкое. Жоржаки ограбилъ киръ-Маноли.

— Какъ? удивился я.

— Какъ? Лестью. Бралъ у него деньги взаймы, и въ срокъ отдавалъ, а гляди и раньше срока. Разъ пришелъ и говоритъ: „Сыномъ ты меня считаешь, киръ-Маноли.“—Лучше сына— „А если я тебѣ лучше сына, такъ дай мнѣ подъ залогъ имѣнія, которое у меня въ Молдавіи, полторы тысячи лиръ. Вотъ тебѣ мои документы.“

Старикъ далъ, и росписку взять не хотѣлъ; Жоржаки насильно далъ ему росписку. А тамъ, какъ это случимось что и росписка пропала и въ Молдавіи, говорятъ, имѣніе разоренное, двухъ пиастровъ не стоить, и самъ Жоржаки уѣхалъ.

— Плохо старику! говорю я.—Жалко, а чтò же мусь Бертоме съ женой о племянникѣ говорятъ?

— Они тоже бранятъ и проклинаятъ Жоржаки. Поди те-перь ищи его. Вѣдь здѣсь Турція, и на мѣстѣ дѣло не кончается, а каково въ Египтѣ или въ Молдавіи мошенника искать?

Встрѣчалъ я не разъ послѣ этого дѣла старика. Снялъ онъ и драгоманскую фуражку, и салоги бросилъ, и опять башмаки надѣлъ, чтобы легче было снимать у Турокъ. Объ трактатахъ уже ни слова! Сталъ опять согнувшись къ лашѣ и къ каапъ подбѣгать. Къ Вали-лашѣ ѣздилъ подавать прошеніе. Писалъ Вали и греческому консулу (потому что мошенникъ греческій

вданный былъ) и въ Константинополь писалъ. Дѣло и до сихъ поръ не кончено.

Старикъ горюетъ, а у насъ съ Костаки и съ Катинкой все по дочь на умѣ.

Сталъ жаловаться старикъ Катинкѣ что дочь старшая ужъ в возрастѣ. Катинко и говорить:

— Это еще не велико несчастье, что на возрастѣ. Всѣ дѣтки растутъ скоро.

— Время замужъ, говоритъ Манулаки.—Время приданое говорить, кто у насъ съ малымъ приданнымъ возьметъ? Разбойникъ ограбилъ меня, теперь и мнѣ тяжело будетъ, Софицѣ въ пару не найти теперь жениха. Изъ большого дома женихъ большія деньги попроситъ.

А Катинко говоритъ ему.

— Не смотри на большіе дома, смотри на человѣка. Я тебѣ жениха нашла.

И сказала ему кто женихъ.

Боже сохрани, какъ разсердился Манулаки!

— Бѣломалочникъ! Простой Сулють! Кожей торгуешь!

— А ты сукномъ торгуешь, говоритъ ему киря наша добрая.

И начался у нихъ съ Манулаки споръ и крикъ.

— Овъ капитанскаго рода хорошаго!

— Кто, говоритъ Манулаки, на капитановъ глядитъ теперь.

Теперь цивилизація! Ты такъ говоришь, киря, потому сама за простымъ человѣкомъ была...

— Такъ что жь, дай Богъ здоровья моему мужу бѣдному. Овъ со мной хорошо жилъ, и хотъ сельскій человѣкъ, а изъ хозяйскаго дома, а ты вѣдь у Франка-портнаго прежде старое платье штопала и дворъ ему подметала!

— Что жь ты мужа бросила, если онъ такой благородный человѣкъ былъ? кричитъ Манулаки.

— Это дѣло другое, говоритъ ему старуха:—самъ знаешь, у меня зобъ прибавлялся...

До ссоры дѣло чуть-чуть не дошло. Однако, такъ какъ Катинко была сродни старику, то они скоро олятъ помирились.

— Нѣтъ тебѣ судьбы, паликаръ мой! сказала старуха Костаки.

— Какъ Богу угодно! отвѣтилъ бѣдный....

Поблѣднѣлъ онъ, правда, немножко въ эту минуту, но потомъ ужъ не говорилъ ничего ни мнѣ и никому изъ друзей.

X.

Такъ-то, гослординъ мой, хоть у глупаго Сакелларіо многу уменьшилась гордость оттого что Жоржаки осмѣялъ и обманулъ его; а все-таки онъ дочь за простаго молодца-Суліоти отдать не хотѣлъ, пока не обвѣдѣлъ вовсе. Обвѣдѣлъ онъ все, я, кажется, сказывалъ вамъ, отъ большаго пожара, когда у насъ въ городѣ весь базаръ сгорѣлъ....

Скажу вамъ какъ это было; отчего стараго нашего пашу, Аббединъ-пашу, смѣстили и прислали намъ новаго, и какъ этотъ новый, отъ большой образованности своей, сжегъ базаръ. Аббединъ-паша былъ у насъ свой человѣкъ. Онъ былъ у насъ сперва каймакамомъ, а потомъ мутесарифомъ; двѣнадцать лѣтъ управлялъ онъ у насъ. Былъ онъ здѣшній, изъ большаго албанскаго очага; * знатный и честный человѣкъ.

Въ городѣ нашемъ тысячи четыре жителей; тысячи три христіанъ и тысяча одна Турокъ. не больше. Аббединъ-паша не только въ городѣ, а, я думаю, и въ деревняхъ всякаго знаетъ. И его зналъ всякій. Всякій къ нему шелъ, и всякаго онъ принималъ. „Что тебѣ, сынъ мой?“ Это онъ такъ молодымъ говорилъ, а стариковъ, конечно, какъ слѣдуетъ, уважалъ еще больше.

Франковъ онъ не уважалъ и ненавидѣлъ. Съ кѣмъ былъ друженъ прямо говорилъ: „Что они насъ все русскими штыками пугаютъ! Лучше отъ русскаго штыка потерять то что мы саблей приобрѣли, чѣмъ ихъ лукавыми совѣтами жить! Что мы теперь чрезъ Франковъ стали? Мы слуги ихъ, и французскій консулъ кого захочетъ того и приберетъ здѣсь.... Приберетъ, и меня же обвинять, если я не скажу ему: „Хорошо вы сдѣлали, консулъ-бей, кланяюсь вамъ! Прекрасно вы сдѣлали! Хвалю, хвалю! Турокъ палку любитъ; ломай ему голову палкой; онъ поклонится вамъ, консулъ-бей.“

Судилъ Аббединъ-паша насъ скоро и по-старому. И Туркамъ не давалъ въ обиду.

— Ты что? говорить какому-нибудь Турку:—ты зачѣмъ прибилъ этого человѣка?

— Я, паша-эффенди, я такъ, да эдакъ!

* *Большой очагъ*, аристократическій домъ; богатый и гостепріимный домъ, въ которомъ очагъ всегда дымитса.

— Врешь, мошенникъ, я тебя знаю; я въ городѣ всѣхъ знаю... Я васъ, ословъ, учить люблю... Не дерись безъ нужды. Пошелъ, животное, на три дня въ тюрьму, въ другой разъ на тысячу посажу, когда людей будешь бить, мошенникъ!... Вонъ!

Придетъ къ нему какая-нибудь худая женщина жаловаться на архонтолула * какого-нибудь. Сказано, женщина. Кричитъ, плачетъ.

— Я вдова, паша-эффенди! Я вдова, я честная женщина. А онъ вчера разорвалъ мнѣ платье; вотъ оно! За что онъ позоритъ меня? Паша-эффенди, я тебя вмѣсто отца имѣю! Защити меня! Защити ты, какъ отецъ, мою честь....

— Что жъ ты кричишь? скажетъ бывало паша.—Честь я твою знаю, и ты сама ее знаешь; такъ и не плачь и не кричи, а подожди что человѣкъ скажетъ.

Призовутъ и мушину.—

— Ты что, ловѣса, дѣлаешь?

— Я, ваше превосходительство, такъ и такъ.... Она клеветать....

— Молчи, морѣ, знаю я и тебя! Ты жеволубецъ и буякъ.... Ты вотъ то-то, вотъ то-то прошлаго года у Арабки въ домѣ сбѣжалъ. Я все знаю.... И Арабку ту знаю я, и тебя, ловѣса, и эту женщину знаю.

И она нелотребная, и ты нехорошій человѣкъ. Эй, морѣ! заприте ихъ въ другую комнату; пусть поговаряютъ одни и помирятся. Онъ тебѣ, несчастная, за обиду можетъ-быть лиру одау дать. Вотъ тебѣ и честь!

— Да я присягну, ваше превосходительство паша, господь мой, я присягну, говорить Архонтолуло.

— Какъ! мошенникъ! Въ такомъ дѣлѣ да еще присягать хочешь? Какой же ты христіанинъ? Гдѣ вѣра твоя? Постои, я скажу чтобы деспотъ-эффенди ** на тебя церковное наказаніе наложилъ за это. Ведите ихъ въ другую комнату, и когда не помиритесь, я васъ обоихъ на три дня въ тюрьму заключу!

И помирятся люди. И имъ хорошо; и другимъ веселье и смѣхъ, глядя на то какъ старый паша осрамилъ ихъ нелотребство.

Обращеній въ турецкую вѣру онъ не любилъ. „Никогда

* Архонтолуло, сынъ архонта. Архонтами зовутъ всѣхъ зажиточныхъ людей: банкировъ, купцовъ, богатыхъ врачей.

** Деспотъ-эффенди, турецкое названіе архіерея или митрополита.

добра отъ этого не бываетъ. Это все или за деньги, или изъ разврата дѣлается. Свяжется дѣвка съ Туркомъ и вѣру хочетъ мѣнять. Развѣ это вѣра?"

И трудолюбивъ, бѣдняга, былъ Аббедия-паша. Когда онъ успѣвалъ свой гаремъ видѣть это удивительно. Цѣлый день слушаетъ жалобы и принимаетъ народъ. Насъ, Эликовъ свободныхъ, которые жили въ Эпирѣ по дѣламъ своимъ, онъ преслѣдовать не любилъ. „Да они бунтуютъ народъ“, говорятъ ему.

— Это, скажете, — все пустое. Я этого не боюсь. Пока не захочетъ Европа, не вѣрю я въ ихъ силу и не боюсь ихъ!

И намъ чрезъ это было хорошо.

Когда завели эти новые вилайеты, онъ прилежно уставы всѣ изучилъ и по нимъ хотѣлъ справедливо дѣйствовать.

Писать ему Вали изъ вилайета.

— Пришли мнѣ этого Грека сюда судиться.

— Не могу, отвѣчаетъ Аббедия-сердечный, человекъ не ѣдетъ, говорить что по новымъ законамъ султана его сажаютъ прежде въ здѣшнемъ судѣ судить, а когда кто будетъ недоволенъ, тогда надо въ главный городъ ѣхать.

— Пришли этого Грека, приказываетъ опять Вали-паша.

— Если прикажете силой взять человека, то я пришлю; а человекъ кричитъ что это не по уставу. Какъ прикажете?

Ну, и уступить иногда Вали.

Иные жаловались на Аббедия-пашу что онъ лжець. Да онъ, бѣдняга, и дгаль-то иногда чрезъ мягкость свою и доброту души. Всѣмъ обѣщать хорошее хочетъ; отказывать ему жалко.

Вотъ эта слабость у него была. Какъ онъ былъ здѣшній, а не изъ Константинополя, то ему и хотѣлось чтобы всѣ любили его и жалѣли, если и должность свою теряетъ.

И точно онъ должность потерялъ свою чрезъ насъ и чрезъ свою справедливость.

Когда вздумали прошлаго года Турки Элинамъ объявить войну, пришло приказаніе выгнать скорѣе вовхъ греческихъ подданныхъ.

Кто хочетъ остаться, пусть будетъ раба.

Народъ собрался къ Аббедия-паше и просить. У одного жена больна, умираетъ, ни везти ее зимой по горамъ и по морю нельзя, ни бросить одну; другому счета свести, у другаго денегъ на дорогу нѣтъ. Архонты умоляютъ докторовъ и учите-

лей греческихъ подданныхъ не выгонять. „Для здоровья и для просвѣщенія нужны!“

Аббедивъ и вступился за народъ, пишетъ къ Вали-пашѣ. „Дайте людямъ срокъ; не губите людей“. Только написалъ онъ это по просьбѣ народа, такъ и услышали на базарѣ вѣсть что его смѣняютъ. Весь народъ заговорилъ.

И мѣсяца не прошло, какъ новый мутесарифъ къ намъ прѣхалъ.

— Извольте теперь, господинъ мой, судить, правы ли мы что бунтуемъ?

XI.

Прѣхалъ новый мутесарифъ Арифъ-паша. Онъ былъ Босмакъ и человекъ Европеецъ вполнѣ. Шампанское пилъ, по-французски зналъ.... Молодой еще, жирный такой и въ Константинополѣ большую силу имѣлъ.

Какъ прѣхалъ, такъ въ тотъ же день стѣснилъ христіанскихъ членовъ идаре-меджиса и спрашивалъ кто больше предавъ. Ему сказали Турки: „вотъ Манулаки хорошъ. Испортился было какъ драгоманомъ былъ, а теперь олять хороший человекъ сталъ“.

Сейчасъ Манулаки членомъ въ идаре пригласилъ. И стали вѣсть они разбирать, кто старый греческій подданный, а кто новый. Кто несомнѣнный, а кто сомнительный? Кто долженъ вѣхать, а кто можетъ остаться? Толпой ходили люди къ Манулаки, просили чтобы пощадилъ.

— Странные вы люди! говорить онъ имъ:—Развѣ я не христіанинъ и не жалю Грековъ? Но что же мнѣ дѣлать теперь? Не гибнуть же мнѣ? Уйду я изъ меджиса, другой еще хуже меня будетъ....

Пришлось и Костаки нашему паликару выбирать либо вѣхать въ Элладу и все дѣла бросить, либо райя стать.

Чтобы Костаки да сталъ райя! Какъ сказали ему это люди, онъ говоритъ: „да лучше я- умру, а турецкимъ подданнымъ не сдѣлаюсь. Не оскорбляйте меня“.

Мнѣ тоже было худо; но я любѣжалъ къ мадамъ Бертоме, и она, бѣдная, тотчасъ же заставила мужа меня безъ жалованья въ кавассы записать.

Помель я послѣ этого просить киръ-Манолу, чтобы онъ за моего друга Костаки заступился. Предлагалъ что я за него

поручителемъ буду и росписку дамъ, пусть меня въ тюрьму посадить консулъ если Костаки въ чемъ провинятся.

Хаджи-Дамо старушка тоже вмѣстѣ со мной уговаривала Манулаки.

И Боже мой, и слышать не хочетъ. „Вонъ его, вонъ!“

— Что онъ за царь! Докторъ онъ, учитель что ли? багичникъ простой—вотъ онъ что!

Взбѣсился и я, и вышло бы дѣло толстое, когда бы старуха не удержала меня.

Сталъ я ругать Манулаки:

„Ты ненавидишь молодца за то что онъ тебѣ честь сдѣлалъ, твою дочь хотѣлъ взять. Предатель! ругаю его,—мошенникъ! Мало людей босымъ мальчишкой у Итальянца тебя знали!

Онъ было сталъ тоже кричать на меня: „какъ ты, простой слуга, и смѣешь архонта и царскаго члена ругать!“

— Молчи! я говорю,—извергъ, и вынулъ пистолетъ изъ-за пояса.—Вотъ тебѣ клятва моя что я убью тебя этою рукою моею, которую видишь, какъ только Эллины перейдутъ границу. Пусть погибну я, но и твоей жизни будетъ конецъ! Ты кого, извергъ, предъ собой видишь? Воинокъ-человѣкъ, Суліотъ, стоитъ предъ тобой, извергъ ты человѣкъ.

Поблѣднѣлъ, задрожалъ Манулаки; ни слова громко... Только шепчетъ: „А! варвары! варвары люди!“

Катинко насъ развела и говорить мнѣ: „Иди, Янн, съ Богомъ!—Добрый часъ тебѣ... Успокойся“.

Я послушался хорошей старушки и ушелъ.

А Костаки на другой день вмѣстѣ съ другими прогнали изъ города. Въ три дня все кончилъ Арифъ-паша. Ваи, слава Богу, былъ милосерднѣе его; по телеграфу приказалъ ему оставить для народа хоть докторовъ и учителей, которые были Эллинскіе подданные.

И когда бы вы видѣли, господинъ мой, какое это несчастье было!

Кто боленъ, кто счетовъ не свелъ и половину выгодъ своихъ лишился; кто семейный.... Съ утра объявили—а вечеромъ на пароходъ логнали силой.... Старухи, женщины, дѣти.... всѣ бѣги, все бросай въ одинъ день.... Разсудите—легко ли это?—Слезъ и жалобъ и крику — сколько мы слышали и видѣли — это ужасъ. Время еще зимнее не кончилось, дождь, грязь, на морѣ волны горою ходятъ и вѣтеръ паруса рветъ?..

Такова-то была жестокость Арифъ-паши.

Потомъ, когда все успокоилось, сталъ Арифъ-паша просвѣщать нашъ край по-европейски.

Не хочу я сказать чтобы онъ вовсе несправедливъ былъ или бы взятки бралъ. Нѣтъ этого не было; даже при немъ сѣняли скоро тѣхъ чиновниковъ-Турокъ которые взятки любили, и прислали новыхъ.

И кой-что еще онъ хотѣлъ полезное одѣлать. Преступниковъ въ тюрьмѣ заставлялъ всякими ремеслами заниматься, салоги, гарухи шить, желѣзо работать, кто что знаетъ и можетъ, чтобы не болѣли отъ скуки и бездѣлья. Такъ, слышно, въ Европѣ бываетъ.

Дороги сталъ проводить. Только дороги эти наше несчастіе въ Турціи.

По дождю и грязи идутъ несчастные люди работать далеко отъ своихъ селъ; а потомъ отсюда ихъ въ другое мѣсто погонять, куда выгодно для Турокъ. Женщины дѣтей, согнувшись, на спинахъ несутъ; а другія женщины камнями, какъ ослы навьючены.... Денегъ за это ни лиастра, труда много, спи и отдыхай въ грязи на дорогѣ. И зачѣмъ все это? Для торговли, скажемъ? Богъ одинъ знаетъ—заведутся ли когда въ странѣ нашей хорошія колесныя дороги для товаровъ: а мы пока видимъ что на этихъ новыхъ дорогахъ отъ дождей такая грязь стоитъ что по камнямъ въ горахъ идти лошади и мулу легче, чѣмъ по нимъ.... Я думаю, больше для того открываютъ Турки дороги чтобы имъ было легче войска противъ насъ водить, когда мы опять возстанемъ. Такъ вотъ и убивается народъ безъ пользы на этихъ дорогахъ. — А бей, хозяинъ чифлика свои деньги требуетъ, а начальство требуетъ подати... И священнику надо заплатить; нельзя же безъ церкви жить, и школу лотчи въ каждой самой бѣдной деревнѣ народу хотѣлось бы завести.... Мученье великое!—и всегда было худо; а все-таки скажемъ—при Аббединъ-пашѣ, сердечномъ, добрый часъ ему, бѣдному, ни дорогъ не проводили на свою же погибель, и по судамъ меньше мучали.

Хоть и завелись у насъ и при немъ вилайеты-милайеты, и все онъ больше любилъ мирить людей по старинному, чѣмъ въ новыхъ судахъ томить ихъ...

А теперь, поглядите, во всякомъ городѣ ханы народу полны, который издалека вызвали и тиранятъ въ судахъ—въ этихъ правильныхъ безъ конца.

Чѣмъ дальше тѣмъ хуже! И что будетъ съ нами — не знаемъ мы. Куда это дойдетъ, Богу извѣстно.

И отчего это, господицъ мой, этимъ Франкамъ такъ за-надобилась анаемская Турція?

XII.

Теперь о томъ какъ старый базаръ нашъ сгорѣлъ.

Пришли разъ поклониться къ мутесарифу архіерей нашъ и архонты, и Еврей-кулцы, и Турки кой-какіе... Принялъ всѣхъ хорошо. Архіерею на встрѣчу всталъ и далеко по комнатѣ прошелъ, сѣлъ потомъ и сказалъ:

— Все у насъ здѣсь хорошо, только базаръ очень тѣсенъ. И эти крышечки деревянные, что одна съ другой сходятся, какъ бы пожара не было. Надо каменный базаръ весь отстроить и безъ навѣсовъ.

Одинъ Еврей говоритъ: Ваше превосходительство! Крышечки эти, о которыхъ изволите говорить, покупателя зимой отъ дождя, а лѣтомъ отъ зноя предохраняютъ.

Покупатель долженъ внутрь лавки входить. Это все одно варварство и глупость, что торговцы сидятъ въ лавкахъ какъ на балконѣ открытомъ, а покупатель снаружи стоитъ или влѣзетъ и сядетъ съ купцомъ... Надо чтобы были закрытая дверь и окна. Въ Европѣ вездѣ такъ.

— Далекое намъ до Европы, паша господицъ мой! сказалъ одинъ старичокъ-Турокъ изъ нашего города — Европа мѣсто богатое, а наше бѣдное.

Мутесарифъ разсердился на старика и сказалъ:

— Не то ты говоришь, а то скажи что въ Европѣ люди живутъ, а здѣсь ослы...

— *Эветз! эфбендимз, эветз!* * сказалъ бѣдняга и замолчалъ.

Что будешь дѣлать!

Паша у доктора одного спрашиваетъ: „Синьйоръ, какъ вы думаете? Эта тѣснота вѣдь и здоровью вредитъ?“

Докторъ сказалъ что не вредитъ, потому что городъ маленькій и воздухъ чистъ; лѣтомъ въ городѣ самомъ травой пахнетъ. Въ Европѣ очень большіе города, тамъ тѣснота вредитъ. И въ открытыхъ лавкахъ сида сами купцы здоровѣе.

* *Эветз*, да, конечно, согласенъ. Токово большею частью мнѣніе разныхъ выборныхъ членовъ въ присутствіи пашей.

— Вы гдѣ обучались? спросилъ паша.

Докторъ говорить: „Въ Итали.“

— Это Италия! говорить паша:—оттуда только музыканты выходятъ. И вы лѣсни поете, а не дѣло говорите.

Греки купцы наши говорятъ: „дорого намъ очень перестраивать базаръ.“

Паша ничего не сказалъ имъ на это и уѣхалъ изъ города, будто мутесарифлыкъ * весь осматривать.

Весь разговоръ этотъ я знаю хорошо, потому что отъ двадцати человѣкъ о немъ слышалъ. Уѣхалъ паша, и черезъ недѣлю ночью загорѣлся базаръ.

Я спалъ крѣпко, и ни пушки съ крѣпости, ни трубы не слышалъ, которыми у насъ опасную вѣсть народу даютъ. Говорятъ, кто и близко отъ крѣпости былъ ничего не слышалъ.

Поднялся шумъ и крикъ на улицѣ страшный, бѣжить народъ, кричить, барабанъ бьетъ, низамы бѣгутъ толпами, женщины плачутъ и воютъ. Выбѣжалъ и я, взглянулъ, весь базаръ ужь въ огнѣ. Мечется туда сюда народъ между лавками, хочетъ спасти товаръ. Низамы не пускаютъ.... „Не велѣно!“ говорятъ. А сами не тушатъ огня. Кинутся гдѣ молодцы наши съ топорами, низамы ихъ гонять.

Ужасъ чтó такое было!... Да не только гонять низамы, грабить сами. Подойдутъ къ дверямъ желѣзнымъ, которыя у цыгъ купцовъ внизу подъ лавками были, и начнутъ рубить двери топорами.

А тамъ у людей и товары есть, и золото, и счетныя книги, и росписки разныя и векселя. Успѣютъ захватить деньги, или вещи захватятъ, а гдѣ не могутъ, оттого что огонь кругомъ силенъ, такъ отъ злости огню дорогу открываютъ. Войдетъ огонь, и пожжетъ и бумаги и товаръ. А что золото они ворвали, такъ это видно. Не находилъ же никто сплавленнаго золота или серебра на базарѣ послѣ пожара? И если сказать что это царское войско дѣлало!

Арифъ-паша и мечети старой, которая около базара, не пожглась и около нея не тушили, и въ ней всѣ окна потрескались; но она была каменная, и осталась.

И чтó за диво, думали мы послѣ, на сколько хотѣли, на столько и пошелъ пожаръ?

Только четыре дома, которые около самаго базара были, тѣ сгорѣли.

* Губернію.

И Манулаки домъ до тла сгорѣлъ, и магазинъ его сгорѣлъ и счесть, и сукно, а шкатулку съ деньгами унесли.

Начальникъ низамскій самъ оказалъ ему сначала самаго:

— Выводите поскорѣй вашихъ дѣвицъ и выносите вещи изъ дома, базаръ ужъ не спасемъ, весь сгоритъ, а вы близки.

Манулаки все еще надѣялся. Сталъ онъ просить молодцов плотниковъ-христіанъ рубить кругомъ его дома дерево на мѣстахъ газинахъ, никто не хотѣлъ. „Низамы не пускаютъ,“ говорятъ низамовъ въ это время близко не было, но народъ его не жалѣлъ. Сталъ давать деньги плотникамъ, они просятъ много; онъ не даетъ, пока торговались, подступилъ огонь, и пропало все.

Семья убѣжала къ Катинкѣ Хаджи-Димо въ домъ, и что успѣла то и взяла.

Старику тутъ же объ землю ударился и рыдать сталъ. Мнѣ терять на базарѣ было нечего, моя кожа была далека, а другихъ жалко. Пошелъ я искать низамскаго бинъ-баши, то-есть тысячника, котораго всѣ мы знали за хорошаго человека. Смотрю, онъ присѣлъ на корточкахъ въ углу, курить и лѣзетъ на пожаръ.

— Эфенди, говорю я,—весь городъ кажется сгоритъ.

— Что дѣлать, отвѣчаетъ,—огонь.

Вышелъ на пожаръ и мусьё Бертоме.

— Боже! какъ сильно горитъ! А самъ ни съ мѣста.

Я говорю ему: вы, мусьё Бертоме, низамовъ бы пострадалъ немного.

Пошелъ, бѣдняга, стращать ихъ. Стоитъ одна кучка; сдѣлали честь, руки всѣ къ фескамъ приложили.

— Что не тушите пожаръ? спрашиваетъ консуль.

Молчатъ изверги.

— Вы бы тушили, говоритъ.—Не хорошо, что не тушите!

Однѣмъ *чаушъ** отвѣчаетъ ему:

— Что же тушить, консуль-бей? Весь базаръ уже сгорѣлъ.

И то правда что весь сгорѣлъ.

Вздыхнулъ мусьё Бертоме и пошелъ домой.

Что же вамъ сказать еще о пожарѣ этомъ? Нарочно ли начальство зажгло базаръ или только тушить не хотѣло, не буду я говорить. Кто его знаетъ? Только одно скажу: и недѣли не прошло, какъ инженеръ пріѣхалъ (Французъ или Полякъ, не знаю) и началъ улицы прямыя и широкія проводить. И ка-

* *Чаушъ*, унтеръ-офицеръ.

кіе дома на дорогѣ припшлись, то, какъ слышно, ихъ чинить не приказано, пусть себѣ ладають. Пять лѣтъ срока назначено. На помощь бѣднымъ погорѣлымъ изъ Константинополя денегъ, правда, прислали. Этого я не утаю. Стали строить люди новый каменный базаръ, а мутесарифъ ѣздитъ верхомъ и смотритъ каждый день, и лобуется. И цвѣта, какими стѣны должны быть расписаны, назначаетъ. Иные любятъ зеленый цвѣтъ, не велитъ. Отчего? Туркамъ простымъ угодить хочется; зеленый цвѣтъ у нихъ священныи. Иные хотятъ себѣ лавки шахматами голубыми съ бѣлымъ раскрасить, чтобы мѣло было. „Нѣтъ, говоритъ начальство, нельзя!“ Почему же нельзя? „Не знаемъ!“ А мы, Греки, знаемъ. Голубой съ бѣлымъ—аллинскіе цвѣта. Вотъ какая политика! Хозяева горюютъ, а паша смѣется. „Желтымъ красьте всѣ. Желтый цвѣтъ значитъ *зависть*; пусть всѣ чужіе нашему базару завидуютъ!“ Подѣхалъ разъ мутесарифъ къ одному новому дому и увидалъ что надъ дверью двухглавый византийскій орелъ изъ камня высѣченъ. Зоветь хозяина.

— Чтò это у тебя за птица?

— Птица, паша-господинъ мой! Каменьщики любятъ меня и хотѣли мою дверь украситъ.

— А зачѣмъ у ней двѣ головы? Такихъ птицъ съ двумя головами и не бываетъ. Богъ всѣхъ съ одной создалъ... Не любить тебя каменьщики; когдабъ они тебя любили, они бы сдѣлали тебѣ птицу простую, съ одною головой. Сними ты мѣло этотъ камень.

На другой день рано выѣхалъ паша, и люди не успѣли сбить орла.

— Ну, иди въ тюрьму, сказалъ ему паша.— Не любятъ тебя каменьщики.

Низамовъ судить и разбирать не стали, а лоскорѣи отправили въ другой городъ, а на мѣсто ихъ изъ другаго полка привели. Кой-что изъ вещей и товаровъ собрали, и вызывали людей смотрѣть, чьи вещи.

Пустое дѣло!

Поймали человѣкъ шесть христіанъ-воровъ, нашли и у нихъ вещи, и обрадовались Турки: „Вотъ кто грабилъ! Ваши же люди!“

Встрѣтилъ я доктора, того который въ Италиі учился, и говорю ему:

— Вѣдь это они все одѣлали чтобы мы бѣднѣе были, чтобы насъ разорить?

— Богъ ихъ знаетъ! отвѣтилъ мнѣ докторъ.—Можетъ-быть да; а можетъ-быть и вѣтъ. Я скорѣй думаю что это отъ глупости, чтобы предъ свѣтомъ хвалиться: у насъ во всѣхъ городахъ прямыя улицы, какъ въ Парижѣ. Они и у своихъ Турокъ въ Стамбулѣ, говорятъ, не тушили; прямыя улицы провели послѣ. У нихъ бредъ предсмертный ужь начался: вѣрнѣе мнѣ, другъ мой!

— Помоги Богъ! помоги Богъ! сказалъ я, и хотѣлъ проститься съ докторомъ.

А онъ мнѣ говорить:

— Слышалъ ты что Манулаки Сакелларіо изъ меджиса выгнали?

— Возможно ли это! говорю я.

— Такъ, другъ мой, возможно что выгнали. Не вытерпѣлъ и его душа. Сталъ въ меджисѣ о раззореньи народа кричать и о своей шкатулкѣ. „Царское войско меня ограбило!“ сказалъ онъ. А мутесарифъ ему: „Когда вы смѣете обвинять войско и власти такъ открыто и безъ доказательствъ, то за чѣмъ же здѣсь въ идаре сидите?“ Старикъ всталъ и говорить „Если угодно, я уйду, и не ступлю на порогъ этотъ никогда!“ „Добрый вамъ часъ!“ говорятъ Турки. Манулаки сдѣлалъ имъ *теменна* * и вышелъ. Живетъ онъ теперь съ дочерьми у Катинки Хаджи-Димо, плачетъ и проклинаетъ Турокъ.

„Зайти развѣ къ нему?“ подумалъ я, и на другой день пошелъ въ домъ Катинки.

XIII.

Пришелъ я послѣ пожара къ Манулаки. Жалко мнѣ стало старика.

— Садись, говорить, киръ-Яни. Какъ твое здоровье?

Какъ будто ничего не случилось; а самъ все вздыхаетъ и шелчетъ: „Христось и Панагія! Христось и Панагія!“ И на меня не смотреть, а все въ землю.

Сѣлъ я; спрашиваю:

— Какъ вы поживаете, киръ-Маноли?

— Не спрашивай! говорить, и опять вздыхаетъ: „Христось и Панагія!“

* *Теменна*, почтительный восточный поклонъ.

— Великое разрушеніе произошло, говорю я ему.

— Грѣхи наши, грѣхи, киръ-Яни!

А потомъ какъ закричить:

— А? правительство это? А? правительство это? Скажи мнѣ? Видалъ ты войско которое на пожарѣ грабить народъ? Видалъ, скажи?

— Видалъ, говорю я. — Что жь другое въ Турціи увидишь кроме такихъ вещей!

— А! кричить Манулаки,—чтобы весь родъ вашъ пропалъ! Вы хотите погубить наше богатство, которое мы трудами своими приобрѣли! Чтобы мы не могли паликарамъ нашимъ деньгами помогать, когда они возьмутъ ружье и станутъ жечь ваши головы! Слышишь? слышишь? Впередъ идетъ Турція! Образованнаго мутесарифа намъ прислали. А онъ жжетъ базаръ! Слышишь ты, въ Парижѣ онъ видѣлъ широкія улицы! Франціи здѣсь захотѣлъ!

Я вамъ говорю, кричить, и слезы льются у старика.

Клянусь вамъ, хоть онъ и глухъ былъ и не патриотъ, и за мошенника я его считалъ, а жаль мнѣ все-таки его стало. Какъ не пожалѣть христіанина который отъ турецкихъ безпорядковъ плачетъ!

Я утѣшаю его.

— У васъ, я говорю, въ Загорахъ имѣніе еще есть; купите сукна въ Австріи олять, и олять торговать начнете.

— Не говори мнѣ такихъ словъ, киръ-Яни! У меня три большихъ дочери есть. Пока я олять разбогатѣю, старшая постарѣетъ; теперъ ей восемнадцать лѣтъ; минетъ ей двадцать три года, кто ее возьметъ? Вѣдь у насъ, ты знаешь, за двадцать три года перейдетъ, говорятъ люди: стара ужь.

— Найдутся женихи, я говорю, — только снизойдете ли вы.

— Слышишь! Снизойду ли.... Да я Софицу за бакала * съ радостью теперъ отдамъ. Снизойду ли! Что ты за слово сказалъ? Что я теперъ! Безъ денегъ человекъ что такое?... Ничего!

Я какъ вышелъ отъ него, такъ и написалъ письмо къ Костаки въ Акарнанию. „Онъ теперъ,“ я пишу ему, „снизойдетъ.“

Костаки скоро пріѣхалъ изъ Акарнанин съ греческимъ паспортомъ; только скоро женить мы его не могли. Много еще

* Бакаль, бакалейный торговецъ, мелкій лавочникъ.

было хлопотъ. Какъ пріѣхалъ онъ, такъ сейчасъ его заперли Турки въ тюрьму. „Ты, говорятъ, сюда бунтовать пріѣхалъ.“ Костаки говоритъ:—я греческій подданный, не раба. Теперь у султана съ Греціей миръ; за что же вы меня въ тюрьму сажаете? „Ты бунтовать пріѣхалъ.“

Что было дѣлать? Греческаго консула еще нѣтъ, другіе почти мало мѣшаются.... Думали, думали. Пошелъ я къ мусью Бертоме, боится. Все улыбаются да поглядываютъ на меня.

„Такъ взяли его Турки?“ Я говорю: взяли. „Взяли?“ говоритъ. „Взяли.“ — „Эдакіе дьяволы! говоритъ; въ тюрьмѣ теперь?“ Я говорю: „въ тюрьмѣ.“

— „Сказано, Турки!“

А самъ къ мутесарифу нейдетъ. Славу Богу, черезъ добрыхъ людей написали въ вилайетъ; тамъ одинъ докторъ пошелъ къ Вали-пашѣ и просилъ его за Костаки. „Ваша справедливость извѣстна“, такъ докторъ Вали-пашѣ говорилъ: Костаки же нитя пріѣхалъ, а не бунтовать.

— На комъ? спрашиваетъ Вали.

Докторъ сказалъ на комъ. Вали говоритъ: „это дѣло доброе; только пусть въ Элладу поскорѣи увѣзжаетъ. Паликаръ онъ хорошій, только намъ такихъ не очень-то нужно!“

И далъ знать мутесарифу чтобы выпустили изъ тюрьмы Костаки. Какъ вышелъ Костаки изъ тюрьмы, мы его обручили. Причесался онъ, одѣлся во все чистое, и пошли къ Манулаки.

Вышла и Софѣца нарядная; подошла, у Костаки руку поцѣловала, и варенье и кофей намъ всѣмъ сама подала.

Я хотѣлъ было прижать старика, чтобы побольше денегъ новобрачнымъ далъ, зналъ я, что у него все-таки гдѣ-нибудь да спрятаны мѣшечки! Думаю: „Постой же, теперь обручили, весь нашъ городъ узналъ и въ Яннинѣ знаютъ люди чрезъ пашу и доктора.... Уговорю я Костаки пострадать что бросить и осрамить дѣвушку.“ Но старушка Катѣнка на меня разсердилась за это: „грѣхъ, говоритъ, этимъ шутить! онъ и и самъ дастъ!“

И Костаки не хотѣлъ. Стыдно мнѣ это, сказалъ онъ: — пусть по совѣсти дастъ.

И точно, въ тотъ же вечеръ подписали бумагу; самъ старикъ 150 турецкихъ лиръ назначилъ. Онъ дочерей жалѣлъ. Шелковыхъ платьевъ дали два, шерстяныхъ много; два пла-

точка золотомъ шитые и одѣяло атласное алое записали, и много другихъ вещей полпроце.

Турки гонятъ: „Повзжай, Костаки, скорѣе въ Элладу!“ а тутъ съ архіереемъ хлопоты.

— Костаки греческій подданный, я не могу разрѣшеніе ему дать на Софицѣ жениться. *

Къ мутесарифу бѣжимъ.

Мутесарифъ говоритъ: „Это дѣло пустое! Кто станетъ на это смотрѣть. Не бойтесь. Я скажу архіерею чтобъ онъ не боялся.“

Опять къ архіерею.

— Пусть паша мнѣ на бумагѣ приказаніе дасть. А я безъ этого не могу. Патріархъ еще недавно писалъ мнѣ: остерегайтесь, Высокая Порта строго требуетъ чтобы законъ этотъ соблюдался....

— Такъ мы тайно его обвиняемъ.

— Какъ знаете! А я узнаю который полъ вѣнчалъ, такъ я его строгому церковному наказанію предаю и прихода лишу.

Бросимся къ одному полу, къ другому: всѣ боятся.

Опять къ пашѣ.

— Ваше превосходительство, вы бы изволили письменно разрѣшить архіерею.

— На чтѣ ему письменно. Это дѣло церковное. И въ этихъ дѣлахъ онъ не отъ меня, а отъ патріарха зависитъ. Мѣшать я не имѣю права!

Отыскалъ я одного стараго пола, котораго архіерей за безчинства, пьянство и за драки съ Турками прихода лишилъ но отлучень онъ не былъ и вѣнчать могъ. Этому хоть десять братьевъ рядомъ поставь съ десятью родными сестрами, обвиняетъ всѣхъ поочереду!

Обыскалъ ему три лиры. Онъ говоритъ: „Хорошо; три съ половиной мнѣ нужно, потому что съ портнымъ за новый подшивникъ такъ сторговался!“

Чтѣ жъ вы думаете, конечно все? Нѣтъ!

Вѣнчать будемъ тайно; только гдѣ? Манулаки боятся чтобъ

* Законъ Турецкой имперіи запрещаетъ дѣвушкамъ турецкаго подданства выходить за иностранныхъ подданныхъ. Законъ этотъ въ силѣ до сихъ поръ, но надо сказать правду, турецкіе пашы въ этомъ случаѣ благоразумны, и рѣдко преслѣдуютъ за его нарушеніе, лишь бы все сдѣлано было секретно и не нарушено было бы уваженіе къ власти посредствомъ явныхъ праздноствій и т. п.

его самого паша послѣ въ тюрьму не посадилъ. Какое же это срамъ былъ бы для стараго архонта! Надо сдѣлать такъ что и отецъ какъ будто этого не знаетъ!

Куда идти? Побѣждалъ я вечеромъ къ мадамъ Бертоме. Она (дай Богъ ей жить!) „съ радостью, говоритъ, съ радостью! Здѣсь консульство, и мы на себя все возмемъ!“ Мусье Бертоме хотѣлъ сказать что-то, а она ему: „Хуже ты женщины!“ Онъ и замолчалъ.

Сейчасъ затворили въ консульствѣ ставни; поставили столъ и свѣчи. Полъ ужъ готовъ. Вино и хлѣбъ привесли. Пришла и Софица со старухой Катинкой; свидѣтелей достали, и поставили молодыхъ подъ вѣнецъ.

Полъ ихъ вѣнчаетъ, а я смотрю на Костаки: „Что за красавецъ! Какъ царскій сынъ стоитъ въ нашей народной одеждѣ.“ Такъ мы ихъ обвиняли; а черезъ три дня въ Акарваню отправили. Никто ни слова не сказалъ, ни архіерей, ни паша. Такъ послѣшили ихъ отправить что Софицы и платья не были всѣ сшиты, несшитыя взяла.

За день до отъѣзда ихъ, однако, мы повеселились хорошо. У Манулаки за городомъ былъ альпесинный садъ; всѣ мы и новобрачные пошли туда и скрилки наняли. Цыганка Аше плясала, и самъ старикъ Манулаки въ *сирто* * протанцевалъ. Выпили мы всѣ и хорошо повеселились.

Было это весною, когда у насъ альпесины цвѣтутъ, и потому по всему саду благоуханіе какъ въ рай простиралось.

Выпилъ старикъ за здоровье Костаки, обнялъ его и закричалъ: „Теперь ты хоть обижай, хоть лугай меня, хоть навозомъ меня закидай, а я тебя любить буду. Дай мнѣ поправиться, и увидишь ты самъ какъ я твое благоденствіе цѣню.“ Костаки его руку поцѣловалъ; а мы всѣ радовались на ихъ счастье.

Потомъ, какъ цыгане пошли въ сторону, подъ деревьями поѣсть, говоритъ старикъ тихонько зятю:

— Вотъ ты увидишь скоро въ Грецію. Такъ я тебѣ, дитя мое, скажу что мои молитвы будутъ объ одномъ: чтобы ты, какъ сѣдуетъ такому паликару, капитаномъ эллинскимъ поскорѣй съ оружіемъ въ рукахъ границу бы перешелъ и показалъ бы нашимъ тиранамъ что значитъ Эллины! А я тебѣ

* *Сирто*, самый обыкновенный изъ греческихъ танцевъ.

млауся, тогда послѣдній пластръ вамъ на помощь пожертвую!
 Великій патриотъ Рига-Фереосъ сказалъ:

Лучше часъ одинъ свободной жизни,
 Чѣмъ сорокъ лѣтъ рабства и тюрьмы.

Вотъ какъ возненавидѣлъ старичокъ Турокъ за пожаръ!

Я былъ недавно въ Акарнаніи въ гостяхъ у Костаки. Они хорошо живутъ съ Софицей. Костаки барановъ накупилъ, и юмъ въ деревнѣ хорошій имѣеть. Стѣны раскрашены, и надъ кустницей представляетъ садъ съ воротами большими, и на юртахъ двѣ зеленныя птицы сидятъ. Костаки за одинъ годъ же много мудрости приобрѣлъ; газеты читаетъ и на выборахъ тогда хорошо говоритъ.

Софица тоже много свободнѣе стала, и за мужа умираетъ отъ любви.

Я говорю ей разъ, шутя:

— А мужъ тебя, кирія, не любитъ: не слушается; франк-скаго платья не надѣваетъ. Я знаю что ты боялась за него идти чрезъ это.

Софица покраснѣла.

— Я, говорить, во всякомъ платьѣ обязана его любить. Онъ мнѣ мужъ.

А Костаки засмѣялся и сказалъ мнѣ:

— Ты не вѣрь ей. Она много меня вначалѣ этимъ тиранила, и тогда только душа ее успокоилась, когда ей случилось увидать что одинъ номархъ, да два депутата, оба образованные люди и великіе ораторы, фустанеллу носятъ.

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

ОЧЕРКЪ УЧЕНІЯ

0

ПРОИЗВОЛЬНОМЪ ЗАРОЖДЕНІИ

Речь профессора Гёксли на съездъ британскихъ естествоиспытателей въ текущемъ году.

Давно вошло въ обычай чтобы вновь вступающій президентъ Британскаго Общества споспѣшествованія наукъ, пользуясь положеніемъ на которое онъ призванъ голосами своихъ товарищей и окидывая взглядомъ горизонтъ научнаго міра, сообщалъ отчетъ о томъ что видно съ высоты сторожевой башни, въ какомъ направленіи движутся многообразные отдѣлы благородной арміи изслѣдователей природы, какія важныя твердыни отняты въ послѣднее время у общаго всѣмъ намъ врага — невѣжества, не забывая съ должнымъ безпристрастіемъ указать также гдѣ передовые посты науки были отброшены или гдѣ вовсе не подвинулась давно начатая осада. Я намѣренъ послѣдовать этому установившемуся обычаю, по мѣрѣ моихъ ограниченнхъ свѣдѣній и моихъ способностей. Я не претендую представить здѣсь панорамическій обзоръ всего міра науки, ни даже сдѣлать очеркъ того что сдѣлано въ какой-либо обширной области біологіи, съ нѣкоторыми частями коей меня ознакомили мои обычныя занятія. Но я постараюсь изложить вамъ исторію начала и развитія одного біологическаго ученія, и дать вамъ нѣкоторое понятіе о плодахъ, какъ интеллектуальныхъ, такъ и мате-

риальныхъ, которыми мы обязаны разработкѣ, трудами семи доколѣбній терлѣбныхъ и трудолюбивыхъ изслѣдователей, мысли возникшей болѣе двухъ столѣтій тому назадъ въ головѣ умнаго и проицательнаго италянскаго натуралиста.

Извѣстно изъ ежедневнаго опыта что трудно предотвратить чтобы многіе съѣстные припасы не локрывались плѣсенью; что плоды, здоровые на видъ, часто содержатъ внутри мелкихъ наѣдомыхъ; что мясо оставленное на воздухѣ способно загнивать, и начинается кишить червями. Даже обыкновенная вода, если стоитъ въ открытомъ сосудѣ, рано или поздно становится мутною и полною живою матерію. Философы древности, вопрошаемые о причинѣ этихъ явленій, имѣли готовый и пригодный отвѣтъ. У нихъ не было въ мысляхъ даже сомнѣнія что эти низшія формы жизни не порождались тою самою матеріей гдѣ они появлялись. Аксиома древняго знанія: „погибель одного предмета есть рожденіе другаго“ выражалась въ народномъ понятіи убѣжденіемъ что сѣмя умираетъ прежде чѣмъ изъ него происходитъ молодое растеніе. Убѣжденіе это было такъ сильно распространено и твердо что апостоль Павелъ упомянулъ о немъ въ одномъ изъ самыхъ блестящихъ порывовъ своего пылкаго краснорѣчія: „*Безумие, ты еще стѣши, не оубиетъ еще не умретъ.*“ Положеніе что живое можетъ происходить изъ того что не живетъ раздѣлялось философами, поэтами и простымъ народомъ самыхъ простѣнныхъ націй за 1800 лѣтъ тому назадъ, и оставалось признанною доктриной ученой и неученой Европы во всѣ средніе вѣка даже до XVII столѣтія...

Первое ясное выраженіе гипотезы что всякая живая матерія происходитъ отъ прежде существовавшей живой матеріи было высказано уроженцемъ той страны, обильной великими людьми по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности, которая для интеллектуальной Европы XVI и XVII столѣтій имѣла такое же значеніе какое Германія имѣетъ въ девятнадцатомъ. Въ Италіи и отъ италянскихъ учителей Гарвей приобрьлъ важнѣйшую часть своего научнаго образованія. Въ тѣхъ же школахъ былъ воспитанъ и Франческо Релли,—человѣкъ обширнѣйшихъ познаній и самыхъ разнородныхъ способностей, одинаково отличавшійся какъ ученый, поэтъ, врачъ и естествоиспытатель,—который, ровно 202 года тому назадъ, обнародовалъ свои изслѣдованія о рожденіи наѣдомыхъ, и подалъ научному міру мысль, развитіе которой я на-

мѣренъ прослѣдить. Книга Реди выдержала пять изданій въ двадцать лѣтъ, а чрезвычайная простота его опытовъ и ясность доводовъ заставили почти всѣхъ согласиться съ его взглядами и ихъ послѣдствіями. Реди не утруждалъ себя гадательными соображеніями, но приложилъ опытъ къ извѣстнымъ случаямъ того что считалось произвольнымъ зарожденіемъ. Вотъ мертвыя животныя или куски мяса, говорилъ онъ; я оставляю ихъ на воздухѣ въ теплую погоду, и черезъ нѣсколько дней они кишатъ червями. Вы говорите мнѣ что черви порождаются изъ мертваго мяса. Но я кладу такіе же куски, совершенно свѣжіе въ сосудъ и завязываю его отверстіе какою-нибудь тонкою тканью, и ни одинъ червь не появляется, между тѣмъ какъ мертвыя вещества, тѣмъ не менѣе, загниваютъ такъ же какъ и прежде. Очевидно, слѣдовательно, что черви не порождаются вслѣдствіе порчи мяса, и что причиной ихъ образованія должно быть нѣчто удерживаемое тканью. Но ткань не задерживаетъ воздухообразныхъ тѣлъ или жидкостей. Это нѣчто, слѣдовательно, должно существовать въ формѣ твердыхъ частицъ, слишкомъ большихъ чтобы онѣ могли пройти чрезъ ткань. И не долго мы остаемся въ сомнѣніи что это за твердыя частицы, потому что мухи, привлеченныя запахомъ мяса, кишатъ вокругъ сосуда и, побуждаемыя могучимъ, но на этотъ разъ обманутымъ инстинктомъ, кладутъ яйца, изъ коихъ немедленно на ткани выползаютъ черви. Заключение изъ этого неизбежное: черви не порождаются мясомъ, но мухами чрезъ воздухъ приносятся яйца изъ коихъ они выходятъ на свѣтъ. Эти опыты почти ребячески просты, и удивительно какъ никто не подумалъ о нихъ прежде. Такъ какъ результаты опытовъ были одни и тѣ же, какъ бы не измѣнялось свойство употребляемыхъ матеріаловъ, то не удивительно что въ умѣ Реди утвердилось убѣжденіе что всѣ случаи кажущагося происхожденія жизни изъ мертвой матеріи на дѣлѣ объясняются введеніемъ въ эту мертвую матерію живыхъ зародышей извнѣ. И такимъ образомъ гипотеза что живая матерія всегда возникаетъ вслѣдствіе дѣйствія прежде существовавшей матеріи приняла опредѣленную форму и имѣла право требовать разсмотрѣнія и опроверженія прежде чѣмъ происхожденіе живой матеріи другимъ какимъ-либо способомъ могло быть допущено строгими мыслителями. Мнѣ придется такъ часто упоминать объ этой гипотезѣ что для избѣжанія многословія я буду называть ее гипотезой *биогенеза* (жизнен-

наго зарожденія), а противоположное ученіе, что живая матерія можетъ быть произведена неживою матеріей — гипотезой *абиогенеза* (не жизненнаго зарожденія).

Но Реди думалъ также что есть два вида біогенеза. Въ однихъ болѣе обыкновенныхъ и частыхъ случаяхъ живой родитель порождаетъ потомка проходящаго такой же жизненный циклъ, какъ и онъ самъ, — подобное порождаетъ подобное. Этотъ видъ зарожденія былъ названъ *гомогенезомъ*. Въ другихъ случаяхъ живой родитель, какъ полагалось, порождалъ потомка проходящаго совершенно различный рядъ условій и не возвращавшагося къ циклу родителя: этотъ видъ должно бы назвать *гетерогенезомъ*, такъ какъ потомокъ совершенно и постоянно не походить на родителя. Название гетерогенезъ было, однако, неудачно употребляемо въ другомъ смыслѣ, и потому г. Мильнъ-Эдвардсъ замѣнилъ его терминомъ *ксерогенеза*, означающимъ порожденіе чего-то чуждаго.

Гипотеза біогенеза развивалась побѣдоносно и безпрепятственно въ теченіе почти цѣлаго столѣтія. Примѣненіе микроскопа къ анатоміи въ рукахъ Кру, (Crew) Лёвенгука, Шваммердама, Лине, Вальденіери, Реомюра и другихъ знаменитыхъ исследователей природы того времени обнаружило такую сложность организаціи въ низшихъ и мельчайшихъ формахъ, и повсюду открыло такое разнообразіе средствъ для ихъ размноженія почками того или другаго рода, что гипотеза абиогенеза стала казаться не только невѣрною, но даже нелѣпою, и въ половинѣ XVIII столѣтія, когда Нидгамъ и Бюффонъ опять подняли вопросъ, почти повсюду потеряла кредитъ. Руководясь разными теоретическими соображеніями, которыя я не могу здѣсь обсуждать, Бюффонъ и Нидгамъ усомнились въ примѣнимости гипотезы Реди къ наливчатымъ животнымъ, и Нидгамъ весьма основательно попытался приложить опытъ къ рѣшенію вопроса. Онъ сказалъ самъ себѣ что если эти наливчатая животныя происходятъ изъ зародышей, то эти зародыши должны существовать или въ веществѣ подвергаемомъ настою, или въ наливаемой на нихъ водѣ, или въ окружающемъ воздухѣ. Но жизненные свойства зародышей разрушаются жаромъ. Поэтому, если вскипятить настой, тщательво его закулорить, замазать пробку мастикой, и затѣмъ нагрѣть сосудъ, обложивъ его горячею золой, то всѣ зародыши какіе бы въ немъ ни были непременно будутъ убиты. Поэтому, если гипотеза Реди основательна, то по охлажденію

настоя въ немъ не должны развиваться животныя, между тѣмъ какъ если животныя не зависятъ отъ прежде существовавшихъ зародышей, а порождаются изъ самаго налитого водой вещества, то они должны постепенно появляться. Нидгамъ нашель что, при обстоятельствахъ при коихъ онъ производилъ свои опыты, животныя всегда появлялись въ настояхъ если протекало достаточно долгое время для ихъ развитія. Въ трудахъ Нидгама принималъ большое участие Бюффонъ, и результаты ихъ опытовъ удивительно согласовались съ гипотезой великаго французскаго естествоиспытателя объ органическихъ молекулахъ, допускавшей что жизнь есть нераздѣльное свойство нѣкоторыхъ неразрушимыхъ молекулъ матеріи, существующихъ во всѣхъ живыхъ предметахъ и одаренныхъ внутреннею дѣятельностью, которою они отличаются отъ неживой матеріи. Каждый индивидуальный живой организмъ образуется ихъ временнымъ сочетаніемъ. Они находятся въ такой же связи какъ и частицы воды въ водопадѣ. Форма организма такимъ образомъ опредѣляется реакціей между внѣшними условіями и внутреннею дѣятельностью органическихъ молекулъ изъ коихъ онъ состоитъ, и какъ установка водопада ничего не разрушаетъ кромѣ его формы, оставляя молекулы воды цѣлыми со всею присущею имъ дѣятельностью, такъ и то что мы называемъ смертию или гніеніемъ животнаго или растенія есть только распаденіе формы или способа сочетанія составныхъ органическихъ молекулъ, которыя тогда освобождаются въ видѣ наливчатыхъ животныхъ. Изъ сего можно усмотрѣть что это ученіе нисколько не тождественно съ абіогенезомъ, съ которымъ оно часто смѣшивалось. На основаніи этой гипотезы, кусокъ мяса или комокъ сѣна мертвы въ ограниченномъ смыслѣ слова. Мясо есть мертвый быкъ, а сѣно—мертвая трава, но органическія молекулы мяса или сѣна не мертвы, и способны обнаружить свою живенность, какъ только бычачья или травяная основа заключающая ихъ распадется вслѣдствіе размягчающаго дѣйствія воды. Слѣдовательно, эта гипотеза скорѣе подходитъ подъ ксеногенезъ, чѣмъ подъ абіогенезъ. Но постоянно совершающаяся предъ глазами философовъ великая трагедія науки, убивающая прекрасную гипотезу однимъ безобразнымъ фактомъ, тотчасъ же почти повторилась надъ Бюффономъ и Нидгамомъ.

И на этотъ разъ Италіянецъ, аббать Слалланцани, достой-

ный послѣдователь Реди, по своей тонкой проникающей способности, уму и познаніямъ, подвергъ строгой критикѣ олыты и заключенія Нидгама. Возможно что олыты Нидгама доставили дѣйствительно тѣ результаты какіе онъ описывалъ, но подтверждались ли ими его аргументы? Не было ли возможно, что онъ не совершенно исключалъ овздухъ своими пробками и мастикой? Не было ли возможно что онъ недостаточно нагрѣвалъ свои настои и соприкасавшійся съ ними воздухъ? Слаландани вступилъ въ споръ съ англійскимъ натуралистомъ по обоимъ этимъ пунктамъ, и доказалъ что если стеклянные сосуды въ которыхъ заключались настои были герметически закупорены слайкой ихъ горлышекъ, и если они были подвергнуты температурѣ кипящей воды три четверти часа, то въ нихъ никогда не появлялись никакія животныя. Нельзя не допустить что олыты и доводы Слаландани совершенно опровергаютъ олыты и доводы Нидгама. Но мы всё слышкомъ часто забываемъ что опровергнуть предложеніе еще не значитъ доказать истину доктрины находящейся въ противорѣчій съ этимъ предложеніемъ, и успѣхи науки вскорѣ показали что хотя бы Нидгамъ и былъ положительно неправъ, но изъ этого не слѣдовало чтобы Слаландани былъ положительно правъ.

Новѣйшая химія, возникшая во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, развивалась быстрыми шагами, и вскорѣ встрѣтилась на своемъ пути великія задачи, которыя напрасно пытались рѣшить безъ ея помощи біологія. Открытіе кислорода положило основаніе научной теоріи дыханія и привело къ изслѣдованію замѣчательныхъ взаимодѣйствій органическихъ веществъ и кислорода. Оказалось что присутствіе свободнаго кислорода есть одно изъ условій существованія жизни и тѣхъ странныхъ перемѣнъ въ органической матеріи которыя извѣстны подъ именемъ броженія и гніенія. Такимъ образомъ вопросъ о порожденіи наливчатыхъ животныхъ перешелъ въ новую фазу. Чему приписать результатъ опытовъ Слаландани, измѣненіямъ ли органической матеріи настоевъ или кислорода воздуха? Гдѣ было ручательство что развитіе жизни которое имѣло произойти не было задержано этими перемѣнами или не встрѣтило въ нихъ препятствія? Битву предстояло начать сызнова. Необходимо было повторить опыты при такихъ условіяхъ чтобы ни кислородъ воздуха, ни составъ органической матеріи не были бы измѣнены такимъ

образомъ чтобы не допускать существованія жизни. С этой точки зрѣнія приступили къ вопросу въ 1836 и 1837 годахъ Шульце и Шванъ. Пропорція кислорода въ воздухѣ не измѣняется, если послѣдній пропускать сквозь нагрѣтыя до красно-кальянаго жара стеклянныя трубки или сквозь крѣпкую сѣрнистую кислоту, между тѣмъ какъ при этомъ непрѣменно задерживаются или разрушаются всѣ органическія вещества, которыя могли находиться въ воздухѣ. Поэтому названные изслѣдователи устроили снаряды посредствомъ коихъ воздухъ приходившій въ соприкосновеніе со вскипяченнымъ настоемъ былъ пропускаемъ или сквозь раскаленныя трубки или сквозь крѣпкую сѣрнистую кислоту. Въ результатѣ оказалось что въ обработанномъ такимъ образомъ настоѣ не развивались никакія живыя существа, тогда какъ въ томъ же самомъ настоѣ, выставленномъ послѣ свободно на воздухѣ, они появлялись быстро и въ изобиліи. Точность этихъ опытовъ была попеременно оспариваема и утверждаема. Но, даже допуская ихъ точность, они въ сущности ничего болѣе не доказываютъ какъ то что такая обработка воздуха разрушаетъ *нѣчто* существенное для развитія жизни въ настоѣхъ. Это „нѣчто“ могло быть газообразно, жидко или твердо; но что оно состояло изъ зародышей оставалось болѣе или менѣе вѣроятною гипотезой. Одновременно съ этими изслѣдованіями замѣчательное открытіе было сдѣлано Каньяромъ де-Латуромъ. Онъ нашелъ что обыкновенныя дрожжи состоятъ изъ большаго скопленія мельчайшихъ растеній. Броженіе при приготовленіи вина или пива всегда сопровождается быстрымъ ростомъ и размноженіемъ этихъ *Torulae*. Такимъ образомъ броженіе, на сколько оно сопровождалось развитіемъ въ громадномъ числѣ микроскопическихъ организмовъ, приравнивалось къ разложенію настоя обыкновенной животной или растительной матеріи, и представлялся очевидный выводъ что, такъ или иначе, организмы были причиной какъ броженія, такъ и гніенія. Въ началѣ, химики, съ Берцеліусомъ и Либихомъ во главѣ, осмѣяли эту мысль, но въ 1843 году, одинъ тогда еще очень молодой человекъ, который послѣ того совершилъ безпримѣрный подвигъ, достигнувъ одинаковой извѣстности какъ математикъ, физикъ и физиологъ,—я говорю о знаменитомъ Гельмгольдѣ,—подвергъ вопросъ испытанію опытомъ, блестящимъ и убѣдительнымъ. Онъ отдѣлялъ жидкость производящую гніеніе или бро-

женіе отъ той которая просто способна была загнивать или бродить, перепонкой, которая пропускала жидкія тѣла, но задерживала твердыя. Результатъ былъ тотъ что хотя способныя къ гніенію или броженію жидкости проникались результатами гніенія или броженія происходящаго на другой сторонѣ перепонки, сами онѣ не загнивали и не бродили; въ нихъ также не появлялись организмы, изобилующіе въ жидкости производящей гніеніе или броженіе. Слѣдовательно, причиной развитія этихъ организмовъ должно быть нѣчто не могущее проходить сквозь перепонку, а такъ какъ изслѣдованія Гельмгольца задолго предшествовали изслѣдованіямъ Грагама надъ коллоидами, то онъ естественно пришелъ къ заключенію что задерживаемый такимъ образомъ агентъ долженъ быть твердою матеріей. Опыты Гельмгольца ограничили спорный вопросъ такимъ образомъ: то что возбуждаетъ броженіе и гніеніе, и въ то же время даетъ рожденіе живымъ формамъ, не есть газъ или растворимая жидкость, слѣдовательно, это или коллоидъ, или матерія раздѣленная на тончайшія твердыя частицы. Изысканія Шрёдера и Душа (Dusch), въ 1854 году, и одного Шрёдера въ 1859 разъяснили этотъ пунктъ опытами которые были въ сущности только усовершенствованіемъ опытовъ Реди. Ключокъ ваты въ физическомъ смыслѣ есть масса нѣсколькихъ слоевъ самой тонкой вуали, тонкость стѣжки коей зависитъ отъ степени сжатія ваты. Шрёдеръ и Душъ нашли что настои всѣхъ загнивающихъ веществъ которые они употребляли (исключая молока и яичнаго желтка), приходившіе въ соприкосновеніе только съ воздухомъ фильтрованнымъ сквозь хлопчатую бумагу, не загнивали и не бродили, и въ нихъ не развивались живыя формы. Трудно представить себѣ что могло бы быть задержано такимъ тонкимъ ситомъ какъ вата, кромѣ мельчайшихъ твердыхъ частицъ. Но все еще доказательство было неполное, пока не было положительно доказано, во первыхъ, что обыкновенный воздухъ содержитъ такія частицы, и во вторыхъ, что фильтръ изъ ваты задерживаетъ ихъ, и пропускаетъ сквозь себя только физически-чистый воздухъ. Эти доказательства были доставлены въ прошедшемъ году замѣчательными опытами профессора Тиндала. Самымъ обыкновеннымъ возраженіемъ абіогенистовъ было то что, если считать ученіе біогенеза вѣрнымъ, то воздухъ долженъ изобиловать зародышами; а это они полагали верховъ нелѣпости. Но природа по временамъ

бываетъ чрезвычайно неразсудительна, и профессоръ Тидаль доказалъ что именно эта нелѣпость тѣмъ не менѣе можетъ быть дѣйствительностію. Онъ обнаружилъ что въ обыкновенномъ воздухѣ носится вихрь необычайно мелкихъ твердыхъ частицъ, что эти частицы почти вполнѣ разрушаются жаромъ, и что вата, чрезъ которую пропускается воздухъ задерживаетъ ихъ и дѣлаетъ послѣдній оптически чистымъ.

Въ логическомъ, хотя и не въ историческомъ, порядкѣ остается еще доказать что между этими твердыми способными къ разрушенію частицами дѣйствительно существуютъ зародыши способные возбудить развитіе живыхъ формъ въ удобной почвѣ. Эта задача была исполнена г. Пастёромъ въ его прекрасныхъ изысканіяхъ, которыя навсегда прославили его имя и которыя, несмотря на всѣ нападкі на нихъ, кажутся мнѣ и теперь, какъ они казались семь лѣтъ тому назадъ, замѣчательными образцами точнаго опыта и логическаго разсужденія. Онъ фильтровалъ воздухъ ватой, и находилъ, какъ находили Шрёдеръ и Душъ, что онъ не заключалъ ничего способнаго возбудить развитіе жизни въ жидкостяхъ въ высшей степени способныхъ для сей цѣли. Но важныя дѣйствія три звена въ цѣли доказательствъ, найденныя Пастёромъ, были слѣдующія. Во первыхъ, онъ подвергъ микроскопическому изслѣдованію вату которая послужила фильтромъ, и нашелъ что между задержанными ею твердыми частицами находятся разныя тѣльца, явственно отличимыя какъ зародыши. Во вторыхъ, онъ доказалъ что эти зародыши были способны поражать живыя формы простымъ посявомъ ихъ въ жидкости пригодной для ихъ развитія. И въ третьихъ, онъ обнаружилъ что неспособность воздуха фильтрованнаго ватой вызывать жизнь не зависѣла ни отъ какихъ скрытыхъ перемѣнъ, производимыхъ въ составныхъ частяхъ воздуха самою ватой, показавъ что можно обойтись вовсе безъ ваты, оставляя свободный доступъ наружному воздуху въ сосудъ подвергаемый опыту. Если горлышко сосуда вытянуть въ трубку и загнуть ее внизъ, и если потомъ, тщательно вскипятить заключенную въ немъ жидкость, нагрѣвъ трубку достаточно сильно чтобы разрушить всякіе зародыши которые могли быть въ воздухѣ, входящемъ при остываніи жидкости, то снарядъ можетъ стоять сколько угодно времени, и въ жидкости не появятся живыя формы. Причина ясная. Хотя атмосфера нагруженная зародышами и находится въ свобода-

номъ сообщеніи съ лишеннымъ ихъ воздухомъ въ стеклянкѣ, во соприкосновеніе ихъ происходитъ только въ загнутаго внизъ трубкѣ, а такъ какъ зародыши не могутъ падать снизу вверхъ и нѣтъ никакихъ воздушныхъ теченій, то они никогда не достигнутъ внутренности стеклянки. Но если сломать трубку тамъ гдѣ она выходитъ изъ стеклянки и такимъ образомъ дать свободный доступъ вертикально падающимъ изъ воздуха зародышамъ то жидкость, въ теченіе мѣсяцевъ оставшаяся чистою и свѣтлою, въ нѣсколько дней мутнѣетъ и наполняется жизнью.

Сводя въ одно всю эту длинную цѣль доказательствъ, мы приходимъ къ слѣдующему:

Можно доказать что въ жидкости, въ высшей степени пригодной для развитія низшихъ формъ жизни, но не заключающей ни зародышей, ни какихъ-либо протеиновыхъ соединений, возникаютъ живыя существа въ большомъ изобиліи. Если ее оставить подъ вліяніемъ обыкновеннаго воздуха; между тѣмъ какъ такого развитія не происходитъ, если воздухъ, съ которымъ она соприкасается, механически освобожденъ отъ твердыхъ частицъ которыя въ немъ обыкновенно носятъ и которыя могутъ быть видимы при извѣстномъ приспособленіи.

Можно доказать что значительное большинство этихъ частицъ разрушаются жаромъ, и что нѣкоторыя изъ нихъ суть зародыши или живыя частицы, способныя пораждать именно такія формы жизни какъ тѣ что появляются когда жидкость остается подъ вліяніемъ неочищеннаго воздуха.

Можно доказать что прибавленіе къ подвергаемой изслѣдованію жидкости одной капли жидкости завѣдомо содержащей живыя частицы вызываетъ такія же явленія какъ и дѣйствіе на жидкость неочищеннаго воздуха.

Кромѣ того достовѣрно что эти живыя частицы такъ малы что нѣтъ малѣйшаго затрудненія допустить присутствіе ихъ въ обыкновенномъ воздухѣ. Напротивъ, принимая во вниманіе ихъ легкость и повсемѣстную распространенность организмовъ производящихъ ихъ, невозможно представить себѣ чтобъ они не носились въ атмосферѣ міриадами. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, должно допустить что прямыя и косвенныя доказательства въ пользу біогенеза для всѣхъ извѣстныхъ формъ жизни имѣютъ большой вѣсъ.

Со стороны противоположнаго мнѣнія единственно достойны-

ми вниманія являются увѣренія что въ жидкостяхъ герметически закулоренныхъ и подвергнутыхъ дѣйствию сильнаго и продолжительнаго жара иногда обнаруживались, по ихъ открытіи живыя формы низшей организациі. Первое представляющее возраженіе есть вѣроятность что должно-быть была какая нибудь ошибка въ этихъ опытахъ, такъ какъ они дѣлаются въ огромныхъ размѣрахъ ежедневно съ совершенно противуположными результатами. Мясо, плоды, растенія, самыя составныя части настоевъ, наиболѣе способныхъ къ гніенію и броженію, сохраняются ежегодно, можно сказать, нѣсколькими тысячами тоннъ, посредствомъ извѣстнаго способа, который есть не болѣе какъ примѣненіе опыта Спалланцани. Назначаемыя для сохраненія вещества хорошо кияются въ жестяной коробкѣ, имѣющей небольшое отверстіе, которое и залаивается какъ только весь воздухъ въ жестянкѣ замѣнится паромъ. Этимъ способомъ ихъ можно сохранять цѣлыя годы и они не загниваютъ, не бродятъ и не покрываются плесенью. И это не потому что изъ коробокъ исключенъ кислородъ, такъ какъ теперь доказано что свободный кислородъ не есть необходимость ни для броженія, ни для гніенія. Не по причинѣ отсутствія воздуха, потому что вибрионы и бактеріи живутъ, какъ доказалъ Пастёръ, и безъ присутствія воздуха или свободнаго кислорода. Не потому чтобы вскипяченное мясо или растеніе неспособны были къ гніенію или броженію, какъ это хорошо извѣстно всѣмъ кому попадались плохо залаиваемыя коробки консервовъ. Почему же, слѣдовательно, какъ не по причинѣ отсутствія зародышей? Я полагаю что абіогенисты обязаны отвѣтить на этотъ вопросъ прежде чѣмъ они попросятъ насъ разсмотрѣть новые опыты совершенно такого же рода. А затѣмъ, еслибъ опыты о которыхъ я упоминаю и въ самомъ дѣлѣ были достовѣрны, изъ этого вовсе не слѣдуетъ что произошелъ абіогенезъ. Степень сопротивленія живой матеріи дѣйствию теплоты, какъ извѣстно, значительно мѣняется и зависитъ до нѣкоторой степени отъ химическихъ и физическихъ свойствъ окружающей среды. Но если при настоящемъ состояніи науки предстоитъ на выборъ допустить или возможность что зародыши могутъ противостоять сильнѣйшему жару чѣмъ полагали, или предположеніе что частицы мертвой матеріи, по необъяснимой причинѣ, способны перестраиваться въ живыя тѣла, то я не могу понять какимъ образомъ, хотя на минуту, можно сомнѣваться въ вы-

боръ. Но какъ ни твердо мое убѣжденіе, я долженъ тщательно оградить себя отъ подозрѣнія будто я хотѣлъ высказать что никогда никакой абиогенезъ не происходилъ въ прошедшемъ, или что онъ никогда не произойдетъ въ будущемъ. Такъ какъ органическая химія, молекулярная физика и физиологія находятся еще въ младенчествѣ и съ каждымъ днемъ дѣлаютъ изумительные успѣхи, то я полагаю что было бы слишкомъ большою самонадѣянностью сказать что условія при которыхъ матерія получаетъ свойства называемыя нами „жизненными“ не могутъ быть когда-нибудь искусственно вызваны. Я считаю только себя въ правѣ утверждать что я не вижу причины думать чтобъ это было уже сдѣлано. И обращаясь взоромъ назадъ, въ громадную даль прошедшаго, я не нахожу слѣдовъ начала жизни, и потому лишень всякаго средства придти къ опредѣленному заключенію объ условіяхъ ея появленія.

Такова исторія прогресса великой доктрины Реди о біогенезѣ, которая, за высказанными мною ограниченіями, остается, мнѣ кажется, побѣдоносною и до настоящаго времени.

Что же касается до второй задачи, предложенной намъ Реди: происходитъ ли ксеногенезъ рядомъ съ гомогенезомъ, то есть существуютъ ли, кромѣ обыкновенныхъ живыхъ существъ поражающихъ потомковъ проходящихъ такой же жизненный циклъ какъ они сами, еще и такія которыя производятъ потомковъ совершенно отличныхъ отъ нихъ самихъ, то изысканія двухъ столѣтій привели къ иному результату. Что насѣкомыя находимыя въ чернильных орѣшкахъ не суть продуктъ расгеній на которыхъ растутъ эти орѣшки, а результатъ кладки яицъ насѣкомыми въ тѣло этихъ растений, было открыто Валиснieri, Реомюромъ и другими, еще до половины прошедшаго столѣтія. Ленточныя и другія глисты гораздо долѣе оставались твердою опорой для сторонниковъ ксеногенеза, и только въ последнее время удивительному терпѣнію фонъ-Зибольда, ванъ-Бенедена, Лейкарта, Кюхенмейстера и другихъ гельминтологовъ удалось прослѣдить каждый такой паразитъ, часто чрезъ самыя странныя блужданія и метаморфозы, до яйца происходящаго отъ подобнаго ему родителя. Другія изслѣдованія клонились къ тому же направленію. Растеніе можетъ отдѣлать отъ себя луковицы, но онѣ, рано или поздно, производятъ сѣмена или споры, которыя развиваются въ перво-

начальную форму. Полиль можетъ производить медузу, но медуза даетъ яйца производящія полиповъ, и есть только стадія въ жизненномъ циклѣ вида.

Но если мы обратимся къ патологiи, то она представитъ намъ нѣкоторыя замѣчательныя подобія ксеногенеза. Какъ я уже упомянулъ, со времени Валлиснiери и Реомюра извѣстно что чернильные орѣшки на растенiяхъ и опухоли на рогахъ скотъ причиняются насѣкомыми, которыя кладутъ яйца въ тѣхъ частяхъ животнаго или растительнаго тѣла изъ которыхъ вырастаютъ эти болѣзненные наросты. Извѣстно также всякому что простое давленiе на кожу производитъ мозоль. Но чернильный орѣшекъ, опухоль или мозоль суть части живаго тѣла, ставшiя, въ извѣстной степени, независимыми отдѣльными организмами. Подъ влiянiемъ извѣстныхъ внѣшнихъ условiй, элементы тѣла, которые должны бы развиваться въ должномъ подчиненiи общему плану, устраиваются сами по себѣ и прилагаютъ получаемое ими питанiе для своихъ собственныхъ цѣлей. Начиная съ такихъ невинныхъ произведенiй какъ мозоли и бородавки, встрѣчаются всѣ постепенности до важныхъ опухолей, которыя одною своею величиною и механическимъ давленiемъ, которое они производятъ, разрушаютъ организмъ изъ котораго онѣ развились; и, наконецъ, въ той страшной ткани которая называется ракомъ, ненормальный наростъ прiобрѣтаетъ способность воспроизведенiя и размноженiя, и онъ только морфологически отличается отъ червя-паразита. Еслибы былъ видъ болѣзненной ткани, гистологическiе элементы которой были бы способны поддерживать отдѣльное и независимое существованiе внѣ тѣла, тогда, мнѣ кажется, сгладилась бы неясная граница между болѣзненными наростами и ксеногенезомъ. И я склоненъ думать что прогрессъ открытiй почти довелъ насъ до этого пункта.

Мы всѣ знаемъ чтò происходитъ при ослепрививанiи. На кожу дѣлается тонкiй уколъ, и въ раночку вводится безконечно малое количество ослепной матерiи. Черезъ извѣстное время, на мѣстѣ раночки появляется лузырекъ, и жидкость наполняющая его есть ослепная матерiя, въ количествѣ во сто или въ тысячу разъ большемъ того какое было введено. Чтò же произошло послѣ операцiи? Произвела ли ослепная матерiя своимъ раздражающимъ свойствомъ простой гнойничекъ, жидкость коего имѣетъ тоже раздражающее свойство,

или же оспенная матерія содержитъ въ себѣ живыя частицы, которыя разрослись и размножились тамъ гдѣ онѣ были посажены? Наблюденія г. Шово, подтвержденныя и докторомъ Сандерсономъ, какъ кажется, не оставляютъ сомнѣнія на этотъ счетъ. Опыты, подобные въ принципѣ опытамъ Тельмгольца надъ броженіемъ и гніеніемъ, доказали что дѣятельный элементъ въ оспенной лимфѣ нерастворимъ и состоитъ изъ мельчайшихъ частицъ, не превосходящихъ въ діаметрѣ $\frac{1}{200000}$ дюйма, которыя при помощи микроскопа могутъ быть видимы въ лимфѣ. Подобныя же опыты доказали что существованіе и распространеніе двухъ изъ самыхъ разрушительныхъ эпизоотическихъ болѣзней, овечьей оспы и сала, зависятъ отъ чрезвычайно мелкихъ твердыхъ живыхъ частицъ къ коимъ приимается названіе *микрозимовъ*. Животное страдающее одною изъ этихъ болѣзней становится источникомъ заразы для другихъ; но той же самой причинѣ бочка бродящаго лива способна передавать броженіе чрезъ „привитіе или зараженіе“ свѣжему затору. Въ обоихъ случаяхъ дѣйствующимъ элементомъ служатъ твердыя живыя частицы; а жидкость въ которой онѣ носятся и на счетъ которой онѣ живутъ остается совершенно пассивною.

Теперь возникаетъ вопросъ, суть ли эти микрозимы результаты гомогенеза или ксеногенеза; способны ли они, подобно *торуламъ* дрожжей, происходить только посредствомъ развитія прежде существовавшихъ зародышей, или не могутъ ли они быть, подобно составнымъ элементамъ чернильнаго орѣха, результатами измѣненія и индивидуализаціи тканей тѣла, въ которыхъ ихъ находятъ, вслѣдствіе дѣйствія извѣстныхъ условій? Паразиты ли они въ зоологическомъ смыслѣ слова, или же они не болѣе какъ то что Вирховъ называетъ гетерологическими наростами? Очевидно что этотъ вопросъ имѣетъ самое важное значеніе, будемъ ли мы смотрѣть на него съ практической или съ теоретической точки зрѣнія. Съ паразитомъ можно справиться, разрушая его зародыши, но патологическій продуктъ можетъ быть уничтоженъ только устраненіемъ условій его поражающихъ. Мнѣ кажется что эта великая задача должна будетъ рѣшаться для каждой эпидемической болѣзни отдѣльно, потому что аналогія представляетъ двойкій путь. Я говорилъ уже объ аналогіи патологическаго измѣненія говорящаго въ пользу ксеногенетическаго происхожденія микрозимовъ; но я долженъ теперь сказать объ одина-

ково сильныхъ аналогическихъ указаній въ пользу происхожденія такихъ заражающихъ частицъ обыкновеннымъ процессомъ порожденія подобнаго подобнымъ.

Въ настоящее время стало хорошо дознаннымъ фактомъ что нѣкоторыя болѣзни, какъ растеній, такъ и животныхъ имѣющія всѣ свойства прилипчивыхъ и заразительныхъ эпидемій, причиняются мельчайшими организмами. Спорынья и плесеницѣ есть хорошо извѣстный примѣръ такой болѣзни, не можетъ быть сомнѣнія что болѣзнь винограда и болѣзнь картофеля подходятъ подъ ту же самую категорію. Изъ животныхъ, насѣкомыя въ изумительной мѣрѣ подвержены поразеніямъ прилипчивыми и заразительными болѣзнями причиняемыми микроскопическими грибами. Осенью весьма рѣдко можно видѣть мухъ сидящихъ неподвижно на оконномъ стеклѣ, съ обтянутымъ вокругъ ихъ тѣла магическимъ бѣлымъ кругомъ. При микроскопическомъ изслѣдованіи магическій кругъ оказывается состоящимъ изъ безчисленныхъ споръ разбѣснанныхъ во всѣхъ направленіяхъ, мельчайшимъ грибомъ называемымъ *триза тивсае*, спороносящія нити коего выдаются какъ слой бархата изъ тѣла мухи. Эти спороносящія нити соединяются съ другими, которыя наполняютъ внутренность тѣла мухи, подобно тонкой шерсти, разрывивъ внутренности животного послужившія имъ лицей. Таково состояніе выросшаго гриба. Въ болѣе ранней стадіи, въ мухахъ которыя еще сохраняютъ дѣятельность и кажутся въ видѣ здоровыми, его находятъ въ формѣ мельчайшихъ тѣлецъ носящихся въ крови мухи. Эти тѣльца размножаются и удаляются въ нити на счетъ существа мухи, и когда наконецъ онѣ убиваютъ пораженнаго субъекта, онѣ вырастаютъ и выдаются наружу изъ его тѣла, и отдѣляютъ споры. Здоровыя мухи заключенныя вмѣстѣ съ больными заражаются этою смертною болѣзью и погибаютъ подобно имъ. Весьма компетентный наблюдатель, г. Конъ, тщательно изучившій развитіе эмлузы въ мухѣ, рѣшительно не могъ найти какимъ образомъ малѣйшіе зародыши эмлузы попадаютъ въ муху. Фактъ казался подходящимъ подъ абиогенезъ или, во всякомъ случаѣ, подъ коеногенезъ, и только въ самое послѣднее время былъ обнаруженъ настоящій ходъ процесса. Дознано что когда одна изъ споръ падаетъ на муху, то она начинаетъ прозябать и пускаетъ отъ себя отростокъ прободающій себѣ луть сквозь кожу мухи, и этотъ отростокъ

токъ, попадая во внутреннія полости тѣла, отдѣляетъ отъ себя мельчайшія носящіяся тѣльца представляющія первую стадію эмбры. Болѣзнь эта прилипчива, потому что здоровая личинка приходящая въ соприкосновеніе съ больною, изъ тѣла которой выдаются споровосащія нити, непременно унесетъ съ собою одну или двѣ споры. Она заразительна, потому что споры разсѣиваются на всѣхъ предметахъ въ сосѣдствѣ убитыхъ ею мухъ.

Шелковичные черви подвержены многимъ болѣзнямъ, и даже до 1853 была замѣчена по своей смертности особенная эпидемія, часто сопровождаемая появленіемъ темныхъ пятенъ на кожѣ, отчего она и получила названіе лебрины. Но въ годахъ послѣдовавшихъ за 1853 болѣзнь эта появилась въ такой сильной степени что въ 1856 году сборъ шелка упалъ до одной трети того количества какого онъ достигалъ въ 1853 году, и до самаго послѣдняго года или двухъ онъ никогда не достигалъ до половины сбора 1853 года. Такимъ образомъ множество народа занимающагося разведеніемъ шелка стало миллионъ на тридцать фунтовъ стерлинговъ бѣднѣе чѣмъ могли быть. Лионскіе станки были лишены занятія, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ невольная праздность и нищета стали участіемъ многочисленнаго населенія бывшаго въ прежнее время трудолюбивымъ и зажиточнымъ.

Въ 1858 году важность обстоятельства побудила Парижскую Академію Наукъ назначить комиссію, въ числѣ членовъ которой находился извѣстный натуралистъ Катрфажъ, съ цѣлью изслѣдовать свойство этой болѣзни и, если возможно, придумать какое-нибудь средство остановить заразу. Въ докладѣ составленномъ Катрфажемъ въ 1859 году (*Etudes sur les maladies actuelles des Vers à Soie*, p. 53) въ высшей степени интересно прослѣдить какъ тщательное изученіе лебрины привело его къ убѣжденію что эта болѣзнь шелковичнаго черва, по ея способу появленія и распространенія, во всѣхъ отношеніяхъ можетъ быть сравнена съ поражающею людей холерой. Но она отличается отъ холеры и гораздо страшнѣе ея въ томъ отношеніи что она наследственна и при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ прилипчива. Итальянскій натуралистъ Филиппи открылъ въ крови шелковичныхъ червей пораженныхъ этою странною болѣзью множество цилиндрическихъ тѣлецъ, каждое около $\frac{1}{6.000}$ дюйма длиною. Тѣльца эти были тщательно изучены Лебертомъ и на-

званы имъ *panhistophyton*, на томъ основаніи что въ субъектахъ съ сильно развитою болѣзною тѣльца кишать въ каждой ткани и каждомъ органѣ тѣла и даже проникаютъ въ неразвившіяся еще яйца самки насѣкомаго. Но въ этихъ ли тѣльцахъ находится причина болѣзни, или они просто сопровождаютъ ее? Одни натуралисты держались перваго взгляда, а иные втораго; и вопросъ этотъ былъ окончательно рѣшенъ только тогда когда французское правительство, встревоженное продолжавшеюся жестокостью болѣзни и неэффективностью предложенныхъ средствъ, отрядило для изученія ея г. Пастёра. Вопросъ былъ рѣшенъ великою жертвой не только времени и душевнаго спокойствія этого знаменитаго философа, но, къ сожалѣнію, долженъ сказать, и его здоровья. Жертва, однако, не была напрасна. Теперь дознано что эта опустошительная, подобная холерѣ, лебрина есть слѣдствіе разрастанія и размноженія въ шелковичномъ червѣ названнаго *panhistophyton*. Она прилипчива и заразительна, потому что цилиндрическія тѣльца переходятъ изъ тѣлъ больныхъ гусеницъ, непосредственно или посредствомъ, въ пищевой каналъ здоровыхъ шелковичныхъ червей находящихся въ ихъ сосѣдствѣ; она наследственна, потому что тѣльца проникаютъ въ яйца во время ихъ образованія и слѣдовательно уносятся съ ними во время ихъ кладки; и по этой причинѣ также она представляетъ странную особенность что она наследственна только со стороны матери. Нѣтъ ни одного изъ всѣхъ, видимому, причудливыхъ и необъяснимыхъ явленій представляемыхъ лебриной которое не находило бы объясненія въ томъ фактѣ что болѣзнь есть результатъ присутствія микроскопическаго организма *panhistophyton*.

Какія же указанія даютъ эти факты касательно лебрины для способа предотвращенія этой болѣзни? Очевидно что онъ будетъ зависѣть отъ того какимъ образомъ зараждается *panhistophyton*. Если онъ можетъ быть заражаемъ абиогенезомъ или ксеногенезомъ внутри шелковичнаго червя или его самки, то для искорененія болѣзни должно предотвращать появленіе условій при которыхъ происходитъ зарожденіе. Но если, съ другой стороны, *panhistophyton* есть независимый организмъ, который заражается не шелковичнымъ червемъ, хотя и нуждается въ немъ для своего развитія, тогда указанія будутъ совершенно иныя. Предстояло бы только устранить и недопускать зародышей паразита. Г. Пастёръ, какъ и слѣдовало

думать судя по его прежнимъ изслѣдованіямъ, склоненъ былъ считать послѣднюю теорію истинною, и руководимый ею, придумалъ способъ искоренить болѣзнь, который оказался вполне успѣшнымъ, будучи примененъ должнымъ образомъ.

Нѣтъ причины, слѣдовательно, сомнѣваться что у насѣкомыхъ весьма злокачественныя заразительныя и прилипчивыя болѣзни причиняются мельчайшими организмами происходящими отъ прежде существовавшихъ зародышей, или посредствомъ гомогенеза; и нѣтъ причины, насколько я знаю, полагать чтобы то что случается съ насѣкомыми не могло имѣть мѣста и въ высшихъ животныхъ. Дѣйствительно, есть уже довольно сильныя указанія что нѣкоторыя болѣзни чрезвычайно злокачественнаго и губительнаго характера коимъ бываетъ подверженъ человѣкъ точно также суть дѣло мельчайшихъ организмовъ, какъ и лебрина. Для доказательства я обращаюсь къ весьма замѣчательнымъ фактамъ приведеннымъ профессоромъ Листеромъ въ его различныхъ и хорошо извѣстныхъ трактатахъ о противогнилостномъ способѣ лѣченія. Мнѣ кажется невозможнымъ прочесть эти трактаты, не получивъ твердаго убѣжденія что прискорбная смертность побѣждающая старанія самаго искуснаго оператора, и тѣ смертельныя послѣдствія ранъ и поврежденій которыя какъ будто гнѣздятся въ самыхъ стѣнахъ большихъ госпиталей и даже теперь губяты болѣе людей чѣмъ сколько ихъ умираетъ отъ пуля и штыка, зависятъ отъ попадающихъ въ рану мельчайшихъ организмовъ и отъ ихъ развитія и размноженія, и что тотъ хирургъ большому числу людей спасетъ жизнь который лучше всего пойметъ практическія послѣдствія гипотезы Реди.

Я началъ мою рѣчь просьбой дозволить мнѣ прослѣдить путь по которому шла научная идея въ ея долгомъ и медленномъ переходѣ изъ положенія вѣроятной гипотезы въ положеніе установленнаго закона природы. Нашъ обзоръ завелъ насъ въ не слишкомъ-то привлекательныя сферы; онъ касался преимущественно почвы полной мерзости и населенной паразитами и плесенью. И не трудно представить себѣ съ какими улыбками и съ какимъ удивленіемъ практическіе и серіозные современники Реди и Спалланцани разсуждали о напрасной тратѣ ихъ высокихъ способностей въ усиліяхъ разрѣшить задачи которыя хотя бы и были любопытны сами по себѣ, но не могли, казалось, принести никакой осязательной пользы человѣчеству. Тѣмъ не менѣе вы могли замѣтить что не

услѣли еще мы далеко пройти по нашему пути, какъ справа и слева показались поля полныя золотыхъ колосьевъ, которые тотчасъ же могутъ быть превращены въ двѣ вещи имѣющія цѣну въ глазахъ самаго черстваго практическаго чело-вѣка, именно въ деньги и жизнь. Прямая потеря причиненная Франціи лебриной въ теченіе семнадцати лѣтъ никакъ нельзя считать менѣе чѣмъ въ 50 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а если къ этому присоединить все что сдѣлала идея Реди, въ рукахъ Пастёра, для винодѣлія и искуснаго производства, и постараться обратить стоимость всего этого въ капиталъ, то мы найдемъ что имѣ въ значительной мѣрѣ вознаграждаются денежныя потери причиненныя страшною и бѣдственной войной нынѣшней осеню. А что касается до значенія мысли Реди для жизни, то можемъ ли мы достаточно высоко цѣнить знаніе свойства эпидемическихъ и эпизоотическихъ болѣзней, и слѣдовательно знаніе средствъ прекращать и искоренять ихъ, которое, конечно, уже виднѣется на зарѣ горизонта науки? Окидывая взглядомъ не болѣе какъ періодъ послѣднихъ десяти лѣтъ, можно выбрать изъ нихъ три года, 1863, 1864 и 1869, въ которыхъ все число смертныхъ случаевъ отъ одной скарлатины простиралось до 90.000. Такова цифра однихъ убитыхъ ею, не говоря объ искалѣченныхъ и ослабленныхъ. Вѣдь можно надѣяться что списокъ убитыхъ въ настоящую кровопролитнѣйшую изъ всѣхъ войнъ будетъ не болѣе этой цифры! Но представленные мною вамъ факты должны и наименѣе довѣрчиваго освободить отъ сомнѣнія что сущность и причины этого бича будутъ въ послѣдствіи такъ же хорошо извѣстны, какъ теперь извѣстны свойства и причины лебрины, и что долго терпимому избиенію невинныхъ дѣтей наступитъ конецъ.

И такимъ образомъ человечеству будетъ дано новое предостереженіе что „люди погибаютъ отъ недостатка знанія“, и что тѣ кто не желаютъ терять напрасну труда должны искать облегченія бѣдствій и содѣйствія благоденствію людей въ томъ старательномъ, терпѣливомъ, полномъ любви изученіи всѣхъ многообразныхъ видовъ природы, результаты котораго составляютъ точное знаніе или науку.

СЕМЕЙСТВО ГОЛЬЦЪ

РАЗКАЗЪ.

I.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ аптеку въ Кременчугѣ содержалъ ѣкто Александръ Андреевичъ Зальманъ. Высокаго роста, красивый брюнетъ, Зальманъ обладалъ всеми качествами для успѣха у женщинъ извѣстнаго склада. Съ видомъ глубокомыслия и страстности, онъ постоянно говорилъ о Шиллерѣ, Гѣте, Байронѣ и т. л., и немногіе догадывались какъ въ сущности онъ мало понималъ тѣхъ о комъ говорилъ съ такимъ жаромъ. Онъ былъ ревностнымъ гомеопатомъ, и когда образованные покупатели являлись въ аптеку за лѣкарствомъ, обыкновенно говорилъ: „Охота вамъ брать эту дрянь. Это только пачкатель, портящая желудокъ. Я вамъ дамъ нѣсколько крупинокъ или капель *асонит*, или *ниа тотиса* и, вѣрьте, вы будете здоровы.“ Успѣхи нѣрѣдко сопровождали гомеопатическія лѣченія Зальмана; его призывали въ качествѣ врача иногда верстъ за сто отъ города, и своею практикой онъ вознаграждалъ недочеты по аптекѣ. Жена его, образованная женщина и хорошая музыкантша, съ своей стороны способствовала домашнему благосостоянію, давая уроки на фортепиано. Эта серьезная, строгая женщина мало обращала вниманія на проделки мужа и ревностно занималась воспитаніемъ единственной дочери — Луизы.

Когда Луизѣ исполнилось 16 лѣтъ, мать вывезла ее въ собраніе на балъ. Прекрасная блондинка произвела своимъ явленіемъ фуроръ. На ней было воздушное бѣлое платье, все перевитое лямочемъ. На головѣ была тоже легкая вѣтка лямоча, спускавшая подвижные концы свои на плечи маленькой феи. Многочисленные поклонники совершенно закружили дѣвushку въ безконечныхъ вальсахъ и галолахъ. Но особенное впечатлѣніе произвела молодая дѣвushка на одного весьма некрасиваго господина небольшого роста, чернаго какъ смоль, который, не танцуя, весь вечеръ простоялъ за угломъ г-жи Зальманъ и какъ-то хищно слѣдилъ глазами за порхавшею лозавъ Луизой. По распросамъ онъ оказался ветеринарнымъ лѣкаремъ изъ города К..., по фамиліи Гольцъ. Начавшееся на этомъ балѣ его настойчивое преслѣдованіе продолжалось цѣлую зиму. Дѣвushкѣ, когда она являлась въ собраніи, Гольцъ казался какимъ-то зловѣщимъ ворономъ, мать бѣгала отъ него по всѣмъ угламъ залы. Наконецъ сезонъ окончился. На слѣдующую зиму М-ше Зальманъ, разсудивъ что молодежь рада вертеться около хорошенькой дѣвushки, но не скоро рѣшается избрать подругу жизни безъ приданаго, и что имъ далеко не по средствамъ выѣзды на балы, не повезла дочь въ собраніе. Возмущенный отсутствіемъ предмета своихъ преслѣдованій, Гольцъ, послѣ трехъ вечеровъ напраснаго ожиданія, утромъ отправился въ аптеку къ Зальману. Александръ Андреевичъ принялъ его въ лабораторіи съ глазу на глазъ и вѣроятно наговорилъ фразъ, въ родѣ: „очень радъ, объ этомъ надо зрѣло подумать, благодарю за оказанную честь“ и т. д. Дѣло однако на этомъ не остановилось. Не добившись толку отъ отца, Гольцъ сталъ искать свиданія съ матерью. Та долго его не принимала, но однажды утромъ, выведенная изъ терпѣнія его неотвязчивостью, рѣшилась отказать ему разъ навсегда. За просторною гостиной, служившею хозяевамъ въ то время и столовой, была небольшая комната, гдѣ подъ окномъ стояли лямочки. Когда г-жѣ Зальманъ объявили о приходѣ Гольца, Луиза сидѣла за лямочами. Не желая принимать незванаго гостя въ столовой, хозяйка залерла за собою дверь и пригласила его въ узкую диванную отдѣлявшую собственно аптеку отъ хозяйскаго помѣщенія. Выслушавъ стремительныя объясненія Гольца, мать Луизы сперва ограничилась вѣжливо сухимъ и рѣшительнымъ отказомъ, но когда Гольцъ, ссылаясь на обѣщанія данныя ему Александромъ Андреевичемъ, сталъ го-

юрить что такъ нельзя дѣлать, что это недобросовѣстно, она, высказавъ все неприличіе его поступковъ, попросила его оставить комнату и не являться болѣе въ ихъ домъ. Услышавъ эти рѣчи, Гольцъ вскочилъ со стула, и, тыча пальцемъ внизъ, закричалъ во все горло по нѣмецки: „Хорошо, gnädige Frau! я ухожу, — но я говорю, она должна быть и будетъ моею во что бы то ни стало! Es muss biegen oder brechen“. Съ этими словами онъ скрылся въ аптеку и, хлопнувъ дверью, вышелъ на улицу. Вернувшись въ комнату, мать застала Луизу дрожащую всѣмъ тѣломъ и рыдающую надъ пальцами.

— Ты подсаушивала? спросила она дочь.

— Нѣтъ, маман, я не вставала съ мѣста, но онъ такъ громко кричалъ, что я слышала послѣднія слова.

— Это все я виновата! воскликнула мать. Я всегда была противъ этихъ выѣздовъ. Это меня обили съ толку. Бѣдной и порядочной дѣвушкѣ выѣзжать на эти балы даже непристойно. Точно константинопольскій базаръ. Успокойся, перестань плакать, — теперь все пойдетъ хорошо. Я одна виновата, и вѣрь, мнѣ больше чѣмъ тебѣ.

Въ ту же зиму, простудившись на урокахъ, г-жа Зальмавъ слегла въ горячкѣ. Крулики не помогли. Черезъ двѣ недѣли ея не стало. На похоронахъ Луизу нельзя было оторвать отъ гроба матери. Она едва не помѣшалась отъ горя. Что касается до Александра Андреевича, то со смерти жены онъ совсѣмъ отбился отъ дому. Молодая, неопытная дѣвушка, какъ не вполнѣ оперившаяся птичка, сиротливо жалась по угламъ опустѣлой квартиры. Между тѣмъ Гольцъ, услышавъ о смерти матери, сталъ снова появляться въ аптекѣ. Въ такія минуты дѣвушка просто заирала двери на ключъ и, рыдая на коѣняхъ молилась Богу и призывала на помощь безответную тѣнь матери. Ее нельзя было узнать. Изъ веселой, одушевленной она стала пугливой, задумчивой. Въ такой истомѣ прошла зима. Послѣ Святой недѣли, по городу разнесся слухъ что Александръ Андреевичъ женится на извѣстной въ городѣ красавицѣ Anastasie Заболоцкой. Нареченная Зальманъ пошла въ домъ своего дальняго родственника, стараго и богатаго помѣщика Коваленко, почти одновременно съ его женитьбой на молодой сосѣдней барышнѣ. Коваленко, страстно любя свою жену, не отказывалъ ей въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, которыми та, за неимѣніемъ дѣтей, предавалась со всѣмъ пыломъ молодого

ста, боящейся одиночества. Великолепный домъ ихъ на берегу Давпра, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кременчуга, былъ постояннымъ сборищемъ блестящей молодежи обоюго пола. Обѣды, танцы, катанья въ катерѣ, фейерверки въ старинномъ саду, кавалькады и зимнія катанья по льду въ саняхъ, тянулись веселою вереницей круглый годъ. Anastasie, несмотря на личную бѣдность, являлась въ этомъ кругу звѣздой первой величины. Стройная, черноглазая брюнетка, съ золотистымъ, цыганскимъ загаромъ на щекахъ, она рѣшительно затмѣвала свою хорошенькую тетеньку. Ревнивый старикъ, втайнѣ радуясь такому положенію дѣлъ, хотя и не обезпечивалъ будущности своей племянницы, но окружалъ ее тою роскошью которая соответствовала ея положенію въ домѣ. Начитавшись модныхъ романовъ Занда, и безъ того пылкая Anastasie пріобрѣла по всему околотку репутацію эцентрической особы, но мужа не пріобрѣла. Красавица минуло 25 лѣтъ. Золотистый отблескъ лица сталъ иногда отдавать непріятною желтизной. Anastasie догадалась что ей нечего болѣе ожидать отъ настоящей жизненной обстановки, и обратила милостивое вниманіе на Александра Андреевича.

Однажды послѣ обѣда Зальманъ вернулся домой. За вечернимъ самоваромъ онъ, противъ обыкновенія, не сѣлъ за столъ, а шагая взадъ и впередъ по столовой лустился въ какія-то отвлеченности.

— Да, говорилъ онъ, нынѣшнія женщины не понимаютъ своего настоящаго, высокаго призванія. Даромъ въ природѣ ничего не бываетъ, и даромъ носить красоту — значить умижать ее, а значеніе красоты велико. Вѣдь красота-то дикахъ звѣрей укрощаетъ. Ты хоть бы *Mauprat* прочла и серьезно подумала о своихъ поступкахъ. Вѣдь такъ жить нельзя, какъ ты живешь. Это не жизнь, а самоубійство и т. д. въ этомъ родѣ.

Весь этотъ монологъ весьма смутно остался въ воспоминаніи Луизы. На другой день, часовъ въ 12 утра, проходя чрезъ столовую, Луиза явственно услышала въ аптекѣ громкое восклицаніе отца.

— Ахъ Боже мой, кого я вижу!

„Опять Гольцъ,“ какъ молнія блеснуло у ней въ головѣ и, дрожа какъ въ лихорадкѣ, она, почти безсознательно, плотво притворила дверь и повернула ключъ въ замкѣ. Изъ аптеки приближались шаги. Кто-то повернулъ ручку, но дверь

разумѣется не отворилась. Кто-то сильно потрясалъ дверь. Луиза стояла предъ дверью, съ трудомъ переводя дыханіе и едва понимая что происходитъ.

— Кто это залеръ дверь? раздался сердитый голосъ отца? Луиза, что тамъ за глулости? Отвори сейчасъ, я тебѣ приказываю.

— Луиза машинально повернула ключъ, и въ распахнувшуюся дверь, вслѣдъ за взбѣшеннымъ отцомъ, вошла стройная брюнетка вся въ черномъ. Длинная, кокетливо приподнятая амазонка слѣдовала за нею пышнымъ шлейфомъ. На роскошныхъ, черныхъ волосахъ, подобранныхъ въ кружокъ, напоминавшій прическу средневѣковаго лажа, красовался, наложенный на бекрень, черный бархатный беретъ съ бѣлымъ перомъ. Въ рукахъ амазонка держала тонкій хлыстикъ съ серебряною рукояткой. Растерявшаяся Луиза съ тупымъ изумленіемъ смотрѣла на незнакомку, послѣдняя была не менѣе поражена испуганнымъ видомъ дѣвушки.

— Однако, поапутя воскликнула амазонка, щуря на дѣвушку свои сверкающіе глаза, — мой милый Александръ Андреевичъ, это несовсѣмъ любезный пріемъ вашей будущей хозяйкѣ! Я знаю мнѣ отъ дяди сильно доставается за бѣдную Juile, которую я порядкомъ измучила, проскакавъ почти семь верстъ безъ отдыха. И для чего же? Для того чтобы мнѣ предъ самымъ носомъ залерли дверь! Но я не зломятца, прибавила она съ улыбкой, протягивая руку Луизѣ, которую та, все еще не оломнясь, пожала механически.

— Настасья Михайловна, сказала Зальманъ, стараясь прервать неприятную сцену, — вамъ угодно осмотрѣть наше помѣщеніе?

— Пойдемте, отвѣчала амазонка, — покажите мнѣ ваши комнаты, Александръ.

И, не обращаясь далѣе ни къ кому, прошла въ семейную половину квартиры, куда за нею торопливо слѣдовалъ и Александръ Андреевичъ. Черезъ минуту она снова появилась въ гостиной и черезъ плечо спросила шедшаго за нею Зальмана:

— Это все тутъ?

— Все, вполголоса отвѣчалъ послѣдній.

— Послушайте, Александръ, продолжала она, подходя къ дивану и хлопая хлыстомъ по его полинялому ситцу, — нельзя

такъ оставить этихъ тряпокъ! А это что такое? воскликнула она, стегая хлыстомъ по большой столовой салфеткѣ, вазано изъ небѣленныхъ нитокъ. — Я васъ прошу выкинуть отсюда эту рыболовную сѣть. Я ее непременно подарю нашему рыбаку Вуколу. Однако прощайте, мнѣ пора.

Все это она проговорила такъ скоро что Зальманъ не успѣлъ вставить слова, и радъ былъ, поймавъ уже предъ самою дверью ее руку, къ которой жадно прильнулъ губами.

— Довольно, довольно, говорила она, вырывая руку. — Въ даже больно, и кивнувъ Луизѣ своимъ бѣлымъ перомъ, скрылась въ дверь, унося за собою безконечный шлейфъ.

Когда дверь затворилась, Луиза тихо ослупилась на диванѣ. Закрывъ лицо руками, она крѣпко прильнула головою къ столу и замерла въ этомъ положеніи. Скорѣе можно почувствовать, чѣмъ переказать что въ эту минуту происходило въ ее душѣ. „Такъ вотъ она, та женщина которая отнынѣ должна замѣнить ей мать. Эту самую салфетку, къ которой судорожно приликала ее голова, эту драгоценную вещь, надъ которой покойница мать работала больше году, она насмѣшливо хочетъ выбросить вонъ. Поцадить ли она бѣдную дѣвushку Нѣтъ, это невыносимо, это невозможно!“ и дѣвushка судорожно зарыдала, забывъ все окружающее.

— Луиза! раздалось надъ нею.

Дѣвushка, вздрогнувъ, подняла глаза. Предъ нею стоялъ отецъ.

— Луиза! повторишь онъ сурово, — что это за глупыя слезы и за неприличное поведеніе? Я до сихъ поръ не могу придти въ себя. Ты запираешь двери предъ людьми которымъ обязаны уваженіемъ, и такъ беззащитно показываешь явную, ничѣмъ незаслуженную неприязнь. Какъ все это мнѣ ни больно, но я радъ случаю высказаться предъ тобою съ полною откровенностію. Можетъ-быть это тебя образумитъ. Всему причиной несчастное воспитаніе. Щадя тебя, я ни слова не скажу о сердцѣ твоей матери; но не могу, въ видахъ твоей же пользы, не указать на недостатокъ твоего воспитанія. Мать не сумѣла развить твоего сердца. Ты своимъ безсердочіемъ переступаешь мнѣ дорогу, но я этого не потеряю. Слышишь, не потеряю! Слово безсердечіе — нисколько не фраза и не преувеличеніе. Я тебѣ это докажу. Чѣмъ, какъ ни этимъ словомъ, должно назвать упорное сопротивленіе безкорыстнымъ и, несмотря ни на какія оскорбленія, постояннымъ

искательствамъ честнаго труженника, преданнаго тебѣ до обожанія? Что ты можешь сказать противъ Гольца? Онъ не красавецъ, правда, но для мужчины это не важно; не знаешь: ты знаешь какъ я смотрю на эти вещи; не богатъ: что на это тебѣ сказать? Тебѣ извѣстно, я прѣхалъ сюда безъ кофѣйки, началъ настоящее дѣло въ долгъ, за твою матерью не получилъ ничего, а ты видишь этотъ каменный домъ мой, у меня есть лошади и экипажи, и люди меня знаютъ, и все это благодаря тому что я свято держался правила уважать самого себя, никому не быть въ тягость и никому не мѣшать жить. Я потому такъ откровененъ съ тобою что считаю тебя за умную дѣвушку. Ты поймешь на сколько я желаю тебѣ добра. Сердце! великое дѣло сердце! Вы тамъ все умничаєте, а забываете что сказалъ Шиллеръ:

„Und was der Verstand der Verständ'gen nicht sieht
Das übet in Einfalt ein kindlich Gemüth.“

Эти стихи Александръ Андреевичъ продекламировалъ ходя уже по комнатѣ.

— А теперь, сказалъ онъ, подходя къ дочери и глядя ее по головѣ,—перестань плакать, успокойся и будь умница.

Всю ночь затѣмъ Луиза провела въ какомъ-то мучительномъ бреду. Своими безпощадными словами, смысла которыхъ онъ самъ, вѣроятно, хорошо не понималъ, отецъ возмущилъ въ ней всѣ чувства, надорвалъ нервы. Мысли ея бродили въ какомъ-то безвыходномъ лабиринтѣ. „Я люблю отца, думала она, и мѣшаю ему жить. Чувствую что я всѣхъ люблю и желаю всѣмъ добра, а выходитъ что всѣ меня любятъ, а я только всѣмъ мѣшаю. Все это какая-то ложь. Отецъ можетъ-быть и правъ, и мое безпричинное нерасположеніе къ Гольцу можетъ-быть тоже ложь. Одно ясно и несомнѣнно, если я не довольно люблю отца, если я, какъ онъ говоритъ, люблю только себя, то мнѣ нельзя оставаться въ этомъ домѣ. Кто знаетъ, можетъ-быть судьба дѣйствительно посылаетъ Гольца спасти меня? Недаромъ онъ сказалъ: „Es muss biegen oder brechen!“ Вотъ оно, я чувствую сердце мое разрывается.“ Послѣ жгучей бессонницы, въ продолженіе которой все что могло болѣть लेकरъ вошло въ душѣ дѣвушки, кризисъ совершился, и къ утру она уснула. Прославъ долѣе обыкновеннаго, она встала какъ бы другимъ существомъ. Она рѣшилась, и за кофеемъ объявила отцу о своемъ согласіи выйти за Гольца. Отецъ расцѣловалъ ее, называлъ всѣми ласкательными именами и за-

ключилъ тѣмъ что вчерашнія слова его были намѣренно преувеличены, а что въ сущности онъ никогда ничего другаго не ожидалъ отъ ея нѣжнаго сердца. Словомъ, миръ состоялся полный, и черезъ двѣ недѣли М-ше Гольцъ была въ городкѣ К...., а еще черезъ мѣсяцъ Александръ Андреевичъ самъ ввелъ въ обновленный домъ свой жену-красавицу. Правда онъ недолго наслаждался счастьемъ. Неотвязчивые поклонники которыхъ М-ше Зальманъ принимала съ самою откровенною любезностью, заставляли его ежечасно пылать адскимъ огнемъ безсильной ревности, которая въ одинъ годъ изсушила его до совершеннаго подобія скелета и окончательно свела въ могилу.

II.

Съ первыхъ дней водворенія въ домъ мужа, Луиза Александровна ревностно принялась устраивать то домашнее гнѣздышко, котораго она лишилась со смертію матери и въ которомъ ей было когда-то такъ хорошо. Вкусу у нея было много, а давно состоявшій на службѣ Гольцъ изъ порядочнаго содержанія сумѣлъ составить небольшой капиталецъ. Въ тѣ времена жить въ Новороссійскомъ краѣ можно было на самыя небольшія средства. Гольцъ нисколько не мѣшалъ молодой женѣ въ ея хозяйственныхъ затѣяхъ. Ему, очевидно, нравился тотъ недорогой комфортъ какимъ она его окружила. Луиза старалась изучить вкусы мужа и, не входя въ обсужденіе его привычекъ, служила имъ съ правильностью хронометра. Просыпаясь рано, Гольцъ любилъ полежать и даже палить кофею въ постели,—и душистый кофе приносился ему женою въ самую раннюю утреннюю пору. Гольцъ любилъ обѣдать въ одно время, и суловая чашка дымилась на столѣ въ ту самую минуту когда стѣнные часы били четыре раза и т. д. По причинѣ страшной ревности Гольца, супруги не завели себѣ никакого круга знакомыхъ. Самъ онъ, такъ какъ въ то время у него еще было много занятій по должности, рано уходилъ со двора и возвращался только къ обѣду. Уединенно просяживая долгіе часы надъ рукодѣльемъ, Луиза невольно перебирала въ умѣ свою жизнь. Чего бы не дала она чтобы покойная мать хоть однимъ глазкомъ посмотрѣла на ее хозяйство! Пусть бы она увидала что я, Луиза, не какая-нибудь безтолковая бѣлоручка. Взглянула бы какъ свѣжи ея

люди на окнахъ, какъ у нея все чисто, въ какомъ порядкѣ бѣлье и посуда, какой вкусный готовится бульонъ и какъ мастерски стала жарить кухарка, подававшая прежде какія-то засушенныя кости. Какая бы это была блаженная минута! Конечно мать не могла бы видѣть того что было у Луизы на душѣ, да и сама Луиза не могла ясно дать себѣ отчетъ, хотя живо, всѣмъ существомъ своимъ чувствовала это,—почему между ею и мужемъ стоитъ какая-то тѣнь, даже и не тѣнь, а какая-то пустота. Чего-то недостаетъ. Между ними нѣтъ враждебности, за то нѣтъ и дружбы. Онъ ревнуетъ ее, стало-быть любитъ; но отчего же она не знаетъ ни его образа мыслей, ни его убѣжденій? Да и какъ узнать ихъ? Съ утра до пяти часовъ Гольцъ на службѣ. Послѣ обѣда онъ садится у окна курить трехколѣвечную сигару, затѣмъ пересматриваетъ старыя ветеринарныя книги, или до чаю принимается за свое постоянное чтеніе, *Messiahy* Клопштока. Въ 9 часовъ вечера Гольцъ уже въ постели и тотчасъ засыпаетъ. Впрочемъ въ короткіе промежутки времени, когда жена могла обращаться къ Гольцу съ разговорами, ей нельзя было пожаловаться на его несобщительность. Онъ охотно говорилъ о служебныхъ планахъ, или домашнемъ бытѣ. Самъ, съ видимымъ удовольствіемъ, приготовлялъ, по просьбѣ жены, шарики для истребленія мышей и отраву для мухъ. По опыту Луиза принаравливалась къ симпатіямъ и антипатіямъ мужа, но когда разговоръ встаккивался на объясненія побудительныхъ причинъ его требованій, онъ сердился.

— Когда человекъ женится, объявилъ онъ Луизѣ, то жена къ нему приходитъ въ домъ, а не онъ къ ней. Кажется ясно, *ripctum*. Говорю тебѣ разъ навсегда, и сдѣлай милость никогда не приставай ко мнѣ съ подобными глупостями.

Черезъ годъ послѣ свадьбы у нихъ родилась дочь. Луиза сама кормила ребенка. Материнскія заботы много развлекли и облегчили молодую женщину, но когда дѣвочка засыпала, и она садилась за рукодѣлье, прежнее раздумье и чувство одиочества овладѣвали ею. На второй годъ послѣ рожденія дочери, весна была ранняя и дружная, что въ Новороссійскомъ краѣ не рѣдкость. Въ началѣ апрѣля точно волшебный жезлъ тронетъ землю. Снѣгъ таетъ, въ воздухѣ весна; жаворонки, колчики, орлы. Дѣвпръ уноситъ свой громоздкій ледъ, и, разливаясь на цѣлыя версты по низменнымъ берегамъ (плав-

намъ), вытѣсняетъ изъ русла всѣ свои притоки. Травка зленѣетъ, и по затопленнымъ низамъ буйными кустами лезетъ толстый камышъ. Важные аисты и осторожныя цапли безмолвно стерегутъ пробуждающихся лягушекъ. Чайки, кружки и кувыркаясь надъ безчисленными гагарами и утками, старются высокимъ фальцетомъ перекричать ихъ втору, за которой явственно слышны могучіе басы ожившихъ черепахъ. Солнце уже печетъ. Изрѣдка набѣжитъ густое облако и обмоетъ землю чистымъ дождикомъ; затѣмъ тотъ же блескъ и тотъ же весенній гамъ. Во время половодья, въ прибрежныхъ селеніяхъ и городахъ улицы нерѣдко бываютъ залиты водою, а жители приходится на лодкахъ переѣзжать на бивуаки подъ открытое небо, на сосѣднія возвышенности.

„Но небо здѣсь къ земѣ такъ благосклонно.“

Неизвѣстно находилъ ли это Гольцъ, отправляясь весною ежедневно странствовать въ воловій паркъ, гдѣ содержались всѣ подземныя животныя округа. Разливъ рѣкъ, какъ мы уже замѣтили, былъ необыкновенно силенъ. Нижнія улицы и народская площадь стояли въ водѣ. Не залитою оставалась одна верхняя, такъ-называемая Полковничья улица, и то въ одномъ мѣстѣ приходилось переходить черезъ воду. Какъ ни жалелъ Гольцъ къ забору, но неглубокія калоши его каждый разъ въ этомъ мѣстѣ черпали воду. Однажды утромъ, снова промочивъ ноги, Гольцъ почувствовалъ нестерпимую зубную боль. Ворочаться домой было далеко, да и не къ чему, а идти на службу съ такою болью почти не подъ силу. Вырвать этотъ зубъ и дѣлу конецъ, подумалъ Гольцъ. Но кто вырветъ?

Здѣсь необходимо сказать что заштатный городъ К..., съ самаго учрежденія военныхъ кавалерійскихъ поселеній въ Новороссійскомъ краѣ, былъ центромъ военного округа, а слѣдовательно и штабомъ полка, и въ немъ одновременно были два вѣдомства: поселенное, къ которому между прочимъ принадлежалъ самъ Гольцъ, и дѣйствующее, то-есть полковой командиръ и 1й эскадронъ поселеннаго полка. Квартиры полковаго фельдшера Гольцъ не зналъ, да безъ докторской записки фельдшеръ пожалуй рвать не станетъ. Пришлось зайти къ доктору, который кстати жилъ на большой улицѣ, въ старенькомъ, деревянномъ домѣ, противъ единолическаго священника. Такъ какъ заболѣвающіе нижніе чины постулали въ военный госпиталь, а офицеры рѣдко хва-

рали, то полковому лікарю положительно дѣлать было нечего. Такимъ счастливымъ положеніемъ Иринархъ Ивановичъ Богоявленскій пользовался вполне, и въ душѣ благодарилъ начальство, избавившее его, во вниманіе къ его значительной тучности, отъ обязанности являться у фронта верхомъ. Ходить по чужимъ квартирамъ Иринархъ Ивановичъ не любилъ. Получивъ за женою въ приданое небольшой домъ съ садомъ, Богоявленскій постоянно копался въ этомъ саду, который содержалъ въ примѣрномъ порядкѣ и даже развелъ въ немъ худо вызрѣвавшій виноградъ. Отяжелѣвъ въ послѣднее время, онъ уже не съ прежнею ревностью занимался садоводствомъ, а наблюдая только за плантаціей краснаго перца, большую часть времени проводилъ въ кабинетѣ, изрѣдка заглядывая въ древнихъ классиковъ и перечитывая своего любимца Вольтера. Форменнаго платья онъ терпѣть не могъ. Постояннымъ его костюмомъ было широкое, парусиное пальто. Утромъ и вечеромъ, ища прохлады, объемистый Иринархъ Ивановичъ помѣщался у раствореннаго на улицѣ окна. Въ это время подъ рукою на столикѣ стояли около него сеledка, маленькая рюмочка и графинъ съ настойкой изъ краснаго перца, которую онъ называлъ *anticholericum*. Небольшіе глотки изъ рюмки возбуждали въ Иринархѣ Ивановичѣ веселое и созерцательное расположеніе, но окончательно до пьяна онъ никогда не напивался. Привлекаемый такой соблазнительною обстановкой, къ Богоявленскому съ давнихъ поръ повадился ходить сосѣдъ черезъ улицу, извѣстный всему городу подъ именемъ Сидорыча. Худоцавый, сгорбившійся бровьетъ, съ воспаленными глазками, Сидорычъ, выгнанный изъ духовной академіи за лянство, проживалъ у родственника своего, единовѣческаго священника. Лѣтомъ онъ ходилъ въ затасканномъ, длиннополомъ нанковомъ сюртукѣ, а зимой сверхъ него надѣвалъ гороховую фризую шивель въ три воротника. Заходилъ Сидорычъ къ Богоявленскому только по утрамъ, такъ какъ вечеромъ, по слабости, не могъ этого исполнить, да и Богоявленскій бы его не принималъ. Въ то утро когда Гольцъ, почувствовавъ зубную боль, рѣшился зайти къ доктору, Сидорычъ, замѣтивъ что у Богоявленскихъ ставни открыты и докторъ уже сидитъ съ растегнутою грудью у раствореннаго окна, согнувшись перешелъ черезъ улицу и, не подымая головы, робко спросилъ подъ окномъ:

— А что, Иринархъ Ивановичъ, можно?

— А! червь злосчастный! воскликнулъ Богоявленскій, — зходи, ничего!

Сидорычъ юркнулъ въ калитку, но, увидавъ на дворѣ до торшу, смутился. Женщина въ грязномъ капотѣ и такомъ чепцѣ развѣшивала на заборѣ бѣлье.

— Опять! крикнула она, сердито взглянувъ на Сидорыча.

— Самъ позвалъ, внушительно отвѣтилъ Сидорычъ и прыгнулъ въ сѣни.

— Съ добрымъ утромъ, Иринархъ Ивановичъ! сказалъ Сидорычъ, три раза перекрестясь на образъ и низко кланаяся хозяину.

— Садись, сказалъ Богоявленскій, указывая жирнымъ пальцемъ на грязный, кожаный стулъ.—Разказывай что новаго в городѣ и какъ вчера подвизался по части крючкотворства?

— Алтухину важнѣйшее, могу сказать, прошенье смастерил и былъ за то подобающимъ образомъ улагодворенъ очищенъ. Даже цѣлковашку прилолучилъ; но „infandum regina jubeat genocare dolorem,“ * поладья наша пронохала и отняла. Орломъ на меня смиренного агнца налетѣла: „in ovilia demisit hostem vividus impetus“; ** я было вспомнилъ reluctantes dracones, *** да куда тебѣ, такъ и подхватила мой карбованчикъ. Много, говорить, вась дармоѣдовъ.

— Дома докторъ? спросилъ Гольцъ, остановясь предъ ра- створеннымъ окномъ.

— Дома, пожалуйста! отвѣчалъ Богоявленскій.

Черезъ минуту Гольцъ вошелъ въ кабинетъ и, объяснивъ причину прихода, сталъ просить записки къ фельдшеру.

— Позвольте взглянуть на вашъ зубъ, сказалъ Иринархъ Ивановичъ,—ну, батюшка, прибавилъ онъ, окончивъ осмотръ, зубъ на который вы жалуетесь совершенно крѣпокъ, и рвать его не слѣдуетъ. Вспомните-ка quae medicamenta non sanant ferrum sanat. Такъ сперва попробуемъ medicamenta, а ferrum-то всегда у насъ въ рукахъ. Вотъ мы сейчасъ поколдуемъ. Только съ условіемъ вполнѣ слушаться врача, коли пришло!

— О конечно, конечно! промычалъ Гольцъ.

Богоявленскій прошелъ въ сосѣдную комнату и, черезъ минуту выходя, вынесъ кусочекъ ваты и лузырекъ.

* Возобновлять несказанную скорбь ты велишь мнѣ, царица! (Феида).

** Среди овечьихъ стадъ стремится за ловитвой.

*** Потому кидается на раздраженныхъ змѣй.

— Эту штуку вы положите на больной зубъ и садитесь вотъ сюда на диванъ. Прекрасно, сказалъ онъ, когда Гольцъ услыся на указанномъ мѣстѣ, а теперь потрудитесь снять ваши салогн.

— Помилуйте, зачѣмъ же? возразилъ Гольцъ.

— Помните уговоръ слушаться, и снимайте. Червь! обратился онъ къ Сидорычу, — сходи ко мнѣ въ спальню и подь кроватью поищи валенки, а докторскіе салогн и калоши отдай на кухню просушить. Проворнѣй изгибайся! — Ну, что вашъ зубъ? спросилъ онъ Гольца, когда всѣ его распоряженія были исполнены.

— Еще подергиваетъ, но сталь затихать.

— Погодите и совсѣмъ пройдетъ. А я очень радъ что хоть этотъ и пустой случай завелъ васъ въ мою хату. Вы-то меня не знаете, а я васъ давно знаю. Вы тутъ каждый день приходите предъ моимъ окномъ къ должности. Вотъ, думаю, гордый collega, чтобъ такъ зайти да перекинуться словечкомъ. Какъ ни говорите, хоть и въ разныхъ мѣстахъ учились, а все мы дѣти одной и той же науки.

— Я самъ завсегда очень радъ, бормоталъ Гольцъ, которому, очевидно, было лестно попасть въ коллеги къ Богоявленскому. — Вы позволяйте мене, обратился онъ къ хозяину, — малювка сигара закуривайтъ?

— Сдѣлайте одолженіе, это въ настоящемъ случаѣ даже можетъ быть вамъ полезно. А что зубъ? спросилъ онъ Гольца. Немного погода.

— Совсѣмъ замолкъ, улыбаясь отвѣчалъ Гольцъ.

— Ну теперь вату-то вонъ и наливайте рюмочку. Рекомендую — anticholericum.

— Не рано ли будить?

— А уговоръ? Червь! наливай и подавай лѣкарство.

Гольцъ выпилъ и черезъ минуту пріятная теллота пробѣжала по тѣлу.

— А мнѣ можно червяка-то заморить? робко проговорилъ Сидорычъ.

— Мори, отвѣчалъ Богоявленскій, — да вѣдь у меня ты его не заморишь, а только раздражишь.

— Рѣдкостнѣйшій можно сказать у васъ, Иринархъ Иваннычъ, опрокидантъ, воскликнулъ Сидорычъ, осушивъ полную рюмку.

— Вѣдь вотъ, даромъ что червь, сказалъ Богоявленскій,

указывая на Сидорыча, — а тоже одного съ нами поля ягода Отлично учился, да своего-то запаса больно скудно, и тот на шкалики размѣнялъ. Вотъ и вышелъ червь—ничтожество

— Это вы сатиру Персія вспомнили: „*Ex nihilo nihil, in nihilum nil posse reverti*,“ продекламировалъ Сидорычъ.

— Молодецъ червь! Удивительная у него память! обратился Богоявленскій къ Гольцу. — Только заведите, такъ и засыплетъ цитатами. Вѣдь чѣмъ дороги древнѣе? Вонъ за него даже думаютъ. Такъ сболтнулъ, а возраженіе во второй половинѣ стиха вышло превосходное. Коли ничто не можетъ обратиться въ ничтожество, стало быть и Сидорычъ не nihil.

— Какъ вы это прекрасно повернули! вставилъ Гольцъ.

— А между тѣмъ вамъ пора лѣкарство принимать.

— Не много ли будетъ, я право, мямлилъ Гольцъ.

— Полноте, вы мущина, да еще бывшій буршъ. Вспомните-ка старину.

— Да, да, точно. О! отвѣчалъ Гольцъ и ослабился поддаваясь набѣгающему на него веселью.

— Червь, *pereticio!*

— „*Est mater studiorum*“, докончилъ Сидорычъ, наливая Гольцу рюмку.

— Вы вѣрно еще не забыли по-латыни? спросилъ Гольца Богоявленскій.

— О, да! о, да! Я очень. Вы продолжайте, я съ большимъ удовольствіемъ.

— А все-таки, перебилъ Богоявленскій,—я хотѣлъ вамъ попенять; я постоянно наблюдаю за вами. Вы слишкомъ углублены въ самого себя. Это, съ одной стороны, дѣлаетъ вамъ честь: истинная мудрость сосредоточена, а съ другой, угрожаетъ аллатіей. Положимъ, вы ни у кого не бываете изъ этихъ лоботрясовъ.

— О, вы совершенно правду! Я никуда и ни къ кому, воскликнулъ Гольцъ, явно обрадовавшись случаю вставить слово.

— Я тоже у нихъ не бываю, продолжалъ Богоявленскій,—но вѣдь у нашего брата ничѣмъ не заморишь лотребности созерцанія. Мы не перестаемъ, какъ говоритъ Цицеронъ, *ardere studio veri reperiendi*, * и поэтому-то намъ, людямъ науки, не слѣдуетъ забывать другъ друга. Вспомните, много ли со школь-

* Пылать желаніемъ открытія истины.

ной скамьи вамъ пришлось встрѣтить людей способныхъ лопать и оцѣнить васъ; а вѣдь все что насъ окружаетъ филантропство.

— Ахъ, право, какъ вы все это прекрасно! Это я тоже вспоминалъ; въ Горацѣ есть: „Odi profanum“. Мене очень, очень пріятно. Я бы здѣсь у васъ, только мене пора на служба.

— Куда вы такъ слѣшите? Дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжить, возразилъ Богоявленскій — Червь! какъ это тамъ у Горація про службу-то сказано?

— *Quis post vina gravem militiam aut pauperiem operat?* * скороговоркой отхваталъ Сидорычъ.

— Нѣтъ, право мене очень пріятно, но мене пора. Теперь до паркъ все сухо, сказалъ Гольцъ.

— Пожалуй и салогн ваши пообъяли. Сбѣгай въ кухню, да правеси-ка ихъ, обратился Богоявленскій къ Сидорычу, — что съ вами дѣлать коли вы такой ретивый.

Обуываясь, Гольцъ отвернулся къ другому окну и, пошаривъ въ карманѣ, приготовилъ ассигнацію. При процаніи, взявъ Богоявленскаго за руку, онъ незамѣтно положилъ въ нее булжку.

— Это что такое? воскликнулъ Богоявленскій. — Это вы ужь пожауста оставьте. Я и съ своихъ лоботрясовъ никогда не беру, а вы collega. Это даже обидно. А вотъ лосшокъ на дорожку я вамъ отпущу. Налей-ка рюмочку, сказалъ онъ Сидорычу.

Гольцъ было замялся.

— Нѣтъ, ужь какъ угодно, лѣченіе должно быть окончено. Тутъ кабастика есть. Больше и просить не стану.

Tres prohibet supra

*Rixarum metuens tangere Gracia. ***

Гольцъ выпилъ и со словами: „очень, очень много благодарю“, вышелъ изъ комнаты. Проходя по тротуару, предъ окномъ, онъ приподнял фуражку и снова раскланялся съ Богоявленскимъ.

— Не забывайте насъ, крикнулъ Иринархъ Ивановичъ.

— Помилуйте, непременно, непременно! бормоталъ Гольцъ, снова приподымая фуражку.

* Кто вспомнить за виномъ про службу съ нищетою?

** Тутъ больше трехъ, боясь раздору,

Нагіа граціи претать.

— Ну, что червь, спросил Богоявленскій,—какъ тебѣ и нравился новый collega?

— Вы всегда такъ, Иринархъ Ивановичъ, вылизываете послѣ на смѣхъ. Мое дѣло цитату сказать, а какой я судья и къ чему мнѣ судить, когда почище меня люди судили. Еще Овидій оказалъ: „Vos stetit“. *

— Ты сегодня просто мудрецъ, раскохотавшись воскликнул Богоявленскій.—Сто лѣтъ думай, ничего лучше твоего vos stetit не придумаешь. Вотъ заскорузлая-то личность! Для меня, признаться, интересный субъектъ. Надо бы эту улитку заставить выпустить рожки.

Умилно поглядывая на графиня, Сидорычъ было свое заговорилъ о geretandum, но положительный отказъ убѣдил его что ему ничего болѣе не дожидаться отъ своего неговорящаго мецената.

Три рюмки крѣпкой перцовки и лестное соприкосновение съ міромъ, котораго нравственное превосходство онъ смутно чувствовалъ, привели Гольца въ восторженное состояніе. Это было какое-то безпредметное и безплодное вдохновеніе. Никогда не испытывалъ онъ такого сладостнаго самодовольства. То чувство безотчетнаго благоговѣнія предъ вельятно-высокимъ, которое заставляло его всю жизнь перечитывать *Messiaду*, проступило теперь съ удвоенною силой. Онъ давно слышалъ про ученость Богоявленскаго, а тутъ сама судьба привела его въ этотъ міръ. Одинъ Богоявленскій сразу оцѣнилъ его: „das ist ein Kerl! das ist ein Kerl!“ (вотъ молодчина), повторялъ онъ про себя. Ему хотѣлось лѣтъ. „Odi profanum“, „Noxerat“, „Sidera somnas“, твердилъ онъ, нападая на безсвязные обрывки чего-то давно забытаго. „Das ist ein Kerl! Odi profanum“. Какъ жаль что по пути чрезъ слободу онъ не встрѣтитъ никого изъ тѣхъ кого Богоявленскій называлъ лоботрясами. Теперь бы онъ, collega, показалъ имъ какъ онъ смотритъ на нихъ. Эта мысль сильно ему понравилась. За неимвѣніемъ лоботрясовъ, онъ нѣсколько разъ примѣривалъ презрительную улыбку, проходя мимо хатъ, на крышахъ которыхъ аисты о чемъ-то хлопотали, круто загибая назадъ красноносые головы. У одной калитки стояла молодая поселанка. Испушеніе было слишкомъ сильно. Предъ самымъ ея носомъ Гольцъ скорчилъ презрительнѣйшую улыбку. „Бачь якій скаженюка!“ воскликнула поселанка, но Гольцъ былъ уже далеко.

* Быкъ стоялъ....

III.

Хотя на другое утро Гольцъ не былъ въ томъ лирическомъ настроеніи въ какомъ наканунѣ ушелъ отъ Богоявленскаго, гнѣвъ не менѣе, поравнявшись съ раствореннымъ окномъ доктора, онъ съ удовольствіемъ согласился на приглашеніе хозяина зайти. Въ комнатѣ все было повчерашнему. Даже Сидорычъ сидѣлъ на томъ же кожаномъ стулѣ. Скучающій Богоявленскій видимо обрадовался Гольцу. Хотя онъ съ перваго раза увидалъ съ кѣмъ имѣеть дѣло, но ему сильно хотѣлось вызвать эту личность на несвойственную ей почву отвлеченнаго мысленія и полюбоваться на неуклюжія ужимки, съ какими былъ скользятъ и падаетъ на гололедицѣ. Онъ понялъ что подъ тщеславнымъ самолюбіемъ Гольца кроется крайняя обидчивость. Сидорычъ былъ особенно въ ударѣ и сыпалъ цитатами какъ изъ дыряваго мѣшка. Небольшаго труда стоило Богоявленскому заставить Гольца выпить первую, а затѣмъ вторую и третью рюмку *anticholericum*'а. Разогрѣвшійся ветеринаръ, видимо наслаждаясь новымъ для него положеніемъ, уже не такъ сильно порывался къ должности. Слушая жестыя слова Богоявленскаго, онъ чувствовалъ себя счастливымъ, чуть не триумфаторомъ. Богоявленскій истоичалъ всѣ усилія вызвать быка на гололедицу, но быкъ прыгалъ, восторженно вертелъ хвостомъ, глухо мычалъ, а на гололедицу не выходилъ.

Такія сцены повторялись каждое утро. Богоявленскій сначала сердился на неудачу, но потомъ сталъ брезгать очевидною болѣзненностію безсвязныхъ бормотаній и мычаній Гольца. Иринархъ Ивановичъ рѣшился не вызывать Гольца на разсужденія, а просто курить предъ нимъ еиміамъ. Съ этою цѣлью онъ, зарядивъ Гольца достаточнымъ количествомъ *anticholericum*'а, заводилъ рѣчь въ родѣ слѣдующей:

— Вѣдь вотъ отчего, *carissime collega*, я дорожу вашимъ знакомствомъ, порода-то въ васъ фундаментальная, сакоонская!

— О, го, го, помилюйте! самодовольно гоготалъ Гольцъ.

— Нѣтъ, позвольте, продолжалъ Богоявленскій, я не дальше какъ на васъ берусь доказать превосходство сакоонской

породы. Эта высокая порода, предназначенная покорить міръ безсознательно всюду держится своихъ родныхъ преданій и обычаевъ. Возьмите нашего Русачка, вотъ хоть бы сего зло счастнаго червя. Пошлите его на годъ въ Парижъ, онъ живъ заговоритъ по-французски, а въ три-четыре года станетъ говорить какъ природный Французъ. Что это значитъ? Своя-то у насъ начинка скудна. Теперь возьмите Саксонца. Вотъ вы, напримеръ. Вѣдь вы въ гимназіи учились по-русски?

— Какъ же, какъ же! воскликнулъ Гольцъ.—У насъ былъ прекрасный учитель. Оффенбахъ.

— Вотъ видите ли, продолжалъ Богоявленскій,—да на дѣлительной службѣ не состоите ли вы лѣтъ десять?

— Какъ десять! Я еще въ прошломъ году получилъ пражка за пятнадцать лѣтъ безпорочная служба.

— Вы сами подтверждаете мою мысль. Какъ же не удивляться стойкости саксонской породы! Вѣдь вы до сихъ поръ не усвоили себѣ русскаго языка.

— Да, да, это справедливо!

— Возьмемъ другой примѣръ: лужи для всѣхъ мокры. Посмотрите на нашихъ лоботрясовъ. У нихъ даже форма предписана, которой они измѣнять не смѣютъ. Но какъ у него нѣтъ ничего завѣтнаго, такъ онъ въ полную воду натянеть смазные сапоги и ходить какъ ни въ чемъ не бывало. Его насильно въ калошахъ въ лужу не загонишь. То ли дѣло Саксонецъ, хоть бы вы! И ноги мокры, и зубы приходится рвать, а какъ разстаться съ калошами, освященными вѣковымъ преданіемъ! Тутъ дѣло не въ калошахъ, а въ привычкѣ.

— Какъ это вы все прекрасно! Вы совершенной правда.

На этомъ пути, праздный Богоявленскій въ нѣсколько мѣсяцевъ дошелъ до геркулесовыхъ столовъ. Подстрекать Гольца къ утреннимъ возліаніямъ уже не было надобности. Онъ самъ давно перешелъ число рюмокъ дозволяемыхъ граціями. Пользуясь восторженнымъ состояніемъ Гольца, Богоявленскій, подъ предлогомъ товарищества, давно говорилъ ему ты, и говорилъ такія вещи которыя даже Гольцу казались подозрительными, но замѣчая что тотъ начиналъ сердиться, Богоявленскій или повернетъ дѣло въ шутку, или придастъ словамъ хвалебное значеніе, и все пойдетъ попрежнему. Болѣе чѣмъ веселое расположеніе духа, съ какимъ Гольцъ выходилъ по утрамъ отъ Богоявленскаго, мало измѣняло его вѣшнюю жизнь. Подчиненнымъ ему коноваламъ это обстоятельство бы-

ю съ руки, а провозившись цѣлый день въ загородномъ во-
ловьемъ паркѣ, онъ протрезвлялся и являлся домой какъ ни
въ чемъ не бывало. Луиза Александровна, живя на противу-
положномъ концѣ города и ни съ кѣмъ не ведя знакомства,
женѣ всякаго другаго могла знать про ежедневныя свиданія
Гольца съ Богоявленскимъ. Такъ прошелъ еще годъ, въ кон-
цѣ котораго у Луизы родилась вторая дочь, а у Богоявлен-
скаго, какъ онъ самъ давно предвидѣлъ, быстро развилась во-
дьяна. До конца Иринархъ Ивановичъ не измѣнялъ порядка
жизни, но въ одну ночь его не стало.

На крестинахъ дочери, Луиза лежала въ постели и не могла
выйти къ столу къ прѣихавшимъ изъ Кременчуга восприими-
камъ-Нѣмцамъ, а распорядилась только чтобъ обѣдъ былъ
попоянѣе. Въ четыре часа гости сѣли съ хозяиномъ за столъ,
и до слуха Луизы доходилъ ихъ говоръ, звяканье ножей и,
какъ ей показалось, частыя оттычки пробокъ. Говоръ, снача-
ла тихій, подѣ конецъ обѣда, переходя въ смѣхъ, дошелъ до
вестерлимага крику и хохоту. По уходѣ гостей, Гольцъ при-
шелъ въ спальню окончательно пьяный. Съ испугу или по дру-
гимъ причинамъ, Луиза сильно расхворалась, такъ что проле-
жала мѣсяца два. На другой день Гольцъ обѣдалъ одинъ, но
пришелъ къ женѣ въ такомъ же видѣ какъ и наканунѣ.

— Ты пилъ вино? спросила больная.

— Я допилъ вчерашнее, отвѣчалъ Гольцъ.

— Напрасно ты это дѣлаешь. Это тебѣ вредно, рѣшилась
сказать Луиза.

Гольцъ не отвѣтилъ ни слова, а только потрянулъ своими
черными волосами утвердительно, какъ бы желая сказать:
«да, вредно,» и легъ спать. Подобныя сцены повторялись каж-
дый вечеръ, и когда Луиза, послѣ двухмѣсячной болѣзни, ста-
ла выходить къ обѣду, то увидала что мужъ каждый день
подъ полой шинели приносилъ бутылку вина. Собравшись съ
духомъ, она выставила предъ нимъ всѣ губельныя послѣд-
ствія такого образа дѣйствія. Гольцъ только хмурился и упор-
но молчалъ. Она плакала, умоляла: ни полслова; кивнетъ го-
ловой, а завтра опять несетъ бутылку. Такъ протянулся годъ.
Гольцъ, прежде исправно приносившій домой третное жало-
ванье, сталъ приносить его въ значительно сокращенномъ раз-
мѣрѣ, и соответственно возраставшей неисправности съ этой
стороны, вино въ бутылкахъ все крѣпчало и наконецъ пре-
вратилось въ ромъ. Однажды, не доливъ бутылки, Гольцъ съ

улыбкой пьяницы приподнял ее противъ свѣта, покачалъ, и убѣдись что она на половину полна, молча подошелъ къ шкафу и поставилъ ее на полку. Сбирался ли онъ опохмѣлиться утромъ или долить ее во время обѣда — Богъ его знаетъ, но въ этотъ вечеръ онъ былъ отвратительно пьянъ. Шатаясь на ногахъ, онъ наткнулся на кроватку меньшаго ребенка. Перепуганная Луиза рада была когда онъ уснулъ. Горько ей было. До сихъ поръ она только безуспѣшно увѣщевала и умоляла, но еще ни разу не позволяла себѣ какого-либо дѣйствія наперекоръ мужу. Рѣшившись съ горя на такой шагъ, она подошла къ шкафу, и доставъ проклятую бутылку, вынула что въ ней было за окно. Какъ она потомъ раскаивалась въ этомъ! Она постоянно твердила: „Я сама, сама, собственными руками всѣхъ погубила!“

На другой день Гольцъ, подойдя къ шкафу и найдя бутылку порожнею, не сказалъ ни слова. Къ обѣду онъ уже не приносилъ вина, а пришелъ сильно пьяный. Съ этого дня онъ окончательно уклонился отъ домашняго надзора и на всей свободѣ предался публичному пьянству. Онъ потерялъ стыдъ.

Знающій всю городокую подвотготную, Сидорычъ скоро пронюхалъ что ветеринаръ закутилъ. Пользуясь авторитетомъ покойнаго Богоявленскаго, онъ, при помощи грубой лести, втерся въ довѣрiе Гольца; онъ же въ сторонѣ города куда ходилъ Гольцъ на службу разыскалъ чистенькую и прохладную каморку въ рейнскомъ погребкѣ Еврея Ицки. Ицка сразу сталъ величать Гольца превосходительствомъ, оказывая ему знаки почтенiя и рабской покорности. Это не мѣшало ему, увѣрившись въ постоянствѣ своихъ ежедневныхъ гостей, съ возрастающимъ усердiемъ приписывать лишки въ счетахъ подаваемыхъ Гольцу, такъ что современемъ не только все третное жалованье ветеринара поступало въ руки расторопнаго Еврея, но Гольцъ уже не выходилъ у Ицки изъ долговъ. Жалованья Гольцъ почти не приносилъ, а между тѣмъ какъ ни въ чемъ не бывало требовалъ чтобы привычки его удовлетворялись съ прежнею предупредительностию.

Когда Гольцъ окончательно отбился отъ дому, и Луиза Александровна убѣдилась что ей съ этой стороны помощи ожидать нечего, она напрягла всѣ силы чтобы восполнить экономiей пробѣлъ происшедшiй въ домѣ отъ безучастiя мужа къ положенiю семейства. Она изъ-за насущнаго хлѣба втайнѣ продавала нѣкоторыя цѣнныя вещи своего приданаго бѣды,

приготовленная когда-то собственными трудами и руками покойной матери. Въ этихъ лихорадочныхъ заботахъ болѣе всего ее безлокоила мысль что рано или поздно нужда заставитъ ее тронуть небольшой капиталъ скопленный Гольцомъ до свадьбы и отданный ей на береженіе. Истративъ нѣкоторую часть этого капитала на первоначальное устройство хозяйства, Луиза до роковаго для нея рожденія второй дочери сумѣла не только пополнить израсходованныя деньги, но даже прибавить нѣсколько изъ собственныхъ береженій, такъ что составила круглая цифра въ 1.000 рублей ассигнаціями. Эти деньги, единственную надежду семейства, она тщательно берегла на черный день. Онѣ лежали у нея въ комодѣ, въ горбатомъ картонномъ баульчикѣ, заложенномъ болѣе тонкимъ бѣльемъ, рѣдко бывавшимъ въ употребленіи. Ключъ отъ комода она не поручала никому, и по ночамъ клала его подъ подушку. Оправившись послѣ третьяго ребенка, Луиза Александровна съ обычною ревностью принялась за свои трудныя задачи. Мужъ, къ этому времени окончательно предавшійся гнусному пьянству, не приносилъ домой жалованья, и никакая экономія не могла сдѣлать что-либо изъ ничего. Въ крайности, Луиза Александровна рѣшилась тронуть заветный капиталъ, и однажды, когда мужъ, по обыкновенію, налившись въ постели кофею, ушелъ со двора, скрѣпя сердце отперла комодъ. При взглядѣ на извѣстный уголокъ, она исполнилась мрачнаго предчувствія. Тонкое бѣлье вкривь и вкось нестройною кучей лежало на горбатомъ баульчикѣ. Явно здѣсь хозяйничала чужая торопливая рука. Дрожа отъ волненія, Луиза Александровна раскрыла баульчикъ. Ни колѣйки, все вывучто. На волю бѣдной женщины прибѣжала Фекла, единственная и неизмѣнная ея прислужница, не знавшая даже, какъ оказалось, о существованіи тайнаго клада. При постоянной заботѣ съ какою Луиза хранила ключъ при себѣ, невозможно было не только напастъ на слѣдъ вора, но даже сдѣлать какое-либо предположеніе о времени похищенія. Точно какое-то колдовство, думала цѣлый день Луиза Александровна. „Что теперь скажетъ мужъ?“ Онъ способенъ предположить что она истратила деньги и выдумала всю эту исторію. Днемъ ключъ у нея постоянно въ карманѣ, а ночью подъ подушкой, и сонъ ея такъ чутокъ что ничего нельзя тайно достать у ней изъ-подъ головы. Единственное время когда можно распорядиться ключомъ—тѣ полчаса когда она утромъ выходитъ въ кухню

готовить мужу кофе. Но въ это время онъ самъ въ спальнѣ и никто туда не входитъ. „Неужели это онъ?“ Съ омерзѣннѣемъ отвергнувъ эту мелькнувшую въ головѣ мысль, Луиза Александровна снова запуталась въ соображеніяхъ, и когда Гольцъ вернулся къ четыремъ часамъ домой, она, рыдая, рассказала ему о случившемся. Съ перепугу мужъ показался ея даже пьянымъ менѣе обыкновеннаго.

— Надоѣли мнѣ твои крики! отвѣчалъ Гольцъ, какъ бы отряхая растопыренныя руки. — Плакать ты мастерица, а вотъ лучше бы объ обѣдѣ подумала. Четыре часа, а супъ нѣтъ на столѣ. Я голоденъ, а ты меня кормишь своимъ крикомъ.

— Господи! Да не догадываешься ли ты кто взялъ деньги!

— Отстань отъ меня, фурия! крикнулъ Гольцъ, — и давалъ обѣдять!

— Да скажи же что-нибудь! умоляла Луиза, — можетъ-быть тебѣ понадобились деньги, и ты самъ взялъ ихъ?

— Понадобились, я и взялъ собственные деньги, отвѣчалъ Гольцъ, разводя руками. — Ну, что еще надо? А мнѣ надо обѣдять.

Луиза Александровна не сказала ни слова, но на другой день стала проситься у мужа въ Кременчугъ. Гольцъ и слушать не хотѣлъ. Тѣмъ не менѣе, поручивъ преданной Феклѣ надзоръ за дѣтми, Луиза отправилась при первой возможности съ полутчиномъ въ Кременчугъ и тамъ отыскала генеральшу Лѣсовскую. Тридцатипятилѣтняя богатая вдовушка генеральша, одна изъ ученицъ покойной госпожи Зальманъ, съ малолѣтства была очень дружна съ Луизой, и къ ней-то послѣдняя рѣшилась обратиться за совѣтомъ, какъ къ единственной особѣ могущей принять въ ней участіе. Луиза не обманулась въ своей надеждѣ. Переговоривъ съ Лѣсовскою, извѣстною франтихой, она устроила дѣло такъ что генеральша, получавшая чрезъ Одессу всѣ новости дамскаго туалета изъ Парижа, стала пересылать Луизѣ образчики, по которымъ послѣдняя съ замѣчательною снѣжностью и искусствомъ приготавливала модное бѣлье. Лѣсовская взялась рекомендовать и продавать товаръ знакомымъ богатымъ барынямъ и невѣстамъ, и такимъ образомъ Луиза Александровна, выработывая до тридцати рублей серебромъ въ мѣсяцъ, снова оградила семейство отъ крайней нищеты. Вѣроятно Лѣсовская, подъ предлогомъ удачной продажи, тайно прибавляла денегъ отъ

себя. Дѣла пошли своимъ порядкомъ. Никто не слыжалъ ни малѣйшей жалобы отъ Луизы Александровны, но мало-по-малу зрѣніе отъ усиленной работы стало измѣнять ей, и домашнія обстоятельства снова разстроились. Преданная Фекла, уже два года не получавшая жалованья, несмотря на просьбы Луизы, ни за что не хотѣла оставить семейства, которому ея услуги были необходимы; но не видя возможности платить жалованье, Луиза наотрѣвъ отказала ей и со слезами отпустила свою кухарку. Цѣлое лѣто сама исполняла всѣ работы по домашнему хозяйству. Но что предстояло осенью и зимой—страшно было подумать. Да и кому нужно было думать въ дѣлѣ о которомъ не думалъ самъ хозяинъ?

IV.

Въ сороковыхъ годахъ полкомъ нашимъ командовалъ всѣми любимыи и уважаемый баронъ Карлъ Федоровичъ Б.....ъ. Штабъ полка находился въ городкѣ К., лежащемъ на берегу одного изъ днѣпровскихъ притоковъ. Замѣчательный кавалеристъ и тонкій знатокъ лошадей, баронъ Б.....ъ весьма серьезно смотрѣлъ на службу, что не мѣшало ему съ жадностью читать новѣйшія произведенія французской и русской литературы, быть самымъ любезнымъ собесѣдникомъ и страшнымъ хлѣбосоломъ. Онъ бывалъ не въ духѣ когда штабные офицеры не всѣ у него за обѣденнымъ столомъ. Правда, обѣдъ барона не отличался дорогими тонкостями и высокими винами: этого не позволяли его небольшія средства; но поваръ его изъ обыкновенной провизіи умѣлъ такъ вкусно готовить, что надо было видѣть сколько всего этого поглощалось ежедневными гостями. Баронъ вставалъ рано, особенно лѣтомъ (а лѣто въ Новороссіи чуть не круглый годъ), и прямо отправлялся лѣшкомъ въ конный лазаретъ, хотя послѣдній находился по крайней мѣрѣ въ полутора верстахъ отъ его квартиры. Въ этихъ утреннихъ странствіяхъ ему ежедневно приходилось проходить мимо моей квартиры; но зная что его полковой адъютантъ (лишущій эти строки тогда занималъ эту должность) не выходитъ въ канцелярію до восьми

часовъ, онъ никогда не тревожилъ меня равными визитамъ. Хотя письменная отчетность о поступающихъ въ лазаретъ возвращающихся въ эскадроны лошадяхъ и лежала на мнѣ, баронъ требовалъ большого порядка по этой части, тѣмъ и менѣе смотрѣть за лазаретомъ не входило въ кругъ моихъ и прѣвѣнныхъ обязанностей. Но бывало ничѣмъ нельзя такъ расположить почтеннаго Карла Федоровича, какъ добровольнымъ содѣлствованиемъ въ его прогулкахъ въ конный лазаретъ. Тамъ онъ дѣлался особенно сообщителемъ. Не было конца его сожалѣніямъ, соображеніямъ, надеждамъ и практическимъ замѣчаніямъ. Строгий рационалистъ во всемъ остальномъ, онъ дѣлался въ области коннаго лазарета какимъ-то эмпирикомъ, чуть в колдуюмъ. Вполнѣ довѣряясь образованному и прѣвѣрному молодому ветеринару, баронъ тутъ же изъ-подъ руки пичкалъ больныхъ лошадей, Богъ знаетъ откуда почерпнуты секретныя средства, и, надо сказать правду, весьма часто съ неожиданнымъ успѣхомъ. Изъ числа многихъ, привожу слѣдующій примѣръ:—известное худосочіе (тѣльчакъ) не уступаетъ никакому такъ-называемому рациональному лѣченію. Шея переднія и заднія ноги лошади, сначала изрѣдка, потомъ все чаще и чаще покрываются круглыми худокачественными язвами, приводящими организмъ къ окончательному разложению и смерти животнаго. Болѣзнь эта въ высшей степени заразительна. Какъ теперь помню, приведена была лошадь красавица, девяти вершковъ, фланговая 3го эскадрона, Готей. Напрасно ретивый юноша ветеринаръ истощалъ свою ученость, совалъ меркуріальныя препараты, прижигалъ ранки раскаленнымъ желѣзомъ, — ничто не помогало. Баронъ не могъ безъ волненія говорить о красавицѣ Готей. „Знаете ли“, сказалъ онъ мнѣ однажды, — „пусть Григорій Ивановичъ убивается надъ неизлѣчимою болѣзнію, а я дамъ Готейу ящерицу.“

— Какую ящерицу? невольно спросилъ я.

— Простую, сѣрую, какихъ по степи тысячи. Только какъ поймать ее?

— На этотъ счетъ не безлокайтесь, сказадъ я;—сейчасъ будетъ вамъ представлено десять, двадцать, сколько угодно.

— Пожалуста.

Обѣщавъ уличнымъ мальчишкамъ гривенникъ и снабдивъ ихъ поливенымъ горшкомъ, я черезъ часъ получилъ желаемое. Ящерицы были въ завязанномъ горшкѣ высушены въ печи, а на другой день, въ видѣ порошка, даны больному Готейу. Пос-

дѣ двухъ, трехъ пріемовъ, ранки стали заживать, и черезъ двѣ недѣли Гоголь, веселый, отправился въ эскадронъ, гдѣ на моихъ глазахъ прослужилъ четыре года, а сколько послѣ меня не знаю.

Штабная жизнь наша не отличалась разнообразіемъ. Утромъ манежъ, канцелярія, а вечера мы почти неразлучно съ барономъ проводили у городскихъ знакомыхъ, кружекъ которыхъ былъ весьма необширенъ. Добрѣйшій холостякъ—бригадный генералъ. У него же былъ и бильярдъ и потому мы нерѣдко заглядывали къ нему въ однообразные зимніе вечера. Еще два дома пріѣзжихъ помѣщиковъ и неизмѣнный Федоръ Федоровичъ Гертнеръ, начальникъ округа. Нельзя на нѣкоторое время не остановиться на этомъ лицѣ. Представьте себѣ маленькаго живаго, съ краснымъ рябоватымъ лицомъ и картофельнымъ носомъ старичка лѣтъ шестидесяти, въ черномъ парикѣ, съ нафабранными усами, которые то-и-дѣло лѣзутъ ему въ ротъ, съ черными добродушными глазами, которые, одушевляясь, начинаютъ сверкать и бѣгать. Прибавьте что онъ и жена его, добродушнѣйшая и образованная Марья Ивановна, великіе мастера заказать обѣдъ и охотники угостить, что никто раньше ихъ не достанетъ дупелей, первыхъ редисокъ, огурцовъ, арбуза и т. д., что онъ любитъ свою престарѣлую *Маню*, такъ онъ называетъ Марью Ивановну, обожаетъ своихъ ребятшекъ: дѣвочку двѣнадцати и мальчика восьми лѣтъ, никому неспособенъ завѣдомо вредить,—все это еще не дастъ вамъ понятія о Федорѣ Федоровичѣ. Федоръ Федоровичъ, разказывая какой-либо забавный случай, самъ нерѣдко отъ души хохочетъ, но на такія темы онъ нападаетъ случайно; по большей части въ разговорахъ онъ нарочно подыскиваетъ обстоятельства и столкновенія возбуждающія его стремительную раздражительность. Это, разумеется, бываетъ въ кругу людей близкихъ, и тутъ свои любимыя слова: „Боже мой! Боже мой! ахъ какая каналья!“ онъ произноситъ такимъ гортаннымъ голосомъ, какъ будто щелкаетъ большой грецкій орѣхъ. Дѣло въ томъ что трагизмъ полковника Гертнера нисколько не общителенъ, а напротивъ постоянно возбуждалъ въ слушателяхъ неудержимый, неизбѣжный смѣхъ. Бывало сколько себя ни уговариваешь, что непристойно смѣяться въ глаза старому, добродушному чело-вѣку, но стѣбитъ Федору Федоровичу закипѣть, и все пропало. Кажется ожидай чело-вѣка гильйотина, и то бы не удержал-

ся. Закипалъ же и раздражался Федоръ Федоровичъ даже при такихъ воспоминаніяхъ которыя очевидно были ему пріятны. Любя и понимая строительную часть, онъ, въ качествѣ окружнаго начальника, дѣйствительно щегольски отстроилъ нѣкоторыя штабныя помѣщенія, въ томъ числѣ и небольшой занимаемый мною домикъ. Но когда рѣчь заходила объ этихъ постройкахъ, никакія заявленія признательности не могли удержать Федора Федоровича отъ восклицаній: „Помилуйте развѣ я смѣю оставить эти мѣдные замки, задвижки, ручки и заслонки въ смѣту? Развѣ начальство приметъ на казенный счетъ лакированные полы? Вотъ я скоро брошу эту каторгу тогда посмотрите будетъ ли вамъ новый окружной доставлять такія удобства? А то все Федоръ Федоровичъ не хорошъ...“ и т. д. Я зналъ Федора Федоровича давно. При моемъ поступленіи въ полкъ, Гертнеръ былъ еще во фронтѣ дивизионеромъ. На немъ былъ тотъ же черный парикъ и тотъ же орелъ комизма. Кажется никого судьба не ставила въ такіе комическія положенія въ какихъ зачастую бывалъ Федоръ Федоровичъ. Чтобы не утомить читателя, ограничимся слѣдующимъ случаемъ. Во время перваго моего майскаго компанента Федоръ Федоровичъ, въ качествѣ старшаго дивизионера, выѣзжалъ предъ дивизионъ, и слѣдовательно появлялся въ виду всѣхъ въ одиночку во всей красѣ. Хотя по черезчуръ маленькому росту ему не слѣдовало служить въ кирасирахъ, но для офицеровъ нѣтъ опредѣленной мѣры. За то такая мѣра существуетъ для лошадей, и на гусарской лошади нельзя ѣздить предъ кирасирскимъ фронтомъ. Въ наше время ниже четырехъ вершковъ у офицерской лошади не допускалось. Представьте же себѣ комическую фигуру стараго полковника на широкой четырехъ-вершковой маткѣ, объемъ которой чуть не удвоился вслѣдствіе того что она бережа. Всякій кавалеристъ вамъ скажетъ что третья часть полка состоитъ изъ матокъ, и никогда не случается чтобы простая, солдатская матка пришла въ подобное состояніе. Всѣ условія присмотра таковы что этого случиться не можетъ. Подъ какою же комическою звѣздой долженъ родиться Федоръ Федоровичъ, чтобы съ его единственной маткой случился подобный казусъ? Нельзя было слишкомъ осуждать нашихъ кирасиръ, когда появленіе полковника Гертнера на его бережей маткѣ возбуждало общую веселость. Разумѣется, при появленіи полковаго командира предъ фронтомъ, хихиканье умолкало, и все принимало serious-

ный видъ. На одномъ учени, предъ началомъ котораго фигура Гетнера на его мартъ показалась всѣмъ что-то чересчуръ комичною, полку, послѣ продолжительныхъ и быстрыхъ построений, скомандовано было выстроить фронтъ. Когда поднятая движеніемъ пыль стала оладать, замѣтили что третьяго дивизионера предъ фронтомъ нѣтъ; когда же пыль окончательно улеглась, то увидали Федора Федоровича лежащимъ вмѣстѣ съ лошадью на землѣ и напрасно старающимся освободить свои ноги изъ поволокъ, въ которые онъ попалъ шпорами.

— Что такое? что такое? хи-хи-хи, разнеслось по фронту. Желая поскорѣй окончить эту сцену, полковой командиръ послалъ трубача слѣзть и помочь полковнику встать. Но и тотъ не тотчасъ освободилъ полковника, а между тѣмъ его лошадь мѣшала видѣть подробности происшествія.

— Что ты тамъ возишься? крикнулъ полковой командиръ на трубача. Что тамъ случилось?

— Ожребился ваше высокоблагородіе! закричалъ трубачъ во все горло, стараясь чтобы слова его были вняты полковому командиру. Съ этимъ словомъ вся дисциплина пропала. Раздался гомерическій смѣхъ восьмисотъ человекъ. Самъ полковой командиръ расхохотался и, скомандовавъ: *пашаи се ножны, пики за плеча*, распустилъ полкъ. Трудно предположить чтобы Федоръ Федоровичъ въ сущности измѣнился только потому что изъ дѣйствующихъ перешелъ въ поселенные.

Кажется ни къ чему въ такой степени, какъ къ провинціальной, штабной жизни, не относится пословица: „Дѣлай и отъ дѣла не бѣгай.“ И поѣхалъ бы верстъ за 60 или за 100 къ знакомымъ помѣщикамъ отдохнуть среди роскошной обстановки, освѣжиться общеніемъ съ болѣе широкими интересами, да какъ подумаешь что можетъ-быть не успеешь выехать, а тутъ экстра изъ дивизіи, или чего-добраго нагрянетъ самъ начальникъ штаба, такъ и пойдешь къ тому же бригадному генералу, или къ Федору Федоровичу. Нечего говорить что однообразныя уличныя явленія небольшого городка были намъ знакомы до пресыщенія и скуки. Съ нѣкоторыми жителями, приходившими въ Казенный садъ слушать трубачей, у насъ возникало даже, такъ-называемое, шалочное знакомство, но на этомъ дѣло и кончилось, такъ какъ не было повода вникать въ ихъ домашнюю жизнь. Для меня исклю-

ченіемъ было на нѣкоторое время семейство поселеннаго ветеринара Гольца. Съ самаго поступленія моего въ полкъ глаза мои привыкли въ извѣстные часы дня встрѣчать на тротуарѣ довольно оригинальную фигуру. Въ эти часы, вдоволь сврыхъ заборовъ, торолливо и какъ бы желая поскорѣе скрыться отъ докучныхъ наблюдателей, проходить небольшой человѣчекъ. Съ виду ему было лѣтъ подъ пятьдесятъ. Широкое скулистое лицо съ черными нависшими бровями, носомъ луговидною, широкими плоскими губами, крѣпко сложеннымъ ртомъ и худо выбритымъ подбородкомъ, постоянно выражало какое то презрительное неудовольствіе. Кромѣ этого выраженія, лицо это представляло сплюснутость каучуковой кукольной головки, которую придавили пальцами сверху внизъ. Зимой лѣтомъ неизмѣннымъ костюмомъ знакомаго незнакомца была камлотовая, когда-то коричневая, теперь совершенно свралодъ цвѣтъ заборовъ шинель и грязнымъ блиномъ лежащая на головѣ фуражка, изъ-подъ которой дикими нечесанными завитками вырывались черные, съ легкою просѣдью, волосы. Человѣкъ постоянно былъ что называется *грузень*. Не помню кто мнѣ пояснилъ что это пьяный поселенный ветеринаръ Гольцъ. Успокоившись на такомъ свѣдѣніи, я о немъ болѣе не спрашивалъ.

V.

Однажды, въ началѣ іюля, когда полкъ готовился къ походу на дивизіонный и корлусный компламенты, я противъ обыкновенія проснулся часовъ въ 5 утра. На это могла быть особая причина. Молодцы солдатики спали мнѣ къ компламенту великолѣпную корневую плетенку для бички (нейтычанки) въ настоящую минуту нейтычанка, искусно выкрашенная подъ солому и покрытая лакомъ, была выставлена сохнуть въ крутомъ пригоркѣ между моею конюшнею и квартирой. Моей безлокоила мысль не нашла ли опять вчерашняя мотка на лакъ, и съ этою цѣлью, наскоро одѣвшись, я побѣжалъ въ гору. Къ большому моему удовольствію все оказалось въ порядкѣ, и даже лакъ сталъ мало отлупать. Не услѣлъ я окончить обзора, какъ внизу на тротуарѣ показалась высокая фигура барона. Самому мнѣ было весело на душѣ, почему думаю, не потѣшится добряка? Я послѣшно сошелъ къ нему на встрѣчу.

— Вотъ какая вы сегодня ранняя птица, сказалъ полковникъ, протягивая мнѣ руку.—Что батюшка! любовались своею блявкой по части изящныхъ искусствъ?

— Нѣтъ, это я такъ взглянулъ, но главное я поджидалъ васъ, чтобы пройтись въ конный лазаретъ. Какое чудное тро, просто рай!

— О, о! прекрасно, похвально! Право, я иногда удивляюсь, глядя на нашу молодежь. Подумаешь что иной изъ-подъ палки служить. Не любишь кавалерійскаго дѣла, ну и не служи, иди себѣ другое занятіе по душѣ. Но кавалеристъ не любящій лошади, по моему, грустное явленіе. Да знаете ли, ужь юли на то лошло,—по моему, онъ и человекъ-то дрянной. Я бы ему не довѣрилъ ничего. Въ немъ нѣтъ любви къ дѣлу.

Бесѣдуя такимъ образомъ, Карлъ Федоровичъ широко шагалъ своими длинными ногами и шелъ такъ быстро что мнѣ приходилось рядомъ съ нимъ чуть не бѣжать. На половинѣ пути, я увидалъ шагахъ во ста впереди насъ, на тротуарѣ, ковыкавше давно извѣстной мнѣ сѣрой камлотовой шинели съ живообразною фуражкой.

— Карлъ Федоровичъ, невольно воскликнулъ я, — вѣдь это Гольцъ! Зачѣмъ его несетъ въ эту сторону?

— Онъ идетъ въ конный лазаретъ.

— Зачѣмъ?

— Вы не помните унтеръ-офицерскую кобылу 2го эскадрона, Прозерпину?

— Какъ же не помнить. Недѣли двѣ тому назадъ ее привели ко мнѣ, и она жаловалась на лѣвую заднюю ногу.

— Та самая. Мы съ Григоріемъ Ивановичемъ разчистили ей стрѣлку въ копытѣ и съ грустью убѣдились что у нея ранка. Григорій Ивановичъ и вырѣзалъ и выжигалъ, но дѣло все ухудшается, а ужасно жаль этой лошади. Вчера утромъ мой Петръ докладываетъ что докторъ Гольцъ желаетъ меня видѣть.—„Что ему угодно?“—„Говорить, желаетъ переговорить.“ Думаю, вѣрно пришелъ подъ какимъ-либо предлогомъ выпросить на выпивку. Однако дѣлать нечего.—Проси его въ залу.—„Что вамъ угодно?“ спросилъ я эту дрожащую беззубую фигуру.—„Я слышалъ васъ очень беспокоить ранка въ копытѣ и хотѣлъ вамъ помочь. У меня есть секретъ, и черезъ четыре дня все выпадетъ, и ранка очистится“,—словомъ, наговорилъ съ три короба. Вретъ, подумалъ я, этотъ пьяница, но вѣдь попытка не штука, лошадь все равно пропала. „Очень хорошо,

говорю. Пожалуйте завтра въ конный лазаретъ, а я скажу Григорію Иванычу чтобы онъ вамъ отпустилъ какихъ будетъ нужно медикаментовъ.“ — „Нѣтъ, позвольте, медикаменты я самъ привесу, а вы прикажите кожаную калошу по ногѣ шить и больше ничего.“ Я ему далъ 5 рублей на лѣкарство, то-есть на выливку, заказалъ калошу и обѣщалъ, въ случаѣ успѣха, еще 50 рублей, а теперь увидимъ его прыть.

Когда мы пришли въ конный лазаретъ, тамъ все уже было готово. Гольцъ, съ видомъ знатока, осматрѣлъ рану и, проворчавъ: „нишево“, принялся дрожащими руками намазывать какую-то коричневую мазь на корлію и затѣмъ, при помощи кововаловъ, заложивъ ею рану, надѣлъ кожаный башмакъ.

— Телериша карашо. Послѣ завтра—посмотрить,—прибавилъ онъ, умывая руки. Григорій Ивановичъ смотрѣлъ на операцію съ сверкающими глазами. Умилился ли онъ, насмѣхался ли? Кто его знаетъ. Мы пошли навѣстить другихъ пациентовъ.

Принужденный часто и въ разное время отлучаться изъ дому, я, во избѣжаніе безпрестанныхъ отпираний-залипаний лараднаго крыльца, ходилъ черезъ каменную террасу своего дома, обращенную во внутренний дворъ, къ конюшнѣ. Тутъ же на террасѣ, въ чуланѣ хранился овесъ для моихъ лошадей, и вѣроятно это обстоятельство много споспѣшествовало охотѣ моего слуги разводить самыхъ разнообразныхъ и красивыхъ куръ, которыхъ онъ потомъ распродалъ любителямъ. Въ это птицеводство я не вмѣшивался, хотя проходя черезъ террасу, нерѣдко находилъ ее обсыпанною курами, индѣйками и гусями. Однажды, выходя утромъ къ должности, я увидалъ какую-то женщину. Завидя меня, женщина съ волиемъ повалилась въ ноги:

— Помилуй меня, батюшка, защити сироту!

— Встань ради Бога и говори просто чтѣ тебѣ надо.

— Не встану, мой отецъ! Я жалобу тебѣ произношу.

— А не встанешь, я и слушать не стану. Прощай.

Женщина встала и, заливаясь искренними слезами, продолжала:

— Я тебѣ жалобу произношу на твоего слугу Наумыча. Онъ колдунъ меня измучилъ.

Думаю: Господи чтѣ за чепуха!

— Онъ моихъ индѣекъ приколдовалъ къ вашему крыльцу. Кличу, кличу, ничего не подѣлаю, изъ силъ выбьюсь.

— Да ты откуда?

— Сусѣдская, Рыбниковская.

Въ сосѣдномъ домикѣ, дѣйствительно, стоялъ поселенный казначей Рыбниковъ, человѣкъ женатый.

— Жалко мнѣ тебя, матушка, что ты такъ измучилась съ своею птицей, но дамъ тебѣ совѣтъ кормить индѣекъ такъ же хорошо, какъ вѣроятно они питаются у этого крыльца, и все колдовство проладеть. Видя что я ухожу, женщина, утирая слезы, торопливо прибавила:

— Баринъ приказалъ спросить можно ли ему придти къ вамъ.

— Скажи что я иду къ должности, но если ему угодно меня видѣть, то пусть пожалуетъ въ канцелярію.

Черезъ нѣсколько времени, въ канцелярію, въ новомъ сюртукѣ и зполетахъ, вошелъ бѣлокуренькій, лысенькій и, точно съ перепугу, передергивающійся Рыбниковъ. Болѣе расшѣвая по птичьему, чѣмъ произносятся слова, онъ затянулъ:

— Извините что я въ такомъ мѣстѣ, но я рѣшился безпокоить васъ. Сегодня день ангела жены, и она убѣдительно проситъ сдѣлать намъ одолженіе пожаловать въ 12 часовъ закусить. Она поручила мнѣ взять слово съ васъ.

Я поблагодарилъ и обѣщался быть. Что за притча? подумалъ я, отчего это Рыбниковы, у которыхъ я никогда не переступалъ порога, вздумали сегодня звать меня? Выйдя изъ большаго, помѣщичьяго дома, въ качествѣ презрѣлой дѣвицы замужъ за поселеннаго офицера, Рыбникова не забывала своего былаго величія и встрѣтивъ знакомаго въ ея прежнемъ обществѣ, не могла отказать себѣ въ удовольствіи воскликнуть:

— Ахъ! скажите давно вы видѣли мою кузину *Annette*? Какъ васъ хвалятъ *Sophie*. поленяйте, пожалуста, *Alexandrine*, что она насъ забыла!

Ровно въ 12 часовъ, вертлявый Рыбниковъ, встрѣтивъ меня въ передней, провелъ чрезъ столовую, гдѣ уже стояла закуска, въ гостиную, въ которой я нашелъ хозяйку дома, разодѣтую съ явною претензіей на роскошь. Разчитывая встрѣтить многочисленное сборище, я былъ крайне изумленъ, не заставъ въ гостиной никого, кромѣ хозяевъ и какой-то старушки съ дѣвочкой. Начались обычные перечисленія *Alexandrine*, *Nadine*, *Sophie*, между которыми хозяйка представила меня старушкѣ. Я рѣшительно не зналъ кто эта особа. Старушка сразу бросилась въ глаза своею щелетильною опрят-

ностью. Такая она была чистенькая, начиная съ бѣлоснѣжнаго тюлевого чепца до срененькаго платья, обрамленнаго безукоризненно свѣжими воротничкомъ и рукавичками. Въ чистенькомъ, худенькомъ и видно когда-то красивомъ лицѣ ея не было ни кровинки. Но вслѣдъ за первымъ, вѣдшимъ впечатлѣніемъ, возникало другое, внутреннее. Крайняя худощавость старушки, рѣзко обозначенная узкимъ, вопреки тогдашней модѣ, платьемъ, эти конвульсивно сдѣлвшіяся на кольцахъ руки, эти туго прижатые къ тѣлу локти, эта напряженная неподвижность всей фигуры и тускло-сѣрыхъ глазъ ясно говорили: чтожь это я такъ широко разсѣлась, нельзя ли мнѣ какъ-нибудь подобраться, втянуться внутрь; зачѣмъ я здѣсь и зачѣмъ я вообще гдѣ-нибудь? Чтобы никому не мѣшать, мнѣ бы надо занимать самое маленькое мѣстечко—точку, пылячку какую-нибудь, да и того для меня много.

— Оставь, Коля, ты безпокоишь M-lle Lise! проговорила Рыбникова, не принимая однако никакихъ мѣръ остановить шалуна, который грязными руками безжалостно ухватился за концы широкой голубой ленты пояса блондинки. При этихъ словахъ, блондинка, туго придерживая ленту, вскинула на насъ свои голубые глаза, и я изумился, какъ могъ до сихъ поръ ея не замѣтить, какъ я могъ смотрѣть на что-либо, кромѣ ея. Дѣвушкѣ было на видъ отъ 14 до 15 лѣтъ. Она была еще совершенное дитя, но какое чистое, безыскусственное и граціозное дитя. Какъ шло это бѣлое кисейное платье безъ всякихъ украшеній, кромѣ пояса, къ дѣвственному очерку ея лица и шеи. Тонкія, на концахъ загнутыя кверху и густыя, стрѣлки рѣсницъ, придавали своему тѣнью глазамъ ея таинственную глубину. Густые, золотистые волосы, съ едва замѣтнымъ отблескомъ красноты, двумя тяжелыми косами падали ей за плеча. Едва ли не вся прическа была совершена безъ помощи зеркала, а между тѣмъ можно было сказать безъ преувеличенія что сами граціи убирала эту головку. Видно было что волосы, по густотѣ своей, противясь дѣйствию гребня, сначала пышно поднимались на лбу и прозрачныхъ вискахъ, и затѣмъ уже слѣдовали по указанному луту, оставляя у корней своихъ воздушныя, едва замѣтныя колечки. Всю головку дѣвушки окружалъ какой-то свѣтящійся нимбъ, и мнѣ никогда не случалось видѣть такого живаго воплощенія перуджиновскаго идеала.

— Lise! онъ васъ беспокоитъ, обратилась Рыбникова уже прямо къ дѣвущкѣ по-французски.

— Нисколько, отвѣчала дѣвушка, окончательно освободивъ левту изъ рукъ мальчика, и если вы мнѣ позволите взять карандашъ, на вашемъ письменномъ столѣ, то мы съ Колей сейчасъ будемъ добрыми друзьями.

— Ахъ сдѣлайте милость! Я знаю, вы прекрасно рисуете.

— Пойдемъ Коля, я тебѣ нарисую лошадку. Съ этими словами, дѣвушка пересѣла подъ единственное италіянское окно комнаты и, взявъ листъ бумаги, принялась рисовать. Южное полдневное солнце рѣзко ударило, какъ-разъ черезъ улицу, на бѣлыя стѣны колоссальнаго военнаго госпиталя, а два громадныхъ голола подъ самымъ окномъ густою тѣнью увеличивали янтарный блескъ стѣны. Очарованіе было полное. Перуджиновская головка, какъ ей и слѣдовало, плавала на золотомъ фонѣ. Даже Коля, влезшій съ ногами на сосѣдній стулъ и подпершій голову обѣими руками, чтобы лучше разсмотрѣть рисунокъ, не портилъ картины.

„Ты остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно,
Передъ святыней красоты.“

Вдругъ засвѣтилось у меня на лампѣ.

— Удивительно какъ она умѣетъ ходить за дѣтми, это звалась Рыбникова, обращаясь къ старушкѣ. При этихъ словахъ, старушка повернула голову и посмотрѣла на дѣвущку. Вся сжатая окаменѣлость мгновенно растаяла. По блѣдному лицу разлилась тихая улыбка, даже локти отошли отъ тѣла и руки разцѣпились на колѣняхъ.

— Привычка, отвѣтила старушка. Наши дѣти больше на ея рукахъ. Теперь я уже ничего не могу. Послѣднія слова придали ея лицу прежнее выраженіе болѣзненной сдержанности, но нарушивъ молчаніе, старушка видимо хотѣла воспользоваться случаемъ, избавляющимъ ее отъ необходимости еще разъ обращать на себя вниманіе постороннихъ.

— Вы насъ пзвините, М-ше Рыбникова. Мы нарочно пришли пораньше поздравить васъ, но вы знаете намъ, нельзя долго оставаться. Дѣти одни.

— Знаю, знаю, перебила Рыбникова, но я не могу отлучить васъ безъ завтрака; хоть что-нибудь закусите. Mesdames et Messieurs! пожалуйста завтракать.

Услыхавъ такое пригласеніе, Коля забылъ рису-

некъ, прежде всѣхъ очутился въ залѣ и, бѣгая вокругъ яствъ, казалось, разомъ успѣвалъ помѣшать въ лати мѣстахъ, выростая какъ грибокъ между столомъ и приближающейся къ нему личностью. Рыбниковъ принялся систематически рѣзать именную кулебяку, а хозяйка валила на тарелки гостямъ что ей подъ руку попадало.

— M-lle Lise! Это вамъ вѣрно генеральша подарила такую великолѣпную ленту? Скажите, вы часто бываете у нея?

— По воскресеньямъ и по праздникамъ она постоянно беретъ меня изъ института.

— Тамъ вы вѣрно и учитесь рисовать?

— Да, по воскресеньямъ ко мнѣ ходятъ учителя музыки и рисованія.

— Право, какая она добрая! Пожалуста не забудьте сказать ей, что я высоко цѣню ея душевныя качества, и когда буду въ Кременчугѣ, доставлю себѣ истинное удовольствіе напомнить ей о себѣ лично. Не забудьте, душа моя!

Въ дверяхъ показались красные поселенные воротники, и хозяйка встала имъ навстрѣчу. Пользуясь небольшимъ смятеніемъ, старушка поднялась и, пожавъ руку хозяйкѣ, вмѣстѣ съ дочерью направилась къ дверямъ.

— M-me Гольцъ! Лиза! M-me Гольцъ! куда же вы! какъ же такъ? волила Рыбникова, но старушка на эти возгласы только обернулась, безмолвно и автоматически присѣла и скрылась въ дверяхъ прихожей. Такъ эта кроткая старушка и очаровательная дѣвочка—жена и дочь того безобразнаго пьянаго старика въ сѣрой камлотовой шинели?—Какъ это странно, даже невѣроятно. Вскорѣ затѣмъ и я, подъ предлогомъ служебныхъ обязанностей, раскланялся съ хозяевами.

VI.

„Точно какъ странникъ, который вглядываясь передъ самымъ закатомъ Прямо на быстрое, красное солнце, послѣ невольна Видитъ его и на темныхъ кустахъ, и на скалахъ утеса; Передъ очами куда бы ни кинулъ онъ взоры, повсюду Свѣтитъ оно передъ нимъ и качается въ краскахъ чудесныхъ. Такъ передъ Германомъ образъ возлюбленной дѣвушки тихо Плылъ....“

говорить Гёте въ своей безсмертной повѣ.

Въ послѣдніе дни нѣчто подобное совершилось со мною. Пе-

руджиковская головка постоянно носилась предо мной на золотомъ фонѣ, и я былъ очень доволенъ, когда мы съ Марьей Ивановной вдвоемъ усѣлись у самовара. Не разчитывая узнать какія-либо подробности о занимавшихъ меня личностяхъ, я чувствовалъ потребность поговорить съ женщиной о моемъ впечатлѣннн. Я отправился вечеромъ съ барономъ Б. къ Федору Федоровичу. Хозяинъ и хозяйка, добрая Марья Ивановна, встрѣтили насъ съ обычною любезностью. Я навелъ разговоръ на семейство Гольца.

— Вы не знаете, воскликнула Марья Ивановна, перебивая мои восторженные возгласы, на какую грустную для меня тему вы напали. Вы не знаете какая примѣрная женщина эта, какъ вы ее называете, старушка Гольцъ. Сколько я выстрадала, глядя на ея безотрадную жизнь.

— Марья Ивановна! Стало-быть вамъ извѣстна жизнь этого семейства. Нельзя ли имъ какъ-нибудь помочь?

— Нѣтъ, тутъ помочь нельзя. Изъ подобныхъ положеній выхода нѣтъ. Я готова разказать вамъ все чтѣ знаю, но скажите прежде, сколько по вашему мнѣ лѣтъ? Пожалуста не стѣсняйтесь; въ мои года можно прямо говорить о такихъ вещахъ.

— Немного озадаченный подобнымъ оборотомъ рѣчи, я отвѣчалъ: по моему, вамъ 42—43 года.

— Немного не угадали. Мнѣ 45, а М-ше Гольцъ 35, потому что она ровно на 10 лѣтъ моложе меня.

Оказалось что покойная мать г-жи Гольцъ когда-то учила Марью Ивановну играть на фортепiano. Учительница и ученица тогда жили въ Кременчугѣ, гдѣ Марья Ивановна знала Луизу съ 8ми-лѣтняго ея возраста до замужества, а затѣмъ судьба снова свела ихъ вмѣстѣ, въ одномъ городѣ, въ качествѣ женъ начальника и подчиненнаго.

Со времени случайной нашей встрѣчи съ г-жею Гольцъ, сильно заинтересованный судьбою этой бѣдной женщины, я часто спрашивалъ о ней у Марьи Ивановны и Рыбниковыхъ. Слухи приходили самые неутѣшительные. Въ послѣднее время она замѣтно опустилась нравственно и, какъ только переставала работать физически, впадала въ какое-то тупое отчаянн, близкое къ помѣшательству. Ее терзало сознание собственного безсилія. Чтѣ ей ни говорили, она твердила одно: „слабая, больная, я ничего не могу сдѣлать для бѣдныхъ дѣтей. Я только имъ мѣшаю. Чувствую что Богъ ихъ не

оставить, если я не буду мѣшать имъ. Нашлись бы добрые люди принять сиротъ. А теперь кто ихъ возьметъ? У нихъ мать.“ Даже матеріальная помощь, по отношенію къ Луизѣ Александровнѣ, была сопряжена съ затрудненіями и требовала разныхъ уловокъ. Придравшись къ повышенію Гольца чиномъ, Федоръ Федоровичъ придумалъ посылать его семейству свѣчи натурой и годовое продовольствіе мукой и крупой, подъ предлогомъ пайка на четырехъ деньщиковъ, но и такая значительная помощь не вывела семейства изъ тяжелаго положенія.

Гертнеръ не могъ равнодушно слышать имени Гольца. — „Боже мой, Боже мой!“ закипая, восклицалъ Федоръ Федоровичъ. „Ахъ какой каналья! Еслибъ не его несчастная жена и бѣдные дѣти, я бы давно въ три шеи вытурилъ его изъ службы.“

— Не повѣрите, если вамъ разказать! прибавилъ онъ однажды, когда разговоръ снова сошелъ на эту тему. — На Святой, Гольцъ получилъ надворнаго совѣтника. По этому случаю Маня выдумала что имъ слѣдуютъ отъ меня квартирные деньги, а у нихъ квартира по отводу. Теперь она каждый мѣсяцъ посылаетъ этой бѣдной женщинѣ нѣсколько рублей. Чтожь бы вы думали? Пьяная образина промываетъ, и украдетъ у жены послѣднюю копейку. Боже мой, Боже мой! Ахъ какой каналья!

VII.

Въ концѣ іюля того же года, полкъ нашъ ушелъ въ дивизіонный лагеръ, а затѣмъ, въ началѣ сентября, перешелъ на корпусный, въ Елисаветградъ, гдѣ на этотъ разъ поочередно ему пришлось занять подгородные бараки. Послѣ жаркаго, линейнаго ученія и въ виду ночныхъ письменныхъ занятій, а легъ отдохнуть. Солнце садилось, когда слуга, принося чай, доложилъ что меня желаетъ видѣть поселенный казначей. — Проси. Въ комнату вошелъ передергивающійся Рыбниковъ, съ заявленіями, что будучи въ Елисаветградѣ, желалъ воспользоваться случаемъ и т. д. Я предложилъ ему чаю. Оказалось что у него есть порученіе отъ начальника округа къ нашему полковому командиру и что, не заставъ барона въ баракѣ, онъ пришелъ узнать когда онъ вернется.

— Баронъ уѣхалъ въ дивизіонный штабъ, отвѣчалъ я. — И я самъ съ минуты на минуту ожидаю его, чтобы узнать

подробности словеснаго приказанія на завтра. Что новаго въ К...? спросилъ я, вполне увѣренный что новаго ничего быть не можетъ.

— Помилуйте, пискнула Рыбниковъ, дернувъ правымъ эполетомъ,—какія у насъ могутъ быть новости. Все по старому, кромѣ несчастнаго случая въ семействѣ Гольцъ, о которомъ вы вѣроятно слышали.

— Какого случая? я ничего не знаю. Что такое? Разкажите сдѣлайте милость.

— Какже, помилуйте! залицалъ Рыбниковъ, вздрогнувъ лѣвымъ эполетомъ. — Сегодня вторникъ, а это было третьяго дня, въ воскресенье, предъ самымъ моимъ отъѣздомъ.

Избавляя читателя отъ преувеличеннаго разказа и несообразныхъ умозаключеній Рыбникова, передадимъ простыя подробности событія въ семействѣ Гольцъ, происшедшаго въ означенный Рыбниковымъ день.

Несмотря на воскресенье, Гольцъ, вѣрный многолѣтней привычкѣ, съ утра отправился въ воловій паркъ. По уходѣ мужа, Луиза Александровна съ особеннымъ рвеніемъ предалась своимъ ежедневнымъ заботамъ. Давно не была она такъ оживлена и разговорчива. Отворивъ коммодъ, она тщательно разложила бѣлье и указала Лизѣ гдѣ что лежало и для какого употребленія. Укладывая бѣлье меньшихъ дочерей, она обратилась къ старшей:

— Луиза, ты уже большая дѣвочка! О братѣ твоёмъ я не говорю, тебѣ за нимъ не усмотрѣть, но дай мнѣ слово смотрѣть за сестрами какъ мать. Гдѣ бы ты ни была — не улупскай ихъ изъ виду. Помни, это моя горячая къ тебѣ просьба.

Съ этими словами, она схватила и поцѣловала руку Лизы. Уходя обыкновенно съ утра на базаръ, она приучала вторую дочь умывать и чесать дѣтей, но въ это утро она сама тщательно одѣла двухъ меньшихъ, и взявъ сына Сашу на колѣни, стала чесать ему голову. Когда Луиза, проходя по комнатамъ, взглянула на нихъ, то увидала на волосахъ Саши слезы. Принимаясь нѣсколько разъ толковать дѣтямъ какъ они должны во всемъ слушаться старшей сестры, Луиза Александровна вдругъ замолкала, опускала голову и даже не отвѣчала дѣтямъ. Въ послѣдній разъ, на вопросъ Лизы: что съ вами ма-маша? Луиза Александровна отвѣтила:

— Ничего, мой дружекъ. Пойдемъ въ кухню. Пора! Жаркого сегодня нѣтъ, а масла немного осталось, такъ мы клецки съ

тобой сдѣлаемъ. Палаша любить клецки; а къ сулу, я пред самымъ обѣдомъ поджарю гренковъ. Ты станешь суль разливать, а я прямо горячіе гренки подамъ.

Пока дѣвушка, надѣвъ фартукъ, разводила огонь, Луиза Александровна часто уходила изъ комнаты къ дѣтямъ. Когда она стала цѣловать вторую дочь, дѣвочка спросила ее:

— Можно мнѣ, мамаша, завтра къ Гертнерамъ, если Марья Ивановна пришлетъ за мной?

Мать ничего не отвѣчала. Дѣвочка, ласкаясь, повторилъ вопросъ.

— Можно, можно! торопливо сказала Луиза Александровна, — только не очень бѣгайте по комнатамъ, Федоръ Федорычъ этого не любитъ.

Поуспокоившись, она сказала Лизѣ что пойдетъ поискать въ чуланъ, въ сѣняхъ, луку въ клецки. Лиза вызвалась идти за лукомъ.

— Гдѣ ты въ темнотѣ его отыщешь, отвѣчала мать. — Ты лучше присмотри чтобы суль не выкинулъ.

Въ 4 часа пришелъ Гольцъ въ обычномъ своемъ видѣ. Луиза Александровна сама принесла суповую миску и, поставивъ ее на столъ, приказала дочери разливать, а сама пошла за гренками. Лиза разлила суль, а гренковъ нѣтъ. Гольцъ разсердился и сталъ громко кликать жену. Лиза побѣжала на кухню. Гренки на столѣ, а матери нѣтъ. Лиза выбѣжала на дворъ къ колодцу—нѣтъ. Отворила калитку на улицу, и тамъ нѣтъ. Никогда этого не случалось. Лиза стала громко кликать мать. Проходя черезъ сѣни, она вспомнила про чуланъ. Дверь была отперта, но точно кто изъ середины ее придерживаетъ. Лиза налегла на дверь, и понемногу отворила ее.

— Мамашѣ дурно! крикнула дѣвушка обѣдающимъ.

— Чтó тамъ такое? отозвался Гольцъ.

— Мамашѣ дурно! она лежитъ! закричала Лиза, и почувствовала что ногамъ стало тепло. Выступивъ изъ чулана, навстрѣчу бѣгущимъ дѣтямъ, Лиза увидела что весь подолъ у нея въ крови. Ей захватило духъ, и она сама упала безъ памяти. Дѣти подняли вой. Вторую дѣвочку сосѣди поймали на улицѣ, куда она бросилась бѣжать съ испугу. Когда посторонніе осмотрѣли чуланъ, то увидели Луизу Александровну, лежащую на глиняномъ полу съ глубоко перерѣзаннымъ горломъ. Подлѣ нея нашли мужнину бритву съ рукояткой туго завернутой полотенцемъ. Видно, все обдуманно и приготовлено было заранѣе.

VIII.

Въ концѣ сентября, полкъ вернулся на постоянныя квартиры. На другой день прибытія въ штабъ, я получилъ изъ коннаго лазарета рапортъ: кобыла 2го эскадрона, Прозерпина, пала. Настало время отдыха, и однажды вечеромъ мы съ барономъ отправились къ Гертнерамъ. Засидѣвшіеся въ одиночествѣ хозяева явно намъ обрадовались.

— Я васъ такимъ вареньемъ угощу, восклицалъ Федоръ Федоровичъ, — чудо! Маня, прикажи подать вишень! Это ея труды. Ягодка къ ягодкѣ и вмѣсто косточекъ вложены самыя зернышки!

Разговоръ перешелъ къ новостямъ и естественно остановился на самомъ крупномъ событіи послѣдняго времени — смерти madame Гольцъ. При этомъ имени, Федоръ Федоровичъ закипѣлъ.

— Не говорите, не говорите объ этомъ человѣкѣ. Боже мой, Боже мой, ахъ какой каналья! Вы слышали, продолжалъ онъ, обращаясь къ намъ, — что эта несчастная женщина наложила на себя руки, но вы ничего больше не слышали?

Мы отвѣчали утвердительно.

— Ну такъ я вамъ все разкажу чему былъ очевидцемъ. Дѣло было въ воскресенье. Лавки были залерты, и народъ отдыхалъ по домамъ. Въ пять часовъ мы по обыкновенію свѣли обѣдать. Подавая лирожное, Петруша докладываетъ что полицейскій унтеръ-офицеръ пришелъ. Такъ у меня сердце и ёкнуло. Господи! думаю, ужъ не пожаръ ли? Зачѣмъ придти ему во время стола, въ праздникъ? Бросивъ салфетку, я побѣжалъ въ переднюю. Чтò случилось?

— Ветеринарная докторша зарѣзалась, ваше высокоблагородіе.

— Гдѣ?

— У себя на фатерѣ. Народу, говоритъ, навалило полна улица. Я, говоритъ, у калитки поставилъ часовыхъ, чтобы не таскались въ домъ, да чего не украли, а самъ побѣжалъ къ вашему высокоблагородію.

— Ну хорошо, говорю, вели мнѣ духомъ запречь пролетку, и самъ ступай и дожидайся меня тамъ на мѣстѣ.

— Чтò случилось? стала спрашивать Маня. Не желая лона-

прасну пугать ее, я было сталъ говорить: „ничего“, да въ развѣ ихъ обманешь! Пристала, скажи да и только. Дѣла нечего, говорю: М-те Гольцъ скоропостижно умерла.

— Ради Бога! говорить, — возьми несчастныхъ дѣтей, они будутъ дѣлать одни съ пьянымъ отцомъ. Пролетку дали, и я такъ шибко погналъ что лошади со стойки, по шей уличъ даже подхватили. Наздруновъ правду сказалъ. I роду полна улица, и все больше бабѣ, въ праздничныхъ, шковыхъ головныхъ платкахъ. — Прочь! Прочь! кричу. Деркъ самой калиткѣ! Въ свѣяхъ я замѣтилъ что доски окочулана приотланы кровью, и кровавый слѣдъ пошелъ въ комнаты. Я растворилъ дверь, и что же вы думаете увидалъ? На вамъ сказать, покуда дали знать полиціи, сосѣди вытаци труль изъ чулана, раздвинули обѣденный столъ посреди комнат и положили на него покойницу. Хотѣли ее обмыть и прибрало Наздруновъ разогналъ всѣхъ. Сохраняя слѣды происштія, онъ оставилъ только съ дѣтми въ спальнѣ двухъ же щинъ, прося ихъ не отворять дверей до моего пріѣзда. Пэтому, когда я вошелъ, въ столовой никого не было крои несчастной покойницы на столѣ и самого Гольца. Боже мой! Боже мой! Вспомнить не могу! Представьте, на окнѣ стоит до половины отлитой полуштофъ водки, а Гольцъ пьяный распыанный ходитъ со стаканомъ въ рукахъ вокругъ стола и которомъ лежитъ покойница, что-то бормочетъ и подпрыгиваетъ. Я такъ и всплеснулъ руками.

— Ахъ, говорю, — животное вы! Тварь поганая! На столъ жена, которую вы замучили, убили вашимъ безобразіемъ, а вы что дѣлаете?

Онъ остановился, поднялъ на меня разгорѣвшіеся глаза и ткнувъ пальцемъ по направлению къ столу, прошамкалъ:

— Сабакъ сабачья смерть.

Съ этими возгласами онъ снова замахалъ руками и пустился безобразно подпрыгивать вокругъ тѣла. Тутъ уже терпѣнья моего не стало.

— Вонъ отсюда, гнусная тварь! закричалъ я.

Онъ опять остановился.

— Вы не смѣете, говорить, — такъ на меня кричать, я на дворный шовѣтникъ!

И при этомъ тычетъ себя въ грудь.

— Наздруновъ! крикнулъ я, растворяя окно на улицу.— Вой-

ли сюда, да захвати человекъ двухъ полицейскихъ.... Тащи его вонъ! крикнулъ я полицейскимъ.

— Вы не смѣте!

— Тащи, тащи его! Да здоровый какой: въ дверяхъ упрется въ причёлки ногами, такъ втроемъ насилу сдвинули. Въ каюткѣ народъ смотреть: скандалъ! Едва протиснули, подхватили подъ руки и прямо на нашу гаултвахту. Покуда я составлялъ актъ и опечатывалъ вещи, дѣвочекъ свезли къ Марѣ, а мальчика Сашу на время взяли Рыбниковы.

— Да, замѣтила Марья Ивановна, — предчувствіе не обмануло Луизу. Не прошло двухъ недѣль, какъ добрые люди, по рекомендаціи Лѣсовской, разобрали дѣтей. Дѣвочекъ отдали въ институтъ, а мальчика собираются везти въ кадетскій корпусъ.

— А гдѣ самъ Гольцъ? спросилъ я.

— Съ недѣлку, отвѣчалъ Гартнеръ, — я его протрезвилъ на гаултвахтѣ, да и предложилъ подписать просьбу объ отставкѣ. Онъ-было закалпризничалъ. Какъ угодно, говорю. Сегодня пойдетъ рапортъ по командѣ объ исключеніи васъ изъ службы за нетрезвое поведеніе. Ну подписалъ отставку. Видно побоялся лишиться лекціи.

Перемѣнивъ въ скорости мѣсто служенія, я ничего не знаю о дальнѣйшей судьбѣ Гольца. Вѣроятно зимой замерзъ гдѣ-нибудь подъ заборомъ.

А. ФЕТЪ.

1870 года.

ВООБРАЖЕНІЕ

КАКЪ ОДНО ИЗЪ ОРУДІЙ НАУЧНАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Лекція профессора Тиндала на сѣздѣ британскихъ естествоиспытателей.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ Британскаго сѣзда естествоиспытателей въ нынѣшнемъ году была лекція профессора Тиндала *О воображеніи какъ орудіи научнаго изслѣдованія*, прочитанная имъ вечеромъ 16го сентября въ Филармонической залѣ, при многочисленномъ стеченіи слушателей. Хотя въ нынѣшнемъ году знаменитый профессоръ не имѣлъ сообщить результатовъ новыхъ открытій, но его лекція была замѣчательна по блестящему изложенію и указанію фактовъ только въ недавнее время ставшихъ достояніемъ науки, въ значительной мѣрѣ благодаря его же неутомимымъ изысканіямъ. Вотъ содержаніе ея съ небольшими сокращеніями:

Забота о нынѣшнемъ вечерѣ преслѣдовала меня когда я былъ въ нынѣшнемъ году на Альпахъ. Мнѣ нечего было представить вамъ изъ области новыхъ изслѣдованій, и мнѣ оставалось только лопскать среди того что хранилось въ глубинахъ сознанія. Кромѣ памяти, я не имѣлъ въ горахъ никакого другаго пособія, но я взялъ съ собой для оживленія впечатлѣній и питанія ума двѣ книги: *Farbenlehre* Гёте и *Логіку* Александра Бена. Одно время Бенъ былъ главнымъ моимъ товарищемъ. Онъ интересовалъ меня всего болѣе потому что въ немъ отражалось состояніе моего собственнаго духа. Разсуждая о колебаніяхъ умственной силы, какія мы всѣ попеременно

испытываемъ, Бень говоритъ: „Неизвѣстность гдѣ искать новаго случая къ открытію влечетъ за собой тяжесть сомнѣнія и безсиліе нерѣшимости“. Таковъ именно кругъ личнаго опыта. Дѣятельность изслѣдователя періодична. Онъ беретъ за предметъ изслѣдованія, борется съ нимъ, преодолеваетъ его и истощаетъ въ данное время какъ его, такъ и самого себя. Потомъ онъ отдыхаетъ и снова возобновляетъ борьбу на другомъ полѣ. Но этотъ періодъ остановки между двумя изслѣдованіями есть часто періодъ сомнѣнія и недовольства, унынія и *скуки*. Въ такомъ состояніи я находился на Альпахъ, и при такихъ обстоятельствахъ мнѣ приходилось готовиться къ наступившему теперь испытанію. Предъ отправленіемъ въ Швейцарію, я много думалъ о свѣтѣ и теплотѣ, о магнетизмѣ и электричествѣ, объ органическихъ зародышахъ, объ атомахъ, молекулахъ, о произвольномъ зарожденіи, о кометахъ и о небесной тверди. Съ однимъ изъ этихъ предметовъ я постарался возобновить союзъ, и наконецъ во мнѣ возникло желаніе прослѣдить и дать вамъ возможность прослѣдить нѣкоторыя изъ наиболѣе скрытыхъ дѣйствій свѣта. Я пожелалъ показать вамъ скрытый механизмъ свѣта. Но какимъ образомъ разоблачить столь сокровенные предметы? Какъ можемъ мы овладѣть физическимъ основаніемъ свѣта, когда оно лежитъ совершенно внѣ области нашихъ чувствъ? Намъ дарована сила воображенія— *Amalgamierungsgabe, Einbildungskraft*, какъ ее называютъ Нѣмцы— и воображеніе, ограничиваемое и обусловливаемое дѣйствіемъ разума, становится могучимъ орудіемъ для физическихъ открытій. Безъ этой способности, наше знаніе природы было бы простымъ перечнемъ совмѣстныхъ существованій и послѣдовательностей. Мы продолжали бы вѣрить въ прежнее днѣ и ночи, зимы и лѣта, но душа силы (*the soul of force*) была бы изгнана изъ вселенной, причинныя отношенія исчезли бы, исчезло бы и то знаніе которое нынѣ связуетъ части природы въ одно органическое цѣлое. Звукъ передается чрезъ воздухъ, и, не удаляясь далеко отъ прямого опыта, мы воспроизводимъ его волны въ мысляхъ, и такъ же твердо вѣримъ въ ихъ существованіе, какъ и въ бытіе самого воздуха. Овладѣвъ механизмомъ звука, мы желаемъ узнать также механизмъ свѣта. Умъ человѣческой обладаетъ способностью распространенія, которая приходитъ въ дѣйствіе при размышленіи о фактахъ. Въ настоящемъ случаѣ она обнаружи-

вается тѣмъ что переносится въ пространство, съ цѣлю объяснить свѣтъ, видоизмѣненную форму механизма звукъ. Мы знаемъ отъ чего зависитъ скорость звука. Уменьша плотность среды и сохраняя неизмѣнною ея упругость, мы увеличиваемъ скорость. Усиливая упругость и сохраняя постоянную плотность, мы также увеличиваемъ скорость. Следовательно, малая плотность и большая упругость—вотъ двѣ вещи необходимыя для быстраго распространенія звука. Н свѣтъ, какъ извѣстно, движется со скоростью 185,000 миль въ секунду. Мы получаемъ эту скорость, смѣло разливъ въ пространство среду требуемой тонкости и упругости. Пусть такая среда будетъ нашимъ начальнымъ пунктомъ отправленія; мы дѣлимъ ее еще однимъ или двумя необходимыми качествами будемъ распоряжаться ею согласно съ точными механическими законами; будемъ искать въ каждомъ изъ нашихъ выводовъ вѣрности силлогизма, и посмотримъ не явятся ли въ окончательномъ результатѣ дедукціи тѣ самыя явленія свѣта которыя открываются обыкновеннымъ знаніемъ и искуснымъ опытомъ. Если во всѣхъ разнообразіяхъ этихъ явленій наше основное представленіе всегда приводитъ насъ прямо къ истинѣ; если мы не встрѣчаемъ никакихъ противорѣчій нашимъ выводамъ во внѣшней природѣ; если, кромѣ того, этимъ представленіемъ наше вниманіе привлекается къ явленіямъ которыхъ до того не видалъ ни одинъ глазъ и о которыхъ не помышлялъ ни одинъ умъ; если мы чрезъ него получаемъ способность предсказанія оказывающуюся безошибочной при всѣхъ опытахъ, то такое представленіе не можетъ быть простою выдумкой научной фантазіи. Образую такое представленіе, та сложная и созидаящая способность въ которой вмѣстѣ сливаются разумъ и воображеніе приводитъ насъ въ міръ не менѣе реальный чѣмъ міръ чувственный, и для коего послѣдній служить только указаніемъ и подтвержденіемъ. Я далекъ однако отъ желанія заставлять васъ держаться неизмѣнно того или другаго теоретическаго представленія. При всемъ нашемъ довѣрїи къ теорїи, удобнѣе сохранять ее пластичною и способною къ измѣненіямъ. Вы можете, притомъ, замѣтить что хотя явленія случаются такъ какъ будто бы существовала предполагаемая среда, однако абсолютнаго доказательства ея существованія мы еще не имѣемъ. Я далекъ отъ мысли оспаривать законность такого разсужденія, но постараюсь путемъ аналогіи оцѣнить должнымъ образомъ его силу. Вы признаете

то въ обществѣ вы окружены подобными вамъ разумными существами. Какое основаніе имѣете вы для вашего убѣжденія? Единственно слѣдующее: ваши ближніе дѣйствуютъ какъ будто бы они были разумны. Гипотеза — ибо это ничто болѣе — служить объясненіемъ фактовъ. Такъ и относительно эира, даѣе „какъ будто бы“ вы не можете идти. Эта всеобщая среда, этотъ легкій эиръ, какъ его называютъ, дѣйствуетъ какъ средство передачи, а не происхожденія волнообразнаго движенія. Онъ принимаетъ его, но не создаетъ. Отъ кого же получаетъ онъ передаваемое имъ движеніе? Большею частью отъ свѣтящихся тѣлъ. Подъ движеніемъ свѣтящагося тѣла я разумно внутреннее движеніе атомовъ или молекулъ свѣтящагося тѣла. Прослѣдите рядъ эирныхъ волнъ до ихъ источника, помня въ то же время что эиръ есть матерія имѣющая плотность, упругая и способная къ движеніямъ подчиненнымъ законамъ механики. Научное воображеніе требуетъ допустить, какъ причину происхожденія ряда эирныхъ волнъ, частицу колеблющейся матеріи, столь же опредѣленную какъ и частица производящая музыкальный звукъ. Такую частицу мы называемъ атомомъ или молекулой. Будучи выражены соответствующими впечатлѣніями, различныя свѣтотыя волны производятъ различныя цвѣта. Красный цвѣтъ, на примѣръ, производится самыми большими волнами, фіолетовый самыми малыми, между тѣмъ какъ зеленый производится волнами средней длины. Волны солнечнаго свѣта, порознь или смѣшавшыя въ различныхъ пропорціяхъ, производятъ всѣ цвѣта наблюдаемые въ природѣ и употребляемые въ искусствѣ. Коллективно онѣ даютъ намъ впечатлѣнія бѣлаго свѣта. Чистый непреломленный солнечный свѣтъ бѣлъ, и если всѣ волны составляющія такой свѣтъ сократить въ одинаковой пропорціи, то свѣтъ, хотя напряженіе его уменьшится, останется все-таки бѣлымъ. Близна альпійскаго снѣга, при сіяніи солнца, едва выносіма для глаза, но тотъ же снѣгъ, и при облачномъ небѣ, все-таки бѣлъ. Облака ослабляютъ свѣтъ отраженіемъ, но если мы поднимемся надъ ними и взглянемъ на нихъ съ надлежащаго положенія, то они покажутся ослѣпительно бѣлыми. Обыкновенныя облака раздѣляютъ падающій на нихъ солнечный свѣтъ на двѣ части: отраженную и пропущаемую; въ обихъ изъ нихъ сохраняется пропорція колебательнаго движенія производящая впечатлѣніе бѣлизны. Должно замѣтить что условія бѣлизны не сохраняются, если всѣ

волны будутъ уменьшены одинаково, на одно и то же абсолютное количество. Онѣ должны быть сокращены пропорціально, а не одинаково. Если посредствомъ отраженія волны краснаго цвѣта распадаются на двѣ равныя части, для сохраненія бѣлаго свѣта, волны желтаго, оранжеваго, зелаго и голубаго должны также быть раздѣлены на точныя половины. Короче сказать, сокращеніе должно происходить не абсолютно равными количествами, а равными дробными частями. Въ бѣломъ свѣтѣ, въ отношеніи энергіи, должно быть всегда громадное преобладаніе большихъ волнъ надъ малымъ. Иначе синій цвѣтъ, соотвѣтствующій малымъ волнамъ одерживалъ бы верхъ въ нашихъ ощущеніяхъ. Есть доказательство что свѣтъ небосклона есть отраженный свѣтъ. Онъ доходитъ до насъ, пересѣкая направленіе солнечныхъ лучей, и даже въ противоположномъ имъ направленіи, и это боковое и противоположное стремленіе движущихся волнъ можетъ зависѣть только отъ отраженія волнъ отъ самого воздуха или отъ чего-либо носящагося въ немъ. Очевидно также что солнечный свѣтъ при этомъ не отражается въ пропорціяхъ производящихъ бѣлый цвѣтъ, подобно отраженію его обыкновенными облаками. Небо синяго цвѣта, что указываетъ на недостатокъ большихъ волнъ. При объясненіи цвѣта неба аналогіей, прежде всего несомнѣнно представляется вопросъ не синяго ли цвѣта воздухъ? Но разсудокъ, основываясь на наблюденіи, возражаетъ. вопросомъ: какимъ образомъ, еслибы воздухъ былъ синій, могъ бы цвѣтъ небосклона, при восходѣ и заходѣ солнца проходящій большія пространства воздуха, быть желтымъ, оранжевымъ или даже краснымъ? Бѣлый солнечный свѣтъ, проходя сквозь синюю среду, никакимъ образомъ не могъ бы окрашиваться въ красный цвѣтъ; гипотеза синяго воздуха не выдерживаетъ критики. Агентъ, каковъ бы онъ ни былъ, отражающій намъ цвѣтъ неба, дѣйствуетъ при этомъ дихроически. Свѣтъ отраженный синяго цвѣта, свѣтъ пропускаемый—краснаго или оранжеваго. Такимъ образомъ обнаруживается явственное различіе между матеріей неба и матеріей обыкновеннаго облака, не имѣющаго такого дихроическаго дѣйствія. Соединенными силами воображенія и разума мы можемъ проникнуть и эту тайну. Облако не дѣлаетъ различія между волнами эира по величинѣ, но отражаетъ ихъ всѣ одинаково. Причиной сего можетъ быть то что частицы облака такъ велики въ сравненіи съ величи-

мой волнъ ээира что отражаютъ ихъ безразлично. Широкий утесъ отражаетъ морскою валуиъ такъ же легко какъ и рябь произведенную крыломъ ласточки, и предъ большою отражающею поверхностью существующія различія въ величинѣ волнъ ээира могутъ исчезать. Но предположимъ что отражающія частицы, вмѣсто того чтобъ быть очень велики, весьма малы въ сравненіи съ величиною волнъ, въ такомъ случаѣ вмѣсто всей волны отражается только небольшая часть ея. Большая часть волны минуетъ такую частицу безъ отраженія. Разсвѣте горсть такихъ мельчайшихъ постороннихъ частицъ въ нашей атмосферѣ и заставьте воображеніе слѣдить за дѣйствіемъ ихъ на солнечныя волны. Волны всѣхъ величинъ падаютъ на частицы, отъ ярко-краснаго до ярко-фіолетоваго, и вы видите какъ при каждомъ столкновеніи часть падающей волны отгалкивается отраженіемъ. Но въ какой пропорціи разсвѣваются волны? Поня что красныя волны находятся въ такомъ же отношеніи къ синимъ, какъ морскія волны къ легкой зыби, посмотримъ могутъ ли эти необычайно малыя частицы разсвѣвать всѣ волны въ одинаковой пропорціи. Если нѣтъ, — отраженіе ясно это покажетъ, — тогда происходящій свѣтъ долженъ завистъ отъ способа разсвѣанія. Величина есть вещь относительная, и чѣмъ меньше волна, тѣмъ большею будетъ въ сравненіи съ нею частица на которую она падаетъ. Мы уже ясно убѣдились что для сохраненія бѣлизны солнечнаго свѣта пропорція его составныхъ частей должна быть неизмѣнною; но при дѣленіи совершаемомъ этими мелкими частицами мы видимъ что пропорція измѣняется. Несоразмѣрная часть маленькихъ волнъ разсвѣвается частицами, и послѣдствіемъ сего въ разсвѣанномъ свѣтѣ должно быть преобладаніе синяго цвѣта. И другіе цвѣта спектра должны, до нѣкоторой степени, находиться вмѣстѣ съ синимъ. Они не отсутствуютъ, но недостаточны. На дѣлѣ мы получаемъ ихъ всѣ, отъ краснаго до фіолетоваго, но въ уменьшенныхъ пропорціяхъ. Мы предложили здѣсь случай для воображенія и, принимая теорію волнообразныхъ колебаній за дѣйствительность, пришли помощію разсужденій къ заключенію что еслибы въ нашей атмосферѣ были разсвѣаны частицы весьма небольшія въ сравненіи съ волнами ээира, то свѣтъ разсвѣаемый этими частицами былъ бы такой какой мы видимъ въ цвѣтѣ нашего голубаго неба. Если подвергнуть этотъ свѣтъ анализу, то въ немъ нашлись

Зы всѣ цвѣта спектра, но въ пропорціяхъ указываемыхъ я шумъ заключеніемъ. Обратимъ теперь наше вниманіе на свѣтъ проходящій между частицами неразсѣиваемымъ. Черезъ послѣдательныя столкновения съ частицами бѣлый свѣтъ все болѣе и болѣе лишается своихъ короткихъ волнъ; пропорція синя цвѣта уменьшается, и пропущенный свѣтъ будетъ казаться желтоватымъ, въ случаѣ небольшого разстоянія. Но по мѣрѣ того какъ солнце склоняется къ горизонту, атмосферное пространство проходимое свѣтомъ увеличивается, а слѣдовательно увеличивается и число разсѣивающихъ частицъ. Онѣ послѣдовательно поглощаютъ фіолетовый, синій, голубой и даже нарушаютъ пропорцію зеленаго цвѣта. При такихъ обстоятельствахъ пропускаемый свѣтъ долженъ переходить отъ желтаго къ оранжевому и красному. Это мы и встрѣчаемъ въ природѣ. Явленія именно происходятъ такъ какъ будто бы наша атмосфера была средой слегка мутною отъ механически носящихъ ся въ ней безконечно мелкихъ чуждыхъ частицъ...

Опыты съ „искусственнымъ небомъ“ показываютъ какое вліяніе на появленіе голубаго цвѣта могутъ имѣть малѣйшія частицы. Соединеніе сѣры и кислорода образуетъ газъ сѣрнистой кислоты, тотъ самый отвратительный газъ запаха коего ощущается при заженіи сѣрной спички. Два атома кислорода и одинъ атомъ сѣры образуютъ молекулу сѣрнистой кислоты. Многими примѣрами было уже доказано что волны вѣтра происходящія изъ сильнаго источника, какъ отъ солнца или электрическаго свѣта, способны разъединять атомы газообразныхъ молекулъ. Если мы заключимъ составъ въ пригодный сосудъ, помѣстимъ его въ темной комнатѣ и направимъ на него сильный лучъ свѣта, то сначала мы ничего не увидимъ. Вскорѣ, однако, по линіи луча появляется небесно-голубой цвѣтъ, зависящій отъ освобожденныхъ частицъ сѣры. Въ теченіе нѣкотораго времени голубой цвѣтъ все усиливается, потомъ онъ становится бѣловатымъ, и изъ голубовато-бѣлаго переходитъ въ болѣе или менѣе совершенно бѣлый. Въмѣсто сѣрнистой кислоты, мы можемъ выбрать нѣсколько другихъ веществъ, и съ любымъ изъ нихъ производить тотъ же результатъ. Если имѣть предъ глазами два сосуда, оба наполненные матеріей производящей цвѣтъ неба, то возможно съ большою точностью опредѣлить въ которомъ изъ нихъ частицы больше. Глазъ весьма чувствителенъ къ различію въ свѣтѣ, когда онъ находится, какъ при этомъ опытѣ,

въ сравнительной темнотѣ, и когда количество волнъ падающихъ на сѣтчатую оболочку невелико. Бѣльшія частицы обнаруживаются большею бѣлизной отражаемаго ими свѣта. Я подвергъ одинъ газъ дѣйствию луча свѣта. Черезъ двѣ минуты явился голубой цвѣтъ, но и по истеченіи 15 минутъ онъ оставался голубымъ. Въ этомъ случаѣ частицы постоянно увеличивались въ теченіи 15 минутъ, и по истеченіи этого времени все еще не были замѣтны въ микроскопѣ; какова же должна быть ихъ величина при самомъ ихъ появленіи? Какое понятіе можемъ мы составить себѣ о величинѣ этихъ частицъ? Какъ разстоянія звѣзднаго пространства поражаютъ наши чувства обширностью, не оставляя въ умѣ никакого опредѣленнаго впечатлѣнія, такъ величины съ которыми мы здѣсь имѣемъ дѣло поражаютъ насъ своею малостью. Мы имѣемъ дѣло съ безконечно малыми, въ сравненіи съ коими положительно громадны объекты микроскопа. Сэръ-Джонъ Гершель пришелъ къ нѣкоторымъ поразительнымъ заключеніямъ касательно плотности и вѣса кометъ, на основаніи того что онѣ пропускаютъ звѣздный свѣтъ и другихъ соображеній. Послѣ его заключеній вы едва ли сочтете чудовищнымъ мое мнѣніе о количествѣ матеріи разсѣянной въ нашемъ небѣ. Предположите что землю окружаетъ оболочка на такой высотѣ чтобы она находилась надъ болѣе кружною матеріею носящеюся въ высшихъ слояхъ воздуха, на высотѣ, напримѣръ, Маттергорна или Монблана. Въ этой оболочкѣ будетъ находиться темносиній небесный сводъ. Еслибы можно было вполнѣ очистить атмосферное пространство за этою оболочкой и собрать надлежащимъ образомъ всю матерію неба, носящуюся въ немъ,—мнѣ сдается что она вся помѣстилась бы въ дамской накидкѣ,—мы убѣдились бы, я въ томъ увѣренъ, что небо столь же обширное какъ и наше, и совершенно такое же по наружному виду, могло бы быть образовано изъ количества матеріи которое могло бы помѣститься въ горсти руки. Но хотя масса невелика, изъ непрерывности свѣта нашего неба можемъ сдѣлать заключеніе объ громадномъ числѣ частицъ. Небесная лазурь обнаруживается не отдѣльными пятнами и не разсѣянными точками. Для наблюдателя на вершинѣ Монблана синій цвѣтъ неба также кажется однообразнымъ и непрерывнымъ, какъ еслибы оно представляло поверхность самаго плотнаго твердаго тѣла. Г. Глешеръ засвидѣтельствовалъ что еслибы наша предполагаемая обо-

лочка была поднята вдвое выше возвышенія Монблан надъ земною поверхностію, то и тогда мы имѣли бы надъ голубою небесно-голубой сводъ. Повсюду въ атмосферѣ разсыяны эти небесныя частицы. Онѣ наполняютъ альпійскія долины, разстилаясь тонкимъ покрываломъ впереди покрытыхъ соснами склоновъ горъ. Онѣ иногда до такой степени окружаютъ свѣтомъ вершины что уличтожаютъ ихъ очертанія. Какого же свойства эти частицы разсыивающія свѣтъ? Я и намѣренъ здѣсь лускаться въ спорныя доказательства, и могу сказать что Деларивъ приписываетъ туманъ бывающій въ Альпахъ при хорошей погодѣ висящимся въ воздухѣ органическимъ зародышамъ. Но самая возможность существованія зародышей въ такомъ изобиліи объявлялась нелѣпостию. Утверждали что они омрачили бы воздухъ, и на такой признанной невозможности ихъ существованія въ требуемомъ числѣ сторонники ученія о произвольномъ зарожденіи основывали сильное доказательство. Подобные же аргументы привели противники зародышевой теоріи происхожденія болѣзней, и обѣ партіи требовали рѣшить вопросъ обращеніемъ къ микроскопу и химическимъ вѣсамъ. Не заявляя вовсе ни своего согласія, ни несогласія съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ я обращаю вниманіе только на тотъ фактъ что въ нашей атмосферѣ есть частицы которыя не поддаются ни микроскопическому, ни химическому анализамъ, которыя не омрачаютъ воздуха и которыя, тѣмъ не менѣе, существуютъ. Я не хочу меня извинять, если я скажу что нѣкоторые изъ нашихъ собратьевъ, повидимому, не достаточно оцѣниваютъ разстояніе раздѣляющее микроскопическую границу отъ молекулярной и что вслѣдствіе того они иногда употребляютъ фразеологію способную ввести въ заблужденіе. Когда, напримѣръ, содержимое клѣточки описывается какъ нѣчто совершенно однородное и абсолютно не имѣющее никакого строенія, потому только что микроскопъ не различаетъ никакого строенія, тогда я думаю что микроскопъ начинаетъ играть вредную роль. Не большое разсужденіе ясно покажетъ всѣмъ вамъ что микроскопъ не можетъ имѣть голоса въ настоящемъ вопросѣ о строеніи зародышей. Перегрѣванная вода гораздо болѣе однороднѣе содержимое какого-либо органическаго зародыша. При какой причинѣ вода перестаетъ сокращаться при 38° Фаренгейта и начинаетъ расширяться до замерзанія. Это процессъ касающійся структуры, и который не можетъ быть замѣченъ

микроскопомъ. Поставьте перегнанную воду въ поле электромагнита и направьте на нее микроскопъ. Какія перемѣны замѣчаются въ ней при возбужденіи магнита? Рѣшительно никакихъ, а тѣмъ не менѣе произойдутъ глубокія и сложныя перемѣны. Волепервыхъ, частицы воды пріобрѣтаютъ діамагнитную полярность; а вовторыхъ, въ силу перемѣны въ строеніи, вызванной магнитнымъ напряженіемъ молекулъ, вода уклоняетъ лучъ свѣта, и это уклоненіе въ точности опредѣляется какъ относительно величины, такъ и относительно направленія. Подобные случаи безчисленны. Развѣ алмазь, аметистъ и несчетныя другіе кристаллы, образуемые въ лабораторіяхъ природы и человѣка, не имѣютъ никакого строенія? Конечно имѣютъ, но что можете сказать о немъ микроскопъ? Ничего. Должно ясно отдать себѣ отчетъ что между микроскопическою и истинно-молекулярною гранью есть свободное пространство для безконечныхъ видоизмѣненій и комбинацій. Въ этой-то области располагаются полюсы атомовъ, силы получаютъ направленіе, такъ что когда эти полюсы и силы могутъ свободно дѣйствовать и встрѣчаютъ подходящій стимулъ въ удобной средѣ, ими опредѣляется сперва зародышъ, а потомъ полный организмъ. Ясно что за настоящими предѣлами микроскопическаго изслѣдованія лежитъ неизмѣримое поле для упражненія воображенія. Впрочемъ, только привилегированныя умы, знающіе какъ пользоваться свободою, не злоупотребляя ею, способны работать здѣсь съ какою-либо пользою. Но свобода эта имѣетъ самое важное значеніе. Г. Дарвинъ рискованнымъ образомъ посягнулъ на матерію въ своей теоріи лаггенеза. По этой теоріи, микроскопическій зародышъ есть уже цѣлый міръ меньшихъ зародышей. Не только организмъ, какъ цѣлое, заключенъ весь въ зародышѣ, но каждый органъ организма имѣетъ въ немъ свое особенное сѣмя. Наблюденіе, воображеніе и разумъ, совокупными силами, способствовали г. Дарвину прослѣдить мысленно съ изумительнымъ остроуміемъ и услѣхомъ извѣстный рядъ биологическихъ послѣдовательностей. Руководясь аналогіей, о въ его сочиненіи „о происхожденіи видовъ,“ поставилъ корнемъ жизни первообразный зародышъ, изъ котораго, по его понятію, можетъ быть выведено все изумительное богатство и разнообразіе жизни, нынѣ населяющей земную поверхность. Но еслибы его теорія и была справедлива, на этомъ дѣло не кончилось бы. Человѣческое воображеніе неизбѣжно загляну-

ло бы далѣе зародыша, и стало бы вопрошать исторію ея происхожденія. Достоверность здѣсь безнадежна, но матеріалъ для составленія мнѣнія могутъ быть получены. Разсматривая солнечную систему, Кавтъ и Лалласъ пришли къ заключенію что различныя тѣла оной нѣкогда составляли части одной той же нерасплавленной массы; что матерія въ туманообразной формѣ предшествовала матеріи въ сжатой формѣ; что по мѣрѣ того какъ проходили вѣка, утрачивалась теплота, послѣдовалъ сгущеніе, отдѣлились планеты, и что, наконецъ, главная часть огненного облака процессомъ самосгущенія достигла величины и плотности нашего солнца. Въ наши дни гипотеза Кавта и Лалласа находитъ независимое подтвержденіе въ спеціальномъ анализѣ. Если допустить такой взглядъ на построеніе нашей системы какъ вѣроятный, то является желаніе связать настоящую жизнь нашей планеты съ прошедшею. При первомъ отдѣленіи земли отъ центральной массы, на ней не могла присутствовать жизнь какъ мы ее понимаемъ. Какимъ же образомъ она на ней появилась? Представляются два взгляда. Или жизнь заключалась потенциально въ матеріи, когда она была еще въ туманообразной формѣ, или она была вложена въ матерію въ позднѣйшее время. Есть сильнѣйшія основанія полагать что земля, въ теченіе извѣстнаго періода ея исторіи, не была и не могла быть сценою для жизни. Былъ ли это періодъ туманообразной формы или періодъ расплавленной массы—не важно. Вопросъ нашъ слѣдующій: ждала ли созидательная энергія пока туманообразная матерія сгустилась, пока земля отдѣлилась, пока солнечный огонь на столько удался отъ земли чтобы допустить наслоеніе коры вокругъ планеты? Ждала ли она пока отдѣлился воздухъ, пока образовались моря, пока началось испареніе, сгущеніе и паденіе дождя, пока разъѣдающая сила атмосферы сокрушила и разложила расплавленные скалы и образовала изъ нихъ почвы, пока солнечные лучи на столько умѣрились разстояніемъ и утратой жара чтобы стать химически способными вызывать разложенія, необходимыя для растительной жизни? Выждавъ чрезъ всѣ эти вѣка пока наступили удобныя условія, возгласила ли она: „да будетъ жизнь“? Этими вопросами опредѣляется гипотеза не лишняя затрудненій, но достоинство оной доказывается благородствомъ людей которые ея держались. Мысль новѣйшей науки призывается рѣшить вопросъ между этою гипотезой и другою; общественное сознаніе вообще будетъ помогать

призвано къ тому же самому. Подъ какимъ бы вліяніемъ ни находились убѣжденія тѣхъ или другихъ людей, но только медленнымъ процессомъ можетъ зарекомендовать себя общественному сознанію противоположная гипотеза естественнаго развитія. Въ чемъ въ самомъ дѣлѣ заключается вся суть этой гипотезы? Разоблачите ее до нага, и предъ вами предстанетъ мысль будто не только самыя низшія формы животной жизни, не только болѣе благородныя формы коня и льва, не только изящный и удивительный механизмъ человѣческаго тѣла, но что самый духъ человѣческой, — чувство, умъ, воля и всё ихъ проявленія, — все это было нѣкогда скрыто въ огненномъ облакѣ. Конечно, простое заявленіе такого понятія есть уже само по себѣ болѣе чѣмъ его опроверженіе. Я не думаю чтобы кто-нибудь изъ сторонниковъ эволюціонной гипотезы сказалъ мнѣ что я преувеличиваю ее. Я только разоблачилъ ее, отстранилъ всякую неясность и неопредѣленность, и представилъ вамъ безъ прикрытія и украшенія тѣ понятія вмѣстѣ съ которыми эта гипотеза должна стоять или уласть. Конечно, эти понятія представляютъ слишкомъ чудовищную нелѣпость чтобы съ ними могъ ладить здоровый умъ. Отнесемъ къ нимъ, однако, безъ всякаго пристрастія. Почему эти понятія нелѣпы, и почему здоровый умъ отвергаетъ ихъ? Здѣсь можетъ быть примѣненъ законъ относительности (the law of relativity), играющій столь важную роль въ новѣйшей философіи. Эти понятія эволюціонной гипотезы нелѣпы, чудовищны и пригодны только для умственной вистѣлицы, по отношенію къ тѣмъ понятіямъ о матеріи которыя укоренились въ насъ въ юности. Духъ и матерія всегда представлялись намъ въ самомъ рѣзкомъ контрастѣ; первый въ превыспреннемъ, вторая въ самомъ низкомъ видѣ. Но вѣрно ли это? Отъ отвѣта на это все зависитъ. Предположимъ что вмѣсто предвзятой антитезы духа и матеріи, которая представлялась нашимъ юнымъ умамъ, мы были бы научены смотрѣть на нихъ какъ на предметы равно достойные и одинаково удивительные, считать ихъ въ сущности двумя противоположными видами одной и той же тайны. Предположимъ что въ юности мы были проникнуты, вмѣсто понятій поэта Йонга, понятіями поэта Гёте, смотрѣвшаго на матерію не какъ на грубое вещество, а какъ на „живое убранство Бога“. Не думаете ли вы что при такихъ измѣненныхъ обстоятельствахъ законъ относительности могъ бы найдти выраженіе отличное отъ настоящаго? До такого полнаго переворота нынѣ

господствующаго понятія эволюціонная теорія должна оставаться осужденною; но во многихъ глубокомысленныхъ умъ переверотъ этотъ уже совершился. Они не унижаютъ ни одного члена упомянутой таинственной двойственности, но они полагаютъ одинъ изъ нихъ изъ униженнаго положенія и отвѣгаютъ разъединеніе въ которомъ они до сихъ поръ были: въ сущности, если не на самыхъ словахъ, ихъ положеніе относительно духа и матеріи таково: „Да не разлучаетъ человекъ того что Богъ сочеталъ.“ Такимъ, образомъ я привелъ васъ къ послѣдней окраинѣ спекулятивной науки и постараюсь изложить вамъ то что, по моему мнѣнію, должно быть высказываемо откровенно. Я не думаю чтобы эволюціонную гипотезу слѣдовало съ презрѣніемъ осмѣивать. Я не думаю чтобы ее слѣдовало обличать какъ зловредную. Не опасайтесь эволюціонной гипотезы. „Если она отъ Бога, вы не можете ни проверить ни опровергнуть ее; если отъ человека, то она перейдетъ въ ничтожество.“ Повѣрьте мнѣ, ея присутствіе въ умѣ, въ качествѣ гипотезы, совершенно совмѣстимо съ одновременнымъ присутствіемъ всѣхъ тѣхъ добродѣтелей которыя зовемъ христіанскими. Она не разрѣшаетъ, она и не предполагаетъ разрѣшить конечную тайну вселенной. Она оставляетъ сію тайну неприкосновенною. Въ сущности она только переноситъ сознаніе о происхожденіи жизни въ безконечно отдаленное прошлое. Даже допустивъ предположеніе о туманномъ пятнѣ и потенциальной жизни въ немъ, вопросъ: откуда же они взялись? будетъ смущать и поражать насъ. Тѣ кто раздѣляютъ ученіе о естественномъ развитіи нисколько не игнорируютъ неустойчивости его данныхъ, и даютъ ему только временное признаніе. Они считаютъ гипотезу о туманномъ пятнѣ вѣроятною, и, въ отсутствіи какого-либо доказательства что актъ этотъ незаконенъ, — переносятъ заключенія отъ настоящаго времени на прошлое. Въ теченіе долгаго ряда физическихъ изслѣдованій они никогда не замѣчали въ природѣ признаковъ калриза. Опредѣливъ такимъ образомъ элементы своей кривой въ нынѣшнемъ мірѣ наблюденія и опыта, они продолжаютъ эту кривую въ міръ предшествовавшій, и допускаютъ, какъ вѣроятную, непрерывную послѣдовательность развитія отъ туманнаго пятна до настоящаго времени. Вы никогда не услышите чтобы истинно философскіе защитники ученія однообразія стали говорить о невозможности въ природѣ. Ихъ дѣло касается невозможнаго, но дѣйстви-

тельнаго, не міра который могъ бы быть, но міра который есть. Этотъ послѣдній они изслѣдуютъ со смѣлостью не чуждою личительности, и слѣдуя методамъ которые, подобно древу, даютъ познать себя своими плодами. Они знаютъ что человѣческой мысли представляются вопросы которые наука не имѣетъ даже наклонности рѣшать. Они оставляютъ такіе вопросы открытыми, но не потерять никакого незаконнаго ограниченія горизонта ихъ души. Они такъ же мало общаго имѣютъ съ степенемъ говорящимъ что нѣтъ Бога, какъ и съ деистомъ который бы сказалъ что онъ знаетъ Духъ Божій. „Двѣ вещи, говоритъ Эммануилъ Кантъ, поражаютъ меня страхомъ: звѣздное небо и сознаніе нравственной отвѣтственности человѣка.“ И при всей полнотѣ здоровья и силы, когда напряженіе дѣятельности прекращается и наступаетъ остановка размышленія, научный изслѣдователь чувствуетъ что его объемлетъ тотъ же страхъ. Отрывая его отъ земныхъ затрудненій, чувство это пріобщаетъ ему силу, которая даетъ полноту и тонъ его существованію, но которую онъ не можетъ ни анализовать, ни ловить.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

I.

Материалы для этнографіи Россіи (Казанская губернія), соч. А. Ф. Риттиха. Казань 1870; два тома.

Положеніе рабочаго класса въ Россіи, соч. Н. Флеровскаго. Спб. 1869.

Только что вышедшее, подъ инымъ названіемъ *Материаловъ*, серьезное изслѣдованіе г. Риттиха, извѣстнаго своимъ участіемъ въ составленіи этнографическаго атласа западнаго края и Царства Польскаго, даетъ намъ поводъ вмѣстѣ съ этимъ почтеннымъ трудомъ коснуться и сочиненія г. Флеровскаго, которое въ прошломъ году обратило на себя вниманіе печати, но, за исключеніемъ нѣсколькихъ органовъ имѣющихъ особаго возрѣнія на политическій и экономическій вопросы, вниманіе не очень лестное. Г. Риттихъ касается нѣкоторыхъ вопросовъ разсматриваемыхъ г. Флеровскимъ: сравненіе ихъ взглядовъ и выводовъ наглядно покажетъ, мы полагаемъ, характеръ того и другаго труда.

Почти весь первый томъ (влрочемъ необъемистый) *Материаловъ* посвященъ изученію послѣдовательнаго этнографическаго наслоенія восточной части европейской Россіи вообще, и Казанской губерніи въ особенности. Эта часть труда г. Риттиха заслуживаетъ одна серьезнаго разбора, но мы оставимъ ее, и прямо перейдемъ къ той части гдѣ разсматривается мѣстное народонаселеніе въ настоящемъ его составѣ. То же самое разсматриваетъ и г. Флеровскій въ V главѣ первой части и въ заключеніи своего сочиненія.

Панегристъ оказалъ своему предмету медвѣжьёю услугу. Бёрне не имѣетъ тѣхъ сказочныхъ, атлетическихъ достоинствъ которыя ему здѣсь приписываются. Онъ не былъ такимъ за- бакой, такимъ ругательскихъ дѣлъ мастеромъ. При всей узко- сти своего политическаго и эстетическаго горизонта, Бёрне все-таки былъ гораздо приличнѣе своего лубочнаго портрета. Судя по статьѣ *Дпла* можно бы пожалуй подумать что Бёр- не походить на сотрудниковъ этого почтеннаго журнала.

Но помимо неловкости и неумытости выраженій, которыми пагубная статья ошпливаетъ свой предметъ, смыслъ *Дпла* тотъ что бранью и свистомъ можно просвѣщать людей и освобождать угнетенные народы. Надежда заманчивая для журналистовъ умѣющихъ только ругаться, но едва ли основа- тельная. Для успѣха нужно соединеніе усилій, нужно сліянiе умовъ и волей: а брань напротивъ раздѣляетъ и отчуждаетъ. Раздраженіе которое она порождаетъ, по видимому, есть сти- мулъ либеральной оппозиціи. По видимому люди несознающіе недостатковъ своего быта, своей обстановки, своихъ понатій, прозрѣютъ если услышатъ рѣзкій голосъ порицанія и осмѣя- нія того чѣмъ они продовольствовались и почувствуютъ не- вѣдливость ко злу, которое они до тѣхъ поръ равнодушно пере- носили. Но это только по видимому; возбуждаемые этимъ лу- темъ ненависть и смѣхъ оружіе обоюдо-острое, и легко могутъ обратиться совсѣмъ не въ ту сторону куда направляя ихъ обличитель. Люди совершенно различнаго образа мыслей мо- гутъ равно разсмѣяться отъ одной и той же „ослиной кожи“, отъ одного и того же „ночнаго коллака“. Но эти и имъ по- добныя тонкія остроты дадутъ имъ лицу совершенно по раз- нымъ причинамъ. Пока брань груба и залащива, пока она есть только изліяніе чувства, она слишкомъ обща и неопре- дѣлена для плодотворнаго дѣйствія. Ваше раздраженіе вѣро- ятно найдетъ, непрѣменно найдетъ, отголосокъ въ читателяхъ, ибо люди готовые разсердиться и вскиляться всегда есть въ запасѣ. Только всѣ ли они либералы? Всѣ ли они думали о смыслѣ слова свобода? Не лично ли для себя многіе изъ нихъ жаждутъ свободы? Не чувствуютъ ли они стѣсненія сво- его самодурства, своей „широкой натуры“ въ тѣхъ порядкахъ которые вы, просвѣщенный либералъ, вѣроятно обличаете на- противъ именно за просторъ и потачку самодурству?

Когда на улицѣ драка, то прохожіе, окрестные жители и

разный саовно изъ земли вырастающій людъ образуютъ густую толпу жадныхъ зрителей. Когда драка въ печати, толпа тоже Богъ вѣсть откуда набирается смотрѣть, сочувствовать, волноваться и смѣяться. Страсть къ скандалу глубоко коренится въ нашей природѣ. Обыкновенная жизнь такъ однообразна своимъ приличьемъ, своею тишиной и порядкомъ! Такъ скучны эти почтенныя ученые статьи, которымъ не видишь конца эти чувствительныя повѣсти, въ которыхъ издали предвидишь конецъ, такъ скучна эта чинная нравственность, эта правильная логика! Давайте намъ чего-нибудь глупаго или дурнаго, давайте намъ ссоръ, шуму, суматохи, обиды, чего-нибудь такого чего обыкновенно избѣгаютъ или что вообще считаютъ неудобнымъ. Не все же будни, надо и праздники, не все же дѣло, надо и бездѣлье.

Но неужели это своего рода удовольствіе при смотрѣніи журнальныхъ турнировъ есть любовь къ свободѣ? Неужели говорящій одобрительно: „Молодець ловко отдѣлалъ! славно продернулъ!“ этимъ совершаетъ прогрессъ? Неужели эти „бревна“, это „поголовное руганье“ просвѣщаютъ и поучаютъ? Позволительно усомниться. Сегодня подъято бревно либеральное, и вамъ нравится какъ дѣйствуетъ журналистъ этою игрушкой, завтра бревно будетъ консервативнымъ, строго консервативнымъ, ультра-консервативнымъ, и вы даже не замѣтите разницы, если только толчки и смятые бока попрежнему будутъ тѣшить ваше ротозейство. Это извѣстно и многимъ изъ бойцевъ, хотя имъ бы простительно было увлекаться своимъ искусствомъ и видѣть въ немъ спасеніе человѣчества, въ родѣ того какъ у Мольера учитель музыки считалъ всеобщее обученіе музыкѣ универсальнымъ средствомъ отъ войны и распри. И свистуны отчасти знаютъ что ихъ ругня есть „искусство для искусства“. Но есть же критики которые способны цѣлыя статьи писать въ восхваленіе ругательства! Есть же и такой идолъ, есть же и такіе вѣрующіе! Есть же убѣжденіе что полемическія „бревна“ та абракадабра которая насъ изъ темнаго лѣса выведетъ на свѣтъ и просторъ.

Да, скажемъ и мы съ г. Шенгуновымъ, „много еще нужно трудиться надъ Германіей“ (или если хотите надъ Россіей) „чтобы воспитать въ ней хорошія чувства и хорошія мысли!“ Много на свѣтѣ неправды, много зла и безобразія, и нужна неутомимая работа мысли, нужно долгое и трудное накопленіе знаній чтобы заластись силой для борьбы со зломъ, съ

веправдой, съ безобразіемъ. Нужны жертвы и лишенія для того чтобы одержать побѣду въ этой борьбѣ: нужно отказаться отъ многихъ мечтаній, многихъ желаній, многихъ радостей. Нужно постоянство, нужно несокрушимое упорство: ибо врагъ силенъ и долговѣченъ. Кромѣ золь давнишнихъ и закоренѣлыхъ есть еще вновь возникающія. Кромѣ стараго раслія и самовласгія есть еще новое задорное забіячество. Кромѣ кулачныхъ боевъ есть еще печальныя потасовки. Кромѣ бреггеровъ есть еще свистуны.

III. Чтѣ требуетъ отъ историка.

Жизнь идетъ туго и медленно. Прогрессъ течетъ непрерывно, но почти незамѣтно при ежедневномъ наблюденіи. Какая-нибудь мысль давно уже родилась, созрѣла, разрослась въ толстую книгу, породила возраженія и подтвержденія, сдѣлалась общимъ достояніемъ образованныхъ людей, а на дѣлѣ она все еще неосуществима, проходятъ десятки лѣтъ и умираютъ поколѣнія прежде чѣмъ попытаются ее примѣнить, да и то еще быть-можетъ попытаются робко, неполно, неловко, не съ того конца. Пройдутъ новые десятки лѣтъ, пока созрѣетъ дѣйствительность соотвѣтственно тому какъ зрѣла мысль.

Но если взглянуть на нашу русскую печать, на смѣну въ ней воззрѣній и ученій, то иной разъ приходится думать совершенно противоположное. Мы, Русскіе, въ своей печати являемся какъ бы исключеніемъ изъ этого закона. Мы видимому не подвержены трудностямъ и продолжительному ожиданію этого медленнаго, упornaго процесса. Мы кажемся свободнѣе, способнѣе, быстрѣе. У насъ мнѣнія и ученія очень быстро смѣняются. Наши просвѣтителѣ ставятъ себѣ очень отдаленныя цѣли: но едва добѣжавъ до нихъ и еще въ попыткахъ они уже видятъ новыя далекія перспективы, и ристалище по ту сторону цѣли манить съ такою силой что снова начинается легкій, легучій бѣгъ. Достигнутая цѣль уже не имѣетъ для насъ цѣны: мы готовы забыть усилія съ какими мы напрягались чтобы достигнуть ее, мы уже презираемъ время пока мы къ ней стремились. Мы не помнимъ вчерашняго дня: мы цѣликомъ ушли въ нынѣшній. Мы знать не хотимъ прошлагодней книги; дайте намъ журналъ послѣдняго мѣсяца, по-

слѣдней недѣли, все остальное устарѣло. Когда это оно успѣло устарѣть? спрашиваютъ иные, но еще не успѣли они выговорить этихъ словъ, какъ уже опять понеслись мы къ новой дѣли и скрылись изъ глазъ недоумѣвающихъ зрителей.

Если читать русскіе журналы, то быстрота нашего прогресса кажется изумительною наряду съ черепашинымъ шагомъ Запада. Сколько тамъ вещей пользуются всеобщимъ уваженіемъ и вѣрою, а у насъ онѣ давно брошены какъ старый хламъ! Сколько напримѣръ тамъ процвѣтаетъ наука, давно осмѣянныхъ нашими передовыми публицистами, и сколько создается твореній искусства, тогда какъ у насъ искусство давно отринуто en bloc!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ у насъ появился Бокль въ переводѣ. Книга новая, интересная, притомъ направленія отрицательнаго. У насъ она имѣла едва ли не большій успѣхъ чѣмъ въ Англіи. Ее принялись читать съ жаромъ и цитовать кстати и не кстати. Помимо ея направленія, успѣхъ такого блестящаго и талантливаго сочиненія, казалось бы, дѣло отрадное. Бокль пишетъ объ исторіи, Бокля читаютъ на расхватъ, значить у насъ любятъ исторію, любятъ читать о ней, цѣнятъ талантъ, интересуются знаніемъ.

Ничего подобнаго однакоже на дѣлѣ не было. Бокль появился нашимъ скороходамъ не помимо своего направленія; понравилось въ немъ одно направленіе. Онъ является отрицателемъ прежняго способа писать исторію, и этого было достаточно чтобы поднять ихъ на усталыя ноги и логнать по новому ристалищу. Исторію писали не такъ, писали одни пустяки! Вотъ что мы извлекли изъ первыхъ страницъ Бокля: а дальше вникать намъ было недосугъ; мы опять полетѣли и подняли густую тучу пыли, которая скрыла отъ насъ и Бокля, и исторію.

Исторіографія между тѣмъ продолжаетъ дѣлать свое дѣло: являются новыя изслѣдованія, новыя сочиненія. Какъ же это такъ? Вѣдь мы уже со дня выхода перевода Бокля бросили черезъ бортъ всю исторіографію, увидавъ какъ она ничтожна. Вотъ точка зрѣнія, съ какой должно приступить къ писанію критической статьи.

Выходитъ, напримѣръ, новое изданіе *Богдана Хмѣльницкаго* г. Костомарова. Въ *Днѣхъ* по случаю ея появляется статья *Отъѣзжающіе русскіе Вальтеръ-Скотты*, подписанная С. С. Окр—цъ. Съ чего начать критику исторической монографіи

фій? Сдѣлать ли обзорнiе или характеристику той эпохи, того отрывка исторiи которому посвященъ историческiй трудъ? Такой вступительный прiемъ облегчилъ бы неподготовленному читателю пониманiе критики, далъ бы ему возможность усмотрѣть что есть общаго въ воззрѣнiяхъ разбираемаго автора и разбирающаго рецензента, и на основанiи этого усвоить и точки разногласiя между тѣмъ и другимъ. Или представить очеркъ прежнихъ трудовъ по тому же предмету, показать прогрессъ въ изученiи матерiала и его критики который сдѣлалъ возможнымъ послѣднее произведенiе? Такой очеркъ для читателя отдѣлилъ бы заслуги предшественниковъ отъ заслуги самого автора и ясно показалъ бы насколько авторъ ушелъ впередъ или остался позади учености своего вѣка. Или сдѣлать, на основанiи прежнихъ трудовъ автора, полный и правдивый портретъ его литературной личности? Такой портретъ ознакомилъ бы читателя съ общою физiономiей дѣятельности автора, и тогда легко было бы ему отвести мѣсто по праву принадлежащее новому труду въ этой дѣятельности. Если въ статьѣ достаточно мѣста, если въ рецензентѣ достаточно знанiя и таланта, то отчего не сдѣлать и первое, и второе, и третье вмѣстѣ?

Не такъ распорядился г. Окр—цъ. Онъ начинается съ вопроса, на какое служенiе г. Костомаровъ „пристроилъ въ послѣднее время свою историческую музу и для чего онъ дождетъ своими монографiями? Чему и кого поучаетъ его плоховитая Клио“? Рецензентъ объясняетъ намъ что дѣтъ 30—40 тому назадъ у насъ были историки-анекдотисты, въ родѣ Бантышъ-Каменскаго, и „казенные историографы“, къ разряду которыхъ онъ причисляетъ г. Устрялова, и описываетъ намъ ихъ дѣятельность въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. „Одни изъ этихъ историковъ.... переливали изъ лустаго въ лорожнее, другiе писали ради выгоднаго говора и заслуженной пенсiи, третьи, наконецъ, по ограниченности своей, искали въ исторiи убѣжища для своей неспособности мыслить и для своей умственной косности.“ Послѣднiе, говоритъ г. Окр—цъ, имѣли въ виду цѣль романиста: публика одинаково лѣнчилась Вальтеръ-Скоттомъ и Карамзинымъ, *Ледянымъ дождемъ* Лажечникова и *Семью богатырями* Буслаева, „и не знала какая именно разница между романомъ и исторiей. Собственно говоря, ея и не было“. Но время перемѣнилось. Требования отъ исторiи стали выше: необходимыми условiями ея сдѣлалось „опредѣленное

міросозерцаніе, критическое отношеніе къ фактамъ, подтвержденіе ихъ самыми строгими доводами изъ другихъ наукъ“ Рецензентъ *Дѣла* говоритъ какъ будто отъ своего лица, и такъ и слышится Бокль въ переложеніи. Оказывается что историкъ шагу не можетъ ступить безъ статистики, и что антропология „необходима ему какъ воздухъ“. Но наши историки еще не пришли де къ сознанию необходимости этихъ требованій: „они продолжаютъ потѣшать публику своими разказами, не думая осмыслить ни своей дѣятельности, ни своей такъ-называемой науки“. Точь-въ-точь презрительный токь отзыва объ историкахъ въ первой главѣ Бокля! Какъ можно допустить „въ наше время, столько лѣтъ послѣ выхода Бокля въ двухъ русскихъ переводахъ, чтобъ исторія писалась безъ помощи антропологии и статистики! Какъ можно оставаться спокойнымъ при видѣ нашихъ „русскихъ Вальтеръ-Скоттовъ“, какъ называетъ авторъ самую даровитую часть русскихъ историковъ, при видѣ ихъ довольства „своимъ безмятежнымъ призваніемъ и улыбающейся перспективой казенной пенсіи“!

„Къ числу этихъ историковъ относится и г. Костомаровъ.“ Значитъ, судъ надъ нимъ совершенъ. Однакоже послѣ этого пишется еще длинная статья съ цѣлью доказать что въ *Богданъ Хмельницкомъ* „нѣтъ ни серіозной разработки источниковъ, ни критической оцѣнки той эпохи которая создала Хмельницкаго“. Рецензентъ старается уличить г. Костомарова въ „неточностяхъ“ и „искаженіяхъ“, нападаетъ на ненадежность источниковъ которымъ довѣряетъ авторъ, развиваетъ свои собственныя возрѣнія на дѣло, по своему разказываетъ факты. Мы не понимаемъ, въ свою очередь, говоря словами рецензента, „чему и кого поучаетъ его Кліо“. Въ исторію какъ воздухъ необходима антропология? Въдѣ ужъ рѣшено что никакой антропологии въ *Богданъ Хмельницкомъ* не имѣется, что г. Костомаровъ этимъ воздухомъ не дышетъ? Стало-быть онъ мертвъ. Стало-быть о чемъ же толковать. Нѣтъ, какъ можно: онъ не только живъ, но и пользуется жизнью для разныхъ прегрѣшеній, на которыхъ онъ накрывается неумолимымъ критикомъ и за которыя тутъ же получаетъ строжайшее возмездіе. Сначала производится медицинское дознаніе, изъ котораго явствуетъ что субъектъ умеръ. Потомъ медикъ превращается въ прокурора и противъ этого же умершаго субъекта возбуждаетъ уголовный искъ.

При ближайшемъ разборѣ дѣла, оно становится, впрочемъ,

полаемымъ. Медицинскій осмотръ былъ произведенъ сгорѣча, и подсудимый не только живъ, но и находится въ состоянн полноты выживаемости. Первые страницы статьи, гдѣ главнымъ образомъ разбавляется Бокль, были, очевидно, написаны скороспѣшно. Онъ елишкомъ просто и быстро привели къ цѣли. Историкъ долженъ походить на Бокля, г. Костомаровъ на Бокля не походить, стало-быть и дѣлу конецъ. Но изъ этого приговора никакъ не смастерить статьи. Разбираемая книга въ самомъ началѣ объявлена нулемъ. А для того чтобы вышла статья понадобилось взвѣсить и измѣрить этотъ нуль. Авторъ почувствовалъ какъ узко принято имъ основаніе. Онъ не могъ долго ходить по лезвію ножа. Оставалось одно: спрыгнуть съ этого базиса и продолжать критику уже по той торной дорожкѣ по которой разгуливали наши отцы, дѣды и прадеды. Критикъ такъ и поступилъ, и должно засвидѣтельствовать что онъ уберечь себя отъ страшной натяжки преслѣдовать въ частности несогласіе между требованіями Бокля и исполненіемъ г. Костомарова.

Всѣ эти мнимо-современные и мнимо-высшіе взгляды при первомъ примѣненіи къ дѣлу оказываются такою поразительною рутинною что наивные дѣдовскіе предразсудки нисколько не хуже. Книги на которыхъ наши мнимые прогрессисты основываютъ свои ученія отпаиваются рѣзкимъ и парадоксальнымъ отрицаніемъ: онъ повидимому открываютъ уму безбрежный просторъ, порвавъ всѣ цѣли преданія и авторитета. Но для нашихъ прогрессистовъ эти книги сдѣлались новымъ авторитетомъ; адепты новаго ученія только перемѣнили господина, но остались тѣми же рабами. Бокль представляетъ разительный примѣръ. Книга эта держится парадоксальнаго направленія и написана отчасти рѣзкимъ полемическимъ тономъ, но конечно не направленіе и не тонъ даютъ ей цѣну, а богатство фактовъ и талантливая ихъ группировка. Значеніе Бокля особенно увеличивается тѣмъ что онъ стоитъ на основаніи историческихъ трудовъ совершенныхъ до него, и хотя презрительно отзывается объ историкахъ, но очевидно имъ обязанъ не только фактическимъ содержаніемъ своего труда, но и многими взглядами и точками зрѣнія. Существуетъ духовная преемственность, въ силу которой каждое отрицательное возвращеніе или направленіе можетъ возникать только изъ предыдущихъ положительныхъ, и послѣдній выводъ невозможенъ безъ помянутаго ряда предыдущихъ посылокъ. Для того

чтобы уразумѣть отрицательное направленіе, мы должны брать его не отдѣльно, а во всей совокупности направленій, и только въ этой перспективѣ оно выступать въ истинномъ своемъ значеніи. Но наши скороходы берутъ отрицаніе отдѣльно, и съ его скудной и отвлеченной точки зрѣнія разсматриваютъ всѣ живыя явленія которыя имъ попадаются подъ руку. Не связь Бокля съ предыдущими историками, ни фактическое богатство, которое онъ у нихъ почерпнулъ, важны для нашихъ поклонниковъ отрицанія, а именно его исключительная точка зрѣнія, его высокоумный и небрежный тонъ относительно историографовъ господствующаго направленія. Если предположить что направленіе Бокля не есть дилеттантская односторонность, которой суждено пройти не измѣнивъ общаго хода и духа историографіи, если допустить напротивъ что Бокль есть необходимый послѣдній выводъ западной науки, то становится яснымъ что западная историографія должна была пройти всѣ ступени хромики, прагматической исторіи и пр. прежде нежели придти къ построенію „исторіи какъ науки.“ Если сочувствовать Боклю и горячо желать чтобы и наше отечество имѣло поскорѣе подобнаго историка своей цивилизаціи, то конечно необходимо желать также чтобы наша историографія успѣшно прошла всѣ промежуточные фазисы развитія, которые ее покажутъ отдѣляють отъ этого высокаго штандпункта. Но въ такомъ случаѣ надо бы привѣтствовать такіа блестящія художественно-историческія произведенія, какъ сочиненіе г. Костомарова. Его напротивъ осылають бранью за отсталость и несовременность, будто бы, отношенія къ исторіи. Конечно, для серьезной критики нужно основательно знать факты, понимать ихъ внутреннюю связь. Такая критика требуетъ усилій и рискуетъ пожертвовать трескучимъ эффектомъ. Гораздо легче прочесть Бокля, проникнуться его отрицательнымъ и насмѣшливымъ тономъ, перенять его саркастическое отношеніе къ историкамъ предшественникамъ и вообще къ писателямъ инаго направленія, и примѣнить весь этотъ грозный аппаратъ къ первой русской исторической книгѣ, которая попадетъ подъ руку.

Это проявленіе одними только „последними словами“ науки или, вѣрнѣе, одними популярными сочиненіями вышедшими въ послѣдніе годы и притомъ непрѣменно эффектными по своей парадоксальности, это жадное хватаніе за новизну, везалный и безграничный трезвонъ по поводу какой-нибудь

новой книги, есть одно изъ печальныхъ знаменій нашего современнаго развитія. Увлеченіе это могло бы еще приносить пользу, еслибы въ немъ дѣйствовало какое-нибудь положительное начало. Иная новая книга, попавшая у насъ въ почетъ за смѣлость мнѣній и выраженій, дѣйствительно серьезна и почтенна, но нашихъ недозрѣлыхъ мыслителей она львнляетъ преимущественно своимъ отрицаніемъ установившихся мнѣній. Для того чтобы стать выше извѣстной точки зрѣнія, надобно сначала ее усвоить — эта простая и очевидная истина вѣроятно въ теоріи признается и самими „мыслителями“; на практикѣ же вся ихъ дѣятельность какъ бы посвящена на то чтобы доказать положеніе протавуположное. Они стоятъ выше, на примѣръ, политической экономіи какъ она выработана величайшими учеными Запада; они съ презрѣніемъ отвращаются отъ фритредеровъ и строятъ свою собственную фантастическую, социалистическую экономію: но вмѣстѣ съ тѣмъ они не знаютъ отрицаемой ими науки и многократно были обличаемы въ самыхъ грубыхъ промахахъ. Точно также они стоятъ выше „предрасудковъ“, по ихъ мнѣнію, обуревающихъ всѣхъ тѣхъ естествовѣдцовъ Запада положенія и выводы которыхъ такъ или иначе неудобны для пропаганды матеріализма; но не ищите у этихъ просвѣщенныхъ людей знаній тѣхъ натуралистовъ которыхъ они третируютъ свысока, не ищите у нихъ фактической подкладки для обличительнаго наряда. Они свое отрицаніе считаютъ достаточнымъ, и дѣтски тѣшатся тѣми минусами которые они наставили на мѣсто прежнихъ плюсовъ. Таково ихъ отношеніе ко всей области знанія. Въ ихъ дѣятельности скрытно, но чувствительно проходитъ токъ неунывающего самодовольства, которое внушаетъ ихъ ученымъ вылазкамъ и сраженіямъ съ авторитетами утѣшительную мысль что лучше быть либеральнымъ и невѣждой, нежели консервативнымъ и свѣдущимъ, что заботиться надобно прежде всего о прогрессивномъ образѣ мыслей, а науки съ ихъ фактами и цифрами сами потекутъ въ мозгъ, и что наконецъ если и не потекутъ, то „критическое отношеніе къ жизни“ уже одно въ состояніи вознаграждать молодое поколѣніе за знанія которыя пріобрѣсти оно не имѣло времени или охоты.

Нѣтъ сомнѣнія что вся эта прогрессивная пропаганда, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается весьма близкою къ

старому мракобѣсію. Безцеремонное обращеніе съ наукой, которое состоитъ то въ безпечномъ игнорированіи ея фактовъ, то въ безсознательномъ и самодовольномъ искаженіи ихъ, то въ навязываніи наукѣ чуждыхъ ей стремленій и доктринъ, есть ничто иное какъ прямой плодъ прѣжняго (и весьма недавняго) враждебнаго взгляда на науку и просвѣщеніе. Недоросли которые теперь чинятъ судъ и расправу въ критическомъ отдѣлѣ нигилистическихъ журналовъ суть родные сыновья тѣхъ Простаковыхъ которыя считали всякую науку бесполезнымъ и обременительнымъ пустякомъ. Старое невѣжество, старое отвращеніе отъ умственного труда, старая суевѣрная ненависть къ знанію подъ новою и не сразу узнаваемою одеждой щеголяютъ теперь въ видѣ высококомѣрнаго, мнимо-современнаго, мнимо-прогрессивнаго верхоглядства.

III. Покойный Писаревъ и его читатели.

Замѣчательно справедливъ слѣдующій отзывъ о Писаревѣ, который г. Шелгуновъ сдѣлалъ въ статьѣ *Глухая пора* (Дѣло за апрѣль 1870): „онъ возился съ читателями точно съ маленькими ребятишками которыхъ нужно учить вѣсть и стараться держать себя благопристойно и воздерживаться отъ вздоръ. Характеръ писаревской критики служить однимъ изъ любопытнѣйшихъ историческихъ признаковъ эпохи. Писаревскою критикой можно мѣрять какъ аршиномъ нравственную и умственную неразвитость его читателей... А что этихъ читателей было много, видно изъ того значенія которымъ пользовался у насъ Писаревъ, и преимущественно между женщинами...“

Въ этомъ опредѣленіи одинаково вѣрно схвачены и отношеніе Писарева къ читателю, и значеніе его критики. Авторъ *Неръшеннаго вопроса и Пушкина и Бѣлинскаго* всегда „возился съ читателями какъ съ маленькими ребятишками“, всегда считалъ себя не только взрослымъ, а читателя младенцемъ, но также себя избраннымъ воспитателемъ, а читателя предначиненнымъ себѣ ученикомъ. Нѣтъ сомнѣнія что критика вообще назначена для полученія читателя, что она должна или выяснить ему его собственныя не вполне опредѣлившіяся мысли, или, осларивая ихъ, противопоставлять другія, выражающія высшую ступень пониманія. Но у Писа-

рева, не то: его критика предполагаетъ въ читателѣ непроходимую тулицу, которому нечего развивать *его* мысли, ибо таковыхъ или вовсе не имѣется, или же онѣ не слѣдуютъ вниманія. Читатель Писарева—невѣжественный недоумокъ, котораго нѣтъ надежды убѣдить доводами и обратить кротостью, и котораго можно спасти отъ мрака отсталости и умственной спячки развѣ если ошеломить его крупною бранью и беззастѣнчивымъ глумленіемъ. Читатель Писарева—непонятливый и разсѣянный школьникъ, который врядъ ли пойметъ, а пожалуй и не замѣтитъ новую мысль выраженную однократно и въ немногихъ словахъ. Сообразно съ этимъ, журнальный наставникъ никогда не обращался со своимъ воспитанникомъ какъ съ равнымъ, никогда не позволялъ себѣ говорить сжато и точно, рѣдко говорилъ спокойно и хладнокровно, а обыкновенно съ насмѣшливою досадою толковалъ и разжевывалъ свои положенія, употребляя по сту словъ гдѣ достаточно одного, раздражаясь и выходя изъ себя вслѣдствіе скуки отъ собственнаго многословія и изливая досаду въ видѣ болѣе или менѣе остроумныхъ сарказмовъ на первый попавшійся оселокъ. Такими оселками для талантливаго критика *Русскаго Слова* служили напримѣръ Маколей, Яковъ Гриммъ, Гравовскій, Юліанъ Шмидтъ, Вальтеръ-Скоттъ, Рафаэль, Бетговень, Пушкинъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій — поэты, артисты и ученые, гени и таланты, свѣтила давнихъ вѣковъ и современныя знаменитости, а въ то же время и заурядъ съ ними всякія посредственности и бездарности — все это безъ различія, безъ разбора, по волѣ слѣпой и безжалостной судьбы. Воспитанникъ видѣлъ богатырскіе удары, которые сшибли столько кумировъ и производили такое опустошеніе — и проникался благоговѣніемъ къ удалству и силѣ педагога. Обаяніе лихой удали Писарева внушало такимъ образомъ юнымъ поклонникамъ вѣру въ его ученіе и болѣе помогло успѣху его воспитательныхъ успѣй, чѣмъ самое популярное, самое прозрачное и водянистое многословіе, котораго онъ когда-либо достигалъ.

„Характеръ Писаревской критики служитъ однимъ изъ любопытнѣйшихъ историческихъ признаковъ эпохи,“ говоритъ г. Шелгуновъ, и справедливо прибавляетъ что этою критикою какъ аршиномъ можно мѣрять *неразвитость* читателей у которыхъ она пользовалась значеніемъ. Дѣйствительно, литература не существуетъ независимо отъ жизни которая ее породила, и уровень книги или газеты есть уровень того

читателя который ее понимает и одобряетъ. Писаревъ писалъ въ знаменательную эпоху когда великія реформы отчасти были только что совершены, отчасти вырабатывались, и современная имъ печать употребляла свои усилія чѣмъ освѣтить и охватить вопросы возбужденные эгими реформами. Эта эпоха завершилась еще при жизни его. Общественное настроеніе возбужденное мыслью реформъ и ея постепеннымъ исполненіемъ, теперь замѣтно успокоилось, и многія увлеченія и крайности, плоды незрѣлаго развитія и старыхъ порядковъ, теперь теряютъ подъ собою почву и мало-по-малу исчезаютъ. Но при Писаревѣ, и особенно въ началѣ его карьеры (около 1861 года), эти крайности преобладали и увлеченія доходили до театрального фурора. Общество, не привыкшее вглядываться въ свои потребности и заботиться о ихъ удовлетвореніи, издавна считало политическіе вопросы, подобно философскимъ и художественнымъ, предлогомъ занимательнаго обмѣна мыслей, красивыхъ фразъ, восторженныхъ монологовъ, насмѣшливыхъ выходокъ, утопическихъ мечтаній: и когда настала та *гласность* которую всѣ призывали и которою каждый слѣдилъ пользоваться, фразы и монологи, насмѣшки и утопіи посылались оглушительнымъ градомъ. Необъятный вздоръ, который испестрилъ тогдашнюю печать, былъ плодомъ не этой гласности, а предшествовавшей ей долгой и усиленной безгласности. Не одна журналистика растерялась и смѣшалась; само общество было не менѣе смущено, и новыя обязанности, которыя были возложены на него расширеніемъ его правъ, требовали отъ него серьезнаго и объективнаго взгляда на вещи, тогда какъ жизнь при прежнихъ порядкахъ воспитала въ немъ поверхностное и самодовольное легкомысліе. Это легкомысліе, это самодовольство всего ярче обозначились въ такъ-называемомъ нигилизмѣ, въ этомъ хаотическомъ бредѣ, гдѣ среди теоретическаго тумана сплелись и перелутались невѣжество по части естественныхъ наукъ и безмысліе по части общественныхъ утопій, и все это вмѣстѣ породило оглушительный фельетонный свистъ. Въ непроглядномъ лѣсу понятій и опредѣленій прежнія точки зрѣнія были опрокинуты, прежнія различія ступованы, слова потеряли свой прежній смыслъ и образовались условный жаргонъ, безцвѣтный и тяжеловѣсный, который въ своей мистической темнотѣ отражалъ всеобщее недоумѣніе и стародавнее невѣжество. Никогда, конечно, наиболѣе зрѣлая и серьезная часть читающаго круга не принимала

на вѣру нигилистическія ученія, и по мѣрѣ того какъ духъ этихъ ученій обозначался рѣзче, люди со здоровымъ смысломъ расходились съ ними далѣе и далѣе; но въ юныхъ и незрѣлыхъ кружкахъ нигилизмъ могъ утвердиться, могъ пустить корни, которые до сихъ поръ живучи, а на время могъ стоять въ полномъ цвѣтѣ, который прекратился только вслѣдствіе практическихъ экспериментовъ въ какіе пустились наиболѣе рьяные изъ тогдашнихъ фанатиковъ. Статьи нигилистовъ положительно нравились значительной долѣ читающей публики, мнѣнія выраженные въ рѣзкой и смѣлой формѣ, иногда съ внушительною туманностью, иногда съ подкупающимъ зубокальствомъ, встрѣчали сочувственные отклики. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и то, что первый пионеръ нигилизма, Добролюбовъ, проводилъ его догматы далеко не въ той безстыжей наготѣ какую они приобрѣли въ послѣдствіи, что въ немъ была примѣсь направленія Бѣлинскаго и сороковыхъ годовъ, которая смягчала его крайности и въ глазахъ новѣйшихъ „реалистовъ“ дѣлаетъ его отсталымъ выраженіемъ безвозвратно минувшаго времени; что Добролюбовъ обладалъ неподдѣльнымъ такимъ остроуміемъ, которое могло подкупить людей привыкшихъ считать правымъ того кто ихъ разсмѣшить; и что преемникъ его Писаревъ далеко уступилъ ему почти во всѣхъ качествахъ писателя, кромѣ легкости слога. Несмотря на все это, успѣхъ Писарева въ извѣстныхъ кружкахъ былъ блистательный, и самыя изстуленные вѣщанія этого оракула принимались и повторялись съ восторженнымъ благоговѣніемъ. Писаревъ былъ послѣднимъ талантливымъ и горячимъ борцемъ этого болѣзненнаго направленія. Нынѣ остались безцвѣтные, усилительные болтуны, но потребность въ нигилизмѣ и спросъ на него все еще держится въ недозрѣлой и недоучившейся публикѣ, и самое жидкое разбавленіе Писарева на страницахъ *Дня* отвѣчаетъ какой-то внутренней потребности его читателей.

„Умственная и нравственная неразвитость“, и, прибавимъ, обоюдная и читателей и критики,—вотъ что дало жизнь литературной дѣятельности Писарева, вотъ что вдохновило его полемическій задоръ, вотъ что создало его моральныя и социальныя положенія, вотъ что замѣняло ему знаніе въ исторіи и въ естественныхъ наукахъ. Не одно чтеніе этихъ статей объясняется „неразвитостью“, нѣтъ; самое рожденіе ихъ есть плодъ развитія отчасти ничтожнаго, отчасти болѣзненнаго.

IV. Горе отъ ума.

Нигилистовъ иногда называли теоретиками, и названіе это было довольно удачно. Они никогда не обнаруживали склонности вникать въ разнообразныя частности дѣйствительной жизни: для нихъ дѣйствительность была лишь предметомъ отрицанія, и всѣ силы ихъ уходили на пропаганду тѣхъ отвѣченій которыя они противопоставляли дѣйствительности. Они любили изъ области практической, изъ ближайшихъ будничныхъ вопросовъ уходить на высоты общихъ размышленій, и обозрѣвать міровыя явленія въ самой отдаленной перспективѣ. При этомъ они, конечно, не могли пользоваться инымъ орудіемъ какъ умомъ. Умъ ихъ полетѣлъ гордымъ орлинымъ полетомъ, унесся далеко впередъ въ туманное и загадочное будущее, и подвергъ отрицанію весь телерешнй строй понятій, какъ старыя дѣлѣныя басни. Въ своемъ торжественномъ полетѣ нигилистическій умъ не только обозрѣлъ, но и покорилъ себѣ всѣ науки: философія, политическая экономія, геологія, біологія, соціологія, исторія, всѣ поочередно дѣлались его данницами и смиренно подносили аргументы и факты для его смѣлыхъ и поразительныхъ выводовъ. Одинъ Писаревъ, въ теченіе какихъ-нибудь пяти лѣтъ, сколько облетѣлъ наукъ, сколько всюду открылъ грубыхъ заблужденій, сколькихъ знаменитыхъ ученыхъ обличилъ въ отсталости. Но едва доказана широта и смѣлость ума, ведомаго свѣточемъ нигилизма, какъ почувствовалось пресыщеніе. Избытокъ ума оказался въ тягость; нынѣ наступила, повидимому, реакція, начинается выраженіе неудовольствія на умъ, разочарованія, почти озлобленія на ту великую силу которая помогла открыть для русскихъ читателей цѣлую Америку новыхъ мыслей.

„Еще очень недавно“, пишетъ г. Шелгуновъ въ июльской книжкѣ *Дѣла*, въ статьѣ подъ заглавіемъ *Право и Свобода*, „наши прогрессивные писатели съ особенною любовью рекомендовали своимъ русскимъ соотечественникамъ быть умными и указывали имъ на умъ какъ на единственное средство соціального преуспѣянія. Но похвалы уму, особенно въ его русскомъ проявленіи, были преувеличены, и русскій умъ не оправдалъ блистательныхъ надеждъ, на него возлагаемыхъ.“

Это, конечно, говорится изъ скромности, и не должно быть

принимается буквально. Русскій умъ со времянь Добролюбова сдѣлалъ такія завоеванія что превзошелъ всѣ даже самыя блистательныя надежды. Самъ г. Шелгуновъ, впрочемъ, оговаривается, боясь обидѣть затронутый имъ проводникъ „соціального преуспѣванія“.

„Это произошло вовсе не отъ того“, продолжаетъ онъ, „чтобы русскій умъ былъ какого-либо не настоящаго качества или явился поддѣлкою ума хорошаго. Причина въ томъ что такъ-называемый умъ, какъ руководящій свѣточъ, также удобно заводитъ въ болото, какъ и выводитъ на просторную и свѣтлую дорогу.“

Вѣроятно г. Шелгуновъ судитъ по собственному опыту. Его „руководящій свѣточъ“ завелъ его, повидимому, въ болото, и онъ нашелъ что болото не менѣе удобно чѣмъ просторная и свѣтлая дорога. Наше предположеніе получаетъ нѣкоторую вѣроятность изъ дальнѣйшихъ словъ. Изъ своего кокраго убѣжища публицистъ *Дѣла* принимается брызгать и шескать въ надобвшій ему умъ.

„Основываясь на фактахъ, говоритъ онъ, приходится думать что дурно жить на свѣтѣ потому что уже слишкомъ много умныхъ людей. Обратите вниманіе на всѣхъ съ кѣмъ вамъ когда-либо приходилось видѣться и говорить, и скажите, встрѣчаете ли вы дураковъ? Нѣтъ. Всякій разсуждаетъ умно, логично, говоритъ даже красиво.... Нынче даже десятилѣтніе гуманисты отличаются благоразуміемъ и разсуждаютъ логично.“

Продолжая купаться въ мутныхъ водахъ, г. Шелгуновъ вдругъ озаряется любобитнымъ историко-философскимъ откровеніемъ. „Умъ образованнаго общества, говоритъ онъ, мелькаетъ по мѣрѣ того какъ является большая масса людей начинающихъ думать и стремящихся создать личное счастье“.

Какъ видите, брызги такъ и летятъ. Но г. Шелгуновъ не довольствуется такою невинною бомбардировкой, начинаетъ горячиться не на шутку.

„Извѣстно, объявляетъ онъ, что никто не разсуждаетъ такъ послѣдовательно и неограниченно убѣдительно какъ сумасшедшіе“. Афоризмъ слобосный поставитъ въ большое недоумѣніе читателя, знающаго какъ послѣдовательно и неограниченно убѣдительно разсуждается въ критическихъ статьяхъ *Дѣла*.

Итакъ, новый шагъ слѣланъ. Отрицаніе, уже обошедшее столько твореній человѣческаго ума, еще останавливалось предъ ихъ источникомъ. Въ проявленіяхъ своихъ человѣческой

умъ рѣдко удовлетворялъ въскательность нигилистическіхъ требованій. Но самъ онъ доселѣ оставался нетронутымъ и, казалось, что какъ бы его плоды ни были скудны, все-таки лишь онъ самъ заключалъ въ себѣ силу для ихъ усовершенствованія. Положимъ что всѣ не-нигилисты ошибались по ограниченности своего ума. Стало-быть, нигилисты отрицали ихъ ошибки вслѣдствіе большей обширности своего ума. Такъ могла думать публика читавшая нигилистическія произведенія. Такъ не только могли думать, но и совершенно ясно говорили сами нигилисты. Будучи умнѣе остальныхъ смертныхъ, они мыслили иначе и лучше.

Трудно, казалось, представить себѣ сознаніе болѣе сладкое, удовлетвореніе болѣе полное. Какое наслажденіе должны были испытывать эти люди, чувствуя что они вооружены умственнымъ орудіемъ болѣе тонкимъ и мощнымъ чѣмъ какое досталось въ удѣлъ остальному человечеству. Какъ они должны были цѣнить и любить это орудіе! Имъ даже простительно было власть въ односторонній культъ ума.

Къ удивленію, совсѣмъ не тому учить насъ теперь г. Шелгуновъ. Оказывается что умъ не доставляетъ этихъ удовольствій ратоборцамъ нигилизма, оказывается что онъ былъ для нихъ источникомъ горькаго и развѣдающаго разочарованія. Противъ ума годами накоплялось озлобленіе, и вотъ, въ статьѣ о *Практи и Свободѣ*, оно прорвалось наружу. Это изліяніе досады и безсильнаго нетерпѣнія приняло самую наивную форму, но именно потому оно поучительно. Г. Шелгуновъ перечисляетъ нѣсколько мнѣній антипатичныхъ людямъ его образа мыслей. При каждомъ изъ нихъ онъ приходитъ къ сознанію что оно согласно съ логикой, что противъ него умъ безоруженъ. И вотъ начинается та бомбардировка ума, образчики которой мы видѣли. Прогрессивный публицистъ находитъ что въ умѣ онъ имѣетъ союзника болѣе чѣмъ сомнительнаго. Долго не задумываясь, онъ отрекается отъ него и лишаетъ большую статью въ прославленіе *чувства*, отъ котораго отнынѣ онъ только и ожидаетъ спасенія.

Маневръ очень рѣзокъ, и для поверхностнаго взгляда поворотъ поразительно крутъ и неожиданъ. Въ самомъ дѣлѣ, что за немотивированное отчаяніе! Неужели въ арсеналѣ ума не найдется никакого оружія для продолженія борьбы? Неужели для того чтобы вести ее дальше нужно махнуть рукой на собственную нелогичность, публично признаться въ ней, и за-

ключить оборотительный и наступательный союзъ съ глухостью? Удвѣленіе законно, и вѣроятно оно раздѣляется многими. Но тотъ кто викалъ въ основной духъ нигилизма не найдетъ въ статьѣ г. Шелгунова ничего небывалаго. Она вѣрна сущности нигилизма, она только куріозна по формѣ, забавна по своей откровенности. „Чувство“, на которое г. Шелгуновъ возлагаетъ такія блестящія надежды, на первыхъ порахъ сыграло довольно злую шутку съ нимъ самимъ. Его собственное чувство досады выдало тайну, которую, въ интересахъ его ученія, полезнѣе было бы хранить. Умъ дѣйствительно неудобенъ для нигилизма, хотя было время когда сами нигилисты этого еще не сознавали. Они начали съ отрицанія авторитетовъ. Одинъ авторитетъ за другимъ лаялъ подъ сокрушительными ударами, и дѣтская радость, сопровождающая торжество разрушительныхъ инстинктовъ, на нѣкоторое время облеклась въ триумфы положительнаго умственнаго превосходства. Но инстинкты продолжали требовать себѣ лица, и когда всѣ авторитеты были положены въ лоскъ, когда всякое превосходство и преобладаніе было вычеркнуто, то все-таки же оставался источникъ превосходства; оставался человѣческій умъ, свѣтила котораго именно и были ненавистные авторитеты. Свобода была неполна, пока еще держался этотъ послѣдній, общій, безличный авторитетъ. Его гнѣть чувствовался и въ самомъ отрицаніи. „Я могу валисать какой хочу парадоксъ, я могу плодить всякую чепуху, но я долженъ заботиться о логичности формы“, могъ сказать себѣ нигилистическій борецъ. „Никакая мысль мнѣ не покажется слишкомъ смѣлою, да и читатели къ смѣлымъ мыслямъ ужь очень притупились. Но все-таки они привыкли, да и самъ я привыкъ ожидать чтобы всякая гиль была складно изложена и округлена. Зачѣмъ это стѣсненіе? Зачѣмъ эти китайскія церемоніи въ области мысли?“ Эмансипація чело- вѣчества должна была завершиться низверженіемъ ума съ его престола. Темные инстинкты разрушенія слишкомъ долго носили маску уваженія предъ этою зиждительною силой. Слишкомъ тягостно для нихъ самихъ было отрицать великаго поэта, великаго мыслителя, великаго ученаго, признавая въ то же время ту внутреннюю силу которая создаетъ ученаго, мыслителя и поэта. Потребность произвола оставалась неудовлетворенною внутри собственной отвле- ченной лабораторіи: не всякія мысли можно было связывать

и нанизывать, какъ то хотѣлось разыгравшемуся чувству иное не клеилось потому что вмѣшивалась привычка логики, потому что въ самой нелѣпости еще господствовали какія-то правила и формулы. Нуженъ былъ рѣшительный шагъ чтобы закончить со всѣмъ этимъ старымъ хламомъ. Нужно было объявить войну не тому или другому изъ продуктовъ человеческого ума, а самой силѣ дающей ихъ. Нужно было освободиться отъ мелочной конфузливости, все еще робѣвшей и заикавшейся предъ иною слишкомъ колоссальною нелѣпостью. „Намъ доказываютъ что мы несемъ дичь: да здравствуетъ дичь!“ Вотъ девизъ который могла бы теперь избрать нигилистическая фаланга. Мы говоримъ фаланга ибо вовсе не видимъ въ статьѣ *Право и Свобода* явленія личнаго или случайнаго. Нельзя требовать чтобы всѣ нигилисты были такъ наивны, такъ откровенны, какъ ихъ наставникъ въ *Дѣлѣ*; можно даже допустить что многіе изъ нихъ недовольны его статьей и не уяснили себѣ ея глубокой необходимости и внутренней законности.

Люди склонны робѣть видя смѣлое отрицаніе того что они привыкли принимать за вѣрное, и въ то же время лютать къ такому отрицанію какую-то тайную симпатію, находить въ немъ какое-то радостное удовлетвореніе. Это какой-то запрещенный плодъ, первый кусокъ котораго всегда кажется сочнымъ и сладкимъ. Статья въ которой вы читаете самоуверенное опроверженіе того въ чемъ вы до сей минуты никогда не сомнѣвались какъ бы возвышаетъ васъ надъ самими собою. Помимо болѣе или менѣе талантливой формы самое свойство отрицанія таково что, передаваясь читателю, оно льститъ его самолюбію. И такъ какъ мы бываемъ благодарны тѣмъ кто намъ льститъ, намъ кажется что и они, въ силу своихъ отрицательныхъ ученій, необычайныя умственные величины. Какимъ экономистомъ долженъ быть критикъ впервые научившій насъ недовѣрять экономистамъ! Какимъ онъ долженъ быть сильнымъ философомъ дерзая смѣяться надъ всею нѣмецкою философіей! Какимъ публицистомъ, если онъ клеймитъ презрѣніемъ весь современный политическій строй! Въ подвиги отрицателей такимъ образомъ становятся аттестатами которые они выдаютъ своему собственному уму. И еслибъ отрицаніе умѣло остановиться на извѣстной границѣ, еслибы всѣ публицисты этой школы были одарены печатнымъ тактомъ, читатели, быть-можетъ, долго оставались бы въ этомъ

аблужденіи. Г. Шелгуновъ, какъ истый *enfant terrible*, разбухталъ тайну хранимую остальными. Дальнѣйшее заблужденіе уже невозможно.

Нигилизмъ, этотъ дикій набѣгъ на знаніе и творчество, а самые драгоценныя плоды человѣческаго просвѣщенія, тотъ набѣгъ подъ знаменемъ прогресса и свободы, есть не го иное какъ опасный врагъ прогресса, какъ безсознательный возникъ всякаго рабства. При томъ хаосъ господствовавшихъ насъ понятій который сдѣлалъ возможнымъ появленіе нигилизма и самъ увеличился отъ его присутствія, могло случиться что нигилизмъ не только былъ принятъ другими, но самъ себя считалъ за продуктъ свѣтлаго, критическаго сознанія. Но его господство несовмѣстимо съ господствомъ резвой критики. Ему раздолье среди невѣжества, полноты грубыхъ страстей и темныхъ инстинктовъ. Онъ суживается и меркнетъ отъ устѣха мысли и знанія. Онъ безмощенъ противъ логики, какъ безсиленъ противъ исторіи. Но знаменіи его все-таки написанъ прогрессъ; принятое имъ мнѣніе таково что онъ долженъ, по видимому, опираться на науку и черпать изъ нея аргументы. Опора ненадежна: онъ держится только благодаря искаженію науки, благодаря натяжкамъ, которыя съ наукой ничего не имѣютъ общаго, и всякій истинный устѣхъ науки отнимаетъ у него почву подъ ногами. Положеніе сдѣлалось, наконецъ, невыносимо. Надо было заговорить безъ обиняковъ. Чувство, инстинктъ,—вотъ къ чему зываетъ теперь откровенный авторъ *Права и Свободы*. Какой, въ самомъ дѣлѣ, гнетъ можетъ быть опаснѣе для неслыхныхъ побужденій, гнѣздящихся въ нашей душѣ, какъ не гнетъ общественной сознанія, собственной логики? Г. Шелгуновъ назвалъ по имени истиннаго врага нигилистическихъ стремленій. Врагъ этотъ — разумъ. Онъ создалъ науки и ежедневно аспирируетъ ихъ громадное царство. Онъ почерпнулъ въ нихъ бѣктивное пониманіе жизни, пониманіе законности и причинной связи ея явленій. Онъ одинъ сдерживаетъ порывы нашего чувства и научаетъ насъ ограничивать нашу личную свободу въ интересахъ общаго цѣлаго. Ученіе основанное на эманципации страстей, ученіе котораго сила въ томъ что оно льститъ непроевѣтленному сознанію инстинкту, не можетъ вступать ни въ какіе компромиссы съ челоѣческимъ разумомъ: не всегда удается извращать его посредствомъ софизма, не всегда возможно отпарировать до-

воды науки. Остается одно: отрицать самого врага и перенести борьбу на болѣе обширное поле. Не то или другое зло положеніе науки, не то или другое мнѣніе, господствующее въ образованномъ классѣ, а самая способность познавать науки и составлять мнѣнія отнынѣ объявляется врагомъ человѣческаго счастья. Статью г. Шелгунова можно резюмировать такъ: Мы несчастны, потому что мы не нигилисты. Мы не можемъ быть нигилистами, потому что для этого мы слишкомъ умны. Будемъ же менѣе умны, тогда ничто не воспрепятствуетъ намъ сдѣлаться нигилистами и вполнѣ счастливыми.

Насъ не удивить, если даже и такой призывъ найдетъ сочувственной откликъ. Враговъ знанія, враговъ мышленія много на бѣломъ свѣтѣ, и между ними по преимуществу нигилизмъ вербовалъ своихъ адептовъ. Но онъ ихъ доселѣ заманивалъ личною знанія и мышленія. Теперь онъ прямо обращается къ тому кто не заломилъ факта, кто не овладѣлъ съ логикой, кто на школьной скамьѣ щеголялъ незнаніемъ урока, кто былъ побѣжденъ въ спорѣ съ товарищами, кто не лоборолъ трудности выражаться ясно и правильно. Всякій кто испыталъ неудачу на поприщѣ ума или знанія, чье самолюбие задѣто чужимъ превосходствомъ въ томъ или другомъ, призывается подъ знамена нигилистическаго воинства. Глулость и невѣжество, доселѣ не смѣвшія называть себя по имени, громко объявляютъ теперь что онѣ не хуже ума и знанія, и что пора имъ выйти изъ того загона въ которомъ ихъ до сихъ поръ держали.

Л. Н.

Конечно, однообразіе на кораблѣ должно было казаться невыносимымъ Канадцу, привыкшему къ свободной и дѣятельной жизни. Событія которыя могли его заинтересовать были рѣдки. Впрочемъ, въ этотъ день, одно происшествіе наломало ему счастливое время изъ его жизни китолова.

Около одиннадцати часовъ утра, находясь на поверхности океана, *Корабликъ* попалъ въ стадо китовъ; эта встрѣча не удивила меня: я зналъ что эти животныя, которыхъ преслѣдуютъ съ такою ревностію, укрываются въ моряхъ высокихъ широтъ.

Китъ всегда игралъ важную роль въ морскомъ мірѣ и имѣлъ значительное вліяніе на географическія открытія. Увлекая за собой сначала Басковъ, потомъ Астурійцевъ, Англичанъ и Голландцевъ, онъ приучилъ ихъ смѣло смотрѣть на опасности океана, и водилъ съ одного конца земли на другой. Киты любятъ посѣщать южныя и сѣверныя полярныя моря. Древнія легенды утверждаютъ даже что разъ эти китообразныя животныя привели рыболововъ на разстояніе только семи миль отъ сѣвернаго полюса. Если этотъ фактъ и вымысленъ, то онъ можетъ когда-нибудь осуществиться, и вѣроятно что такимъ образомъ, охотясь за китами въ арктическихъ или антарктическихъ странахъ, люди достигнутъ двухъ неизвѣстныхъ точекъ земнаго шара.

Мы сидѣли на платформѣ; море было спокойно; октябрьскій мѣсяцъ въ этихъ широтахъ дарилъ насъ прекрасными осенними днями. Канадецъ, который не могъ ошибиться въ этомъ случаѣ, увидаль кита на горизонтѣ къ востоку. Вглядываясь внимательно, можно было разглядѣть его черноватую спину, которая то поднималась, то опускалась надъ волнами, въ пяти миляхъ отъ *Кораблика*.

— Ахъ! вскричалъ Недъ-Ландъ, — еслибъ я былъ на борту китоловнаго судна, эта встрѣча доставила бы мнѣ удовольствіе! Это животное большихъ размѣровъ. Посмотрите съ какою силой его носовыя отверстія выбрасываютъ столбы воздуха и пара! Тысяча чертей! Зачѣмъ я прикованъ къ этому куску листового желѣза!

— Какъ, Недъ, отвѣчалъ я, — вы еще не отреклись отъ своихъ прежнихъ мечтаній о ловлѣ?

— Развѣ китоловъ можетъ забыть свое прежнее ремесло, господинъ профессоръ? Развѣ могутъ когда-нибудь наскучить волненія подобной охоты?

— Вы никогда не охотились въ этихъ моряхъ, Недъ?

— Никогда, господинъ профессоръ. Я охотился только въ сѣверныхъ моряхъ, въ Беринговомъ и въ Девисовомъ проливахъ.

— Стало-быть вы еще не знаете южнаго кита. До сихъ пор вы охотились только за сѣверными китами, а они не осмѣлятся пройти теплыми водами экватора.

— Ахъ! господинъ профессоръ, что вы это говорите? возразилъ Канадецъ недовѣрчивымъ тономъ.

— Я говорю то что есть.

— Вотъ еще! Въ шестьдесятъ пятомъ году, два съ половиной года тому назадъ, близъ Гренланди, я самъ убилъ китъ у котораго въ боку еще находилась острога съ клеймомъ капитана судна бывшаго въ Беринговомъ проливѣ. Итакъ, васъ спрашиваю какимъ образомъ животное раненое на западѣ Америки, могло быть убито на востокѣ, если оно не перешло экваторъ, обогнувъ мысъ Горнъ или мысъ Доброй Надежды?

— Я раздѣляю мнѣнiе друга Неда, сказалъ Консель,—и жду что отвѣтитъ господинъ профессоръ.

— Господинъ профессоръ отвѣтитъ вамъ, друзья мои, что киты распредѣляются, смотря по своей породѣ, въ различныхъ моряхъ, и не покидаютъ ихъ. И если одно изъ этихъ животныхъ перешло изъ Берингова пролива въ Девисовъ, то это объясняется просто тѣмъ что, по всей вѣроятности, между этими морями существуетъ проходъ или у береговъ Америки, или у береговъ Ази.

— Ужь я и не знаю вѣрить ли вамъ? спросилъ Канадецъ, закрывая одинъ глазъ.

— Слѣдуетъ вѣрить господину профессору, отвѣчалъ Консель.

— Слѣдовательно, возразилъ Канадецъ,—такъ какъ я никогда не охотился въ этихъ мѣстахъ, то мнѣ и неизвѣстны живущiе въ нихъ киты?

— Я вамъ это говорю, Недъ.

— Тѣмъ болѣе слѣдуетъ съ ними познакомиться, возразилъ Консель.

— Посмотрите, посмотрите! вскричалъ взволнованнымъ голосомъ Канадецъ.—Онъ приближается! Онъ идетъ на насъ! Дразнить меня! Онъ знаетъ что я не могу ему ничего слѣлать!

Недъ толпалъ ногами. Рука его дрожала, потрясая воображаемою острогой.

— Эти киты, спросилъ онъ,—такъ же велики какъ и тѣ которые живутъ въ сѣверныхъ моряхъ?

— Почти такъ же, Недъ.

— Дѣло въ томъ что я видалъ большихъ китовъ, господинъ профессоръ, китовъ имѣвшихъ до ста футовъ длины. Мнѣ даже случилось слышать будто hullamock и umgallick Алеутскихъ острововъ бываютъ иногда болѣе ста пятидесяти футовъ.

— Ну, это мнѣ кажется преувеличеннымъ, отвѣчалъ я.—Эти животныя принадлежатъ къ роду balaenoptera; они снабжены спящими плавниками, и такъ же какъ кашалоты, вообще меньше настоящихъ китовъ.

— Ахъ! вскричалъ Канадецъ, не перестававшій смотрѣть на поверхность океана,—онъ приближается, онъ идетъ въ кильватеръ *Кораблика*.

Потомъ, возвращаясь къ прерванному разговору, онъ прибавилъ:

— Вы говорите о кашалотахъ, какъ о маленькихъ животныхъ. Между тѣмъ разказываютъ объ исполинскихъ кашалотахъ. Это смысленныя китообразныя. Нѣкоторые изъ нихъ, говорятъ, покрываются водорослями и фукусами. Ихъ принимаютъ за островки. Къ нимъ пристають, на нихъ помѣщаются, разводять огонь...

— Строять дома, сказалъ Консель.

— Да, шутникъ, отвѣчалъ Недъ-Ландъ.—Потомъ, въ одинъ прекрасный день, животное погружается въ воду и увлекаетъ въ глубину бездны всѣхъ своихъ жителей.

— Какъ въ путешествіяхъ моряка Симбада, смѣясь возразилъ я.—А вы, кажется, любите, господинъ Ландъ, необыкновенныя исторіи! Вотъ каковы ваши кашалоты! Я надѣюсь что вы этому не вѣрите.

— Господинъ натуралистъ, серьезно отвѣчалъ Канадецъ,—относительно китовъ должно вѣрить всему. Какъ этотъ плаветъ! Какъ онъ исчезаетъ изъ глазъ! Утверждаютъ что эти животныя могутъ въ пятнадцать дней обойти вокругъ свѣта.

— Я этого не отрицаю.

— Но вы, господинъ Ароннаксъ, безъ сомнѣнія, не знаете что при началѣ міра киты лавали еще быстрѣе.

— А! Въ самомъ дѣлѣ, Недъ? Почему же это?

— Потому что у нихъ былъ тогда поперечный хвостъ, какъ у рыбъ, то-есть этотъ хвостъ, сплюснутый вертикально, разсѣкалъ воду слѣва направо и справа налѣво. Но, замѣтивъ что они плаваютъ очень быстро, Создатель свернулъ имъ хвостъ, и съ этого времени они ударяютъ по волнамъ сверху внизъ, что мѣшаетъ ихъ быстротѣ.

— Хорошо, Недъ, сказалъ я, повторяя выраженіе Канадца, но не знаю, вѣрить ли вамъ?

— Несовсѣмъ, отвѣчалъ Недъ-Ландъ,—не болѣе того какъ еслибъ я вамъ сказалъ что существуютъ киты длиною въ триста фунтовъ и вѣсомъ въ сто тысячъ фунтовъ.

— Это дѣйствительно много, сказалъ я.—Впрочемъ, надо соизнаться что нѣкоторыя китообразныя животныя достигаютъ значительнаго развитія, потому что они, какъ разказываютъ, доставляютъ до ста двадцати тоннъ жира.

— Что до этого касается, то я самъ это видѣлъ, сказалъ Канадецъ.

— Я этому охотно вѣрю, Недъ, какъ вѣрю тому что нѣкоторыя киты равняются величиной ста словамъ. Можете судить о силѣ дѣйствія производимаго подобною массой устремившеюся со всею скоростью.

— Правда ли, спросилъ Консель что они могутъ потопить корабль?

— Корабль, не думаю, отвѣчалъ я.—Впрочемъ разказываютъ что въ 1820 году, въ этихъ самыхъ южныхъ моряхъ, одинъ китъ бросился на *Эссексъ* и отбросилъ его со скоростью четырехъ метровъ въ секунду. Волны провикли въ корму, и *Эссексъ* потонулъ почти въ ту же минуту.

Недъ лукаво посмотрѣлъ на меня.

— Что до меня касается, сказалъ онъ,—то разъ китъ ударилъ меня хвостомъ, разумѣется по моей лодкѣ. Меня и моихъ товарищей подбросило на шесть метровъ въ вышину. Но въ сравненіи съ китомъ господина профессора, мой китъ не больше какъ китенокъ.

— И долго живутъ эти животныя? спросилъ Консель.

— Тысячу лѣтъ, отвѣчалъ не колеблясь Канадецъ.

— А какъ вы это знаете, Недъ?

— Потому что говорятъ.

— А почему это говорятъ?

— Потому что знаютъ.

— Нѣтъ, Недъ, этого не знаютъ, но только предполагаютъ,

а вотъ разсужденіе на которомъ основываются: прошло уже четыреста лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ охотники въ первый разъ стали охотиться за китами, и тогда эти животныя были больше ростомъ чѣмъ телерь. И такъ, довольно логически предполагаютъ что меньшій ростъ нынѣшнихъ китовъ происходитъ отъ того что они еще не успѣли достигнуть своего полнаго развитія, что и заставило Бюффона сказать что китообразныя животныя могутъ и даже должны жить по тысячѣ лѣтъ. Вы понимаете?

Недъ-Ландъ не понималъ. Онъ болѣе не слушалъ. Китъ все приближался. Онъ пожиралъ его глазами.

— Ахъ! вскричалъ онъ,—это уже не одинъ китъ, ихъ десять! двадцать, цѣлое стадо! И я не въ состояніи ничего сдѣлать! Приходится стоять тутъ со связанными руками и ногами.

— Но, другъ Недъ, сказалъ Консель,—почему не попросить у капитана Немо позволенія поохотиться?...

Не успѣлъ Консель окончить свою фразу, какъ Недъ-Ландъ скрылся уже въ подземную дверь и бросился отыскивать капитана. Черезъ нѣсколько минутъ, они оба явились на платформу.

Капитанъ Немо смотрѣлъ на стадо китовъ, игравшихъ на поверхности воды въ разстояніи одной мили отъ *Кораблика*.

— Это южный китъ, сказалъ онъ.—Здѣсь было бы чѣмъ обогатиться цѣлому флоту китоловныхъ судовъ.

— Господинъ капитанъ, спросилъ Канадецъ,—не могу ли я поохотиться за ними, хоть бы для того только чтобы не забыть моего прежняго ремесла китолова?

— Зачѣмъ, отвѣчалъ капитанъ Немо,—охотиться единственно съ цѣлю истреблять? Для корабля намъ вовсе не нуженъ китовый жиръ.

— Однакоже, господинъ капитанъ, возразилъ Канадецъ,—въ Черномъ морѣ вы намъ позволили преслѣдовать дюгонга.

— Тогда дѣло шло о томъ чтобы достать свѣжаго мяса моему экипажу. Здѣсь же будетъ убійство для убійства. Я хорошо знаю что это привилегія человѣка, но не допускаю такихъ жестокихъ увеселеній. Истребляя южныхъ китовъ, какъ и настоящихъ, существъ безвредныхъ и добрыхъ, ваши товарищи по ремеслу, господинъ Ландъ, дѣлаютъ дурное дѣло. Такимъ образомъ они уже совсѣмъ уничтожили китовъ въ Бюффовомъ заливѣ, и влослѣдствіи истребить цѣлый классъ полезныхъ животныихъ. Оставьте же въ покоѣ этихъ несчастныхъ

китовъ. У нихъ и безъ васъ много своихъ естественныхъ враговъ: кашалоты, мечь-рыба, пила-рыба.

Предоставляю читателю судить о выраженіи лица Канадецъ во время этого нравоученія. Давать подобныя совѣты охотнику, значить тратить даромъ слова. Недъ-Ландъ смотрѣлъ на капитана Немо и очевидно не понималъ что тотъ хотѣлъ ему сказать. Однако капитанъ былъ правъ: варварство и недобдуманная жадность охотниковъ скоро приведутъ къ тому что не останется ни одного кита въ Океанѣ.

Недъ-Ландъ просвисталъ сквозь зубы свое *Yankee doodle* за сунулъ руки въ карманы и повернулся къ намъ спиной.

Между тѣмъ капитанъ Немо, наблюдая за стадомъ китовъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Я былъ правъ, утверждая что, кромѣ человека, киты имѣютъ много естественныхъ враговъ. Этимъ скоро придется имѣть дѣло съ сильнымъ врагомъ. Видите ли вы, господинъ Ароннаксъ, въ восьми миляхъ подъ вѣтромъ, эти двигающіяся черныя точки?

— Да, капитанъ, отвѣчалъ я.

— Это кашалоты, ужасное животное; я встрѣчалъ ихъ нѣсколько разъ стадами отъ двухъ до трехъ сотъ штукъ. Что касается этихъ жестокихъ и вредныхъ животныхъ, то охотники совершенно правы истребляя ихъ.

При послѣднихъ словахъ, Канадецъ быстро обернулся.

— Ну, хорошо, капитанъ, сказалъ я,—еще есть время, даже въ интересахъ самихъ китовъ.

— Безполезно подвергаться опасности, господинъ профессоръ; достаточно одного *Кораблика*, чтобы разогнать этихъ кашалотовъ. Онъ вооруженъ стальнымъ бивнемъ, который, я полагаю, не уступитъ острогѣ господина Ланда?

Канадецъ не стѣсняясь выразилъ сомнѣніе: Сражаться съ кашалотами вооружившись бивнемъ! слышаное ли это дѣло?

— Подождите, господинъ Ароннаксъ, сказалъ капитанъ Немо;—мы вамъ покажемъ неизвѣстную вамъ до сихъ поръ охоту. Жалѣть этихъ свирѣлыхъ животныхъ нечего. Они состоятъ только изъ ласти и зубовъ!

Ласть и зубы! Лучше нельзя обрисовать кашалота большеголоваго (*phuzeter macrocephalus*), ростъ котораго превосходить иногда двадцать пять метровъ. Огромная голова этого китообразнаго занимаетъ около трети всего его тѣла. Вооруженный лучше кита, верхнія челюсти котораго ослаблены

только однимъ усамъ, онъ имѣеть двадцать пять большихъ зубовъ, въ двадцать центиметровъ, цилиндрической формы, изъ коихъ каждый вѣситъ два фунта. Въ верхней части этой огромной головы и въ большихъ полостяхъ раздѣленныхъ хрящемъ, находится отъ трехъ до четырехъ сотъ килограммовъ того драгоценнаго масла которое называется спермацетомъ. Кашалотъ животное неуклюжее, скорѣе головастики чѣмъ рыба, по замѣчанію Фредоля. Онъ дурно сложенъ, и такъ-сказать не удался всею лѣвою частью своего тѣла, и видитъ только однимъ правымъ глазомъ.

Между тѣмъ чудовищное стадо все приближалось. Оно увидало китовъ и приготовлялось къ нападенію. Можно было заранее предвидѣть побѣду кашалотовъ, не только потому что они лучше организованы для нападенія чѣмъ ихъ безвредные противники, но также и потому что они могутъ дольше оставаться подъ водой, не возвращаясь на ея поверхность, для дыханія.

Пора было идти на помощь китамъ. *Корабликъ* погрузился въ воду. Консѣль, Недъ и я помѣстились у оконъ залы. Капитанъ Немо отправился къ рулевому, чтобы дѣйствовать своимъ аппаратомъ какъ истребительною машиной. Вскорѣ я почувствовалъ ускоренные удары винта, и увеличивающуюся быстроту нашего хода.

Когда *Корабликъ* подошелъ, сраженіе между кашалотами и китамъ уже началось. Онъ маневрировалъ такимъ образомъ чтобы вѣзаться въ стадо кашалотовъ. Сначала они, казалось, не обратили вниманія на новое чудовище вмѣшавшееся въ ихъ битву. Но скоро должны были отступить отъ его ударовъ.

Какая борьба! Скоро самъ Недъ-Ланъдъ пришелъ въ восторгъ, и кончалъ тѣмъ что захопалъ въ ладоши. *Корабликъ* превратился въ грозную острогу, направляемую рукой своего капитана. Онъ устремлялся на эти мясистыя массы и разсѣкалъ ихъ на двое. Онъ не чувствовалъ страшныхъ ударовъ хвостомъ, сылавшихся на его бока. Уничтоживъ одного кашалота, онъ устремлялся на другаго, поворачивался на мѣстѣ, чтобы не упустить добычу, двигался и переднимъ и заднимъ ходомъ, то погружаясь, когда животное опускалось въ глубину, то поднимаясь, когда оно возвращалось на поверхность. Ударяя его то прямо, то въкосъ, разрѣзалъ, разрывая, прокалывая во всѣхъ направленіяхъ ужаснымъ бивнемъ.

Какая рѣзня! какой шумъ на поверхности волнъ! какой пронзительный свистъ и особенное хрипящее испуганныхъ животныхъ! Посреди этихъ водъ, обыкновенно очень покойныхъ, они своими хвостами подымали настоящіе большіе валы.

Цѣлый часъ продолжалась эта гомерическая битва, отъ которой кашалоты не могли сластись.—Нѣсколько разъ, соединившись, десять или двѣнадцать изъ нихъ пробовали своею массой раздавить *Корабликъ*. Въ окна залы были видны ихъ огромныя лапы усѣяныя зубами, и ихъ ужасныя глаза. Недъ-Ландъ, не владѣвшій болѣе собою, угрожалъ имъ и ругалъ ихъ. Слышно было какъ они цѣплялись за наше судно, какъ собаки, которыя кидаются на кабана въ лѣсу. Но ускоряя движенія своего винта, *Корабликъ* увлекалъ ихъ за собою, или поднималъ на поверхность водъ, не смотря на ихъ громадную тяжесть и страшную силу съ которою они давили его.

Наконецъ масса кашалотовъ разсыялась, воды сдѣлались покойными. Я чувствовалъ что мы поднимаемся на поверхность Океана. Подъемныя двери были открыты, и мы бросились на палатформу.

Море было покрыто обезображенными трупами. Ужасный взрывъ не могъ бы съ большею силою раздробить, разорвать и расластать эти мясистыя массы. Мы плыли посреди исполненныхъ тѣлъ, съ синеватыми спинами, бѣловатыми животами, которыя были покрыты ужасными ранами. Нѣсколько испуганныхъ кашалотовъ спасались въ отдаленіи. Волны были красны на протяженіи нѣсколькихъ миль, и *Корабликъ* былъ окруженъ цѣлымъ моремъ крови.

Капитанъ Немо присоединился къ намъ.

— Ну, что, господинъ Ландъ? сказалъ онъ.

— Ну, что же, господинъ капитанъ, отвѣчалъ Канадецъ, восторгъ котораго услѣлъ охладѣть,—это дѣйствительно ужасное зрѣлище. Но я не мясникъ, а охотникъ, а это настоящая бойня.

— Это уничтоженіе вредныхъ животныхъ, отвѣчалъ капитанъ,—но *Корабликъ* не ножъ мясника.

— Я предпочитаю свою острогу, возразилъ Канадецъ.

— У каждаго свое оружіе, отвѣчалъ капитанъ, не сводя глазъ съ Недъ-Ланда.

Я боялся чтобы Канадецъ съ досады не сдѣлалъ какого-нибудь насилія, что могло имѣть плачевныя послѣдствія. Но

онъ забылъ свой гнѣвъ при видѣ кита, къ которому подходилъ въ это время *Корабликъ*.

Животное не успѣло спастись отъ зубовъ кашалотовъ. Я узналъ южнаго кита, съ плоскою головою и совершенно чернаго. Анатомически онъ отличается отъ обыкновеннаго кита тѣмъ что его семь шейныхъ позвонковъ срослись между собою, и у него двумя ребрами больше чѣмъ у его родичей. Несчастное животное лежало на боку, съ прокушеннымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ животомъ, и было мертво. На концѣ его изуродованнаго ллавника висѣлъ маленькій китъ, котораго ему не удалось спастись отъ смерти. Изъ открытаго рта текла вода, журчавшая какъ приборъ между его усами.

Капитанъ Немо направилъ *Корабликъ* къ трупу животнаго. Двое изъ его людей вошли на тѣло кита, и я не безъ удивленія увидалъ, какъ они извлекали изъ его груди содержащееся въ нихъ молоко, котораго было около двухъ или трехъ бочекъ.

Капитанъ предложилъ мнѣ чашку этого еще теплаго молока. Я не могъ удержаться чтобы не высказать ему своего отвращенія къ этому напитку. Онъ увѣрялъ меня что это молоко превосходно и ничѣмъ не отличается отъ коровьяго.

Я попробовалъ, и согласился съ его мнѣніемъ. Итакъ, это было для насъ еще новымъ полезнымъ приобрѣтеніемъ: масло или сыръ сдѣланные изъ этого молока должны были внести пріятное разнообразіе въ нашу обыденную пищу.

Съ этого дня, я сталъ съ безлокойствомъ замѣчать что расположеніе Недъ-Ланда къ капитану Немо становилось все враждебнѣе, и я рѣшился зорко осмотрѣть за всѣми дѣйствіями Канадца.

ГЛАВА XIII.

Спашной ледъ.

Корабликъ продолжалъ неуклонно стремиться къ югу. Онъ держался пятидесятаго меридіана и шель съ значительною скоростію. Неужели онъ хотѣлъ достигнуть полюса? Я не думалъ этого, потому что до сихъ поръ всѣ попытки проникнуть до этой точки земнаго шара были безуспѣшны. Къ тому же и время было позднее, такъ какъ 13е марта въ антаркти-

чeskихъ странахъ соотвѣтствуетъ 13му сентября сѣвернаго полушарія, съ котораго начинается равноденственный періодъ.

14го марта я увидаль, подъ 55° широты, плавающие льды, простыя синеватыя глыбы въ двадцать и двадцать шесть футовъ, образовавшіе рифы, объ которые разбивались волнм. *Корабликъ* держался на поверхности Океана.

Недѣ-Ланду приходилось и прежде охотиться въ арктическихъ моряхъ, и онъ уже освоился съ картиною ледяныхъ горъ. Консель и я любовались ею въ первый разъ.

Въ атмосферѣ, на горизонтѣ, къ югу тянулась ослѣпительно бѣлая полоса. Англійскіе китоловы дали ей названіе „ice-blink“ ледяной блескъ. Какъ бы ни были густы облака, они не могутъ затмить его. Она свидѣтельствуетъ о присутствіи ледянаго поля.

И въ самомъ дѣлѣ, скоро появились болѣе значительныя массы льда, блескъ коихъ то усиливался, то ослабѣвалъ, застилаемый густымъ туманомъ. На нѣкоторыхъ изъ этихъ массъ видѣлись зеленыя жилы, коихъ волнистыя линіи были какъ будто бы начертаны сѣрно-кислою мѣдью. Другія, похожія на огромныя аметисты, были насквозь проникнуты свѣтомъ. Иныя отражали лучи солнца тысячами граней своихъ кристалловъ. Другихъ, отбѣенныхъ яркими переливами известковой земли, хватило бы на постройку цѣлаго мраморнаго города.

Чѣмъ далѣе мы подвигались къ югу, тѣмъ эти плавающие острова становились многочисленнѣе и больше. Полярныя птицы гнѣздились на нихъ тысячами. Это были глухыши, буревѣстники и лuffины, оглушавшіе насъ своимъ крикомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, принимая *Корабликъ* за трупъ кита, садились на него отдыхать и долбили своимъ клювомъ его звонкое желѣзо.

Во время этого плаванія посреди льдовъ, капитанъ Немо часто находился на платформѣ. Онъ внимательно смотрѣлъ на эти необитаемыя области. Повременамъ я замѣчалъ что его спокойный взглядъ оживлялся. Быть-можетъ, ему приходило на мысль что въ этихъ полярныхъ моряхъ, недоступныхъ для человѣка, онъ у себя дома; что онъ полный властелинъ этихъ недосыгаемыхъ пространствъ. Но онъ молчалъ. Онъ не шевелился, и только тогда приходилъ въ себя, когда инстинкты искуснаго моряка одерживали верхъ. Управляя тогда *Корабликомъ* съ необыкновенною ловкостію, онъ искусно избѣгалъ столкновенія съ ледяными массами, которыя нерѣдко имѣли

въ длину нѣсколько миль, при высотѣ отъ семидесяти до восьмидесяти метровъ. Часто казалось что горизонтъ совершенно запертъ. На высотѣ шестидесятаго градуса широты всѣ проходы исчезли. Но капитанъ искалъ внимательно, и скоро открывалъ узкое отверстіе, въ которое онъ смѣло пу- скался, хорошо зная, однако, что оно за нимъ закроется.

Такимъ образомъ, управляемый искусною рукой, *Корабликъ* миновалъ всѣ эти льды, классифицированныя, смотря по ихъ формѣ или величинѣ, съ точностію восхищавшей Конселя: icebergs — ледяныя горы, ice-fields — ровныя и безпредѣльныя поля, drift-ice — плавающие льды, racks — взломанныя поля, называемыя racks, когда онѣ кругообразны, и streams, когда состоятъ изъ продолговатыхъ глыбъ.

Температура стояла довольно низкая. Термометръ на откры- томъ воздухѣ показывалъ два и три градуса ниже нуля. Но мы были тепло одѣты въ мѣха, добытые съ тюленей и мор- скихъ медвѣдей. *Корабликъ*, правильно нагреваемый вну- три электрическими снарядами, не страшился самыхъ силь- ныхъ холодовъ. Сверхъ того, ему только стоило погрузиться въ воду на нѣсколько метровъ чтобы достигнуть сносной температуры.

Два мѣсяца тому назадъ, мы наслаждались бы подъ этою широтой постояннымъ днемъ; но теперь ночь продолжалась уже три или четыре часа, а позднѣе, она должна была одѣть шестимѣсячнымъ мракомъ эти полярныя области.

15го марта мы миновали широту острововъ Шетландскихъ и южныхъ Оркнейскихъ. Капитанъ Немо сообщилъ мнѣ что эти земли были прежде населены многочисленными ста- дами тюленей; но американскіе и англійскіе китоловы, въ своей безмѣрной страсти къ разрушенію, перебивъ взрослыхъ и беременныхъ самокъ, водворили молчаніе смерти тамъ гдѣ до нихъ кипѣла жизнь.

16го марта, къ восьми часамъ утра, *Корабликъ*, слѣдуя по пятьдесятъ пятому меридіану, пересѣкъ полярный антаркти- ческій кругъ. Льды окружали насъ со всѣхъ сторонъ и засти- лали горизонтъ. Однако капитанъ Немо шелъ отъ прохода къ проходу и поднимался все далѣе.

— Но куда же онъ идетъ? спрашивалъ я.

— Впередъ, отвѣчалъ Консель.— Впрочемъ, когда ему ве- лѣно будетъ идти далѣе, онъ остановится.

— Ну, я за это не поручусь! отвѣчалъ я.

И, говоря откровенно, я признаюсь что эта опасная экспедиція мнѣ нравилась. Я не могу выразить до какой степени восхищали меня красоты этихъ новыхъ странъ. Лды принимали величественныя формы. Тутъ они образовали какъ бы вѣрный городъ, съ его минаретами и многочисленными мечетями; тамъ развалины зданій, будто опрокинутыхъ земаетрсеиёмъ. Картины безпрестанно измѣнявшіяся отъ дѣйствіа косвенно падавшихъ лучей солнца, или терявшіяся въ сыротуманѣ, посреди свѣжыхъ урагановъ. Потомъ со всѣхъ сторонъ шумные разрывы, обвалы, страшныя паденія ледяныхъ горъ, измѣнявшіе обстановку, какъ пейзажъ въ діорамѣ.

Если случалось *Кораблику* находиться подъ водой въ то время когда такимъ образомъ нарушалось равновѣсіе ледяныхъ массъ, то шумъ распространялся въ волнахъ съ страшною силой, и паденіе льда производило опасныя водовороты даже въ глубокихъ слояхъ Океана. Тогда *Корабликъ* качался и нырялъ носомъ, какъ судно оставленное на произволъ бѣшеныхъ волнъ.

Часто, не видя никакого выхода, я думалъ что мы окончательно залерты, но, руководимый инстинктомъ, капитанъ Немо по самымъ малѣйшимъ признакамъ открывалъ новые проходы. Онъ никогда не ошибался, замѣчая тонкія струйки синеватой воды, бороздившія ледяныя поля. И я не сомнѣвался что ему приходилось и прежде проникать съ *Корабликомъ* въ средину антарктическихъ морей.

Между тѣмъ, 16го марта, ледяныя поля совершенно преграждали намъ путь. Это еще не былъ сплошной ледъ, но обширныя ледяныя поля, окрѣвшія отъ холода. Однако это препятствіе не могло остановить капитана Немо, и судно его врѣзалось съ страшною силой въ ледяное поле. *Корабликъ* входилъ какъ клинъ въ эту хрупкую массу и раздѣлялъ ее съ страшнымъ трескомъ. Это былъ какъ бы древній таранъ, пуценный съ неизмѣримою силой. Осколки высоко взлетавшаго льда падали градомъ вокругъ насъ. Единственною силой своего поступательнаго движенія нашъ корабль прорывалъ себѣ каналъ. Иногда онъ поднимался надъ ледянымъ полемъ и продавливалъ его своею тяжестью; или, по временамъ, врѣзавшись подъ ледъ, онъ раздѣлялъ его простымъ движеніемъ кидевои качки, производя широкія разсѣлины. Въ эти дни насъ осаждали сильныя шквалы. Случались такіе густые туманы что медля было ничего различить

съ одного конца платформы на другой. Вѣтеръ быстро и неожиданно мѣнялся, проходя всѣ дѣленія румба. Снѣгъ скопился такими твердыми слоями что приходилось его разбивать кирками. При температурѣ пяти градусовъ ниже нуля всѣ вѣшнія части *Кораблика* уже покрывались льдомъ. Такелажъ не былъ бы въ состояніи дѣйствовать, потому что всѣ япары застыли бы въ жолобы блоковъ. Только судно безъ парусовъ, приводимое въ движеніе электричествомъ и обходящееся безъ каменнаго угля, одно могло отваживаться въ такія высокія широты.

При этихъ условіяхъ барометръ стоялъ обыкновенно очень низко. Онъ опустился даже до 73°5'. Указанія компаса не представляли болѣе никакой гарантіи. Его потерявшія равновѣсіе стрѣлки давали противурѣчивыя показанія по мѣрѣ приближенія къ магнитному южному полюсу, который не совпадаетъ съ антарктическимъ полюсомъ земнаго шара. Въ самомъ дѣлѣ, во Ганстону, этотъ полюсъ находится почти подъ 70° широты и 130° долготы; а по наблюденіямъ Дюперре, подъ 135° долготы и 70°30' широты. Приходилось дѣлать многочисленныя наблюденія, переноса компасы въ различныя части корабля, и потомъ брать среднюю цифру. Но часто, чтобъ опредѣлить пройденный луть, полагались на вычисленіе быстроты хода, способъ далеко не удовлетворительный посреди извилистыхъ проходовъ, положеніе которыхъ мѣняется безпрестанно.

Наконецъ 18го марта, послѣ двадцати безплодныхъ натисковъ, *Корабликъ* застылъ окончательно. Это уже не были отлѣвныя ледяныя поля и горы, но безконечная и неподвижная преграда, образовавшаяся изъ слотившихся вмѣстѣ льдовъ.

— Сплошной ледъ! сказалъ Канадецъ.

Я понялъ что для Канадца, какъ и для всѣхъ предшествовавшихъ намъ мореллавателей, это была непреодолимая преграда. Къ полудню солнце показалось на мгновенье, и капитанъ Немо сдѣлалъ наблюденіе, довольно точное, опредѣлявшее наше положеніе подъ 51°30' долготы и 67°39' южной широты. Это былъ уже весьма отдаленный пунктъ антарктической области.

Предъ нами не было болѣе и признака моря, или жидкой поверхности. Подъ шепотъ *Кораблика* разстилалась обширная, волнистая равнина, загроможденная безобразными обломками, со всѣмъ причудливымъ безпорядкомъ, отдицаю-

щимъ поверхность рѣки за нѣсколько времени до вскрытія, но въ гигантскихъ размѣрахъ. Тамъ и сямъ видѣлись острыя конечныя вершины, тонкіе обелиски, поднимавшіеся на высоту двухсотъ футовъ; далѣе рядъ крутыхъ утесовъ, острою конечною обточенныхъ и одѣтыхъ сѣроватыми тѣнами, широкими зеркаль, отражавшихъ нѣсколько лучей солнца, до половины потонушаго въ туманѣ. И надъ этою печальною природою суровое молчаніе, едва прерываемое взмахами крыльевъ глушыей и луффинювъ. Все замерзло, даже звукъ. *Корабликъ* долженъ былъ прервать свой счастливый путь посреди ледяныхъ полей.

— Господинъ профессоръ, сказалъ мнѣ въ этотъ день Недъ-Ландъ,—если вашъ капитанъ пойдетъ далѣе!

— Ну?

— Онъ будетъ молодець.

— Почему, Недъ?

— Потому что никто не можетъ миновать сплошнаго льда. Онъ силенъ, вашъ капитанъ; но, тысяча чертей! онъ не сильнѣй природы, и гдѣ она положила предѣлъ, тамъ волея-неволей, а придется остановиться.

— Правда, Недъ-Ландъ, и однако мнѣ хотѣлось бы знать что находится за этимъ сплошнымъ льдомъ. Стѣна, вотъ что меня болѣе всего возмущаетъ!

— Вы правы, сказалъ Консель.—Стѣны изобрѣтены только для того чтобы дразнить ученыхъ! Нигдѣ не должно бы быть стѣны.

— Хорошо, замѣтилъ Канадецъ.—Извѣстно что лежитъ позади этого сплошнаго льда.

— Что же? спросилъ я.

— Ледъ и все ледъ!

— Вы убѣждены въ этомъ, Недъ, а я нѣтъ. Вотъ почему мнѣ хочется посмотреть.

— Ну, такъ откажитесь отъ этой мысли, господинъ профессоръ, вы достигли сплошнаго льда; и этого довольно. Вы не пойдете далѣе, ни вашъ капитанъ, ни его *Корабликъ*. И хочеть онъ, или нѣтъ, а мы вернемся къ сѣверу, то-есть въ страну честныхъ людей.

Я долженъ былъ признаться что Недъ-Ландъ былъ правъ, и пока корабли не будутъ приспособлены къ тому чтобы лавать по ледяному полю, имъ придется останавливаться предъ сплошнымъ льдомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на свои усилія, несмотря на различныя средства употребленныя для того чтобы разтѣднить льды, *Корабликъ* былъ осужденъ на бездѣйствіе. Обыкновенно бываетъ такъ что если нельзя идти впередъ, то все шло ограничивается возвращеніемъ назадъ. Но здѣсь вернуться назадъ было столько же невозможно, какъ и подвигнуться впередъ, потому что проходы позади насъ заперлись, и еслибы только нашему кораблю пришлось стоять на мѣстѣ, то, безъ сомнѣнія, ледъ не замедлилъ бы обложить его. Это же и случилось около двухъ часовъ вечера, и молодой ледъ образовался вокругъ него съ изумительною быстротой. Пришлось сознаться что поведеніе капитана Немо было больше чѣмъ неосторожно.

Я находился въ это время на платформѣ. Капитанъ, уже нѣсколько минутъ осматривавшій наше положеніе, сказалъ мнѣ:

— Ну, господинъ профессоръ, что вы объ этомъ думаете?

— Я думаю, капитанъ, что мы заперты.

— Заперты! Что вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу этимъ сказать что мы не можемъ идти ни впередъ, ни назадъ, ни въ какую сторону. Это, я полагаю, и значить „заперты“, по крайней мѣрѣ на обитаемыхъ материкахъ.

— Итакъ, господинъ Аронаксъ, вы думаете что *Корабликъ* не будетъ въ состояніи освободиться.

— Едва ли, капитанъ; время года позднее, и врядъ ли вы можете разчитывать на вскрытіе льда.

— Ахъ, господинъ профессоръ, отвѣчалъ капитанъ Немо насмѣшливымъ тономъ, — вы всегда такой! Вы видите только преграды и препятствія! Я же говорю вамъ что *Корабликъ* не только освободится, но что онъ пойдетъ еще дальше!

— Дальше на югъ? спросилъ я, смотря на капитана.

— Да, онъ пойдетъ къ полюсу.

— Къ полюсу, вскричалъ я, не будучи въ состояніи удержаться отъ движенія недовѣрія.

— Да, холодно отвѣчалъ капитанъ, — къ антарктическому полюсу, къ тому извѣстному лунку гдѣ перекрещиваются всѣ меридіаны земнаго шара. Вы знаете что я дѣлаю съ *Корабликомъ* все что хочу.

Да, я это зналъ. Я зналъ этого человѣка, смѣлаго до дерзости! Но преодолѣть препятствія окружающія южный полюсъ, который еще недоступнѣе сѣвернаго, котораго однако не могли достигъ самые смѣлые мореплаватели! Да, это было пред-

пріятіе безумное, и оно могло родиться только въ умѣ сумасшедшаго!

Мнѣ пришло въ голову спросить капитана Немо,—не крыль ли онъ уже этотъ полюсъ, котораго еще не касалась нога человѣческая.

— Нѣтъ еще, господинъ профессоръ, отвѣчалъ онъ,—мы еще откроемъ вмѣстѣ. Тамъ гдѣ другіе потерпѣли неудачу, я потерплю неудачи. Никогда еще мой *Корабликъ* не углублялся такъ далеко въ южныя моря. Но я повторяю вамъ, онъ подетъ еще дальше.

— Я хотѣлъ бы вѣрить вамъ, капитанъ, возразилъ я несколько насмѣшливымъ тономъ. — Я вѣрю вамъ! Пойдемъ впередъ! Препятствій нѣтъ! Разобьемъ этотъ сплошной ледъ. Взорвемъ его, а если онъ будетъ сопротивляться, дадимъ крыль *Кораблику* и пусть онъ пронесется надъ нимъ.

— Надъ нимъ? господинъ профессоръ, спокойно замѣтилъ капитанъ Немо,—нѣтъ, не надъ нимъ, а подъ нимъ.

— Подъ нимъ! вскричалъ я.

Внезапное откровеніе озарило мой умъ, и я понялъ намѣренія капитана. Удивительныя свойства *Кораблика* должны были содѣйствовать ему и въ этомъ сверхчеловѣческомъ пріятіи.

— Я вижу что мы начинаемъ понимать другъ друга, господинъ профессоръ, сказалъ капитанъ съ улыбкой. — Вы ужъ предвидите возможность, я же съ своей стороны не сомнѣваюсь въ успѣхѣ этой попытки. *Кораблику* легко то что не исполнимо для обыкновеннаго судна. Если у полюса поднимается материкъ, *Корабликъ* остановится предъ нимъ; если напротивъ, его омываетъ свободное море—*Корабликъ* добдетъ до самаго полюса.

— И въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я, увлекаемый разсужденіемъ капитана,—если поверхность моря покрыта твердою корою льда, его нижніе слои свободны, вслѣдствіе того закона Провидѣнія по которому наибольшая плотность морской воды соответствуетъ температурѣ выше градуса замерзанія. И если я не ошибаюсь, то находящаяся въ водѣ часть сплошнаго льда относится къ поднимающейся надъ поверхностью, какъ четыре къ одной.

— Почти, господинъ профессоръ. На каждый футъ ледяныхъ горъ, поднимающихся надъ поверхностью моря, онъ вмѣщаетъ три фута въ водѣ. Но такъ какъ эти ледяныя горы не

превышаютъ ста метровъ, то онѣ должны углубляться только на триста метровъ. А что значитъ для *Кораблика* триста метровъ?

— Ничего, капитанъ.

— Онъ можетъ опуститься глубже, чтобы достигнуть равновѣрной температуры морскихъ водъ, и тамъ мы будемъ беззаказанно издѣваться надъ тридцатью или сорока градусами холода, господствующаго на поверхности.

— Правда, совершенная правда, отвѣчалъ я водухевалясь.

— Единственное затрудненіе заключается въ томъ что намъ придется остаться нѣсколько дней въ водѣ, не возобновляя запасы воздуха.

— Только-то, возразилъ я. — *Корабликъ* снабженъ большими резервуарами; мы ихъ наполнимъ, и они будутъ доставлять намъ необходимый кислородъ.

— Отлично придумано, господинъ Ароннаксъ, отвѣчалъ капитанъ.—Но я не желаю чтобы вы обвинили меня въ безразсудствѣ, и заранѣе предлагаю вамъ все мои возраженія.

— Развѣ вы можете еще что-нибудь возразить?

— Только одно. Если у южнаго полюса находится море, то очень возможно что оно совершенно лодернуто льдомъ, и въ такомъ случаѣ намъ не удастся выбраться на поверхность!

— Такъ, капитанъ, но развѣ вы забываете что *Корабликъ* вооруженъ страшнымъ бивнемъ, и развѣ мы не можемъ направить его діагонально въ это ледяное поле, которое расколется отъ удара.

— Ба, господинъ профессоръ, да вы сегодня находчивы!

— Къ тому же, капитанъ, продолжалъ я, увлекаясь все болѣе и болѣе,—почему не предположить что у южнаго полюса море такъ же свободно какъ и у сѣвернаго. Полюсы холода и полюсы земли не совладаютъ ни въ южномъ, ни въ сѣверномъ полушаріи и пока не будетъ доказано противное, надо полагать что въ обоихъ этихъ пунктахъ земнаго шара находится или материкъ, или свободный ото льдовъ Океанъ.

— Я то же думаю, господинъ Ароннаксъ, отвѣчалъ капитанъ Немо.—Я только замѣчу вамъ что, заявивши столько возраженій противъ моего проекта, вы теперь меня осмѣяете доказательствами въ его пользу.

Капитанъ Немо говорилъ правду. Я перещеголялъ его въ смѣлости. Теперь я увлекалъ его къ полюсу. Я опередилъ его, я оставилъ его позади.... Но нѣтъ! жалкій глупецъ! капитанъ

Немо звалъ лучше тебя все чгд говорило и въ пользу предпріятія и противъ него, и онъ забавлялся, наблюдая какъ тѣбя увлекаютъ мечты о невозможномъ.

Однако онъ не потерялъ ни одной минуты. По данному знаку, помощникъ его явился. Эти оба человѣка послѣшивъ говорили между собою на своемъ непонятномъ нарѣчій, и былъ помощникъ предупрежденъ заранѣе, или онъ нашелъ предложеніе исполнимымъ, только онъ не выказалъ никакого удивленія.

Но какъ ни было велико его хладнокровіе, оно все-таки превзошло невозмутимости Консеая, когда я объявилъ честному малому о нашемъ намѣреніи идти къ полюсу. „Какъ угодно ихъ милости“ сказалъ онъ въ отвѣтъ на мое извѣстіе и пришлось этимъ удовольствоваться. Что же касается Недъ-Ланда, то я увѣренъ что никогда еще ни чьи плечи не подавались такъ высоко.

— Видите ли, господишь профессоръ, вы съ вашимъ капитаномъ Немо, вы просто возбуждаете во мнѣ сожалѣніе.

— Но мы пойдемъ къ полюсу, другъ Недъ.

— Можеть-быть, только вы оттуда не вернетесь!

И Недъ-Ландъ вернулся въ свою каюту,—чтобы не причинить несчастія, сказалъ онъ, разставаясь со мной.

Между тѣмъ уже начались приготовленія къ этому смѣлому предпріятію. Могучіе насосы *Кораблика*, нагнетали воздухъ въ резервуары и запасали его при высокомъ давленіи. Около четырехъ часовъ, капитанъ Немо сообщилъ мнѣ что подземныя двери ведущія на платформу сейчасъ запрутся. Я бросилъ послѣдній взглядъ на толстый сплошной ледъ, который намъ предстояло миновать. Погода стояла ясная, атмосфера была довольно чистая, холодъ очень сильный, 12° ниже нуля; но вѣтеръ утихъ и потому температура эта казалась довольно сносною.

Около десяти человѣкъ взобрали на палубу *Кораблика* и, вооруженные кирками, разбили ледъ вокругъ корпуса, который скоро совершенно освободился. Это было исполнено быстро, такъ какъ молодой ледъ еще не успѣлъ отвердѣть. Мы все вошли во внутренность корабля. Резервуары по обыкновенію были наполнены водой, державшейся свободно на грузовой линіи. *Корабликъ* не замедлил опуститься.

Я помѣстился въ залъ съ Консеемъ. Въ открытыя стекла мы смотрѣли на нижніе слои южнаго полярнаго океана. Тер-

манометръ поднимался. Стрѣлка манометра отклонялась на циферблатѣ.

Опустившись почти на триста метровъ, мы, какъ предвидѣлъ капитанъ Немо, уже могли лыть лодѣ волнообразной поверхностью сплошваго льда. Но *Корабликъ* опустился еще ниже. Онъ достигъ глубины восьмисотъ метровъ. Температура воды, имѣвшая двѣнадцать градусовъ на поверхности, понижывала теперь только одиннадцать. Больше градуса уже выиграно. Нечего и говорить что температура внутри *Кораблика*, нагреваемого особыми аппаратами, была значительно выше. Всѣ маневры исполнялись съ удивительною точностью.

— Съ вашего позволенія, я думаю, что мы пройдемъ, сказалъ мнѣ Консель.

— Надѣюсь, отвѣчалъ я, тономъ глубочайшаго убѣжденія. Въ этомъ свободномъ морѣ, *Корабликъ* направился прямо къ полюсу, не уклоняясь отъ 52го меридіана. Отъ 67°30' до 90° оставалось идти 22 съ половиной градуса широты, то-есть немного болѣе пятисотъ лѣбъ. *Корабликъ* пошелъ среднимъ числомъ со скоростью двадцати шести миль въ часъ, то-есть скоростью курьерскаго поѣзда. Если онъ не замедлитъ хода, то ему будетъ достаточно сорока часовъ чтобы достигнуть полюса.

Часть ночи мы съ Конседемъ провели у окна залы, заинтересованные новостью положенія. Море сіяло, озаряемое электрическимъ свѣтомъ малка. Но оно было пустынно. Рыбы не живутъ въ этихъ водахъ. Онѣ только проходятъ ими, направляясь изъ антарктическаго океана къ свободному морю полюса. Мы шли быстро, о чемъ можно было судить по сотрясенію длиннаго стальнаго корпуса *Кораблика*.

Къ двумъ часамъ утра я отправился отдохнуть. Консель послѣдовалъ моему примѣру. Проходя корридорами, я не встрѣтилъ капитана. Я заключилъ что онъ въ рубкѣ рулевого.

На слѣдующій день, 19го марта, въ пять часовъ вечера я занялъ свое мѣсто въ залѣ. Электрической лагъ показалъ мнѣ что *Корабликъ* идетъ медленно. Онъ въ это время поднимался на поверхность, но осторожно, медленно опоражнивая свои резервуары.

Сердце мое билось. Выйдемъ ли мы въ свободную атмосферу полюса?

Нѣтъ. Я почувствовалъ сотрясеніе, и понялъ что *Кораб-*

ликъ ударился о нижнюю сторону сплошнаго льда, еще очень толстаго судя по глухому звуку. И въ самомъ дѣлѣ, мы „кунулись два“, говоря языкомъ моряковъ, но только въ одномъ смыслѣ, и на глубинѣ тысячи футовъ. Сплошной ледъ былъ теперь выше, чѣмъ у края, гдѣ мы его измѣряли. О стоятельство предвѣщавшее не много хорошаго.

Въ продолженіи этого дня *Корабликъ* повторялъ нѣсколько разъ тотъ же опытъ, и всякій разъ ударялся объ стѣну, вставшую надъ нимъ какъ потолокъ. Случалось что онъ встречалъ ее на глубинѣ девятисотъ метровъ, что заставляло предполагать тысячу двѣсти метровъ въ толщину, изъ которыхъ триста метровъ поднималось надъ поверхностью Океана. Следовательно, высота льда увеличилась вдвое съ тѣхъ поръ какъ *Корабликъ* опустился въ глубину.

Я тщательно отмѣчалъ всѣ эти различныя глубины, и получилъ такимъ образомъ подводный профиль этой цѣли, разстилавшейся подъ водой.

Вечеромъ въ нашемъ положеніи не произошло никакой перемѣны. Все ледъ, между четырьмя и пятьюстами метрами глубины. Замѣтное пониженіе, но какой еще толстый слой отдѣлялъ насъ отъ поверхности Океана!

Было уже восемь часовъ. Еще въ четыре часа воздухъ долженъ былъ быть возобновленъ внутри, какъ это ежедневно дѣлалось на *Корабликѣ*. Впрочемъ я не слишкомъ страдалъ, хотя калитанъ Немо и не прибѣгалъ еще къ запасу кислорода, хранившагося въ его резервуарахъ.

Сонъ мой въ эту ночь былъ тревоженъ. Надежда и страхъ волновали меня поочередно. Я вставалъ нѣсколько разъ. Попытки *Кораблика* продолжались. Къ тремъ часамъ утра я замѣтилъ что нижняя поверхность сплошнаго льда встрѣчалась только на пятидесяти метрахъ глубины. Сто пятьдесятъ футовъ отдѣляли насъ теперь отъ поверхности воды. Сплошной ледъ становился постепенно ледянымъ полемъ. Гора превращалась въ равнину.

Глаза мои не отрывались отъ манометра. Мы все поднимались, слѣдуя по діагонали вдоль блестящей поверхности, сіявшей при электрическомъ освѣщеніи.

Сплошной ледъ понижался снизу и сверху отлогими склонами. Онъ становился тоньше съ каждою милей.

Наконецъ, въ шесть часовъ утра этого достопамятнаго дня,

Юго марта, дверь каюты отворилась. На порогѣ явился капитанъ Немо.

— Открытое море! сказалъ онъ.

Г Л А В А XIV.

Южный полюсъ.

Я бросился на платформу.

Да! открытое море. Только кой-гдѣ нѣсколько розрозненныхъ глыбъ, нѣсколько подвижныхъ ледяныхъ горъ; вдали варокое море; цѣлый міръ птицъ въ воздухѣ и мириады рыбъ въ глубинѣ водъ, которыя, смотря по свойствамъ дна, переходили отъ яркоголубаго къ зеленому оливковому цвѣту. Стоградусный термометръ показывалъ три градуса выше нуля. Сравнительно съ пройденнымъ нами пространствомъ здѣсь какъ будто была весна, отдѣленная сплошнымъ льдомъ, массы коего воздымались на сѣверной сторонѣ горизонта.

— Мы у полюса? съ замираніемъ сердца спросилъ я капитана.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ. — Въ полдень мы опредѣлимъ мѣсто нашего нахождения.

— Но покажется ли солнце изъ-за этого тумана? продолжалъ я, поглядывая на сѣрое небо.

— Хоть бы оно чуть-чуть выглянуло, съ меня будетъ довольно, замѣтилъ капитанъ.

Въ десяти миляхъ къ югу отъ *Кораблика* уединенный островъ поднимался на высоту двухсотъ метровъ. Мы шли къ нему, но осторожно, потому что это море могло скрывать множество подводныхъ рифовъ. Черезъ часъ мы достигли островка, а два часа спустя уже обошли его кругомъ. Онъ ширъ отъ четырехъ до пяти миль въ окружности.

Узкій каналъ отдѣлялъ его отъ обширной земли, можетъ быть материка, границъ котораго мы не могли видѣть. Существованіе этой земли, казалось, оправдывало гипотезы Мори. Дѣйствительно, гениальный Американецъ замѣтилъ что между южнымъ полюсомъ и шестидесятымъ градусомъ широты, море покрыто плавающими льдами огромныхъ размѣровъ, какіе никогда не встрѣчаются на сѣверѣ Атлантическаго океана. Изъ этого факта онъ заключилъ что антарктическій кругъ заключаетъ значительныя земли, потому что ледяныя

горы не могутъ образоваться въ открытомъ морѣ, а только у береговъ. По его вычисленіямъ, масса льдовъ окружающихъ южный полюсъ образуетъ большое кольцо, ширина котораго достигаетъ четырехъ тысячъ километровъ.

Между тѣмъ, опасаясь свѣсть на мель, *Корабликъ* остановился на разстояніи трехъ кабельтовыхъ отъ морскаго берега, на которомъ возвышалась великолѣпная масса скалъ. Въ море спустили шлюпку. Капитанъ, двое изъ его людей, несли инструментъ, Консель и я, сѣли въ нее. Было десять часовъ утра. Я не видалъ Недъ-Ланда. Безъ сомнѣнія, Канадецъ желалъ отказаться отъ своихъ словъ при видѣ южнаго полюса.

Нѣсколько взмаховъ веслами приблизили шлюпку къ песчаному берегу, гдѣ она и остановилась. Въ ту минуту какъ Консель намѣревался прыгнуть на землю, я остановилъ его.

— Капитанъ, сказалъ я, — вамъ принадлежитъ честь первому ступить на эту землю.

— Да, господинъ профессоръ, и я только потому рѣшаюсь ступить на эту полярную землю что до сихъ поръ ни одно челоуѣческое существо не оставляло на ней слѣда своихъ шаговъ.

Съ этими словами, онъ легко прыгнулъ на песокъ. Сердце его билось отъ сильнаго волненія. Онъ взошелъ на скалу, круто поднимавшуюся надъ небольшимъ возвышеніемъ, и тамъ, скрестивъ руки, съ пылавшимъ взоромъ, неподвижный, безмолвный, онъ, казалось, принималъ въ свое владѣніе эти области южнаго полюса. Минутъ пять находился онъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, потомъ обратился ко мнѣ.

— Не хотите ли сойти, господинъ профессоръ? закричалъ онъ.

Я вышелъ вмѣстѣ съ Конселемъ, оставивъ обоихъ матросовъ въ шлюпкѣ.

Почва на большомъ протяженіи состояла изъ туфа красноватаго цвѣта, какъ будто она была покрыта толченымъ кирпичемъ. Шлаки, потоки лавы, лемза всюду покрывали ее. Нельзя было не узнать ея вулканическаго происхожденія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, легкія струйки дыма съ сѣрнистымъ запахомъ свидѣтельствовали о томъ что внутренней огонь сохранялъ еще свою силу. Однако, взобравшись на значительную возвышенность, я не видалъ на протяженіи нѣсколькихъ миль ни одного вулкана. Известно что въ этихъ антарктическихъ странахъ Джемсъ Россъ нашелъ два дѣйствующіе кратера, Эребусъ и Терроръ, на сто шестьдесятъ седьмомъ меридіанѣ и подъ 77°32' широты.

Я замѣтилъ что растительность этого пустыннаго материка весьма ограничена. Нѣсколько лишавей, изъ вида *isnea tephroantha*, разстилались на черныхъ скалахъ. Кой-какія микроскопическія растеньица, самыя простыя діатомеи, родъ губочекъ, расположенныхъ между двумя кремнистыми створками, длинныя фукусы, лурлуровыя и лунцовыя, поддерживаемыя маленькими лавательными лузырьками и выбрасываемыя на берегъ прибоемъ волнъ составляли всю скромную флору этой области.

Берегъ былъ усыянъ моллюсками, маленькими ракушками, *atella*, *buccardia glabra*, имѣющія форму сердца, и преимущественно *clio*, съ продолговатымъ, переломчатымъ тѣломъ и оловой, состоящей изъ двухъ округленныхъ лопастей. Я видалъ также міриады *clio borealis*, длиной въ три сантиметра, которыхъ китъ уничтожаетъ въ огромнѣйшемъ количествѣ при каждомъ глоткѣ. Эти прелестныя крыловогія, настоящія морскія бабочки, оживляли свободныя воды омывавшія берегъ.

Изъ другихъ животворастеній, на подводныхъ горахъ попадались древовидныя кораллы, изъ тѣхъ которые, по словамъ Джемса Росса, живутъ въ антарктическихъ моряхъ даже на глубинѣ тысячи метровъ; потомъ маленькіе *alcyonidae*, принадлежащіа къ виду *procellaria pelagica*, а также множество астерій свойственныхъ этимъ климатамъ и морскихъ звѣздъ ислещряли почву.

Но жизнь кипѣла преимущественно въ воздухѣ. Тамъ тысячами носились и летали птицы различныхъ видовъ, оглушавшія насъ своими криками. Иныя локрывали скалы, снѣло смотрѣли на насъ и безбоязненно тѣснились у нашихъ ногъ. Это были ливгины, которые такъ же подвижны и гибки въ водѣ, гдѣ ихъ принимали иногда за быстрыхъ бонитовъ, какъ неуклюжи и тяжелы на землѣ. Они издавали дикіе крики и, собравшись большими обществами, сидѣли неподвижно, но не скупились на шумъ.

Между птицами я замѣтилъ *chiopsis*, изъ отряда голенастыхъ, величиной съ голубя, бѣлаго цвѣта, съ короткимъ коническимъ клювомъ и глазами обведенными краснымъ кольцомъ. Консоль надвила этихъ пернатыхъ, которыя, извѣстнымъ образомъ приготовленныя, составляютъ очень вкусное блюдо. Въ воздухѣ проносились альбатросы, черныя какъ сажа, имѣвшіе при распростертыхъ крыльяхъ четыре метра въ ширину и справедливо называемые коршунами Океана; огромныя гулы-

ши, нѣкоторые, съ дугообразно согнутыми крыльями, большіе враги тюленей, которыхъ они охотно пожираютъ; маленькія утки, верхняя часть тѣла которыхъ черная съ бѣлымъ; наконецъ цѣлый рядъ петрелей, то бѣловатыхъ съ крыльями окаймленными коричневой полосой, то синихъ, исключительно свойственныхъ антарктическимъ морямъ. Они такъ маслянисты, сказалъ я Конселю, что жители Феррерскихъ острововъ зажигаютъ ихъ, придѣлывая къ нимъ только фитиль.

— Еще немного, замѣтилъ Консель,—и они превратились бы въ совершеннѣйшія лампы! Впрочемъ нельзя и требовать чтобы природа ихъ предварительно снабжала фитилемъ.

Пройдя еще полмили, мы нашли что почва изрыта гнѣздами, имѣвшими видъ норъ для кладки яицъ, и изъ нихъ вылетали многочисленныя птицы. Позднѣе, капитанъ Немо велѣлъ поймать ихъ нѣсколько сотенъ, такъ какъ ихъ черное мясо годится въ пищу. Они издавали крики, похожіе на ослиные. Эти животныя ростомъ съ гуся, съ тѣломъ аспиднаго цвѣта, бѣлыя снизу, съ узенькою полоской лимоннаго цвѣта на горлѣ, не думали спастись, и ихъ можно было убивать камнями.

Между тѣмъ туманъ не поднимался, и въ одиннадцать часовъ солнце еще не показывалось. Отсутствие его безпокоило меня. Безъ него не были возможны никакія наблюденія. Какъ въ такомъ случаѣ опредѣлить, достигли ли мы полюса?

Когда я присоединился къ капитану Немо, онъ стоялъ задумавшись, опираясь на обломокъ скалы, и смотрѣлъ на небо. Казалось онъ досадовалъ, нетерпѣливо ждалъ. Но что дѣлать. Этотъ смѣлый и могущественный человекъ не могъ повелѣвать солнцу, какъ повелѣвалъ морю.

Насталъ полдень, а дневное свѣтло не показывалось ни на минуту. Нельзя было даже распознать гдѣ оно находилось за густою завѣсой тумана. Скоро туманъ разрѣшился свѣгомъ.

— До завтра, сказалъ мнѣ капитанъ, и мы достигли *Кораблика* посреди вихря, подыавшагося въ атмосферѣ.

Во время нашего отсутствія, были закинуты сѣти, и я съ удовольствіемъ принялся изучать рыбъ которыхъ вытацили на бортъ. Антарктическія моря служатъ убѣжищемъ большому количеству переселенцевъ, которые спасаются отъ бурь мѣже высокихъ широтъ, но поладаютъ впрочемъ на зубы моржамъ

тупеямъ. Я замѣтилъ нѣсколько *cottus australis*, длиною въ одинъ метръ, бѣлыхъ, пересѣченыхъ синеватыми полосами и юрженыхъ шилами. Потомъ *chimaera antarctica*, въ три рута длиною, съ очень длиннымъ тѣломъ, бѣлой серебристой и гладкой кожей, круглою головою, спиною снабженною тремя шипами и рыломъ оканчивающимся въ видѣ хобота, загигающегося ко рту. Я попробовалъ ихъ мясо; но нашелъ его невкуснымъ, несмотря на увѣренія Конселя, которому оно очень понравилось.

Свѣжій ураганъ продолжался до слѣдующаго дня. Не было возможности стоять на платформѣ. Изъ залы, гдѣ я залиывалъ всѣ случайности нашей экскурсіи на полярный материкъ, я слышалъ крики петрелей и альбатросовъ, носившихся посреди бури. *Корабликъ* не стоялъ на мѣстѣ, а огибая берегъ, онъ подвинулся еще миль на десять къ югу, въ полусвѣтъ распространяемомъ солнцемъ, касавшимся края горизонта.

На слѣдующій день, 20го марта, свѣтъ прекратился. Холодъ всемогущаго усилился. Термометръ показывалъ два градуса ниже нуля. Туманъ поднялся, и я надѣялся что на этотъ разъ намъ удастся сдѣлать наблюденія.

Капитанъ Немо еще не показывался, и мы съ Конселемъ съѣли въ шлюпку и отправились на землю. Почва была все такая же вулканическая. Повсюду лава, шлаки, базальты, но я не видѣлъ кратера, изъ котораго они были выброшены.

Мириады птицъ оживляли также эту часть полярнаго материка. Но свои владѣнія онѣ раздѣляли въ это время со стадами млекопитающихъ, смотрѣвшихъ на насъ своими добрыми глазами. Это были тюлени различныхъ видовъ; одни изъ нихъ расположились на землѣ, другіе на льдинахъ, носившихся по волѣ вѣтра; многіе выходили изъ моря, другіе возвращались туда. Имъ еще не случалось имѣть дѣла съ людьми, и они не пугались при нашемъ приближеніи; я насчиталъ ихъ тутъ столько что ихъ хватило бы чтобы снабдить заласомъ нѣсколько сотъ кораблей.

— Ну право, сказалъ Консель, — я очень радъ что Недъ-Ландъ не отправился съ нами.

— Почему Консель?

— Потому что ярый охотникъ перебилъ бы всѣхъ звѣрей какія здѣсь есть.

— Ну, не всёхъ, хотя я тоже полагаю что намъ не удалось бы помѣшать нашему другу Канадцу проколоть острогой нѣ которыхъ изъ этихъ превосходныхъ ластоногихъ. А это былъ бы величайшій капиталъ, потому что онъ не любитъ проливать напрасно кровь безвредныхъ животныхъ.

— Онъ правъ.

— Безъ-сомнѣнiя, Консель. Но скажи-ка мнѣ, ты ужъ нѣ роятно попытался классифицировать этихъ превосходныхъ представителей морской фауны.

— Вашей милости извѣстно, отвѣчалъ Консель,—что я нѣ слишкомъ силенъ на практикѣ. Еслибы вы потрудились сообщить мнѣ имена этихъ животныхъ....

— Это тюлени и моржи.

— Два рода, принадлежащiе къ семейству ластоногихъ, послѣдшiй сказать ученый Консель.

— Хорошо Консель, отвѣчалъ я,—но эти два рода, тюлени и моржи, раздѣляются на виды и, если я не ошибаюсь, тѣ здѣсь намъ представляется случай наблюдать ихъ. Пойдемъ.

Было восемь часовъ утра. До того времени какъ можно будетъ дѣлать наблюденiя надъ солнцемъ еще оставалось впереди четыре часа, которыми мы могли свободно располагаться. Я направился къ обширному заливу, который вѣзвывался нѣ гранитныя скалы берега.

Всюду, куда проникалъ взоръ, земля и ледяныя глыбы были загромождены морскими млекопитающими, и я невольно искалъ глазами стараго Протея, мифологическаго лапыря безчисленныхъ стадъ Нелтуна. Больше всего тутъ было тюленей. Самцы и самки размѣщались различными группами; тамъ отецъ бодрствуетъ надъ своей семьей, здѣсь мать кормитъ грудью дѣтенышей, а молодые, уже достаточно окрѣвшiе, играютъ въ нѣкоторомъ отдаленiи. Когда эти млекопитающiя желали перемѣщаться, они подвигались впередъ маленькими скачками, происходившими отъ сокращенiя ихъ тѣла, и употребляли въ дѣло, впрочемъ довольно неловко, свои несовершенныя ласты, которые у ихъ родича ламантина составляютъ настоящее предплечье. Я долженъ сказать что въ водѣ, ихъ главной стихiи, эти животныя, снабженныя подвижнымъ спиннымъ хребтомъ, узкимъ тазомъ, гладкою, короткою шерстью и ногами съ перепонкою, плаваютъ превосходно. На сушѣ въ спокойномъ положенiи они принимали тоже чрезвычай-

во граціозныя позы. И вотъ почему, наблюдая ихъ добродушную фізіономію, выразительный взглядъ, съ которымъ въ состояніи состязаться самый прекрасный женскій взоръ, ихъ бархатистые, ясные глаза, милыя позы, и поэтизируя ихъ по своему, древніе превратили самцовъ въ тритоновъ, самокъ въ сирень.

Я указалъ Конселю на значительное развитіе мозговыхъ полушарій у этихъ мышленныхъ животныхъ. Ни одно млекопитающее, за исключеніемъ человѣка, не имѣетъ больше мозгового вещества. Вслѣдствіе этого тюлени способны къ нѣкоторому воспитанію; они легко привыкаютъ къ домашнему состоянію, и я, согласно съ нѣкоторыми естествоиспытателями, полагаю что, прилично выдрессированные, они могли бы оказывать большія услуги для рыбной ловли.

Большинство тюленей спали на скалахъ и на лескѣ. Между настоящими тюленями, не имѣющими вѣшняго уха, — чѣмъ они отличаются отъ otaria, ухо которыхъ выдается, — я наблюдалъ нѣсколько разновидностей stenorhynchus, длиною въ три метра, съ бѣлою шерстью, головою будьдога, вооруженныхъ десятью зубами въ каждой челюсти, четырьмя рѣзцами на верху и внизу и двумя большими клыками, имѣющими форму лиліѣ. Между ними скользили морскіе сломы, животныя похожія на тюленей, съ короткимъ и подвижнымъ хоботомъ, гаванты своего вида, которые, при окружности въ двадцать футовъ, имѣютъ десять метровъ въ длину. Они не дѣлали никакого движенія при нашемъ приближеніи.

— Эти животныя не опасны? спросилъ меня Консель.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, — по крайней мѣрѣ когда на нихъ не нападаютъ. Но если тюлень защищаетъ своего дѣтеныша, его гнѣвъ ужасенъ, и нерѣдко случается что онъ разбиваетъ въ арбезги судно рыбаковъ.

— Овъ правъ, возразилъ Консель.

— Я этого не отрицаю.

Мы сдѣлали еще двѣ мили и остановились предъ возвышенностью, которая защищаетъ заливъ отъ южныхъ вѣтровъ. Она отвѣсно спускалась къ морю и была покрыта лѣной отъ прибоя волнъ. Вдали раздавалось грозное мычанье, какое могло бы произвести стадо жвачныхъ.

— Ба! оказалъ Консель, — концертъ быковъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, — концертъ моржей.

— Они дерутся?

— Дерутся или играютъ.

— Не во гнѣвъ вашей милости, надо взглянуть на это.

— Надо взглянуть, Консель.

И вотъ мы шагаемъ по черноватымъ скаламъ, посреди ожидаемыхъ обваловъ, и по скользкимъ обледенѣлымъ камнямъ. Не одинъ разъ мнѣ приходилось скатываться, отчего не малъ страдали мои бока. Консель, болѣе осторожный, или болѣе твердый на ногахъ, не спотыкался, и поднималъ меня, приговаривая:

— Еслибы вы потрудились пошире разставлять ноги, вы лучше сохранили бы равновѣсіе.

Достигнувъ верхняго гребня горы, я увидѣлъ обширную бѣлую равнину, покрытую моржами. Животныя играли между собой. Это были крики радости, а не гнѣва.

Моржи походятъ на тюленей формою тѣла и расположеніемъ членовъ. Но въ ихъ нижней челюсти недостаетъ клыковъ и рѣзцовъ, а верхніе клыки имѣютъ форму двухъ бивней, длиной каждый въ восемьдесятъ центиметровъ; бивни эти имѣютъ тридцать три центиметра въ окружности у основанія. Они состоятъ изъ кости, очень плотной и безъ полосокъ, которая тверже бивней слона, меньше желтѣетъ и потому очень цѣнится. Вслѣдствіе этого моржи служатъ предметомъ жестокаго преслѣдованія, которое скоро истребитъ ихъ всѣхъ до послѣдняго, потому что охотники безразлично убиваютъ беременныхъ матокъ и молодыхъ, уничтожая ежегодно болѣе четырехъ тысячъ штукъ.

Проходя мимо этихъ любопытныхъ животныхъ, я могъ на свободѣ разсматривать ихъ, потому что они не шевелились. Кожа у нихъ толстая и бородавчатая, желто-коричневаго цвѣта, переходящая въ рыжій, шерсть короткая и рѣдкая. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли до четырехъ метровъ въ длину. Спокойнѣй и смѣлѣй своихъ сѣверныхъ родичей, они не поручали избраннымъ часовымъ оберегать границы своихъ владѣній.

Посмотрѣвъ на общество моржей, я собирался вернуться назадъ. Было уже одиннадцать часовъ, и если калитанъ Немо находится въ условіяхъ выгодныхъ для наблюденія, я желалъ присутствовать при его занятіяхъ. Однако я не надѣялся что солнце покажется въ этотъ день. Облака, словно раздавленные на горизонтѣ, скрывали его отъ нашихъ глазъ. Казалось, ревни-

вое свѣтило не хотѣло показывать людямъ эту недосыгаемую часть земнаго шара.

Между тѣмъ я думалъ вернуться къ *Кораблику*. Мы шли по узкому косогору, извивавшемуся на вершинѣ утеса. Въ половинѣ двѣнадцатаго мы достигли мѣста гдѣ причаливали. Между тѣмъ капитанъ съѣхалъ въ шлюлкѣ на землю. Я увидаль его на базальтовой скалѣ. Инструменты находились возлѣ него. Онъ стоялъ устремивъ взоръ на сѣверную часть горизонта, гдѣ солнце описывало въ ту пору свою удлиненную дугообразную линію.

Я помѣстился возлѣ него и ждалъ молча. Насталъ полдень, но, какъ наканунѣ, солнце не показывалось.

Несчастіе преслѣдовало насъ. Наблюденія опять не могло быть сдѣлано. Если не удастся его сдѣлать и завтра, то придется окончательно отказаться отъ возможности опредѣлить наше положеніе.

И въ самомъ дѣлѣ, было 20е марта. На другой день, 21го марта, наступитъ равноденствіе, и если не принимать въ расчетъ преломленіе лучей, солнце исчезнетъ подъ горизонтомъ на шесть мѣсяцевъ, и съ его исчезновеніемъ начнется долгая полярная ночь. Съ сентябрьскаго равноденствія оно вышло изъ-за сѣвернаго горизонта, и поднималось удлиненными спиралями до 21го декабря. Съ этого времени, когда бываетъ сомядостояніе въ этихъ холодныхъ странахъ, оно начало олу-скается, и завтра должно было бросить имъ свои послѣдніе лучи.

Я сообщилъ свои наблюденія и мои опасенія капитану Немо.

— Вы правы, господинъ Ароннаксъ, сказалъ онъ мнѣ, — если завтра мнѣ не удастся опредѣлить высоту солнца, то придется отложить мое изслѣдованіе на шесть мѣсяцевъ. Но теперь-то, если только солнце покажется намъ въ полдень, мнѣ будетъ удобно сдѣлать наблюденіе именно потому что случайности плаванія привели меня въ эти моря къ 21му марта.

— Почему, капитанъ?

— Потому что трудно вымѣрить съ точностью высоту дневнаго свѣтила надъ горизонтомъ, когда оно описываетъ такіа длинныя спиральныя линіи, и инструменты могутъ дать очень ошибочныя показанія.

— Какъ же вы поступите?

— Я воспользуюсь однимъ хронометромъ, отвѣчалъ капитанъ Немо. — Если завтра, 21го марта, въ полдень солнечный

дискъ будетъ правильно пересѣченъ пополамъ свѣрхнымъ и ризовтомъ, принимая въ соображеніе преломленіе лучей, и будетъ означать что я нахожусь какъ разъ на южномъ полюсѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, замѣтилъ я.—Однако нельзя сказать чтобъ это было математически вѣрно; вѣдь равноденствіе выпадаетъ необходимо въ полдень.

— Безъ сомнѣнія; но ошибка не превыситъ ста метровъ, намъ ничего больше и не надо. Итакъ, до завтра.

Капитанъ вернулся на судно. Мы съ Конселемъ пробыли пять часовъ на берегу, рассказывая, наблюдая и изучая. Я встрѣтилъ ни одного любопытнаго предмета, кромѣ яйца пингвина, замѣчательнаго по своей величинѣ, за которое любитель заплатилъ бы тысячу франковъ.

Его бланжевый цвѣтъ, черты и изображенія украшали его, будто гіероглифы, дѣлали его рѣдкою вещицею. Я вручилъ его Конселю, и осторожный малый, держалъ его какъ драгоценный китайскій фарфоръ и въ цѣлости доставилъ *Кораблику*.

Тамъ я положилъ это рѣдкое яйцо въ одну изъ витринъ музея. Я съ апетитомъ поужиналъ превосходнымъ кускомъ печени тюленя, вкусъ которой напоминаетъ свиное мясо. Потомъ улегся, но какъ Индусъ не забылъ призвать на себя милость дневнаго свѣтила.

На слѣдующій день, 21го марта, съ пяти часовъ утра я въшелъ на платформу. Я засталъ тамъ капитана Немо.

— Небо очищается, сказалъ онъ мнѣ.—Надежда есть. Послѣ завтрака мы отправимся на землю, чтобы выбрать удобнѣе мѣсто для наблюденія.

Когда это было рѣшено, я отправился къ Недъ-Ланду. Мы хотѣлось взять его съ собой. Упрямый Канадецъ отказался, и я видѣлъ что его хандра и раздраженіе увеличиваются съ каждымъ днемъ. Въ сущности, на этотъ разъ я не особенно жалѣлъ объ его упрямствѣ. На землѣ было много тюленей, и не слѣдовало подвергать страстнаго охотника такому искушенію.

Окончивъ завтракъ, я отправился на землю. Во время ночи *Корабликъ* поднялся еще на нѣсколько миль. Онъ находился въ открытомъ морѣ, на разстояніи цѣлой мили отъ берега, надъ которымъ возвышалась остроконечная вершина, имѣвшая отъ четырехъ до пятисотъ футовъ. Выбѣгъ со мной шляпка несла капитана Немо, двухъ матросовъ изъ экипажа и инструменты, то-есть хронометръ, барометръ и зрительную трубу.

Во время нашего переѣзда, я видѣлъ многочисленныхъ китовъ, принадлежащихъ къ тремъ разновидностямъ, свойственнымъ южнымъ морямъ; тутъ былъ настоящій китъ или „right-whale“ Англичанъ, не имѣющій плавника; hump-back (горбунъ) и balaenoptera, съ животомъ испещреннымъ складками, съ широкими бѣловатыми плавниками, которые, несмотря на его званіе, не образуютъ крыльевъ, и fin-back, коричнево-желтый, мѣлкій подвижный изъ китовъ. Это животное даетъ себя слышать издалека, когда выбрасываетъ на значительную высоту фонтанъ воздуха и пара, походящіе на цѣлый вихрь дыма. Эти различныя маеколитающія играли стадами въ спокойныхъ водахъ, и я увидѣлъ теперь что бассейнъ антарктическаго полюса служитъ убѣжищемъ китообразнымъ, которыхъ такъ стойчиво преслѣдуютъ охотники.

Я замѣтилъ также длинныя, бѣловатыя цѣпи сальты, родъ редивившихся вмѣстѣ моллюсковъ, а также и большихъ медузъ, качавшихся въ водоворотѣ волнъ.

Въ девять часовъ мы пристали къ берегу. Небо становилось яснымъ, облака уносились къ югу. Туманъ покидалъ холодную поверхность водъ. Капитанъ Немо направился къ вершинѣ, которую онъ, безъ сомнѣнія, думалъ превратить въ обсерваторію. Подъемъ былъ труденъ, между острыми обломками лавы и пемзы, въ атмосферѣ густо пролитанной сѣрнистыми испареніями маленькихъ кратеровъ. Для человѣка давно отвыкшаго отъ путешествій по землѣ, капитанъ взбирался на самыя крутыя скаты съ необыкновенною гибкостью и легкостью, такъ что я не могъ съ нимъ сравниться, ему позавидовалъ бы охотникъ за пиренейскими сернами.

Пришлось идти два часа чтобы достигнуть этой вершины, состоящей частью изъ порфира, частью изъ базальта. Оттуда взоръ обнималъ обширное море, конечная линія котораго рѣзко обозначалась къ сѣверу на фонѣ неба. У нашихъ ногъ поля желтительной бѣлизны. Надъ головой, блѣдно-голубой сводъ, участвовавшій отъ тумана. На сѣверѣ, солнечный дискъ, какъ огненный шаръ, уже обрѣзанный острымъ краемъ горизонта. Изъ глубины водъ поднимались великолѣпными осями сотни прозрачныхъ водометовъ. Вдали *Корабликъ* какъ огромный олящій китъ. Позади насъ, къ югу и востоку, необозримая земля, хаотическое скопленіе скалъ и льдовъ, границы которыхъ мы не могли различить.

Достигнувъ вершины остроколючей горы, капитанъ Немо

тщательно измѣрилъ, съ помощью барометра, ея высоту, которую онъ долженъ былъ принять въ соображеніе при своемъ наблюденіи.

Въ двѣнадцать часовъ безъ четверти, солнце, которое до сихъ поръ было видно только вслѣдствіе преломленія лучей, показалось золотымъ дискомъ и рассыпало свои послѣдніе лучи по этому пустынному матеріку и морямъ, которыхъ еще никогда не посѣщаль человекъ.

Капитанъ Немо, снабженный зрительною трубой съ съѣтною зеркаломъ исправляющимъ дѣйствіе преломленія лучей, наблюдалъ свѣтило, которое мало-по-малу погружалось въ море, описывая очень удлиненную диагональную линію. Я держалъ хронометръ. Сердце мое сильно билось. Если минута когда половина солнечнаго диска скроется за горизонтомъ совладеть съ полднемъ хронометра, то мы у самаго полюса.

— Полдень! вскрикнулъ я.

— Южный полюсъ! отвѣчалъ капитанъ Немо неторопливымъ голосомъ, передавая мнѣ трубу, которая показывала дневное свѣтило, перерѣзанное горизонтомъ на двѣ равныя половинны.

Я смотрѣлъ какъ послѣдніе лучи увѣчали вершину, и какъ поднимавшіяся тѣни мало-по-малу ложились по ея скатамъ.

Въ эту минуту, положивъ мнѣ руку на плечо, капитанъ Немо оказалъ мнѣ:

— Въ 1600 году, Голландецъ Гериткъ, увлеченный тѣченіями и бурями достигъ 64° южной широты и открылъ Новошотландскіе острова. Въ 1773 году, 17го января, славный Кукъ, слѣдуя по тридцать восьмому меридіану, достигъ $67^{\circ}30'$ широты, и въ 1774 году, 30го января, на сто девятомъ меридіанѣ онъ достигъ $71^{\circ}15'$ широты. Въ 1819 году, Русскій Беллингаузень находился на шестьдесятъ девятомъ градусѣ широты, а въ 1821 году, на шестьдесятъ шестомъ и на 111° западной долготы. Въ 1820 году, Англичанинъ Брюсфильдъ былъ остановленъ на шестьдесятъ лятомъ градусѣ. Въ томъ же году, Американецъ Моррель, рассказы коего сомнительны, поднимаясь по сорокъ второму меридіану, вышелъ море свободнымъ подъ $70^{\circ}14'$ широты. Въ 1825 году, Англичанинъ Поуэль не могъ перейти шестьдесятъ втораго градуса. Въ томъ же году, простой охотникъ за тюленями, Англичанинъ Уэддель, поднялся до $72^{\circ}14'$ широты по тридцать лятому меридіану и до 74° и $15'$ по тридцать шестому. Въ 1829

ду Англичанинъ Форстеръ, командиръ *Чантуклира*, при-
 ялъ во владѣніе антарктической материкъ подъ $63^{\circ}26'$ широты
 и $66^{\circ}26'$ долготы. Въ 1831 году, Англичанинъ Биско (*Biscoe*)
 открылъ землю Эндерби подъ $68^{\circ}50'$ широты; въ 1832 году,
 въ февралѣ, землю Аделаиды подъ 67° широты, и 21го febbra-
 я, землю Грогама подъ $64^{\circ}45'$ широты. Въ 1838 году, Фран-
 узъ Дюмонъ-Дюрвиль, оставовленный сплошными льдами подъ
 $257'$ широты, опредѣлилъ положеніе земли Людовика-Филиппа;
 въ года слустя, 21го января, въ новомъ путешествіи на югъ
 къ назвалъ подъ $66^{\circ}30'$ землю Адела, и восемь дней слустя
 подъ $64^{\circ}40'$ берегъ Клары. Въ 1838 году, Англичанинъ Уильксъ
 достигъ шестьдесятъ девятого параллельнаго круга по со-
 му меридіану. Въ 1839 году, Англичанинъ Баллену открылъ
 землю Сабрина, на границѣ полярнаго круга. Наконецъ, въ
 842 году, 12го января, Англичанинъ Джемсъ Россъ, съ кораб-
 ами *Эребусъ* и *Терроръ*, нашелъ землю Викторію подъ $76^{\circ}56'$
 широты и $171^{\circ}07'$ долготы, 23го того же мѣсяца, онъ достигъ
 сьмьдесятъ четвертой параллели, высшаго пункта, како-
 в до тѣхъ поръ достигали; 27го, онъ находился подъ $76^{\circ}8'$,
 3го, подъ $77^{\circ}32'$; 2го febbraя, подъ $78^{\circ}4'$ и въ 1842, онъ воз-
 ратился къ сьмьдесятъ первому градусу, за который не могъ
 вѣрнати. Теперь я, капитанъ Немо, 21го марта 1868 года, я
 достигъ южнаго полюса, подъ 90° , и принимаю во владѣніе
 ту часть земнаго шара, равную одной шестой всѣхъ извѣст-
 ныхъ материковъ.

— Во имя кого, капитанъ?

— Въ мое собственное.

И говоря это, капитанъ Немо развернулъ черныи флагъ съ
 буквою N, вышитой золотомъ на его флагдукѣ. Потомъ, обра-
 щаясь къ дневному свѣтлу, послѣдніе лучи котораго ласкали
 горизонтъ моря:

— Прощай, солнце! вскричалъ онъ. — Исчезай блестящее свѣ-
 тло! Ложись за этимъ свободнымъ моремъ и пусть шестимѣ-
 сячная ночь одѣнетъ мракомъ мои новыя владѣнія!

ГЛАВА XV.

Приключеніе или прелатствіе?

На другой день, 22го марта, въ шесть часовъ утра, нача-
 лась приготовленія къ отъѣзду. Послѣдній отблескъ сумерекъ
 исчезалъ въ вочной темнотѣ. Былъ сильный холодъ. Созвѣз-

дія блистали съ удивительною ясностью. Въ зенитѣ сіялъ чуждый Южный Крестъ, эта полярная звѣзда антарктически стравъ.

Термометръ показывалъ двѣнадцать градусовъ ниже нуля свѣжій вѣтеръ рѣзалъ лицо. Лдины умножились на вою море повсюду покрывалось ими. Множество черноватыхъ и тѣхъ на его поверхности, предвѣщали скорое образование и лодаго льда. Очевидно, южный бассейнъ, замерзавшій на শেষ зимнихъ мѣсяцевъ, былъ совершенно недоступенъ. Что дѣлось съ китами въ продолженіе этого времени? Безъ сомнѣнія, они проходили подъ сплошнымъ льдомъ и улывались болѣе удобныя моря. Но тюлени и моржи, привыкшіе жить въ самыхъ суровыхъ климатахъ, оставались въ этихъ оледенелыхъ странахъ. Эти животныя по инстинкту вырываютъ ямы въ ледяныхъ поляхъ и держатъ ихъ всегда открытыми. Въ эти ямы они приходятъ дышать; когда птицы, говимыя холдомъ, улетають къ сѣверу, то эти морскіе млекопитающіе одни остаются властелинами на полярномъ материкѣ.

Между тѣмъ резервуары наполнились водою, и *Корабликъ* медленно погружался. На глубинѣ тысячи футовъ онъ остановился. Винтъ его разсѣкалъ волны, и онъ направился прямо къ сѣверу со скоростью пятнадцати миль въ часъ. Къ вечеру онъ уже плылъ подъ громаднымъ черепомъ сплошного льда.

Ставни въ окнахъ были залерты изъ предосторожности потому что корпусъ *Кораблика* могъ удариться о какую-нибудь плававшую въ водѣ ледяную глыбу. Итакъ, весь этотъ день я занимался переписываніемъ ваѣло своихъ замѣтокъ. Я всецѣло предавался воспоминаніямъ о полюсѣ. Мы достигли этого недоступнаго пункта безъ труда и опасностей, какъ будто нашъ плавающій вагонъ катился по рельсамъ желѣзной дороги. А теперь начался возвратный путь. Подаритъ ли онъ меня еще такими же неожиданностями? Я надѣялся: такъ неисчерпаемъ рядъ подводныхъ чудесъ! Однако въ продолженіи пяти съ половиною мѣсяцевъ, съ того времени какъ случай забросилъ насъ на этотъ корабль, мы уже прошли четырнадцать тысячъ льё; и сколько приключеній, необычныхъ или ужасныхъ, очаровывали насъ во время нашего путешествія на этомъ пути, длина котораго превышала длину земнаго экватора: охота въ льсахъ Крестю, невольная остановка въ Торресовомъ проливѣ, коралловое кладбище,

жемчужная лова на Цейлонѣ, арабскій тоннель, подземные огни Санторина, миллионы въ бухтѣ Ваго, Атлантида, южный полюсъ! Ночью всё эти воспоминанія, переходя отъ одного свидѣнія къ другому, совсѣмъ не давали мнѣ спать.

Въ три часа утра сильный толчокъ разбудилъ меня. Я поднялся на своей кровати и сталъ прислушиваться посреди темноты, какъ вдругъ меня внезапно отбросило на средину комнаты. Очевидно, *Корабликъ* получилъ значительный ударъ въ бокъ.

Опираясь о стѣны, я прошелъ узкими корридорами въ залу, которая освѣщалась сияющимъ потокомъ. Мебель была опрокинута. Къ счастью, витрины, крѣпко утвержденныя на ножкахъ, держались твердо. При лерембщеніи отъѣсной линіи, картины висѣвшія съ правой стороны прижались къ обоямъ, тогда какъ картины на лѣвой сторонѣ отстали отъ стѣны на цѣлый футъ нижнею частью своей рамы. Стало-быть *Корабликъ* лежалъ на правомъ боку, и, сверхъ того, былъ совершенно неподвиженъ.

Внутри его я слышалъ шумъ шаговъ и ясные звуки голоса. Но капитанъ Немо не показывался. Въ ту минуту когда я уходилъ изъ залы, туда вошли Недъ-Ландъ и Консель.

— Что случилось? спросилъ я ихъ.

— Я шелъ спросить объ этомъ васъ, отвѣчалъ Консель.

— Тысячу чертей! вскричалъ Канадецъ,—я, я хорошо знаю что! *Корабликъ* ударился, и, судя по толчку, я не думаю чтобъ онъ освободился также легко, какъ въ лервый разъ, въ Торресовомъ проливѣ.

— Но, по крайней мѣрѣ, спросилъ я, — возвратился ли онъ на поверхность моря?

— Мы этого не знаемъ, отвѣчалъ Консель.

— Въ этомъ легко убѣдиться, отвѣчалъ я.

Я взглянулъ на манометръ. Къ моему великому удивленію, онъ показывалъ глубину трехсотъ шестидесяти метровъ.

— Что же это значитъ? вскричалъ я.

— Надо спросить капитана Немо, сказалъ Консель.

— Но гдѣ его найти? спросилъ Недъ-Ландъ.

— Слѣдуйте за мной, сказалъ я своимъ товарищамъ.—Мы оставили залу. Въ библіотекѣ не было никого. Я полагалъ что капитанъ Немо долженъ находиться въ каютѣ рулевого. Надо было подождать. Мы всё трое возвратились въ залу.

Я прохожу молчаніемъ жалобы и укоризны Камада. Он могъ горячиться сколько ему было угодно. Я далъ ему волю излить дурное расположеніе духа, ничего ему не отвѣчая.

Мы просидѣли такимъ образомъ минутъ двадцать, прислушиваясь къ малѣйшему шуму раздававшемуся внутри *Кораблика*, когда въ комнату вошелъ капитанъ Немо. Казалось онъ не замѣтилъ насъ. Его обыкновенно безстрастное лицо обнаруживало нѣкоторое безлокойство. Онъ молча смотрѣлъ на компасъ, на манометръ, и указалъ пальцемъ на одну точку карты, въ той части ея гдѣ находились антарктическія моря.

Я не хотѣлъ его прерывать. Только черезъ нѣсколько минутъ, когда онъ обернулся ко мнѣ, я обратилъ противъ него его собственное выраженіе, сказанное имъ въ Торресовомъ проливѣ:

— Приключеніе, капитанъ?

— Нѣтъ, господинъ профессоръ, отвѣчалъ онъ, — на этотъ разъ несчастіе.

— Важное?

— Можетъ-быть.

— *Корабликъ* сталъ на мель?

— Да.

— И эта остановка на мели произошла?...

— Отъ каприза природы, но не отъ неумѣнья людей. Мы не сдѣлали ни одной ошибки въ своихъ маневрахъ. Однако невозможно было помѣшать равновѣсію произвести свое дѣйствіе. Можно возставать противъ законовъ людей, но нельзя противиться законамъ естественнымъ.

Странную минуту выбралъ капитанъ Немо для выраженія своихъ философскихъ размышленій. Въ сущности же, его отвѣтъ ничего мнѣ не объяснилъ.

— Могу ли я узнать, господинъ капитанъ, отчего произошло это прелютствіе?

— Огромная ледяная глыба, цѣлая гора, перевернулась, отвѣчалъ онъ мнѣ. — Когда ледяныя горы подмыты въ своемъ основаніи болѣе теплыми водами, или потрясены повторяющимися ударами, центръ ихъ тяжести поднимается. Тогда онѣ поворачиваются всею своею массою и опрокидываются, что теперь и случилось. Опрокинувшись, одна изъ этихъ массъ столкнулась съ *Корабликомъ*, который лаялъ подъ водою. Потомъ, проскользнувъ подъ его корпусомъ и приподнявъ его

въ непреодолимую силой, она увлекла его въ мѣтѣ плотные вои, гдѣ онъ и лежитъ теперь на боку.

— Но нельзя ли освободить *Корабликъ*, опорожнивъ его резервуары, для того чтобы возстановить равновѣсіе?

— Это и дѣлается теперь; господишь профессоръ. Вы можете слышать какъ дѣйствуютъ насосы. Посмотрите на стрѣлку манометра. Она показываетъ что *Корабликъ* поднимается, и ледяная глыба поднимается съ нимъ вмѣстѣ, и наше положеніе не измѣнится до тѣхъ поръ пока какое-нибудь обстоятельство не задержитъ ея восходящаго движенія.

Дѣйствительно, *Корабликъ* все еще лежалъ на правомъ боку. Безъ сомнѣнія, онъ выпрямится, когда глыба остановится сама собой. Но кто знаетъ что къ этому времени мы не толкнемся съ верхнею частью сплошнаго льда, и не будемъ страшнымъ образомъ сжаты между двумя ледяными поверхностями?

Я размышлялъ обо всѣхъ послѣдствіяхъ нашего положенія. Капитанъ Немо не переставалъ смотрѣть на манометръ. По мѣрѣ ладенія ледяной горы, *Корабликъ* поднялся почти на сто пятьдесятъ футовъ, но попрежнему образовалъ уголъ съ отвѣсною линіей.

Вдругъ, въ корпусѣ произошло легкое движеніе. Очевидно, *Корабликъ* понемногу выпрямлялся. Предметы висѣвшіе въ кабѣ замѣтно принимали опять свое нормальное положеніе. Стѣны приближались къ вертикальной линіи. Никто изъ насъ не говорилъ. Мы наблюдали съ взволнованными сердцами, и чувствовали это выпрямленіе. Полъ подъ нашими ногами становился въ горизонтальное положеніе. Прошло десять минутъ.

— Наконецъ мы стоимъ прямо! вскричалъ я.

— Да, сказалъ капитанъ Немо, направляясь къ дверямъ зады.

— Но полывемъ ли мы? спросилъ я.

— Конечно, отвѣчалъ онъ, потому что резервуары еще не опорожнены, и лишь только они будутъ пусты, *Корабликъ* долженъ будетъ подняться на поверхность моря.

Капитанъ вышелъ, и я вскорѣ увидѣлъ что, по его приказанію, *Корабликъ* былъ остановленъ и пересталъ подниматься. Дѣйствительно, онъ скоро бы ударился о нижнюю часть сплошнаго льда, и лучше было держать его среди водъ.

— Мы вовремя избѣжали опасности! сказалъ тогда Консель.

— Да. Насъ бы могло раздавить между этими ледяными глыбами, или по крайней мѣрѣ мы были бы заперты. И тогда, не имѣя возможности возобновить воздухъ.... Да! мы во время избѣжали опасности!

— Тогда бы все было кончено! прошепталъ Недъ-Ландъ.

Я не хотѣлъ начинать съ Канадцемъ бесполезнаго спора, и ничего не отвѣчалъ ему. Сверхъ того, въ эту минуту открылись ставни, и вѣтшиній свѣтъ ворвался въ свободныя стекла.

Мы были совершенно въ водѣ, какъ я уже говорилъ; но по обѣимъ сторонамъ *Кораблика*, на разстояніи десяти метровъ отъ него, поднималась ослабительная ледяная стѣна. Вверху и внизу та же стѣна. Вверху нижняя поверхность сплошнаго льда разстилалась какъ громадный потолокъ. Внизу, опрокинутая масса нашла себѣ точки опоры въ боковыхъ стѣнахъ, которыми и поддерживали ее въ этомъ положеніи. *Корабликъ* былъ заключенъ въ настоящемъ ледяномъ тоннелѣ, имѣвшемъ около двадцати метровъ въ ширину, наполненномъ спокойною водою. Стало-быть ему легко было выйти отсюда, направляясь или впередъ или назадъ, и потомъ, опустившись внизъ на нѣсколько сотъ метровъ, достигнуть свободного прохода подъ сплошнымъ льдомъ. Свѣтъ лившійся съ потолка логался, но однако зала освѣщалась чрезвычайно ярко. Ледяныя стѣны отражали свѣтъ маяка съ удивительною силой. Я не сумѣю описать какой эффектъ производили электрическіе лучи падавшіе на эти огромныя, причудливо вырѣзанныя массы, каждый уголъ, каждый край и площадка которыхъ сіяли различными переливами, смотря по свойству жилъ пересѣкавшихъ этотъ ледъ. Ослабительная коль драгоцѣнныхъ камней, и въ особенности сафировъ, голубые лучи которыхъ сливались съ зеленымъ блескомъ изумрудовъ. Тамъ и сямъ появлялись чрезвычайно нѣжныя оловяные отбѣнки, среди ярко сверкавшихъ точекъ, похожихъ на огненные брилліанты, блескъ которыхъ глазъ не могъ переносить. Сила струи электрическаго свѣта удесятерилась, подобно свѣту лампы, когда оная проходитъ сквозь выпуклыя стекла маяка.

— Какъ это хорошо! Какъ это хорошо! вскричалъ Косель.

— Да! сказалъ я,—это удивительное зрѣлище. Не правда ли, Недъ?

— Тысячу чертей! да, возразилъ Недъ-Ландъ. — Это превосходно! Я бѣшусь что принужденъ съ этимъ согласиться.

Никто не видалъ ничего подобнаго. Но за это зрѣлище мы можемъ дорого заплатиться. И если говорить правду, то я думаю что мы здѣсь видимъ такія вещи которыя Богъ желалъ скрыть отъ взоровъ людей!

Недѣль былъ правъ. Это было слухомъ хорошо. Вдругъ меня заставилъ обернуться крикъ Конселя.

— Что такое? спросилъ я.

— Пусть его милость закроетъ глаза! Его милости не слѣдуетъ смотрѣть!

Говоря это, Консель быстро закрылъ руками свои глаза.

— Но что съ тобой, мой другъ?

— Я ослѣпленъ, я лишился зрѣнія!

Глаза мои невольно обратились къ окнамъ, но я не могъ переносить пожиравшаго ихъ огня.

Я понималъ что произошло. *Корабликъ* пошелъ самымъ быстрымъ ходомъ. Спокойный блескъ ледяныхъ стѣвъ превратился теперь въ сверкающія полосы. Огни цѣлыхъ мириадъ бриллиантовъ сливались вмѣстѣ. *Корабликъ*, увлекаемый своимъ вихремъ, плылъ окруженный свѣтлою сотканною изъ молній.

Тогда ставни въ окнахъ залы закрылись. Мы закрывали руками глаза наполненные концентрическими сіяніями, которыя носятя предъ свѣтчатою оболочкой, послѣ того какъ солнечные лучи слухомъ сильно ударили въ нее. Прошло нѣкоторое время прежде чѣмъ наше разстроенное зрѣніе успокоилось.

Наконецъ мы опустили руки.

— Право, я бы никогда этому не повѣрилъ, сказалъ Консель.

— А я еще не вѣрю и теперь! возразилъ Канадецъ.

— Когда мы вернемся на землю, прибавилъ Консель, — насмотрѣвшись досыта на такія чудеса природы, что мы подумаемъ о вичтожныхъ материкахъ и всѣхъ жалкихъ созданныхъ рукъ человѣческихъ! Нѣтъ! населенный міръ недоступенъ намъ!

Такия слова въ устахъ невозмутимаго Фламандца показывають до какой степени возбужденія достигъ нашъ энтузіазмъ. Но и тутъ, Канадецъ не преминулъ подлить калюлю холодной воды.

— Населенный міръ! сказалъ онъ, покачавъ головой.— Будьте покойны, другъ Консель, мы туда не возвратимся.

Было пять часовъ утра. Въ эту минуту, въ передней части *Кораблика* произошло сотрясеніе. Я догадался что его бивень

ударилась въ глыбу льда. Это должно-быть произошло вслѣдствіе неправильнаго маневра, потому что подводный тоннель, заваленный ледяными глыбами, не былъ удобенъ для мореплаванія. Итакъ, я думалъ что капитанъ Немо, измѣнивъ свое направленіе, обойдетъ эти препятствія, или постарается обогнуть извилины тоннеля. Во всякомъ случаѣ, путь впереди насъ не могъ быть загражденъ совершенно. Однако, противъ моего ожиданія, *Корабликъ* предпринявъ рѣшительное отступленіе.

— Мы идемъ назадъ? сказалъ Консель.

— Да, отвѣчалъ я.—Должно-быть съ этой стороны тоннель не имѣетъ выхода.

— И тогда?

— Тогда, сказалъ я, — задача очень проста. Мы вернемся назадъ и выйдемъ сквозь южное отверстіе. Вотъ и все.

Говоря такимъ образомъ, я хотѣлъ казаться спокойнѣе чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, ототупленіе *Кораблика* все ускорялось, и подвигаясь заднимъ ходомъ, онъ увлекалъ насъ съ большою быстротой.

— Это будетъ задержка, сказалъ Недъ.

— Чтò значить нѣсколько часовъ раньше или позже, только бы выйти!

Я прошелся нѣсколько разъ изъ залы въ бібліотеку. Мои товарищи сидѣли молча. Вскорѣ и я бросился на диванъ, и взялъ книгу, которую сталъ машинально просматривать.

Четверть часа спустя, Консель подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Ихъ милость читаетъ что-нибудь интересное?

— Очень, отвѣчалъ я.

— Я этому вѣрю. Ихъ милость читаетъ книгу ихъ милости.

— Мою книгу?

Дѣйствительно, я держалъ въ рукахъ свой трудъ о морскихъ глубинахъ. Я и не подозревалъ этого. Закрывъ книгу, я опять началъ ходить. Недъ и Консель встали, чтобъ уйти.

— Оставайтесь, друзья мои, сказалъ я, удерживая ихъ. — Останемся вмѣстѣ до тѣхъ поръ пока выйдемъ изъ этого безвыходнаго положенія.

— Какъ вамъ будетъ угодно, отвѣчалъ Консель.

Прошло нѣсколько часовъ. Я часто посматривалъ на инструменты висѣвшіе на стѣнѣ залы. Манометръ показывалъ что *Корабликъ* держался постоянно на глубинѣ трехсотъ метровъ, компасъ—что онъ направлялся къ югу, лагъ—что онъ

шелъ съ быстротою двадцати миль въ часъ, быстротою самымъ значительною въ такомъ узкомъ пространствѣ. Но капитанъ Немо зналъ что скорость не могла быть лишнею, и что минуты стоили цѣныхъ вѣковъ.

Въ восемь часовъ и двадцать пять минутъ толчокъ повторился, на этотъ разъ въ задней части. Я поблѣднѣлъ. Мои товарищи приблизились ко мнѣ. Я схватилъ руку Конселя. Взглядомъ мы спрашивали другъ друга, и передавали одинъ другому свою мысль гораздо яснѣ чѣмъ могли это одѣлать на словахъ.

Въ эту минуту капитанъ вошелъ въ залу. Я подошелъ къ нему.

— Путь на югъ загражденъ? спросилъ я его.

— Да, господинъ профессоръ. Ледяная гора перевернулась и загородила выходъ.

— Мы залерты?

— Да.

Г Л А В А XVI.

Недостатокъ воздуха.

Итакъ, вокругъ *Кораблика*, сверху и снизу, непроницаемая ледяная стѣна. Мы были лѣтчиками сплошняго льда! Канадецъ ударилъ по столу своимъ страшнымъ кулакомъ. Консель молчалъ. Я смотрѣлъ на капитана. Лицо его приняло свое обычное, спокойное выраженіе. Онъ скрестилъ руки и размышлялъ. *Корабликъ* не двигался болѣе.

Наконецъ капитанъ заговорилъ:

— Господа, сказалъ онъ тихимъ голосомъ, — при тѣхъ условіяхъ въ которыхъ мы находимся, намъ представляется два способа умереть.

Этотъ нелюбимый человѣкъ говорилъ какъ профессоръ математики, излагающій доказательства своимъ ученикамъ.

— Вопервыхъ, продолжалъ онъ, — мы можемъ умереть раздавленными. Во вторыхъ, можемъ задохнуться. Я не говорю о возможности умереть съ голода, потому что съѣстные припасы *Кораблика* протянутся по всей вѣроятности дальше насъ. Итакъ, позаботимся о томъ чтобы отвратить и ту и другую опасность.

— Что касается удушенія, капитанъ, отвѣчалъ я, — то намъ его вѣчего бояться, потому что наши резервуары полны.

— Правда, отвѣчалъ капитанъ Немо,—но воздуха въ нихъ хватить только на два дня. А вотъ уже тридцать шесть часовъ какъ мы находимся подъ водою, и отяжелѣвшая атмосфера *Кораблика* требуетъ чтобъ ее возобновили. Черезъ сорокъ восемь часовъ запасъ нашъ истощится.

— Ну что же, капитанъ, освободимся прежде сорока восьми часовъ!

— По крайней мѣрѣ мы попытаемся это сдѣлать, прорубивъ окружающую насъ стѣну.

— Съ которой стороны? спросилъ я.

— Зондъ намъ покажетъ это. Я поставлю *Корабликъ* на ледную мель, и мои люди, одѣвшись въ скафандры, пробьютъ ледяную гору съ той стороны гдѣ она менѣе толста.

— Можно ли открыть ставни въ залѣ?

— Безъ всякаго затрудненія. Мы теперь стоимъ.

Капитанъ Немо вышелъ. Скоро я узналъ, по свисту, что вода входитъ въ резервуары. *Корабликъ* медленно опускался, и остановился на ледяной поверхности, на глубинѣ трехъсотъ пятидесяти метровъ, глубинѣ, на которой держался нижній ледяной слой.

— Друзья мои, сказалъ я,—положеніе наше затруднительно, но я разчитываю на ваше мужество и энергію.

— Господинъ профессоръ, отвѣчалъ мнѣ Канадецъ, теперь не такое время чтобъ я сталъ надѣвать вамъ свои жалобки. Для общаго спасенія я готовъ на все.

— Хорошо, Недъ, оказалъ я, протягивая Канадцу руку.

— Я прибавлю еще, возразилъ онъ, что владѣю такъ же искусно киркой какъ и острогой, и если могу быть полезнымъ капитану, то онъ можетъ располагать мной.

— Онъ не откажется отъ вашей помощи. Пойдемте, Недъ.

Я проводилъ Канадца въ комнату гдѣ матросы *Кораблика* одѣвались въ свои скафандры. Я оказалъ капитану о предложеніи Неда, и оно было принято. Канадецъ надѣлъ на себя свой морской костюмъ, и былъ готовъ вмѣстѣ съ своими товарищами по работѣ. Каждый изъ нихъ имѣлъ на спинѣ аппаратъ Рукейроля, который резервуары снабжали достаточнымъ запасомъ чистаго воздуха. Значительная, но неизбежная затрата запасовъ *Кораблика*. Что же касается до лампъ Румкорфа, то онѣ были бесполезны посреди этихъ сіявшихъ водъ, насыщенныхъ электрическими лучами.

Когда Недъ одѣлся, я вышелъ въ залу, окна которой были

открыты, и, помѣстившись рядомъ съ Комосемъ, сталъ смотрѣть на окружающіе слои, поддерживавшіе *Корабликъ*.

Нѣсколько минутъ спустя, мы увидали человѣкъ двадцать изъ людей экипажа, вышедшихъ на ледяной островъ, и между ними Недъ-Ландъ, отличавшагося своимъ высокимъ ростомъ. Капитанъ Немо былъ съ ними.

Не приступая къ прорытію стѣны, онъ велѣлъ произвести сверленіе буровомъ, съ цѣлю дать работамъ надлежащее направление. Длинные зонды проникли въ боковыя стѣны; но пройдя лятнадцать метровъ они все еще задерживались толстою стѣной. Безполезно было начинать съ верхнихъ слоевъ образовавшихся потолокъ, потому что это былъ сплошной ледъ, имѣвшій болѣе четырехсотъ метровъ вышины. Тогда капитанъ Немо попробовалъ зондировать нижній слой. Тутъ стѣна въ десять метровъ отдѣляла насъ отъ воды. Такова была толщина ледяного поля. Слѣдовательно, надо было выдолбить глыбу поверхность которой соответствовала бы грузовой линіи *Кораблика*. Такимъ образомъ предстояло отдѣлать около шести тысячъ пятисотъ кубическихъ метровъ чтобы сдѣлать отверстіе, чрезъ которое мы могли бы спуститься подъ ледяное поле.

Работа тотчасъ же началась, и производилась съ неутомимымъ упорствомъ. Вместо того чтобы вырубать вокругъ *Кораблика*, что могло повести къ большимъ затрудненіямъ, капитанъ Немо велѣлъ очертить огромную яму, въ восьми метрахъ отъ кормовой части по лѣвую сторону судна. Потомъ его люди одновременно сдѣлали винтовые нарѣзы мѣтчикомъ во многихъ мѣстахъ на ея окружности. Люди мужественно работали кирками надъ этою сплошною массой и отдѣляли отъ нея большія глыбы. Вслѣдствіе любопытнаго дѣйствія удѣльнаго вѣса, эти глыбы, менѣе тяжелыя чѣмъ вода, взлетали, такъ сказать, къ своду туннеля, который утощался сверху настолько же насколько дѣлался тоньше снизу. Но что было за дѣло до этого, если нижній слой постепенно уменьшался?

Послѣ двухчасовой усердной работы, Недъ-Ландъ пришелъ утомленный. Онъ и его товарищи были замѣнены новыми работниками, къ которымъ присоединились Консоль и я. Подшхиперъ *Кораблика* управлялъ нами.

Вода показалась мнѣ особенно холодна; но я быстро согрѣлся, работая киркой. Мои движенія были очень свободны, не смотря на то что я выдерживалъ давленіе тридцати атмосферъ.

Когда, послѣ двухчасовой работы, я возвратился, чтобы поѣсть чего-нибудь и отдохнуть, то нашелъ значительную разницу между чистымъ воздухомъ которымъ меня снабжалъ аппаратъ Рукейроля и атмосферой *Кораблика*, уже насытившейся углекислотой. Воздухъ не возобновлялся въ продолженіи сорока восьми часовъ, и его оживотворяющая сила значительно утратилась. Между тѣмъ, въ теченіе двѣнадцати часовъ, мы успѣли отколѣть только пластъ льда толщиной въ метръ, на очерченной поверхности, то-есть около шестисотъ кубическихъ метровъ. Предполагая что столько же будетъ производиться въ каждые двѣнадцать часовъ, все-таки необходимо лять ночей и четыре дня чтобы довести это предпріятіе до благополучнаго окончанія.

— Пять ночей и четыре дня! сказалъ я своимъ товарищамъ,—а нашего запаса воздуха достанетъ только на два дня.

— Не говоря уже о томъ, возразилъ Недъ, — что разъ вырвавшись изъ этой проклятой тюрьмы, мы еще будемъ находиться подъ сплошнымъ льдомъ, не имѣя никакого сообщенія съ атмосферой!

Справедливое заключеніе. Какъ предвидѣть минимумъ времени необходимаго для нашего освобожденія? Мы можемъ отдохнуть прежде нежели *Корабликъ* возвратится на поверхность волнъ? Не суждено ли ему со всѣми заключенными въ немъ погибнуть въ этой ледяной могилѣ? Положеніе казалось ужаснымъ. Но каждый смотрѣлъ ему прямо въ лицо, и всѣ рѣшились исполнять свои обязанности до конца.

Ночью, согласно съ моими предположеніями, новый пластъ льда, въ метръ толщиной, былъ вырубленъ изъ этой огромной впадины. Но когда утромъ, одѣтый въ свой скафандръ, я проходилъ въ этой жидкой массѣ, имѣвшей температуру отъ шести до семи градусовъ ниже нуля, я замѣтилъ что боковыя стѣны мало-по-малу сближались. Слой воды находившіеся далѣе отъ прорубаемаго отверстія, не согрѣтые работой людей и движеніемъ орудій, казалось, стремились отвердѣть. Въ виду этой новой грозящей опасности, на что могли опереться наши надежды на спасеніе, и какъ отвратить отвердѣніе этой жидкой стихіи, которая можетъ раздавить какъ стекло стѣны *Кораблика*?

Я не сказалъ объ этой новой опасности своимъ товарищамъ. Къ чему было убивать въ нихъ эмерию, которую они выкалывали въ трудной работѣ для спасенія судна? Но вернув-

пись на бортъ, а обратилъ вниманіе капитана Немо на это важное затрудненіе.

— Я это знаю, сказалъ онъ мнѣ своимъ спокойнымъ голосомъ, который не измѣнялся и при самыхъ ужасныхъ обстоятельствахъ. — Еще одной опасностью больше, но я не вижу возможности противодействовать ей. Остается только одно средство предупредить отвердѣніе. Мы должны опередить его. Вотъ и все.

Опередить его! Пора бы мнѣ было привыкнуть къ подобнымъ выраженіямъ!

Въ этотъ день я упорно работалъ киркой въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Эта работа поддерживала меня. Сверхъ того, работать значило уходить съ *Кораблика*, дышать чистымъ воздухомъ, полученнымъ изъ резервуаровъ и наполнявшимъ аппараты, значило покидать обдѣившую и исторченную атмосферу.

Отверстіе увеличилось еще на одинъ метръ. Вернувшись на бортъ, я чуть не задохнулся отъ углекислоты которому воздухъ былъ насыщенъ. Ахъ, отчего мы не могли уничтожить химическими способами этотъ вредный газъ! У васъ не было недостатка въ кислородѣ. Вся масса воды содержала его въ значительномъ количествѣ, и разлагая ее нашими могущественными батареями, мы могли бы возобновить этотъ животворный газъ. Я объ этомъ много думалъ, но что въ томъ пользы, если выдыхаемая нами углекислота наполнила всѣ части *Кораблика*? Чтобы нейтрализовать ее, слѣдовало наполнить приемники жидкимъ поташомъ, и постоянно приводить ихъ въ движеніе. Но этого вещества не было на кораблѣ и нечѣмъ было его замѣнить.

Въ этотъ вечеръ капитанъ Немо долженъ былъ открыть краны своихъ резервуаровъ и впускать нѣсколько струй чистаго воздуха во внутренность *Кораблика*. Безъ этой предосторожности мы не проснулись бы.

На другой день, 26го марта, я опять приваясь за ремесло рудокола, надрѣзывая пятый метръ. Боковыя стѣны и нижняя поверхность сплошнаго льда видимо утолщались. Очевидно было что онѣ сдвигаются прежде нежели *Корабликъ* успеетъ освободиться. На минуту мной овладѣло отчаяніе. Кирка едва не выпала у меня изъ рукъ. Къ чему рыть если мнѣ суждено погибнуть, быть задушеннымъ, раздавленнымъ водою, превращающеюся въ камень, подвергнуться пыткамъ которую не могла

бы изобрѣсти самая жестокость дикарей? Мнѣ казалось что я нахожусь въ страшныхъ челюстяхъ чудовища, сдвигающихся съ непреодолимою силою.

Въ эту минуту капитанъ Немо прошелъ возлѣ меня, управляя работой, работая въ свою очередь. Я дотронулся до его руки и показалъ ему на стѣны нашей тюрьмы. Стѣна съ правой стороны судна приблизилась по крайней мѣрѣ на четыре метра къ корпусу *Кораблика*.

Капитанъ понялъ меня, и сдѣлалъ мнѣ знакъ слѣдовать за нимъ. Мы вошли на бортъ. Снявъ свой скафандръ, я послѣдовалъ за нимъ въ залу.

— Господинъ Аронаксъ, сказалъ онъ мнѣ, — надо испытать какое-нибудь геройское средство, или мы будемъ замурованы въ этой отвердѣвшей водѣ.

— Да, сказалъ я, — но что дѣлать?

— Ахъ! вскричалъ онъ, — еслибы мой *Корабликъ* былъ въ состояніи выдержать это давленіе и не быть раздавленнымъ!

— Ну, что же? спросилъ я, не понимая мысли капитана.

— Развѣ вы не понимаете, возразилъ онъ, — что это замерзаніе воды оказало бы намъ помощь? Развѣ вы не видите что, отвердѣвъ, она разломала бы эти ледяныя поля заключающія насъ, какъ, замерзая, она разрываетъ самые твердые камни? Развѣ вы не чувствуете что тогда въ этой силѣ была бы для насъ не гибель, а спасеніе?

— Да, капитанъ, можетъ-быть. Но какъ бы то ни была велика сила которою обладаетъ *Корабликъ* чтобы сопротивляться ея натиску, онъ не выдержитъ этого ужаснаго давленія, и сплыветъ какъ желѣзный листъ.

— Я это знаю, господинъ профессоръ. Стало-быть мы не должны разчитывать на помощь природы, а на самихъ себя. Надо воспрелятствовать этому отвердѣнію. Надо его задержать. Не только боковыя стѣны сдвигаются, но не остается и десяти футовъ воды спереди и сзади *Кораблика*. Замерзаніе охватываетъ насъ со всѣхъ сторонъ.

— На сколько времени, спросилъ я, — достанетъ намъ воздуха резервуаровъ?

Капитанъ посмотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо.

— Послѣ завтра, сказалъ онъ, — резервуары будутъ пусты!

Меня обдало холоднымъ потомъ. И однакоже въ этомъ отвѣтѣ не было ничего удивительнаго. 22го марта *Корабликъ* погрузился въ свободныя воды полюса. Теперь было уже 26е.

Пять дней мы жили запасами корабля! А оставшійся годный для дыханія воздухъ нужно было беречь для работниковъ. Теперь, когда я пишу объ этомъ, впечатаніе еще такъ живо что невольный ужасъ овладѣваетъ всѣмъ моимъ существомъ, и моимъ легкимъ какъ будто недостаетъ воздуха.

Между тѣмъ, капитанъ Немо размышлялъ, молчаливый и неподвижный. Очевидно какая-то мысль явилась въ его умѣ. Но онъ, казалось, отталкивалъ ее. Онъ отвѣчалъ самъ себѣ отрицательно. Наконецъ такія слова сорвались съ его губъ:

— Горячая вода! прошелталъ онъ.

— Горячая вода? вскричалъ я.

— Да, господинъ профессоръ. Мы заперты въ пространствѣ относительно ограниченномъ. Развѣ струи горячей воды, постоянно выбрасываемыя насосами *Кораблика*, не могутъ повысить температуру этой среды и задержать ее замерзанія?

— Надо попробовать, сказалъ я рѣшительно.

— Попробуемъ, господинъ профессоръ.

Термометръ показывалъ тогда менѣе семи градусовъ снаружи. Капитанъ Немо повелъ меня въ кухню гдѣ дѣйствовали огромные аппараты, назначенные для перегонки воды, доставлявшіе посредствомъ испаренія годную для употребленія воду. Ихъ наполняли водою, и вся электрическая теплота батарей была направлена въ змѣевики окруженные жидкостью. Черезъ нѣсколько минутъ, вода эта достигла ста градусовъ. Ее направляли къ насосамъ, между тѣмъ какъ притоки свѣжей воды замѣняли прежнюю. Теплота развиваемая электрическими батареями была настолько сильна что только пробѣжавъ сквозь аппараты, холодная вода, почерпнутая въ морѣ, постукала въ насосы уже горячею.

Начали выкачивать воду, и черезъ три часа, термометръ показывалъ шесть градусовъ ниже нуля. Одинъ градусъ былъ выгранъ. Два часа спустя, термометръ показывалъ только четыре градуса.

— Удача, сказалъ я капитану, прослѣдивъ и провѣривъ многочисленными наблюденіями успѣхи этого процесса.

— Надѣюсь, отвѣчалъ онъ мнѣ. — Мы не будемъ раздавлены. Намъ остается бояться только удушенія.

Ночью, температура воды достигла одного градуса ниже нуля. Вспрыскиванье не могло поднять ее ни на одинъ градусъ выше. Но такъ какъ морская вода замерзаетъ не менѣе какъ

при двухъ градусахъ, то я наконецъ убѣдился что отвердѣніе не можетъ намъ грозить опасностью.

На другой день, 27го марта, шесть метровъ льда было вырублено изъ отверстія. Оставалось пробить только четыре метра. Работы оставалось еще на сорокъ восемь часовъ. Воздухъ внутри *Кораблика* не могъ больше возобновляться. Итакъ, въ этотъ день положеніе наше остановилось все хуже и хуже.

Нестерпимая тяжесть давила меня. Къ тремъ часамъ вечера, это мучительное чувство достигло высшихъ предѣловъ. Челюсти болѣли отъ зѣвоты. Мои легкія трепетали отыскивая этотъ освѣжающій, необходимый для дыханія токъ, который все болѣе и болѣе разрѣжался. Нравственное оцѣпенѣніе овладѣло мною. Я лежалъ безъ силъ, почти безъ сознанія. Мой честный Консаль, одержимый тѣми же симптомами, страдавшій тѣми же страданіями, не покидалъ меня. Онъ взялъ меня за руку, ободрялъ меня, и я еще слышалъ что онъ шепталъ:

— Ахъ! еслибы я могъ не дышать чтобы оставить больше воздуха для его милости!

Слезы навертывались у меня на глазахъ, когда я слышалъ эти слова.

Но если наше положеніе на корабль было такъ невыносимо для всѣхъ, за то съ какой поспѣшностью, съ какими наслажденіемъ, мы надѣвали скафандры, чтобы въ свою очередь работать! Удары киркой раздавались по ледяному слою. Руки уставали, кожа на нихъ трескалась; но что значила усталость, что за дѣло было до ранъ! Живительный воздухъ проникалъ въ легкія! Тутъ можно было дышать! Дышать!

И между тѣмъ, никто не продолжалъ долѣе назначеннаго времени свою подводную работу. Каждый, исполнивъ свою задачу, отдавалъ своимъ задыхающимся товарищамъ резервуаръ, который долженъ былъ влечь въ нихъ жизнь. Капитанъ Немо показывалъ примѣръ, и первый подчинялся этой строгой дисциплинѣ. Въ назначенный часъ, онъ уступалъ свой аппаратъ другому, и возвращался въ испорченную атмосферу корабля, всегда покойный, твердый и безропотный.

Въ этотъ день, привычная работа исполнялась еще съ большимъ рвеніемъ. Оставалось только вырубить два метра на всей поверхности. Только два метра отдѣляли насъ отъ свободнаго моря. Но въ резервуарахъ почти не было воздуха.

нмъ его, приносилъ онъ ей въ жертву вѣрность памяти льянника. Все эти доводы сильно противорѣчили предположенію, ни на чемъ не основанному, боящемуся высказаться. А все-таки онъ страшный человѣкъ. Словомъ, бѣдная дѣвушка могла ли она конять преступный умъ, который непрерывно толкуютъ ошибочно даже посвятившіе себя его изученію, потому что они приравливаютъ его къ обыкновенному уму обыкновенныхъ людей, тогда какъ его слѣдуетъ разсматривать какъ особое, уродливое исключеніе) бѣдная дѣвушка могла придти лишь къ одному заключенію: что онъ человѣкъ ужасный и что отъ него слѣдуетъ бѣжать.

Она была все время опорой и утѣшеніемъ Елены. Она постоянно заявляла ей твердую вѣру въ невинность ея брата и сочувствіе къ его несчастію. Но она не видала его со времени исчезновенія Эдвина, и Елена ни слова не говорила ей о томъ чувствѣ въ которомъ онъ признался мистеру Крипаркаю, хотя чувство это, придающее дѣлу особенный интересъ, стало уже общеизвѣстнымъ. Для Розы онъ былъ лишь несчастный братъ Елены, и только. Признаніе, вырвавшееся у ней предъ ненавистнымъ ей поклонникомъ, было совершенно вѣрно, хотя, какъ представлялось ей теперь, лучше было бы, еслибъ она воздержалась отъ него. При страхѣ, какой внушалъ онъ ей, умъ ея омуцающа при мысли что онъ знаетъ объ этомъ изъ ея собственныхъ устъ.

Но куда же идти? Куда-нибудь, только бы подальше отъ него. Такъ, однако, это не разрѣшаетъ вопроса. Надо подумать о какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ. Она рѣшилась отправиться къ олекуну и отправиться тотчасъ же. Чувство, которое она сообщила Еленѣ въ первую ихъ откровенную бесѣду, что нигдѣ не можетъ она отъ него укрыться, что крѣпкія стѣны монастыря не въ силахъ защитить ее отъ его преслѣдованій, это чувство такъ сильно овладѣло ею что никакими доводами разсудка не могла она успокоить себя. Завлекающій ужасъ такъ могущественно овладѣлъ ею что ей казалось будто онъ можетъ оковать ее колдовствомъ. Даже теперь, вставая одѣваться, и увидѣвъ въ окно солнечные часы, на которые онъ опирался, когда признавался ей въ любви, она похолодѣла и содрогнулась, будто онъ этимъ часамъ передалъ часть своихъ страшныхъ свойствъ.

Она наскоро написала записку къ миссъ Твинкельтоузъ, въ которой сообщала ей что явилась внезапно необходимостью пе-

медленно ловидаться съ олекуномъ, и что она отправилась к нему. Она въ то же время просила почтенную даму не тревожиться объ ней, и увѣряла что все обстоитъ благополучно. Она послѣдшне уложила нѣсколько вовсе ненужныхъ вещей въ очень маленькій мѣшечекъ, оставила записку на видномъ мѣстѣ и вышла, тихонько притворивъ за собой дверь.

Въ первый разъ очутилась она одна на большой Клайстергамской улицѣ. Но зная дорогу очень хорошо, она прямо и шла къ углу отъ котораго отправлялся омнибусъ. Онъ останавливался именно въ эту минуту.

— Остановитесь пожалуйста и дайте мнѣ мѣсто, Джо. Мне нужно съѣздить въ Лондонъ.

Черезъ минуту, она катала къ желѣзной дорогѣ, подъ покровительствомъ Джо. Добравъ до станціи, онъ тщательно усадилъ ее въ вагонъ и подалъ ей крошечный мѣшечекъ, буди это какой-нибудь громадный чемоданъ необычайной тяжести который ей ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ и пытаться поднять.

— Нельзя ли вамъ зайти, какъ вернетесь, къ миссъ Твикельтоу, Джо, и сказать ей что вы доставили меня благополучно.

— Зайду, миссъ.

— И выразите ей пожалуйста любовь мою, Джо.

— Хорошо, миссъ. Не дурно еслибы мнѣ то же самое выразили. Джо однако не вымолвилъ послѣдняго размышленія, оставивъ его про себя.

Теперь, въ самомъ дѣлѣ несясь къ Лондону, Роза могла и свободѣ предаться мыслямъ, прерваннымъ послѣдшнею Гнѣвная мысль что его призваніе въ любви залягало ее, что она можетъ очиститься отъ лята этого лишь обратившись за помощью къ честнымъ и праведнымъ, поддерживала ее въ которое время противъ опасеній и укрѣпляла въ первомъ мнѣреніи. Но по мѣрѣ того какъ смеркалось темнѣе и темнѣе когда подѣзжала она къ громадному городу ближе и ближе начали возникать въ ней сомнѣнія, обычные въ подобныхъ случаяхъ. Не дикій ли это въ сущности шагъ? Какъ посмотритъ на него мистеръ Грюгъосъ? Отыщеть ли она его въ концѣ своего лутешествія? Что дѣлать, если не застанетъ его? Что будетъ съ ней одной, въ незнакомомъ, многолюдномъ городѣ? Не лучше ли было подождать, посоветоваться? Не вернулась ли бы она теперь охотно назадъ, еслибы былъ

важно? Множество подобныхъ соображеній, накопляясь болѣе болѣе, тревожило ее. Наконецъ поѣздъ въѣхалъ въ Лондонъ надъ крышами домовъ; вблизи видѣлись грязныя улицы съ бряцущими фонарями, еще ненужными въ жаркую, свѣтлую лѣтнюю ночь.

„Гирамъ Грюгьюсъ, эсквайръ, Степль-Ивъ, въ Лондонѣ“. Вотъ все что знала Роза о цѣли своего путешествія; но это было довольно чтобы устремить ее на извожикъ по невѣроятнымъ улицамъ, гдѣ многіе люди толпились на углахъ, подышать воздухомъ, а другіе ходили, однообразно стуча ногами въ раскаленнымъ каменнымъ плитамъ, и все, и люди и обстановка, было грязно и жалко.

Мѣстамъ слышалась музыка, но она не оживляла картину. Шарманка не придавала веселости, барабанъ не заглушалъ тяжелой заботы. Какъ колокола, также кое-гдѣ звенѣвшіе въ часовняхъ, они лишь вызывали отголоски изъ камней и льды втовсюду. Что же касается духовыхъ инструментовъ, то они какъ будто надорвались, томясь по деревнѣ.

Дребезжащій извожикъ остановился наконецъ у крѣпко запертыхъ воротъ, принадлежавшихъ, повидимому, человѣку который очень рано легъ спать и весьма боится разбойниковъ. Роза, отпустивъ извожика, робко постучалась въ ворота, и сторожъ впустилъ ее вмѣстѣ съ ея крошечнымъ мѣшочкомъ.

— Здѣсь живетъ мистеръ Грюгьюсъ?

— Мистеръ Грюгьюсъ вонъ тамъ, миссъ, сказалъ сторожъ, указывая дальше во дворъ.

Роза пошла дальше, и когда на часахъ било десять, она стояла на лѣстницѣ квартиры подъ буквами Р. I. T., не понимая куда дѣвалась парадная дверь этой квартиры.

По указанію написаннаго на стѣнѣ имени мистера Грюгьюса, она пошла наверхъ и постучалась, и стучалась нѣсколько разъ, но какъ никто не являлся, и дверь мистера Грюгьюса оказалась не залертой, она вошла и увидѣла своего олекуна сидящаго на подоконникѣ у раствореннаго окна. Далеко за вѣшь, въ углу, стояла на столѣ лампа съ абажуромъ.

Роза подошла къ нему ближе въ полусвѣтѣ. Онъ увидѣлъ ее и сказалъ въ полголоса: Боже мой!

Роза со слезами бросилась ему на шею, и онъ сказалъ, обнимая ее:

— Дитя, дитя мое, я принялъ васъ за вашу мать.

— Но что же, прибавилъ онъ ласково, — что такое случилось?

Что привело васъ сюда, другъ мой? Кто привезъ васъ сю?

— Никто; я пріѣхала одна.

— Ахъ, Господи! воскликнулъ мистеръ Грюгюсъ.—Вы пріѣхали одни! Зачѣмъ же вы не написали мнѣ чтобъ я пріѣхал за вами?

— Не успѣла. Я рѣшилась вдругъ. Бѣдный, бѣдный Эдди!

— Да, бѣдный, бѣдный малый!

— Дядя его объяснился мнѣ въ любви. Я не могу этого вѣсти, сказала Роза, съ потокомъ слезъ и въ то же время топ ножкой.—Я боюсь и ненавижу его, и я пришла сюда просить васъ чтобы вы защитили меня и всѣхъ насъ отъ него.

— Защиту! вскричалъ мистеръ Грюгюсъ со внезапимъ вспышкой изумительной энергіи.—Къ чорту его!

Вслѣдъ за этою необыкновенною вспышкой, мистеръ Грюгюсъ, совершенно внѣ себя, забѣгалъ по комнатамъ, такъ что трудно было рѣшить движимъ ли онъ благороднымъ усердіемъ, или воинственнымъ духомъ.

Онъ остановился и сказалъ, отирая лицо:

— Извините меня, другъ мой. Вамъ вѣроятно пріятно услышать что я нѣсколько успокоился. Не говорите мнѣ больше теперь объ этомъ, а то я, пожалуй, опять забудусь. Вамъ надо подкрѣпиться, ободриться. Что вы кушали? Завтракъ, закуску, обѣдъ, чай, или ужинъ? Что угодно вамъ кушать теперь? Завтракъ, закуску, обѣдъ, чай, или ужинъ?

Почтительная нѣжность, съ какою онъ, стоя на одномъ колѣнѣ, помогая Розѣ снять шляпку и выпутать изъ нея кривые волосы, была истинно рыцарственная. А кто бы, судя по наружности, могъ ожидать рыцарственности, и настоящей неподдѣльной, отъ мистера Грюгюса?

— Надо позаботиться о вашемъ покоѣ, продолжалъ онъ.— у васъ будетъ лучшая комната Форнивалля. Надо позаботиться о вашемъ туалетѣ, у васъ будетъ все что можетъ достигнуть неограниченная горничная, то-есть горничная, неограниченна относительно расхода. Это мѣшокъ? онъ пристально поглядѣлъ на него: и правду сказать надо было глядѣть пристально чтобъ рассмотреть его въ полусвѣтѣ комнаты. — Это ваше имущество, другъ мой?

— Да. Это я привезла съ собой.

— Это необъемистый мѣшокъ, сказалъ мистеръ Грюгюсъ прямодушно,—но онъ какъ нельзя лучше можетъ вмѣстить и

себя дивной заласъ лица для канарейки. Можетъ-быть вы привезли съ собой канарейку?

Роза улыбулась и покачала головой.

— Еслибы привезли, я очень былъ бы радъ ей, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ,—и я думаю ей было бы пріятно висѣть на гвоздѣ за окномъ и состязаться съ нашими воробьями, у которыхъ, надо сознаться, исполненіе несомнѣнь соотвѣтствуетъ намѣренію. Это случается со многими изъ насъ. Вы, однако, не сказали что угодно вамъ кушать. Скушайте всего повемножку.

Роза поблагодарила, но отвѣтила что можетъ только выпить чашку чаю. Мистеръ Грюгьюсъ, выбѣгавшій нѣсколько разъ чтобы заказать разныя дополненія, какъ-то: мармеладъ, ища, салатъ, соленую рыбу, жареную ветчину, побѣжалъ наконецъ безъ шляпы въ гостиницу Фориваль сдѣлать свои различныя распоряженія. Вскорѣ они были выполнены и столъ накрытъ.

— Боже мой! воскликнулъ мистеръ Грюгьюсъ, ставя на него лампу и садясь противъ Розы.—Какое, однако, новое ощущеніе для стараго угловатаго холостяка!

Выразительныя брови Розы спросили его что онъ хочетъ сказать?

— Ощущеніе вашего присутствія въ моей квартирѣ, которое оцпщаетъ ее, окрашиваетъ, озлащаетъ, придаетъ ей невѣдомый блескъ, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ. — Ахъ, Боже мой! Боже мой!

Такъ какъ во вздохѣ его было что-то грустное, Роза, прикасаясь къ нему чайною чашкой, осмѣлилась прикоснуться и рукою.

— Благодарю васъ, другъ мой, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ.— Гм... Давайте разговаривать

— Вы всегда здѣсь живете? спросила Роза.

— Да, другъ мой.

— И всегда одинъ?

— Всегда одинъ. Только одного джентльмена вижу я ежедневно. Зовутъ его Бодзардъ. Онъ мой конторщикъ.

— Но онъ здѣсь не живетъ?

— Нѣтъ; онъ уходитъ къ себѣ послѣ занятій. Да теперь онъ вовсе въ отпуску. Контора находящаяся ввизу, съ которой у меня есть дѣла, прислала мнѣ на время другаго на

его мѣсто. Но было бы весьма трудно замѣнить мистера Бодзарда.

— Онъ долженъ очень любить васъ? сказала Роза.

— Если любить, такъ съ необыкновенною твердостью сдерживаетъ свое чувство, отвѣчалъ мистеръ Грюгьюсъ, подумавъ.—Но я сомнѣваюсь. Не думаю чтобъ онъ особенно былъ привязанъ ко мнѣ. Видите ли, онъ, бѣдный, недоволенъ.

— Чѣмъ онъ недоволенъ? спросила Роза весьма естественно.

— Онъ не на своемъ мѣстѣ, сказалъ таинственно мистеръ Грюгьюсъ.

Брови Розы опять приняли недоумѣвающее, вопросительное выраженіе.

— До такой степени не на своемъ мѣстѣ, продолжалъ мистеръ Грюгьюсъ, — что я всегда какъ-то совѣщусь предъ нимъ. И онъ сознаетъ, хотя и не говоритъ, что я имѣю право совѣститься.

Мистеръ Грюгьюсъ дошелъ до такой таинственности что Роза уже не знала какъ продолжать разговоръ. Пока онъ объ этомъ думала, мистеръ Грюгьюсъ вдругъ во второй разъ воскликнулъ:

— Давайте разговаривать! Мы говорили о Бодзардѣ. Это секретъ, да еще секретъ мистера Бодзарда, но ваше милостивое присутствіе за моимъ столомъ сдѣлало меня до такой степени болтливымъ что я не могу не сообщить вамъ его, подъ глубочайшею тайной. Какъ вы думаете что сдѣлалъ мистеръ Бодзардъ?

— Ахъ Господи! вскричала Роза, подвигаясь ближе и невольно вспоминая Джаспера.—Надѣюсь, ничего ужаснаго?

— Онъ написалъ драму, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ торжественнымъ шелотомъ.—Трагедію.

Роза, повидимому, значительно успокоилась.

— И никто, продолжалъ мистеръ Грюгьюсъ тѣмъ же тономъ,—ни подъ какимъ видомъ не хочетъ ставить ее на сцену.

Роза задумалась и тихо покачивала головой, какъ будто говоря: „бываетъ. И зачѣмъ это бываетъ?“

— Вотъ видите ли, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ.—Я не могъ бы написать трагедію.

— Даже дурную? спросила Роза наивно, опять приводя брови въ движеніе.

— Нѣтъ. Еслибъ я былъ приговоренъ къ смертной казни, и готовились бы отрубить мнѣ голову, и явился бы нарочный

объявить прощенье обвиненному Грюгьюсу съ тѣмъ чтобъ онъ написалъ драму, я былъ бы принужденъ опять положить голову на плаху и просить палача приступить къ концу,—то есть, заключилъ мистеръ Грюгьюсъ, проводя себѣ пальцемъ по горлу,—вотъ къ этому концу.

Роза какъ будто размышляла что сдѣлала бы она въ такомъ непріятномъ положеніи.

— Поэтому, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ,—Бодзардъ во всякомъ случаѣ чувствовалъ бы превосходство свое надо мною, а теперь, какъ я его хозяинъ, дѣло становится еще болѣе неладно.

Мистеръ Грюгьюсъ серьезно покачалъ головой, будто чувствовалъ себя виновнымъ что сѣлъ не въ свои сани.

— Какъ же вы сдѣлались его хозяиномъ? спросила Роза.

— Весьма естественный вопросъ, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ.—Давайте разговаривать. Отецъ мистера Бодзарда, норфолкскій фермеръ, свирѣло сталъ бы отмахиваться цѣломъ, шлами, и всякимъ земледѣльческимъ орудіемъ годнымъ для воинственныхъ цѣлей, еслибъ узналъ что сынъ его написалъ драму. Поэтому сынъ, доставляя мнѣ арендную плату отца, которую я получаю, сообщилъ мнѣ свой секретъ, и объяснилъ что намѣренъ слѣдовать своему генію, но что это подвергло бы его опасности умереть съ голоду, а что для этого онъ не созданъ.

— Для того чтобы слѣдовать своему генію?

— Нѣтъ, мой другъ, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ,—для того чтобъ умереть съ голоду. Невозможно было отрицать что мистеръ Бодзардъ не созданъ для голодной смерти; а затѣмъ мистеръ Бодзардъ выразилъ желаніе чтобъ я оградилъ его отъ участи столь не соответствующей его природѣ. Такимъ образомъ мистеръ Бодзардъ сдѣлался моимъ конторщикомъ. И онъ это глубоко чувствуетъ.

— Я рада что онъ благодаренъ вамъ, сказала Роза.

— Я не совсѣмъ то хотѣлъ сказать, другъ мой. Я хотѣлъ сказать что онъ чувствуетъ униженіе. Мистеръ Бодзардъ познакомился съ нѣсколькими другими геніями, также пишущими трагедіи которыхъ никто ни подъ какимъ видомъ не хочетъ ставить на сцену, и эти избранные умы посвящаютъ другъ другу свои творенія для взаимнаго прославленія. Мистеръ Бодзардъ получилъ одно такое посвященіе. А мнѣ, видите ли, не была посвящена ни одна трагедія.

Роза поглядѣла на него такъ какъ будто въ ея глазахъ онъ стоилъ тысячи подобныхъ посвященій.

— А это олять таки, очень естественно, коробить мистера Бодзарда, оказалъ мистеръ Грюгюсъ.

— Онъ иногда со мною очень рѣзокъ; тогда я сознаю что онъ размышляетъ: „эта тулица—мой хозяинъ! Человѣкъ который не могъ бы написать драму подъ страхомъ смертной казни, и которому никто не посвящалъ трагедіи съ лестными отзывами о высокомъ положеніи какое займетъ онъ въ потомствѣ!“ Очень тяжело! Очень тяжело! Впрочемъ, дѣлая мои распоряженія, я обдумываю напередъ: можетъ-быть это ему не понравится, а вотъ это можетъ-быть покажется ему оскорбительнымъ. Такъ мы ладимъ отаичво. Лучше, право, чѣмъ можно бы ожидать.

Трагедія эта имѣетъ названіе? спросила Роза.

— Между нами, она названа очень ксгати *Жало неизвѣстности*. Но мистеръ Бодзардъ надѣется, и я надѣюсь что она появится наконецъ.

Нетрудно было понять что мистеръ Грюгюсъ такъ распространялся о Бодзардѣ столько же для развлечения ума своей литомпцы отъ причины бѣгства ея къ нему, сколько изъ собственного желанія быть разговорчивымъ.

— А теперь, мой другъ, сказалъ онъ,—если вы не слишкомъ устали и не боитесь что это васъ разстроитъ, разкажите мнѣ поподробнѣе что случилось сегодня. Я лучше обдумаю это за ночь.

Роза, совершенно усложившаяся, передала ему разговоръ свой съ Джасперомъ. Мистеръ Грюгюсъ часто гладилъ себѣ голову, и просилъ повторить слова относящіяся къ Невиллу и Еленѣ. Когда Роза кончила, онъ сидѣлъ нѣкоторое время молча, въ серьезномъ раздумьи.

— Разказъ ясенъ, замѣтилъ онъ наконецъ,—и надѣюсь ясно запечатлѣлся здѣсь. Онъ олять погладилъ себѣ голову.—Вотъ, мой другъ, онъ подвелъ ее къ отворенному окну, вотъ гдѣ они живутъ. Видите тѣ темныя окна?

— Мнѣ можно пойти завтра къ Еленѣ? спросила Роза.

— Мнѣ бы хотѣлось обдумать это за ночь, сказалъ онъ со-мнительно.—А пока, позвольте отвести васъ на покой; онъ долженъ быть нуженъ вамъ.

Съ этими словами, мистеръ Грюгюсъ помогъ ей олять надѣть шляпу и повѣсилъ себѣ на руку крошечный мѣшечекъ, ни на что рѣшительно негодный, и повелъ ее за руку съ нѣ-

котором торжественною вежливостью, будто собирался прогнать мигуэтъ, черезъ Гольборнъ, въ гостиницу Форнивалъ. У двери гостиницы, онъ передалъ ее съ рукъ на руки неограниченной горничной, и сказалъ что подождетъ внизу пока она осмотритъ комнату, на случай что она пожелаетъ другую, или что ей что-нибудь понадобится.

Комната Розы была просторна, чиста, удобна, почти весьма. Неограниченная горничная припасла все чего не было въ крошечномъ мѣшечкѣ, то-есть все что могло потребоваться, и Роза обѣжала съ высокой лѣстницы поблагодарить олекуна за добрую и предусмотрительную заботливость объ ней.

— Не за что, другъ мой, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ, необыкновенно довольный.—Я, напротивъ, благодарю васъ за вашу милую довѣрчивость и ваше милое общество. Завтракъ подадутъ вамъ въ небольшой уютной комнаткѣ (какъ нарочно для васъ устроенной), а я приду къ вамъ въ десять часовъ утра. Надѣюсь, вы не стоскуетесь въ этомъ незнакомомъ вамъ мѣстѣ?

— О нѣтъ, я здѣсь чувствую себя въ безопасности.

— Да. Вы можете быть увѣрены что лѣстницы негараемы, и что огонь тотчасъ былъ бы замѣченъ и остановленъ сторожами, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ.

— Я не то разумѣла, отвѣчала Роза.—Я чувствую себя здѣсь въ безопасности отъ него.

— Доступъ къ вамъ прегражденъ ему крѣпкими желѣзными воротами, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ, улыбаясь.—Форнивалъ встаремъ, и я живу рядомъ.

Въ рыцарскомъ духѣ своемъ, онъ, ловидимому, считалъ послѣднее обстоятельство совершенно достаточнымъ чтобы разсѣять всякія опасенія. Въ томъ же духѣ онъ сказалъ привратнику, уходя:

— Еслибы кто-нибудь желалъ послать изъ гостиницы черезъ улицу, золотой будетъ готовъ у меня посланному.

Въ томъ же духѣ онъ прохаживался около часу предъ желѣзными воротами, не безъ заботливости поглядывая сквозь ихъ рѣшетку, какъ будто онъ посадилъ голубку на высокую нащестку въ львиной клеткѣ, и опасается какъ бы она не свалилась.

Г Л А В А XXI.

Встрѣча.

Ночью ничего не случилось что могло бы встревожить утреннюю голубку, и голубка встала бодрая утромъ. Когда би

до десяти часовъ, вмѣстѣ съ мистеромъ Грюгьюсомъ явился мистеръ Крисларкъ, вынырнувшій разомъ изъ клойстергамской рѣки.

— Миссъ Твинкельтонъ такъ безлокоплась объ васъ, миссъ Роза, объяснилъ онъ,—и пришла къ матушкѣ съ вашею запиской въ такомъ изумленіи что, для успокоенія ея, я вызвался съѣздить сюда съ первымъ утреннимъ поѣздомъ. Я сначала жалѣлъ что вы не обратились ко мнѣ, но теперь мнѣ кажется что вы избрали лучший путь, прибѣгнувъ къ своему олекуну.

— Я объ васъ думала, отвѣчала ему Роза, — но уголокъ младшихъ канониковъ такъ близко отъ него....

— Понимаю. Весьма естественно.

— Я передалъ мистеру Крисларкю все что вы сообщили мнѣ вчера вечеромъ, другъ мой, сказалъ мистеръ Грюгьюсъ.— Разумѣется, я бы тотчасъ же написалъ ему объ этомъ, но пріѣздъ его какъ нельзя болѣе умѣстенъ. Пріѣхать такъ скоро съ его стороны особенно любезно, потому что онъ только что предъ тѣмъ уѣхалъ отсюда.

— Вы порѣшили, спросила Роза, обращаясь къ обоимъ,— что слѣдуетъ сдѣлать для Елены и ея брата?

— Признаюсь, отвѣчалъ мистеръ Крисларкъ,— я въ большомъ затрудненіи. Если мистеръ Грюгьюсъ, болѣе опытный чѣмъ я, и успѣвшій обдумать дѣло за ночь, недоумѣваетъ, такъ я ужъ и подавно.

Тутъ неограниченная горничная, постучавшись и получивъ позволеніе войти, появилась въ дверяхъ съ увѣдомленіемъ что какой-то джентльменъ желаетъ сказать лару словъ другому джентльмену, по имени Крисларкъ, если таковой здѣсь находится. Если же нѣтъ, то извиняется въ своей ошибкѣ.

— Крисларкъ здѣсь налицо, отозвался младшій каноникъ,— но занятъ въ эту минуту.

— Этотъ джентльменъ черноволосый? вмѣшалась Роза, отступая къ олекуну.

— Нѣтъ, миссъ, скорѣе темнорусый.

— Вы увѣрены что у него волосы не черные? спросила Роза, ободряясь нѣсколько.

— Совершенно увѣрена, миссъ. Темнорусые волосы и голубые глаза.

— Можетъ-быть, замѣтилъ мистеръ Грюгьюсъ съ обычною осторожностью своей,— было бы не лишнее ловидаться съ

нимъ, если вы противъ этого ничего не имѣете. Находясь въ затрудненіи, никогда не знаешь гдѣ можетъ открыться исходъ. У меня правило не заграждать никакаго пути, а принимать во вниманіе всё какіе могутъ представиться. Я могъ бы разказать по этому поводу анекдотъ, но полагаю что было бы преждевременно.

— Въ такомъ случаѣ, если миссъ Роза позволить, пусть этотъ джентльменъ войдетъ, сказалъ мистеръ Криспарклъ.

Джентльменъ вошелъ; извинился со скромнымъ прямоушіемъ что помѣшалъ, и потомъ, улыбаясь, обратился къ мистеру Криспарклю съ неожиданнымъ вопросомъ:

— Кто я такой?

— Вы тотъ джентльменъ который курилъ подъ стелъ-ивскими деревьями, когда я проходилъ нѣсколько минутъ тому назадъ.

— Вѣрно. Тутъ я видѣлъ васъ. Но кто же я?

Мистеръ Криспарклъ сосредоточилъ вниманіе свое на красивомъ, весьма загорѣломъ лицѣ. И словно призракъ давно пропавшаго мальчика сталъ смутно и медленно возникать предъ нимъ.

Незнакомецъ увидѣлъ мелькавшій на лицѣ младшаго каноника проблескъ воспоминанія и, улыбаясь, проговорилъ:

— Чѣмъ намѣрены вы завтракать сегодня? Ветчина вся вышла.

— Пойдите! вскричалъ мистеръ Криспарклъ, поднимая правую руку.—Дайте мнѣ еще минуточку... Тартаръ!

Они весьма горячо пожали другъ другу руки и затѣмъ—дѣло необычайное для Англичанъ—положили другъ другу руки на плечи, радостно глядя въ лицо одинъ другому.

— Школьный товарищъ мой! сказалъ мистеръ Криспарклъ.

— Мой школьный старшій! сказалъ мистеръ Тартаръ.

— Вы слали меня какъ я тонулъ, сказалъ мистеръ Криспарклъ.

— И, помните, вы съ тѣхъ поръ пристрастились къ плаванію, сказалъ мистеръ Тартаръ.

— Слава Тебѣ, Господи! сказалъ мистеръ Криспарклъ.

— Аминь! сказалъ мистеръ Тартаръ.

Затѣмъ они олять принялись съ жаромъ пожимать другъ другу руки.

— Вообразите, воскликнулъ мистеръ Криспарклъ съ сіяющими глазами,—миссъ Роза Бадъ и мистеръ Грюгьюсъ,—во-

образите что мистеръ Тартаръ, еще маленькій первоклассникъ, вырнулъ за мной, старымъ, тяжелымъ школяромъ, схватилъ меня за волосы и полпылъ со мною къ берегу, какъ водяной исподлинъ.

— И вообразите что я не далъ ему утонуть потому что онъ былъ мой старшій, сказалъ мистеръ Тартаръ.— Въ сущности, дѣло-то въ томъ что онъ былъ лучшимъ защитникомъ моимъ и другомъ, и приносилъ мнѣ болѣе пользы чѣмъ всѣ учителя вмѣстѣ взятые. Вотъ мною и овладѣло неразумное стремленіе вытащить его или утонуть вмѣстѣ съ нимъ.

— Гм... Позвольте мнѣ, милостивый государь, имѣть честь, заговорилъ мистеръ Грюгюсъ.— Ибо познакомиться съ вами въ моихъ глазахъ честь великая... Надѣюсь, вы не простудились. Надѣюсь, излишній пріемъ воды не причинилъ вамъ вреда? Какъ чувствовали вы себя съ тѣхъ поръ?

Вовсе неясно было сознаеть ли мистеръ Грюгюсъ что говорить, хотя онъ очевидно хотѣлъ сказать что-то весьма любезное и лестное.

„О! слабы Богъ послалъ такую помощь моей матери!“ думала Роза. „Столько смѣлости и искусства въ такомъ слабомъ еще мальчикѣ!“

— Не желаю комплиментовъ; благодарю васъ; но кажется мнѣ пришла мысль... возвѣстилъ мистеръ Грюгюсъ, пробѣжавшись раза два по комнатѣ, такъ неожиданно и оригинально что всѣ на него уставились, недоумѣвая удуть ли сдѣялось съ нимъ или судорога. — *Кажется*, мнѣ пришла мысль. Я, помнится, имѣлъ удовольствіе видѣть имя мистера Тартара на двери верхней квартиры рядомъ съ верхнею угловою квартирой?

— Дѣйствительно, отозвался мистеръ Тартаръ,— вы не ошиблись.

— Я не ошибся, сказалъ мистеръ Грюгюсъ.— Это разъ. Онъ загнулъ большой палецъ лѣвой руки пальцемъ правой.— Неизвѣстно ли вамъ, можетъ-быть, имя сосѣда вашего въ угловой квартирѣ? Онъ подошелъ очень близко къ мистеру Тартару чтобы, при близорукости своей, хорошенько разглядѣть его лицо.

— Ландельсъ.

— Это два!— Мистеръ Грюгюсъ опять пробѣжался по комнатѣ и вернулся.— Лично вы, полагаю, не знакомы съ нимъ?

— Мало, но знакомъ.

— Это три!—Олять мистеръ Грюгюсъ пробѣжался по комнатамъ и вернулся. — А какъ вы знакомы съ нимъ, мистеръ Тартаръ?

— Онъ мнѣ показался юношей хворымъ, я и попросилъ у него позволенія, не далѣе какъ дня два тому назадъ, дѣлаться съ нимъ моими цвѣтами, то-есть расширить цвѣтникъ мой до его оконъ.

— Не угодно ли вамъ присѣсть? сказалъ мистеръ Грюгюсъ. — Мнѣ пришла мысль.

Всѣ ловиновались. Мистеръ Тартаръ тѣмъ съ большею готовностью что рѣшительно не понималъ въ чемъ дѣло. Мистеръ Грюгюсъ, усѣвшись посрединѣ и опершись руками на колѣни, такъ изложилъ свою мысль, по обычаю, словно заученный урокъ.

— Я не считаю пока благоразумнымъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, возстановить прѣжнія сношенія между прекраснымъ членомъ присутствующаго общества и мистеромъ Невилемъ, или миссъ Еленой. Мнѣ достоверно извѣстно что одинъ мѣстный другъ нашъ (которому позволю себѣ мимоходомъ отъ души произнести проклетіе, съ разрѣшенія моего достопочтеннаго друга) бродитъ здѣсь и шныряетъ взадъ и впередъ. Если не самъ онъ бродитъ, такъ у него можетъ быть здѣсь агентъ въ лицѣ сторожа, привратника или какого-нибудь другаго служителя въ Стелль-Инъ. Съ другой стороны, миссъ Роза весьма естественно желаетъ видѣть свою подругу, и было бы, кажется, полезно, еслибы миссъ Елена, а черезъ нея пожалуй и братъ ея, узнали частнымъ образомъ отъ самой миссъ Розы что случилось и какія угрозы были произнесены. Согласно ли общество съ моими воззрѣніями?

— Я совершенно согласенъ, сказалъ мистеръ Криспарклъ, слушавшій очень внимательно.

— И я, безъ сомнѣнія, согласился бы, добавилъ мистеръ Тартаръ, улыбаясь, — еслибы только понималъ въ чемъ дѣло.

— Не будемъ торопиться, милостивый государь, сказалъ мистеръ Грюгюсъ.—Мы сейчасъ, съ вашего позволенія, все объяснимъ вамъ въ подробности. Итакъ, если мѣстный другъ нашъ имѣетъ здѣсь агента, то очевидно агентъ этотъ можетъ быть присвоенъ наблюдать только за квартирой мистера Невилля. По его увѣдомленіямъ, мѣстный другъ нашъ, шныряющій взадъ и впередъ, можетъ, на основаніи личныхъ свѣдѣній своихъ, знать кто бываетъ у мистера Невилля. Нельзя при-

ставить человека наблюдать за всѣмъ Стелль-Иномъ и слѣдить за посѣтителями другихъ квартиръ; развѣ, можетъ-быть, моей.

— Я начинаю понимать къ чему вы ведете, сказалъ мистеръ Крисларкль, — и весьма одобряю вашу осторожность.

— Нечего говорить что я все еще не понимаю зачѣмъ и для чего, сказалъ мистеръ Тартаръ, — но и я однако соображаю къ чему кловите вы рѣчь, и поэтому заявляю прямо что моя квартира въ вашемъ распоряженіи.

— Вотъ! воскликнулъ мистеръ Грюгюсъ, глядя себѣ голову съ торжествующимъ видомъ.

— Теперь всѣмъ намъ пришла одна мысль. И вамъ также, другъ мой, не правда ли?

— Кажется, отвѣтила Роза, слегка краснѣя, когда мистеръ Тартаръ быстро взглянулъ на нее.

— Вотъ видите ли, вы отправляетесь въ Стелль-Инь съ мистеромъ Крисларклемъ и мистеромъ Тартаромъ, сказалъ мистеръ Грюгюсъ, — а я хожу по своимъ дѣламъ одинъ, по обыкновенію; вы поднимаетесь съ этими господами въ квартиру мистера Тартара; вы заглядываете въ цѣвтникъ мистера Тартара; вы ждете тутъ пока появится миссъ Елена, или вы даете ей знать о своемъ присутствіи, и бесѣдуете съ ней на свободѣ, и ни одинъ шпионъ ничего не можетъ замѣтить.

— Я только боюсь... начала Роза.

— Чего, другъ мой? спросилъ мистеръ Грюгюсъ, когда она замаялась. — Неужели вамъ будетъ страшно?

— Нѣтъ, сказала Роза застѣнчиво, — я боюсь стѣснить мистера Тартара. Мы такъ безцеремонно присвоиваемъ себѣ его квартиру.

— Увѣряю васъ, отозвался мистеръ Тартаръ, — что она получитъ въ глазахъ моихъ новую цѣву, съ той минуты какъ послышится въ ней вашъ голосъ.

Не зная хорошенько что на это сказать, Роза опустила глаза, и обращаясь къ мистеру Грюгюсу, спросила покорно: не надѣвать ли ей шляпу. Мистеръ Грюгюсъ выразилъ мнѣніе что это было бы весьма умѣстно, и она удалилась съ этою цѣвью. Мистеръ Крисларкль воспользовался случаемъ сообщить мистеру Тартару вкратцѣ о бѣдствіяхъ постигшихъ Невиля и его сестру. Времени на это оказалось достаточно, ибо шляпу потребовалось почему-то особенно тщательно приладить.

Мистеръ Тартаръ подалъ руку Розѣ, а мистеръ Криспарклъ пошелъ одинъ впередъ.

„Бѣдный, бѣдный Эдди!“ думала Роза идя.

Мистеръ Тартаръ размахивалъ правою рукою и наклонялъ голову къ Розѣ, оживленно разговаривая съ ней.

„Голова эта не такъ была сильна и не такъ загорѣла, когда онъ спасъ мистера Криспаркла, думала Роза, но должно-быть она и тогда была уже достаточно крѣпка.“

Мистеръ Тартаръ сказалъ ей что онъ былъ морякомъ и странствовалъ то тутъ, то тамъ, долгіе годы.

— Когда вы опять идете въ море? спросила Роза.

— Никогда.

Роза спрашивала себя что сказали бы подруги, еслибы видѣли какъ идетъ она по широкой улицѣ подъ руку съ морякомъ. И ей представлялось что она должна казаться прохожимъ очень слабою и ничтожною въ сравненіи съ сильнымъ мужчиною, который могъ бы подхватить ее на руки и унести, не останавливаясь, далеко, далеко отъ всякой опасности. Ей думалось также что его дальнозоркіе голубые глаза привыкли видѣть оласвость еще издали и безтрепетно слѣдить за постепеннымъ приближеніемъ ея. Тутъ она подняла на него свои глаза, и ей показалось что онъ думаетъ что-то о нихъ.

Это немного смутило Розу; отъ этого можетъ-быть она и не знала хорошенько вполслѣдствіи какъ поднялась она съ помощію мистера Тартара въ его воздушный садъ и очутилась вдругъ словно въ какой-то волшебной, цвѣтущей странѣ. Да цвѣтетъ она вѣчно!

Г Л А В А XXII.

Дѣла начинаютъ путаться.

Квартира мистера Тартара была самая опрятная, уютная, благоустроенная изъ всѣхъ квартиръ существующихъ подъ солнцемъ, луною и звѣздами. Полы были такъ отлично натерты что можно было предположить что лондонская копоть покинула насъ и удалилась изъ страны навсегда. Каждый вершокъ мѣди во владѣніяхъ мистера Тартара былъ вычищенъ до того что сіялъ какъ зеркало. Ни одно пятнышко, ни одна пылинка не пятнала чистоты хозяйственныхъ ложитковъ мистера Тартара, большихъ, малыхъ и среднихъ. Его гостиная подобна была адмиральской каютѣ; его купальня подобна была

молочной; его спальня, вся обставленная шкалчиками и ящиками, была подобна лавкѣ зеленщика, и уютная койка его посрединѣ слегка покачивалась, словно дышала. Все принадлежащее мистеру Тартару имѣло свое определенное мѣсто: плавань и картамъ отведено было одно, книгамъ другое, щеткамъ третье, салогамъ четвертое, платьямъ пятое, стклянкамъ шестое, телескопамъ и другимъ инструментамъ седьмое. Все было подъ рукой. Полки, стойки, ящики, крючки были прилажены такъ чтобы занимать какъ можно менѣе мѣста и соответствовать какъ можно лучше своему назначенію. Блестящій столовый приборъ такъ разставленъ былъ въ буфетѣ что валяющаяся ложка тотчасъ бросилась бы въ глаза. Туалетныя принадлежности его были такъ расположены что неприятная зубочистка была бы замѣтна съ перваго взгляда. Точно такъ же и рѣдкости, привезенныя имъ изъ разныхъ путешествій. Набитыя, высушенныя, вычищенныя, или иначе сохраненныя, смотря по ихъ свойствамъ, птицы, рыбы, змѣи, оружіе, одежды, раковины, травы, кораллы были расположены по своимъ мѣстамъ, и лучше мѣста нельзя было бы найти для каждаго предмета отдѣльно. Можно было подумать что краска и лакъ постоянно держатся гдѣ-то наготовѣ чтобы сладить слѣдъ прикосновенія, на чемъ бы ни обнаружился онъ въ квартирѣ мистера Тартара. Ни одинъ военный корабль не содержался чище и аккуратнѣе. Въ этотъ ясный лѣтній день, опрятный шатеръ раскинутъ былъ надъ цвѣтникомъ, какъ одинъ только морякъ могъ раскинуть его. На всемъ былъ отпечатокъ мореходства, и можно было подумать что цвѣтникъ этотъ украшаетъ окна корабельной каюты и что все это лопыветъ, если только мистеръ Тартаръ приставитъ къ губамъ трубу, висящую въ углу, и крикнетъ зычнымъ голосомъ: лодымай якорь, живѣе, и раслускай паруса!

Мистеръ Тартаръ, принимая гостей, соответствовалъ всей обстановкѣ. Когда у человѣка безвредный конекъ, никого не брыкающій, то пріятно видѣть какъ онъ ѣздитъ на немъ, сознавая смѣшную сторону этого конька. Если это человѣкъ прямой и серьезный отъ природы, и къ тому же бодрый и живой, то едва ли конекъ не служить ему украшеніемъ. Такъ и Роза естественно нашла бы, даже еслибъ ее не провели по кораблю со всѣмъ почетомъ, подобающимъ первой дамѣ адмиралтейства, что очень пріятно видѣть и слышать какъ мистеръ Тартаръ на половину смѣется, на половину радуется

своимъ затѣямъ. Розѣ, естественно, очень понравился бы загорѣлый морякъ, когда окончивъ осмотръ квартиры онъ деликатно удалился изъ своей адмиральской каюты, прося Розу считать себя ея властительницей и приглашая ее жестомъ руки, державшей въ себѣ нѣкогда жизнь мистера Криспаркля, распорядиться цѣтвицомъ.

— Елена! Елена Ландлесь! Вы здѣсь?

— Кто зоветъ меня? Неужели Роза?

И является другое красивое лицо.

— Да, милая!

— Какъ же вы попали сюда, душа моя?

— Я сама хорошенько не знаю, сказала Роза и покраснѣла.—
Можетъ-быть я во снѣ.

Зачѣмъ она покраснѣла? Лица ихъ были одинаковы съ прочими цвѣтами. Ужъ не принадлежитъ ли этотъ румянецъ къ людямъ магической страны?

— Я-то не во снѣ, сказала Елена, улыбаясь.—Какъ же мы встречаемся такъ близко и такъ неожиданно?

Дѣйствительно, встрѣча неожиданная, посреди заколченныхъ карнизовъ и трубъ окрестностныхъ домовъ и среди цвѣтовъ, возникшихъ изъ соленого моря. Роза однако, на яву, разказала послѣдшне какъ онѣ сошлись, со всѣми обстоятельствами и побудительными причинами.

— И мистеръ Криспаркль здѣсь, прибавила она въ заключеніе.—И, повѣрите ли? Онъ спасъ ему жизнь.

— Я всему такому повѣрю о мистерѣ Криспарклѣ, отозвалась Елена съ румянцемъ на лицѣ. (Опять румянецъ волшебной страны.)

— Да вѣдь не мистеръ Криспаркль, сказала Роза, быстро вставляя поправку.

— Я не понимаю, душа моя.

— Очень мило со стороны мистера Криспаркля что онъ далъ сласти себя, и онъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ высказалъ высокое мнѣніе свое о мистерѣ Тартарѣ. А спасъ его мистеръ Тартаръ.

Темные глаза Елены поглядѣли очень серьезно на веселое личико между листьями, и она спросила болѣе тихимъ и задумчивымъ голосомъ:

— Мистеръ Тартаръ теперь съ вами, другъ мой?

— Нѣтъ. Онъ уступилъ свои комнаты мнѣ... то-есть намъ. Здѣсь такъ хорошо!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Словно внутренность самаго красиваго корабля. Словно---

— Сонъ, добавила Елена.

Роза въ отвѣтъ слегка кивнула, и стала нюхать цвѣты.

Елена заговорила опять послѣ короткаго молчанія, въ продолженіе котораго она какъ будто съ сожалѣніемъ думала съ комъ-то.

— Мой бѣдный Невилъ читаетъ въ эту минуту въ своей комнатѣ, такъ какъ солнце слишкомъ ярко свѣтитъ на этой сторонѣ. Я думаю ему лучше не говорить что вы такъ близко.

— Я такъ же думаю! вскричала Роза послѣшню.

— Мнѣ кажется, продолжала Елена съ сомнѣніемъ,—ему надо будетъ передать все что вы мнѣ сообщили, но я не знаю навѣрное. Посовѣтуйтесь съ мистеромъ Крисларклемъ, милая. Спросите его можно ли мнѣ разказать изъ этого Невилу столько сколько я сама сочту нужнымъ.

Роза удалилась въ свою каюту и предложила вопросъ. Младшій каноникъ считалъ умѣстнымъ предоставить Еленѣ дѣйствовать по усмотрѣнію.

— Я ему очень благодарна, сказала Елена, когда Роза явилась опять съ отвѣтомъ.—Спросите его не подождать ли пока обнаружатся новыя козни противъ Невила со стороны этого негодая, или лучше постараться предупредить ихъ, то есть по крайней мѣрѣ удостовѣриться не ведутся ли теперь вокругъ насъ какія-нибудь темныя махинаціи.

Младшій каноникъ нашелъ до такой степени труднымъ рѣшить этотъ вопросъ что, послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ попытокъ, предложилъ посовѣтоваться съ мистеромъ Грюгьюсомъ. Елена изъявила согласіе, и онъ отправился, весьма неловко притворяясь равнодушнымъ прохожимъ, въ квартиру подъ буквами P. I. T., и изложилъ въ чемъ дѣло. Мистеръ Грюгьюсъ твердо стоялъ на томъ вообще что если можно опередить разбойника или дикаго звѣря, то слѣдуетъ это сдѣлать; а въ частности онъ твердо стоялъ на томъ что Джонъ Джасперъ и разбойникъ, и дикій звѣрь вмѣстѣ.

Получивъ такое наставленіе, мистеръ Крисларкъ вернулся и передалъ его Розѣ, а она, въ свою очередь, передала Еленѣ. Елена же, преслѣдуя у окна своего нить своихъ мыслей, начала соображать слѣдующее:

— Мы можемъ разчитывать на готовность мистера Таргара содѣйствовать намъ, Роза? спросила она.

— О, да! застѣнчиво подтвердила Роза, — за это, кажется, я могу поручиться. Не спросить ли однако мистера Крисларкля?

— Я считаю ваше ручательство совершенно достаточнымъ въ этомъ случаѣ, душа моя, сказала Елена спокойно. — Тутъ намъ не къ чему скрываться.

Какъ странно Елена судить!

— Видите ли, продолжала Елена, подумавъ еще немного. — Невилъ только одного его и знаетъ здѣсь; онъ ни съ кѣмъ другимъ слова не перемолвилъ. Еслибы мистеръ Тартаръ сталъ заходить къ нему открыто и часто, еслибы онъ убѣждалъ на это нѣсколько минутъ почти ежедневно, изъ этого могло бы что-нибудь выйти.

— Изъ этого могло бы что-нибудь выйти, милая? повторила Роза, вглядываясь въ красоту своей подруги съ великимъ недоумѣніемъ. — Въ самомъ дѣлѣ?

— Если дѣйствительно слѣдить за движеніями Невилля; если хотать, какъ кажется изъ дѣланныхъ вамъ угрозъ, отстранить отъ него всѣхъ друзей и знакомыхъ, и постепенно, день за днемъ извести его одиночествомъ и тоской, то не слѣдуетъ ли предположить что врагъ его такъ или иначе войдетъ въ сношенія съ мистеромъ Тартаромъ, чтобъ отдалить его отъ Невилля? Въ такомъ случаѣ, мы не только узнали бы самый фактъ, но узнали бы еще отъ мистера Тартара что именно и въ какихъ выраженіяхъ было ему сказано.

— Понимаю! воскликнула Роза, и мгновенно устремилась въ свою каюту.

Вскорѣ хорошенькое личико ея олять появилось, весьма раскрасѣвшееся, и она сказала что сообщила мистеру Крисларклю, а мистеръ Крисларкль привелъ мистера Тартара, и мистеръ Тартаръ, — „который телерь здѣсь, на случай что онъ вамъ понадобится,“ прибавила Роза, съ полуоборотомъ назадъ и не безъ великаго смущенія, — объявилъ что готовъ дѣйствовать по указанію, и приступить къ дѣлу хоть сегодня же.

— Благодарю его отъ души, сказала Елена, — пожалуста передайте ему.

Олять весьма смущенная Роза скрылась исполнить порученіе, и олять появилась съ новыми увѣреніями отъ мистера Тартара, и стояла въ колебаніи между нимъ и Еленою, доказывая наглядно что смущеніе не всегда бываетъ неуклюже,

а можетъ иногда, напротивъ, представлять очень пріятное, изящное зрѣлище.

— А теперь, другъ мой, сказала Елена, — вспомнимъ осторожность, которая принудила насъ ограничиться пока такимъ свиданіемъ, и разстанемся. Я слышу Невиль двигается. Вы ѣдете назадъ?

— Къ миссъ Твинкельтонъ? спросила Роза.

— Да.

— О! Я не въ силахъ уже туда воротиться! Это для меня невозможно, послѣ этой ужасной встрѣчи!

— Такъ куда же дѣветесь вы, милая?

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, я не знаю, сказала Роза. — Я ровно ничего еще не рѣшила. Но олекукъ обо мнѣ позаботится. Куда-нибудь да дѣнусь.

(Съ этимъ трудно было не согласиться.)

— И я буду слышать о моей Розѣ отъ мистера Тартара? освѣдомилась Елена.

— Да, полагаю, отъ.... Роза не договоривъ имени, смущенно оглянулась.—Но скажите мнѣ одно предъ прощаніемъ, милая Елена! Скажите мнѣ навѣрное: иначе не могло быть?

— Чтò такое не могло быть иначе, душа моя?

— Я не могла не раздражить, не разсердить его? Не могла пойти на сдѣлку съ нимъ?

— Вы знаете какъ люблю я васъ, моя милая, отвѣчала Елена съ негодованіемъ.—Такъ я скорѣе согласилась бы видѣть васъ мертвою у ногъ его.

— Это мнѣ большое утѣшеніе! Вы такъ и скажете вашему бѣдному брату? И вы выразите ему мое сочувствіе? И попросите его не винить меня?

Грустно покачавъ головой, какъ будто эта послѣдняя просьба была совершенно излишняя, Елена обѣими руками послала по поцѣлюю своей подругѣ, ей было послано двумя руками также два поцѣлюя, а потомъ третья рука, загорѣлая, появилась между цвѣтами и листьями, и увела подругу.

Войдя въ адмиральскую каюту, мистеръ Тартаръ коснулся какой-то пружины, да ручки ящика, и появилась, словно колдовствомъ, великолѣпная закуска. Изумительные макароны, искрометные ликеры, непостижимо сохраненныя тролическія пряности, варенья изъ восхитительныхъ тролическихъ фруктовъ, все это предстало мгновенно въ роскошномъ изобиліи. Но

мистеръ Тартаръ не могъ, однако, остановить теченія времени; а время, въ жестокости своей, текло такъ быстро что Роза была принуждена спуститься изъ волшебной страны на землю, въ квартиру своего олекуна.

— Что же дѣлать намъ теперь, другъ мой? сказалъ мистеръ Грюгюсъ.— Или, выражая ту же мысль другими словами, что предпринять относительно васъ?

Роза могла только выразить на лицѣ своемъ смущенное сознаніе что она и сама очень стѣсняется и стѣсняется всѣхъ другихъ. Прожить весь вѣкъ въ несгораемой комнатѣ, въ верхнемъ этажѣ Форнивальсъ-Ина—вотъ все что смутно представлялось ей.

— Мнѣ пришло въ голову, заговорилъ мистеръ Грюгюсъ,—такъ какъ эта достопочтенная особа, миссъ Твинкельтонъ, прѣзжаетъ иногда въ Лондонъ во время вакацій, для расширенія связей своихъ и свиданія съ родителями нѣкоторыхъ своихъ воспитанницъ, не попросить ли ее на время, пока мы успѣемъ осмотрѣться, ложить съ вами, примѣрно, мѣсяцъ?

— Гдѣ же жить намъ?

— Не нанять ли, объяснилъ мистеръ Грюгюсъ,—квартиру съ мебелью на мѣсяцъ и не пригласить ли миссъ Твинкельтонъ взять на себя здѣсь надзоръ за вами въ теченіе этого времени?

— А потомъ? замѣтила Роза.

— А потомъ, сказалъ мистеръ Грюгюсъ,—положеніе наше не хуже будетъ чѣмъ теперь.

— Я думаю, это было бы хорошо, согласилась Роза.

— Такъ пойдемте, сказалъ мистеръ Грюгюсъ, вставая,—искать квартиру съ мебелью. Я очень былъ бы радъ всѣ остальные вечера моей жизни проводить съ вами, какъ вчерашній вечеръ, но здѣсь не мѣсто молодой дѣвушкѣ. Идемте искать приключеній и осматривать квартиры съ мебелью. А мистеръ Криспарклъ, собирающийся немедленно вѣхать домой, конечно возьметъ на себя трудъ повидаться съ миссъ Твинкельтонъ и пригласить ее къ содѣйствию нашему плану.

Мистеръ Криспарклъ, охотно принявъ порученіе, уѣхалъ. Мистеръ Грюгюсъ съ питомицей отправились на поиски.

Такъ какъ осматривать квартиру значило, по понятіямъ мистера Грюгюса, увидавъ подходящий ярлыкъ на какомъ-нибудь домѣ, перейти на другую сторону улицы и уставиться во всѣ глаза на этотъ домъ, потомъ обойти разными закоул-

ками на заднюю сторону, и уставиться на нее, а потомъ идти далѣе, и подвергать другіе дома такимъ же испытаніямъ, съ такимъ же результатомъ, то дѣло впередъ не подвигалось. Наконецъ оны встопмилъ про какую-то дальнюю родственницу мистера Бодзарда, просившую его когда-то рекомендовать ей квартиры жильцамъ, и живущую въ Соутамптонъ-Стритъ на Баумсбери-Скверѣ. Имя этой особы, начерченное суровыми прописными буквами на мѣдной дверной доскѣ, безъ объясненія однако пола и званія, было *Билликинъ*.

Слабость и необузданное чистосердечіе составляли отличительныя черты характера мистрисъ Билликинъ. Она вышла томная изъ исключительно ей принадлежащей маленькой гостиной, съ такимъ видомъ какъ будто ее только что нарочно привели въ себя послѣ цѣлаго ряда обмороковъ.

— Надѣюсь, вы въ добромъ здоровьи, сказала съ поклономъ мистрисъ Билликинъ, узнавая посѣтителя.

— Благодарю васъ. Совершенно здоровъ. А вы сами? отозвался мистеръ Грюгюсъ.

— Я здорова на столько, сказала мистрисъ Билликинъ прорывающимся отъ слабости голосомъ, — на сколько могу быть здорова.

— Моя питомица и пожилая дама, сказалъ мистеръ Грюгюсъ, — желаютъ найти меблированную квартиру на мѣсяцъ. Есть ли у васъ подходящія квартиры?

— Мистеръ Грюгюсъ, отозвалась мистрисъ Билликинъ, — я не стану васъ обманывать. Это не въ моемъ характерѣ. У меня есть подходящія квартиры.

Слова эти она произнесла съ такимъ видомъ, какъ будто говорила: „ведите меня на костеръ если хотите, но пока жива, я буду чистосердечна.“

— Какія же это квартиры? спросилъ мистеръ Грюгюсъ ласково, чтобъ укротить нѣкоторую свирѣлость, начинавшую проявляться въ мистрисъ Билликинъ.

— Вотъ гостиная. Говорите что хотите, это гостиная передовая, миссъ, сказала мистрисъ Билликинъ, вовлекая Розу въ разговоръ. — Съ задней гостиной я ни за что не разстанусь. Потомъ есть, на самомъ верху, двѣ спальни, съ проведеннымъ газомъ. Не говорю вамъ что въ этихъ спальняхъ полы кирпичики, ибо они не кирпичики. Поставщикъ газа самъ сознавался что для прочности слѣдовало бы провести трубы подъ панелями, а этого намъ дѣлать не стоило, такъ какъ мы снима-

въ квартиру на годъ. Трубы проведены надъ самыми лавенцами; лучше вамъ знать это напередъ.

Мистеръ Грюгюсъ и Роза обмѣнялись нѣскольکو испуганными взглядами, хотя не имѣли ни малѣйшаго понятія о томъ какіе ужасы могутъ скрываться въ такомъ способѣ проведенія трубъ. Мистрисъ Билликинъ прижала руку къ сердцу, словно облегчила его отъ бремени.

— Ну, крыша, конечно, въ порядкѣ, сказалъ мистеръ Грюгюсъ, нѣскольکو прибодрясь.

— Мистеръ Грюгюсъ, отозвалась мистрисъ Билликинъ, — еслибъ я сказала вамъ что жить подъ самою крышей все равно что имѣть надъ собою цѣлый этажъ, я ввела бы васъ въ заблужденіе, а этого я не желаю. Какъ хотите, на такой высотѣ нельзя чтобы черепицы не стучали въ вѣтряную погоду. Попробуйте-ка прикрѣпить черепицы такъ чтобъ онѣ не шевелились; невозможное дѣло, увѣряю васъ.

Тутъ мистрисъ Билликинъ, говорившая горячо съ мистеромъ Грюгюсомъ, немного поуспокоилась, чтобы не злоупотребить нравственнымъ превосходствомъ которое имѣла надъ нимъ.

— Итакъ, продолжала она мягче, но все-таки съ твердостью свойственною ея нелокколемому чистосердечію, — такъ, было бы совершенно бесполезно еслибъ я отправилась съ вами наверхъ, и вы сказали бы: мистрисъ Билликинъ, что это за пятно замѣчаю я на потолкѣ; ибо вѣдь это пятно, не правда ли? А я отвѣтила бы вамъ: я не понимаю васъ. Нѣтъ, государь мой, я неспособна на такое притворство. Я понимаю васъ еще прежде чѣмъ вы выскажетесь. Тамъ есть сырость. Иногда не протекаетъ, а иногда и протечетъ. Вы можете прожить тамъ сухо полжизни, но придетъ время, и вы уподобитесь напитанной водою губкѣ.

Мистеръ Грюгюсъ, казалось, оскорбленъ былъ этимъ сравненіемъ.

— Нѣтъ ли у васъ другой квартиры? спросилъ онъ.

— Мистеръ Грюгюсъ, отозвалась мистрисъ Билликинъ весьма торжественно, — есть квартира. Вы спрашиваете есть ли, и я отвѣчаю откровенно и честно: есть. Первый и второй этажъ свободны; помѣщеніе прекрасное.

— Ну, тутъ по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ неудобствъ, сказалъ мистеръ Грюгюсъ, успокоиваясь.

— Мистеръ Грюгюсъ, отвѣчала мистрисъ Билликинъ, —

извините меня; есть дѣйствица. Если вы не миритесь съ дѣйствицей, вы подвергнитесь неизбѣжному разочарованію. Нельзя же, миссъ, продолжала она, обращаясь къ Розѣ, какъ будто съ упрекомъ, — помѣстить бельэтажъ, а еще менѣе второй этажъ въ уровень съ землей. Нѣтъ, этого нельзя, это свыше силъ человѣческихъ, такъ къ чему же и пытаться?

Мистрисъ Билликинъ произнесла слова эти весьма убѣдительно, какъ будто Роза обнаружала упрямое намѣреніе отставать невозможное положеніе.

— Можно ли посмотрѣть эти комнаты? спросилъ онекувъ съ

— Можно, мистеръ Грюгюсъ, отозвалась мистрисъ Билликинъ. — Не стану скрывать отъ васъ: можно.

Затѣмъ мистрисъ Билликинъ послала за своею шалью, вслѣдствіе существующей съ незапамятныхъ временъ фукціи что она не можетъ сдѣлать шагу не закутавшись до носу, и облечившись съ помощью служанки, повела посѣтителей. Она благовоспитанно останавливалась на дѣйствицѣ перевести духъ и войдя въ гостиную, ухватилась за сердце, какъ будто она готово было выскочить и она поймала его чуть не на лету.

— А второй этажъ? спросилъ мистеръ Грюгюсъ, найдя первый удовлетворительнымъ.

— Мистеръ Грюгюсъ, отвѣтила мистрисъ Билликинъ, церемонно обращаясь къ нему, какъ будто теперь настало время объясниться относительно затруднительнаго вопроса и сдѣлать важное признаніе,—второй этажъ находится надъ этимъ.

— Можно и его посмотрѣть?

— Можно, отозвалась мистрисъ Билликинъ, — тутъ ничего нѣтъ скрытаго; все ясно какъ день.

Второй этажъ также оказался удовлетворительнымъ. Мистеръ Грюгюсъ отошелъ съ Розой къ окну посоветоваться, а потомъ потребовалъ перо и бумагу, и написалъ короткое условіе. Между тѣмъ мистрисъ Билликинъ усѣлась и резюмировала вопросъ.

— Сорокъ пять шиллинговъ въ недѣлю при мѣсячномъ наймѣ, въ теперешнее время, говорила она, — не обидно ни той ни другой сторонѣ. Здѣсь, конечно, не Бондъ-Стритъ, не Сентъ-Джемсъ, да вѣдь этого никто и не утверждаетъ. Не скрывается также,—къ чему скрывать?—что на дворѣ есть помойная яма. Помойныя ямы должны существовать. Что касается до прислуги, здѣсь двѣ служанки; получаютъ хорошее жалованье. За уголь платится, или съ огня, или съ куля. Со-

как не желают. Кроме нечистоты, они могут быть украденны, тогда возникают подозрѣнія и происходят неприятели.

Тѣмъ временемъ, мистеръ Грюгюсъ написалъ условіе и приготовилъ задатокъ.

— Я подписался за моихъ дамъ, сказалъ онъ, — вы потрудитесь сами подписать свое имя и фамилію.

— Нѣтъ, мистеръ Грюгюсъ! сказала мистрисъ Библикинъ съ новымъ порывомъ чистосердечія. — Имени я не подпишу ужъ вы меня увольте.

Мистеръ Грюгюсъ вытаращилъ на нее глаза.

— Фирма моя и защита дверная доска, сказала мистрисъ Библикинъ. — Я отъ нея не отступлюсь.

Мистеръ Грюгюсъ вытаращилъ глаза на Розу.

— Вы меня извините, мистеръ Грюгюсъ. Пока на этомъ домѣ написана неопредѣленно фамилія Библикинъ, и пока не знаютъ гдѣ скрывается Библикинъ, какого онъ роста и какой наружности, до тѣхъ поръ я покойна. Но заявить о себѣ какъ объ одинокой женщинѣ, нѣтъ, миссъ. Да вы бы и сами не стали требовать этого отъ меня, еслибы васъ не лобуждали дурнымъ примѣромъ.

Роза, краснѣя, какъ будто пыталась коварно воспользоваться слабостью бѣдной женщины, стала умолять мистера Грюгюса довольствоваться какой бы то ни было подписью. Итакъ, документъ украсился аристократическою подписью Библикинъ.

Затѣмъ условились переѣхать послѣ завтра, когда слѣдовало ожидать прибытія миссъ Твинкельтонъ, и Роза пошла обратно въ Форнивальсъ-Ина подъ руку съ олекуномъ.

Смотрите, вотъ мистеръ Тартаръ ходитъ взадъ и впередъ у Форнивальсъ-Ина, останавливается, какъ завидѣлъ ихъ, и подходитъ къ нимъ.

— Мнѣ пришло въ голову, предложилъ мистеръ Тартаръ, — не прокатиться ли намъ на лодкѣ вверхъ по рѣкѣ. Погода прекрасная; теченіе благопріятное. У меня есть своя лодка у Темпль-Стерса.

— Давно ужъ не катался я по рѣкѣ, сказалъ мистеръ Грюгюсъ соблазняясь.

— Я никогда по рѣкѣ не каталась, добавила Роза.

Черезъ полчаса, они поправили это дѣло, лустившись по рѣкѣ. Теченіе было полутное; вечеръ прекрасный. Лодка мистера Тартара была превосходна. Мистеръ Тартаръ и Лоб-

ли, его человекъ, гребли. Оказалось что у мистера Тартара стоитъ яхта гдѣ-то около Грингейта, а Лобли заводитъ этой яхтой, и вызванъ нарочно на телерешную службу. Онъ былъ веселый человекъ, съ рыжими волосами и бакенбардами, и большимъ, краснымъ лицомъ. Онъ похожъ былъ на изображеніе солда на старыхъ лубочныхъ картинкахъ, принимая волосы и бакенбарды за лучи. Онъ сіялъ, сидя на носу лодки въ рубашкѣ военного матроса, не скрывавшей грудь и руки, испещренныя всевозможными узорами. Лобли, казалось, насколько не напрягался, точно такъ же какъ мистеръ Тартаръ; а весла ихъ гнулись, однако, и лодка летѣла. Мистеръ Тартаръ, словно ничего не дѣлая, разговаривалъ съ Розой, которая дѣйствительно ничего не дѣлала, и съ мистеромъ Грюгьюсомъ, который дѣлалъ только одно: правилъ рѣшительно невпопадъ; но что за бѣда, если мистеру Тартару стоило только шевельнуть рукой, а Лобли только оглянуться съ усмѣшкой и все шло какъ по маслу. Теченіе весело несло ихъ, пока они не остановились въ какомъ-то очарованномъ саду, мѣстность котораго незачѣмъ здѣсь прозаически опредѣлять. Потомъ теченіе, имъ однимъ служившее въ этотъ день, весьма любезно повернуло, и, тихо плывя среди камышей, Роза попробовала грести, и отличилась при чужой помощи; а потомъ попробовалъ мистеръ Грюгьюсъ, и перекувырнулся на спину, безъ всякой помощи. Потомъ былъ отдыхъ подъ деревьями (и какой отдыхъ!). Лобли между тѣмъ чистилъ лодку и, укладывая подушки, бѣгалъ по краямъ какъ человекъ для котораго салогі предразсудокъ, а панталоны рабство. А потомъ наступило отрадное возвращеніе, среди благоуханія лиль и музыкальнаго плеска волкъ. И слѣшкомъ скоро, большой, темный городъ бросилъ тѣнь свою на воду, и мрачные мосты охватили рѣку, какъ смерть охватываетъ жизнь, и очарованный садъ, казалось, исчезъ навсегда, невозвратно.

— Неужели нельзя пройти жизненнымъ путемъ безъ грязныхъ станцій, думала Роза на слѣдующій день, когда городъ олять казался очень грязнымъ, и все смотрѣло какъ-то странно, непривѣтливо, будто ждало чего-то и не могло дожидаться. Нѣтъ. Теперь, представлялось ей, какъ миновали школьные дни въ Клойстергамъ, придется чаще и чаще знакомиться съ грязными станціями.

Чего ждала однако Роза? Ждала ли она миссъ Твинкельтонъ? Миссъ Твинкельтонъ явилась въ назначенное время.

Изъ гостиной своей выплыла Билликинъ встрѣчать миссъ Твинкельтонъ, и вражда была во взглядѣ ея съ этой первой роковой минуты.

Миссъ Твинкельтонъ привезла съ собою множество поклажи, такъ какъ кромѣ своихъ пожитковъ, захватила и пожитки Розы. Билликинъ обидѣлась что миссъ Твинкельтонъ, затаивъ эту поклажей, не обратила на ея наружность достойнаго вниманія. Суровая величавость возсѣла на челѣ Билликинъ, и когда миссъ Твинкельтонъ, тревожно пересчитывая свои чемоданы и сундуки, которыхъ у нея было семнадцать, сочла ее самое за одиннадцатый нумеръ, Билликинъ нашла нужнымъ протестовать.

— Необходимо установить съ самаго начала, произнесла она съ чистосердечіемъ, почти свирѣлымъ,—что хозяйка дома не сундукъ, не узелъ и не коверъ. Нѣтъ, миссъ Твинкельтонъ, прошу извинить меня; я не нищая также.

Это послѣднее заявленіе вызвано было тѣмъ что миссъ Твинкельтонъ порывисто предложила ей два шиллинга и шесть пенсовъ, которые слѣдовало отдать извозчику.

Оттолкнутая такимъ образомъ, миссъ Твинкельтонъ потерянно спросила: „Кому же слѣдуетъ заллатить?“ Заллатить слѣдовало двоимъ, такъ какъ миссъ Твинкельтонъ пріѣхала на двухъ извозчикахъ. Каждый изъ нихъ, получивъ свои два шиллинга съ пенсами, держалъ деньги на ладони и, вылучивъ безмолвно глаза и разинувъ ротъ, призывалъ небо и землю въ свидѣтели навосимой ему обиды. Устрашенная этимъ лугающимъ зрѣлищемъ, миссъ Твинкельтонъ положила еще по шиллингу въ каждую руку, ссылаясь въ то же время съ волненіемъ на законъ и пересчитывая снова свою поклажу, къ которой на этотъ разъ причла обоихъ извозчиковъ, что опять измѣнило итогъ. Между тѣмъ извозчики, очень пристально посмотрѣвъ на послѣдній шиллингъ, какъ будто онъ отъ взгляда можетъ превратиться въ фунтъ, сошли съ лѣстницы, взлѣзли на свои козлы и уѣхали, оставивъ миссъ Твинкельтонъ въ слезахъ на сундукѣ со шляпками.

Билликинъ безъ сочувствія взглянула на это проявленіе слабости и распорядилась „привести молодого человѣка“, чтобы ввести поклажу. Когда этотъ гладиаторъ удалился съ арены, водворился миръ, и новые жильцы сѣли обѣдать.

Но Билликинъ какъ-то провѣдала что миссъ Твинкельтонъ содержитъ школу. Переходъ отъ этого свѣдѣнія къ предполо-

женію что миссъ Твинкельтонъ хочетъ ее чему-нибудь учить быть легкой. Только не пробуйте этого, разсуждала Билликинъ; съ ней, бѣдняжкой, вы тамъ какъ знаете, а я вѣд не ученица ваша.

Съ своей стороны, миссъ Твинкельтонъ, переодѣвшись оправившись, исполнена была любезнаго желанія поддѣлатье сколько возможно подъ обстоятельства и являть собою образецъ благоприличной ласковости. Искусно славъ обѣ стороны своего существа, она уже успѣла, сидя за работой, стать къ Розѣ въ отношенія пріятной подруги, съ легкой примѣсью на ставницы, когда появилась Билликинъ.

— Не скрою отъ васъ, милостивыя государыни, сказала она, кутаясь въ свою парадную шаль, — ибо не въ моемъ характерѣ скрывать мои дѣйствія, или побужденія, что я позволила себѣ заглянуть къ вамъ съ цѣлью узнать по вкусу ли вамъ былъ обѣдъ. Кухарка моя, хотя и простая, однако жалованье которое она получаетъ должно бы побудить ее подниматься выше одной жареной и вареной говядины.

— Обѣдъ былъ очень хорошъ, сказала Роза, — благодарю васъ.

— Привыкнувъ къ обильной и литательной, но неприхотливой пищѣ, сказала миссъ Твинкельтонъ съ благосклоннымъ видомъ, который показался оскорбительнымъ Билликинъ, — мы не имѣли причины жалѣть о томъ что оставили древній городъ и правильно устроенное хозяйство, среди котораго текла до сихъ поръ наша мирная жизнь.

— Я сочла не лишнимъ предупредить мою кухарку, замѣтила Билликинъ съ порывомъ чистосердечія — и вы, миссъ Твинкельтонъ, я увѣрена, одобрите мою предосторожность, что эта молодая дама привыкла къ плохой пищѣ, и что ее слѣдуетъ пріучать понемногу. Ибо переходъ отъ плохой пищи къ пищѣ хорошей, отъ скудости къ изобилію требуетъ силы, не часто встрѣчающейся въ молодомъ организмѣ, особенно если онъ истощенъ лансіонскимъ содержаніемъ.

Значить, Билликинъ открыто уже вызывала миссъ Твинкельтонъ, несомнѣнно видя въ ней своего врага.

— Ваши замѣчанія, отвѣчала миссъ Твинкельтонъ съ недоступной нравственной высоты своей, — внушены, я увѣрена, добрымъ намѣреніемъ. Но позвольте сказать однако что во взглядѣ вашемъ обнаруживается заблужденіе, которое можно объяснить только недостаткомъ точныхъ свѣдѣній.

— Свѣдѣнія мои, отозвалась Билликинъ, — основаны на особ-

твенномъ опытѣ, миссъ Твинкельтонъ, а это обыкновенно считается достаточнымъ основаніемъ. Я знаю только то что жена помѣстила въ молодости въ очень извѣстный пансіонъ, ходержательница котораго была дама не менѣ почтенная чѣмъ вы сами, приблизительно вашихъ лѣтъ, и отъ содержаща въ этомъ пансіонѣ я нажила малокровіе, которымъ страдала всю жизнь.

— Очевъ можетъ быть, сказала миссъ Твинкельтонъ, по-прежнему съ высоты своей.—Весьма жаль. Роза, другъ мой, какъ подвигается ваша работа?

— Миссъ Твинкельтонъ, съ важностью заговорила опять Библикинъ,—прежде чѣмъ удалиться вслѣдствіе вашего намека, какъ подобаешь благовоспитанной женщиной, я позволю себѣ спросить васъ, не лжате ли вы недовѣрія къ словамъ моимъ?

— Не знаю, на какомъ основаніи вы заявляете такое предположеніе.... начала было миссъ Твинкельтонъ, но Библикинъ остановила ее.

— Не приписывайте мнѣ, пожалуйста, предположеній которыхъ я не заявляла. Вы говорите хорошо, миссъ Твинкельтонъ, это отъ васъ и требуется, за это вамъ и деньги платятъ, конечно. Но такъ какъ я денегъ за краснорѣчіе не плачу и не нуждаюсь въ немъ, то я позволю себѣ повторить мой вопросъ.

— Если вы говорите о своихъ недостаткахъ, начала миссъ Твинкельтонъ, но Библикинъ опять остановила ее.

— Я не употребляла такихъ выраженій.

— Такъ, если вы говорите о своемъ малокровіи....

— Нажитомъ мною въ пансіонѣ, прервала Библикинъ.

— Въ такомъ случаѣ, продолжала миссъ Твинкельтонъ,—я могу только сказать что обязана вѣрить вамъ на-слово что крови у васъ дѣйствительно мало. И не могу не прибавить что если это несчастное обстоятельство имѣетъ вліяніе на вашъ разговоръ, то оно достойно великаго сожалѣнія, и крайне желательно чтобы крови у васъ прибавилось.... Роза, другъ мой, какъ подвигается ваша работа?

— Гм. Я удаляюсь. Но прежде заявляю вамъ, миссъ,—провозгласила Библикинъ, обращаясь къ Розѣ и величественно оставляя безъ вниманія миссъ Твинкельтонъ,— что впредь буду имѣть дѣло только съ вами. Я не знаю здѣсь дамы болѣе пожилой чѣмъ вы.

— Это будетъ весьма удобно, Роза, замѣтила миссъ Твинкельтонъ.

— Не то чтобъ я, сказала Билликинъ съ насмѣшливою улыбкой,—обладала сказочнымъ средствомъ молодить старыхъ дѣвицъ (какъ бы это было пріятно нѣкоторымъ); но я никога не желаю знать кромѣ васъ.

— Когда мнѣ нужно будетъ заявить что-нибудь хозяйкѣ дома, сказала миссъ Твинкельтонъ съ величественнымъ слокоиствіемъ,—я сообщу вамъ, Роза, а вы уже позаботитесь передать кому слѣдуетъ.

— Прощайте, миссъ! сказала Билликинъ ласково и въ то же время холодно.—Такъ какъ вы здѣсь одни въ моихъ глазахъ я отъ души желаю вамъ добраго вечера, и не нахожу себя вынужденной выразить презрѣніе мое къ особѣ, по несчастію близкой вамъ.

Съ такими словами Билликинъ величественно удалилась, и съ этой минуты Роза сдѣлалась постоянною посредницей между воюющими сторонами. Ничто не дѣлалось безъ горячей стычки. Такъ, по ежедневно возникающему вопросу объ обѣдѣ, миссъ Твинкельтонъ говорила въ присутствіи миссъ Билликинъ:

— Вамъ бы, другъ мой, посоветоваться съ хозяйкой дома, не добудеть ли она телятины на жаркое, или если нѣтъ телятины, такъ курицу.

На это Билликинъ отзывалась, не давъ Розѣ выговорить слова:

— Еслибы вы знали толкъ въ мясной лицѣ, миссъ, вы не думали бы о телятинѣ. Волевыхъ, теперь телята давно уже сдѣлались быками, а вовторыхъ, телятъ бьютъ по извѣстнымъ днямъ. Что же касается курицы, то вамъ, я думаю, куры уже надоѣли, не говоря о томъ что, покупая для себя, вы торгуете самыхъ старыхъ, ободранныхъ куръ, словно привыкли выбирать которыя подешевле. Упражняйтесь въ изобрѣтательности миссъ, вамъ надо лонемному привыкать къ хозяйству. Придумайте-ка что-нибудь другое.

На этотъ совѣтъ, предложенный свисходительнымъ тономъ добродушной опытности, миссъ Твинкельтонъ отвѣчала, краснѣя:

— Предложите, другъ мой, хозяйкѣ дома приобрести утку.

— Ну вотъ! восклицала Билликинъ (Роза все ни слова не говорила).—Удиваюсь я, право, миссъ, какъ это вы говорите

объ уткахъ! Не говоря о томъ что теперь утки становятся ужь очень дороги, всякій разъ какъ вамъ подають утку, у меня сердце надрывается. Филей, единственный хорошій кусокъ въ уткѣ, всегда Богъ знаетъ куда дѣвается, а на вашей тарелкѣ только и видно что кожа да кости. Поищите-ка еще, миссъ. Думайте больше о себѣ чѣмъ о другихъ. Не хотите ли какое-нибудь пирожное или кусокъ баранины? Что-нибудь такое чего бы и вамъ досталось.

Иногда схватки были весьма жаркія, такъ что стычки подобныя разказанной могли считаться ничтожными. Но переѣсъ почти постоянно оставался на сторонѣ Билликинъ; она другъ наносила совершенно неожиданныя и необыкновенныя удары, когда дѣло ея казалось проиграннымъ.

Все это не украшало Лондона въ глазахъ Розы и не устраивало чувства ожиданія чего-то, чего дожидаться было нельзя. Утомленная бесѣдами съ миссъ Твинкельтонъ за работой, она предложила чтеніе вслухъ, на что миссъ Твинкельтонъ охотно согласилась, какъ отличная, испытанная читальщица. Но Роза скоро замѣтила что миссъ Твинкельтонъ читаетъ недобросовѣстно. Она пропускала любовныя сцены, вставляла разсужденія въ пользу незамужней жизни, и позволяла себѣ другія благонамѣренныя хитрости. Возьмемъ для примѣра слѣдующій увлекательный отрывокъ: „Безцѣнная, возлюбленная моя! сказалъ Эдвардъ, прижимая къ груди своей милую голову и лаская рукой шелковистыя волосы, падавшіе золотымъ потокомъ; безцѣнная, возлюбленная моя! обѣжимъ отъ враждебнаго свѣта, отъ холодности безчувственныхъ сердецъ въ пріютъ довѣрія и любви.“ Вотъ коварное переложеніе миссъ Твинкельтонъ: „Милая невѣста моя, помолвленная со мною съ согласія родителей нашихъ, при одобреніи достоличтеннаго ректора, сказалъ Эдвардъ, почтительно прикасаясь губами къ вѣжкамъ пальцамъ, столь искуснымъ въ вышиваніи, шитьѣ, вязаньи и другихъ женскихъ рукодѣляхъ, позволь мнѣ повидаваться съ палашей твоимъ прежде чѣмъ завтрашнее солнце склонится къ западу, и предложить дачу, не роскошную, правда, но соразмѣрную нашимъ средствамъ, гдѣ мы всегда будемъ рады видѣть его вечеромъ, гдѣ строгая экономія, обмѣвъ пріятныхъ свѣдѣній и благотворная дѣятельность домашняго ангела совокупятся для семейнаго счастья.“

Какъ дни тянулись за днями и ничего не случалось, со-сѣди стали поговаривать что хорошенькая жилица Билли-

кинь, такъ часто и томно выглядывающая изъ льдыныхъ оконъ гостиной, начинаетъ владать въ уныніе. Хоротелькая жилица и совсѣмъ впадала бы, пожалуй, въ уныніе, еслибы не попалось ей нѣсколько книгъ путешествій и морскихъ приключеній. Чтобъ уравнивить романтической характеръ ищущей миссъ Гвинокельтонъ, читая вслухъ, налегала на широту и долготу, на вѣтры, теченія, опредѣленія мѣстности, хотя рѣшительно ничего въ нихъ не понимала; а Роза между тѣмъ слушая съ напряженнымъ вниманіемъ, останавливалась на томъ, что больше приходилось ей по сердцу. Такъ дѣло шло у нихъ лучше прежняго.

Г Л А В А XXIII.

Опять разсвѣтъ.

Хотя мистеръ Криспаркъ и Джонъ Джасперъ ежедневно встрѣчались въ соборѣ, между ними не было сказано ни одного слова относившагося къ Эдвину Друду, съ тѣхъ поръ какъ, уже полгода назадъ, Джасперъ молча показалъ младшему канонику рѣшеніе которое внесъ въ дневникъ свой. Едва ли при каждой изъ частыхъ встрѣчъ мысли обоихъ не возвращались къ этому дѣлу. Едва ли при каждой изъ частыхъ ихъ встрѣчъ не приходило каждому изъ нихъ въ голову что другой для него непроницаемая загадка. Джаспера, какъ обвинителя и преслѣдователя Невилля Ландлеса, а мистера Криспаркъ, какъ постоянного защитника и покровителя его, должны были сильно интересовать обоюдные виды и намѣренія. Но ни тотъ, ни другой не заговаривалъ объ этомъ вопросѣ.

Такъ какъ притворство было не въ природѣ младшаго каноника, онъ готовъ былъ когда угодно затронуть вопросъ этотъ и даже желалъ обсудить его. Но не такъ легко было одолѣть недоступную скрытность Джаспера. Мрачный, молчаливый, одинокій, сосредоточенный до такой степени на одной мысли что не хотѣлъ ни съ кѣмъ дѣлиться ею, онъ жалью особнякомъ отъ людей. Замѣчательно что умъ этого человека не согласовался и не сообщался ни съ чѣмъ окружающимъ, въ то время какъ онъ непрерывно занимался искусствомъ, ставившимъ его въ необходимость подлаживаться къ другимъ, находиться съ ними въ полной внѣшней гармоніи. Въ этомъ, впрочемъ, онъ признавался своему пропавшему племяннику еще прежде того случая который отдалилъ его ото всѣхъ.

Что онъ зналъ о внезапномъ отъездѣ Розы и угадывалъ о причину, въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Предполагать ли онъ что она будетъ молчать изъ страха, или думать что она сообщила кому-нибудь, напримѣръ самому мистеру Криспаркю, подробности послѣдняго свиданія съ нимъ? Мистеръ Криспаркъ не въ состоянн былъ рѣшить этого вопроса. Онъ не могъ однако не допустить, по свойственной ему справедливости, что влюбиться въ Розу еще не есть преступленіе, точно такъ же какъ и предложить пожертвовать чеіемъ для любви.

Страшное подозрѣніе относительно Джаспера, такъ смутившее Розу, не приходило, повидимому, въ голову мистеру Криспаркю. Если оно возникало въ умѣ Елены или Невилля, ни въ ни она ни однимъ словомъ его не высказывали. Мистеръ Криспаркъ не скрывалъ непреодолимаго нерасположенія своего къ Джасперу, но онъ и не думалъ производить его изъ какого источника. Онъ, однако, былъ человѣкъ столько же держанный, сколько эксцентрической, и не уломивалъ никому въ одномъ вечерѣ, когда онъ грѣлъ руки у огня въ надворномъ домѣ и пристально глядѣлъ на кучу изорваннаго и разваго платья, лежавшую предъ нимъ на полу. Сомнливый мистеръ Гамъ, если припоминалъ происшествіе случившееся шесть мѣсяцевъ тому назадъ, отъ разъясненія котораго отказались судьи, такъ частію полагалъ что возлюбленный племянникъ Джаспера убитъ былъ предательски или открыто необузданнымъ соперникомъ; а частію что онъ самъ счелъ за лучшее скрыться. Затѣмъ замѣчалъ въ просонни что осиротѣлый Джасперъ попрежнему помышляетъ объ уликахъ и мести, и спать предавался дремотѣ. Таковы были обстоятельства въ то время до котораго дошла теперь наша исторія.

Двери собора затворились на ночь; начальникъ хора, отлучившись на короткій орокъ, обращаетъ лицо свое къ Лондону, идетъ, также какъ Роза, и также какъ она, прѣзжаетъ въ таркій, шильный вечеръ.

Дорожные пожитки свои легко несетъ онъ въ рукѣ, и отправляется лишкомъ въ гостиницу неопредѣленнаго характера, на маленькой площадкѣ, поиади Альдерегетъ-Стрита, неподалеку отъ почтамта. Это гостиница, номера или квартиры съ мебелью, по желанію посетителя. Въ новомъ желѣзнодорожномъ указателѣ говорится что это новое предпріятіе, только начинающее осуществляться. Застѣнчиво, чуть не робко, дается

ловятъ лутешественнику что здѣсь нечего ему предъявлять тѣхъ требованій какъ въ гостиницѣ стараго, классическаго образца, но что салогу ему вычистить, и найдется также крѣпкая заправка, завтракъ, прислуга и дворникъ, неспящій всю ночь, за извѣстную плату. Въ подобныхъ явленіяхъ нѣкоторые истыя Британцы унылаго настроенія видятъ признаки ладенія отечества.

Онъ ѣстъ безъ аппетита, и скоро опять уходитъ. На востокъ все дальше на востокъ идетъ онъ по душнымъ улицамъ, пока не достигаетъ своего назначенія: жалкаго двора, еще болѣе жалкаго, чѣмъ всѣ окружающіе.

Онъ взбирается по сломанной лѣстницѣ, отворяетъ дверь, просовываетъ голову въ темную комнату и говоритъ:

— Вы здѣсь одинъ?

— Одна, милый; къ несчастію для меня и къ счастью для васъ, отвѣчаетъ дребезжащій голосъ. — Войдите, войдите, кто бы вы ни были. Я не могу васъ видѣть пока не зажгу спичку, а голосъ вашъ мнѣ какъ будто знакомъ. Я знаю васъ, не правда ли?

— Зажгите спичку, увидите.

— Сейчасъ, милый, сейчасъ. Рука у меня такъ дрожитъ что я не могу достать спичку въ одну минуту. И кашляю я такъ что какъ ни прибираю ихъ, все не могу найти, они соскакиваютъ и разлетаются, какъ кашляю я, словно живыя. Вы съ лутешествія, милый?

— Нѣтъ.

— Вы не морякъ?

— Нѣтъ.

— Такъ; есть и сухопутные покупатели, и моряки. Я мать и тѣмъ и другимъ. Не то что Джакъ Китаецъ на той сторонѣ. Онъ имѣетъ не отецъ. Въ немъ нѣтъ этого. Да онъ и не знаетъ настоящаго состава, хотя беретъ такую же плату какъ я, а если можно и дороже. Вотъ спичка; да гдѣ же свѣча-то? Если схватить меня кашель, я загашу двадцать спичекъ.

Однако она отыскала свѣчу и зажгла, прежде чѣмъ кашель схватилъ ее. Онъ начинается, какъ только удалось ей зажечь свѣчу; она садится и начинаетъ качаться изъ стороны въ сторону, повременамъ тяжело переводя духъ. — Ахъ какъ дурны мои легкія! Легкія у меня въ куски разрываются. — Наконецъ припадокъ проходитъ. Пока онъ продолжался, она ничего не видала, всѣ силы ея были поглощены напряженіемъ.

Когда утихаетъ кашель она напрягаетъ зрѣніе, и, какъ только въ силахъ вымолвить слово, восклицаетъ, тараща глаза:

— Да это вы!

— Вы удивлены что видите меня?

— Я думала что никогда уже не увижу васъ, милый. Я думала что вы умерли и отравились въ царство небесное.

— Почему?

— Я не полагаю чтобы вы могли такъ долго обойтись безъ старухи которая знаетъ настоящій составъ. Да вы и въ траурѣ. Зачѣмъ вы не пришли выкурить трубочку, другую въ утѣшеніе. Или, можетъ-быть, вамъ достались деньги, такъ что вы не нуждались въ утѣшеніи?

— Нѣтъ.

— Кто же это умеръ у васъ, милый?

— Одинъ родственникъ.

— Отъ чего онъ умеръ, милый?

— Должно быть отъ смерти.

— Вы сегодня рѣзки! восклицаетъ старуха съ заискивающимъ смѣхомъ.—Вы рѣзки и отрывисты. Вы не въ духѣ отъ того что не покурили. Вы разстроены, не правда ли. Здѣсь выѣхитесь, милый. Здѣсь откуриваются отъ всякаго разстройства.

— Такъ готовьте же, сказалъ посѣтителю. — Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Онъ снимаетъ салюги, развязываетъ галстукъ, и ложится поперегъ грязной постели, опершись головой на руку.

— Вотъ теперъ вы въ настоящемъ видѣ, говоритъ старуха одобрительно.—Теперъ я узнаю своего стараго покупателя! Пробовали небось сами составлять, милый?

— Иногда принималъ по своему.

— Никогда не принимайте по своему. Это вредитъ торговлѣ, и для васъ вредно. Гдѣ же моя бутылка? гдѣ мой наперстокъ? Гдѣ моя ложечка? Я приготовлю вамъ настоящимъ способомъ, милый, дорогой мой.

Принявшись за дѣло, раздувая въ рукахъ слабую искорку, она поминутно бормочетъ съ самодовольнымъ видомъ. Повременамъ и онъ говоритъ, но не глядя на нее, словно мысли его уже уносятся вдаль.

— Я не мало уже трубочекъ изготовила вамъ, милый, не правда ли?

— Не мало.

— Когда вы въ первый разъ пришли, вы совсѣмъ были вичокъ, не такъ ли?

— Да; тогда мнѣ немного нужно было.

— Но вы пошли впередъ, и теперь не отстанете отъ самаго лучшаго; не такъ ли?

— Да, пожалуй и отъ самаго худшаго.

— Вотъ готово. Какъ хорошо вы лѣли, когда пришла въ первый разъ. Бывало опустите голову и поете, пока не заснете, какъ птичка. Вотъ теперь совсѣмъ готово, милый.

Онъ беретъ трубку у нея изъ рукъ очень бережно и прикладываетъ къ губамъ. Она садится подлѣ него, готовится набить трубку, когда потребуется. Затянувшись раза два молча, онъ сомнительно обращается къ ней:

— Такъ же крѣлко, какъ бывало?

— О чемъ это говорите вы, милый?

— О чемъ же говорить мнѣ, какъ не о томъ что у меня во рту.

— То же самое что прежде. Точь-въ-точь то же.

— Вкусъ не тотъ; да и дѣйствуетъ медленнѣе.

— Вы привыкли, вотъ и все.

— Можетъ-быть отъ этого, конечно. Послушайте.

Онъ останавливается; впадаетъ въ дремоту и какъ будто забываетъ что заговорилъ съ ней. Она наклоняется надъ нимъ и говоритъ ему на ухо.

— Я васъ слушаю. Вы начали говорить. Я слушаю васъ. Мы говорили о томъ что вы привыкли.

— Знаю. Я только задумался. Послушайте. Положимъ, у васъ есть что-нибудь на умѣ; вы собираетесь что-нибудь сдѣлать.

— Такъ, милый. Положимъ, я собираюсь что-нибудь сдѣлать.

— Но еще не совсѣмъ рѣшились.

— Такъ, милый.

— Могли бы и сдѣлать, и не сдѣлать, вы понимаете?

— Да. (Кончикомъ иголки она шевелитъ содержимое въ трубкѣ.)

— Вамъ представилось бы что вы это дѣлаете, когда вы лежали бы здѣсь, какъ я теперь?

Она киваетъ головой.—Непрѣменно, много разъ.

— Точь-въ-точь, какъ мнѣ. Я въ воображеніи сто разъ уже дѣлалъ это здѣсь въ комнатѣ.

— И дѣло, надѣюсь, было пріятное, милый.

— Пріятное! Кидается онъ на нее.

Совершенно спокойно, она опять наполняетъ трубку до-

мечкой. Видя что она занята дѣломъ, онъ опять опускается въ прежнее положеніе.

— Путешествіе, трудное, опасное путешествіе, вотъ что было у меня на умѣ. Головоломное путешествіе, черезъ проласты, гдѣ остулиться значило бы погибнуть. Глядите внизъ, глядите! Что тамъ лежитъ?

Онъ вскоцилъ и указываетъ на полъ, словно на какой-то воображаемый предметъ, лежащій далеко внизу. Старуха глядитъ на него, между тѣмъ какъ судорожное лицо его придвигается къ ея лицу, а не туда куда онъ показываетъ. Она какъ будто знаетъ какое вліяніе будетъ имѣть ея полное спокойствіе; если такъ, она не ошиблась въ расчетъ, ибо онъ опять стихаетъ.

— Ну, я сказалъ вамъ что продѣлалъ это здѣсь сто тысячъ разъ. Что я говорю! Я продѣлалъ это милліоны и биліоны разъ.—Я дѣлалъ это такъ.

— Это путешествіе-то ваше? замѣчаетъ она спокойно.

Онъ, куря, свирѣло глядитъ на нее; потомъ глаза его тускнѣютъ, и онъ отвѣчаетъ: да, путешествіе.

Слѣдуетъ молчаніе. Онъ то закрываетъ, то открываетъ глаза. Старуха сидитъ подлѣ него, весьма внимательно глядя на трубку, которой онъ не отнимаетъ отъ губъ.

— Я увѣрена, говоритъ она, когда онъ пристально глядитъ на нее, съ такимъ выраженіемъ въ глазахъ, какъ будто видитъ ее гдѣ-то далеко, а не рядомъ съ собою—я увѣрена, что вы, такъ часто повторяя это путешествіе, всегда совершали его различными способами?

— Нѣтъ, всегда однимъ способомъ.

— Всегда однимъ?

— Да.

— Тѣмъ именно способомъ какимъ оно наконецъ дѣйствительно было сдѣлано?

— Да.

— И вамъ оно всегда доставляло одинакое удовольствіе?

— Да.

Онъ какъ будто только и въ силахъ выговорить эту утвердительную частицу. Вѣроятно съ цѣлью убѣдиться что онъ не машинально отвѣчаетъ ей, она ставитъ вопросъ свой иначе.

— И это никогда не надоѣдало вамъ, милый? И вы не старались представить себѣ что-нибудь другое для перемѣны?

Онъ съ усиліемъ поднимается, и поворачиваясь къ ней, восклицаетъ:

— Что вы хотите сказать? Что я спрашивалъ? Зачѣмъ я пришелъ?

Она бережно укладываетъ его опять и, подавая ему трубку, которую онъ уронилъ, собственнымъ дыханіемъ раздуваетъ ее. Затѣмъ она говоритъ ласково:

— Конечно, конечно, конечно! Да, да, да! Теперь я васъ понимаю. Я было обилась. Теперь вижу. Вы нарочно для лутешествія и пришли. И какъ я это прежде не догадалась.

Онъ отвѣчаетъ ей смѣясь, а потомъ свирѣло стискивая зубы:

— Да, я пришелъ нарочно. Когда я не въ силахъ былъ вынести жизни, я пришелъ за облегченіемъ, и нашелъ его. Тутъ есть облегченіе! Есть!

Онъ повторилъ это слово съ какимъ-то волчьимъ хрипомъ.

Она наблюдаетъ за нимъ очень осторожно, какъ будто ощущывая въ умѣ почву для слѣдующаго замѣчанія. И потомъ говоритъ:

— Былъ полутчикъ, милый?

— Га, га, га! Разражается онъ громкимъ хохотомъ, или лучше сказать визгомъ. — Какъ подумаешь сколько разъ былъ онъ мнѣ полутчикомъ, самъ того не зная, сколько разъ совершалъ онъ лутешествіе, и не видѣлъ дороги.

Старуха становится на колѣни на полу, скрестивъ руки подлѣ него на одѣялѣ и подперши ими подбородокъ. Такъ, съжавшись, она слѣдитъ за нимъ. Трубка валится у него изъ рукъ. Она опять подаетъ ему трубку, и положивъ руку ему на грудь, тихонько шевелитъ его изъ стороны въ сторону. Затѣмъ онъ говоритъ, словно отвѣчая ей:

— Да! Я всегда дѣлалъ лутешествіе прежде чѣмъ начнутъ радужные цвѣта, свѣтлые виды и блестящія процессіи. Они не могли начаться, пока это было у меня на умѣ. Оно ничему не давало мѣста.

Опять онъ впадаетъ въ молчаніе. Опять она кладетъ ему руку на грудь и шевелитъ его изъ стороны въ сторону, словно кошка дразнитъ полузадавленную мышъ. Опять онъ говоритъ, какъ будто отвѣчая ей.

— Какъ? Я вамъ это сказалъ? Когда дѣлается дѣйствительно, оно такъ коротко что, сгоряча кажется недѣйствительнымъ. Слушайте!

— Да, милый, я слушаю.

— И время и мѣсто удобны.

Онъ всталъ на ноги, и говоритъ шелкотомъ, словно въ погемкахъ.

— Время, мѣсто и полутчикъ, добавляетъ она поддѣлываясь подъ его голосъ и держа его тихонько за руку.

— Могло ли время быть удобнымъ, еслибъ не было полутчика? Тихе. Дѣло сдѣлано. Кончено.

— Такъ скоро?

— Вѣдь я же вамъ говорю. Такъ скоро. Подождите. Это видѣніе. Я просплюсь. Было слишкомъ коротко и легко. Надо видѣніе получше. Это самое жалкое изъ всѣхъ. Ни борьбы, ни сознанія опасности, ни просьбы. Однако, этого я никогда прежде не видалъ.—Онъ дрогнулъ.

— Чего это, милый?

— Поглядите! Поглядите какъ это бѣдно, ничтожно, жалко! Это должно-быть дѣйствительность. Кончено.

Онъ сопровождалъ несвязныя слова свои порывистыми движеніями; мало-по-малу они переходятъ въ неподвижность оцѣлеванія, и онъ лежитъ какъ ластъ на кровати.

Но старуха не отстаетъ. Повторяя свое кошачье движеніе, она опять шевелитъ тѣло и прислушивается; шевелитъ еще разъ и прислушивается; шелчетъ ему что-то и прислушивается снова. Видя что его расшевелить пока нельзя, она тихонько встаетъ на ноги, съ видомъ досады, и отходя, слегка ударяетъ по лицу его рукой.

Но она отходитъ недалеко: только до кресла у очага. Садится, подпираетъ подбородокъ рукою, и пристально глядитъ на лежащаго.—Я слышала разъ, бормочетъ она, когда я лежала, гдѣ ты теперь лежишь, а ты наблюдалъ за мною, ты говорилъ: не разберешь. Я слышала ты говорилъ это еще объ двухъ другихъ, лежавшихъ со мною. Не полагайся однако на это, не полагайся слишкомъ, прелесть моя! Все не сводя съ него глазъ, какъ кошка, она продолжаетъ: — не такъ крѣпко по твоему, какъ прежде. Въ самомъ дѣлѣ? Можетъ-быть сначала и такъ. Можетъ-быть въ этомъ ты не ошибся. Съ навыкомъ совершенствуешься. Можетъ-быть я узнала секретъ какъ заставить говорить тебя, милый.

Онъ, однако, уже не говоритъ болѣе. Съ безобразнымъ подергиваніемъ въ лицѣ и рукахъ, онъ лежитъ оцѣлевѣлый и безмолвный. Свѣча догораетъ. Старуха беретъ огарокъ пальцами, зажигаетъ имъ другую свѣчу и ею вдавливая огарокъ

въ подсвѣчникъ, словно заряжая какое-то уродливое орудіе колдовства. И новая свѣча догораетъ, а Джасперъ все лежитъ безъ чувствъ. Наконецъ свѣча гаснетъ, и утренній свѣтъ глядитъ въ комнату. Вскорѣ затѣмъ Джасперъ поднимается, прозябшій и дрожащій; медленно приходитъ къ сознанию гдѣ онъ, и готовится уйти. Старуха принимаетъ отъ него плату съ признательнымъ восклицаніемъ:—да благословить васъ Богъ, милый! И какъ будто утомленная, начинаетъ укладываться спать, когда онъ выходитъ изъ комнаты.

Не все то истинно что кажется. На этотъ разъ оно оказывается обманчивымъ, ибо едва замеръ звукъ шаговъ его какъ она бросается за нимъ, бормоча про себя:—на этотъ разъ ты отъ меня не уйдешь.

У этого двора одинъ только выходъ. Она зорко смотритъ изъ-подъ воротъ, не оглянется-ли онъ. Онъ не оглядывается, уходя нетвердымъ шагомъ. Она крадется за нимъ, выглядываетъ изъ двора, видитъ что онъ идетъ все далѣе, не оглядываясь, и не спускаетъ его съ глазъ.

Онъ пробирается къ концу Альдергетсъ-Стрита. Тутъ дверь тотчасъ же отворяется, какъ только онъ постучался. Она притаилась въ другихъ воротахъ, и легко соображаетъ что онъ здѣсь остановился. Терпѣніе ея не истощается съ часами. Для подкрѣпленія, она покупаетъ хлѣбъ неподалеку, да молока, когда проносятъ его мимо.

Онъ выходитъ въ полдень, переодѣвшись, но ничего не несетъ въ рукахъ. Слѣдовательно онъ еще не ѣдетъ домой. Она слѣдитъ за нимъ нѣкоторое время, колеблется, потомъ тотчасъ же рѣшительно поворачиваетъ назадъ и идетъ къ дому изъ котораго онъ вышелъ.

— Джентльменъ изъ Клойстергама дома?

— Только что вышелъ.

— Жаль. Когда онъ возвращается въ Клойстергамъ?

— Сегодня вечеромъ въ шесть часовъ.

— Благодарю васъ. Пошли Богъ успѣхъ заведенію гдѣ на учтивый вопросъ даже бѣдной старухи такъ учтиво отвѣчаютъ.

— Этотъ разъ не уйдешь отъ меня, повторяетъ бѣдная старуха не такъ ужъ учтиво.—Ты ушелъ отъ меня прошлый разъ какъ свѣтъ въ этотъ омнибусъ, что ходитъ между станціей и городомъ. Я даже не увѣрена была прямо ли въ городъ ты поѣхалъ. Теперь знаю что прямо. Мой клойстергамскій джентль-

меня, я буду тамъ прежде тебя, и дождусь твоего прїѣзда. Я сожалѣла что второй разъ ты отъ меня не уйдешь.

Въ тотъ же вечеръ, бѣдная старуха стоитъ на Клоистергамской большой улицѣ; разсматриваетъ странные карнизы женскаго монастыря и развлекается чѣмъ можетъ, въ ожиданіи девяти часовъ. Въ этотъ часъ прїѣзжаетъ омнибусъ, пассажиры котораго ее, какъ видно, интересуютъ. Благопрїятная темнота легко позволяетъ ей убѣдиться тутъ ли тотъ кого ей нужно. Тутъ. Пассажиръ за которымъ слѣдить она прїѣзжаетъ вмѣстѣ съ другими.

— Теперь посмотримъ куда ты дѣвешься? Стулай. Замѣчаніе обращенное къ воздуху. А можно подумать что пассажиръ слышалъ его, такъ покорно идетъ онъ по большой улицѣ, пока не достигаетъ воротъ со сводомъ, гдѣ внезапно исчезаетъ. Бѣдная старуха ускоряетъ шагъ, настигаетъ его въ воротахъ, но видитъ только крутую лѣстницу съ одной стороны, а съ другой, старинную комнату, въ которой лижетъ, сѣдоволосый джентльменъ съ большою головою, страннымъ образомъ сидя у отворенной на улицу двери и оглядывая всѣхъ проходящихъ, словно приставленъ взимать съ нихъ пошлину, хотя пошлины никакой не взимается.

— Эй! кричитъ онъ ей въ поголоса, видя что она стала въ тулукъ,—кого вы ищите?

— Тутъ сію минуту прошелъ одинъ джентльменъ.

— Прощель, конечно. Чтѣ вамъ отъ него нужно?

— Гдѣ живетъ онъ, милый?

— Гдѣ живетъ? Въ томъ этажѣ.

— Благодарю васъ. Тише. Какъ зовутъ его, милый?

— По фамиліи Джасперъ, по имени Джонъ. Мистеръ Джонъ Джасперъ.

— Есть у него какое-нибудь званіе?

— Званіе? Да. Поетъ въ хорѣ.

— На хорахъ?

— Въ хорѣ.

— Чтѣ это такое?

Мистеръ Дачри встаетъ изъ за письменнаго стола и подходитъ къ двери.

— Знаете вы чтѣ такое соборъ? спрашиваетъ онъ шуточно.

Старуха киваетъ.

— Чтѣ же такое?

Она какъ будто затрудняется отыскать опредѣленіе, какъ

вдругъ ей представляется что легче указать самый предметъ, рѣзко выдѣляющійся на темно-синемъ небѣ, гдѣ проступаютъ равныя звѣзды.

— Отвѣтъ хорошъ. Ступайте туда завтра утромъ въ семь часовъ, и можете видѣть и слышать мистера Джаспера.

— Благодарю васъ! благодарю васъ!

Торжествующая радость, съ которой она благодаритъ его, не ускользаетъ отъ стараго добродушнаго холостяка, живущаго своими средствами. Онъ взглядываетъ на нее, закладываетъ руки назадъ, и идетъ съ ней рядомъ по звонкой мостовой.

— А то, предлагаетъ онъ, кивнувъ назадъ головой, — вы просто можете теперь же пойдти къ мистеру Джасперу на квартиру.

Старуха смотритъ на него съ хитрой улыбкой и качаетъ головой.

— А! вы не хотите говорить съ нимъ?

— Она повторяетъ нѣмой отвѣтъ и изображаетъ губами беззвучное: „нѣтъ.“

— Можете любоваться имъ издали три раза въ день, когда хотите. Только едва ли стоило для этого ѣхать такъ далеко.

Старуха быстро вскидываетъ на него глаза. Если мистеръ Дачри надѣется такимъ способомъ узнать отъ нея откогда она пріѣхала, значитъ онъ гораздо простодушнѣе ея. Но онъ, повидимому, и не помышляетъ о подобныхъ хитростяхъ, какъ идетъ распустивъ волосы по вѣтру, небрежно звеня мелкой монетой въ карманѣ.

Звонъ денегъ какъ-то особенно привлекателенъ для ея жадныхъ ушей.

— Не можете ли вы мнѣ залатить за ночлегъ въ пристанищѣ путниковъ, добрый джентльменъ? Не дадите ли немного денегъ? Я бѣдная женщина и страдаю жестокимъ кашлемъ.

— Вы, какъ видно, знаете гдѣ пристанище: идете прямо туда, ласково замѣчаетъ мистеръ Дачри, продолжая звенѣть деньгами. Часто бывали здѣсь?

— Одинъ только разъ въ жизни.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Они дошли до входа въ монастырскій виноградникъ. Умѣстное воспоминаніе, представляющее достойный подражанія примѣръ, приходитъ на умъ старухѣ при видѣ этой мѣстности. Она останавливается у воротъ и говоритъ выразительно:

— Можеть-быть вы не повѣрите; а право вотъ заѣсъ, на этомъ самомъ мѣстѣ одинъ молодой джентльменъ далъ мнѣ три шиллинга шесть пенсовъ, когда задыхалась я отъ капая на травѣ. Я полпросила у него именно три шиллинга и шесть пенсовъ, онъ и далъ мнѣ.

— Не смѣю ли было рѣзко назначать сумму, замѣчаетъ мистеръ Дачри, все продолжая звенѣть деньгами.— Не представляется ли это обыкновенно доброй волей? Не могло ли показаться молодому джентльмену, только показаться, понимаемъ, что его неволятъ?

— Видите ли, милый, отвѣчаетъ она вкрадчивымъ голосомъ,—я хотѣла употребить эти деньги на лѣкарство, которое мнѣ помогаетъ и которымъ я торгую. Я такъ и сказала молодому джентльмену; и онъ далъ мнѣ; и я добросовѣстно употребила всѣ деньги до послѣдней монетки. Вотъ и теперь, я хочу купить того же лѣкарства на такую же сумму, и если вы дадите мнѣ эти деньги, я точно такъ же добросовѣстно употреблю ихъ, завѣряю васъ честью.

— Что же это за лѣкарство?

— Я буду откровенна съ вами. Это лѣкарство—опій.

Мистеръ Дачри, внезапно мѣняясь въ лицѣ, быстро взглядываетъ на нее.

— Опій, милый. Ни болѣе, ни менѣе. Объ немъ, такъ же какъ и о людяхъ, часто слышишь съ дурной стороны, а съ хорошей весьма рѣдко.

Мистеръ Дачри начинаетъ медленно отсчитывать требуемую сумму. Жадно слѣдя за его руками, она продолжаетъ распространяться о поданномъ ему прекрасномъ примѣрѣ.

— Какъ-разъ наканунѣ Рождества, въ единственный пріѣздъ мой сюда, въ самыя сумерки, молодой джентльменъ далъ мнѣ эти три шиллинга и шесть пенсовъ.

Мистеръ Дачри перестаетъ считать; онъ сбился, и начинаеть снова.

— А имя молодого джентльмена, прибавляетъ она, — было Эдвинъ.

Мистеръ Дачри роняетъ нѣсколько монеть, нагибается чтобы поднять ихъ, и покраснѣвъ отъ усилія, спрашиваетъ:

— Почему же вы знаете имя молодого джентльмена?

— Я у него спросила; онъ мнѣ и сказалъ. Я предложила ему два вопроса: какъ звать его по имени, и вѣтъ ли у него ми-

лой? Онъ отвѣчалъ,—что зовутъ его Эдвинъ, а милой у него нѣтъ.

Мистеръ Дачри останавливается съ отобранными деньгами въ рукахъ, но погружается какъ будто въ глубокое размышленіе о ихъ цѣнности и не рѣшается съ ними разстаться. Старуха смотритъ на него недоувѣрчиво, начиная злиться на ожидаемый исходъ его размышленій. Онъ, однако, отдаетъ ей деньги, будто рѣшившись на пожертвованіе, и униженно благодаривъ его, она идетъ своею дорогою.

Лампа Джона Джаспера зажжена; надворотный маякъ свѣтитъ, когда мистеръ Дачри возвращается къ нему. Какъ моряки на опасномъ пути, приближаясь къ скалистому берегу, глядятъ по лучамъ хранительнаго свѣта на лежащую далью пристань, которой можетъ-быть не суждено имъ достигнуть, такъ пытливый взглядъ мистера Дачри устремился на свѣточъ, и далью.

Онъ заходитъ на свою квартиру лишь для того чтобы надѣть шляпу, это, повидимому, столь бесполезное для него украшеніе. Въ половинѣ одиннадцатаго по соборнымъ часамъ, онъ выходитъ опять на улицу. Онъ останавливается и поглядываетъ кругомъ, какъ будто, съ наступленіемъ звѣтнаго часа, когда Дордельсъ прогоняется домой камнями, надѣется увидѣть чертенка которому поручено гнать его.

Дѣйствительно, этотъ злой духъ является. Мистеръ Дачри видитъ его, какъ онъ, за неимѣніемъ живой машины, святоотачественно бьетъ камнями мертвыхъ, сквозь ограду каабища. Чертенку кажется это забавнымъ дѣломъ. Вопервыхъ потому что мѣсто считается священнымъ, а вовторыхъ потому что памятники въ темнотѣ похожи на живыхъ людей, и возможна отрадная мысль что удары имъ чувствительны.

Мистеръ Дачри кличетъ его:—Эй! Вилкъ!

Онъ откликается:—Эй! Дикъ!

Какъ видно, они успѣли подружиться.

— Вы, однако, замѣчаетъ мальчишка—не разглашайте моего имени. Помните, я никакого имени не намѣренъ признавать. Когда меня спрашиваютъ въ тюрьмѣ о моемъ имени, чтобы записать въ книгу, я отвѣчаю: узнайте. Точно такъ же, когда спрашиваютъ какой я вѣры, я отвѣчаю: узнайте.

А узнать это, замѣтимъ мимоходомъ, необыкновенно трудно, какъ бы ни была развита статистика въ государствѣ.

— Да кроме того, продолжаетъ мальчишка—и нѣтъ фамиліи Вилксъ.

— Кажется, есть.

— Врешь; нѣтъ. Это такъ мнѣ дали прованіе путешественники. Единственная клучка на которую я откликаюсь—Вѣгунъ. Да и этого имени я не признаю, коль ма то ложно.

— Ну, Вѣгунъ, такъ Бѣгунъ. Мы вѣдь съ тобою друзья?

— Друзья.

— Я простилъ тебѣ твой первый долгъ, и не мало моихъ монетъ досталось тебѣ съ тѣхъ поръ; такъ ли, Бѣгунъ?

— Да, и главное вы не другъ Джасперу. Зачѣмъ спишь онъ меня съ ногъ?

— Зачѣмъ, дѣйствительно! Но оставимъ его пока. Сегодня, Бѣгунъ, тебѣ достанется шиллингъ. У васъ сейчасъ оставилась прѣзжая, съ которой я говорилъ. Большая женщина съ кашлемъ.

— Курильщица, подтверждаетъ Бѣгунъ, кривя лицо, наклоняя голову на сторону и перекашивая глаза. — Курильщица оному.

— Какъ ее зовутъ?

— Королевское высочество принцесса Трубка.

— У ней есть какое-нибудь другое имя. Гдѣ она живетъ?

— Въ Лондонѣ съ моряками.

— Съ моряками?

— Да. Съ Китайцами и другимъ обродомъ.

— Мнѣ бы хотѣлось узнать черезъ тебя въ точности гдѣ она живетъ.

— Ладно. Дайте въ руки.

Передается шиллингъ, и съ тѣмъ взаимнымъ довѣріемъ, которое должно бы сопровождать всѣ сдѣлки между честными людьми, это дѣло считается конченнымъ.

— Вотъ однако, штука! восклицаетъ Бѣгунъ.

— Куда, какъ вы думаете, идетъ ея высочество завтра утромъ? Въ кон-сито-рию.

Онъ тянетъ слоги отъ восхищенія, бьетъ себя по лямкамъ и перекувыркивается съ рѣзкимъ хохотомъ.

— Почему ты это знаешь, Бѣгунъ?

— Она сама мнѣ сейчасъ сказала. Говорить, что нарочно должна встать рано. Мнѣ завтра, говорить, надо пораньше умыться и принарядиться, какъ могу, потому что хочу зайти въ консистерію.

Онъ опять съ прежнимъ юморомъ тянетъ слоги, и находя недостаточно выразительнымъ прыганье, вдругъ переходитъ къ медленной и торжественной пляскѣ, изображая можетъ быть самого декана.

Мистеръ Дачри принимаетъ извѣстіе съ довольнымъ, но задумчивымъ лицомъ, и прекращаетъ разговоръ. Возвратившись на свою квартиру, онъ дома сидитъ за ужиномъ, состоящимъ изъ хлѣба, сыру, сельдей и лава, который приготовила ему мистрисъ Толь; сидитъ еще и локомчивъ ужинъ. Наконецъ встаетъ, отворяетъ угольный шкалъ и справляется съ нѣсколькими чертами, грубо проведенными на внутренней сторонѣ его.

— Мнѣ нравится, говоритъ мистеръ Дачри,—старый способъ вести счеты. Понятно только тому кто считаетъ. Такъ. Малый, однако, счетъ, скудный счетъ!

Онъ вздыхаетъ, беретъ съ одной изъ полокъ кусокъ мѣлу, и останавливается въ нерѣшимости, держа его въ рукѣ.

— Небольшая черточка, произносить онъ—вотъ, кажется, все что въ правѣ я прибавить.—Проводитъ черточку, затворяетъ шкалъ, и ложится въ постель.

Лучезарное утро сіяетъ надъ старымъ городомъ. Древности и развалины необычайно прекрасны. Сочный люцкъ дослится на солнцѣ, и тѣнистыя вѣтви деревъ качаются въ благоуханномъ воздухѣ. Мерцаніе свѣта, лѣсны птицъ, залахъ садовъ, лѣсовъ и полей, или лучше, залахъ всего, какъ садъ воздушнаго, острова, проникають въ соборъ, смягчаютъ мрачныя тѣни его, говорятъ о воскресеніи и жизни. Холодные каменные гробницы прошлыхъ вѣковъ нагрѣваются, лучи свѣта проливаютъ въ отдаленнѣйшіе углы зданія и трепещутъ тамъ словно крылья.

Является мистеръ Толь съ большими ключами и, звѣвая, отпираетъ двери. Является мистрисъ Толь съ прислугой. Является въ свое время органистъ съ мальчикомъ; поглядываютъ внизъ изъ-за красныхъ занавѣсокъ, безстрашно сметаютъ пыль на высотѣ, обтираютъ колонны и педали. Являются грачи съ разныхъ странъ свѣта, возвращаясь къ башнѣ; можно предположить что они любятъ колебаніе воздуха, и ожидаютъ его отъ колоколовъ и органа. Являются весьма немногочисленные прихожане, большею частію изъ угла младшихъ канониковъ. Является мистеръ Кристаркъ, свѣжій и бодрый, и его товарищи, не такіе свѣжіе и бодрые. Является хоръ

вполыхахъ (вѣчно вполыхахъ, торопясь надѣть рясы въ послѣднюю минуту, какъ дѣти выскакивающіе изъ постели), и является во главѣ хора Джонъ Джасперъ. Послѣ всѣхъ является мистеръ Дачри, помѣщается въ одномъ изъ незанятыхъ мѣстъ и ищетъ глазами ея высочество принцессу Трубку.

Давно уже длится служба, а онъ все не можетъ отыскать ее. Наконецъ онъ разглядываетъ ее въ тѣни. Она стоитъ за колонной, тщательно окрываясь отъ начальника хора, но пристально глядя на него. Не сознавая ея присутствія, онъ поетъ. Она усмѣхается въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ онъ всего болѣе увлечается глѣниемъ и.... да, мистеръ Дачри ясно это видитъ.... грозить ему кулакомъ изъ-за колонны. Мистеръ Дачри глядитъ еще разъ, чтобъ удостовѣриться. Да; вотъ олять. Безобразна и суха, какъ одно изъ фантастическихъ изваяній лодъ каедрой, зла какъ дьяволъ, безчувственна какъ мѣдный орелъ, держащій на крыльяхъ своихъ священныя книги, и нисколько не укрощенный ими, по представленію ваятеля, она покачивается, прижавъ къ груди тощія руки, и потомъ обоими кулаками грозитъ начальнику хора. Въ эту минуту, изъ-за двери, ускользнувъ отъ бдительности мистера Тола помощью знакомыхъ ему уловокъ, выглядываетъ Бѣгунъ, съ изумленіемъ переводя глаза отъ угрожающей на угрожаемаго.

Служба кончается; служители расходятся завтракать. Мистеръ Дачри заговариваетъ съ новой знакомой своей за дверями, когда хоръ разошелся, раздѣвшись такъ же послѣшно, какъ одѣвался.

— Здравствуйте. Ну что? Видѣли его?

— Видѣла, милый, видѣла.

— Вы его знаете?

— Знаю! Лучше гораздо чѣмъ всѣ досточтимые священники знаютъ его.

Мистрисъ Толъ заботливо приготовила весьма опрятный завтракъ для своего жильца. Не садясь за столъ, онъ отворяетъ угловой шкаль, беретъ съ полки мѣлъ, прибавляетъ къ счету толстую черту съ верху шкала до низу, и затѣмъ принимается кушать съ апетитомъ

Этими выпускомъ кончается оставшаяся по смерти Диккенса рукопись *Эдвина Друда*. Два часа послѣ того какъ написана была послѣдняя страница, автора не было уже въ живыхъ. Одно мѣсто ро-

мана наводитъ на мысль что онъ предчувствовалъ близость кончины, но она не отразилась на талантѣ его. Не часто, кажется, можно найти въ послѣднемъ произведеніи писателя столько свѣжести, столько живости, столько яркости красокъ, столько истиннаго юмору. Диккенсъ сошелъ съ поприща ничего не утративъ изъ тѣхъ умиренныхъ силъ, съ какими вступилъ на него. Напротивъ, силы эти лишь достигли полнаго, стройнаго развитія, и можно смѣло сказать что прерванный смертью романъ принадлежалъ бы къ числу лучшихъ его произведеній. На дальнѣйшій ходъ и развязку этого романа нѣтъ никакихъ указаній въ оставшихся бумагахъ. Черновые замѣтки найденныя въ нихъ относятся лишь къ первой, уже издавшой части, и только по намекамъ въ ней заключающимся можетъ каждый разгадывать по своему Тайну Эдвина Друда.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

2

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТЫЙ.

511144

1870

О К Т Я Б Р Ъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

- I. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II. (1769—1789.) А. Н. Буломзина.
- II. СЫЩИКИ. Историческая повесть изъ бирюзовскаго времени. Часть первая. Гл. I—XVII. Булкина.
- III. ДВА ЭПИЗОДА ИЗЪ ЦАРСТВОВАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II. Эпизодъ второй. IV. Барона Ф. А. Бюлера.
- IV. НА НОЖАХЪ. Романъ. Часть первая. Гл. I—VII. Н. С. Льскова. (Стебницкаго.)
- V. БѢЛАЯ-КРИНИЦА ДО ПРИѢЗДА АМВРОСІЯ. Гл. I—III. Н. И. Субботина.
- VI. МУЖЪ И ЖЕНА. Романъ Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. (Окончаніе.)
- VII. МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ И НА КАВКАЗѢ. С. А. Смирнова.
- VIII. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. I. Писни собранныя И. В. Куршевскимъ, изд. Обществомъ Любителей Россійской Словесности. II. *Съверъ Россіи*. Соч. М. Сидорова. П. Щ.
- IX. ПРИЗРАКЪ ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА. П. К. Щебальскаго.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧЪ ЛЬДЪ ПОДЪ ВОДОЙ. Разказъ Жюль Верна. Часть вторая. (Окончаніе.)

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1871 году будетъ стоить въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, **ТРИНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП.**, съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.**

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 7 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки, 3 р. 40 к., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 4 р.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Бабунова, на Невскомъ проспектѣ.

Иногородные адресуются **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, либо Петербургъ, по слѣдующему разчету:

	Р.	К.
Въ государствѣ Германскаго Почтоваго Союза	16	—
Въ Вельгію, Нидерланды и Швейцарію	17	—
Въ Данію	18	50

Въ Англію, Францію, Испанію, Португалію и Швецію 20
 Въ Италію 24
 Въ прочія мѣста за границей по предварительному приглашенію съ редакціей.

Желающіе приобрести *Русскій Вѣстникъ*, за прежніе годы могутъ покупать его въ конторѣ Университетской типографіи по слѣдующимъ уменьшеннымъ цѣнамъ:

Отдѣльно за каждыи годъ.

	Съ пер.		Безъ пер.
За второе полугодіе 1857 года	12 книгъ	5 руб.	4 р. 25 коп.
• 1858 годъ	24 книги	10 .	8 . 50 .
• 1859	24 .	10 .	8 . 50 .
• 1860	24 .	10 .	8 . 50 .
• 1861	12 книгъ	8 .	6 . 50 .
• 1862	12 .	8 .	6 . 50 .
• 1863	12 .	8 .	6 . 50 .
• 1864	12 .	8 .	6 . 50 .
• 1865	12 .	8 .	6 . 50 .
• 1866	12 .	8 .	6 . 50 .
• 1867	12 .	8 .	6 . 50 .
• 1868	12 .	8 .	6 . 50 .
• 1869	12 .	8 .	6 . 50 .

За нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ.

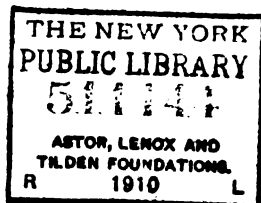
	Съ пер.	Безъ пер.
За два года, какіе угодно	15 р.	12 р. — к.
• три года	22 .	17 . 50 .
• четыре года	28 .	22 . — .
• пять лѣтъ	33 .	25 . 50 .
• шесть лѣтъ	37 .	28 . — .
• семь	40 .	29 . 50 .
• восемь	48 .	31 . — .
• девять	46 .	32 . 50 .
• десять	49 .	34 . — .
• одиннадцать лѣтъ	52 .	35 . 50 .
• двѣнадцать	55 .	37 . — .
• двѣнадцать съ половиною лѣтъ	56 . 50 к.	37 . 75 .

Иногородные адресуютъ свои требованія въ редакцію *Русскаго Вѣстника*. Г. книгопродавцамъ дѣлается уступка: съ пересылкой 5%, безъ пересылки 10%.

Тутъ же отпускаются и отдѣльныя книжки *Русскаго Вѣстника*, для пополненія разрозненныхъ годовыхъ экземпляровъ за 1858, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67 и 68 годы по 50 коп. за книжку безъ пересылки, а съ пересылкою по 70 коп. За 1869 и текущій 1870 годъ отдѣльныя книжки отпускаются по 1 руб. 50 коп. за книжку.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДОХОДЫ И РАСХОДЫ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II

(1769—1780.)

I.

Состояніе финансовъ предъ началомъ Турецкой войны.—Увеличеніе податей по случаю войны.—Финансы во время войны и расходы на войну.

Созванная Екатериной комиссія объ Уложеніи обратила вниманіе на необходимость приведенія въ извѣстность системы государственныхъ сборовъ и расходовъ. Вслѣдствіе этого „частная комиссія объ образѣ сборовъ и объ образѣ расходовъ“ обратилась, въ мартѣ 1769 года, въ дирекціонную комиссію* съ требованіемъ о доставленіи въ нее необходимыхъ ей свѣдѣній о государственныхъ расходахъ. При этомъ частная комиссія увѣдомила что первую часть своего плана она расположила слѣдующимъ образомъ: государственные расходы предположено распределить подъ слѣдующими рубриками:

- 1) О расходахъ потребныхъ на защищеніе государства.
- 2) О расходахъ на соблюденіе внутренняго порядка, спокойствія и безопасности всякаго особенно и всѣхъ вообще.
- 3) На предпріятія до пользы общей касающіяся.
- 4) На довольствіе и великолѣпіе престола.

Въ отвѣтъ на требованіе комиссіи, ей была изъ сената сообщена краткая табель непремѣнныхъ и главныхъ государ-

* Изъ дѣлъ архива министерства юстиціи въ Москвѣ.

ственныхъ расходовъ. Изъ этого сообщенія видно что бюджетъ государственный въ нормальномъ своемъ видѣ, по раздѣленіи на главные рубрики, согласно проекту комиссіи, представлялъ слѣдующія цифры:

1) На защищеніе государства полагалось 9.277.093 р. 61¼ к. (въ томъ числѣ на армію 8.077.093 р. 61¼ к., на флотъ 1.200.000 р.)

2) На общественное спокойствіе и порядокъ, подъ которыми подразумѣвалась стоимость всего свѣтскаго и духовнаго управленія, 3.947.011 р. 74¾ к.

3) На предпріятія полезныя, то-есть: строенія, пути сообщенія и содержаніе разныхъ учебныхъ заведеній, 1.470.690 р. 88 к.

4) На довольствіе и великолѣпіе двора 3.269.231 р. 44 к. (въ томъ числѣ и содержаніе гвардіи).

5) Кромѣ того показывалось что по государству бываетъ временныхъ и экстраординарныхъ расходовъ и изъ собственныхъ доходовъ присутственныхъ мѣстъ, всего 3.299.115 р. 50 к.

Общій итогъ государственныхъ ежегодныхъ расходовъ въ эту эпоху составляетъ, такимъ образомъ, 21.263.143 р. 18 к. Цифру эту, весьма близко подходящую къ итогамъ государственныхъ расходовъ за года непосредственно предшествовавшіе 1769, можно, такимъ образомъ, признать выражающею нормальное состояніе этихъ расходовъ за время до начала Турецкой войны.

Въ такомъ почти положеніи и находилась государственная казна непосредственно предъ началомъ упомянутой войны. Подтверженіемъ сему служить вѣдомость о государственныхъ расходахъ и доходахъ за 1768 годъ, * изъ которой видно что доходы за этотъ годъ предположены были въ размѣрѣ 21.683.178 р., а съ оборотными и недоимочными за прошлые года 25.231.384 р., расходы же по той же вѣдомости не превосходили 20.378.124 р., а съ оборотными и чрезвычайными 21.860.522 р. **

Между тѣмъ, возвѣщенная манифестомъ 18го ноября 1768 года война съ Турціей потребовала новыхъ и значительныхъ пожертвованій со стороны государственной казны, и на покрытіе чрезвычайныхъ, вызванныхъ ею, расходовъ было въ 1768 и въ началѣ 1769 годовъ установлено нѣсколько новыхъ податей и налоговъ.

* Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

** Вѣдомости и Росписи, напечат. въ V томѣ Историч. Сборн. Спб. 1870.

Прежде всего правительство обратилось къ увеличенію прямыхъ податей: указомъ 13го ноября 1768 года, * со всѣхъ въ казенномъ вѣдомствѣ состоявшихъ крестьянъ, въ томъ числѣ и съ экономическихъ и дворцовыхъ, повелѣно было собирать, кромѣ 70 к. подушной подати, по 2 р. оброку съ души, по послѣдней ревизіи, начиная съ 1го іюля 1769 года. Выставляя принципомъ государственнаго хозяйства что „по надобности государственныхъ расходовъ неминуемо должны быть равнѣряемы и подати, наблюдая токмо чтобъ оныя происходили безъ отягощенія и отъ однихъ избытковъ“, указъ, въ оправданіе увеличенія прямыхъ податей, приводилъ что существовавшія подати были наложены въ прежнія времена, когда продукты крестьянскаго труда продавались по низшей цѣнѣ и когда работою труднѣе было добыть денегъ на уплату податей. Въ указѣ упоминается что цѣна на рабочій трудъ увеличилась вдвое противъ того времени когда установлены были существовавшія подати, а количество денегъ въ обращеніи увеличилось вчетверо, и наконецъ, что поличеніями и мудрыми распоряженіями доставлена народу возможность увеличить свои заработки, такъ что каждый противъ прежняго могъ зарабатывать не только вдвое, но и втрое и вчетверо.

Сенатскимъ указомъ 27го мая 1769 года, ** увеличеніе оброчной подати до двухъ рублей было распространено и на приписныхъ къ казеннымъ и партикулярнымъ заводамъ крестьянъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ возвышена платимая имъ заработная плата, за лѣтній конный день съ 10 до 12 кол., за лѣтній съ 5 до 6 кол., за зимній конный день съ 6 до 8 кол., и за лѣтній съ 4 до 5 кол., за проходъ же отъ жилищъ къ заводамъ положено по 3 кол. за день, считая по 25 верстѣ въ день. Въ дальнѣйшее облегченіе заводскихъ крестьянъ, указомъ 30го августа 1770 года *** повелѣно имъ было изъ наложенныхъ на нихъ сборовъ, вмѣстѣ съ прежними, вносить деньгами 1 руб. съ души, а остальные зарабатывать.

Вслѣдъ затѣмъ остзейскія провинціи были призваны къ „равномѣрному повесенію тягости“, и на все время веденія войны Лифляндская провинція съ островомъ Эзелемъ была обложена годовою податью во 100.000 альбертовыхъ талеровъ, ****

* П. С. З. № 13.194.

** П. С. З. № 13.303.

*** П. С. З. № 13.456.

**** Указъ 30го декабря 1768 г. П. С. З. № 13.222.

а Эстляндская провинція въ 50.000 талеровъ, * причеиъ раскладка этой подати между жителями была предоставлена самой провинции. Указомъ же 14го іюля 1769 года, ** соотвѣтственно тому, городъ Нарва былъ обложенъ 3.000 руб. ежегодно, въ теченіи войны, подати.

Всѣ эти накладныя по случаю войны подати велѣно было высылать въ штатсъ-контору, гдѣ хранить ихъ и не иначе расходовать какъ по особымъ именованнымъ указамъ. ***

Еще въ манифестѣ 15го декабря 1763 года повелѣно было казенныя амбары, кузницы, лавки и прочія оброчныя мѣста въ городахъ переоброчить, а съ частныхъ положить оброкъ въ казну на $\frac{1}{10}$ часть получаемаго съ нихъ владѣльцами дохода, но до сихъ поръ не сдѣлано было подробнаго росписанія съ какихъ лавокъ и мѣстъ сколько взыскивать и какія освободить вовсе. Въ настоящее время, въ виду государственныхъ нуждъ, правительство, въ январѣ 1769 года, **** издало подробное росписаніе о такихъ лавкахъ, которое само по себѣ содержитъ весьма полную номенклатуру разныхъ отраслей розничной торговой промышленности.

Согласно этому росписанію:

I. Десятинной подати съ наемной цѣны подвергались: всякія лавки, полулавки и погреба, какъ на рынкахъ и площадяхъ, такъ и въ домахъ, какими бы товарами въ нихъ ни торговали, кромѣ хлѣбныхъ, калачныхъ, пирожныхъ и блинныхъ. Тою же десятинною податью были обложены постоянныя дворы, всякія кладовыя, наемныя (не собственныя) каретныя лавки, шорныя и сѣдельныя, саложныя, столярныя, мѣдныя и машинныя лавки.

II. По невозможности обложить нѣкоторые промыслы означенною податью, для нихъ принимались другіе способы обложения.

Такимъ образомъ по пространству занимаемыхъ нѣкоторыми торговцами мѣстъ облагались:

1) По полтора рубля съ квадратной сажени: лари для продажи восковыхъ свѣчъ, толоконныя и тому подобныя лавки и шалаши, лари и шкафы съ мелкими вещами, прилавки и шалаши въ которыхъ продаются лакомства, табачныя лавки, лари и скамьи, сбитенныя скамьи, лавки и шала-

* То же. II. С. З. № 18.228.

** II. С. З. № 18.321.

*** Указъ 15го октября 1769 г. II. С. З. № 18.371.

**** II. С. З. № 18.247.

ни въ которыхъ производилась продажа живности и всякой гачи, а также съѣстныхъ лавки. Береговые рыбные садки мѣною не менѣе 6 сажень должны были платить 10 руб., а меньшаго размѣра по $1\frac{1}{2}$ руб. съ сажени длины.

По одному рублю съ квадратной сажени облагались: палани для продажи въ зимнее время изъ саней мерзлой рыбы, мѣста для продажи грибовъ, сѣна, овса и соломы.

По 10 коп. съ квадратной сажени были обложены лѣсные дворы въ городахъ и предмѣстьяхъ.

По 25 коп. съ квадратной сажени должны были платить гочильни.

2) Поштучно были обложены медовыя кади по полтинкѣ.

III. Затѣмъ совершенно освобождены были отъ всякаго оброка:

1) Разнощики торгующіе сальными и восковыми свѣчами.

2) Скупщики, пригоняющіе птицъ стадами и продающіе съ возовъ и корзинъ.

3) Разнощики продающіе грибы съ рукъ или съ возовъ.

4) Продавцы съ рукъ стараго лаття, салоговъ, доскутьевъ, ветоши.

5) Кади, изъ которыхъ продаются квасъ и кислая щи.

6) Царюльки.

7) Мучные лабазы, амбары, барки, но съ тѣмъ чтобы въ нихъ хлѣбъ не продавался въ количествахъ меньшихъ чѣмъ по 10 кулей заразъ.

8) Лѣсные лоты и дворы внѣ городовъ.

9) Всякія лавки и мѣста въ которыхъ продаются лишь одни хлѣбные съѣстные продукты, а также лукъ, чеснокъ, рѣдька, хрѣнъ сырой и сушеный, простой ливной уксусъ.

10) Харчевни, въ которыхъ продаются всякія яства для рабочихъ людей.

11) Дрова.

12) Обручники.

13) Разнощики всякихъ съѣстныхъ припасовъ, овощей и плодовъ.

14) Сады и огороды.

15) Крестьяне привозящіе для продажи произведенія сельскаго хозяйства, но лишь съ правомъ продажи ихъ возами, а не въ розницу, мѣрою или вѣсомъ.

Вовсе не было дозволено заводить особыя мѣста для продажи латтей и всякихъ лычныхъ обуви и снастей и для продажи стараго лаття, а лишь позволено было продавать ихъ изъ лавокъ съ платою десятичной подати.

Всѣхъ приведенныхъ нами мѣръ, однакоже, по мнѣнію генераль-прокурора князя Вяземскаго, не было достаточно для обезпеченія необходимыхъ для веденія войны расходовъ. Вслѣдствіе сего генераль-прокуроръ, еще въ апрѣль 1769 года, * внесъ въ состоявшій при императрицѣ совѣтъ представленіе о томъ, что на 1770-годъ предвидится недостатокъ въ 2.900.000 р. При этомъ предложено было увеличить подушный окладъ. Но, — сказано въ протоколѣ засѣданія, — на это ея величество изволила объявить „что она на сіе согласиться не можетъ и не считаетъ сіе за послѣдній ресурсъ, котораго безъ самой крайности употреблять не надлежитъ, а чтобы изыскать другія и для народа легчайшія средства“. Наконецъ, по предложенію генераль-прокурора, предоставлено ему было войти въ переговоры съ откупщиками объ увеличеніи цѣны вина до 3 руб., отъ чего предполагалось получить прибыли миллионъ рублей. Вслѣдъ затѣмъ, въ юнѣ того же года, читанъ былъ докладъ тайныхъ совѣтниковъ Волкова и Телова о наложеніи чрезвычайной подати на фабрики и заводы и купечество. Волковъ и Теловъ предполагали обложить все положенное въ подушный окладъ купечество, кромѣ платимыхъ ими 1 р. 20 к. съ души, еще 1 р. 50 к. Совѣтъ однако предположилъ увеличить прежній окладъ только до 2 р., то-есть надбавку ограничить 80 к. съ души, „ибо“—какъ сказано въ протоколѣ совѣта — „купечество равно съ крестьянами тягость войны на себѣ несутъ, какъ рекрутами, такъ и работниками, да сверхъ того еще употребляютъ въ службу, какъ-то: въ вино и соли, къ нему оныхъ употребляется не малое число. И если каждаго употребляемаго въ службу положить на годъ по 30 руб., то сіе составитъ великую сумму, которую купечество ежегодно платить.“ Наконецъ, въ юлѣ, князь Вяземскій представилъ совѣту что по исчисленію на 1770 годъ потребно чрезвычайныхъ для арміи расходовъ 7.254.825 руб.; что на удовлетвореніе ихъ можно изъ государственныхъ доходовъ назначить 4 милл. руб., что отъ надбавки на вино, если она состоится, получится 1 милл. руб. и что недостатокъ затѣмъ превосходить 2 милл. руб. Въ другомъ документѣ подъ заглавіемъ „Братскій счетъ о денежныхъ доходахъ 1770 года“, подписаннымъ тѣмъ же княземъ Вяземскимъ, ** потребность въ чрезвычайныхъ расходахъ на 1770 годъ исчисляется въ 7.777.679 р., причемъ

* *Архивъ государства. совѣта*, т. I, стр. 406 и слѣд.

** Въ дѣлахъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, книга вѣдомостей ЮФЕ.

подробности этого счета даютъ возможность судить о томъ какимъ образомъ исчислена была упомянутая имѣвшаяся въ виду сумма 4 милл. руб. Въ упомянутомъ счетѣ князь Вяземскій исчисляетъ государственные обыкновенные доходы въ 11.695.438 р., расходы же обыкновенные штатные въ 19.997.721 руб., непредвидѣнные мелкіе въ 1.100.000 р.; такимъ образомъ оставалось на чрезвычайные военные расходы лишь не болѣе 600.000 р.; но князь Вяземскій полагалъ произвести уменьшеніе въ расходахъ на постройки на сумму 500.000 р., такъ что остатокъ на военные расходы увеличивался до 1.100.000 р., затѣмъ, отъ вновь наложенныхъ податей и налоговъ полагалось получить: съ черносошныхъ и экономическихъ крестьянъ до 1.700.000 р., съ дворцовыхъ и перчинскаго серебра до 300.000 р. и отъ дванія мѣдной монеты до 1.000.000 р. Такимъ образомъ, итогъ свободныхъ на военные расходы суммъ составлялся въ 4.100.000 р. Образовавшійся на покрытие военныхъ потребностей дефицитъ слѣшкомъ въ 3.000.000 р. князь Вяземскій предлагалъ пополнить:

1) Накладкою на вино, отъ которой полагалъ онъ получить до 1 милл. руб.

2) Конtribusiєю съ Польши въ видѣ доставки фуража и провіанта натурою, отъ чего онъ также рассчитывалъ получить до 1 милл. руб.

3) Займомъ на 1 милл. руб.

Одновременно съ представленіемъ своимъ, генераль-прокуроръ внесъ въ совѣтъ, какъ сказано въ протоколѣ отъ 13го июля, — „вѣдомости о государственномъ приходѣ и расходѣ“. По поднесеніи императрицѣ протоколовъ совѣта по всѣмъ изложеннымъ предположеніямъ, она приказала объявить что „она, прежде нежели оный докладъ подтвердетъ, желаетъ чтобы совѣтъ разсмотрѣлъ поданныя генераль-прокуроромъ вѣдомости о всѣхъ государственныхъ приходахъ и расходахъ, не можно ли чрезъ уменьшеніе иныхъ расходовъ въ некоторую получить выгоду, дабы симъ способомъ облегчить народъ въ разсужденіи новой накладки и оную замѣнить; если же совѣтъ не найдетъ никакихъ другихъ способовъ къ изысканію сего, то въ такомъ случаѣ по необходимости представленный докладъ будетъ подтвержденъ; притомъ же надлежитъ точно знать расходъ учиненный нынѣшняго года на войну, и сколько въ остаткѣ будетъ изъ суммы опредѣленной на чрезвычайныя издержки, и отлускаемой на армію ежемѣсячно, и сколь великъ надобеть расходъ на будущую кампанію; о всемъ

томъ составить вѣдомость и смѣты, въ которыя внести и недостатки по адмиралтейской коллегіи.“ Совѣтъ, выслушавъ высочайшее повелѣніе, положилъ однако испросить высочайшую конfirmaцію на свой докладъ, ибо,—оказано въ протоколѣ—„разсмотрѣніе вѣдомостей о приходахъ и расходахъ требуетъ времени, чтобы войти въ подробность оныхъ, въ разсужденіи чего и почитаетъ оную накладку за необходимую, и въ настоящее военное время не признаетъ чтобъ она могла служить къ большому отягощенію народа.“

Послѣдствіемъ сего было опубликованіе указовъ 13го и 30го октября 1769 года. * Первымъ объявлялось что „хотя нужда требовала бы, въ споспособованіе общей обороны и безопасности, наложить на народъ особливую, сверхъ обыкновенныхъ поборовъ, подать, однакоже ея императорское величество, имѣя матернее о своемъ народѣ попеченіе, изыскиваетъ способы чтобъ и при сихъ обстоятельствахъ, поелуку возможно, не отягощать вѣроподданныхъ ея общенародными налогами, но замѣнять оныя возвышеніемъ такихъ государственныхъ доходовъ которые не отяготительны“. Съ этою цѣлію повелѣно было: 1) вино во всемъ государствѣ продавать по 3 р. за ведро; 2) на пиво и медъ прибавить по 5 к. на ведро; 3) въ Иркутской и Тобольской губерніяхъ сдѣлать накладку на вино по 36 к. на ведро; и 4) такъ какъ означенною накладкою цѣна водки въ кабакахъ должна была возвыситься до 6 р. за ведро, то прибавить таможенной пошлины на французскія водки по 3 р. на ведро.

Второй указъ замѣчательнъ тѣмъ что въ немъ признается полезнымъ и справедливымъ чтобы отягощеніе, вызванное военными обстоятельствами, сколь возможно было уравнено на всѣхъ подданныхъ государства, а между тѣмъ купечество, фабриканты и заводчики, говорилось въ указѣ, по состоянію своихъ промысловъ не участвуютъ въ общихъ тягостяхъ, но „паче умножающимися, по причинѣ войны, подрядами и другими промыслами, получаютъ въ военное время новые способы къ умноженію своего имѣнія“. Вслѣдствіе того упомянутыя лица облагались на время войны, въ добавокъ къ праже платимымъ, еще слѣдующими экстраординарными податями:

1) Купечество было обложено, сверхъ платившагося имъ сорокоалтыннаго оклада, еще по 80 к. съ души.

* П. С. З. № 13.369 и 13.375.

- 2) Фабрики производящія работы ткачествомъ, по 1 руб. съ каждаго стана.
- 3) Прочія фабрики по одному проценту съ цѣны выдѣлываемыхъ на нихъ ежегодно произведеній.
- 4) Желѣзные заводы, съ дошны по 100 р. и съ выплаваемого чугуна по 4 коп. съ пуда.
- 5) Мѣдные заводы, съ печки по 5 руб. и натурою 10й пудъ съ выплаваемой ежегодно мѣди.
- 6) Минеральные заводы должны были платить одну десятую долю съ капитала.
- 7) Ручные горны, занимающіеся выдѣлкою желѣза и чугуна, по 3 руб. въ годъ (въ томъ числѣ и прежде собиравшіяся по князю съ пуда).

Всѣ вновь установленные сборы и подати привели государственной казнѣ довольно значительныя суммы, хотя нѣкоторыя изъ этихъ податей по доходности своей не достигли ожидавшихся отъ установленія ихъ результатовъ. Хранящаяся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ вѣдомость о государственныхъ доходахъ и расходахъ на 1770 годъ, составленная 31го декабря того же года, даетъ возможность судить о результатахъ сборовъ наложенныхъ для pokryтія военныхъ расходовъ. Изъ этой вѣдомости усматриваемъ что въ 1770 году сборы эти исчислялись въ слѣдующемъ количествѣ:

1) 2-рублевого оброка съ крестьянъ черно-сошныхъ	1.233.260 р. 20 к.
2) съ дворцовыхъ	493.636 . — .
3) „ экономическихъ	506.968 „ 50 .
4) „ Остзейскихъ провинцій военныхъ податей.	170.469 „ 56 ¹ / ₄ .
5) „ ипгерманладскихъ обывателей	10.595 „ 60 .
6) „ частныхъ мѣднотавильныхъ и чугуныхъ заводовъ	325.581 „ 13 .
7) съ купечества 80 к. съ души	182.692 „ — .
8) „ фабрикъ	21.758 „ 32 ³ / ₄ .
9) винныхъ новоокладныхъ	817.993 „ 93 ¹ / ₄ .
Итого	3.762.955 р. 25 ¹ / ₄ к.

Такимъ образомъ, присоединяя къ полученнымъ съ военныхъ сборовъ 3.763.000 р. предположенные по расчету князя Вяземскаго: 1.100.000 р.—остаточныхъ отъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, 1.000.000 р.—прибыльныхъ отъ чеканки мѣдной монеты и 1.000.000 р.—контрибуціи съ Польши, что составитъ въ совокулности до 6.700.000 р.,

оставалось, повидимому, непокрытымъ до 1.000.000 р., которые предположено было приобрести посредствомъ займа.

Къ сожалѣнiю, я не встрѣчалъ подробныхъ расчетовъ за остальные года Турецкой войны. Нѣкоторыя однако указанiя на предполагавшiеся военные расходы въ 1771 году и на имѣвшiеся для покрытiя ихъ источники государственныхъ доходовъ представляютъ хранящiяся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ вѣдомости, подписанныя княземъ Вяземскимъ, о потребныхъ на слѣдующiе года чрезвычайныхъ расходахъ. Изъ вѣдомостей этихъ видно, что, съ одной стороны, чрезвычайные въ 1771 году расходы были разчитаны въ 6.589.640 р. 4¹/₂ к.; на покрытiе же ихъ предположены были къ поступленiю слѣдующiя, по различнымъ вѣдомствамъ завѣдывавшимъ государственнымъ сборами, суммы:

1) По статсъ-конторѣ:		
остаточныхъ	Новоположенныхъ	Изъ обыкновен.
денегъ 882.303 р.	съ крестьянъ 1.200.000	р. доход. 1.000.000
	съ Остзейскихъ губерній... ..	170.000 .
	съ купечества и становъ.....	204.000 .
2) По коллег. экономiи:		
остаточныхъ 800.000 р.	отъ чрезвычайн. сборовъ.....	900.000 .
3) По бергъ-коллегiи:		
остаточныхъ 120.444 р.	отъ сборовъ съ заводовъ.....	300.000 .
4) По камеръ-коллегiи:		
остаточныхъ 170.320 р.	прибыли отъ новаго откупа и новоположенныхъ на вино	} 1.754.222 .
5) По монетнымъ экспедициямъ:		
остаточныхъ 517.214 р. 34 ³ / ₄ к.	денегъ.	1.000.000 .
6) По солян. конторѣ за испанск. соль 14.074 р. 91 ¹ / ₂ к.		
7) По банк. проц. 31.600 р. — к.		
8) По дворцовой канцелярiи:		
остаточныхъ 292.253 р. — к.		
Итого ... 2.828.209 р. 26 ¹ / ₄ к.		<u>5.528.222 р.</u> <u>1.000.000</u>

Общій итогъ этихъ суммъ составляетъ 9.356.431 р. 26¹/₄ к.; между тѣмъ по другому акту, * объ отпущенныхъ изъ означенныхъ вѣдомствъ по 31е декабря 1771 года суммахъ на чрезвычайные расходы, видно что суммъ этихъ потребовалось до 7.991.907 р., включая сюда и находившіеся за границею фонды. Въ общей же сложности, какъ увидимъ ниже, расходы вызванные военными обстоятельствами въ 1771 году значительно превзошли послѣднюю сумму и почти достигали 9 милл. руб.

Изъ двухъ вѣдомостей за 1772 годъ, ** подобныхъ приведеннымъ, видно что расходы чрезвычайные по военнымъ обстоятельствамъ за тотъ годъ были разчитаны въ 7.157.576 р.; ресурсы же имѣвшіеся въ виду для покрытія этихъ расходовъ распределялись по различнымъ вѣдомствамъ въ слѣдующихъ цифрахъ:

1) По статсъ-конторѣ, съ остаточными отъ 1771 года, всего предполагалось.	2.172.626 р. 3 ¹ / ₂ к.
2) По коллегіи экономіи	1.133.458 „ 67 „
3) По бергъ-коллегіи	469.950 „ 63 „
4) По камеръ-коллегіи	2.171.602 „ 85 ¹ / ₂ „
5) По монетной экспедиціи	1.522.433 „ 32 ¹ / ₄ „
Итого	7.470.071 „ 51¹/₄ „

Уменьшеніе въ семь году противъ предшествовавшаго свободныхъ по статсъ-конторѣ суммъ объясняется въ приведенной вѣдомости значительными, на сумму до 143.000 р., недоимками въ сборахъ съ фабрикъ, становъ, купечества и крестьянъ, происшедшихъ въ 1771 году и ожидаемыхъ въ 1772 году по тѣмъ же сборамъ въ количествѣ до 400.000 р. По откупнымъ сборамъ съ литей и по сборамъ съ бань и конскому, по случаю „нынѣшней разстройкі“, оказывалась недоимка за 1771 годъ въ 800.000 р. и такая же недоимка предполагалась и на 1772 годъ.

Что же касается до *дѣйствительнаго вступленія* упоминаемыхъ чрезвычайныхъ по военнымъ обстоятельствамъ наложенныхъ сборовъ, то необходимая для сужденія о томъ данныя представляютъ окладныя книги за 1773 и 1776 годы. *** Выбравъ для большей ясности лишь цифры касающіяся во-

* Въ дѣлахъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

** Тамъ же.

*** С.-Петербургскій государственный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

енныхъ налоговъ за 1773 годъ (когда всѣ они были еще въ дѣйстви), изъ окладной книги того года, мы получаемъ довольно полныя данныя касательно суммъ, какъ окладовъ тѣхъ сборовъ, такъ и недоимокъ, накопившихся по нимъ за прежніе, до 1773, года, съ начала ихъ существованія, и дѣйствительныхъ въ помянутомъ году вступленій.

Данныя эти представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	Окладъ 1773 года.	Недоимки прошлыхъ лѣтъ.	Сумма по- ступлен. въ течен. года
1) Прибавочныхъ съ государственныхъ крестьянъ, по указу 1768 года, въ 2-рублев. окладъ.	1.388.605 р.	529.984 р.	1.335.440 р.
2) Съ экономическихъ крестьянъ, по тому же указу.....	2.076.409 .	606.220 .	2.023.819 .
3) Прибавочныхъ съ купцовъ и цеховыхъ по 80 к. съ души, по указу 1769, сентября 10го. .	187.519 .	46.571 .	182.531 .
4) Конtribusiи съ Рижской и Ревельской губерній, по указу 30го декабря 1768 года.....	—	27.084 .	189.536 .
5) Накладныхъ съ желѣзныхъ заводовъ.....	8.424 .	4.902 .	6.785 .
6) " съ мѣдноплавильныхъ печей.....	1.500 .	930 .	1.317 .
7) " съ чугуна... .	212.328 .	71.029 .	113.232 .
8) " съ мѣди.	—	110.798 .	66.868 .
9) " съ минеральныхъ заводовъ.....	272 .	66 .	272 .
10) " съ фабричныхъ становъ.....	9.865 .	1.915 .	9.085 .
11) " съ фабричныхъ капиталовъ.....	8.433 .	847 .	8.469 .
12) " съ горновъ.....	1.375 .	2.093 .	2.107 .
13) Съ домовыхъ становъ..	4.370 .	99 .	4.456 .
14) Накладныхъ на нихъ....	4.370 .	21 .	4.372 .
Итого....	3.903.470 р.	1.402.559 р.	3.948.274 р.

Кромѣ того:

На содержаніе почтъ, по указамъ 1769—72 годовъ.....	86.854 р.	119 р.	80.255 р.
Съ Жидовъ по 1 р. съ головы, по указу 1772 года.....	—	—	12.509 .

Сравнивая выведенный итогъ съ вѣдомостями государственныхъ доходовъ и расходовъ за то же время, оказывается что въ числѣ показанныхъ по окладной книгѣ 2 милл. р. 2хъ-рублевого оклада съ экономическихъ крестьянъ находится до 1½ милл. р., которые собирались съ нихъ еще до начала войны. Напротивъ того недостаетъ 500.000 р. прибавленныхъ на дворцовыхъ крестьянъ и надбавочнаго на вино налога, вошедшаго уже въ составъ общей откупной суммы и составляющаго по вѣдомости 1770 года 817.993 р. Исправивъ на основаніи сихъ данныхъ приведенный итогъ, получимъ *общую сумму 3.859.031 р. чрезвычайныхъ доходовъ, дѣйствительно получавшихся путемъ увеличенія податей и налоговъ.* Такимъ образомъ, если принять въ соображеніе что сумма поступленийъ отъ обыкновенныхъ податей и налоговъ въ мирное время составляла въ 1768 году немного болѣе 21½ милл. руб., то оказывается что правительство на 20% увеличило подати для немедленнаго покрытія военныхъ расходовъ.

Наконецъ, одинъ изъ сохранившихся документовъ даетъ возможность судить о дѣйствительно произведенныхъ за военное время чрезвычайныхъ расходахъ. Документъ этотъ — всеподданнѣйшій докладъ, представленный императрицѣ генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ въ ноябрѣ 1774 года, о всѣхъ военныхъ расходахъ за все время продолженія войны.* При докладѣ этомъ приложено 8 отдѣльныхъ вѣдомостей: 1) о суммахъ на содержаніе сухопутнаго войска; 2) о суммахъ на флотъ, въ Средиземномъ морѣ находившійся; 3) на артиллерию и крѣпости; 4) о расходахъ чрезвычайныхъ по адмиралтейству и выданныхъ вице-адмиралу Сенявину; 5) о суммахъ на расходы министерскіе (по коллегіи иностранныхъ дѣлъ, на посланниковъ, курьеровъ и проч.); 6) о чрезвычайныхъ расходахъ по военнымъ обстоятельствамъ внутри Имперіи; 7) о суммахъ употребляемыхъ на покупку товаровъ для перевода за границу и, наконецъ, 8) общее обзорѣніе симъ расходамъ, по каждой вѣдомости показаннымъ. Выбравъ изъ этихъ вѣдомостей цифры расходовъ по отдѣльнымъ изъ показанныхъ предметовъ, по каждому изъ годовъ въ теченіе которыхъ продолжалась война и которые вошли въ настоящій докладъ, мы можемъ оставить слѣдующее полное обзорѣніе военнымъ расходамъ за семь лѣтъ:

* Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Изъ дѣлъ по сношеніямъ генералъ-прокурора съ сенатомъ.

Презвучающа и з-держка и.	Из 1768.	1769.	1770.	1771.	1772.	1773.	1774.	Итого.
На содержание войскъ .	1,250,000	3,887,007	4,081,139	3,990,489	3,864,488	3,064,879	2,967,180	22,744,875
На флотъ	—	983,352	1,738,611	2,227,975	1,732,319	1,142,868	1,644,880	9,469,768
На артиллерию и крѣпости	55,000	986,042	473,140	561,172	227,631	436,493	748,015	3,482,495
На административную колле- гию (большую часть на по- строения и вооруженіе судовъ)	—	200,000	350,915	342,728	692,204	754,539	689,175	3,029,564
На вѣдомство иностран- ныхъ дѣлъ	20,000	515,000	32,301	132,418	208,701	161,062	191,521	1,261,005
На внутренніе расходы .	—	217,685	713,598	413,712	631,720	1,072,782	651,201	3,700,702
(Въ томъ числѣ на уплату процентовъ по вѣнскимъ займамъ)	—	—	89,000	150,000	176,000	233,000	239,000	—
Употреблено на покупку товаровъ для переезда изъ за границу и выдачу на тѣ суммы кредитовъ	—	50,000	471,550	1,352,500	723,829	726,280	500,000	3,824,159
Итого	1,325,000	6,839,086	7,861,307	8,960,948	7,780,866	7,358,407	7,386,644	47,512,210*

* Неточности въ итогахъ происходятъ отъ сложения округленныхъ здѣсь копеекъ.

Изъ сравненія выведенной такимъ образомъ суммы дѣйствительно произведенныхъ по военнымъ обстоятельствамъ расходовъ съ предположеніями генераль-прокурора въ началѣ первыхъ военныхъ годовъ и количествомъ взимавшихся на тѣ расходы прибавочныхъ податей и налоговъ видно что расходы превосходили въ большинствѣ случаевъ предположенныя въ началѣ каждаго года суммы. Мы также видимъ что до 50% военныхъ расходовъ взимались съ народа непосредственнымъ возвышеніемъ податей; лишь остальная часть этихъ расходовъ должна была быть покрываема частію, какъ выше было указано, сбереженіями въ обыкновенныхъ расходахъ государства, а частію вѣнскими займами и выпускомъ ассигнацій, для какой цѣли и былъ въ самомъ началѣ войны учрежденъ ассигнаціонный банкъ. Сколько было въ теченіи этой войны выпущено на удовлетвореніе государственныхъ потребностей ассигнацій, видно изъ одного позднѣйшаго документа, а именно 12.714.750 р. * Если за симъ предположить что въ теченіе пяти съ половиною лѣтъ (большую часть надбавочныхъ сборовъ положено было собирать съ 1го іюля 1769), собрано было чрезвычайными налогами около 20.000.000 р., считая по 3.800.000 р. въ годъ, оказывается недостатокъ около 15 милліоновъ рублей, который необходимо было покрыть сбереженіями въ расходахъ и иностранными займами.

Въ дѣлахъ архива государственнаго совѣта ** мы находимъ указанія на то что въ это время были заключены нѣкоторыя вѣнскія займы. Такъ въ реляціи о засѣданіи 5го марта 1769 года состоявшаго при императрицѣ совѣта находимъ что генераль-прокуроръ предлагалъ сдѣлать заемъ въ 2 милл. руб. Затѣмъ, въ засѣданіи 12го марта, объявлено было высочайшее повелѣніе о назначеніи графа Чернышева, князя Алексѣя Михайловича Голицына и князя Алексѣя Алексѣевича Вяземскаго для негоціаціи о займѣ денегъ. Вслѣдствіе того въ засѣданіи 26го марта представлены были заготовленные указы. Въ запискѣ поданной императрицѣ генераль-прокуроромъ въ іюль того же года, также, какъ мы видали выше, предлагалось покрыть образовавшійся на 1770 годъ дефицитъ въ 1 милл. руб. займомъ. Далѣе, въ протоколѣ засѣданія 7го сентября 1769 читаемъ: „При высочайшемъ ея императорскаго

* Подробнѣе въ нашей статьѣ: *Ассигнаціи въ царствованіе Екатерины II, въ Русскомъ Вѣстникѣ.*

** *Архивъ государственнаго совѣта, т. I, стр. 406 и слѣд.*

величества присутствіи, совѣтъ разсуждалъ о приступѣ къ займу вновь денегъ. Князь А. А. Вяземскій предложилъ что въ Даніи можно получить одиѣ миллионъ съ „авантажными для насъ кондиціями“ предъ голландскими. Затѣмъ въ слѣдующихъ засѣданіяхъ совѣта, въ началѣ уже 1770 года, сущаны были предложенія о займѣ, какъ изъ Генуи, такъ и изъ Колонгагена, а въ маѣ 1771 года, генераль-прокуроромъ представлены были тройныя ратификаціи на контрактъ займа въ Генуѣ, причемъ сказано что ратификаціи эти были „апробованы“. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ какъ велики были дѣйствительно заключенные въ то время займы, но изъ вѣдомости о расходахъ на войну видно что въ 1773 и 1774 годахъ расходовалось до 239.000 руб. ежегодно на платежъ процентовъ „съ голландской и генуэзской негоціаціи“.

II.

Облегченіе податной тяжести послѣ войны.—Установленіе гильдейскаго налога.—Управленіе косвенными налогами: соляной и таможенный сборы.

Отъ изложенія тѣхъ чрезвычайныхъ финансовыхъ распоряженій которыя вызваны были Турецкою войною, перейдемъ къ очерку законодательныхъ по финансовой части мѣръ, ознаменовавшихъ описываемое десятилѣтіе.

Недостатокъ единства составляетъ характеристическую черту финансовой системы XVIII вѣка въ Россіи какъ и вездѣ. Этотъ недостатокъ выражался прежде всего въ самой системѣ податей, въ которую входило еще множество какъ мѣстныхъ, такъ и общихъ сборовъ, завѣщанныхъ прошедшимъ временемъ, стѣснявшихъ промышленную дѣятельность народа, затруднявшихъ отчетность по сбору государственныхъ доходовъ и приносившихъ казнѣ самую незначительную прибыль. Потому естественно что уничтоженіе этихъ сборовъ и освобожденіе промышленной дѣятельности народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ объединеніе податной системы сдѣлалось одною изъ первыхъ заботъ императрицы по окончаніи первой Турецкой войны и не переставало занимать ее и въ слѣдующіе затѣмъ годы. Для достиженія этой цѣли, Екатерина, которой дѣятельность съ характеризующимъ ее политическимъ тактомъ и пониманіемъ дѣйствительныхъ потребностей народа, была съ самаго вступленія ея на престолъ направлена на созданіе тѣхъ условій

которыя могли способствовать развитію народнаго богатства, е устращилась произвести временный дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ, лишь бы развить производительныя силы страны и дать просторъ промышленной дѣятельности народа. Съ этою цѣлью государыня поручила сенату, вслѣдъ за кончаніемъ войны, рассмотретьъ какія подати могли бы быть отменены.

Сенатъ отвѣчалъ на это пространнымъ докладомъ, который послужилъ основаніемъ для манифеста 17го марта 1775 года.* Сенатъ принять въ основаніе своихъ разсужденій два начала: во первыхъ, даровать народу облегченіе, и во вторыхъ, не истощать казны „особливо при нынѣшнихъ въ государствѣ обстоятельствахъ“, какъ оказано въ его докладѣ.

Въ этомъ отношеніи первою необходимостью представлялось ему уничтожить тѣ обборы и налоги которые различными указами были наложены въ началѣ войны. Таковы были оборы съ кулечества, по 80 к. съ души; съ желѣзныхъ заводовъ, по 100 р. съ домны; съ мѣдноламельныхъ печей, по 5 р.; съ выплаваемого чугуна, по 4 к. съ пуда; десятинные оборы съ выплаваемой мѣди и съ минеральныхъ заводовъ; сборъ со ставовъ и однопроцентный сборъ съ производимыхъ на фабрикахъ товаровъ, и наконецъ, наложенныя на Лифляндію, Эстляндію и городъ Нарву суммы. Всѣ эти временныя оборы приносили ежегоднаго дохода казнѣ 631.682 р. 44 к., и отмена ихъ была обязательна для казны, такъ какъ и наложены они были лишь на время войны.

Переходя затѣмъ къ прочимъ податямъ и налогамъ, сенатъ находилъ что нѣкоторые изъ нихъ требовали, если не уничтоженія, то по крайней мѣрѣ убавки. Таковы, по мнѣнію его, были: соляной сборъ, гривенная крѣпостная пошлина и конскія пошрины. Сбавка въ цѣнѣ на соль была обѣщана еще въ указѣ 5го іюля 1762 года; гривенная крѣпостная пошлина подлежала отменѣ, по мнѣнію сената, потому что наложенная случайно, по указу 1714 года, вмѣстѣ съ учрежденіемъ майората и для огражденія выхода имѣній изъ дворянскихъ родовъ, обратилась затѣмъ лишь въ тягость, особенно тѣмъ которые продавали свое имѣніе изъ крайности; въ особенноти же тягостна была конская пошлина, ладавшая преиму-

* Въ Московск. главн. архивѣ министерства иностр. дѣлъ. Дѣла по сношеніямъ генеральнаго прокурора съ сенатомъ, свѣдка 3а.

цественно на бѣдный крестьянскій классъ народонаселенія принужденный подчиняться, при покупкѣ и продажѣ лошадей, множеству формальностей. Но какъ ни тягостны для народа были эти три рода податей, уничтоженіе или уменьшеніе ихъ произвело бы столь значительный дефицитъ въ государственныхъ доходахъ (сбавка съ соды на 10 к. уменьшила бы доходы на 800.000 р., уничтоженіе крѣпостныхъ пошлинъ—на 270.000 р., уничтоженіе конскихъ пошлинъ—на 100.000 р.), а именно до 1.170.000 р., что сенатъ не рѣшился представить императрицѣ объ ихъ уничтоженіи, такъ какъ, по словамъ его, „отъ бывшаго въ государствѣ нестройства пришли и доходы многіе въ замѣшательство“.

Потому сенатъ перешелъ къ разсмотрѣнію такихъ податей уничтоженіе которыхъ, не причинивъ казнѣ большаго убытка, могло бы доставить значительное облегченіе народу отъ тѣхъ стѣсненій которыми сопровождалось собираніе, стоившее верѣдко такъ дорого что оно поглотило большую часть привосимаго этими податями дохода. Въ этомъ отношеніи сенатъ обращал преимущественное свое вниманіе на тѣ изъ уломанутыхъ податей которыя имѣли лишь одностороннее значеніе.

Руководствуясь такими началами, сенатъ представилъ къ уничтоженію 12 разнородныхъ мѣстныхъ сборовъ, приносящихъ казнѣ не болѣе 10.580 р. 14¼ к., и 24 общихъ, но отяготительныхъ для народа сборовъ, доставлявшихъ казнѣ 165.420 р. 28¼ к.

Краткое обзорѣніе этихъ представленныхъ къ уничтоженію сборовъ даетъ намъ нѣкоторое понятіе о той тягости и тѣхъ безчисленныхъ стѣсненіяхъ и злоупотребленіяхъ которыя сборы эти причиняли народу.

Въ числѣ мѣстныхъ сборовъ находились:

- 1) Сборъ съ струговаго и лодочнаго караула въ Казани, который состоялъ въ томъ что за караулъ лодокъ собиравось выборными отъ купечества верѣдко по 50 к. съ лодки; между тѣмъ сбора этого поступало всего не болѣе 29 р. въ годъ.
- 2) Сборъ съ тюленьяго промысла на Байкальскомъ озерѣ и съ выдѣлки каменныхъ жернововъ въ Вятской губерніи отдавались на откупъ, первый за 400 р., а второй всего за 153 р.; между тѣмъ, этимъ устанавливалась особаго рода монополія промысловъ, такъ какъ они отдавались въ исключительное пользованіе откупщиковъ. Частные тюленьи промышленники

не только были обязаны доставлять натурою одну десятую часть своей прибыли, но и остальную часть вырабатываемых ими продуктовъ должны были уступать тому же откупщику за установленную плату.

3) Въ Верхотурѣ сборъ съ особой серебряныхъ дѣлъ кузницы, доставлявшій *въ казну всего 20 к.*, и въ Илимскѣ такой же сборъ съ выдѣлки точильнаго камня, приносившій дохода *40 к.* и образовавшійся вслѣдствіе указа 15го декабря 1763 года о сборѣ со всякихъ мѣстъ, лавокъ и т. д. одной десятой доли получаемой съ нихъ хозяевами прибыли.

4) Не менѣе замѣчательнъ былъ сохранившійся съ древняго времени въ городѣ Вагѣ сборъ полоянничныхъ денегъ (на выкупъ лѣнныхъ), собиравшійся по гривнѣ съ двора и приносившій дохода 11 к.

5) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранялись кромѣ того сборы: за право имѣть въ бортевыхъ лѣсахъ пчельный промыселъ; не установленный какимъ-либо особымъ закономъ сборъ съ продажи кваса, по рублю съ кади; сборъ за найденныя мертвыя тѣла, по 4 р. 30 к., собиравшійся съ владѣльцевъ той земли на которой такое тѣло найдено было; сборы съ челобитнаго и площаднаго письма и вольныхъ солеварень, существовавшіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ давнихъ поръ, но также безо всякаго на то закона. Всѣ эти сборы приносили казнѣ вмѣстѣ не болѣе 378 р. дохода.

6) Наконецъ, въ С.-Петербургѣ, кромѣ установленнаго въ 1763 году сбора съ лавокъ, амбаровъ, харчевень и шалашей, существовалъ съ тѣхъ же мѣстъ прежній не отмѣненный поземельный сборъ; такъ что они платили, такъ-сказать, двойной налогъ. Потому сенатъ полагалъ исключить старый налогъ изъ оклада.

Изъ числа существовавшихъ на пространствахъ всего государства сборовъ, представлены были сенатомъ къ отмѣнѣ слѣдующіе, въ особенности считавшіеся отяготительными:

1) Въ ряду такихъ сборовъ по справедливости считался особенно тягостнымъ десятичный сборъ, установленный, по указу 15го декабря 1763 года, съ красильнаго, воскобойнаго, кожевеннаго, овчиннаго, мыльнаго, звѣринаго и птичьяго, мясничнаго промысловъ, съ салотолень, съ хмѣлеваго и солодовеннаго промысловъ, съ амбаровъ, амшениковъ (погребовъ), кирпичныхъ сараевъ, шалашей, балагановъ (деревянныхъ лавокъ), съ харчевень, скамей, полковъ (полокъ для продажи на

улицѣ), кузницѣ, съ постоянныхъ дворовъ, уметовъ и зимовей, съ бритовыхъ избъ, съ избъ отдаваемыхъ внаймы во время ярмарокъ, съ юртовъ (приставница устраивавшіяся на большихъ дорогахъ для прѣзжающихъ), доставлявшіе въ казну не болѣе 8.094 рублей.

Налоги эти, хотя и не особенно отяготительные по величинѣ своей, однакоже падали преимущественно на бѣднѣйшій классъ народонаселенія, собирались по мелочамъ, а въ особенности, по замѣчанію сената, были тягостны тѣмъ что во всякой мелочи промышленники должны были давать отчетъ, и потому, „больше тягости плательщикамъ, нежели прибытку государству приносили“; но при этомъ оставленъ былъ на прежнемъ основаніи десятичный сборъ съ лавокъ въ гостиныхъ дворахъ и частныхъ домахъ.*

2) Не менѣе обременительны для плательщиковъ были сборы: съ частныхъ бань, по 1 р. съ каждой, установленный въ 1704 году, и съ частныхъ мельницъ. По окладамъ, сборы эти должны были приносить казнѣ довольно значительный доходъ, а именно: первый до 31.000 р., а второй до 73.000 р.; но въ дѣйствительности большая часть этого оклада оставалась въ недоимкѣ, такъ какъ, напримѣръ, продолжали числиться въ окладѣ всѣ существовавшія во время учрежденія этого налога бани, изъ которыхъ уже многія съ тѣхъ поръ разрушились, вновь же устраиваемыя въ окладъ не включались; мельницы же облагались въ $\frac{1}{10}$ часть приносимаго ими дохода по показанію владѣльцевъ, такъ что нерѣдко приходилось взыскивать всего только по 10 к. съ мельницы. Казенныя мельницы оставлены были попрежнему на оброкѣ.

3) Пошлина съ духовныхъ завѣщаній, установленная по указу 1730 года, по 50 к. съ cadaго, принося казнѣ не болѣе 464 р., однако подавала поводы къ разнымъ искамъ и тябамъ объ уничтоженіи самаго завѣщанія, въ случаяхъ когда при составленіи его оно не было явлено для взиманія налога.

4) Крайне несправедливымъ представлялся взимавшійся въ количествѣ 42.950 р. оброкъ съ рыбныхъ ловель находившихся въ частномъ владѣніи, несмотря на то что указами 1727 и 1762 годовъ ловли эти были признаны полною собственностію владѣвшихъ ими лицъ.

* Сенатскій указъ 17го марта 1775 года, вслѣдствіе манифеста. II. С. З. 14.294.

5) Наконецъ, сенатъ представлялъ объ уничтоженіи производившагося вычета мѣсячнаго жалованья за повышеніе чинами штатскихъ и военныхъ служащихъ, что доставляло казвѣ съ однихъ штатскихъ до 9.280 р.

Всѣ эти облегченія были приняты императрицею и объявлены манифестомъ 17го марта 1775 года, * за исключеніемъ уничтоженія вычетовъ за чины. Такимъ образомъ уничтожено было:

	Руб.	К.
На время войны установленныхъ налоговъ на . . .	631.682	44
Мѣстныхъ сборовъ на	10.580	14 $\frac{1}{2}$
Повсемѣстныхъ отяготительныхъ сборовъ на . . .	156.140	11 $\frac{1}{2}$
Всего же на . . .	798.402	70

Кромѣ того, тѣмъ же манифестомъ отмѣнены были всякіе сборы, скотомъ или деньгами, взимавшіеся за выдачу дозволенія на бракосочетаніе въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ вступленіе въ бракъ зависѣло отъ дозволенія мѣстнаго губернатора или градоначальника, и вмѣстѣ съ тѣмъ самое вступленіе въ бракъ объявлено было свободнымъ для всѣхъ сословій.

Но императрица, кромѣ представленныхъ сенатомъ къ уничтоженію налоговъ, обратила вниманіе на его указанія и сочла возможнымъ въ то же время понизить крѣпостныя пошлины съ купчихъ и просроченныхъ закладныхъ съ 10% до 6%, ** и такимъ образомъ пожертвовать доходомъ въ 108.000 руб., *** и уменьшить цѣну на соль на 5 коп. съ пуда, чѣмъ также производилось уменьшеніе въ доходахъ казны, по разчетамъ сената, на 400.000 руб. ****

Такимъ образомъ императрица, въ видахъ облегченія народа и содѣйствія развитію промышленныхъ его силъ, рѣшилась пожертвовать доходами на 1.306.402 р. 70 к. † и отмѣ-

* П. С. З. № 14.275.

** Именной указъ сенату 17го марта 1775 года. П. С. З. № 14.276.

*** Указъ сената вслѣдствіе манифеста 17го марта 1775. П. С. З. № 14.294.

**** Именной указъ сенату 21го апрѣля 1775. П. С. З. № 14.303.

† Что разчетъ этотъ приближается къ истинѣ, доказывается тѣмъ что въ другомъ документѣ (доклады и донесенія генерал-прокурора по государственнымъ доходамъ и расходамъ, въ Моск. г. арх. минист. ин. дѣлъ, св. I № 8) разчетъ этотъ значительно разнится въ подробностяхъ, и въ однихъ изъ уничтоженныхъ статей показаны гораздо значительнѣйшія суммы доходовъ, въ дру-

вила, кромѣ военныхъ податей, до 35ти разныхъ другихъ обременявшихъ народъ сборовъ.

Екатерина однако не остановилась на этомъ; она воспользовалась первою возможностью чтобы продолжать свои преобразования въ податной системѣ отмѣною еще нѣкоторыхъ, особенно тягостныхъ для народа, сборовъ.

Слѣдуя въ этомъ отношеніи указаніямъ изложеннымъ въ рапортѣ сената, послужившемъ основаніемъ для принятія мѣръ обнародованныхъ въ 1775 году, императрица приступила въ 1777 году къ отмѣнѣ слѣдующихъ податей: *

1) Въ ряду тягостныхъ для народа сборовъ первое мѣсто занимали конскія лошадины, доставлявшія однако казнѣ до 97.443 р. 54³/₄ к., на которыя указано было въ сенатскомъ рапортѣ. Сборъ этотъ былъ отмѣненъ.

2) Не менѣе сѣвнительны для промышленности были десятичный сборъ съ частныхъ лавокъ, установленный въ 1763 году и приносившій казнѣ всего только 30.092 р. 72¹/₄ к. Сборъ этотъ былъ также уничтоженъ.

3) Сборъ съ явки пивъ, полливъ и медовъ, приносившій 13.390 р. 53³/₄ к., былъ также отмѣненъ.

4) Наконецъ, цѣлый рядъ сборовъ приносившихъ весьма незначительный доходъ казнѣ, каковы: сборъ съ домовыхъ фабричныхъ становъ, приводный съ людей, мѣстные сборы, въ Нижегородскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ, за имѣющійся при Макарьевской ярмаркѣ и у Печорскаго волока извозъ, и въ Выборгской губерніи, съ клейменія кубовъ и казановъ, сборъ съ явки отпускныхъ на людей, сборъ съ челобитнаго письма въ сибирскихъ губерніяхъ, и сборъ съ записанія золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ. Всѣ эти отдѣльные сборы всего доставляли казнѣ дохода 3.540 р. 54³/₄ к.

Такимъ образомъ опять за одинъ разъ было сложено податей на 144.467 р. 35¹/₂ к.

Вскорѣ послѣ того императрица, именнымъ указомъ 19го августа 1779 года, ** отмѣнила сборъ съ фабрикъ работающихъ станами, по 1 руб. со стана, и 1% сборъ съ прочихъ фабрикъ, по количеству производимыхъ ими продуктовъ.

гихъ меньшія, но итогъ однакоже выведенъ почти тотъ же, а именно: 1.307.559 руб. 87 коп.

* Манифестъ іюля 28го дня 1777 года. II. С. З. № 14.625.

** II. С. З. № 14.904.

Въ слѣдующемъ же 1780 году были, манифестомъ 28го іюня,* возвѣщены народу новыя облегченія въ податяхъ, а именно, отменены были:

1) Сборъ съ лѣса въ Солтовѣ, приносившій всего дохода казнѣ 16 руб;

2) сборъ съ договоровъ и всякихъ сдѣлочныхъ записей при наймѣ домовъ, людей, съ отпускныхъ, съ товарныхъ и другихъ записей; всего этихъ сборовъ получалось до 33.326 руб.;

3) сборъ съ отдаваемыхъ мѣстъ на Васильевскомъ островѣ, доставлявшій 858 р. 89¹/₂ к.;

4) сборъ съ отпуска судовъ и лодокъ въ порогахъ на рѣкѣ Свири въ Новгородской губерніи, отъ чего получалось до 160 р.;

5) сборъ съ отдачи людей въ услуженіе, отъ чего получалось 1.142 р.;

6) сборъ учрежденный въ городѣ Колѣ съ судовъ и судорабочихъ отправлявшихся къ датскимъ заливамъ для сальнаго и рыбнаго промысла, что доставляло 231 р. 7 к., и наконецъ

7) сборъ четвертной пошрины съ помѣщиковъ владѣвшихъ безъ справки и отказа, причемъ имъ предписывалось совершить эту справку и отказъ въ пятилѣтній срокъ безъ платежа пошрины; послѣдній сборъ приносилъ дохода до 11.253 р. 83¹/₄ к. ** Всего помянутымъ манифестомъ было сложено сборовъ на сумму 46.982 р. 79³/₄ к.

Такимъ образомъ, въ пятилѣтіе непосредственно слѣдующее за окончаніемъ Турецкой войны, сложено было податей болѣе чѣмъ на полтора милліона ежегоднаго дохода.

Относительно натуральныхъ повинностей до свѣдѣнія императрицы дошло что въ одной изъ губерній происходилъ чрезвычайный нарядъ работниковъ для строенія дорогъ по губерніи и сборъ денегъ съ народа на дѣланіе знаковъ сотскимъ и десятскимъ, а также и то что сотскіе и десятскіе были обязаны каждодневно являться къ уѣздному комиссару; потому, вслѣдствіе именнаго указа, сенатъ строжайше подтвердилъ губернаторамъ чтобы народъ не былъ отягощаемъ никакими произвольными поборами и налогами, кромѣ утвержденныхъ по волѣ государыни. ***

* П. С. З. № 15.024.

** Доклады и донесенія генераль-прокурора по государственнымъ доходамъ и расходамъ. Моск. глав. арх. мин. ин. дѣл. Св. I № 8.

*** Указъ 1778 года, 27го іюня. П. С. З. № 14.760.

Отвѣняя разные частныя, стѣснявшіе народную промышленность и торговлю сборы, императрица подумала вмѣстѣ съ тѣмъ о замѣнѣ ихъ правильною торговою податью. Въ виду этого, тѣмъ же манифестомъ 17го марта 1775 года, которымъ государыня устанавливала новыя облегченія, было положено начало преобразованію налога на торговый классъ. Купцы были избавлены отъ платежа подушныхъ, раздѣлены на три гильдіи и обложены податью въ 1% съ ихъ торговаго капитала. Въ сенатскомъ указѣ 25го мая * указанная въ манифестѣ начала были развиты. Всѣ купцы съ капиталомъ менѣе 500 руб. были сравнены съ мѣщанами; тѣ которые имѣли капиталъ отъ 500 руб. до 1.000 составляли первую гильдію, отъ 1.000 р. до 10.000 вторую, имѣющіе капиталы болѣе 10.000 руб. образовали третью гильдію. Въ этихъ границахъ предоставлено было всякому объявлять свой капиталъ, и пошлина взималась съ величины объявляемаго капитала. Фабриканты и владѣльцы заводовъ не были обязаны платить гильдейской пошлины, такъ какъ фабрики были обложены особо, но если при этомъ они производили мелочной торгъ своими произведеніями въ особыхъ лавкахъ, то должны были записываться въ гильдію.

Сборъ гильдейской пошлины былъ порученъ городскимъ канцеляріямъ, вмѣстѣ съ магистратами и ратушами.

Другимъ указомъ, 10го октября 1776 года, ** дана была подробная инструкція для производства означеннаго сбора съ купечества, и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждено собирать съ мѣщанъ подушную подать, не измѣняя оклада по городамъ отъ ревизіи до ревизіи, не выключая выбылыхъ и не включая вновь родившихся.

Часть вновь учрежденнаго процентнаго съ купеческихъ капиталовъ сбора была присвоена комиссаріату, въ замѣнъ прежде получавшихся подушныхъ съ купечества, а остальная часть штатсъ-конторѣ; причемъ въ полугодовыхъ вѣдомостяхъ, доставляемыхъ въ экспедицію о государственныхъ доходахъ, велѣно было сборъ этотъ показывать отдѣльно отъ подушнаго съ мѣщанъ сбора. ***

Перейдемъ къ управленію косвенными налогами. Въ разсматриваемую эпоху, внѣшняя война не препятствовала за-

* 1775 года. II. С. З. № 14327.

** II. С. З. № 14516.

*** 1776 года. II. С. З. № 14551.

ководительнымъ работамъ, и преобразование управленій ко-
свенными налогами подвигалось мало-по-малу впередъ. Въ
отношеніи къ *солянному доходу* мѣры предложенныя еще въ
1766 и 1768 годахъ комиссіей о винныхъ и соляныхъ обо-
рахъ, оставшіяся до сихъ поръ безъ практическаго примѣ-
ненія, послужили, повидимому, основаніемъ для предприня-
таго въ 1772 году преобразованія главной соляной конто-
ры. Безпорядки по управленію соляными сборами приходи-
ли до крайнихъ предѣловъ, но правительство не сразу рѣ-
шилось на общую мѣру; оно сперва старалось помочь злу
частными мѣропріятіями. Еще въ 1770 году, * генераль-
прокуроръ предлагалъ сенату что въ оставленіи счетовъ
о приходѣ и расходѣ соли и полученныхъ за нее денегъ
заматривается такая медленность что въ нѣкоторыхъ горо-
дахъ счета эти остаются непредставленными съ 1762 года.
Потому сенатъ и подтвердилъ губернскимъ, провинціальнымъ
и городовымъ воеводскимъ канцеляріямъ чтобъ онѣ выслали
въ соляную контору счета за прежніе годы по сбору соляна-
го дохода и впредь выслали ихъ не позже какъ черезъ пол-
года по заключеніи счетнаго года, предписавъ соляной конто-
рѣ наблюдать за точнымъ исполненіемъ сего правила, штра-
фуя тѣ мѣста кои онаго не исполняютъ.

Но приведенный указъ не имѣлъ, повидимому, успѣха. Тог-
да императрица, въ 1771 году, ** повелѣла президенту ревизи-
онной комиссіи, сенатору Маслову, обревизовать дѣла соля-
ной конторы за 1769—1771 года, по подлиннымъ присылаемымъ
въ нее изъ подчиненныхъ мѣстъ счетамъ, съ тѣмъ чтобъ удо-
стовериться сколько соляная контора имѣла къ началу 1769
года наличной по магазинамъ соли, сколько къ тому въ по-
слѣдніе года вновь заласено соли, въ какую цѣну эта соль
обошлась, сколько ея продано, куда вырученныя за нее день-
ги поступили и сколько за всѣмъ тѣмъ состоитъ налицо соли
и денегъ, какъ оборотныхъ, такъ и прибыльных; отовсюду
ли соляная контора получала въ своихъ суммахъ счета и об-
ревизованы ли ею тѣ изъ нихъ которые дѣйствительно полу-
чены.

По сличенію вѣдомостей взятыхъ вслѣдствіе такого вы-
сочайшаго повелѣнія изъ соляной конторы съ представлен-
ными ею въ сенатъ, послѣдній нашелъ что „хотя немнучемый

* П. С. З. № 13.489.

** П. С. З. № 13.784.

долгъ сей конторы требуетъ имѣть вѣрное извѣстіе сколько гдѣ въ запасныхъ магазинахъ и по продажнымъ мѣстамъ отъ году въ годъ, то-есть января къ 1 числу, соли находится будетъ, дабы не только имѣть чрезъ то вѣрное свѣдѣніе о вступающемъ въ казну отъ сего промысла доходѣ, но и такъ чтобы не сдѣлать недостатка по государству въ продажѣ соли, отчего не только недоборъ въ доходѣ, но и великій вредъ обывателямъ въ сохраненіи жизни восполдствовать могъ бы“, но несмотря на это соляная контора, показывая остаточной отъ 1768 года и заготовленной въ 1769 году соли всего въ количествѣ 27 милліоновъ лудъ, пояснила что принимать этой цифры за вѣрную нельзя, ибо большое количество соли числится вдвойнѣ, втройнѣ и болѣе разъ. Оказалось что не только соляная контора не имѣла вѣрнаго свѣдѣнія о своихъ доходахъ, но и въ самыхъ суммахъ залуталась. Съ 1761 года не было обревизовано ни одного счета, и за нѣкоторые года изъ многихъ подчиненныхъ мѣстъ счетовъ вовсе не было налицо. Соляная контора, говорится въ докладѣ сената: „сдѣлава единственно собственному гаданію, старалась только о приумноженіи соли, не взирая что уже многія мѣста и безъ того знатнымъ излишествомъ наполнены, а напротивъ того другія безъ долговременнаго пополненія оставлены были.“ Отъ этого происходило что недостатокъ соли въ томъ или другомъ мѣстѣ становился извѣстенъ конторѣ когда соли уже почти все не оставалось и тогда должны были отправлять ее въ тѣ мѣста, несмотря на высокія провозныя цѣны. Деньги такимъ образомъ или лежали мертвымъ капиталомъ въ соли, или находились по рукамъ у поставщиковъ или у лицъ коимъ поручена была продажа соли, такъ какъ сіи послѣдніе оставались безъ повѣрки. Въ виду указанныхъ „неудобствъ“ соляной конторы, сенатъ, особымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ, отъ 7го апрѣля 1772 года, предлагалъ императрицѣ: учредить новую главную соляную контору, обративъ существовавшую дотолѣ соляную контору въ департаментъ старыхъ дѣлъ при новой конторѣ. А „чтобы мѣсту сему прибавить важности и уваженія для бываемыхъ отъ него взысканій“, то главнымъ директоромъ по всемъ солянымъ дѣламъ назначить сенатора тайнаго совѣтника Маслова. Департаменту старыхъ дѣлъ сенатъ предлагалъ поручить окончаніе всѣхъ старыхъ дѣлъ, обревизованіе всѣхъ счетовъ до 1773 года и представленіе ихъ на ревизію въ „ревизионъ-коллегію“. Для этого, департаментъ

этотъ долженъ былъ собрать всѣ старые счета и вытребовать таковыя изъ тѣхъ мѣстъ откуда они не были доставлены, и если окажутся деньги на рукахъ у поставщиковъ и продавцевъ, то немедленно сдѣлать распоряженіе объ ихъ взысканіи. За симъ вытребовать особые счета о наличности соли бывшей къ началу 1770 года, и о наличной соли, сколько ея окажется къ 1му января 1773 года. Новой соляной конторѣ поручалось: озаботиться о введеніи правильнаго порядка въ заготовленіи соли на будущее время. Для этого поручалось ей раздѣлить всю Россію на округа и назначить для каждаго округа одинъ центральный магазинъ, изъ котораго и развозить соль по городамъ. За симъ самую соль повелѣно было заготовить въ такомъ количествѣ чтобы въ центральныхъ магазинахъ ея всегда былъ налицо $1\frac{1}{2}$ годовой запасъ, а въ городскихъ складахъ полугодовой запасъ. Для избѣжанія растраты поставщиками задаточныхъ денегъ, поручалось соляной конторѣ заботиться чтобы при заключеніи контрактовъ о поставкѣ соли не было поставщикамъ выдаваемо задаточныхъ денегъ, какъ прежде дѣлалось, въ половинномъ противъ всей провозной платы размѣрѣ, а лишь въ размѣрѣ четвертой части сей платы; треть или половину позволялось выдавать въ крайнихъ только случаяхъ. За симъ соляной конторѣ предписывалось требовать отъ подчиненныхъ ей мѣстъ ежемѣсячные рапорты о поступленіи соли, о ея продажѣ и о расходѣ денегъ; причѣмъ самой ей вести особыя окладныя книги, одну для магазинной соли, одну для продажной и одну для записи денежнаго расхода, и въ книгахъ сихъ отмѣчать приходъ и расходъ соли и денегъ, согласно донесеніямъ изъ мѣстныхъ конторъ. Соляную контору предположено было раздѣлить на три экспедиціи.

Въ заключеніе сенатъ, представляя объ одновременномъ съ учрежденіемъ новой главной соляной конторы упраздненіи комиссіи о соли, бывшей въ вѣдѣніи назначавшагося директоромъ конторы сенатора Маслова, испрашивалъ разрѣшенія государыни, „чтобы директоръ, вступя въ свою должность и войдя во всѣ подробности, практически разсмотрѣлъ нѣтъ ли еще чего къ сему положенію прибавить, и что найдетъ за полезное, сдѣлавъ обстоятельный планъ, такъ какъ и штаты соляной конторы,“ представилъ бы для поднесенія на высочайшее утвержденіе. На докладѣ сената послѣдовала высочайшая утвердительная резолюція.

Къ копи съ означеннаго доклада хранящейся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ * приложено краткое описаніе соляной продажи, составленное сенаторомъ Масловымъ, который разчитывалъ что въ теченіи 1771—1773 годовъ продано было среднимъ числомъ по 8.352.000 пудовъ соли въ годъ (кромѣ остзейскихъ и бѣлорусскихъ губерній). Почему на каждаго изъ 18.416.000 душъ обоего пола жителей приходилось, по разчету Маслова, по 18 фунтовъ соли.

Во исполненіе изложеннаго сенатскаго доклада, штаты главной соляной конторы и подчиненныхъ ей мѣстъ были въ томъ же 1772 году представлены на высочайшее утверждение. ** Согласно этимъ штатамъ, главная соляная контора учреждалась подъ вѣдомствомъ особаго директора изъ четырехъ членовъ и прокурора; всѣхъ чиновъ и служителей въ ней полагалось 150, а на ихъ содержаніе и канцелярскіе расходы 19.618 р. Въ департаментъ старыхъ дѣлъ, учрежденномъ при главной соляной конторѣ, полагалось 23 человека чиновъ и служителей, а на содержаніе этого департамента ассигновалось 5.170 р. Кромѣ того, назначалось по 1000 р. на состоящихъ при соляной конторѣ отъ 2 до 5 оберъ-офицеровъ для посылокъ въ разныя мѣста для освидѣтельствованія магазиновъ, для слѣдствій и для понужденія ко взносу недоимокъ, и по 500 р. на трехъ оберъ-офицеровъ для наблюденія за пріемомъ и отпускомъ соли въ магазинахъ: калужскомъ, тверскомъ и ржевскомъ. Весь расходъ на главную соляную контору вмѣстѣ съ содержаніемъ ея директора и департамента старыхъ дѣлъ составлялъ, такимъ образомъ, 27.863 руб. Главная соляная контора раздѣлена была, какъ и предположено было въ докладѣ сената, на три экспедиціи. На первую возлагалось наблюденіе за должностными лицами всѣхъ подчиненныхъ соляной конторѣ мѣстъ съ находящимися въ вѣдѣніи ихъ соляными промыслами, заготовленіе соли въ мѣста продажи оной, попеченіе о своевременномъ доставленіи соли въ назначенные пункты. На вторую экспедицію возлагалось наблюденіе за продажей соли, за полученіемъ слѣдующихъ за оную денегъ, и за израсходованіемъ оныхъ; наконецъ, третьей экспедиціи поручалось производство слѣдствій и счетныхъ дѣлъ и распоряженіе о взысканіяхъ по солянымъ дѣламъ.

* Сношенія генералъ-прокурора съ сенатомъ.

** П. С. З. № 13.887.

Подчиненныя соляной конторѣ мѣста, согласно штату, были слѣдующія: соляныя конторы: С.-Петербургская, Низовая съ Дмитріевскимъ комиссарствомъ, Нижегородская и Сибирская съ Иркутскимъ комиссарствомъ; комиссарства: Псковское, Олонецкое, Архангельское и Демкинское; главное Оренбургское правленіе, Пермское правленіе и Бахмутская заводская контора. На содержаніе уломянутыхъ мѣстъ назначалось всего 23.290 р., а число опредѣленныхъ въ нихъ чиновъ и служителей равнялось 251.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сенаторъ Масловъ обратился къ губернаторамъ съ особымъ циркулярнымъ сообщеніемъ, * въ которомъ, описывая всѣ происходившія при храненіи, и продажѣ соли посредствомъ городскихъ магистратовъ и ратушь злоупотребленія, какъ-то: неправильность записки о приходѣ и расходѣ соли, удержаніе на рукахъ магистратскими чинами вырученныхъ за соль денегъ, сдѣлки между сдатчиками и пріемщиками магазиновъ, безденежный заборъ соли на частныя продавцевъ надобности,—предлагалъ городovýmъ канцеляріямъ принять соляной сборъ въ общее съ магистратами и ратушами завѣдываніе. Вслѣдствіе этого и сенатъ, по предложенію генералъ-прокурора, подтвердилъ губернаторамъ объ исполненіи требованія сенатора Маслова, а главному магистрату предписать сдѣлать надлежація распоряженія и по подвѣдомственнымъ ему городскимъ управленіямъ.

Въ „отвращеніе“ же всѣхъ отъ злоупотребленій при соляной олерации, было въ 1773 году распубликовано о наказаніи ржевскаго купца Ваулина съ сыномъ, за тайную ими продажу, во время перевозки, слѣшкомъ 7.000 пудъ соли; убытокъ положено было взыскать продажей ихъ имѣнія или съ ихъ поручителей, а самихъ ихъ, по наказаніи плетью, отдать въ солдаты, а въ случаѣ негодности, сослать на поселеніе. **

Въ дополненіе къ изложеннымъ выше правиламъ сенатъ, по случаю оказавшейся въ 1775 году въ городѣ Пошехонѣй пропавши соли слѣшкомъ на 2.000 р., подтвердилъ главной соляной конторѣ что она обязана имѣть поличеніе о томъ чтобы доходы ея постунали „съ надлежащею исправностію и въ положенные сроки, не залукая ничего въ доимку“, причемъ повелѣно было вести въ сенатѣ особый счетъ всѣмъ взысканіямъ. ***

* П. С. З. № 13.872.

** П. С. З. № 14.071.

*** П. С. З. № 14.239.

Возвѣдъ за сими, когда въ томъ же году, вмѣстѣ съ другими преобразованіями внутренняго управленія, учреждены были казенныя палаты, которымъ, по выраженію Учрежденія для управленія губерній, „поручались въ смотрѣніе домостроительныя и казенныя дѣла губерній“, то на эти специально финансовыя мѣстныя учрежденія возложено было завѣдываніе между прочимъ и соляными дѣлами. * При этомъ на намѣстника возлагалась обязанность предупредить всякій недостатокъ въ соли „какъ нужно для жизни предметъ требованія.“

Наконецъ, вслѣдствіе полученныхъ правительствомъ свѣдѣній о томъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказывался недостатокъ въ соли, императрица, „отвращая дабы люди не могли потерпѣть крайней отъ того нужды, но всегда съ изобиліемъ сею необходимою вещью снабдѣны были“, именнымъ указомъ генераль-губернаторамъ, предписала въ 1780 году особыя въ отношеніи заготовленія соли правила. Этими правилами предписывалось имѣть въ каждомъ уѣздѣ или округѣ по запасному магазину и въ немъ не менѣе двухгодоваго запаса соли разчитаннаго по количеству соли потребовавшемуся въ томъ году когда расходъ превышалъ остальные года; въ тѣхъ губерніяхъ которыя снабжали солью другія, должно было имѣти наготовѣ еще двухгодовой запасъ, разчитанный по потребностямъ снабжаемыхъ ими мѣстностей. Для собранія необходимыхъ свѣдѣній, разрѣшалось генераль-губернаторамъ обращаться во всѣ мѣста, и всѣмъ властямъ повелѣвалось подавать другъ другу помощь. Наконецъ, изъ всѣхъ губерній предписывалось прислать вѣдомости о томъ сколько по уѣздамъ заготовлено соли и сколько необходимо приготовить во исполненіе новыхъ правилъ „дабы, имѣя столь подробныя свѣдѣнія“, закончивался указъ, „могли мы единообразнымъ распоряженіемъ привести всѣ части Имперіи нашей по дѣлу сему въ содѣйствіе и взаимное пособіе.“ **

Кромѣ изложенныхъ нами постановленій по устройству солянаго управленія, принимались въ разсматриваемую эпоху, со свойственною правительству Екатерины II энергіей и послѣдовательностію, мѣры и къ достиженію двухъ цѣлей указанныхъ въ шестидесятыхъ годахъ комиссіею о соляныхъ и винныхъ сборахъ: возстановленіе оставленныхъ и изысканіе но-

* П. С. З. № 14.392 ст. 118.

** П. С. З. № 14.980.

ныхъ соляныхъ источниковъ и возможное расширение сбыта соли.

Такимъ образомъ, изъ высочайше утвержденного въ 1770 году доклада сената видно что стараніями главной соляной конторы было увеличено число варницъ при Дедюхинскихъ соляныхъ промыслахъ съ 12 до 24, такъ что въ 1770 году было выварено на нихъ до 800.000 пудовъ соли; причемъ заготовительная цѣна этой соли разчитана въ 4 к. за пудъ. При означенныхъ варницахъ считалось въ то время приписанныхъ 598 душъ, изъ которыхъ бѣольшая часть была взята изъ вотчины Пыскорекаго монастыря, а остальная изъ бѣглыхъ изъ разныхъ мѣстъ поселянъ. Крестьяне эти были означеннымъ докладомъ отданы въ окончательное и полное завѣдываніе главной соляной конторы. *

Съ тою же цѣлю предпринято было возобновленіе Солигаличскихъ варницъ. Въ представленномъ по сему предмету въ 1771 году императрицѣ докладѣ сенатора Еролкина (бывшемъ на разсмотрѣніи сената) говорится что, въ виду затрудненій въ доставкѣ вѣтонской соли въ Нижній Новгородъ, было еще въ 1761 году предписано сенатомъ соляной конторѣ принять мѣры къ замѣнѣ вѣтонской соли илецкою или возобновить выварку соли въ Старой Русѣ и Балахнѣ. Вслѣдствіе того соляная контора вызвала желающихъ также и на возобновленіе солигаличскихъ варницъ, закрытыхъ въ 1758 году. Явились два конкуррента, и низшая цѣна состоялась по 12½ к. за пудъ. Подрядчики брались вываривать до 200.000 пудовъ ежегодно, на свой счетъ покупными дровами, не требуя пособия отъ казны на возобновленіе и очистку колодцевъ. Выгода въ цѣнѣ отъ замѣны въ окружающихъ мѣстностяхъ солигаличскою солью привозной разчитывалась противъ пермской въ 7½ к. съ пуда, а противъ вѣтонской 19 к. Недостатка въ дровахъ, по удостовѣренію сенатора Еролкина, не могло оказаться, и для предотвращенія злоупотребленій предложалось учредить надзоръ, почему и было поручено Еролкину отдать уломанутыя варницы въ частныя руки, тѣмъ, которые, при вѣрномъ обезпеченіи, возьмутъ напередешѣвшую за выварку соли цѣну, ** съ тѣмъ чтобы, вмѣсто учрежденія надзора, были отъ промышленниковъ отобраны подписки въ

* П. С. З. № 13.492.

** П. С. З. № 13.626.

томъ что, въ случаѣ если у нихъ произойдетъ корчемство, они подчиняютъ себя законному взысканію.

Въ видахъ большаго по возможности распространенія соеваренія, было обращено вниманіе и на соляные промыслы издавна существовавшіе на дальнемъ Сѣверѣ Россіи. Эти промыслы находились въ бывшемъ тогда Архангельскомъ уѣздѣ, въ Сумскомъ острогѣ, въ Нюхотской волости, при Бекскомъ городкѣ, и на морскомъ берегу; Новгородской губерніи въ Каргопольскомъ уѣздѣ, въ Тургасовскомъ ставу, въ Кушерецкой и другихъ волостяхъ, въ количествѣ 48 варницъ, принадлежавшихъ какъ бывшимъ монастырскимъ крестьянамъ, такъ и промышленнику Лыткину; а также были варницы расположенныя на бывшихъ монастырскихъ земляхъ и состоявшія въ вѣдѣніи соляной конторы. Всего на нихъ вываривалось отъ 52.000 до 135.000 пудовъ соли, отъ которыхъ казна получала отъ 5.000 до 27.000 р. прибыли. Промышленники получали за выварку соли по 7 к. за пудъ, но за вычетомъ 10% пошлины и соли безденежно ими доставленной на утечку и усышку, они получали не полныя 6 к. за пудъ, при которыхъ, по случаю необходимости заготавливать дѣсь въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, выварка соли, по своей убыточности для нихъ, приходила въ упадокъ. Въслѣствіе этого, директоръ солянаго правленія, сенаторъ Масловъ, по подробномъ разсмотрѣніи на мѣстѣ обстоятельствъ дѣла, представлялъ сенату о необходимости дать промышленникамъ по 9 к. за пудъ, безъ взысканія съ нихъ пошлины, на что, по докладѣ дѣла сенаторомъ, и послѣдовало въ 1774 году высочайшее соизволеніе. *

Въ положеніи столь же бѣдственномъ, отъ незначительности цѣны платимой казною за поставляемую въ нее соль, находились архангельскіе промышленники Клевинъ и Мотковъ, имѣвшіе свои варницы въ Двинскомъ уѣздѣ. На этихъ варницахъ вываривалось въ прежнее время до 280.000 пудовъ соли ежегодно; въ послѣднее же время онѣ пришли въ упадокъ, такъ какъ упомянутые промышленники отъ казны получали только по 4 $\frac{1}{2}$ к. за пудъ, самимъ же имъ соль обходилась, по ихъ завѣреніямъ, по 11 к.; изъ 25 варницъ оставалось въ дѣйствиіи только 9. По разслѣдованіи дѣла, сенатъ, согласно представленію Маслова, постановилъ, въ 1776 году, отпустить

* П. С. З. № 14.128.

упомянутымъ промышленникамъ (по 8 к., безъ вычета 10% пошлины, такъ какъ по произведенному разслѣдованію цѣна эта выводилась изъ подробныхъ показаній самихъ промышленниковъ и употребляемыхъ ими на варницахъ людей. *

Изъ другаго сенатскаго указа 1772 года видно что въ это время уже возобновлены были Старорусскія варницы, и что потребную на выварку въ нихъ соли сумму (до 24.000 р.) положено было отлускать ежегодно въ январѣ мѣсяцѣ. ** За симъ въ 1779 году находимъ именной указъ, коимъ повелѣвалось принимать изъ Старорусскихъ соляныхъ варницъ соль по однообразной цѣнѣ 20 коп. за лудъ, съ выдачею ежегодно, въ началѣ года, на необходимые расходы, до 21.000 р., и съ тѣмъ чтобы на эти деньги были выстроены магазины для хранения вывариваемой соли въ теченіи года и чтобы на казну пали одни перевозочные расходы. При этомъ Новгородской казенной палатѣ предписывалось опредѣлить въ какіи мѣстности Новгородскаго и Псковскаго намѣстничества было бы выгоднѣе ставить старорусскую соль, предпочтительно предъ пермскою и элтонскою. ***

Въ то же время было обращено вниманіе и на чрезвычайные убытки, претерпѣваемые казною по соляной операціи въ Сибири. Еще въ 1770 году иркутскій губернаторъ Бриль представлялъ сенатору Еропкину объ открытіи выломки соли въ Борзинскомъ озерѣ, отъ чего онъ ожидалъ значительнаго удешевленія соли заготовляемой для Нерчинскаго уѣзда. При этомъ иркутскій губернаторъ полагалъ поселить близъ озера до 25 дворовъ, набравъ ихъ изъ такихъ „бездомовыхъ и празднопшатающихъ разночинцевъ которые не только дворовъ не имѣютъ, но и податей не могутъ платить“. Изъ собранныхъ по предписанію сената свѣдѣній оказалось что расходъ соли въ Нерчинскомъ уѣздѣ составлялъ до 8.600 пудовъ соли въ годъ, что соль привозили изъ Иркутскихъ варницъ слишкомъ за 1.000 верстъ, и что она обходилась отъ 54 до 65½ коп. за лудъ и продавалась по цѣнѣ отъ 14 до 26 коп. Между тѣмъ Борзинское озеро было отъ города и заводовъ въ разстояніи отъ 200 до 500 верстъ, и имѣло уже вблизи себя небольшое поселеніе. Затѣмъ приисканы были

* П. С. З. № 14.466.

** П. С. З. № 13.737.

*** П. С. З. № 14.866.

разночинцы для поселенія въ числѣ 55 душъ мужескаго пола, посадскихъ же и цеховыхъ 42 человека. Сенатъ, изъяснивъ вслѣдствіе того, въ 1775 году, свое согласіе на переселеніе означенныхъ лицъ, положилъ выдать имъ отъ 30 до 40 р. на семью для обзаведенія и платитъ имъ за вывoločку соли по 1 коп. за пудъ, причеиъ сенатъ указывалъ распорядиться такъ чтобы поселенцы „въ произведеніи хлѣбопашества отнюдь никакого прелятствія не имѣли“. *

Не менѣе вниманія заслуживаютъ мѣры привимаемыя правительствомъ для расширенія сбыта казенной соли на южныхъ и западныхъ окраинахъ. Такъ мы видимъ что образовавшейся въ 1772 году для торговли хлѣбомъ „въ Крыму и другихъ татарскихъ селеніяхъ“ Воронежской торговой компаніи дозволено было привозить изъ Крыма соль на принадлежащихъ ей (а не на наемныхъ) и выстроенныхъ на казенныхъ верфяхъ судахъ, причеиъ поручено воронежскому губернатору или соляной конторѣ заключить съ компаніей контрактъ о поставкѣ ею этой соли въ казну; императрицей было однако отказано упомянутой компаніи въ просьбѣ о дозволеніи ей производить вольную продажу соли въ Землѣ Войска Донскаго, въ Малой Россіи и въ Слободской-Украинской губерніи. **

По случаю введенія, еще въ 1768 году, въ Малороссіи казенной продажи соли „чтобы въ случаѣ чрезъ мѣру возвышаемой промышленниками на оную цѣны“, какъ сказано было въ указѣ, „всякій имѣлъ прибѣжище къ казенной продажѣ“, *** возникли въ 1770 году сомнѣнія о томъ возможно ли въ Киевѣ возложить продажу на мѣстныхъ мѣщанъ „потому что они состоятъ не подъ великороссійскими узаконеніями, но на особенныхъ высочайше подтвержденныхъ правахъ и привилегіяхъ“. Но сенатъ находилъ что какъ казенная продажа въ Малороссіи учреждена „для удовольствія тамошнихъ жителей“, то онъ (сенатъ) „не токмо не надѣется чтобы киевскіе мѣщане лочли себѣ въ тягость, но лаче и нарушенія ихъ правамъ и привилегіямъ не предвидитъ, если они опредѣляемы будутъ къ приему и продажѣ соли, какъ къ такому дѣлу которое не для какой-либо казенной, но къ собственной ихъ пользѣ служить“. Потому повелѣно было поручить въ Киевѣ продажу

* П. С. З. № 14.245.

** П. С. З. № 13.866.

*** П. С. З. № 13.188.

соли тамошними мѣщанамъ, а также и проживающимъ въ Кіевѣ великороссійскимъ кушамъ. * Но однакоже, вслѣдствіе новаго прошенія мѣстнаго магистрата, въ коемъ указывалось на крайнее отягощеніе кіевскихъ жителей подводною повинностію и казенными работами по случаю войны и содержаніемъ почты, а также и на то что имъ уже дано для распродажи 20.000 пудовъ соли, сенатъ ихъ отъ дальнѣйшаго пріема соли избавилъ и предписалъ нанимать для этого вольныхъ людей. **

Наконецъ, вслѣдъ за присоединеніемъ отъ Польши двухъ бѣлорусскихъ губерній, предложено было, по докладу мѣстнаго генералъ-губернатора, учредить въ нихъ казенную продажу соли, съ опредѣленіемъ цѣны соли въ 50 коп. за пудъ. *** Причемъ однако было добавлено что пока не будетъ привезено казенной соли въ достаточномъ количествѣ, позволять жителямъ доставать и покупать соль прежнимъ порядкомъ. Но при обсужденіи въ сенатѣ предполагавшагося по сему предмету указа произошло разногласіе; большинство сената полагало учредить въ присоединенныхъ областяхъ казенную продажу соли, а сенаторъ Телловъ, основываясь на мнѣніи комиссіи о коммерціи, и сенаторъ князь Гагаринъ полагали въ провинціяхъ: Двинской, Витебской и Полоцкой оставить продажу вольною. Императрица, на разрѣшеніе коей представляемо было это разногласіе, положила слѣдующую замѣчательную резолюцію: „Торговля въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ иностранною солью оставить попрежнему вольнымъ, а въ отвращеніе могущаго быть притѣсненія отъ всякаго рода перекупщиковъ, въ случаяхъ недостатка въ продажѣ иностранной соли, учредить не только въ заведенныхъ по старой границѣ стойкахъ, но и въ тамошнихъ городахъ казенную продажу соли“. Резолюція эта показываетъ какими вѣрными экономическими понятіями и какою мудрою политикою руководилась императрица въ своихъ распоряженіяхъ. Въ глазахъ ея казенная соляная регалия должна была служить не столько источникомъ дохода для казны, сколько средствомъ избавить населеніе отъ монополистовъ, неизбежныхъ при общей въ то время неразвито-

* П. С. З. № 13.412.

** П. С. З. № 13.509.

*** П. С. З. № 13.865.

сти частной предпріимчивости. Въ особенноти же казало необходимымъ привлечь подобными мѣрами расположеніе на оселеніа возсоединенныхъ областей. * По подробномъ разсмотрѣніи дѣла оказалось, въ 1774 году, необходимымъ учредить казенную продажу въ десяти городахъ, причеиъ положено было приготовить на каждый изъ этихъ магазиновъ по 30.000 пудовъ соли, самую же соль продавать на первое время по 50 коп. Цѣна эта была установлена на томъ основаніи что въ означенныхъ губерніяхъ иностранная соль продавалась по 60 и по 65 коп., почему для пріохочиванія къ казенной соли и для скорѣйшей ея распродажи была назначена меньшая цѣна. При этомъ директору солянаго правленія, сенатору Маслову, предписывалось сдѣлать особое въ семъ представленіе о томъ во сколько будетъ обходиться доставка въ новыя мѣста соли и какъ велики будутъ расходы при самой продажѣ и какъ затѣиъ велика будетъ получаемая отъ продажи казенной соли прибыль. **

Въ отношеніи къ управленію таможенными сборами разсматриваемая эпоха не ознаменовалась никакими общими законодательными преобразованиями. Тѣиъ не менѣе правительство продолжало начатое дѣло и тѣ мѣры которыя вызывались развитіемъ торговыхъ сношеній Имперіи и расширеніемъ ея границъ. О состояніи въ то время пограничныхъ таможенъ, о ихъ недостаткахъ и наконецъ о предполагавшихся таможеннымъ управленіемъ мѣрахъ, можно получить весьма интересныя свѣдѣнія изъ одного изъ докладовъ состоявшей при императрицѣ комиссіи о коммерціи. *** Хотя докладъ этотъ и не имѣлъ послѣдствій, и изъ сдѣланной на немъ надписи видно что изложенныя въ немъ предположенія не получили дальнѣйшаго движенія, но содержаніе его такъ характеристично что мы не могли не сдѣлать изъ него нѣкоторыя выписки. Графъ Минихъ докладывалъ императрицѣ, въ 1770 году, о замѣчаніяхъ сдѣланныхъ членомъ главной надъ таможенами канцеляріи, княземъ Мещерскимъ, при объѣздѣ пограничныхъ таможенъ отъ Нарвы до Кременчуга. По этимъ замѣчаніямъ комиссія о коммерціи, въ которую былъ переданъ самый докладъ представила и свое мнѣніе.

* П. С. З. № 13.980.

** П. С. З. № 14.127.

*** Государственный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Дѣла комиссіи о коммерціи.

Замѣчанія Мещерскаго состояли въ слѣдующемъ: *

1. Границы ничѣмъ не укрѣплены, и форпосты расположены въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи; разнѣдныхъ командъ вовсе нѣтъ, караульныхъ на форпостахъ числомъ чрезвычайно мало, да и то престарѣлые солдаты изъ гарнизоновъ и казаки малороссійскіе, которые, оставляя свои мѣста, часто ѣздить домой за провизіей. „А сверхъ того, надзиратели, надъ ними опредѣленные, офицеры привлекаемы лакомствомъ помогать кулцамъ и прочимъ людямъ къ тайному товаровъ провозу, или имѣя въ близости собственныя свои земли желаніемъ жить по онымъ покойно, покупаютъ отправление сей должности и при форпостахъ бываютъ безсмысленно года по два и болѣе, получая какъ съ проезжающихъ, такъ и съ проходящихъ людей взятки, къ тому же всѣ тѣ по границамъ состоящіе чины не подчинены ни таможенной канцеляціи, ни тамошнямъ.“

2. Тайному провозу товаровъ содѣйствуютъ и сами пошлинники, собирая въ казну только 10% съ дѣйствительно назначенной пошлины, раздѣляя остальную часть пошлины между собою. При этомъ кн. Мещерскій замѣчалъ что подобнаго рода дѣйствія лицамъ симъ нельзя поставить въ вину, ибо часто они принуждены бываютъ поступать такимъ образомъ, а именно: кулцы, оставляя свои товары за границею, прѣзжаютъ въ таможенню, и начинается торговля; если въ одной таможенѣ не уступаютъ, они ѣдутъ въ другую, и [такъ далѣе. Слѣдовательно, чрезъ ту таможенню которая уступивше другимъ и будетъ дѣйствительно провезенъ товаръ, и такъ какъ по этой таможенѣ окажется болѣе чѣмъ въ другихъ провезеннаго товара, то она „и похвалу себѣ получаетъ“; тотъ же начальникъ таможи кто уступки торгующимъ не сдѣлаетъ получаетъ нареканіе за уменьшеніе по его таможенѣ поступленія пошлинъ. Если и всѣ „таможенники“ не огласились бы пропустить товаръ, то купецъ прибѣгнетъ къ форпостному офицеру, и казна уже не получитъ вовсе никакой пошлины.

3. По осмотру кн. Мещерскаго у нѣкоторыхъ кулцовъ найдены были шелковыя матеріи и латки разрѣзанныя, такъ чтобы ихъ можно было выдавать за остатки, тогда какъ очевидно что они составляютъ цѣлые куски, разрѣзанные для

* Докладъ этотъ подписали: Гр. Эр. Минихъ, Григор. Телловъ, кн. Мих. Щербатовъ и секр. Еф. Раздатовскій.

того чтобы нельзя было ихъ удичить въ томъ что они безъ клейма.

4. „Вековая“ дорога, по которой слѣдуетъ возить товары, въ такомъ состоянн] что по ней ни проѣзжать, ни пройти невозможно.

5. По улятѣ пошливъ, товары по ихъ заклеюменню отдаются хозяевамъ и далѣе въ городахъ куда они назначаются не дѣлается никакого свидѣтельства, почему и таможенники не опасаются взимать неложную пошлину.

6. Обѣздчики изъ Малороссiанъ и обѣзднвлыхъ кулцовъ также содѣйствуютъ немало къ тайному провозу товаровъ.

Князь Мецкерскiй предлагалъ слѣдующiя мѣры:

1. Уменьшить число чиновниковъ на Кременчугской таможенѣ, предоставивъ кулцамъ возить свои товары чрезъ Васильковскую таможену. Коммиссiя, съ своей стороны, полагала остановиться измѣненiемъ въ расположенiи таможенъ впрелд до учрежденiя новыхъ границъ по окончанiю войны.

2. Уменьшить также число таможенныхъ чиновниковъ и въ Нѣжинской таможенѣ, учрежденной преимущественно для отпуса лущаго товара въ Турцiю, и дозволить этотъ товаръ провозить чрезъ Полтаву, Ромны и Городню. Коммиссiя же полагала оставить Нѣжинскую таможену въ прежнемъ видѣ, такъ какъ въ городѣ семъ пребыванiе имѣютъ греческiе купцы, особенно покусные въ укладкѣ мѣховъ.

3. Хотя и другiя таможенн можно было упряднить по случаю чрезвычайной ихъ другъ отъ друга близости, но опасаться слѣдуетъ чтобъ отъ этого не произошло еще большаго удобства для контрабанды. На замѣчанiе это согласилась и коммиссiя.

4. Псковскую таможену, учрежденную лишь для освидѣтствованiя отпущаемаго въ Ригу льна и ярлыковъ на товары идущiе изъ Риги, слѣдуетъ заставить, по незначительности поступающихъ чрезъ нее пошливъ. Коммиссiя полагала оставить Псковскую таможену на прежнемъ основанiи, такъ какъ сверхъ того она существуетъ и для осмотра „прѣвжающаго въ Россiю лiфляндскаго дворянства,“ и съ уничтоженiемъ ея, тайный въ Россiю провозъ товаровъ былъ бы еще свободнѣе.

5. Дабы таможенныя директоры были въ постоянномъ страхѣ, то учредить должность главнаго смотрителя, оставивъ его мѣсто слѣдующими выгодами, съ чѣмъ согласилась и коммиссiя.

а) Не зависѣть ему ни отъ какого въ государствѣ „правительства“, а быть подѣ начальствомъ главнаго надѣ таможняи директора и „сочленомъ главной надѣ таможенными сборами канцеляріи“; б) назначить ему достаточное содержаніе и производить ему разѣзды и разсылку штабъ и оберъ-офицеровъ на счетъ таможенной суммы; в) дать ему въ распоряженіе двухъ штабъ и четырехъ оберъ-офицеровъ для осмотра таможенъ сверхъ собственнаго его путешествія; г) отдать въ его вѣдомство всѣхъ форпостныхъ воинскихъ начальниковъ, съ правомъ увеличивать и уменьшать число людей, отрѣшать начальниковъ отъ должности, предавать суду; д) сноситься ему со всѣми присутственными мѣстами какъ бы отъ самой надѣ таможняи главной конторы; е) обязать таможни посылать ему мѣсячныя, третныя и годовыя вѣдомости; а ему представлять въ канцелярію лишь въ важнѣйшихъ случаяхъ; ж) поручить губернаторамъ привести въ исправность веховыя дороги и снабдить границы болѣе частыми форпостами, назначивъ туда болѣе надежныхъ людей; з) въ случаѣ замѣченныхъ за директорами таможенъ безпорядковъ и упущеній, смотрителю самому ихъ отрѣшать, представляя о нихъ въ камеръ-коллегію, а о назначеніи новыхъ представлять главной канцеляріи, а цолверовъ и прочихъ нижнихъ чиновъ отрѣшать и также на ихъ мѣсто новыхъ назначать самому; и) всѣхъ объѣзчиковъ изъ Малороссіяны и объѣздыхъ кулцовъ отрѣшить, назначивъ таковыхъ изъ отставныхъ гусаръ и другихъ воинскихъ чиновъ.

6. Одинаково награждать какъ доносителей такъ и поимчиковъ отдачею имъ всего товара со взятіемъ пошлины.

7. Довощикамъ отдавать весь товаръ, хотя и заклеянный, о которомъ доказано ими будетъ что онъ пропущенъ безъ взятія пошлины.

8. Въ случаѣ поимки товара, везомаго не по указнымъ дорогамъ, штрафовать кулцовъ-хозяевъ взятіемъ двойной пошлины, а извозчиковъ, если невинно это сдѣлали, отобраніемъ лошадей, а если изъ обмана, то наказывать ихъ сверхъ того плетьюми.

9. Установить при провозѣ товаровъ чрезъ таможни особые ярлыки, которые кулцы обязаны были бы предъавлять на мѣстахъ назначенія товара, и не распечатывать товаръ до мѣста назначенія, гдѣ вскрывать его при мѣстномъ начальствѣ. Таможня выдавая ярлыкъ, начальство города куда отправляется кулець извѣщали бы другъ друга, а равно та-

моженную канцелярію и главнаго смотрителя. Съ этими мѣрами коммиссія однако не согласилась, такъ какъ это повело бы къ потерѣ для купчества времени, „которое для купца есть наивышшее препятствіе“, къ умноженію канцелярскихъ обрядовъ, а слѣдовательно и злоупотребленій. „А какъ натурально“, присовокупляла коммиссія, „что сборъ пошлинный умножаться долженъ отъ расширенія коммерціи“ то рѣшено было мѣръ этихъ не принимать, такъ какъ другими способами надзоръ за ввозомъ товаровъ предполагалось значительно усилить; „отъ напраснаго же вреда и разоренія купчества произойдетъ уладокъ и въ самой коммерціи“.

10. Матерію клеймить съ двухъ концовъ, и запретить торговлю разрѣзанными кусками.

11. При будущемъ пересмотрѣ коммерцъ-коллегіей тарифа, сбавить пошлину съ товаровъ обложенныхъ пошлиною слишкомъ высокою, ибо купцы еслибы платили всю эту пошлину сполна, то не могли бы по дороговизнѣ товара вовсе найти ему покупателей.

12. Въ удостовѣреніе что дѣйствительно производится значительная контрабанда, князь Мещерскій предлагалъ закупить *выбойки* болѣе чѣмъ по официальнымъ даннымъ ее привезено въ Россію, то-есть на 10.000 р., и произвести изслѣдованіе какъ она проникла въ Россію; но коммиссія отклоняла это предложеніе, какъ могущее слишкомъ встревожить торгующее сословіе.

13. Князь Мещерскій кромѣ того предлагалъ возвратиться къ отдачѣ таможенъ на откупъ. Но коммиссія возразила что несмотря на тайный провозъ таможенные сборы со времени введенія казеннаго содержанія значительно возрасли въ своей доходности, чему не помѣшали и военныя обстоятельства.

14. Основать въ Москвѣ контору таможенной канцеляріи, поручивъ ее надежному человѣку, съ тѣмъ чтобъ онъ осматривалъ пріѣзжающіе въ Москву товары и выдавалъ билеты для складки товара въ гостиномъ дворѣ; имѣлъ бы право дѣлать обыски, въ случаѣ доноса или основательнаго подозрѣнія въ имѣніи у какого-либо купца контрабанднаго товара, съ тѣмъ чтобы эти обыски производились при членѣ магистрата и секретарѣ. Мѣры эти предположены были по той причинѣ что Москву считали центральнымъ складомъ контрабандныхъ товаровъ, и на мѣропріятія эти согласилась и коммиссія. Наконецъ, предполагалось подтвердить чтобы при осмо-

трѣ товаровъ на границѣ отнюдь не дѣлаемо было чинамъ таможенъ никакого сопротивленія. На докладѣ сдѣлана пометка что онъ докладывавъ 7го февраля 1772 года, и указано все сіе до времени оставить.

Изъ частныхъ законодательныхъ мѣръ относящихся къ описываемому времени не безынтересно будетъ привести слѣдующія:

Мы видимъ что правительство озабочено было возможнымъ расширеніемъ и облегченіемъ сношеній на границахъ. Такъ указомъ 1771 года * опредѣлялось пропускать Буджацкихъ и Едиссанскихъ Татаръ везущихъ товары, какъ-то: кумачи, калдаки, выбойки и мѣшины, для торговли безпрелютствено и предписывалось „чтобъ упомянутымъ ордамъ въ проѣздѣ черезъ границу остановки и ло въѣздѣ внутри государства ни малѣйшаго озлобленія чинено не было“; пошлину же съ привозимыхъ Татарами товаровъ взимать съ покупателей, русскихъ купцовъ, для чего повелѣвалось назначить извѣстныя мѣста гдѣ купцы должны были объявлять кулменные у Татаръ товары и представлять ихъ для клейменія. Во исполненіе сего и учреждены были двѣ новыхъ таможи въ Воронежской губерніи и въ Черкасскомъ. ** Высочайше утвержденнымъ докладомъ бѣлорусскаго генералъ-губернатора 1772 года, *** повелѣно было перенести въ бѣлорусскихъ губерніяхъ таможи на новую границу.

Въ 1775 году, высочайше утвержденнымъ докладомъ сената повелѣно было, вслѣдствіе постоянныхъ претензій Китайцевъ на то что въ Кяхтѣ пошлины собираются, и произведенныя у нихъ товары осматриваются и клеймятся на самой границѣ, перевести таможию съ форпоста въ Троицкую крѣпость, а пошлины собирать въ Иркутскѣ, учредивъ тамъ для этой цѣли особое комиссарство; о чемъ и повелѣвалось иркутскому губернатору съестись съ коллегією иностранныхъ глѣ. ****

Съ цѣлію поощрить развитіе торговли на Черномъ морѣ, былъ изданъ въ 1775 году особый для черноморскихъ портовъ тарифъ, причемъ, въ виду послѣднихъ территориальныхъ

* 16го сентября. П. С. З. № 13.656.

** П. С. З. № 13.790.

*** П. С. З. № 13.865.

**** П. С. З. № 14.277.

пріобрѣтеній, открыть въ 1775 году цѣлый рядъ новыхъ таможенъ. Въмѣсто Азовской заставы учреждена была таможня при рѣкѣ Кагальникѣ у Орбинскаго брода, и двѣ заставы въ Черкасскѣ и при Бабской ставицѣ; причемъ при таможѣ открыть былъ мѣнновой дворъ, на одинаковыхъ основаніяхъ съ Оренбургскимъ. Темерниковская таможня была переведена въ Таганрогъ, съ подчиненіемъ Кагальницкой таможни и двухъ заставъ въ Янискѣ и Керчи; при этомъ дозволено было въ два послѣдніе города выгружать товары безпошлинно, для мѣстнаго потребленія, но безъ права вывоза товаровъ сухопутно во внутрь страны. За симъ учреждена таможня при Александровской крѣпости и при Никитинѣ (на Днѣпрѣ), съ подчиненіемъ имъ заставъ въ Петровской крѣпости и Кинбурнѣ и съ уничтоженіемъ Изюмской, Бахмутской и Цариченской таможенъ и Переволоченской заставы. По польской границѣ были уничтожены Кременчугская и Елисаветградская таможни, и учреждены таможня въ Мирградѣ и заставы въ Крыловскомъ и Екатерининскомъ шанцахъ.* Кроме того были открыты на западѣ таможни Сорокцицкая и Каменская. На вновь открытыя таможни потребовалось новаго ежегоднаго расхода до 32.268 руб.

Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ изданъ новый штатъ главной надъ таможенными сборами канцеляріи, коимъ расходъ на это учрежденіе увеличенъ до 12.737 р., а вслѣдъ за симъ, въ 1776 году, изданъ и новый штатъ всѣхъ таможенъ, коимъ расходъ на нихъ увеличенъ до 89.999 р. Изъ этого штата исключено было 16 таможенъ, которыя, вслѣдствіе измѣнившихся территориальныхъ очертаній, оказывались расположенными внутри государства и которыя были закрыты частію ранѣе, частію при составленіи самаго штата. Отъ закрытія этихъ таможенъ уменьшился и общій расходъ на содержаніе таможенъ на 18.114 р. Сумма эта съ избыткомъ потребовалась на содержаніе 15 вновь учрежденныхъ таможенъ, выше перечисленныхъ. Затѣмъ, общее число таможенъ было 20 и 18 заставъ, а число чиновъ въ нихъ 836.

Съ открытіемъ мѣстныхъ въ губерніяхъ финансовыхъ учреждений естественно представилась мысль сосредоточить въ нихъ завѣдываніе и таможенными учрежденіями. Такимъ образомъ мы видимъ что въ 1780 году былъ данъ именной указъ

* П. С. З. №№ 14.481 и 14.473.

совѣтнику С.-Петербургской казенной палаты Далу, определенному для дѣлъ по таможеннымъ, коимъ повелѣвалось ему тотчасъ же, не ожидая открытія палаты, принять въ свое вѣдѣніе таможи въ С.-Петербургской губерніи лежація. * Въ томъ же году повелѣно было находящіяся на границѣ Имперіи въ малороссійскихъ губерніяхъ таможи и заставы отдать въ распоряженіе мѣстнаго генераль-губернатора. **

Наконецъ, по случаю открытія губерній, сенатъ представилъ императрицѣ докладъ о тѣхъ учрежденіяхъ которыя оставались за симъ безъ дѣла. Въ числѣ ихъ была и канцелярія надъ таможенными сборами, которую полагалось упразднить за передачею большей части таможенъ и заставъ въ управленіе мѣстныхъ губернскихъ учреждений; оставшіяся же въ распоряженіи канцеляріи таможи повелѣвалось передать въ вѣдѣніе генераль-губернаторовъ, какъ это было сдѣлано относительно таможенъ малороссійскихъ.

Что касается *питейнаго дѣла*, то выше мы видѣли что по случаю войны продажная цѣна вину была возвышена до 3 руб. за ведро, съ тѣмъ вмѣстѣ цѣна французской водки возвышена до 6 руб. Вино выкуривалось какъ на казенныхъ, такъ и на частныхъ заводахъ. Изъ законодательныхъ по винному откулу мѣръ замѣчательно лишь то что при отдачѣ литейныхъ сборовъ на откупъ на новое четырехлѣтіе, съ 1779 года, сенатъ пришелъ къ убѣжденію о возможности отдавать откупа столь раздробительно какъ того только откупщику пожелаютъ. ***

Въ дополненіе очерка считаемъ интереснымъ сгруппировать въ одномъ мѣстѣ тѣ *финансовыя мѣры* которыя были приняты въ *бѣлорусскихъ губерніяхъ* вслѣдъ за *присоединеніемъ ихъ къ Россіи*. Здѣсь вполнѣ высказалась энергическая объединяющая политика государственныхъ сподвижниковъ императрицы, и вмѣстѣ съ тѣмъ та осторожность съ которою старались облегчить податную тяжесть для вновь занимаемыхъ областей. По присоединеніи бѣлорусскихъ губерній, необходимо было ввести въ нихъ финансовую систему податей на одинаковыхъ съ прочими частями Имперіи началахъ. Поэтому бѣлорусскій генераль-губернаторъ, графъ Чернышевъ, во-

* П. С. З. № 15.010.

** П. С. З. № 15.042.

*** *Своденія о питейныхъ сборахъ въ Россіи, 1800 г., ч. I, изд. госуд. канцел.*

шелъ къ императрицѣ съ особымъ докладомъ „Какъ для точнаго предположенія“, писалъ графъ Чернышевъ, „всего того что принадлежитъ къ установленію въ высочайше вѣреныхъ мнѣ губерніяхъ *твердаго во всемъ основанія* и къ постановленію всѣхъ частей въ надлежащій порядокъ, необходимо нужно удостоиться вѣдать высочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе на многія первоначальныя положенія, дабы потому могъ я уже не только надлежащія дѣлать во всемъ предписанія, но и изыскивать возможныя особы къ произведенію всего въ дѣйство.“ Докладомъ атымъ, удостоившимся высочайшаго утвержденія, предположено было ввести въ присоединенныхъ губерніяхъ слѣдующіе подати и налоги: *

1. Съ 1773 года ввести въ нихъ поголовную перепись, и все крестьянское сословіе обложить подушнымъ сборомъ въ 70 колъ съ души, въ счетъ которыхъ взимать съ души по одному четверику муки по штатной цѣнѣ.

2. Жидовъ обложить сборомъ по 1 руб. съ души.

3. Купечество по 1 руб. 20 к. съ души.

4. Винокуреніе и продажу вина, пива и меда предоставить всемъ помѣщикамъ, со взиманіемъ съ нихъ за это по 50 к. съ души владѣемыхъ ими крестьянъ. Цѣна же этимъ купцамъ должна была назначаться, на каждый предстоящій годъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ предшествовавшаго, съ соглашенія всего дворянства и съ утвержденія земскаго суда и губернатора.

5. Право продажи вина въ городахъ отдавать на откупъ магистратамъ, съ платою за это право по 1 р. 40 к. съ души.

6. Въ помѣщичьихъ мѣстечкахъ это право отдавать владѣльцу, съ улатою по 75 к. съ души.

7. Въ городахъ и мѣстечкахъ въ которыхъ существовалъ казенный акцизъ оставить его впредь.

8. Таможенную линію, отдѣлявшую эти губерніи отъ Россійской Имперіи, перенести на границы ихъ.

9. Вести въ нихъ казенную продажу соли, по 50 колъ за пудъ.

10. Королевскія деревни присоединить къ дворцовымъ, а церковныя къ экономическимъ, и отдавать ихъ въ аренду, со взиманіемъ съ арендаторовъ, сверхъ подушнаго сбора, за право винокуренія по 50 к. съ души, и помѣщичьяго дохода по

* П. С. З. № 13.865.

1 р. 50 к. съ души; приче́мъ, для охраненія деревень отъ разоренія, сама императрица повелѣла заключать съ арендаторами контракты.

11. Учредить въ обѣихъ губерніяхъ почты „по способности положенія въ нихъ городовъ и по теченію главныхъ дорогъ въ города лежащіе въ Имперіи.“

12. Наконецъ, въ этихъ губерніяхъ введено употребленіе русскихъ мѣръ и вѣсовъ, и предполагалось ввести исключительное хожденіе русскихъ денегъ, но по сему послѣднему предположенію положена была императрицею резолюція что сей пунктъ требуетъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія.

Но вслѣдъ за этимъ, введеніе новыхъ податей было оторочено до 1го іюля 1773 года, и жители двухъ бѣлорусскихъ губерній на полгода освобождены отъ уплаты податей, * а указомъ 17го апрѣля 1773 года, ** наложенныя подати уменьшены и впредь: подушная понижена до 70 коп. съ души (въ счетъ которыхъ положено собирать по одному четверику муки, считая четверикъ по 15 коп.); винная подать понижена съ помѣщиковъ до 20 коп., съ городовъ до одного рубля и съ мѣстечекъ до 50 коп. съ души; аренды положено брать по 1778 годъ лишь по 50 коп. съ души; въ этихъ размѣрахъ и вѣрно взимать подати за вторую половину 1773 года.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по высочайше утвержденному докладу того же генералъ-губернатора, отъ 11го апрѣля 1773 года, въ упомянутыя губерніи была послана особая коммиссія для изслѣдованія какъ состоянія земли въ ней, такъ и того какую подать жители ихъ могли бы платить правительству безъ отягощенія. Коммиссіи этой приданы были одинъ „искусный въ разчетахъ камериръ и два землемѣра“. ***

Въ 1774 году жители бѣлорусскихъ губерній были опять освобождены на полгода отъ податей. ****

Наконецъ высочайшею резолюціей на докладѣ бѣлорусскаго генералъ-губернатора, отъ 1го мая 1775 года, † положено было собирать положенныя съ бѣлорусскихъ губерній подати въ уменьшенномъ, согласно указу 17го апрѣля 1773 года, размѣрѣ

* Именной указъ 14го декабря 1772 года. П. С. З. № 13.928.

** П. С. З. № 13.973.

*** П. С. З. № 13.971.

**** Указъ 8го февраля 1774 г. П. С. З. № 14.113.

† П. С. З. № 14.312.

еще въ теченіи трехъ лѣтъ, то-есть по 1778 годъ, и затѣмъ, указомъ 10го января 1778 года, еще на два года. *

Указомъ 1779 года іюля 3го, ** повелѣно было впредь до указа собирать положенныя на бѣлорусскія губерніи подати въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Поголовную по 35 коп., въ счетъ которой по $\frac{1}{2}$ четверика мукою; за винную продажу по 20 коп.; съ городскихъ жителей поголовныя по 60 коп., за винную продажу по одному рублю; въ мѣстечкахъ за винную продажу по 50 коп., арендныя по 50 к. и съ жидовъ поголовныя по 50 коп.

Мы не упоминали еще о продажѣ казенныхъ земель. Постепенная продажа лустолорожныхъ и оброчныхъ казенныхъ земель, начатая до Турецкой войны, продолжалась и во время ея. Въ сенатскомъ указѣ 14го апрѣля 1769 года *** постановлялось что „изъ высочайшаго ея императорскаго величества матерняго милосердія, для распространенія владѣльцамъ экономіи, государственныя влѣстѣ лежащія и отдаваемыя въ оброкъ земли повелѣно продать за постановленныя цѣны, предпочтя въ первыхъ тѣхъ которые на нихъ уже поселенія свои имѣютъ или своими дачами прикосновенны и за которыми онѣ состоятъ въ оброкѣ“. Поэтому постановлялось что всѣ тѣ за которыми казенныя земли состоятъ въ оброкахъ въ полугодичный срокъ объявили бы Московекой губернской межевой канцеляріи о желаніи своемъ купить тѣ земли. Если же въ назначенный срокъ тѣ владѣльцы не объявятъ желанія купить тѣ земли, то дабы они не могли землями тѣми долговременно пользоваться за малые оброки, повелѣвалось отдавать тѣ земли желающимъ, „изъ большаго оброка“.

Земли же въ которыхъ предвидѣлась надобность для казны повелѣно было описывать особо, и доставлять эти описи въ Московскую межевую канцелярію, которая обязана была тѣ земли изъ продажи исключать. **** Такъ, напримѣръ, было предписано относительно казенныхъ земель въ Оренбургской губерніи. Въ указѣ относящемся до сихъ земель, сенатъ объявилъ что продажа земель была сосредоточена въ межевой

* П. С. З. № 14.689.

** П. С. З. № 14.892.

*** П. С. З. № 18.284.

**** Сенатскій указъ 30го марта 1770. П. С. З. № 18.441.

канцеляріи для того чтобы могли отъ той продажи имѣть выгоду не только мѣстные жители, но и помещики другихъ губерній, для переселенія на нихъ своихъ крестьянъ, и что, наконецъ, продажу эту было предписано производить постепенно, заблаговременно, за полгода публикуя о тѣхъ мѣстахъ или губерніяхъ въ которыхъ земли предназначаются къ продажѣ, посылая землемѣровъ для ихъ описанія. Относительно совершенно неудобныхъ ни къ хлѣбопашеству, ни къ сѣнокошею мѣстъ, каковы моховыя болота, повелѣно было * мѣста эти отдавать въ вѣчное владѣніе тѣмъ которые обяжутся земли эти осушить и разработать.

Наконецъ, при производствѣ генеральнаго межеванія, оказывались цѣлыя пустоши и даже населенныя деревни которыя продолжительное уже время находились безъ всякихъ владѣльцевъ; потому было предписано межевой канцеляріи и всѣмъ межевымъ конторамъ ** прислать вѣдомости о всѣхъ таковыхъ земляхъ и пустошахъ съ ихъ описаніемъ, и доставить свѣдѣнія сколько какого дохода получается съ тѣхъ земель, въ чемъ вѣдѣніи состоятъ и куда тѣ доходы употребляются.

III.

Въ заключеніе настоящаго очерка мы должны остановиться на обзорѣннѣ общихъ финансовыхъ результатовъ за описываемую эпоху и представить хотя краткую картину состоянія государственной казны.

Къ настоящему времени относится *составленіе перваго свода* государственныхъ доходовъ по всей Россіи. Хотя различныя къ тому попытки были предпринимаемы еще съ самаго начала царствованія Екатерины II, но попытки эти не имѣли успѣха. *** Въ разсматриваемое время усилія финансового управленія были удачныѣ. А именно, въ 1770 году, императрица объявила генераль-прокурору изустное повелѣніе, **** „сдѣлать для совершеннаго свѣдѣнія и исчисленія о всѣхъ государственныхъ доходахъ окладную книгу“. Вслѣдствіе этого гене-

* Сенатскій указъ 19го августа 1770. П. С. З. № 13.498.

** Сенатскій указъ 10го февраля 1776 года. П. С. З. № 14.249.

*** См. нашу статью *О финансовомъ управленіи въ царствованіи Екатерины II*, въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* 1869, книжка вторая.

**** *Собраніе свѣдѣній и матеріаловъ по министерству финансовъ*. А. Корсака, 1869, книжка X, стр. 24 и слѣд.

раль-прокуроръ, князь Вяземскій, вмѣстѣ съ Мельгуновымъ, разсматривали присланныя еще за 1764 годъ къ генераль-прокурорскимъ дѣламъ отъ прокуроровъ вѣдомости о всѣхъ государственныхъ доходахъ, а также и вѣдомости по временамъ присылавшіяся въ сенатъ. Но при обзорѣ этихъ вѣдомостей оказалось что въ упоминаемыхъ вѣдомостяхъ доходы перемѣшаны, показаны то въ окладныхъ, то въ неокладныхъ, что одинъ и тотъ же доходъ значится подъ разными наименованіями по два и болѣе разъ, что нѣкоторые сборы показываются несмотря на то что они давно отмѣнены, а по другимъ не значится на какомъ основаніи они собираются. Вслѣдствіе сего рѣшено было истребовать отъ провинціальныхъ властей новыя свѣдѣнія по однообразной формѣ, которую разослать въ печатныхъ экземплярахъ; причемъ для руководства мѣстнымъ властямъ въ составленіи вѣдомости приложена была особая инструкция. Свѣдѣнія требовались за 1768, 1769 и 1770 года, но прежде всего за 1769 годъ, и для представленія ихъ назначенъ былъ срокъ. Доходы предписано было группировать по четыремъ отдѣламъ: окладные непремѣнные, окладные перемѣняющіеся, неокладные и неокладные временно вступающіе, и при каждомъ наименованіи доходовъ приложить объясненіе, на основаніи какихъ указовъ тотъ доходъ учрежденъ, гдѣ, съ чего и сколько собирается, а если какого дохода не имѣется, то когда уничтожился. На основаніи присланныхъ вслѣдствіе изложеннаго повелѣнія вѣдомостей, и составлена была окладная книга 1769 года, напечатанная въ приведенномъ *Сборникѣ министерства финансовъ*. Такія же окладныя книги за 1773, 1776 и 1777 года хранятся въ С.-Петербургскомъ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. * Упомянутыя окладныя книги представляютъ значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ приведенія государственныхъ доходовъ въ какой-либо порядокъ и единство. Въ нихъ нѣтъ уже встрѣчающагося въ вѣдомостяхъ 1760 года раздѣленія доходовъ по тѣмъ вѣдомствамъ чрезъ которыя они вступали. Вмѣсто того, налоги раздѣляются въ книгахъ этихъ по своему существу на окладные и неокладные, что приближалось уже къ существующему въ настоящее время раздѣле-

* Извлеченіе изъ нихъ напечатано въ 5 томѣ *Сборника Историческаго Общества*, въ формѣ таблицы, составленной авторомъ настоящаго очерка.

но. Окладные сборы подраздѣлены были на окладные непремѣнные и окладные по временамъ перемѣняющіеся; неокладные:—на просто неокладные (постоянные) и неокладные временно вступающіе. Несмотря на эту большую рациональность въ подраздѣленіи податей и сборовъ, на упомянутыхъ окладныхъ книгахъ отпечатлѣлся однако характеръ податной системы того времени. Характеръ этотъ выразился именно въ многообразности самыхъ сборовъ. Такимъ образомъ изъ четырехъ приведенныхъ нами раздѣловъ окладной книги 1773 года:—первый, заключающій въ себѣ сборы окладные непремѣнные, состоитъ изъ 24хъ различныхъ прямыхъ податей разныхъ наименованій, сюда входятъ сборы: семигривенный, четырехъ и шестигривенные, двухрублевый съ крестьянъ, сорокаалтынный съ цеховыхъ, сборъ съ купеческихъ капиталовъ и нѣсколько мѣстныхъ сборовъ. Второй раздѣлъ, сборовъ окладныхъ по временамъ перемѣняющихся, состоитъ изъ 63 различныхъ, самыхъ разнообразныхъ сборовъ, кромѣ литейныхъ, доставлявшихъ уже въ то время довольно значительный доходъ, по окладу превосходившій $6\frac{1}{2}$ мил. рублей; въ этотъ раздѣлъ были включены всѣ сборы съ разныхъ отраслей промышленности и внутренней торговли и съ оброчныхъ казенныхъ статей и угодій; многіе изъ этихъ сборовъ, установленные издавна и будучи совершенно мѣстнаго характера, приносили дохода едва нѣсколько копѣекъ и тѣмъ не менѣе продолжали существовать по установленному однажды обычаю.

Третій отдѣлъ сборовъ неокладныхъ содержитъ какъ таможенные и соляные сборы, такъ и соотвѣтствовавшіе нынѣшнимъ крѣпостнымъ и гербовымъ сборамъ и доходы съ почтовыхъ установленій, всего же 22 наименованія. Наконецъ, раздѣлъ четвертый, неокладныхъ временно вступающихъ, всего 57 различныхъ наименованій, представляетъ довольно смѣшанный сбродъ всякихъ сборовъ безъ опредѣленнаго характера.

Таковъ порядокъ изложенія трехъ разсматриваемыхъ окладныхъ книгъ. Хотя изложеніе это не представляетъ строго проведенной системы, но самый фактъ существованія этихъ книгъ, стоившихъ финансовому управленію большихъ усилій и трудовъ, составляетъ уже огромный шагъ впередъ и, можно сказать, эпоху въ исторіи нашего финансоваго управленія.

Независимо отъ упомянутыхъ окладныхъ книгъ, въ главномъ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и въ архивѣ департамента государственнаго казначейства

хранятся четыре „вѣдомости доходамъ и расходамъ за 1770-73 года“. * Всѣ эти документы, вмѣстѣ взятые, даютъ намъ довольно полное понятіе о государственныхъ доходахъ и расходахъ того времени и представляютъ возможность придти къ некоторымъ сравнительнымъ съ предшествовавшею эпохою выводамъ.

Относительно *доходовъ* мы видимъ что по окладной книгѣ 1769 года всѣхъ доходовъ исчислено всего только около милліоновъ рублей, однако цифру эту нельзя признать вѣрною, такъ какъ по вѣдомости 1768 года ** значится доходъ до 21.683.178 руб., а съ недоимками около 22½ милл. руб.; на семъ основаніи вѣдомости должны быть признаны значительно ниже окладныхъ книгъ. Вѣдомости за послѣдующіе года показываютъ быстрое возрастаніе въ государственныхъ доходахъ такъ, кромѣ оборотныхъ суммъ, общій итогъ вступленийъ за 1770 годъ составляетъ болѣе 26½ милл. руб., въ 1771 и въ слѣдующихъ, 1772 и 1773 годахъ, отъ 27½ до 28 милл. руб.; такимъ образомъ приведенныя цифры показываютъ противъ 1766—67 годовъ, когда доходы не превышали 21½ милл. руб. увеличеніе на 30%.

Въ частности замѣчается увеличеніе подушныхъ сборовъ слишкомъ на 2¼ милл. руб., отъ прибавочныхъ по случаю войны окладовъ, коими были обложены всѣ податныя сословія. Равнымъ образомъ быстро возрасла въ разсматриваемый періодъ времени доходность косвенныхъ налоговъ; такъ доходы съ литей съ 5 милл. въ 1767 году возрасли до 6.641.000 рублей въ 1771 году, въ 1775—79 годахъ доходъ отъ литейной продажи простирался уже до 6.887.350 руб., а въ 1779—81 годахъ до 9¼ милл. руб.; но уже въ то время проявилось уже въ послѣдствіи всегда сопровождавшее откупную систему взиманія у насъ литейныхъ сборовъ, а именно нарастаніе недоимокъ по взносу откупной суммы: такъ въ 1773 году онѣ простирались уже до 2.979.000 р., а въ 1776 году до 3.391.000 р.

Относительно таможенныхъ сборовъ мы имѣемъ, кромѣ общихъ уломянутыхъ выше вѣдомостей о государственныхъ доходахъ и расходахъ, въ которыхъ доходы отъ означенныхъ сборовъ показаны очевидно неполно, два весьма интерес-

* Подробныя извлеченія изъ нихъ напечатаны авторомъ настоящей статьи въ 5 т. *Сбор. Ист. Общ.*

** См. статью того же автора въ ноябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1869 годъ.

ныхъ документа, хранящіеся въ государственномъ и Московскомъ главныхъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а именно: особая вѣдомость о дѣяности отпущенныхъ изъ Россіи и привезенныхъ въ нее въ 1762—81 годахъ товаровъ и о дѣйствительно собранныхъ сборахъ, и вѣдомость сколько противъ прежней, до 1764 года, откуловой суммы явительствомъ было по таможеннымъ сборамъ перевыручено. Въ первой изъ сихъ вѣдомостей количество полученныхъ таможенныхъ сборовъ показано за 1766 годъ въ размѣрѣ 2.875.000 р., за 1767 годъ 2.663.000 р. и за 1768 годъ 2.823.000 р. Затѣмъ, съ 1769 года начинается довольно замѣтное возрастаніе; въ семь послѣднемъ году поступленіе означенныхъ сборовъ показано въ 3.206.000 р., затѣмъ, увеличиваясь съ нѣкоторыми колебаніями, они доходятъ въ 1773 году до 3.614.000 р.; въ слѣдующихъ же годахъ замѣчается вновь пониженіе, такъ что въ 1778 году они падаютъ ниже 3 милл. руб., а именно равняются 2.976.000 р.; новое же и рѣшительное ихъ возвышеніе относится къ 1780 году, когда они въ одинъ годъ возрасли почти на цѣлый миллионъ рублей.

Въ другой приведенной нами вѣдомости разчитывается что въ десятилѣтіе съ 1764—73 года перевыручено было казною противъ откуловой суммы, платимой до того Шемакинымъ съ товарищами, 4.395.000 р., а за вычетомъ употребленныхъ въ это десятилѣтіе на содержаніе таможенъ, 792.000 р., оказывается чистой прибыли 3,603.000 р.

Наконецъ, соляной доходъ, который въ 1767 году давалъ не болѣе 1.699.000 р., возвысился въ началѣ семидесятыхъ годовъ до 1.909.000 руб., но вслѣдъ затѣмъ опять упалъ даже ниже прежней цифры, а именно онъ простирался отъ 1.570.000 до 1.580.000 руб.

За симъ, согласно общей вѣдомости и окладной книгѣ 1773 года, сравнительное значеніе для тогдашняго бюджета различныхъ отраслей государственныхъ доходовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Общая сумма доходовъ равнялась 27.714.135 р. по окладу, и 23.611.032 р. по дѣйствительному вогугленію, но присовокупля къ этой суммѣ 2.835.823 р., полученныхъ въ этомъ году изъ недоумокъ прошлыхъ лѣтъ, получимъ 26.446.855 р., представляющихъ итогъ дѣйствительно полученныхъ въ томъ году доходовъ. Изъ числа всѣхъ сборовъ, прямыхъ (преимущественно подушныя) подати по окладу простирались на сумму 12.634.048 р.,

то-есть достигали 45% общей суммы государственныхъ доходовъ по окладу: поступленіе ихъ, принимая во вниманіе недоимки за прошлые года, немногимъ ниже оклада, а именно 12.362.000 р. Затѣмъ литейные, таможенные и соляной сборы давали всего 11.500.295 р., то-есть также около 43% общей суммы всѣхъ государственныхъ доходовъ, такъ что на остальные 140 сборовъ приходилось всего 3.579.792 р. Число этихъ сборовъ однако уменьшилось немедленно по окончаніи Турецкой войны когда были предприняты значительныя облегченія въ податной тяжести для народа, а именно общее ихъ число, доходившее по окладной книгѣ 1773 года до 171, было въ 1776 году уменьшено до 159, а въ 1777 году до 133.

Переходя къ обзорѣнію государственныхъ *расходовъ* за рассматриваемое время, находимъ что прежде всего бросается въ глаза быстрое ихъ возрастаніе противъ предшествующаго времени, вызванное военными потребностями.

Упомянутыя выше вѣдомости даютъ намъ возможность представить хотя лишь за первые года описываемаго десятилѣтія слѣдующія данныя, расположенныя по тѣмъ же рубрикамъ по которымъ сгруппированы были государственные расходы за время съ 1763—68 годъ. *

Для краткости возьмемъ лишь 1770 и 1773 года.

	1770 г.	1773 г.
На дворъ ея императорскаго величества	2.482.405	2.213.808
Расходы по военно-сухпутному вѣдомству	8.204.467	9.612.272
Расходы на флотъ и адмиралтейство	771.546	759.558
Штатскіе-канторскіе расходы	7.083.831	10.098.014
Расходы на центральную и мѣстную администрацію	2.719.573	2.672.516
На пути сообщенія	117.796	58.703
„ постройки	97.598	60.000
„ богоугодныя заведенія	5.163	—
„ казенные заводы и бергъ-коллегіи	213.111.	123.010

* Смотри нашу статью въ ноябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1869 годъ.

	1770 г.	1773 г.
На академію художествъ, Московскій университетъ и академію наукъ.	67.136	64.000
По банкамъ.	58.784	—
На коллегію иностранныхъ дѣлъ. .	97.193	—
„ колонизацію	200.000	200.000
Жалованныхъ	60.000	60.000
На дѣланіе монеты.	303.455	—
Итого.	22.482.063	25.921.881
Чрезвычайныхъ расходовъ. . . .	1.558.822	2.515.251
	24.040.885	28.437.132
Истинныхъ за вино и соль (оборотныхъ).	1.814.161	—
На недоборы.	—	940.621
Итого.	25.355.047	29.377.753 *

Сравнивая эти цифры съ цифрами предшествовавшей эпохи, мы видимъ что и прежде существовавшее почти исключительное преобладаніе въ государственныхъ расходахъ издержекъ на защиту государства извнѣ еще усилилось вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ. Такъ расходы по арміи увеличились въ 1773 году противъ 1767 года на цѣлый миллионъ рублей; въ особенности быстро возрасли расходы на флотъ, которые съ 589.000 р. въ 1767 году дошли до 1.900.000 р. въ 1771 году, и хотя понизились въ слѣдующихъ годахъ, но все-таки превышали почти на 30% прежнюю цифру. Штатскіе-конторскіе расходы, въ которые также входили расходы на армію и флотъ, возвысились въ тотъ же промежутокъ времени съ 5.000.000 р. до 8.000.000 р. въ 1771 году, и до 10.000.000 р. въ слѣдующихъ годахъ. Статья чрезвычайныхъ расходовъ, вмѣсто скромной цифры 604.000 р. въ 1768 году, уже въ 1770 году достигла 1½ мил. р., а въ двухъ послѣднихъ изъ приведенныхъ годовъ превышала 2½ мил. р., то-есть вчетверо превышала прежній размѣръ. Расходы же на пути сообщенія, на сооружения, на казенные заводы, напротивъ того, должны были вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ значительно сократиться.

А. КУЛОМЗИНЪ.

* Невѣрности въ итогахъ происходятъ отъ сложенія опущенныхъ здѣсь копѣекъ.

СЫЩИКИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ ИЗЪ ВИТОНОВСКАГО ВРЕМЕНИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Лѣтомъ 1729 года, въ господской усадьбѣ Горенки, въ пятнадцати верстахъ отъ Москвы, цѣлыми днями стучали топоры, возили бревна, землю, сноваль туда и сюда народъ и рабочіе, около возводимыхъ какихъ-то холостыхъ строеній. На лодугорѣ вытягивались длинныя, изъ брусевъ сколоченныя, не то конюшни, не то сараи, поднимался какой-то четыре угольный срубъ съ мелкими перегородками внутри, вокругъ котораго высоко прилаживали летенъ, ниже снимали и равняли землю, рыли колодезь, ломали какое-то старое зданіе, — словомъ вездѣ кутѣла дѣятельность и спѣшная работа. Народу было гораздо болѣе нежели сколько можно было бы ожидать отъ тѣхъ тридцати крестьянскихъ избъ которыя видѣлись въ сторонѣ. Видно у владѣльца были другія многомудрѣшія вотчины, изъ которыхъ можно было пригнать сюда стоаько рабочихъ, видно располагалъ онъ вообще большими средствами, и стоило только заглянуть въ любой уголокъ усадьбы его чтобъ убѣдиться въ этомъ.

Въ сараяхъ, напримѣръ, стояло пять каретъ, большею частью вызолоченныхъ и обитыхъ внутри краснымъ, голубымъ, си-

намъ или желтымъ сукномъ, двѣ коляски, возокъ расписанный красками, столарныя, также расписанныя красками сави, гахъ, въ особомъ строеніи висѣли шоры, хомуты, цуки, узды съ мѣдными и даже серебряными приборами, сѣдла разныхъ величинъ и фасоновъ, съ вышитыми золотомъ и серебромъ подушками, медвѣжьи одѣяла, покрытыя голубымъ и зеленымъ съ красною опушкой. Конюшня на двадцать стойлъ была полна лошадьми, по тогдашнему времени, довольно рослыми и красивыми.

Въ подвалахъ стояло венгерское и бургонское вино, бочки съ виномъ вишневымъ, медъ и яблочная вода, бочки съ орѣхами, лшеномъ и крупю; кучами сложены были ковры, голландскія скатерти и салфетки, стояла оловянная, мѣдная и хрустальная посуда; большіе кованые сундуки съ дорожными пожитками: съ серебромъ, или съ бархатными и турецкой парчи кафтанами, подбитыми разными мѣхами, киндякомъ и камкою; женскія платья и фартуки штофные, бархатные, атласные и парчевые, обложенные золотымъ или серебрянымъ кружевомъ, лисьи малахаи, собольи шапки, цѣльные куски матерій и пр.

Нагѣво отъ дома расположены были избы домовой прислуги, а немного далѣе, изъ березовой рощи, слышался дружный вой запертыхъ на псарномъ дворѣ собакъ.

Самый домъ или каменныя палаты не отличались тою роскошью къ которой мы привыкли теперь, но представляли все что по тогдашнему времени считалось необходимою принадлежностью богатыхъ барскихъ хоромъ. Каменная лѣстница безъ перилъ и дверь съ желѣзными затворами вели въ довольно обширныя сѣни, въ которыхъ висѣли стеклянные фонари. Въ приемныхъ комнатахъ стояли лавки и стулья, обитые краснымъ, зеленымъ или голубымъ сукномъ, или кожей; столы были и круглые лиловые съ полями, и дубовые четырехугольные, обитые кожей и мѣдными гвоздями, или покрытые пестрымъ ковромъ, были маленькіе лаковые, московской работы. На стѣнахъ, покрытыхъ обоями вишневой камки или камчатными зелеными, мѣстами прибиты были ковры; въ каждомъ покоѣ висѣло по нѣскольку образовъ, но въ одномъ только красовалось зеркало въ черной деревянной рамѣ высеребрянной по полямъ, и напротивъ его портретъ Петра I, написанный на полотнѣ, въ деревянной рѣзной, вызолоченной рамѣ и покрытый тафтяною зеленою завѣсью.

Стѣнные часы, органъ, суконныя красныя драпировки на дверяхъ, хотя мелкія, но вездѣ стеклянныя окна, зеленыя печи, словомъ все свидѣтельствовало о богатствѣ и роскоши.

Тщательно отдѣлана и убрана была въ особенности одна комната, гдѣ стояли обитыя вишневымъ бархатомъ и обшитыя по краямъ серебрянымъ галуномъ кресла, столы съ рѣзными ногами, рѣзной шкафъ, круглый точеный поставецъ, кровать рѣзная же съ позолоченнымъ верхомъ, съ зеленою тафтяною завѣсью, съ луховою периною и подушками въ выбоичатыхъ наволочкахъ, съ простынею изъ голландскаго лотна и камчатнымъ одѣяломъ. Здѣсь, на стѣнахъ, по китайскимъ обоямъ, съ широкою бѣлою каймою и съ краснымъ грунтомъ, висѣли алебарды на дровцахъ, лищала, винтованныя и невинтованныя, пистоли двухъ- и даже трехствольныя; на столахъ стояли разныя вещи: китайскій черныи шкатулъ, кругленькія китайскія, черепаховыя, оправленныя серебромъ коробочки съ благовонными свѣчами, дубовая, холмогорская скрыня съ выдвигными ящичками, китайскій умывальныи ларчикъ, съ шуйскимъ мыломъ и т. д.

По чистотѣ и порядку въ которомъ содержался этотъ покой, можно было заблудить объ отсутствіи того лица или гостя для котораго онъ былъ предназначенъ, ибо совсѣмъ не то представляли другіе жилые покои, какъ мужскаго, такъ и женскаго отдѣленія дома, съ сосновыми кроватями, простыми деревянными столами и стульями, разставленными въ тѣснотѣ и безпорядкѣ.

Дѣйствительно, роскошно отдѣланныи покой предназначался для важнаго гостя, для самого государя, Петра II, котораго со дня на день ожидалъ къ себѣ владѣлецъ описанной богатой усадьбы, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій, переѣхавшій со всею семьею въ подмосковную и готовившій постройки для царскихъ коней и охоты, такъ какъ здѣсь предполагалось полевать и веселиться всю осень, и здѣсь же предполагалось нѣчто такое на что еще только слегка осмѣливался намекать въ ночныхъ бесѣдахъ своихъ съ царемъ, въ опочивальнѣ послѣдняго, сынъ Алексѣя Григорьевича, князь Иванъ, но о чемъ впрочемъ успѣли уже переговорить между собою члены семейства Долгорукихъ.

Было часовъ семь вечера, погода стояла великолѣпная, солнце уже сѣло и съ нимъ притихло все въ природѣ. За-

могло дружное чириканье воробьевъ, еще недавно тучей налетѣвшихъ на кусты сирени, прервался шелестъ подсохшихъ листьевъ на деревьяхъ, не поднималась съ песчаной дороги ни одна пылинка, пріостановилась на время и улеглась летѣвшая весь день по далекимъ полямъ паутина, но рабочіе не оставляли еще своихъ работъ, слышны были еще стукъ колесъ, удары топоровъ; съ села доносились голоса людей, перемѣшанные съ мычаніемъ пригнаннаго стада; изъ роуи, на дѣво, валилъ густыми клубами дымъ изъ-подъ котловъ, въ которыхъ заваривалась овсянка, слышалось хлопанье аралника, взвизгиваніе собакъ; у конюшни скрипѣлъ неумолчно колодезь, къ которому одну за одной выводили къ водопой лошадей; по другую сторону оврага, замыкающаго со всѣхъ сторонъ усадьбу, по извивающейся дорожкѣ, тянулись вереницею возы со снопами; гдѣ-то вдали, не то въ лѣсу, не то въ полѣ, подзывалъ звонкій дѣтскій голосъ отставшую „княжку“, и на призывъ этотъ, гдѣ-то еще дальше, откликнулся тонкимъ ржаньемъ жеребенокъ.

Въ княжескихъ палатахъ собирали ужинъ. На бѣлой скатерти стояли уже стеклянные кувшины съ квасомъ и кислыми щами, хрустальные стаканы и рюмки, оловянные и серебряныя тарелки, серебряныя блюда съ разными солениями и колченьями, простые ножи и вилки, солоницы, мѣдные шандалы съ восковыми свѣчами и пр.

Пріѣхавшіе утромъ изъ Москвы родственники и гости привезли извѣстіе что на завтра царь собирается непременно быть въ подмосковной, и старшіе члены семейства, князь Василій Лукичъ и князь Алексѣй, сидя въ кабинетѣ князя Алексѣя, толковали и совѣщались еще и еще разъ о томъ какъ надо было приступить къ занимавшему ихъ болѣе всего дѣлу.

— Ну что пустое толкуемъ! говорилъ князь Василій Лукичъ Долгорукій, нетерпѣливо отворачивая голову и махая рукою.— По осени не мало времени, ужели не успѣемъ?

— Чего ждатель-то? съ горячностью прерывалъ его князь Алексѣй Григорьевичъ,—самъ посудить можешь сколь много людей дѣлу сему противъ идутъ. Того дождемся что Андрей Ивановичъ и оягь всю недѣлю по часамъ распишетъ, тогда...

— Какъ такъ по часамъ?

- А такъ же; забылъ знать, какъ и исторія, и географія, и

математическія операціи, и самый волявтеншитель, и концертъ, и ужинъ и молитва государева, все по часамъ расписано было.

— То дѣло прошло, сказалъ улыбувшись Василій Лукичъ, — нынѣ не Остерману, а князю Ивану расписание дѣлать можно.

— О томъ-то и рѣчь, какъ его сдѣлать немедленно. Ивану съ нимъ не управиться, гдѣ ему? Съ Иваномъ нынѣ и сладу нѣтъ, сказалъ Алексѣй Григорьевичъ, завидовавшій нѣсколь-ко привязанности которую Петръ оказывалъ сыну.

Онъ утверждалъ что настоящая пора была самая удобная для приведенія задуманнаго плана въ исполненіе; что охоты настоящей еще не могло быть по времени года; что само собою царь долженъ будетъ сблизиться съ семействомъ и дочерью, тогда какъ поздне, осенью, труднѣе будетъ удержать его дома, да и страсть къ охотѣ заставитъ его пожадуи забыть обо всемъ остальномъ.

Князь Василій настаивалъ на своемъ, онъ совѣтовалъ быть навѣрное, а потому не торопиться; онъ доказывалъ что никакого особеннаго сближенія добиваться не слѣдовало, что это могло бы только надоесть юношѣ, тогда какъ при свиданіяхъ съ княжвою урывками, на короткое время, между разсѣянiami охоты, скорѣе можетъ загорѣться любовь.

— Тише ѣдешь, дальше будешь, говорилъ онъ внушительно. — О томъ помышлять надлежитъ какъ бы княжна Екатерина ему приглянулась.

— Приглянулась, повторилъ безсознательно князь Алексѣй Григорьевичъ. — А если не приглянется? прибавилъ онъ какъ бы разсуждая самъ съ собою.

Ослѣдленный честолюбіемъ, руководимый только счастливою звѣздой, которая поставила его, съ паденіемъ Меншикова, вдругъ такъ близко къ государю, онъ думалъ только о томъ какъ бы не пропустить время, пока свѣтитъ еще звѣзда. Но что въ самомъ дѣлѣ, еслибы дочь не приглянулась Петру? Полюбить княжну Екатерину силою его не заставишь. Да и дочь-то сама.... Онъ ей еще ничего ни о намѣреніяхъ своихъ, ни о планахъ до сихъ поръ не сообщалъ.

Когда князь Алексѣй сообщилъ это Василію Лукичу, тотъ даже засмѣялся.

— Нѣтъ, князь Алексѣй, сказалъ онъ, — видно русаковъ гравить иное, а важное фамильное дѣло вести иное.

— Смѣяться нечего, возразилъ нѣсколько обидѣвшись князь

Алексѣй,—не согласія же мнѣ ея ждать? Она обычай мой знаетъ довольно; да и не такому жениху отказать думать можно.

— Вѣдаю твой обычай, отвѣтилъ, продолжая еще улыбаться, Василиій Лукичъ,—да какъ же бы мы завтра умыселъ свой въ дѣйство производить стали? Съ тобою что ли, двое?

Князь Алексѣй разгорячился еще болѣе.

— Шутимъ мы съ тобою или дѣло говоримъ, князь Василий? сказалъ онъ.

— И самъ о томъ разсудить можешь, шучу ли я или нѣтъ, отвѣтилъ Василиій Лукичъ.—Завтра государя ожидаешь, а кому о семъ лаче всего вѣдать, — не сказываешь. Не согласія одного отъ княжны Екатерины потребно, а и побольше чего. Она бы и сама намъ съ тобою указала по какому пути слѣдовать. Чай въ Варшавѣ еще живучи, знатно научилась о чемъ намъ съ тобою и во снѣ не сплоса.

Алексѣй Григорьевичъ всталъ съ мѣста и, объявивъ что въ дочери онъ увѣренъ, намѣревался позвать ее на совѣщаніе и сообщить ей о своихъ планахъ, но дверь отворилась, и вошедшая княгиня Прасковья Юрьевна, жена князя Алексѣя, прервала бесѣду двоюродныхъ братьевъ, позвавъ ихъ къ ужину.

II.

Выросши и воспитавшись въ Варшавѣ, въ домѣ дѣда своего Григорія Ѳедоровича Долгорукаго, княжна Екатерина привыкла тамъ къ обращенію съ мужчинами болѣе свободно чѣмъ какъ допускалось русскими обычаями. Но хотя и много увивалось вокругъ нея придворной молодежи, толкавшейся въ домѣ ея отца, она до той минуты съ которой начинается нашъ разказъ, ни на кого, ловидимому, не обращала особеннаго вниманія. Такъ по крайней мѣрѣ казалось; на самомъ дѣлѣ было несовсѣмъ такъ. Она тайнѣ оказывала предпочтеніе челоѣку на которомъ не останавливались ничьи подозрѣнія, котораго не замѣчала ничья чуткая ревность, на челоѣкѣ котораго фамилія была Миктеровъ.

Онъ былъ сынъ небогатаго помѣщика Смоленской губерніи, и дѣтство свое провелъ въ домѣ старика-отца, въ деревнѣ, гдѣ, какъ и бѣольшая часть дворянскихъ дѣтей того времени, учился грамотѣ у сельскаго пономаря, а въ праздные часы гонялъ голубей съ крыши, куда влѣзалъ по высокому

вязу, росшему у крыльца родительскихъ хоромахъ. Бѣдная обстановка не обѣщала, казалось, ничего молодому Миктерову, но небольшое происшествіе, случившееся лѣтъ двадцать тому назадъ, когда его и не было на свѣтѣ, имѣло сильное вліяніе на послѣдующую его судьбу и карьеру.

Нѣкто Заломовъ, помѣщикъ и сосѣдъ отца Миктерова по усадьбѣ, поссорившись съ нимъ, захватилъ разъ на его поля со всѣми своими крестьянами на подводахъ и насильственнымъ образомъ сталъ жать и убирать чужой хлѣбъ. Дали знать владѣльцу; Миктеровъ, собравъ своихъ крестьянъ, вооружился дубьемъ и ружьемъ, явился на мѣсто, и послѣ долгихъ тщетныхъ переговоровъ, выстрѣлилъ наконецъ по сосѣду изъ ружья и ранилъ его.

Самоуправство было въ то время не диковинка, въ особенности по деревнямъ; Заломовъ счелъ за ничто прѣхать съ ватагою крестьянъ на чужія поля, грабить посеянный хлѣбъ; но оскорбился когда Миктеровъ вздумалъ защищаться. Онъ подалъ челобитную, въ которой жаловался что сосѣдъ, явившись къ нему вооруженнымъ, ранилъ его, желая вѣроятно убить, и добавлялъ что сосѣдъ этотъ къ тому же еще и бывшій съ государственной службы дворянинъ. Миктеровъ, съ своей стороны, подалъ всѣрѣчный искъ, съ объясненіемъ всѣхъ убытковъ причиненныхъ Заломовымъ. Начался процессъ, выписки изъ дѣла, переписки набѣло, нескончаемыя помѣты. Миктеровъ отписывался какъ умѣлъ, Заломовъ продолжалъ ходатайствовать. Прошло много лѣтъ, дѣло было все еще въ ходу, и когда наконецъ стали вызывать стороны, Заломовъ поѣхалъ, а Миктеровъ, разоренный процессомъ и съ сыномъ на рукахъ, не зналъ что ему дѣлать.

Въ это время прибылъ изъ Парижа, послѣ коронаціи Людовика XV и являлся Петру I въ селѣ Преображенскомъ, нашъ опытный и искусный дипломатъ Василій Лукичъ Долгорукій, le plus poli et le plus aimable Russe de son temps, какъ говорили о немъ современники-иностранцы. Царь пригласилъ его въ свою новую столицу вмѣстѣ съ посломъ при Берлинскомъ дворѣ, Головкинымъ, готовя въ Петербургѣ торжественный вѣздъ, въ честь „достоинствъ пріобрѣтенныхъ сими знатными Россіянами у другихъ народовъ“. Желая воспользоваться тѣмъ временемъ пока вызванный изъ Берлина посолъ нашъ еще не вернулся, Василій Лукичъ отпросился съѣздить посмотреть на свои смоленскія помѣстья.

Помѣстья эти находились не въ далеку отъ вотчины Миктерова. Послѣдній, во время долгихъ отсутствій Василія Лукча за границей, наблюдалъ, по его желанію, за его хозяйствомъ, и потому былъ Долгорукому не безызвѣстенъ. Узнавъ о прїѣздѣ важнаго сановника, Миктеровъ обратился къ его покровительству. Долгорукій свисходительно выслушалъ всѣ обстоятельства дѣла своего бѣднаго сосѣда, ему понравилось лицо мальчика, привезеннаго Миктеровымъ для умилостивленія. Онъ обещалъ похлопотать о процессѣ, сына же приказалъ прислать къ нему, въ Петербургъ, надѣясь помѣстить его на службу.

Впечатлѣніе произведенное на Ванюшу блестящею обстановкой окружавшею Долгорукаго было такъ сильно что ребенокъ просто бредилъ тѣмъ что видѣлъ въ домѣ вельможи; въ первое время даже всѣ прежнія занятія были имъ брошены, не было другой игры какъ игра въ Долгорукаго. Съ дѣтскимъ раздраживаніемъ манеръ, голоса и пріемовъ сановника, поразившаго воображеніе ребенка, разказывалъ онъ разныя мелочныя подробности, которыхъ никто, кромѣ его не замѣтилъ. Отецъ смѣялся, поддразнивалъ, а въ головѣ мальчика все крѣпче и крѣпче засѣдала мысль: какъ онъ постарается угодить своему патрону, какъ отличится на войнѣ, какъ начнутъ его жаловать чинами и крестами и какъ наконецъ возвратится онъ къ отцу, въ одномъ экилажѣ съ Долгорукимъ, съ которымъ уже будетъ разговаривать дорогою, какъ съ пріятелемъ.

Не мудрено послѣ того что при разставаніи съ отцомъ глаза Ванюши были сухи и что онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ того момента когда наконецъ посадили его съзади четырехъхвостной коляски одного дальняго родственника, взявшагося доставить мальчика въ Петербургъ. Юнаго вельможу сидящаго на заляткахъ не мало ни оскорбляло что въ то же время, въ той же самой коляскѣ, родственникъ его, развалился на перинѣ, въ лисьей шубѣ и подъ лисьимъ одѣяломъ, напившись до сыта на дорогу жженки изъ вина съ медомъ, игралъ съ сидѣвшею рядомъ съ нимъ лягавою собакой, забавляясь страхомъ, который наводили на нее пускаемые имъ отъ времени до времени выстрѣлы изъ пистолета: судьба, надежды его были впереди.

Если и не вполнѣ осуществились мечты юноши, то можно сказать что въ пять, шесть лѣтъ, проведенныхъ Микте-

ровымъ у Долгорукаго, многое было имъ достигнуто. Смиленность, рвеніе, настойчивость въ стремленіи вправились въ юность Василю Лукичу, и онъ, удержавъ Миктерова при себѣ, взялъ его съ собою въ Польшу, куда былъ вкорѣ посаженъ Петромъ, а наконецъ, предъ отъѣздомъ своимъ въ Митаву, послѣ уже кончины Петра, опредѣлилъ его въ гвардію, гдѣ онъ и успѣлъ уже получить офицерскій чинъ.

Будучи въ домѣ Василя Лукича домашнимъ человекомъ, Миктеровъ познакомился конечно со всею фамиліею Долгорукихъ, въ томъ числѣ и съ домою Алексѣя Григорьевича и съ княжною Екатериной. Пребываніе Миктерова нѣкоторое время въ Польшѣ дало ему возможность даже облизаться съ княжною, для которой воспоминанія о жизни ея у дѣда были самыми приятными. Не придавая сначала никакого значенія этому сближенію, Миктеровъ замѣтилъ однако скоро что со стороны княжны было не одно только желаніе съ нимъ разговаривать, но и еще что-то, въ чемъ онъ долго даже не смѣлъ себѣ признаться; онъ сталъ замѣчать и почаству останавливавшіеся на немъ глубокіе, томные взгляды княжны, сталъ замѣчать и собственную свою фигуру; свой стройный ростъ, тонкія черты лица, черные выразительные глаза, словомъ все то что составляло также нѣкоторую силу, ускользавшую доселѣ отъ его вниманія, но съ помощію которой можно было дѣйствовать, несмотря на всю трудность обстоятельствъ въ которыхъ онъ находился.

Зная князя Алексѣя, Миктеровъ былъ увѣренъ что гордый самовникъ не согласится отдать своей блестящей дочери за какого-нибудь, выведеннаго въ люди двоюроднымъ его братомъ, бѣднаго дворянина; объ ослушаніи родительской воли, романтическомъ любви, нечего было и думать, да и кака бы могла быть польза отъ подобнаго любви, съ которымъ неизбежны были родительское проклятіе и лишеніе состоянія. Что же могъ имѣть въ виду молодой честолюбецъ? На на что не надѣясь, ни на что не разчитывая, молодой человекъ тѣмъ не менѣе не въ состояніи былъ устоять противъ обаянія женской красоты и щекотанія смутныхъ надеждъ, какъ ни безумными признавалъ ихъ разсудокъ.

Большую часть своего времени проводилъ онъ у Долгорукихъ, въ семействѣ которыхъ скоро привыкли смотрѣть на него какъ на домашняго. Родители княжны не обращали никакого вниманія на сближеніе молодыхъ людей; молодая княж-

на, по природѣ гордая и честолюбивая, держала себя чрезвычайно высоко со всѣми вообще, а въ особенности съ тѣми кто чѣмъ бы то ни было показывалъ ей свои чувства. Съ Миктеровымъ было бы то же самое, еслибъ онъ, чувствуя необычность надеждъ, не старался на околько можно менее выражать свои чувства.

Но эта сдержанность Миктерова, раздражая княжну, побуждала ее дѣлать новые шаги на встрѣчу ему. Отношенія ея къ нему запутывались, усложнялись, и въ ту эпоху съ которой мы начали нашъ разказъ, они находились уже на той точкѣ отступить отъ которой молодые люди считали себя не въ силахъ, а перейти которую значило пройти разомъ весь путь и окунуться въ бездну неизвѣстности и всякихъ бѣдъ. Отъ нѣжныхъ взглядовъ, которыми обмѣнивались они при всѣхъ, ловя благоприятныя минуты, когда на нихъ обращали вниманія, до сладкихъ разговоровъ, урывками, наединѣ, до горячихъ объятій и страстныхъ поцѣлуевъ въ саду, подъ покровомъ темнаго вечера и покровительствомъ младшей сестры, Елены, участвовавшей въ секретѣ въ качествѣ наперсницы, — все было ими испытано. Они не знали уже и не отдавали себѣ отчета въ томъ куда зашли и куда могли придти. Лишь случайность могла рѣшить оставаться ли имъ на линіи гдѣ они находились, или перешагнуть ее.

Въ описываемый вечеръ они долго гуляли одни въ саду; княжна Елена, младшая сестра Екатерины, зная ихъ тайну, была, какъ обыкновенно, насторожѣ, и подала имъ знакъ, когда ей показалось что пора возвратиться. Но влюбленные не вдругъ услышали ея голосъ, отсутствіе ихъ было замѣчено княземъ Алексѣемъ, который былъ не въ духѣ.

III.

— Пора бы и знать въ какую пору дома быть надлежить, обратился князь Алексѣй Григорьевичъ къ дочерямъ, между тѣмъ какъ жена его осматривала шлейфы дѣвицъ и, покачивая головой, что-то сердито имъ выговаривала.

— Залоздали, далеко зашли, говорила Елена.

Позвали къ ужину.

— Я ужинать не стану, что-то въ головѣ дурно, тихо произнесла Екатерина, подойдя къ матери.

— Не гулять бы столько! И откуда у васъ обычаи такіе? Поди отцу скажи. Гостей бросили, сами запропали! заворочала княгиня.

— Чего гнѣваешься? спросилъ у жены проводившій гостей до столовой и возвратившійся князь Алексѣй, — стулай, угощай, указалъ онъ ей.

— Вотъ уживать, сказывается, не пойду, начала было Праксovia Юрьевна, — голова вишь болить.

— Стулай, стулай, прервалъ ее громко и съ нетерпѣніемъ князь Алексѣй. — Голова болить, что такъ? продолжалъ онъ, обращаясь къ дочери и смотря на блѣдное и взволнованное лицо ея, — а я сказать было тебѣ вѣчто имѣлъ, да... Чего сторовишься? подожди сюда, статья можетъ худаго тебѣ не сдѣлаетъ.

Внутреннее волненіе княжны Екатерины было должно-быть на столько сильно что успокоить его не могло и непривычно-ласковое обращеніе отца. Напротивъ, это что-то необыкновенное смутило и разстроило ее еще больше.

Опершись сперва на стулъ, около котораго они оставовились, она наконецъ на него опустилась. Мысли ея путались; она не въ состояніи было слѣдить за словами отца. Смыслъ ихъ ускользалъ отъ нея. Среди неясныхъ рѣчей его, она стала однако мало-по-малу различать свое имя, рядомъ съ именемъ государя; женихъ, невѣста, царица... Она всматривается въ лицо отца, она не ошибается, она не бредитъ, — все это говорить точно онъ, на яву, ей, теперь, именно теперь, послѣ этой несчастной прогулки!

— Пропадало, пропадало! вдругъ закричала княжна, схвативъ за руку отца. — Къ чему вы меня вели? Къ чему давно мнѣ не сказали? Вчера... нынѣ!... и блѣдная, трепещущая, закачалась она на стулъ, глаза ея, смотрѣвшіе пристально въ одну точку, вдругъ закатились, и она свалилась на сторону, загремѣвъ стоявшею возлѣ мебелью.

Князь Алексѣй, попробовавъ сперва приподнять ее, называя по имени, побѣждалъ къ женѣ; въ столовой на минуту затихли голоса, и вслѣдъ затѣмъ задвигались стулья, всѣ встали.

Миктеровъ, блѣдный, остановился въ дверяхъ и внимательно слѣдилъ за столпившимися около княжны родственниками. Ему хотѣлось броситься впередъ, отодвинуть тяжеловѣсные

стоял, приподнять голову княжны, которую усердно вспрыскивали водой, и никто не догадывался поддержать, но вмѣстѣ съ тѣмъ было и какъ-то страшно: казалось, вотъ сейчасъ отдѣлится кто-нибудь, подойдетъ къ нему, и все откроется.

— Ничего, оправится, сказалъ въ это время, подходя къ нему и слегка улыбаясь, князь Василій Лукичъ. — Это такъ знать, съ горячности съ нею приключилось.

— Бѣда! говорилъ Миктеровъ растерявшись, — бѣда! И съ чего такъ съ нею?

— Ты не вѣдаешь, а я и меньше того; будетъ время узнать, не скроется. Я говорю: съ горячности.

Черезъ полчаса, когда изъ комнаты княженъ вышли уже родители, вполне успокоенные насчетъ здоровья дочери, когда сама княжна Екатерина, прійдя въ себя, со слезами на глазахъ, объяснила отцу что она волѣ его не ослушница, и плачетъ только потому что „очень все это внезапно приключилось“, когда наконецъ князь Алексѣй Григорьевичъ съ довольнымъ лицомъ объявилъ уже о счастливомъ результатѣ своихъ объясненій съ дочерью и князю Василю, Миктеровъ, обогнувъ усадьбу Долгорукихъ, вѣзжалъ въ лежавшій на пути въ Москву темный лѣсъ. Все о чемъ когда-то мечталъ Миктеровъ, чего онъ добивался, было, казалось, достигнуто. Узелъ, котораго разорвать теперь было нельзя, завязался. Хочетъ ли, не хочетъ ли князь Алексѣй, а породнимся, думалось ему. И со дна души стало теперь подниматься все что до сей поры прикрывалось и заглушалось повзрѣіемъ любви. Ему представлялось и испуганное лицо князя Алексѣя Григорьевича, и гнѣвъ князя Василья, и сцены признанія дочери, и посреди этого, онъ самъ, торжествующій, какъ судьба, противъ которой не властны будутъ ни гнѣвъ, ни отчаяніе, ни слезы.

О какой только „горячности“ говорилъ ему князь Василій Лукичъ? „Съ горячности приключилось“, повторялъ онъ слова князя. Про какую „горячность“ ему вѣдомо быть можетъ?

IV.

Планамъ Долгорукихъ суждено было осуществиться очень скоро. Всю почти осень провелъ Петръ II на охотѣ, гдѣ они за нимъ ухаживали и смотрѣли, стараясь не отгускать отъ себя ни на шагъ и боясь всякаго чуждаго вліянія. Государь

пріѣзжалъ въ Москву только иногда, на торжественные дни, да и то оставался въ городѣ недолго, спѣша въ тотъ же день возвратиться въ деревню. Еще въ октябрѣ, въ день его рожденія, Остерманъ, угощавшій, за отсутствіемъ государя, иностранныхъ министровъ, на большомъ обѣдѣ во дворцѣ, не хотѣлъ вѣрить тревожнымъ слухамъ, ходившимъ въ городѣ о скоромъ будто бы бракосочетаніи царя съ княжною Долгорукой. Но уже 19го ноября, тотъ же Остерманъ долженъ былъ официально объявить о намѣреніи Петра вступить въ бракъ, а вскорѣ затѣмъ члены верховнаго совѣта, фельдмаршалы и другія знатныя особы, и иностранные министры поздравляли государя и княжну какъ жениха и невѣсту.

Миктеровъ узналъ объ этой новости конечно прежде другихъ, но разгадать даже и теперь значеніе слова „горячность“, которое употребилъ тогда князь Василій Лукичъ, все-таки не могъ, а постоянное присутствіе у Долгорукихъ царя не только не допускало возможности какой бы то ни было объяснительной бесѣды его съ княжною Екатериной, но и не допускало даже возможности такому маленькому человѣку какимъ былъ онъ пріѣхать въ Горенки и войти въ домъ, гдѣ находился царь, окруженный только близкими къ нему людьми. На первыхъ порахъ Миктеровъ не зналъ рѣшительно что ему дѣлать. Отъ князя Василя Лукича онъ слышалъ что княжна Екатерина намѣреніямъ отца не противится; ему знакомы были честолюбіе и гордость всѣхъ членовъ семейства Долгорукихъ, не исключая и княжны, но вѣдь и права которыя онъ пріобрѣлъ были не маловажны.

Пріятель и товарищъ его по службѣ, нѣкто Торбеевъ, посвященный во всѣ тайны его жизни, совѣтовалъ ему молчать и ждать.

— Если вся фамилія ихъ того хочетъ, то тебѣ дѣла того не передѣлать, да и ей отъ такого брака отказаться нельзя. Однако когда все совершится какъ они того желаютъ, и княжна мыслей своихъ къ тебѣ не измѣнитъ, тебѣ не худо отъ этого будетъ, утѣшалъ пріятель, и Миктеровъ молчалъ и ждалъ.

Между тѣмъ тридцатаго ноября, въ день празднованія ордена Св. Андрея, въ большой залѣ дворца, на персидскомъ шелковомъ подножномъ коврѣ, стоялъ четырехугольный, покрытый золотою ларчей столъ, и на немъ ковчегъ съ крестомъ и двѣ золотыя тарелки съ обручальными кольцами. Генерал-майоръ Барятинскій, Вендигеръ, Бибииковъ, Измайловъ, Кейтъ

и оберъ-комендантъ Еролкинъ держали кисти балдахика, вышитаго золотомъ по серебряной ларчѣ. Направо, на шелковомъ коврѣ, стояли кресла его величества, а налево, въ два ряда, зеленые, бархатные, золотомъ вышитые кресла и стулья для государыни-бабки, княжны-невѣсты, для принцессы Елизаветы Петровны, герцогини Мекленбургской Екатерины Ивановны съ дочерью и для сестры ея Прасковьи Ивановны, и наконецъ сзади еще стулья для родственниковъ Долгорукихъ.

Оберъ-камергеръ князь Иванъ Алексѣевичъ отправленъ былъ за сестрой въ Головинскія палаты, откуда двинулся скоро черезъ Салтыковъ мостъ, большую Нѣмецкою улицей, торжественный поѣздъ.

Густая толпа народа окружала дворецъ, въ ожиданіи его. Вотъ показались придворныя кареты цугами въ шесть лошадей, скороходы, фурьеры, постильоны, гренадеры, гайдуки, шажи въ мундирахъ и ливреяхъ, верхами и пѣшкомъ; вотъ наконецъ въ дворцовыя ворота повернула и карета невѣсты, что-то вдругъ затрещало: большая корона, находившаяся на имперіалѣ, свалившись на землю, разлетѣлась въ дребезги.

— Эхъ, знакъ худой! послышалось въ народѣ.

Но ничего этого не замѣтили во дворцѣ. Невѣсту встрѣтили внизу государыня-бабка съ принцессами. Она была въ бѣломъ глазетовомъ платьѣ, вышитомъ золотомъ, волосы завиты въ четыре косы, унизанныя драгоценными камнями; на головѣ блестѣла діадема. Оберъ-камергеръ высадилъ сестру изъ кареты и провелъ на верхъ; войско, цѣлый батальонъ гвардіи въ 1.200 человекъ, съ боевыми патронами въ сумкахъ, на всякій случай, подняло ружья на караулъ; оркестръ грянулъ концертъ. Вскорѣ потомъ, при громѣ литавръ и трубъ, вышелъ и государь. Всѣ стали по мѣстамъ; музыка смолкла; архіепископъ новгородскій Теофанъ, благословивъ перстни, обмѣнялъ ихъ, вручилъ обручальникамъ, при чтеніи молитвъ и пѣсней, и обрядъ совершился. День окончился иллюминаціей внутри и внѣ дворца, фейерверкомъ и баломъ, на которомъ, для показанія сердечнаго своего удовольствія, присутствовала и сама государыня-бабка.

Миктерову не удалось, несмотря на все стараніе, попасть въ число восьми кавалергардовъ, сопровождавшихъ невѣсту съ бала. Онъ видѣлъ однако на улицѣ торжественный поѣздъ ея, карету запряженную восьмью конями, съ лажами и гайдуками, видѣлъ и княжну Екатерину, и едва узналъ ее: такъ

величавая и недоступная казалась она. Онъ мгновенно погналъ всю громадность разстоянія которое образовалось между ними.

Въ день Крещенья, 6го января, по случаю водоосвященія, былъ парадъ. Выстроеныя подъ командой фельдмаршала Василя Владиміровича Долгорукаго войска, въ ряду которыхъ былъ и Миктеровъ, ждали царя, занимавшаго въ этотъ день мѣсто полковника Преображенскаго полка; когда показались золоченыя, шестерикомъ санци, въ которыхъ сидѣла принцесса-невѣста, и на запяткахъ, въ преображенской формѣ, самъ государь, сердце Миктерова дрогнуло. Онъ не могъ оторвать глазъ своихъ отъ разгорѣвшагося на морозѣ лица княжны Екатерины, обрамленнаго собольею олушкой чернаго капора; онъ жадно слѣдилъ за всѣми движеніями головы ея. Вотъ она сказала что-то своему жениху, глаза ея машинально повернулись въ ту сторону гдѣ стоялъ Миктеровъ: не замѣтитъ ли она его? Куда! Онъ для нея больше не существуетъ.

Загорѣлось сердце Миктерова, точно укололо его что. Злобное чувство повернулось въ немъ, и твердо рѣшился онъ, во что бы то ни стало, не отступать и добиться свиданія съ княжною.

А между тѣмъ въ семействѣ Долгорукихъ еще и другая радость. Фаворитъ царя, князь Иванъ, наскучившись буйною жизнью, ночными прогулками и безумнымъ скаканіемъ по улицамъ съ драгунами, на страхъ и ужасъ жителей, влюбился въ Наталью Борисовну Шереметеву, сдѣлалъ ей предложеніе и получилъ согласіе. Сродники обмѣнивались богатыми дарами, брилліантовыми вещами, часами, табатерками, готовальнями и всякими галантереями. Свадьба готовилась самая пышная; обручальные перстни одни стоили 18.000 рублей; братъ Натальи Борисовны подарилъ жениху шесть пудовъ серебра, старинные, великолѣпные кубки и золоченыя флаги. На стговорѣ, вечеромъ, тѣснота отъ каретъ и народа была такъ велика что залерлась даже улица Воздвиженка, гдѣ стоялъ домъ Шереметевыхъ, и для разѣзда надо было зажечь смоляныя бочки....

Прошло нѣсколько дней. Неожиданно по городу пронесся слухъ что государь простудился на крещенскомъ парадѣ, и что у него открылась оспа. Черезъ нѣсколько дней стало извѣстно что онъ оласень.

У князя Алексѣя, въ Головинскихъ палатахъ, назначенъ

былъ семейный совѣтъ всѣхъ родственниковъ, на который пригласили и фельдмаршала князя Василія Владиміровича.

Въ неприбранной спальнѣ князя Алексѣя должно было рѣшиться важное дѣло. Собравшіеся толпились кучей. Лица у всѣхъ были печальны; разговоръ не вязался; на умѣ у всякаго былъ одинъ и тотъ же вопросъ, одна и та же мысль.

— Совѣтоваться собрались, такъ надо совѣтоваться, началъ наконецъ нетерпѣливо князь Алексѣй. — Императоръ боленъ, надежда худа; не чаю чтобъ и живъ былъ; надобно выбирать наследника.

Какъ по данному сигналу, всѣ при этихъ словахъ присѣли кому гдѣ пришлось; одинъ изъ гостей притворилъ плотвѣ дверь и получилъ одобрительное киваніе головой отъ большей части присутствовавшихъ.

— Кого жь въ наследники выбирать думаете? спросилъ, по-смотрѣвъ кругомъ, князь Василій Лукичъ, когда всѣ снова устоялись.

Всѣ молчали. Глаза Василія Лукича, переходя отъ одного къ другому изъ родственниковъ, ни въ комъ не встрѣтили отвѣта на предложенный вопросъ: кто, сдвинувъ брови и потирая колѣна, какъ бы сосредоточивался и собиралъ свои мысли; кто, поднявъ голову и постукивая ногами, смотрѣлъ вверхъ, какъ бы ожидая помощи свыше; кто, наконецъ, просто избѣгая взгляда вопрошавшаго, искалъ, казалось, чего-то на полу; никто не подалъ своего мнѣнія.

— Да вотъ она! оказалъ наконецъ болѣе рѣшительный князь Алексѣй, показавъ вверхъ, на потолокъ гдѣ жила его дочь, — вотъ она!

Всѣ взглянули наверхъ, но промолчали. Старый фельдмаршалъ подвинулъ только, не вставая съ мѣста, стулъ на которомъ онъ сидѣлъ, и, наостривъ уши, перегнувшись впередъ, теперь только, казалось, сталъ понимать и вникать въ тотъ предметъ о которомъ шла рѣчь.

— Не можно ль, началъ тогда таинственно князь Сергій Григорьевичъ, какъ бы желая разъяснить недоумѣніе фельдмаршала, — не можно ль духовную написать что его императорское величество учинилъ ее наследницей?

— Для чего и тому не быть, поддержалъ его князь Василій Лукичъ, доставая молча какую-то бумагу изъ кармана и собирая всѣхъ вокругъ себя. Вотъ я прочту вамъ отписку ко мнѣ датскаго посланника, Вестфалена, прибавилъ онъ, отстра-

ня рукой стоявшихъ къ нему ближе и тѣмъ давая возможность не покинувшему мѣста своего фельдмаршалу слушать его внимательнѣе.

— Вестфалена, посланника? спрашивали между тѣмъ нѣкоторые.

— Да; пишетъ вотъ здѣсь, началъ Василій Лукичъ, придвигая близко къ глазамъ письмо—что „слухъ носится будто его величество весьма боленъ, а ежели наследство Россійской Имперіи будетъ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, то Датскому королевскому двору съ Россіей дружбы имѣть не можно, а повеже его величества обрученная невѣста фамильи вашей, то и можно удержать престолъ за нею, такъ какъ, послѣ кончины Петра Великаго, двѣ знатныя персоны, а именно Толстой и Меншиковъ, государыню императрицу Екатерину удержали, что и вамъ по вашей знатной фамиліи учинить можно, и потому еще что вы больше чѣмъ Меншиковъ и Толстой славы имѣете....“

— Неслыханное дѣло вы затѣваете, вступился вдругъ старый фельдмаршалъ, прервавъ чтеніе,—неслыханное дѣло! Кто захочетъ ей подданнымъ быть? Не только посторонніе, но и я самъ и прочіе нашей фамиліи, никто въ подданствѣ у ней быть не захочетъ.

— Что такъ? почему?

— Да княжна Екатерина съ государемъ не вѣнчана.

— Хоть не вѣнчалась, но обручалась, вмѣшался рѣшительно князь Алексѣй.

— Вѣнчаніе иное, а обрученіе иное, горячился фельдмаршалъ.—Лучше хочу правду вамъ говорить, а не мавить. Да еслибъ она за его величествомъ и въ супружествѣ была, то и тогда бы во учиненіи ее наследницей не безъ сумнѣнія было, а теперь....

И завязался споръ. Дѣло не ладилось. Всѣ члены домашняго совѣта стали уговаривать фельдмаршала; представляли что на него они больше всего надѣялись, намекали на то что онъ, въ качествѣ полковника Преображенскаго полка, могъ бы имъ и помочь и т. д.

Князь Василій Лукичъ, взявъ между тѣмъ чистый листъ бумаги, сѣлъ было уже къ камину и началъ что-то писать, а между тѣмъ князь Василій Владиміровичъ сердился луце прежняго.

— Да какъ тому можно сдѣлаться, говорилъ онъ, привскаки-

вая на стулѣ,—какъ мнѣ полку о томъ объявить? Да за это объявленіе меня самого убьютъ!

— Пиши, обратился князь Сергѣй Григорьевичъ къ князю Василю,—пиши послѣднѣе, повторилъ онъ, думая выиграть дѣло быстрымъ ходомъ его, и нетерпѣливо слѣдя за скрипящимъ перомъ, искривленными буквами и помарками, которыя дѣлалъ послѣдній.

— Для чего же полку не объявить? кто убьетъ? иль ты намъ добра не желаетъ? приставали къ фельдмаршалу въ это время родственники.

— О! да вы все ребячье толкуете! проговорилъ наконецъ князь Василій Владиміровичъ, и съ этимъ словомъ, тяжело приподнявшись со стула, никому не поклонившись, съ усиленіемъ отворилъ двери, — и вышелъ.

— Руки моей письмо худо однако, спохватился, прервавъ послѣдовавшее за выходомъ фельдмаршала молчаніе, князь Василій Лукичъ. Кто бы лучше написалъ? обратился онъ къ остальнымъ присутствующимъ, вспомнивъ что дочеркъ его могъ быть когда-нибудь уликой. Вишь помарки однѣ, все помарки, продолжалъ онъ, бросая исписанный листъ бумаги въ каминъ.

Перо взялъ тогда князь Сергѣй Григорьевичъ, и продуктивная княземъ Василемъ и княземъ Алексѣемъ, въ двухъ экземплярахъ, духовная была скоро готова. Подъ однимъ изъ экземпляровъ заставили князя Ивана написать: „Петръ“, другой вручили ему съ тѣмъ чтобы дать подписать государю, удача время. Но подписывать что-либо Петру было уже поздно.

V.

Восемнадцатаго января, ночью, въ царской опочивальнѣ, три архіерея совершали уже надъ Петромъ обрядъ елеосвященія, а члены верховнаго совѣта, также сенаторы и генералитетъ, собравшись въ сосѣдней комнатѣ, ожидали въ молчаніи роковой минуты,—никто не развѣзжался.

Стоявшіе на улицѣ экилажи привлекли много любопытныхъ; расхаживавшіе между ними кучера, похлопывая на морозѣ руками, разсуждали, по догадкамъ, о томъ что должно было происходить во дворцѣ, и тѣмъ заинтересовывали еще болѣе останавливавшійся народъ. Толпа дѣзла заглядывать въoble-

дѣлыя окна, сквозь узоры которыхъ видѣлись какія-то движущіяся огромныхъ размѣровъ тѣни.

— Осади! подайся! куда лѣзете? раздавался знакомый намъ голосъ караульнаго офицера Миктерова.

— Осадимъ; куда преть-то? ей тетка! слышь, не велятъ!

— Осади назадъ! кричалъ громче прежняго раздраженный этими пересудами Миктеровъ, — и народъ отступалъ варту прочь всею массою, и снова, черезъ минуту, наваливалъ на экипажи и окна.

Было двадцать пять минутъ втораго, когда, наконецъ, двери царской оловивальни слегка пріотворились, и князь Иванъ, разстроенный и блѣдный, быстрыми шагами прошелъ, не обращая ни на кого вниманія, мимо задремавшихъ было и встреленувшихся теперь чиновъ.

— Скончался! Скончался? заговорили вполголоса со всѣхъ сторонъ присутствующіе, окруживъ показавшагося также съ заплаканными глазами и сильно встревоженнаго Остермана, — и началось общее движеніе, бѣготня, слышались отдаленныя рыданія и громкіе голоса.

— Помѣшкайте немного, помѣшкайте! засуетилась старый фельдмаршалъ, зова назадъ удалявшихъ уже было изъ царскихъ покоевъ сановниковъ свѣтскихъ и духовныхъ.

— Помѣшкайте! О избраніи новаго государя совѣтовать надлежитъ.

— Когда теперь совѣтовать?

— На утро.

— Кто указалъ?

— На утро, въ Лефортовскій дворецъ, по указу верховнаго совѣта!

Сбитые съ толку и бродившіе взадъ и впередъ, то уходя, то снова возвращаясь, чины стали однако разбѣзжаться. Пустили царскія палаты.

Миктеровъ слѣдилъ со вниманіемъ и любопытствомъ за всѣми удаляющимися изъ дворца; онъ видѣлъ и заплаканное лицо князя Ивана, не пропустилъ и сконфуженнаго, какъ будто куда-то слѣшившаго князя Алексѣя, и все мрачнѣе и мрачнѣе становилось у него самого на душѣ.

— Разъ! еще разъ, такъ, и въ третій! отсчитывалъ онъ раздавшійся скоро троекратный обычный звонъ въ большой услевскій колоколъ, и мысленно уносился за вѣстью о кон-

звѣкъ государя и за тѣмъ впечатлѣніемъ которое понесъ съ собою этотъ звонъ по всему городу.

— Печаль моя столь велика что отъ дѣла сего меня уволи- те, милостивые господа, говорилъ между тѣмъ грустнымъ голо- сомъ Остерманъ членамъ верховнаго совѣта: князю Дмитрію Михайловичу Голицыну, канцлеру графу Головкину, князю Ва- силию Лукичу и фельдмаршалу Василию Владиміровичу Долго- ружимъ, оставшимся все-таки совѣщаться о престолонаслѣдіи.

— Петра Федоровича, какъ покойная Екатерина завѣщала, говорилъ между тѣмъ кто-то.

— Елизавету Петровну, возразилъ другой.

— Инокію царицу!

— Царя Ивана старшую дочь, Екатерину Мекленбургскую.

— Домъ Петра I пресѣкъся, слышалась чей-то спокойный и твердый голосъ,—а Екатерина жоть и старшая дочь царя Ивана, да замужемъ, станемъ Анну выбирать!

— Такъ,—вотъ подлинно!

— Анну! такъ!

— Мекленбургскаго герцога намъ не надобно; Анну!

— Я голосъ свой подамъ за того кого всѣ выберутъ, по- вторять тихо Остерманъ, оставляя собраніе;— мнѣ еще и о положеніи тѣла императора въ гробъ подумать надлежитъ.

— Государи мои, сказалъ князь Дмитрій Голицынъ,—воля ваша, Анну ли, или кого изволите, только надобно намъ по- легчить себя.

— Какъ полегчить? спрашивали присутствующіе.

— Такъ чтобы воли прибавить себѣ, воли надобно намъ, воли, отвѣчалъ онъ, смѣло глядя всѣмъ въ лицо,—и собраніе стихло при этихъ словахъ.

Князя Дмитрія Михайловича Голицына привыкли считать человѣкомъ образованнымъ, умнымъ, да и пользовавшимся нѣкоторою популярностію въ народѣ. Всѣ знали его ученость, знакомство съ Гроціемъ и Пуфендорфомъ, съ лѣтоисями, грамотами и разными историческаго содержания книгами, которыя собиралъ онъ въ обширной своей библіотекѣ и кото- рыя заставлялъ, живя еще въ Кіевѣ, переводить себѣ съ раз- ныхъ языковъ, студентовъ тамошней академіи. Извѣстна бы- ла всѣмъ и служба его, и проекты: о томъ съ кого деньги сби- рать: съ дворовъ ли, съ тяголъ или душъ, какъ магистраты уничтожить, какъ торговлю въ одни руки отнюдь не долу-

щать и народу всюду въ государствѣ и за рубежъ торговать позволить и т. п.

Онъ заговорилъ о деспотизмѣ, о томъ что надо ограничить произволъ, что слѣдуетъ дать добрые законы и пр. Никто не остановилъ его, ни возразить ему не посмѣлъ.

— И зачнемъ сіе хотя, попробовалъ наконецъ, робко и качая головою, замѣтить князь Василій Лукичъ,—да не удержимъ.

— Не удержимъ? А почему? Удержимъ! прервалъ его съ видомъ убѣжденія Голицынъ.—Будь воля ваша, а нынѣ же, напавъ къ ея величеству пункты, послать надлежитъ. Да иноземцевъ поменьше бы! Довольно натерпѣлись отъ нихъ. Наши дѣды безъ иноземцевъ жилали же.

Когда члены верховнаго совѣта вышли въ другую комнату, гдѣ, по повѣсткамъ разосланнымъ еще въ 5 часовъ, успѣли уже собраться приглашенные чины для выслушанія объявленія о кончинѣ Петра и для утвержденія избранія на престолъ герцогини Курляндской Анны, — сдѣланному выбору тотчасъ же выражено было полное одобрение, а Феоданъ, архіепископъ новгородскій, предложилъ даже отслужить немедленно и благодарственное о семъ молебствіе.

— Батюшки мои, сказалъ въ то же время, подойдя къ Василію Лукичу, Ягужинскій, точно слышавшій совѣщанія верховнаго совѣта или точно мысли высказанныя княземъ Дмитріемъ Голицынымъ ходили въ воздухѣ: — батюшки мои, прибавьте намъ воли!

— Говорено уже о томъ было, отвѣтилъ ему, отходя въ сторону князь Василій.

— Мнѣ съ міромъ бѣда не убытокъ, продолжалъ тогда Ягужинскій, обратившись къ князю Сергѣю Григорьевичу, — да долго ль намъ будетъ терпѣть что намъ головы свѣкутъ; теперь время думать чтобы самовластію не быть.

— Не мое это дѣло; есть больше меня.

А Голицынъ между тѣмъ кричалъ:

— Ну, станемъ же писать пункты. Да воротить ихъ надобно, продолжалъ онъ, удерживая Измайлова, Дмитріева, Мамонова, Ягужинскаго и нѣкоторыхъ другихъ и обращаясь къ расхолодившимся уже, вслѣдствіе отложеннаго молебствія, генералитету и архіереямъ,—воротить надобно, повторялъ онъ, обращаясь къ своимъ, — чтобы не было отъ нихъ чего!

Къ вечеру все было готово: кондиціи, письмо къ Аннѣ

Иоанновѣ и особая инструкция посылаемымъ депутатамъ о томъ какъ имъ герцогиню Курляндскую убѣждать, чтобъ она эти кондиціи приняла и какъ просить ее не привозить съ собою своего камеръ-юнкера Бирона.

Изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ приказано было дать отправлявшимся для нѣкоторыхъ дѣлъ въ Митаву депутатамъ паспорта, а 19го числа, ввечеру, депутатовъ этихъ: князя Василя Лукича Долгорукаго, тайнаго совѣтника Михаила Михайловича Голицына и генераль-майора Михаила Леонтьева, не было уже въ Москвѣ.

Всѣ описанныя событія шли такъ быстро одно за другимъ, что Миктеровъ не успѣлъ во все это время взглянуть внутрь самого себя. Поворотить дѣло свое опять попрежнему, стать снова съ княжною въ тѣ отношенія которыхъ онъ съ такимъ стараніемъ домогался когда-то, не приходило ему въ голову. Его не взволновало даже когда однажды явилась мамка княжны, Андреевна, съ запиской. „Легчебъ тебя не знать; сердцемъ болѣю что всегда съ тобою разлучна; не въ своей мочи я такъ терпѣть; безъ тебя скучно, да нечѣмъ пособить“, писала бывшая царская невѣста. Видно слова эти вылились на бумагу не отъ всего сердца; Миктеровъ ничего даже на нихъ не отвѣчалъ; онъ спрашивалъ только у Андреевны о здоровьѣ княжны, тревожась тайными опасеніями.

VI.

Уже отказъ въ совершеніи молебствія въ день избранія Анны не хорошо подѣйствовалъ на общественное мнѣніе. Почему было не допустить этого молебствія. Чего боялись? Замышлялось, значить, что-нибудь особенное, необыкновенное? Отправленные въ Курляндію депутаты летѣли на разставленныхъ нарочно для того частныхъ подводахъ; на заставахъ былъ отдаванъ приказъ пропускать только ѣдущихъ въ Москву, а изъ Москвы увѣзавшихъ удерживать и отбирать у нихъ письма. Къ чему такая чрезмѣрная послѣдственность депутатовъ? Къ чему такое нежеланіе чтобы кто другой выѣхалъ съ ними выѣхать въ Митаву? Значить скрывали что-нибудь ото всѣхъ члены верховнаго тайнаго совѣта?

По городу стали ходить слухи что главные бояре затѣяли ограничить верховную власть, во всѣхъ слояхъ общества на-

чались нареканія на тѣхъ отъ кого зачались эти затѣи. Горячихъ приверженцевъ не имѣли ни Долгорукіе, ни Голицыны.

— Если, храни Богъ, власть перейдетъ къ нимъ, сколько ихъ есть числомъ, столько явится атамановъ междоусобныхъ браней, потому этимъ господамъ нельзя долго быть въ согласіи, говорили одни.

Тамъ и сямъ начали собираться по ночамъ партіи, готовыя стать противъ затѣй Голицыныхъ и Долгорукихъ. Одни предполагали напасть на *верховниковъ* (такъ звали членовъ верховнаго совѣта) внезапно, съ оружіемъ въ рукахъ, заставить отказаться отъ своихъ плановъ, или даже перебить ихъ.

Зайдя какъ-то къ Торбееву, Миктеровъ засталъ его въ горячей бесѣдѣ съ отцомъ, бывшимъ издавна подъ покровительствомъ Павла Ивановича Ягужинскаго. Старый любимецъ Петра I, женатъ былъ на дочери канцлера Гаврилы Ивановича Головкина, человѣка старыхъ обычаевъ, слабохарактернаго, раздражительнаго вслѣдствіе подагры и не сочувствовавшаго отправленнымъ къ Аннѣ кондиціямъ, тѣмъ болѣе что находился съ нею въ нѣкоторомъ родствѣ по Ромодановскимъ и Салтыковымъ. Черезъ Головкина Ягужинскій зналъ какъ нельзя лучше о состояніи умовъ въ которомъ находилось общество по случаю недавнихъ событій, а отъ Ягужинскаго зналъ кое-что и отецъ Торбеева.

Объ этомъ ли говорилъ теперь онъ съ сыномъ, Миктеровъ ясно уразумѣть не могъ, но послѣднія слова, сказанныя уже при немъ, о томъ что Павелъ Ивановичъ обиженъ будто бы тѣмъ что послали въ Митаву не его, а Леонтьева, навели на Миктерова нѣкоторое сомнѣніе. Онъ думалъ было спросить обо всемъ пріятели, какъ только отецъ оставитъ ихъ вдвоемъ; но удержался, когда старикъ внушительно и строго замѣтилъ сыну что Павелъ Ивановичъ ихъ благодѣтель и что обо всемъ сказанномъ надо хранить великую тайну. Тѣмъ не менѣе Миктеровъ рѣшилъ тотчасъ же сообщить обо всемъ въ семействѣ Долгорукихъ. Оказать услугу такимъ людямъ какъ Долгорукіе, сдѣлаться имъ нужнымъ, имѣть съ ними тайныя, довѣренныя объясненія—вотъ что мнѣ надобно, думалъ Миктеровъ.

Какъ бы то ни было, но то что сообщники ночныхъ собраний враждебныхъ Голицынымъ и Долгорукимъ обѣщались подъ клятвою хранить втайнѣ дошло до верховниковъ, а провѣдать кто былъ предателемъ было невозможно.

— Надо слухъ между ними разсвѣять, говорилъ Миктерову

князь Алексѣй,—что мятежныя ихъ совѣщанія намъ вѣдомы и что они будутъ судимы какъ непріатели отечества. Вотъ о чемъ старайся. Ты нашему семейству доброжелатель, и князь Василій конечно тебя не оставитъ.

„Вѣдаю я“, писала въ то же время къ Миктерову княжна Екатерина, „что ты у насъ въ домѣ былъ, и батюшка съ тобой разговаривалъ о нѣкихъ важныхъ дѣлахъ. Противъ него не иди, если худа намъ не желаешь, чтобы намъ потомъ твою услугу ему припомнить было можно, когда время будетъ.“

И черезъ нѣсколько дней, слова князя Алексѣя о непріателяхъ отечества, судѣ и казняхъ, передавались шепотомъ въ обществѣ, производя ожидаемое впечатлѣніе. Нѣкоторые трусили такъ что боялись оставаться въ своихъ домахъ, другіе выходили только ночью, нѣкоторые скрывались переодѣтыми, подъ чужимъ именемъ.

— Чего же, говорили верховники, желая сойтись теперь со струсившими вождями противной партіи, — чего такъ испугались? Не за своими нуждами гонимся! Какъ только государыня на кондицію наши согласіе изъяснить, мы отъ всѣхъ чиновъ что лучше и полезнѣе для государства придумать можно будетъ потребуемъ.

Между тѣмъ, несмотря на крѣпкія заставы и на задержанныя почты, приближались уже къ Митавѣ переодѣтые агенты нѣкоторыхъ преданныхъ Аннѣ особъ. Такой агентъ былъ посланъ баромъ Левенвольдомъ, курляндскимъ резидентомъ въ Москвѣ; вслѣдъ за нимъ скакалъ въ Митаву нѣкто Петръ Спиридоновъ Сумароковъ, офицеръ состоявшій когда-то при Голштинскомъ, а нынѣ служавшій адъютантомъ при Ягужинскомъ. Такимъ образомъ, когда прискакалъ князь Василій Лукичъ съ товарищами, Анна не только была предупреждена о своемъ избраніи, но и успѣла посоветоваться съ своими курляндскими друзьями что ей дѣлать и какъ отвѣтствовать имѣющимъ прибыть депутатамъ. Извѣстно что „кондицію“ были приняты безусловно: „по сему, — подписала подъ ними новая императрица, — обещаюсь все безъ всякаго изъятія содержать.“

VII.

2го февраля, по сенаторскимъ, архіерейскимъ и прочимъ чиновъ домамъ разносили повѣстки, въ которыхъ верховный совѣтъ приглашалъ всѣхъ собраться на другой день въ собраніе.

— Знать покаяться верховники; милости просить хотять, говорили одни, читая эти повѣстки.

— Гдѣ покаяться, чай умысль злоб у нихъ, чтобы всѣхъ на свою сторону склонить; по этому зову и ходить не надлежить, думали другіе.

— О чемъ писано въ письмѣхъ доподлинно не знаю, говорилъ вечеромъ того же дня Миктеровъ Торбееву, — но полагаютъ надо что вѣсти получены добрыя; князь Алексѣй необычайно весель и радостень.

— Не безъ сомнѣнія, говорилъ съ своей стороны Торбееву Ягужинскій, — что ухищренія ихъ удалсь и государыня на подложные ихъ договоры пристала.

Дѣло разъяснилось на другой день для всѣхъ.

Пріѣхавшій изъ Митавы генераль-майоръ Леонтьевъ привезъ давно ожидаемая кондиціи и рескриптъ Анны, въ которомъ она „намѣрилась принять державу и правительствовать, избрѣтя для пользы государства и къ удовольствію вѣрныхъ подданныхъ и написавъ. елико время допустило, какими способы она то правленіе вести хоцеть.“

Собравшіеся чины слушали чтеніе обоихъ актовъ съ такимъ глубокимъ молчаніемъ что стоявшимъ у стола верховникамъ становилось даже неловко, — хоть бы удивился кто, хоть бы слово сказалъ! Имъ пришлось самимъ дѣлать удивленные лица, будто слушаютъ вещи для нихъ совершенно новыя.

— Видите, сказалъ наконецъ съ торжествующею улыбкой на лицѣ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, поднимая руку кверху и разчитывая торжественностию восклицанія расшвелить нѣсколько собраніе. — Видите какъ милостива государыня! Какого мы отъ нея надѣялись, таковое она и показало отечеству нашему благодѣаніе.

По залѣ пронесся только какой-то общій гулъ, шелоть и разговоръ, на лоловину заглушившій его слова.

— Отселѣ счастливая и цвѣтущая Россія будетъ! восклицалъ Голицынъ. — Богъ ее подвигнулъ къ писанію сему, самъ Богъ, продолжалъ онъ, начиная мало-по-малу конфузиться предъ равнодушіемъ присутствовавшихъ.

А въ собраніи точно стоворились не обращать никакого вниманія на его слова; сходились кучками, толковали между собою. Всякій отдѣльно чувствовалъ фальшь, всякая собравъ

шавшая кучка чувствовала силу которую она могла бы имѣть, высказавшись въ томъ или другомъ направленіи,—но всѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавали недостатокъ руководителя, который бы могъ подсказать что дѣлать, что говорить, и который взялъ бы на себя сейчасъ отвѣчать что-нибудь прямо Голицыну.

— Отчего на мысль пришло государынѣ такъ писать не вѣдаю и весьма чуждую! раздался было чей-то голосъ.

— А? Что? Кто голосъ свой подавать думаетъ? Подходите, подходите господа милостивые! смѣло окликнулъ собраніе Голицынъ.—Другаго нечего говорить, думаю, какъ только благодарить толь милосердой государынѣ! Благодарить за ея императорскаго величества показанную ко всему государству неизреченную милость!

И точно этихъ только словъ и дожидалась толпа. Всѣ зашевелились, стали подходить къ столу; все примолкло и успокоилось.

— Такъ благодарить, благодарить надо, продолжалъ Голицынъ, поднимая кверху листы бумаги, какъ опытный дирижеръ оркестра поднимаетъ палку и смотритъ всѣмъ въ глаза, чтобы не прорвалась нечаянно и прежде времени какая-нибудь дудка или барабанъ.

— Благодаримъ! откликнулся наконецъ кто-то тихо изъ толпы.

— Благодаримъ! повторило еще нѣсколько голосовъ.

— Весьма довольны, весьма довольны! раздалось со всѣхъ сторонъ.

И одинъ по одному, всѣ стали подходить къ подписи этого удовольствія, и Теофанъ съ архіереями, и князь Иванъ Трубецкой, и князь Михаилъ Долгорукій, и генералъ Матюшкинъ, и графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, и все знатное дворянство, подписей въ послѣдствіи насчитали до 500.

Приблизился и Ягужинскій. Какъ видно, хотѣлъ „подписать свое удовольствіе.“

— Ты бы взялъ статьи, прочелъ ихъ, да сказалъ бы что о нихъ думаешь, отвесся къ нему князь Дмитрій Голицынъ, и не ожидая отвѣта, — Стелановъ! произнесъ онъ, обратясь къ секретарю верховнаго тайнаго совѣта и указавъ ему дверь сосѣдней комнаты,—разкажи Павлу Ивановичу кондицію толковѣе.

— Ну, обратился онъ затѣмъ опять къ собранію.—Для чего никто ни единого слова не говоритъ? Извольте, скажите кто что думаетъ, хоть на письмѣ изъясните, потомъ рассмотримъ.

— Дайте время, дайте время! выдвинулся толстымъ живото́мъ впередъ князь Черкасскій, наклонивъ голову на лѣвое плечо и топая короткими ногами обутыми въ длинныя ботфорты.—Дайте время, разсудить надлежитъ свободнѣе.

— Надо время, надо размыслить! слышались за нимъ тамъ и самъ голоса.

— Ягужинскій подъ арестъ взять! пробѣжало вдругъ по собранію.

— Кто? Ягужинскій? Какъ? гдѣ?

— Вотъ изъ того покоя.

— Фельдмаршалъ Долгорукій и шпагу отбиралъ.

— Въ дворцовую караульную съ майоромъ гвардіи отправили.

— Долгорукій? Когда? Какъ?...

— Надо бы собравшись, не отлагая, совершить благодарственное молебствіе, настаивали въ то же время архіереи и синодальные члены.

Верховники соглашались теперь на все, не желая задерживать собраніе, которое давно уже пора было распустить.

Вѣсть объ арестованіи Ягужинскаго разнеслась между тѣмъ по городу; въ приказахъ сказано было что наказанію онъ подвергся за то что писалъ къ государынѣ письмо противное пользамъ отечества и службѣ ея величества. Узнали конечно скоро объ этомъ грустномъ для нихъ событіи и Торбеевы.

Миктеровъ покачивалъ только съ упрекомъ головой, когда пріятель, разказавъ ему обо всемъ подробно, признался что прерванный тогда разговоръ его съ отцомъ касался именно того предмета за который пришлось теперь Павлу Ивановичу отвѣтствовать.

— Бѣда, бѣда! говорилъ Миктерову Торбеевъ,—разжаловали, ордена Андреевскаго лишили!

— Сумароковъ на всѣхъ переносить, кто вѣдалъ съ чѣмъ онъ въ Митаву посланъ былъ; взято уже за караулъ чело́вѣкъ 30, не миновать и намъ бѣды!

VIII.

Вслѣдствіе даннаго въ собраніи позволенія, князь Черкасскій подалъ совѣту записку, подписанную нѣсколькими сотнями лицъ; большею частію изъ военныхъ, въ которой критиковалось избраніе Анны, какъ неправильное, ибо въ немъ

не участвовать народъ; говорилось о томъ что верховники, оставивъ единовластіе, ввели аристократію, похитили самовольно власть, выключивъ прочее шляхетство. Говорилось что къ переменѣмъ правительства никакой нѣтъ нужды, что совѣтъ не имѣлъ права законодательствовать, что монархическое правленіе имѣетъ преимущество предъ демократическимъ и аристократическимъ, что, наконецъ, для Россіи нужна чистая монархія, но какъ государыня есть „персона женская“, то надо ей въ помощь учредить сенатъ изъ 21 человекъ, совѣтъ изъ 100 человекъ и т. д. Вслѣдъ за этою запиской, подали свои Матюшкинъ и Куракинъ. Кто говорилъ что власть слѣдуетъ вручить верховному совѣту, кто предлагалъ англійскія, кто шведскія, кто польскія учрежденія; кто участвовалъ въ той запискѣ, кто въ другой, кто разомъ въ нѣсколькихъ.

Видя такое броженіе въ обществѣ, верховники отвѣтили наконецъ что имъ надлежитъ „все учрежденное учинить“ не требуя ничего совѣта, и предложивъ свою программу дѣйствій, за подписью 97 лицъ, принялись за дѣло.

Хлопотъ было не мало. Надо было составить давно ожидаемый манифестъ о кончинѣ Петра и избраніи Анны; надо было рѣшить вносить ли кондиціи и лисьмо ея величества въ манифестъ этотъ теперь, или отпечатать ихъ, для избѣжанія толковъ въ народѣ, тогда уже когда пріѣдетъ государыня; надо было подумать и о томъ какъ титуловать новую государыню; надо было приготовиться наконецъ къ приближавшемуся дню ея пріѣзда и встрѣчи; распорядиться разстановкою подводъ, чтобы въ шествіи ея величества нигдѣ остановки не было, приготовить лучшіе дворы въ Никольскомъ, Всесвятскомъ или въ Земляномъ городѣ, заготовить для встрѣчи цвѣтнымъ и чернымъ уборомъ, такъ какъ Петръ II былъ еще не погребенъ и т. д.

Между тѣмъ уже 29го января, въ 9мъ часу полночи, взявъ на первый случай на подъемъ и на всякіе расходы отъ рижскаго оберъ-инспектора 10.000 рублей, Анна выѣхала изъ Митавы и встрѣченная въ Ригѣ, по распоряженію генерала Ласси, пальбою изъ пушекъ и мелкаго оружія, 3го февраля пріѣхала во Псковъ, гдѣ, по случаю своего тезоименитства, отслушала обѣдню, и наконецъ, чрезъ Новгородъ, Вышній волочокъ, Тверь и Клинь, 10го февраля, въ 10 часовъ утра, прібыла на стаяцію Чашники.

По мѣрѣ приближенія государыни къ Москвѣ, довесенія совѣту сопровождавшаго ее князя Василія Лукича учащались, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали доходить до совѣта и кое-какія распоряженія ея величества. То государыня думаетъ что на вѣздѣ причинѣе быть въ черномъ, что всѣ кареты должны быть готовы въ Тверской Ямской, куда она изволитъ прибыть; то назначастся день погребенія въ среду или въ четвергъ; то требуетъ она пары четыре или пять лучшихъ соболей на муфты и на шею, которыхъ если нѣтъ въ казнѣ, то приказываетъ купить и прислать во Всесвятское и т. д.

До жителей распоряженія эти не доходили, но по дѣлаемымъ въ городѣ постройкамъ для параднаго вѣзда, по необычной суетнѣ и чисткѣ на улицахъ, всѣ догадывались что государыня должна быть уже недалеко, всѣ приглядывались и прислушивались, какъ дѣти для которыхъ готовится сюрпризъ наканунѣ праздника и которыя и чувствуютъ это, и ничего не могутъ сказать положительнаго.

Миктерову удалось еще разъ сыграть нѣкоторую роль. Ему поручено было, какъ офицеру довѣренному, наблюдать за имѣющими выѣхать въ Чашники на встрѣчу государынѣ тремя архіереями и тремя сенаторами. Хотя дѣйствовавшій осторожно верховный совѣтъ и снабдилъ этихъ депутатовъ ласпортами, для предъявленія таковыхъ на заставѣ, но Миктеровъ съ особеннымъ наслажденіемъ все-таки остановилъ вѣдущихъ, подойдя къ экипажу, для вѣрности аккуратно сосчиталъ какъ самихъ господъ, такъ и служителей и съ меньшимъ наслажденіемъ обо всемъ этомъ потомъ докладывалъ верховникамъ.

А чего было считать? Чего опасаться? Рѣшительно нечего. Князь Василій Лукичъ опомниться никому не давалъ, во все всматривался, за всякимъ движеніемъ являвшихся лицъ наблюдалъ, и такъ мчалъ государыню что страшно было даже за ея здоровье. Депутаты въ Чашникахъ только откланялись, три версты отѣхали, а ужъ за ними вслѣдъ летѣлъ экипажъ императрицы, и въ третьемъ часу пополудни она была уже во Всесвятскомъ.

Тутъ можно было наконецъ и отдохнуть, здѣсь устроили уже встрѣчу параднѣе, выѣхали и сестры ея, Екатерина, герцогиня Мекленбургская, и Прасковья Ивановны; всѣ поздравляли со счастливымъ пріѣздомъ, почетный караулъ изъ

Преображенцевъ и кавалергардовъ стоялъ предъ домою, и государыня, казалось, была очень довольна своимъ положеніемъ, впечатлѣніе было пріятное.

Члены верховнаго совѣта такъ и носились по царскимъ покоемъ. Приказаніе Анны чтобы всѣ дѣла шли такъ точно какъ она рѣшила въ Митавѣ, увѣренія ея что кондиціи подписаны ею для общаго удовольствія и что охранить она ихъ всю жизнь придавали верховникамъ бодрости и веселья. Во время представленія государынѣ сената, генералитета и дворянства, князь Дмитрій Голицынъ, во главѣ верховнаго совѣта, поднесъ государынѣ знаки ордена Св. Андрея, прося ея величество удостоить принять ихъ и быть гроемейстеромъ ордена, по примѣру своихъ предшественниковъ.

— Ахъ! Правда, я и забыла ихъ надѣть, сказала Анна, нагнувъ голову и сама надѣвая орденъ на плечо.

— Ну что? замѣтилъ было на это князь Василій Лукичъ.

— Ничего, и то еще знатно, улыбался князь Дмитрій Михайловичъ.

Когда потомъ, выйдя къ державшимъ караулъ Преображенцамъ и кавалергардамъ, государыня изъ собственныхъ рукъ поднесла солдатамъ водки и, при общихъ крикахъ восторга, провозгласила себя полковникомъ Преображенскаго и калюваномъ кавалергардскаго полковъ, князь Василій Лукичъ пять подмигнулъ было Голицыну, но тотъ этого даже и не замѣтилъ.

Съвзжавшіеся между тѣмъ въ Головинскихъ палатахъ Долгорукіе ликовали и нахвалиться не могли искусству, съ которымъ ведетъ себя залѣвало ихъ князь Василій Лукичъ, ни на минуту отъ государыни не отходившій и никого къ ней безъ себя не подпускавшій.

— Съ нимъ опасаться намъ нечего, говорилъ князь Алексѣй, смѣючись, своимъ семейнымъ, — не токмо въ глаза, въ руки всѣмъ засматриваетъ, проходу не даетъ, ха, ха, ха!

И всѣ кругомъ него смѣялись и радовались; радовался и Миктеровъ вмѣстѣ со всѣми, но чему и самъ понять не могъ. Въ первый разъ въ жизни находился онъ въ такомъ положеніи. Иногда, задумавшись надъ нимъ, ему казалось что хуже быть ничего не могло: беременность княжны, приходящая къ концу, ни на сколько не объяснившаяся его отношенія къ семейству, ребенокъ, котораго надо будетъ скрывать, —

просто голова кругомъ идетъ! А то вдругъ, точно будто ничего этого не бывало, станутъ ему представляться какія-то богатая хоромы; самъ онъ важный сановникъ, съ Долгоруки-ми въ родствѣ, государева невѣста его жена, и государыня самой онъ извѣстенъ!... И ничего не понимаетъ и не знаетъ онъ что съ нимъ дѣлается.

Одиннадцатаго февраля, въ день похоронъ Петра II, всѣ чины, собравшись рано утромъ во дворецъ покойнаго государя, ходили изъ стороны въ сторону, дожидаясь начала церемоніи. Въ церкви Архистратига Михаила, гдѣ должна была быть совершена новгородскимъ архіепископомъ заупокойная обѣдня, давно благоувѣстили. Пріѣхали къ послѣднему цѣлованію: царица бабка, принцеса Елизавета Петровна и Екатерина Ивановна Мекленбургская; начали разставлять всѣхъ участвовавшихъ въ печальномъ шествіи по мѣстамъ, но никто еще не двигался.

Въ Головинскихъ палатахъ, у Долгорукихъ, шель между тѣмъ страшный переполохъ. Князь Алексій бѣсился и горчился такъ какъ давно уже не слыхали его семейные.

— Знать ты гнѣва нашего не боишься, кричалъ онъ на княжну Екатерину, толая ногами, казнить тебя что ли хотятъ? Что за немочь? Давно ли приключилась? Иль ты умнѣе насъ себя показываешь? Изъ родительскаго дома вонъ, когда приказаній нашихъ не слушаешь!

А княжна Екатерина сидѣла предъ отцомъ блѣдная, недвижимая, и судорожно шевеля губами, казалось, вотъ сейчасъ такъ и упадетъ. Почему въ самомъ дѣлѣ она ослушивается, почему не можетъ надѣть траурнаго платья и участвовать въ погребальной церемоніи, какъ государева невѣста, на особо и заранѣе опредѣленномъ ей мѣстѣ?

— Вонъ! Ослушница; изъ своихъ рукъ истязать тебя мало! наступалъ на нее князь Алексій. Немочь вишь, платья надѣть не можно!

— Княжна! шелнулъ было ей Миктеровъ.

— Сама знаю что дѣлать надлежитъ, остановила она его сердито и вышла изъ комнаты.

А время не терпѣло; показывать свой обычай и родительскій гнѣвъ князю Алексію было некогда; дешево отдѣлалась княжна.

Миктерову поручено было скакать какъ можно послѣднѣе во дворецъ, чтобы не задерживать далѣе церемоніи, и тамъ

только пришлось ему очнуться отъ того утара въ которомъ онъ находился.

Шумъ, ропотъ и даже брань поднялись въ собраніи, какъ только пронесся слухъ что вся церемонія остановлена потому что ожидали отъ верховнаго совѣта опредѣленія, гдѣ и какъ быть государевой невѣстѣ.

Процессія двинулась. Предъ гробомъ, блѣдный, съ распущенными волосами, въ длинной траурной еланчѣ, съ висящимъ до ногъ флеромъ на шляпѣ, идетъ князь Иванъ, любимецъ покойнаго государя, неся въ головѣ и сердцѣ своемъ тяжелыя мысли и чувства. Въ рукахъ его дрожитъ подушка съ орденскими знаками Св. Андрея. Вотъ, поровнявшись съ домомъ Шереметева, невольно поднимаетъ онъ голову чтобы взглянуть на то существо которое вѣроятно ему сочувствуетъ въ эту минуту. Тамъ дѣйствительно, страстно любящая невѣста его Наташа, завидѣвъ друга, поняла его страданія и, упавъ на окно, залилась горькими слезами: прошли счастливыя времена!

15го февраля, новая государыня совершала уже свой торжественный въездъ въ Москву, по улицамъ усыпаннымъ пескомъ, уставленнымъ елками и войскомъ, чрезъ устроенныя нарочно для того триумфальныя ворота, въ большой каретѣ, запряженной девятью лошадьми, съ одной стороны которой ѣхали верхомъ князь Василій Лукичъ и Леонтьевъ, съ другой—князь Дмитрій Голицынъ и Шуваловъ. Блестѣло золото на бархатныхъ ливреяхъ и лошадиной сбруѣ, мѣрно выступали камеръ-фурьеры, аралы, скороходы, гайдуки; тихо двигались парадныя кареты Грузинскаго царя Вахтанга и знатныхъ особъ, звонили въ колокола, палили изъ пушекъ стрѣляло троекратно бѣлымъ огнемъ войско...

IX.

Миктеровъ съ Торбеевымъ собирались въ Успенскій соборъ къ присягѣ, о формѣ которой слышно было много предварительныхъ толковъ: приносить ли ее государынѣ и государству, государынѣ и верховному совѣту? и т. п.

До лублики, а съ нею и до Миктерова, не доходило, конечно, извѣстій о томъ что дѣлалось въ самомъ дворцѣ; не знали, напримѣръ, что пріѣхавшій вслѣдъ за Адию, вопреки общаго данному верховному совѣту, Биронъ началъ

уже сноситься съ Остерманомъ и Черкасскимъ, при посредствѣ Курлянда Корфа и секретаря Шилунова; не знали что вновь назначенныя въ придворный штатъ княгини Черкасская, Салтыкова, Чернышева и баронесса Остерманъ повели уже интригу; что онѣ развѣзжали ночью порою по городу, развѣдывали объ образѣ мыслей общества и каждый день приносили къ императрицѣ маленькаго любимца ея, Бирнова сына, которому клали за лазуху записки, прочитываемыя государыней въ спальнѣ, куда она уносила на рукахъ младенца и куда не могъ уже проникнуть бдительный глазъ князя Василія Лукича.

Народу въ церкви было уже довольно много, когда протѣвились туда наши пріятели, но двери продолжали еще хлопать, и по каменному полу все слышалось еще шмыганье и стукъ каблуковъ вновь приходящихъ людей. Присутствующіе разговаривали между собою въ полголоса, переходили отъ одной кучки къ другой.

— Слышалъ? говорилъ подмигивая Торбеевъ, — Головкинъ на свою сторону духовенство склонить хочетъ, а Голицыну то не по праву; не хочу де изъ одного рабства въ другое попасть.

— Государыня безъ князя Василія Лукича ни въ чемъ вынѣ не вольна, слышался въ тоѣже время надъ самымъ ухомъ Миктерова чей-то густой голосъ.—Князь Василій и въ кремлевскихъ палатахъ мѣсто себѣ обрѣлъ; ни одной аудіенціи безъ него не обходится, не токмо кого изъ простыхъ людей, а самой герцогини Мекленбургской, сестры родной, къ государынѣ не допускаетъ.

— Слышишь? подталкивалъ олять Торбеевъ,—Павель Ивановичъ изъ дворцовой караулки не выходить, публично де наказанъ, публично и прощеніе получить долженъ.

— Охъ, худо, худо! Не чаю чтобы дѣло счастливо окончилось, шелталъ Миктеровъ, чувствуя какой-то страхъ и отходя въ сторону.

Вездѣ поговаривали о какихъ-то врагахъ отечества, о разстройствѣ чьихъ-то замысловъ и о злодѣяхъ Долгорукихъ.

— Господа верховные! господа верховные! вдругъ пронеслось наконецъ въ толпѣ, и въ дверяхъ показалась фигура князя Дмитрія Голицына, вмѣстѣ съ другими членами верховнаго совѣта.

— Господа верховные въ церкви дожидаются! говорилъ черезъ

минутой посланный въ синодальную контору секретарь совѣта, приглашая архіереевъ послѣдствовать на присягу.

Архіереи однако были не готовы. Первый членъ синода, архіепископъ новгородскій Теофанъ, удерживалъ всѣхъ, настаивая чтобы присяжные листы были непременно принесены въ синодальную контору и прочтены.

— Услышимъ, когда время будетъ, возражалъ ему на это епископъ ростовскій Георгій Дашковъ, сторонникъ Долгорукихъ и давнишній врагъ Теофана за закрытіе Невской типографіи, гдѣ печатались сочиненія залозорѣвныя въ лютеранскомъ направленіи, — услышимъ!

— Да какого еще времени ждать, горячился Теофанъ, — чай до присяги о томъ что въ ней написано вѣдать надлежитъ. Кому присягать будемъ?

— Господа верховные въ церкви дожидають! повторяли между тѣмъ въ пятый разъ посланные одинъ за другимъ изъ церкви.

— Пять списковъ, ятъ! говорили прибѣгавшіе оттуда же синодскіе секретари.

— Да останемся братія! воскликнулъ наконецъ Теофанъ, — останемся, куда идти? Сихъ листовъ отпечатана, вѣдаю, не одна тысяча, а намъ для прочтенія ни единого прислать не хотять, знать недоброе что замыслили; останемся!

— Ну, чего тутъ оставаться! проговорилъ сухо Георгій Дашковъ, вставая вмѣстѣ съ другими съ мѣста, и Теофанъ только перевернулся на стулѣ.

— А? Знать ты на патріаршество на лошадахъ коими Долгорукимъ служилъ вѣхать ладишь, проговорилъ онъ, провожая глазами Георгія, — да не вѣдешь, не вѣдешь! и вставъ на ноги, послѣдовалъ за всѣми.

Желчь и злоба кипѣли у него въ душѣ, когда входилъ онъ въ церковь.

— Вы, всего народа ластыри и въ духовныхъ дѣлахъ предводители, встрѣтилъ его ласково одинъ изъ членовъ совѣта, — послушайте, пожалуста учините присягу лервые.

— Нѣчто сказать на сіе сперва имѣю, отвѣчалъ Теофанъ, знаками показывая присутствующимъ свое желаніе говорить.

Толпа приступила ближе къ амвону.

Увлекательное краснорѣчіе Теофана было извѣстно всякому, и тѣмъ болѣе могло быть опаснымъ для верховниковъ въ такую минуту; но остановить архіепископа было уже нельзя. Князь

Дмитрій Голицынъ вышелъ только впередъ, готовясь въ случаѣ крайней нужды возражать; воцарилась мертвая тишина, и плавающимъ голосомъ началъ говорить тогда Теофанъ о томъ чтобы никто безразсудно присягать не торопился, о томъ какъ велико бѣдствіе; если кто присягнетъ противно совѣсти или тому чего не хочетъ и не вѣдаетъ, и наконецъ что первое всего форма присяги должна была быть прочтена вслухъ, съ того мѣста на которомъ онъ стоитъ.

— Такъ, такъ, истинно такъ! Присяга дѣло страшное! Не вѣдая, какъ присягать! слышались одобрительные голоса.

Князь Дмитрій Голицынъ подошелъ было къ Теофану, видно было, какъ протягивая впередъ руку, онъ хотѣлъ ему что-то сказать, но тотъ махалъ только отрицательно головою, широко раздувалъ ноздри и, поджимая верхнюю губу, твердо стоялъ на своемъ.

Дѣлать было нечего. Князь Василій Лукичъ догадался послать скорѣе подвернушагося ему на глаза Миктерова за присяжнымъ листомъ, такъ какъ изъ многихъ тысячъ напечатанныхъ экземпляровъ, ни одного дѣйствительно въ церкви не оказалось. Знаки неудовольствія стали высказываться громче и громче, слышались уже и простыя требованія: читать форму сейчасъ, немедленно, когда наконецъ, протискиваясь въ толпѣ, залыхавшійся Миктеровъ подалъ князю Василю Лукичу принесенный имъ листъ.

Присяга была тотчасъ же прочтена; ожиданія архипастыря не оправдались; страшнаго и опаснаго не заключала она въ себѣ ничего. Были, правда, исключены нѣкоторыя выраженія касавшіяся самодержавія, но о верховномъ совѣтѣ и о кондичіяхъ не упоминалось ни слова.

Миктерову удалось олять оказать услугу своимъ патронамъ: во въ иномъ, совершенно иномъ видѣ представлялась она ему теперь, сравнительно съ тѣми, первыми его услугами. Казалось, здѣсь ли было не радоваться, не гордиться ему? Въ виду всѣхъ, послѣдностію своихъ дѣйствій, въ самую критическую минуту, выручилъ онъ, такъ-сказать, своихъ патроновъ. Не на глазахъ ли почти всей толпы потомъ князь Василій Лукичъ, подойдя къ молодому человѣку, любезно потрепалъ его по плечу и какъ-то особенно улыбнулся? Но именно это и представлялось Миктерову теперь неприятнымъ, ему чувствовалось что-то зловѣщее, недоброе; ясно еще звучали ему слова подслушанныя имъ недавно: враги отечества, злодѣи!...

— Ахъ! кабы можно было только воротить прошлое! Кабы только не княжна Екатерина, думалось ему; но событія шли быстро, смѣняясь одно другимъ, и не давали времени опомниться.

По ночамъ стали собираться уже у Бяратинскаго и Черкаскаго большія собранія, гдѣ обдумывался планъ противодѣйствія членамъ верховнаго тайнаго совѣта и сочинялась челобитная, въ которой, благодаря государыню за дарованныя ею великія милости, намекали на опасность грозящую отечеству отъ нѣкоторыхъ пунктовъ, подписанныхъ уже ею условій, изъ которыхъ де враги отечества могли извлечь великую для себя пользу. Челобитную эту развозили ночью Татищевъ, Матвѣевъ и Кавтемиръ изъ дома въ домъ и въ гвардейскіе полки, собирая подписи.

Извѣщенная о всемъ происходящемъ чрезъ своихъ статсъ-дамъ, государыня стала выказывать также нѣсколько болѣе рѣшительности въ своихъ дѣйствіяхъ, не являлась подъ разными предлогами въ совѣтъ для утвержденія новаго порядка управленія, окружала себя преданными людьми, вызвала, напримѣръ, изъ деревни роднаго дядю своего по матери, Салтыкова, сыну котораго поручила обязанность приѣма раторговъ отъ гвардейскихъ полковъ, лежавшую прежде на фельдмаршалѣ Долгорукомъ и т. д.

Члены верховнаго тайнаго совѣта дрогнули. На первыхъ порахъ, думая предупредить какъ-нибудь бѣду, они хотѣли было предложить Аннѣ самодержавіе отъ себя, но быть призванною самодержавною монархинею по желанію только восьми лицъ, она не согласилась. Князь Дмитрій Голицынъ попробовалъ было сблизиться съ Черкасскимъ и Кавтемиромъ, но неудачно. Фельдмаршалъ Долгорукій сунулся было къ Остерману, все еще не выходившему изъ дому подъ предлогомъ болѣзни и не посѣщавшему совѣта, но только разсердился и наговорилъ ему грубостей, заставъ его совершенно здоровымъ и вымазаннымъ лимономъ, для вящаго убѣжденія всѣхъ въ болѣзни.

— Безъ всякихъ дальностей, Черкаскаго и Бяратинскаго взять за караулъ надлежитъ и утопить, совѣтовалъ съ своей стороны князь Алексѣй Григорьевичъ, будто бы это такъ легко было сдѣлать.

Самъ князь Василій Лукичъ, наконецъ, хотя и продолжалъ зорко слѣдить за всѣмъ происходившимъ вокругъ императ-

рицы, но просмотрѣвъ что надъ доскою столовыхъ часовъ, поднесенныхъ въ подарокъ Теофаномъ государынѣ, находится цѣлый планъ дѣйствій, котораго она должна была держаться въ ближайшемъ будущемъ.

Двадцать пятого февраля, часу въ осьмомъ утра, въ домѣ Барятинскаго, близъ Тверской, тамъ гдѣ нынѣ старый университетъ, собрались сотни приверженцевъ Анны. Переговоривъ и условившись между собою, толпою направились въ кремль, гдѣ отслужено было молебствіе, и оттуда прослѣдовали во дворецъ. Въ то же время къ подъѣзду дома нынѣ Шереметева, на Никольской, подавали экипажъ, и князь Черкасскій, тяжело восходя по откинутымъ подножкамъ кареты, спрашивалъ что-то у прибѣжавшаго съ улицы залыхавшагося вѣстоваго и отдавалъ приказаніе помогавшимъ ему влѣзть ливрейнымъ лакеямъ везти его какъ можно поспѣшнѣе во дворецъ.

— Съ челобитною? съ челобитною? выскочилъ на встрѣчу къ неожиданнымъ гостямъ князь Василій Лукичъ, быстро подавивъ въ себѣ смущеніе произведенное ихъ прибытіемъ. — Ну такъ, такъ; нынѣ ея величество усмотритъ сколь много людей того желаютъ, о чемъ и мы просили. Гдѣ челобитная? у кого? вручите мнѣ для представленія императрицѣ, продолжалъ онъ, поглядывая во всѣ стороны и ища глазами бумаги.

Челобитную держалъ въ рукахъ старикъ фельдмаршалъ, князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой. Улыбаясь и заикаясь, онъ сталъ было, какъ человекъ добрый и учтивый, отвѣчать что-то князю Василю, но толпа не дала ему говорить.

— Сами, сами подадимъ! кричали одни.

— Подданныхъ отъ государыни отрывать не надлежитъ! Враги государства и ея императорскаго величества такъ дѣлаютъ!

Князя Василя за шумомъ не было даже и слышно.

— Пожалуй! уговаривала между тѣмъ государыня сестру свою Екатерину Ивановну, пользуясь отсутствіемъ вѣчнаго свидѣтеля своихъ бесѣдъ, того же князя Василя, — выйди поскорѣе, выслушай челобитную!

Князь Василій между тѣмъ бѣжалъ уже въ совѣтъ, предупредить верховниковъ о всемъ происшедшемъ во дворцѣ. Являсь въ залу, они застали уже государыню стоящею подъ балдахиномъ; она отдавала приказаніе влустить просителей.

Черезъ минуту, двери широко открылись, зашумѣли тяже-

ля ботфорты; густая толпа наполнила комнату, и фельдмаршалъ Трубецкой, выступивъ впереди всѣхъ, поднесъ государынѣ прошеніе. Генераль-лейтенантъ Юсуловъ, отъ имени генералитета, сказалъ что вслѣдствіе даннаго имъ позволенія выразить свое мнѣніе касательно новаго образа правленія, они осмѣливаются мнѣніе это представить въ поданной челобитной. Татищевъ, по приказанію Анны, прочелъ эту челобитную.

— Всемилостивѣйшая государыня! началъ было Черкасскій, по окончаніи чтенія, мы здѣсь положили всѣ.....

— Не тебѣ, князь, законы предписывать, прервалъ его вдругъ князь Василій Лукичъ. Ея величеству надлежитъ удалиться, дабы дѣло сіе вмѣстѣ съ совѣтомъ обдумать, и совѣтъ конечно.....

— Что? какъ? слышались голоса, и поднявшійся шумъ и волненіе помѣшали ему продолжать.—Кто государямъ законы предписываетъ? Государыня наша не менѣе властна, яко и предмѣстники ея! Мы головы за нее сейчасъ положить готовы. Повели, государыня! повели! кричали со всѣхъ сторонъ, и при увеличивавшемся шумѣ, съ каждою минутой можно было ожидать насилія.

— Я здѣсь не въ безопасности, шептала смущенная императрица;—что дѣлать мнѣ?

— Нечего другаго дѣлать, какъ подписать челобитную, вмѣшалась вдругъ герцогиня Мекленбургская, смѣло выступивъ впередъ съ чернильницей и перомъ въ рукахъ.—Я свою жизнь первая на жертву принесу, если то потребно будетъ!

„Учинить по сему“, дрожащею отъ волненія рукою, и не сразу полая въ чернильницу, стала выводить государыня подъ челобитной, и съ послѣднею буквою, послѣшила оставить залу.

— Салтыкову ловинуться! Салтыкову, другихъ приказаній не слушайте, долетѣлъ голосъ ея уже отъ дверей. Толпа повалила къ выходу.

— Самодержавія просить!—Какъ и предки царствовали! Изстари было самодержавіе! кричали руководители, останавливая выходившихъ.

Никто не возражалъ на такое предложеніе, и тотчасъ же сочинена была новая челобитная. Вслѣдъ затѣмъ послали просить еще аудіенціи, которая и была назначена въ четыре часа. Когда собрались вновь всѣ чины, вытребованы были, че-

резъ статскаго совѣтника Маслова, подписанные въ Митавѣ пункты; государыня поблагодарила собраніе и обѣщала исполнить все согласно его желаніямъ.

— Ты обманулъ меня стало-быть, князь Василій Лукичъ прибавила Анна, обратившись къ членамъ верховнаго совѣта,—желанія народа не было чтобъ я подписала сіи условія,— и съ этими словами она разорвала листъ бумаги о которомъ такъ долго хлопоталъ Голицынъ и на который иные возлагали многія улованія.

— Пиръ былъ изготовленъ, но гости были его недостойны грустно говорилъ потомъ князь Дмитрій Голицынъ, вѣдая что на мою голову бѣда обрушится; что нужды; голова моя наклонилась уже къ послѣдному жилищу. Я пострадаю за отечество, но тѣ кои моими страданіями насладиться думаютъ пострадаютъ горче того!

— Вотъ столбы огненные не къ добру, сказываютъ! говорилъ Миктеровъ, смотря ночью съ Торбеевымъ на сѣверное сіяніе, освѣтившее ярко небо, и собиравшее толпы народа на улицахъ.—Знать и вправду! надъ моею головой виситъ бѣда великая! чтѣ и дѣлать не придумаешь!

— Надъ твоею головой? ишь ты! посмѣялся ему кто-то въ потемкахъ,—не тебѣ одному они свѣтятся; быть бѣдѣ, такъ никто не уйдетъ, всѣмъ достанется!

X.

Въ Москвѣ гудѣли колокола, вечеромъ была панихица; на три дня сложили трауръ; во всѣхъ соборахъ, монастыряхъ и приходскихъ церквахъ служили молебствія за врученіе императрицѣ самодержавія. Во всѣ концы Россіи скакали нарочные гвардейскіе солдаты, чтобы воротить посланныхъ прежде съ присягою унтеръ-офицеровъ. Приказано было присягою остановиться; нераспечатанные присяжные листы, равно какъ уже распечатанные и подписанные собирать и отсылать въ сенатъ. Двадцать восьмага февраля былъ уже изданъ манифестъ о принятіи самодержавія и о новой присягѣ.

На первыхъ порахъ, Долгорукіе были, повидимому, оставлены въ покоѣ, но такъ было только на первыхъ порахъ. Четвертаго марта, вмѣсто уничтоженнаго верховнаго тайнаго совѣта, назначенъ былъ правительствующій сенатъ, въ соста-

въ двадцати одного члена. Остерманъ, къ которому ѣздилъ Анна, по настоянію вылуценнаго изъ-подъ ареста Ягужинскаго, совѣтовалъ ей удалитъ отъ двора нѣкоторыхъ членовъ бывшаго верховнаго совѣта; но, съ другой стороны, Биронъ и Левенвольдъ, желая привлечь на свою сторону кого-нибудь изъ русской партіи, предложили мировую Голицынымъ, обѣщая имъ въ такомъ случаѣ свое заступничество. Голицыны, поборовъ свою гордость, сдались, и дѣйствительно попали въ число сенаторовъ; нѣкоторые члены ихъ семейства получили придворныя званія, брилліантовые перстни и проч. Изъ Долгорукихъ, напротивъ, одинъ только Василій Лукичъ находился въ сенаторскомъ спискѣ, и вскорѣ назначили комиссію для изсѣдованія ихъ дѣйствій. Юсуповъ и Ушаковъ были членами этой комиссіи, руководителемъ же всего былъ самъ Биронъ. Лаская бывшихъ друзей Долгорукихъ, онъ старался вывѣдывать отъ нихъ не знали ли они какихъ за ними обидъ, не брали ли они взятокъ и т. п. Биронъ одобрялъ каждаго подавать на нихъ самой государынѣ челобитныя, а между гѣмъ распускались слухи что ихъ сошлютъ въ ссылку, лишать чиновъ: безъ этого, пожалуй, не было бы и дозововъ. Въ Головинскія палаты никто не заглядывалъ, всѣ отступились; князь Алексѣй не выходилъ изъ своей комнаты. По требованію комиссіи, таскали изъ его покоевъ и кладовыхъ разные ложитки, забранные имъ и его семьею въ прежнее счастливое время изъ дворца, серебро, брилліанты; изъ конюшенъ князя уводили царскихъ лошадей, собакъ. Въ Кремлѣ устроена была особая палатка, гдѣ разбирали возвращенныя отъ него драгоценныя вещи. Миктерову едва удалось урвать и скрыть переданный ему на сохраненіе дарчикъ набитый развою всячиной.

Выдерживать униженіе далѣе князю Алексѣю было невыносимо; онъ рѣшился переѣхать въ подмосковную, чтобы тамъ справить и свадьбу сына Ивана, невѣста котораго, Шереметева, несмотря на паденіе Долгорукихъ, не отступала отъ своего слова.

Миктеровъ былъ доволенъ отъѣздомъ Долгорукихъ. Всякій день ложился онъ спать какъ въ лихорадкѣ, думая и перелдывая о своемъ положеніи, которое не представляло ему ничего утѣшительнаго.

— Кабы не связать я былъ, кабы отступиться можно было начинало приходиться ему въ голову.

Водиться съ Долгорукими не только не было выгодно, какъ прежде, а просто было опасно считаться въ числѣ ихъ знакомыхъ. А княжна Екатерина какъ нарочно освѣдомлялась ежедневно здѣсь ли онъ или нѣтъ; она дѣлала это какъ трудный больной освѣдомляется: сидитъ ли тутъ, возлѣ постели или гдѣ въ сосѣдней комнатѣ докторъ, который хотя никакой помощи въ данный моментъ оказать не въ состояніи, но можетъ при самомъ концѣ вдругъ понадобится. Чувства ея къ нему, да и самый ея характеръ во многомъ измѣнились со дня постигшаго ее несчастія. Не говоря уже о томъ что давно прекратились тѣ нѣжныя выраженія любви которыя бывало приносила Миктерову въ запискахъ мама Андреевна, прекратилась даже и самая корреспонденція. Какое-то ожесточеніе на судьбу душило княжну Екатерину. Еслибы Миктерову удалось проникнуть теперь въ спальню своей возлюбленной, чего онъ впрочемъ и не домогался, еслибъ ему удалось взглянуть въ лицо княжны Екатерины, онъ, при всемъ своемъ равнодушіи, удивился бы той сухости, той раздражительности которыя встрѣтилъ бы со стороны княжны, и понялъ бы можетъ-быть что никогда, даже при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, не могла она быть для него истинною подругой, что связь ихъ была дѣломъ единственно случайности. Но эта случайность связала роковымъ образомъ ихъ судьбу!

На третій день свадьбы, молодые собирались въ Москву съ обычными визитами къ родственникамъ. Готовый парадный экипажъ стоялъ уже у подъезда. Князь Иванъ, въ мундирѣ, со шляпою въ рукѣ, сидѣлъ почтительно предъ отцемъ и со вниманіемъ, казалось, слушалъ наставленія послѣдняго о томъ къ кому слѣдовало ѣхать прежде, гдѣ сколько времени пробыть, что сказать отъ него и пр. Молодая княжна между тѣмъ оканчивала свой туалетъ. Стоя предъ зеркаломъ, застегивала она на шеѣ богатое жемчужное ожерелье, откидывая назадъ шелковыя съ кистями связки его; у ногъ ея съ иголками въ рукахъ, хлопотали, подъ присмотромъ Прасковьи Юрьевны, двѣ горничныя, приглаживая золотыя кружева, которыми былъ покрытъ въ три ряда низъ юлки лунцоваго бархатнаго платья, только что вынутаго изъ приданыхъ сундучковъ. Всѣ были заняты; слышно было какъ визжали иголки и хрустѣли нитки, протаскиваемыя сквозь толстую матерію. Горничныя дѣвки, ползая на одномъ колѣнѣ, кружились около широкаго платья молодой княгини. Съ удивительнымъ провор-

ствомъ, прищуривъ глазъ, вдѣвали онѣ нитки и съ остервенѣнїемъ отгрызали ихъ, пригибаясь къ самому полу; все это дѣлалось серьезно и молча. На верху за то, въ комнатѣ княжны Екатерины было гораздо оживленнѣе. Сама княжна, въ обществѣ сестры и брата, была въ духѣ и, сидя у окна, не переставала пересмѣивать то того, то другаго изъ приходившихъ ей въ голову лицъ.

— Чтожь они долго такъ собираются! лошади-то, гляди, стоять устали; или красавицу все убираютъ, въ приданомъ, въ сундукахъ зарылись? Сундуковъ-то, сундуковъ-то что! поднимала она къверху руки,—а людишекъ нѣтъ никого.

— Будутъ и людишки, побольше нашего будутъ, не намъ и ровняться съ ними, замѣтилъ князь Николай.

— Гдѣ ровняться? я и не ровняюсь. Князь Иванъ и прежде на человѣка похожъ не былъ, а теперь, по кончѣтѣ государя, и подлинно, какъ ворона безъ перья сталъ,—съ нимъ ли ровняться? Ха, ха!

— А сама-то, сама-то? Невѣстой была, невѣстой и осталась; зависть одна говорить въ тебѣ, поддразнилъ князь Николай сестру.

— Зависть! воскликнула съ досадою княжна.—Чего завидовать-то?—Глядѣла какъ наемни свадьба-то наша къ церкви поѣхала. Ужь считала, считала лошадей, каретъ, каретъ.... всего-на-все двѣ старухи свойственницы, что невѣсту привезли! И то хорошо, хоть эти бѣдную не оставили, ха, ха, ха! смѣялась княжна.

— А гляди-ка, вдругъ встреленулась она,—Господи свѣты! Вотъ наломинѣ легокъ! вѣдь и то должно родственникъ ѣдетъ какой. Запоздалъ сердечный, запоздалъ! кричала княжна, стуча въ окно подъѣзжавшему въ самомъ дѣлѣ въ это время гостю.—Старухамъ-то моимъ авось-либо нынѣ не обидно будетъ! Гости! гости!

Громко смѣясь и махая руками на слѣдовавшихъ за нею брата и сестру, княжна слѣшила внизъ на встрѣчу прїѣзжему.

Но гость между тѣмъ успѣлъ уже войти въ комнату, и весело сбѣжавшая сверху компанія нашла его стоящимъ предъ княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ и не почтившимъ вновь прибывшее общество ни вниманїемъ, ни даже локлономъ.

Лица его было не видно, но форменный сенатскій мундиръ его и въ особенности блѣдное лицо князя Алексѣя свидѣтельствовали что дѣло было не веселое.

— Какъ? говорилъ дрожащимъ голосомъ князь, отступая шагъ назадъ,—какъ? черезъ три дня?

— Черезъ три дня, повторилъ за нимъ сенатскій секретарь.

— И никуда не выѣзжать?

— И никуда не выѣзжать.

— Да въ какія же деревни отправляться мнѣ? Указъ что ли есть съ тобой?

— И указъ есть, повторилъ секретарь.

— Пойдемъ! круто повернулъ къ себѣ въ покои князь Алексѣй, и въ домѣ, точно кто въ этотъ моментъ крикнулъ: „пожаръ!“ — такая вдругъ поднялась бѣготня, такой поднялся шумъ.

Никто не пріѣхалъ проводить Долгорукихъ: ихъ обѣгали теперь столько же сколько прежде искали ихъ покровительства. Самъ князь Василій Лукичъ, въ домъ котораго, на Никитской, зашелъ было Миктеровъ проститься, строго на строго запретилъ ему соваться на проводы къ князю Алексѣю. Понеже, говорилъ онъ, ты еще молодъ; себя побереги; отъ насъ же, кромѣ худа, ничего другаго быть не можетъ, а намъ отъ тебѣ помощи ждать нечего.

На дворѣ стояла распутица; рѣки были въ разливѣ; выступавшая въ ручьяхъ вода разливалась озерами, потопляла луга. Путь ссыльнымъ Долгорукимъ лежалъ на Коломну, чрезъ Егорьевскій уѣздъ, къ городу Касимову, подъ которымъ у нихъ было помѣстье. Тогдашнее бездорожье, да еще въ добавокъ весна и разливъ дѣлали почти совершенно невозможною всякую ѣзду. Путешественники сбивались съ дороги, попадали въ болота, среди которыхъ приходилось иногда проводить ночи подъ открытымъ небомъ, въ наскоро разбитыхъ палаткахъ. Молодая новобрачная княгиня Наталья, прямо изъ богатаго дома Шереметевыхъ, принуждена была подъ часъ ходить въ мокрыхъ башмакахъ, спать на сырой постели. *Разрушенная невеста*, княжна Екатерина, была съ нею непривѣтлива, и она чувствовала себя одинокою среди семьи, состоявшей изъ девяти человекъ, съ огромнымъ штатомъ людей и горничныхъ, къ которымъ она не только не успѣла привыкнуть, но которыхъ никого и не знала. Она старалась ни на минуту не покидать мужа: она бѣгала за нимъ какъ ребенокъ за нянькой; слѣдовала даже въ конюшню, когда онъ ходилъ задавать кормъ лошадямъ. Но конечно не могла же молодая женщина находиться при мужѣ неотлучно. Тогда утѣшеніемъ

ея была стараяея гувернантка иностранка, рѣшившаяся ѣхать за нею въ деревню, да слезы, которыя она проливала въ одиночку.

Князь Алексѣй переносил свое положеніе съ какою-то отвагой. Слѣдованіе его имѣло видъ какой-то перекочевки и ужь никакъ не изгнанія. Его поѣздъ составляли кареты, колымаги, фуры, повозки, которыя растягивались едва не на цѣлую версту во время пути. Тутъ же въ перемѣжку съ экипажами слѣдовали верховыя лошади, борзые и гончія собаки; псарей, комоховъ, поваровъ, вообще дворянъ ѣхалъ цѣлый полкъ. Князь выѣзжалъ иногда верхомъ съ сыновьями въ сторону отъ дороги съ собаками; выпускалъ гончихъ и охотился. Однажды пришлось ему защищать какую-то деревню, мимо которой слѣдовалъ его путь, отъ нападенія разбойниковъ, разставлять караулы съ ружьями, лить пули, словомъ готовиться къ бою... Вообще князь Алексѣй нисколько, казалось, не тревожился дальнѣйшею судьбой своею. Но на сотой верстѣ отъ Москвы къ Коломнѣ его нагналъ офицеръ Преображенскаго полка, Воейковъ, и по высочайшему повелѣнію отобралъ всѣ ордена и знаки отличія имѣвшіеся у отца и сыновей. Протомъ еще нѣсколько недѣль, Долгорукіе остановились было въ соботвенной деревнѣ Селищѣ, въ шести верстахъ отъ Касимова, на поодорогѣ отъ того помѣстья нынѣшней Пензенской губерніи, гдѣ имъ вѣчно было жить, когда однажды, послѣ обѣда, явился и еще новый неожиданный гость. Гвардейскій офицеръ, капитанъ Макшеевъ, въ коляскѣ, и 24 солдата въ ларныхъ телѣгахъ остановились у подѣзда и молча стали карауломъ у всѣхъ дверей тѣхъ избъ въ которыхъ жили Долгорукіе, даже и у того сарая который занимали молодые. На тревожные вопросы олаальныхъ, офицеръ отвѣчалъ только пожатіемъ плечъ, а вечеромъ того же дня, приказалъ имъ садиться въ кареты и подъ его карауломъ отпраляться,—куда? онъ не сказывалъ, но оказалось что въ Березовъ. Достигнувъ Оки, Макшеевъ посадилъ ихъ на струги и повезъ водою чрезъ Муромъ, Нижний, Казань и далѣе въ Солокамскъ, гдѣ еще новый нагнавшій нарочный отъ сената оласалъ все имущество Долгорукихъ, и откуда уже сухимъ путемъ добрались они чрезъ Верхотурье до Тобольска и олаять водою до Березова. Здѣсь предстояло безысходно проживать этому знатному, богатому семейству, едва не сгавшему на стулени трона. Другихъ Долгорукихъ разослали кого въ Соловки, кого въ Пустозерскъ, кого на Астраханскую флотилію...

XI.

Время приближалось къ коронаціи. Дѣлались уже всѣ распоряженія и приготовленія къ торжеству. По всѣмъ концамъ Россіи разосланы были указы чтобы въ самый день этотъ, въ соборныхъ и прочихъ церквахъ благодарили Всемогущаго Бога съ молебнымъ пѣніемъ, а гдѣ есть артиллерія съ лучеичною палубой и съ колокольнымъ звономъ во весь день. Въ Петербургѣ генералу Миниху отпущено было 1.000 р. на обѣдъ которымъ онъ долженъ былъ всѣхъ угощать послѣ молебна.

Миктеровъ сказался больнымъ и не выходилъ нигуда изъ дому. Оборвавшись на той веревкѣ по которой онъ думалъ подняться высоко-высоко, онъ чувствовалъ теперь только потребность отыскать другой какой-нибудь конецъ, другую веревку, и не понималъ уже жизни безъ подобной поддержки. Но гдѣ же отыскать ее? Гдѣ сила? Кто главный руководитель всего? Биронъ? Но онъ пока держалъ еще себя такъ какъ будто не хотѣлъ входить въ дѣла; онъ только что вступилъ въ русскую службу. Повидимому, партія Русскихъ, возстановившая самодержавіе, пользовалась наибольшимъ вліяніемъ, — не ея ли уже помощи искать? Но какъ? Да и вообще какимъ путемъ пройти куда бы то ни было такому маленькому человѣку какъ Миктеровъ?

Наканунѣ дня назначеннаго для коронаціи, у него сидѣлъ Торбеевъ. Въ церквахъ начался уже благовѣстъ. Деньщикъ подалъ только-что принесенную повѣстку о будущемъ церемоніалѣ, о сложеніи печальнаго платья, замѣнивъ его цвѣтнымъ, разстановкѣ войскъ и пр.

— Чтò же сидишь печаленъ? спросилъ Торбеевъ пріятеля, замѣтивъ его грустное лицо.—Смотри звонъ какой; радость по всей Москвѣ, а ты голову повѣсилъ.

— Да надо своей рѣшимости конецъ положить либо такъ, либо иначе, говорилъ Миктеровъ, отодвигая лежавшую предъ нимъ повѣстку.—Собака лучше жить чѣмъ мнѣ! Выльемъ, вотъ чтò; за виномъ легче станетъ.... Эй! крикнулъ онъ, вставая рѣшительно съ своего мѣста и громко зова деньщика.

И на простомъ столѣ, покрытомъ бѣлою скатертью, появилась скоро бутылка съ винограднымъ краснымъ виномъ, двѣ бутылки пива, сткланца съ анисовою водкой. Молодые люди

сняли кафтаны, камзолы, и принялись пить стаканъ за стаканомъ, рюмку за рюмкой; разговоръ ихъ оживился. Все что было на душѣ у Миктерова выходило теперь наружу. Желая на чемъ-нибудь сорвать сердце, онъ началъ-было говорить о настоящихъ распоряженіяхъ правительства, ища къ чему-нибудь придраться; но правительство Анны на первыхъ порахъ ея царствованія давало мало поводовъ къ порицанію. Государыня являла себя и дѣятельною, и милостивою. Сама принимала доклады сената, просматривала ежедневные и мѣсячные отчеты объ оконченныхъ и неоконченныхъ дѣлахъ, повелѣвала рѣшать по чистой совѣсти, не взирая на лица сильныхъ, приказывала воеводамъ являться каждые два года въ сенатъ съ отчетомъ, дѣлала распоряженіе о высылкѣ въ Москву немедленно выбранныхъ дворянъ для сочиненія уложенія, простила майскую треть семигривенной подати; принялась за окончаніе Ладожскаго канала, задумывала основаніе академіи ремеслъ и т. д. Какъ ни озлобленъ былъ Миктеровъ, придраться было не къ чему; оставалось бранить только то или другое лицо.

— Не Биронъ, а Биренъ, конюха внукъ, вотъ что Биронъ! кричалъ онъ, стуча по столу. — На посылкахъ былъ, какъ бывало къ намъ въ Россію съ герцогинею Курляндскою ѣзживалъ, а изъ Питера высланъ былъ, когда при дворѣ покойнаго царевича Алексѣя мѣсто искалъ; подъ арестомъ за убійство бывалъ, вотъ что! И свои, поди, граждане въ Митавѣ дворянства-то не дали; тайно вѣнчаться на женѣ своей долженъ былъ; ростомъ великъ, лицомъ красивъ вышелъ, ха-ха-ха! Вотъ что! двусмысленно подмигивая, смѣялся Миктеровъ.

— Намъ съ тобой все то едино, говорилъ Торбеевъ, — Биронъ ли, Теофанъ ли ее къ тому подвигаетъ, или собою она дѣйствуетъ, однако въ Криво-Бѣлозерскій монастырь вкладу на милостыню братіи и на молебное гвнне послано; въ Сибири, сказываютъ, въ Вогульскихъ областяхъ, у новокрещенныхъ идола и кумирницы священники истребляютъ, совратителей въ соединеніе римской вѣры тоже ловятъ. Не только россійскіе, а и иныхъ земель люди, изъ Австріи заступничества ея просить отъ католиковъ. Синоду указано пецись чтобы въ храмы приходили со тцаніемъ, во время службы хранили благочиніе, раскольниковъ обращали, крестныхъ ходовъ не забывали, а нищенщитательные дома и училища....

— Э, нищелитательные дома! прервалъ его Миктеровъ.— Съ улицы нищихъ забравъ, къ помѣщикамъ отсылають, замѣчено въ богадѣльняхъ и мѣста вѣтъ. Все то на словахъ только манятъ! Скотскій ладежь подъ Москвою, а оберъ-офицеровъ по большимъ дорогамъ разогнали! Много они могутъ одѣлать? Гм! подсмѣивался онъ,—по улицамъ рѣзво не ѣздить, лѣшеходовъ плетью не бить, не топтать! Все словомъ манятъ. Коли такъ все ладно, да милостиво, чего же измѣны-то бояться? Кто за кѣмъ увѣдаетъ о какомъ зломъ умыслѣ противъ персоны государевой, доносить предписано, за правый доносъ милость и награжденіе, а кто не донесетъ, смертная казнь обѣщана. Отъ кого измѣны ждать, кто измѣнникъ? Милостива, милостива, а и просьбы-то государынѣ милостивой подать мимо присутственныхъ мѣстъ не можно: чиновъ лишать, наказаніе жестокое учинять! горячился и кричалъ Миктеровъ безъ всякой осторожности и не думая о томъ что квартира его, состоявшая изъ небольшой комнаты въ два окна, отдѣлялась отъ покоевъ занимаемыхъ хозяевами только сѣндами; а въ этихъ сѣнцахъ, у полурастворенной двери сидѣлъ деньщикъ его, готовый явиться по первому зову своего господина, неволью слѣдя за всѣмъ разговоромъ пріятелей.

— Именинникъ что ли? спросила его шепотомъ, высунувшись изъ своей двери хозяйка, не привыкшая къ громкому разговору и шуму, который слышался теперь у сосѣда.

— Гуляютъ! замахалъ руками и головой деньщикъ,—гуляютъ.

— Дьяволъ затмилъ мой умъ, продолжалъ между тѣмъ Миктеровъ, стуча по столу кулакомъ.— Видно грѣхомъ дѣло вачато, грѣхомъ и окончиться должно.

— Все ты говоришь въ горячности, возражалъ довольно спокойно Торбеевъ,—все не по тебѣ потому что Долгорукихъ вѣтъ; а того не подумаешь что однихъ вѣтъ, другіе статьса-можетъ найдутся кто бы тебя поддержать могъ.

— Кто такіе другіе? Ты что ли? Эхъ, другіе! Гдѣ они? Сдержатъ себѣ и на то нынѣ денегъ вѣтъ! Вонъ выходитъ надо, вотъ что,—вонъ! горячился Миктеровъ.

— Иль казны я твоей не знаю? Да олричь казны у тебя пожитковъ однихъ не на одну тысячу, замѣтилъ Торбеевъ.

— Пожитковъ, пожитковъ! Не мои, Долгоруковскіе, слышь, Долгоруковскіе, да и не мнѣ, а дочери даны!

Выпитое вино вообще начинало проявлять себя въ доволь-

но некрасивомъ видѣ. Торбеевъ возражалъ уже часто невпопадъ; Миктеровъ горячился, ничего не слушалъ; оба то и дѣло, кстату и некстату цѣловались. Вечерь приходилъ къ концу. Но какъ бы то ни было, устѣли однако все-таки уговориться кое въ чемъ. Положено было чтобы Миктеровъ участвовалъ непрѣменно въ коронаціонномъ торжествѣ, чтобы дома онъ ни подъ какимъ видомъ не сидѣлъ и чтобы службу свою несъ какъ ни въ чемъ не бывало. Торбеевъ, съ своей стороны, долженъ былъ за всѣмъ наблюдать и сколь можно обо всемъ развѣдывать.

— Ну, вставъ наконецъ изъ-за стола и хлопая по рукамъ, говорили пріятели,—такъ стало и быть.

— Такъ и быть.

— Дерюгинъ, ей Дерюгинъ, слышь! обратился тогда Миктеровъ къ выросшему какъ изъ земли деньщику. — Завтра въ седьмомъ часу какъ изъ пушекъ палить будутъ для сбора, буди меня.... вѣтъ, врешь, ранѣ буди: коронація завтра, слышь дуракъ, коронація!..

И совсѣмъ охмѣлѣвшій онъ повалился на постель.

ХП.

На другое утро, въ 9 часовъ, въ Успенскомъ соборѣ, съ обычною церемоніей, при звонѣ колоколовъ и пушечной пальбѣ, совершенно было коронованіе Анны Иоанновны, и затѣмъ начался рядъ праздниковъ и аудиенцій иностраннымъ посланцъ, кавалергардскому корпусу и бывшимъ въ Москвѣ Азіятцамъ: Армянамъ, Грузинамъ, Калмыкамъ, Татарамъ, Китайцамъ и т. д.

На восьмое мая назначены были послѣднія празднества. Въ Грановитой палатѣ накрыты были, кромѣ стола для лицъ приглашенныхъ особо по нумерамъ которые раздавалъ оберъ-гофмаршалъ, еще столы внизу на 200 и вверху на 400 персонъ. Столы эти украшены были статуями и фонтанами, полъ обить богатымъ ковромъ, а карнизы бархатною и китайскою золотою парчой. На площади предъ палатами поставлены были жареные быки, лущены фонтаны съ краснымъ и бѣлымъ виномъ для народа. Отъ Краснаго крыльца къ большому колоколу протянуть былъ канатъ, къ которому ходилъ Персіянинъ на 14¹/₂ саженьхъ вышины. Сама государыня, стоя у

окна, бросала серебряные и золотые жетоны съ надписью: „Богомъ, родомъ и сими“, то-есть вѣрою, надеждою и любовью. Послѣ стола заиграла музыка; генеральша Ягужинская, считавшаяся первою танцовщицею своего времени, открыла балъ, и наконецъ вечеромъ, послѣ танцевъ и ужина, сожгли великолѣпный фейерверкъ.

На Спаской и Троицкой башняхъ, боевые и игральные часы пробили давно 7 часовъ. Напившись, наѣвшись и вдоволь насмотрѣвшись даровыхъ и рѣдкихъ зрѣлищъ, народъ валитъ отъ Кремля густыми толпами по домамъ. На улицахъ, кое-гдѣ замощенныхъ камнями или бревнами, а гдѣ и ничѣмъ не покрытыхъ, стояла глубокая грязь отъ прошедшаго нахлыва сильнаго дождя. Расходились кучки по разнымъ направлениямъ; тамъ и тутъ слышны были разговоры о впечатлѣніяхъ дня. Голоса не заглушались стукомъ экипажей, вѣды не было никакой, прогремѣла только запряженная цугомъ карета персидскаго посла, прежде другихъ оставившаго балъ и направившагося на Никитскую, въ домъ бывшій князя Василья Долгорукаго, гдѣ ему была отведена квартира. Больные дома или трактиры были еще отперты; въ Петровскомъ кружаль, освѣщенномъ салными огарками, набралось народу много: кто лѣсни лѣль, кто ужъ и валялся.

Въ углу двоѣ хмѣльныхъ спорили. Одинъ изъ нихъ, въ военномъ платьѣ, съ разгорѣвшимися отъ вина глазами, лѣзъ на своего товарища, желая, повидимому, шепнуть ему что-то на ухо, но всякій разъ, отталкиваемый своимъ собесѣдникомъ дѣлалъ выразительный жестъ рукой и приговаривалъ:

— Ну, ладно! Когда такъ, ладно! Поди.... къ дьяволу!

— Да что ты въ ухо-то лѣзешь? Говорить, такъ говори прямо, отвѣчалъ ему другой,—не лутайся.

— Кто лутается? Не въ domeкъ мнѣ, вотъ что; я не лутаюсь, а не въ domeкъ.

— Да что не въ domeкъ-то? Фу, ты! говорилъ товарищъ, махнувъ на него руками.

— Что? Вотъ что, отвѣтилъ льяный въ военномъ платьѣ, готовясь будто сказать что-то важное;—слушай, вотъ что. Эхъ! крикнулъ онъ, подъ звуки грянувшей въ сторонѣ лѣсни прищелкивая и притолтывая.

— Чортъ тебя задави! сказалъ наконецъ готовившійся было слушать его товарищъ, вставая быстро съ мѣста.

— Стой, стой! прищѣлился къ нему военный,—стой! Казвать

кого велѣво? спросилъ онъ, смотря теперь прямо ему въ лицо своими мутными глазами,—стой, говори!

— Казнить? переспросилъ остановившійся товарищъ,—казнить? повторилъ онъ какъ бы въ раздумьи,—такъ бы и говорилъ: казнить, а то.... сюда пойдемъ, прибавилъ онъ и потащилъ за рукавъ сильно захмѣлѣвшаго военнаго.

Если на лавку рядомъ, разговоръ начался въ полголоса. Казалось, оба поняли другъ друга. Нетвердо державшаяся отъ хмѣля голова военнаго нагибалась къ уху собесѣдника, который уже не отгакивалъ пьянаго.

— Въ толкъ не возьму, вотъ что! Статься можетъ ничего здѣсь такого и нѣту-ти, говорилъ тотъ, выпрямляясь вдругъ и глядя пьяными глазами въ сторону,—да въ толкъ не возьму!

— Все едино, все едино; тамъ разберуть, тамъ все разберуть, отвѣчала другой.

— Не мнѣ вѣдь сказывано было, продолжалъ первый; у двери.... слышалъ; мало что слышишь! Ну, а почудилось?

— Все едино, все едино, повторялъ другой;—тамъ разберуть, тамъ все разберуть.

— Хозяйка вышла.... что де, именинникъ? Нѣтъ, а гуляютъ, молъ, вотъ что, да и полно!

— Выходила хозяйка? переспросилъ товарищъ,—ну, мотри Дерюгина! Станетъ слухомъ обноситься напрежь тебя, не митовать бѣды.

Дерюгина пробралъ ознобъ отъ этихъ словъ; но чѣмъ больше онъ пугался, тѣмъ яснѣе и яснѣе въ ольянѣвшей головѣ его представлялся весь слышанный имъ изъ-за двери разговоръ, и понемногу, все подробнѣе и подробнѣе, передавалъ онъ товарищу содержаніе его, какъ бы провѣряя самого себя вслухъ что не сочиняетъ же онъ, что все что онъ говоритъ дѣйствительно было и все это онъ взаправду слышалъ.

— Пожитки де не мож.... Долгоруковскіе.... дочерни.... нѣтъ де удачи мнѣ, вотъ что. Гдѣ счастья искать нынѣ мнѣ?... вотъ что.

— Раздайся, эй ребята! раздайся! Воробей пляшетъ! замухля вдругъ толла, прервавъ разговоръ двухъ пріятелей и разогнавъ ихъ въ разные стороны.

— Ну, Воробей, ухни! кричали голоса, толкая впередъ маленькаго роста мужичонку, подбоченившагося уже и сильно солѣвшаго, какъ бы въ предвкушеніи той пляски которою намѣревался распотѣшить публику.

— Валай! ну, валай! подзадоривали голоса со всѣхъ сторонъ.

— Ну, васъ! махнулъ рукой Дерюгинъ, постоявъ съ минутой, и мрачный пошелъ домой.

Ему было не до веселья; хмѣль казался даже вышелъ у него изъ головы, когда онъ зашагалъ по улицѣ.

Черезъ полчаса Петровское кружало опустѣло, скоро потушили огни вездѣ, и на улицахъ водворилась жертвая тишина.

XIII.

Коронація сопровождалась, какъ и слѣдовало ожидать, царскими милостями: кто пожалованъ былъ деревнями, кто орденъ, кто произведенъ въ генералы, кто въ дѣйствительные тайные совѣтники и т. д. Остерманъ былъ сдѣланъ графомъ, Биронъ—оберъ-камергеромъ, александровскимъ кавалеромъ, а вскорѣ потомъ получилъ изъ Вѣны дипломъ на достоинство графа и портретъ германскаго императора осыланный бриллиантами, въ 12.000 ефимковъ; государыня присовокупила къ этому городъ въ Лифляндіи со всѣми принадлежащими къ нему землями, цѣною въ 60.000 рублей, а спустя нѣкоторое время и орденъ Св. Андрея.

Покончивъ съ коронаціонными праздниками, слѣдовало отдохнуть. Дворъ переѣхалъ на лѣтнее время въ подмосковное царское село Измайлово, гдѣ жизнь потекла мирно и тихо. Государыня, съѣздивъ на богомолье къ Троицѣ, занялась формированіемъ новаго гвардейскаго полка, названнаго въ честь мѣстопробыванія Измайловскимъ, и назначеніемъ въ него командировъ изъ Нѣмцевъ и родственниковъ Бирона. По утрамъ принимала доклады засѣдавшихъ въ трехъярусной шатровой башнѣ сенаторовъ, давала аудіенцію иностраннымъ министрамъ, являвшимся съ новыми кредитивными грамотами, охотилась въ звѣринцѣ, а по вечерамъ, сидя въ саду, то слушала разказы царедворцевъ-иноземцевъ объ ужасахъ скотскихъ ладежей, о нищенствѣ, о волшебникахъ, къ которымъ многіе ѣздили и къ себѣ принимали, о ворахъ и разбойникахъ, скитавшихся по селамъ сколами; то развлекалась лѣснями и плясками царскихъ псарей, собаками, которыхъ выводили ей на показъ, или привозимыми изъ разныхъ концовъ Россіи кречетами. Жизнь текла беззаботно и производила кругомъ впечатлѣніе самое хорошее.

— Сами, сами видѣли, разказывали бабы сосѣднихъ селъ, какъ она, матушка наша, вдвоемъ только съ какимъ-то не Русскимъ слово, имени-то не выговоришь, по нашимъ по полямъ разгуливаетъ, а за ней никого нѣтъ, такъ, мальчижъ одинъ въ кафтаникѣ.

— Не чаяли мы, говорилъ священникъ села Измайлова нащипавшимъ его гостямъ изъ города,—какъ въ то время съ генераломъ Мамоновымъ внезапная смерть чрезъ паденіе съ лошади около кареты ея величества приключилась; думали бѣда, село наше не полюбитъ, понеже знакъ худой; однако, глядимъ, карета только по мосту чрезъ Серебровку просѣдовала, въ шатровыя ворота, прямо къ собору, сама изволила выйти и благодарственное молебствіе о спасеніи своей жизни отъ опасности отслужить повелѣла.

А ужъ какихъ похвалъ не расточалось среди псарей, егерей, сокольниковъ, кречетниковъ и прочей челяди, занимавшей цѣлый квадратъ каменныхъ пристроекъ къ деревянному дворцу! Да имъ ли было и въ самомъ дѣлѣ не житье.

Кругомъ вѣковыя роуци; выкопанные пруды и озера съ сажеными стерлядьми, щуками, карліями, карасями; птичьи дворы съ лебедами, китайскими гусями и лавинами; звѣривецъ наполненный звѣрями; регулярный садъ прямо отъ дворца къ рѣкѣ, а народу-то что охотниковъ! Три тысячи челядь! Цѣлая Хотинская волость опредѣлена была только на ихъ содержаніе.

Въ послѣднихъ числахъ іюня, рано утромъ, вошедшій въ комнату Бирона слуга его, Фабіанъ, доложилъ что оберъ-егерь Меврель давно уже дожидается его оіятельства и имѣетъ ему сообщить нѣчто.

Биронъ только-что окончилъ свой туалетъ. Чисто выбритое лицо его, лудра на головѣ и пестрый штофный камзолъ, который онъ надѣлъ, собираясь пройти въ локои государыни, придавали ему, несмотря на его 40 лѣтъ, видъ довольно молодежавый. Черты лица, впрочемъ хотя и красивыя, впечатлѣніе производили непріятное: слишкомъ ужъ гордо держалъ онъ голову, слишкомъ сухъ и серіозенъ былъ взглядъ его свѣрыхъ глазъ, слишкомъ неподвижна была вся фигура.

Докладъ слуги не заслужилъ, казалось, вниманія Бирона, онъ не сказалъ ему ни слова, не обернулся даже. И въ самомъ дѣлѣ, оберъ-егерь Меврель являлся довольно часто съ тѣхъ

лоръ какъ ему поручено было наблюденіе за строжайшимъ исполненіемъ предписанія запрещавшаго всякаго рода охоту въ 20-ти-верстномъ разстояніи отъ Москвы. Доклады его, то о выдачѣ положенныхъ двухъ рублей награжденія доносителю на преступившихъ законъ обывателей, то о пристрѣленныхъ собакахъ и пойманныхъ на охотѣ и взятыхъ за караулъ людей, которые подлежали за то наказанію на тѣлѣ и ссылкѣ; доклады эти Биронъ бралъ на себя для передачи государынь, какъ предметъ весьма ее интересующій, но онъ уже привыкъ къ нимъ, и теперь, продолжая хладнокровно поправлять свой галстукъ и манжеты предъ четырехугольнымъ съ фигурною рѣзбой зеркаломъ, стоявшимъ на столѣ, уставленномъ разными съ высокими и узкими горлами стекляницами и коробочками, онъ даже забылъ, казалось, объ оберъ-егерѣ и, совсѣмъ готовый, со шляпою въ рукѣ, спокойно вышелъ было изъ своей комнаты, когда наткнулся прямо на Меврела и рядомъ съ нимъ стоявшаго, не обывателя, не крестьянина или кого-нибудь изъ подлыхъ людей, а другаго царскаго же егеря, въ его зеленомъ съ позументами кафтанѣ.

Биронъ остановился; на лицѣ его мелькнула тѣнь удивленія; но Осиль Меврель, сдѣлавъ шагъ впередъ, объяснилъ графу что имѣеть сообщить ему нѣчто секретное. Закинувъ голову еще болѣе назадъ, Биронъ повернулся тогда на одной ногѣ и, остановивъ на мгновеніе взглядъ свой на приведенномъ Мевреломъ егерѣ, старался какъ бы запомнить его лицо, задавая себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ: что бы могъ замыслить этотъ стоявшій предъ нимъ съ такимъ невиннымъ лицомъ и робко опустившій глаза человекъ?

Осторожно стулая тяжелыми ботфортами, вошелъ Меврель вслѣдъ за возвратившимся въ свои покои Бирономъ. Черезъ пять минутъ, обдергивая одежду, послѣшню сунулъ туда же и ожидавшійся приказанія егеря, а черезъ четверть часа, оба они молча выходили уже съ крыльца, и на лицахъ ихъ было написано то удовольствіе которое чувствуетъ человекъ только-что исполнившій добросовѣстно свою обязанность.

Давъ время посѣтителямъ своимъ выдти, Биронъ на этотъ разъ скорыми уже шагами прошелъ въ покои государыни. Онъ никогда не могъ достигнуть искусства скрывать свои мысли и чувства, какъ достигъ этого напимѣръ Остерманъ. Поэтому и теперь, посмотрѣвъ вслѣдъ уходившему графу, на его послѣшнюю походку, на его озабоченное, не то довольное.

не то злое выраженіе лица, слуга его Фабіанъ спрашивалъ себя: чѣмъ бы могъ встревожиться такъ его милость?

Вечеромъ этого дня снаряжали въ путь того самаго офицера котораго мы уже видѣли въ Соликамскѣ описывающимъ вещи Долгорукихъ, и въ то же время генераль-адъютанту Ушакову, въ канцелярію котораго были скоро переданы изъ сената всѣ дѣла по первымъ двумъ пунктамъ и которая получила такую громкую извѣстность подъ названіемъ канцеляріи тайныхъ и розыскныхъ дѣлъ, поручено было отыскать проживающаго въ Москвѣ офицера кавалергардскаго корпуса Миктерова и представить его за карауломъ къ государынѣ.

Какого бы рода ни былъ доносъ на Миктерева, достаточно уже и того что имя его называлось рядомъ съ именемъ Долгорукихъ чтобы предсказать какаѣ участь могла его ожидать, а на него было донесено объ оставленныхъ ему и скрытыхъ имъ пожиткахъ Долгорукихъ и о какой-то таинственной съ этимъ семействомъ связи его. Ушаковъ послалъ за Миктеровымъ; но его агенты возвратились съ пустыми руками; порядкомъ вслудренные за это, они кивулись туда и сюда—но слѣдъ его простыли.

Самъ виновникъ доноса, Дерюгинъ, съ пьяну проболтавшійся въ Петровскомъ кружалѣ приятелю своему, царскому егерю, прославшись на другой день, упалъ въ ноги своему господину и, боясь доноса столько же для него, сколько и для себя, будучи человѣкомъ въ этомъ дѣлѣ неопытнымъ, признался ему во всемъ и просилъ совѣта и помощи, а тотъ не теряя ни минуты кинулся вонъ изъ Москвы.

XIV.

Погода стояла дождливая; на улицахъ было темно, ибо въ тѣ времена улицъ не освѣщали, и только когда отъ двора приказано было, въ окнахъ ламать и хоромъ выставлялись по двѣ, по три и по четыре свѣчи, а въ строеніяхъ нежилыхъ горѣли холстинные и смяданные фонари, впрочемъ лишь до полуночи; вообще же съ десяти часовъ огней въ домахъ нигдѣ не было и городъ былъ погруженъ въ глубокій мракъ.

Это было благоприятное условіе для любѣга Миктерова. Когда только признаніе Дерюгина открыло ему опасность его положенія, онъ пустился къ Торбееву, требуя совѣта и хотъ

временнаго пріюта. И то и другое было сопряжено съ рюкомъ. Скрывать челоѡвѣка котораго ищетъ тайная канцелярія—бѣда, а выпроводить его мудрено. Какую прибрать одежду чтобъ она гармонировала съ его бритымъ подбородкомъ и приличными манерами? Гдѣ достать видъ, а безъ вида пуститься—лопадешься рано или поздно! Но такъ какъ ближайшая опасность всегда страшнѣе отдаленной, то Миктеровъ, хотя и безъ вида, рѣшился облечься въ платье которое досталъ Торбеевъ, и въ полночь, простившись съ пріятелемъ своимъ и отцомъ его, и передавъ ему казну и пожитки Догорукихъ, врученные ему на храненіе, помолился Богу и вышелъ.

Ночь стояла темная; куда идти, въ какую сторону, въ какую даже выдти заставу? Естественнѣе было идти прямо къ отцу, который могъ бы пріютить его хотя на время и скрыть отъ первыхъ преслѣдованій, но и объ этомъ не вслониалось Миктерову въ настоящую минуту, точно будто тутъ, близко, за нимъ, была уже опасность, точно слышалъ онъ нагоняющіе его шаги,—и скорѣе, скорѣе, не оглядываясь назадъ, шелъ онъ по темнымъ и грязнымъ московскимъ улицамъ.

Подходя къ рогаткамъ, разставленнымъ по концамъ большихъ улицъ, затворявшимся по ночамъ, ему представлялось что сейчасъ вотъ задержать, узнаютъ его находившіеся при тѣхъ рогаткахъ караульщики съ палками и трещетками для сигналовъ въ случаѣ пожара и драки, сердце его сжималось всякій разъ; но безъ малѣйшаго сопротивленія отворяли тѣ сторожа ему рогатки, не видя въ Миктеровѣ ничего подозрительнаго. Наткнувшись на конный разъѣздъ изъ московскаго драгунскаго эскадрона, Миктеровъ завернулъ даже въ другую улицу, и когда разъѣздъ повернулъ также въ его сторону, потому что туда лежала ему дорога, совершенно отбродилъ и принужденъ былъ пріостановиться: такъ сильно было волненіе; разъѣздъ проѣхалъ однако мимо, не посмотрѣвъ даже на него.

Начинало уже свѣтать, когда подошелъ Миктеровъ къ лавучему мосту на Москвѣ-рѣкѣ; тамъ было уже много народа; ѣхали изъ деревень крестьяне съ разными продуктами, гнали скотину; тѣхъ и другихъ задерживали мостовщики и перевозчики, разчитываясь въ мостовщичѣ или пошлинѣ за мостъ. Кто, желая избѣжать ее, ѣхалъ въ бродъ, кто, уставъ дожи-

даться, спалъ, на мосту лутались возы, грузно опускались въ воду быки, крикъ, шумъ; споры гуртовщиковъ съ мостовщиками. Миктеровъ прошелъ незамѣченный среди этой суеты. Вотъ наконецъ и надолбы окружавшія Москву со всѣхъ сторонъ для предосторожности отъ ввоза неявленныхъ товаровъ, вотъ и конецъ Москвы, городской выгонъ,—Миктеровъ вздохнулъ свободно.

Онъ не чувствовалъ никакого утомленія, и бодро, съ довольнымъ лицомъ зашагалъ по большой Серлуховкѣ, на которой очутился самъ не зная для чего. По обѣимъ сторонамъ ея шель густой лѣсъ, не было ни рвовъ, ни околловъ; дорога хотя и десятисаженная, но вся изрытая колеями, имѣла видъ совершенно неустроенный: кое-гдѣ въ толкихъ мѣстахъ валялись бревна или кучами лежалъ фашипникъ; попадались крашеные верстовые столбы, но подгнившіе и полуразрушившіеся.

По мѣрѣ того какъ Миктеровъ удалялся отъ Москвы, мысли его приходили въ порядокъ: все яснѣе и яснѣе представлялось ему что деревня отца была единственнымъ мѣстомъ куда онъ могъ и долженъ былъ направить свой путь. Пустившись по Серлуховской дорогѣ, онъ дѣлалъ крюкъ, но этотъ крюкъ былъ еще не великъ. Миктеровъ приостановился, легъ отдохнуть, и пролежавъ часть-другой, пошелъ до ближайшей деревни, гдѣ рѣшилъ, въ первый разъ по выходѣ своемъ изъ Москвы, толкнуться къ людямъ, спросить гдѣ онъ, далеко ли отъ города, какъ попасть на Смоленскую дорогу, и затѣмъ, купивъ хлѣба и нѣсколько огурцовъ, снова пуститься въ путь.

Уже совершенно стемнѣло, когда измученный, еле-еле передвигая ноги, входилъ онъ въ большое село, гдѣ волей-неволей приходилось ему остановиться на ночлегъ.

Избы были курныя и безъ трубъ; постоялыхъ дворовъ не было.

Миктеровъ постучалъ въ первую попавшую ему избу. Его пропустили; огня въ избѣ не было: крестьянская семья, поужинавши, разбрелась, должно быть по сноваламъ и сарамамъ спать; на лавкѣ сидѣлъ только хозяинъ въ одной рубашкѣ и противъ него какой-то постоялецъ, по длиннымъ волосамъ и черной одеждѣ котораго можно было догадаться что онъ духовнаго званія.

Бесѣда между хозяиномъ и постояльцемъ этимъ прервалась,

когда входилъ Миктеровъ. Поклонившись образамъ и оглядѣвшись вокругъ, Миктеровъ былъ непріятно пораженъ встречей посторонняго, не принадлежавшаго, по всѣмъ признакамъ, къ крестьянству и пристально въ него вглядывавшагося чело­вѣка. Только теперь, при общемъ молчаніи и тишинѣ, нарушаемыхъ неумолкаемою трескотней сверчковъ за печкой, Миктеровъ вспомнилъ что въ цѣлый день, проведенный имъ въ дорогѣ, не пришло ему въ голову приготовиться къ тѣмъ вопросамъ которые будутъ задаваться ему при первомъ же столкновеніи съ людьми: кто онъ, откуда идетъ, зачѣмъ, куда? Разомъ представилось ему что его крестьянская одежда не соответствуетъ бритому его подбородку и рѣчи не простонародной, — хоть бѣги сейчасъ вонъ изъ избы! Но уже поздно; вотъ духовный откашлянуся, высгавилъ впередъ свою рыжую бороду и началъ уже вопросъ:

— Откуда?

— Изъ Москвы.

— Далече ли?

— Въ Смоленскъ.

— Въ Смоленскъ? повторили вмѣстѣ хозяинъ и его собесѣдникъ, многозначительно посмотрѣвъ другъ на друга.

— Не дорога, прибавилъ первый, принявъ серьезный видъ и безпокойно повернувшись на своемъ мѣстѣ. Предъ самымъ приходомъ Миктерова слышавшася онъ отъ своего гостя о слоняющихся по свѣту воровскихъ лодяхъ, скрывающихся бѣглыхъ крестьянахъ и солдатахъ. Теперь духовный толкнулъ его подъ столомъ ногою и подмигнувъ, послѣдилъ предложить новый вопросъ.

— По своей нуждѣ, али посыланы отъ кого? спросилъ онъ.

Смутившійся было Миктеровъ нѣсколько полправился.

— Посыланъ, отвѣтилъ онъ, подлаживаясь подъ разговоръ и манеру своихъ собесѣдниковъ. Сперва наперва сюда, а тамъ и въ Смоленскъ. Почевать чай у васъ можно? прибавилъ онъ, садясь на лавку и принимая видъ спокойный и безлечный.

Духовный олять посмотрѣлъ на хозяина; оба казалось удовлетворились отвѣтомъ и перемѣнили нѣсколько тоны. Не повѣрить Миктерову не было никакой причины. Отчего ему не быть и въ самомъ дѣлѣ какимъ-нибудь служителемъ изъ двора, посланнымъ господами куда-нибудь съ „цидулами“? Мало ли ходило въ то время такого народа, при недостаткѣ почтовыхъ сообщеній!

Разговоръ начался обыкновенный; нѣсколько времени спустя, хозяинъ и духовный уже признались Миктерову въ подозрѣніи которое онъ возбудилъ въ нихъ при своемъ поведеніи, что заставило Миктерова тѣмъ болѣе быть осторожнымъ, стараться какъ можно меньше говорить, отвѣчать коротко и, задавая вопросы съ своей стороны, заставлять больше говорить своихъ новыхъ знакомыхъ.

Оказалось что духовное лицо былъ монахъ, посланный съ какимъ-то порученіемъ изъ Воронежа къ ростовскому архіерею и члену синода Георгію, и теперь возвращающійся домой. Болталъ монахъ много. Разказывалъ и про Воронежъ, и про тамошнюю жизнь, и про монашество вообще, и про монаховъ воронежскихъ въ особенности; хвастался и важностію своего порученія, и довѣріемъ къ нему воронежскаго архіерея, и доступомъ который онъ имѣлъ къ преосвященному Георгію и т. л.

Наслушавшись вдоволь, хозяинъ, долго поддерживавшій свѣтъ зажженной имъ лучины, ушелъ наконецъ спать; путешественники собирались также лечь на лавкахъ; монахъ все говорилъ. Темнота въ избѣ возбуждала, казалось, только его болтливость и беззабѣчивое хвастовство. Миктеровъ слушалъ внимательно. Личность епископа Георгія Дашкова была нѣсколько знакома ему чрезъ Долгорукихъ, равно какъ непріязненныя его отношенія къ Теофану. Поэтому разныя передаваемыя монахомъ подробности интересовали Миктерова. То принимая видъ ничего не знающаго, то лстя самолюбію разказчика, онъ заставлялъ его высылать всю подноготную.

Во главѣ синода, первевствующимъ членомъ его, стоялъ въ то время Теофанъ Проколовичъ. Приобрѣвъ полное довѣріе государыни своимъ содѣйствіемъ къ принятію ею самодержавія, онъ приобрѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ такую силу которая обезпечивала его вполнѣ отъ всѣхъ происковъ и всякаго старанія подломить его значеніе. Забыта была вся прошедшая его исторія: его воспитаніе въ римской академіи, дружба съ учитами, надѣтая имъ безъ обычнаго постриженія мантия, разореніе часовень, несоблюденіе постовъ; забыты были считавшіяся когда-то не православными сочиненія его о блаженствахъ, о поливаніи, о бракахъ; забыто было его даже *Иго неудобноносимо*. Настало время, когда онъ смѣло могъ посчитаться со всѣми своими прежними недругами и товарищами по

синоду, между которыми первый былъ Георгій Дашковъ, епископъ ростовскій. Дворянскаго происхожденія, путешествовавшій когда-то за границей и неизвѣстно по какому случаю постриженный въ монашество, онъ еще при Екатеринѣ подавалъ протестъ противъ отобранія церковныхъ имуществъ, протестъ доставившій ему много почитателей не только между духовенствомъ, но и между свѣтскими людьми; его протестировали Долгорукіе, интригами коихъ онъ чуть не попалъ въ патріархи. Преданнымъ ему человѣкомъ былъ и Левъ Юрловъ, преосвященный воронежскій,—обстоятельство которое вдругъ пришло теперь на память Миктерову.

Монахъ-разказчикъ, тоже не сочувствовалъ, съ своей стороны, направленію Теофана вообще, и когда дѣло дошло до объясненія причины путешествія его въ Москву, — Миктеровъ полагалъ куда тянулъ лежавшій предъ нимъ въ темнотѣ и вскакивавшій по временамъ въ волненіи, его новый знакомецъ.

— При вступленіи на престолъ нынѣ царствующей государыни рассылаемы были по всѣмъ епархіямъ при указахъ манифесты, говорилъ монахъ, и оное увѣдомленіе стало быть извѣстно въ Воронежѣ 14го февраля. Вице-губернаторъ нашъ, господинъ Пашковъ по фамиліи, приглашалъ преосвященнаго Льва прочитатъ манифестъ въ имѣющее наступить воскресенье, сирѣчь въ недѣлю православія. Разумѣешь ли ты какая сія есть недѣля? спросилъ монахъ поучительнымъ тономъ, пріостановивъ свой разказъ.

— Не вѣдаю, отвѣтилъ Миктеровъ.

— Первая недѣля поста великаго, помни, замѣтилъ внушительно монахъ.—Преосвященнаго Льва, продолжалъ онъ, въ мірѣ Лаврентій Юрловъ, не изъ подаяхъ людей состоитъ, воспитаніе свое получалъ у боярина князя Троекурова, въ походахъ бывалъ и царскія очи близко видѣлъ; чрезъ покойную царицу Марѳу и во священство попалъ.

— Прогнѣвалъ ее знатъ? спросилъ тихо Миктеровъ.

— Не ее прогнѣвалъ, а Бога; въ Богѣ же за свое расказаніе и услокоеніе обрѣлъ, отвѣтилъ торжественно монахъ, обходя такимъ образомъ молчаніемъ исторію о покрадѣ Львомъ серебрянаго кубка Петра I, вслѣдствіе которой, съ помощью царицы Марѳы, хлопотавшей за него, долженъ былъ оставить свою должность лажа при ней и скрыться въ монастырь.

— Таковому человѣку безбоязно помыслить было можно,

продолжалъ монахъ,—что указъ тотъ, изъ Москвы присланный, продерзостию людскою былъ; не у насъ однихъ въ Воронежѣ, а и по всей Россіи такожде слухомъ обносилось. И повелѣлъ оны, преосвященный, вопреки тому указу, по своей епархіи, на обрядѣ православія поминать: о благочестивѣйшей великой государынѣ нашей, царицѣ и великой княгинѣ Евдокии Федоровнѣ и о державѣ ихъ. Пашковъ прислалъ полковника своего Барыкова лаки просить о прочтеніи манифеста. Преосвященный презрѣлъ и этого посланника, понеже, не получая указа изъ синода, въ неизвѣстности обрѣтался, не будетъ ли и еще какой перемѣны.—Ну, и послано было отъ свѣтской власти о преосвященномъ, яко о преступникѣ указовъ, доношеніе; вотъ и скитаюсь азъ грѣшный того ради изъ Воронежа въ Москву и обратно; и по веснѣ ходилъ и теперь... То еще благопріятное есть что по монашескому чину и одѣянію нашему вездѣ насъ принимаютъ благодушно, не узнавая кто за какой нуждой посланъ, хотя бы и безъ письменнаго отпуска.—Гдѣ бы воды испить? во рту пересохло, перебилъ самъ себя разкащикъ, вставая съ лавки и направляясь, держа руки впередъ, къ дверямъ, въ сѣни.

Миктеровъ, слушавшій монаха съ величайшимъ вниманіемъ, не могъ однакоже слѣдить во всѣхъ подробностяхъ за нитью разказа; ко всѣмъ его заботамъ о себѣ, о пропускномъ письмѣ, о дальности пути и пр., присоединилось еще и то обстоятельство что оны дурно себя чувствовалъ: отъ скорой ли ходьбы и утомленія, отъ волненія ли, у него болѣла сильно голова, ломили ноги, прохватывалъ ознобъ. Тѣмъ не менѣе ясно долетѣвшія до слуха послѣднія слова монаха „вездѣ насъ принимаютъ, хотя бы и безъ письменнаго отпуска, не узнавая за какою нуждой посланы“, точно пробудили его отъ сна; оны присѣлъ на лавкѣ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія разкащика, готовясь заставить его повторить сказанное, и обстоятельно разспросить о томъ какъ оны дѣлаютъ что путешествуютъ безъ паспорта и какіе существуютъ относительно предъявленія паспортовъ порядки.

—Самъ Богъ мнѣ помощь свою посылаетъ. Его святая воля. Господи Иисусе Христе, шелталъ оны, кладя на себя крестное знаменіе съ разстановкой, такъ чтобы движеніе руки его было незамѣтно.

— Слншь что ли? спрашивалъ возвратившійся между тѣмъ монахъ.— Не спнть, отвѣтилъ онъ самъ себѣ, замѣтивъ движеніе Миктерова.

— Нѣтъ, повторилъ за нимъ Миктеровъ,— не сплю. А отпусковъ на письмѣ стало у васъ по монастыству не показано? прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Не самовольно же я волочился, за нуждами самого архіерея изъ епархіи своей исходилъ; отъ него и позволеніе имѣлъ, сказалъ монахъ, какъ бы избѣгая прямаго отвѣта.— Письма къ ростовскому и коломенскому епископамъ носилъ, прибавилъ онъ,— къ генералу Чернышову, къ Кольцову. Они заслушавши отвѣтное писаніе нашего преосвященнаго и положили якобы дѣло сіе по доношенію Пашкова слѣдуетъ оставить, повременить, не будетъ ли еще какого донесенія, понеже у воронежскаго архіерея давнишняя ссора съ вице-губернаторомъ и издавна они другъ на друга лишуть.

Выслушавъ всѣ эти подробности и не получивъ прямаго отвѣта на свой вопросъ, Миктерову хотѣлось повторить его. Только какъ это сдѣлать? Не догадался бы монахъ? Не сталъ бы онъ въ свою очередь спрашивать? Не опасно ли было обивать его съ той темы на которой онъ являлся такимъ словоохотливымъ?

— А нынѣ также по словесному приказу архіерея ходилъ? пустилъ онъ опять осторожно, надѣясь что авось тутъ какъ-нибудь прорвется разкащикъ и подтвердитъ еще разъ сказанное прежде.

— А нынѣ чувалъ винныхъ ягодъ преосвященному Георгію носилъ, отвѣтилъ монахъ съ раздражительностію, будто обидно ему показалось что какой-то проходимецъ какъ нарочно налираетъ на то о чемъ распространяться не слѣдовало.

Письменнаго отпуски, въ которомъ должно было бы означить за какою нуждой онъ посланъ, у него не было, ибо нужды его означить было нельзя, а выдумать какую-нибудь не стоило: мало ли монаховъ шаталось въ то время по Россіи безъ всякихъ видовъ, и кто о нихъ узнавалъ, доколѣ не слѣдвались опасными для правительства явившіеся „плуты чернецы, по разнымъ мѣстамъ безъ потребы скитавшіеся“! Разкащикъ досадно даже стало на себя что ни съ того, ни съ чего разговорился онъ и такъ пространно съ проходимцемъ, который хотя, конечно, половнну сказаннаго имъ и не по-

яль, но все-таки суесть свою лапу туда куда не слѣдуетъ, тоже спрашиваетъ, не довольствуется тѣмъ что ему, святому отцу, заблагоразсудилось самому разказать. Онъ чувствовалъ даже желаніе тотчасъ же кончить разговоръ и въ заключеніе налугать хорошенько слушателя, чтобъ онъ зналъ впередъ съ кѣмъ и какъ можно говорить и не думалъ бы уже ни о какихъ лишнихъ вопросахъ.

— Нынѣ, заговорилъ монахъ,—времена для насъ тяжелыя! Про Теофана, епископа новгородскаго, опричь того что я тебѣ повѣдалъ слышалъ ли?

— Слыхалъ, отвѣтилъ Миктеровъ.

— А! То-то; онъ какой человѣкъ? Про архіепископа кievскаго Варлаама знаешь? прибавилъ еще монахъ, таинственно повизивъ голосъ.

— Нѣтъ.

— А! Съ архіерейскихъ и монастырскихъ людей разные боры братья были, у нихъ угоды отнимались, пошлины съ самого епископа за проѣздъ черезъ Дмитровскій мостъ взыскивали, а какъ пожаловался онъ на городского войта полоцкаго, на него тотъ полоцкій доношеніе тѣмъ временемъ представилъ Теофану, якобы въ одинъ высокаторжественный день Варлаамъ молебна не служилъ! Суду предали, сана лишили; разумѣешь ты? По одному извѣту сана лишили, почти шепотомъ закончилъ монахъ.

На Миктерова этотъ послѣдній разказъ, впрочемъ, не произвелъ никакого особаго впечатлѣнія, онъ все-таки остался при желаніи узнать непременно, во что бы то ни стало, на чемъ основывалъ слова свои монахъ и можно ли было ему вѣрять. Въ головѣ его составилъ уже цѣлый планъ дѣйствій, основанныхъ на этихъ словахъ; онъ только объ нихъ и думалъ, и вотъ какъ нарочно монахъ заупрямился и никакъ не хочетъ ихъ повторить. Монашеское платье, свобода, безопасность отъ всякихъ допросовъ и преслѣдованій, все это такъ ясно рисовало ему большое воображеніе; получить бы еще хоть нѣсколько объясненій, хоть нѣсколько подробностей, чтобы не совсѣмъ уже безразсудно было принятое имъ мысленно рѣшеніе, основанное на словахъ перваго встрѣчнаго монаха.

— А безъ письменнаго отпуска монашествующимъ ходить стало все-таки можно? сказалъ онъ, подходя наконецъ къ дѣлу прямо.

— Указы-то знать, продолжалъ Миктеровъ, не придавая значенія молчанію, которое послѣдовало за первымъ вопросомъ,—указы-то не опасливы, какъ за ними не надзирають, а они все знаютъ....

— Какіе указы? прервалъ вдругъ монахъ грубымъ, но взволнованнымъ голосомъ.

Лица его, къ счастью, за темнотою было не видно; широко открытые глаза, упершіяся въ одну точку, осунувшіяся щеки, какъ у человека внезапно пораженнаго какою-нибудь неожиданностію показали бы ясно какого рода было это волненіе.

— Чай и самъ знаешь какіе указы, вкрадчивымъ и ласковымъ голосомъ продолжалъ Миктеровъ, — указы тамъ.... а въ регламенты....

— Регламенты! повторилъ монахъ глухимъ тономъ и поднялся на лавкѣ.

Ему ясно стало что собесѣдникъ его былъ никто другой какъ фискаль,—фискаль, который во всякомъ случаѣ на него донесетъ. Уже при первыхъ вопросахъ Миктерова о паспортѣ, кольнуло что-то непріятно монаха; когда заговорилъ онъ объ указѣ, ему вдругъ вспомнился подозрительный костюмъ незнакомца, поразившій его тогда вмѣстѣ съ хозяиномъ; но теперь наконецъ, когда простой съ виду и съ бритою бородою крестьянинъ произнесъ слово: регламентъ, сомнѣнія не могло быть никакого: фискаль, фискаль! Но что же дѣлать?

Блѣдный и съ вытаращенными глазами, просидѣлъ онъ нѣсколько минутъ въ молчаніи, потомъ медленно опустившись на лавку, вытянулся, зѣвнулъ притворно, и уже совершенно другимъ, какимъ-то носовымъ, но спокойнымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Въ духовномъ регламентѣ, о житіи монаховъ, наипаче же о запрещеніи исходовъ и волоките монашескихъ, наставленій довольно имѣется въ правилахъ тридесятыхъ, тридесять первымъ и тридесять вторымъ. Тѣ же правила во всемъ слѣсны и согласны съ правилами древнихъ вселенскихъ соборовъ въ Халкидонѣ, въ Никей и Константій-градѣ.

Монахъ зѣвнулъ опять, шепотомъ произнесъ: „Господи Іисусе Христе, помилуй насъ“, и уже соннымъ голосомъ продолжалъ:

— Презрѣть правила сіи никому не можно. Являются хотя многіе чернецы, которые безчиннаго житія образъ произносятъ и злообразіемъ дѣла своихъ подають соблазнъ къ раз-

вращенію, но сіе явное душевредіе есть. Тѣмъ бо не помышляють что они всякими добродѣтелями не лицемерно украшать себя къ созиданію церкви должны и что чрезъ нихъ хулитъ ся имя Божіе.

Опять зѣвнулъ монахъ и вслѣдъ затѣмъ повернулся на бокъ, вздохнулъ и сталъ засыпать.

Миктеровъ отнесся было къ нему черезъ нѣсколько минутъ еще разъ, но отвѣта уже не получили: слышно было только ровное и тяжелое его дыханіе.

Не привыкши къ жесткому ложу съ клокомъ соломы вмѣсто подушки, долго вертѣлся Миктеровъ со стороны въ сторону, и сонъ не приходилъ. Ему было жарко и душно, несмотря на то что давно уже, скинувъ верхнюю свою одежду, лежалъ онъ въ одной рубашкѣ. Боль въ головѣ сдѣлалась такъ сильна что серьезно должна была бы его беспокоить, еслибъ онъ находился въ нормальномъ положеніи; но этого не было. Онъ чувствовалъ только боль, но не сознавалъ ее; предъ глазами его начали мелькать какія-то незнакомыя лица; изба въ которой онъ находился казалась ему то большою комнатою, то церковью, наполненною монахами, то ясно и отчетливо тою самою избой, съ лежащимъ противъ него на лавкѣ монахомъ; къ нему подходили какіе-то люди, разговаривали, ему хотѣлось отвѣчать; и чувствовалъ онъ что принужденъ дѣлать усилія для того чтобы не засмѣяться вдругъ, не разсердиться, не закричать, ибо тутъ было всего — и смѣшнаго, и досаднаго, и страшнаго. Помнилъ онъ въ послѣдствіи что вставъ среди ночи досталъ свою кожаную сумочку, которую положилъ себѣ подъ голову; помнилъ что доставъ ее, не попалъ прямо на лавку, а наткнулся сначала на лечь, а потомъ на дверь, которая предъ нимъ открылась и которую онъ съ усиліемъ едва сладилъ закрыть, помнилъ онъ и пахнувшій на него изъ этой двери свѣжій воздухъ, но больше ничего не помнилъ; тутъ онъ упалъ въ забытѣе.

Смиренно лежавшій лицомъ къ нему и ровно дышавшій монахъ, наслаждавшійся, повидимому, такимъ глубокимъ сномъ, не спалъ точно также. Не жаръ, не головная боль, не физическое разстройство мѣшали ему, нѣтъ. Прищуривъ глаза, наблюдалъ онъ внимательно за всѣми движеніями Миктерова; сердце его билось отъ страха, а воображеніе рисовало всѣ ужасы, могущіе быть послѣдствіемъ его болтовни. Схватить ли его фискаль тотчасъ, и ему, приведенному предъ граждан-

скимъ начальствомъ, придется сознаться въ томъ что онъ вида никакого не имѣеть и въ томъ зачѣмъ посланъ былъ отъ архіерея, и куда? Или же фискаль донесетъ прямо Теофану, и его потянутъ къ суду вмѣстѣ съ преосвященнымъ? Присматривая за незнакомцемъ, онъ дѣлалъ между тѣмъ всѣ усилія чтобы вспомнить во всѣхъ подробностяхъ весь свой разговоръ съ нимъ. То казалось ему что онъ наговорилъ столько что изъ сказаннаго можно было построить цѣлый обвинительный актъ, то представлялось ему что отъ многого можно отказаться, что не все онъ сказалъ, что еще ничего, можно вывернуться; но предъ кѣмъ же будетъ онъ отказываться, вывертываться? Предъ судомъ? а допросъ, пытка! О, ужасъ, ужасъ! Едва сдерживалъ онъ свое волненіе чтобы какъ нибудь, повернувшись, не подать повода Миктерову подумать что онъ не спитъ и не подвергнуться снова его вопросамъ. Какой брани вмѣстѣ съ тѣмъ не изрекалъ онъ на свою голову за болтовню свою!

— И не спитъ проклятый фискаль, не спитъ, говорилъ онъ самъ себѣ, глядя на метавшагося во всѣ стороны Миктерова,—хотя бы уснулъ, о побѣгѣ бы тогда помыслить можно.

На дворѣ уже стало свѣтать, когда желанія монаха наконецъ сбылись. Долго ворочавшійся на лавкѣ Миктеровъ, по видимому, успокоился; раскинувшись лежалъ онъ съ краснымъ лицомъ и тяжело дышалъ.

— Хворь его взяла знать, шелталъ монахъ, осторожно спуская ноги съ лавки и глядя уже съ совершенно открытыми глазами на болѣзненное лицо молодого человѣка.

Просылавшійся, или скорѣе тревожно спавшій, Миктеровъ заставлялъ то и дѣло монаха останавливаться въ своихъ сборахъ. Оставалось ему только взять поставленную еще съ вечера за печь палку съ котомкой и шапку, когда Миктеровъ вдругъ привсталъ, сѣлъ, и открывъ мутные глаза, дико посмотрѣлъ на монаха; монахъ спрятался за печкой, и черезъ нѣсколько минутъ, взглянувъ оттуда, увидалъ Миктерова сидящимъ въ томъ же самомъ положеніи, только глаза его глядѣли въ другую сторону.

Тихо ступая на кончики пальцевъ, съ котомкой и палкой въ рукахъ, монахъ осторожно пошелъ къ дверямъ.

— Хворь его взяла; околѣть бы тебѣ, проклятый, шелталъ онъ, выходя и закрывая за собою дверь.

Было еще очень рано; только выгоняли скотину; на дерев-

нѣ было тихо; всѣ спали. Миктеровъ все еще смотрѣлъ разгорѣвшимися глазами въ одну точку и шевелилъ губами, когда монахъ, съ нѣсколько облегченнымъ сердцемъ, вышелъ наконецъ въ сѣни.

Тутъ же около, въ клѣтѣ, наткнулся онъ на спавшаго хозяина. Растолкавъ его, онъ объяснилъ ему что совѣмъ собрался и уходитъ, а потомъ, нагнувшись къ полусонному старику-крестьянину, шелнулъ на ухо:

— Недобраго постояльца лустилъ ты къ себѣ, помни! Присматривай, лишняго не говори! Фискаль онъ, разумѣешь ты? фискаль! повторилъ монахъ, грозясь многозначительно пальцемъ и уходя.

Пораженный съ просонья страшнымъ именемъ фискала, старикъ остался на мѣстѣ какъ въ оцѣпененіи.

— Глянь, Акусья! монахъ-отъ этотъ самый вечеръ у Ермилкина сидѣлъ.

— И то! разсуждали бабы, нагнувшись надъ колодеземъ и съ усиліемъ вытягивая бадью съ водою.

— Эй! Ай потерялъ что? окликнула одна изъ нихъ, замѣтивъ движенія его взадъ и впередъ по улицѣ.

Монахъ вскинулъ на нихъ головою, и встрепенувшись, точно отъ сна пробужденный, удвоилъ шаги, поровнялся съ ними, приподнял шалку и молча прошелъ мимо.

— На богомолье знать.

— Изъ Москвы.

— Ахъ въ Москву, говорили бабы, продолжая перебирать руками веревку и слѣдя глазами за монахомъ.

— Да, въ Москву, на богомолье! ворчалъ онъ про себя, не оборачивая головы и лутаясь ногами въ длинномъ подрясникѣ.

XV.

Прошло нѣсколько недѣль. Въ небольшомъ помѣщичьемъ домикѣ деревенки Аристовки, босые деревенскія дѣвки мыли полы, выгребали и выносили золу изъ русской печки, подметали накопившійся давно на лѣстницѣ и на крыльцѣ соръ, встряхивали и разсматривали на свѣтъ какую-то одежду. Сама хозяйка возилась съ вертѣвшимся около нея дѣтми: одна дѣвочка съ намазанными масломъ волосами и довольнымъ лицомъ отходила уже прочь, другая ожидала своей

очереди, а черномазый мальчишка только что еще попался въ руки заботливой матери; въ подставленную горсточку выпускала она широкою струей набранную въ ротъ воду и описывая этою горстью круги на лицѣ ребенка, какъ на гуттаперчевой куклѣ, сердилась, если слишкомъ загнувшійся носъ или выворотившаяся губа заставляли его дѣлать движенія тогда какъ ей съ надутыми и наполненными водою щеками и закричать на него не было никакой возможности.

Къ завтрашнему празднику желалось бы чтобы все было въ порядкѣ, прибрано и вымыто, но кому до праздника, а кому объ немъ и думать было некогда. Вонъ рядомъ, въ каморкѣ, за столомъ покрытымъ бумагами, сидитъ съ утра съ перомъ въ рукѣ почтенный іеромонахъ и трудится надъ заказаннымъ ему посланіемъ къ вологодскому архіерею Греку Ананасію Кондоиди, на счетъ дѣлаемыхъ имъ будто послабленій попавшему уже въ заключеніе въ Спасо-Каменный монастырь Георгію Дашкову. Трудновато дается ему сочиненіе посланія; онъ то и дѣло вытираетъ рукавомъ себѣ лобъ, расчесываетъ пальцами жесткую бороду, отдувается. Шутка ли сколько вопросовъ сдѣлать надо? Не забыть бы чего, повторялъ онъ, перечитывая исписанные листы.

Іеромонахъ этотъ былъ тотъ самый съ которымъ бесѣдовалъ Миктеровъ. Послѣ бесѣды этой, опасаясь ея послѣствій, онъ, притворившись слящимъ, обдумалъ что ему не остается ничего другаго какъ поскорѣе вернуться въ Москву и донести Теофану Прокоповичу все что ему извѣстно о воронежскомъ владыкѣ; надо было слышать, иначе фискалъ проклятый могъ предупредить!

Самому хозяину и владѣльцу деревни Аристовки, секретарю архіепископа Теофана, Дудину, заботъ и трудовъ и того больше. Онъ, пріѣзжавшій обыкновенно къ обѣду домой, до сихъ поръ изъ своей канцеляріи урваться не можетъ: что дѣлать? Время такое горячее, такія ужъ подошли обстоятельства, Теофанъ съ архіереями расправу свою поканчиваетъ. Упрятали его давняго противника Теофилакта Лопатинскаго, и Игнатія Смолку упрятали, а сейчасъ вотъ привезли свѣдѣнія объ епископѣ казанскомъ, 80ти-лѣтнемъ Сильвестрѣ, будто бы онъ съ заключеннымъ тамъ этимъ самымъ архіереемъ Игнатіемъ Смолкою съ почтеніемъ обращается, называетъ его въ разговорѣ „владыко святой“, нашлись у него по розы-

ску какія-то тетради съ критикою на разныя распоряженія Θεοφана, разсужденія о приобрѣтеніи симъ послѣднимъ дорогихъ каретъ и золотыхъ возковъ на деньги вырученныя отъ продажи рухляди умершихъ архіереевъ, а тутъ самъ Сильвестръ на тамошняго губернатора, Волынскаго, жалуется. Волынской де монастырскіе лѣса и земли отнимаетъ, въ монастырскихъ садахъ зайцевъ травитъ, люди его и солдаты прутьями, ботажьемъ, палками, кошками до полусмерти разныхъ духовнаго сана лицъ и слугъ архіерейскихъ бьютъ и гоняютъ, самъ онъ нѣкоторыхъ собственноручно за волосы таскаетъ, церковниковъ въ подушный окладъ записываетъ, царские дворы на церковныхъ земляхъ заводитъ.... Какой сторонѣ вѣрить выгоднѣе? Какъ тутъ разбирать? Кого оправдывать? А хлопотъ-то, хлопоты!

— Ну, покончилъ ли? говорилъ возвратившійся наконецъ измученный Дудинъ, входя въ тѣсное помѣщеніе іеромонаха, и не обративъ вниманія на бросившихся было къ нему на встрѣчу дѣтей.

— Покончилъ? вотъ и ладно, ладно; не заламятовалъ ли чего? все ли выписалъ? прибавляетъ онъ, желая отвлечь нѣсколько вниманіе іеромонаха, и доставая тѣмъ временемъ незамѣтно изъ лежавшаго на окнѣ писальнаго давно приготовленную цидулочку, чтобы вложить ее секретно и бережно въ поданное ему письмо къ Кондоиди, — хорошо ли у тебя все здѣсь писано?

„Экъ, чего опасается!“ думаетъ между тѣмъ, смотря на мажоръ этотъ, монахъ, давно прочитавшій секретную и скрываемую отъ него цидулку, въ которой Дудинъ просилъ секретаря Кондоиди купить ему вороную нѣмецкую кобылу для завода, обѣщая за то милосердіе „отъ высокихъ персонъ, о которыхъ объявлять здѣсь нужды нѣтъ, а можно и безъ объявленія о томъ вразумѣть“. „Экъ опасается! словно нѣ вѣдаю я что и Аристовка-то вся съ продажи пожертвованныхъ лошадей, да свѣчей, да коровъ холмогорскихъ, да съ нашихъ же услугъ покулана!“

Но патронъ молчитъ; молчитъ и кліентъ.

— Ну, началъ наконецъ Дудинъ, залечтывая уже совсѣмъ готовое посланіе къ Кондоиди, — ну, о нечестивыхъ поступкахъ Θεοφилакта Лолатинскаго, Игнатія и другихъ прочихъ противу преосвященнаго нашего владыки говорить многого нечего; по дѣламъ своимъ и наказаніе достойное получили;

о судьбѣ же твоего воронежскаго знаешь ли? остановился онъ, смотря на стоявшаго предъ нимъ смиреннаго іеромонаха, — не вѣдаешь? Священническаго и монашескаго чина лишень, розыскивая и сославъ въ Крестный монастырь, на островъ Бѣлаго моря, на неисходное заключеніе въ кельѣ, бремя тяжкое!

— Ахъ! да, да, бремя тяжкое! глубоко вздохнулъ монахъ.

— Чернилъ и бумаги давать не указано, не допускать никого близко къ нему, и въ церковь водить за карауломъ, вотъ какъ! продолжалъ Дудинъ.

„Аль тебѣ знать и еще кого пощупать понадобилось, что ты о семъ со мною заговариваешь,“ размышляя про себя монахъ.

— А-а-ахъ! бремя тяжкое! говорилъ онъ вслухъ, дѣлая печальную и покорную гримасу, въ изъявленіе совершенной готовности посодѣйствовать, на сколько силы его будетъ, еслибы кого дѣйствительно и еще „пощупать“ понадобилось.

— Писаніе сіе, началъ между тѣмъ опять Дудинъ, подавая запечатанный уже конвертъ, — вологодскому архіерею Кюндюди доставить надлежитъ. Гм! продолжалъ онъ, откашлянувшись и пристально глядя на своего собесѣдника, — о чемъ писано тамъ тебѣ гораздо вѣдомо; усердіе свое показавъ ты, правда, единожды, ну, а лаки оное покажешь, награжденія удостоенъ будешь.

— Да, да, да, съ совершеннымъ смиреніемъ повторялъ монахъ.

— Счастіе себѣ обрѣсти человѣку гдѣ—никому сіе угадать не можно; тамъ его обрѣтешь гдѣ сего и не чаялъ, продолжалъ секретарь внушительнымъ тономъ; — что же я тебя по чести съ улицы тогда принялъ, и сего ты не забуди, слышь, не забуди!

„Да, вѣдаю, вѣдаю,“ думалъ монахъ, „ты ужъ меня не учи, самъ дѣло сіе къ концу привести сумѣю; не оставленному же мнѣ архіерею служить теперь!“

И подлинно, учить его было нечего; не медля и не колеблясь, онъ отправился въ Спасо-Каменный монастырь, и тотчасъ по прибытіи потребовалъ чтобъ его допустили къ бывшему владыкѣ.

— Безвизно лишень я архіерейства, говорилъ Георгій Дашковъ, когда доложили ему о пріѣздѣ какого-то неизвѣстнаго и желающаго видѣть его іеромонаха, — стражду здѣсь завлапрано; сослали своя братія, а государыня того и не вѣдаетъ.

Вы, Жиды непотребные, продолжалъ онъ, обращаясь къ подходившему подъ его благословеніе новопрѣзжему, искоса поглядывавшему на Георгія, „не въ схиматическомъ образѣ сѣдла“, — вы сказали мнѣ что монастырь *каменный*, ажно не монастырь, а люди въ немъ каменные.

И точно о каменную стѣну ударялись слова архипастыря; не обращая на нихъ никакого вниманія, знакомый намъ іеромонахъ, прямо изъ-подъ благословенія, приступаетъ къ обыску. Онъ находитъ подъ поломъ и четырнадцать дестей бумаги, и червильницу, и завѣщаніе „схимника Гедеоиа“, то-есть Георгія Дашкова.

Уликъ набралось столько что можно приступить уже и къ сѣдствію. И точно, какъ только онъ возвратился въ Петербургъ, началась переборка и тасканіе людей изъ всѣхъ концовъ Россіи, начались пытки. Привезли ярославскаго архимандрита Аарона, за то что онъ когда-то спрашивалъ про Георгія: „гдѣ-то онъ теперь?“ Привезли кушца который покупалъ у Гедеоиа камку и серебро; привезли его служителей. Оказалось что у Георгія былъ братъ стольникомъ, были сестры въ Ярославѣ, была племянница въ Казани,—всѣхъ потащили къ допросу. Архимандритъ Іесей, уличенный въ томъ что обходился дѣйствительно хорошо съ Гедеоиомъ, что кланялся ему, когда тотъ входилъ въ церковь, цѣловалъ съ нимъ въ руку, называлъ его въ разговорѣ „отецъ святой, честнѣйшій отче“ и уступалъ мѣсто на праздничныхъ обѣдахъ, былъ окончательно замученъ подъ пытками и умеръ въ синодальной колодничьей избѣ. Одного Кондоиди выручила только вороная нѣмецкая кобыла о которой писалъ ему Дудинъ: все это смастерилъ нашъ старый пріятель, такъ перелугавшійся было Миктерова.

— И не мнилъ я, разсуждалъ онъ самъ съ собою, возвращаясь съ докладомъ въ Москву и мечтая объ ожидающемъ его обѣщанномъ вознагражденіи,—не мнилъ я счастье себѣ тогда обрѣсти отъ фискала... Отъ фискала! повторялъ онъ, поднимая глаза къ небу. — Вреда себѣ, гибель свою чаялъ найти, а въ многословіе мое къ пользѣ мнѣ послужило! не обьялъ бы меня страхъ, не открой себя тогда фискалъ — горче судьба моя и сихъ архіересвъ была бы; хворь его взяла въ тѣ поры, хворь, вотъ что, вспоминалъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ о давно прошедшемъ монахѣ, а такъ-называемый фискалъ между тѣмъ мечталъ и вспоминалъ въ это время совершенно о другомъ.

XVI.

На дворѣ было холодно и грязно. Прошло уже лѣто и на- двигалась осень, когда тотъ самый Миктеровъ котораго не такъ давно еще мы видѣли полнымъ силъ и здоровья, спаса- ющимся изъ Москвы съ единственнымъ желаніемъ уйти какъ можно дальше отъ того города, возвращался туда же въ те- лѣжкѣ, худой и блѣдный, обросшій бородой и усами, въ ба- рахней шубѣ на плечахъ и теплой шапкѣ на головѣ.

Узнать его было трудно. Сильнѣйшая горячка, счастливо вынесенная имъ безъ всякаго медицинскаго пособія, благода- ря только свѣжимъ силамъ и крѣпкому сложенію, оставила глубокіе слѣды на его лицѣ. Щеки вдавились, а слабые, угас- шіе глаза напротивъ хотѣли какъ бы выскочить вонъ; скулы, съ натянушеюся на нихъ кожей, выдавались впередъ; рѣзко, крупными полосами, обозначались на лбу жилы, волосъ на го- ловѣ было мало; Миктеровъ сгорбился и точно постарѣлъ.

Въ крестьянской избѣ, куда бросила его судьба, за нимъ особенно ухаживали; избу очистили ото всѣхъ домашнихъ; никто не докучалъ ему распросами и разговорами; сумка, которую онъ еще разнемогаясь озаботился положить подъ голову, очутилась подъ ключомъ у хозяина и была ему при- несена въ послѣдствіи, при выздоровленіи, самимъ стари- комъ, съ нѣкоторымъ къ ней благоговѣніемъ. Миктеровъ развернулъ ее, счелъ деньги, посмотрѣлъ на вещи, все лежало такъ какъ будто бы до нихъ никто не дотрогивался. Онъ и желалъ бы даже иногда поговорить съ кѣмъ-нибудь, выразить, на примѣръ, добрымъ хозяевамъ благодарность за ихъ заботы о немъ, посидѣть съ ними, но его какъ-то сторонились, на него косились какъ на какое-нибудь лугало, и по всему замѣ- чалъ онъ что единственнымъ желаніемъ всѣхъ было скорѣе, скорѣе, только какъ можно, разстаться съ нимъ. Едва приля въ себя, Миктеровъ слышалъ уже какъ старикъ хозяинъ по- говаривалъ о томъ что теперь можно бы съѣсть въ телѣжку и ѣхать куда лежитъ ему дорога, что дадутъ они пожалуй ему даже и лошадку, и проведать куда угодно. Чувствуя что его стараются сбить съ рукъ, Миктеровъ рѣшился отправиться какъ только позволили ему силы. Онъ хотѣлъ подарить ста- рику нѣсколько гривенъ на прощаньи, но тотъ замахалъ ру- ками:

— Что за деньги! Мы за ними не стоимъ, ступай съ Богомъ, съ Богомъ, говорили провожавшіе съ радостными лицами Миктерова крестьяне.

— Лихомъ насъ не помитай лишь! Слышь, лихомъ не помитай! кричали они, крестясь, когда наконецъ отъѣхавшая тележка увозила съ глазъ долой чловѣка котораго они почитали фискаломъ.

На что же разчитывалъ однако, на что надѣялся Миктеровъ, возвращаясь теперь опять туда гдѣ могли такъ легко снова попасть на его слѣдъ и откуда на этотъ разъ можетъ быть не такъ уже свободно удалось бы ему ускользнуть?

Прежде всего, думалъ Миктеровъ, трясаясь на своей тележкѣ, въ Москву надо, осторожности ради, вѣхаться въ сумерки, потомъ прямо къ Торбееву; пройти такъ чтобы прислуга его не примѣтила: статья можетъ и за нимъ надзирають; потомъ, если Торбеевъ ничего не будетъ въ состояніи сдѣлать, то самому попытаться, а тамъ... не вѣкъ же за нимъ присматривать будутъ; годъ, другой, хоть и въ кельѣ можно скоротать. „Я де узналъ случаемъ... моя услуга вамъ тоже годиться можетъ... доказывать на васъ де я не буду, зачѣмъ доказывать, а только выручите!“ разговаривалъ онъ самъ съ собою, какъ будто бы уже видѣлъ лицъ о которыхъ думалъ, и слышалъ ихъ возраженія.

И въ памяти его воскресала ночь, когда онъ, измученный и больной, слушалъ разказы монаха; онъ наизывалъ одну за другою всѣ мельчайшія подробности этого разказа. Воображеніе рисовало ему цѣлый планъ дѣйствій.

Не доѣзжая заставы, Миктеровъ оставилъ телегу и пошелъ пѣшкомъ. Смеркалось. Домъ гдѣ жилъ Торбеевъ отстоялъ далеко отъ Серлуховской заставы; зажгли уже огни, когда онъ подходилъ къ нему. Въ окнѣ на которомъ стоялъ какой-то крашеный полугай и ставни котораго не были еще закрыты, мелькнула незнакомая фигура, заставившая его приостановиться. Кто бы такое могъ быть? Обычай Торбеевыхъ были хорошо извѣстны Миктерову, онъ подошелъ прямо къ никогда не запиравшейся калиткѣ; войдя въ нее, можно было, не выдавъ никого изъ прислуги, постучать въ окно самого Торбеева, который и открылъ бы дверь; но калитка была залерта; онъ налегъ на нее плечомъ, она не подавалась. Обстоятельство это и фигура видѣнная сейчасъ въ окно смутили нѣсколько Миктерова, онъ хотѣлъ было и отойти, когда на дворѣ послыша-

лись наконецъ чьи-то шаги, заскрипѣвъ залоръ, и предъ нимъ очутилась совершенно неизвѣстная ему и крайне непріятная фигура какого-то человѣка въ синемъ толстаго сукна кафтанѣ, изъ-подъ котораго выглядывалъ длинный, засаленный и истертый жилетъ.

Незнакомецъ приложилъ руку къ бровямъ, будто заслоняясь отъ свѣта, и прищуривъ свои маленькіе, сѣрые глаза, всматривался въ собесѣдника. Тонкія губы его, обрюзгое, но молодое еще лицо, жидкіе бѣлокурые волосы, плоско лежавшіе на головѣ, непріятно поразили Миктерова, и когда незнакомецъ какимъ-то дребезжающимъ голосомъ спросилъ его: кого ему нужно? Миктеровъ ничего не отвѣчалъ.

— Кто такой? повторилъ тогда первый тѣмъ же дребезжающимъ голосомъ, подвинувшись нѣсколько впередъ.

Миктеровъ посмотрѣлъ еще на эти сѣрые, бѣгающіе, не останавливающіеся ни на чемъ глаза, и сдѣлалось ему страшно; ему захотѣлось поскорѣе уйти и главное не называть этому, стоявшему предъ нимъ человѣку не только себя, но и Торбеева.

— Знать не туда я попалъ, кто стоитъ нынѣ здѣсь? говорилъ онъ, переминаясь съ ноги на ногу и готовясь отойти отъ калитки.

— Стой, стой! я хозяина тотчасъ поклочу; Кондратичъ, Кондратичъ! засуетился вдругъ незнакомецъ, идя на встрѣчу и тихо говоря что-то, показавшемуся на крыльцѣ высокаго роста мушкетѣру.

Миктеровъ смутился не на шутку; онъ не зналъ что дѣлать. Уйти не дожидаясь новыхъ вопросовъ этого Кондратича, могло показаться подозрительнымъ, оставшись же, надо было отвѣчать что-нибудь положительное, а что именно? Застигнутый врасплохъ, придумать такъ скоро отвѣтовъ онъ не могъ.

— Кого спрашиваетъ? Откуда идешь? отвесилъ между тѣмъ къ нему услѣдшій уже подойти Кондратичъ.

— Откуда? издали, собравшись наконецъ съ духомъ сказалъ Миктеровъ.

Новая представшая предъ нимъ фигура смущала его не менѣе прежней. Худой, сгорбленный смотрѣлъ Кондратичъ уже не заслоняясь рукой, прямо ему въ лицо, и серьезными глазами своими насквозь его пронизывалъ. Надо было скорѣе развязаться и уйти.

— Чего оглядываете-то меня, словно вора? Чей дворъ-отъ, говорите? сказалъ Миктеровъ, принимая рѣшительный тонъ.

— Дворъ-отъ чей? повторилъ, продолжая всматриваться въ него и растягивая каждое слово, Кондратищъ, — дворъ-отъ мой.

Миктеровъ замѣтилъ что стоявшій теперь позади, первый вышедшій къ нему незнакомецъ подергивалъ при этихъ словахъ Кондратища за полы его нанковаго халата.

— Да ты-то кто? спросилъ онъ.

— Я-то? повторилъ опять въ растяжку Кондратищъ.

— Ну, да.

— Я-то кто?

— А когда не хотите отвѣтствовать, не надо! и Миктеровъ крупнымъ шагомъ отошелъ отъ калитки, которая за нимъ тотчасъ же и захлопнулась.

Перейдя на другую сторону улицы и оглянувшись назадъ, онъ не видалъ уже никого, только въ освѣщенномъ окнѣ мелькнула опять чья-то тѣнь. Неприятная сцена, затруднительное положеніе изъ котораго онъ только что вышелъ, неокрѣпшія еще отъ болѣзни силы, а главное, неудачные поиски Горбеева, все это сильно разстроило его. Онъ шелъ безсознательно по темнымъ улицамъ Москвы, не зная куда идетъ, гдѣ остановится, что предприметь, и чѣмъ больше думалъ, тѣмъ состояніе его казалось ему безотраднѣе. Какое-то даже равнодушіе стало мало-по-малу нападать на него. Медленно вскидывалъ онъ голову на проходившихъ и встрѣчавшихся съ нимъ лицъ, и то что еще такъ недавно казалось ему возможнымъ, всѣ мысли, всѣ планы которыми онъ лелѣялъ себя въ продолженіи своего выздоровленія, для которыхъ онъ прѣхалъ и къ которымъ такъ стремился, все это представлялось ему теперь построеннымъ на пескѣ и ни къ чему не ведущимъ.

Для того чтобы добыть монашеское платье, въ которомъ можно было бы ходить свободно по Россіи, стоило ли возвращаться въ Москву? Не безумство ли идти въ монахи для того только чтобы надѣть монашеское платье? Возможно ли быть донощикомъ челоуѣку который и самъ страдалъ отъ довеса? Онъ шелъ по улицѣ, думая уже о томъ гдѣ бы пристать на ночь и какъ бы на другой день скрыться опять изъ Москвы? Онъ прилегалъ между телегами, сдвинутыми на какомъ-то пустырьѣ, и провелъ тамъ ночь, въ твердой рѣшимости на этотъ разъ добраться на послѣднія свои деньги до отцовской деревеньки.

XVII.

Въ трудныя минуты жизни нѣтъ лучше воспоминаній какъ воспоминанія дѣтства. Переноса челоѣка въ безлечальное время юности, они заставляютъ его забывать настоящее и, лаская воображеніе своими свѣжими, безхитростными картинами, наполняютъ душу облегчающимъ и тихимъ спокойствіемъ. Лелѣемый этими мечтами, Миктеровъ поменьку подвигался по Можайскъ то лѣшкомъ, то присаживаясь на телегу какого-нибудь полутчика.

Время было раннее, когда онъ достигъ Можайска; въ большой деревянной церкви, стоявшей при самомъ вѣздѣ въ городъ, благовѣстили; двери были открыты; Миктерову захотѣлось помолиться. Уговорившись съ мужичкомъ который доведетъ его о томъ гдѣ имъ сойтись, онъ снялъ на прощаніи съ нимъ шапку и вошелъ въ церковь.

Обѣдня уже кончилась, но изъ алтаря, съ дымящимся кадидомъ въ рукахъ, выходилъ въ это время священникъ и, становясь къ окруженному тремя свѣчами гробу, начиналъ ланнихиду. Народъ расходился; церковь мало-по-малу опустѣла; осталась только кучка нищихъ у входа, двѣ женщины, какъ видно родственницы покойницы, нѣсколько старухъ по стѣнамъ, да Миктеровъ, подошедшій довольно близко къ амвону и рѣшившійся, съ тогдашнею толстою къ верху и тонкою къ низу свѣчей въ рукѣ, простоять ланнихиду.

Съ великолѣпнѣмъ похоронныхъ процессій были уже въ то время знакомы. Существовалъ обычай: предъ выносомъ разносить вино и сладости, раздавать присутствующимъ бѣлыя перчатки и кольца съ вырѣзаннымъ иногда именемъ покойнаго; были и факельщики, и катафалки, и богатѣйшіе покровы, и прощанія слугъ и родственниковъ, и обѣдъ, и поминки. Но все это доступно было людямъ богатымъ; похороны же на которыя попалъ случайно Миктеровъ были далеко не таковы. Простой, некрашеный, сосновый гробъ, въ которомъ лежала женщина уже старая, съ повязанною платкомъ головой, былъ покрытъ бѣдымъ церковнымъ покровомъ; не было ни траурныхъ платьевъ, ни катафалка; заунывно глѣлъ на клирѣсь одинъ только дячокъ похоронную службу.

Съ самаго начала вниманіе Миктерова обратила на себя

одна изъ стоявшихъ около покойницы женщинъ. Красивое лицо ея, обрамленное накинутымъ на голову платкомъ, концы котораго были спрятаны подъ шубкой, безжизненностью и блѣдностью своею поразило бы всякаго. Вся фигура ея, открытая и обезображенная длинною шубкой съ высокою таліей, представлялась чѣмъ-то неподвижнымъ и не гармонировала съ молодыми чертами ея лица. Казалось что стояла она тутъ не потому что лежавшая въ гробу старуха была ей мать, что въ матери этой она потеряла все свое счастье, но что ее привели сюда насильно и поставили съ тѣмъ только чтобъ она не трогалась съ мѣста. Когда наступила минута послѣдняго цѣлованія, когда простился священникъ, простилась, причитая въ голосъ, и старушка находившаяся по ту сторону гроба, дочь покойницы продолжала стоять неподвижно, точно будто ей тутъ и дѣлать было нечего. Когда же старушка, замолкнувъ на время, подошла къ ней и, подведя ее за руку къ гробу, въ ухо и нѣсколько разъ повторила: „поклонись Маша, поклонись свѣтъ мой!“ Маша нагнулась надъ умершею, но пролежала бы такъ Богъ знаетъ сколько времени, еслибы вышедшій наконецъ изъ алтаря священникъ не попросилъ ее встать и еслибы тоже насильно не отвела ее въ сторону отъ гроба та же старушка родственница, продолжая рыдать и голосить попрежнему.

Миктеровъ подошелъ также проститься съ покойницей, онъ заглянулъ въ лицо Машѣ,—ни одной слезинки не было замѣтно въ ея глазахъ; но когда безстрастные глаза эти взглянули на него и остановились, онъ понялъ что безстрастность эта была только выраженіемъ глубокой, безотрадной скорби, и чувствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ что при всей своей безстрастности, глаза эти глядѣли такъ что становилось даже жутко. Вышедши изъ церкви вмѣстѣ со всѣми, Миктеровъ невольно послѣдовалъ на кладбище, помогая нести гробъ могильщикамъ и не выпуская изъ виду дѣвушки, которая за общимъ движеніемъ какъ-то неестественно вдругъ засуетилась, что-то искала на полу, осматривалась вокругъ, плала не въ ту сторону куда надо было идти.

Прошли литію, опустили гробъ на холстахъ въ могилу, прозвучала на гробовой крышкѣ брошенная сверху, промерзшая, комковатая земля, замолкли голоса,—все было кончено.

— Охъ родимый! заговорила старуха родственница, обращаясь къ Миктерову,— Богъ тебя въ томъ не оставитъ что

за сироткой присмотрѣть; помянуть къ вамъ покойницу милости просимъ, чѣмъ Богъ послалъ! Помяните, помяните; продолжала она, окруженная вицею братіей съ протянутыми впередъ руками и раздавая изъ небольшого мѣшечка мѣдвыя деньги,—чѣмъ Богъ послалъ помяните!

Всѣ тронулись съ кладбища.

Домъ въ который, вслѣдъ за хозяевами, вступилъ Миктеровъ, отличался отъ простой избы развѣ только тѣмъ что состоялъ изъ двухъ комнатъ, что бревенчатыя стѣны его были внутри и снаружи обтесаны и что надъ русскою печью, стоявшею посрединѣ, выведена была труба.

Въ углу между двумя лавками, около накрытаго стола хлопотали какія-то женщины, сосѣдки старухи родсвенницы, тотчасъ же при появленіи послѣдней передавши ей, какъ хозяйкѣ, всѣ заботы по угощенію, и сдѣлавшіяся гостями. Все было впрочемъ уже готово: пироги, блины, лепешки, жаркое стояли на своихъ мѣстахъ.

Миктеровъ, какъ лицо никому не знакомое, долженъ былъ, несмотря на свой нисколько не подходящій костюмъ, назваться гостямъ дворянскимъ сыномъ Торбеевымъ, возвращающимся по болѣзни со службы въ Смоленскъ, къ отцу, а хозяйкѣ, на постоянный вопросъ ея: „какъ звать-то тебя родимый?“ сказалъ имя Иванъ и отчество Ивановичъ.

Скоро явился священникъ съ причтомъ, и закуска началась.

По мѣрѣ подносимаго гостямъ вина, разговоръ оживлялся; хозяйка сновала изъ угла въ уголъ съ угощеніями; Маша же было, и Миктеровъ, пользуясь ея отсутствіемъ, старался разузнать: гдѣ и съ кѣмъ онъ находился.

Оказалось что покойница была жена приказнаго Тишина, уѣхавшаго въ Москву уже давно, что Маша была дочь ея, а распоряджавшаяся старушка, родная сестра мужа покойницы, слѣдовательно Машина тетка. Словоохотливая съ раскрасившимся лицомъ гостя, къ которой адресовался Миктеровъ, такъ и сыпала разными подробностями.

— Умерла, царство небесное, скончалася, говорила она, вздыхая,—Божья воля, Божья! Однако жить имъ все-таки можно; не то что Груздеву мы намедни провожали; то-то Господи, горя-то! Шестеро ребятъ, одна коровенка, домишка гнилой, а она покойница баба была... ухъ какая баба! поводица глазами гостя, не обращая вниманія на то что о Груздевой Мик-

теровъ не имѣлъ никакого лоятія, и продолжая свою болгованію.

— Эти люди не бѣдные, можно сказать съ достаткомъ; Машѣ-то жениховъ не одинъ сыщется, дѣвка хоть куда! Отецъ только крутенецъ, ну да службу тоже имѣетъ, почестъ за рѣдкость съ кими живетъ, а сестрица его, скажу тебѣ милый чоловікъ, сестрица.....

Но на этомъ словѣ разговоръ прервался; въ соседней комнатѣ послышалось вдругъ какое-то движеніе, истерическія рыданія. Всѣ вскочили съ мѣстъ и бросились туда.

На лавкѣ, возлѣ окна, закинувъ голову назадъ, сидѣла Маша, какъ была, въ той самой шубкѣ и платкѣ въ которыхъ воротилась съ похоронъ. Глаза ея закатились, лицо судорожно передергивалось.

Остановившіяся на порогѣ сосѣдки всплеснули руками.

— Помретъ! Батюшки свѣты, помретъ,—другая покойница!

Старуха тетка подошла было къ Машѣ, но залилась только слезами и, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ, закричала: „сердечная, охъ сердечная, очнись!“ и тоже ни съ мѣста.

Впередъ вышелъ наконецъ Миктеровъ.

— Шубку надо скинуть, платокъ! сказалъ онъ, и всѣ, точно того только и ждали, принялись ему помогать.

Между тѣмъ, оставшійся въ первой комнатѣ священникъ съ причтомъ продолжалъ закусывать, но наконецъ соскучившись сидѣть одинъ, онъ сталъ звать гостей къ себѣ.

— Чтѣ вы тамъ? Чего смотрѣть пошли? Она убивается, а вы дуры смотрите. Ну чтѣ тамъ? тралезу всѣ покинули.

— Господи свѣты! страсть кака! Налужала какъ! охали, возвращаясь на голосъ священника, гости.

— Ну чего? Всѣ мы подъ Богомъ живемъ и всѣ умремъ. Все бо не уснемъ все же измѣнимся. Садись, Перфильевна! говорилъ священникъ, закусывая свернутымъ блиномъ выпитый стаканъ вина;—садись-ка; пирогомъ-то дьячка попроси; да сама-то ты? аль не льешь? Савельевна, куда? продолжалъ онъ, устанавливая такимъ образомъ снова нарушившіяся было порядокъ закуски.

А Миктеровъ распорядился въ это время съ своею пациенткой отлично. Облегчивъ отъ лишней одежды и давъ выпить-ся воды, онъ успокоилъ ее; рыданія скоро прекратились, потекли обильныя слезы, и Маша очнулась.

— Словно я тебя гдѣ видѣла, слабымъ голосомъ заговори-

да она, смотря пристально на Миктерова и стыдливо поправляя распахнувшуюся было одежду.—Спасибо вамъ. Присядте со мной, посидите. Я туда не пойду.

Но старуха тетка, хотя очень благодарная своему едва знакомому гостю за его услуги, не желала однако чтобъ онъ оставался наединѣ съ дѣвушкой. Нѣсколько разъ, вырываясь отъ остальныхъ своихъ гостей, прибѣгала она просить Машу выйти, просила и Миктерова не обижать ее старуху, не отказываться чего-нибудь откушать, но всякій разъ второпяхъ возвращалась назадъ, не успѣвая уговорить ни того, ни другую.

Приближались уже сумерки, закусывавшіе гости разгулялись уже изрядно.

— Ну, вѣжлала наконецъ старуха-тетка,—воля ваша, поклонъ тебѣ низкій.... она у меня невѣста, дѣвка молодая.... а за вѣдомъ люди тамъ говорить стали....

Миктеровъ, не дослушавъ даже старухи, взялся за шалку и сталъ прощаться.

— Не пойду я, разгорячилась вдругъ Мама,—мочи моей нѣтъ, не пойду!

— Охъ сердечная, сердечная, да вѣдь люди, не я.... Охъ, да какъ же быть-то мнѣ.... пособи ты мнѣ, батюшка! замоталась тетка между племянницей и гостемъ!

— Не пойду, все едино не пойду, продолжала Мама.

Миктеровъ вышелъ.

Пройдя мимо полульняной компаніи и возвратясь на постоянный дворъ, гдѣ ожидалъ его мужикъ съ подводой, Миктеровъ задумался. Всплывшіе надъ нимъ оласности, причина его бѣгства изъ Москвы, все это снова полѣзло ему въ голову. Мрачно какъ ночь стояло за нимъ прошедшее, безотрадное, вдали видѣлось будущее, но посреди этого, ни съ того, ни съ сего, свѣтались вдругъ довѣрчиво смотрѣвшіе на него глаза Маши, ему видѣлось и лице ея, и станъ, и эта была рука судорожно за него хватавшаяся.

— До отца бы добраться скорѣе! усиленно и настойчиво думалъ онъ, но рядомъ возникалъ вопросъ: что Мама? такъ ли съ нимъ, какъ съ другими, или онъ какъ-нибудь особенно приглянулся ей, и она объ немъ теперь также думаетъ?

— Что жь родимый? По дорожному? встрѣтила на другой день Миктерова старуха-тетка, увидавъ подѣхавшую къ нимъ телѣгу.

— По дорожному, по дорожному, говорилъ Миктеровъ, не входя даже въ домъ. — Проститься захвалъ.

— Увдешь теперь, только мы тебя и видѣли! Заживемъ съ Машей сиротами, никто-то къ намъ съ нею и не навѣдается.

— А отецъ-то развѣ не пожалуетъ? спросилъ разсѣяно Миктеровъ.

— И! Гдѣ отецъ? заговорила старуха, онъ человѣкъ приказный, пришлетъ нѣшто поклонъ съ своимъ Гвоздевымъ, да и тотъ не такъ давно былъ; когда онъ былъ-то Маша?

— Знать съ недѣлю былъ, отвѣтила Маша нехотя.

— Ну прощайте, раскланивался Миктеровъ, переминаясь съ ноги на ногу и точно ожидая чего-то, — прощайте.

— Прощай, батюшка, прощай! говорила оставовившись въ дверяхъ тетка, кланаясь ему низко, — не забывай насъ, помни!

— Остались бы, проговорила Маша, посмотрѣвъ ему въ глаза и уперевъ руку въ дверной косякъ, — остались бы, повторила она тише и олуская свой взоръ.

И Миктеровъ вздохнулъ свободно. Вотъ отвѣтъ на тотъ вопросъ который онъ предлагалъ себѣ вчера!

Отвѣхавъ нѣсколько шаговъ отъ крыльца и обернувшись, онъ увидѣлъ Машу одну, стоявшую подлержи голову ладонью и грустно смотрѣвшую ему вслѣдъ.

Но мужичонка логонялъ свою лошадку, и она помаленьку мелаась рысцою по схваченной морозомъ дорогѣ. Отъ смиренной семьи Тишяныхъ мысли Миктерова стали переноситься къ родному крову.

БУЛКИНЪ.

(До слѣдующаго №.)

ДВА ЭПИЗОДА

ИЗЪ

ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II*

Эпизодъ второй.

IV.

Приступая къ печатанію перелиски Екатерины II съ барономъ Черкасовымъ, считаемъ полезнымъ указать характеръ ихъ письменныхъ отношеній.

Тѣ немногія особы которымъ намъ случилось давать на прочтеніе сборникъ заключающій эту корреспонденцію наиболее изумлялись обнаруживающейся въ ней неутомимой дѣятельности Екатерины II, и приходили въ восхищеніе отъ непринужденно-веселаго тона и игривости ума, преобладающихъ въ ея письмахъ.

Прозорливое вниманіе, съ которымъ великая государыня при этомъ случаѣ вникала въ малѣйшія подробности, и часто заранѣе предугадывала ихъ, объясняется прежде всего тѣмъ что дѣло шло о женитьбѣ ея единственнаго сына и наследника престола, и что, слѣдовательно, самый предметъ перелиски былъ близокъ ея сердцу. Принявъ это въ соображеніе, нельзя и удивляться тому что получивъ первое донесеніе Черкасова за завтракомъ, Екатерина II сейчасъ же пошла въ кабинетъ и отвѣтила ему (№ IV*), не преминувъ при семъ случаѣ похва-

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 2, 3 и 9.

лится *исправностью* (cela s'appelle, je crois, en tout pays être exacte) и что другой разъ, отвѣчая на множество возникшихъ въ Ревелѣ вопросовъ (№ V), ободряла его продолжать обращаться съ ними къ ней, предупреждая его что отвѣты и величайшая точность ей *ничего не стоятъ* (les réponses ne me coûtent rien et je vous satisferai avec exactitude).

Не забудемъ также что въ 1773 году Россія далеко не была такъ обширна какъ въ послѣдствіи времени, и чуть ли не влоловину меньше противъ теперешней Россіи,—такъ что у Екатерины II было тогда менѣе правительственныхъ заботъ чѣмъ подъ конецъ ея царствованія, и что внутри государства весна и лѣто 1773 года обошлись спокойно, хотя военныя наши силы были въ напряженіи противъ Турціи, а дипломатическія заняты Польшей.

Самый образъ жизни того времени благопріятствовалъ письменному обмѣну мыслей, которому, при далеко не высокой стелени образованія и лѣтн большинства высшаго сословія, предавались съ наслажденіемъ только тѣ личности которыя по уму своему и начитанности выступали изъ ряда обыкновенныхъ.

Тогдашній способъ распредѣленія дня былъ самый здоровый и вполне гигиеническій. Вечернія собранія оканчивались въ 10, много въ 11 часовъ; всѣ ложились до полуночи и вставали рано. Екатерина II вставала очень рано. Изъ десяти записочекъ ея къ барону Черкасову, приведенныхъ въ предшествующемъ нашемъ очеркѣ и написанныхъ вслѣдъ за пріятіемъ ей ослы, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1768 года, видно, по сдѣланнымъ на нихъ помѣткамъ, что въ это время она иногда вставала въ 6 часовъ (№ I); что изъ числа этихъ записочекъ одна написана была въ 7 часовъ утра (№ IX), три въ 7^{3/4} часа (№№ III, VI и VII) и три въ 8 часовъ (№ II, IV и VIII); а по письмамъ адресованнымъ ему же Екатериной II въ 1773 году, видно что *только одно* изъ нихъ, касавшееся вопроса особенно свѣшнаго (№ XXV), написано было послѣ обѣда, въ 5 часовъ пополудни; другія же отъ 8 до 10 часовъ утра (дополненія къ инструкціи данной Черкасову, № II и №№ XXIII и XXVI) и, наконецъ одно, — какъ выше было замѣчено, — *послѣ завтрака* (№ IV); объ остальныхъ же, хотя на нихъ нѣтъ опредѣлительныхъ помѣтокъ, всѣ сколько-нибудь знающіе образъ жизни Екатерины II непременно заключать что они также были написаны поутру.

Вставая рано, она и успѣвала дѣлать много, тѣмъ болѣе что всякое дѣло скоро понимала и очень легко выражалась письменно. Дорожа утренними часами и всегда употребляя ихъ съ пользою, Екатерина II всю жизнь свою какъ бы сознавала справедливость старинной поговорки, которая помѣщена въ заголовкѣ настоящаго труда нашего и которую ей вѣроятно часто твердили въ Германіи, въ эпоху ея дѣтства: *Morgen Stund hat Gold im Mund* (утренній часъ, зомтой часъ). Но, съ другой стороны, привычка къ чрезвычайной дѣятельности и свойственная свѣтлому уму Екатерины I быстрота изложенія мыслей на бумагѣ до такой степени поражали даже величайшихъ ея современниковъ что Вольтеръ чудилось будто сутки имѣють въ Петербургѣ *болѣе 24 часовъ*.

Что же касается собственно до тона переписки съ Черкасовымъ, то отличительная черта его послѣдшее взаимное довѣріе, и, какъ послѣдствіе частыхъ вечернихъ бесѣдъ въ интимномъ кругу, постоянное состязаніе въ остроуміи, при замѣчательной непринужденности, даже въ извѣстной степени фамильярности выраженій.

Письма Екатерины II къ Черкасову принадлежать именно къ разряду тѣхъ произведеній ея пера которыя П. К. Щербальскій такъ удачно опредѣлялъ, сказавъ что читая ихъ, понимаешь то обаяніе которое это государыня распространяла вокругъ себя *независимо отъ своего сана*.

Екатерина II отправила Черкасова въ Ревель не только для того чтобъ оказать тѣмъ особенное вниманіе ландграфу въ Дармштадтской и обставить ея путешествіе до С.-Петербурга всѣми возможными удобствами (пун. 5, 6 и 9 его инструкціи); но и съ тѣмъ чтобы внушить этой владѣтельной особѣ сколь ей будетъ полезно, по прибытіи въ С.-Петербургъ, во всемъ вести себя согласно совѣтамъ самой императрицы и не слушать ничьихъ постороннихъ напелтываній, особенно же наставленій графа Н. И. Павлова и прусскаго посланника, графа Сольмса. Порученіе данное Черкасову Екатерина окончательнo объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „*Mon désir est que la Landgrave réunisse les esprits, loin de les diviser. Voilà Votre tâche*“.... (Секретѣйшая приписка къ той же инструкціи и письма №№ VIII и XVI).

Независимо отъ этого, давнишнее довѣріе свое къ Черкасову, Екатерина II подтверждаетъ въ первомъ же письмѣ адресованномъ ему изъ Царскаго Села въ Ревель, гдѣ выра-

Есть надежда что вмѣстѣ съ Ребиндеромъ, онъ *подвинетъ* *это согласно ея желаніямъ* (acheminera encore les choses non mes désirs) и прибавляетъ: „Я вамъ совѣтую быть весьма учтиву, но безъ измѣстства; un homme sensé sait trouver tout un juste milieu, et vous êtes sensé... Votre lettre est bien écrite; continuez de m'en écrire comme vous avez commencé; j'en suis très contente...“ * Въ послѣдствіи же времени (№№ V и XII) императрица пишетъ Черкасову: „Я вамъ столь же довольна, какъ и вы мною.“ („Je suis aussi contente de vous que vous l'êtes de moi“) и поощряетъ его обращаться къ ней со всякими вопросами, которые могутъ быть важны ему благонамѣренностью его и преданностью къ ней, прибавляя что это дѣло не первое, сколько-нибудь запутанное, изъ котораго ей удалось выйти съ честью и удовольствіемъ. (Continuez à me faire des questions autant que vous voudrez; cela ne m'ennuiera pas; je suis accoutumée à répondre et je connais vos bonnes intentions et sais que vous m'êtes fidèle. Ceci n'est par la première affaire compliquée, de laquelle je suis sortie avec honneur et satisfaction.) Письмо № XXIII Екатерина II оканчиваетъ слѣдующею припискою: „На тебѣ въ награжденіе за добрыя вѣсти английскія газеты“; а предпослѣднее письмо свое (№ XXVI) словами: „Je suis très contente de vous, parceque j'ai de vos lettres et que tous le reste va bien.“ Разъ только, въ продолженіи этой переписки, Екатерина II разсердилась, получивъ эстафету, которую ревельскій почтмейстеръ Гофманъ отправилъ вице-канцлеру прежде эстафеты Черкасова императрицѣ, о томъ что 11го іюня ландграфиня Дармштадтская со всюю свитой своею отправилась изъ Ревеля въ С.-Петербургъ. Однакожь и тутъ неудовольствіе выражено чрезвычайно мягко и умѣренно (№ XXV). Но получивъ два часа спустя эстафету Черкасова, а на другой день и доставленіе отправленное имъ съ дороги (ночлегъ на мызѣ Колкъ, у графа Стенбока), Екатерина II слышитъ извиниться, обвиняетъ себя въ живости, оправдывается, расхваливаетъ Черкасова, сообщаетъ ему пріятныя извѣстія и дѣлаетъ все это съ самою обворожительною женственностью, причемъ остатокъ гнѣва ея обрушиваетъ

* Тонокый человекъ всему знаетъ мѣру, а вы токовы.... Ваше письмо хорошо написано; а имъ очень довольна; продолжайте какъ вы начали.

ся (впрочемъ, весьма невиннымъ образомъ и только въ письмѣ Черкасову) на ревальскаго почмейстера, въ которомъ она признала услужливаго дурака, но который, поступаая вторично такимъ образомъ, въ сущности (и симптомъ этотъ для нашего повѣствованія очень знаменателенъ) старался вредить барону Черкасову и тѣмъ угодить своему начальнику, а его *орагу*, графу Н. И. Панину. * Дѣйствительно, Гофманъ уже предъ тѣмъ осмѣлился однажды задержать письмо Черкасова, такъ что императрица получила его довольно поздно (№№ XII, XIV и XIX). Даже принца Голштейнъ-Бекскаго можно залозозрять въ томъ что онъ изъ угодливости къ Панину ложно отрапортовалъ императрицѣ будто всѣ починки окончены въ Екатерининскомъ дворцѣ и чрезъ это сталъ въ противорѣчье съ Черкасовымъ (№ X и XI).

Касательно всеподданнѣйшихъ донесеній Черкасова, мы прежде всего повторимъ сказанное въ XII главѣ предшествующей нашей статьи: ** въ вопросахъ второстепенныхъ, не имѣвшихъ дѣйствительнаго государственнаго значенія, онъ не позволялъ себѣ ни малѣйшихъ возраженій. Онъ вполне покорялся монаршей волѣ и не настаивалъ ни на одномъ изъ тѣхъ ходатайствъ или предположеній которыя Екатерина II отвергала или исполненіе которыхъ она отлагала до инаго времени (№№ IX, XII — XIV и XIX). Полную вѣру свою въ ея къ нему расположеніе и всю свою благоговѣйную, безграничную къ ней приверженность высказалъ онъ не обинуясь, съ перваго раза, когда, только-что прибывъ въ Ревель, слѣдующимъ образомъ закончилъ свое письмо къ императрицѣ: „Я уже забываю что пишу своей государынѣ, но вы такъ милостивы ко мнѣ, и я такъ откровененъ что не удивительно если я лорой не вполне соразмѣрю свои выраженія. Дѣлайте мнѣ замѣчанія, когда я ихъ заслуживаю... но не какъ августѣйшая повелительница!... Какъ я счастливъ что служу такой императрицѣ какъ вы, я бы никуда не годился въ службѣ инаго государя, ибо гдѣ найти вамъ подобныхъ? Говорю это чистосердечно и радуюсь тому что искренность моя для васъ несомнѣнна!“ (№ III). Велѣдъ за сими Черкасовъ, 19го

* Почтовое вѣдомство было подчинено тогда и еще при князѣ Безбородкѣ, въ царствованіе Павла I, президенту государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

** Русскій Вѣстникъ за мартъ мѣсяцъ сего года.

мая, писалъ Екатеринѣ II: „Я вполнѣ счастливъ что мои письма удостоиваются одобренія вашего императорскаго величества“ (№ VI); а 25го мая: „Простите, всемилостивѣйшая государыня, если я докучаю вамъ своими вопросами и сочтите эту дерзость мою за доказательство моего живѣйшаго желанія сослужить вамъ вѣрную службу“ (№ IX); наконецъ, 1го июня онъ напоминалъ государынѣ что давно привыкъ ничего не скрывать отъ нея, и что поэтому ему тѣмъ легче будетъ вполнѣ откровенно описать ей то впечатлѣнiе которое на него произведутъ принцессы Дармштатскія“ (№ XIII); а въ припискѣ (PS) къ донесенiю своему отъ 4го числа того же мѣсяца (№ XVIII) выразился слѣдующимъ образомъ: „Осмѣливаюсь снова увѣрить ваше императорское величество что я сдѣлаю все отъ меня зависящее, для того чтобы во всѣхъ отношенiяхъ удовлетворительно исполнить ваши приказанiя. Но еслибы послѣдовала неудача, то ужъ лаяйте сами на себя, всемилостивѣйшая государыня, за то что изволили выбрать человека неловкаго (un maladroit) для выполнения такого порученiя!... Я только то знаю что вамъ нравится лишь доброе и честное.“ (Je sais que ce qui vous plait est bon et honnête).

Вообще бѣольшая часть донесенiй Черкасова напоминаетъ письмо написанное Екатеринѣ II Вольтеромъ изъ Ферне, 26го февраля 1769 года, гдѣ между прочимъ сказано:

„Je suis un vieux malade de 75 ans, je radote, peut-être, mais je vous dis au moins ce que je pense, et cela est assez rare, quand on parle à des personnes de Votre rang. La Majesté Impériale disparaît sur mon papier devant la personne. Mon enthousiasme l'emporte sur mon profond respect.“ *

Ограничимся указанiемъ въ корреспонденци Екатерины II съ барономъ Черкасовымъ на №№ X -- XIV, XVII и XIX, какъ на письма самыя остроумныя, не подвергая ихъ разбору, дабы предварительнымъ анализомъ не лишить ихъ интереса для читателя.

Вообще вся эта переписка подтверждаетъ сказанное княгиней Дашковой объ Екатеринѣ (стр. 77 и 286 ея *Записокъ*):

* „Я больной 75лѣтнiй старецъ. Я, быть-можетъ, пишу вздоръ; но по крайней мѣрѣ я вамъ говорю то что думаю; а это дѣлаютъ довольно рѣдко, когда обращаются къ лицамъ вашего сана. Я забываю объ императорскомъ величествѣ, когда замѣтъ единственно вашу особу. Мой энтузиазмъ превосходитъ мое глубокое высокопочитанiе.“

„Никто не обладалъ въ равной степени съ Екатериною быстротою ума, неистощимымъ разнообразіемъ его источниковъ, и главнѣе всего, прелестью манеры и умѣньемъ скрасить самое обыкновенное слово.... Она внушала къ себѣ уваженіе, соединенное съ любовью и благодарностью. Привѣтливая, веселая, она забывала о своемъ достоинствѣ въ частномъ обществѣ; но если и были забыты ея вѣншія отличія, то каждый питалъ чувство почтенія къ ея природному превосходству....“

Прибавимъ въ заключеніе что изъ числа одиннадцати слѣдующихъ за симъ всеподданнѣйшихъ доносеній Черкасова только пять находятся въ подлинникѣ въ кабинетскихъ дѣлахъ государственнаго архива, то-есть собственноручно переписанные имъ набѣло съ сохранившихся у насъ черновыхъ, и слѣдовательно въ томъ видѣ какъ они были присланы императрицѣ, а именно №№ VI, VII, XIII, XIV и XVII нашего сборника; прочія же могли быть или тогда же уничтожены Екатериной II, по причинѣ ихъ довѣрительнаго свойства, или переданы ею цесаревичу, какъ заключавшія любопытныя для него подробности о принцессахъ Дармштадтскихъ, или отосланы тѣмъ придворнымъ, либо инымъ должностнымъ лицамъ отъ которыхъ требовались относившіяся къ ихъ кругу дѣятельности распоряженія по поводу предстоявшаго путешествія ландграфини съ тремя ея дочерьми отъ Ревеля до Царскаго Села.

Переписка Екатерины II съ барономъ Черкасовымъ.

I

Instruction donnée par l'Impératrice Catherine au Baron Czarkassow.

1. Monsieur le Baron se rendra avec les equipages de la Cour d'ici à Réval, pour y attendre le retour de la flottille que j'ai envoyée à Lubeck sous les ordres du chevalier Krouse, et sur laquelle j'ai fait embarquer Mr le Général-Major Rehbinder pour recevoir et avoir soin pendant le voyage de Madame la Landgrave de Hesse-Darmstadt et des trois princesses ses filles, et de leur suite, qui vont faire le trajet de Lubeck à Réval, sur cette flottille.

2. A Réval j'ai destiné le château de Catherinendahl pour servir de pied à terre à Madame la Landgrave. J'ai donné ordre au Gouverneur-Général Prince de Holstein-Beck d'y faire les réparations nécessaires, et j'ai de lui une lettre dans laquelle il me dit que ces réparations seront prêtes vers le 15 Mai.

3. Je dois avertir Mr le Baron qu' un côté de ce château est meublé, mais que l'autre ne l'est pas; je n'ai pas jugé à propos non plus de faire meubler le reste pour une ou deux nuits tout au plus; cela aurait exigé trop de temps et d'embaras. Au reste, du temps de l'Impératrice Elisabeth toute la Cour y habitait sans qu'il y eût des tapisseries; et cependant les Ambassadeurs étoient du voyage. Le Prince de Holstein-Beck m'a écrit qu'il aura soin de fournir la maison de tables et de chaises. Monsieur le Baron en arrivant à Catherinendahl où il s'établira en attendant Madame la Landgrave, aura soin de pourvoir à ce qui pourrait encore y manquer.

4. Les cuisiniers et, autres domestiques de la Cour qui sont envoyés à Réval et sur mer au-devant de Madame la Landgrave dépendront aussi de Mr le Baron, qui aura soin que chacun fasse son devoir; j'ai fait donner ordre pour les départemens respectifs de la Cour, pour que chacun lui obéisse.

5. Dès que les bâtimens auront mouillé dans le port de Réval, Mr le Baron recevra Madame la Landgrave à la descente au port; il aura soin d'y faire conduire les équipages de la Cour, et il mènera Madame la Landgrave tout droit à Catherinendahl. Là, il leur fera, de même qu' aux princesses ses filles un compliment de ma part sur leur heureuse arrivée dans mes Etats, et leur dira que je les attends avec impatience dans ma Cour, et que je l'ai nommé, lui, Baron Czerkassow, pour avoir l'honneur de les y conduire.

6. Ensuite de quoi Mr le Baron fera de son mieux pour marquer toutes sortes d'attentions et de politesse à Madame la Landgrave et au princesses ses filles et à leur suite; il préviendra leurs désirs et étudiera ce qui pourrait leur faire plaisir et être de leur goût. Il dira dans l'occasion, qu'il a ordre de ma part d'en agir sur ce pied là avec elles et leur suite.

7. Dès que Madame la Landgrave aura débarqué, la comission du Général-Major de Rehbindер cesse à la vérité, mais il a ordre de rester à la suite de Madame la Landgrave jusqu'à Czarsko-Célo, et Mr le Baron fera bien de se concerter en toute chose avec lui, de le consulter et de suivre ses avis là où l'occasion pourrait s'en présenter, et où Mr le Baron le trouvera à propos, parceque le voyage de mer et le séjour à Lubeck lui aura déjà donné l'occasion d'étudier le caractère des personnes avec lesquelles il aura à faire. D'ailleurs Mr le Général-Major de Rehbindер est un homme d'esprit à qui on n'a que faire de dire deux fois la même chose, mais au contraire il va au-devant de la pensée de celui qui lui parle, et il la développe aisément.

8. Dès que Madame la Landgrave sera arrivé à Réval, Mr le Baron me le fera savoir.

9. Quand Madame la Landgrave et les princesses ses filles se seront suffisamment reposées et que l'état de leur santé le permettra, Mr le Baron concertera avec Madame la Landgrave le jour et l'heure du départ pour se rendre ici et il demandera à cette Princesse si elle préfère d'aller à petite ou grande journée, et c'est d'après les désirs de Madame la Landgrave qu'il réglera la route à Kipen. Je dis jusqu'à Kipen, puisqu'à Krasno-Celo il y aura un camp, et que Madame la Landgrave pourrait être incommodée, se trouvant en route, par trop de monde qui s'empresserait peut-être de la venir voir et qu'il serait également désagréable de recevoir ou de refuser. Dès que la route sera réglée, Mr le Baron m'enverra la liste de la route sur laquelle il marquera exactement les endroits des dîners, soupers et couchers. Outre cela, il m'enverra de Dorpat une estafette et une autre de Narva; il les adressera à Mr Kousmin. Par ces estafettes il me dira l'état de la santé des personnes qu'il conduit, les progrès du voyage, et à quelle heure à peu-près il croit pouvoir arriver à Kipen, où il trouvera mes ordres ultérieurs pour passer outre. Je suis encore indécise si je ferai passer Madame la Landgrave par Gatschina ou par Krasno-Célo. Peut-être que je me rendrai moi-même dans l'un ou dans l'autre de ces endroits comme par hasard, mais cet article-ci, Mr le Baron le gardera pour lui seul, afin de ne pas avancer ce que la moindre circonstance peut changer.

10. La suite de Madame la Landgrave est composée, compté la Mère et les trois filles, de trois dames, deux cavaliers, huit filles de chambre, un valet de chambre et un secrétaire, en tout avec les domestiques de quarante personnes. Mr le Baron aura soin que chacun selon son état aye tout ce que lui faut, et que personne ne puisse avoir raison de se plaindre; il mettra partout et vis-à-vis de tous, toutes les politesses possibles.

Au reste, je lui souhaite un bon voyage et une exemption de goute et de vertiges, non seulement pendant la route, mais aussi pour le reste de sa vie; et que Mr le Baron retourne ici avec les applaudissements des parties intéressées.

11. Je dois avertir Mr le Baron, qu'arrivé ici il restera près de Madame la Landgrave et que tous ceux que je nommerai pour la servir resteront sous sa direction à lui.... Au reste soyez assuré de mon affection particulière.

Signé: Catherine.

A Czarsco-Célo.
ce 10 Mai 1773.

Nota-Bene secretissime.

Mr le Baron aura la bonté de chercher l'occasion d'insinuer à Madame la Landgrave, qu'il n'y aura rien de plus aisé pour Son Altesse que de gagner mon amitié, et que pour cela il n'y a qu'un seul moyen assez simple qui est, d'avoir pour moi la plus grande confiance, de se régler uniquement d'après mes avis, de me parler franchement, et de me consulter hardiment dans tous les cas où elle sera embarrassée, avec cordialité. Que d'ailleurs je souhaite qu'elle reçoive tout le monde avec une égale politesse et beaucoup d'attentions, mais qu'elle s'éloigne des conseils trop raffinés des Politiques, parce qu'ils me déplaisent et que je ne la trouve utile que vis-à-vis des Cours, mais aucunement dans ma maison. Je joins ici une copie d'une lettre qui pourra vous être utile et que vous me rendrez à votre retour sans en tirer de copie.

I.

Инструкція данная императрицею Екатериною барону Черкасосу.

О флотилии отправленной въ Любекъ.—Кавалеръ Крузе.—Генералъ Ребиндеръ.—Принцъ Гольтштейнъ-Бекскій.—О состояніи Екатерининскаго двора во времена императрицы Елисаветы.—Этикетъ приема ландграфини Гессенской въ Ревель.—О мѣрахъ къ ея дальнѣйшему приходу.— Похвала Ребиндеру.— Особенныя рекомендаціи.— *Секретнѣйшая приписка.*

1. Господинъ баронъ отправится отсюда въ Ревель съ придворными экипажами и будетъ тамъ ожидать возвращенія флотилии посланной мною въ Любекъ подъ командой кавалера Крузе, и на которой отправленъ мною г. генералъ-майоръ Ребиндеръ для принятія и сопутствованія ландграфини Гессель-Дармштатской съ тремя принцессами, ея дочерьми, и ихъ свитой. Всѣ они перѣдутъ изъ Любека въ Ревель на этой флотилии.

2. Въ Ревель я назначила Екатерининскаго дворецъ для пребыванія ландграфини. Я приказала генералъ-губернатору принцу Гольтштейнъ-Бекскому сдѣлать тамъ всѣ необходимыя починки. Въ письмѣ къ мнѣ, принцъ уведомляетъ что все будетъ исправлено къ 15му мая.

3. Я должна предупредить г. барона что часть дворца меблирована, а другая безъ мебели, и я не сочла нужнымъ ее меблировать на два или на три ночи; это потребовало бы много времени и хлопотъ. Впрочемъ при императрицѣ Елисаветѣ здѣсь помещалася весь дворецъ, и весьма обоевъ, а между тѣмъ иностранцые послы принимали участие въ этомъ путешествіи. Принцъ Гольтштейнъ-Бекскій писалъ мнѣ что поспѣваетъ снабдить домъ столами и стульями, господинъ же

баронъ, по прибытіи въ Екатеринентаалъ, гдѣ онъ и помѣстится, постарается, въ ожиданіи ландграфини, достать то въ чемъ будетъ еще недостатокъ.

4. Повара и иная придворная прислуга, посланная въ Ревель моремъ для ландграфини, будутъ зависѣть отъ г. барона, который предложитъ всѣ старанія къ тому чтобы каждый исполнялъ свои обязанности; я отдала приказаніе по всѣмъ отдѣльнымъ частямъ придворнаго вѣдомства чтобы каждый ему повиновался.

5. Какъ только суда придутъ въ ревельскій портъ, г. баронъ приметъ ландграфиню при выходѣ на берегъ; онъ отрядитъ туда же придворные экипажи и проведетъ ландграфиню прямо въ Екатеринентаалъ. По прибытіи туда, онъ поведетъ отъ моего имени ландграфиню и принцессу, ея дочерей, съ благополучнымъ прибытіемъ въ мои владѣнія, и скажетъ имъ что я ихъ ожидаю къ себѣ съ терпѣніемъ и назначаю его, барона Черкасова, для того чтобы имѣть честь сопутствовать имъ.

6. Вслѣдствіе этого, г. баронъ употребитъ всѣ старанія чтобы имѣть особенное вниманіе и вѣжливостъ ландграфинѣ, принцессамъ, ея дочерямъ, и ихъ свитѣ; онъ долженъ стараться предупреждать ихъ желанія и будетъ изучать все что можетъ доставить имъ удовольствіе и быть имъ по вкусу. При случаѣ онъ скажетъ что имѣетъ отъ меня приказаніе дѣйствовать такъ относительно ландграфини, принцессы и ихъ свиты.

7. Съ прибытіемъ ландграфини, порученіе генералъ-майора Ребиндера въ сущности оканчивается; но ему приказано состоять въ ея свитѣ до Царскаго Села, и г. баронъ хорошо сдѣлаетъ, если будетъ обо всемъ его спрашивать, слушать его совѣты и сдѣлывать его указанія, гдѣ представится случай и когда г. баронъ самъ сочтетъ это нужнымъ, потому что путешествіе моремъ и пребываніе въ Любекѣ доставили Ребиндеру случай изучить характеръ особы съ которыми барону придется имѣть дѣло; притомъ, генералъ Ребиндеръ умный человекъ, которому не только вѣтъ нужды повторять два раза одно и то же; напротивъ того, онъ самъ легко отгадываетъ и развиваетъ мысль того кто говорить съ нимъ.

8. Какъ только ландграфиня пріѣдетъ въ Ревель, г. баронъ неслѣдуетъ ее уведомить.

9. Когда ландграфиня и принцессы, ея дочери, достаточно отдохнутъ и состояніе здоровья ихъ позволитъ, г. баронъ условится съ ландграфиней о днѣ и часѣ отправленія для прибытія сюда, и спроситъ у принцессы угодно ли ей дѣлать малые или большіе переезды. По желанію ландграфини онъ распорядится дорогой до Килени; я говорю до Килени, потому что въ Краснож Селѣ будетъ лагерь, и ландграфиня можетъ быть обезпокоена, найдя на дорогѣ толпу, которая, быть можетъ, послѣдитъ ее видѣть, и ей будетъ равно непріятно принимать этихъ людей или отказывать имъ въ приѣмѣ. Какъ

только поѣздка будетъ улажена, г. баронъ отправитъ мнѣ маршрутъ, въ которомъ точно должны быть обозначены мѣста гдѣ предполагается обѣдать, уживаться и почевать; кромѣ того, онъ пошлетъ мнѣ одну эстафету изъ Дерпта, а другую изъ Нарвы, адреса оба на имя г. Кузьмина. Посредствомъ ихъ онъ доложитъ мнѣ о состояніи здоровья провожаемыхъ имъ особъ, объ успѣхѣ путешествія и о часѣ въ которой, приблизительно, онъ надѣется быть въ Кипену, гдѣ онъ найдетъ мои посылающія приказанія для дальнѣйшаго слѣдованія. Я еще въ вѣрѣимости насчетъ того какъ направить путь ландграфини: чрезъ Гатчину или чрезъ Красное Село. Можетъ-быть, я выѣду, какъ бы нечаянно, въ то или другое мѣсто; но эту статью г. баронъ бережетъ для себя одного, чтобы не разглашать предположенія могущаго измѣниться отъ малѣйшихъ обстоятельствъ.

10. Свита ландграфини,—считая мать и трехъ дочерей,—состоитъ изъ трехъ дамъ, двухъ кавалеровъ, восьми горничныхъ, одного камердинера и одного секретаря, всего съ людьми до сорока лицъ. Г. баронъ постарается чтобы каждый имѣлъ все что ему нужно по его званію и чтобы никто не имѣлъ повода къ жалобамъ; относительно всакаго онъ будетъ соблюдать всевозможную вѣжливость. Въ заключеніе, я желаю г. барону счастливаго пути и освобожденія отъ падагры и головокружжій, не только на время дороги, но и на всю остальную жизнь; желаю также чтобы г. баронъ возвратился съ полнымъ одобреніемъ заинтересованныхъ сторонъ.

11. Я должна предупредить г. барона что по прибытіи сюда онъ останется при ландграфинѣ, и что лица которыхъ я назначу ей въ услуженіе будутъ состоять въ его вѣдѣніи и подъ его руководствомъ. Впрочемъ будьте увѣрены въ моемъ особенномъ расположеніи.

Подписано: Екатерина.

Царское Село,
10го мая 1778 года.

Секретнѣйшая приписка.

Г. баронъ будетъ такъ добръ улучить время для объясненія ландграфинѣ что ея свѣтаости ничего не будетъ легче какъ приобрести мою дружбу, и что единственное, простѣйшее для того средство, имѣть поанѣйшее ко мнѣ довѣріе, поступать единственно по моимъ замечаніямъ, говорить со мною откровенно, совѣтоваться смѣло и дружески во всѣхъ случаяхъ гдѣ она встрѣтитъ затрудненіе. Впрочемъ, я желаю чтобы она принимала всѣхъ съ равною учтивостью и большимъ вниманіемъ, но чтобы она не слушала сапшкомъ утонченныхъ политическихъ совѣтовъ, чего я не люблю, потому что они мнѣ не нравятся, и что я считаю ихъ полезными только въ сношеніяхъ дворовъ между собою, но отнюдь не въ моемъ домѣ. Предлагаю при семъ

копію письма, которая будетъ вамъ полезна; вы итѣ отдадите ее по своему возвращенію, не списывая ее для себя.

Примѣчанія къ инструкціи.

1) Въ ея ст. 4й говорится объ *Départemens respectifs de la Cour*. Въ то время каждою отдѣльною частью придворнаго вѣдомства вполне самостоятельно управлялъ одинъ изъ такъ-называемыхъ *первыхъ чиновъ двора*: оберъ-гофъ-маршалъ—гофъ-интендантскою конторой, то-есть заведывалъ поставкою припасовъ ко двору, царскою кухней и дворцовою прислугой; оберъ-гофмейстеръ—придворною конторой, то-есть зданіями, постройками, починками, отопленіемъ; оберъ-штабмейстеръ—комашенною конторой; оберъ-егермейстеръ—егермейстерскою; оберъ-шенкъ—дворцовыми погребами. Что же касается до оберъ-камергера и оберъ-церемоніймейстера, то одинъ былъ начальникомъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, другой—церемоніймейстеровъ, и они назначали ихъ на дежурство; первый представлялъ императрицѣ привѣзшихъ, отъѣзжавшихъ и благодарившихъ за награды; а оберъ-церемоніймейстеръ (который, какъ и теперь, одинъ принадлежалъ не къ числу первыхъ, а *сторонамъ* чиновъ двора, то-есть въ рангѣ не дѣйствительнаго, а тайнаго совѣтника) предшествовалъ на выходахъ. Такого рода самостоятельное управленіе *первыхъ чиновъ* продолжалась до учрежденія, въ началѣ царствованія Николая Павловича, министерства императорскаго двора, въ составъ котораго вошли всѣ эти отдѣльныя части.

2) Въ ст. 9ю инструкціи слово *Dorpat* вѣроятно попало по ошибкѣ вмѣсто *Réval*, и тамъ же упоминается о Сергѣѣ Матвѣевичѣ Козьминѣ. Суда по тому что тутъ сказано о приготовленіяхъ въ Гатчинѣ, принадлежавшей съ 1770 года князю Г. Г. Орлову (Сумароковъ, т. I, стр. 239) и по письму барона Черкасова № XIV, въ которомъ онъ, по случаю кратковременной опалы этого временщика, говоритъ что уже писалъ Козьмину, прося поздравить князя съ тѣмъ что онъ вступилъ въ отправленіе прежнихъ своихъ званій и, такимъ образомъ, пересталъ *баклуши бить*, мы имѣемъ нѣкоторое основаніе полагать что Козьминъ былъ особенно близкимъ человекомъ къ Орловымъ, и такъ-сказать ихъ созданиемъ, тѣмъ болѣе что дѣятельность его, въ качествѣ статсъ-секретаря, продолжалась съ 1764 года до 1778. По кабинетскимъ дѣламъ государственнаго архива не видно: умеръ ли онъ или получилъ иное назначеніе въ то самое время когда Потемкинъ выжилъ отъ двора самого Черкасова и иныхъ приверженцевъ Орловыхъ. Архивныя бумаги впрочемъ доказываютъ что Козьминъ имѣлъ у себя въ производствѣ самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, какъ напримѣръ, по челобитнымъ табующихъ въ судебнымъ мѣстахъ, по военной коллегіи, и вообще изъ этихъ бумагъ никакъ нельзя вывести заключеніе чтобы занятія были распредѣлены между

статъ-секретарями Екатерины II въ какомъ бы то ни было систематическомъ порядкѣ, такъ что остается догадываться что эти должностныя лица по очереди дежурили при императрицѣ, и что каждое изъ нихъ производило тѣ дѣла, которыя поступали и следовательно начинались на его дежурствѣ. Сумароковъ упоминаетъ только вскользь о Козьминѣ, на стр. 84, тома I; а изъ „Описанія торжества высокоблагочестиваго сочетанія“ и пр. видно что онъ въ 1773 году былъ тайнымъ совѣтникомъ и участвовалъ въ процессіи во 2й золотой каретѣ, вмѣстѣ съ барономъ Черкасовымъ, который былъ старше его въ томъ же чинѣ.

II.

*Три записки Екатерины.**

1.

Александръ Ивановичъ, я позабыла вамъ оказать вчерашній день чтобы вы Сергѣя Ивановича Богданова съ собой взяли Вы его употребить можетъ естли нужно и для заплаты прогоновъ, и для всякой всячины. Онъ проворенъ, я велѣла ему къ вамъ явится сего дня. Въ прочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна. Освѣдомитесь у коюшейной команды выдаютъ ли они прогоны, а естли вамъ какія деньги нужны, то возьмите у Аасуфьева. **

Екатерина.

Мая 13го 1773 года.

2.

Александръ Ивановичъ. При семъ прилагаю письмо къ господину генералъ-маіору Ребендеру, которое вы до рукъ его доставитѣ кой часъ онъ въ Ревель прибудитъ. Въ семъ письмѣ я разсудила за благо ему сказать что я васъ послала къ ландграфинѣ встретить до Ревеля, и приказала ему при удобномъ случаѣ внушить на какой ногѣ вы отъ давныхъ лѣтъ при мнѣ находитесь и какъ я васъ знаю. Однако что при *кривичной* игрѣ произжаживало, я тутъ не включаю, ибо все вдругъ сказать людямъ не прилично. Въ прочемъ остаюсь къ вамъ какъ и всегда доброжелательная

Екатерина.

Во вторникъ по утру.

* Сохраняемъ орфографію подлинника.

** Рѣчь идетъ о томъ Ад. Вас. Олсуфьевѣ въ завѣдываніе котораго поступилъ кабинетъ послѣ барона Ивана Антоновича Черкасова, то-есть отца барона Александра Ивановича Черкасова съ которымъ Екатерина II вела въ 1773 году настоящую переписку.

3.

Monsieur le Baron. Vous remettrez l'incluse à Madame la Landgrave en lui faisant bien des compliments de ma part de même qu'aux princesses. Saluez aussi de ma part toute leur suite.

Adieu, bon voyage et bonne santé.

Mercredi à 10 heures du matin.*

III.

Czerkassow à l'Impératrice Catherine.

Réval, le 16 de May.

Il n'est donné qu'à V. M. I. de badiner sur le cribbage lorsqu'il s'agit des choses de la dernière importance. Nous mourons de peur à Réval, où je suis depuis quatre heures du matin, de ce que nous ne savons pas quelle fête faire à Madame la Landgrave à sa descente au port. 1) S'il faut tirer le canon? 2) Combien de coups? 3) S'il faut mettre la garnison, environ 200 hommes, sous les armes et en border son passage jusqu'à Catherinendahl? Faut il faire parader die Schwaze-Haupter? 4) Quelle garde lui donner? 5) A quel port faut il la faire descendre: si c'est au grand port ou à celui de Catherinendahl? 6) Baiserai je sa main et celles des Princesses? (Je m'imagine déjà qu'à ce dernier article V. M. direz *tout doucement*: Bravissimo, Thomas Diafoirus!) Mais j'entre en matière. Votre Majesté êtes sûrement persuadée que de ces six articles il n'y a que les deux derniers qui me regardent. Mais je la supplie d'avoir aussi pitié de l'embarras de vos très-anciens et fidèles serviteurs le Prince de Holstein-Beck et son conseil (dont Monsieur de Benkendorff est le chef), au sujet des quatre premiers.

J'ai été obligé de me loger à Réval; à Catherinendahl tout est sans dessus dessous. Cependant c'est le 16 de May. J'ai une peur véritable que Madame la Landgrave ne nous prenne au dépourvu; et ce matin ayant entendu que la flottille de V. M. a passé à la hauteur de Réval le 10 de ce mois, j'ai commencé déjà à former des plans pour loger Elle et sa suite, dans les meilleures maisons de la ville en cas qu'Elle arrivât avant que Catherinendahl soit mis en état pour sa réception. Mais il faut espérer que ce vent favorable pour Votre flottille pour arriver à Lubeck (car les Mariniers d'ici la croient

* Г. Баронъ. Вы вручите прилагаемое при семъ письмо ландграфинѣ, передавъ отъ меня поклоны ей и ея дочерямъ. Поклонитесь также отъ меня всей ихъ свитѣ. Прощайте, желаю вамъ счастливаго пути и добраго здоровья.

Среда, въ 10 ч. утра.

déjà la depuis hier) continuera à souffler encore huit jours. Et puis il n'a qu' à changer s'il veut.

Je prends la liberté de proposer à V. M. de faire loger Madame la Landgrave dans des maisons des particuliers à son passage entre ici et Narva. Me le permettez-Vous, Madame, en cas que cela puisse se faire? Car pour dire franchement les maisons de Poste sont très mauvaises.

Aussitôt que je recevrai Vos ordres là-dessus je tâcherai de faire réussir cette idée.

Hier à 6 heures du soir, comme j'attendais des chevaux à la Poste de Kagale, en m'entretenant avec le Land Rath Comte de Steinbock, au sujet de son bras droit cassé par un cheval, j'ai eu l'honneur de recevoir la lettre de V. M. I. écrite во вторникъ лютру. Je ne manquerai pas de remettre l'incluse à Monsieur de Rehlinger aussitôt que je le saurai arrivé, très persuadé d'ailleurs que ce n'était pas uniquement par discrétion que V. M. en avez usé avec tant de ménagement à mon égard. J'oublie déjà que j'écris à ma Souveraine. Mais Vous avez tant de bontés pour moi, et je suis si franc qu'il n'est pas étonnant si mes expressions sont quelquefois peu ménagées. Reprenez-moi, Madame, quand je le mérite, mais pas en Souveraine! Que je suis heureux d'être au service d'une Princesse comme Vous! Je ne vaudrais rien à celui d'un autre. Car où trouver qui Vous ressemble? C'est le coeur qui me dicte ceci, et je suis content que Vous en êtes persuadée.

J'ai l'honneur d'être, avec un très profond respect,

Madame.
de V. M. I.

le très humble et très obéissant sujet et serviteur,
le Bar. Czercasow.

Черкасозъ императрицѣ Екатерины.

Содержаніе: Игра въ Криббеджъ. — Пушечные выстрѣлы въ честь ландграфини. — Вопросы относительно гарнизона, общества Чернозоловыхъ и цѣлованія руки. — Томасъ Диафонусъ. — Принцъ Гольштейнъ-Бекскій и г. Бенкендорфъ. — Безпокойство. — Распоряженія для пріема ландграфини въ Ревель и для ея путешествія до Петербурга. — Графъ Стеббокъ. — Увѣдомленіе о полученіи второй записочки императрицы.

Ревель, 16го мая.

Только в. и. в. способны шутить по поводу игры въ криббеджъ, когда дѣло идетъ о предметахъ первостепенной важности. Мы умираемъ со страха въ Ревель (гдѣ я нахожусь съ 4хъ часовъ утра), оттого что не знаемъ какія почести оказать ландграфинѣ при ея прібытіи въ портъ: 1) стрѣлять ли изъ пушекъ? 2) Сколько выстрѣловъ? 3) Поставить ли въ ружье человекъ до 200 гарнизону, шпалерами по дорогѣ до Екатериненталя? Выводить ли на парадъ

Черноголовыхъ? 4) Какой назначить почетный караулъ? 5) Въ какомъ портѣ ей выходить на берегъ: въ большемъ или Екатеринентамскомъ? 6) Цѣловать ли мнѣ руку у ландграфини и принцессъ? Предполагаю что при этой послѣдней статьѣ в. в. скажете потихоньку: „брависимо, Томасъ Діафобрусъ!“ Но, обращаюсь къ дѣлу, в. в. конечно увѣрены что изъ этихъ шести пунктовъ только два послѣдніе касаются собственно меня, не я умоляю васъ сжалиться также надъ вашими старыми и вѣрными слугами: принцемъ Гольштейн-Беккингъ⁴ и его совѣтомъ (предсѣдателемъ котораго г. Бенкендорфъ)⁵ въ отношеніи четырехъ первыхъ статей.

Я долженъ былъ помѣститься въ Ревелѣ; въ Екатеринентамѣ большой беспорядокъ; а между тѣмъ уже 16е мая. Я поистинѣ боюсь чтобы ландграфиня не застаала насъ врасплохъ, и услышавъ сегодня утромъ что эскадра в. в. оказалась на высотѣ Ревеля 10го числа, началъ дѣлать предположенія, какъ бы размѣстить ландграфиню и ея свиту въ лучшихъ домахъ города, на случай если въ Екатеринентамѣ не будутъ окончены приготовленія къ ея принатію. Но надо надѣяться что попутный для вашей эскадры вѣтеръ, по направленію къ Любеку (здѣшніе моряки полагаютъ что флотилія уже вчера прибыла на мѣсто), будетъ дуть еще дней восемь; потому онъ можетъ пожалуй пережвѣваться, если ему угодно!

Осмѣливаюсь предложить в. в. помѣстить ландграфиню, на время ея переѣзда отсюда къ Нарвѣ, въ домахъ частныхъ владѣльцевъ. Позволите ли вы мнѣ это сдѣлать, всемплоствѣйшая государыня, въ случаѣ возможности? Потому что, говоря откровенно, почтовые дома очень плохи.

Тотчасъ по полученіи вашихъ приказаній, я постараюсь привести въ исполненіе это предположеніе.

Вчера, въ 6 час. вечера, находясь на станціи Кагаль, въ ожиданіи почтовыхъ лошадей и разговаривая тамъ съ ландратомъ⁶ графомъ Стенбоккомъ,⁷ о разбитой у него лошадию правой рукѣ, я имѣлъ честь получить письмо в. в., написанное во вторникъ поутру. Я не премину вручить приложенное письмо г. Ребийдеру, какъ только узнаю о его прибытіи, будучи впрочемъ вполне увѣренъ что в. в. употребили столько предосторожностей относительно меня не изъ одной деликатности. Я даже забываю что пишу къ своей государынѣ; но вы такъ добры ко мнѣ и я такъ откровененъ что не удивительно если мои выраженія иногда не вполне обдумань. Дѣлайте мнѣ замѣчанія, если я того заслуживаю, но не какъ императрица! Сколь я счастливъ что служу такой монархинѣ какъ вы!... Я бы нигде не годился на службѣ ниаго государя; ибо съ вами никого нельзя сравнить. Пишу это вполне чистосердечно, и мнѣ отрадно думать что искренность моя для васъ несомнѣнна.

Имѣю честь быть, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ,
 Всемилостивѣйшая государыня,

в. ч. в.,

всемижайшій и всепокорнѣйшій вѣрноподданный и слуга⁸

Бар. Черкасозъ.

Прилѣчанія:

¹ О *криббеджъ* и иныхъ карточныхъ играхъ того времени уже помѣщено было объясненіе въ предисловіи къ этой перепискѣ.

² Военно-торговая общества *Черноголовыхъ* (Schwarze-Häupter) суть средневѣковыя, галлеатическія учрежденія, существующія до сихъ поръ въ Ревелѣ, Ригѣ и Либавѣ и состоящія изъ купцовъ *не-женатыхъ*, которые встарину обязаны были, въ случаѣ надобности, выступать противъ непріятеля, участвовать въ оборонѣ края и оберегать караваны перевозившіе товары. Названіе *Черноголовыхъ* объясняютъ легендою о томъ что св. Маврикіи (St. Maurice) былъ Мавръ (Maure). О немъ извѣстно что онъ былъ начальникомъ евскаго (изъ Фивъ въ Египтѣ) легіона, состоявшаго изъ христіанъ и, что разбитый римскими войсками въ Гельвеціи, онъ былъ казненъ въ концѣ III столѣтія по Р. Х. императоромъ Максиміаномъ (M. N. Boullet, Dictionnaire Universel d'Hist.oirе, Paris, 1851, p. 1147 et 1752). Какъ бы то ни было, но посреди значка или знамени черноголовыхъ находится изображеніе *головы Арана*. Рихтеръ (A. von Richter, Geschichte der dem Russischen Reiche einverleibten Deutschen Ostsee provinzen, Riga, 1857; посвященная Государю Императору исторія присоединенныхъ къ Россійской Имперіи, — или точнѣе, включенныхъ въ нее *нѣмецкихъ* (?) *балтійскихъ* провинцій, томъ I, стр. 168) утверждаетъ что въ 1354 году общество Черноголовыхъ уже имѣло такъ правильное устройство и свои уставы. Членамъ его всегда присвоены были особенная одежда и вооруженіе, измѣнявшіяся въ разныя эпохи; но которыя они надѣваютъ теперь только въ экстренныхъ и самыхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, при проѣздѣ черезъ ихъ города высочайшихъ особъ, такъ что ихъ отнюдь нельзя сравнивать съ какою бы то ни было національною или даже городскою гвардіей. Послѣдняя притомъ существуетъ въ видѣ отдѣльнаго учрежденія въ горѣ Ригѣ (Stadt-garde). Шварцгауптеры въ Ревелѣ пѣшіе, въ Либавѣ и въ Ригѣ конные. Послѣдніе имѣютъ понынѣ мундиры въ родѣ кирасирскихъ, временъ Александра I, и каски или кивера съ конскимъ волосомъ въ видѣ гребня. Въ Ревелѣ ихъ общество издавна владѣетъ домомъ готической архитектуры, гдѣ виситъ портретъ Іоанна Грознаго, будто бы отбитый у русскихъ войскъ, и гдѣ члены этого общества собираются какъ въ клубѣ. О Черноголовыхъ упоминается въ романѣ барона Ф. Ф. Корфа *Судъ въ ревельскомъ магистратѣ*, С.-Петербургъ, 1837.

Есть также нѣсколько свидѣній о Черноголовыхъ въ *Эстляндском Сборникѣ*, Ревель, 1870, на страницахъ 113 и 163. Этотъ сборникъ составился изъ историческихъ извѣстій о краѣ, который одно время печатались *на русско-немецкомъ языкѣ* въ неофициальной части *Эстляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*; а теперь тамъ уже болѣе не публикуются.

³ *Томасъ Диафойрусъ*. — юный сынъ врача Диафойруса или Диафуарюса, — самъ только что получившій докторскій дипломъ. Это одно изъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ въ извѣстной комедіи Мольера *Le Malade imaginaire* (Мнимо-больной). Герой пьесы, Арганъ, хочетъ выдать за Томаса Диафойруса свою дочь, Анжелику; о немъ идетъ рѣчь въ первомъ актѣ; но является онъ въ одномъ только второмъ актѣ. Это прескучный педагогъ, произносящій напыщенные комплименты и безпрестанно спрашивающій отъ своего: кому поклониться, у которой изъ дамъ долженъ онъ *поцеловать руку?*... Вотъ почему баронъ Черкасовъ, шутя, *самъ сравниваетъ себя именно въ настоящемъ случаѣ* съ Томасомъ Диафойрусомъ. Что же касается до Екатерины II, то ни въ одной запискѣ, ни въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Черкасову она не называетъ его этимъ именемъ, и нѣтъ никакого основанія полагать что-бы онъ имѣлъ отъ нея какое-либо особое, постоянное прозвище, или чтобы *Томасъ Диафойрусъ* было одно изъ тѣхъ именъ которыми она его называла, когда ей не везло въ карточной игрѣ и о которыхъ, безъ поименованія ихъ, упоминается въ №№ II, III и XVII настоящей корреспонденціи. Екатерина II любила шутки простые, а не тяжелыя и натянутыя. Едва ли можно допустить чтобы она называла барона Черкасова Томасомъ Диафойрусомъ потому что онъ за любовь свою къ медицинскій наукѣ избранъ былъ этою государыней въ президенты медицинскій коллегіи и, следовательно, по ея же распоряженію, доказывалъ ей дѣла своего вѣдомства и волею или неволею постоянно находился въ сношеніи съ врачами. Называть же Черкасова (да еще будто бы *чаще* всего) *Молодъ Диафойрусомъ* по причинамъ его тучности, — какъ это увѣряли нѣкоторые писатели, — Екатерина II не могла, по той весьма простой причинѣ что Мольеръ ни однимъ словомъ не указываетъ чтобы юный Томасъ Диафойрусъ былъ толстъ, а въ иллюстрированныхъ изданіяхъ сочиненій Мольера, какъ наприимѣръ, въ парижскомъ изданіи 1836 года, *Томасъ Диафойрусъ* представленъ, напротивъ того, *худенькимъ какъ смичка*.

⁴ *Принацъ Петръ-Августъ Голштейнъ-Бекскій*, состоявшій въ родствѣ съ Петромъ III, былъ генералъ-фельдмаршаломъ, *Ревельской губерніи генералъ-губернаторомъ* и кавалеромъ обоихъ российскихъ орденовъ (см. *Историч. собраніе списковъ кавалерамъ*, стр. 106). Онъ желалъ былъ на принцессѣ Гессенъ-Филиппстаальской. Дочь ихъ, принцесса Екатерина Петровна, во время малолѣтства своего, пред-

назначалась въ невѣсты несчастному Іоанну Антоновичу; а потомъ вышла за князя Ив. Серг. Барятинскаго, руссiйскаго посла въ Парижѣ, роднаго дѣда генералъ-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинскаго (*Росс. Родосл. Книга*, ч. I, С.-Петербургъ, 1854 г. стр. 76 и 77, и биографія внука этой принцессы, съ материнской стороны, графа А. Н. Толстаго въ *Современной Лѣтописи* 1866, № 29). У насъ сохранилась относящаяся именно къ этой эпохѣ гравюра Баузе или Воза (I. F. Vause) съ портрета принца Голштейн-Бекскаго, писаннаго Монье; подъ нимъ надпись: *Herzog von Holstein-Beck*. Портретъ же его дочери, масляными красками, принадлежатій князю В. И. Барятинскому, находилась на бывшей въ семьѣ году въ С.-Петербургѣ, въ домѣ министра внутреннихъ дѣлъ, выставкѣ старинныхъ портретовъ и значится во 2мъ изданіи ея каталога подъ № 226.

⁵ Надо полагать что *Бенкендорфъ*, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, какъ о предсѣдателѣ или старшемъ членѣ совѣщательнаго генералъ-губернаторскаго совѣта, есть *Ермолай Ивановичъ*, родной дядя покойнаго генералъ-адъютанта и шефа жандармовъ, графа А. X. Бенкендорфа; по крайней мѣрѣ, статья о Бенкендорфахъ, на стр. 252 и 253, тома III, *Росс. Родосл. Книги*, С.-Петербургъ, 1855, доказываетъ что изъ числа его дядей, только этотъ не имѣлъ ни военнаго, ни гражданскаго чина и потому, вѣроятно, служилъ по выборамъ дворянства въ своей провинціи; братья же его *Егоръ* и *Иванъ* Ивановичи были: первый полковникомъ; а второй, о которомъ извѣстно что будучи женатъ на Глѣбовой, оны болѣе жилъ въ Москвѣ и ея окрестностяхъ (въ Дмитровскомъ уѣздѣ), чѣмъ въ Эстляндской губерніи, имѣлъ чинъ статскаго совѣтника.

⁶ *Ландраты* были тогда какъ и теперь въ остзейскихъ губерніяхъ членами ландратской коллегіи, избираемыми на ландтагѣ или дворянскомъ сеймѣ. Званіе это, одно изъ самыхъ почетнѣйшихъ въ семьѣ краѣ, всегда было сопряжено съ большою властью, значительными правами и преимуществами. Въ своей *Запискѣ о министерствѣ и губерніяхъ на особыхъ правахъ состоящихъ*, Д. П. Троицкій (бывшій министромъ юстиціи императора Александра I), объясняетъ (см. *Историческій сборникъ*, томъ III), что ландратская коллегія возникла на балтійскомъ поморьѣ въ то время когда тамъ не было ни государя, ни республики, а враждовали между собою епископы, тевтонскіе рыцари и ганзейскіе торговцы, и самовольно приобщали себѣ верховную власть; что Шведскій король Карлъ XI въ 1694 году уничтожилъ званіе ландратовъ и что оно возстановлено было послѣ Ништадтскаго мира единственно потому что открытъ былъ документъ объ ихъ уничтоженіи. На этомъ-то основаніи существовали ландраты и ландратская коллегія въ описываемую нами эпоху, то-есть въ 1773 году. Два года спустя введено было въ Лифляндіи

и Эстляндіи учрежденіе о губерніяхъ 1775 года; а въ 1785 году, при введеніи тамъ дворянской грамоты и городского положенія, ландратская коллегія закрыта и званіе ландратовъ упразднено съ тѣмъ чтобы гиредъ въ оное никого не избирать; но Павелъ I возстановилъ большую часть уничтоженныхъ Екатериною II должностей и мѣстъ. О настоящемъ значеніи ландратовъ смотри Сводъ мѣстныхъ узаконеній и введеніе къ нимъ. Существующую въ Пруссіи должность ландратовъ можно сравнить съ губернаторскою, такъ какъ они тамъ управляютъ отдѣльными провинціями, причемъ подчинены президентамъ, завѣдывающимъ, какъ у насъ генералъ-губернаторы, цѣлыми округами, заключающими по нѣскольку провинцій.

⁷ Относительно ландрата графа Стенбока, о которомъ упоминается въ этомъ письмѣ, надо прибавить что это былъ одинъ изъ сыновей шведскаго фельдмаршала графа Магнуса Стенбока: Лудвигъ или Фридрихъ, такъ какъ объ нихъ оказано на стр. 258 того же тома *Русс. Род. Книги* что оба они были ландратами. Тамъ же видно что Стенбоки, въ 1661 году, возведены были въ баронское, а въ 1651 году, въ графское достоинство королевства Шведскаго. Одному изъ внуковъ фельдмаршала дозволено было, въ 1825 году, присоединить къ именію своему имя Ферморъ, а въ 1835 году, сыну сего послѣдняго придана еще фамилія Эссенъ. Въ Ревелѣ, чуть ли еще не до сихъ поръ принадлежитъ одному изъ графовъ Стенбоковъ большой каменный домъ, куда водятъ каждаго прѣзжлага, потому что оттуда открывается очаровательный видъ на море.

⁸ Баронъ А. И. Черкасовъ въ своихъ письмахъ Екатеринѣ II, на французскомъ языкѣ, подписывался *sujet* (подданный) въ то время, когда во всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ на русскомъ языкѣ употреблялось слово *рабъ*. Смотри совершенно одновременныя донесенія принца Гольштейнъ-Бекскаго. Указъ о замѣнѣ слова *рабъ* выраженіемъ *старноподданныйшій* состоялся позже сего.

IV.

Catherine II à Czerkassow.

A Czarcocélo, ce 16 May 1773.

Monsieur le Baron Czerkasow. J'ai reçu votre lettre du 14, écrite à Narva, durant le déjeuner aujourd'hui et j'y réponds au moment que je puis remonter dans ma chambre; cela s'appelle, je crois, dans tout pays, être exacte. Je suis de votre avis qu'il y aurait plus que du guignon si vous ne réussissez pas dans ce dont je vous ai chargée. J'ai jugé à propos de vous envoyer il y a deux jours une estafette avec une lettre pour remettre à Rehbinder, lorsqu'il arrivera à Réval, qui, j'espère,

acheminera encore les choses selon mes désirs. Je vous dirai une autre fois ce que je résouprai pour votre beau-frère, je n'en ai pas le temps présentement, mais mandez-moi ce que je vous ai promis de faire à ce sujet, afin que je puisse tenir parole; vous savez que j'aime à remplir mes promesses.

Vous ne donnerez à la Landgrave et à ses filles que le titre d'Altesse, свѣтлость. Je ne suis engagée à rien envers elles, je l'ai simplement invitée de venir en Russie, mais jamais on ne lui a dit en mon nom, ni parlé de ce dont tout le monde se doute; aussi vous la traiterez simplement sur le pied d'une princesse régnante d'Allemagne; le baise-main surtout ne doit pas avoir lieu. Quand je fus fiancée, moi, on me donna le titre de Grande Princesse, великая княжна, ma mère resta Altesse, свѣтлость. On suivit avec moi l'ancienne étiquette établie de tous temps en Russie: Царскія невѣсты всегда наречены были по выбору три два до свадьбы царевнами, а великія княжескія великія княжны. Здѣсь еще невѣсты вѣтъ, а просто ландграфиня едитъ* къ моему двору съ дочерьми повидатся познакомитца, такъ какъ принцъ Генрихъ, а до него принцъ Ангальтскій и герцогъ Курляндскій пріежали; сіи послѣднія безъ церемоній приняты были. А къ ландграфинѣ я разсудила показать тѣ же атенціи кои показаны были матушки моей и маѣ, въ прочемъ, въ городахъ коменданты знаютъ, и въ ихъ регламентахъ написана какую честь отдавать владѣтельнымъ немѣдкимъ князьямъ, естли хто изъ нихъ у васъ лаче чаянія навѣдаться будетъ, что ему дѣлать, то вы ихъ отсылайте къ ихъ регламенту, et aux us et coutumes établies. Въ Ревель естли дворянство захочетъ быть у ландграфинѣ, то вы имъ прелятствовать не будите, и вездѣ я вамъ совѣтую быть весьма учтиву, но безъ излишества: un homme sensé sait trouver en tout un juste milieu, et vous êtes sensé. Je m'en vais ordonner de réparer le chemin le mieux qu'on pourra.

Votre lettre est bien écrite, continuez de m'en écrire comme vous avez commencé, j'en suis très-contente, mais surtout portez-vous bien. Si la Landgrave n'est pas partie de Berlin, je crois qu'elle partira pour sûre à la fin de cette semaine; ainsi, je ne crois pas que vous serez au-delà de dix à quinze jours à Reval à l'attendre et même c'est le bout du monde. Quand vous serez arrivé, presser le Prince de Holstein pour que les chevaux soient à leurs stations, à point nommé. Vous ne feriez pas mal d'envoyer un homme exprès jusqu'ici, lorsque le temps viendra pour voir si les chevaux y sont; et cela, il convient de le faire avant l'arrivée des frégates, afin que vos gastes ne soient pas obligés d'attendre les chevaux.

Au reste, je suis comme toujours, avec beaucoup d'amitié.

Caterine.

* Сохраняемъ орфографію подлинника.

Екатерина II Черкасову.

Содержаніе: Исправность императрицы въ увѣдомленіи о полученіи доставленія изъ Нарвы „Болѣе чѣмъ невзгода.“ — Общаніе данное Черкасову относительно его зятя, владѣтельнаго принца Курляндскаго. — О томъ какъ титуловать ландграфиню. — Объясненіе. — Пріемъ, соответственный тому который былъ сдѣланъ принцессѣ Ангальтъ-Цербстской. — Одобреніе письмамъ Черкасова. — О оглашеніи съ принцемъ Гольштейнъ-Бекскимъ относительно путешествія въ С.-Петербургъ.

Въ Царскомъ Селѣ, сего 16го мая 1773.

Г. баронъ Черкасовъ! Я получила сегодня во время завтрака ваше письмо отъ 14го изъ Нарвы, и выбрала минуту какъ только могла подняться въ свою комнату чтобъ отвѣчать вамъ. Это, я думаю, называется всюду—быть исправнымъ. Я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе: нужна болѣе чѣмъ невзгода чтобъ не успѣть въ томъ что вамъ поручила. Два два назадъ, я сочла нужнымъ послать къ вамъ эстафету съ письмомъ для врученія Ребиндеру² тотчасъ по его приѣздѣ въ Ревель; это письмо еще болѣе ускорить ходъ дѣла согласно моимъ желаніямъ. При иномъ случаѣ я вамъ скажу на что я рѣшусь относительно вашего зятя; теперь мнѣ недоусть; но сообщите мнѣ о томъ что я общала сдѣлать, дабы я могла сдержать слово; вы знаете что я люблю исполнять свои общанія.

Вы не должны давать ландграфинѣ и ея дочерямъ много титула какъ „свѣтлость“; я ничѣмъ не связала себя относительно ея, а просто пригласила пріѣхать въ Россію (никогда не было ей говорено отъ моего имени о томъ что въ настоящее время служить предметомъ всеобщихъ предположеній); а потому вы примете ее какъ владѣтельную германскую принцессу. Въ особености не должно происходить дѣлованія руки.

Когда я была помошана, мнѣ дали титулъ *великой княгини*, мнѣ же моя осталась *свѣтлостью*. Со мною поступлено было по старому этикету, установленному съ давнихъ поръ въ Россіи. Царскія невѣсты всегда наречены были и т. д. (см. среди французскаго текста)... Благоразумный человекъ знаетъ всему мѣру; вы же благоразумны. Я прикажу исправить какъ можно лучше дорогу.

Ваше письмо хорошо написано; продолжайте такъ же писать какъ начали, я имъ очень довольна, но главное, будьте здоровы. Если ландграфиня не выѣхала еще изъ Берлина, то она навѣрное выѣдетъ въ концѣ этой недѣли, и потому я не думаю чтобы вамъ пришлось ожидать ее въ Ревелѣ болѣе 10 или наибольше 15 дней. Когда пріѣдете, поторопите принца Гольштейнскаго чтобы лошади были въ готовности по станціямъ къ назначенному сроку. Вы недурно бы сдѣлали отправить эстафету³ для удостовѣренія вездѣ ли есть лошади:

лучше бы это одѣлать до прибытія фрегатовъ, чтобы гости ваши не были принуждены ждать лошадей.

Впрочемъ, остаюсь какъ всегда съ большою къ вамъ дружбой.

Екатерина.

Прилѣчанія:

¹ Донесеніе отправленное Черкасовымъ изъ Нарвы 14го мая, во вторникъ, не сохранилось ни въ подлинникѣ, ни въ черновомъ спискѣ.

² Письмо для генерала Ребиндера прислано было Черкасову въ Ревель съ эстафетою при письмѣ императрицы отъ 16го мая (см. №№ IV и VI этого сборника).

³ Суда по ст. 9й высочайшей инструкціи (№ I) и по №№ IV, XIV, XVI, XXV и XXVI, всѣ сколько-нибудь важныя извѣстія передавались не только Екатеринѣ II, но и вице-канцлеру посредствомъ эстафеты. Корпусъ фельдъегерей тогда еще не существовалъ. Если не ошибаемся, онъ учрежденъ Павломъ I. А рижская (заграничная) почта приходила и уходила въ то время подобно московской (изъ всей Россіи) только по два раза въ недѣлю. (См. *Мыслесловъ на лѣто 1778* Р. X. 1778, изд. Императорской академіи наукъ.)

V.

Catherine II à Czerkassow.

Monsieur le Barou de Czerkassow! Je reconnais bien mes gens, qui sont toujours embarrassés de la moindre misère, à toutes les sottises questions qu'on vous fait. Mais, hors que je vous ai déjà mandé de les renvoyer à leur reglement, voici ce que vous pouvez leur dire encore, en cas qu'ils ne savent pas lire: 1) Lors de mon arrivée à Riga on tira les canons, *Ergo*, ils tireront aussi. 2) Quelques coups de plus je pense que pour le Maréchal. 3) La garnison ne parada point, ni ne paradera. 4) Les Schwarze-Häupter feront ce qu'ils voudront, mais j'opine pour point de parade. 5) Leur garde d'un lieutenant avec du monde convenable à un lieutenant suffit pour faire le service Catherinendahl. A. B. A Riga, on ne ferait point toutes ces ottes demandes; cette garde doit être comptée comme celle du château de cet endroit. 6) Faites descendre Madame la Landgrave au port le plus proche de Catherinendahl; si le prustанъ est dans un état convenable, et si ce château est prêt; et s'il ne l'est pas et que vous soyez obligé de loger la Landgrave en ville, faites la débarquer à l'endroit le plus proche de la maison que vous lui destinez. 7) S'il lui prend fantaisie de faire un tour par la ville, à elle permis, et c'est comme si quelqu'un autre se promenait, et puis c'est tout. 8) Encore une fois, ni vous, ni personne ne baisera la main de personne qui ne soyе

de la famille Impériale. Or, ni la Landgrave de Darmstadt, ni ses filles n'en sont point. J'approuve votre idée de faire loger sur le chemin de Réval à Narva et même jusqu'ici, la Landgrave dans les maisons particulières les plus convenables, là où il y en a, pourvu qu'elles soient meilleures que les maisons de poste et pas trop éloignées de la route. Au reste, je suis aussi contente de vous, que vous l'êtes de moi. Continuez de me questionner lorsque vous serez embarrassé; les réponses ne me coûtent rien, et je vous satisferai avec exactitude. Le 1er May nouveau style, la cour de Hesse était déjà à Berlin. J'ai reçu hier une lettre de la Landgrave de cette date, où elle m'annonce son arrivée à Potsdam; à deux ou trois jours d'ici je vous enverrai ma réponse que vous lui remettrez à son arrivée. Je saisirai cette occasion pour vous recommander, comme je vous connais. Au reste, portez-vous bien et soyez sûr de mon affection.

Catherine.

À Carsocoelo, ce 18 May 1773.

Екатерина II барону Черкасову.

Содержаніе: Отвѣты на вопросы касательно пушечныхъ выстрѣловъ гарнизона и пр. — Въ какомъ портѣ высадить ландграфиню на берегъ? — Цѣлованіе руки. — Предполагаемыя распоряженія относительно дороги. — „Отвѣты мнѣ ничего не стоятъ.“ — Письмо ландграфини съ извѣщеніемъ ея прибытію въ Берлинъ. — Общаніе рекомендаціи.

Г. баронъ Черкасовъ! По главнымъ вопросамъ, вамъ дѣлаемымъ я узнаю своихъ, которые затрудняются всякою бездѣлицей. Но крѣпко мнѣ того что я вамъ уже приказала обращать ихъ къ существующимъ уставамъ, вотъ что вы можете мнѣ сказать, если они не угадаютъ и такъ: 1) при моемъ прибытіи въ Ригу стрѣляли изъ пушекъ; следовательно, они должны также стрѣлать; 2) полагаю, нѣсколько бочковъ выстрѣловъ чѣмъ для фельдмаршала; 3) гарнизонъ не былъ и не долженъ быть въ строю; 4) Черноголовые пусть дѣлаютъ какъ имъ тать, но я стою за то чтобы не было парада; 5) Караулъ отъ нихъ при поручикѣ, въ размѣрѣ приличномъ этому чину, достаточно для отправленія службы въ Екатеринентау. NB. Въ Ригѣ не стали бы мнѣ дать всѣхъ этихъ гаульскихъ вопросовъ. означенный караулъ долженъ считаться какъ бы принадлежащимъ ко дворцу. 6) Пусть ландграфиня выйдетъ на берегъ въ ближайшемъ въ Екатеринентау портѣ если только состояніе пристани это допустить и если дворецъ готовъ; если же онъ не готовъ и вы будете принуждены помѣстити ландграфиню въ городѣ, пусть она выйдетъ на берегъ по возможной мосту ближе отъ назначеннаго вами для нея дома; 7) еслибъ ей захотѣлось проѣхать по городу, это зависитъ отъ нея; но и все тутъ она совершитъ эту прогулку какъ частное лицо; 8) еще разъ повторю

рю, ни вы, никто не должны цѣловать руки ея особъ не принадлежащихъ къ императорской фамилии; а ни ландграфиня Дармштадтская, ни ея дочери къ ней не принадлежать. Я одобряю вашу мысль относительно помѣщенія ландграфини, во время пути изъ Ревеля въ Нарву и даже досюда, въ самыхъ удобныхъ домахъ частныхъ лицъ, гдѣ таковыя дома найдутся, лишь бы они были лучше почтовыхъ станцій и не слишкомъ удалены отъ дороги. Впрочемъ, а также вамъ довольно какъ вы мною. Продолжайте меня спрашивать, если что затруднитъ васъ; отвѣты мнѣ ничего не стоятъ, и я въ точности удовлетворю васъ. 14го числа новаго стила Гессенскій дворъ былъ уже въ Берлинѣ. Вчера я получила отъ этого числа письмо ландграфини, въ которомъ она уведомляетъ меня о своемъ прибытіи въ Потсдамъ. Черезъ два или три дня я пришлю вамъ мой отвѣтъ, который вы отдадите ей по ея прибытіи. Я воспользуюсь этимъ случаемъ чтобъ отрекомендовать васъ какъ я васъ знаю. Впрочемъ, будьте здоровы и вѣрьте моей признанности.

Подл: Екатерина.

Царское Село, 18го мая 1773.

Примечаніе. Изъ статьи М. Д. Хмырова: „Свѣдѣнія о пребываніи въ Россіи княжны Ангальтъ-Цербстской“, стр. 423—424, тома Iго, *Осьмнадцатаго вѣка*, Москва, 1868 года, видно что эта принцесса и ея дочь (Екатерина II) встречены были и въ Петербургѣ съ нумерною палаткою; а что въ Москвѣ у первой изъ нихъ былъ обѣдъ на 40 персонъ, въ присутствіи императрицы Елисаветы Петровны, съ палаткою при гостяхъ.

VI.

Czerkassow à l'Impératrice.

de Réval, le 19 Mai 1773.

Madame!

Hier au soir j'ai eu l'honneur de recevoir la lettre de V. M. I. du 16 de ce mois. La lettre de V. M. pour Mr de Rehbinde lui sera envoyée aussitôt que la Flottille sera à la vue de Réval. Ne m'en envoyez-Vous pas une pour Madame la Landgrave, aussitôt qu'Elle se rendrait à Catherinendahl?

Je suis charmé, Madame, que Vous préveniez en partie mes souhaits, en m'envoyant des ordres sur quelques uns des articles que j'ai eu l'honneur de Vous présenter dans ma dernière du 16 de ce mois. Les quatre Princesses n'auront que *свѣтлость* toute pure. Je ne Leur baiserais point les mains et j'ensuivrai aux autres d'imiter mon exemple. Je renverrai au Règlement, us et contumes établis dès longtems, tous ceux qui s'aviseront de me demander mon conseil sur la quantité

de poudre qu'ils auront à brûler à Leur intention, comme aussi sur le reste de la cérémonie. Il n'y a que les Têtes noires (Die Schwartze Häupter), qui pourraient un peu embarrasser le Prince de Holstein-Beck. Je le prierai aujourd'hui de faire en sorte que les chevaux soient à leur places respectives au jour marqué et alors j'enverrai quelqu'un d'ici pour voir si cela est exécuté. Je lui ai déjà dit qu'il fasse faire dans son Gouvernement des ponts un peu mieux conditionnés que ceux que j'ai trouvés par ci par là sur mon chemin. Ils sont tout neufs, à la vérité; mais ce n'est pas assez pour la sûreté des voyageurs. Il m'a promis d'en avoir soin.

Catherinendahl n'est pas encore du tout logeable; et voilà les Fêtes de la Pentecôte qui viennent aujourd'hui très-mal à propos pour mon impatience. Les ouvriers Allemands ne veulent pas travailler aujourd'hui. Ce sera un miracle si je les engagerai à travailler demain et après-demain. Car ils sont persuadés que, comme bons Luthériens, ils commettront un grand péché, en faisant quelque chose de bon pendant les jours de fête. Je n'os pas les brusquer de peur de gâter tout. Je me suis déjà adressé hier au Bourgmestre d'ici, et je l'ai engagé à leur parler amicalement là-dessus. Je ne saurais me flatter que le château pût être rendu logeable avant cinq ou six jours, c. à. d. avant le 25 de ce mois. Et un vent favorable peut m'amener mes Gastes avant ce jour, si elles sont parties de Berlin sur la fin de la semaine passée, comme V. M. le remarquez dans Votre dernière. Je commence à être embarrassé un peu, pour ne pas dire beaucoup. Je suis heureux que ma façon d'écrire ait l'approbation de V. M. et je tach rai aussi d'exécuter Vos ordres quant à me bien porter.

Pour ce qui est des affaires de mon Beau-Frère, j'aurai l'honneur de dire à V. M. qu'il y en a deux: l'une regarde les prétentions mal fondées de son frère cadet au sujet de la disposition testamentaire du feu le Duc, leur Père; l'autre et la plus considérable, est sa mésintelligence avec la noblesse du pays. A l'égard de la première V. M. avez gracieusement promis d'envoyer Vos ordres à Votre Ministre en Pologne d'avoir soin que le tribunal qui la jugeroit, ne fit point du tort aux droits du Duc, mais qu'il expédiât le procès promptement. Pour ce qui est de l'autre, vous avez voulu, Madame, instruire vos Ministres tant en Pologne, qu'en Courlande: le premier d'appuyer au Nom de V. M. les intérêts du Duc à la Diète Générale, contre les plaintes séditieuses de la Noblesse ou plutôt de leur Maréchal Brüggén et de sa clique, justement soupçonnés d'y être engagés par les intrigues de Saxe: et l'autre (Mr Simolin) de déclarer à la Noblesse de Courlande qu'ils aient à se soumettre aux intentions de leur Duc en tant qu'elles sont conformes aux Loix et Coutumes du Pays: et de ne prêter aucune attention aux insinuations étrangères qui les engagent seulement à chicaner le Duc à leur propre préjudice.

Par les dernières lettres que j'ai reçues de Courlande, le Duc prie très humblement V. M. d'avoir la grâce d'ordonner à Mr de Simolin de déclarer à la Noblesse que pour couper court toutes les chicanes passées et avenir, ils s'abstiennent d'élire pour Députés pour le Landtag prochain leur cy-devant Maréchal Brüggén et ses adherans.

J'ai l'honneur d'être, Madame,

de V. M. I.

le très humble et très obeyssant sujet et serviteur
le Bar. Czerkasow.

Черкасовъ и императрица.

Содержаніе: Уведомленіе о полученіи письма отъ 16го мая.—Церемонія приёма ландграфини и ея дочерей.—Въ Эстляндіи кости лоды, но этого недостаточно для безопасности путешественниковъ.—Приготовленія продолжаютъ въ Екатеринентаалѣ.—Мастеровые-Нѣмцы увѣрены что дѣлать что-либо лутное въ праздникъ, смертный грѣхъ.—Переговоры съ бургомистромъ.—Черкасовъ постарается быть здоровымъ.—Дѣла герцога Курляндскаго.—Брюггенъ и Симолинь.

Ревель, 19го мая 1773.

Всемоудовѣнная государыня!

Вчера вечеромъ имѣлъ я честь получить письмо вашего императорскаго величества отъ 16го числа сего мѣсяца. Письмо адресованное вашимъ величествомъ г. Ребиндеру будетъ ему отправлено какъ только эскадра покажется въ виду Ревеля. Не пришлете ли вы мнѣ также письмо которое бы я могъ вручить ландграфинѣ, при пріѣздѣ ея въ Екатеринентаалъ?

Я въ восхищеніи, всемоудовѣнная государыня, что вы отчасти предупредили мои желанія присылкою приказаній въ отклоненіи нѣкоторыхъ пунктовъ, повергнутыхъ на ваше благоусмотрѣніе письмомъ моимъ отъ 16го числа сего мѣсяца. Всѣ четыре принцессы не иначе будутъ титулуемы какъ просто *святлостъ*. Я не буду цѣловать у нихъ рукъ и винушу другимъ подражать моему примѣру; я обращаю къ уставу, къ обычаямъ и обрядамъ, издавна установленнымъ, всѣхъ тѣхъ кто осмѣлится спрашивать моего мнѣнія о количествахъ пороку которое они должны будутъ сжечь въ честь ихъ, какъ и о прочемъ, относящемся до церемоніала. Одни только Черномоловые могутъ нѣсколько затруднить принца Гоаштейнъ-Бекскаго. Я его сегодня попрошу устроить такъ чтобы лошади находились на своихъ мѣстахъ въ назначенный день, и тогда я отправлю отсюда кого-нибудь чтобы посмотреть все ли такъ сдѣлано. Я уже сказалъ ему чтобъ онъ въ своей губерніи распорядился устройствомъ мостовъ, которые бы были нѣсколько прочаѣ видѣнныхъ мною коегдѣ при проѣздѣ сюда. Правда, что всѣ они новы, но этого недо-

статочно для безопасности путешественниковъ. Онъ мнѣ обещалъ позаботиться о семъ.

Екатериненбургскій дворецъ еще вовсе не приспособленъ къ тому чтобы въ немъ можно было жить; и вотъ сегодня, очень некстати для моего нетерпѣнія, наступаетъ празднованіе пятидесятицѣ. ² Мастеровые Нѣмцы не хотятъ работать сегодня. Сочту за чудо если уговорю ихъ поработать завтра и послѣ завтра, такъ какъ они увѣрены что въ качествахъ ремесленныхъ лютеровъ они бы совершили большой грѣхъ, сдѣлавъ что-либо путное въ праздничные дни. Не рѣшаюсь на нихъ прикрикнуть чтобы тѣмъ не испортить все дѣло. Я уже обращаюсь къ здѣшнему бургомистру ³ и убѣждаю его ласково переговорить съ ними объ этомъ предметѣ. Не могу ласкать себя надеждою чтобы дворецъ могъ быть готовъ прежде пяти или шести сутокъ, то-есть до 25го числа сего мѣсяца. А между тѣмъ полупутный вътеръ можетъ привести мнѣ моихъ гостей до этого срока, если они выѣхали изъ Берлина подъ конецъ прошлой недѣли, какъ ваше величество изволите писать въ послѣднемъ вашемъ письмѣ. Я начинаю чувствовать себя *несколько*, чтобы не сказать *весьма*, въ затрудненіи. Я счастливъ что моя манера писать удостоивается одобренія вашего величества и постараюсь также исполнить ваши приказанія о томъ чтобы быть здоровымъ.

Что же касается до дѣла моего шурина, ⁴ то имѣю честь доложить вашему величеству что такихъ дѣлъ два: первое возникло изъ основательныхъ претензій его младшаго брата, по поводу завѣщанія покойнаго герцога, изъ отца; второе, и самое значительное, — это его раздоры съ мѣстнымъ дворянствомъ. Относительно перваго, ваше величество изволили милостиво обещать приказать вашему посланнику въ Польшѣ постараться чтобы судъ который будетъ разсматривать эту тяжбу, не нанесъ ущерба правамъ герцога и поскорѣ бы ее разрѣшилъ. Касательно втораго дѣла вы намѣревались, всемилостивѣйшая государыня, поручить вашимъ уполномоченнымъ не только въ Польшѣ, но и въ Курляндіи: первому вступитьяся, отъ имени вашего величества, за интересы герцога на общемъ сеймѣ противу крамольныхъ жалобъ дворянства, или скорѣ предводителю онаго, Брюггена ⁵, и его партіи, справедливо подозрѣваемыхъ въ томъ что они служатъ орудіемъ саксонской интриги; а второму, то-есть г. Симолину, внушить курляндскому дворянству чтобы оно покорилося предположеніямъ герцога, на сколько они согласны съ законами и обычаями страны и не сдушалось бы иноземныхъ наущеній, которыя побуждаютъ оное придираться къ герцогу, во вредъ самому себѣ. Въ послѣднихъ письмахъ которыя я получилъ изъ Курляндіи, герцогъ всеижеайше проситъ ваше величество милостиво приказать г. Симолину ⁶ объявить дворянству чтобы оно, дабы разомъ покончить съ этими придирками, — настоящими и будущими, —

воздержалось избрать въ депутаты на предстоящій ландтагъ своего бывшаго предводителя Брюггена и его приверженцевъ.

Честь имѣю быть, всемилостивѣйшая государыня, нашего императорскаго величества, всемижайшимъ и всепокорнѣйшимъ подданнымъ и слугою

Бар. Черкасовъ.

Прилѣчанія:

Подлинникъ этого письма находится въ государственномъ архивѣ, въ кабинетскихъ дѣлахъ и, при провѣркѣ его съ сохранившимся у насъ черновымъ, оказалось что переписывая его на блѣо, Черкасовъ дѣлалъ перестановку и измѣнилъ нѣкоторыя выраженія.

¹ Желаніе Черкасова, выраженное въ этомъ письмѣ отъ 19го мая, имѣть рекомендательное письмо къ ландграфинѣ было предупреждено Екатериной II, такъ какъ она ему отправила оное 21го мая, то есть до полученія настоящаго доносенія (см. № VIII); а изъ записочки, написанной на французскомъ языкѣ въ среду, 15го мая, и дополнявшей данную Черкасову инструкцію (№№ I и II) видно что уже тогда ему было послано письмо, которое онъ долженъ былъ вручить ландграфинѣ.

² Изъ *Мѣсяцеслова на мѣто по Р. X. 1773е* видно что Пасха была въ этомъ году 31го марта, а Троицынъ и Духовъ дни 19го и 20го мая.

³ Изъ статьи о фамиліи Бенкендорфъ въ т. III *Росс. Родосл. Книж. С.-Петербургъ, 1855, стр. 252а*, видно что званіе ревельскаго бургомистра давало дворянское достоинство.

⁴ Процессъ герцога Петра Бирона съ его братомъ, принцемъ Карломъ курляндскимъ, подробно объясненъ нами въ прилѣчаніи къ стр. 179 *Русскаго Вѣстника* за мартъ мѣсяць сего года; тамъ же сказано что россійскимъ посломъ въ Польшѣ находился тогда дѣйствительный тайный совѣтникъ баронъ (въ посѣдствіи графъ) О. М. Стальбергъ. Что же касается до неудовольствій герцога съ мѣстнымъ дворянствомъ, то они обстоятельно разказаны на стр. 194й тома II сочиненія Рихтера: *Geschichte der Ostseeprovinzen*.

⁵ *Фонъ-деръ-Брюггенъ*,—одна изъ древнѣйшихъ курляндскихъ фамилій. Она однакоже не помѣщена въ *Росс. Родосл. Книж.*

⁶ Баронъ *Симолонъ*, тайный совѣтникъ, сперва былъ россійскимъ министромъ-резидентомъ въ Митавѣ; потомъ въ Парижѣ, во время революціи. Изъ дѣлъ государственнаго архива видно что въ 1764—1769 годахъ онъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ на германо-имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ.

VII.

Czerkassow à l'Impératrice.

de Réval, le 21 May, à 4 h. après-midi.

Madame!

Ce matin j'ai eu l'honneur de recevoir la lettre de V. M. I. du 18 de ce mois.

Dans deux jours le chateau de Catherinendahl sera mis en état de recevoir les Princesses qui, je crois, ne tarderont pas longtems, puis qu'elles ont à présent un vent favorable et que la flottille de V. M. en allant à Lubeck a passé à la hauteur de Réval le matin du 9me de ce mois, à ce que je l'ai appris d'un Officier, qui est venu ici depuis peu de Kronstadt.

J'exécuterai l'idée de faire loger les Princesses dans les maisons de particuliers bien étoffées, comme le sont celle du Comte de Steinbock, à 48, et celle de Madame de Delwig, à 90 werstes d'ici, et tout près des maisons de Poste. A la manière dont V. M. avez traité les questions et les questionneurs, j'ai peur d'en faire d'avantage, c'est pourquoi je ne vous demande pas la permission d'envoyer Mr Bogdanoff au devant pour voir si tous les chevaux sont à leur stations, mais je l'y enverrai avec ordre de m'expédier de chaque station un rapport du nombre des chevaux qu'il y aura trouvé. Je ne le ferai partir qu'après l'arrivée des Princesses, qui, je m'imagine, auront besoin de se reposer ici quatre ou cinq jours, pour se remettre des fatigues qu'elles auront essayées sur mer. De cette façon j'aurai tout le temps de recevoir son rapport de Kipen avant que je me mette en route. Je suis persuadé que Mr Bogdanoff exécutera cette commission avec promptitude et exactitude; d'ailleurs, j'ai un Officier auprès de vos equipages, dont je me propose de faire le payeur des *пороки*.

Ayez la Grace, Madame, d'ordonner au Grand-Maréchal de Votre Cour d'envoyer à notre rencontre quelques légumes pour la table sur les stations entre Czarscoé Sélo et Narva. Même d'ici jusqu'à Narva il n'y a que laitue, asperges, oseille et épinars pour tout potage. Les petits pois, aricots et autres friandises ne viennent qu'après la St. Jean. Après l'arrivée des Princesses je marquerai à Monsieur le Grand-Maréchal de la Cour les endroits, où il sera nécessaire d'envoyer des provisions et les jours que j'en aurai besoin.

J'ai l'honneur d'être, avec un très profond respect,

Madame,

de V. M. I.

le très humble et très obéissant
serviteur et sujet

le B. Czercasow.

Черкасскъ и императрица.

Содержаніе: Полученіе мнѣ письма отъ 18го мая. — Екатеринентааль. — Флотилія. — Полутный вѣтеръ. — Дома гр. Стенбока и г-жи Дельвицъ по Царской дорогѣ, приготовленные для ландграфини. — Богдановъ. — Положеніе станцій. — Необходимость присылки туда оберъ-гофмаршаломъ провизіи.

Ревель, 21го мая, въ 4 ч. пополудни.

Всемилоостивѣйшая государыня!

Нынче утромъ я имѣлъ честь получить письмо в. и. в. отъ 18го сего мѣсяца.

Черезъ двое сутокъ Екатеринентаальскій дворецъ будетъ готовъ къ принятію принцессъ, которыя, полагаю, не замедлятъ пріѣхать, такъ какъ онѣ пользуются въ настоящее время полутнымъ вѣтромъ; къ тому же, флотилія в. в. на дорогѣ въ Любекъ показала на высотѣ Ревеля 9го сего мѣсяца утромъ, какъ я это узналъ отъ одного офицера, недавно прибывшаго сюда изъ Кронштадта.

Я приведу въ исполненіе предположеніе помѣстити принцессъ въ частныхъ домахъ прилично меблированныхъ (каковы дома графа Стенбока ¹ въ 48, и домъ г-жи Дельвицъ, ² въ 90 верстахъ отсюда) и находящихся въ сосѣдствѣ почтовыхъ домовъ. Видя какъ в. в. отнеслась къ вопросамъ и къ вопрошающимъ, я не смѣю дѣлать вамъ новыхъ вопросовъ, и потому не ходатайствую о разрѣшеніи отправить впередъ г. Богданова, ³ чтобъ узнать всѣ ли лошади находятся на станціяхъ; а его отправляю съ приказаніемъ присылать мнѣ съ каждой станціи рапортъ съ означеніемъ числа лошадей на ней найденныхъ; а отправляю его только по пріѣздѣ принцессъ, которымъ полагаю необходимо будетъ отдохнуть здѣсь два четыре или пять, чтобы оправиться отъ утомленія испытаннаго въ морѣ. Такимъ образомъ я буду имѣть время получить его рапортъ изъ Килени до моего отъѣзда. Я увѣренъ что г. Богдановъ исполнитъ это порученіе въ околѣ времени и съ точностью; у меня также состоитъ въ распоряженіи офицеръ при вашихъ экипажахъ, который будетъ плательщикомъ прогоновъ.

Сдѣлайте милость, прикажите, всемилоостивѣйшая государыня, вашему оберъ-гофмаршалу ⁴ выслать намъ на встрѣчу овощей къ столу на промежуточные станціи между Царскимъ Селомъ и Нарвой. Даже отсюда до Нарвы можно только найти латукъ, спаржу, щавель и шпинатъ. Мелкій горошекъ, бобы и т. п. лакомства появляются толь-

ко послѣ Иванова дня. По прибытіи принцессъ, я означу г. оберъ-гофмаршалу мѣста куда необходимо будетъ выслать провизію и скижу ему о дняхъ когда это требуется.

Честь имѣю быть, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ,

всемилоостивѣйшая государыня,

в. и. в.

всемилюеишій и всепокорѣишій слуга и подданный,

Бар. Черкасскъ.

Примѣчанія.

Сохранившіяся у насъ черновой отпускъ этого письма исправленъ по находящемуся въ государственномъ архивѣ подлиннику.

¹ Каменный домъ въ имѣніи *Колкъ* графа Стенбока, о которомъ упоминается и въ письмахъ №№ XIII и XVII, какъ отстоящемъ отъ Екатериненталя въ 48ми, и въ 2хъ верст. отъ станціи Педрусъ, судяствуетъ помыслъ. Имѣніе это есть майоратъ и лежитъ близъ моря. Тамъ ландграфиня и ея дочери и имѣли первый ночлегъ по отъѣздѣ изъ Ревеля

² Объ имѣніи *Лесс* баронессы Ек. Ев. Дельвиговъ, рожд. Менгдекъ, упоминается въ тѣхъ же двухъ письмахъ. Она была за барономъ Карломъ-Лудвигомъ Дельвигомъ, овдовѣла въ 1769 году, и такъ какъ сынъ ея Антонъ, генералъ-майоръ, женатый на Красильниковой, былъ отецъ нашего поэта, бар. Ант. Ант. Дельвига, то эта старушка была бабушка послѣдняго. Бар. Андрей Ивановичъ, товарищъ министра путей сообщеній, приходится ему двоюроднымъ братомъ. Фамилія Дельвиговъ, извѣстная съ XIII вѣка въ Германіи, пришла въ остзейскій край въ XV столѣтіи, и въ 1723 году приобрѣла баронское Шведскаго королевства достоинство (*Росс. Род. Кни. томъ III, С.-Петербургъ, 1856 г. стр. 341 и 342.*)

³ О Богдановѣ уже была рѣчь въ № II этой корреспонденціи.

⁴ Оберъ-гофмаршаломъ былъ въ то время князь Николай Михайловичъ Голицынъ.

БАРОНЪ Ө. БЮЛЕРЪ.

(До слѣд. №)

НА НОЖАХЪ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

БОЛЬ ВРАЧА ИЩЕТЪ.

I. Отступница.

Въ губернскомъ городѣ N есть довольно большой деревян-
ный домъ, принадлежащій господамъ Висленевымъ, Иоса-
фу Платоновичу, человѣку лѣтъ тридцати пяти, и сестрѣ
его Ларисѣ Платоновнѣ, дѣвушкѣ по двадцатому роду. Домъ
этотъ, просторный и барскій, былъ бы вовсе бездоходенъ,
еслибъ его владѣльцы захотѣли жить въ немъ не стѣсняясь.
Въ немъ девять комнатъ, по старорусскому дворянскому
обычаю расположенныхъ, такъ что двумъ семействамъ въ
нихъ никакъ размѣститься невозможно. Родители нынѣшнихъ
владѣльцевъ строили домъ для себя и не предвидѣли никакой
нужды извлекать изъ него какіе бы то ни было доходы, а
потому и планировали его, что называется, по своей фанта-
зии. Старикамъ не было и нужды стѣснять себя, потому что
у нихъ по старинѣ были хорошіе доходы съ доходнаго мѣста.
При извѣстной безлечности, вообще свойственной русской
натурѣ, доходамъ этимъ не предвидѣлось конца, а онъ вдругъ и

пришелъ: старикъ Платонъ Висленевъ, совѣтникъ одной изъ губернскихъ палатъ, легъ однажды спать и не проснулся. Вдова его нашла въ бюро мужа очень небольшую сумму денегъ и получила тоже очень небольшой пенсіонъ. Всѣмъ этимъ прожить было невозможно, тѣмъ болѣе что приходилось воспитывать нынѣшнихъ владѣльцевъ дома, Иосафа Платоновича, бывшаго тогда въ шестомъ классѣ гимназіи и Ларису Платоновну, оставшуюся въ совершенномъ малолѣтствѣ. Домъ мало было сдѣлать изъ бездоходнаго доходнымъ. Съ этою цѣлью вдова Висленева построила во дворѣ, окнами въ садъ, флигель въ пять небольшихъ комнатъ, и сама съ дѣтьми поселилась въ этомъ флигелькѣ, а большой домъ начала отдавать въ наймы. Съ этихъ поръ доходы ея стали таковы что она могла содержать сына въ гимназіи, а потомъ и въ университетѣ, а дочь добрые люди помогли устроить въ институтъ на казенный счетъ. Вдова Висленева вела жизнь аккуратную и разчетливую, и съ тяжкою нуждой не зналась, а отсюда въ губернскихъ кружкахъ утвердилось мнѣніе что доходы ея отнюдь не ограничиваются домою да пенсіей, а что у нея кромѣ того конечно есть еще и капиталъ, который она тщательно скрываетъ, приберегая его на приданое Ларисѣ. Доходили такіе слухи и до самой вдовы, и она ихъ, по общему мнѣнію, опровергала очень слабо: старушка имѣла въ виду что эти толки ей не повредятъ. Семь лѣтъ тому назадъ, подозрѣнія насчетъ таинственнаго ларца вдовы Висленевой получили еще новое и для мѣстныхъ прозорливцевъ неотразимое подтвержденіе. Иосафъ Платоновичъ Висленевъ тотчасъ по окончаніи университетскаго курса пріѣхалъ домой, и только что было опредѣлился на службу, какъ вдругъ его ночью внезапно арестовали, обыскали и увезли куда-то по политическому дѣлу. Спасенія и возврата его никто не чаялъ, его считали погибшимъ навѣки, причемъ губернскому человечеству были явлены новыя доказательства человеческого, или собственно говоря, женскаго коварства и предательства, со стороны одной молодой, но какъ всѣ рѣшили, крайне испорченной и корыстной дѣвушки, Александры Ивановны Гриневицъ. Выручить же Иосафа Висленева материнъ заловѣдливый ларецъ. Дѣло объ этомъ предательствѣ требуетъ подробнаго объясненія.

Иосафъ Платоновичъ Висленевъ еще чуть не съ пятнадцати лѣтъ былъ влюбленъ въ дочь занимавшаго ихъ домъ инспектора врачебной управы, Гриневица. Близкіе люди считали

эту любовь большимъ несчастіемъ для молодого человѣка, подававшего блестящія надежды. Считали это несчастіемъ ко-вечно не потому чтобы кто-нибудь признавалъ Сашеньку Гриневицъ, тогда еще дѣвочку, недостойною со временемъ хорошей партіи, но потому что взаимное тяготѣніе дѣтей обнаружилось слишкомъ рано, такъ что предусмотрительные люди имѣли основанія опасаться чтобы такая ранняя любовь не помѣшала молодому человѣку учиться, окончить курсъ и стать на хорошую дорогу.

Опасенія и понятныя и умѣстныя, на этотъ разъ какъ рѣдкое быть-можетъ исключеніе, оказались излишними. Любовь Иосафа Платоновича Висленева къ Александрѣ Ивановнѣ Гриневицъ не помѣшала ему ни окончить съ золотою медалью курсъ въ гимназіи, ни выдти однимъ изъ первыхъ кандидатовъ изъ университета. Пока молодой Висленевъ былъ въ гимназіи, а Александра Ивановна ходила въ пансіонъ, родители не препятствовали ихъ юной привязанности. Когда Висленевъ уѣхалъ въ университетъ, между нимъ и Сашей Гриневицъ, оставившей въ это время пансіонскіе уроки, установилась правильная переписка, которой никто изъ родителей не заботился ни пріостанавливать, ни провѣрять. Все это за обычай стало дѣломъ имѣющимъ правильное теченіе, которое, какъ всѣ вѣрили, должно завершиться вѣнцомъ.

Родители Сашеньки имѣли про черныи день состояньяце, правда, очень небольшое, но во всякомъ случаѣ обезпечивавшее ихъ дочери безбѣдное существованіе. Такимъ образомъ Сашенька, которая была недурна собой, очень способна, училась хорошо, нравъ имѣла веселый и кроткій, чѣмъ она не невѣста? Иосафъ Висленевъ молодецъ собой, имѣлъ домъ, университетское образованіе: стало-быть чѣмъ же онъ не женихъ? Матери очень многихъ дѣвицъ, поставленныхъ гораздо лучше чѣмъ дочь доктора Гриневица и гораздо положительнѣе ея обезпеченныхъ, не пренебрегли бы такимъ женихомъ какъ Висленевъ, а Сашенькѣ Гриневицъ партія съ Висленевымъ, по всеобщему приговору, была просто кладъ, за который эта дѣвушка должна была держаться крѣпче.

По общимъ замѣчаніямъ, Сашенька понимала свою пользу и держалась, за что ей слѣдовало держаться, превосходно. Говорили что надо было дивиться ея такту и уму, твердымъ и разчетливымъ даже не по лѣтамъ. Съ Иосафомъ Платовичемъ она не всегда была равна, и даже подчасъ для са-

мага ненаблюдательнаго взгляда было замѣтно что между ними пробѣгали легкія тѣни.

— Наши дѣти дуются, говорили другъ другу ихъ матушка, бывшія между собой друзьями.

Дѣти дулись, но ихъ никто не мирилъ и никто не уговаривалъ, за ними однако наблюдали со вниманіемъ и очень радовались когда осора прекращалась, и между ними восстанавливалась дружба и согласіе, а это случалось всегда немедленно послѣ того какъ Іосафъ Висленевъ, переломивъ свою гордость и изыскавъ удобную минуту удивительнаго свиданія съ Сашей, просилъ у нея прощенія.

Въ чемъ заключались тѣ вины Іосафа Висленева которыя Александра Ивановна разрѣшала и отпускала ему неизначе какъ послѣ покаянія? Это оставалось тайной, этого никто изъ родныхъ и домашнихъ не зналъ да и не усиливался проникнуть. Однажды лишь одной досужей сосѣдкѣ вдовы Висленевой удалось подслушать какъ Саша журила Іосафа Платоновича за его опыты въ стихотворствѣ. Это многихъ возмутило и показалось калризомъ со стороны Саши, но Іосафъ Платоновичъ самъ сознался матери что онъ писалъ въ стихахъ ужасный вздоръ, который однако отразился вредно на его учебныхъ занятіяхъ въ классѣ и что онъ даже очень благодаренъ Сашѣ за то что она вернула его къ настоящему дѣлу.

Это разъ навсегда примирило мать Висленева съ тѣнями въ отношеніяхъ Саши къ Іосафу Платоновичу, и вдова не преминула, кому только могла, разказать о Сашенькиной солидности.

Солидности этой однако не всѣмъ была дана одинаковая оцѣнка, и многіе построили на ней заключенія невыгодныя для характера молодой дѣвушки. Нѣкоторыя молодыя дамы, напримѣръ, называли это излишнею практичностью и жесткостью: по ихъ мнѣнію, Саша, имѣя она душу живую и воспріимчивую, какую предполагаетъ въ себѣ каждая провинціальная дама, не убивала бы логическіе порывы юности, алодержала бы ихъ: женщина должна вдохновлять, а не убивать вдохновеніе.

Вдова Висленева не внимала этимъ рѣчамъ, ей не легко было содержать сына въ школѣ и потому она страшно боялась всего что угрожаетъ его успѣхамъ, и осталась на сторонѣ Саши, которою такимъ образомъ была одержана первая

сильная побѣда надъ всѣми желавшими соперничать съ нею въ семьѣ жениха.

Старыя дамы глядя на дѣло съ другой стороны, и прозирая вдаль, предсказывали утвердительно одно что Саша раньше времени беретъ Иосафа Платоновича подъ башмакъ, и отнынѣ будетъ держать цѣлую жизнь подъ башмакомъ.

Мать Висленева явила столько характера что не смущаясь и такими предсказаніями, и махая рукой, отвѣчала что „Улита вдетъ, а когда-то будетъ!“

Мать Александры Ивановны въ свою очередь пробовала допрашивать дочь за что она порою недовольна на Висленева, но Саша обыкновенно кротко отвѣчала: такъ, за пустяки, маман!

— Такъ за 'пустяки, мой другъ, зачѣмъ же сердиться? Споры во всякомъ случаѣ не красятъ жизнь, а темнятъ ее.

— Ну, мамочка, повѣрьте мнѣ что я не хочу же чтобы его жизнь мрачилась, а напротивъ, желаю ему счастья и...

Дѣвушка потѣлилась и замолчала.

— И что, Alexandrine? спросила ее мать, положивъ на колѣни свое шитье и вскинувъ на лобъ черепашковые очки.

— И я, маман, сама стыжусь безпрестанныхъ размолвокъ, и страдаю отъ нихъ больше чѣмъ онъ. Вѣрьте что я тысячу разъ сама охотнѣе просила бы у него извиненія... я сдѣлала бы все чего бы онъ только захотѣлъ, еслибъ я... была виновата!

— Предъ нимъ?

— Нѣтъ, маман, не предъ нимъ... этого я даже не допускаю, но предъ правдой, предъ долгомъ, предъ его матерью, которой онъ такъ много обязанъ. Повѣрь, маман, что все что въ этомъ отношеніи въ немъ для другихъ мелко и ничтожно, то... для меня ужасно видѣть въ немъ. Онъ... проговорила Саша и снова замаялась.

Старая Гриневичъ посмотрѣла на дочь пристальнымъ взглядомъ и тихо поманила ее къ себѣ.

Дѣвушка опустила колѣнами на скамейку стоявшую у ногъ матери, и взявъ ее руки, лопотала ихъ.

Старуха откинула набѣжавшія на лобъ дочери каштановыя кудри и вперила пристальный взглядъ въ ея большіе глаза.

— Скажи мнѣ что онъ дѣлаетъ, мой другъ? прошептала мать.

— Мама, дружекъ мой, не спрашивай меня объ этомъ, этъ можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ все пустяки, которые я пръ увеличиваю; но ихъ... какъ тебѣ, мама, выразить не знаю. Онъ хочетъ любить то чего любить не можетъ; онъ вѣритъ тѣмъ кому не довѣряетъ; онъ слушается всѣхъ и никого. Родная! прости мнѣ что я тебя встревожила и забудь о моихъ болтовнѣхъ.

Когда пріѣзжалъ на каникулы Иосафъ Висленевъ изъ университета, онъ и Саша встрѣчались другъ съ другомъ каждый разъ чрезвычайно тепло и нѣжно, но въ то же время было замѣчено что, съ каждою лобывкой Висленева домой, радость свиданія съ Сашей охлаждала. Тѣней и прежнихъ полудѣтскихъ ссоръ теперь правда не было, но за то ихъ въ молодой дѣвушкѣ замѣнили сдержанность и самообладаніе въ рѣчи и въ пріемахъ. Впрочемъ было ясно что это было только сдержанность, а не измѣна въ чувствахъ. Опытный и зоркій взглядъ, наблюдая молодыхъ людей, могъ замѣтить что они любили другъ друга попрежнему, а Саша еще и больше прежняго. Чѣмъ дальше Висленевъ уклонялся отъ ея идеала, тѣмъ сильнѣе овладѣвалъ ея сердцемъ, ея волею и ея мыслями. Такъ любятъ въ жизни разъ, далеко предъ тою порой когда любовь послушна разуму.

Любовь самая чистая, самая преданная сказывалась у Саши вниманіемъ ко всѣмъ вѣстямъ касавшимся Висленева, и выливалась въ пространнѣйшихъ письмахъ, которыя она ему писала аккуратно каждую недѣлю.

Но вотъ прекратились и письма. Отчего и какъ? Это опять оставалось ихъ же секретомъ, но корреспонденція прекратилась, и на лбу у Саши между бровями стала набѣгать тонкая морщинка.

Такъ стояли дѣла въ послѣдній годъ пребыванія Висленева въ университетѣ, когда Сашѣ Гриневичъ только что минуло восемнадцать лѣтъ, а ему исполнилось двадцать четыре года. Окончательно же Висленевъ потерялъ свою невѣсту слѣдующимъ образомъ.

Пріѣхавъ Висленевъ домой, опредѣлился на службу въ губернскую канцелярію, служить, сводить знакомства. Саша выѣзжаетъ мало, однако и не избѣгаетъ выѣздовъ, поѣзжаетъ съ другими на губернскихъ вечерахъ, раутахъ, и веселится она и спокойна, и не отказывается отъ танцевъ. Съ Висленевымъ холодна. Въ городѣ рѣшили что дѣло между ними кон-

лю. Разныя лица, то самой Сашѣ, то ея родителямъ, начали влать предложенія. Сначала ея руки искалъ генералъ Синтянинъ, если не очень важное, то очень вліятельное лицо въ юной губерніи, вдовець, съ небольшимъ лятидесяти лѣтъ, вѣющій хорошее содержаніе и двухлѣтнюю глухонѣмую дочь. Предложеніе генерала было отклонено, чему впрочемъ никто не удивился, потому что хотя Синтянинъ былъ еще бодръ, свѣжъ, и даже ловокъ на столько что не боялся соперничества молодыхъ людей въ танцахъ, но про него шла ужасная слава. Помнили что когда онъ, десять лѣтъ тому назадъ, прикалъ сюда изъ Петербурга въ первомъ штабъ-офицерскомъ лѣтъ, онъ привезъ съ собою экономку, Эльвиру Карловну, резвычайно кроткую петербургскую Нѣмку. Эльвира Карловна не была принята внигдѣ во всѣ годы которые она ровела въ должности экономки у генерала. Красотою ея, хотя и довольно стереотипною, но пріятною, по безпредѣльной ротости выраженія, можно было любоваться только случайно, когда она, глядя въ окно, смаргивала съ глазъ набѣгавшія на ихъ слезы, или когда изъ-за оконной ширмы видно было ея вдрагивающее плечо. Она была всегда если не въ слезахъ, то въ страхѣ, — такъ ее всѣ себѣ и представляли, и связывали это представление съ характеромъ генерала Синтянина. А какой это былъ характеръ про то Богъ одинъ вѣдалъ, хотя по наружности и приемамъ генералъ былъ человѣкъ очень мягкій, даже чрезчуръ мягкій. Для женщинъ Синтянинъ былъ собенно антипатиченъ, потому что онъ на словахъ былъ гуманъ строгъ къ нравамъ; трактовалъ женщинъ несовершеннѣтними, требующими всегдашней опеки, и цинически говорилъ что „любить видѣть какъ женщина плачетъ“. Ко всему же этому, у генерала Синтянина, человѣка очень стройнаго и высокаго роста, при правильномъ и блѣдномъ матовомъ лицѣ, и при очень красиво лавшихъ сѣдинахъ, были ужасныя, леденящіе глаза, неопредѣленнаго, темно-сѣраго цвѣта, безъ малѣйшаго отблеска. Такой цвѣтъ имѣеть гухъ лодъ крыльями совѣ. Свыкнуться съ этими глазами было невозможно.

Но и этого мало: генералъ Синтянинъ нашелъ еще средство возстановить противъ себя всѣхъ женщинъ города однимъ поступкомъ, котораго неловкость даже самъ сознавалъ и для объясненія котораго снизошелъ до того что предослалъ ему

нѣкоторыя оправданія, несмотря на небреженіе свое къ общественному мнѣнію.

Дѣло въ томъ что у Эльвиры Карловны, въ то время когда она пріѣхала съ Святянинымъ изъ Петербурга, была десятилѣтняя дочь, Флора, отъ законнаго брака Эльвиры Карловны съ бѣднымъ ювелирнымъ подмастерьемъ изъ Нѣмцевъ, покнутымъ женою въ Петербургѣ, неизвѣстно за что и почему? (Конечно „не сошлись характерами“.) Когда дѣвочкѣ минуло одиннадцать лѣтъ, ее стали посылать въ пансіонъ. Генералъ въ качествѣ „благодѣтеля“ вносилъ за нее деньги, а черезъ семь лѣтъ неожиданно вздумалъ завершить свои благодѣнія, сдѣлавъ ее своею законною женою „предъ лицомъ неба и людей“. Таково было его собственное выраженіе.

Пустыхъ и вздорныхъ людей этотъ бракъ генерала гнѣшилъ, а умныхъ и честныхъ, безъ которыхъ, по писанію, не стоитъ ни одинъ городъ, этотъ союзъ возмущилъ; но генералъ сумѣлъ смягчить непріятное впечатлѣніе своего поступка, объявивъ тамъ и самъ подъ рукою что онъ женился на Флорѣ единственно для того чтобы въ случаѣ своей смерти закрѣпить за нею и за ея матерью право на казенную пенсію, безъ чего онѣ могли бы умереть съ голоду.

Объясненіе это произвело свое впечатлѣніе и даже приобрѣло генералу въ губернскомъ обществѣ ретивыхъ защитниковъ, находившихъ бракъ его дѣломъ очень благороднымъ и предусмотрительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдная по состоянію, безвѣстная по происхожденію, залуганная Флора едва ли бы могла сдѣлать себѣ партію выше генеральскаго писаря.

Большинство общества рѣшило что Флорѣ все-таки гораздо лучше быть генеральшею, чѣмъ писаршею, и большинство этимъ удовольствовалося, а меньшинство, содержащее необходимо для стоянія города „праведность трехъ“, только покачивало головами и приумолкло.

Дѣло во всякомъ случаѣ совершено, и никто не былъ въ стѣнѣ въ немъ ничего ни поправлять, ни перерѣшать. Домъ генерала всегда былъ запертъ для всѣхъ. Далѣе генеральскаго кабинета, куда къ нему являлись разные люди по дѣламъ, въ дальнѣйшіе его апартаменты, не проникалъ никто. Съ женитьбой генерала ничто не перемѣнилось. Святянинъ и вѣнчался съ Флорой тихо, безъ всякой помпы, въ походной церкви переходжаго армейскаго полка; визитовъ съ женою никому не дѣлалъ, и ни жена его, ни те-

да попрежнему не показывались нигдѣ кромѣ скромной приходской церкви. Онѣ обѣ перемѣнили лютеранство на православіе и были чрезвычайно богомольны, а можетъ-быть даже и религіозны. Пелены, занавѣсы, орари и воздухи приходской церкви все это было сдѣлано ихъ руками, и приходское духовенство считало Флору и ея мать ревностнѣйшими прихожанками.

Такъ прошло десять лѣтъ. Городъ привыкъ видѣть и не видѣть скромныхъ представительницъ генеральскаго семейства, и празднымъ людямъ оставалось одно удовольствіе рѣшать: въ какихъ отношеніяхъ находятся при генералѣ мать и дочь, и нѣтъ ли между ними соперничества? Соперничества между ними очевидно не было, и онѣ были очень дружны. Къ концу десятаго года замужства Флорѣ, или по нынѣшнему Аннѣ Ивановнѣ, Богъ далъ глухонѣмую дочку, которую называли Вѣрой.

Эльвиры Карловны скоро не стало. Густой, черный вуаль Флоры, никогда не открывавшійся на улицѣ и часто опущенный даже въ темномъ углу церкви, былъ поднятъ, когда она стояла посреди храма у изголовья гроба своей матери. На блѣдную Флору смотрѣли жадно и со вниманіемъ, и она, доселѣ по общему признанію считавшаяся некрасивою, къ удивленію, не только никому отнюдь не казалась дурною, но напротивъ кроткое, блѣдное, съ легкимъ золотистымъ подцвѣтомъ лицо ея, и ея черные, глубокіе глаза, направленные на одну точку открытыхъ вратъ алтаря, были найдены даже прекрасными.

Старый священникъ, отецъ Гермогенъ, духовникъ усопшей Эльвиры Карловны, духовникъ и Флоры, когда ему замѣтили что послѣдняя такъ неожиданно похорошѣла, отвѣчалъ: „не такъ вы выражаетесь, она просіяла“.

Флора не плакала и не убивалась при материномъ гробѣ, и поцѣловала лобъ и руку покойницы съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто здѣсь вовсе и не шло дѣло о разлукѣ. Да оно и въ самомъ дѣлѣ не имѣло для Флоры значенія разлуки: онѣ съ матерью шли другъ за другомъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ похоронъ Эльвиры Карловны, въ той же церкви отлѣзвали Флору. Быстрая, хотя и очень спокойная кончина ея дала поводъ къ нѣкоторымъ толкамъ еще болѣе увеличивавшимъ общій страхъ къ характеру генерала Сивтянина. Какъ ни замкнутъ былъ для всѣхъ домъ Сивтянина, но

все-таки изъ него дошли слухи что генераль, узнавъ по чьему-то доносу что у одного изъ писарей его канцелярии, марававшаго живописью, есть поясной портретъ Флоры, сдѣланный съ большимъ сходствомъ и искусствомъ, потребовалъ этотъ портретъ къ себѣ, долго на него смотрѣлъ, а потомъ тихо и спокойно выкололъ на немъ письменными вождями глазъ и поставилъ его на каминѣ въ комнатѣ своей жены. Что же касается до самого художника, то онъ былъ отчисленъ отъ канцелярии генерала и отданъ въ другую команду, въ чьи-то суровыя руки; несчастный не вынесъ такой жизни, зачахъ и умеръ. Предъ кончиною онъ не хотѣлъ причащаться изъ рукъ госпитальнаго священника, а просилъ призвать къ нему всегдашняго духовника его, отца Гермогена; исповѣдался ему, причастился и умеръ такъ спокойно какъ, по замѣчанію нѣкоторыхъ врачей, умѣютъ умирать одни русскіе люди. Черезъ недѣлю, этому же отцу Гермогену исповѣдала грѣхи свои и отходившая Флора, а двое сутокъ позже, тотъ же отецъ Гермогенъ, выйдя къ аналою чтобы сказать надгробное слово Флорѣ, взглянулъ въ тихое лицо покойницы, вздрогнулъ, и быстро устремивъ взоръ и руки къ стоявшему у изголовья гроба генералу, съ нѣмымъ ужасомъ на лицѣ воскликнулъ: „Отче благій! она молитъ Тебя: молитъ ея ради ими же вѣси путями спаси его!“ и больше онъ не могъ сказать ничего, залакалъ, замахалъ руками и сталъ совершать отпѣваніе.

Генераль Сиятянинъ овдовѣлъ и остался жить одинъ съ глухонѣмою дочкой; ему показалось очень скучно; онъ нашелъ что для него не поздно еще одинъ разъ жениться, и сдѣлалъ предложеніе Александрѣ Ивановнѣ Гриневичъ. Та, какъ выше сказано, предложеніе это отклонила, и генераль болѣе за нее не сватался; но въ это же время отецъ Саша, старый инспекторъ Гриневичъ, ни сѣло ни пало, получилъ безъ просьбы чистую отставку. Въ городѣ проговорили что это не безъ Сиятянинской руки, но какъ затѣмъ доктору Гриневичу, неповинному ни въ чемъ кромѣ мелкихъ взятокъ по должности (что не считалось тогда ни грѣхомъ, ни покоромъ), опасаться за себя не приходилось, то ему и на мысль не впадало робѣть предъ Сиятянинымъ, а тѣмъ болѣе жертвовать для его прихоти счастьемъ дочери. Объ этомъ и рѣчи не было въ семейныхъ совѣтахъ Гриневичей. Они только сократили свои расходы, и продолжали жить тихо и смиренно на свои очень

увѣренная средства. Люди ихъ однако не позабывали, и женихи къ Alexandrine сватались и бѣдные, и богатые, и незнатные, и для губернскаго города довольно знатные, но Сашенька всѣмъ имъ отказъ и отказъ. Благодарить и отвѣчаетъ что она замужъ не хочетъ, что ей весело съ отцомъ и съ матерью. Ее наконецъ и оставили въ покоѣ. Прошелъ другой годъ какъ уже Висленевъ служилъ, и вдругъ раздражается надъ нимъ туча: его арестовываютъ и увозятъ; старуха мать его въ страшномъ отчаяннѣ стѣшитъ въ Петербургъ, ходитъ тамъ, хлопочетъ, обиваетъ пороги, и все безуспѣшно. „Иосафу спасенья нѣтъ“, пишетъ она родной сестрѣ, майоршѣ, Катеринѣ Астаевнѣ Форовой. Въсть эта разувѣется содержится въ секретѣ, но однако Катерина Астаевна не таитъ ее отъ Гривевичей, потому что это все равно что одна семья.

Старикъ Гривевичъ, врачъ стараго закала, лѣчившій людей бузиной да ромашкой, и то перекрестясь, и писавшій вверху рецептовъ: „cum Deo“, развѣдавъ въ чемъ заключается вина Иосафа Платоновича, и узнавъ что съ нимъ и по его винѣ обречены къ страданіямъ многіе, поморщился и сказалъ дочери:

— Ну, знаешь, Саша, воля твоя, я хотя Висленевыхъ старый другъ и очень жалю Иосафа Платоновича, но хотѣлось бы мнѣ умереть съ увѣренностью что ты за него замужъ не пойдешь.

— Ваша воля, лала, будетъ исполнена, спокойно отвѣчала Саша.

Старикъ даже подскочилъ на мѣстѣ: онъ считалъ свою дочь очень доброю, благоразумною, но такого покорнаго отвѣта, такого спокойнаго согласія не ожидалъ отъ нея.

— Я тебя, Саша, совсѣмъ не стѣсняю и не заклинаю... Нѣтъ, нѣтъ! Спаси меня отъ этого Боже! продолжалъ онъ крестясь и поднимая на лобъ очки.—Покидать человѣка въ несчастіи недостойно. И пожелай ты за него выйти, я скрѣпа сердце дамъ согласіе. Можетъ-быть даже сами со старухой поидемъ за тобой, если не отговоришь, но....

— Да полно тебѣ, Иванъ Петровичъ, на старости лѣтъ романтическія слова говорить! остановила его жена.

— Нѣтъ, постой, продолжалъ докторъ.—Это не романъ, а дѣло серьезное. Но если, другъ мой Сашенька, взвѣситъ какъ

ужасно предъ совѣстью и предъ честными людьми это ребячье легкомысліе, которое ничѣмъ нельзя оправдать и от котораго теперь плачутъ столько матерей и томятся столько юношей, то....

— Я понимаю, лала, что это грѣхъ и преступленіе.

— И хорошо еще если онъ глубоко, искренно вѣрилъ тому что гибель тѣхъ кого губилъ онъ нужна, а если же къ тому онъ искренно не вѣрилъ въ то что дѣлалъ.... Нѣтъ, нѣтъ! не дай мнѣ видѣть тебя за нимъ, вскричалъ онъ, вскочивъ и дѣлая шагъ назадъ.—Нѣтъ, я отрекись отъ тебя, и если Богъ покинетъ меня силою терпѣнья, то.... я вѣдь еще про всякій случай врачъ и своею собственною рукою выпишу про те *acidum bogussicum*.

Старикъ закрылъ одною рукою глаза, а другою затрясъ въ воздухъ, какъ будто отгоняя отъ себя страшное видѣніе, и отвернулся.

Сапа приблизилась къ отцу, отвела тихо его руку отъ глазъ, прижала его голову къ своей груди и поцѣловавъ отца въ лобъ, тихо шелнула ему:

— Успокойся, успокойся, мой добрый лала. Чего ты не хочешь, того не будетъ.

Сапа въ обыкновенномъ, спокойномъ, житейскомъ разговорѣ съ отцомъ и съ матерью всегда говорила имъ *сы*, но когда заходила рѣчь отъ сердца, она безнамяренно устраняла это *сы* и говорила отцу и матери дружеское *ты*.

— Нѣтъ, заговорилъ опять, усложившись, старикъ, — ты какъ слѣдуетъ пойми меня, дитя мое. Я вѣдь отнюдь не упрашиваю тебя сдѣлаться эгоисткой! Напротивъ, я заповѣдываю тебѣ, жертвуй собой, дитя мое, жертвуй собой на пользу ближняго и не возносись своею чистотой. Правому нечего гордиться предъ неправыми, ибо неправый можетъ исправиться, ибо въ живой душѣ всегда возможно обновленіе. Неодолимымъ страстямъ есть извѣстное оправданіе въ ихъ силѣ и неодолимости: но съ человѣкомъ у котораго нѣтъ.... вовсе этого.... какъ бы это тебѣ назвать.... съ человѣкомъ....

— Безнатурнымъ, ты хочешь сказать?

— Да; вотъ именно ты это прекрасно выразила, — съ безнатурнымъ человѣкомъ только измашешься и наконецъ сдѣлаешься съ тѣмъ чѣмъ никогда не хотѣла бы сдѣлаться.

Весь слѣдующій день Саша провела въ молитвѣ тревожной и жаркой: она не умѣла молиться тихо и въ спокойствіи; а на другой, на третій, на четвертый день она много ходила, гуляла, думала, и наконецъ въ сумерки пятого дня вошла въ залу, гдѣ сидѣлъ ея отецъ, и сказала ему:

— Нѣтъ, знаешь что, папа, изъ всѣхъ твоихъ совѣтовъ я способна принять только одинъ.

— Скажи какой, дитя мое?

— Лучше сдѣлать что-нибудь съ расчетомъ и упованіемъ на свои силы, чѣмъ браться за непосильную ношу, которую придется бросить на половинѣ пути. Я положила себѣ предѣлъ самый малый: я пойду замужъ за человѣка благонадежнаго, обезпеченнаго, который не потребуетъ отъ меня ни жертвъ, ни пылкой любви, къ которой я неспособна.

Старикъ щелкнулъ пальцемъ по табакеркѣ, потянулъ носомъ большую понюшку и, обмахнувшись энергически платкомъ, взглянулъ на дочь и спросилъ:

— Ты, Александра, это шутишь? За кого это ты собираешься?

— Папа, я иду за генерала.

Старый Гриневицъ взглянулъ на дочь и тихо шелкнулъ: „долно, Саша, шутить!“ перекрестилъ ее и пошелъ въ свой маленькій кабинетикъ.

Онъ былъ увѣренъ что весь этотъ разговоръ ведетъ его дочерью просто ради шутки, но это была съ его стороны большая ошибка, которая и обнаружилась на другой же день, когда старикъ и старуха Гриневици сидѣли вмѣстѣ послѣ обѣда въ садовой бесѣдкѣ, и къ нимъ совершенно неожиданно подошла дочь вмѣстѣ съ генераломъ Синтянинымъ и попросила благословенія на бракъ.

— Да-съ, вы насъ благословите-съ! прибавилъ тихимъ, но металлическимъ голосомъ генералъ, и немного сморщась, согнулъ свои ноги и опустился рядомъ съ Сашей на колѣни.

Старики растерялись и тутъ же благословили.

Объясненія, которыя послѣ этого послѣдовали у нихъ единѣ съ дочерью, были по обычаю очень кратки и не выложили ничего кромѣ того что Сашѣ бракъ съ Синтянинымъ приходится болѣе всего по мыслямъ и по сердцу. Говорить болѣе было не о чемъ, и дочь Гриневица была обвинена съ генераломъ.

По поводу этой свадьбы пошли самые разнообразные толки: погулокъ молодой генеральши объясняли алчностью къ деньгамъ и низостью ея характера, и за то предсказывали ей скорую смерть, какъ одной изъ женъ Рауля Синей Бороды, но объясненія остаются и доселѣ въ области догадокъ, а предсказанія не сбылись.

Теперь уже прошло восемь лѣтъ со дня свадьбы, а Александра Ивановна Синтянина жива и здорова, и даже отнюдь не смотритъ надгробною статуей, съ которой сравнивали Флору. Александра Ивановна, напротивъ, и полна, и очень авантюжна, и всегда находитъ въ себѣ силу быть въ мѣру веселою и разговорчивою.

Въ чемъ заключается этотъ секретъ полнѣты и не распадаться въ несчастіи? (А что Александра Ивановна была несчастлива, въ томъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Это было признано всѣми единогласно.)

— Она безчувственная деревяшка, говорили одни, думая все разрѣшить этимъ приговоромъ.

— Она суетна, мелка и фальшива; для нея совершенно доволно того что она теперь генеральша, утверждали другіе.

— Да; но отчего же она не шла за Синтянина, когда онъ прежде просилъ ея руки? ставили вопросъ скептики для поддержанія разговора.

— О, это такъ просто: ей тогда нравился Висленевъ, а когда бѣдный Жозефъ попалъ въ бѣду, она предпочла любви выгодный бракъ. Дѣло простое и понятное.

— Совершенно! Два заключенія здѣсь невозможны.

Что она не любила Висленева или очень мало любила, это вполнѣ доказывается тѣмъ что даже внезапное извѣстіе объ освобожденіи его и его товарищей съ удаленіемъ на время въ отдаленныя губерніи вмѣсто Сибири, которую имъ пророчили, Синтянина приняла съ деревяннымъ спокойствіемъ какъ будто какую-нибудь самую обыкновенную вѣсть. Она даже вѣнчалась именно въ тотъ самый день когда отъ Висленева получилось письмо что онъ на свободѣ, и вѣнчалась (какъ говорятъ) имѣя при себѣ это письмо въ носовомъ платкѣ. Ея безчувственность впрочемъ едва ли и потомъ нуждалась въ какихъ-нибудь подтвержденіяхъ, такъ какъ вскорѣ стало извѣстно что когда ей однажды, по порученію старой Висленевой, своякъ послѣдней, отставной

майоръ Филетеръ Ивановичъ Форовъ, прочелъ вслухъ письмо, гдѣ мать несчастнаго Иосафа горько укоряла измѣнницу и называла ее „змѣю предательницею“, то молодая генеральша выслушала все это спокойно, и по окончаніи письма сказала майору:

— Филетеръ Ивановичъ, не хотите ли закусить?

Добрыя и искреннія чувства въ молодой генеральшѣ не допускались, хотя лично она никому никакого зла не сдѣлала, и съ первыхъ же дней своего брака не только со вниманіемъ, но и съ любовью занималась своею глухонѣмою 'падчерицей,—дочерью умершей Флоры;—но это ей не вѣнялось въ заслугу, точно всякая другая на ея мѣстѣ сдѣлала бы несравненно больше. Говорили что это для нея самой служить развлеченіемъ, такъ какъ двое собственныхъ ея дѣтей, которыхъ она имѣла въ первые годы замужества, умерли въ колыбельномъ возрастѣ. Отца и мать своихъ любила Синтянина, но вѣдь они же были и превосходные люди, которыхъ не за чтѣ было не любить; да и то по отношенію къ нимъ, у нея кажется былъ на устахъ медокъ, а на сердцѣ ледокъ. По крайней мѣрѣ носились слухи что будто вскорѣ послѣ замужества Александры Ивановны, генераль ея супругъ вызвался исходатайствовать ея отцу его прежнее служебное мѣсто, но генеральша будто даже отклоняла это, хотѣла погордиться на стариковскій счетъ.

И въ самомъ дѣлѣ, нѣчто въ этомъ родѣ было, но было вотъ какъ: Гриневицъ посовѣтовался съ дочерью, принять или не принять обязательное предложеніе?

Она спокойно отвѣчала отцу что можно принять и не принять.

— То-то, кажется нѣтъ зазора принять? резонировалъ старикъ.

— Пожалуй зазора нѣтъ, отвѣтила ему дочь.

— А не принять какъ будто еще достойнѣе?

— А ужъ про это и говорить нечего.

— Такъ я самъ лучше поблагодарю и не приму?

— Сдѣлавши такъ, ты, пала, поступишь какъ слѣдуетъ.

— Правда: вѣдь я, дитя мое, ужъ старъ.

— Конечно, тебѣ ужъ шестьдесятъ лѣтъ лѣтъ.

— Ну да, ужъ не до службы, а денегъ хоть и мало....

— Да не на чтѣ тебѣ ихъ больше, пала.

— Совершенная правда! ты пристроилась, а мы стары. Нѣтъ;

да мимо меня идетъ чаша сія! рѣшилъ, махнувъ рукой, старый Гриневицъ и отказался отъ мѣста, сказавъ: что мѣста нужны молодымъ, которые могутъ быть на службѣ гораздо полезнѣе старика, а мнѣ де пора на покой; и черезъ годъ съ небольшимъ дѣйствительно получилъ покой въ безвѣстныхъ краяхъ и три аршина земли на городскомъ кладбищѣ, куда вслѣдъ за собою призвалъ вскорѣ и жену.

Генеральша осиротѣла.

Нива смерти зрѣеть быстро. Вслѣдъ за Гриневицами умерла вскорѣ и старуха Висленева. Проживя съ годъ при сынѣ въ одномъ изъ отдаленныхъ городовъ и затѣмъ въ Петербургѣ, она вернулась домой съ окончившею курсъ красавицей дочерью, Ларисою, и не успѣла путемъ осмотрѣться на старомъ пепелищѣ въ своемъ флигелькѣ, какъ тоже скончалась.

Съ Александрой Ивановной старуха въ началѣ избѣгала встрѣчъ и сближенія, но въ послѣднее время своей жизни пламенѣла къ ней благоговѣйною любовью.

Этотъ всѣхъ удивившій переворотъ въ чувствахъ доживавшей свой вѣкъ Висленевой къ молодой генеральшѣ не имѣлъ иныхъ объясненій кромѣ старушечьей прихоти и фантазіи, тѣмъ болѣе что произошло это вдругъ и неожиданно.

Старуха въ тяжкой болѣзни однажды спала послѣ обѣда и позвонила. Въ комнатахъ никого не случилось кромѣ Сиятяниной, пришедшей навѣстить Ларису. Генеральша взошла на зовъ старушки, и черезъ часъ ихъ застали обнявшихся и плачущихъ.

Съ этихъ поръ собственное имя Александры Ивановны не произносилось устами умиравшей старушки, а всякій разъ, когда она хотѣла увидать генеральшу, она говорила: „пошлите мнѣ мою праведницу.“

Умирая, Висленева не только благословила Сиятянину, но ей же, ея дружбѣ и вниманію поручила и свою дочь, свою ненаглядную красавицу Ларису.

Всѣ знали что эта дружба не доведетъ Ларису до добра, ибо около Сиятяниной все фальшь и ложь.

Нынѣ, то-есть въ тѣ дни когда начинается нашъ разказъ Александрѣ Ивановнѣ Сиятяниной отъ роду двадцать восемь лѣтъ, хотя, по привычкѣ ни въ чемъ не довѣряя ей, есть охотники утверждать что генеральшѣ уже стукнуло тридцать, но она объ этомъ и сама не споритъ. Физическая жизнь ея въ полномъ расцвѣтѣ. Довольно замѣтная пол-

нога стала генеральши нямало не портить ея высокою и стройною фигурою, напротивъ, эта полнота идетъ ей. Полныя руки ея съ розовыми ногтями достойны быть моделью ваггелера; шея была какъ алебастръ и чрезвычайно красиво поставлена въ соотношеніи къ бюсту, служащему ей основаніемъ. Густые, свѣтлокаштановые волосы слегка волнуются, образуя на всей головѣ три, четыре волны. Положены они всегда очень просто, безъ особыхъ претензій. Все свѣжее лицо ея дышетъ здоровьемъ, а въ большихъ свѣрыхъ глазахъ ясное спокойствіе души. Она не блондинка, но всѣмъ кажется блондинкою: это тоже какой-то обманъ. Въ лицѣ ея есть постоянно нѣкоторая тѣнь пропіи, но ни одной черты выражающей злобу. Походка ея плавна, всѣ движенія спокойны, тверды и рѣшительны.

Образъ жизни генеральши въ ея городской квартирѣ и въ загородномъ хуторѣ, гдѣ она проводитъ большую часть своихъ дней въ обществѣ глухонѣмой Вѣры, къ крайнему неудовольствію многихъ, почти всѣмъ неизвѣстенъ.

Общество видитъ только нѣчто странное въ этихъ безпрепятственныхъ перекочевкахъ генеральши изъ городской квартиры на хуторъ и съ хутора назадъ въ городъ, и полагаетъ что тутъ что-нибудь да есть; но тутъ же само это общество считаетъ всѣ составляющія на счетъ Сиятяниной соображенія алокрифическими.

Но чѣмъ же живетъ она, что занимаетъ ее, и что даетъ ей эту неодолимую силу души, крѣпость тѣла и спокойную ясность полусокрытаго взора? Какъ и чѣмъ она произвела и производитъ укрощеніе своего строптиваго мужа, который по отношенію къ ней, по видимому, не смѣетъ помыслить о какомъ-либо деспотическомъ притязаніи?

Это долго занимало всѣхъ. Всѣ увѣрены что здѣсь непременно есть какая-нибудь исторія, даже очень важная и можетъ-быть страшная исторія. Но какъ ее проникнуть? Вотъ вопросъ.

II. Вся впереди.

Во флигелѣ построенномъ въ глубинѣ двора Висленевыхъ и выходящемъ одною стороною въ старый, густой садъ, оканчивающійся крутымъ обрывомъ надъ Окою, живетъ сама соб-

стѣнница дома, Лариса Платоновна Висленева, сестра знакомаго намъ Иосафа Платоновича Висленева, отъ котораго такъ отступнически отреклась Александра Ивановна. Флагель построень съ большимъ комфортомъ. По довольно высокому крылечку, равному высотѣ нижняго каменнаго полуэтажа, вы входите въ свѣтлыя, но очень тѣсныя стѣны, въ которыхъ только что можно поворотиться. Отсюда дверь въ переднюю, тоже очень чистую, съ двумя окнами на дворъ; изъ передней направо большая комната съ двумя окнами въ одной стѣнѣ и съ итальянскимъ окномъ въ другой. Эта комната называется „Жозефовъ кабинетъ“. Несмотря на то что Иосафъ Платоновичъ здѣсь давно не живетъ, комната его сохраняетъ обстановку кабинета человѣка хотя небогатаго, но и не бѣднаго. Мягкіе диваны кругомъ трехъ стѣнъ, два шкафа съ книгами, большой письменный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ съ кистами по угламъ, хорошіе шторы на окнахъ, тяжелые занавѣсы на дверяхъ. По стѣнамъ висятъ нѣсколько гравюръ и литографій, между которыми самое видное мѣсто занимаютъ Ревекка съ овцами у колодца; Лаванъ обыскивающій походный шатерь Рахили, украсившей его боготъ, и лара замѣчательныхъ по своей красотѣ и статности лошадей въ англійскихъ сѣдлахъ; на одной сидитъ жокей, другая идетъ въ поводу, безъ сѣдока. Обѣ лошади въ своемъ родѣ совершенство: на нихъ нельзя не заглядѣться любуясь горбатыхъ верблюдовъ, дремлющихъ на библейскихъ картинкахъ. Оплывенныя губы перваго коня показываютъ что онъ грызетъ и сжимаетъ желѣзо удила, но идетъ смирно и тихо, потому что знаетъ власть и силу узды, но другой конь... О, ему опытъ еще незнакомъ. Но это сказочный конь, которому только нужно прикосновеніе руки сказочнаго же царевича, и вихорь-конь взвѣется выше лѣса стоячаго.

Чтобы покончить описаніе кабинета отсутствующаго хозяина, должно еще упомянуть о двухъ вещахъ помѣщающихся въ бѣлой кафельной нишѣ, на каминѣ: здѣсь стоятъ высокая чайная чашка, съ массивною позолотою и съ портретомъ гвардейскаго полковника, въ мундирѣ тридцатыхъ годовъ, и почернѣвшіе бронзовые часы со стрѣлкою остановившеюся на пятидесяти шести минутахъ двѣнадцатаго часа.

На этой чашкѣ портретъ отца нынѣшнихъ владѣльцевъ дома, Платона Висленева, а часовая стрѣлка стоитъ на по-

ментъ его смерти. Съ тѣхъ поръ часы эти не идутъ въ теченіи цѣлыхъ восемнадцати лѣтъ.

Вторая комната небольшой залъ, съ окнами выходящими въ садъ и стеклянною дверью, ведущею на террасу, съ которою широкими ступенями сходятъ въ садъ. Убранство комнаты не залное и не гостиное, а и то и другое вмѣстѣ. Здѣсь есть и мягкая мебель и буковые стулья, и зеркало, и рѣзав заваленная котами. Изъ залы двери ведутъ въ столовую и въ спальню Ларисы. Спальня Ларисы тѣхъ же размѣровъ какъ и кабинетъ ея брата. Здѣсь также два окна въ одной стѣнѣ и одно широкое, тройное, „итальянское“ окно въ другой. Всѣ эти окна выходятъ въ садъ: два справа, затѣнены густою зеленью липъ, а надъ итальянскимъ окномъ, предъ которымъ разчищена, разбитая на клумбы площадка, ловѣшена широкая бѣлая маркіза съ красными прошивами. Такимъ образомъ въ комнату открытъ доступъ аромату цвѣтовъ, и удалены палящія лучи солнца, извлекающія благоуханіе изъ розы, левкоевъ и геіотроповъ. Мебель обита свѣтлымъ ситцемъ, которымъ драпированы и двери и окна. Кровать замѣнена диваномъ съ подъемною подушкой, предъ диваномъ у изголовья небольшой круглый столикъ, въ сторонѣ двѣ этажерки съ книгами.

Описавъ домъ, познакомимъ читателей съ его одинокою жидцей.

Разказъ этотъ будетъ коротокъ, потому что и вся жизнь Ларисы еще впереди.

Она окончила институтскій курсъ семнадцати лѣтъ и по выходѣ изъ заведенія, жила съ матерью и братомъ въ Петербургѣ. Перечитала гибель книгъ, перевидала массы самыхъ разнообразныхъ лицъ и не вошла ни въ какія исключительныя отношенія ни съ кѣмъ.

По смерти матери, она опять было уѣхала въ Петербургъ къ брату, но черезъ мѣсяць стала собираться назадъ, и съ тѣхъ поръ въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ брата не видала.

Прибывъ домой, она появилась первой Александрѣ Ивановнѣ Сивягиной и объявила ей что жизнь брата ей не понравилась, и что она рѣшилась жить у себя въ домѣ одна. Другое лицо которое увидало Ларису въ первый же часъ ея пріѣзда была тетка ея, родная сестра ея матери, Катерина

Астафьевна Форова, имя которой было уже помянуто. Катерина Астафьевна, женщина лѣтъ сорока пяти, полная, нервная, порывистая, очень добрая, но горячая и прямая необыкновенно. Узнавъ о внезапномъ возвращеніи племянницы изъ Петербурга, она влетѣла какъ бомба въ комнату гдѣ сидѣла Лариса, кинулась ей на шею, дрожа и всхлиывая, и наконецъ совсѣмъ разрыдалась. Лариса поцѣловала у тетки руку и съ той же минуты не то полюбила ее, не то привязалась къ ней. Сидясь близко съ теткой, она сошлась и съ мужемъ ея, пятидесятилѣтнимъ майоромъ изъ военныхъ академистовъ. Майоръ Форовъ, Филетеръ Ивановичъ, толстоватый, полусѣдой, здоровый и очень добрый человекъ, ведущій въ отставку самую оригинальную жизнь.

Майоръ Форовъ и самъ очень легко сблизился съ Ларисой и посѣщалъ ее ежедневно. У нихъ были общія точки прикосновенія, и Филетеръ Ивановичъ очень нравился жениной племянницѣ. Впрочемъ Форовъ нравился всѣмъ, не исключая и тѣхъ кто его не любилъ, онъ нравился за свои энциклопедическія познанія, и за характеръ, который самъ называлъ „примитивнымъ“. Александра Ивановна употребила всѣ усилія сойтись съ Ларисой какъ можно ближе и дружественнѣе, и кажется достигла этого, по крайней мѣрѣ по внѣшности. Онѣ видѣлись другъ съ другомъ ежедневно, когда Синтякина была въ городѣ, а не на хуторѣ: и несмотря на неравенство ихъ лѣтъ (гдѣ играла роль цифра 10) были другъ съ другомъ на ты. Чего же больше? Любили ли онѣ одна другую?

Да, Синтякина любила Ларису горячо и искренно.

Лариса высока и очень стройна. Легкая фигура ея имѣетъ свою особенность, и особенность эта заключается именно въ томъ что у нея не только была *фигура*, но у нея была *линія*; видя ее разъ, ее можно было нарисовать всю одною чертою отъ шпалки до шлейфа. Ея красивая голова кажется однако нѣсколько велика, отъ дѣлаго моря черныхъ волосъ. У нея небольшое, продолговатое лицо, съ тонкимъ носомъ, слегка подвижными и немного вздутыми ноздрями. При ея привычкѣ меньше говорить и больше слушать, пунцовыя губы ея, влажныя, но безъ блеска, всегда, въ самомъ спокойствіи своемъ готовы какъ будто къ шелоту. Можно думать что она отвѣчаетъ и возражаетъ на все, но только не удо-

стоящая никого сообщеніемъ этихъ возраженій. Она, какъ сказано, брюнетка, жгучая брюнетка. Въ ней мало русскаго, но она и не Итальянка, и не Испанка, а тѣмъ меньше Гречанка, но южнаго въ ней бездна. У нея совершенно особый типъ,— нѣсколько напоминающій что-то еврейское, но непохожее ни на одну Еврейку. Еврейскимъ въ ней отдаетъ ея внутренній огонь и сила. Цвѣтъ лица ея блѣдный, но горячо-блѣдный, матовый; глаза большіе, черные, свѣтящіеся электрическимъ блескомъ откуда-то изъ глубины, отчего вся она кажется фарфоровою лампой освѣщенной жаркимъ внутреннимъ свѣтомъ. Всякое ея движеніе спокойно и даже лѣнливо, хотя и въ этой лѣнви видимо разлита спящая, но и во снѣ своею рдѣющая, неутомимая нѣга. По виду она всегда спокойна, но покой ея видимо полонъ тревоги. Она совсѣмъ не кокетка, она вѣжлива и наблюдательна, и въ ея наблюдательности кроется для нея источникъ ожесточающихъ раздраженій. Она ребенокъ по опытности, и сама ничѣмъ не участвовала въ жизни, но судя по выраженію ея лица, она всего коснулась въ тишинѣ своего долгаго безмолвія; она отвѣдала горькихъ лѣкарствъ самую ею составленныхъ для себя по разнымъ рецептамъ, и всѣ эти питья ей не по вкусу. Ее интересуютъ только предѣлы вещей и крайнія положенія. Ей хочется собрать и совмѣстить какъ въ фокусъ стекла то что вмѣстѣ не собирается и несомвѣстимо.

Настоящее у Ларисы такое: недѣлю тому назадъ нѣкто Подозеровъ, небогатый изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, служащій по земству, сдѣлалъ ей предложеніе. Онъ былъ давній ея знакомый, она знала что онъ любитъ ее....

Лариса, выслушавъ Подозерова, дала ему слово обдумать его предложеніе и отвѣтить ему на дняхъ положительно и ясно.

Этого отвѣта еще не дано.

III. Глава которую можно было поставить. въ началѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ недавнопрошедшаго года, четыре часа спустя послѣ жаркаго полудня, надъ крутымъ обрывомъ, которымъ заканчивался у рѣки садъ Висленевыхъ, собрались всѣ

хотя отчасти знакомыя намъ лица. Лариса Висленева сидѣла на широкой доскѣ качелей подвѣшенныхъ на вѣтвяхъ двухъ старыхъ кленовъ. Она держалась обѣими руками за одну веревку, и положивъ на нихъ голову, смотрѣла вдаль за рѣку, на широкую, безпредѣльную зеленую степь, надъ которою въ синевѣ неба дотлаивало одинокое облачко. Шагахъ въ трехъ отъ качелей, на зеленой деревянной скамейкѣ помѣщались Катерина Астаѣевна Форова и генеральша Синтянина. Первая жадно курила палироску изъ довольно плохого табаку, вторая щипала и слушала повѣсть которую читалъ Форовъ. Майоръ одѣтъ въ черный статскій сюртукъ и военную фуражку съ кокардой, по жилету у него виденъ часовой ремешекъ, на которомъ виситъ въ видѣ брелока тяжелая, массивная золотая лягушка съ изумрудными глазами и рубиновыми лапками. На гладкомъ брюшкѣ лягушки мелкою, искусною вязью выгравировано: „Нигилисту Форову отъ Бодростиной“. Дорогая вещь эта находится въ видимомъ противорѣчьи съ прочимъ гардеробомъ майора. Филетеръ Ивановичъ теперь читаетъ: правою рукою онъ придерживаетъ листы лежащей у него на колѣняхъ книги, а лѣвою машинально дергаетъ толстый, зеленый бумажный шнурокъ, привязанный къ серединѣ доски на которой сидитъ Лариса. Чтеніе идетъ плавно и непрерывно, качаніе тоже.

Есть здѣсь и еще одинъ человѣкъ: онъ лежитъ въ травѣ надъ самымъ обрывомъ, спиной къ рѣкѣ, лицомъ къ качающейся Ларисѣ. Это Подозеровъ. Ему на видъ лѣтъ тридцать пять; одѣтъ онъ безъ претензій, но опрятно; лицо у него очень пріятное и благородное, но въ немъ можетъ-быть слишкомъ много серіозности и нервнаго безпокойства, что придаетъ ему минутами недоброе выраженіе. Подозеровъ какъ бы постоянно или что-то всланиваетъ, или ожидаетъ себя чего-то недріятнаго, и съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ сдвигаетъ красивыя брови, морщитъ лобъ и шевелитъ рукою свои недлинные, но густые темнорусые волосы съ равнею сѣдиной въ вискахъ.

Чтеніе, начатое назадъ тому съ полчаса, неожиданно прервано было веселымъ и довольно громкимъ смѣхомъ Катерины Астаѣевны Форовой, смѣхомъ который ловяла только одна тихо улыбавшаяся Синтянина. Лариса же и Подозеровъ его даже не замѣтили, а чтецъ только подвѣлъ удивленные глаза и спросилъ баскомъ свою жену:

— Что ты это рассыпалась, Тора?

— Для кого ты читаешь бѣдный мой Форовъ? Всякій разъ заставляютъ его читать и никто его не слушаетъ.

— Ну и что же такое? отвѣчалъ майоръ.

— Ничего. Ты читаешь, Лариса гдѣ-то вѣдаетъ; Подозеровъ вѣдаетъ за него; мы съ Сашей еще надъ первою страницей задумались, а ты все читаешь да читаешь!

— Ну и что же такое? я же въ прибыли: я значить начпываюсь и умѣю, а вы выбалтываетесь.

— И глупѣемъ?

— Сама сказала, отвѣтилъ, шутя, Форовъ, и доставъ изъ кармана кошелекъ съ табакомъ, началъ крутить папироску.

Жена долго смотрѣла на майора съ улыбкой и наконецъ спросила:

— Вы, господишь Форовъ, пенсіонъ нынче получили?

— Разумѣется, получилъ-съ, отвѣчалъ Форовъ, и доставъ изъ кармана конвертикъ, подаль его женѣ.

— Вотъ вамъ всѣмъ полностию тридцать одинъ рубль.

— А шестьдесятъ копѣекъ?

— Положеніе извѣстное! отвѣчалъ майоръ, раскуривая толстую папиросу.

Сивтянина взглянула на майора и размѣялась.

— Да чего же она въ самомъ дѣлѣ спрашиваетъ? заговорилъ Филетеръ Ивановичъ, обращая свои слова къ генеральшѣ: — вѣдь ужъ сколько лѣтъ условлено что я ей буду отдавать все жалованье за удержаніемъ въ свою пользу въ день полученія капитала шестидесяти копѣекъ на трикгельдъ.

— Нѣтъ, я что-то этого условія не помню! Когда ты за мной ухаживалъ, ты мнѣ ни о какихъ трикгельдахъ тогда не говорилъ, возразила майорша.

— Ну, ухаживать за тобой я не ухаживалъ.

— Такъ зачѣмъ же ты на мнѣ женился?

Майоръ тихонько улыбнулся и проговорилъ:

— Что же, женился просто: вижу женщина въ несчастномъ положеніи, дай, думаю себѣ, хоть кого-нибудь въ жизни осчастливию.

— Да, проговорила Катерина Астаѣевна, ни къ кому особенно не обращаясь;—чему, видно, быть, того не миновать. Нужно же было чтобъ я рѣшила что мнѣ замужемъ не быть, и пошла въ сестры милосердія; нужно же было чтобы Фо-

рова въ Крыму мнѣ въ госпиталь полумертваго привезаи!
Все это судьба!

— Нѣтъ, французская пуля, отвѣчалъ Форовъ.

— Ты, невѣрующій, молчи, молчи пока Богъ постучится къ тебѣ въ сердце.

— А я не лущу.

— Пустись, и самъ позовешь, скажешь: „взойди и сотвори обитель“.

Вышла маленькая пауза.

— И Сашина свадьба тоже судьба? спросила Лариса.

— А еще бы! отвѣчала живо Форова.—Почемъ ты знаешь.. можетъ-быть она приставлена къ Вѣрѣ за молитвы покойной Флорушки.

— Ахъ, полноте, тетя! воскликнула Лариса.— Я знаю эти „роковыя опредѣленія!“

— Неправда, ничего ты не знаешь!

— Знаю что въ нихъ сплошь и рядомъ нѣтъ ничего роковаго. Неужто же вы можете ручаться что не встрѣтятся дядя Филетеръ Ивановичъ съ вами, онъ никогда не женился бы ни на комъ другомъ?

— Ну, на этотъ разъ, жена, положительно говори что никогда бы и ни на комъ, отвѣчалъ Форовъ.

— Ну, не женились бы вы напримѣръ на Александринѣ?

— Ни за что на свѣтѣ.

— Bravo, bravo, Филетеръ Ивановичъ, воскликнула смѣясь Синтянина.

— А почему? спросила Лариса.

— Вы всегда все хотите знать „почему?“ Бойтесь, такъ скоро состарѣетесь.

— Но я не боюсь и хочу знать: почему бы вы не женились на Сашѣ?

— Говорите, Филетеръ Ивановичъ, мнѣ ужъ замужъ не выхолить, вызвала Синтянина.

— Ну, извольте: Александра Ивановна слишкомъ умна и имѣетъ деслотическій характеръ, а я люблю свободу.

— Не великъ комплиментъ тетѣ Катѣ! Ну, а на мнѣ бы вы развѣ не женились? Я вѣдь не такъ умна какъ Александрина.

— На васъ?

— Да, на мнѣ.

Форовъ снялъ фуражку, три раза перекрестился, и проговорилъ:

— Боже меня сохрани!

— На мнѣ жениться?

— Да, на васъ жениться: сохрани меня грозный Господь Богъ Израилевъ, карающій сыны оыновъ даже до седьмага колѣна.

— Это отчего?

— Да развѣ мнѣ жизнь надоѣла?

— Значить на мнѣ можетъ жениться только тотъ....

— Тотъ кто хочетъ ада на землѣ, въ надеждѣ встрѣтиться съ вами тамъ гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія.

— Вотъ одолжилъ! воскликнула, разсмѣявшись Лариса, — ну позвольте же, кого бы вамъ еще изъ нашихъ посватать?

— Глафиру Васильевну Бодростину, подсказалъ улыбаясь Подозеровъ.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ Бодростину! подхватила Лариса.

— Кого не сватайте, все будетъ напрасно.

— Но вы ея кавалеръ „лягушки“.

— „Золотой лягушки“, отвѣчалъ Форовъ, играя своимъ цѣннымъ брелокомъ. — Глафирѣ Васильевнѣ охота шутить и дарить мнѣ золото, а я философъ и беру сей презрѣнный металлъ въ какомъ угодно видѣ, и особенно доволенъ получая кусочекъ золота въ видѣ этого невиннаго созданія, напоминающаго мнѣ поколѣнїе людей которыхъ я очень любилъ и съ которыми навсегда желаю сохранить нравственное единеніе. Но жениться на Бодростиной... ни за что на свѣтѣ!

— На ней почему же нѣтъ?

— А почему? Потому что мнѣ нравится только особый сортъ женщинъ: умныя дуры, которыя, какъ все хорошее, встрѣчаются необыкновенно рѣдко.

— Такъ это я по твоему дура? спросила, напуская на себя строгость, Катерина Астаѣевна.

— А ужъ разумѣется не умна, когда за меня замужъ пошла, отвѣчалъ Форовъ. — Вотъ Бодростина умна, такъ она въ золотомъ терему живетъ, а ты подъ солоомкою.

— Ну, а Бодростинская золотая лягушка-то что же вамъ такое милое напоминаетъ? дружески подшучивая надъ майоромъ, спросилъ Подозеровъ.

— Золотая лягушка напоминаетъ мнѣ золотое время и пре-

красныхъ умныхъ дураковъ, изъ которыхъ однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далеко.

— Она напоминаетъ ему моего брата Жозефа, сказала Лариса.

— Ну ужъ это нѣтъ-съ, отрекся майоръ.

— Почему же нѣтъ? Братъ мой развѣ не женился по привычку, не любя женщину, для того только чтобы „освободить ее отъ тягости отцовской власти“, сказала Лариса, надутю продекламировавъ послѣднiя шесть словъ. Надѣюсь это могъ сдѣлать только „умный дуракъ“, которыхъ вы такъ любите.

— Нѣтъ-съ; умные дураки этого не дѣлали, умные дураки которыхъ я люблю на такiе вздоры не попадались, а это могъ сдѣлать глупый умникъ, но я съ этимъ асортиментомъ мало знакомъ, а впрочемъ вотъ поразглядимъ его!

— Какъ это поразглядите? Развѣ вы его надѣветесь скоро видѣть?

— А вы развѣ не надѣветесь дожить до той недѣли?

— Что это за шарада? спросила въ недоумѣнiи Лариса.

— Какъ же вѣдь онъ на дняхъ прiѣдѣтъ.

— Какъ на дняхъ?

— Разумѣется, отвѣчалъ Форовъ.—Мой знакомый видѣлъ его въ Москвѣ; онъ ѣдетъ сюда.

Присутствующiе переглянулись.

— Это что-нибудь недоброе! мелькнуло во взглядѣ Ларисы, брошенномъ на Синтянину, та поняла, и сама немного измѣняясь въ лицѣ, сказала майору:

— Филетеръ Ивановичъ, вы совсѣмъ безтолковы.

— Чѣмъ-съ? Чѣмъ я безтолковъ?

— Да что же это вы намъ открываете новости по калябъ?

— Чѣмъ же я безтолковѣе васъ, которая мнѣ и по калябъ не открыли что вы этого не знаете?

— Откуда же мы могли это знать?

— А развѣ онъ не писалъ объ этомъ Ларисѣ Платоновнѣ?

— Ничего онъ не писалъ ей.

— Ну а я почему могъ это знать?

— Но вы, Филетеръ Ивановичъ, шутите это или правду говорите что онъ ѣдетъ сюда? спросила серьезно Лариса.

По дорожкѣ, часто семеня маленькими ногами, шла дѣвочка лѣтъ двѣнадцать, стриженная въ кружокъ и одѣтая въ опрятное ситцевое платьѣ съ фартучкомъ. Въ рукахъ она

держала круглый подносъ, и на немъ запечатанное письмо.

Лариса разорвала конвертъ.

— Вы отгадали, это отъ брата, сказала она, и пробѣжавъ маленькій листокъ, добавила:— все извѣстiе заключается вотъ въ чемъ (она взяла снова письмо и снова его прочитала): „Сестра, я ѣду къ тебѣ; черезъ недѣлю мы увидимся. Приготовь мнѣ мою комнату: я проживу съ мѣсяцъ. Буду не динь, а съ Гор....“

— Не могу дальше прочесть, съ кѣмъ онъ ѣдетъ, заключила она, передавая письмо Синтяниной.

— Не прочтете ли вы, Филетеръ Ивановичъ?

Форовъ посмотрѣлъ на указанную ему строчку и качнувъ трипцательно головой, передалъ письмо Подозерову.

— „Гордановъ“, прочелъ Подозеровъ, возвращая письмо Ларисѣ.

— Такъ вотъ онъ какъ будетъ называться вашъ рокъ! воскликнула майоръ.

— Филетеръ Ивановичъ, вы несносны, замѣтила ему съ неудовольствiемъ Синтянина, кинувъ взглядъ на немного смущеннаго Подозерова.

— А я говорю только то что бываетъ, оправдывался майоръ:— брата всегда привозятъ жениховъ, какъ мужа сами вводятъ любовниковъ....

— А что это за Гордановъ? сухо спросила Лариса.

— Я, кажется, немножко знаю его, отвѣчалъ Подозеровъ.— Онъ помѣщикъ здѣшней губернии и нашъ сверстникъ ю университету... Я его часто видѣлъ въ домѣ вѣткихъ господъ Фигуриныхъ, гдѣ я давалъ уроки, а теперь у него здѣсь есть дѣло съ крестьянами о землѣ.

— Фигуриныхъ! воскликнула Лариса.— Вы видѣли его тамъ? Онъ ихъ знакомый?

— Кажется даже родственникъ.

— Интересный господинъ? полюбопытствовала Синтянина.

— М-мъ! Какъ вамъ сказать...

Подозеровъ, казалось, что-то хотѣлъ сказать нехорошее о названномъ лицѣ, но перемѣнилъ слово и отвѣтилъ:

— Не знаю право, мы съ нимъ какъ-то не сладились.

— А вы кого же у Фигуриныхъ учили?

— Тамъ были мальчикъ Петръ и дѣвочки Наташа и Алина.

— И вы эту Алину учили?

- Да; она уже была великовѣка, но я ее училъ.
 — Хороша она?
 — Нѣтъ.
 — Умна?
 — Не думаю.
 — Добра?
 — Господь ее знаетъ, дѣвушки вѣдь почти всѣ кажутся добрыми. У Малороссіявъ есть присловье, что будто даже „всѣ лавночки добры“.
 — „А только откуда-то поганья жинки берутся?“ докончилъ Форовъ.
 — Эта Алина теперь жена моего брата.
 — Въ такомъ случаѣ малороссійское присловье прочь.
 — Лариса, взгляни, перебила дрогнувшимъ голосомъ Сиятина, глядя на ту дорожку по которой недавно дѣвочка принесла письмо отъ Висленева. Лариса обернулась.
 — Что тамъ такое?

Сиятина блѣднѣла и не отвѣчала.

По длинной дорожкѣ отъ входныхъ воротъ шелъ высокій, статный мущина. Онъ былъ въ легкомъ, свромъ ладжакѣ и маленькой соломенной шляпѣ, а черезъ плечо у него висѣла щегольская дорожная сумочка. Сзади его въ двухъ шагахъ семенила давишняя дѣвочка; у которой теперь въ рукахъ былъ большой портфель.

— Братъ!... Иосафъ!... Каковъ сюрпризъ! вскрикнула Лариса, ступая съ качелей на землю.

И съ этимъ она рванулась быстрыми шагами впередъ и побѣжала на встрѣчу брату.

IV. Безъ содержанія.

Въ наружности Иосафа Висленева не было ни малѣйшаго сходства съ сестрой: онъ былъ блондинъ съ голубыми глазами и очень маленькимъ носомъ. Лицо его нельзя было назвать некрасивымъ и неприятнымъ, оно было открыто и даже довольно весело, но на немъ постоянно блуждала неуловимая тѣнь тревоги и печали.

Лариса встрѣтилась съ братомъ на половинѣ дорожки; они обнялись и поцѣловались.

— Ты не ждала меня такъ скоро, Лара? заговорилъ Висленевъ.

— То-есть я ждала тебя, Жозефъ, но не сегодня; я только сейчасъ получила твое письмо что ты въ Москвѣ и ѣдешь сюда съ какимъ-то твоимъ товарищемъ.

— Да; съ Гордановымъ.

— Онъ здѣсь съ тобой?

Лариса оглядѣла дорожку.

— Да, онъ здѣсь, то-есть здѣсь въ городѣ, мы вмѣстѣ прѣхали, но онъ остановился въ гостиницѣ. Я самъ не думалъ быть сюда такъ скоро, но случайныя обстоятельства выгнали насъ изъ Москвы раньше чѣмъ мы собирались. Ты однако не будешь на меня сердиться что я этакъ сюрпризомъ къ тебѣ нагрязнулъ?

— Помилуй, что ты.

— Ну да, а я, видишь ли, въ виду этой скоропостижности разчелъ что мы застанемъ тебя врасплохъ и потому не пригласилъ Горданова остановиться у насъ.

— Напрасно, я не бываю врасплохъ, и твоему гостю нашаось бы мѣсто.

— Ну все равно; онъ не захотѣлъ ни стѣснять насъ, ни самъ стѣсняться, да тѣмъ и лучше: у него дѣла съ крестьянами.... нужно будетъ принимать разныхъ людей.... Неудобно это!

— А по крестьянскимъ дѣламъ самый вліятельный человекъ телерь здѣсь, мой добрый знакомый.

— Кто?

— Подозеровъ, твой товарищъ.

— А-а! Я было совсѣмъ потерялъ его изъ виду, а онъ здѣсь; вотъ что значить долго не переписываться.

Висленевъ чуть замѣтно поморщился и отеръ лобъ платкомъ.

— Подозеровъ кстати и телерь у меня, продолжала Лариса. — Пойдемъ туда или сюда, показала она сначала на домъ, а потомъ на конецъ сада, гдѣ оставались гости.

— Да, встрепенулся братъ.—У тебя гости, мнѣ это сказала дѣвочка, и потому и не велѣлъ тебя звать, а пошелъ сюда самъ. Я уже умылся въ гостиницѣ и на первый разъ кажется на столько опрятенъ что въ качествѣ дорожнаго человека могу представиться твоимъ знакомымъ.

— О, да, конечно! тѣмъ болѣе что это и не гости, а мои друзья; тутъ Форовы. Сегодня день рожденія дяди.

— Ахъ, здѣсь бездѣльный Филетеръ Ивановичъ, весело перебилъ Висленевъ.—А еще кто?

— Жена его и Alexandrine Сундягина.

— И она здѣсь?

Висленевъ вслыхнулъ на минуту и тотчасъ же весело проговорилъ:

— Вотъ еще интереснѣйшая встрѣча!

— Ты долженъ былъ знать что ты ее здѣсь встрѣтишь.

— Представь что это-то у меня и изъ ума вонъ вышло. Да, впрочемъ, что же такое!

— Разумѣется ничего.

— Много немножко сразу: отставная дружба и измѣнившая любовь, но все равно! А еще кто такой здѣсь у тебя?

— Больше никого.

— Ну и прекрасно. Пойдемъ. Возьми вотъ только мой портфель: здѣсь деньги и бумаги, и потому я не хотѣлъ его тамъ безъ себя оставить.

Лариса приняла изъ рукъ дѣвочки портфель, и они взявшись съ братомъ подъ руку пошли къ оставшимся гостямъ.

Здѣсь между тѣмъ хранилось мертвое молчаніе.

Форовъ, жена его, Подозеровъ и Сундягина, всѣ четверо теперь сидѣли рядомъ на скамейкѣ и, за исключеніемъ майора, который снова читалъ, всѣ не сводя глазъ смотрѣли на встрѣчу брата съ сестрой. Катерина Астаѣевна держала въ своей рукѣ стынущую руку генеральши и постоянно ее пожимала, Сундягина это чувствовала и раза два отвѣчала легкимъ благодарнымъ пожатіемъ.

Братъ и сестра Висленевы подходили.

Катерина Астаѣевна въ это время взяла изъ рукъ мужа книгу, кинула ее въ траву, а сама тихо шелнула на ухо Сундягиной: „Сама....“

— Ничего, проговорила также шелотомъ Сундягина, — теперь все прошло. Сдѣлавъ надъ собою видимое усиліе, она вызвала на лицо улыбку и весело воскликнула на встрѣчу Висленева: — Здравствуйте, Иосафъ Платоновичъ!

Гость неслѣшно подошелъ; съ достоинствомъ снялъ свою шляпу и поклонился всѣмъ общимъ поклономъ.

— Я васъ первая привѣтствую и первая протягиваю вамъ руку, проговорила Сундягина.

Форова почувствовала въ эту минуту что вмѣстѣ съ по-

сѣднимъ словомъ другая рука генеральши мгновенно согрѣлась.

Висленевъ очевидно не ждалъ такого привѣтствія; онъ ждалъ чего-нибудь совсѣмъ въ другомъ родѣ: онъ ждалъ со стороны отступницы смущенія, но ничего подобнаго не встрѣтилъ. Конечно, онъ и теперь замѣтилъ въ ней небольшую тревогу, которой Александра Ивановна совсѣмъ скрыть не могла, но эта тревога такъ смѣла, и Александра Ивановна, повидимому, покушается взять надъ нимъ верхъ.

Висленевъ рѣшилъ тотчасъ же отпарировать это покушеніе, но сдѣлалъ неосторожность.

Едва намѣревался онъ, подавъ Синтяниной руку, поразить ее холодностію взгляда, она посмотрѣла ему въ упоръ и весело воскликнула:

— Однако какъ же вы быстро умѣли переѣвиться. Почти узнать нельзя!

Висленеву это показалось даже смѣшно, и онъ рѣшилъ не сердиться, а отшучиваться.

— Я думаю, я измѣнился какъ и всѣ, отвѣчалъ онъ.

— Ну, нѣтъ, вы больше всѣхъ другихъ кого я давно не видела.

— Вамъ незамѣтно, а вы и сами тоже измѣнились и....

— Ну, да, быстро перебила его на полусловъ генеральша, — конечно года идутъ и для меня, но между тѣмъ меня еще до сей поры никто не звалъ старухой, вы развѣ первые будете такъ нелюбезны?

— Помилуй Богъ! отвѣчалъ разсмѣявшись Висленевъ. — Я пораженъ, оставивъ здѣсь вась скромнымъ ландышемъ и вида вась теперь на томъ же самомъ мѣстѣ....

— Не скажете ли лышною лиліей?

— Почти. Но вотъ кто совсѣмъ не измѣняется, такъ это Филетеръ Ивановичъ! обратился Висленевъ къ майору. — Здравствуйте, мой „грубый матеріалистъ!“

Они подѣлавались.

— Ничего не переѣвился! Только носъ развѣ немножко покраснѣлъ, воскликнулъ, снова обзрѣвая майора, Висленевъ.

— Носъ красенъ оттого что у меня насморкъ вѣчный, какъ вѣчный жилъ, отвѣчалъ Форовъ.

— А вамъ сегодня сколько стукнуло?

— Да пятьдесятъ два, девять мѣсяцевъ.

— Девяль мѣсяцевъ? Ахъ, да, у васъ вѣдь особый счетъ.

— Конечно какъ слѣдуетъ.

— А дѣти у васъ есть?

— Не знаю, но очень можетъ быть что и есть.

— И опять все вретъ, замѣтила жена.

Висленевъ подавъ руку Катеринѣ Астаѣевнѣ.

— Васъ, тетушка, я думаю, можно и поцѣловать?

— Если тебѣ, милый другъ, не противно, сдѣлай милость, поцѣлуемся.

Висленевъ и Катерина Астаѣевна три раза поцѣловались.

— Вы перемѣнились, но немного.

— Какъ видишь, все толстѣю.

Иосафъ Платоновичъ обернулся къ Подозерову, протянулъ и ему руку, и принявъ серіозную мину, посмотрѣлъ на него молча ласковымъ, свисходительнымъ взглядомъ.

— Вы много измѣнились, сказалъ Висленевъ удерживая его руку въ своей рукѣ.

— Да, всѣ старѣемъ, отвѣчалъ Подозеровъ.

— „Старѣемъ!“ Рано бы еще старѣть-то!

— Ну, нѣтъ, пожалуй и пора.

— Вотъ и пора! чуть стукнетъ тридцать лѣтъ какъ мы ужъ и считаемъ что мы старѣемъ. Вамъ вѣдь, я думаю, лѣтъ тридцать пять не больше?

— Мнѣ тридцать два.

— Изволите ли видѣть, вѣкъ какой! Вошь у васъ уже виски сѣдые. А у меня будетъ къ вамъ просьба.

— Очень радъ служить.

— То-есть еще и не своя, а пріятеля моего, съ которымъ я пріѣхалъ, Павла Николаевича Горданова: съ нимъ по лѣности его стряслось что-то такое волшующее. Онъ чортъ знаетъ что съ собой надѣлалъ: онъ, знаете, пока шли всѣ эти пертурбаціи, нигилистичанье и всякая штука, онъ за глаза надѣвалъ мужикамъ самыя глупыя огласія на лоземельныя разверстки, и такъ разверстался что имѣніе теперь гроша не стоитъ. Вы вѣдь, надѣюсь, не принадлежите къ числу тѣхъ для которыхъ лалоть всегда правъ предъ ботинкомъ?

— Рѣшительно не принадлежу.

— Вы за крупное землевладѣніе?

— Ни за крупное, ни за дробное, а за законное, отвѣчалъ Подозеровъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ вы наша олора! Вы позволите намъ лобывать у васъ на дняхъ?

— Сдѣлайте милость, я дома каждое утро до одиннадцати часовъ.

— Впрочемъ.... сестра! обратилась Висленевъ къ Ларисѣ, удерживая въ своей рукѣ руку Подозерова,—теперь всего вѣдь семь часовъ, не позволишь ли попросить тебя велѣть приготовить что-нибудь часамъ къ одиннадцати?

— Охотно, братъ, охотно.

Въ это время они прошли весь садъ и стояли у террасы.

— Право, продолжалъ Висленевъ, что-нибудь такое что Богъ послалъ, что напомнило бы святой обычай старины. Можно?

Лариса кивнула въ знакъ согласія головою:

— Я очень рада.

— Такъ вотъ, Андрей Ивановичъ, отнесся Висленевъ къ Подозерову,—теперь часочекъ я приберусь, сдѣлаю кое-какъ мой туалетъ, оправлюсь и привезу съ собой моего пріятеля,—онъ тутъ сирота, а къ десяти часамъ позвольте васъ просить придти побесѣдовать, вспомнить старины и выпить рюмку вина за упокой прошлаго и за многія лѣта грядущаго.

— Отъ такихъ приглашеній, Иосафъ Платоновичъ, не откажутся, отвѣчалъ Подозеровъ.

— Вашу руку! и Висленевъ взявъ руку Подозерова крѣпко сжалъ ее въ своей рукѣ и сказалъ: „До свиданія.“

Всѣмъ остальнымъ гостямъ онъ поклонился общимъ поклономъ, и тоже отъ всѣхъ взявъ слово вечеромъ придти къ Ларисѣ на ужинъ.

Гости ушли.

Висленевъ, взойдя съ сестрою и теткою въ домъ, направился прямо въ свой кабинетъ, гдѣ еще разъ умылся и переоделся, прихлебывая наскоро поданный ему сюда чай,—и послалъ за извожикомъ.

— Братъ! сказала ему Лариса, когда онъ вышелъ въ залъ и оправлялся предъ большимъ зеркаломъ: не дать ли знать Бодростиной, что ты пріѣхалъ?

— Кому это? Глафирѣ Васильевнѣ!

— Да.

— Чтѣ ты это! Ачѣмъ?

— Да можетъ-быть и она захотѣла бы пріѣхать?

— Богъ съ ней совсѣмъ!

— За что же это?

— Да такъ; на что она здѣсь?

— Она очень умная и пріятная женщина.

— Ну, мнѣ она вовсе не пріятная, пробурчалъ Висленевъ, обтягивая воротникъ рубашки.

— А непріятна, такъ и не надо, но только какъ бы она сама не захлала.

— Будешь предосадио.

— И еще вотъ что, Жозефъ: ты позвалъ вечеромъ Синявину?

— Кажется.... да.

— Нѣтъ, навѣрное да. Такъ зайди же къ нимъ, позови генерала Ивана Демьяныча.

Висленевъ оборотился къ сестрѣ и сморщился.

— Что такое? проговорила Лариса.

— Такъ, знаешь, тамъ доносомъ лахветь, отвѣчалъ Висленевъ.

Лариса вспыхнула и нетерпѣливо сказала:

— Полно пожалуста: мы объ этомъ никогда не говоримъ и не знаемъ; а Александрина.... такая прекрасная женщина....

— Но дѣло-то въ томъ что если вы чего не знаете, то я это знаю! заговорилъ смѣясь Висленевъ.—Знаю, дружокъ, Ларушка, все знаю, знаю даже и то *какая* прекрасная женщина эта Александра Ивановна.

Лариса промолчала.

— Да, сестра, заговорилъ онъ, наклонивъ къ Ларисѣ голову и приподнявъ на вискѣ волосы:—здѣсь тоже въ мои тридцать лѣтъ есть серебряныя нити, да ихъ выпряла эта прекрасная бѣлая ручка этой прекрасной Александры Ивановны.... Такъ ужь предоставь мнѣ лучше васъ знать эту Александру Ивановну, заключилъ онъ ударяя себя пальцемъ въ грудь, и загибъ еще разъ сжалъ сестрину руку и ухлалъ.

Лариса глядѣла ему вслѣдъ.

— Все тотъ же самый! подумала она:—даже десять разъ повторяетъ что ему тридцать лѣтъ, когда ему ужь тридцать лѣтъ! Бѣдный, бѣдный человекъ!

Она вздохнула и пошла распорядиться своимъ хозяйствомъ и туалетомъ къ встрѣчѣ пріѣзжаго гостя. ●

. На всѣ ноги коваць.

Павель Николаевичъ Гордановъ, котораго Висленевъ называлъ „сиротою“, не терпѣлъ никакихъ недостатковъ въ своемъ временномъ помѣщеніи. Древняя худая слава губернскихъ приставищъ для проезжающихъ теперь уже почти повсемѣстно напраслина. Въ большинствѣ сколько-нибудь замѣтныхъ русскихъ городовъ почти всегда можно найти не только чистый номеръ, но даже можно получить цѣлый „ложементъ“, въ которомъ вполне удобно задать обѣдъ на десять человѣкъ и вечерокъ на нѣсколько карточныхъ столовъ.

Такой ложементъ изъ трехъ комнатъ съ передней и ванной, и съ особымъ ходомъ изъ особыхъ свѣней занялъ и Павель Николаевичъ Гордановъ. Съ него спросили за это десять рублей въ сутки, — онъ не поторговался и взялъ помѣщеніе. Эта щедрость сразу дала Горданову вѣсь и приобрѣла ему почтеніе хозяина и слугъ.

Павель Николаевичъ на первыхъ же порахъ объявилъ что онъ будетъ жить здѣсь не менѣе двухъ мѣсяцевъ, договорилъ себя у содержателя гостиницы особаго слугу, самаго представительнаго и расторопнаго изъ всего гостинничнаго штата, и лучший экипажъ съ кучеромъ и парой лошадей, — однимъ словомъ, сразу сталъ не на обыкновенную ногу дюжннаго проезжающаго, а былъ рѣдкимъ и дорогимъ гостемъ. Его огромные юфтовые чемоданы, строченные цвѣтными шелкомъ и изукрашенные нѣйзильберными винтами и бляхами съ именемъ Горданова; его гардеробъ, обширный какъ у актрисы; батистовое бѣлье; громадные портфели и несесеры, надъ разборомъ которыхъ отряженный ему слуга хлопоталъ цѣлый часъ, проведенный Висленевымъ у сестры, все это увеличивало обаяніе произведенное прїѣздомъ.

Черезъ часъ послѣ своего прїѣзда, Павель Николаевичъ, освежившись въ прохладной ваннѣ, сидѣлъ въ одномъ бѣльѣ предъ дорожнымъ зеркаломъ въ серебряной рамѣ, и чистилъ костянымъ колыецомъ ногти.

Гордановъ вообще человѣкъ не особенно представительный: онъ не высокъ ростомъ, плечистъ, но не тоастъ, ему тридцать лѣтъ отъ роду и столько же и по виду; у него правильный, тонкій носъ; высокій, замѣчательно хорошо разви-

тый смѣлый лобъ; черные глаза, большіе, бархатные, совсѣмъ безъ блеска, очень смышленные и смѣлые. Уста у него свѣтло очерченныя тонко и обрамленныя небольшими усами, сходящимися у угловъ губъ съ небольшою черною бородкой. И эти ослѣпительно бѣлыхъ рукъ его малы и находятся въ такой дисгармоніи съ крупными и сильно развитыми мускулами верхней части. Говорить онъ голосомъ ровнымъ и спокойнымъ, хотя лѣвая щека его слегка подергивается не только при противорѣчіяхъ, но даже при малѣйшемъ обнаруженіи непонятливости со стороны того къ кому относится его рѣчь.

— Человѣкъ! какъ васъ зовутъ? спросилъ онъ своего новаго слугу, послѣ того какъ выкупавшись и умывшись сѣлъ предъ зеркаломъ.

— Есмь Федоровъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ ему лакей униженно сгибаясь предъ нимъ.

— Волервыхъ, я васъ совсѣмъ не спрашиваю Федоровъ или Степановъ, а вотъ въ которыхъ, вы не смѣйте меня называть „вашимъ сіятельствомъ.“ Слышите?

— Слушаю-сь.

— Меня зовутъ Павелъ Николаевичъ.

— Слушаю-сь, Павелъ Николаичъ.

— Вы всѣхъ знаете здѣсь въ городѣ?

— Какъ вамъ смѣю доложить... городъ большой.

— Вы знаете Бодростиныхъ?

— Помилуйте-сь, отвѣчалъ сконфузясь лакей.

— Что это значитъ?

— Какъ же не знать-сь: предводитель!

— Узнайте мнѣ: Михаилъ Андреевичъ Бодростинъ здѣсь въ городѣ или нѣтъ?

— Навѣрное вамъ смѣю доложить что ихъ здѣсь нѣтъ, — они вчера уѣхали въ деревню-сь.

— Въ Рыбацкое?

— Такъ точно-сь.

— Вы это навѣрно знаете?

— У насъ здѣсь на дворѣ почтовая станція: вчера они изволили уѣхать на почтовыхъ.

— Все равно: узнайте мнѣ одинъ онъ уѣхалъ или съ женой?

— Супруга ихъ, Глафира Васильевна, здѣсь-сь. Онъ, не больше часу тому назадъ, изволили проѣхать здѣсь въ коляскѣ.

Гордановъ лѣживо всталъ, подошелъ къ столу, на которомъ былъ разставленъ щегольской лисьменный приборъ, взялъ

позокъ бумаги и написалъ: „Я здѣсь къ твоимъ услугамъ: со-
гда и гдѣ могу тебя видѣть“.

Запечатавъ это письмо, онъ положилъ его подъ обложку кра-
шенную перелетеной маленькой книжечки, завернулъ ее въ бу-
магу, снова запечаталъ и велѣлъ лакею отнести Бодрости-
ну. Затѣмъ, когда слуга исчезъ, Гордановъ сѣлъ предъ
зеркаломъ, развернулъ свой бумажникъ, пересчиталъ деньги,
торжествуя съ неудовольствиемъ лобъ, долго сидѣлъ, вода въ
мыльницѣ давящею ручкой черепаховой гребенки по чистому,
бархатному прибору своихъ волосъ.

Въ это время въ дверь слегка постучали.

Гордановъ отбросилъ въ сторону бумажникъ, и не пово-
щиваясь на стулъ, крикнулъ:

— Войдите!

Ему видно было въ зеркало что вошелъ Висленевъ.

— Фу, фу, фу, заговорилъ Юсафъ Платоновичъ, бросая на
стулъ пальто, на другой шляпу, на третій палку. — Ты
же совсѣмъ устроился?

— Какъ видишь, сижу на мѣстѣ.

— Въ полномъ нарядѣ и добромъ здоровьи!

— Даже и въ полномъ нарядѣ, если бѣлье по твоему состав-
ить для меня полный нарядъ, отвѣчалъ Гордановъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, я думалъ что ты не разобрался.

— Разказывай лучше что ты засталъ тамъ у себя и что
воя сестра?

— Сестра еще похорошѣла.

— То была хороша, а теперь еще похорошѣла?

— Красавица, братъ, просто волшебная красавица!

— Наше мѣсто свято! Ты меня до крайности интересуешь
хвалами ея красотѣ.

— И не позабудь что вѣдь нимало не преувеличиваю.

— Ну а твоя, или сі - devant твоя генеральша.... коварная
твоя измѣнница?

— Ну та ужъ видъ вальяжный имѣеть, но тоже чортъ ее
юзьми, хороша о сю пору.

— За что же ты ее чорту-то предлагаешь? Разкажи же какъ
ты увидѣлся, оба были смущены и долго молчали, а по-
томъ....

— И тѣни ничега подобнаго не было.

— Ну ты непременно, чай, предъ ней балетъ протанцовалъ,

дескать: „ничтожество вамъ имя“, а она тебѣ за это стрѣла по носу?

— Представь что вѣдь въ самомъ дѣлѣ это было почти такъ. Вообрази что ни въ одномъ глазу: шутить и смѣется.

— Въ любви клянется и измѣняетъ тутъ же шутя?

— Ну этого я не сказалъ.

— Да этого и я не сказалъ, а это изъ *Марты* что ли, я помню. А ты за которой же намѣренъ прежде приударить?

Висленевъ взглянулъ на пріятеля недоумѣвающимъ взглядомъ и переспросилъ: „То-есть какъ за которою?“

— То-есть за которою изъ двухъ?

— Позволь однако, любезный другъ, тебѣ замѣтить что вѣдь одна изъ этихъ двухъ, о которыхъ ты говоришь, мнѣ родная сестра!

— Тьфу, прости пожалуйста, отвѣчалъ Павелъ Николаевичъ:— ты меня съ ума сводишь всѣми твоими разказами о красотѣ, и я растерявшись горожу вздоръ. Извини пожалуйста: а ужъ эту послѣднюю гаулость я ставлю на твой счетъ.

— Можешь ставить ихъ на мой счетъ сколько угодно, а что касается до ухаживанья, то вѣтъ, братъ, я ни за кѣмъ: я, братецъ, токъ держалъ, да, серьезный токъ. Тамъ цѣлое общество я засталъ: тетка, ея мужъ, чудакъ, антикъ, вигилистъ чистой расы...

— Скажи пожалуйста! а здѣсь и они еще водятся?

Висленевъ посмотрѣлъ на него пристально и спросилъ:

— А отчего же имъ не быть здѣсь? Желѣзные дороги... Да ты лпстой... вѣдь ты его долженъ знать.

— Откуда и почему я это долженъ?

— А помнишь онъ съ Бодростинымъ-то пріѣзжалъ въ Петербургъ, когда Бодростинъ женился на Глафирѣ? Такой... бурбонъ немножко!

— Носъ съ красниной?

— Да, на нутро немножко принимаетъ.

— Ну помню: какъ бишь его фамилія?

— Форовъ.

— Да, Форовъ, Форовъ,—меня всегда удивляла этимология этой фамиліи. Ну а еще кто же тамъ у твоей сестры?

— Одинъ очень полезный намъ человѣкъ.

— *Намъ?* удивился Гордановъ.

— Да; то-есть тебѣ, самый вліятельный членъ по крестьянскимъ дѣламъ, вѣкто Подозеровъ. Этого, я думаю, ты ужъ совсѣмъ живо помнишь?

— Подозеровъ?... а его помню? Откуда и какъ: разкажи, сдѣлай милость.

— Господи! Чтò ты за притворщикъ!

— Вопервыхъ, ты знаешь, я все и всѣхъ позабываю. Разказывай: чтò, какъ, гдѣ и почему я зналъ его?

— Изволь: я только не хотѣлъ напоминать тебѣ неприятной исторіи: этотъ Подозеровъ, когда всѣ мы были на четвертомъ курсѣ, былъ распорядителемъ въ воскресной школѣ.

Гордановъ спокойно произнесъ вопросительнымъ тономъ:

— Да?

— Ну да, и.... ты конечно помнишь все остальное?

— Ничего я не помню.

— Исторія въ Ефремовскомъ трактирѣ?

— И никакой такой исторіи не помню, холодно отвѣчалъ Гордановъ, прибирая волосокъ къ волоску въ своей бородѣ.

— Такъ я тебѣ ее напомню.

— Сдѣлай милость.

— Мы зашли туда всѣ въ четверомъ: ты, я, Подозеровъ и Форовъ, прямо съ бодростинской свадьбы, и ты хотѣлъ чтобы былъ выпить тостъ за какое-то родимое платно на плечѣ или подъ плечомъ Глафиры Васильевны.

— Ты, другъ любезный, просто лжешь на меня; я не дуракъ, и не могу объявлять такихъ тостовъ.

— Да; ты не объявлялъ, но ты шелнулъ мнѣ на ухо, а я сказалъ.

— Ахъ ты сказалъ.... это иное дѣло! Ты вѣдь тоже тогда на нутро бралъ, тебѣ вѣрно и слышалось что я шелгалъ. Ну а чтò же дальше? Онъ, кажется, тебя любилъ что ли?

— Ну вотъ ужъ и любилъ! ничего подобнаго не было, но онъ заставилъ меня сознаться что я не имѣю права поднимать такого тоста.

— Однако онъ значить мущина молодецъ! Ну, ты конечно и сознался?

— Да; по твоему же насгованію и сознался: ты же уговорилъ меня что надо беречь себя для дѣла, а не ссориться изъ-за женщинъ.

— Скажи пожалуйста: какъ это я ничего этого не помню?

— Ну полно врагъ: помнишь! Прекрасно ты все помнишь! Еще по твоему же совету... ты же сказалъ что ты понимаешь одну только такую дуэль на которой противникъ будетъ навѣрняка убитъ. Чтò, не твои это слова?

— Ну, безъ допроса,—чтò же дальше?

— Пустили слухъ что онъ доводиць.

— Ничего подобнаго не помню.

— Ты, Павелъ Николаичъ, лжешь! это всё въ мирѣ знаютъ.

— Ну да, да, Иосафъ Платонычъ, непремѣнно „всѣ въ мирѣ“, вы меньшею мѣрой не мѣряете! Ну и валяй теперь, съешь весь свой дикціонеръ: „всякую штуку“, „батеньку“ и „голубушку“... Эхъ, любезный другъ! сколько мнѣ разъ тебѣ повторять: отучайся ты отъ этого поганнаго нигилистическаго жаргона. Теперь настало время что съ порядочными людьми надо знаться.

— Ну, такъ просто: *всѣ знаютъ*.

— Ошибаешься, и далеко не всѣ: вотъ здѣшній лакей, звящій здѣсь всякую тварь, ничего мнѣ не доложилъ объ этомъ Подозеровѣ, но вотъ въ чемъ дѣло: ты тамъ не того?..

— Что такое?

— Балетъ-то танцевалъ, а, надѣюсь, не раскрывался бутонъ?

— То-есть въ чемъ же, на какой предметъ, и о чемъ я могу откровенничать? Ты вѣдь, чортъ знаетъ, зачѣмъ меня сваталъ и привезъ сюда: я и самъ путемъ ничего иного не знаю. Кромѣ того что у тебя дѣло съ крестьянами.

— И ты этого, надѣюсь, не сказалъ?

— Нѣтъ, это-то, положимъ, я сказалъ, но сказалъ умно: я закинулъ только слово.

Гордановъ бросилъ на него бархатный взглядъ, обдававшій трауромъ, и внятно, отбивая каждое слово отъ слова, протянулъ: Ты это сказалъ? Ты, милый, умешь какъ дьяконъ Семенъ, который книги продалъ, да карты купилъ. И ты претендуешь что я съ тобой не откровененъ. Ты досадуешь на свою второстепенную роль. Играй, дружокъ, первую, если умѣешь.

— Паша, я вѣдь не знаю въ чемъ дѣло?

— Дѣло въ исгивѣ изреченной въ твоей дѣтской прописи: „истинный способъ быть богатымъ состоитъ въ умѣреніи нашихъ желаній.“ Не желай ничего знать болѣе того что тебѣ надо дѣлать въ данную минуту.

— Позволь, голубушка, отвѣчалъ Висленевъ перекатывая въ рукахъ жемчужинку булавки Горданова. Я тебя очень долго слушалъ.

— И всегда на этомъ выигрывалъ.

— Кромѣ одного раза.

— Какого?

— Моей жевитьбы.

— Чтò же такое? и тутъ, кажется, обмана не было: ты бралъ жену во имя принципа. Сласть женщину отъ родительской масти.

— То-то, что все это вышло вздоръ: не отъ чего ее было спасать.

— Ну вѣдь я же не могъ этого знать! Да и чтò ты отъ этого потерялъ, что походилъ вокругъ аналоя? Гилы!

— Да, очень тебѣ благодаренъ! Я и самъ когда-то такъ рассуждалъ, а теперъ не рассуждаю, и знаю что это содержанія требуетъ.

— Ну вотъ видишь, за то у тебя есть одинъ лишній опытъ.

— Да, шути-ка ты „опытъ.“ Запрегся бы ты самъ въ такой опытъ!

— Ты очень добръ ко мнѣ. Я, братъ, всегда сознавался что я предъ тобою нуль въ такихъ дѣлахъ гдѣ нужно полное презрѣнiе къ преданiю: но вѣдь за то ты и былъ вождь, и пользовался и уваженiемъ и славой, тобой заслуженными, и я тебѣ не завидовалъ.

— Ахъ, оставь пожалуста, Павелъ Николаичъ, мнѣ вовсе не весело.

Гордановъ оборотился къ Висленеву лицомъ, окинулъ его недовольнымъ взглядомъ и спросилъ: — это еще чтò такое значить? Чѣмъ ты недовольна злополучная твѣнь и чего еще жаждешь?

— Да чтò жь ты шутишь?

— Скажите пожалуста! А чего бы мнѣ плакать?

— Не плачь, но и не злорадствуй. Чтò тамъ за опытъ я получилъ въ моей жевитьбѣ? Не новость, положимъ, что моя жена меня не любитъ, а любитъ другаго, но... то, чтò...

— Ну, а чтò же новость?

— Чтò? крикнулъ Висленевъ.—А то что она любитъ чортъ знаетъ кого, да и его не любить.

— А тебѣ какое дѣло?

— Она любитъ ростовщика, процентщика.

— А тебѣ, повторяю, какое до этого дѣло?

— Какое дѣло? такое что это подлость... твѣмъ болѣе, что она и его не любитъ!

— Такъ чтò же ты за него что ли обижаешься?

— За кого?

— За Тихона Ларионовича?

— О чортъ бы его побралъ! еще имя этого проклятаго здѣсь нужно.

— Шугъ ты, сказалъ мягко Гордановъ, и вставъ началъ одѣваться.—Шугъ и болѣе ничего! Какое тебѣ до всего этого дѣло?

— Ахъ, вотъ, покорно васъ благодарю: новый министр юстиціи явился и разсудилъ! Чтѣ мнѣ за дѣло? А имя мое, и вѣдь всѣ знаютъ, а дѣти, чортъ ихъ возьми, а дѣти... Они „Висленевы,“ а не Жиды Кишенскіе.

— Скажите, какая важная фамилія: „Висленевъ!“ Фу, чортъ возьми! Да имъ же лучше что они не будутъ такіе сумашедшіе какъ ты! Ты бы еще радовался что она не на твоей шеѣ, а еще тебѣ же помогала.

Висленевъ не отвѣчалъ и досадливо кусалъ ногти. Гордановъ продолжалъ одѣваться: въ комнатѣ минутъ пять продолжалось молчаніе.

— Ты ему сколько долженъ, Кишенскому-то?

Висленевъ промолчалъ.

— Да чтѣ же ты это на меня, значить, сердисься за то что женился не хорошо, или за то что много долженъ?

Висленевъ опять промолчалъ.

— Вотъ пресгранная, ей Богу, порода людей! заговорилъ по-вязывая предъ зеркаломъ галстукъ Гордановъ; чтѣ только по ихнему желанію ни случится, всѣмъ они сами же первые сейчасъ недовольны. Захотѣлъ Иосафъ Платоновичъ быть вождемъ политической партіи,—былъ, и не доволенъ: подчиненные не слушаются; захотѣлъ показать что для него бракъ гиль,—и женился для другихъ, то-есть для жены, и объ этомъ теперь скорбитъ; брезговалъ собственностью, коммуны заводилъ, а теперь душа не своситъ что карманъ тощъ; взаимнъ ему человекъ тысячонокъ десятокъ далъ, теперь, зачѣмъ онъ далъ? поблагородничалъ, сестрѣ свою часть подарилъ, и объ этомъ нынче во всю грудь провздыхалъ: зачѣмъ не на общее дѣло отдалъ? зачѣмъ не бѣднымъ роздалъ? зачѣмъ не себѣ взялъ?

— Ну, извини пожалуйста: послѣдняго я никогда не говорилъ.

— Ну полно, братъ Жозефъ, я вѣдь давно читаю тебя насквозь. А ты скажи что это у васъ родовое что ли? И сестра твоя такая?

— Оставь мою сестру; а читать меня не мудро, потому что въ такихъ каторжныхъ сплетеніяхъ въ какихъ я, конечно, покажешь о всякомъ грошѣ, который когда-нибудь употреблялъ легкомысленно.

— Ну вотъ то-то и есть!

— Да, но все-таки, я конечно ужь, если за что на себя не свѣтую, такъ эта за то что исполнилъ кое-какъ свой долгъ по отношенію къ сестрѣ. Да и нечего о томъ разговаривать что уже сдѣлано и не можетъ быть передѣлано.

— Отчего же не можетъ быть передѣлано? даръ дарителю возвращается.

— Какой вздоръ!

— Не смѣй, Иосафушка, закона называть вздоромъ.

— И неужто ты думаешь что я когда-нибудь прибѣгнулъ бы къ такому средству?

— Ни за что не думаю.

— Очень тебѣ благодаренъ хоть за это. Я ни мало не сожалею о томъ что я отдалъ сестрѣ, но только я охотно сбѣжалъ бы со свѣта отъ всѣхъ моихъ дѣлъ.

— Да куда, странничекъ, бѣжать-то? Это очень замысловатая штука! въ полѣ холодно, въ лѣсу голодно. Нѣтъ, милое дитя мое Иосафъ Платонычъ, не надо отъ людей отбиваться, а надо къ людямъ прибиваться. Денежка, мой другъ, трудъ любить, а мы съ тобой себѣ-то хотя давай не будемъ лгать: мы, когда надо было учиться, свистѣли; когда пора была грошъ на маленькомъ мѣстѣ имѣть, сами разными силами начальствовали; а вотъ лѣто-то все пролѣвши къ осени-то и жутко ставовится.

— Ахъ жутко, Поль, жутко!

— То-то и есть, но нечего же и головы вѣшать. Съ азбуки намъ уже начинать поздно, служба только на кусокъ хлѣба даетъ, а люди на нашихъ глазахъ миллионы составляютъ; и дураковъ, надо уловать, еще и на нашъ вѣкъ хватить. Бабы-то наши вонъ раньше насъ за умъ взялись, и посмотри-ко ты напримѣръ теперь на Бодростину... Та ли это Бодростина что была Глаша Акатова, которая въ дни нашей глупости съ нами ради принципа питалась слятымъ молокомъ? Нѣтъ! это не та!

— И какъ ова въ свою роль вошла! говорятъ, совсѣмъ природная дѣшесса, гердогиня.

— Да и удивляться нечего; а почему? А потому что есть

царь въ головѣ. Чего ей не быть дюшессой? Она вотъ сумѣла бы быть. Вотъ это-то и надо имѣть въ умѣ такимъ людямъ какъ мы съ тобой, которые ворчали что дѣлать состояніе будто бы „противно природѣ.“ Кто идетъ въ лѣсъ по малую спуста время, тому одно средство: встрѣтилъ кого съ кузовомъ и отсыль себя въ кузовокъ.

— А что еслибы твои эти слова слышалъ бы кто-нибудь посторонній? спросилъ щуря глаза и раскачивая ногою Висленевъ.

— Что жъ: сказалъ бы что я подлець?

— Навѣрно.

— И навѣрно совралъ бы; потому что самъ точно также подлець думаетъ. Ты хочешь быть добръ и честень?

— Конечно.

— Такъ будь же прежде богатъ, чтобы было изъ чего добрить и щедрить, а для этого... пересылай, любезный, въ свой кузовъ изъ кузова тѣхъ отъ кого какъ отъ козла ни шерсти, ни молока. А что скажутъ?... Мы съ тобой, почтенный коллега, сбившись съ толку въ столицахъ, пріѣхали сюда дѣла свои пристраивать, а не нервничать, и ты пожалуста здѣсь все свои замашки брось и не хандри, и тоже не поучай, а понимаешь... соглашайся. Время когда изъ Петербурга можно было наѣзжать въ провинціи съ тѣмъ чтобы здѣсь пропалагандировать да развивать свои теоріи прошло безвозвратно. Вы господа „передовые“ трунили что въ Россіи желѣзныхъ дорогъ мало, а желѣзныя дороги вамъ первая помѣха; онѣ надѣлали что Питеръ совсѣмъ перестаетъ быть оракуломъ, и теперь, пріѣхавъ сюда изъ Петербурга, надо устремлять силы не на то чтобы кого-нибудь развивать, а на то чтобы кого-нибудь обирать. Это одно еще пока ново и не заѣзжено.

Висленевъ молчалъ.

— Но только вотъ что худо, продолжалъ Гордановъ, — когда вы тамъ въ Петербургѣ считали себя разныхъ дѣлъ мастерами, и посылали сюда разныхъ своихъ подмастерьевъ, вы сами позабыли провинцію, а она вѣдь иной разъ похититъ Петербурга, и ты этого пожалуста не забывай. Въ Петербургѣ можно дѣлать вѣкъ, ничего умаго не сдѣлавши, смѣть за умника, а здѣсь... здѣсь тебя всего разберутъ, кожу на тебѣ на живомъ выворотятъ и не поймутъ....

— Да я это сто разъ проводилъ въ моихъ статьяхъ, [но ты

съ твоимъ высокимъ о себѣ мнѣніемъ, разумѣется, ничего этого не читалъ.

— Напротивъ, я „читалъ, и духомъ возмущился зачѣмъ читать учился“. Ты все развиваешь тамъ что въ провинціи тебя не поймутъ. Да, любезный другъ, пожалуй что и не поймутъ; но не забудь что за то непременно разъяснять. Провинція— это волшебница Всебѣда: она до всего доберется. А вы вотъ этого-то именно и не чаете, и оттого въ Петербургѣ свищите, а здѣсь какъ разъ и заревѣте. Совѣтую тебѣ прежде всего не объявляться ни подъ какою кличкой, тѣмъ болѣе что, во-первыхъ, всякая кличка гиль, звукъ пустой, а потомъ, по правдѣ тебѣ сказать, ты вовсе и не *не гилистикъ*, а весьма порядочный гилистикъ. Гиль заставила тебя фордыбачить и отказываться отъ пособія которое тебѣ Тихомъ Ларионыхъ предлагалъ для осудной кассы; гиль заставила тебя метаться и искать судебныхъ мѣстъ, къ которымъ ты неспособенъ; гиль загнала тебя въ литературу, которая вся яйца выѣденнаго не стоитъ, елибы не имѣла одной цѣли—убить литературу; гиль руководить тобой когда ты всѣмъ и каждому отрицаешься отъ нигилизма; однимъ словомъ, что ты ни ступишь, то это все гиль. Держись пожалуста умнѣй, мой благородный вождь, иначе ты будешь свѣшенъ и смѣрянъ здѣсь въ одну недѣлю, и тебя даже поддецомъ не назовутъ, а просто наряжать въ шуты и будутъ вышучивать; а тогда ужъ и я не стану тебя утѣшать, а скажу тебѣ: выпроси, другъ Гасафъ Платоныхъ, у кого-нибудь сахарную веревочку и подвѣсься минутъ на десять.

— Ты однако очень своеобразно утѣшаешь.

— Да, именно очень своеобразно; я не развожу вамъ разводовъ о „силѣ и матеріи“, а ищу дѣйствующей силы, которая бы нашу голову на плечи поставила.

Висленевъ въ отчаяніи вслѣснулъ руками.

— Да гдѣ же эта сила, Поль? воскликнулъ онъ почти со слезами на глазахъ.

— Вотъ здѣсь, въ моемъ лбу и въ твоемъ послушаніи и скромности. Я тебѣ это сказалъ въ Москвѣ, когда уговорилъ сюда ѣхать, и олять тебѣ здѣсь повторяю то же самое. Вѣрь мнѣ; вѣра не гиль, она горы двигаетъ; вѣрь въ меня какъ я въ тебя вѣрю, и ты будешь обладать и достаткомъ, и счастьемъ.

— Полю, пожалуста, гдѣ ты тамъ въ меня вѣришь?

— А ужъ я другому навѣрно бы не отдалъ портфеля съ полсотней тысячъ денежныхъ бумагъ.

— А я кстати не знаю зачѣмъ ты ихъ мнѣ отдалъ? Возьми ихъ Бога ради!

— Нельзя, мой милый; я живу въ гостиницѣ.

— Да все-равно, конечно: ключъ вѣдь у тебя?

Въ это время въ комнату явился сауга, посланный Гордановымъ съ книгою къ Бодросткинымъ, и вручилъ ему маленькую записочку, на которую тотъ только взглянулъ и тотчасъ же разорвалъ ее въ мельчайшіе лепесточки. Долго, впрочемъ, въ ней нечего было и читать, потому что на маленькомъ листкѣ была всего одна коротенькая строчка, написанная мелкимъ женскимъ почеркомъ. Строчка эта гласила: „12 chez vous“.

Горданова на минуту только смутила цифра 12. Къ какой порѣ сутокъ она относилась? Впрочемъ, онъ сейчасъ же рѣшилъ что она не можетъ относиться къ полудню; нехотати также чтобъ это касалось какой-нибудь и другой полувочи, а не той которая наступитъ вслѣдъ за нынѣшнимъ вечеромъ.

— Она всегда толкова, и дѣло здѣсь очевидно идетъ о сегодня, сказалъ онъ себѣ и, положивъ такое рѣшеніе, вздохнулъ изъ глубины души, и обратясь къ сидѣвшему въ молчаніи Висленеву, добавилъ:—Такъ-то, такъ-то, братъ, Савушка; все у насъ съ тобой впереди и деньги прежде всего.

— Ахъ, деньги важная вещь!

— Еще бы! Деньги, дитя мое, большой эффектъ въ жизни. И вотъ разъ что онѣ у насъ съ тобой явятся въ изобиліи, поцѣлятся даже и всѣ твои язвы сердечныя. Прежде же всего надобно заботиться о томъ чтобы поправить грѣхъ юности моей съ мужиченками. Для этого я попрошу тебя сѣздить въ деревню съ моею довѣренностью.

— Хорошо; я поѣду.

— Я дамъ, тебѣ планъ и инструкціи какъ дѣйствовать, а самому мнѣ нужно будетъ тѣмъ временемъ остаться здѣсь. А еще прежде того, есть у тебя деньги или нѣтъ?

— Откуда же онѣ, голубчикъ Павелъ? Изъ ста рублей...

— Да полво вычисляютъ!

Гордановъ развернулъ свой портфель, вынулъ изъ него двѣсти рублей и подалъ Висленеву.

— Мнѣ, право, совѣстно, Поль.... заговорилъ Висленевъ, протягивая руку къ деньгамъ.

— Какой же ты послѣ этого не гилишь, если тебѣ совѣстно деньги брать? Бери, пожадуста, не совѣстись. Не далеко время когда у тебя будутъ средства, которыми ты разочтешься со мною за все сразу.

— Ахъ, только будутъ ли они? будутъ ли когда-нибудь? потерялъ Висленевъ, олуская доныги въ карманъ.

— Будутъ; все будетъ: будутъ деньги, будетъ положеніе въ свѣтъ; другой жены новой только ужъ не могу тебѣ обѣщать; но кто же въ нашъ вѣкъ изъ порядочныхъ людей живетъ съ женами? А за то, добавилъ онъ, схватывая Висленева за руку,—за то любовь, любовь... Въ провинціяхъ изъ доскутковъ шьютъ очень теллыя одѣла... а ты, каналья, вѣдь охотникъ кутаться!

— Пусти пожадуста съ твоею любовью! проговорилъ невольно ослабляясь Висленевъ.

— Нѣтъ, а ты не шути! настойчиво сказалъ Гордановъ и, наклонясь къ уху собесѣдника, прошепталъ:—я знаю кто о тебѣ думаетъ, и не самовольно обѣщаю тебѣ любовь такой женщины предъ которою 'у всякаго зарябитъ въ глазахъ. Это вотъ какая женщина, предъ которою и сестра твоя, и твоя генеральша—померкнутъ какъ свѣтлаки при свѣтѣ солнца, и которая... сумѣетъ полюбить такъ... какъ сорокъ тысячъ женъ любить не могутъ! заключилъ онъ, быстро кинувъ руку Висленева.

— Ты это отъ себя фантазируешь?

— Да развѣ такія вещи можно говорить, не имѣя на то полномочія?

— Такъ что жъ она меня знаетъ что ли?

— Конечно, знаетъ.

Висленевъ подернулъ въ недоумѣніи плечами, а Гордановъ взглянулъ ему въ глаза и, улыбаясь, проговорилъ:

— А! глаза забѣгали!

Висленевъ разсмѣялся.

— Да что же, отвѣчалъ онъ,—нельзя же все въ самомъ дѣлѣ серьезно слушать какъ ты интригуешь точно въ маскарадѣ.

— Нечего тебѣ толковать маскарадъ это или не маскарадъ: довольно съ тебя что я сдержу всѣ мои слова, а ты будешь и богатъ, и счастливъ, а теперь я вотъ ужъ и одѣтъ, и если ты хочешь меня куда-нибудь везти, то можешь мною располагать.

— Да я пригласилъ къ себѣ пріятелей сестры поужинать и самъ пріѣхалъ за тобой:

— Прекрасно сдѣлалъ что пригласилъ ихъ, и я очень радъ познакомиться съ пріятелями твоей сестры, но только два условія: сейчасъ мнѣ дома нужно написать маленькую цидулочку, и потомъ не сердись что я долѣе половины двѣнадцати-того ни за чтѣ, у васъ не останусь.

— А мнѣ бы, знаешь.... кажется надо бы забѣжать....

— Куда?

— Да къ этому генералу Сивтянину, заговорилъ, морщась, Висленевъ.—Сестра увѣряетъ что, по ихъ обычаямъ, будто безъ того и генеральшѣ неловко будетъ придти.

— Ну разумѣется! А ты не хочешь что ли идти къ нему?

— Конечно, не хотѣлось бы.

— Почему?

Висленевъ сдѣлалъ заученую гримасу и проговорилъ:

— Все, знаешь, лучше какъ подальше отъ синаго мундира.

— Ахъ ты, кумъ! Гордановъ пожалъ плечами и комически проговорилъ:—Вотъ чтѣ общество такъ губить: предрасудкамъ нѣтъ конца! Нѣтъ, лучше поближе, а не подальше! Иди сейчасъ къ генералу, сію же минуточку иди, и до моего пріѣзда умѣй снискать его любовь и расположеніе. Льсти, лги, кури ему,—словомъ, дѣлай чтѣ знаешь, это все нужно, добавилъ онъ, лихнувъ тихонько Висленева рукой къ двери.

— Ну такъ постой же, знаешь еще чтѣ? Сестра хотѣла позвать Бодростину.

— Ну, это вздоръ!

— Я ей такъ и сказалъ.

— Да Глафира и сама не поѣдетъ. Ахъ, женщина какая, Иосафъ?

— Кусай, любезный, локти! проговорилъ, уходя, Иосафъ Платоновичъ.

Висленевъ ушелъ, а Гордановъ заперъ за нимъ двери на ключъ, досталъ изъ дорожной шкатулки два револьвера, осмотрѣлъ ихъ заряды, обтеръ замшей курки и положилъ одинъ пистолеть на коммодъ возлѣ изголовья кровати, другой въ ящикъ письменнаго стола. Затѣмъ онъ взялъ листокъ бумаги и написалъ большое письмо въ Петербургъ, а потомъ на другомъ клочкѣ бумаги начертилъ:

„Я непременно долженъ былъ отлучиться изъ дому, но къ урочному часу буду назадъ, и если минуточку запоздаю, то ты подожди.“

Окончивъ это послѣднее писаніе, Гордановъ позвонилъ легкой и велѣлъ ему, еслибы кто пришелъ отъ Бодростиныхъ, отдать посланному запечатанную записку, а самъ сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ къ Висленевымъ.

На дворѣ уже совсѣмъ смерклося и тучилось; былъ девятый часъ вечера, въ небѣ далеко рѣяли зарницы и лахал дождемъ.

VI. Волкъ въ овечьей кожѣ.

Когда экипажъ Горданова остановился у воротъ Висленевского дома, Иосафъ Платоновичъ, исполняя завѣтъ Павла Николаевича, былъ у генерала.

Ворота двора были отворены, и Горданову съ улицы были видны освѣщенные окна флигеля Ларисы, раскрытыя и завѣшенные ажурными занавѣсками. Гордановъ по разказамъ Висленева зналъ что ему нужно идти не въ большой домъ, но все-таки затруднялся: сюда ли, въ этотъ ли флигель ему надлежало идти? Онъ не велѣлъ экипажу въѣзжать внутрь двора, сошелъ у воротъ и пошелъ лѣшкомъ. Ни у воротъ, ни на дворѣ не было никого. Изъ флигеля слышались голоса и на занавѣскахъ мелькали тѣни, но отнестись съ вопросомъ было не къ кому.

Гордановъ остановился и оглянулся вокругъ. Въ это время на ступеняхъ крыльца дома занимаемаго генераломъ показалась высокая женская фигура въ свѣтломъ платьѣ, безъ шляпы и безъ всякаго выходнаго убора. Это была сама генеральша Александра Ивановна. Она тоже замѣтила Горданова съ первой минуты и даже отгадала что это онъ, отгадала она и его затрудненіе, но не показавъ ему этого, дернула спокойною рукой за тонкую веревку, которая шла куда-то за уголъ и гдѣ-то терялась. Послышался мѣрный звонъ колокольчика и громкій откликъ: сейчасъ!

— Семенъ! иди подай скорѣе барину одѣваться! отвѣчала на этотъ откликъ Сунтянина, и стала сходить по ступенямъ, направляясь къ флигелю Висленевыхъ.

Гордановъ тронулся ей навстрѣчу, и только что хотѣлъ сдѣлать ей вопросъ объ указаніи ему пути какъ она сама предупредила его, и остановясь, спросила:

— Вы вѣрно не знаете какъ вамъ пройти къ Висленевымъ?

— Да, отвѣчала, кланяясь, Гордановъ.

— Вы господинъ Гордановъ?

— Вы не ошиблись, это мое имя.

— Не угодно ли вамъ идти за мной, я иду туда же.

Они перешли дворикъ, взошли на крылечко, и Сивявина позвонила. Дверь не отворилась.

Александра Ивановна позвонила еще разъ, громче и нетерпѣливѣе, задвижка отодвинулась и въ растворенной двери предстала легкая фигура Ларисы.

— Какъ у тебя, Лара, никто не слышитъ, проговорила Сивявина и сейчасъ же добавила: — вотъ къ вамъ гость.

Лариса, смущенная появленіемъ незнакомаго человѣка, по двинулась назадъ, и войдя въ залъ, спросила шепотомъ: кто это?

— Гордановъ, отвѣчала ей тихо генеральша, и кивнула головой Подозерову по направленію къ передней, гдѣ Гордановъ снималъ съ себя пальто.

Подозеровъ всталъ и быстро подошелъ къ двери какъ разъ въ то время какъ Гордановъ готовился войти въ залу.

Оба они вѣжливо поклонились, и Гордановъ назвалъ себя по фамиліи.

— Я здѣсь самъ гость, отвѣчалъ ему Подозеровъ, и тотчасъ же указалъ ему рукой на Ларису, которая стояла съ теткой у балконной двери, добавилъ: — вотъ хозяйка.

— Лариса Платоновна, заключилъ онъ, — вамъ желаетъ представиться товарищъ Юсяфа Платоныча, господинъ Гордановъ.

Лариса сдѣлала шагъ впередъ и проговорила казенное: я очень рада видѣть друзей моего брата.

Павель Николаевичъ со скромностію истиннаго джентльмена отвѣчалъ тонкою любезностію Ларисѣ, и поручая себя ея снисходительному вниманію, отдалъ общій поклонъ всѣмъ присутствующимъ.

Лариса назвала по именамъ тетку и прочихъ.

Гордановъ еще разъ поклонился дамамъ, пожалъ руки мужчинамъ, и затѣмъ, обратясь къ хозяйкѣ, сказалъ:

— Вашъ братъ безпрестанно огорчаетъ меня своею неаккуратностію, и нынче снова поставилъ меня въ затрудненіе. По его милости я являюсь къ вамъ не имѣя чести быть вамъ никѣмъ представленнымъ, и долженъ самъ рекомендовать себя.

— Братъ здѣсь у нашего жильца и будетъ сюда сію минуту. И дѣйствительно, въ эту же минуту въ передней, которая

оставалась незалертою, посыпались шаги и легкій брязгъ шпоръ: это вошли Висленевъ и генералъ Синтянинъ.

Иосафъ Платоновичъ, какъ только появился съ генераломъ, тотчасъ же познакомилъ его съ Гордановымъ, и затѣмъ завелъ полушуточный разговоръ о Форовѣ.

Все это время Синтянина зорко наблюдала гостя, но не замѣтила чтобы Лариса произвела на него впечатлѣннѣе. Это казалось нѣсколько удивительнымъ, потому что Лариса, прекрасная при дневномъ свѣтѣ, теперь при огнѣ матовой лампы была очаровательна: большіе черные глаза ея горѣли отъ непривычнаго и противнаго ея гордой натурѣ стѣсненія присутствіемъ незнакомаго человѣка, тонкія дуги ея бровей ломались и сдвигались, а строжайшія линіи ея стана блестяли серебромъ на изломахъ покрывавшаго ея бѣлаго алыага.

По вековости Висленева, мушкетеры задержались на нѣкоторое время на срединѣ комнаты и разговаривали между собою. Синтянина рѣшила положить этому конецъ. Ее интересовалъ Гордановъ, и ей хотѣлось съ нимъ говорить, вывѣдать его и ловить его.

— Господа! воскликнула она, направляя свое слово какъ будто исключительно къ Форову и къ своему мужу,—что же вы насъ оставили? Позвольте вамъ замѣтить что намъ это ни мало не нравится.

Мушкетеры повернулись, и сопровождаемые Иосафомъ Платоновичемъ, ушли къ столу. Завязался общій разговоръ. Рѣчь зашла о провинціи и впечатлѣніяхъ провинціальной жизни. Гордановъ говорилъ сдержанно и осторожно.

— Не находите ли вы что провинція нынче еще болѣе болтлива чѣмъ встарь? спросила Синтянина.

— Я еще не успѣлъ взглянуть въ нынѣшнихъ провинціальныхъ людей, отвѣчалъ Гордановъ.

— Да, но вы конечно знаете что встарь съ новымъ челоувкомъ заговаривали о погодѣ, а нынче начинаютъ рѣчь съ направленій. Это пріемъ новый, хотя, можетъ-быть, и не самый лучший: это ведетъ къ риску оразу потерять всякій интересъ для новыхъ знакомыхъ.

— Самое лучшее, конечно, это вести рѣчь такъ какъ вы изводите вести, то-есть заставляя высказываться другихъ, ничѣмъ не выдавая себя, отвѣтилъ ей съ улыбка Гордановъ.

Александра Ивановна слегка покраснѣла и продолжала:

— О, я совсѣмъ не обладаю такими дипломатическими способностями какія вы во мнѣ залодоврили, я только люблю на какъ женщина стариннаго режима, и люблю повѣрять свои догадки соображеніями другихъ. Есть пословица что человекъ не узнаешь пока съ нимъ не съѣшь три пуда соли, но мнѣ кажется что это вздоръ. Такъ-называемые нынче „вопросы“ очень удобны для того чтобы при ихъ содѣйствіи узнавать человекъ даже ни разу не поговоривши съ нимъ хлѣба.

Гордановъ усмѣхнулся.

— Вы, кажется, другаго мнѣнія? спросила Сивтямина.

— Нѣтъ, совсѣмъ напротивъ! отвѣчалъ онъ,—мое молчаніе есть только знакъ согласія и удивленія предъ вашею наблюдательностію.

— Вы однако тоже, какъ и Иосафъ Платовичъ, не пренебрегаете стариннымъ обычаемъ немножко льстить женской суетности, но я недругъ любезностей расточаемыхъ женскому уму.

— Не женскому, а вашему, хотя я вообще не малый читатель женскаго ума.

— Не знаю какой вы его читатель, но по моему, все вышшее куреніе женскому уму вообще, это опять ни что иное какъ вѣковѣчная лестъ той же самой женской суетности, только положенная на новыя ноты.

— Я съ вами совершенно согласенъ, отвѣчалъ ей тономъ большой искренности Гордановъ.

— Мой пріятель полъ Евангель того убѣжденія что всякій человекъ есть только ветхій Адамъ, вставилъ Форовъ.

— И вашъ отецъ Евангель совершенно правъ, опять согласился Гордановъ. — Если возьмемъ этотъ вопросъ серьезно и обратимся къ исторіи, къ лѣтописямъ преступленій или къ біографіямъ великихъ людей и друзей человечества, вездѣ и повсюду увидимъ одно безконечное ползанье и круженье по зодіакальному кругу: всѣ тѣ же овны, тельцы, раки, львы, дѣвы, скорпіоны, козероги и рыбы, съ маленькими отгѣнами на всякій случай, и только. Ново лишь то что хорошо забыто.

— Сдаюсь на ваши доводы; вы правы, согласился Форовъ.

— Теперь, напримѣръ, продолжалъ Гордановъ, развѣ не ощутительны новыя тяготѣнія къ старому: Татьяна Пушкина опять скоро будетъ нашимъ идеаломъ; самыя свѣтскія матери не стыдятся знать о здоровьи и воспитаніи своихъ дѣтей;

давно отвергнутый брак снова получаетъ важность. Вотъ торги по поводу женскаго труда остыли...

— Нѣтъ-съ, извините меня, возразилъ Филетеръ Ивановичъ,—вы я вижу стародумъ, стоите за старь, за то что древнее было все лучше и дешевле.

— Ни мало: я совѣмъ въѣ въ времени, но я во всякомъ времени признаю свое хорошее и свое худое.

— Такъ за что же вы противъ женскаго труда?

— Боже меня сохрани! Я не на столько самоотверженъ чтобы будучи мужчиной говорить во вредъ себѣ.

— Я васъ не понимаю, отозвался генераль.

— Я стою за самую широкую эмансипацію женщинъ въ отношеніи труда; я даже думаю что со стороны мужчинъ будетъ очень благоразумно свалить всю работу женщинамъ, но я конечно не позволю себѣ называть это эмансипаціей и не могу согласиться что эта штука впервые выкинута съ женщинами такъ-называемыми новыми людьми. Привилегія эта принадлежатъ не имъ.

— Она принадлежитъ нашимъ русскимъ мужичкамъ въ промысловыхъ губерніяхъ, вставилъ Форовъ.

— Да; чтобы не восходить далѣе и не искать указаній въ странахъ совершенныхъ дикарей, привилегію эту конечно можно отдать тѣмъ изъ русскихъ мужиковъ для которыхъ семья не дорога. Мужикъ Орловской и Курской губерній, пахарь, не гоняетъ свою бабу ни пахать, ни боронить, ни косить, а исполняетъ эту тягчайшую работу самъ; промысловый же мужикъ, который конечно хитрѣе хлѣбопашца, самъ пьетъ чай въ городскомъ трактирѣ, а жену обучилъ править за него мужичью работу на полѣ. Я отдаю справедливость что все это очень ловко со стороны господъ мужчинъ, но совѣщусь сказать что все это сдѣлано для женской пользы по великодушію.

— Вы, кажется-съ, играете словами, промолвилъ генераль, захвативъ общее вниманіе женщинъ къ словамъ Горданова; но тотъ это рѣшительно отвергъ.

— Я дѣлаю самые простые выводы изъ самыхъ простѣйшихъ фактовъ, сказалъ онъ,—и притомъ изъ общеизвѣстныхъ фактовъ, которые ясно убѣждаютъ что съ женщиной поступаютъ коварно, и что значеніе ея все падаетъ. Какъ самое совершеннѣйшее изъ твореній, она призвана къ господству надъ грубою силой мужчины, а ее смѣщаютъ внизъ съ принадлежащаго ей положенія.

— Позвольте-съ, съ этимъ трудно согласиться!

— Съ этимъ, генераль, *нельзя не согласиться!*

— А я не соглашусь-съ!

— Непремѣнно согласитесь. Развѣ не утало, не измелъчало значеніе любви, преданности женщинамъ? Развѣ любовь не замѣняется холоднымъ сватовствомъ, не ставится куплю.... Согласитесь что женитьба стала бременемъ, что распространяется ухаживанье за чужими женами, волокитство, интрига безъ всякихъ обязательствъ со стороны мужчины. Даже обязанности волокитства кажутся ужь тяжки, — женщина не стоить труда, и начинаются rendez-vous новаго сорта; не мелодраматическія rendez-vous съ замирающимъ сердцемъ на балконѣ „съ гитарою и шлягой“, а спокойное свиданіе у себя предъ каминомъ, въ архаукѣ и туфляхъ, съ заученною лекціей сомнительныхъ достоинствъ о принципѣ свободы.... Рѣчь о свободѣ съ тою которая сама властва одушевить на всякую борьбу.... Простите меня, но мнѣ кажется вѣтъ нужды болѣе доказывать что значеніе женщины въ такъ называемый „нашъ вѣкъ“ едва ли возвеличено тѣмъ что ей, разжалованной царицѣ, позволили быть работницей! Есть женщины которыя уже теперь недоувѣрчиво относятся къ такой эмансипаціи.

— Да, это правда, вставила свое слово Лариса.

Гордановъ взглянулъ на нее, и встрѣтивъ ее взглядъ, закончилъ: какъ вамъ угодно, для живой женщины найдаться за трудъ не было, не есть нынѣ и никогда не будетъ задачей существованія, и потому и въ этомъ вопросѣ, — если это вопросъ, — кругъ обойдется, и просится вѣчто новое, это уже чувствуется.

— Однакоже-съ, законъ этого-съ еще какъ будто не предусматриваетъ, того что вы изволите говорить, прозвучалъ генераль.

— Законъ!... Вы правы, ваше превосходительство, законъ не предусматриваетъ, но и въ Англии не отмененъ законъ позволяющій мужу продать невѣрную жену, а у насъ за то есть учрежденія, которыя всегда доставляли защиту женщинѣ не стѣсняясь закономъ.

— Ага-съ! ага! поняли наконецъ-то: и извѣстныя учрежденія! Вотъ видите когда поняли! воскликнулъ генераль.

— Да этого нельзя и не понимать!

— Ага! ага! „нельзя не понимать!“ Нѣтъ-съ, не понимаемъ.

Законъ! законъ! твердили: все законъ! А законъ-то-съ хожь-съ тѣмъ кто выросъ на законѣ какъ Европейцы, а калмыцкую лошадь одинъ Калмыкъ переупрямить.

Лариса бросила взглядъ на Горданова, и видя что онъ качить, встала и поприсила гостей къ столу.

Ужинъ шелъ недолго, хотя состоялъ изъ нѣсколькихъ блюдъ и начался супомъ съ потрохами. Разговоръ десять разъ завязывался, но не клеился, а Гордановъ упорно молчалъ: съ его стороны былъ чистый расчетъ оставлять всѣхъ подъ впечатленіемъ его недавнихъ рѣчей. Онъ оставался героемъ вечера.

За столомъ говорилъ только Висленевъ, и говорилъ съ однимъ генераломъ о дѣлахъ, о правительствѣ, о министрахъ. Вмѣшиваться въ этотъ разговоръ охотниковъ не было. Висленевъ попробовалъ было потрунить надъ матеріализмомъ дяди, но тотъ отмолчался; тронулъ онъ было теткинѹ религіозность, пошмѣвавшись что она не ѣстъ раковъ боясь грѣха, но Катерина Астаѣевна спокойно отвѣтила: не потому, батюшка, не тѣмъ, чтобы считала это грѣхомъ, а потому что не столько на этихъ ракахъ мяса набьшь, сколько зубъ растеряешь.

Такъ ужинъ и кончился.

Вставъ изъ-за стола, Горданевъ тотчасъ же простился и зашелъ на минуту въ кабинетъ Висленева, только для того чтобы раскурить сигару, но замѣтивъ старинные эстампы, пристановилъ передъ Тамарью и Іудю.

— Какъ это хорошо исполнено, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, это ничего, а ты вотъ взгляни-ка на этихъ коней, позвалъ его къ другой картинѣ Висленевъ.

Гордановъ оглянулся.

— Недурны, сказалъ онъ сквозь зубы, мелькомъ взглянувъ на картинку.

— А которая тебѣ болѣе нравится?

— Одна другой лучше.

— Ну этого не бываетъ.

— Почему нѣтъ? твоя сестра и генеральша развѣ не обѣ одинаково прекрасны? Здѣсь больше силы,—она долѣе проскачетъ, сказалъ онъ, показывая головкою тросточки на взнузданнаго бурога коня, а здѣсь изъ очей пламя бьетъ, изъ ноздрей дымъ валить. Прощай, добавилъ онъ зѣвнувъ.—Да вотъ еще что. Генералъ-то Синтянинъ, я слышалъ, говорилъ тебѣ за ужиномъ что онъ ѣдетъ для какихъ-то внушеній въ сторону

гдѣ мое имѣніе,—вотъ тебѣ хорошо бы съ нимъ примазаться! Обдумай-ко это!

— А что жь, я, если хочешь, это улажу, но ловко ли только съ нимъ-то?

— И прекрасно сдѣлаешь: съ нимъ-то и ловко! а того... чтѣ бишь такое я еще хотѣлъ тебѣ сказать?... Да, вспомнилъ! Приходи ко мнѣ завтра часу въ одиннадцатомъ: съѣздимъ вѣстѣ къ этому Подозерову.

— Хорошо.

— А чтѣ твоя сестра за него уже просватана или нѣтъ?

— Чтѣ тако-ое? моя сестра просватана!... На чемъ ты это основываешь?

— На гусиной печонкѣ, которую она ловила для него въ суловой чашѣ. Это значитъ она знаетъ его вкусы и собирается угождать имъ.

— Какой вздоръ! сестра кажется такой субъектъ что она можетъ положить ему на тарелку печонку, а тебѣ сердце.

Гордановъ засмѣялся.

— Чего ты смѣешься?

— Не знаю право, но маѣ почему-то всегда смѣшно когда ты расхваливаешь твою сестру. А что касается до твоей генеральши, то скажу тебѣ что она прелесть и баба мозговитая.

— А вотъ видишь ли, а вѣдь ты ошибаешься, она и совсѣмъ не такъ умна какъ тебѣ кажется. Она только бойка.

— Ну да; разказывай ты! Нѣтъ, а ты рта-то съ ней не разѣвай? Прощай, я совсѣмъ сплю.

Пріятели пожали другъ другу руки, и Висленевъ проводилъ Горданова до коляски, изъ которой тотъ сунулъ Юсафу Платоновичу два пальца и уѣхалъ.

На дворѣ было уже безъ четверти полночь. Гордановъ нетерпѣливо понукалъ кучера, и наконецъ увидавъ въ окнахъ своего номера чуть замѣтный подслѣвловатый свѣтъ, выскочилъ изъ коляски прежде чѣмъ она остановилась.

VII. Не поняли, но объясняютъ.

Проводивъ Горданова, Висленевъ возвратился назадъ въ домъ, наокутывая оперетку, и засталъ здѣсь уже все общество наготовѣ разойтись: Подозеровъ, генералъ и Филитеръ Ивановичъ держали въ рукахъ фуражки, Александра Иванов-

на прощалься съ Ларисой, а Катерина Астаѣевна повазыва-
лась предъ зеркаломъ башлыкомъ.

Иосафъ Платоновичъ хотѣлъ показать что его эти оборы
дивили.

— Господа! воскликнулъ онъ, — куда же вы это?

— Домой-съ, домой, отвѣчалъ протягивая ему руку генераль.

— Что жь это такъ рано и притомъ всѣ вдругъ.

— Вамъ спать пора, отвѣчала ему, подавая на прощанье
руку, генеральша Синтянина.

— И даже вы, тетушка, тоже уходите? обратился онъ къ
Форовой, окончившей въ эту минуту свой туалетъ.

— Мужъ меня, батюшка, беретъ, замужъ вышла, не своей
человѣкъ.

— Лора, уговори хоть ты! обратился онъ къ сестрѣ.

— Alexandrine, погоди, проговорила Лора.

— Мой другъ.... ты знаешь у меня дома есть больная.

Александра Ивановна нагнулась къ уху Ларисы и прошеп-
тала:—Я и такъ поступаю не хорошо: Вѣра весь день очень
безлокойна.

— Я больше не прошу, отвѣтила ей громко Лариса.

— Ну, дѣлать нечего, прощайте господа, повторилъ Висле-
невъ,—но я во всякомъ случаѣ надѣюсь что мы будемъ часто
видѣться. А какъ вамъ, Филетеръ Ивановичъ, показался мой
пріятель Гордановъ? Не правда ли умница?

— Да вы что же сами подсказываете? возразилъ Форовъ.

— Я не подсказываю, я только такъ....

— Ну ужь теперь нечего „такъ!“ прощайте.

— Нѣтъ, а вѣдь вправду умень? допрашивалъ Вислеме-
въ, удерживая за руку майора.

— Ну вотъ не видала Москва таракана: экая рѣдкость что
умень!

— И резонень, на вѣтеръ не болтаеть.

— Это еще того дешевле. Намъ его резоны все равно что
морю дождикъ, мы резоны-то и безъ него съ пролисей слы-
сывали, а вотъ онъ настоящую свою *суть* покажи!

— Пока вы его провожали, мы на его счетъ по нашей про-
винціальной привычкѣ уже немножко посплетничали, оказала
почти на порогѣ генеральша. — Знаете, вашъ другъ, — если
только онъ другъ вашъ,—привелъ насъ всѣхъ къ соглашенію,
между тѣмъ какъ всѣ мы чувствуемъ что съ нимъ мы вовсе
несогласны.

Висленевъ засмѣялся и сказалъ:—я это ему передамъ.

У своего крыльца Синтянина на минуту остановилась съ Подозеровымъ, и удержавъ въ своей рукѣ руку которую послѣдній подалъ ей на прощанье, спросила его:

— Ну а вамъ, Андрей Ивановичъ, понравился этотъ баринъ!

— Не очень понравился, Александра Ивановна, коротко отвѣчалъ Подозеровъ.

— Это значить что онъ вамъ совсѣмъ не понравился. Я это впрочемъ видѣла и очень сожалѣла что вы сегодня такъ убійственно скучны и молчаливы. Вы одинъ могли бы ему отвѣчать, и вы-то и не сказали ни слова.

— Къ чему? отвѣтилъ Подозеровъ.—Онъ говоритъ красно. Да; они совсѣмъ довоспитались: теперь уже не такъ легко открыть кто подъ какимъ флагомъ везетъ какую контрабанду.

— Зачѣмъ же вы молчали? И вообще что значить: цѣлый день унылость, а къ ночи сплинъ?

— Не знаю, скучно и сердце болитъ.

— А вы бы вотъ поучились у Горданова владѣть собою! Удивительное самообладаніе!

— Ничего удивительнаго! Самообладаніемъ отличается шулеръ, когда смотритъ всѣмъ въ глаза, чтобы не замѣтили какъ онъ передергиваетъ карту.

— Во всякомъ случаѣ, господинъ Гордановъ мастерски владѣетъ собою.

— И другими даже, подтвердила Форова, цѣлуя въ лобъ Синтянину.—Это, господа, не человекъ, а... кто его знаетъ кто онъ такой: его въ стулъ толки, онъ будетъ вокругъ толкача бѣгать.

— А ваше мнѣніе, Филетеръ Ивановичъ, о новомъ гостѣ какое?

— Пока не вложу перста моего—ничего не знаю.

— Вы неисправимы, промолвила генеральша, и добавила:—я рада бы съ вами много говорить, да Вѣра нездорова; но одно вамъ скажу: по моему, этотъ Гордановъ точно рефлекторъ, онъ все отражалъ и все соединялъ въ фокусъ, но что же онъ вамъ сказалъ?

— А ничего! отвѣтилъ Форовъ.— Съ лытливыхъ дамъ и этого довольно.

— Ну, прощайте, произвела генеральша, и кивнувъ всѣмъ головою, пошла на крыльцо.

Форовъ втроемъ съ женою и Подозеровымъ вышелъ за ка-

антку и пошли по пустынной улицѣ озареннаго луной и спящаго города.

Иосафъ Платоновичъ, выпроводивъ гостей, счелъ было нужнымъ поговорить съ сестрой по сердцу, и усадилъ ее въ гостиную на диванѣ, но перекинувшись двумя, тремя фразами, почувствовалъ нежеланіе говорить и ударилъ отбой.

— Ну и слава Богу что у тебя все хорошо; сказалъ онъ.— Ты сколько же берешь нынче въ годъ за домъ съ Синтявиныхъ?

— Столько же какъ и прежде, Жозефъ.

— То-есть, что же именно? Я вѣдь уже все это позабылъ сколько за все платилось.

— Они мнѣ платятъ шестьсотъ рублей.

— Фуу, фуу, какъ дешево! Квартыры повсемѣстно ужасно вздорожали.

— Да? я, право, этого не знаю, Жозефъ.

— Какъ же, Ларушка. По крайней мѣрѣ у насъ въ Петербургѣ все стало чортъ знаетъ какъ дорого. Ты напрасно не обратишь на это вниманія.

— Но что же мнѣ до этого?

— Какъ что тебѣ до этого, моя милая? Ихъ превосходительства могли бы тебѣ теперь и подороже...

— Ахъ, полно Бога ради, цѣна которую они платятъ мнѣ ровесница Синтянинъ, съ тѣхъ поръ какъ выѣхали Гриневичи, платить за этотъ домъ шестьсотъ рублей, не я же стану набавлять на нихъ.... Съ какой стати?

— Какъ съ какой стати? Все дорожаетъ, а деньги дешевѣютъ. Матушка наша, я помню, платила кухаркѣ два рубля серебромъ въ мѣсяцъ, а мы теперь сколько платимъ?

— Пять.

— Ну вотъ, здравствуй пожалуста! Платишь за все втрое, а берешь то же самое что и сто лѣтъ тому назадъ брала. Это невозможно. Я даже удивляюсь какъ имъ самимъ это не совѣстно жить за старую цѣну, и если они этого не понимаютъ, то я дамъ имъ это почувствовать.

— Нѣтъ, я прошу тебя, Жозефъ, этого не дѣлать! Во первыхъ, Синтянины небогаты, а вовторыхъ, у насъ квартыры втрое и не вздорожали, втретьихъ же, я дорожу Синтянинскими какъ хорошими постояльцами и дружна съ Alexandrine...

— Да; „дружба это ты!“ когда намъ это выгодно, перебилъ, махнувъ рукой, Висленевъ.

— А вчетвертыхъ.... проговорила и замялась на словѣ Лариса.

— Вчетвертыхъ, это не мое дѣло. Я съ тобой согласенъ, часть свою я тебѣ уступилъ, и домъ вполнѣ твоя собственность, но вѣдь тебѣ же надо на что-нибудь и жить.

— Я и живу.

— Да, ты живешь мастерски; живешь чисто и прекрасно, продолжалъ онъ,—но все-таки.... быть посвободнѣе въ грошѣ никогда не мѣшаетъ. Конечно, я предъ тобой много виновать....

— Ты виновать? Чѣмъ это? я не знаю.

— Ну, помнишь, вѣдь я обѣщаль тебѣ что буду помогать и даже опредѣлялъ тебѣ триста рублей въ годъ, но мнѣ, дружочекъ Лара, такъ не везетъ, добавилъ онъ, сжимая руку сестрѣ,—мнѣ такъ не везетъ что даже одурь подчасъ взять готова! Тяжко наше переходное время! То принципы не идутъ въ согласіе съ выгодами, то.... ахъ, да ужъ лучше и не поднимать этого! Вообще тяжело человѣку въ наше переходное время.

— Вообще ты напоминаешь мнѣ о томъ, Жозефъ, о чемъ я давно позабыла.

— То-есть о чемъ же я тебѣ напоминаю?

— О твоёмъ обѣщаніи которое ты исполнять отнюдь не долженъ, потому что имѣешь теперь уже свою семью, и о томъ какъ живется человѣку въ наше переходное время. Я его ненавижу.

— Что же, развѣ ты перешла „переходы“ и видишь пристанище? пошутилъ Висленевъ, глядя сестру по рукѣ и смотря ей въ глаза.

— Пристанище въ томъ: жить какъ живется.

— Ой шутить, сестренка!

— Ну мало.

— Тебѣ всего вѣдь девятнадцать лѣтъ.

— Нѣтъ, черезъ мѣсяцъ двадцать.

— Пора бы тебѣ и замужъ.

Лариса разсмѣялась и отвѣчала:

— Не берутъ.

— Ой лжешь ты, Лара, лжешь чтобы тебя не брали! Ты короша какъ лери.

— Полно пожалуста.

— Ей-Богу! Вѣдь ты ослѣпительно хороша! Погляди-ка на меня! Фу, ты Господи! Что за глазищи: мракъ и пламень, и сердце не камень.

— Камень, Иосифъ, отвѣчала улыбаясь Лара.

— Врешь, Ларка! Я тебя уже изловилъ.

— Ты изловилъ меня?... На чемъ?

— На гусиной печонкѣ.

Лариса выразила непритворное удивленіе.

— Не понимаешь? Полно, пожалуста, притворяться! Намъ, братъ, Питеръ-то уже глаза повитеръ, мы всюду смотримъ и всякую штуку замѣчаемъ. Ты зачѣмъ Подозерову полчаса цѣлыхъ искала въ сулѣ печонку?

— Ахъ, это-то!... Подозерову!

И Лариса вспыхнула.

— Стыдъ не потерянь, сказалъ Иосафъ Платоновичъ,—во выборъ особыхъ похвалъ не заслуживаетъ.

— Выбора нѣтъ.

— Чтò же это?... Такъ?

— Именно такъ.... ничего.

— Ну, я такъ и говорилъ.

— Ты *такъ* говорилъ?... Кому и чтò такъ ты говорилъ?

— Нѣтъ, это такъ, лустяки. Гордановъ меня спрашивалъ про сватана ты или нѣтъ? а я говорю: „съ какой стати?“

Висленевъ вздохнулъ, выпустилъ клубъ сигарнаго дыма и потеребя сестру за мизинецъ, проговорилъ:

— Покрѣлись, Ларушка, покрѣлись, подожди! У меня все это настраивается, и прежде Богъ дастъ хорошенько подкуемъ, а тогда ужъ для всѣхъ и во всѣхъ отношеніяхъ пойдетъ не та музыка. А теперь покуда прощай, добавилъ онъ вставая и цѣлуя Ларису въ лобъ, а самъ подумалъ про себя: „Тьфу, чортъ возьми, чтò это такое выходитъ! Хотѣлъ у ней попросить, а вмѣсто того ей же еще наобѣщалъ.“

Лариса молча пожала его руку.

— А мой портфель, который я тебѣ давеча отдалъ, у тебя? спросилъ простившись Висленевъ.

— Нѣтъ; я положила его на твой столъ въ кабинетѣ.

— Ай! зачѣмъ же ты это сдѣлала такъ неосторожно?

— Но вѣдь онъ, слава Богу, цѣлъ?

— Да, это именно слава Богу; въ немъ сорокъ тысячъ денегъ, и не моихъ еще вдобавокъ, а Гордановскихъ.

— Онъ такъ богатъ?

— Н... н... не столько богатъ какъ торовать, онъ далеко пойдетъ. Это человѣкъ какъ разъ по времени, по сезону. Меня,

признаюсь, очень интересуется какъ онъ здѣсь поправится ли?

— Я думаю.

— Нѣтъ; вѣдь его, дружокъ, надо знать такъ какъ я его знаю; вѣдь это голова, это страшная голова!

— Онъ уменъ.

— Страшная голова!.. Прощай, сестра.

И братъ съ сестрой еще разъ простились и разошлись.

Зала стемнѣла и въ дверяхъ Ларисы щелкнулъ замокъ, повернутый ключомъ изъ ея спальни.

„Ключъ!“ прошелталъ, услышавъ этотъ звукъ, Иосафъ Платовичъ, стоя въ раздумьи надъ своимъ письменнымъ столомъ, на которомъ горѣли двѣ свѣчи и между ними лежалъ портфель.

— Ключъ! повторялъ онъ въ раздумьи и, взявъ въ руки портфель, повертѣлъ его, пожалъ, завелъ подъ его крышку костяной ножикъ, поштурфовалъ имъ во все стороны и, бросивъ съ досады и ножикъ и портфель, вошелъ въ залу и постучалъ въ дверь сестриной спальни.

— Чтѣ тебѣ нужно, Жозефъ? отозвалась Лариса.

— Къ тебѣ, Лара, ходитъ какой-нибудь слесарь?

— Да, когда нужно, у Синтяиныхъ есть слесарь солдатъ, отвѣчала сквозь двери Лариса.

— Пошли за нимъ пожалуйста завтра, онъ мнѣ нуженъ.

— Хорошо. А кстати, Жозефъ, ты завтра дѣлаешь кому-нибудь визиты?

— Кому же, Лара?

— Бодростиной, напримѣръ?

— Бодростиной! Зачѣмъ?

— Мы же съ ней въ родствѣ: она двоюродная сестра твоей жены, и она у меня бываетъ.

— Да, милый другъ, мы съ ней въ родствѣ, но не въ соглаш, проговорилъ уходя братъ.—Прощай, Ларушка.

— Спокойной ночи, братъ.

— Да, да, да, мысленно проговорилъ себѣ Иосафъ Платовичъ, остановившись на минуту предъ темными стеклами балконной двери.—Да, и Бодростина, и Гордановъ, это все свойственники.... Свойство и дружество!.. Нѣтъ, друзья и вправду видно хуже враговъ. Ну, да еще посмотримъ кто кого? Старые охотники говорятъ что въ отчаянную минутъ и заяцъ кусается, а я хоть и загнанъ, но еще не заяцъ.

Н. ЛѢСКОВЪ.

(До слѣд. №.)

БЪЛАЯ-КРИНИЦА

ДО ПРИЪЗДА АМВРОСІА

(ИЗЪ ИСТОРИИ БЪЛОКРИНИЦКОЙ ІЕРАРХІИ.)

I.

Появленіе русскихъ раскольниковъ въ Австрію, и именно въ Буковинѣ, гдѣ собственно находятся ихъ поселенія, можно считать современнымъ присоединенію этой области къ владѣніямъ Австрійскаго императора, которое послѣдовало, какъ извѣстно, въ 1777 году, на основаніи мирнаго трактата съ Турціей. Въ границу Буковины включена была часть принадлежавшаго Молдавіи Сучавскаго округа, гдѣ, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ Молдавіи, находилось не мало мѣстъ заселенныхъ бѣжавшими изъ Россіи раскольниками: тѣ изъ этихъ послѣднихъ которые имѣли жительство на уступленномъ Австріи участкѣ и сдѣлались тогда, по силѣ заключеннаго съ Турціей трактата, австрійскими подданными. Это были именно нѣсколько раскольниковескихъ семействъ, жившихъ неподалеку отъ города Сучавы, въ принадлежавшемъ Драгомирскому монастырю селеніи *Миттока-Драгомирна*, въ послѣдствіи болѣе извѣстномъ у старообрядцевъ подъ именемъ *Соколинцевъ*. Итакъ, первые явившіеся въ Австрію раскольники были изъ числа поселившихся первоначально въ Мол-

давіи, и селеніе Соколинцы можно считать самымъ древнимъ изъ существующихъ въ Буковинѣ раскольническихъ селеній.*

Въ Молдавіи всѣмъ вообще раскольникамъ усвоено пздавна названіе *липованъ*: это есть, какъ надобно полагать, испорченное названіе *филиппонъ*, принадлежавшее собственно раскольникамъ филипова согласія, которые, можетъ-быть, прежде другихъ старообрядцевъ пришли изъ Россіи въ Молдавію.** Подъ тѣмъ же названіемъ липованъ стали извѣстны и въ Австріи бывшіе молдавскіе старообрядцы, съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего существованія здѣсь.

Молдавскіе липованы, несмотря на это названіе, всѣ почти принадлежали къ вѣтковскому согласію и находились въ сношеніяхъ съ Вѣткой: первые пріобрѣтенные Австріей липованы держались также бѣглополовства; они имѣли даже своего священника.***

Положеніе этихъ первыхъ липованскихъ семействъ въ Австріи было сначала незавидно: они не только не имѣли какихъ-либо особенныхъ правъ и преимуществъ въ сравненіи съ прочими жителями Буковины, но даже стѣснены были въ свободномъ отправленіи богослуженія и церковныхъ требъ по своему обряду, такъ что находившійся у нихъ бѣглый священникъ принужденъ былъ уйти назадъ въ Молдавію.**** Но съ 1783 года, благодаря счастливому случаю, въ положеніи ав-

* Что въ Буковинѣ, близъ Сучавы, и ранѣе 1783 года жили раскольники, объ этомъ находимъ свидѣтельства въ нѣкоторыхъ официальныхъ документахъ. Напримѣръ въ грамотѣ выданной липованамъ изъ Черновицкаго областнаго правленія 31го октября 1783 года говорится о двухъ липованскихъ обществахъ, живущихъ уже въ Сучавскомъ дистриктѣ. Въ рапортѣ сучавскаго директора Шторра въ Черновцы, отъ 19го января 1784, упоминаются также *hier im Districts bereits schon wohnhaften Lippowaner Familien* (оба документа въ *Вѣл. окр. арх.*). Надеждавъ, въ своей запискѣ о заграничныхъ раскольникахъ, замѣчаетъ что у липованъ живущихъ въ Миттокт-Драгомириѣ сохранилось преданіе что предки ихъ поселились въ этомъ мѣстѣ гораздо раньше того времени когда Буковина сдѣлалась австрійскою областью (см. Кельсіева *Сборн.* ч. 1, стр. 85—86).

** Отъ *филиппоновъ* производилъ слово *липованы* и имокъ Павель, напримѣръ въ „Промеморіи графу Инцагъ“, 1844 (*Вѣл. арх.*).

*** Въ рапортѣ директора Шторра, отъ 19 янв. 1784, упоминается *von vorher schon hier in Bukowina gewesenen Lippowaner Popp.*

**** Объ отъѣздѣ его изъ Буковины обратно въ Молдавію есть извѣстіе въ томъ же документѣ.

стрийскихъ лилованъ послѣдовала рѣшительная перемѣна, и въ Буковинѣ явились тогда новые старообрядческіе выходы уже по собственному желанію и съ особенными, весьма важными привилегіями. Вотъ какъ описываютъ этотъ достопамятный для нихъ случай сами буковинскіе старообрядцы по сохранившимся у нихъ устнымъ преданіямъ. Однажды нѣсколько старообрядцевъ изъ числа живущихъ при устьяхъ Дуная, въ такъ-называемой Добруджѣ, занимаясь ловлей рыбы, увидѣли что какого-то, на ихъ взглядъ странно одѣтого, но, какъ могли они примѣтить, благороднаго господина преслѣдуютъ разбойники и совсѣмъ почти достигли. Рыболовы бросились къ нему на помощь и услѣли его спасти. Тогда этотъ господинъ предложилъ имъ просить какой угодно награды за оказанную ему столь важную услугу. Старообрядцы отвѣчали что никакой награды не желаютъ, что освободивъ его, они только исполнили долгъ христіанскаго закона. Послѣ новыхъ напрасныхъ убѣжденій принять какое-нибудь вознагражденіе, странно одѣтый господинъ сказалъ имъ что онъ изъ города Вѣны, чиновникъ австрійскаго императора, и что если они ничего не хотятъ принять отъ него лично, то не желаютъ ли по крайней мѣрѣ о чемъ-нибудь попросить самого императора, предъ которымъ онъ готовъ за нихъ ходатайствовать. Изъ этихъ словъ, да и по самому его „обхожденію“, рыболовы поняли что это долженъ быть въ самомъ дѣлѣ „чиновникъ высокаго сана“, и потому его покровительство при случаѣ можетъ быть очень полезно: они отвѣтили что о предложеніи его скажутъ своимъ обществамъ. Высокосановный чиновникъ далъ имъ записку съ означеніемъ своего имени и наставленіемъ какъ поступить, если представится въ немъ надобность. Затѣмъ, поблагодаривъ ихъ еще разъ, отправился въ свой путь. * Быть-можетъ въ этомъ разказѣ част-

* Такъ излагаетъ эту исторію, „по устному повѣствованію старѣйшинъ“, бѣлокривицкіи инокъ Павелъ въ *Уставъ Бѣлокривицкаго монастыря* (гл. II, § I. а). Онъ же рассказываетъ ее и въ другомъ своемъ сочиненіи: *III части церковной исторіи*, но менѣе подробно: здѣсь о разбойникахъ не упоминается, а сказано только что старообрядцы „имѣли случай спасти отъ смертоубійства Турокъ австрійскаго двора чиновника“, который нѣсколько ниже названъ „австрійскаго двора посланникомъ“ (стр. 169). А въ одной старообрядческой рукописи говорится что это былъ родственникъ Австрійскаго императора, попавшій въ руки разбойниковъ, что ко-

ныя обстоятельства событія переданы несовсѣмъ вѣрно, но самый фактъ что придунайскіе раскольники оказали важную услугу одному изъ приближенныхъ лицъ Австрійскаго императора и что въ благодарность за такую услугу имъ быи обещана сильная протекція у императора, — этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію, какъ видно изъ дальнѣйшихъ событій, подтверждаемыхъ достовѣрными официальными извѣстіями.

Предложеніе австрійскаго сановника добруджанскіе рыбаковы не преминули сообщить своимъ односельчанамъ, какъ только возвратились съ рыбной ловли, а тѣ, по сказанію липованскаго повѣствователя, „немедленно“ собрались на совѣтъ и „единодушно заключили: просить отъ его величества, Австрійскаго императора, всемилостивѣйшее благоволеніе на свободное въ австрійскихъ предѣлахъ пребываніе, съ наблюденіемъ въ точности древлегреческаго христіанскаго закона, и совершенной вольности своему духовенству“. Въ такомъ смыслѣ составили „вселокарнѣйшее прошеніе“, выбрали изъ своей среды „двухъ изрядныхъ депутатовъ, именно Александра Алексѣева и Никифора Иларіонова“, и послали

раба съ которымъ онъ плавалъ потерпѣвъ въ Черномъ морѣ крушеніе, и онъ уже погибалъ, когда явился на помощь ему старобрядцы. (Сбор. Кельсіева, ч. I, стр. 155). Исторію австрійскаго чиновника передаетъ и Надеждинъ, также со словъ буковинскихъ старообрядцевъ, но опять въ иномъ видѣ: „поводомъ къ переселенію липованъ была, говорятъ, услуга оказанная ими на Дунаѣ одному изъ важныхъ имперскихъ генераловъ, во время военныхъ дѣйствій Австрійцевъ съ Турками; Турки, къ которымъ этотъ генералъ попалъ въ плѣнъ, собирались будто бы утопить его въ Дунаѣ, и дѣйствительно утопили бы, еслибы не подоспѣли и не выручили жившіе въ сосѣдствѣ раскольники; въ благодарность за то генералъ согласно просьбамъ своихъ спасителей, выхлопоталъ для нихъ единапръцевъ въ Буковинѣ, отошедшей вслѣдъ затѣмъ къ Австріи, весьма важныя привилегіи, для пользованія которыми они не жемделили и сами къ нимъ присоединиться. (Сборн. Кельсіева, I, стр. 86. Здѣсь, очевидно, перепутаны время и обстоятельства событія.) Наконецъ, ту же исторію, также со словъ липованскихъ сторожиковъ и опять въ совершенно новой редакціи, излагаетъ игуменъ Паремній въ Книгѣ о Промыслѣ: „Случилось что австрійскій императоръ послалъ одного изъ министровъ своихъ съ чиновниками промѣрять Дунаѣ отъ самой Вѣны до Чернаго моря и узнать его глубину и весь описать. Турки изъ крѣпостей замѣтили Нѣмцевъ и послали

ихъ „съ тѣмъ всепокоряющимъ прошеніемъ въ столицу Вѣну“. Здѣсь, „по неложному обѣщанію и сильному ходатайству онаго великаго чиновника“ все было сдѣлано согласно ихъ желанію. * 9го октября 1783 года собственноручно подписана императоромъ Іосифомъ II и вручена имъ грамота слѣдующаго содержанія: *

„Мы, Іосифъ второй, Божіею милостію избранный императоръ Римскій и пр.

„Такъ какъ въ нашъ столичный городъ Вѣну пришли отъ живущихъ при Черномъ морѣ старовѣрческихъ обществъ (altgläubigen Gemeinden) два депутата, по имени Александръ Алексѣевъ и Никифоръ Ларионовъ, и по порученію сихъ обществъ обратились къ намъ съ просьбою чтобъ имъ позволено было переселиться въ наши земли съ ихъ семействами и имуществомъ:

„то мы, находясь въ увѣренности что помянутыя общества, по прибытіи на будущія мѣста ихъ жительства въ нашихъ земляхъ, во всемъ (in allen Stücken) будутъ поступать такъ же какъ и прочіе наши вѣрные подданные, посредствомъ настоящей утвержденной нами грамоты (Patents) даемъ вышеозначеннымъ депутатамъ и чрезъ нихъ имѣющимъ переселиться обществамъ слѣдующее увѣреніе:

„1) Дозволяемъ мы совершенно свободное отправленіе ре-

за вами погону. Нѣмцы же, видя свою бѣду что ихъ преслѣдуютъ, бросились къ рыбакамъ и спросили: какіе вы люди? Тѣ отвѣтили: мы Русскіе и христіане. Нѣмцы же начали ихъ просить чтобы ихъ укрыли отъ Турокъ“ и проч. (см. стр. 194—195). Изъ всѣхъ этихъ разказовъ, записанныхъ со словъ самихъ липованскихъ сторожиловъ и столь несогласныхъ между собою въ изложеніи частныхъ обстоятельствъ событія, мы отдаемъ предпочтеніе разказу шюка Павла, такъ какъ онъ имѣлъ возможность передать гораздо точнѣе, нежели другіе, сохранившееся у Липованъ преданіе, и именно той редакціи разказа которая находится въ *Бѣлокривецкомъ уставѣ*, какъ редакціи болѣе полной. Въ *Исторіи* своей шюкъ Павелъ выражаетъ между прочимъ справедливо сожалѣніе что „по простотѣ народа“ имя спасеннаго липованами чиновника не сохранилось въ памяти. Имя его, если только оно принадлежитъ къ числу историческихъ, дѣйствительно, дадо бы каючъ къ разъясненію этого, довольно темнаго событія.

* *Уставъ Бѣлокр. м.п.* Въ *Исторіи* шюка Павла говорится что и самую мысль о переселеніи въ Австрію подалъ липованамъ тотъ же спасенный ими австрійскій вельможа (стр. 170).

люгюзныхъ дѣйствиі (freie Religions-Exercitium) имъ, всѣмъ ихъ дѣтямъ и потомкамъ (Kindeskindern), вмѣстѣ съ ихъ духовенствомъ.

„2) Оставляемъ мы ихъ и ихъ дѣтей совершенно свободными отъ всякихъ сборовъ и податей въ продолженіи 20 лѣтъ со времени ихъ поселенія.

„3) Предоставляемъ мы имъ освобожденіе отъ военной службы (Militaerstande)

„4) По истеченіи 20 лѣтъ мы имъ назначимъ подати, соотвѣтственно ихъ имуществамъ и какія платять прочіе наши подданные одинаковаго съ ними состоянія.“ *

Итакъ, услуга случайно оказанная одному изъ приближенныхъ лицъ Австрійскаго императора живущими при устьяхъ Дуная старообрядцами, имѣла для нихъ послѣдствіемъ приобрѣтеніе императорской грамоты, которая на первыхъ же порахъ давала имъ весьма важное право — переселиться на жительство въ австрійскія владѣнія, съ полученіемъ особенныхъ льготъ и привилегій, а въ послѣдствіи, въ искусныхъ рукахъ предприимчивыхъ людей, сдѣлалась документомъ чрезвычайной важности для всего старообрядческаго міра, признающаго надъ собою духовную власть бѣлокриницкой іерархіи.

По смыслу императорской грамоты, изложенныя въ ней права и привилегіи принадлежали собственно тѣмъ обществамъ жившихъ при Черномъ морѣ старообрядцевъ отъ которыхъ были присланы въ Вѣну депутаты. При Черномъ морѣ или, точнѣе, на мѣстѣ владенія Дуная въ Черное море, въ такъ называемой Добруджѣ, и тогда уже были поселенія казаковъ-раскольниковъ изъ дружины Некрасова, извѣстныхъ подъ именемъ некрасовцевъ, или Игнатъ-казаконъ. Можно бы повѣтоту предполагать что и депутаты ѣздившіе въ Вѣну принадлежали къ некрасовскимъ обществамъ. Но, съ другой стороны, представляется невѣроятнымъ чтобы некрасовцы, положеніе которыхъ подъ властію султана было хорошо обезлечено, рѣшились искать счастья въ новомъ пе-

* Грамота писана на пергаментѣ, въ два столбца,—на одномъ полѣмѣцки на другомъ—по-русски. Оба текста приведены въ *Уставѣ Бѣлокриницкаго монастыря* (гл. II, а); славянскій напечатанъ также въ изданной за границей III части *церковной исторіи* шюка Павла (стр. 171—174).

реселеніи подѣ господство нѣмецкаго государя: въ Турціи они пользовались также совершенною свободою въ исповѣданіи своей „старой вѣры“, кромѣ того своимъ собственнымъ казачкимъ судомъ и многими другими правами; а хлопотать о полномъ освобожденіи отъ военной службы было даже не въ характерѣ некрасовцевъ, которые и въ договорѣ съ турецкимъ правительствомъ условіемъ съ своей стороны поставили—во время войны снаряжать изъ молодыхъ людей казачье войско на службу султану,—да и вообще австрійскіе липованы въ своемъ характерѣ представляютъ мало родственнаго съ добруджанскими раскольниками. Есть, наконецъ, нѣкоторыя положительныя данныя утверждать что придунайскія старообрядческія общества хлопотавшія о переселеніи въ Австрійскую имперію были не изъ числа некрасовскихъ. Однимъ изъ депутатовъ ѣздившихъ въ Вѣну названъ въ императорской грамотѣ Никифоръ Иларіоновъ; а во главѣ переселившихся потомъ въ Буковину дунайскихъ старообрядцевъ, ихъ предводителемъ и старшиною (Aeltester der Lippowaner) официально признанъ былъ Иларіонъ Петровичъ (Petrowitz). Но Иларіонъ Петровичъ, по прозванью „Коровьи-ножки“, и Никифоръ Иларіоновъ—личности не безызвѣстныя въ исторіи раскола: они признаются основателями такъ-называемой секты чернобольцевъ. По существующимъ, очень скуднымъ впрочемъ извѣстіямъ объ этой сектѣ, * стародубскіе жители Иларіонъ Петровъ и Никифоръ Иларіоновъ (вѣтковскій выходецъ) отделились отъ старообрядцевъ (слобожанъ), которыхъ заподозрили въ ереси и развращеніи нравовъ, за ихъ близкія сношенія съ православными, установившіяся послѣ второй вѣтковской „выгонки“, когда въ Стародубь переселились главные представители вѣтковского согласія; сами же проповѣдывали ученіе носившее безполовскій отпечатокъ,—такъ между прочимъ они отвергали молитву за царей по той формѣ какая разослана была отъ правительства въ стародубскія слободы, же позволяли поступленія въ военную службу и вообще въ управление какихъ бы то ни было государственныхъ должностей, воспрещали принимать присягу и имѣть паспорта, и ро-

* Свѣдѣнія о чернобольцахъ находимъ у Андрея Іоаннова. (*Ист. мн. истор. изв. о стригольникахъ* изд. 2, ч. IV, стр. 79—84) и у иг. ум. Паареенія въ *Книгѣ о Промыслѣ* (стр. 193).

ловѣдывали близкое наступленіе кончины міра и т. п.; бѣглополовства въ сущности они не отвергали; но къ самымъ бѣлымъ поламъ, со времени паденія Вѣтки и залодозрѣваго ими развращенія слободъ, относились съ крайнимъ пренебреженіемъ и смотрѣли на нихъ подозрительно. Сохранилось преданіе что самъ Иларіонъ-Коровьи-ножки присвоилъ себѣ какую-то высшую духовную власть, такъ что нѣкоторые почитали его за епископа. * Отдѣлившись отъ слобожанъ, Иларіонъ Петровъ и Никифоръ Иларіоновъ съ своими учениками ушли изъ Стародубья за тогдашнюю польскую границу, въ мѣстечко Черноболъ, принадлежавшее пану Хаткевичу: здѣсь они устроили часовню и монастырь. Это было около 1775 года. ** Въ Черноболѣ имъ пришлось жить недолго, и вѣроятно изъ страха предъ русскимъ правительствомъ, распорядившимся тогда судьбами Польши, они переселились во владѣнія Турецкаго султана, къ устьямъ Дуная, гдѣ основали общество, отдѣльное отъ некрасовцевъ. *** Изъ этого обще-

* *Кн. о Пром.* стр. 198—199. Андрей Іоанновъ описываетъ Иларіона Петрова какъ человѣка невѣжественнаго и дерзкаго, доходившаго до крайняго кощунства (стр. 82—83); а игуменъ Пареевій, на основаніи разказовъ слышанныхъ отъ людей лично знавшихъ Иларіона, называетъ его человѣкомъ разсудительнымъ, понимавшимъ неправоудность не только бѣглополовства, но и вообще старообрядства (стр. 193, 199—200). Если это послѣднее извѣстіе можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ самъ же игуменъ Пареевій называетъ Иларіона „законѣлымъ раскольникомъ“, то съ другой стороны уже самое положеніе его въ средѣ старообрядцевъ переселившихся въ Австрію, извѣстное изъ источниковъ вполне достовѣрныхъ, показываетъ въ немъ человѣка дѣйствительно умнаго и способнаго имѣть вліяніе на другихъ.

** У Андрея Іоаннова сказано что они „въ 1775 году выдумали свою секту“. Такъ точно опредѣлить время когда „выдумана“ какая-либо секта, разумѣется, нельзя, и авторъ, конечно, разумѣетъ здѣсь время когда черноболъцы рѣшились отдѣлиться отъ старообрядцевъ, оставить Стародубье.

*** О переселеніи черноболъцевъ въ Добруджу Андрей Іоанновъ совсѣмъ не упоминаетъ; но ему уже было извѣстно что Иларіонъ Петровъ „уледеа въ нѣмецкую землю, гдѣ поселился въ нѣкоторой слободѣ“: это писалъ Андрей Іоанновъ спустя не болѣе 10 лѣтъ по переселеніи Иларіона въ Буковину (первое изд. *Книги о стризол.* было въ 1793 году). А игуменъ Пареевій положительно говоритъ что „Иларіонъ Петровичъ со своими единомысленными удадеа (изъ

ства и были тѣ рыболовы которымъ удалось спасти отъ гибели австрійскаго сановника и ему-то собственно предоставлены были грамотой Иосифа II указанныя выше права и преимущества. *

Но прежде нежели придунайскіе чернобольцы успѣли воспользоваться этими правами, они, во всемъ ихъ объемѣ, распространены были на тѣхъ жившихъ близъ Сучавы старообрядцевъ которые съ 1777 года состояли уже въ австрійскомъ подданствѣ, а равно и на всѣхъ липованъ которые пожелали бы перейти *изъ-за молдавской* границы подъ владычество Австріи. Надобно полагать что депутаты чернобольцевъ, проѣзжая въ Вѣну, не преминули посѣтить сучавскихъ раскольниковъ, не только какъ своихъ единовѣрцевъ, ** но и съ тою цѣлю чтобы получить отъ нихъ нужныя свѣдѣнія объ австрійскомъ правительствѣ, его отношеніяхъ къ старообрядцамъ, о мѣстахъ гдѣ можно будетъ поселиться въ случаѣ успѣха ихъ просьбы. На возвратномъ пути, съ драгоценною грамотой въ рукахъ, они имѣли тѣмъ болѣе побужденій заѣхать къ сучавскимъ раскольниковъ, близко заинтересованнымъ исходомъ ихъ дѣла. Тогда эти послѣдніе, опираясь на данныя теперь придунайскимъ старообрядцамъ привилегіи, немедленно обратились къ правительству съ просьбою чтобы эти привилегіи были предоставлены и имъ, какъ людямъ того же „старого закона“; причемъ поставили правительству на видъ что распространеніе изложенныхъ въ высочайшей грамотѣ правъ и преимуществъ на всѣхъ живущихъ въ Австріи старообрядцевъ послужитъ для многихъ молдавскихъ липованъ побужденіемъ искать австрійскаго подданства. Правительство не нашло никакихъ препятствій къ удовлетворенію этой просьбы, тѣмъ болѣе что умноженіе народонаселенія посредствомъ во-

Черноболя въ Турцію на Дунай, но съ некресовцами не соединился, а построилъ свою деревню на Георгіевскомъ гирѣ, а стали они заниматься рыболовствомъ на устьяхъ Дуная“ (стр. 194).

* Въ одной официальной бумагѣ 1791 года (донес. буковин. крайзонта во Львовъ, отъ 8го августа, № 2.600) общество липованъ просившихъ о переселеніи съ Чернаго моря опредѣляется въ двадцать съ небольшимъ семействъ: als die etliche und zwanzig Lippowaner vom Schwarzen Meere her im Jahre 1783 die Ansiedlungs-Erlaubnis erhielten...

** По словамъ Андрея Иоаннова, у чернобольцевъ было много послѣдователей въ Волошинѣ (IV, 81).

выхъ выходцевъ изъ Молдавіи вполнѣ согласовалось съ его желаніями. Не прошло и мѣсяца со времени полученія депутатами придунайскихъ старообрядцевъ императорской грамоты, какъ послѣдовало „отъ всевысочайшихъ мѣстъ“ распоряженіе: объявить сучавскимъ лилованамъ что имъ также предоставляется право имѣть одного попа „ихъ націи“, для безпрелютственнаго и свободнаго „въ цѣломъ Буковинскомъ дистриктѣ совершенія ихъ обыкновенныхъ божественныхъ службъ“, а также право пользоваться „увольненіемъ отъ воинскаго стану“. 31го октября 1783 года, изъ черновицкаго областного правленія, чрезъ буковинскаго крайкоммиссара, была имъ выдана грамота о дарованіи этихъ правъ, съ объясненіемъ что грамота сія дается имъ въ свидѣтельство и удостовѣреніе дѣйствительнаго пріобрѣтенія ими упомянутыхъ правъ и „къ убѣжденію ихъ за границею живущихъ единовѣрцевъ что и имъ даны будутъ, въ случаѣ ихъ переселенія, такія же выгоды и преимущества“. *

Относительно дозволеннаго священника правительствомъ предоставляло лилованамъ свободу: возвратитъ ли изъ Молдавіи прежде бывшаго у нихъ попа или вызвать откуда-нибудь другаго (von auswärts kommen zu lassen), или даже вновь поставить кого-либо изъ своей націи въ попы (einen Poppen von ihrer Nation zu bestellen). Объ этомъ состоялось 26го ноября того же года высочайшее распоряженіе. Предоставляя лилованамъ между прочимъ право поставить въ попы кого-либо изъ своей среды, высочайшій „президіумъ“ показалъ уже довольно ясно что не имѣетъ надлежащаго понятія о лилованской религіи и іерархіи; еще яснѣе выразилось это незнаніе въ другомъ, тогда же послѣдовавшемъ распоряженіи, именно чтобы дозволенный лилованамъ попъ, „какъ и другіе попы той области, подлежалъ вѣдѣнію буковинскаго епископа и карловицкаго митрополита“. ** Подчиняя лилованскихъ поповъ вѣдѣнію высшихъ представителей православной іерархіи въ австрійскихъ владѣніяхъ наравнѣ съ прочими попами, правительство, очевидно, смѣшивало ихъ съ духовенствомъ православнымъ, и самихъ лилованъ не отличало по религіи отъ Ру-

* Грамот. отъ 31го октября 1783 года. Въ *Бюрокр. арх.*

** Musste dieser ihr Popp, so wie alle übrigen Poppen hier im Lande, dem Bukowinaer Herrn Bischöfe und respective Carlowitzter Mitropolit unterstellen.

иновъ, Молдовалаховъ и другихъ австрійскихъ подданныхъ православнаго исповѣданія. 15го января 1784 года, изъ черновицкаго областного управленія это „высочайшее президіальное предписаніе“ получено было сучавскимъ директоромъ Шторромъ и отъ него въ копіи сообщено липованамъ, которые тогда вошли уже въ сношенія со своими молдавскими единовѣрцами по дѣлу объ ихъ переселеніи въ Австрію, ради предоставленныхъ старообрядцамъ отъ австрійскаго правительства „выгодъ и преимуществъ“. Понятно съ какимъ изумленіемъ принято было липованами это распоряженіе о подчиненіи православнымъ архіереямъ ихъ пола, котораго имъ дозволено имѣть „для безпрелютственнаго и свободнаго совершенія ихъ обыкновенныхъ божественныхъ службъ“. Они объявили сучавскому директору что на основаніи прежде полученной ими удостовѣрительной грамоты не могли и помыслить чтобы полы ихъ должны были состоять въ зависимости отъ буковинскаго епископа и карловицкаго митрополита, что допустить такое подчиненіе они никакъ не могутъ, и что никто изъ молдавскихъ липованъ, при такомъ стѣсненіи ихъ духовенства, перейти на жительство въ Австрію не рѣшится. Это сказано было такъ прямо и рѣшительно что сучавскій директоръ, „въ устраненіе всякихъ со стороны липованъ подозрѣній“, призналъ за лучшее взять обратно встревожившее ихъ предписаніе „высочайшаго президіума“ и не настаивать на точномъ его исполненіи. Въ объясненіе этого отступленія своего отъ распоряженій высшей власти, онъ писалъ черновицкому областному начальнику что такъ необходимо было поступить, дабы не воспрепятствовать переселенію „заграничныхъ липованскихъ фамилій“, о чемъ буковинскіе липованы „обязались стараться, не щадя трудовъ“.*

Между тѣмъ начались и переселенія старообрядцевъ. Въ теченіе зимы 1783 года, изъ Молдавіи пришло семь липованскихъ семействъ; а съ Чернаго моря переселилось десять семействъ и кромѣ того пять иноковъ (Kaluger) и трое „бурлаковъ или холостыхъ молодцевъ“ (Purlaken, oder ledige Burche). ** Эти переселенцы съ Чернаго моря, наравнѣ съ молдав-

* Донесеніе директ. Шторра въ Черновцы, отъ 19го января 1784 года, за № 154. (Вълокр. арх.)

** То-есть безсемейныхъ, бобылей. „Бурлакъ (южн.)—холостой, чокій, бездомокъ, шатунъ, побродяга.“ (Даль, Толк. слов.)

скими, тогда же получили названіе липованъ, сдѣлавшими съ этого времени общимъ для всѣхъ старообрядцевъ въ Австріи.

Молдавскіе выходцы немедленно избрали себѣ мѣста для поселенія, именно, шесть семействъ поселились въ „Митто-Драгомирскомъ“ (zu Mittoka-Dragomirna) и одно въ Климюцахъ. Селеніе Миттока-Драгомирна, или Соколинцы, получившее еще названіе *Липовени*, потому, конечно, избрано или предпочтительно предъ всѣми другими что здѣсь уже была жительство ихъ единоувѣрцы. Такимъ образомъ за Соколинцами несомнѣнно остается значеніе старѣйшаго изъ липованскихъ селеній въ Австріи.

Не такъ скоро избрали себѣ мѣсто для постоянного жительства прибывшіе съ Чернаго моря раскольники. Подъ руководствомъ самого Иларіона Петровича, своего „старѣйшины“, эти переселенцы, состоявшіе, какъ сказано выше, изъ десяти семействъ, явились первоначально въ сучавскій же округъ, и именно въ самый городъ Сучаву. Мѣстный директоръ немедленно распорядился чтобъ они, до тѣхъ поръ пока выберутъ мѣсто для заведенія новаго, отдѣльнаго селенія, размѣстались на жительство по окрестнымъ деревнямъ. Но старообрядцы объявили что къ пріисканію мѣста для жительства они могутъ приступить не ранѣе весны, когда придутъ къ нимъ еще нѣсколько семействъ, которыя должны принять участіе въ этомъ общемъ ихъ дѣлѣ; зиму же просили дозволенія прожить въ городѣ, такъ какъ здѣсь, живя всѣ въ одномъ мѣстѣ, могутъ найти себѣ пропитаніе гораздо легче, нежели размѣстившись по деревнямъ, что и было имъ дозволено. Итакъ, первую зиму по пріѣздѣ изъ Турціи они прожили въ городѣ Сучавѣ. При наступленіи весны, директоръ Шторръ не преминулъ напомнить имъ о скорѣйшемъ пріисканіи мѣста для постоянного жительства; но старообрядцы не желали спѣшить, они отвѣтили что дожидаются игумена, который долженъ прибыть въ самомъ непродолжительномъ времени, и когда онъ пріѣдетъ, немедленно займутся пріисканіемъ мѣста удобнаго для поселенія. Совѣтъ и благословеніе игумена, быть-можетъ, они считали дѣйствительно необходимыми въ столь важномъ для нихъ дѣлѣ какъ выборъ мѣста для оскѣдой жизни, гдѣ предполагалось притомъ основать и монастырь. Но такъ какъ игумень все еще медлилъ прібытіемъ, а правительство не прекращало настаивать на скорѣй-

шемъ выѣздѣ старообрядцевъ изъ Сучавы, то въ исходѣ апрѣля 1784 года они рѣшились наконецъ приступить къ осмотру удобныхъ для ихъ поселенія мѣстъ. Ихъ вниманіе обращено было главнымъ образомъ на двѣ мѣстности — принадлежавшее Драгомирскому монастырю урочище Корчешти и урочище Варница, принадлежавшее монастырю Путнѣ (Putna). Директоръ Шторръ донесъ объ этомъ, для зависящихъ распоряженій, администраціи Буковинской области, извѣщая вмѣстѣ и о томъ что игумень ожидается липованами со дня на день, что онъ уже выслалъ имъ разныя церковныя принадлежности, самъ же былъ задержанъ турецкимъ правительствомъ, которое очень недовольно переселеніемъ липованъ и отъ котораго онъ могъ только откупиться деньгами; по прибытіи игумена, директоръ надѣялся получить и сообщить администраціи точныя свѣдѣнія о числѣ семействъ которыя еще намѣрены перейти въ Буковину. * Буковинское областное начальство, какъ видно, очень заинтересованное переселеніемъ липованъ, приняло эти извѣстія съ большимъ участіемъ: въ отвѣтъ на донесеніе сучавскаго директора, ему немедленно было послано предписаніе „всячески способствовать“ (allen nöthigen Vorschub zu leisten) липованамъ въ приисканіи удобнаго мѣста для поселенія, имѣя впрочемъ въ виду, какъ бы липованы не избрали такихъ земель которыя заселены уже другими императорскими подданными и этимъ послѣднимъ необходимы. Что касается упомянутыхъ въ донесеніи мѣстностей, Корчешти и Варницы, то черновицкая администрація не находила съ своей стороны никакихъ препятствій передать во владѣніе липованамъ деревню Корчешти, если она пригодна (anständig) для нихъ, даже „не взирая на посессию“, то-есть несмотря на то что Драгомирскій монастырь, которому принадлежало это мѣсто, сдать его во владѣніе одному поссесору; относительно же Варницы администрація не находила возможности сдѣлать опредѣленное рѣшеніе, за неимѣніемъ отъ сучавскаго директоріата точныхъ извѣстій на какомъ именно хуторѣ эта мѣстность находится и есть ли тамъ жители (за что и сдѣлано замѣчаніе директору): въ послѣднемъ случаѣ администрація находила неудобнымъ отдавать Варницу во владѣніе липованъ. **

* Донес. сучавск. директ., отъ 22го апрѣля 1784 года, за № 1.016 (Бѣлогр. арх.).

** Предпис. черновицкой администраціи сучавскому директоріату, т. LXXXIX.

Лилованскіе согладатаи отдавали предпочтеніе урочищу Варница, находившемуся въ сосѣдствѣ съ селеніемъ Крамоуды (въ верстѣ разстоянія). Варница представляла дѣйствительно весьма привольное и удобное для поселенія мѣсто, расположенное неподалеку отъ городовъ Радоуца и Серета, * въ обширной долинѣ, среди предгорій Карлата, удобной для хлѣбопашества и садоводства; отличительную принадлежность Варницы составлялъ обильный источникъ, или ключъ, вода котораго, вслѣдствіе особенныхъ условій почвы, ** имѣла бѣлый цвѣтъ, отъ чего и самое это урочище получило названіе *Фонтана-Альба* (Fontina-Alba) или, на мѣстномъ нарѣчьи, *Бѣлая крыница*,—названіе, которому въ послѣдствіи суждено было пріобрѣсти громкую извѣстность. Такъ какъ по справкѣ оказалось что это урочище не занято никѣмъ изъ буковинскихъ жителей, то и послѣдовало распоряженіе правительства—отдать его во владѣніе лилованамъ. Сюда въ непродолжительномъ времени переселились всѣ прибывшіе съ Илариономъ Петровымъ отъ Чернаго моря раскольниковскія семейства, и такимъ образомъ на урочищѣ Варница, составлявшемъ, какъ и Миттока-Драгомирна, собственность одного изъ православныхъ монастырей, образовалось раскольниковское селеніе Бѣлая-Крыница.

Въ Бѣлой-Крыницѣ, при поселившихся здѣсь лилованскихъ семействахъ, пріютились на первое время и прибывшіе съ этими семействами цюки. Когда же наконецъ явился давно ожидаемый игумень Симеонъ, тогда они стали хлопотать объ устройствѣ монастыря. Игумень началъ дѣло законнымъ порядкомъ. На основаніи императорской грамоты, предоставляющей лилованамъ и ихъ духовенству полную свободу религіи, онъ подалъ куда слѣдовало, отъ имени всѣхъ лилованъ, просьбу о

отъ 26го апр. 1784 года. Того же числа администрація доносила, президенту надворнаго военнаго суда* (Hofkriegsrath), графу фонъ-Гадикъ, о переселеніи лилованъ въ Буковину, съ приложеніемъ самаго ралорта о томъ отъ сучавскаго директоріата, и о своихъ распоряженіяхъ относительно мѣстностей Корчешти и Варница, изъ которыхъ о первой сказано что она „стоитъ пуста“ и только прелоставлена отъ монастыря одному посессору, почему и не найдено препятствій къ ея занятію.

* Отъ Радоуца въ 15, а отъ Серета въ 10 верстахъ.

** Почва здѣсь по преимуществу известковая.

дозволеніи построить монастырь для липованскихъ иноковъ и, вѣроятно, о предоставленіи въ ихъ собственность нужной для монастыря земли. Вопреки ожиданіямъ, эта просьба потерпѣла совершенную неудачу. Австрійское правительство, безъ сомнѣнія, знакомое съ бытомъ и устройствомъ не только католическихъ, но и православныхъ монастырей, нашло однакоже что монастырь какой желательно устроить липованамъ имѣлъ бы характеръ „страннаго духовнаго института, чуждаго всякихъ житейскихъ упражненій, назначеннаго только для созерцательной жизни“, и что права на учрежденіе такого страннаго института высочайшая грамота вовсе не даетъ липованамъ. Дѣло доходило до высшихъ инстанцій, и наконецъ двумя опредѣленіями „надворнаго военнаго суда“ (Hofkriegsraths), отъ 9го іюня и 10го іюля 1784 года, въ просьбѣ объ устройствѣ монастыря липованамъ было рѣшительно отказано. * Для липованъ это рѣшеніе дѣла было сколько прискорбно, столько и неожиданно. Съ своей точки зрѣнія они совершенно справедливо находили противорѣчіе въ распоряженіяхъ правительства, которое дозволило ихъ инокамъ свободно переселяться въ Австрію, и въ то же время не дозволяетъ имъ устроить монастырь, какъ будто инокамъ можно жить не имѣя монастыря. Они пожалѣли теперь даже о томъ зачѣмъ обращались къ правительству за особымъ дозволеніемъ на постройку монастыря, когда могли бы это сдѣлать, на основаніи высочайше дарованныхъ имъ привиллегій, и безъ сношенія съ правительствомъ. Но такъ какъ дѣло было уже испорчено, то рѣшили поправить его тѣмъ хорошо знакомымъ для старообрядцевъ способомъ къ какому обыкновенно прибѣгаютъ они при подобныхъ случаяхъ въ Россійской Имперіи, — именно, рѣшили построить небольшой монастырь, или скитокъ, тайнымъ образомъ, безъ вѣдома правительства, хотя и подъ защитой ближайшихъ мѣстныхъ чиновниковъ, на благосклонность которыхъ имѣли основаніе разчитывать. Неподалеку отъ селенія Бѣлой-Криницы, въ урочищѣ Тарновка, на полянѣ, окруженной большимъ буковымъ лѣсомъ, поставили обширную деревянную избу, въ одинъ этажъ, раздѣ-

* Объ этихъ опредѣленіяхъ Hofkriegsrath'a упоминается въ губернскомъ предписаніи крайзамту, отъ 21го марта 1842, за № 11.613 (Бѣл. окр. арх.).

ленную на нѣсколько помѣщеній, гдѣ находились и часовня, и трапеза, и монашескія кельи. Здѣсь и поселился игуменъ Симеонъ съ своимъ братствомъ, состоявшимъ всего изъ пяти иноковъ. * Въ 1788 году, онъ лично явился въ крайзамтъ ходатайствовать чтобы дозволено было еще двумъ „калугерамъ“ переселиться изъ Молдавіи въ Буковину: крайзамтъ, на основаніи прежнихъ примѣровъ, безпрепятственно далъ это позволеніе, въ той конечно увѣренности что новые переселенцы будутъ жить на общемъ со всѣми липованами положеніи. ** Въмѣсто двухъ, на этотъ разъ пришли изъ-за границы семь иноковъ и, разумѣется, поселились не въ Бѣлой-Кривницѣ, а въ обители игумена Симеона, у котораго такимъ образомъ собралось братіи двѣнадцать человекъ. *** Около пяти лѣтъ скитокъ Симеона существовалъ довольно спокойно; мѣстное начальство, которому былъ онъ извѣстенъ, безлоконтъ липованскихъ калугеровъ не находило ни пользы, ни надобности. **** Но въ 1791 году, о тайно построенномъ липованскомъ монастырѣ случайнымъ образомъ дошло до свѣдѣнія высшаго правительства, и его существованію положенъ былъ конецъ.

Уединенное среди лѣса мѣстоположеніе монастырскаго дома имѣло ту невыгоду что дѣлало его беззащитнымъ отъ грабителей, которые дѣйствительно напали на монастырь неоднократно. Одно изъ этихъ нападений кончилось даже смертоубійствомъ. Это прискорбное для липованъ событіе случилось

* Въ *Уставѣ* говорится что мѣсто гдѣ былъ основанъ монастырь имѣло разстояніе отъ Бѣлой-Кривницы только четверть мила. Изъ донесенія радоудкой директоріи въ крайзамтъ, отъ 31го іюля 1791 года видно что въ 1786 году монастырекъ въ лѣсу существовалъ уже: значитъ къ построенію его липованы приступили не позднѣе 1785 года. то-есть вскорѣ послѣ отказа, полученнаго изъ Hofkriegsrath'a. *Бѣлокривницкій архивъ.*

** О принатіи ихъ крайзамтъ далъ предписаніе думеніи Санктъ-Онуфріи, за № 2859.

*** Выпуски изъ дѣлъ о переселеніи въ Буковину липованскихъ иноковъ. *Бѣлокривницк. архивъ.*

**** Радоудкая директорія, въ упомянутомъ выше донесеніи въ крайзамтъ, не только не отвергаетъ того что имѣла свѣдѣніе о липованскомъ монастырѣ, но и замѣчаетъ еще что существованіе монастыря полагала извѣстнымъ даже самому крайзамту.

въ 1791 году, ночью съ 28го на 29е іюня. * Въ радоуцкую директорію лилованы подади объявленіе о случившемся, съ просьбою о защитѣ отъ грабителей. Директорія донесла объ этомъ крайзамту, который съ своей стороны сдѣлалъ строгое предписаніе о разысканіи грабителей, объ учрежденіи и правильномъ содержаніи ночной стражи въ селеніи, вообще о принятіи необходимыхъ мѣръ къ предупрежденію на будущее время подобныхъ несчастныхъ случаевъ. Но въ то же время крайзамтъ возбудилъ вопросъ и о самомъ лилованскомъ монастырѣ: отъ директоріи потребована справка что это за монастырь, когда онъ основался. Радоуцкій директоръ Бейнеръ, привлеченный такимъ образомъ къ нѣкоторой отвѣтственности за существованіе монастыря, и быть-можетъ именно желая отстранить отъ себя всякое подозрѣніе въ потворствѣ лилованамъ по этому дѣлу, далъ отвѣтъ крайне неблагоприятный для лилованскихъ иноковъ. Вотъ какъ описалъ онъ, послѣ наведенныхъ справокъ, и самый монастырь и бытъ монаховъ, въ своемъ объясненіи крайзамту, отъ 31го іюля: „Какъ только лилованы поселились на Варницѣ, тогда же они построили себѣ въ лѣсу, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ села, домъ, раздѣленный на двѣ половины,—въ одной половинѣ моденная, или церковь, въ другой жилое помѣщеніе для особаго рода духовныхъ лицъ, которые у нихъ называются иноками (die sie Kalugier nennен). Здѣсь живутъ вмѣстѣ, общежительно, пять иноковъ, а еще двое имѣютъ жительство въ селеніи, каждый въ своей отдѣльной хатѣ (Chaluppe). ** одѣваются они помужицки (bäuerisch) и отъ прочихъ лилованъ отличаются только

* Извлеченія изъ дѣла объ уничтоженіи монастыря въ лѣсу (*Бѣлокр. арх.*). Въ официальномъ документѣ не упоминается о смертоубійствѣ; но Павелъ, въ *Уставѣ Бѣл. мон.* и въ *Исторіи* (стр. 175) говоритъ что „одинъ изъ иноковъ до смерти убитъ былъ злодѣями.“

** Бейнеръ показываетъ то самое число лилованскихъ иноковъ которое значилось официально извѣстнымъ правительству; а между тѣмъ, какъ выше показано. вмѣсто двухъ, дозволенныхъ правительствомъ, во второй разъ пришли къ игумену Симеону семь иноковъ, и всѣ они жили вмѣстѣ съ другими въ монастырѣ, а не въ селеніи, гдѣ однакоже должны были бы жить по распоряженію правительства. Неточность въ донесеніи директора, вѣроятно, вызвана опасеніемъ отвѣтственности за нестрогое исполненіе распоряженій правительства.

небольшою черною мантией на плечахъ (Schultermantel). Никакимъ опредѣленнымъ доходомъ не пользуются, а получаютъ пропитаніе, какъ и прочіе сельскіе жители, отъ полевыхъ работъ и еще отъ добротнаго подаванія мірянъ. На исправленіе духовныхъ требъ, крещенія, вѣчанія и пр. не имѣютъ никакого права; ихъ обязанность состоитъ единственно въ томъ чтобы строго держаться принятыхъ у липованъ благочестивыхъ обычаевъ и молиться. Сколько можно было узнать, липованы поставляютъ за долгъ религіи имѣть въ своемъ обществѣ такого рода духовныхъ, чтобы могли оказывать имъ христіанскую благотворительность. Принимая отъ нихъ милостыню, эти духовныя лица за нихъ молятся, и липованы вѣруютъ что это даетъ имъ очищеніе отъ грѣховъ. Такія и инныя еще нечеловѣчскія (Albernheiten) этотъ народъ признаетъ за основаніе и долгъ своей религіи....“ Назвавъ построеніе монастыря современнымъ самому поселенію липованъ на урочищѣ Варница и далѣе съ большею еще опредѣленностью заявивъ что монастырь существуетъ именно съ 1786 года, этою пятилѣтнею его давностью начальникъ radoуцкой директоріи старался доказать что онъ нисколько не отвѣтственъ за существованіе монастыря, оказавшагося теперь неизвѣстнымъ высшему правительству: „такъ какъ, — писалъ онъ, — это общество особаго рода духовныхъ, подъ именемъ монастыря, существуетъ при Варницѣ уже съ 1786 года, то невозможно было и предположить чтобы высококесарскому крайзамту не было извѣстно объ этомъ, и чтобы липованы могли безъ дозволенія отъ правительства учредить подобное духовное общество.“ Такимъ образомъ radoуцкій директоръ или не знаетъ, или нашелъ благоразумнѣйшимъ умолчать о послѣдовавшемъ въ 1784 году распоряженіи „надворнаго военнаго суда“, которымъ учрежденіе иноческаго общежитія было рѣшительно воспрещено липованамъ. Наконецъ, какъ бы желая показать свою особенную ревность къ искорененію всякихъ беспорядковъ, онъ выражалъ мнѣніе что учрежденіе такого рода, какъ липованскій монастырь и религіозное общество подобное тому какое составляютъ липованскіе иноки, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть терпимы болѣе,—онъ именно предлагалъ принять противъ нихъ слѣдующія мѣры: „1) приказати обществу липованъ чтобы молитвенный домъ, или церковь на теперешнемъ, удаленномъ отъ селенія мѣстѣ, въ лѣсу, сломили и перенесли въ самое селеніе; 2) духовное, иноческое братство

упразднить и отнынѣ дозволить имъ содержать при церкви одно только духовное лицо, которое было бы уполномочено исполнять, согласно требованіямъ ихъ религіи, всѣ обязанности приходскаго священника, такъ какъ при такомъ маломъ обществѣ и одного духовнаго лица вполне достаточно для попеченія о душахъ (zur Seelsorge); 3) если духовныя лица извѣстныя у нихъ подъ именемъ иноковъ пожелаютъ оставаться въ селеніи Варвица, это можетъ быть дозволено имъ только подъ тѣмъ условіемъ, если они, какъ и прочіе сельскіе жители, построятъ себѣ дома, заведутъ хозяйство, стануть исполнять наравнѣ съ другими общественныя повинности и совершенно откажутся отъ всѣхъ дѣйствій и внѣшнихъ отличій принадлежащихъ духовенству (alle geistliche Verrichtungen und Ansehen aufgeben); въ противномъ случаѣ, еслибъ они не захотѣли на все это согласиться, не останется иного средства къ уничтоженію этого особаго рода духовнаго общества, какъ выслать ихъ обратно за границу.* На основаніи этого донесенія радоуцкой директоріи, крайзамтъ сдѣлалъ представленіе въ Лембергъ, губернскому начальству. Достоинно замѣчанія что крайзамтъ, изложивъ тѣ самыя свѣдѣнія о липованскомъ монастырѣ и липованскихъ инокахъ какія сообщены были радоуцкою директоріей, не преминулъ однакоже замѣтить что объ устроеніи монастыря липованы ходатайствовали предъ правительствомъ, какъ только переселились въ Австрію, и что въ этой просьбѣ тогда имъ было отказано. Въ своемъ мнѣніи относительно того какъ поступить съ случайно открытымъ въ лѣсу, близъ селенія Бѣлой-Кривицы, липованскимъ монастыремъ и монашескимъ братствомъ, крайзамтъ также не вполне соглашался съ мнѣніемъ директоріи: находя съ своей стороны существованіе монастыря ни въ какомъ случаѣ недозволительнымъ, онъ предлагалъ однакоже менѣе строгія мѣры въ отношеніи къ липованскимъ инокамъ, и основаніе къ такому ихъ смягченію находилъ въ самомъ же донесеніи радоуцкаго директора,—именно въ томъ его замѣчаніи что липованы, держась разныхъ вѣтвыхъ мнѣній насчетъ своихъ иноковъ (verschiedene Albernheiten um diesen Mönchen), считаютъ *долгомъ религіи* имѣть ихъ (machen sich zur Religionspflicht diese Art Geistlichen zu haben). Принимая во

* Объясн. радоуцкаго директора, отъ 31го іюля 1791 года, (Бѣлокр. арх.)

вниманіе такія отношенія липованъ къ своимъ инокамъ. крайзамтъ выражалъ опасеніе какъ бы упраздненіе (Abschaffung) самаго званія иноческаго не возбудило волненія между этими, исполненными всякихъ религіозныхъ предразсудковъ людьми (unter dieser sehr vorurtheiligen Religionisten), и какъ бы они современемъ не вздумали даже уйти опять за границу. чего правительство въ своихъ собственныхъ интересахъ никакъ не желало. Потому крайзамтъ, въ своемъ представленіи губернскому начальству, предлагалъ ограничиться тѣмъ чтобы найденный въ лѣсу монастырь уничтожить, а иноковъ, не воспрещая строго самаго ихъ существованія у липованъ, перевести на жительство въ Бѣлую-Кривицу, съ тѣмъ однакоже чтобы здѣсь они построили себѣ дома, каждый отдѣльно, и какъ всѣ прочіе жители занимались сельскимъ хозяйствомъ, платя равныя съ другими общественныя повинности. * „Въ губерніи“ это мѣрніе крайзамта было принято и 24го августа 1791 года послѣдовало распоряженіе привести его въ исполненіе. ** Въ силу этого распоряженія крайзамтъ предписалъ radoудкой директоріи: „дальнѣйшее существованіе тайно построеннаго въ лѣсу монастырька (Klösterchens) воспретить и перенести его въ самое селеніе; сюда же переселить и монаховъ, съ тѣмъ чтобы они жили каждый самъ по себѣ, въ отдѣльныхъ домахъ, и занимаясь сельскимъ хозяйствомъ одинаково съ прочими жителями, несли повинности соответственно ихъ состоянію.“ ***

Итакъ, секретно построенный въ лѣсу липованскій Бѣлокривицкій монастырь существовалъ не болѣе пяти лѣтъ: по распоряженію правительства, онъ былъ уничтоженъ, какъ незаконное учрежденіе. По поводу этого распоряженія, насколько оно касалось самаго монастыря, подвергшагося запрещенію, липованы не имѣли побужденій слишкомъ много сѣтовать, такъ какъ опытъ показалъ что мѣсто на которомъ они устроили монастырь представляло существенныя неудобства для мирной иноческой жизни; притомъ же монастырское строеніе, какъ общественную собственность, имъ дозволено было перенести въ Бѣлую-Кривицу. Но рѣшеніе правительства по

* Представа. крайзамта въ губернію, отъ 8го авг. 1791, № 2.600. (Бѣлокр. арх.).

** Предпис. изъ губерніи въ крайзамтъ, № 19.832. (Тамъ же.)

*** Предпис. крайзамта radoудкой директ., отъ 14го сент. 1791, № 2.990. (Тамъ же.)

настоящему дѣлу было для нихъ особенно неблагопріятно въ своемъ общемъ значеніи, какъ офиціальное и во второй уже разъ издаваемое запрещеніе—имѣть свой, надлежащимъ образомъ устроенный монастырь съ иноческимъ общежитіемъ, — какъ постановленіе отрицающее у липованъ самое право завести такого рода религіозное учрежденіе. Послѣ этого, казалось, нечего было и помышлять имъ о новомъ устройствѣ монастыря и монастырскаго общежитія; но отказаться отъ того что они считали, по справедливому замѣчанію радуцкаго директора, „долгомъ своей религіи“, бѣлокриницкимъ липованамъ не хотѣлось,—и они сдѣлали новую попытку устроить монастырь, опять секретнымъ образомъ, но уже въ самомъ селеніи, воспользовавшись для этого даже изданнымъ теперь распоряженіемъ правительства объ уничтоженіи найденнаго въ лѣсу монастыря,—именно тѣмъ что дозволено было перенести въ Бѣлую-Криницу монастырское строеніе, и самимъ инокамъ имѣть жительство въ селеніи. Здѣсь главнымъ дѣятелемъ является опять Иларіонъ Петровичъ Коровьи-ножки. Какъ бы принимая на себя отвѣтственность за дальнѣйшее существованіе монастыря, онъ отвелъ для него мѣсто на своемъ собственномъ участкѣ земли.* Монастырское строеніе со всѣми его принадлежностями онъ перенесъ изъ тарновицкаго лѣса и поставилъ въ нѣкоторомъ уединеніи сзади своего дома, среди разведеннаго имъ большаго сада, а къ самому дому, выходящему на улицу, сдѣлалъ пристройку собственно для жительства иноковъ: сюда и перешли они вмѣстѣ съ игуменомъ Симеономъ; впрочемъ жили нѣкоторые и въ саду, въ старомъ монастырскомъ строеніи, куда обыкновенно всѣ собирався на молитву. Такимъ образомъ по формѣ онъ исполнялъ предписаніе правительства,—монастырскій домъ съ часовнею перенесъ въ селеніе, а иноковъ помѣстилъ жить наряду со всѣми липована-

* Вотъ что говорится объ этомъ въ *Уставѣ Бѣлокриницкаго монастыря*: „иноки вынуждены были перенестись съ того мѣста (изъ лѣсу), съ монастырскимъ заведеніемъ и со всѣми его принадлежностями, какъ-то — древлепечатными книгами, иконами, колоколами всю церковною утварію и прочимъ имуществомъ, въ село Бѣлую-Криницу, гдѣ они и приняты были тогдашнимъ жителемъ старовѣромъ Иларіономъ Петровичемъ въ свое покровительство и защиту, и водворились своимъ монастыремъ на собственномъ его грунтѣ“. Нѣсколько короче, то же самое повторено въ *III части Црковной Исторіи* (стр. 175).

ми; но вмѣстѣ достигъ и того что монастырь и иноческое общество, вопреки тому же распоряженію, продолжали существовать. При жизни Иларіона, подъ его поличіемъ, монастырь существовалъ на новомъ мѣстѣ около 27 лѣтъ; * умирая, онъ завѣщаль и землю и все свое недвижимое имущество въ собственность иноковъ,—и это завѣщаніе, спустя три года послѣ его смерти, было признано ближайшими мѣстными властями въ полной его силѣ. ** Такимъ образомъ, несмотря на прямое и двукратное запрещеніе отъ высшаго правительства, липованы успѣли устроить монастырь среди самаго селенія Бѣлой-Криницы и даже отчасти обезпечить его существованіе. Мѣсто уступленное подъ монастырь и завѣщанное въ его собственность Иларіономъ Петровымъ есть то самое на которомъ и нынѣ существуетъ пресловутая бѣлокриницкая „митрополія“.

II.

Послѣ описаннаго приключенія съ монастыремъ, нарушившаго нѣсколько спокойствіе липованъ въ первое десятилѣтіе по водвореніи ихъ въ Бѣлой-Криницѣ, они продолжали устроивать свой хозяйственный, общественный и семейный бытъ

* Въ Уставѣ говорится что на этомъ мѣстѣ монастырь существовалъ „при жизни Иларіона Петровича лѣтъ 15“. Но Иларіонъ Петровъ умеръ не ранѣе 1818 года, а если на его землю, какъ говорится въ Уставѣ, монастырь перенесенъ былъ изъ лѣсу, когда здѣсь случилось смертоубійство, то-есть въ 1791 году, то очевидно что при жизни Иларіона монастырь существовалъ на его землѣ не 15, а 27 лѣтъ. Въ протоколѣ сѣдательской комиссіи 1843 года есть извѣстіе что въ Бѣлой-Криницѣ монастырь существуетъ только съ 1803 года; если принять это извѣстіе, то окажется что при жизни Иларіона на его землѣ монастырь существовалъ дѣйствительно 15 только лѣтъ.

** „Въ 1818 году, грунтъ на которомъ водворились иноки дарованъ монастырю по духовному завѣщанію Петровича въ вѣчное владѣніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ домъ и все прочее имущество безъ остатку, о чемъ удостовѣряетъ декретъ думенію Кочукмаре, подъ № 1594, основывающійся на судебномъ рѣшеніи К. к. буковинскаго форумбиліума, 5го февраля 1821 года, № 247“. (Уставъ Бѣл. мон.). Указанныхъ здѣсь документовъ не имѣется между находящимися у насъ бумагами бѣлокриницкаго архива, но не можетъ быть сомнѣнія что завѣщаніе сдѣлано было не на имя монастыря, существованіе котораго законнымъ порядкомъ признано не было, а на имя жившихъ при домѣ Иларіона иноковъ.

на новомъ мѣстѣ поселенія, при новыхъ, весьма выгодныхъ словіяхъ жизни, предоставленныхъ имъ австрійскимъ правительствомъ. При своей природной склонности къ земледѣлію, при трудолюбіи и навыкѣ къ разнымъ хозяйственнымъ занятіямъ и промысламъ, они успѣли въ непродолжительное время такъ хорошо устроиться, что Бѣлая-Криница (равно какъ и другія занятія липованами мѣстности) представляла уже большое, цвѣтущее и красивое селеніе. Примѣчательнѣйшую особенность Бѣлой-Криницы и прочихъ липованскихъ селеній въ Австріи (какъ и всѣхъ вообще старообрядческихъ деревень и домовъ за границей) составлялъ ихъ чисто русскій характеръ, ярко отражавшій себя въ каждой подробности внѣшняго и внутренняго быта липованъ, начиная съ домовъ и одежды, языка и обычаевъ. * Среди коренныхъ жителей Буковины, среди руснацкихъ, молдаванскихъ и прочихъ селеній, липованы, съ ихъ Бѣлокриницей, Климоуцами, Соколинцами, представляютъ совершенно самобытное явленіе, какъ бы дѣлкомъ перенесенное изъ Руси, и притомъ древней Руси: „въ нихъ, по выраженію ученаго имѣвшаго случай наблюдать липованъ, народность русская со всѣми мельчайшими подробностями и отбѣнками какъ будто окаменѣла и пребываетъ въ такой дѣлности и чистотѣ какую въ настоящее время не вездѣ сыщешь и съ самой Россіи“. ** Какъ

* „Весь домашній бытъ ихъ, по словамъ Надеждина, есть бытъ нашихъ около-московныхъ поселянъ: та же русская изба съ углами и съ крышею подъ князекъ, съ русскою печью, даже съ русскими узватами, кочергою и помеломъ; въ домѣ и на дворѣ тѣ же принадлежности, та же утварь, тѣ же земледѣльческія и другія орудія; русская телѣга съ русскою упряжью, съ русскими хомутами и дугою; русская баня съ каменкою и полкомъ; одежда и наряды обоихъ половъ также чисто русскіе, самое домашнее продовольствіе и удовольствіе: щи, каша и квасъ, медъ, брага и зеленое“. (*Сборн. Кельс.* ч. I, стр. 88.)

** Надеждинъ (тамъ же стр. 89). Вотъ какъ описанъ домашній бытъ липованъ въ протоколѣ слѣдственной комиссіи 1844 года: „Каждый липованъ имѣетъ въ своемъ домѣ образамъ и прочимъ приборомъ украшенную божницу, которая у него въ весьма великомъ почтеніи; входя въ домъ, дѣлаетъ на себѣ рукою крестъ и говоритъ: Господи Ісусе Христе Сыне Божій помилуй насъ. То же самое говоритъ послѣ всякаго яденія и литія. Ни одинъ липованъ ни трубки не куритъ, ни табаку не нюхаетъ, такъ что даже и въ домахъ ихъ этого дѣлать не позволено. Въ ихъ домахъ вездѣ особливая чистота; они

чистѣйшіе представители старорусской народности, во всемъ отличной отъ культуры нѣмецкой, липованы представляли особенно любопытное явленіе для австрійскаго правительства и вообще для Нѣмцевъ. Императоръ Францъ въ 1816 году, при свиданіи съ Александромъ I въ Черновцахъ, не преминулъ даже обратить на нихъ вниманіе Русскаго царя. Нѣсколько бѣлокриницкихъ жителей разнаго возраста были представлены императору Александру, который, по сохранившемуся у липованъ преданію, съ любопытствомъ спрашивалъ ихъ о жизни буковинскихъ старообрядцевъ, благодарилъ за неизмѣнную вѣрность русской національности и одѣлалъ щедрыми подарками. * Тогда былъ еще живъ достигшій глубокой старости самъ предводитель липованъ, Иларіонъ Петровичъ, и находился, конечно, во главѣ представлявшейся Русскому царю депутаціи. Вскорѣ послѣ этого, императоръ Францъ, весьма довольный что могъ показать своему гостю такую интересную достопримѣчательность какъ чистокровные русскіе люди въ австрійскомъ подданствѣ, наградилъ въ память этого событія старика Иларіона золотомъ медалью. Изъ Вѣны медаль выслана была начальнику Буковинской области, Плятцеру, который чрезъ кучурмарскую думенію нарочно вызвалъ Иларіона, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими членами липованскаго общества (mit einigen Mitgliedern seinen Nation) въ Черновцы для получения высочайше дарованной награды. Здѣсь, 6го сентября 1817 года, Плятцеръ вручилъ Иларіону медаль и грамоту, въ которой сказано что эта награда пожалована старѣйшимъ липованъ въ память посвѣщенія Буковины императоромъ и въ знакъ императорской милости къ нему за покорность прави-

мѣють около постелей и предъ иконами занавѣски; столы накрываютъ чистыми скатертями". (*Бѣлокр. арх.*).

* Надеждинъ (тамъ же). Одинъ изъ представлявшихся императору Александру липованъ, Евграфъ (въ иконостасѣ Елифаніи, былъ еще живъ въ сороковыхъ годахъ и самъ разказывалъ цюку Онуфрію какъ бесѣдовалъ съ нимъ Русскій царь. Быстро подойдя къ липованамъ, Александръ спросилъ именно Евграфа: „Изъ какой губерніи? изъ Калужской?“ Евграфъ совсѣмъ растерялся, едва могъ сказать что онъ не бѣглый, а природный липованъ. Императоръ улыбаясь началъ спрашивать: „Ну что же, и подъ дугой ѣздите, и въ бѣлу ходите?“ „Все какъ есть, ваше царское величество,—безъ этого не лезя“. — „Хорошо, хорошо,—живите здѣсь спокойно“.

гельству и за то что „въ званіи начальника надъ другими липованами вѣрно начальствуетъ“.*

Къ тому времени когда у австрійскихъ липованъ началось дѣло объ учрежденіи архіерейской кафедры, именно спустя около шестидесяти лѣтъ по приходѣ въ Буковину первыхъ липованскихъ семействъ, население Бѣлой-Криницы, также Климоуцъ и Соколинцевъ, естественнымъ путемъ народоженія, особенно же посредствомъ принятія новыхъ выходцевъ, привлекаемыхъ привилегированнымъ положеніемъ австрійскихъ раскольниковъ, достигло весьма значительной цифры. По конскрипціи 1843 года, въ Бѣлой-Криницѣ считалось уже 94 дома и въ нихъ 108 липованскихъ семей, а всѣхъ жителей обоого пола около 600 душъ; население Климоуцъ было еще значительнѣе,—здѣсь числилось домовъ 131, семействъ 156, а всѣхъ жителей обоого пола болѣе 800 душъ; въ Соколинцахъ считалось 63 липованскихъ дома и въ нихъ 350 душъ жителей обоого пола.** Въ этомъ общемъ числѣ жителей каждаго изъ трехъ липованскихъ селеній, пришельцы, бѣжавшіе преимущественно изъ Россіи, составляли весьма значительный процентъ. Липованы охотно принимали ихъ, какъ „единовѣрныхъ христіанъ,“ а отчасти и потому что извлекали отсюда пользу для самихъ себя, пріобрѣтая новыя рабочія руки, которыми пользовались до тѣхъ поръ пока пришельцы не заводились собственнымъ хозяйствомъ.*** Правительству, при такъ-называемыхъ конскрипціяхъ, этихъ бѣглецовъ объявляли обыкновенно какъ природныхъ липованъ, если только нельзя было укрыть ихъ отъ конскрипціи,—и самымъ употребительнымъ въ этихъ случаяхъ способомъ служило зачисленіе ихъ на мѣсто умершихъ липованъ: уловка, которой не могло не знать мѣстное начальство, на которую однакоже оно смотрѣло

* Дѣло о награжденіи Иларіона золотой медалью въ *Бѣлокр. арх.*

** Приведенныя свѣдѣнія заимствованы изъ протоколовъ коммиссіи проводившей свѣдствіе у липованъ въ февралѣ 1844 года. (*Бѣлокр. арх.*).

*** Такъ было съ самаго перваго времени поселенія липованъ въ Буковинѣ. Въ Бѣлой-Криницѣ сохранилось преданіе что обширный садъ Иларіона Коровьи-ножки, гдѣ нынѣ монастырь, обработанъ и насаженъ бѣглыми русскими раскольниками, которыхъ онъ первый началъ принимать и въ немаломъ количествѣ. Кто приходилъ съ паспортомъ, у тѣхъ, въ силу черномобольскаго ученія, паспорта Иларіонъ истреблялъ. (Слыш. отъ с. Онуфрія).

сквозь пальцы. Дѣло это облегчалось еще и установившимся порядкомъ сношеній ближайшаго гражданскаго начальства (мандаторіата) съ липованскими обществами. Общества избирали изъ своей среды одно лицо въ званіе „дворника“; мандаторъ утверждалъ избраннаго и вручалъ ему, какъ символъ власти, общественную печать и трость; чрезъ этого „дворника“ мандаторъ и велъ обыкновенно всѣ сношенія по дѣламъ липованъ, такъ что его свидѣтельства, подкрѣпленнаго свидѣтельствомъ одного или двухъ липованскихъ стариковъ, было достаточно для удостовѣренія въ принадлежности извѣстнаго лица или семьи къ числу природныхъ буковинскихъ липованъ. Но принимая бѣглыхъ раскольниковъ въ сожительство съ собою и полное обладаніе всѣми принадлежащими имъ привилегіями, липованы все-таки не смѣшивали себя съ этими бѣглецами, и иногда, по крайней мѣрѣ на словахъ, давали имъ понять что они не по закону, а только по милости пользуются правами природныхъ липованъ: въ Бѣлой-Криницѣ семейства бѣглыхъ раскольниковъ селились даже большею частію отдѣльно отъ коренныхъ бѣлокриницкихъ жителей, — они составили цѣлую улицу, названную „Бѣжаркой“. Въ тридцатыхъ годахъ, когда относительно раскольниковъ у насъ приняты были строгія мѣры, число бѣглыхъ въ липованскихъ селеніяхъ особенно увеличилось, и такъ какъ первоначально занятое липованами количество земли въ Бѣлой-Криницѣ и Климоуцахъ было незначительно,* а правительство, несмотря на возраставшее населеніе, въ новомъ надѣлѣ земли рѣшительно отказывало, то пришлось позаботиться о поселеніи новыхъ выходцевъ гдѣ-нибудь на наемныхъ земляхъ. Бѣлокриницкіе и климоуцкіе липованы поручились за нихъ, какъ за природныхъ липованъ, и подъ именемъ бѣлокриницкихъ и климоуцкихъ выходцевъ, эти бѣжавшіе преимущественно изъ Польши и Бессарабіи раскольники, въ 1837 году, наняли по контракту на 20 лѣтъ землю у думеніи Бергометъ, гдѣ и основали особый поселокъ, называющійся Мехидра, у самаго селенія

* Въ Бѣлой-Криницѣ принадлежащей липованамъ земли считается всего 1.124 іоха (іохъ = 1.600 кв. вѣнской сажени, = 0,52.660 русск. десятины) и 464 саж. въ томъ числѣ удобной для хлѣбопашества только 625 іох. и 275 саж., сѣнокосной и подъ огородами 387 іох. и 854 саж. Въ Климоуцахъ 1.562 іох. и 1.161 саж., въ томъ числѣ годной для хлѣбопашества 1.256 іох. и 491 саж., подъ сѣнокосами и огородами 294 іох. и 1.335 саж. (Проток. слѣд. колл. 1844 года.)

Бергометь на Серетѣ. * Изъ природныхъ липованъ переселился въ Мехидру одинъ только бѣлокриницкій житель — Барабашъ, который для большаго удобства и вель все это дѣло отъ своего имени; въ послѣдствіи однакоже онъ возвратился въ Бѣлую-Криницу. Въ Мехидрѣ, по той же конскрипціи 1843 года, считалось 36 старообрядческихъ семействъ, состоявшихъ изъ 160 душъ обоего пола. ** Такимъ образомъ, по официальнымъ извѣстіямъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ во всѣхъ липованскихъ селеніяхъ Буковины считалось до 350 семействъ и въ нихъ до 2.000 душъ обоего пола. ***

Всѣ вообще липованы были тогда народъ довольно зажиточный, — не особенно богатый, но зато ни въ чемъ не нуждавшійся. Главнымъ ихъ занятіемъ было хлѣбопашество и садоводство. Кромѣ лшеницы и гречихи, въ немаломъ количествѣ они сѣяли на своихъ и наемныхъ поляхъ ленъ и коноплю, изъ которыхъ приготовляли на собственныхъ заводахъ масло, составлявшее предметъ довольно значительной торговли. Для полевыхъ работъ и домашняго употребленія имѣли достаточно рогатаго скота и лошадей. Садоводство, при благоприят-

* *Проток.* 22го февраля 1844. По словамъ Надеждина, переселившіеся въ Мехидру липованы водворились на землѣ принадлежащей гуземному помѣщику бояру Іордаки Василичку (по-нѣмецки Edler von Wassilko), къ которому несуть разныя помѣстные обязанности. (*Сбор.* Кельс. I, 87.)

** *Проток.* 22го февраля 1844. Несмотря на такое значительное количество бѣглыхъ переселившихся въ Мехидру изъ Бѣлой-Криницы и Климоуць, въ этихъ слободахъ, по конскрипціи 1843 года, считалось около 150 душъ „иностранцевъ“, то-есть такихъ раскольниковъ которые не успѣли еще зачислиться въ разрядъ природныхъ липованъ (см. тамъ же). Такъ много раскольниковъ бѣжало тогда изъ разныхъ мѣстъ Россіи за границу!

*** Надеждинъ, полагая что въ каждой изъ трехъ большихъ слободъ находится по 120 семействъ, а въ Мехидрѣ 30, общее число липованскихъ семействъ доводилъ до 400, и потомъ, на каждое семейство полагая круглымъ числомъ по 10ти душъ, все раскольниковье населеніе Буковины опредѣлялъ въ 4.000 душъ (*Сборн.* Кельс. I, 85). Такимъ образомъ по его опредѣленію, сдѣланному въ 1846 году, общая цифра австрійскихъ липованъ вдвое больше официальной за 1843 годъ. Мы отдаемъ предпочтеніе относительно правильности этой послѣдней, тѣмъ рѣшительнѣе что опредѣленіе каждой семьи круглымъ числомъ по 10ти человекъ представляется совершенно произвольнымъ.

выхъ условіяхъ почвы и климата, составляло также одно изъ главныхъ занятій,—фруктами липованы производили торговлю въ Радоудяхъ, Серетѣ и другихъ мѣстахъ Буковины. Но по недостатку земли, увеличенія которой липованы тщетно просили у правительства, сельское хозяйство не могло у нихъ достигнуть того развитія какого надлежало ожидать при склонности липованъ къ труду этого рода, и многіе за недостаткомъ земли должны были посвятить себя занятію разными ремеслами (главныя ихъ ремесла плотничество и землекопство); а иные занялись мелкою торговлей, — развозили для продажи желѣзные товары, плуги, лопаты, топоры и т. п. * Все это давало липованамъ достаточныя средства для жизни, тѣмъ болѣе что правительство не отняло ни одной изъ давнихъ имъ привилегій: на повинности и подати липованамъ приходилось удѣлять самую ничтожную сумму. **

Подобно всѣмъ вообще старообрядцамъ, липованы жертвовали часть своихъ прибытковъ на церковныя потребности, на устройство общественнаго богослуженія по надлежащему чину. Въ то время о которомъ мы говоримъ, въ Бѣлой-Крыницѣ существовала уже деревянная, довольно просторная церковь во имя Безсребренниковъ Космы и Даміана, около 1833 года освященная чернымъ поломъ Иринеемъ: *** она стояла въ самой срединѣ селенія, у того мѣста гдѣ находится знаменитый колодезь, или „Бѣлая крыница“, давшая названіе селенію. Бѣлокрыницкая церковь — третья по времени изъ всѣхъ существующихъ за границей старообрядческихъ церквей. **** Она считалась общео приходскою церковью и для прочихъ ли-

* О хозяйственныхъ и промышленныхъ занятіяхъ липованъ, въ протоколѣ 1844 года приводятся ихъ собственныя подробныя показанія; но показанія эти, по особымъ причинамъ, какъ будетъ сказано ниже, крайне преувеличены. Мы руководились свидѣтельствомъ людей долго жившихъ въ Буковинѣ среди липованъ, — отцовъ Онуфрія, Филарета и др.

** По словамъ Надеждина, ничтожный оброкъ, который правительство взиало съ липованъ, простирался до какихъ-нибудь гульденъ полтора съ семейства, что на наши деньги не составляетъ и рубля сер. (*Сбор. Келъс. I, 87*).

*** См. ижум. Парв. Кн. о Промыслѣ, стр. 201. Иринеи былъ бѣглымъ іеромонахъ Саровской пустыни.

**** Прежде Бѣлокрыницкой построены церкви въ Мануиловѣ и въ Яссахъ.

пованскихъ селеній, въ которыхъ однакоже имѣлись свои собственныя часовни, куда собирался народъ для общественной молитвы. Въ Климоудахъ кромѣ того существовала безлоповская часовня, такъ какъ селеніе это, одно изъ всѣхъ липованскихъ селеній въ Австріи, на половину состояло изъ безлоповцевъ. Точныхъ извѣстій о времени когда они появились въ Буковинѣ не существуетъ; но по сохранившемуся у климоудскихъ безлоповцевъ преданію, предки ихъ пришли сюда изъ нынѣшней Бессарабской области вскорѣ послѣ того какъ переселились въ Буковину придунайскіе старообрядцы: привилегіи дарованныя этимъ послѣднимъ грамотою Іосифа II привлекли и жившихъ неподалеку безлоповцевъ въ ближайшее къ нимъ сосѣдство. * Разногласіе въ ученіи не препятствовало половцамъ принять ихъ въ сожительство: они стали извѣстны австрійскому правительству подъ тѣмъ же общимъ названіемъ липованъ и получили всѣ предоставленныя липованамъ привилегіи. Первоначальныя мирныя отношенія между липованами половцами и безлоповцами, несмотря на существенныя различія въ вѣроученіи, сохранялись постоянно до самаго учрежденія бѣлокривицкой митрополіи, — безлоповцы, какъ ниже увидимъ, оказали даже нѣкоторыя услуги учредителямъ митрополіи. **

Имѣя церковь и часовни, пользуясь полною свободою въ

* Слышано отъ о. игум. Павла, который изъ Пруссіи прїѣзжалъ въ Климоуды и жилъ здѣсь около года. По его словамъ, между климоудскими безлоповцами находятса потомки, внуки и правнуки, извѣстнаго Балакирева, состоявшаго въ качествѣ шута при Петрѣ I, почему и всѣхъ климоудскихъ безлоповцевъ зовуть иногда „балакиревыми“. У нихъ сохранилось преданіе что Балакиревъ, вслѣдствіе какой-то непріятности, бѣжалъ отъ Петра и за границей вступилъ въ общество безлоповцевъ.

** Объ этихъ мирныхъ отношеніяхъ согласно свидѣтельствуютъ отцы игуменъ Павелъ, Онуфрій, Филаретъ и др. Надеждинъ также писалъ о климоудскихъ поповцахъ и безлоповцахъ: „между собою живутъ они если не въ совершенномъ братствѣ, то по крайней мѣрѣ и не въ открытой враждѣ, даже по наружности въ ладу и добромъ согласіи“. (Сборн. Кельс. I, 90). Мирныя отношенія липовань-полоповцевъ и липовань-безлоповцевъ, особенно въ первое время ихъ сожительства, можно объяснить между прочимъ тѣмъ обстоятельствомъ что у чернобольдевъ, какъ выше сказано, было не мало общаго въ ученіи съ ученіемъ безлоповцевъ.

отправленіи богослуженія, бѣлокрилицкіе и прочіихъ селеній липованы испытывали затрудненіе только въ приобрѣтеніи священниковъ для исправленія необходимыхъ церковныхъ требъ,—и затрудненіе это представлялось не со стороны правительства, которое никогда не нарушало данной липованамъ привилегіи имѣть своего пола, а со стороны самихъ бѣглыхъ половъ, коихъ они приобрѣтали обыкновенно изъ Россіи, и приобрѣтеніе которыхъ уже по этому самому представляло много неудобнаго. Притомъ же у липованъ сохранилось отчасти старое чернобольское подозрѣніе относительно бѣглыхъ половъ. Что касается самого Иларіона, основателя чернобольской секты, то онъ до конца жизни сохранилъ это подозрѣніе и умеръ въ той увѣренности что современное ему бѣглополовство не имѣетъ „благодати древлебѣгствовавшихъ іереевъ“; * того же убѣжденія держались его ученики и друзья. ** Потомки ихъ, не отвергавшіе, какъ и тѣ не отвергали, самаго ученія о бѣглополовствѣ, принуждены были въ крайнихъ случаяхъ прибѣгать и къ существовавшимъ бѣглымъ поламъ; но наслѣдованнаго противъ нихъ предубѣжденія не оставляли. Бѣглые полы, къ которымъ приходилось имѣть обращеніе своимъ поведеніемъ ни мало не содѣйствовали прекращенію этихъ подозрѣній. Поэтому, если являлись въ липованскихъ селеніяхъ бѣглые священники, то обыкновенно жили не долго: или сами уходили отъ липованъ, или прогоняли ихъ липованы. *** Вооб-

* Свои сомнѣнія относительно бѣглыхъ половъ Иларіонъ Королевской простираетъ до того что подобно безпоповцамъ находилъ невозможнымъ для своего времени самое даже совершеніе таинства, предоставляемое единственно священникамъ, и поэтому молодымъ липованамъ рѣшительно воспрещалъ вступленіе въ браки. Такъ какъ и прочіе старики-липованы раздѣляли это мнѣніе, то молодые парки задумавшіе жениться вынуждены были прибѣгнуть къ хитрости: ушли въ Молдавію, повѣнчались тамъ, и съ молодыми женами воротились въ Бѣлаю-Крилицу; долго не принимали ихъ старики, но конецъ однакоже смиловались и приняли. Случай этотъ разказанъ у гг. Пареевѣ въ *Кн. о Промыслѣ* (стр. 196—197); его подтверждаетъ и о. Онуфрій, со словъ липованскихъ старожиловъ.

** Инокъ Онуфрій засталъ еще въ Бѣлой-Крилицѣ, жившаго на землянкѣ, въ саду Бѣлокрилицкаго монастыря, дряхлаго старика пріятеля Иларіонова, который не принималъ бѣглыхъ половъ, но принималъ также и половъ Амвросіева посвященія.

*** Въ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ у липованъ были — помянутый выше черныи полъ Ириней, который ушелъ отъ липованъ

це же эти послѣдніе обращались къ бѣглымъ лоламъ только ради крайней нужды, для исправленія требъ, которыхъ простоюдину совершать не подобаетъ; а для отправленія службъ церковныхъ, для общественнаго богослуженія прибѣгали къ нимъ ѣдко: здѣсь гораздо больше значенія имѣли у липованъ такъ-называемые „дьяки“, или церковные настоятели. Дьякъ былъ лицо почетное въ липованскомъ обществѣ, а по дѣламъ церковнымъ—главный авторитетъ. Въ то время когда начались хлопоты объ учрежденіи архіерейской кафедры, настоятелемъ при Бѣлокриницкой церкви былъ давній бѣлокриницкій жигель, но уроженецъ молдавскій, Кипріанъ Тимоѣевъ, человѣкъ недалекаго ума и не свѣдущій въ Писаніи, но имѣвшій, какъ выражаются старообрядцы, довольно твердую грамоту, хорошо знакомый съ церковнымъ уставомъ и, что въ липованахъ большое достоинство, человѣкъ трезвой жизни; только замѣчалась въ немъ и тогда уже склонность къ любостыжанію,—иногда онъ позволялъ себѣ принудительные поборы за исправленіе дозволенныхъ церковныхъ требъ. Однажды его даже лишили за это дьяковской должности: въ дьяки былъ выбранъ сынъ бѣлокриницкаго почтеннаго старика Ивана Тихонова; но такъ какъ при новомъ дьякѣ дѣло пошло несомнѣнно удачно, къ тому же старый дьякъ унесъ съ собою церковныя книги, то, главнымъ образомъ по настоянію женской половины липованскаго общества, Кипріанъ былъ восстановленъ въ дьяковской должности. Первоначально онъ вступилъ въ эту должность еще при жизни Иларіона Коровьи-ножки; онъ принималъ дѣятельное участіе и въ самомъ построеніи Бѣлокриницкой приходской церкви. *

въ Молдавію, и (послѣ него) полкъ Степанъ, котораго сами липованы прогнали за разныя безчинія. Это былъ дѣйствительно безчинникъ, какіе рѣдко бывали даже между раскольническими полами. Изъ Бѣлой-Криницы онъ ушелъ въ Яссы: здѣсь, въ Вербное воскресенье, торжественно проѣхался на коровѣ, въ сопровожденіи цыганъ-музыкантовъ, кощунственно изображая вшествіе во Іерусалимъ, за что ясскіе старообрядцы прогнали его съ позоромъ. Отсюда ушелъ въ Тульчу; потомъ въ Майносъ, гдѣ и пропалъ его слѣдъ.

* Объ этихъ трудахъ Кипріана Тимоѣева (что нынѣ митрополитъ Кириллъ) въ одномъ документѣ 1846 года сказано: „Черезъ болѣе какъ тридцатолѣтнее время при здѣшней старообрядско-христіанской церкви, какъ церковный настоятель свою службу вѣрно и честно исполнял, самую же настоящую церкву самъ своими трудами и рев-

Австрійское правительство, какъ мы уже замѣтили, въ своихъ дѣйствіяхъ относительно лилованъ не нарушало данныхъ имъ грамотою Іосифа II привилегій, и никакихъ поводовъ жаловаться на правительство лилованы не имѣли. Единственнымъ исключеніемъ было изложенное выше дѣло объ уничтоженіи монастыря, принятое ими какъ нарушеніе ихъ привилегій. Но въ началѣ тридцатыхъ годовъ возникло новое дѣло которое лилованы олятъ, безъ всякаго основанія, старались представить посягательствомъ на ихъ законныя права, нарушеніемъ „высочайшей привилегіи“, какъ называютъ они обыкновенно самую грамоту Іосифа II. По смыслу существовавшего у чернубольцевъ ученія, которымъ возбранялось между прочимъ принимать присягу и вообще вступать въ какія-нибудь обязательства предъ правительствомъ, и веденіе метрическихъ записей о родившихся, вступившихъ въ браки и умершихъ, какъ правительственная мѣра къ полученію точныхъ свѣдѣній о движеніи народонаселенія, почиталось у лилованъ дѣломъ противнымъ ихъ религіи. Поэтому, въ силу предоставленной имъ религіозной свободы, они почли себя съ самаго водворенія въ Буковинѣ необязанными къ веденію метриky. Здѣсь, конечно, они имѣли въ виду и то чтобъ обезпечить себѣ возможность безпрелютственнаго принятія въ свои общества, подъ именемъ природныхъ лилованъ, всѣхъ приходящихъ раскольниковъ, отнять у правительства ближайшее средство контролировать ихъ въ этомъ отношеніи, по официальнымъ записямъ опредѣлять кто природный лилованъ, кто пришлый изъ-за границы. Въ первое время, когда число лилованъ было незначительно и когда правительство заботилось о привлеченіи ихъ въ Австрію разными льготами, не было обращено вниманія на это ихъ уклоненіе отъ общепринятаго въ имперіи порядка. Но въ послѣдствіи, когда лилованскія селенія стали многолюдны и когда оказалось что, благодаря именно отсутствію правильныхъ записей, по которымъ можно бы въ точности опредѣлять дѣйствительное ихъ населеніе, къ лилованамъ приходять во множествѣ изъ разныхъ мѣстъ раскольники, крайне сомнительной репутаціи, правительство возможностью воздвигнуть помозъ, и въ ней, въ недостаткѣ свадчества, общественыя молебствія и церковныя послѣдованія, съ изъятіемъ божественныя литургіи, точно совершалъ“. („Свидѣтельство о достоицствѣ“ Кипріана, по случаю поставленія въ епископы, подаваемое отъ бляокринцкаго общества въ мандаторіатъ. *Блжкпр. арх.*)

о нужнымъ потребовать чтобы, по примѣру всѣхъ прочихъ стрійскихъ подданныхъ, липованы вели точныя записи о жившихся, вступившихъ въ браки и умершихъ. Исполнить требованіе липованы отказались, и именно на томъ основаніи что якобы оно противорѣчитъ дарованной имъ „высошею привилегіей“ религіозной свободѣ. Имъ было объяснено что „провожденіе книгъ въ которыхъ записываются всѣ кденные, вѣнчанные и умершіе есть не болѣе какъ полицейскій законъ, который съ религіей и службой Божіей ниго общаго не имѣетъ, а служить къ тому только чтобы почать вѣрныя извѣстія о числѣ народа и имѣть возможность лать необходимыя для правительства справки“. Липованы вразумлялись. Дѣло восходило на разсмотрѣніе областного правленія Галиціи, откуда послѣдовало, 14го августа 1833 го., распоряженіе: обязать липованъ къ непремѣнному учреженію и правильному веденію метрику. Несмотря ни на что, липованы твердо держались своего первоначальнаго рѣшенія. о сему случаю назначена была въ липованскія селенія слѣдственная коммиссія: 11го декабря того же 1833 года комиссаръ Вагнеръ составилъ протоколъ произведеннаго имъ слѣдствія и препроводилъ по принадлежности. * Въ то время когда начались хлопоты объ учреженіи архіерейской каѳедры въ Бѣлой-Кривицѣ, дѣло о метрикахъ еще не было кончено и, какъ далѣе увидимъ, было поставлено даже въ тѣсную связь съ самымъ дѣломъ объ учреженіи каѳедры.

Бѣлокривицкій монастырь по смерти своего благодѣтеля, Иларіона Петровича Коровьи-ножки, продолжалъ безпрепятственно существовать на предоставленной ему, по духовному завѣщанію Иларіона, усадьбѣ. Усадьба давала монастырю нѣкоторое матеріальное обезпеченіе; ** но главнымъ образомъ, какъ и прежде, онъ существовалъ на подаванія отъ липованъ, которыя были впрочемъ весьма незначительны: каждую субботу кто-либо изъ инокѣвъ отправлялся по селенію за сборомъ шлостыни на недѣльное прокормленіе братіи. Число братіи

* О губернскомъ рѣшеніи отъ 14го августа 1833 года говорится въ губернской резолюціи крайзамту 21го марта 1842 года (*Бѣл. арх.*); о протоколѣ Вагнера—въ протоколѣ слѣдственной коммиссіи 1844 года (тамъ же); а самыхъ документовъ въ *Бѣл. арх.* не имѣется.

** Фруктовый садъ, яблонный и грушевый, сдавался, смотря по урожаю, за 100—150 левѣвъ въ годъ.

было всегда ничтожно, рѣдко болѣе десяти человекъ. Обыкновенно это былъ пришлый изъ-за границы народъ, а изъ природныхъ липованъ,—и это достойно примѣчанія,—въ монахи не поступалъ почти никто; притомъ же и пришлые монахи рѣдко оставались здѣсь на постоянное жительство. Составъ бѣлокриницкаго братства повѣтому постоянно измѣнялся, хотя иноки носили болѣею частію одни и тѣ же имена, переходившія какъ бы по наслѣдству отъ одного къ другому. Вообще Бѣлокриницкій монастырь былъ не что иное какъ временный пріютъ для бѣглыхъ раскольниковыхъ монаховъ. Жили они обыкновенно въ иларіоновомъ домѣ, а также и въ старомъ монастырскомъ строеніи, перенесенномъ изъ Тарновицкаго лѣса, которое служило вмѣстѣ и монастырскимъ молитвеннымъ домомъ. Около 1830 года въ устройствѣ монастыря послѣдовала нѣкоторая перемѣна. Въ это время изъ числа жившихъ въ Бѣлой-Криницѣ бѣглыхъ раскольниковыхъ „старцевъ“ рѣзко выдѣлялись два молодые инока—Паусій и Алимпій. Паусій, происхожденіе котораго въ точности не извѣстно, былъ старше Алимпія и раньше его поселился въ Бѣлой-Криницѣ: здѣсь, въ иларіоновомъ домѣ, жилъ онъ нѣсколько лѣтъ; здѣсь же, въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, постриженъ былъ и въ иночество. Умный, и тогда уже довольно начитанный, бойкій на словахъ, дѣятельный и предприимчивый, онъ пріобрѣлъ вліяніе среди липованъ и при ихъ содѣйствіи занялся приведеніемъ монастыря въ болѣе приличный для обители видъ: въ глубинѣ сада, близъ стараго монастырскаго строенія, поставили новую небольшую часовню, съ колокольней, а вокругъ нея вновь построили нѣсколько хатокъ (мазанокъ), назначенныхъ подъ монашескія кельи. Такимъ образомъ монастырь сдѣлался болѣе удаленнымъ отъ селенія и получилъ обыкновенный видъ всѣхъ раскольниковыхъ монастырей. * Вскорѣ послѣ этого, въ Бѣлую-Криви-

* Паусій—въ послѣдствіи извѣстный игуменъ Пареній, нынѣ настоятель Гусацкаго монастыря. Въ *Книгѣ о Промыслѣ* онъ самъ пишетъ что ему „довелось въ Бѣлой-Криницѣ довольно лѣтъ жить и устраивать монастырь, который и привели въ порядокъ; церкви же въ семь монастырѣ не было, а выстроили только новую часовню посреди сада“ (стр. 37). „Мы начали строить монастырь на другомъ концѣ сада, подалѣе отъ домовъ“ (стр. 200). См. также *Странствіе и путешествіе*, ч. 1, стр. 20. Здѣсь же на стр. 21: „и проживалъ азъ въ Буковинѣ довольно лѣтъ, въ теченіе которыхъ и по-

ду пришелъ и инокъ Алимпій. Онъ былъ родомъ изъ Полтавской губерніи, мѣщанинъ посада Крылова, Аванасій Звѣневъ; иночество принялъ въ Серковскомъ монастырѣ: отсюда потомъ и бѣжалъ за границу. Это былъ весьма ловкій, въ выпей степени отважный и смѣлый человекъ, горячо преданный расколу. Онъ сошелся съ Паусіемъ, — вмѣстѣ съ нимъ жилъ, вмѣстѣ лускался въ разныя странствія и весьма сочувствовалъ его заботамъ объ устройствѣ Бѣлокриницкаго монастыря. * Но такъ какъ Паусія, по собственнымъ словамъ его, здѣсь „отяготили мірскіе соблазны“, то онъ изъ монастыря удался „въ пустыньку“, на пасѣку прїятеля своего Ивана Тихонова, который жилъ по сосѣдству съ монастыремъ, ** а въ 1833 году навсегда ушелъ изъ Бѣлой - Криницы. *** Ушелъ потомъ и Алимпій, но, какъ увидимъ, не навсегда. Всего пять лѣтъ спустя по отѣздѣ Паусія, въ Бѣлокриницкій монастырь явились Павелъ и Геронтій—два главные дѣятеля замыслившіе и осуществившіе предпріятіе объ учрежденіи самостоятельной старообрядческой іерархіи у липованъ. Тогда братіи въ монастырѣ было человекъ десять—иноковъ и бѣльцовъ; настоятельствомъ незадолго предъ тѣмъ явившійся изъ Молдавіи инокъ Іоиль, подобно всемъ бѣлокриницкимъ старцамъ, бѣглый изъ Россіи (тульскій уроженецъ): онъ былъ человекъ не старыхъ еще лѣтъ, не безъ способности къ управленію и довольно честолюбивый, но не отличавшійся дальновидностью и нимало не свѣдущій въ Писаніи, за то вполне преданный липованскимъ понятіямъ о религіи.

Прїѣздъ Павла и Геронтія былъ событіемъ великой важности для Бѣлокриницкаго монастыря: подъ ихъ руководствомъ начинаются тамъ дѣла о какихъ не могли и помыслить въ простотѣ своей бѣлокриницкіе старцы, и спустя какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ ничтожный, никому почти не

стриженъ былъ въ иночество однимъ іеромонахомъ, прїѣхавшимъ изъ Россіи."

* „Въ мою бытность, пришелъ къ намъ молодой монахъ, именованъ Алимпій, съ которымъ мнѣ самому довелось довольно время пожить и даже мѣсяца два странствовать въ Галицію, Львовъ и Броды" (*Жн. о Пром.*, стр. 37).

** Его домъ и левада прилежали къ монастырскому саду съ южной стороны.

*** *Странствіе и путешествіе* I, 21. *Книга о Промыслѣ*, 37.

извѣстный лавованскій монастырь получаетъ важное значеніе для всего старообрядческаго міра, пріобрѣтаетъ извѣстность въ исторіи.

III.

Инокъ Павелъ, съ давнимъ своимъ пріятелемъ и сотрудникомъ въ исканіи „древлеправославнаго“ архіерейства—настоятелемъ Серковскаго монастыря, инокомъ Геронтіемъ, на сей разъ совершилъ путешествіе за границу безъ всякихъ неприятныхъ приключеній. * Петербургскій купецъ Сергій Громовъ, который стоялъ тогда во главѣ богачей-старообрядцевъ, ломышлявшихъ о пріобрѣтеніи своего епископа, снабдилъ ихъ приличною суммой денегъ на первоначальные расходы, обѣщавъ въ случаѣ надобности, когда дойдетъ до настоящаго дѣла, не щадить издержекъ на содѣйствіе имъ. Павелъ и Геронтій путешествовали весьма скромно, избѣгая лишнихъ расходовъ. Для большаго удобства и въ видахъ сбереженія, они купили собственную лошадь и повозку, — останавливались гдѣ хотѣли и у кого хотѣли. Въ раскольническомъ селеніи Грубномъ (Подольской губерніи) взяли провожатаго, знающаго удобные проѣзды черезъ границу, нѣкоего Василія Рыбцкаго, который въ послѣдствіи сдѣлался главнымъ агентомъ бѣнокриницкихъ иноковъ по веденію всякихъ секретныхъ сношеній черезъ границу. Рыбцкій проводилъ ихъ до самой Бѣлой-Криницы, и такимъ образомъ они благополучно прибыли на мѣсто своихъ будущихъ знаменитыхъ подвиговъ. Это было въ маѣ мѣсяцѣ 1839 года. **

Отправляясь въ Бѣлую-Криницу, Павелъ и Геронтій не имѣли опредѣленнаго плана гдѣ и какъ устроить архіерейскую старообрядческую катедру. И на этотъ разъ главною и единственною ихъ цѣлью было совершить странствіе по Востоку и

* Два года назадъ, именно въ 1836 году, Павелъ и Геронтій отправлялись для исканія архіерейства на Востокъ, черезъ Грузію, гдѣ прежде всего намѣрены были начать свои поиски; но въ Кутаисѣ были арестованы и по распоряженію кавказскаго намѣстника, барона Розена, препровождены на мѣста ихъ жительства (*Сказаніе Геронтія о жизни инока Павла*, подлинная тетрадь, писанная Геронтіемъ въ Петропавловской крѣпости).

** *Записка о. Онуфрія; Геронтія: „Истинное показаніе мѣсторожденія“ и пр.*

„во всѣ края вселенныя“, для отысканія „древлеправославныхъ“ епископовъ. Въ Буковину, къ здѣшнимъ старообрядцамъ, они направили стопы единственно потому что переходъ черезъ австрійскую границу, гдѣ не было надобности переправляться черезъ какую-нибудь пограничную рѣку и гдѣ нельзя было по этому самому ожидать слишкомъ строгаго надзора пограничной стражи, представлялся имъ менѣе опаснымъ, да и большая часть бѣжавшихъ тогда за границу раскольниковъ предпочитали эту же самую, какъ они называли ее, „сухую границу“. Въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ Павелъ и Геронтій предполагали пожить не долго, пока за поручительствомъ липованъ успѣютъ выхлопотать австрійскіе паспорта для путешествія за границу до Иерусалима и далѣе.

Настоятель, инокъ Іоиль, принималъ гостей радушно и ласково, тѣмъ больше что такіе гости бывали рѣдко. Разумныя рѣчи Павла, его примѣчательная наружность, умѣнье со всѣми обходиться неволью располагали каждаго старообрядца въ его пользу; притомъ же Павелъ и Геронтій не скрывали что находятся въ связяхъ со знаменитыми богачами Петербургскаго и Московскаго старообрядческихъ обществъ. Заручившись расположеніемъ настоятеля и братіи, они стали хлопотать о паспортѣ. Порядокъ добыванія паспортовъ для бѣглыхъ раскольниковъ былъ уже установленъ и хорошо извѣстенъ въ Бѣлой-Криницѣ: для этого нужно было чтобы главные, почетнѣйшія лица липованской „громады“, въ томъ числѣ дворникъ и дякъ, засвидѣтельствовали въ думеніи что желающій получить паспортъ есть природный ихъ липованъ и что онъ имѣетъ надобность съѣздить туда и туда; думенія, за ихъ поручительствомъ, выдавала отъ себя свидѣтельство что это есть дѣйствительно австрійскій подданный, свидѣтельство думеніи представлялось въ крайзамтѣ (въ Черновцахъ); затѣмъ отправлялось въ губернію (во Львовъ), откуда наконецъ и выдавался паспортъ. Павлу и Геронтію нужно было такимъ образомъ прежде всего заобрить въ свою пользу почетнѣйшихъ людей бѣлокриницкой липованской „громады“. Дворникомъ былъ тогда тотъ самый Иванъ Тихановъ, ближайшій сосѣдъ монастыря, о которомъ упоминалось выше, дякомъ—Кипріянь Тимоеевъ, а самымъ почетнымъ и уважаемымъ въ селеніи старикомъ—Иванъ Григорьевъ Поляковъ, или Полякъ: онъ, вмѣстѣ съ дякомъ, ворочалъ всѣми дѣлами бѣлокриницкой громады, такъ что составила поговорка

у липованъ: „дьякъ да Полякъ всему дѣлу голова.“ Павелъ и Геронтій, рекомендованные Гоилемъ, скоро сошлись съ этими главами липованскаго общества: и на нихъ, разумѣется, Павелъ произвелъ самое выгодное впечатлѣніе: такого разумнака имъ еще не приводилось встрѣчать. Осторожно объяснилъ имъ Павелъ что, вмѣстѣ съ слутникомъ, намѣрены посѣтить святой градъ Іерусалимъ, и Ливанскія горы, и Египетскую страну, снисканія ради древлеправославныхъ епископовъ, якобы во оныхъ странахъ, отъ лѣтъ Никонова гоненія крыющихся, и таковому благочестивому подвигу, своимъ ходатайствомъ предъ земными властями, просилъ ихъ посодѣйствовать. Почтенные старѣйшины липованъ выразили сожалѣніе что столь разумные „старцы“ не хотятъ пожить въ ихъ Бѣлокриницкой обители, которой могли бы принести немалую пользу; однакоже содѣйствовать ихъ „подвигу“ не отказались, такъ какъ Павелъ и Геронтій, по существующему въ липованіи обычаю, не преминули предложить симъ старѣйшинамъ приличное угощеніе. Теперь нужно было, по липованскому же обычаю, Павла и Геронтія зачислить на имя какихъ-нибудь умершихъ липованъ: и вотъ Павелъ назвался Аѳанасіемъ, сыномъ бывшаго боташанскаго кулца, Василья Фодотова, а Геронтій — сыномъ нѣкаго умершаго бѣлокриницкаго жителя Левона Бѣлаго. * Дворникъ, дьякъ и старикъ Иванъ Поляковъ поручились въ думеніи, предъ ланомъ мандаторомъ, что эти Фодотовъ и Легоновъ ихъ природные липованы, что имѣютъ они намѣреніе сходить во святой градъ Іерусалимъ на покловеніе гробу Господню, и потому просили пана мандатора дать имъ свидѣтельство на полученіе паса срокомъ на одинъ годъ. Мандаторъ, — свой человекъ, — не затруднился выдать свидѣтельство, съ которымъ новопроизведенные липованы и поѣхали въ городъ Черновцы, совсѣмъ распростившись съ бѣлокриницкою братіей, такъ какъ прямо изъ Черновцевъ намѣрены были отправиться во Львовъ и дальнѣйшій путь.

Итакъ, свои заграничные подвиги ради основанія „древлеправославной“ старообрядческой іерархіи, Павелъ и Геронтій начали обманомъ; первымъ ихъ шагомъ здѣсь было самозван-

* Такъ показалъ о себѣ инокъ Павелъ и саѣдственной комиссіи 1844 года (проток. 17го февр. *Бѣл. арх.*); а за Геронтіемъ навсегда осталась фамилія Легоновъ, — на допросѣ 14го іюля 1847 года онъ показавъ что происходить отъ Левона, именуемаго Бѣлымъ.

ство. На этотъ разъ однакоже обманъ имъ не удался. Одинъ изъ бѣлокривицкихъ жителей, мододой липованъ Дедъ Парамоновъ, по враждѣ ли къ старшинамъ, завладѣвшимъ всеми громадскими дѣлами, или недовольный тѣмъ что мало-мальски порядочные калугеры все уходятъ изъ ихъ Бѣлокривицкаго монастыря, по другимъ ли какимъ причинамъ, сдѣлалъ въ крайзамтѣ доносъ на Павла съ Геронтіемъ что они со-всѣмъ не липованы, а бѣглецы изъ Россіи калугеры. И вотъ, когда новонареченные Федотовъ и Леоновъ явились къ крайкоммиссару для предъявленія выданнаго имъ въ думѣннѣ свидѣтельства, онъ объявилъ что не вѣритъ этому свидѣтельству и посоветовалъ имъ скорѣе убираться назадъ въ монастырь, если не желаютъ чтобы съ ними поступлено было какъ съ бѣглецами изъ-за границы, такъ какъ въ крайзамтѣ получены вѣрныя свѣдѣнія о томъ кто они такіе. Входить въ объясненія и пререканія съ ланомъ крайкоммиссаромъ не приходилось, при томъ же съ его стороны и то уже было не малымъ благодѣяніемъ что отпустилъ ихъ на свободу. Крайне огорченные на первыхъ же порахъ встрѣтившейся неудачей, Павелъ и Геронтій поѣхали обратно въ Бѣлокривицкій монастырь, гдѣ ихъ никакъ не ожидали. Эта неудача была тѣмъ неприятыѣе что отняла у нихъ всякую надежду на полученіе австрійскаго заграничнаго паспорта, по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени. А между тѣмъ отказать отъ предположенной поѣздки никакъ не хотѣлось. Придумали попытать счастья въ Молдавіи,—нельзя ли будетъ при помощи асскихъ старообрядцевъ добыть молдавскій паспортъ. Хлопотать поѣхалъ одинъ Геронтій, а Павелъ остался ждать его въ Бѣлокривицкомъ монастырѣ. Но эта вторая попытка была еще неудачныѣе: за Соколинцами, только что Геронтій перешелъ границу, его арестовали и засадили въ тюрьму. Онъ успѣлъ чрезъ мѣстныхъ липованъ извѣстить Павла о своемъ заключеніи: Павелъ страшно перепугался. Нужно было какъ-нибудь выручить товарища. Самъ онъ ѣхать не рѣшался, изъ опасенія подвергнуться такой же печальной участи какаѣ постигла Геронтія, а упросилъ одного изъ бѣлокривицкихъ липованъ похлопотать за узника, снабдивъ его необходимою на хлопоты суммою. За приличный выкупъ, Геронтія выпустили на волю съ тѣмъ чтобы ѣхалъ туда откуда пріѣхалъ. Геронтій былъ доволенъ и тѣмъ что могъ ло

крайней мѣрѣ соединиться опять съ другомъ и товарищемъ. Это приключеніе было въ исходѣ августа.

Положеніе искателей „древлеправославнаго“ архіерейства было тогда очень затруднительно. Приступить къ главному предпріятію, пуститься въ предположенное странствіе не было никакой возможности за неимѣніемъ паспортовъ; возвратиться въ Россію, опять ничего не сдѣлавши, не хотѣлось, притомъ же настала осень, время неблагоприятное для путешествія по русскійскимъ дорогамъ. Погоревали не мало. Наконецъ Павелъ утѣшилъ себя и товарища тѣми разсужденіями о „судьбахъ Божіихъ“, къ которымъ нерѣдко прибѣгалъ онъ въ подобныхъ настоящему случаяхъ, ни мало, ловидимому, не подозрѣвая какъ странно и неумѣстно улованіе на „судьбы Божіи“ соединять съ самозванствомъ и разнаго рода хитростями и обманами. И Дей Парамоновъ, и тѣ недобрые люди чтó задержали Геронтія на молдавской границѣ, по разсужденію Павла, были только орудіями Провидѣнія: „невольное, вопреки нашимъ надеждамъ и чаяніямъ, замедленіе наше въ Бѣлокриницкой обители, — говорилъ онъ благоговѣнно вынимавшему товарищу, — не есть ли устроепіе промысла Божія, благими, но недовѣдомыми путями направляющаго насъ къ полученію желаемаго, сирѣчь снисканію краснаго и вождѣвленнаго жениха вдовствующія невісты Христовы — соборныя, апостольскія, древлеправославныя церкви? Ей тако, возлюбленный братъ! Возложимъ убо на судьбы Божіи улованія наши.“ Успокоивъ себя такими размышленіями, Павелъ и Геронтій рѣшились осень и зиму прожить въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, — выждать не измѣнятся ли обстоятельства, и само время не укажетъ ли выхода изъ настоящихъ затрудненій. Ожиданія эти были не напрасны. Осень и зима 1839 года, проведенныя Павломъ и Геронтіемъ въ Бѣлой-Криницѣ, — время весьма замѣчательное въ исторіи бѣлокриницкой іерархіи: въ это время Павелъ успѣлъ совершенно ознакомиться съ бытомъ лиловавъ, упрочить свое положеніе и въ монастырѣ, и въ обществѣ бѣлокриницкомъ, — овладѣть общимъ расположеніемъ и довѣріемъ; тогда же составилъ онъ въ главныхъ чертахъ и тотъ планъ относительно учрежденія законно дозволенной и признанной правительствомъ старообрядческой архіерейской каѳедры, на осуществленіе котораго положилъ потомъ всѣ свои силы и таланты.

Планъ этотъ основанъ главнымъ образомъ на знаменитой

„привилегіи“ Іосифа II. Теперь только, изъ бесѣдъ съ липованами, Павелъ узналъ о существованіи „привилегіи“; но къ немалому его удивленію, липованы не могли сообщить ему даже точныхъ извѣстій объ ея содержаніи. Однакоже и того что можно было узнать изъ разговоровъ съ липованами было достаточно Павлу чтобы понять важность и значеніе этого документа въ отношеніи именно къ дѣлу объ учрежденіи старообрядческой архіерейской кафедрѣ. Нужно было теперь надлежащимъ образомъ познакомиться съ привилегіей, — прочесть ее и, если можно, получить копію. Не малаго труда стоило даже узнать гдѣ находится драгоценный документъ: такъ мало въ то время липованы имъ дорожили! По слухамъ, привилегія хранилась у старика Елезвоа, одного изъ коренныхъ бѣлокривицкихъ жителей: Павелъ и Геронтій отправились къ Елезвоу, запасшись на всякій случай карандашомъ и бумагой. Среди разумной, сладкорѣчивой бесѣды, Павелъ осторожно завелъ рѣчь о „привилегіи“, расписавъ какъ слѣдуетъ ея значеніе и тонко польстилъ обладателю такой драгоценности. Кончилось тѣмъ что Елезвоа вытащилъ привилегію изъ сундука, гдѣ хранилась она почти совсѣмъ забытая, чтобы показать гостямъ, — и пока происходило разсматриванье, пока Геронтій занималъ старика бесѣдами и распросами, Павелъ, извѣстный борзописецъ, успѣлъ снять точную копію славянскаго текста этой драгоценной грамоты. *

Онъ былъ въ восторгѣ отъ „привилегіи“. Въ первомъ ея пунктѣ, которымъ предоставлялась липованамъ и *иъзъ духовенствѣ* полная свобода въ отправленіи религіи, онъ нашелъ такое, верховною властію утвержденное постановленіе какого нигдѣ и никогда старообрядцы не имѣли; онъ сейчасъ же понималъ что на основаніи этого постановленія можно завести у липованъ старообрядческую іерархію во всей ея полнотѣ, если только умѣючи взяться за дѣло, — что здѣсь-то, среди липованъ, можетъ найти себѣ безопасное, огражденное закономъ существованіе „древлеправославный“ епископъ, если будетъ обрященъ, — здѣсь онъ безпрелютственно можетъ поставятъ для всего старообрядства и діаконовъ, и священниковъ и въ случаѣ надобности самыхъ даже епископовъ. Тогда-то въ пред-

* Въ послѣдствіи, по совѣту Павла, „привилегія“ передана была на сохраненіе въ Бѣлокривицкую свободскую церковь, гдѣ и теперь находится.

пріумчивой головѣ Павла возникла мысль и составились начальныя планы относительно учрежденія законнымъ порядкомъ, съ утвержденія австрійскаго правительства, старообрядческой архіерейской кафедры въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ.

Кромѣ Геронтія, отъ котораго не имѣлъ онъ никакихъ секретовъ, Павелъ началъ посвящать въ свои планы нѣкоторыхъ бѣлокриницкихъ „старцевъ“. Тогда уже находился въ Бѣлой-Криницѣ инокъ Онуфрій, постриженникъ Лаврентьева монастыря. Въ томъ же 1839 году онъ ушелъ изъ Россіи „черезъ сухую границу“, съ тѣмъ чтобы пробраться изъ Буковины въ Молдавію; въ Бѣлую-Криницу онъ пріѣхалъ въ июлѣ мѣсяцѣ: встрѣча съ Геронтіемъ и особенно съ Павломъ, котораго зналъ онъ еще живя въ Лаврентьевѣ, побудила Онуфрія не слѣзнуть отъѣздомъ изъ Бѣлокриницкаго монастыря.* Инокъ Павелъ нашелъ въ немъ одного изъ самыхъ горячихъ и преданнѣйшихъ почитателей: ему-то первому послѣ Геронтія сообщилъ онъ о своихъ планахъ, внутреннемъ ближайшимъ знакомствомъ съ содержаніемъ „привилегіи“. Затѣмъ осторожно повелъ рѣчь объ нихъ и съ настоятелемъ, инокомъ Іоилемъ: объяснивъ ему что по учрежденіи архіерейской кафедры онъ могъ бы вскорѣ же поставленъ быть въ архимандриты Бѣлокриницкаго монастыря, а затѣмъ достигнуть и высшей іерархической степени, Павелъ коснулся слабой струны Іоила и потому легко расположилъ его въ пользу своихъ плановъ.

Гораздо больше предстояло труда, чтобы склонить въ пользу предпріятія липованское общество, — а войти въ объясненія съ липованами было необходимо, такъ какъ безъ ихъ участія и безъ согласія съ ихъ стороны дѣло не могло быть и начато. Прежде этого однакоже онъ почелъ нужнымъ посоветоваться съ людьми знающими австрійскіе законы и дѣлопроизводство, найдутъ ли они возможнымъ осуществленіе замышляемаго предпріятія. Тогда онъ успѣлъ уже завязать въ Черновцахъ знакомство съ чиновническимъ міромъ, къ чему первымъ поводомъ послужили неудачныя хлопоты о паспортѣ. Въ то время нашелся въ крайзамтѣ чиновникъ, нѣкій лавъ Атанасевичъ, который хотя не безкорыстно, но все-таки принялъ участіе въ его положеніи: къ этому лаву Атанасевичу онъ и отправился, съ копіей „привилегіи“, посоветовать

* Записка поданная Онуфріемъ митрополиту Филарету въ 1865 году.

ся, можно ли на основаніи этого документа начать дѣло о дозволѣніи австрійскимъ старообрядцамъ имѣть своего собственнаго епископа, и если можно, то какъ его начать и повести. Атанасевичъ далъ совѣтъ начинать и указалъ для этого обыкновенный способъ: отъ имени липованскихъ обществъ подать прошеніе въ крайзамтъ съ точнымъ изложеніемъ основаній и условій на которыхъ липованамъ желательно имѣть епископа. Никакихъ причинъ опасаться отказа онъ не предвидѣлъ; хотя правительство, какъ ему было извѣстно, весьма недовольно липованами, за ихъ упорное сопротивленіе введенію метрику, о чемъ существовало еще неконченное дѣло, но это обстоятельство, по его мнѣнію, можно было обратить даже въ пользу предпріятія, еслибы только липованы обязались, вслѣдъ за учрежденіемъ у нихъ архіерейской кафедръ, ввести въ употребленіе и столь желаемыя правительствомъ метрики. Инокъ Павелъ съ своей стороны вполнѣ согласенъ былъ съ этимъ замѣчаніемъ; онъ находилъ даже что между тѣмъ и другимъ дѣломъ имѣется тѣсная внутренняя связь,—что при существующихъ набѣжныхъ полахъ, которые притомъ мѣняются такъ часто, липованамъ, еслибъ они даже и хотѣли этого, неудобно установить правильный порядокъ въ веденіи метрическихъ записей, и напротивъ, порядокъ этотъ весьма легко можетъ быть установленъ съ учрежденіемъ у липованъ архіерейской кафедръ, когда у нихъ явятся постоянные, для нихъ поставленные священники, и никакого недостатка въ священствѣ они терпѣть уже не будутъ. Посему онъ выразилъ полную готовность соединить оба эти дѣла и былъ вообще очень доволенъ что въ подкрѣпленіе просьбы о епископѣ можно представить такой важный для правительства аргументъ какъ соединенное съ исполненіемъ этой просьбы введеніе правильныхъ метрическихъ записей. Но въ то же время онъ понималъ что относительно этого пункта придется встрѣтить сильныя затрудненія со стороны липованъ, съ характеромъ которыхъ успѣлъ уже достаточно познакомиться,—и своихъ опасеній не скрылъ отъ „благодѣтельнаго чиновника“. Тѣмъ не менѣе однако Павелъ рѣшился и общалъ Атанасевичу переговорить съ липованами на счетъ метрику.

Объясненія съ липованами ведены были весьма осторожно и искусно. Павелъ считалъ необходимымъ прежде всего заручиться согласіемъ главныхъ представителей липованскаго общества, чрезъ которыхъ не трудно уже было бы дѣйствовать

на другихъ. Начались свиданія и бесѣды съ Полякомъ-Иваномъ Кирилычемъ, съ дьякомъ Кипріяномъ, съ дворникомъ Иваномъ Тихоновымъ,—и съ каждымъ наединѣ, и въ общихъ собраніяхъ. Яркими чертами Павелъ изображалъ имъ повсюдное, всеобщее оскуднѣніе священства въ старообрядческихъ обществахъ и претерпѣваемую оными крайнюю и ужасную нужду въ исполненіи самонужнѣйшихъ христіанскихъ потребъ. Никто лучше не могъ оцѣнить всю горькую правду этихъ павловыхъ рѣчей какъ его собесѣдники, сгольшко хлопотъ и горя испытывшіе съ бѣглыми полями. Но въ будущемъ цвѣтѣ Павелъ сулилъ имъ еще больше горя и хлопотъ; онъ разказалъ какъ строго преслѣдуютъ теперь бѣгствующихъ священниковъ въ Россіи, откуда собственно и добывали ихъ липованы, и какъ мало осталось прежнихъ дозволенныхъ половъ въ самой даже Москвѣ.

„Теперь предлежитъ намъ, продолжалъ Павелъ, единое средство спасенія—обрѣсти древлеправославнаго епископа который неоскудно могъ бы снабждать насъ истиннымъ священствомъ, о чемъ ревнители древлеотеческаго благочестія великое имѣютъ пожеланіе, и мы, послѣднѣйшіе, оныхъ ревностію подвигнувшись, всякій трудъ и самую душу, аще изволитъ Господь, положить желаемъ на пріобрѣтеніе онаго вождедѣнаго предмета, ибо, не безызвѣстно вамъ, для сего мы и предпріали настоящее наше странствіе.“ Все это липованскіе старшины слушали съ услажденіемъ и сочувствіемъ. Но когда Павелъ, разъяснивъ имъ точное значеніе, „привилегіи“, сталъ излагать свои планы относительно учрежденія законнымъ порядкомъ старообрядческой архіерейской кафедры именно у нихъ, въ Бѣлокриницкомъ монастырѣ, на первый разъ это дѣло показалось имъ и несбыточнымъ, и опаснымъ: „сколько, говорили, потребуется хлопотъ, сколько будетъ всякихъ справокъ и пересправокъ отъ правительства! а если и выхлопочемъ епископа, не подчинилъ бы онъ насъ какому-нибудь рабству? Богъ его знаетъ! Притомъ же и содержать его потребуются не малые средства, а мы люди небогатые!“ Возраженія эти Павелъ предвидѣлъ, и разрѣшилъ безъ затрудненія. Всѣ хлопоты предъ правительствомъ онъ бралъ на себя и своихъ ближайшихъ сотрудниковъ: отъ липованскаго общества требовалось одно—чтобы заявило предъ правительствомъ о крайней нуждѣ и непремѣнномъ желаніи имѣть своего епископа, и чтобы дало монастырскимъ уполномоченнымъ формальную довѣренность на веденіе дѣла объ учрежденіи въ Бѣлокри-

вицкомъ монастырѣ старообрядческой архіерейской каѳедры; „о томъ же чтобы древлеправославный еписколъ, еще обрѣсти такового сподобить Господь, могъ учинить какое-либо стѣсненіе сиротствующимъ нынѣ въ крайнемъ оскудѣніи священства старовѣрческимъ обществамъ,—о томъ, говорилъ Павелъ, и помышлять непростительно“; наконецъ, относительно средствъ на содержаніе будущаго епископа, онъ открылъ липованамъ что на сей предметъ имѣеть несумнительныя обѣщанія отъ первѣйшихъ по богатству старообрядцевъ петербургскихъ и московскихъ, что само Рогожское кладбище приметъ дѣятельное участіе въ обезпеченіи будущей каѳедры, обществу же бѣлокреницкихъ старообрядцевъ не только не придется понести по сему случаю какіе-либо расходы, но пребываніе въ Бѣлой-Креницѣ „епископа всѣхъ древлеправославныхъ христіанъ“ еще доставитъ имъ славу и матеріальныя выгоды. Такого рода бесѣдами инокъ Павелъ мало-по-малу услѣлъ внушить липованскимъ старѣйшинамъ готовность содѣйствовать чѣмъ могутъ съ своей стороны учрежденію въ Бѣлой-Креницѣ „древлеправославнаго“ архіерейства; но какъ только въ своихъ бесѣдахъ касался онъ дѣла о метрикахъ, каждый разъ больше и больше убѣждался въ невозможности побѣдить закоренѣлое къ нимъ отвращеніе липованъ, такъ что призналъ за лучшее до времени не заводить и рѣчи объ этомъ предметѣ, чтобы какъ не повредить главному дѣлу; начальству же, чрезъ „благодѣтельныхъ чиновниковъ“, онъ надѣялся внушить что со временемъ, когда у липованъ заведется правильное іерархическое устройство, дѣло о метрикахъ можно будетъ легко уладить къ полному удовольствію правительства.

Итакъ, самыя почетныя и вліятельныя лица липованскаго общества въ Бѣлой-Креницѣ склонились на убѣжденія Павла ходатайствовать предъ австрійскимъ правительствомъ о дозволеніи имѣть липованамъ, на основаніи „высочайшей привилегіи“, своего собственнаго епископа. Прочіе, „рядовые“ липованы вполне полагались на мнѣніе старшинъ. Что будетъ гораздо лучше, если заведется у нихъ свой еписколъ, что тогда и въ священствѣ не встрѣтится недостатка, теперь такъ чувствительнаго, — это они понимали; а входить въ дальнѣйшія объ этомъ разсужденія считали не своимъ дѣломъ, — на то есть дьякъ съ калугерами.

Достаточно увѣрившись что со стороны липованскаго общества.

ства не будетъ прелятствій, Павелъ и Геронтій рѣшились начинать дѣло о епископѣ. Павелъ занялся составленіемъ прошенія въ крайзамтъ. Сущность прошенія онъ изложилъ въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: 1) Уполномоченные отъ липованскихъ въ Буковинѣ обществъ иноки Бѣлокриницкаго монастыря просятъ кесарокоролевское правительство дозволить имъ, на основаніи высочайше дарованной въ 1783 году привилегіи (съ которой прилагалась копія), привезти изъ-за границы своего, независимаго отъ другихъ религій, епископа, для восполненія претерпѣваемой липованами крайней и губельными послѣдствіями грозящей нужды въ священствѣ и для безпрелятственнаго отправленія всѣхъ принадлежащихъ епископскому сану дѣйствій; 2) просятъ чтобы жительство будущему епископу дозволено было имѣть въ монастырѣ, состоящемъ при селеніи Бѣлая-Криница; 3) обязуются съ своей стороны никакихъ будущему епископу вспоможеній отъ правительства не просить, а содержать его на полной своей отчетности. Пригласили липованскихъ старшинъ обсудить это прошеніе и затѣмъ дать окончательное свое согласіе на формальное начатіе дѣла: ни противъ содержанія, ни противъ подачи прошенія липованскіе думные люди не сдѣлали никакихъ возраженій; напомнили только что всѣ хлопоты предъ правительствомъ, согласно обѣщанію, Павелъ и Геронтій должны принять на себя. Для окончательной редакціи прошенія и для перевода на нѣмецкій языкъ еще нужно было иноку Павлу съѣздить въ Черновцы къ Атанасевичу. Атанасевичъ замѣтилъ только что въ прошеніи непременно слѣдовало, какъ онъ и прежде говорилъ, упомянуть о согласіи липованъ на введеніе у нихъ метрическихъ записей въ томъ случаѣ если имъ дозволено будетъ имѣть своего епископа. Павелъ съ сокрушеніемъ сердца объяснилъ ему что это, дѣйствительно важное „улучшеніе“ сдѣлано по крайней нуждѣ, такъ какъ предубѣжденіе липованъ противъ „метрики“, чего онъ и опасался, оказалось слишкомъ сильно, и самое благоразуміе требовало сдѣлать имъ на первый разъ уступку, не вносить въ прошеніе пунктъ о метрикахъ; но тѣмъ не менѣе онъ старался увѣрить Атанасевича что въ послѣдствіи, съ учрежденіемъ у липованъ правильнаго іерархическаго порядка, непременно введены будутъ въ употребленіе и метрики: даже просилъ его, вмѣстѣ съ прочими „благодѣтельными чиновниками“, словесно передать высшему начальству что податели прошенія за это ручаются.

Окончательно исправленное и переписанное, съ переводомъ на нѣмецкїй языкъ, прошеніе было наконецъ подписано Бѣлокриницкаго монастыря настоятелемъ, инокомъ Іоаннемъ, съ прочею братіей, и, 14го (26го) февраля 1840 года, подано въ Буковинскїй крайзамтъ. *

Итакъ, Павелъ и Геронтій, неожиданно оставшись зимовать въ Бѣлой-Криницѣ, также нечаянно напали на мысль о предпріятїи чрезвычайной важности для всего старообрядческаго міра и въ теченіе зимы настолько сами освоились съ этою мыслию, настолько и другихъ расположили въ ея пользу что нашли возможность сдѣлать рѣшительный шагъ къ ея осуществленію. Подавъ прошеніе, они, кажется, были вполне увѣрены что со стороны правительства отказа не послѣдуетъ и что, быть-можетъ, дѣломъ же наступившаго 1840 года, снабженные правильными видами, отправятся въ давно желаемое путешествіе отыскивать „древле-православнаго епископа“ на приготовленную уже и законно утвержденную кафедру. Но здѣсь-то именно и встрѣтились затрудненія, съ которыми пришлось имъ бороться цѣлыхъ четыре года всевозможными дозволенными и недозволенными средствами.

* Это именно число указано въ „Рекурсѣ“, поданномъ императору Фердинанду въ 1843 году (Бѣлокр. арх.). Между тѣмъ въ Уставѣ говорится что прошеніе подано въ мартѣ мѣсяцѣ. Первое показаніе представляется болѣе точнымъ. Всѣ изложенныя нами подробности событій, съ прїѣзда Павла и Геронтія въ Бѣлокриницкїй монастырь до подачи прошенія, основаны частію на запискахъ, частію на устныхъ разказахъ отца Онуфрія, которыя вполне подтверждаются и отдѣльными замѣтками, встрѣчаемыми то въ официальныхъ документахъ, то въ запискахъ и письмахъ другихъ участниковъ дѣла. Такъ Алимпій, отъ 27го іюля 1841 года, писалъ роднымъ своимъ въ Крылово: „Мы между собою сдѣлавъ совѣтъ заблагоразсудили просить (согласно привилегіи) государственной помощи для отысканія намъ себѣ епископа, въ чемъ имѣемъ крайнюю нужду. Посовѣтовавшись съ *благодѣтельными намъ чиновниками*, мы, сдѣлавши на бумагахъ, за нужное почли предложить своимъ свободнымъ обществамъ и испросить ихъ на то совѣту. И собравши изъ общества старѣйшихъ значительныхъ людей, прочитали имъ наше предпріятое намѣреніе, которое и они одобрили, но оставили оное намъ на нашу волю. Мы отъ себя подали прошеніе.“ Самъ Алимпій однакоже во всемъ этомъ не участвовалъ; онъ прїѣхалъ въ Бѣлую-Криницу уже въ то время когда прошеніе было подано.

Н. СУББОТИНЪ.

(До слѣд. №.)

МУЖЪ И ЖЕНА

РОМАНЪ ВИЛЬКИ КОЛЛИНЗА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.)

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ. ДОМЪ ЛОРДА ГОЛЬЧЕСТЕРА.

ГЛАВА XLVII.

Послѣдняя надежда.

— Лордъ Гольчестеръ очень боленъ, сударь, Леди Гольчестеръ не принимаетъ.

— Сдѣлайте одолженіе, передайте леди Гольчестеръ эту карточку. Она должна непременно узнать, для блага ея младшаго сына, нѣчто такое что я могу передать ей только лично.

Такъ говорилъ сэръ-Патрикъ Лунди съ главнымъ слугою лорда Гольчестера, не болѣе какъ черезъ полчаса послѣ окончанія слѣдствія въ Портлендѣ.

Слуга стоялъ въ нерѣшимости съ карточкой въ рукахъ.

— Я рискую потерять мѣсто, доложивъ о вась, сказалъ онъ.

— Напротивъ, вы рискуете потерять мѣсто не доложивъ обо мнѣ, возразилъ сэръ-Патрикъ.— Говорю вамъ прямо что дѣло по которому я пріѣхалъ сюда очень серьезно.

Тонъ которымъ были сказаны эти слова произвелъ свое дѣйствіе. Слуга отправился на верхъ.

Сэръ-Патрикъ остался въ прихожей. Минутная остановка была ему невыносимо тяжела. Счастіе Анны погибло безвозвратно. Охраненіе ея личной неприкосновенности, которой, по твердому убѣжденію сэръ-Патрика, грозила опасность, было единственною услугою которую онъ могъ теперь оказать ей. Гибельное положеніе въ которомъ она стояла относительно своего мужа, какъ неодолимое препятствіе къ его женитьбѣ на мистрисъ Гленармъ, было непоправимо. Но еще можно было помѣшать ей сдѣлаться невиннымъ препятствіемъ къ примиренію Джоффри съ отцомъ. Рѣшившись не пренебрегать никакими средствами къ облегченію участи Анны, сэръ-Патрикъ отпустилъ Арнольда и Бланку вдвоемъ въ свой лондонскій домъ, и не остановился ни на минуту чтобы проститься съ кѣмъ-нибудь изъ лицъ принимавшихъ участіе въ слѣдствіи. „Ея жизнь зависитъ отъ того что мнѣ удастся сдѣлать для нея у лорда Гольчестера.“ Съ этимъ убѣжденіемъ онъ уѣхалъ отъ леди Лунди. Съ этимъ убѣжденіемъ онъ послалъ слугу къ леди Гольчестеръ и ждалъ теперь отвѣта.

Слуга показался на лѣстницѣ. Сэръ-Патрикъ поднялся ему навстрѣчу.

— Ея сіятельство приметъ васъ на нѣсколько минутъ, сударь.

Онъ отворилъ одну изъ дверей верхняго этажа, и сэръ-Патрикъ очутился въ присутствіи матери Джоффри Деламена. Онъ успѣлъ только замѣтить что она была еще замѣчательно хороша, и что она приняла его ласково и любезно, что (въ виду обстоятельствъ) должно было означать сознаніе съ ея стороны преимуществъ его положенія въ свѣтѣ предъ ея положеніемъ.

— Вы хотите сообщить мнѣ что-то о моемъ младшемъ сынѣ, сэръ-Патрикъ. Я теперь въ большомъ горѣ. Если вы принесли мнѣ непріятную новость, я постараюсь перенести ее съ твердостью. Могу я надѣяться что вы не заставите меня мучиться ожиданіемъ?

— Чтобъ облегчить для васъ по возможности мое вмѣшательство, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ, — я позволю себѣ предложить вамъ одинъ вопросъ: Не слышали ли вы о какомъ-нибудь препятствіи къ браку мистера Джоффри Деламена съ мистрисъ Гленармъ?

Даже такой далекой намекъ на Анну произвелъ зловѣщую перемѣну къ худшему въ обращеніи леди Гольчестеръ.

— Я слышала о препятствіи на которое вы намекаете, сказала она.—Мистрисъ Гленармъ мнѣ искренній другъ. Она говорила, мнѣ что какая-то женщина, по имени Сильвестеръ, безсовѣстная авантюристка.

— Извините, ваше сіятельство. Вы жестоко обижаете благороднѣйшую изъ женщинъ которыхъ я знаю.

— Не знаю, сэръ-Патрикъ, чѣмъ она заслужила ваше восхищеніе, но ея поступки относительно моего сына, повторяю, поступки безсовѣстной авантюристки.

Сэръ-Патрикъ понялъ безнадежность попытки поколебать ея предубѣжденіе противъ Анны, и рѣшился объявить ей правду прямо.

— Совѣтую вамъ не называть ее такъ, сказалъ онъ. — Вы говорите о женѣ вашего сына.

— Мой сынъ женился на миссъ Сильвестеръ?

— Да.

Она сдѣлалась блѣдна какъ смерть. Съ минуту казалось что ударъ сразилъ ее. Но горе матери длилось только минуту. Добродѣтельное негодованіе знатной женщины замѣнило его прежде чѣмъ сэръ-Патрикъ собрался съ духомъ сказать что-нибудь. Она встала чтобы положить конецъ свиданію.

— Я полагаю что цѣль вашего посвщенія достигнута, сказала она.

Сэръ-Патрикъ тоже всталъ, съ твердою рѣшимостью исполнить намѣреніе которое привело его въ домъ лорда Гольчестера.

— Я долженъ попросить вашего снисхожденія еще на нѣсколько минутъ, сказалъ онъ.—Обстоятельства при которыхъ совершился бракъ мистера Джофри Деламена имѣютъ важность необычайную. Въ интересахъ его семейства, я прошу позволенія перечислить вкратцѣ эти обстоятельства.

Въ немногихъ ясныхъ выраженіяхъ, онъ передалъ все что случилось въ тотъ день въ Портлендѣ. Леди Гольчестеръ выслушала его съ спокойнымъ, холоднымъ вниманіемъ. Судя по видимому, разказъ не произвелъ на нее никакого впечатлѣнія.

— Вы ожидаете, сказала она,— что я войду въ интересы женщины которая стала между моимъ сыномъ и женщиной на которой онъ хотѣлъ жениться по собственному, и по моему выбору?

— Къ несчастію, мистеръ Джофри Деламень, по этой же причинѣ, относится враждебно къ своей женѣ, сказалъ сэръ-Патрикъ.—Я совѣтую вамъ подумать благоразумно ли будетъ, — принявъ въ соображеніе будущее поведеніе вашего сына, — допустить чтобы жена его сдѣлалась причиною разрыва между нимъ и отцомъ.

Она выразилась съ деликатною осторожностью. Но леди Гольчестеръ поняла недосказанное такъ же хорошо какъ и сказанное. Она слушала стоя; послѣ послѣднихъ словъ она сѣла, замѣтно встревоженная.

— Въ критическомъ положеніи здоровья лорда Гольчестера, сказала она, — я не берусь передать ему то что вы сейчасъ сказали мнѣ. Я постоянно употребляла мое вліяніе въ пользу сына. Теперь уже поздно. Сегодня утромъ лордъ Гольчестеръ измѣнилъ свое завѣщаніе. Я при этомъ не присутствовала, и мнѣ до сихъ поръ не сказали какъ онъ распорядился. Еслибъ я даже знала...

— Вы не сообщили бы своихъ свѣдѣній постороннему, добавилъ сэръ-Патрикъ.

— Конечно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ того что вы мнѣ сказали, я не считаю себя въ правѣ рѣшить какъ надо поступить. Одинъ изъ душеприкащиковъ лорда Гольчестера въ настоящее время здѣсь. Если вамъ угодно, можете повидаться съ нимъ. Скажите ему отъ меня что я вполне полагаюсь въ этомъ случаѣ на его благоразуміе.

— Охотно принимаю ваше предложеніе, миледи.

Леди Гольчестеръ позвонила.

— Проводите сэръ-Патрика Лунди къ мистеру Марчвуду, сказала она слугѣ.

Имя напомнило сэръ-Патрику стараго друга.

— Мистеръ Марчвудъ изъ Гурльбена? спросилъ онъ.

— Онъ самый.

Этимъ короткимъ отвѣтомъ леди Гольчестеръ заключила свиданіе.

Послѣдовавъ за слугой на другой конецъ корридора, сэръ-Патрикъ былъ введенъ въ небольшую комнату, за которой слѣдовала спальня лорда Гольчестера. Дверь въ спальню была затворена. У стола, предъ окномъ сидѣлъ мужчина и писалъ. Онъ всталъ и протянулъ руку съ удивленнымъ взглядомъ, когда слуга произнесъ имя сэръ-Патрика. Это былъ мистеръ Марчвудъ.

Послѣ вступительныхъ объясненій, сэръ-Патрикъ терпѣливо возвратился къ дѣлу своего посвященія. Когда онъ въ первый разъ произнесъ имя Анны, мистеръ Марчвудъ замѣтно сильнѣе заинтересовался разказомъ.

— Развѣ вы ее знаете? спросилъ сэръ-Патрикъ.

— Я знаю ее только какъ причину очень страннаго происшествія, случившагося сегодня утромъ въ той комнатѣ. Онъ указалъ на спальню лорда Гольчестера.

— Не можете ли вы разказать мнѣ что это за происшествіе?

— Едва ли, — даже такому старому другу какъ вы, — если только я не буду убѣжденъ что это необходимо. Пожалуйста продолжайте. Вы начали разказывать мнѣ зачѣмъ вы приѣхали сюда.

Безъ лишнихъ предисловіи, сэръ-Патрикъ сказалъ ему прямо что Джоффри женился на Аннѣ.

— Женился, воскликнулъ мистеръ Марчвудъ. — Увѣрены ли вы что это правда?

— Я одинъ изъ свидѣтелей брака.

— Боже мой! А повѣренный лорда Гольчестера уѣхалъ.

— Не могу ли я замѣнить его. Можетъ-быть вы считаете себя въ правѣ разказать мнѣ что случилось сегодня въ той комнатѣ?

— Считаю ли я себя въ правѣ? Вы не оставили мнѣ другаго выбора. Всѣ доктора предсказываютъ апоплексическій ударъ, — онъ можетъ умереть съ минуты на минуту. Въ отсутствіи повѣреннаго, я долженъ взять это на себя. Дѣло въ томъ что въ завѣщаніи лорда Гольчестера есть прибавленіе, которое до сихъ поръ еще не подписано.

— Относящееся къ его младшему сыну?

— Да, относящееся къ Джоффри Деламену. Оно дало бы ему порядочное состояніе, еслибы было подписано.

— Что же препятствуетъ лорду Гольчестеру подписать его?

— Женщина о которой вы сейчасъ говорили.

— Анна Сильвестеръ!

— Анна Сильвестеръ, теперь (по вашимъ словамъ) мистрисъ Джоффри Деламенъ. Я могу объяснить вамъ это очень поверхностно. Съ этою женщиной, или съ кѣмъ-то изъ ея семейства связаны въ памяти лорда Гольчестера очень непріятныя воспоминанія. Мы поняли только что въ началѣ своего адвокатскаго поприща онъ сдѣлалъ что-то такое что было вполне законно, но что повело къ очень печальнымъ послѣдствіямъ. Къ

несчастію, онъ узналъ нѣсколько дней тому назадъ о посѣщеніи Анной Сильвестеръ Свангавена. Въ то время онъ не сдѣлалъ по этому поводу никакого замѣчанія. Но сегодня, когда ему принесли для подписанія прибавленіе къ завѣщанію относящееся къ Джофри, обнаружилось съ какими чувствами онъ относится къ Аннѣ Сильвестеръ. Къ нашему удивленію, онъ отказался подписать завѣщаніе. „Найдите Анну Сильвестеръ,“ сказалъ онъ, „и приведите ее къ моеѣ постели. Говорятъ что сынъ мой погубилъ ее. Я лежу на смертномъ одрѣ. По очень важнымъ для меня причинамъ, я хочу узнать правда ли это. Я обязанъ сдѣлать это въ память объ умершей. Если Анна оправдаетъ его, я обезлечу Джофри. Не иначе“. Мы рѣшились даже намекнуть ему что онъ можетъ умереть прежде чѣмъ найдутъ Анну Сильвестеръ. Этотъ намекъ имѣлъ неожиданный результатъ. Онъ заставилъ своего повѣреннаго написать второе прибавленіе къ завѣщанію. Этимъ прибавленіемъ онъ поручаетъ своимъ душеприкащикамъ узнать въ какихъ отношеніяхъ былъ его младшій сынъ съ Анной Сильвестеръ. Если мы найдемъ что онъ серіозно повредилъ ей, мы должны будемъ передать ей наслѣдство отъ лорда Гольчестера, съ условіемъ если она только не замужня.

— Слѣдовательно, бракъ съ Джофри лишаетъ ее наслѣдства! воскликнулъ сэръ-Патрикъ.

— Да, подписанное прибавленіе не имѣетъ теперъ никакого значенія, а другое не будетъ подписано пока повѣренный не найдетъ Анны Сильвестеръ. Онъ отправился въ Фульгамъ, къ Джофри, потому что мы не знали другаго средства найти ее. Съ тѣхъ поръ какъ онъ уѣхалъ прошло уже нѣсколько часовъ, а его все нѣтъ.

— Его возвращеніе не принесетъ никакой пользы. Въ то время когда онъ былъ на пути въ Фульгамъ, Джофри былъ на пути въ Портлендъ. Все это серіознѣе чѣмъ вы даже предполагаете. Позвольте мнѣ предложить вамъ вопросъ, котораго я не имѣлъ бы права предложить при иныхъ обстоятельствахъ. Не считая неподписаннаго прибавленія, какое значеніе имѣетъ завѣщаніе для Джофри Деламена?

— О немъ даже не упоминается въ завѣщаніи.

— У васъ завѣщаніе?

Мистеръ Марчвудъ отлеръ ящикъ и вынулъ изъ него завѣщаніе.

Сэръ-Патрикъ всталъ.

— Этого нельзя откладывать до возвращенія повѣреннаго, сказалъ онъ. — Здѣсь дѣло идетъ о жизни. или смерти. Леди Гольчестеръ очень недовольна женитьбой сына. Она говоритъ и чувствуетъ какъ другъ мистрисъ Гленармъ. Какъ взглянулъ бы, по вашему мнѣнью, на эту женитьбу лордъ Гольчестеръ?

— Это зависитъ единственно отъ обстоятельствъ предшествовавшихъ женитьбѣ.

— Предположите что я сказалъ бы ему что сынъ его жестоко оскорбилъ миссъ Сильвестеръ, и потомъ прибавилъ бы что онъ искулилъ свою вину женившись на ней?

— Послѣ того какъ онъ отнесся къ этому сегодня утромъ, мнѣ кажется онъ подписалъ бы прибавленіе, узнавъ о женитьбѣ.

— Такъ пустите меня къ нему, ради всего святаго.

— Надо поговорить съ докторомъ.

— Пожалуста поскорѣе.

Мистеръ Марчвудъ, съ завѣщаніемъ въ рукахъ, направился къ двери спальни. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ дойти до нея, она отворилась изнутри. На порогѣ показался докторъ. Когда мистеръ Марчвудъ обратился къ нему, докторъ подыалъ торжественно руку.

— Идите къ леди Гольчестеръ, сказалъ онъ.—Все кончено.

— Умеръ?

— Умеръ.

КОНЕЦЪ ПЯТНАДЦАТОЙ СЦЕНЫ.

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ.—СОЛОВАРНЯ.

ГЛАВА XLVIII.

Д о м ъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, всѣ сосѣди нѣкоего Лимбрика утверждали единогласно что Лимбрикъ составилъ себѣ завидное состояніе промышляя солью.

Онъ жилъ въ графствѣ Стаффордъ, на собственномъ клочкѣ земли, называвшемся просто Соловарней. Не будучи скрягой, онъ жилъ очень скромно, почти ни съ кѣмъ не знался, пускалъ деньги въ оборотъ и упрямо оставался холостякомъ.

Около тысяча восемьсотъ сороковаго года, онъ въ первый разъ почувствовалъ приближеніе болѣзни, прекратившей влослѣдствіи его жизнь. Испробовавъ безуспѣшно всѣ средства

которыя совѣтовали ему мѣстные доктора противъ его болѣзни, онъ случайно встрѣтился съ однимъ докторомъ изъ-западнаго предмѣстья Лондона, и этотъ докторъ очень помогъ ему. Совершивъ нѣсколько поѣздокъ въ Лондонъ для консультацій съ этимъ докторомъ, онъ рѣшилъ наконецъ бросить занятія и переселиться поближе къ нему.

Купивъ клочокъ земли близъ Фульгама, онъ выстроилъ на немъ домъ, по своему собственному плану. Ревниво охраняя свое уединеніе, и свои привычки и обычаи отъ наблюденій, онъ окружилъ свою землю высокою стѣной, которая стоила ему немало денегъ, и справедливо считалась въ сосѣдствѣ мрачнымъ и безобразнымъ предметомъ. Выстроивъ новую резиденцію, онъ назвалъ еѣ именемъ своего прежняго мѣстопребыванія въ Стаффордѣ, гдѣ онъ прожилъ лучшую часть своей жизни и нажилъ состояніе. Напрасно его родственники, не понимавшіе что тутъ замѣшалось чувство, ссылались на голые факты, и доказывали ему что во всей окружности нѣтъ солнечныхъ колеи. „Тѣмъ хуже для окружности,“ отвѣчалъ онъ, и продолжалъ называть свою усадьбу Соловарней.

Домъ былъ такъ малъ что совершенно скрывался въ большомъ саду, окружавшемъ его. Онъ былъ двухъ-этажный.

Въ нижнемъ этажѣ, съ каждой стороны корридора было по двѣ комнаты. Направо отъ передняго входа была кухня, съ прилежавшими къ ней чуланами, и другая комната, называвшаяся во времена Лимбрика кабинетомъ и содержавшая небольшую коллекцію книгъ и богатый запасъ рыболовныхъ снарядовъ. По лѣвую сторону корридора была гостиная, на задней половинѣ дома, и столовая на передней половинѣ. Въ верхнемъ этажѣ дома было пять спаленъ, — двѣ по одну сторону корридора, соотвѣтствовавшія по величинѣ столовой и гостиной, и три по другую, изъ которыхъ одна, большая, занимала переднюю половину, а двѣ другія, маленькія, заднюю половину дома. Весь домъ былъ снабженъ прочною домашнею утварью. Хозяинъ не жалѣлъ денегъ, но за красотой не гнался. Какъ внизу такъ и на верху все было прочно, и все было безобразно.

Мѣстоположеніе Соловарни было уединенно. Отъ другихъ усадебъ она отдѣлялась обширными огородами. Ревниво окруженная высокими стѣнами, она напоминала даже особамъ самымъ прозаическимъ скитъ или темницу. Родственники, пріѣхавшіе погостить къ Лимбрику, находили что его Соловар-

ня наводить уныніе, и радовались когда приходило время вернуться домой. Ихъ впрочемъ и не удерживали насильно. Лимбрикъ не былъ ни гостепріимнымъ, ни общежительнымъ человекомъ. Во время припадковъ своей болѣзни, онъ придавалъ мало цѣны сочувствію ближнихъ, и выслушивалъ съ нетерпѣніемъ ихъ поздравленія, когда начиналъ поправляться. „Я не интересуюсь ничѣмъ кромѣ рыбной ловли,“ говорилъ онъ. „Общество моей собаки удовлетворяетъ меня. Я вполнѣ счастливъ когда здоровъ“.

На смертномъ одрѣ, онъ раздѣлялъ свое состояніе между родственниками, съ строгой справедливостью. Единственный пунктъ завѣщанія подвергавшійся неблагоприятнымъ отзывамъ былъ тотъ которымъ назначалось наслѣдство одной изъ его сестеръ. Семья считала ее недостойною ни памяти, ни наслѣдства, за то что она вышла замужъ за человека низшаго класса общества. Эту несчастную женщину звали Есѳиръ Дезриджъ. Проступокъ Есѳири получилъ еще большее значеніе въ глазахъ ея родетвенниковъ когда они узнали что ей достается въ пожизненное владѣніе Соловарня и ежегодный доходъ въ двѣсти фунтовъ.

Не посвящаемая членами своей семьи, буквально одинокая въ мірѣ, Есѳиръ Дезриджъ, рѣшилась, несмотря на свой достаточный годовой доходъ, отдать домъ внаймы. Объясненіемъ такого страннаго поступка можетъ служить ея отвѣтъ на вопросъ Анны. „У меня нѣтъ въ мірѣ ни одного друга. Я боюсь жить одна“. Въ такомъ безотрадномъ положеніи и вслѣдствіе такой грустной причины, она поручила агенту приискать жильцовъ въ свой домъ. Первый кому агентъ рекомендовалъ ея домъ, былъ Перри. Первый жилецъ Есѳири Дезриджъ былъ Джоффри Деламенъ.

Хозяйка оставила себѣ кухню, комнату рядомъ съ кухней и двѣ маленькія спальни на верху,—одну для себя, а другую для служанки которую она взяла себѣ въ помощницы. Остальныя комнаты она рѣшила отдать внаймы. Пять комнатъ было слишкомъ много для Перри, но Есѳиръ Дезриджъ не соглашалась сдать свою квартиру иначе какъ на тѣхъ условіяхъ — относительно числа комнатъ и срока отдачи—которыя она сама предлагала. Перри долженъ былъ или отказаться отъ большаго, уединеннаго сада, или подчиниться. Онъ предпочелъ послѣднее.

Двое жильцовъ могли располагать тремя спальнями. Джоффри

поселился въ задней комнатѣ, надъ гостиной. Перри выбралъ переднюю спальню, на другой сторонѣ корридора. Комната рядомъ со спальней Джофри осталась пустою и была названа запасною комнатою. Что же касается до нижняго этажа, въ столовой атлетъ и учитель обѣдали, а гостиную, какъ ненужную роскошь, оставили въ покоѣ.

Послѣ бѣга, Перри разстался съ Джофри. Его опустѣвшая спальня сдѣлалась второю запасною комнатою. Срокъ на который была нанята квартира еще не окончился. Послѣ бѣга, Джофри долженъ былъ выбрать одно изъ двухъ: пожертвовать залащенными впередъ деньгами, или остаться на квартирѣ въ одиночествѣ, съ двумя запасными спальнями и съ гостиной для приѣма гостей, которые приходили съ трубками въ зубахъ, и по понятіямъ которыхъ идеаль гостепріимства состоялъ въ бутылкѣ пива поданной въ садъ.

Выражаясь его собственными словами, онъ былъ „не въ своей тарелкѣ“. Онъ чувствовалъ апатичное отвращеніе ко всякой перемѣнѣ, и рѣшилъ остаться въ Соловарѣ, пока свадьба съ мистрисъ Гленармъ (въ возможности которой онъ тогда не сомнѣвался) не принудитъ его измѣнить совершенно и навсегда свой образъ жизни. Изъ Фульгама онъ ѣздилъ на слѣдствіе въ Портлендъ, и въ Фульгамъ онъ привезъ навязанную ему закономъ жену.

Таково было положеніе жильца, и такъ была распредѣлена внутренность дома въ достопамятный вечеръ когда Анна Сильвестеръ пріѣхала туда въ качествѣ жены Джофри Де-ламена.

ГЛАВА XLIX.

Н о ч ь.

Выйдя изъ дома леди Лунди, Джофри кликнулъ перваго свободнаго извозчика, отворилъ дверь кареты, и сдѣлалъ знакъ Аннѣ чтобъ она вошла. Анна повиновалась безсознательно. Онъ сѣлъ противъ нея и приказалъ извозчику ѣхать въ Фульгамъ.

Карета покатила къ своей цѣли; мужъ и жена не прерывали молчанія. Анна откинула назадъ усталую голову и закрыла глаза. Твердость ея истощилась отъ усилія поддерживавшаго ее съ начала до конца слѣдствія. Она лишилась способности думать, ничего не сознавала, ничего не чувствовала,

ничего не боялась. Въ полубморокѣ, въ полуснѣ, она потеряла сознание ужаса своего положенія, прежде чѣмъ прошли перья пять минутъ пути въ Фульгамъ.

Сидя противъ нея, занятый собственными мыслями, Джофри мгновенно оживился. Новая идея мелькнула въ его алатичномъ умѣ. Онъ высунулъ голову изъ окна кареты, велѣлъ извозчику повернуть назадъ, и ѣхать въ гостиницу, къ большой Сѣверной желѣзной дорогѣ.

Усѣвшись опять на свое мѣсто, онъ взглянулъ тайкомъ на Анну. Она не пошевелинулась, не открыла глазъ,—она повидимому ничего не замѣтила. Онъ взглянулъ на нее пристальнѣе. Не больна ли она въ самомъ дѣлѣ? Можетъ-быть близко время когда она освободитъ его отъ себя? Остановившись на этой мысли, онъ внимательно слѣдилъ за нею. Мало-помалу низкая надежда исчезла, уступивъ мѣсто низкому подозрѣнью. Что если этотъ болѣзненный видъ притворство? Что если она задумала обмануть его и убѣжать при первой возможности? Онъ высунулъ опять голову изъ окна, и далъ другое приказаніе извозчику. Карета свернула въ сторону и остановилась въ Гольборни, у трактира, содержателемъ котораго былъ Перри, учитель (подъ вымышленнымъ именемъ).

Джофри написалъ карандашомъ нѣсколько словъ на своей карточкѣ, и отослалъ ее съ извозчикомъ въ трактиръ. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ какой-то мальчикъ. Джофри поговорилъ съ нимъ вполголоса. Мальчикъ сѣлъ на козлы, рядомъ съ извозчикомъ. Карета повернула назадъ и остановилась у гостиницы, близъ станціи большой Сѣверной желѣзной дороги.

Джофри вышелъ и велѣлъ мальчику стать у двери кареты. „Если она вздумаетъ выйти, останови ее и лоши за мной,“ сказалъ онъ, указавъ ему на Анну, которая все еще полужала, неспособная, повидимому, поднять голову и замѣчать что дѣлалось вокругъ нея. Распорядившись такимъ образомъ, онъ вошелъ въ домъ, и спросилъ мистера Мой.

Мистеръ Мой только что вернулся отъ леди Лунди. Когда Джофри вошелъ, онъ всталъ и встрѣтилъ его холоднымъ локономъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ.

— Мнѣ пришелъ въ голову планъ, о которомъ мнѣ хотѣлось бы посоветоваться съ вами немедленно, сказалъ Джофри.

— Посоветуйтесь съ кѣмъ-нибудь другимъ, отвѣчалъ мис-

теръ Мой.—Считайте меня съ нынѣшняго дня отказавшимся отъ всякихъ дальнѣйшихъ сношеній съ вами.

Джофри взглянулъ на него съ безсмысленнымъ удивленіемъ.

— Вы хотите сказать что оставляете меня въ такомъ затруднительномъ положеніи? спросилъ онъ.

— Я хочу сказать что впредь не сдѣлаю ни одного шага по вашимъ дѣламъ, непреклонно отвѣчалъ мистеръ Мой.— Что касается до будущаго, я пересталъ быть вашимъ повѣреннымъ. Что же касается до прошлаго, я окончу добросовѣстно то что обязался сдѣлать для васъ. Мистрисъ Инчбаръ и Бшонригсъ придутъ сюда сегодня въ шесть часовъ и получатъ обѣщанное вознагражденіе. Я отправлюсь въ Шотландію съ ночнымъ поѣздомъ. Лица на которыхъ ссылается сэръ Патрикъ всѣ въ Шотландіи. Я перешлю вамъ ихъ показанія касательно дочерковъ и пребыванія въ Шотландіи, въ письменной формѣ. Этимъ окончатся мои обязанности относительно васъ. Я отказываюсь принимать участіе въ вашихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

Подумавъ съ минуту, Джофри предложилъ послѣдній вопросъ:

— Вы сказали что хозяйка и Бшонригсъ придутъ къ вамъ въ шесть часовъ.

— Да.

— Гдѣ можно найти ихъ до тѣхъ поръ.

Мистеръ Мой написалъ нѣсколько словъ на листкѣ бумаги, и отдалъ ее Джофри.

— На ихъ квартирѣ, сказалъ онъ.—Вотъ адресъ.

Джофри взялъ адресъ и вышелъ изъ комнаты. Адвокатъ и кліентъ разстались, не сказавъ другъ другу ни одного прощальнаго слова.

Возвратившись къ каретѣ, Джофри нашелъ мальчика на его лосту.

— Ну, что?

— Барыня не пошевелинулась даже, сударь, съ тѣхъ поръ какъ вы ее оставили.

— Перри у себя въ трактирѣ?

— Нѣтъ, сударь.

— Мнѣ нуженъ адвокатъ. Ты знаешь кто адвокатъ Перри?

— Знаю, сударь.

— И гдѣ его можно найти?

— Знаю, сударь.

— Такъ садись на козлы, и покажи извозчику куда ѣхать.

Карета покатилаь вдоль по Эстонской улицѣ, и остановилась у дома съ мѣдной доской на двери. Мальчикъ соскочилъ съ козелъ и подошелъ къ окну кареты.

— Здѣсь, сударь.

— Постучи и узнай дома ли онъ.

Онъ оказался дома. Джофри отправился къ нему, оставивъ олять своего адъютанта на-сторожѣ. Въ этотъ разъ мальчикъ видѣлъ что дама шевелилась. Она содрогнулась, какъ бы онъ холода, открыла на минуту усталые глаза, выглянула въ окно, вздрогнула, и скрылась олять въ уголъ кареты.

Послѣ болѣе чѣмъ получасоваго отсутствія, Джофри вернулся. Свиданіе съ адвокатомъ Перри освободило его, повидимому, отъ смутившей его мысли. Приказавъ извозчику ѣхать въ Фульгамъ, онъ отворилъ дверь кареты, и хотѣлъ войти, но вдругъ остановился, какъ бы оломнившись, велѣлъ мальчику сѣсть въ карету, а самъ сѣлъ на козлы.

Когда карета тронулась, онъ обернулся и взглянулъ на Анну въ переднее окно. „Стоитъ попробовать“, подумалъ онъ. „Этимъ способомъ можно расквитаться съ ней, и освободиться отъ нея.“

Карета остановилась предъ домомъ Есоури Дезриджъ. Отдыхъ ли подкрѣпилъ Анну, видъ ли мѣста пробудилъ въ ней наконецъ инстинктъ самосохраненія, но, къ удивленію Джофри, она вышла изъ кареты безъ посторонней помощи. Когда онъ отперъ деревянную дверь сада, своимъ собственнымъ ключомъ, она отступила назадъ, и взглянула на него въ первый разъ.

Онъ указалъ ей на дверь.

— Входите, сказалъ онъ.

— На какихъ условіяхъ? спросила она не двигаясь.

Джофри отпустилъ извозчика, и велѣлъ мальчику идти въ садъ и ждать тамъ дальнѣйшихъ приказаній. Оставшись наединѣ съ Анной, онъ отвѣчалъ угрожающимъ тономъ на ея вопросъ:

— На какихъ условіяхъ? На какихъ я хочу.

— Ничто не заставитъ меня, отвѣчала она твердо, — быть вамъ женой.—Вы можете убить меня, но къ этому вы меня не принудите.

Онъ сдѣлалъ къ ней шагъ, открылъ ротъ, но вдругъ оломнился. Онъ молчалъ съ минуту, обдумывая что-то. Слѣдующія

слова онъ произнесъ съ разчитанною сдержанностью, какъ бы повторяя чужія, или заранѣе приготовленныя слова.

— Мнѣ надо сказать вамъ нѣсколько словъ при свидѣтеляхъ, сказалъ онъ.—Я не прошу, и не желаю видѣться съ вами наединѣ.

Она содрогнулась при этой перемѣнѣ въ его обращеніи. Его внезапное спокойствіе и его внезапная вѣжливость были болѣе тяжелымъ испытаніемъ для ея мужества, чѣмъ грубость его, за минуту предъ тѣмъ.

Онъ ждалъ ея рѣшенія, указывая на отворенную дверь. Она дрожала, но собралась съ духомъ и вошла. Мальчикъ, дождавшійся въ саду, послѣдовалъ за ними въ домъ.

Джофри отворилъ дверь гостиной по лѣвую сторону корридора. Анна вошла. Явилась служанка. „Позовите мистрисъ Дезриджъ, и сами приходите съ ней“, сказалъ Джофри. Онъ вошелъ въ гостиную. Мальчикъ по его приказанію вошелъ тоже. Дверь была оставлена отворенной.

Есэиръ вышла изъ кухни въ сопровожденіи служанки. Когда она увидала Анну, ея каменное лицо оживилось на минуту. Тусклый блескъ засвѣтился въ ея глазахъ. Она едва замѣтно наклонила голову. Изъ груди ея вырвался нѣмой звукъ похожій на звукъ радости или торжества.

Джофри заговорилъ, опять съ разчитанной сдержанностью, опять какъ бы произнося заранѣе приготовленную рѣчь. Онъ указалъ на Анну.

— Эта женщина моя жена, сказалъ онъ.—Въ присутствіи васъ троихъ, какъ свидѣтелей, я объявляю ей что не прощаю ее. Я привезъ ее сюда, потому что у меня нѣтъ другаго мѣста гдѣ я могъ бы держать ее въ ожиданіи окончанія дѣла, которое я предпринялъ въ защиту моей чести и моего добраго имени. Здѣсь она будетъ жить отдѣльно отъ меня, въ особой комнатѣ. Если же мнѣ понадобится видѣться съ ней, при нашемъ свиданіи будетъ присутствовать третье лицо. Все ли вы поняли меня?

Есэиръ наклонила голову. Двое другихъ отвѣчали „да“, и хотѣли выйти изъ комнаты. Анна встала. По знаку Джофри, служанка и мальчикъ остались въ комнатѣ, чтобы выслушать то что намѣревалась сказать Анна.

— Я не знаю за собой ничего такого, сказала она обращаясь къ Джофри, — что могло бы дать вамъ право сказать мнѣ при этихъ людяхъ что вы не прощаете меня. Эти слова

отъ васъ я считаю оскорбленіемъ. Я не ловимаю также что вы подразумѣваете говоря о защитѣ вашего добраго имени. Я поняла изъ вашихъ словъ только то что мы будемъ жить въ этомъ домѣ врозь. За это я вамъ благодарна, каковы бы ни были ваши причины. Скажите чтобы которая-нибудь изъ этихъ женщинъ проводила меня въ мою комнату.

Джозфи обратился къ Есѣри.

— Проводите ее на верхъ, сказалъ онъ. — Пусть она выберетъ себѣ какую хочетъ комнату. Дайте ей что она хочетъ пить или ѣсть. Возьмите у нея адресъ дома гдѣ находится ея багажъ. Этотъ мальчикъ съѣздитъ за нимъ по желѣзной дорогѣ. Я кончилъ. Можете идти.

Есѣрь вышла. Анна послѣдовала за ней на верхъ. Въ корридорѣ верхняго этажа Есѣрь остановилась. Тусклый блескъ оживилъ опять на минуту ея глаза. Написавъ на доскѣ нѣсколько словъ, она протянула ее Аннѣ. „Я знала что вы вернетесь. Вы еще не отдѣлались отъ него.“ Анна не отвѣчала. Есѣрь начала опять писать, съ чѣмъ-то похожимъ на улыбку на своихъ тонкихъ безцвѣтныхъ губахъ. „Я знаю что значитъ дурной мужъ. А хуже вашего трудно найти. Онъ еще помучаетъ васъ.“ Анна попробовала остановить ее. — Развѣ вы не видите какъ я утомлена, сказала она громко. Есѣрь опустила доску, взглянула въ лицо Анны съ холоднымъ вниманіемъ какъ бы говоря „теперь вижу“, и отворила дверь одной изъ лустыхъ комнатъ.

Это была спальня, въ передней части дома, надъ столовой. Она отличалась безукоризненной чистотой, и прочнымъ, красивымъ убранствомъ. Безобразные обои на стѣнахъ и безобразный коверъ на полу были лучшей доброты. Большая, тяжелая кровать простаго дерева, съ занавѣсомъ спускавшимся съ крючка, вбитаго въ потолокъ, представляла непріятную картину французскаго образца, искаженнаго англійскимъ исполненіемъ. Но болѣе всего бросилась въ глаза въ комнатѣ дверь. Кромѣ обыкновеннаго замка, она была снабжена съ внутренней стороны двумя толстыми задвижками. Въ числѣ многочисленныхъ странностей Лимбрика былъ постоянный страхъ что воры вломатся къ нему ночью. Наружныя двери и всѣ оконныя ставни были обиты желѣзомъ, и снабжены звонками, устроенными по усовершенствованному способу. Къ довершенію всего, на крышѣ дома была маленькая колокольня съ колоколомъ такой величины что звонъ его былъ слышенъ

въ Фульгамскомъ полицейскомъ домѣ. Во времена Лимбрика, веревка отъ колокола была проведена въ его спальню. Теперь она спускалась въ корридоръ.

Оглядывая комнату, Анна обратила вниманіе на внутреннюю стѣну, отдѣлявшую эту спальню отъ сосѣдней комнаты. Въ стѣнѣ не было двери. Возлѣ нея стоялъ умывальникъ и два стула.

— Кто занимаетъ сосѣдную комнату? спросила она.

Есѣриръ указала пальцемъ въ полъ. Сосѣдную комнату занималъ Джофри.

Анна вышла въ корридоръ.

— Покажите мнѣ другую комнату, сказала она.

Другая пустая комната была тоже въ передней половинѣ дома. Такое же безобразіе (первостепенной прочности) на стѣнахъ и на полу. Такая же тяжелая кровать краснаго дерева, съ тою только разницею что на этой былъ балдахинъ для занавѣса. Предупреждая вопросъ Анны, Есѣриръ указала на внутреннюю стѣну, потомъ на себя. Анна рѣшилась остаться въ этой комнатѣ, самой дальней отъ комнаты Джофри. Есѣриръ подождала пока Анна написала адресъ гдѣ взять ея багажъ (въ домѣ музыкальнаго агентства), потомъ освѣдомилась объ ужинѣ, и получивъ отвѣтъ, вышла изъ комнаты.

Оставшись одна, Анна заперла дверь и легла на кровать. Все еще слишкомъ утомленная чтобы думать, все еще физически неспособная повясть безпомощность и оласность своего положенія, она открыла медальйонъ, висѣвшій у нея на шеѣ, поцѣловала портретъ своей матери, и портретъ Бланки, вставленные одинъ противъ другаго, и скоро заснула глубокимъ сномъ.

Между тѣмъ Джофри повторялъ у выходной двери свои наставленія мальчику.

— Когда возьмешь багажъ, поѣзжай къ адвокату. Если онъ можетъ пріѣхать сюда сегодня, ты привезешь его съ собой. Если же онъ не можетъ пріѣхать, ты привезешь мнѣ отъ него письмо. Бѣда тебѣ будетъ если ты перепутаешь. Убирайся поскорѣе чтобы не опоздать на поѣздъ.

Мальчикъ убѣждалъ. Глядя ему вслѣдъ, Джофри припомнилъ всѣ свои послѣднія дѣйствія.

— До сихъ поръ все шло какъ слѣдуетъ, сказалъ онъ про себя. — Я не ѣхалъ съ ней въ каретѣ. Я сказалъ ей въ присутствіи свидѣтелей что не прощаю ее, и объяснилъ почему

я привезъ ее на свою квартиру. Я помѣстилъ ее въ отапливаемую комнату, и если мнѣ понадобится видѣть ее, при нашемъ свиданіи будетъ присутствовать Есѣиръ Дезриджъ. Я сдѣлаю все что зависитъ отъ меня, пусть адвокатъ сдѣлаетъ остальное.

Онъ вышелъ въ садъ и закурилъ трубку. Немного времени спустя, когда сдѣлалось совсѣмъ темно, онъ увидалъ свѣтъ въ нижней комнатѣ Есѣири Дезриджъ, и подошелъ къ окну. Есѣиръ и горничная сидѣли за работой.

— Ну, спросилъ онъ,—что дѣлаетъ она на верху?

Доска Есѣири, съ помощью языка служанки, разказала ему объ Аннѣ все что можно было разказать. Онъ свесилъ ей на верхъ чай и яичницу. Имъ пришлось разбудить ее. Она съѣла немного яичницы и съ жадностью выпила чай. Когда онъ вошелъ въ другой разъ, чтобы взять подносы, она лежала олять на постели. Она не спала, но казалась очень печальною и утомленною. Не сказала ни одного слова. Онъ зажгли ей свѣчку и оставили ее въ покоѣ. Таковъ былъ отчетъ. Выслушавъ его молча, Джофри набилъ трубку и пошелъ олять ходить по саду. На дворѣ становилось холодно. Вѣтеръ шумѣлъ надъ открытыми полями окружавшими садъ; звѣзды погасли; надъ головой лежала непроглядная ночь. Пошелъ дождь. Джофри вернулся домой.

Въ столовой на столѣ лежала вечерняя газета. Свѣчи были зажжены. Онъ сѣлъ и попробовалъ читать. Нѣтъ! Въ газетѣ не было ничего интереснаго для него. Чтеніе не помогало. Неподвижное положеніе было невыносимо. Онъ всталъ, вышелъ изъ дома, подошелъ къ двери сада и устремилъ разсѣянный взглядъ на дорогу.

На дорогѣ, при свѣтѣ лампы висѣвшей надъ дверью, онъ увидалъ живое существо. Существо подошло ближе и оказалось почтальйономъ разносившимъ послѣднюю почту. Онъ подошелъ къ двери съ письмомъ въ рукахъ.

— Досточтиму Джофри Деламену.

— Давай.

Джофри взялъ письмо и вернулся въ столовую. Взглянувъ при свѣчахъ на адресъ, онъ узналъ почеркъ мистрисъ Гленармъ. „Поздравленіе съ женитьбой,“ подумалъ онъ съ горечью, и распечаталъ письмо.

Поздравленіе мистрисъ Гленармъ заключалось въ слѣдующихъ словахъ:

„Мой обожаемый Джоффри, я знаю все. Возлюбленный мой! Дорогой мой! Ты принесешь въ жертву презрѣннѣйшему существу, и я лишилась тебя! Какъ могу я жить послѣ этого? Какъ могу я думать и писать, когда голова моя въ огнѣ, сердце разбито? О, ангелъ мой! меня поддерживаетъ идея, — идея чистая, прекрасная, достойная насъ обоихъ. Я живу, Джоффри, посвятивъ себя твоему обожаемому образу. Ты мой герой! Моя первая и послѣдняя любовь. Я буду жить и умру,—клянусь торжественно, преклонивъ колѣна,—я буду жить и умру не измѣнивъ тебѣ. Я твоя духовная жена. Мой возлюбленный Джоффри! Въ этомъ она не можетъ стать между нами, она не можетъ отнять у тебя неизмѣнную вѣрность моего сердца, неземную преданность души моей. Я твоя духовная жена. О, какое наслажденіе писать эти слова! Отвѣтъ мнѣ, мой возлюбленный, и скажи что ты чувствуешь то же самое. Покаянись въ этомъ, божество моего сердца, какъ покаялась я. Незимѣнная вѣрность! Неземная преданность! Никогда, никогда не буду я женой другаго! Никогда, никогда не прощу я женщину которая стала между нами! Твоя на вѣки, и только твоя; твоя съ безпорочною страстью горящую на алтарѣ моего сердца; твоя, твоя, твоя.... Е. Г.“

Этотъ взрывъ истерическихъ безсмыслицъ, самъ по себѣ только смѣшной, имѣлъ большое значеніе по своему вліянію на Джоффри. Къ наслажденію которое доставило бы ему отпущеніе Аннѣ присоединилось бы прямое достиженіе его корыстныхъ цѣлей. Десять тысячъ годоваго дохода посвящены ему, и стоило бы только протянуть руку чтобы взять ихъ, еслибы не женщина олутавшая его своими сѣтями; женщина привязавшаяся къ нему на всю жизнь.

Онъ положилъ письмо въ карманъ.

— Посмотримъ что скажетъ адвокатъ, сказалъ онъ про себя.—Это самый легкій способъ отдѣлаться отъ нея, и притомъ законный.

Онъ взглянулъ съ нетерпѣніемъ на часы. Въ эту минуту раздался звонокъ. Должно-быть мальчикъ съ багажемъ. Да. И съ письмомъ отъ адвоката? Лучше: съ самимъ адвокатомъ.

— Идите, идите, сказалъ Джоффри выходя навстрѣчу послѣстителю.

Адвокатъ вошелъ въ столовую. Это былъ человѣкъ широкоплечій, съ толстыми губами, съ блестящими глазами, съ отбѣнкомъ негритянской крови въ желтомъ лицѣ и съ несомнѣнными признаками во взглядѣ и манерахъ обыкновенія вращаться по грязнѣйшимъ окольнымъ путямъ юридической профессіи.

— У меня есть свое маленькое помѣстье въ вашемъ сосѣдствѣ, сказалъ онъ. — Я и счелъ за лучшее заѣхать къ вамъ по пути, чтобъ объяснитьсь съ вами лично, мистеръ Деламенъ.

— Видѣли вы свидѣтелей?

— Я допросилъ обоихъ. Сначала мистрисъ Инчбаръ и Бишоприса вмѣстѣ. Потомъ мистрисъ Инчбаръ и Бишоприса порознь.

— Ну, что же?

— Къ моему сожалѣнію, результатъ неблагопріятенъ.

— Что это значитъ?

— Свидѣтели не могутъ дать такихъ показаній какія намъ нужны. Я въ этомъ убѣдился.

— Убѣдилась? Это чортъ знаетъ что такое! Вы не поняли въ чемъ дѣло!

Мулатъ-адвокатъ улыбнулся. Грубость кліента, повидимому, только забавляла его.

— Не понимая, повторилъ онъ. — Такъ потрудитесь же сказать мнѣ въ чемъ я ошибся. Вотъ вамъ вашъ планъ вкратцѣ: Четырнадцатаго числа прошлаго августа, ваша жена была въ одной гостиницѣ въ Шотландіи. Къ ней присоединился нѣкто Арнольдъ Бринквортъ. Онъ выдалъ себя за ея мужа и ночевалъ съ ней въ гостиницѣ. Основываясь на этихъ фактахъ, вы имѣете въ виду требовать развода съ вашею женой. Вы хотите выдать мистера Арнольда Бринкворта за ея любовника и привести въ свидѣтели хозяйку и слугу гостиницы. Есть тутъ какая-нибудь ошибка?

— Никакой.

Однимъ злодѣйскимъ ударомъ олозорить Аяну, и освободить себя отъ нея, таковъ былъ планъ зародившійся въ его головѣ, когда онъ вернулся назадъ съ дороги въ Фульгамъ чтобы заѣхать посоветоваться къ мистеру Мою.

— Таковъ вашъ планъ, продолжалъ адвокатъ. — Теперь о томъ что я сдѣлалъ, получивъ ваши инструкціи. Я допросилъ свидѣтелей, и имѣлъ свиданіе (не совсѣмъ пріятное) съ мистеромъ Моимъ. Результатъ этихъ двухъ дѣйствій вкратцѣ слѣдующій. Первое открытіе: назвавшись ея мужемъ, мистеръ Бринквортъ сдѣлалъ это по вашему совѣту, что лишаетъ ваше обвиненіе всякаго значенія. Второе открытіе: ни малѣйшаго неприличія въ поведеніи, ни малѣйшей фамильярности въ обращеніи не было замѣчено ни однимъ изъ свидѣтелей, во время пребыванія мистера Бринкворта съ вашею женой

въ гостиницѣ. Противъ нихъ нѣтъ рѣшительно никакого доказательства, кромѣ того что они были вмѣстѣ въ двухъ комнатахъ. Какъ вы докажете преступное намѣреніе, когда вы не можете доказать ни одного предосудительнаго поступка. Выиграть такое дѣло въ судѣ столько же вѣроятности какъ перепрыгнуть черезъ крышу этого дома.

Онъ глядѣлъ смѣло на своего клиента, ожидая рѣзкаго возраженія. Но къ его удивленію, клиентъ обманулъ его ожиданія. Странное впечатлѣніе произвела, повидимому, неудача на этого апатичнаго, тупоумаго человѣка. Онъ принялъ ее совершенно спокойно, и слѣдующія слова произнесъ съ полнымъ самообладаніемъ въ лицѣ и манерахъ.

— Такъ вы отказываетесь отъ этого дѣла?

— При настоящемъ положеніи вещей, мистеръ Деламень, не можетъ быть никакого дѣла.

— И нѣтъ никакой надежды развестись съ ней?

— Позвольте. Не пѣла ли ваша жена свиданія съ мистеромъ Бринквортомъ еще гдѣ-нибудь, до встрѣчи въ гостиницѣ?

— Нигдѣ.

— За будущее нельзя, конечно, ручаться. Что же касается до прошлаго, оно не даетъ надежды на разводъ.

— Благодарю васъ. Прощайте.

— Прощайте, мистеръ Деламень.

Связанъ съ ней на всю жизнь, и законъ не можетъ развязать узла.

Онъ обдумывалъ этотъ выводъ пока не усвоилъ его вполнѣ. Тогда онъ вынулъ письмо мистрисъ Гленармъ и перечелъ его опять внимательно съ начала до конца.

Ничто не можетъ поколебать ея преданности. Ничто не заставитъ ее выйти за другаго. Она, по ея собственнымъ словамъ, посвятила себя ему и ждетъ со своимъ состояніемъ чтобъ онъ женился на ней. И отецъ его согласенъ (насколько ему было извѣстно, за неимѣніемъ новѣйшихъ извѣстій) привѣтствовать мистрисъ Гленармъ какъ невѣстку и дать мужу мистрисъ Гленармъ приличное состояніе. Перспектива во всѣхъ отношеніяхъ такая блестящая какой только можетъ пожелать человѣкъ. И все это осуществилось бы, еслибы не женщина опутавшая его своими сѣтями,—женщина на верху, привязавшаяся къ нему на всю жизнь.

Онъ вышелъ въ темный садъ и сталъ ходить вокругъ дома,

то появляясь въ лучахъ свѣта выходящаго изъ окна, то скрываясь опять въ темнотѣ. Вѣтеръ освѣжалъ его непокрытую голову. Наконецъ онъ остановился противъ фасада дома, медленно подвѣлъ голову и взглянулъ на слабо освѣщенное окно комнаты Анны.

— Какъ? сказалъ онъ про себя. — Въ этомъ весь вопросъ. Какъ?

Онъ вошелъ въ домъ. Служанка, явившаяся на его зовъ, полятилась назадъ, взглянувъ на него. Онъ былъ блѣденъ. Глаза его глядѣли на нее, повидимому, не видя ее. Капли пота стояли на его лбу.

— Вы нездоровы, сударь? спросила она.

Онъ сказалъ ей, сопровождая слова свои проклятиемъ, чтобы она не смѣла дѣлать замѣчаній и принесла водки. Когда она вошла въ комнату во второй разъ, онъ стоялъ спиной къ ней, устремивъ взглядъ въ темное окно. Онъ не пошевелился, когда она поставила бутылку на столъ. Онъ шелталъ что-то, точно разговаривалъ съ самимъ собой.

Тотъ же вопросъ который былъ въ его умѣ подъ окномъ Анны занималъ его и теперь.

Какъ? Въ этомъ состояла вся задача. Какъ?

Онъ обратился за совѣтомъ къ водкѣ.

Г Л А В А I.

У т р о.

Когда мучаетъ сильнѣе тщетное сожалѣнiе? Когда сомнительное будущее кажется мрачнѣе, жизнь ничтожнѣе и чаще приходитъ мысль о смерти? Въ ужасные часы утра, когда солнце встаетъ во всемъ своемъ великолѣпiи и птицы лопотъ въ тишинѣ новорожденнаго дня.

Анна проснулась на незнакомой постели, и взглянула при утреннемъ свѣтѣ на незнакомую комнату.

Дождь вылился весь за ночь. Солнце царило на ясномъ небѣ. Анна встала и открыла окно. Утреннiй воздухъ, свѣжiй и душистый, наполнилъ комнату. Вдали и вблизи все было свѣтло и тихо. Она осталась у окна. Ея умъ былъ опять ясенъ; она могла думать, могла чувствовать; она могла взглянуть прямо на ужасный вопросъ который задало ей безжалостное утро: чѣмъ это кончится?

Есть ли какая-нибудь надежда? Надежда, напимѣръ, хоть на то что она сама можетъ сдѣлать для себя. Что можетъ сдѣлать для себя замужняя женщина? Она можетъ обнародовать свое несчастіе, если это несчастіе извѣстнаго рода, и потомъ разчитываться съ обществомъ въ качествѣ одинокой женщины. И только.

Есть ли надежда на то что могутъ сдѣлать для нея другіе? Бланка можетъ написать ей, можетъ даже повидаться съ ней, если мужъ Анны позволитъ, и ничего болѣе. Сэръ-Патрикъ при прощаніи пожалъ ея руку и сказалъ ей чтобъ она положила на него. Но что же можетъ онъ сдѣлать? Есть оскорбленія на которыя бракъ даетъ право ея мужу,—такія оскорбленія при одной мысли о которыхъ кровь леденѣла въ ея жилахъ. Развѣ сэръ-Патрикъ можетъ защитить ее? Конечно, нѣтъ. Законъ и общество вооружили ея мужа его брачными правами. Законъ и общество дали бы ей одинъ отвѣтъ, еслибы она обратилась къ нимъ: вы его жена.

Никакой надежды на себя; никакой надежды на другихъ; никакой надежды ни на что земное. Остается только ждать конца, съ вѣрой въ милосердіе Божіе, съ надеждой на лучшій мѣръ.

Она вынула изъ чемодана молитвенникъ, обѣтшальнѣй отъ частаго улоупотребленія, принадлежавшій когда-то ея матери, сѣла къ окну и начала читать. По временамъ она поднимала задумчиво голову. Сходство между ея положеніемъ и положеніемъ ея матери было теперь полное. У обѣихъ были мужья ненавидѣвшіе ихъ, мужья которые изъ корыстныхъ разчетовъ добивались возможности жениться на другихъ женщинахъ, мужья которыхъ главнымъ желаніемъ и главною цѣлью было освободиться отъ своихъ женъ. Странно, какими различными путями мать и дочь дошли до одинаковой участи. Продолжится ли сходство до конца? „Можетъ-быть и я,“ думала она, вспоминая послѣднія минуты своей матери, „умру въ объятіяхъ Бланки.“

Время прошло незамѣтно. Она не слышала утренняго движенія въ домѣ, пока мысли ея не были прерваны голосомъ служанки за дверью.

— Баринъ проситъ васъ сойти внизъ, сударыня.

Она тотчасъ же встала и отложила книгу въ сторону.

— Это все что онъ велѣлъ сказать? спросила она, отворяя дверь.

— Все, сударыня.

Она послѣдовала за служанкой внизъ, припоминая странныя слова которыя сказалъ ей наканунѣ Джофри въ присутствіи слугъ. Можетъ-быть теперь объяснятся смыслъ его словъ „Каково бы ни было испытаніе,“ подумала она, „я перенесу его какъ перенесла бы моя мать.“

Служанка отворила дверь столовой. Завтракъ былъ уже лоданъ. Джофри стоялъ у окна. Есѳиръ Дезриджъ ждала у двери. Онъ обернулся, подошелъ къ Аннѣ съ притворною улыбкой на лицѣ и протянулъ ей руку.

Она вошла въ комнату, приготовившись (какъ ей казалось) ко всему что бы ни случилось. Но къ этому она не была готова. Она стояла неподвижно и смотрѣла на него.

Взглянувъ на Анну, когда она вошла, Есѳиръ Дезриджъ обернулась къ Джофри, и съ этой минуты не спускала съ него глазъ, все время пока Анна была въ комнатѣ.

Онъ прервалъ молчаніе голосомъ непохожимъ на его голосъ, съ робкою сдержанностью въ манерахъ, которой она до сихъ поръ никогда не замѣчала въ немъ.

— Вы не хотите протянуть руку вашему мужу, сказалъ онъ, — когда мужъ протягиваетъ вамъ свою.

Она протянула ему машинально руку. Прикоснувшись къ ея рукѣ, онъ выпустилъ ее, вздрогнувъ.

— Боже мой, какая холодная! воскликнулъ онъ.

Его рука, напротивъ, горѣла и дрожала.

Онъ указалъ ей на стулъ возлѣ стола.

— Не разольете ли вы чай? спросилъ онъ.

Она сдѣлала шагъ къ столу, олять совершенно машинально, и остановилась.

— Вы можетъ-быть предпочтете завтракать у себя? спросилъ онъ.

— Если позволите, отвѣчала она чуть слышно.

— Подождите одну минуту. Я хочу сказать вамъ нѣскольکو словъ, прежде чѣмъ вы уйдете.

Она остановилась. Онъ подумалъ, очевидно припоминая что-то.

— Я думалъ объ этомъ всю ночь, сказалъ онъ.—Ночь сдѣлала изъ меня другаго человѣка. Я прошу у васъ прощенія за то что сказалъ вамъ вчера. Я былъ не въ своемъ умѣ и сказалъ глупость. Прошу васъ забыть это и простить. Я хочу начать сызнава и искулить мое прошлое поведеніе. Я оста-

раюсь быть вамъ хорошимъ мужемъ. Въ присутствіи мистрисъ Дезриджъ, я прошу васъ испытать меня. Я не хочу насилловать вашихъ чувствъ. Мы женаты, теперь поздно сожалѣть объ этомъ. Живите здѣсь на тѣхъ условіяхъ которыя вы предложили вчера. Я хочу помириться съ вами. Въ присутствіи мистрисъ Дезриджъ, я говорю вамъ что хочу помириться съ вами. Я не удерживаю васъ, но прошу васъ подумать о томъ что я сказалъ. Прощайте.

Онъ произнесъ эти необыкновенныя слова какъ мальчикъ отвѣчающій трудный урокъ, опустивъ глаза въ землю, застывшая и растегивая пуговицу сюртука.

Анна вышла изъ комнаты. Въ корридорѣ она принуждена была остановиться и прислониться къ стѣнѣ. Его неестественная вѣжливость была ужасна. Его настойчиво заявленное раскаяніе привело ее въ трепегъ. Въ минуты когда онъ доходилъ до бѣшенства и грубыхъ ругательствъ, она не боялась его такъ какъ боялась теперь.

Есэиръ Дезриджъ вышла въ корридоръ, и затворила за собой дверь. Она посмотрѣла внимательно на Анну, потомъ написала на доскѣ, и протянула ее Аннѣ съ слѣдующими словами: „Вѣрите вы ему?“

Анна оттолкнула доску, убѣжала на верхъ и заперлась въ своей комнатѣ.

— Онъ замышляетъ что-то противъ меня, сказала она.—
Что?

Болѣзненное, физическое чувство страха, совершенно новое для нея, побуждало ее постараться забыть этотъ вопросъ. Бѣніе сердца довело ее до дурноты. Она подошла къ отворенному окну.

Въ эту минуту, у садовой двери раздался звонокъ. Подозрѣвая всѣхъ и все, она испугалась при мысли что ее увидятъ, и спряталась за занавѣску.

Вошелъ слуга въ дивреѣ, съ письмомъ въ рукахъ. Проходя подъ окномъ Анны, онъ сказалъ служанкѣ:

— Я отъ леди Гольчестеръ. Мнѣ надо видѣть мистера Дезамена немедленно.

Слуга вошелъ въ домъ. Пробывъ тамъ нѣсколько минутъ, онъ удалился. Еще черезъ нѣсколько минутъ раздался стукъ въ дверь комнаты Анны. Пока Анна колебалась, не рѣшаясь отворить, стукъ повторился, сопровождаемый нѣмымъ бормотаніемъ Есэири Дезриджъ. Анна отворила дверь.

Есэирь внесла завтракъ и указала на письмо, лежащее между другими вещами на столѣ. Оно было адресовано Аннѣ, рукой Джофри, и заключалось въ слѣдующихъ словахъ:

„Мой отецъ умеръ вчера. Закажите себѣ трауръ письменно. Я пошлю вашу записку съ мальчикомъ. Вамъ не надо вѣхать въ Лондонъ. Кто-нибудь придетъ сюда изъ магазина.“

Анна опустила письмо на колѣни, не поднимая съ него глазъ. Въ ту же минуту предъ ея глазами очутилась доска Есэиря Дезриджъ съ слѣдующими словами:

„Сегодня придетъ сюда его мать. Его брату телеграфировали въ Шотландію. Вчера вечеромъ онъ былъ пьянъ. Теперь опять пьетъ. Я знаю къ чему это ведетъ. Берегитесь сударыня, берегитесь!“

Анна сдѣлала ей знакъ выйти изъ комнаты. Есэирь вышла, но не затворила за собой дверь.

У садовой двери раздался опять звонокъ. Анна подошла къ окну. Въ этотъ разъ вошелъ мальчикъ, явившійся за дневными приказаніями. Вслѣдъ за нимъ вошелъ почтальйонъ. Минуту спустя, Анна услышала голосъ Джофри и его тяжелые шаги на лѣстницѣ. Она подбѣжала къ двери, чтобы запереть ее, но было уже поздно.

— Письмо къ вамъ, сказалъ онъ, не переступая за порогъ комнаты.—Я не хочу насиловать вашихъ чувствъ, но желалъ бы знать отъ кого оно.

— Отъ Бланки, отвѣчала она, взглянувъ на адресъ.

Онъ загородилъ дверь ногой и ждалъ пока она читала письмо Бланки.

— Можно мнѣ взглянуть? спросилъ онъ, протягивая руку за письмомъ, когда она кончила.

Въ прежнее время самолюбіе Анны возстало бы противъ такого требованія, но теперь оно замерло. Она отдала ему письмо.

Письмо было очень коротко. Исключая нѣсколькихъ краткихъ изъявленій любви, въ немъ передавалась только цѣль для которой оно было написано. Бланка писала что намѣреваясь пріѣхать къ Аннѣ въ этотъ день послѣ полудня, въ сопровожденіи дяди, она сочла нужнымъ предупредить ее объ этомъ, чтобы застать дома. Въ этомъ состояло все письмо, написанное очевидно подъ руководствомъ сэръ-Патрика.

Джофри отдалъ письмо и, подумавъ немного, сказалъ:

— Вчера умеръ мой отецъ. Жена моя не должна принимать

гостей до похоронъ. Я не хочу насиловать вашихъ чувствъ, но не долущу сюда никакихъ посѣтителей, исключая моего семейства, до похоронъ. Пришлите ввнзъ записку. Мальчикъ отвесетъ ее вашей подругѣ, когда пойдетъ въ Лондонъ.

Съ этими словами онъ ушелъ.

Слова о жизненныхъ приличіяхъ, въ устахъ Джофри Деламена, могли означать одно изъ двухъ: они были или грубой насмѣшкой, или были сказаны съ какой-нибудь посторонней цѣлью. Не хочетъ ли онъ воспользоваться смертью своего отца какъ предлогомъ лишить свою жену всякихъ сообщеній съ вѣншимъ міромъ? Нѣтъ ли у него причинъ еще не обнаружившихся, по которымъ онъ боится позволить женѣ повидаться съ друзьями?

Черезъ часъ вошла олять Есѳиръ Дезриджъ чтобы сказать что мальчикъ ждетъ распоряженія Анны о траурѣ и отвѣта къ мистрисъ Бриквортъ.

Анна написала и то и другое. Когда она кончила, предъ ея глазами появилась олять ужасная доска, со словами безучаотнаго предостереженія. Анна прочла:

„Онъ залеръ дверь сада. Когда кто-нибудь позвонитъ, надо идти къ нему за ключомъ. Онъ писалъ къ женщинѣ. На адресѣ было написано: „мистрисъ Гленармъ“. Олять пьетъ водку. Точь-въ-точь мой мужъ. Берегитесь.“

Единственный выходъ изъ высокихъ стѣнъ залерть. Запрещено видѣться съ друзьями. Однокое заключеніе съ мужемъ тюремщикомъ. И все это началось въ первые сутки ея пріѣзда къ нему. Что же будетъ дальше?

Она подошла машинально къ окну. Видъ вѣшняго міра и проѣхавшаго по дорогѣ экилажа ободрилъ ее немного.

Мальчикъ вышелъ въ передній садъ, отправляясь съ порученіями въ Лондонъ. Джофри шелъ за нимъ чтобы отпереть ему дверь. Выпустивъ его, онъ крикнулъ ему вслѣдъ:

— Не забудь о книгахъ!

О книгахъ? О какихъ книгахъ? Для кого? Все необъяснимое пугало телерь Анну. Книги не выходили у нея изъ ума въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

Онъ залеръ дверь и вернулся назадъ. Подъ окномъ Анны онъ остановился и позвалъ ее. Она показалаь.

— Если хотите погулять, сказалъ онъ,—задній садъ къ вашимъ услугамъ.

Онъ положилъ ключъ въ карманъ и вошелъ въ домъ.

Послѣ нѣкотораго колебанія, Анна рѣшилась воспользоваться его предложеніемъ. Сидѣть въ четырехъ стѣнахъ спальни, при ея тревожномъ душевномъ состояніи, было рѣшительно невыносимо. Если подъ любезнымъ предложеніемъ Джофри скрывается какая-нибудь хитрость, лучше прямо узнать въ чемъ она состоитъ, чѣмъ ломать голову, отгадывая. Она надѣла шляпку и вышла въ садъ.

Не случилось ничего особеннаго. Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ не показывался. Анна ходила взадъ и впередъ по самой отдаленной отъ окна столовой части сада. Женщина не могла и думать бѣжать изъ этого мѣста. Не говоря уже о высотѣ стѣны, вершина ея была покрыта густымъ слоемъ битого стекла. Маленькая задняя дверь въ углу (сдѣланная вѣроятно для садовника) была залерта и ключъ вынуть. Садъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ огородами, вблизи не было ни одного дома. Въ девятнадцатомъ столѣтіи, близъ большой столицы, Анна была такъ разобщена съ человѣчествомъ какъ еслбы лежала въ могилѣ.

Черезъ полчаса окружающая тишина была прервана стукомъ экипажа на дорогѣ и звонкомъ у садовой двери. Анна подошла къ задней стѣнѣ дома, рѣшившись поговорить съ посѣтителемъ, кто бы ни былъ посѣтитель, если представится возможность.

Она услышала голоса въ столовой, чрезъ отворенное окно, голосъ Джофри и голосъ незнакомой женщины. Кто она? Конечно не мистрисъ Гленармъ. Нѣсколько минутъ спустя, голосъ посѣтительницы возвысился. „Гдѣ она? Я хочу ее видѣть.“ Услыхавъ эти слова, Анна подошла къ задней двери дома, и увидала предъ собой незнакомую даму.

— Вы жена моего сына? спросила она.

— Я лѣвница вашего сына, отвѣчала Анна.

Блѣдное лицо леди Гольчестеръ поблѣднѣло еще болѣе. Отвѣтъ Анны подтвердилъ подозрѣніе возникшее въ умѣ матери во время свиданія съ сыномъ.

— Чтѣ вы хотите сказать? спросила она шепотомъ.

Въ столовой слышались тяжелые шаги Джофри. Объяснять не было времени.

— Передайте моимъ друзьямъ то чтѣ я сейчасъ сказала вамъ, шелнула она.

Джофри вышелъ изъ столовой.

— Назовите кого-нибудь изъ вашихъ друзей, сказала леди Гольчестеръ.

— Сэръ-Патрикъ Лунди.

Джофри услыхалъ отвѣтъ.

— Что такое сэръ-Патрикъ Лунди? спросилъ онъ.

— Мнѣ надо свидѣться съ сэръ-Патрикомъ Лунди, отвѣчала мать. — Я спрашиваю у вашей жены его адресъ.

Анна поняла что леди Гольчестеръ намѣрена посоветоваться съ сэръ-Патрикомъ Лунди, и сказала ей его лондонскій адресъ. Леди Гольчестеръ повернулась и хотѣла выйти, но Джофри остановилъ ее.

— Позвольте мнѣ объяснить, сказалъ онъ, — прежде чѣмъ вы увидите. — Матушка, продолжалъ онъ обратившись къ Аннѣ, — думаетъ что мы съ вами не можемъ жить мирно. Не угодно ли вамъ засвидѣтельствовать правду. Что сказалъ я вамъ сегодня предъ завтракомъ? Сказалъ я что постараюсь быть хорошимъ мужемъ? Сказалъ я, въ присутствіи хозяйки, что хочу помириться съ вами?

Онъ ждалъ пока Анна отвѣтила утвердительно, и обратилась потомъ къ матери:

— Слышите? Что вы на это скажете?

Леди Гольчестеръ не сказала ему ничего.

— Вы увидите меня или получите отъ меня какое-нибудь извѣстіе сегодня вечеромъ, сказала она Аннѣ.

Джофри повторилъ свой вопросъ. Мать взглянула на него. Онъ опустилъ глаза предъ ея взглядомъ. Она кивнула величественно Аннѣ, и опустила вуаль. Сынъ проводилъ ее до садовой двери.

Анна вернулась въ свою комнату, ободренная первою надеждой. „Мать его встревожилась,“ подумала она. „Это поведетъ къ какой-нибудь перемѣнѣ.“

Перемѣна произошла вечеромъ.

Г Л А В А L I.

Предложеніе.

На закатѣ солнца, предъ садовою дверью остановилась карета леди Гольчестеръ.

Въ каретѣ сидѣли трое: леди Гольчестеръ, ея старшій сынъ (теперь лордъ Гольчестеръ) и сэръ-Патрикъ Лунди.

— Вы останетесь въ каретѣ, сэръ-Патрикъ, или войдете? спросилъ Юлія.

— Я останусь. Если вы найдете что мое вмѣшательство можетъ принести ей хоть малѣйшую пользу, пришлите за мной немедленно. Предложите условіе о которомъ я говорилъ вамъ. Это единственное средство вывѣдать намѣренія вашего брата.

На первый звонокъ слуги не послѣдовало никакого отвѣта. Онъ позвонилъ олять. Леди Гольчестеръ обратилась съ вопросомъ къ сэръ-Патрику:

— Не поручите ли вы мнѣ передать что-нибудь отъ васъ женѣ моего сына, если мнѣ удастся переговорить съ нею наединѣ? спросила она.

Сэръ-Патрикъ вынулъ записочку.

— Если вы такъ добры, передайте ей это.

Въ эту минуту служанка отворила дверь. Леди Гольчестеръ взяла записочку.

— Если я могу принести ей хоть малѣйшую пользу, прибавилъ сэръ-Патрикъ съ жаромъ,—пришлите за мной немедленно. Не думайте о томъ какъ приметъ меня мистеръ Деламенъ.

Юлія и мать его ввели въ гостиную. Служанка сказала имъ что баринъ отправился на верхъ отдохнуть, но что онъ сойдетъ къ нимъ немедленно.

Какъ мать, такъ и сынъ были слишкомъ взволнованы чтобы говорить. Юлія ходилъ тревожно по комнатѣ. Вниманіе его остановилось на грязныхъ, истрепанныхъ книгахъ, лежавшихъ на столѣ, въ углу. Въ одной изъ нихъ былъ вложенъ листокъ, съ надписью: „Отъ мистера Перри, съ глубокимъ почтеніемъ“. Юлія открылъ книгу. Это былъ ужасный народный сборникъ англійскихъ уголовныхъ процессовъ, извѣстный подъ названіемъ *Ньюгетскаго Календаря*. Юлія показалъ его матери.

— Литературный вкусъ Джоффри, сказалъ онъ съ улыбкой. Леди Гольчестеръ отвернулась отъ книги.

— Ты, кажется, видѣлъ жену Джоффри? спросила она.

Въ ея тонѣ, когда она говорила объ Аннѣ, не было уже презрѣнія. Впечатлѣніе вынесенное ею изъ утренняго визита къ сыну заставило ее смотрѣть на отношенія Джоффри къ его женѣ какъ на очень серьезное семейное затрудненіе. Анна была еще въ ея глазахъ женщиной которую слѣдовало не любить (за мистрисъ Гленармъ), но къ которой нельзя уже было относиться съ презрѣніемъ.

— Я видѣлъ ее когда она прѣвѣжала въ Свагавенъ, отвѣчалъ Юлій,—и согласенъ съ сэръ-Патрикомъ что она очень симпатичная особа.

— Что говорилъ тебѣ сэръ-Патрикъ о Джофри, когда меня не было въ комнатѣ?

— То же самое что онъ говорилъ вамъ. По его мнѣнью, ихъ положеніе относительно другъ друга очень плачевно. Онъ думаетъ что мы имѣемъ серіозныя причины вмѣшаться немедленно.

— Мнѣніе сэръ-Патрика заходитъ далѣе, Юлій.

— Такъ онъ не высказалъ его.

— Развѣ онъ можетъ высказать его намъ?

Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ Джофри.

Протянувъ ему руку, Юлій взглянулъ на него пристально. Глаза Джофри были налиты кровью, лицо горѣло, дыханіе было тяжело. Видно было что онъ выпилъ лишнее.

— Что это значитъ? обратился онъ къ матери.—Зачѣмъ вы прѣехали опять?

— Юлій хочетъ сдѣлать тебѣ предложеніе, отвѣчала мать,—которое я одобряю. Я прѣехала узнать какъ ты примешь его.

Джофри обратился къ брату:

— Что можетъ быть общаго между такимъ богачомъ какъ ты и такимъ нищимъ какъ я? спросилъ онъ.

— Я хочу отдать тебѣ должное, Джофри, если ты согласенъ принять мое условіе. Матушка говорила тебѣ о завѣщаніи?

— Мнѣ не отказано ни колѣнки. Я этого ожидалъ. Продолжай.

— Ты ошибаешься, въ прибавленіи къ завѣщанію тебѣ отказано хорошее состояніе. Къ несчастію, отецъ умеръ не подписавъ этого прибавленія. Тѣмъ не менѣе я считаю его обязательнымъ для себя. Я готовъ сдѣлать для тебя то же самое что сдѣлалъ бы отецъ, и прошу тебя согласиться взаменъ только на одну уступку.

— На какую?

— Твоя жизнь съ женой, Джофри, очень печальная жизнь.

— Кто это тебѣ сказалъ? Я съ этимъ не согласенъ.

Юлій положилъ съ участіемъ руку на плечо брата.

— Такими вещами нельзя шутить, Джофри, сказалъ онъ.— Твой бракъ несчастіе, въ полномъ значеніи этого слова, какъ для тебя, такъ и для твоей жены. Я прѣехалъ предложить тебѣ разойтись съ ней. Согласись, и состояніе, отка-

занное тебѣ въ неподписанномъ прибавленіи, твое. Чѣмъ ты на это скажешь?

Джофри сбросилъ съ своего плеча руку брата.

— Я говорю—нѣтъ! отвѣчалъ онъ.

Леди Гольчестеръ вступилась въ первый разъ.

— Великодушное предложеніе твоего брата заслуживаетъ лучшаго отвѣта, сказала она.

— А я говорю: нѣтъ, повторилъ Джофри.

Онъ сидѣлъ между ними, опершись руками въ колѣни, непреклонный ни на какіе совѣты.

— Въ твоёмъ положеніи, отказъ просто безуміе, сказалъ Юлій.—Я не принимаю его.

— Какъ хочешь. Я не согласенъ. Я не позволю разлучить меня съ женой. Она останется у меня.

Грубый тонъ его отвѣта привелъ въ негодованіе леди Гольчестеръ.

— Совѣтую тебѣ подумать, сказала она. — Твой отказъ не только страшная неблагодарность относительно твоего брата, онъ внушаетъ подозрѣніе твоей матери. У тебя есть какая-то причина, которую ты скрываешь отъ насъ.

Онъ повернулся къ матери съ такою яростью что Юлій вскочилъ съ мѣста. Въ слѣдующую минуту онъ оломился и опустил глаза въ землю.

— Причина которую я скрываю отъ васъ, повторилъ онъ съ опущенною головою и прерываемымъ дыханіемъ.—Я готовъ провозгласить мою причину на весь Лондонъ. Я люблю ее.

При послѣднихъ словахъ, онъ поднялъ голову. Леди Гольчестеръ отвернулась отъ роднаго сына съ отвращеніемъ. Его поведеніе такъ поражаало ее что ея твердо вкоренившаяся, подъ вліяніемъ мистрисъ Гленармъ, предубѣжденіе противъ Анны поколебалось. Въ эту минуту она положительно жалѣла ее.

— Бѣдная! сказала она.

Джофри принялъ эти слова за обиду.

— Я не допущу чтобы мою жену считали несчастной. Сказавъ это, онъ вышелъ въ корридоръ. — Анна, сойдите сюда, крикнулъ онъ.

Ея легкіе шаги послышались на лѣстницѣ. Она вошла въ комнату. Юлій подошелъ къ ней, взялъ ее руку и удержалъ въ своей.

— У насъ здѣсь семейное совѣщаніе, сказалъ онъ, стараясь ободрить ее. — Джоффри по обыкновенію горчился.

Джоффри обратился къ матери.

— Взгляните на нее, сказалъ онъ.—Развѣ она изморена голодомъ? Развѣ она въ лохмотьяхъ? Развѣ она покрыта синяками? Онъ обратился къ Аннѣ: — Они пріѣхали сюда предложить мнѣ разойтись съ вами. Они думаютъ что я ненавижу васъ! Развѣ я ненавижу васъ? Я христіанинъ. Я обязанъ вамъ тѣмъ что исключенъ изъ завѣщанія моего отца. Я прощаю вамъ это. Я обязанъ вамъ что не могу жениться на женщинѣ съ десятью тысячами годового дохода. Я вамъ и это прощаю. Я не такой человекъ чтобы дѣлать что-нибудь въ половину. Я сказалъ что постараюсь быть вамъ хорошимъ мужемъ. Я сказалъ что хочу помириться съ вами. Я держусь моего слова. И чѣмъ же мнѣ платять за это? Меня оскорбляютъ. Мать моя и братъ мой пріѣхали сюда и предлагаютъ мнѣ деньги за то чтобъ я оставилъ васъ. Къ чорту деньги! Я не хочу одолажаться. Я сумѣю найти себѣ средства къ существованію. Стыдъ людямъ которые хотятъ разлучить мужа и жену. Стыдъ! Я говорю—стыдъ!

Анна отвернулась отъ своего мужа, и взглянула вопросительно на его мать.

— Развѣ вы предлагали ему разойтись со мной? спросила она.

— Да, на условіяхъ очень выгодныхъ для него. Мы позаботились бы и о васъ. Имѣете вы противъ этого что-нибудь?

— О, леди Гольчестеръ! Развѣ объ этомъ можно спрашивать? Что же онъ?

— Онъ отказался.

— Отказался!

— Да, сказалъ Джоффри.—Я не отступаю отъ своего слова. Я намѣренъ сдержать обѣщаніе которое далъ вамъ сегодня утромъ. Я постараюсь быть для васъ хорошимъ мужемъ. Я хочу помириться съ вами. Онъ остановился, и потомъ прибавилъ свою новоизобрѣтенную причину:—я люблю васъ.

Глаза ихъ встрѣтились, когда онъ произнесъ эти слова. Анна схватила руку Юлія. Отчаянное пожатіе ея слабыхъ, холодныхъ пальцевъ, умоляющій взглядъ ея блѣднаго, выразительнаго лица сказали ему какъ бы словами: не оставляйте меня беззащитною на ночь.

— Если вы будете сидѣть здѣсь до разсвѣта, оказалъ Джо-

фри,—вамъ не добигся отъ меня другаго отвѣта. Вы слышали мой отвѣтъ.

Съ этими словами, онъ усялся угрюмо въ уголъ комнаты, ожидая съ торжествующимъ видомъ отвѣзда матери и брата.

Положеніе было очень серьезно. Разсуждать съ нимъ въ этотъ вечеръ было, очевидно, бесполезно. Внимательство сэр-Патрика не привнесло бы также никакой пользы, напротивъ, раздражило бы еще болѣе всю дикую натуру Джофри, и вызвало бы его къ новой вспышкѣ. Съ другой стороны, оставить несчастную женщину, не сдѣлавъ еще попытки защитить ее, было бы безчеловѣчно. Благородный, великодушный Юлій могъ придумать только одинъ выходъ изъ труднаго положенія.

— Сегодня мы не будемъ болѣе говорить объ этомъ, Джофри, сказалъ онъ.—Тѣмъ не менѣе я намѣренъ завтра утромъ возобновить предложеніе. Я былъ бы избавленъ отъ потери времени на вторичную поѣздку сюда завтра утромъ, еслибы могъ переночевать здѣсь. Не можешь ли ты дать мнѣ постель?

Анна однимъ взглядомъ отблагодарила его такъ какъ не могла бы отблагодарить никакими словами.

— Дать тебѣ постель? повторилъ Джофри.

Онъ хотѣлъ отказать, но не рѣшился. Мать смотрѣла на него, и жена смотрѣла на него, а жена знала что на верху есть свободная комната.

— Хорошо, сказалъ онъ другимъ тономъ, взглянувъ на мать.—На верху есть пустая комната. Почуй въ ней если хочешь. Завтра ты увидишь что мое рѣшеніе непоколебимо. Оставайся здѣсь, если тебѣ пришла такая фантазія. Мнѣ все равно.

— Вы не боитесь оставить его свѣтлость подъ моею кровлей? обратился онъ къ матери.—Вѣдь у меня можетъ-быть есть причина которую я скрываю отъ васъ.

Не дождавшись отвѣта, онъ обратился къ Аннѣ.

— Скажите нѣмой старухѣ чтобъ она приготовила постель. Скажите что у насъ ночуетъ живой лордъ, чтобъ она присла-ла къ ужину чего-нибудь чертовски хорошаго.

Онъ разразился неестественнымъ хохотомъ. Леди Гольчестеръ встала, когда Анна повернулась чтобы выйти изъ комнаты.

— Меня не будетъ здѣсь когда вы вернетесь, сказала она.—Позвольте мнѣ проститься съ вами.

Она положила Аннѣ руку, и передала ей незамѣтно записоч-

ку сэръ-Патрика. Анна ушла. Не сказавъ ни слова младшему сыну, леди Гольчестеръ взяла подъ руку Юлія.

— Ты дѣйствовалъ благородно, сказала она ему. — Ты мое единственное утѣшеніе, и моя единственная надежда, Юлія.

Они вышли вмѣстѣ въ садъ; Джофри слѣдовалъ за ними съ ключомъ.

— Не безлокойтесь очень, шепнулъ Юлія матери. — Я не дамъ ему пить сегодня, и привезу вамъ завтра утѣшительное извѣстіе. Разкажите все сэръ-Патрику.

Онъ посадилъ леди Гольчестеръ въ карету и вернулся въ садъ. Джофри залеръ дверь.

Братья возвратились молча въ домъ. Юлія скрывалъ это отъ матери, но въ душѣ онъ былъ очень встревоженъ. Склонный отъ природы видѣть вещи съ лучшей стороны, онъ не могъ найти никакой уважительной причины въ оправданіе поведенія Джофри. Юлія пришелъ къ убѣжденію что братъ въ своихъ отношеніяхъ съ женой играетъ обдуманную роль съ какою-нибудь ужасною цѣлью. Въ первый разъ онъ видѣлъ что деньги не стоятъ на первомъ планѣ у Джофри.

Они вошли опять въ гостиную.

— Что ты будешь пить? спросилъ Джофри.

— Ничего.

— Ты не выльешь со мной для компаніи стакана водки?

— Нѣтъ. Ты выпилъ уже слишкомъ достаточно.

Посмотрѣвъ на себя внимательно въ зеркало, Джофри неожиданно согласился съ братомъ.

— Ты правъ, сказалъ онъ. — Это скоро пройдетъ.

Онъ вышелъ, и вернулся съ мокрымъ полотенцемъ на головѣ.

— Что ты будешь дѣлать пока тебѣ будутъ готовить постель? Что касается до меня, я началъ развивать свой умъ. Я, какъ тебѣ извѣстно, очень измѣнился съ тѣхъ поръ какъ сталъ женатымъ человѣкомъ.

Онъ повернулся къ боковому столу и, взявъ съ него томы *Ньюгетскаго Календаря*, протянулъ одинъ изъ нихъ Юлію. Юлія взглянулъ и отдалъ его назадъ.

— Такими книгами ты не разовьешь своего ума, сказалъ онъ. — Дурные поступки, переданные дурнымъ языкомъ. дурное чтеніе, Джофри, въ полномъ значеніи этого слова.

— Для меня и это хорошо. Я не могу отличить хорошаго языка отъ дурнаго.

Съ этимъ откровеннымъ признаніемъ, подъ которымъ могло

бы подлизаться значительное большинство его школьныхъ и университетскихъ товарищей, не оказавъ ни малѣйшей несправедливости современному англійскому воспитанію, Джофри придвинулъ стулъ къ столу и открылъ одинъ изъ томовъ сборника преступленій.

На диванѣ лежала вечерняя газета. Юлій взялъ ее и сѣлъ противъ брата. Онъ замѣтилъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ что книга имѣла, очевидно, для Джофри особый интересъ. Въмѣсто того чтобы начать читать, онъ перелистывалъ ее, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загибалъ страницы. Еслибъ Юлій смотрѣлъ черезъ плечо брата, онъ увидалъ бы что Джофри пропускалъ незначительныя преступленія, а отмѣчалъ для своего чтенія исключительно случаи убійства.

Г Л А В А LII.

Видѣніе.

Около двѣнадцати часовъ ночи Анна услышала голосъ служанки, просившей позволенія войти къ ней.

— Что такое?

— Джентльменъ желаетъ поговорить съ вами, сударыня.

— Братъ мистера Деламена?

— Да.

— А мистеръ Деламенъ гдѣ?

— Въ саду, сударыня.

Анна сошла внизъ. Юлій былъ одинъ въ гостиной.

— Извините что я беспокою васъ, сказалъ онъ.—Джофри кажется боленъ. Хозяйка легла, а я не знаю гдѣ здѣсь можно найти доктора. Не знаете ли вы какого-нибудь доктора въ сосѣдствѣ?

Анна, какъ и Юлій, не знала никакого въ сосѣдствѣ. Она предложила спросить у служанки. Оказалось что служанка знаетъ доктора который живетъ въ десяти минутахъ ходьбы отъ ихъ дома. Она разказала какъ найти его, но сама отказалась сходить за нимъ въ такую позднюю пору и въ такомъ уединенномъ мѣстѣ.

— Онъ серьезно боленъ? спросила Анна.

— Онъ находится въ состояніи такого нервнаго раздраженія, отвѣчалъ Юлій,—что не можетъ побыть спокойно двухъ

минуть сряду на одномъ мѣстѣ. Это началось когда онъ читалъ здѣсь. Я уговорилъ его лечь въ постель. Онъ не могъ пролежать спокойно ни минуты, и сошелъ опять внизъ въ лихорадочномъ волненіи. Какъ я его ни удерживалъ, онъ ушелъ въ садъ, „пробѣгаться“, какъ онъ говоритъ. По моему мнѣнію, это очень серьезно. Пойдемте, судите сами.

Онъ провелъ Анну въ другую комнату и отворилъ ставень.

Облака разсыпались; была свѣтлая ночь. При свѣтѣ звѣздъ они увидали Джофри бѣгавшаго, въ одномъ бѣльѣ, вокругъ сада. Онъ, повидимому, воображалъ себя состязающимся на фульгамскомъ бѣгѣ. „Ура Югу!“, восклицалъ онъ по временамъ. Его замедляющіеся шаги, дыханіе становившееся все прерывистѣе и прерывистѣе, показывали, когда онъ пробѣгалъ мимо окна, что сила его начинаетъ истощаться. Истощеніе заставитъ его вернуться домой, если не поведетъ къ худшимъ послѣдствіямъ. Но кто знаетъ къ какимъ это поведетъ послѣдствіямъ безъ медицинской помощи?

— Я схожу за докторомъ, сказалъ Юлій,—если вы позволите мнѣ оставить васъ.

Анна не могла возражать противъ очевидной необходимости. Они нашли ключъ отъ садовой двери въ карманѣ куртка Джофри. Анна вышла проводить Юлія и запереть дверь.

— Какъ мнѣ благодарить васъ, сказала она.—Что было бы со мною безъ васъ?

— Я постараюсь вернуться какъ можно скорѣе, отвѣчалъ онъ.

Анна заперла дверь и вернулась въ домъ. Служанка встрѣтила ее у входа и предложила разбудить хозяйку.

— Почему знать что можетъ придти въ голову барину, пока его брата нѣтъ, сказала дѣвушка.—Чѣмъ больше, тѣмъ лучше, когда въ домѣ однѣ женщины.

— Вы правы, сказала Анна.—Разбудите хозяйку.

Взойдя на верхъ, она посмотрѣла въ садъ чрезъ окно въ концѣ корридора. Джофри все еще бѣгалъ вокругъ сада, но уже гораздо медленнѣе, почти шагомъ.

Анна вошла въ свою комнату, и остановилась у отворенной двери, готовая затворить ее при первомъ намека на опасность. „Какъ я измѣнилась, подумала она.—Я всего боюсь теперь“.

Заключеніе очень естественное, но несправедливое. Не она измѣнилась, а ея положеніе. Во время сѣдствія въ домѣ еди Лунди, ея положеніе было испытаніемъ для ея нравственнаго мужества. Оно требовало отъ нея одного изъ тѣхъ подвиговъ самопожертвованія на которые такъ способны женщины. Ея положеніе у мужа было испытаніемъ для ея физическаго мужества: оно заставило ее подняться выше страха физической опасности угрожавшей ей. Этого испытанія не выдержала женская природа; тутъ ее не поддерживала сила любви; тутъ заговорилъ инстинктъ самосохраненія. Ей недоставало твердости мужчины.

Есѣуръ Дезриджъ отворила свою дверь и прошла прямо въ комнату Анны.

На ея желтомъ, безцвѣтномъ лицѣ появился слабый румянецъ; сквозь его мертвое спокойствіе проглядывала жизнь. Каменные глаза, неподвижные какъ всегда, сіяли страннымъ внутреннимъ блескомъ. Ея сѣдые волосы, всегда такъ тщательно приглаженные, лежали въ беспорядкѣ подъ челчикомъ. Всѣ ея движенія сдѣлались живѣе. Что-то пробудило дремающую жизненность этой женщины, дѣйствовало на ея умъ, проглядывало въ ея лицѣ. Въ былое время, виндигетская прислуга, замѣчая эти признаки, принимала ихъ за предостереженіе, и отдалялась отъ Есѣури.

Анна спросила ее слышала ли она что случилось.

Она кивнула головой.

— Надѣюсь, вы не сердитесь что васъ разбудили?

Она написала на доскѣ: „Я рада что меня разбудили. Я видѣла неприятный сонъ. Мнѣ полезно просыпаться когда я возвращаюсь во снѣ къ моей прошлой жизни. Что съ вами? Бойтесь?“

— Да.

Она написала еще вопросъ и указала рукой на садъ, протягивая Аннѣ доску.

„Бойтесь его?“

— Ужасно боюсь.

Она написала еще нѣсколько строкъ и показала ихъ Аннѣ съ ужасною улыбкой.

„Я все это пережила сама. Я знаю. Вы еще только при началѣ. Онъ покроетъ лицо ваше морщинами и голову сѣдиной. Придетъ время, когда вы будете желать смерти. Тѣмъ не менѣе вы все это переживете. Посмотрите на меня.“

Читая послѣднія три слова, Анна услышала стукъ двери внизу. Она схватила руку Есѳери Дезриджъ и начала прислушиваться. Внизу слышались тяжелые шаги Джофри, приближавшіеся къ лѣстницѣ. Онъ говорилъ самъ съ собою, все еще воображая себя на бѣгѣ: „Пять противъ четырехъ за Деламена. Деламень выигралъ. Троекратное ура Югу, и опять ура! Чертовски длинный бѣгъ. Ужъ ночь! Перри! Гдѣ же Перри?“

Онъ шель, шатаясь, по корридору. Нижнія ступени лѣстницы затрепали подъ его ногами. Есѳерь отняла свою руку у Анны, вышла со свѣчей въ корридоръ, отворила дверь спальни Джофри, вернулась назадъ и остановилась твердая какъ утесъ на верху лѣстницы, дожидаясь его. Увидавъ ее, онъ мгновенно остановился. „Колдунья! Вѣдьма! Дьяволь!“ крикнулъ онъ. „Не смотри на меня своими глазами!“ Онъ погрозилъ ей съ яростью кулакомъ, сбѣжалъ съ лѣстницы и спрятался отъ нея въ столовую. Паническій страхъ который онъ испытывалъ уже разъ въ виндигетскомъ огородѣ, подъ взглядомъ нѣмой кухарки, овладѣлъ имъ опять. Онъ боялся, буквально боялся Есѳери Дезриджъ.

Раздался звонокъ у садовой двери. Юлій вернулся съ докторомъ.

Анна отдала служанкѣ ключъ отъ садовой двери. Есѳерь написала на доскѣ съ такимъ спокойнымъ видомъ, будто ничего не случилось: „они найдутъ меня въ кухнѣ, если я понадоблюсь имъ. Я не вернусь въ мою спальню. Моя спальня полна ужасными снами“, и сошла внизъ. Анна ждала на верху лѣстницы, смотря въ нижній корридоръ.

— Вашъ братъ въ столовой, сказала она Юлію. — Хозяйку вы найдете въ кухнѣ, если она понадобится вамъ.

Она вернулась въ свою комнату и ждала что будетъ дальше.

Послѣ краткаго промежутка, она услышала стукъ двери и голоса мужчинъ внизу. Они уговаривали Джофри взойти на верхъ. Онъ не соглашался, говоря что Есѳерь Дезриджъ ждетъ его на верху лѣстницы. Они увѣрили его что Есѳерь Дезриджъ ушла. Анна слышала какъ они поднялись на лѣстницу и затворили за собою дверь спальни Джофри.

Протешъ другой, болѣе длинный промежутокъ, прежде чѣмъ дверь спальни отворилась опять. Докторъ уходилъ. Въ корридорѣ онъ сказалъ Юлію:

— Наблюдайте за нимъ въ продолженіе ночи, и дайте ему

второй приемъ успокоительной микстуры если онъ проснется. Его безпокойство и лихорадочное состояніе сами по себѣ не опасны, но они признакъ очень серьезнаго внутренняго расстройства. Пригласите доктора который лѣчилъ его въ послѣдній разъ. Знакомство съ организмомъ больного очень важно въ настоящемъ случаѣ.

Когда Юлій вернулся, проводивъ доктора, Анна встрѣтила его въ корридорѣ. Она была поражена его измученнымъ лицомъ и усталостью выражавшеюся въ его движеніяхъ.

— Вамъ надо отдохнуть, сказала она.—Идите въ вашу комнату. Я слышала что сказалъ вамъ докторъ. Предоставьте хозяйкѣ и мнѣ наблюдать за нимъ.

Юлій признался что не спалъ прошлую ночь, находясь въ дорогѣ, но не согласился сложить съ себя обязанность ухаживать за братомъ.

— Вы слишкомъ слабы чтобы занять мое мѣсто, сказалъ онъ съ участіемъ.— А хозяйка приводитъ Джофри въ какой-то безотчетный ужасъ, и я боюсь за послѣдствія, если онъ увидитъ ее въ его теперешнемъ состояніи. Я полежу немного въ моей комнатѣ. Если вы услышите что-нибудь, подойдите къ моей двери и позовите меня.

Прошелъ еще часъ.

Анна подошла къ двери Джофри и прислушалась. Онъ ворочался и говорилъ что-то. Она подошла къ двери сосѣдней комнаты, которую Юлій оставилъ полуотворенною. Усталость пересилила его. Анна услышала ровное дыханіе крѣпко спящаго человѣка. Она отошла отъ двери, не рѣшившись разбудить его.

На верху лѣстницы она остановилась, не зная что дѣлать. Одна мысль войти одной въ комнату Джофри наводила на нее непреодолимый ужасъ. Но кто же войдетъ? Причина по которой Юлій не хотѣлъ чтобъ Есеиръ входила въ комнату Джофри, была неоспорима. Она прислушалась опять у двери Джофри. Изъ комнаты въ корридоръ не доносилось ни малѣйшаго звука. Не заглянуть, ли чтобъ убѣдиться что онъ заснулъ. Въ эту минуту, когда она колебалась, не рѣшаясь войти, Есеиръ вышла изъ кухни.

Она поднялась на лѣстницу, подошла къ Аннѣ, посмотрѣла на нее и написала на доскѣ:

„Боишься войти? Предоставьте это мнѣ“.

Тишина въ комнатѣ оправдывала предположеніе что онъ

слить. Есеири не принесетъ ему никакого вреда если войдетъ, подумала Анна, и приняла предложеніе.

— Взгляните на него, и если найдете что надо сдѣлать что-нибудь, не беспокойте его брата. Позовите сначала меня.

Съ этимъ предостереженіемъ она ушла въ свою комнату. Было около двухъ часовъ. Она, какъ и Юлиі, изнемогала отъ усталости. Подождая немного и не услышавъ ничего, она легла на диванъ. Если что-нибудь случится, стукъ въ дверь разбудитъ ее мгновенно.

Между тѣмъ Есеири Дезриджъ отворила дверь спальни Джофри.

Когда Анна слышала что онъ ворочался и говорилъ, онъ ворочался и говорилъ во снѣ. Успокоительная микстура доктора произвела свое дѣйствіе на его мозгъ. Онъ спалъ крѣпкимъ, спокойнымъ сномъ.

Есеири остановилась у двери и посмотрѣла на него. Она сдѣлала уже шагъ назадъ чтобы выйти, но вдругъ остановилась и устремила взглядъ въ уголъ комнаты.

Такая же страшная перемена какая произошла съ ней однажды въ присутствіи Джофри, когда она говорила съ нимъ въ первый разъ въ Виндигетсѣ, произошла въ ней и теперь. Губы ея раскрылись. Глаза медленно расширились, отвернулись понемногу отъ угла, слѣдя за чѣмъ-то вдоль пустой стѣны, остановились надъ изголовьемъ постели, прямо надъ головой спящаго Джофри, и смотрѣли неподвижнымъ, полнымъ ужаса взглядомъ, какъ будто бы видѣли какое-то страшное зрѣлище.

Онъ тихо вздохнулъ во снѣ. Какъ ни былъ слабъ звукъ, онъ вывелъ ее изъ забытья. Она медленно подняла руки, схватилась за голову, выбѣжала въ корридоръ, вбѣжала въ свою комнату и упала на колѣни у изголовья своей кровати.

Въ тишинѣ и во мракѣ ночи обнаружилась ужасная тайна.

Въ святилищѣ своей комнаты, когда всѣ окружавшіе ее обитатели дома спали, нѣмая женщина сбросила съ себя таинственное, ужасное притворство, которымъ она уединяла себя, среди своихъ ближнихъ въ часы дня. Есеири Дезриджъ заговорила. Она молилась, тихимъ, задыхающимся голосомъ, страстными словами. Она молила Бога избавить ее отъ нея самой, отъ власти дьявола, поразить ее слѣпотой, послать ей смерть, чтобы не видать больше безыменнаго ужаса. Рыданія потрясали тѣло каменной женщины, которую въ другое время не трогало ничто человѣческое. Слезы лились по ея холоднымъ

щекамъ. Она дрожала съ головы до ногъ. Вдругъ она вскочила во мракъ. Свѣту! Свѣту! Свѣту! Безымянный ужасъ стоялъ позади нея въ его комнатѣ. Безымянный ужасъ смотрѣлъ на нее чрезъ отворенныя двери. Она нашла коробку со свѣчками, зажгла свѣчу на столѣ, зажгла двѣ свѣчи стоявшія на каминѣ для украшенія, и взглянула на ярко освѣщенную комнату. „Да“, сказала она, стирая холодный потъ съ лица. „Для другихъ свѣчи, а для меня Божій свѣтъ. Ничего невидать! Ничего невидать!“ Взявъ одну изъ свѣчей, она перешла, опустивъ голову, корридоръ, повернулась задомъ къ отворенной двери Джофри, быстро затворила ее протаявutoю назадъ рукой, вернулась въ свою комнату, и залерла дверь. Подумавъ съ минуту, она повѣсила носовой платокъ на замокъ двери и заложила старую шалью щель подъ дверью, для того чтобы кто-нибудь, проснувшись, не замѣтилъ огонь въ ея комнатѣ. Она взяла съ каминна чернильницу и перо, разстегнула платье и вынула изъ секретнаго кармана, пришитаго къ изнанкѣ лифа, аккуратно сложенную тетрадку почтовой бумаги. Вся тетрадь, кромѣ послѣдняго листа, была меако исписана ея рукой.

Первая страница была озаглавлена надписью:

„Моя исповѣдь. Положить въ мой гробъ и зарыть со мною, когда я умру“.

Она положила предъ собою рукопись. На верху послѣдней, почти чистой страницы, было написано нѣсколько строкъ, помѣченныхъ годомъ, мѣсяцемъ и числомъ дня когда леди Лунди отказала ей отъ мѣста. Въ этихъ строкахъ говорилось:

„Сегодня я видѣла его олять. Въ первый разъ послѣ двухъ мѣсяцевъ. Въ огородѣ. Позади за молодымъ джентльменомъ по имени Деламенъ. Сопротивляйся дьяволу, и онъ оставитъ тебя. Я сопротивлялась молитвой; размышленіемъ въ уединеніи; чтеніемъ хорошихъ книгъ; отказалась отъ мѣста; удалась отъ молодаго джентльмена. За кѣмъ оно появится, и на кого укажетъ въ слѣдующій разъ? Боже мой, помилуй меня! Христосъ, помилуй меня!“

Подъ этимъ она прибавила теперь слѣдующія строки, помѣтивъ ихъ числомъ:

„Сегодня ночью видѣла его олять. Замѣчаю ужасную новостъ. Оно явилось второй разъ за однимъ и тѣмъ же человекомъ. Этого никогда не случалось прежде. Это дѣлаетъ искушеніе ужаснѣе. Сегодня ночью я видѣла его олять за молодымъ мистеромъ Деламеномъ, въ его спальнѣ, между изго-

ловьемъ постели и стѣной. Голова прямо надъ его лицомъ, а пальцемъ указывалъ на его горло. Дважды за однимъ человѣкомъ. И никогда дважды до сихъ поръ ни за однимъ живымъ существомъ. Если я увижу за нимъ въ третій разъ, — Боже, избави меня! Христось, избави меня! Онъ завтра же уѣдетъ изъ моего дома. Я едва не отдала назадъ задатокъ, когда незнакомецъ нанялъ мою квартиру для своего друга, и другъ этотъ оказался мистеромъ Деламеномъ. Мнѣ это и тогда не нравилось. Послѣ нынѣшняго предостереженія я рѣшилась. Онъ уѣдетъ. Пусть онъ беретъ назадъ свои деньги, если захочетъ. Онъ уѣдетъ. (Замѣтка: искушеніе было въ этотъ разъ такъ сильно, а ужасъ такъ невыносимъ, какъ никогда прежде. Спротивлялась, какъ всегда, молитвой. Иду телерь внизъ размышлять въ удивеніи, и укрѣпиться хорошими книгами.)“

Этими словами она заключила замѣтку, и спрягала опять рукопись въ секретный карманъ.

Она сошла въ маленькую комнату которая была кабинетомъ ея брата, зажгла лампу и взяла съ полки висѣвшей на стѣнѣ нѣсколько книгъ. Книги были Библія, томъ методистскихъ проповѣдей и нѣсколько томовъ жизнеописаній методистскихъ святыхъ. Разложивъ вокругъ себя книги, въ извѣстномъ ей порядкѣ, и положивъ на колѣни раскрытую Библию, Есфирь Дезриджъ приготовилась провести бессонную ночь.

Г Л А В А XIII.

Лунный свѣтъ на полу.

Что случилось въ часы ночи? было первую мыслью Анны, когда се разбудили яркіе лучи солнца.

Съ этимъ вопросомъ она обратилась немедленно къ служанкѣ. Дѣвушка могла отвѣчать только за себя. Она не слыхала ничего послѣ того какъ ушла въ свою комнату. Она полагала что баринъ провелъ ночь спокойно въ своей комнатѣ. Мистрисъ Дезриджъ работаетъ въ кухнѣ.

Анна сошла въ кухню. Есфирь, какъ всегда, въ эти часы для готовила завтракъ. Признаки слабого возбужденія, которые замѣтила въ ней Анна наканунѣ, когда видѣла ее въ послѣдній разъ, не проявлялись болѣе. Каменные глаза смотрѣли опять тупымъ взглядомъ, движенія были по обыкновенію безжизненны. На вопросъ не случилось ли чего-нибудь ночью,

она покачала медленно головой, и сдѣлала медленный знакъ рукой, означавшій „ничего“.

Анна вышла изъ кухни, и увидавъ въ переднемъ саду Юлія, подошла къ нему.

— Я обязанъ вамъ нѣсколькими часами отдыха, сказалъ онъ. — Надѣюсь что вы не имѣли причины сожалѣть что позволили мнѣ заснуть? Я проснулся въ пять, вошелъ въ комнату Джофри и нашелъ его опять въ безпокойномъ состояніи. Второй приемъ микстуры успокоилъ его. Онъ блѣденъ и слабъ, но въ другихъ отношеніяхъ сдѣлался опять самимъ собой. Мы поговоримъ послѣ объ его здоровьи. Я хочу оказать вамъ о перемѣнѣ которая произойдетъ въ вашей жизни.

— Развѣ онъ согласился разойтись со мной?

— Нѣтъ, въ этомъ отношеніи онъ такъ же непоколебимъ какъ вчера. Я выставлялъ ему мое предложеніе со всѣхъ сторонъ. Онъ отказывается, положительно отказывается принять состояніе, которое обезпечивало бы его на всю жизнь.

— Это состояніе равняется, лордъ Гольчестеръ, тому которое онъ получилъ бы?

— Еслибы женился на мистрисъ Гленармъ? Нѣтъ. Мои обязанности относительно матери, и положеніе въ которое поставила меня смерть отца, не даютъ мнѣ возможности дать ему такое большое состояніе. Тѣмъ не менѣе то которое я предлагаю ему такъ значительно что надо быть сумашедшимъ чтобы не принять его. Я буду настаивать чтобы онъ согласился. Онъ долженъ согласиться, и непременно согласится.

Послѣднія слова не воскресили погибшей надежды Анны. Она заговорила о другомъ.

— Вы хотѣли сказать мнѣ о какой-то перемѣнѣ въ моей жизни, начала она.

— Да. Здѣшняя хозяйка очень странная особа, и сдѣлала очень странный поступокъ. Она отказала Джофри отъ квартиры.

— Отказала! повторила Анна съ изумленіемъ.

— Да. Формальнымъ письмомъ, которое она вручила мнѣ лишь только я всталъ сегодня. Нѣтъ никакой возможности добиться отъ нея какого-нибудь объясненія. Она написала на доскѣ: „лустъ онъ беретъ назадъ свои деньги, если хочеть. Онъ долженъ уѣхать.“ Джофри, къ моему величайшему удивленію (потому что хозяйка ввухила ему къ себѣ сильнѣйшую антипатію), объявилъ что не уѣдетъ отсюда пока не кончится

рокъ найма. Я помирилъ ихъ на нынѣшній день. Мистрисъ (езриджъ позволила ему, хотя очень неохотно, пробить здѣсь ще сутки. На этомъ дѣло пока остановилось.

— Какая у нея можетъ быть причина? сказала Анна.

— Непонятно. Она очевидно не въ полномъ разумѣ. Одно ясно — Джофри не можетъ держать васъ здѣсь долѣе. Наступающая перемѣна освободитъ васъ отъ этого печальнаго мѣста, и это уже шагъ впередъ. Новое мѣсто и новая обстановка, по всей вѣроятности, произведутъ въ Джофри перемѣну къ лучшему. Его поведеніе — необъяснимое иначе — есть можетъ-быть слѣдствіе продолжительнаго нервнаго раздраженія, которое пройдетъ при медицинской помощи. Я не скрываю ни отъ васъ, ни отъ себя что ваше положеніе здѣсь очень печально. Но прежде чѣмъ терять надежду на будущее, посмотримъ не объяснится ли поведеніе моего брата его болѣзненнымъ состояніемъ. Я думалъ о томъ что мнѣ сказалъ вчера докторъ. Прежде всего надо посоветоваться съ лучшимъ докторомъ. Какъ вы полагаете?

— Я не смѣю сказать вамъ, лордъ Гольчестеръ, что я думаю о моемъ положеніи. Я постараюсь, въ благодарность за ваше сочувствіе, смотрѣть на него вашими, а не моими глазами. Что же касается до медицинской помощи, вы не найдете для вашего брата дѣктора лучше мистера Сливелля. Онъ первый замѣтилъ что здоровье вашего брата разстроено.

— Такого человѣка намъ и нужно. Я пришлю его сюда сегодня или завтра. Не могу ли я сдѣлать чего-нибудь для васъ? Я увижу сэръ-Патрика, какъ только пріѣду въ городъ. Не поручите ли вы передать ему что-нибудь?

Анна колебалась. Юлій замѣтилъ что она измѣнилась въ лицѣ, когда онъ заговорилъ о сэръ-Патрикѣ.

— Потрудитесь сказать ему что я благодарю его отъ всей души за письмо которое леди Гольчестеръ была такъ добра, передала мнѣ вчера, отвѣчала она. — И скажите ему что я прошу его не подвергаться изъ-за меня, — она замаялась и кончила фразу опустивъ глаза въ землю, — тому что можетъ случиться если онъ пріѣдетъ сюда повидаться со мною.

— Развѣ онъ намѣренъ повидаться съ вами?

Она опять замаялась. Первое состояніе въ углу рта было замѣтнѣе чѣмъ когда-либо.

— Онъ лишеть что его безпокойство обо мнѣ невыносимо, и что онъ рѣшился повидаться со мною, сказала она тихо.

— Онъ исполнить свое намѣреніе, сказалъ Юлій. — Вчера онъ говорилъ мнѣ о васъ съ восторженнымъ удивленіемъ.

Онъ остановился. На рѣсницахъ Анны блистали слезы. Она нервно мяла рукой что-то спрятанное въ карманѣ платья (можетъ быть письмо сэръ-Патрика).

— И благодарна ему отъ всего сердца, сказала она тихимъ, прерывающимся голосомъ. — Но ему лучше не пріѣзжать сюда.

— Не напшите ли вы ему?

— Нѣтъ, лучше передайте ему все что я сказала вамъ.

Юлій догадался замолчать. Письмо сэръ-Патрика произвело на нее такое впечатаніе въ которомъ ея благородный характеръ не позволялъ ей сознаться даже самой себѣ. Они повернули къ дому. При входѣ они были удивлены неожиданностью. Есофиръ Дезриджъ, въ шляпкѣ, очевидно намѣревалась уйти куда-то.

— Вы уже идете на рынокъ? спросила Анна.

Есофиръ покачала головой.

— Когда вы воротитесь?

— Есофиръ написала на доскѣ: „не ближе вечера“.

И безъ дальнѣйшихъ объясненій, она опустила вуаль и вышла изъ дома. Юлій, выпустивъ ночью доктора, оставилъ ключъ въ столовой. Есофиръ нашла его. Она отперла дверь, и затворила ее за собой, оставивъ ключъ въ замкѣ. Услышавъ стукъ двери, Джофри вышелъ въ корридоръ.

— Гдѣ ключъ? спросилъ онъ. — Кто вышелъ сейчасъ?

Братъ отвѣтилъ ему. 'Джофри посмотрѣлъ подозрительно на Юлія и на Анну.

— Зачѣмъ она ушла такъ рано? спросилъ онъ. — Не забываетъ ли она меня?

Юлій объяснялъ тою же причиной ея поступокъ. Джофри отправился сердито къ двери, залерь ея, и возвратился, положивъ ключъ въ карманъ.

— Необходимо запирать всегда дверь, сказалъ онъ. — Здѣсь проласть нищихъ и бродягъ. Если вы намѣрены отправиться куда-нибудь, прибавилъ онъ насмѣшливо, обратившись къ Аннѣ, — я къ вашимъ услугамъ, какъ подобаетъ хорошему мужу.

Позавтракавъ наскоро, Юлій простился.

— Я не принимаю твоего отказа, сказалъ онъ брату въ присутствіи Анны. — Я пріѣду опять.

Джофри повторилъ настойчиво отказъ:

— Пріѣзжай сюда хоть каждый день въ продолженіи всей твоей жизни, тебѣ не услышать отъ меня другаго отвѣта.

Дверь заперлась за Юліемъ. Анна вернулась въ свою уединенную комнату. Джоффи вошелъ въ гостиную, разложилъ ледъ собой на столѣ томы *Ньюгетскаго Календаря* и принялся за чтеніе къ которому былъ неспособенъ наканунѣ.

Часъ за часомъ онъ переходилъ утрумо отъ одного случая; біблїста къ другому. Онъ прочелъ добрую половину ужасной хромики преступленій прежде чѣмъ вниманіе его утомилось. Когда онъ закурилъ трубку и отправился въ садъ размышлять о прочитанномъ. Какъ ни различилъ во всѣхъ отношеніяхъ преступленія о которыхъ онъ читалъ, всѣ они приводили къ одному ужасному результату: рано или поздно, мергвое тѣло всегда отыскивалось и всегда выдавало, слѣдами ада или насилія, совершенное преступленіе.

Онъ ходилъ медленно по саду, обдумывая вопросъ который задалъ себѣ въ первый разъ когда остановился во мракѣ ночи подъ окномъ Анны. „Какъ?“ Таковъ былъ единственный вопросъ возникшій предъ нимъ съ тѣхъ поръ какъ адвокатъ уничтожилъ его надежду на разводъ. Этотъ вопросъ обладалъ имъ и въ настоящую минуту. Всѣ обстоятельства благоприятствовали ему, еслибы только знать „какъ“. Онъ удержалъ у себя свою ненавидимую жену, благодаря отказу отъ денегъ которыя предлагалъ ему Юлія. Онъ жилъ въ мѣстѣ совершенно уединенномъ, благодаря рѣшенію остаться на квартирѣ хозяйка которой оскорбила его отказомъ. Все было приготовлено, всѣмъ пожертвовано чтобъ имѣть возможность исполнить одно намѣреніе, а какъ исполнить его—оставалось до сихъ поръ непроницаемою тайной.

Не принять ли предложеніе Юлія? Иными словами, не отказаться ли отъ мщенія Анны и отъ блестящей будущности которая была еще возможна благодаря преданности мистрисъ Гленармъ?

Никогда! Надо вернуться къ книгамъ. Малѣйшій намекъ на страницахъ еще не прочитанныхъ можетъ направить неповоротливый умъ на настоящій луть. Еще есть надежда найти средство освободиться отъ нея не возбудивъ подозрѣнія ни въ одномъ живомъ существѣ.

Могъ ли человѣкъ съ его положеніемъ въ жизни разсуждать такъ грубо? Могъ ли онъ поступать такъ безчеловѣчно? Не можетъ быть чтобы въ этотъ разъ его не смутила совѣсть.

Остановитесь на минуту и оглянитесь на его прошлое.

Смутила ли его совѣсть когда онъ замышлялъ въ вандегетскомъ саду обмануть Арнольда? Онъ былъ неспособенъ чувствовать угрызенія совѣсти. Его образъ дѣйствій теперь есть непосредственное слѣдствіе его образа дѣйствій тогда. Преступленіе которое онъ замышляетъ теперь гораздо важнѣе того которое онъ замышлялъ тогда. Но и искушеніе совершить преступленіе теперь гораздо сильнѣе чѣмъ было тогда. Могутъ ли помочь ему (выражаясь словами сэръ-Патрика) его искусство въ греблѣ, быстрота бѣга, удивительная выносливость во всѣхъ другихъ физическихъ упражненіяхъ, могутъ ли помочь ему всѣ его физическія совершенства одержать чисто нравственную побѣду надъ своимъ эгоизмомъ и надъ своею жестокостію? Нѣтъ. Пренебреженіе своимъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ, — пренебреженіе къ которому молча поощряло его общество, оставило его безоружнымъ противъ худшихъ инстинктовъ человѣческой природы, противъ самыхъ низкихъ и опасныхъ наклонностей необработаннаго характера. Масса подобныхъ ему проживетъ не сдѣлавъ выходящаго изъ ряда вонъ зла, потому что не встрѣтитъ выходящаго изъ ряда вонъ искушенія. Но съ нимъ случилось иначе. Ему представилось въ жизни выходящее изъ ряда вонъ искушеніе. Какимъ же оно нашло его? Оно нашло его такимъ какимъ оставило его воспитаніе — безоружнымъ противъ всякаго искушенія.

Джофри вернулся въ домъ. Въ корридорѣ служанка оставила его вопросомъ въ какое время онъ намѣренъ обѣдать. Въмѣсто отвѣта онъ спросилъ сердито вернулась ли мистрисъ Дезриджъ. Оказалось что мистрисъ Дезриджъ еще не возвращалась.

Наступалъ уже вечеръ, а она ушла рано утромъ. Этого никогда не случалось прежде. Смутныя подозрѣнія, одно ужаснѣе другаго, начали возникать въ умѣ Джофри. Подъ вліяніемъ вина и лихорадки, онъ (по словамъ Юлія) бредилъ часть ночи. Не высказалъ ли онъ чего-нибудь въ бреду? Не услышала ли его словъ Есэиръ Дезриджъ? И не есть ли это причина ея продолжительнаго отсутствія и отказа отъ квартиры? Онъ рѣшилъ разъяснить свои подозрѣнія когда вернется хозяйка, не показывая ей что подозрѣваетъ ее.

Наступилъ вечеръ. Наконецъ въ десятомъ часу раздался звонокъ у садовой двери. Служанка пришла къ нему за ключемъ. Онъ всталъ и хотѣлъ самъ отпереть дверь, но разду-

малъ прежде чѣмъ вышелъ изъ комнаты. Есеѣрь можетъ заподозрить что-нибудь если онъ самъ отворить дверь когда на это есть служанка. Онъ отдалъ ключъ и остался въ комнатѣ.

„Ужасно устала!“ подумала служанка, увидавъ свою хозяйку при свѣтѣ лампы висѣвшей надъ дверью.

„Ужасно устала!“ подумалъ Джофри, оглянувъ подозрительно Есеѣрь, когда она проходила по корридору.

„Ужасно устала!“ подумала Анна, встрѣтивъ Есеѣрь въ верхнемъ этажѣ и получивъ отъ нея письмо адресованное рукой Бланки, которое отдалъ хозяйкѣ дома у садовой двери почтальйонъ.

Отдавъ Аннѣ письмо, Есеѣрь Дезриджъ ушла въ свою комнату.

Джофри затворилъ дверь освѣщенной гостиной, вошелъ въ темную столовую и оставилъ дверь отворенною настежь. Онъ намѣревался остановить хозяйку когда она пойдетъ въ кухню готовить ужинъ.

Есеѣрь устало заперла дверь своей комнаты, устало зажгла свѣчи, устало поставила на столъ чернильницу. Послѣ этого она привуждена была сѣсть и отдохнуть чтобы собраться съ силами снять верхнее платье. Раздѣвшись, она достала изъ секретнаго кармана *Исповѣдь*, положила ее на столъ и написала на послѣднемъ листѣ новую замѣтку, подъ той которую написала наканунѣ:

„Я отказала ему сегодня утромъ отъ квартиры и предложила чтобъ онъ взялъ назадъ свои деньги, если хочетъ. Онъ увидетъ завтра, или я сожгу свой домъ. Весь день я не была дома, чтобы не видать его. Духъ мой не знаетъ покоя, глаза не смыкаются сономъ. Я несу покорно мой крестъ пока хватаетъ силъ нести его.“

Послѣ этихъ словъ, перо выпало изъ ея пальцевъ и голова опустилась на грудь. Она вздрогнула и встреленулась. Сонъ былъ врагъ котораго она боялась: со своимъ приходили свидѣнїя.

Она отворила ставень. Спокойный лунный свѣтъ озарялъ садъ. Прозрачная глубина ночнаго неба дѣйствовала успокоительно на умъ. Какъ стемнѣло вдругъ! Туча? Мракъ? Нѣтъ, опять сонъ. Она вздрогнула и оломилась. Все тотъ же лунный свѣтъ, и все тотъ же освѣщенный имъ садъ.

Какіе бы ни пришли сны, но бороться долѣе съ усталостью нѣтъ силъ. Она затворила ставень, подошла къ постели и положила *Исповѣдь* подъ подушку, куда всегда клала ее на ночь.

Она оглянула комнату и содрогнулась. Каждый уголок был полонъ ужасными воспоминаніями прошлой ночи. Можно проснуться отъ пытки ужасныхъ сновъ и увидеть возлѣ себя видѣніе. Неужели нѣтъ спасенія? Нѣтъ безопаснаго мѣста гдѣ можно рѣшиться заснуть? Новая мысль пришла ей въ голову. Святая книга—Библия. Если положить подъ подушку святую книгу, можно заснуть съ надеждой проспать спокойно.

Не стоило надѣвать платья которое она уже сняла. Можно закрыться платкомъ. Не къ чему также было брать свѣчу. Ставки въ нижнемъ этажѣ не затворены, а если и затворены, то Библию легко найти на полкѣ даже въ темнотѣ.

Она взяла *Исповѣдь* изъ-подъ подушки. На одну минуту не рѣшилась она оставить ее въ комнатѣ безъ себя. Сжавъ рукою сложенную рукопись, она сошла медленно съ лѣстницы. У нея дрожали ноги. Чтобы не упасть, она держалась свободною рукою за перила.

Джозфри смотрѣлъ на нее когда она сходила съ лѣстницы. Ему хотѣлось узнать что она намѣрена дѣлать. Вѣсто того чтобы войти въ кухню, она остановилась и повернула въ кабинетъ. Опять подозрительное обстоятельство. Что будетъ она дѣлать въ кабинетѣ безъ свѣчи въ такую позднюю пору?

Она подошла къ полкѣ. Ея темная фигура обозначалась ясно въ освѣщенной луною комнатѣ. Она пошатнулась и приложила руку ко лбу, изнемогая отъ страшной усталости. Собравшись съ силами, она взяла книгу съ полки и прислонилась къ стѣнѣ. Она была слишкомъ утомлена чтобы подняться на верхъ не отдохнувъ. Возлѣ нея стояло кресло. Не лучше ли отдохнуть минуты двѣ сидя чѣмъ стоя. Она сѣла на кресло, положивъ Библию на колѣни. Ея рука, крѣпко сжатая, перевѣсилась черезъ ручку кресла, голова опустилась на грудь, потомъ поднялась и тихо склонилась на спинку кресла. Заснула? Крѣпко заснула.

Менѣе чѣмъ черезъ минуту, мускулы сжатой руки ослабли. Что-то бѣлое упало на освѣщенный луннымъ свѣтомъ полъ.

Джозфри снялъ свои тяжелые сапоги, вошелъ веселыми шагами въ комнату и поднялъ съ пола бѣлую вещь. Она оказалась тетрадкой изъ почтовой бумаги, мелко писанною и аккуратно сложенною.

Что это такое? Когда она не спала, она прятала ее въ сжатой рукѣ. Для чего она прятала ее?

Не высказалъ ли онъ чего въ бреду, и не записала ли она его словъ чтобъ обвинить его? Подъ вліяніемъ преступной подозрительности, онъ не находилъ ничего невѣроятнаго въ такомъ странномъ предположеніи. Онъ вышелъ тихо изъ комнаты и залерся въ освѣщенной гостиной, рѣшившись прочесть рукопись.

Тщательно разгладивъ на столѣ измятые листы, онъ отвернулъ первую страницу и прочелъ слѣдующее:

Г Л А В А LIV.

Рукопись.

1.

„Моя исповѣдь. Положить въ мой гробъ и зарыть со мною когда я умру.

„Это разказъ о томъ что я сдѣлала когда была замужемъ. Здѣсь я исповѣдую моему Творцу истину неизвѣстную ни одному смертному.

„Въ великій день воскресенія мертвыхъ, мы волютимся въ тѣла, въ которыхъ жила. Когда меня позовутъ въ Судилищѣ Творца, я предстану съ этою исповѣдью въ рукахъ.

„О справедливый и милостивый Судья! Тебѣ извѣстно сколько я выстрадала. Я надѣюсь на Твое милосердіе.“

2.

„Я старшая изъ многочисленнаго семейства, рожденнаго небожными родителями. Мы принадлежали къ конгрегациі первобытныхъ методистовъ.

„Всѣ мои сестры вышли замужъ раньше меня. Нѣсколько лѣтъ я оставалась одна въ родительскомъ домѣ. Подъ конецъ здоровье моей матери ослабло; я управляла домою вмѣсто нея. Нашъ духовный отецъ, добрый мистеръ Бенчайльдъ, приходилъ къ намъ обѣдать по воскресеньямъ, между службами. Онъ хвалилъ мое хозяйство и въ особенности мое умѣнье стряпать. Матери моей это было непріятно. Она питала ко мнѣ зависть за то что я заняла ея мѣсто въ домѣ. Съ этого началось мое несчасіе. Характеръ моей матери дѣлался хуже по мѣрѣ того какъ здоровье ея дѣлалось хуже. Отецъ бывалъ рѣдко дома, проводя жизнь въ разъѣздахъ по дѣламъ. Я выносила все одна. Въ это время я начала ду-

мать что мнѣ хорошо было бы выйти замужъ, какъ вышли мои сестры, и угощать обѣдами добраго мистера Бенчайльда между службами въ моемъ собственномъ домѣ.

„Въ такомъ настроеніи ума я познакомилась съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который ходилъ слушать богослуженіе въ нашу часовню.

„Его звали Джоель Дезриджъ. У него былъ прекрасный голосъ. Когда мы пѣли гимны, онъ пѣлъ по одной книгѣ со мной. По ремеслу онъ былъ обойщикъ. Мы много разсуждали о серьезныхъ предметахъ когда гуляли вдвоемъ по воскресеньямъ. Онъ былъ лѣтъ на десять моложе меня, и его положеніе въ обществѣ было ниже моего, такъ какъ онъ былъ только поденщикъ. Мать узнала о нашей возникающей привязанности и сказала о ней отцу, въ первый же разъ какъ онъ пріѣхалъ домой. Также моимъ братьямъ и сестрамъ. Всѣ они сговорились недопустить чтобы мои отношенія съ Дезриджемъ зашли далѣе. Тяжело мнѣ было тогда. Мистеръ Бенчайльдъ былъ очень огорченъ оборотомъ который принимала дѣла. Онъ сказалъ по этому поводу проповѣдь, и хотя не называлъ меня по имени, я знала что онъ говорить обо мнѣ. Я, можетъ-быть, уступила бы, еслибъ они не сдѣлали одной визитки. Они навели справки о моемъ мужѣ у его враговъ, и начали чернить его въ моихъ глазахъ за его славой. Этого я не могла вывести послѣ того какъ мы пѣли гимны по одной книгѣ и гуляли вмѣстѣ, соглашались другъ съ другомъ разсуждая о религіозныхъ вопросахъ. Я была уже въ такихъ годахъ что могла судить сама. Я вышла замужъ за Джоеля Дезриджа.“

3.

„Всѣ родственники мои отвернулись отъ меня. Никто изъ нихъ не былъ у меня на свадьбѣ; они объявили мнѣ что не хотятъ больше знаться со мной. Мистеръ Бенчайльдъ былъ очень тронутъ; онъ проливалъ слезы и говорилъ что будетъ молиться за меня.

„Я была обвѣчана въ Лондонѣ незнакомымъ священникомъ, и мы поселились въ Лондонѣ, полные надеждъ на будущее. У меня было маленькое состояніе,—моя доля изъ наслѣдства оставленнаго намъ, сестрамъ, теткою Есѳирью, въ честь которой мнѣ дано имя. У меня было триста фунтовъ. Половину изъ этихъ денегъ я истратила на покупку мебели

для маленькаго дома который мы наняли, и на домашнее обзаведеніе. Остальныя деньги я поручила мужу положить въ банкъ на тотъ случай если они понадобятся ему въ его ремеслѣ.

„Мѣсяца три мы жили очень дружно. Меня безлокоило только одно: мой мужъ не принимался за работу.

„Раза два онъ дулся на меня когда я говорила что жалъ брать деньги на прожитіе изъ банка, вмѣсто того чтобы добывать ихъ трудомъ. Однажды добрый мистеръ Бенчайльдъ, находясь случайно въ Лондонѣ, пришелъ къ намъ обѣдать въ воскресенье, между службами. Онъ старался примирить моихъ родныхъ со мною, но безуспѣшно. По моей просьбѣ онъ началъ говорить моему мужу о необходимости трудиться. Мой мужъ разсердился. Я увидала его въ первый разъ въ сильномъ гнѣвѣ. Добрый мистеръ Бенчайльдъ не сказалъ болѣе ни слова. Онъ, казалось, очень опечалился случившимся и скоро ушелъ отъ насъ.

„Вскорѣ послѣ его ухода, мой мужъ ушелъ куда-то. Я приготовила ему чай, его все нѣтъ. Я приготовила ему ужинъ,— его все нѣтъ. Наконецъ въ половинѣ перваго онъ приходитъ. Я была поражена увидавъ его. Онъ былъ не похожъ на самого себя: не узналъ меня, какъ будто бредилъ, и повалился на постель. Я любѣжала за докторомъ.

„Докторъ приподнялъ его, повернулъ къ свѣту, посмотрѣлъ на него, понюхалъ его дыханіе и толкнулъ его олять на постель. „Что съ нимъ, сэръ?“ спрашиваю я. „Развѣ вы сами не видите“, говоритъ докторъ. — „Нѣтъ, сэръ“, говорю. „Вы кажется хотите увѣрить меня что никогда не видали пьяныхъ“, говоритъ докторъ. Съ этими словами онъ повернулся и ушелъ, а я осталась у постели дрожа съ головы до ногъ.

„Такъ я узнала что мужъ мой пьяница.“

4.

„Я еще не сказала ни слова о роднѣ моего мужа.

„Когда мы только что познакомились, онъ сказалъ мнѣ что онъ сирота, что у него нѣтъ родныхъ, кромѣ дяди и тетки въ Канадѣ и брата въ Шотландіи. Предъ свадьбой онъ далъ мнѣ однажды письмо отъ своего брата. Братъ писалъ мнѣ что очень сожалѣетъ что не можетъ пріѣхать въ Англію на мою свадьбу, пожелать мнѣ счастья, и все что говорится въ подобныхъ случаяхъ.

„Я написала о моемъ горѣ доброму мистеру Бенчайльдъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ что надо подождать и посмотрѣть напьется ли мой мужъ олять.

„Ждать мнѣ пришлось не долго. На другой день онъ былъ олять пьянъ, на третій тоже. Узнавъ объ этомъ, добрый мистеръ Бенчайльдъ написалъ мнѣ чтобъ я прислала письмо брата моего мужа. Онъ напомнилъ мнѣ нѣкоторые разказы о моемъ мужѣ, которымъ я не хотѣла вѣрить до свадьбы, и писалъ что не мѣшаетъ навеести справки.

„Результатъ справокъ былъ слѣдующій. Братъ моего мужа находился въ то время (по собственному желанію) у доктора, лѣчившаго его отъ залоя. „Въ ихъ семействѣ“, писалъ докторъ, „врожденная страсть къ пьянству. Иногда они по мѣсяцамъ не пьютъ ничего крѣпче чая, но когда на нихъ находятъ приладокъ залоя, они пьютъ, пьютъ, пьютъ нѣсколько дней сряду.“

„Таковъ былъ человекъ за котораго я вышла замужъ. Изъ-за него я оскорбила всѣхъ моихъ родныхъ и разошлась съ ними. Незавидная перспектива открылась предо мною послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ замужней жизни.

„Черезъ годъ отъ моихъ денегъ не осталось ничего, а у мужа не было работы. Онъ легко находилъ себѣ работу когда былъ трезвъ, потому что былъ мастеръ своего дѣла, но всегда терялъ ее когда начиналъ пить. Мнѣ жаль было расстаться съ нашимъ маленькимъ домомъ и продать мою прекрасную мебель, и я предложила мужу что буду наниматься въ поденщицы (въ качествѣ кухарки) пока онъ не найдетъ себѣ работу. Онъ былъ въ это время трезвъ и смиренъ, и согласился на мое предложеніе. Мало того, онъ записался въ Общество трезвости, и объявилъ что начнетъ жизнь сызнова. Я начала олять надѣяться. Заботиться намъ было не о комъ кромѣ насъ самихъ. Дѣтей у меня не было и я не надѣялась имѣть ихъ. Въмѣсто того чтобы жалѣть объ этомъ, какъ другія женщины, я считала это счастіемъ. Я скоро убѣдилась что дѣти были бы тяжелымъ бременемъ въ моемъ горькомъ положеніи.

„Такая работа какой я искала находится не легко. Добрый мистеръ Бенчайльдъ далъ мнѣ аттестатъ, а хозяинъ нашего дома рекомендовалъ меня эконому одного клуба. Тамъ не менѣе люди не вдругъ повѣрили мнѣ что я дѣйствительно хорошая кухарка, какой я себя выдавала. Прошло около

двухъ недѣль прежде чѣмъ я нашла себѣ мѣсто. Я возвратилась домой въ веселомъ (для меня) расположеніи духа и хотѣла объявить мужу свою новость. Дома меня ожидалъ сюрпризъ. Незнакомые люди уносили мебель которую я купила на собственные деньги, и хотѣли везти ее на аукціонъ. Я спросила ихъ какъ они смѣютъ прикасаться къ ней безъ моего позволенія. Они отвѣчали очень вѣжливо, надо отдать имъ справедливость, что дѣйствуютъ по приказанію моего мужа, и продолжали укладывать ее предъ моими глазами на тѣлегу. Я лобѣжала наверхъ и встрѣтила мужа на площадкѣ лѣстницы. Онъ былъ пьянъ. Скажу одно: это былъ первый случай что онъ ударилъ меня.“

5.

„Характеръ у меня былъ горячій и я рѣшила что не допущу этого. Я лобѣжала тотчасъ же въ судъ.

„Мои деньги ушли не на одну мебель, я уплачивала подати для содержанія королевы и парламента. Посмотримъ, думала я, что сдѣлаютъ для меня въ вознагражденіе за подати королева и парламентъ.

„— Утверждена за вами ваша мебель? спрашиваетъ меня судья.

„Я не поняла о чемъ онъ меня спрашиваетъ. Онъ обратился къ какому-то господину, сидѣвшему рядомъ съ нимъ на скамьѣ: „Это жестокій законъ“, говоритъ онъ. „Бѣдные люди низшаго класса не имѣютъ понятія о брачныхъ контрактахъ, а еслибъ и имѣли, они не въ состояніи платить за нихъ адвокатамъ“. „Ваша жалоба не новость“, обратился онъ потомъ ко мнѣ. „Съ нашимъ закономъ я не могу ничего сдѣлать для васъ.“

„Этому нельзя было повѣрить сразу. Новость она или не новость, я изложила ему опять мою жалобу.

„— Я купила мебель на собственные деньги, говорю. Она принадлежит мнѣ, я могу доказать это росписками. А они берутъ ее у меня и хотятъ продать противъ моей воли. Не говорите мнѣ что это законно. Мы живемъ въ христіанской странѣ. Развѣ это можетъ быть законно?

„— Милая моя, говоритъ онъ,—вы замужняя женщина. Законъ не дозволяетъ замужней женщинѣ называть что-нибудь своимъ, если только она не заключила предъ свадьбой, съ помощью адвоката, условія съ своимъ мужемъ. Вы не заключали условія. Мнѣ очень жаль васъ, но помочь вамъ я не могу.

„Я стояла на своемъ. „Позвольте мнѣ предложить вамъ вопросъ, сэръ“, говорю. „Умные люди сказывали мнѣ что всѣ мы должны платить подати чтобы содержать королеву и парламентъ, и что королева и парламентъ, взамѣнъ за подати, издають для насъ законы, защищающіе насъ отъ произвола. Я платила подати. Почему же, позвольте узнать, нѣтъ закона чтобъ оградить меня отъ произвола моего мужа.

„— Разсуждать объ этомъ не наше дѣло, говоритъ онъ.— Я долженъ руководствоваться тѣмъ закономъ какой у насъ есть. Вотъ я вижу слѣдъ удара на вашемъ лицѣ. Если мужъ прибилъ васъ, вызовите его сюда. За это я могу наказать его.

„— Какъ же вы накажете его, сэръ, спрашиваю я.

„— Я могу оштрафовать его, говоритъ онъ. Или посадить его въ тюрьму.

„— Что касается до штрафа, отвѣтила я ему,—онъ заплатить вамъ его изъ тѣхъ денегъ которыя получить за мебель. Что же касается до тюрьмы, то позвольте спросить что будетъ со мною безъ денегъ и безъ имущества, пока онъ будетъ сидѣть въ тюрьмѣ, и что будетъ опять со мною когда ко мнѣ вернется мужъ, который будетъ знать что я была причиною его наказанія? Нѣтъ, сэръ, съ меня довольно и того что я терплю теперь. Страданія мои не ограничиваются тѣмъ что показываетъ вамъ мое лицо. Прощайте сэръ.“

6.

„Когда я вернулась домой, мебели уже не было, и мужъ мой исчезъ. Въ пустомъ домѣ не было никого кромѣ хозяйна. Онъ сказалъ все что можно было сказать въ утѣшеніе мнѣ. Когда онъ ушелъ, я уложила свое платье въ сундукъ, дождалась пока стемнѣло, наняла извозчика, и отыскала себѣ уголь гдѣ могла преклонить голову. Въ эту ночь я была самымъ одинокимъ, самымъ несчастнымъ существомъ въ мірѣ.

„У меня было одно средство заработать себѣ кусокъ хлѣба, принять предложенное мнѣ мѣсто помощницы ловара въ одномъ клубѣ, и одна надежда—не видать никогда моего мужа.

„Я принялась усердно работать, и заслужила первую четверть моего жалованья. Но женщины не хорошо быть въ такомъ положеніи въ какомъ я была тогда одинокая, лишенная всего чѣмъ я дорожила, и безъ всякой цѣли впереди. Я посвѣчала аккуратно часовню, но сердце мое начало ожесточать-

ся и въ голову приходили мрачныя мысли. Но меня ожидала перемѣна. Дня черезъ два или три послѣ того какъ я получила въ первый разъ жалованье, мужъ отыскалъ меня. У него уже не осталось ни копѣйки отъ тѣхъ денегъ которыя онъ получилъ за мебель. Онъ сдѣлалъ скандалъ въ клубѣ. Чтобы успокоить его, я отдала ему все что могла отдать. Скандалъ дошелъ до комитета. Мнѣ сказали что если это повторится мнѣ принуждены будутъ отказать отъ мѣста. Черезъ двѣ недѣли это повторилось. Въ клубѣ всѣ очень жалѣли меня. Мнѣ откатали отъ мѣста. Мужъ пришелъ на мою квартиру. На слѣдующее утро онъ сломалъ замокъ моего сундука, и взялъ мой кошелекъ съ немногими шиллингами которыя у меня оставались. Мы поссорились. Онъ опять ударилъ меня, въ этотъ разъ такъ сильно что я упала.

„Я пошла опять въ судъ, и принесла жалобу другому судѣ. Я просила лишь о томъ чтобы моему мужу приказали оставить меня въ покоѣ. „Я не желаю никому зла“, сказала я. „Я прошу только справедливости. Я даже не жалуясь на жестокое обращеніе со мною. Я желаю только имѣть возможность жить честнымъ трудомъ. Защититъ ли меня законъ отъ моего мужа, который не даетъ мнѣ жить честнымъ трудомъ?“

„Сущность отвѣта состояла въ томъ что законъ можетъ-быть защитить меня, если у меня есть деньги чтобы хлопотать о разводѣ. Позволивъ моему мужу обобрать меня, законъ, когда я обратилась къ нему въ моемъ трудномъ положеніи, не хотѣлъ помочь мнѣ безъ того чтобъ я не залатила ему. У меня не было ничего кромѣ нѣсколькихъ пенсовъ, а все что я могла заработать впредь, перешло бы къ моему мужу съ разрѣшенія закона. Было только одно средство выйти изъ такого положенія: освободиться отъ него хоть на время, чтобъ имѣть возможность скрыться отъ него опять. Я подала на него жалобу за побой. Судья (молодой и неопытный человѣкъ), вмѣсто того чтобъ оштрафовать, посадилъ его въ тюрьму. Это дало мнѣ время взять одобреніе изъ клуба, и аттестатъ отъ добраго мистера Бенчайльда, и найти мѣсто въ одномъ семействѣ, въ деревнѣ.

„Я очутилась въ тихомъ убѣжищѣ. Хозяева мои были добрые, великодушные люди, сочувствовали моему несчастію и обращались со мною какъ родные. Изъ всѣхъ моихъ несчастій я вынесла убѣжденіе что большинство людей горячо сочувствуетъ чужому горю. Также что большая часть людей

отлично видятъ всѣ дурныя стороны законодательства которыми управляется ихъ страна. Но посоветуйте имъ выйти изъ неподвижнаго положенія и постараться поправить существующее положеніе дѣлъ, вмѣсто того чтобы только ворчать и осуждать. Какими окажутся они тогда? Столь же неспособными какъ стадо барановъ,—вотъ какими они окажутся.

„Прошло болѣе шести мѣсяцевъ, и я скопила немного денегъ.

„Однажды вечеромъ, когда мы уже ложились спать, раздакъ громкій звонокъ. Лакей отворилъ дверь, и я услышала голосъ моего мужа. Онъ отыскалъ меня съ помощью знакомаго ему полицейскаго, и пришелъ предъявить свои права. Я предложила ему все что успѣла скопить, чтобы онъ только оставилъ меня въ покоѣ. Мой добрый хозяинъ уговаривалъ его. Все напрасно. Онъ былъ золъ и стоялъ на своемъ. Еслибы не я скрылась отъ него, а онъ отъ меня, законъ (какъ я понимала) оказалъ бы мнѣ помощь. Онъ требовалъ чтобы я возвратилась къ нему. Пока я могла приобрести хоть копейку, онъ требовалъ чтобы я жила съ нимъ. Такъ какъ онъ былъ мой мужъ, я не имѣла права покидать его, я обязана была возвратиться къ нему, и никто не могъ защитить меня. Я простилась съ добрыми людьми у которыхъ жила и никогда не забуду ихъ участія.“

7.

„Мужъ привезъ меня опять въ Лондонъ.

„Онъ лилъ пока не пропилъ всѣхъ моихъ денегъ. Когда денегъ не осталось, онъ прибилъ меня. Какъ могла я избавиться отъ него? Не иначе какъ скрывшись опять. Отчего я не посадила его опять въ тюрьму? Для чего же мнѣ было сажать его въ тюрьму? Черезъ нѣсколько недѣль онъ возвратился бы ко мнѣ опять, трезвый и смирный, и обѣщалъ бы исправиться, а потомъ запилъ бы опять и сдѣлался бы такимъ же свирѣлымъ животнымъ какимъ я его часто видала. Мое сердце ожесточалось отъ безнадежности моего положенія и мрачныя мысли смущали меня, въ особенности по ночамъ. Въ это время я сказала себѣ: „единственное избавленіе отъ этого положенія смерть,—его или моя“.

„Раза два я ходила по ночамъ на мостъ и смотрѣла на рѣку. Нѣтъ. Я была не такого рода женщина чтобы положить конецъ моему несчастію этимъ способомъ. Надо чтобы кровь

кишки и голова была въ огнѣ—мнѣ по крайней мѣрѣ такъ кажется—надо дѣйствовать подъ вліяніемъ минутнаго побужденія, чтобы рѣшиться на самоубійство. Мои несчастія имѣли на меня совсѣмъ другое вліяніе. Моя кровь холодила отъ нихъ, а не разгорячалась. Во вредъ мнѣ самой, но своей натуре не измѣнишь. Развѣ можетъ Божіе изгнать свою кожу и тигръ свою шерсть?

„Я скрылась отъ него опять, и опять нашла хорошее мѣсто. Не буду разказывать какъ и какое. Это все равно. Лучше простиупаю къ концу.

„Надо однако сказать что въ этотъ разъ я жила не въ частномъ домѣ, и что мнѣ было позволено учить стрѣлать молодыхъ женщинъ, въ мои свободные часы. Частію вслѣдствіе этого, частію вслѣдствіе того что мужъ долго не находилъ меня, я начала опять жить такъ хорошо какъ только можно жить въ моемъ положеніи. Окончивъ дневную работу, я уходила почевать въ свою квартиру. У меня была одна комната и я сама меблировала ее, отчасти изъ экономіи, потому что меблированныя комнаты дороги, отчасти изъ удовольствія. Какъ я ни была несчастна, я всегда любила чтобы вокругъ меня все было чисто и красиво.

„Понятно само собой чѣмъ это кончилось. Онъ опять отыскалъ меня, въ этотъ разъ случайно встрѣтивъ на улицѣ.

„Онъ былъ въ лохмотьяхъ, и худъ и безъ денегъ. Но когда онъ нашелъ меня, ему стоило только загустить руку въ мой карманъ, и взять все что у меня было. Въ Англіи не положено предѣла тому что можетъ сдѣлать дурной мужъ, пока не откажется отъ своей жены. Въ этотъ разъ онъ догадался что повредить самому себѣ лишивъ меня мѣста. Нѣкоторое время все шло довольно сносно. Я притворилась что работа стала труднѣе (признаюсь, я это сдѣлала для того чтобы не видать его), и получила позволеніе почевать въ томъ домѣ гдѣ я служила. Но это продолжалось недолго. Онъ опять запылъ, пришелъ ко мнѣ и сдѣлалъ скандалъ. Какъ прежде, порядочные люди не вынесли этого, какъ прежде, имъ жаль было разстаться со мною, какъ прежде, мнѣ отказали отъ мѣста.

„Другая женщина сошла бы съ ума. Я едва не сошла.

„Когда я ночью посмотрѣла на него, мертвецки пьянаго, я вспомнила Іоиль и Сисару. Тамъ сказано: „И взя Іоиль колъ куцнаѣй, и взя млатъ въ руку свою, и вниде къ нему тихо, и водрузи колъ во скраніи его, и пронзе до земли: и

оей утруждася спаше.“ Такъ она убила его. Она сдѣлала это чтобъ освободить народъ свой отъ Сисары. Еслибъ у меня въ ту ночь былъ колъ и молотокъ, я кажется сдѣлала бы то же самое,—съ тою разницею что я сдѣлала бы это чтобъ освободить себя.

„Утромъ это чувство прошло у меня, на время. Я пошла къ адвокату.

„Многіе на моемъ мѣстѣ потеряли бы уже давно надежду на законъ, но я изъ такихъ которыя льютъ чашу до дна. Вотъ сущность того что я сказала адвокату: „Я пришла посоветоваться съ вами о сумашедшемъ. Сумашедшими я считаю такихъ людей которые потеряли власть надъ собою. Иногда это доводитъ ихъ до самообольщенія, а иногда до поступковъ вредящихъ имъ самимъ и другимъ. Мой мужъ, вслѣдствіе пьянства, потерялъ совершенно власть надъ собою. Его надо лишить возможности пить, какъ сумашедшаго лишаютъ возможности вредить своей жизни и жизни другихъ. Для сумашедшихъ въ нашей странѣ есть убѣжище, куда ихъ можно помѣщать на извѣстныхъ условіяхъ. Защититъ ли меня законъ, если я исполню эти условія, отъ сумашедшаго, или что то же самое отъ пьяницы?“—„Нѣтъ, говоритъ адвокатъ.—Англійскій законъ не признаетъ неисправимаго пьяницу заслуживающимъ лишенія свободы. Англійскій законъ предоставляетъ мужьямъ и женамъ пьяницъ выносить свое несчастье какъ сумѣютъ.“

„Я поблагодарила адвоката и ушла. Моя послѣдняя надежда оказалась тщетною.“

8.

„Мысль которая пришла мнѣ разъ въ голову возвратилась опять и съ этихъ поръ не покидала меня. Единственное избавленіе смерть — его или моя.

„Эта мысль не выходила у меня изъ головы ни днемъ, ни ночью, ни въ часовой, ни дома. Я читала исторію Іоиши и Сисары такъ часто что Библия начала сама открываться на этомъ мѣстѣ.

„Законъ моей страны, который долженъ бы былъ защитить меня, оставилъ меня беззащитною. У меня не было друга, которому я могла бы открыть свое сердце. Я была одинока и жена такого чловѣка. Примите въ соображеніе что и я

человѣкъ, и скажите: не было ли это слишкомъ тяжелымъ испытаніемъ для человѣческаго терпѣнія?

„Я написала доброму мистеру Бенчайльду, не входя въ подробности, что меня смущаетъ искушеніе, и просила его пріѣхать и помочь мнѣ. Онъ написалъ мнѣ въ отвѣтъ что брашна не позволяетъ ему встать съ постели, и далъ мнѣ много хорошихъ совѣтовъ. Чтобы воспользоваться хорошимъ совѣтомъ, человѣкъ долженъ имѣть хоть маленькую надежду на счастье, которое вознаградитъ его за исполненіе хорошаго совѣта. Сама религія обѣщаетъ вознагражденіе и говоритъ намъ, бѣднымъ смертнымъ: будьте праведны и вы заслужите царство небесное. У меня не было надежды на счастье. Я была благодарна доброму мистеру Бенчайльду, но совѣты его не принесли никакой пользы.

„Прошло время когда одно слово моего духовнаго отца направило бы меня опять на истинный луть. Я начала бояться самой себя. Мнѣ казалось что если я не буду другой женщиной въ то время когда Джоель Дезриджъ опять обидитъ меня, то легко можетъ случиться что я избавлю себя отъ него собственною рукою.

„Устрашенная этою мыслью, я въ первый разъ унизилась предъ моими родственниками. Я написала имъ письмо, въ которомъ признавалась что они правы въ своемъ мнѣніи о моемъ мужѣ, просила у нихъ прощенія, и умоляла ихъ позволить мнѣ навѣщать ихъ отъ времени до времени. Мнѣ казалось что сердце мое смягчится если я увижу опять родной домъ, родныя лица и услышу опять родной говоръ. Стыдно признаться, но кажется, еслибъ у меня было что-нибудь, я отдала бы все чтобы только вернуться въ кухню матери и приготовить ей опять воскресный обѣдъ.

„Но этому не суждено было случиться. Не задолго предъ тѣмъ какъ пришло мое письмо, матушка окончалась. Родные обвинили меня въ ея смерти. Она хворала уже нѣсколько лѣтъ, и доктора съ самаго начала сказали что она неизлѣчима, но они сложили всю вину на меня. Одна изъ моихъ сестеръ написала мнѣ въ немногихъ словахъ что я была причиною смерти матушки. Отецъ же совѣмъ не отвѣтилъ мнѣ.“

9.

„Къ судьямъ и адвокатамъ, къ роднымъ и друзьямъ, къ покорности, терпѣнію, надеждѣ и честной работѣ, ко всему

этому я прибѣгала, и все напрасно. Куда бы я не повернулась, всѣ пути преграждались предо мною.

„Въ это время мужъ мой имѣлъ незначительную работу. Однажды вечеромъ онъ возвратился домой озабоченный. Я предостерегла его. „Не выводи меня изъ терпѣнія, Джоселъ, ради себя самого“, сказала я ему. Онъ въ этотъ день былъ трезвъ, и я въ первый разъ увидѣла что слово съ моей стороны подѣйствовало на него. Онъ пристально поглядѣлъ на меня съ минутой, потомъ сѣлъ въ уголъ и усмирился.

„Это было во вторникъ. Въ слѣдующую субботу онъ получилъ деньги и записалъ олатъ.

„Въ пятницу, на слѣдующей недѣлѣ, я возвратилась домой поздно вечеромъ, потому что въ этотъ день стралала большой публичный обѣдъ въ одной гостиницѣ, хозяинъ которой зналъ меня. Дома я не нашла ни мужа, ни мебели, которую я купила для своей спальни. Во второй разъ онъ отгналъ у меня мое имущество и обратилъ его въ деньги чтобъ имѣть возможность пьянствовать.

„Я не произнесла ни слова. Я стояла и смотрѣла на опустѣвшую комнату. Я сама не сознавала что происходило во мнѣ тогда. Помню только что постоявъ немного я вышла изъ комнаты. Я знала въ какихъ мѣстахъ проводить время мой мужъ, и дьяволъ подстрекнулъ меня пойти и отыскать его. Хозяйка дома, увидавъ меня въ корридорѣ, попробовала остановить меня, но я оттолкнула ее отъ себя какъ ребенка, хотя она была выше и сильнѣе меня. Когда я вспоминаю объ этомъ теперь, мнѣ кажется что она уступила мнѣ только потому что испугалась, увидавъ мое лицо.

„Я нашла его. Я сказала—словомъ я заговорила съ нимъ какъ говорятъ взбѣшенные женщины. Повятво чѣмъ это кончилось. Онъ ударилъ меня.

„Послѣ этого въ моихъ воспоминаніяхъ слѣдуетъ пробѣлъ. Я очнулась только черезъ нѣсколько дней. Трехъ зубовъ у меня какъ не бывало, но это еще не худшее. Падая, я ударилась обо что-то головой и повредила себѣ какой-то нервъ, вслѣдствіе чего я лишилась способности говорить. Я не совсемъ онѣмѣла, я могла произносить слова, но съ большимъ трудомъ. Длинное слово было для меня такимъ же затрудненіемъ какъ для маленькаго ребенка. Меня отвезли въ больницу. Доктора окружили меня, когда узнали что со мною случилось. Они заинтересовались мною, какъ другіе интересуют

ся занимательною книгой. Они рѣшили что я могу или совсѣмъ овѣмѣть, или совсѣмъ выздоровѣть, то и другое было вѣроятно въ равной степени. Два условія были необходимы для выздоровленія: первое — имѣть питательную пищу, второе — быть совершенно спокойной.

„Что касается до питательной пищи, я не знала буду ли я имѣть ее. Это зависѣло отъ того буду ли я имѣть возможность зарабатывать ее. Что же касается до душевнаго спокойствія, на этотъ счетъ я не сомнѣвалась. У меня было рѣшено убить моего мужа въ первый же разъ какъ онъ придетъ ко мнѣ.

„Ужасно! Я сама знаю что ужасно. Никто на моемъ мѣстѣ не кончилъ бы злодѣйствомъ. Другія женщины, выстрадавъ столько сколько я выстрадала, возвысились бы отъ страданія.“

10.

„Я говорила уже что люди (исключая моего мужа и моихъ родныхъ) всегда оказывали мнѣ участіе.

„Хозяинъ того дома гдѣ мы жили послѣ свадьбы, узнавъ о моемъ несчастіи, предложилъ мнѣ смотрѣть за однимъ изъ своихъ пустыхъ домовъ, за небольшое жалованье. Въ верхнемъ этажѣ была мебель, которую оставилъ за ненадобностью послѣдній жилецъ, разрѣшивъ продать ее будущему жильцу, если онъ пожелаетъ купить ее. Въ двухъ спальняхъ для прислуги (на антресоляхъ) было все необходимое. Такимъ образомъ я имѣла комнату, постель и деньги на пищу. Опять все какъ слѣдуетъ, но уже слишкомъ поздно. Что разказалъ бы обо мнѣ этотъ домъ, еслибъ онъ могъ говорить!

„Доктора сказали мнѣ чтобъ я старалась говорить какъ можно болѣе. Такъ какъ я жила одна, мнѣ говорить было не съ кѣмъ, исключая рѣдкихъ случаевъ когда заходилъ хозяинъ, или сосѣдняя служанка обращалась ко мнѣ со словами: „Прекрасный день, не правда ли?“ или „не скучно ли вамъ?“ Я подписалась на газету чтобы читать ее вслухъ. Однажды мнѣ попала статья въ которой говорилось о женахъ мужей пьяницъ. Это было извлеченіе изъ рѣчи сказанной по этому поводу однимъ лондонскимъ слѣдователемъ, который осматривая мертвыя тѣла людей низшаго класса общества, имѣлъ много причинъ подозрѣвать женъ этихъ людей. Осмотръ мертвыхъ тѣлъ не подтверждалъ его подозрѣній, и свидѣтели не подтверждали, но ему казалось очень возможнымъ что иногда

жена, доведенная до крайности, беретъ мокрое полотенце, и дождавшись чтобы пьяный мужъ заснулъ, закрываетъ ему мокрымъ полотенцемъ носъ и ротъ, и такимъ образомъ лишаетъ его жизни. Прочитавъ это, я задумалась. Мой умъ былъ тогда въ пророческомъ настроеніи. Я сказала себѣ: это казалось мнѣ не даромъ. Это значитъ что я увижу опять мужа.

„Это случилось вскорѣ послѣ моего обѣда, въ два часа. Ночью, когда я только что потушила свѣчу и легла, раздался громкій стукъ въ дверь дома. Зажигая свѣчу я сказала себѣ: это онъ.

„Я одѣлась наскоро, взяла свѣчу и сошла внизъ. „Кто тамъ?“ спросила я.—„Впусти меня,“ отвѣчалъ мой мужъ.

„Я сѣла на стулъ у двери и затряслась какъ въ лихорадкѣ. Не потому чтобъ я боялась его, но потому что умъ мой былъ въ пророческомъ настроеніи. Я знала что буду принуждена сдѣлать это наконецъ, какъ бы я ни сопротивлялась. Я сидѣла и дрожала по одну сторону двери, онъ стоялъ по другую.

„Онъ постучалъ опять, и опять и опять. Я знала что сопротивляться бесполезно, и все-таки сопротивлялась. Я рѣшилась не впускать его добровольно. Я рѣшилась дать ему встретить сосѣдей, и посмотрѣть не вступятся ли сосѣди. Я ушла на верхъ и остановилась у отвореннаго окна надъ входной дверью.

„Полицейскій и сосѣди подошли къ нему. Сосѣди просили чтобъ его отвели въ тюрьму. Полицейскій хотѣлъ взять его, но ему стоило только указать на меня въ окно и сказать что я его жена. Сосѣди разошлись по своимъ домамъ. Полицейскій выпустилъ его руку. Оказалось что я виновата, а не онъ. Я обязана была впустить мужа. Я сошла внизъ и впустила его.

„Ночь прошла спокойно. Я отворила ему дверь другой спальни, которая была рядомъ съ моею, а сама заперлась у себя. Онъ былъ очень утомленъ, протаскавшись весь день по улицамъ безъ гроша денегъ. Ему не нужно было ничего кромѣ постели.

„На слѣдующее утро я попыталась опять свернуть съ пути по которому мнѣ суждено было идти, хотя знала что попытка бесполезна. Я предложила мужу чтобъ онъ бралъ въ каторгѣ хозяина три четверти моего еженеждельнаго жалованья, съ условіемъ чтобъ онъ ушелъ и не приходилъ ко мнѣ никогда. Онъ захохоталъ мнѣ въ лицо. Мужъ имѣетъ полное право брать все что получаетъ жена. Что же касается до того что-

бы уйти отъ меня, онъ зналъ что могъ пользоваться у меня даровою квартирой, пока я жила въ пустомъ домѣ. Хозяинъ не имѣлъ права разлучать мужа и жену.

„Я не сказала болѣе ни слова. Немного позже, пришелъ хозяинъ. Онъ сказалъ что не имѣетъ ни права, ни желанія запретить моему мужу жить со мною, если мы будемъ жить мирно. Въ противномъ случаѣ онъ принужденъ будетъ отказать мнѣ. У меня не было въ виду другаго желанія и мнѣ некуда было идти. Еслибъ я, не посмотрѣвъ на это, надѣла шляпку и бѣжала изъ дома, мужъ пошелъ бы за мною, и всѣ порядочные люди потрелали бы его по спинѣ и сказали бы: „ты правъ, добрый человѣкъ, ты совершенно правъ.“

„Итакъ, онъ поселился въ одномъ домѣ со мною, по своему собственному желанію, и поступокъ его былъ одобренъ другими.

„Я не сказала ни слова ни ему, ни хозяину. Ничто уже не раздражало меня. Я знала что случится и ждала конца. Во мнѣ произошла какая-то перемена, замѣтная для другихъ, которая сначала удивила, потомъ испугала моего мужа. Когда пришла ночь, я слышала что онъ залеръ дверь своей комнаты. Для меня это было все равно. Я знала что когда придетъ время, десять тысячъ замковъ не помѣшаютъ тому чему суждено совершиться.

„Слѣдующій день, въ который я получила жалованье, подвинулъ меня на одинъ шагъ ближе къ концу. Взявъ у меня эти деньги, онъ могъ начать пить. Въ этотъ разъ онъ началъ пить благоразумно, понемногу. Хозяинъ (добрѣйшій человѣкъ, старавшійся помирить насъ) поручилъ ему сдѣлать незначительныя поправки въ домѣ. „Вы обязаны этимъ, говорить, моему участию къ вашей бѣдной женѣ. Я помогаю вамъ ради нея. Покажите себя, если можете, достойнымъ помощи.“

„Мужъ объявилъ по обыкновенію что намѣренъ начать жизнь сызнова. Поздно! Прошло время когда можно было начать жизнь сызнова. Надъ нимъ былъ произнесенъ приговоръ, и надо мной былъ произнесенъ приговоръ. Что бы онъ ни говорилъ теперь, какъ бы онъ ни заперался по ночамъ, судьба его была уже рѣшена.

„Слѣдующій день былъ воскресенье. Ничего не случилось. Я ходила въ часовню, единственно по привычкѣ. Богослуженіе не принесло мнѣ никакой пользы. Онъ пилъ, но немного. Я знала по опыту что это начало сильнаго и продолжительнаго припадка запоя.

„Въ понедѣльникъ онъ принялся за работу. Въ это утро онъ былъ настолько трезвъ что могъ работать, и настолько пьянъ что искалъ случая помучить свою жену. Онъ сходилъ за необходимыми рабочими принадлежностями, возвратился и позвалъ меня. Искусному работнику, говорилъ онъ, необходимъ помощникъ. Нѣкоторыя вещи искусному работнику унизительно дѣлать самому. Но не нанимать же помощника, когда можно имѣть его даромъ. На это есть жена. Такъ, говорилъ онъ полулыбавый, раскладывая вокругъ себя рабочія принадлежности. Приготовивъ все, онъ выпрямился и сказалъ мнѣ что я должна дѣлать.

„Я слушалась его какъ только умѣла. Что бы онъ ни говорилъ, что бы онъ ни дѣлалъ, я знала что онъ идетъ по прямому пути къ своей смерти отъ моей руки.

„Въ домѣ было много крысъ и мышей, и они испортили стѣны. Ему слѣдовало бы начать съ подвального этажа, но такъ какъ надъ нимъ былъ уже произнесенъ приговоръ, онъ началъ съ двухъ пустыхъ гостиныхъ въ среднемъ этажѣ.

„Эти двѣ гостиной отдѣлялись одна отъ другой перегородкой изъ штукатурки. Крысы полортили ее. Въ одномъ мѣстѣ онъ прогрызши стѣну насквозь и испортили обои. Хозяинъ просилъ беречь обои, потому что у него были остатки, которыми онъ хотѣлъ заклеить испорченныя мѣста. Подъ руководствомъ мужа, я приготовила—не скажу что. Съ помощью этого онъ отклеилъ отъ стѣны полосу обоевъ, не испортивъ ее нисколько. Подъ этою полосой известъ и деревянныя дражки штукатурки были мѣстами испорчены крысами. Мой мужъ, хотя обойщикъ по ремеслу, могъ быть и штукатуромъ, если хотѣлъ. Я видѣла какъ онъ вырѣзалъ испорченныя дражки и вынулъ известъ. По его приказанію, я приготовила ему новую известъ и подавала новыя дражки. Я видѣла какъ онъ вставлялъ ихъ. Не скажу ни слова о томъ какъ все это дѣлалось.

„У меня есть причина не открывать этой тайны,—ужасная причина. Мужъ мой въ этотъ день показывалъ мнѣ безсознательно средства убить его такимъ образомъ чтобы объ этомъ не узнало ни одно живое существо.“

11.

„Къ вечеру мы кончили починку стѣны.

„Я налилась чаю, а онъ принялся за свою бутылку съ водкой.

„Я ушла на верхъ опрaвлять постель на ночь. Когда я вошла въ его комнату, мнѣ тотчасъ же бросилось въ глаза случайное обстоятельство, на которое я до сихъ поръ ни разу не обратила вниманія.

„Кровать его была прислонена изголовьемъ къ стѣнѣ, отдѣлявшей его комнату отъ моей. Посмотрѣвъ на кровать, я бессознательно перевела глаза на стѣну. Потомъ пожелала узнать изъ чего она сдѣлана. Потомъ постучала по ней пальцами. По звуку я узнала что подъ обоями нѣтъ ничего кромѣ штукатурки. Стѣна была точно такая же какъ та которую онъ поправлялъ внизу. Поправляя ее, мы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вынимали штукатурку вплоть до обоевъ сосѣдней комнаты. При одномъ изъ этихъ случаевъ мужъ сдѣлалъ мнѣ предостереженіе: „смотри чтобы твои руки не очутились въ сосѣдней комнатѣ.“ Онъ сказалъ это внизу, въ гостиной. На верху, въ его спальнѣ, я внезапно вспомнила это и невольно повторяла мысленно, устремивъ глаза на ключъ, воткнутый во внутреннюю сторону двери, которую онъ запираетъ на ночь, повторяла до тѣхъ поръ пока истинное значеніе этихъ словъ не поразило меня подобно удару молніи. Я глядѣла на стѣну, на изголовье кровати, на свои руки, и дрожала какъ въ лихорадкѣ.

„Не знаю много ли времени я провела въ такомъ состояніи. Когда мужъ мой, выливъ вино, пришелъ на верхъ, онъ засталъ меня въ своей комнатѣ.“

12.

„Я оставляю остальное не разказаннымъ и перейду къ слѣдующему утру.

„Хотя этихъ страницъ не будетъ читать ни одинъ смертный, но есть вещи которыхъ женщина не можетъ написать, даже для самой себя. Я скажу только что я вытерпѣла послѣднее и худшее изъ всѣхъ оскорбленій моего мужа въ то время когда я ясно увидала предъ собой средство лишить его жизни.

„На слѣдующій день онъ ушелъ въ полдень, чтобы обойти всѣ свои знакомые трактиры, а я осталась дома одна, съ твердымъ намѣреніемъ освободиться отъ него во что бы то ни стало, когда онъ вернется вечеромъ.

„Онъ оставилъ свои рабочія принадлежности въ гостиной.

Я была одна въ домѣ, и ничто не мѣшало мнѣ примѣнить къ дѣлу урокъ который онъ далъ мнѣ наканунѣ. Я оказалась способною ученицей. Прежде чѣмъ на улицахъ заглись фонари, я сдѣлала все что надо было сдѣлать чтобъ имѣть возможность наложить на него руки когда онъ запрется въ своей комнатѣ на ночь.

„Не помню чтобы въ это время я чувствовала страхъ или сомнѣнiе. Я съѣла свой скудный ужинъ съ не бѣльшимъ и не меньшимъ аппетитомъ чѣмъ въ обыкновенные дни. Единственною переменной во мнѣ было странное желанiе имѣть возлѣ себя живое существо. Такъ какъ у меня не было друга, котораго я могла бы позвать къ себѣ, я вышла на улицу, остановилась у двери своего дома и стала смотрѣть на проходящихъ.

„Заблудившаяся собачка, пробѣгая по улицѣ, остановилась предо мной. Я не люблю собакъ и вообще животныхъ. Но эту собачку я позвала къ себѣ и накормила. Ее должно-быть учили просить ѣсть на заднихъ лапкахъ, такъ по крайней мѣрѣ она просила у меня. Я смѣялась, трудно вообразить какъ я могла смѣяться, но тѣмъ не менѣе помню что я смѣялась до слезъ, когда собачка стояла на заднихъ лапкахъ, наостривъ уши, склонивъ голову на бокъ, и смотрѣла облизываясь на кусокъ хлѣба. Желала бы я знать была ли я тогда въ полномъ разсудкѣ.

„Когда собака съѣла все что я могла дать ей, она начала визжать и проситься на улицу.

„Отворивъ дверь чтобы выгнать ее, я увидала мужа, подходившаго къ дому. „Не входи“, сказала я ему. „Не входи ко мнѣ сегодня для твоего собственнаго блага.“ Слишкомъ лѣный чтобъ обратить вниманiе на мое предостереженiе, онъ прошелъ мимо меня и поднялся шатаясь на верхъ. Я сдѣлала за нимъ поодавъ. Я слышала какъ онъ вошелъ въ свою комнату, затворилъ и залеръ дверь. Я слышала какъ онъ повалился на свою постель. Черезъ минуту онъ захрапѣлъ.

„Все случилось какъ мнѣ надо было чтобы случилось. Черезъ двѣ минуты, не сдѣлавъ ничего что могло бы навлечь на меня подозрѣнiе, я могла задуть его. Я вошла въ свою комнату, взяла въ руки полотенце, заранѣе приготовленное, и была уже на шагъ отъ конца, но вдругъ со мной случилось что-то странное. Не могу опредѣлить что это было. Могу

голько сказать что ужасъ овладѣлъ мною и выгналъ меня изъ дома.

„Я надѣла шляпку и ушла изъ дома, положивъ въ карманъ ключъ отъ наружной двери. Тогда было половина девятого, или безъ четверти девять. У меня было одно опредѣленное желаніе: убѣжать подальше, чтобы никогда не видать ни дома, ни моего мужа.

„Я пошла въ одну сторону и вернулась назадъ. Пошла въ другую сторону и вернулась назадъ. Я не могла уйти. Я была какъ бы прикована къ дому. Еслибъ отъ этого зависѣла моя жизнь, я не могла бы уйти.

„Когда я рѣшалась уже вернуться домой, мимо меня прошло веселое общество молодыхъ мужчинъ и женщинъ. Они очень смѣшили. „Поскорѣ“, сказалъ одинъ изъ нихъ. „Театръ близко. Мы поспѣемъ къ водевилю.“ Получивъ религиозное воспитаніе, я до сихъ поръ не была ни разу въ театрѣ. Мнѣ пришло въ голову что если я увижу и услышу что-нибудь совершенно новое для меня, то и мысли мои обратятся на что-нибудь новое.

„Они вошли въ театръ, и я вошла за ними.

„Началось то что они называли водевилемъ, на сцену вышли мужчины и женщины. Они двигались и говорили. Скоро всѣ вокругъ меня начали смѣяться и хлопать въ ладоши. Шумъ, который они производили, сердилъ меня. Не могу разказать въ какомъ состояніи я была тогда. Я видѣла и слышала совсѣмъ не то что видѣли и слышали другіе. Можетъ-быть то что было у меня на умѣ становилось между мною и тѣмъ что происходило на сценѣ. водевиль казался очень веселымъ, но я знала что подъ веселою внѣшностью скрываютъ опасность и смерть. Актеры разговаривали и смѣялись чтобъ обмануть людей, замышляя въ то же время убійство. И никто, кромѣ меня, не зналъ этого, а мой языкъ не шевелился когда я хотѣла сказать это другимъ. Я встала и ушла изъ театра. „Выйдя на улицу, я пошла безсознательно по направленію къ дому. Я кликнула извозчика и сказала чтобъ онъ везъ меня (за шиллингъ) въ противоположную сторону. Не знаю гдѣ онъ посадилъ меня. Я увидала на противоположной сторонѣ улицы огненные буквы надъ отворенною дверью. Извозчикъ сказалъ мнѣ что это танцевальная зала. Танцы были для меня такою же новостью какъ и театръ. У меня оставался одинъ шиллингъ. Я заплатила за входъ, чтобъ испытать какое впечатлѣ-

нѣ произведутъ на меня танцы. Свѣтъ, лившійся на залу съ потолка, освѣщала ее такъ что она казалась вся въ огнѣ. Трескъ музыки былъ невыносимъ. Глядя на крушащихся мушкетъ и женщинъ, можно было сойти съ ума. Не знаю что случилось со мной здѣсь. Комната освѣтилась вдругъ огнемъ кроваваго цвѣта. Мушкетъ стоявшій предъ музыкантами, какъ хлая палочкой, сдѣлался вдругъ похожъ на сатану, какъ онъ изображенъ въ нашей семейной Библии. Кружащіяся мушкетъ и женщины превратились въ мертвецовъ, одѣтыхъ въ бѣлые саваны. Я вскрикнула отъ ужаса, и кто-то взялъ меня за руку и вытолкнулъ за дверь. Темнота подѣйствовала на меня какъ холодная рука положенная на горячую голову. Я шла въ темнотѣ, не зная куда иду и утѣшала себя надеждой что удалюсь отъ своего дома и къ утру буду за нѣсколько миль отъ него. Черезъ нѣсколько времени я такъ устала что не могла идти далѣе и сѣла отдохнуть на стуленьку предъ дверью какого-то дома. Здѣсь я задремала, но скоро проснулась и хотѣла идти далѣе, но случайно обернулась и взглянула на дверь дома. На ней стоялъ номеръ двери нашего дома. Я взглянула на стуленьку: стуленька была знакома мнѣ. Я стояла у двери своего дома.

„Всѣ мои сомнѣнія и колебанія исчезли при этомъ открытїи. Я поняла истинное значеніе воиъ моихъ возвращенїи. Какъ бы я ни сопротивлялась, судьбы не минуешь.

„Я отперла дверь, вошла наверхъ и услышала его громкое храпѣніе. Я сѣла на свою кровать и сняла шляпку, совершенно спокойная, потому что знала что судьбы не минуешь. Намочивъ полотенце и сложивъ его, я прошла по комнатѣ.

„Начинало свѣтать. Воробьи порхали по деревьямъ сада.

„Мое ослабленіе прошло. Слабый свѣтъ сказалъ мнѣ какъ бы словами: сдѣлай это теперь, пока я еще слабъ и не показываю чего не слѣдуетъ видѣть.

„Я прислушалась. Благодѣтельная тишина дала мнѣ тоже совѣтъ: сдѣлай это теперь. Я сохраняю тайну.

„Я ждала до той минуты когда церковные часы заиграли предъ боемъ. При первомъ ударѣ часовъ, не дотронувшись до замка его двери, не поставивъ ноги въ его комнату, я положила полотенце на его лицо. Съ послѣднимъ ударомъ часовъ онъ пересталъ биться. Когда утихъ въ утренней тишинѣ гулъ колокола, утихъ на вѣки и мужъ мой.“

13.

„Остальная часть этой исторіи заключается въ четырехъ дняхъ: среда, четвергъ, лятница, суббота. Далѣе все какъ будто лодернуто туманомъ; послѣдующіе годы были годами новой жизни.

„Окончу разказъ о прежней жизни.

„Что чувствовала я въ ужасной тишинѣ утра, послѣ моего поступка?

„Не знаю что я чувствовала, не могу припомнить и не могу разказать. Могу только записать что произошло въ четыре послѣдующіе дня.

Среда.—„Я подняла тревогу въ полдень. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ предъ тѣмъ я приводила все въ порядокъ. Въ полдень мнѣ осталось только позвать людей и предоставить имъ дѣлать что угодно. Сначала пришли сосѣди, потомъ полиція. Они постучались въ его дверь, потомъ выломали ее, и нашли его мертвымъ на постели.

„Ни малѣйшей тѣни подозрѣнія не пало на меня. Я могла не бояться суда человѣческаго, но я боялась невыносимо суда карающаго Провидѣнія. Ночью я спала только нѣсколько минутъ и повторила во снѣ убійство. Нѣкоторое время я даже думала пойти въ полицію и признаться въ своемъ преступленіи. Если бы я не принадлежала къ честному семейству, я это сдѣлала бы. На нашемъ добромъ имени никогда не было пятна. Если бы я призналась къ своему преступленію, я убила бы отца и олозорила бы семейство. Я молилась чтобы Богъ указалъ мнѣ что я должна сдѣлать, и къ утру на меня сошло откровеніе.

„Я получила повелѣніе открыть Библию и поклясться надъ нею что съ этого дня буду жить между моими невинными ближними отдѣльною, безмолвною жизнью, посвятивъ мой языкъ исключительно молитвѣ, съ которою буду обращаться къ Богу въ уединеніи моей комнаты, когда ни одно человѣческое существо не будетъ слышать меня. Одна, въ тишинѣ утра, я видѣла явленіе и дала клятву. Ни одно человѣческое существо не слышало меня до сихъ поръ. Ни одно человѣческое существо не услышитъ меня до дня моей смерти.“

Четвергъ.—„Заговоривъ со мною по обыкновенію, люди узнали что я овѣмѣла.“

Пятница.—„Было слѣдствіе. Его знали въ продолженіи многихъ лѣтъ за неисправимаго пьяницу; были свидѣтели видѣвшіе что онъ возвратился домой, въ послѣдній разъ, пьяный; его нашли въ комнатѣ съ залертыми изнутри дверью и окномъ: каминовъ на нашемъ чердакѣ не было; слѣдовъ никакихъ не осталось; никто не могъ войти въ залертую комнату. Доктора рѣшили что онъ умеръ отъ прилива крови къ легкимъ. Этимъ дѣло и кончилось.

Суббота—„отмѣчена навсегда въ моемъ календарѣ какъ достопамятный день въ который меня постигло наказаніе карающей судьбы. Часа въ три пополудни, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, подъ безоблачнымъ небомъ, я, Есѣрь Дезридъ, увидала въ первый разъ видѣніе, которому суждено преслѣдовать меня до конца моей жизни.

• „Я провела ужасную ночь и была въ такомъ же состояніи какъ въ тотъ вечеръ когда ходила въ театръ. Я ушла изъ дома съ надеждой что свѣжій воздухъ, солнечный свѣтъ и свѣжая зелень успокоятъ меня хоть сколько-нибудь. Ближайшее мѣсто гдѣ я могла найти свѣжій воздухъ и зелень, былъ ларкъ Регента. Я вошла въ одну изъ такихъ аллей въ центрѣ ларка куда не пускаютъ лошадей, и гдѣ старики могутъ грѣться на солнцѣ, а дѣти играть безопасно.

„Я сѣла на лавочку. Между дѣтьми, окружавшими меня, былъ хорошенькій маленькій мальчикъ. Онъ игралъ въ новую игрушку, лошадку запряженную въ тележку. Когда я смотрѣла какъ онъ рвалъ съ озабоченнымъ видомъ траву и нагружалъ ею свою тележку, я почувствовала въ первый разъ то что повторилось съ тѣхъ поръ такъ много разъ—ознобъ, медленно пробѣгающій по всему тѣлу и подозрѣніе что воздъ меня окрывается что-то, и что это что-то покажется мнѣ, если я обернусь въ его сторону.

„Недалеко отъ меня стояло толстое дерево. Я взглянула на дерево въ ожиданіи что изъ-за него выйдетъ то что скрывалось за нимъ.

„Оно вышло, темное и туманное при яркомъ солнечномъ свѣтѣ. Сначала я увидала неопредѣленную фигуру женщины. Потомъ она начала обозначаться яснѣе, яснѣе и яснѣе, пока я наконецъ не увидала, какъ въ зеркалѣ, самое себя, — мой двойникъ, глядѣвшій на меня моими глазами. Я видѣла какъ онъ шелъ по травѣ. Я видѣла какъ онъ остановился за прекраснымъ мальчикомъ. Я видѣла какъ онъ началъ прислуши-

ваться, какъ прислушивалась я въ тотъ ранній часъ утра когда я ждала перваго удара часовъ. Услыхавъ ударъ, онъ указалъ мнѣ моею рукой на прекраснаго ребенка и сказалъ мнѣ моимъ голосомъ: „убей его!“

„Прошло сколько-то времени—не знаю была ли то минута или часъ. Я не видала ни неба, ни земли. Я не видала ничего кромѣ двойника, указывавшаго мнѣ на ребенка и не чувствовала ничего кромѣ невыносимаго желанія убить ребенка.

„Потомъ небо и земля вдругъ бросились мнѣ въ глаза. Я увидала и людей, которые смотрѣли на меня съ недоумѣніемъ, подозревая что я сумасшедшая.

„Я встала съ величайшимъ усиленіемъ съ лавки. Я отвернулась съ величайшимъ усиленіемъ отъ прекраснаго ребенка. Я ушла съ величайшимъ усиленіемъ отъ видѣнія.

„Не могу выразить какъ было сильно искушеніе, постигшее меня. Я какъ будто вырывала изъ себя жизнь, сопротивляясь искушенію убить ребенка. Иначе не могу объяснить это чувство. И какъ было сильно искушеніе въ первый разъ, такъ же сильно оно бываетъ каждый разъ когда мнѣ является видѣніе. Только страшно-мучительнымъ усиленіемъ можно преодолѣть его. Только уединеніемъ и молитвой можно утолить тоску, которая всегда слѣдуетъ за нимъ.

„Предчувствіе грядущаго наказанія тяготѣло надо мною, и наказаніе постигло меня. Я ждала суда карающаго Провидѣнія, и карающее Провидѣніе произнесло свой приговоръ надо мною.“

Прочитавъ послѣднія слова, Джофри подвѣлъ голову. Ему послышался какой-то звукъ. Не въ корридорѣ ли это?

Онъ прислушался. Прошла минута глубокой тишины. Онъ обратился опять къ рукописи и сосчиталъ недочитанныя страницы.

Дальнѣйшій разказъ ограничивался передачей обстоятельствъ при которыхъ Есфирь Дезриджъ поступила опять въ услуженіе. Немногія остальныя страницы были заняты отрывочнымъ дневникомъ. Краткія записки все относились къ случаямъ когда Есфирь Дезриджъ видѣла опять страшное видѣніе и опять боролась съ ужасною страстью, которую пробуждало въ ней страшное созданіе ея большого мозга.

Сосчитавъ страницы, Джофри возвратился къ тому мѣсту на которомъ остановился, намѣреваясь прочесть рукопись до

конца. Но не успѣвъ онъ прочесть одной строчки, какъ шумъ въ корридорѣ, затихшій только на минуту, помѣшалъ ему опять.

Въ этотъ разъ не могло уже быть сомнѣнія въ значеніи звуковъ. Онъ слышалъ ея послѣдніе шаги, онъ слышалъ ея страшный крикъ. Есфирь Дезриджъ проснулась, хватилась исповѣди и не нашла ея.

Онъ положилъ рукопись въ карманъ. Въ этотъ разъ чтеніе его было удачно. Не было уже надобности ломать голову надъ *Ньюгетскилъ Календаремъ*. Вопросъ былъ рѣшенъ. Когда онъ всталъ, его сумрачное лицо медленно прояснилось ужасною улыбкой. Пока исповѣдь несчастной женщины была въ его карманѣ, несчастная женщина была въ его власти. „Она получить назадъ свою исповѣдь не иначе какъ на моихъ условіяхъ.“ Съ этимъ рѣшеніемъ онъ отворилъ дверь и смѣло вышелъ навстрѣчу Есфири Дезриджъ.

ГЛАВА LV.

Признаки конца.

На слѣдующее утро, служанка, поставивъ передъ Анной подносъ съ завтракомъ, затворила съ таинственнымъ видомъ дверь и объявила что въ домѣ происходитъ что-то странное.

— Вы ничего не слышали ночью, сударыня? спросила она.

— Мнѣ показалось что кто-то шепчется за стѣной моей комнаты, отвѣчала Анна.—Развѣ что-нибудь случилось.

Разказъ служанки, освобожденный отъ замѣшательства съ которымъ она передала его, въ сущности ограничивался слѣдующимъ. Поздно вечеромъ, наканунѣ, она была поражена внезапнымъ появленіемъ своей хозяйки въ корридорѣ нижняго этажа. Мистрисъ Дезриджъ озиралась такимъ дикимъ взглядомъ что можно было подумать что она сошла съ ума. Почти въ ту же минуту „баринъ“ распахнулъ дверь гостиной, схватилъ за руку мистрисъ Дезриджъ, втащилъ ее въ гостиную и заперъ дверь. Болѣе получаса пробыли они вдвоемъ. Мистрисъ Дезриджъ вышла изъ гостиной блѣдная какъ смерть и поднялась на верхъ дрожа какъ бы отъ ужаса. Немного позже, когда служанка легла, но еще не спала, она увидала въ щель своей двери свѣтъ въ маленькомъ корридорѣ, который велъ въ ея спальню и отдѣлялъ спальню Анны отъ

спальни хозяйки. Она встала, взглянула въ замочную скважину и увидала „барина“ съ мистрисъ Дезриджъ. Они стояли рядомъ и разсматривали стѣны корридора. „Баринъ“ положилъ руку на стѣну комнаты своей жены и взглянулъ на мистрисъ Дезриджъ. Мистрисъ Дезриджъ взглянула на него и покачала головой. „Здѣсь нельзя сдѣлать?“ спросилъ онъ ее шепотомъ. Мистрисъ Дезриджъ опять покачала головой. Онъ подумалъ съ минуту, и шепнулъ ей: „можетъ-быть другая комната годится?“ Мистрисъ Дезриджъ кивнула головой, и вслѣдъ за этимъ они разошлись. Таковы были ночныя происшествія. Утреннія происшествія были не менѣе странны. Баринъ уходилъ изъ дома съ большимъ пакетомъ залечатаннымъ многими печатями; самъ относилъ на почту свое письмо, вмѣсто того чтобъ отослать его, по обыкновенію, со служанкой. Когда онъ вернулся, мистрисъ Дезриджъ отправилась куда-то. Немного позже, приходилъ какой-то ремесленникъ. Онъ принесъ связку драгокъ и немного извести. Дражки и известъ были спрятаны въ уголъ чулана. Последнимъ и самымъ замѣчательнымъ изъ домашнихъ событій было то что служанкѣ позволили съѣздить на родину, погостить у родныхъ, и сказали что она можетъ отправиться немедленно, несмотря на то что мистрисъ Дезриджъ навяла ее съ условіемъ что она не получить отпуску раньше Рождества. Чѣмъ объяснить всѣ странныя происшествія случившіяся съ прошлаго вечера?

Нѣкоторыя происшествія свидѣтельствовали повидимому что хозяйка намѣревается произвести въ своемъ домѣ какія-то передѣлки. Но какое дѣло до этихъ передѣлокъ Джофри (которому отказано отъ квартиры), и почему мистрисъ Дезриджъ была сильно взволнована ночью,—было загадками неразрѣшными.

Анна отпустила служанку съ небольшимъ подаркомъ и нѣсколькими ласковыми словами. При другихъ обстоятельствахъ необъяснимыя домашнія происшествія встревожили бы ее. Но теперь умъ ея былъ поглощенъ событіемъ котораго она ожидала. Во второмъ письмѣ (которое передала ей наканунѣ хозяйка) Бланка увѣдомляла ее что сэръ-Патрикъ настаиваетъ на своемъ намѣреніи повидаться съ ней, и что они пріѣдутъ къ ней въ этотъ день во что бы то ни стало.

Анна взяла письмо и перечела опять мѣсто относившееся къ сэръ-Патрику.

„Не думаю, милый другъ мой, чтобы вы имѣли понятіе о чувствахъ моего дяди къ вамъ. Хотя онъ не имѣетъ причины упрекать себя, какъ упрекаю себя я, за жертву которую вы принесли, но онъ беспокоится и тоскуетъ о васъ такъ же сильно какъ и я. Мы не говоримъ не о комъ кромѣ васъ. Онъ сказалъ вчера что по его мнѣнію въ мірѣ нѣтъ существа которое могло бы сравниться съ вами. Подумайте только что это сказалъ человѣкъ который смотритъ такъ строго на недостатки женскаго пола вообще и насмѣхается надъ нами такъ безлощадно. Я дала слово молчать, но должна рассказать вамъ еще кое-что, по секрету. Когда лордъ Гольчестеръ объявилъ что братъ его не соглашается разойтись съ вами, дядя вышелъ изъ себя. Если въ вашей жизни нѣтъ переменъ къ лучшему, то черезъ нѣсколько дней сэръ-Патрикъ найдетъ средство, — законное или незаконное, ему нѣтъ дѣла, — освободить васъ изъ ужаснаго положенія въ которомъ вы находитесь. Мы бояли что васъ держатъ, лодъ различными предлогами, взаперти. Сэръ-Патрикъ уже нашелъ себѣ наблюдательный постъ возлѣ васъ. Онъ и Арнольдъ обошли ночью вокругъ вашего дома, нашли дверь въ задней стѣнѣ сада и подобрали къ ней ключъ съ помощью слесаря. Сэръ-Патрикъ вѣроятно самъ поговоритъ съ вами объ этомъ. Пожалуйста не покажите что вы что-нибудь знаете. Я не посвящена въ его тайны, но Арнольдъ посвященъ, что одно и то же. Мы, я и дядя, прійдемъ къ вамъ завтра, вопреки негодяю который васъ держитъ взаперти. Арнольдъ не прійдетъ; онъ не ручается что сумѣетъ сдержать свое негодованіе. Не унывайте, милая. На свѣтѣ есть два существа которымъ вы невыразимо дороги и которыя рѣшились спасти ваше счастье. Одно изъ нихъ я, а другое сэръ-Патрикъ. Ради Бога чтобы это осталось между нами.“

Углубившись въ письмо, волнуемая столкновеніемъ различныхъ чувствъ, которыя оно пробуждало въ ней, краснѣя и блѣднѣя, она не обращала никакого вниманія на то что дѣлалось вокругъ нея, пока служанка, явившаяся съ порученіемъ, не прервала ея мыслей. Пріѣхавъ мистеръ Спидвель, видѣлся съ мистеромъ Деламеномъ и теперь желаетъ повидаться съ нею.

Анна сошла въ гостиную. Докторъ былъ одинъ. Онъ извинился что потревожилъ ее такъ рано.

— Вчера я никакъ не могъ побывать здѣсь, сказалъ онъ. — Днемъ я принимаю посѣтителей у себя, и иначе не могъ исполнить просьбу лорда Гольчестера, какъ пріѣхать такъ рано. Я видѣлъ мистера Деламена, и онъ разрѣшилъ мнѣ поговорить съ вами объ его здоровьѣ.

Анна взглянула въ окно и увидала Джоффри, курившаго

грубку въ передней половинѣ сада, гдѣ онъ могъ видѣть выходную дверь.

— Онъ боленъ? спросила она.

— Онъ серьезно боленъ, отвѣчалъ мистеръ Слйдвель.—Иначе я не сталъ бы беспокоить васъ. Я обязанъ предупредить васъ, какъ его жену, что ему угрожаетъ серьезная опасность. Ему постоянно грозитъ апоплексическій ударъ. Онъ долженъ немедленно измѣнить свой образъ жизни. Это единственный и, надо признаться, очень слабый шагъ къ спасенію.

— Въ одномъ отношеніи онъ принужденъ будетъ измѣнить свой образъ жизни, сказала Анна.—Хозяйка отказала ему отъ квартиръ.

Мистеръ Слйдвель взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— Хозяйка вѣроятно передумала, сказалъ онъ.—Когда я посоветовалъ мистеру Деламену перемѣнить климатъ, онъ объявилъ мнѣ очень рѣшительно что останется по собственнымъ причинамъ на этой квартирѣ.

Новое необъяснимое обстоятельство. Есѹиръ Дезриджъ, самая непоколебимая изъ женщинъ, измѣнила свое рѣшеніе.

— Есть еще два предохранительныхъ средства, на которыя я обязанъ указать вамъ, продолжалъ докторъ.—Причина страданія мистера Деламена очевидно причина нравственная, хотя онъ не хочетъ сознаться въ этомъ. Для спасенія его жизни эту причину необходимо отстранить. Не отъ васъ ли это зависитъ?

— Я даже не знаю, мистеръ Слйдвель, что это за причина.

Докторъ поклонился и продолжалъ:

— Второе предохранительное средство состоитъ въ томъ чтобы заставить его отказаться отъ крѣпкихъ напитковъ. Онъ самъ сознался что третьяго дня выпилъ чрезмѣрно много. Вино для него буквально ядъ, въ его положеніи. Если онъ примется олять за бутылку—извините что я выражаюсь прямо, это дѣло слишкомъ серьезное для церемоній,—если онъ примется олять за бутылку, его ожидаетъ неминуемая смерть. Можете вы заставить его отказаться отъ вина?

Анна отвѣчала откровенно:

— Я не имѣю на него никакого вліянія, мистеръ Слйдвель. Мы живемъ здѣсь на такихъ условіяхъ.

Мистеръ Слйдвель вѣжливо остановилъ ее.

— Я понимаю, сказалъ онъ.—Я заѣду къ его брату на возвратномъ пути.

Онъ поглядѣлъ съ минуту на Анну.

— Сами-то вы совсѣмъ больны, сказалъ онъ. — Не могу ли я помочь вамъ?

— Пока я нахожусь въ моемъ положеніи, мистеръ Слэдвелъ, ваше искусство не поможетъ мнѣ.

Докторъ проснулся. Анна ушла послѣдшнею наверхъ. Увидѣть человѣка погубившаго ея жизнь, увидѣть затаенную ненависть, противъ его воли высказывавшуюся въ его глазахъ, и знать въ то же время что надъ нимъ уже произнесенъ смертный приговоръ, было такою пыткой, отъ которой отступала съ ужасомъ ея благородная натура.

Часъ за часомъ прошло утро. Джофри не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки увидать ее. Есэиръ не показывалась. Служанка приходила проснуться и отправилась въ отпускъ. Вскорѣ послѣ ея отъѣзда, Анна услышала стукъ молотка и передвиженіе тяжелой мебели въ пустой комнатѣ находившейся на противоположной сторонѣ коридора, противъ ея комнаты. Тамъ ловидимому приступили къ таинственнымъ передѣлкамъ.

Анна подошла къ окну. Время обѣщаннаго свиданія приближалось. Она перечла опять письмо.

Въ этотъ разъ оно дало ей поводъ къ новымъ предположеніямъ. Не были ли таинственныя мѣры, втайнѣ принятыя сэръ-Патрикомъ, столько же слѣдствіемъ страха, какъ и участія? Не думаетъ ли онъ что ей угрожаетъ такая опасность отъ которой законъ не можетъ оградить ее? Дѣйствительно, еслибы она имѣла возможность обратиться въ судъ, и объявить что, по ея убѣжденію, ей грозитъ серьезная опасность, — какія доказательства представила бы она въ пользу своего мнѣнія? Всѣ доказательства были въ пользу ея мужа. Свидѣтели могли подтвердить примирительныя слова, которыя онъ сказалъ ей. Его братъ и его мать могли подтвердить что онъ пожертвовалъ денежными интересами чтобы не разставаться съ нею. Въ ея положеніи не было ничего такого что могло бы дать кому-нибудь право вмѣшаться между нею и ея мужемъ. Можетъ-быть сэръ-Патрикъ понимаетъ это? И можетъ быть поэтому-то онъ и рѣшился дѣйствовать помимо закона? Чѣмъ болѣе она объ этомъ думала, тѣмъ это казалось ей вѣроятнѣе.

Звонокъ у садовой двери прервалъ теченіе ея мыслей.

Шумъ въ пустой комнатѣ внезапно утихъ.

Анна выглянула въ окно, и увидѣла крышу кареты за садовой стѣной. Сэръ-Патрикъ и Бланка пріѣхали. Есэиръ

Дезриджъ показала въ саду и подошла къ рѣшеткѣ садовой двери. Анна услышала рѣшительный голосъ сэръ-Патрика.

— Потрудитесь передать мою карточку мистеру Деламену. Скажите что я прѣхаль отъ лорда Гольчестера съ такимъ порученіемъ которое я могу передать только лично.

Ессиръ Дезриджъ вернулась въ домъ. Прошелъ довольно долгій промежутокъ. Наконецъ въ саду показался самъ Джофри, съ ключомъ въ рукахъ. Сердце Анны сильно билось, когда онъ отпиралъ дверь. Она спрашивала себя что будетъ дальше.

Къ ея невыразимому удивленію, Джофри впустилъ сэръ-Патрика безъ малѣйшаго препятствія, и самъ пригласилъ Бланку выйти изъ кареты и войти въ садъ.

— Не будемъ вспоминать о прошломъ, сказалъ онъ сэръ-Патрику.—Мое единственное желаніе теперь сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ. Если другіе считаютъ приличнымъ чтобъ я принималъ посѣтителей такъ скоро послѣ смерти отца, такъ я готовъ принять васъ. Я поручилъ передать вамъ что считаю это неприличнымъ. Но въ такихъ вещахъ я мало смыслю и предоставляю это вамъ.

— Вы обязаны, мистеръ Деламенъ, принять, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, посѣтителя который прѣзжаетъ къ вамъ съ порученіемъ отъ вашей матери, и отъ вашего брата, отвѣчалъ сэръ-Патрикъ спокойно.

— Тѣмъ болѣе, отвѣчала Бланка что онъ прѣзжаетъ въ сопровожденіи лучшаго друга вашей жены.

Джофри смотрѣлъ на нихъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

— Я уже сказалъ вамъ что мало смыслю въ такихъ вещахъ и предоставляю это вамъ.

Въ эту минуту они подошли подъ окно Анны. Она показала. Сэръ-Патрикъ поклонился. Бланка вскрикнула отъ радости и подбѣжала къ двери дома. Джофри остановилъ ее и пригласилъ жену сойти внизъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула Бланка. — Лучше я пойду къ ней въ ея комнату.

Она сдѣлала олять шагъ къ дому, но Джофри олять остановилъ ее.

— Не безлокойтесь, сказалъ онъ.—Она сейчасъ сойдетъ.

Анна вышла въ садъ. Бланка обняла ее и осыпала поцѣлуями. Сэръ-Патрикъ молча пожалъ ея руку. Въ первый разъ съ

тѣхъ лоръ какъ она его знала, Анна замѣтила что веселый, насмѣшливый, самовадѣянный старикъ растерялся и не могъ сказать ни одного слова. Но глаза его, смотрѣвшіе на нее съ безмолвнымъ участіемъ, сказали ей ясно: въ присутствіи вашего мужа я не рѣшаюсь заговорить съ вами.

Джофри прервалъ молчаніе.

— Не хотите ли войти въ гостиную, сказалъ онъ, глядя съ пристальнымъ вниманіемъ на жену и на Бланку.

Голосъ Джофри возвратилъ самообладаніе сэръ-Патрику. Онъ поднималъ голову.

— Можно ли сидѣть въ комнатахъ въ такую прекрасную погоду, сказалъ онъ.—Походимъ лучше по саду.

Бланка пожала выразительно руку Анны. Такое предложеніе было, очевидно, сдѣлано съ цѣлью. Они завернули за уголъ дома и вошли въ обширный задній садъ,—двѣ дамы шли впереди а сэръ-Патрикъ и Джофри слѣдовали за ними. Бланка начала ускорять понемногу шаги.

— Мнѣ такъ предписано, сказала она.—Надо уйти подальше отъ нихъ.

Это легко было сказать, но не сдѣлать. Джофри не отставалъ отъ нихъ.

— Примите въ соображеніе мою хромоту, мистеръ Деламень, сказалъ сэръ-Патрикъ.—Не такъ скоро.

Планъ былъ хитро придуманъ, но Джофри понялъ хитрость. Вмѣсто того чтобы замедлить шаги, онъ сказалъ женѣ:

— Примите въ соображеніе хромоту сэръ-Патрика.— Не такъ скоро.

Сэръ-Патрикъ встрѣтилъ неудачу съ невозмутимымъ присутствіемъ духа. Когда Анна замедлила шаги, онъ вдругъ остановился на срединѣ дорожки.—Я хочу говорить съ вами, сказалъ онъ.—Двѣ дамы шли медленно впередъ. Джофри предстояло выбрать одно изъ двухъ—или остаться съ сэръ-Патрикомъ, и оставить дамъ вдвоемъ, или послѣдовать за дамами и оставить сэръ-Патрика одного. Онъ подумалъ, и послѣдовалъ за дамами.

Сэръ-Патрикъ позвалъ его назадъ.

— Я сказалъ вамъ что хочу поговорить съ вами, сказалъ онъ рѣзко.

Джофри, поставленный въ затруднительное положеніе, выдалъ свое намѣреніе не оставлять дамъ вдвоемъ. Онъ крикнулъ Аннѣ чтобъ она остановилась.

— У меня нѣтъ секретовъ отъ жены, сказалъ онъ.—И я хочу чтобъ у жены моей не было секретовъ отъ меня. Можете говорить при ней.

Глаза сэръ-Патрика засверкали негодованіемъ, но онъ овладѣлъ собой и взглянулъ выразительно на племянницу.

— Какъ вамъ угодно, сказалъ онъ.—Вашъ братъ просилъ меня передать вамъ что его новыя обязанности отнимають у него такъ много времени что онъ не надѣется имѣть возможность пріѣхать на дняхъ въ Фульгамъ, какъ обѣщаль вамъ. Леди Гольчестеръ, узнавъ что я увижу васъ, дала мнѣ другое порученіе. Она несовсѣмъ здорова и желаетъ чтобы вы пріѣхали къ ней завтра и привезли съ собою (это ея непремѣнное желаніе) вашу жену.

Передавая порученія, онъ постепенно возвышалъ голосъ. Пока онъ говорилъ, Бланка (понявъ значеніе взгляда дяди) сказала шепотомъ Аннѣ:

— Онъ не согласится разойтись съ вами пока вы будете жить у него. Онъ торгуется съ братомъ. Если вы скроетесь отъ него, онъ долженъ будетъ согласиться. Поставьте свѣчу на окно, если найдете возможнымъ выйти въ садъ въ нынѣшнюю ночь. Если нѣтъ, то въ другую ночь. Подойдите къ задней двери сада. Сэръ-Патрикъ и Арнольдъ берутъ остальное на себя.

Послѣднія слова она сказала Аннѣ на ухо, небрежно махая зонтикомъ, какъ будто то что она говорила было самою невинною болтовней. Женщина всегда находчива, когда ей приходится содѣйствовать обману, который она сама одобряетъ. Но какъ ни ловко дѣйствовала Бланка, ей не удалось обмануть подозрительнаго Джофри. Она дошла до своей послѣдней фразы, прежде чѣмъ онъ могъ отвлечь свое вниманіе отъ того что говорилъ ему сэръ-Патрикъ и вслушаться въ ея слова. Онъ слышалъ только первую половину послѣдней фразы.

— Что такое вы сказали о сэръ-Патрикѣ и Арнольдѣ? спросилъ онъ.

— Ничего интереснаго для васъ, отвѣчала Бланка, не смутившись.—Если хотите я повторю. Я разказывала Аннѣ о моей мачихѣ. Леди Лунди, послѣ случившагося въ Портлендѣ, объявила сэръ-Патрику и Арнольду что они могутъ впредь считать себя совершенно чужими ей. Вотъ и все.

— Такъ ли? спросилъ Джофри, устремивъ на нее пристальный взглядъ.—Все ли?

— Спросите у дяди если не вѣрите мнѣ, отвѣчала Бланка.— Она отказала намъ необыкновенно величественно, и тѣми самыми словами которыя я повторила вамъ. Не правда ли дядя?

Бланка сказала правду. Ея быстрое соображеніе указало ей на дѣйствительное происшествіе, относившееся къ сэръ-Патрику и Арнольду. Принужденный замолчать, съ одной стороны, Джофри былъ вызванъ на отвѣтъ съ другой.

— Какой же отвѣтъ передать отъ васъ леди Гольчестеръ? спросилъ сэръ-Патрикъ.

Джофри, не отвѣчая, устремилъ на него пристальный взглядъ.

Сэръ-Патрикъ повторилъ опять порученіе леди-Гольчестеръ, сдѣлавъ особое удареніе на словахъ объ Аннѣ. Удареніе разозлило Джофри.

— Вы сговорились съ моею матерью испытать меня, воскликнулъ онъ.— Чортъ бы побралъ ваши хитрости, вотъ что я вамъ скажу.

— Я жду вашего отвѣта, настаивалъ сэръ-Патрикъ, не обративъ вниманія на дерзость Джофри.

Джофри взглянулъ на Анну и внезапно овладѣлъ собой.

— Передайте мое почтеніе матушкѣ, сказалъ онъ.— Я приѣду къ ней завтра и привезу съ собою жену съ величайшимъ удовольствіемъ. Слышите ли? Съ величайшимъ удовольствіемъ, повторилъ онъ и оглянулъ слушателей, желая знать какое впечатлѣніе произвелъ на нихъ его отвѣтъ.

Сэръ-Патрикъ ждалъ непроницаемо не скажетъ ли онъ еще чего-нибудь.

— Очень жаль что я погорячился, продолжалъ Джофри.— Меня оскорбляютъ, мнѣ не довѣряютъ безъ всякой причины. Я прошу васъ быть свидѣтелями, прибавилъ онъ, возвысивъ опять голосъ и взглядывая съ безлокойствомъ то на сэръ-Патрика, то на Анну,—я прошу васъ быть свидѣтелями что я обращаюсь съ моею женой какъ слѣдуетъ. Друзья пріѣзжаютъ навѣстить ее, и я не мѣшаю ей повидаться съ друзьями. Матушка желаетъ видѣть ее, и я обѣщаю свозить ее къ матушкѣ. Завтра въ два часа. За что же осуждаютъ меня? Вотъ вы глядите на меня и не говорите ни слова. Скажите въ чемъ я виноватъ.

— Если собственная совѣсть человѣка не упрекаетъ его, мистеръ Деламенъ, то мнѣніе другихъ имѣеть для него мало значенія, сказалъ сэръ-Патрикъ.— Мое порученіе исполнено.

Когда онъ обернулся къ Аннѣ, чтобы проститься съ ней,

Она поняла какое бевлокойство онъ чувствовалъ покидая ее. Онъ люблѣднѣлъ. Рука его дрожала, когда онъ пожалъ крѣпко и нѣжно ея руку.

— Завтра увидимся у лорда Гольчестера, сказалъ онъ и выжалъ подъ руку Бланку.

Онъ простился съ Джоффри, не взглянувъ на него и не обративъ вниманія на его протянутую руку. Въ слѣдующую минуту они уѣхали.

Анна ждала въ нижнемъ корридорѣ пока Джоффри запираетъ дверь. Послѣ его отвѣта матери, она не хотѣла показать что избѣгаетъ его. Онъ подошелъ медленно къ дому, но увидавъ ее въ отворенную дверь, прошелъ мимо и завернулъ за уголъ дома. Не трудно было понять что онъ самъ избѣгаетъ ее. Не солгалъ ли онъ сэръ-Патрику? Не найдетъ ли онъ завтра причины не взять ее съ собой?

Она вошла на верхъ. Есѳиръ Дезриджъ отворила дверь своей комнаты, но увидавъ Анну, постыдно скрылась олять. Олять не трудно было понять что Есѳиръ Дезриджъ имѣетъ свои причины избѣгать ее.

Что это значить? Что можетъ быть общаго между Джоффри и хозяйкой?

Но такъ какъ вопросъ этотъ былъ неразрѣшимъ, то мысли Анны естественно обратились на то что сообщила ей Бланка. Женщина не можетъ быть равнодушной къ такой преданности какую выказывалъ ей сэръ-Патрикъ своими поступками. Какъ ни было ужасно ея положеніе, съ его постоянно возрастающей неизвѣстностью, съ его неразрѣшимыми сомнѣніями, она была счастлива когда думала съ гордостью и благодарностью о всѣхъ жертвахъ и оласностяхъ коимъ онъ подвергалъ себя единственно ради нея. Не обязана ли она, столько же относительно себя самой какъ и относительно сэръ-Патрика, сократить періодъ страданія? спрашивала она себя. Можно ли въ ея положеніи ждать что принесетъ съ собой завтра? Она рѣшила поставить въ эту же ночь свѣчу на окно, если представится возможность выйти въ садъ.

Подъ вечеръ раздались олять звуки означавшіе, по мнѣнію Анны, что въ домѣ производятся какія-нибудь передѣлки. Въ этотъ разъ звуки были слабые и раздавались не въ пустой комнатѣ, а въ спальнѣ Джоффри.

Обѣдъ въ этотъ день былъ поданъ поздно. Есѳиръ Дезриджъ явилась съ подносомъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло. Анна

предложила ей вопросъ и получила въ отвѣтъ нѣмой звукъ. Рѣшившись взглянуть въ лицо Есеири, она задала такой вопросъ на который можно было отвѣтить не иначе какъ письменно, и сказавъ ей подождать, подошла къ камину, чтобы зажечь свѣчу. Когда она обернулась съ зажженною свѣчей, Есеирь ушла.

Наступила ночь. Анна позвонила, чтобы заставить унести подносъ. Въ корридорѣ слышались незнакомые шаги.

— Кто тамъ? спросила она.

Ей отвѣчалъ мальчикъ котораго Джофри употреблялъ для посылокъ.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? спросила она, не отворяя двери.

— Меня прислалъ мистеръ Деламень, сударыня. Онъ проситъ васъ сойти къ нему сейчасъ же.

Анна сошла внизъ и нашла Джофри въ столовой. Цѣль съ которою онъ вызвалъ ее была повидимому самая пустая. Онъ спросилъ ее какъ она желаетъ ѣхать въ Лондонъ: по желѣзной дорогѣ или въ экипажѣ?—Если вы желаете ѣхать въ экипажѣ, мальчикъ найметъ карету.

— Я желала бы ѣхать по желѣзной дорогѣ, отвѣчала Анна.

Но Джофри не удовлетворился отвѣтомъ. Онъ попросилъ ее обдумать хорошенько свое рѣшеніе и началъ просить ее, съ безлокойнымъ выраженіемъ въ глазахъ, не лишать себя комфорта ради экономіи. У него очевидно была какая-то причина удерживать ее въ комнатѣ.

— Сядьте пожалуйста и подумайте хорошенько, прежде чѣмъ рѣшите, сказалъ онъ.

Заставивъ ее сѣсть, онъ высунулъ голову въ дверь и послалъ мальчика на верхъ за своею трубкой.

— Я хочу чтобы жена моя пользовалась всевозможнымъ комфортомъ, сказалъ онъ съ очевиднымъ волненіемъ.

Прежде чѣмъ Анна успѣла отвѣтить, на верху раздался полуганный голосъ мальчика. „Пожаръ“, кричалъ онъ.

Джофри побѣжалъ на верхъ. Анна послѣдовала за нимъ. Мальчикъ указалъ имъ на отворенную дверь комнаты Анны. Анна была вполнѣ увѣрена что уходя изъ комнаты оставила свѣчу на столѣ, далеко отъ занавѣса постели. Занавѣсъ тѣмъ не менѣе пылалъ.

Въ верхній этажъ дома была проведена вода. Тазы и рукомойники, которые обыкновенно приносились въ спальню въ началѣ вечера, на эту ночь были оставлены у резервуа-

ра. Тамъ же стояло пустое ведро. Приказавъ мальчику принести воды, Джоффри сорвалъ занавѣсъ и бросилъ одну половину на постель, а другую на диванъ. Выливъ воду изъ ведра и изъ кувшина, принесенныхъ мальчикомъ, онъ залил огонь на постели и на диванъ. Пожаръ былъ прекращенъ въ одну минуту, и домъ спасенъ. Но постель была залита водой, и комната сдѣлалась необитаема, по крайней мѣрѣ на эту ночь, а, можетъ-быть, и на нѣсколько ночей.

Джоффри поставилъ на полъ пустое ведро и сказалъ, обратившись къ Аннѣ:

— Вамъ это не причинитъ большого безлокояства. Стѣить только перебраться въ другую комнату. .

Съ помощью мальчика, онъ перетащилъ чемоданъ Анны и коммодъ въ другую комнату, сосѣдную съ его комнатою, и посоветовавъ Аннѣ быть впредь осторожнѣе съ огнемъ, ушелъ внизъ, не выслушавъ ея отвѣта. Мальчикъ послѣдовалъ за нимъ и получилъ позволеніе идти домой.

Въ смятеніи, сопровождавшемъ тушеніе огня, Анна не могла не замѣтить оригинальнаго поведенія хозяйки дома.

Въ началѣ тревоги, Есѣиръ вышла изъ своей комнаты, взглянула на пылавшій занавѣсъ и отошла въ уголь, совершенно, повидимому, равнодушная къ опасности, угрожавшей ей дому. Когда пожаръ былъ прекращенъ, она не сдвинулась съ мѣста, пока не перенесли въ другую комнату имущество Анны. Тогда она вышла изъ комнаты, не бросивъ даже взгляда на обгорѣвшую постель и на заколоченный потолокъ, заперла дверь, положила ключъ въ карманъ и ушла въ свою спальню.

До сихъ поръ Анна не раздѣляла убѣжденія къ которому приходили почти всѣ кому случалось имѣть сношенія съ Есѣирью. Но въ этотъ вечеръ она не могла не согласиться что умственные способности Есѣири разстроены. Оставшись съ нею вдвоемъ, она хотѣла предложить ей вопросъ о причинѣ пожара, но, подумавъ, отложила до другаго раза. Она перешла корридоръ и вошла въ заласную комнату, въ ту комнату отъ которой она отказалась, когда видѣла ее въ первый разъ, и которую должна была занять теперь поневолю.

Она была мгновенно поражена перемѣной въ размѣщеніи мебели.

Кровать передвинули на другое мѣсто. Изголовье кровати, обращенное къ наружной стѣнѣ, когда Анна была въ первый

разъ въ комнатѣ, было теперь прислонено къ перегородкѣ отдѣлявшей эту комнату отъ спальни Джофри. Такая перемѣна была произведена, очевидно, съ какою-нибудь цѣлью. Крючокъ, поддерживавшій занавѣсъ, былъ вбитъ въ другое мѣсто потолка, сообразно съ перемѣщеніемъ кровати. Стулья и умывальникъ, стоявшіе сначала у перегородки, были перенесены къ наружной стѣнѣ. Остальная мебель стояла на прежнихъ мѣстахъ.

Въ положеніи Анны, всякое неожиданное и необъяснимое обстоятельство должно казаться страннымъ и подозрительнымъ. Не передвинули ли постель съ какою-нибудь цѣлью? Не относится ли къ ней какимъ-нибудь образомъ эта цѣль?

Сомнѣніе, едва зародившись, обратилось въ страшное подозрѣніе. Не для тайной ли какой-нибудь цѣли понадобилось перемѣстить ее въ эту комнату? Не къ этому ли перемѣщенію относится вопросъ съ которымъ Джофри обратилась въ прошлую ночь къ хозяйкѣ? Не нарочно ли подожгли занавѣсъ, чтобы заставить ее переселиться въ эту комнату?

Когда эти три вопроса мелькнули въ ея умѣ, она опустилась на ближайшій стулъ въ изнеможеніи отъ ужаса.

Успокоившись немного, она рѣшилась убѣдиться основательны ли ея подозрѣнія. Можетъ-быть, разстроенное воображеніе налугало ее призрачною опасностію. Можетъ-быть была какая-нибудь основательная причина передвинуть кровать. Она вышла и постучала въ дверь комнаты хозяйки.

— Мнѣ надо поговорить съ вами, сказала она.

Есѣрь отворила дверь. Анна позвала ее въ свою комнату.

— Для чего вы передвинули кровать отъ той стѣны къ этой? спросила Анна.

Есѣрь приняла вопросъ съ такою же невозмутимою покорностію съ какою смотрѣла на огонь, и написала на доскѣ отвѣтъ. Протягивая доску, она всегда смотрѣла прямо въ лицо человѣку который читалъ то что она написала ему. Теперь же она протянула доску Аннѣ, съ олущенными глазами. Немногія слова написанныя на доскѣ не были прямымъ отвѣтомъ. Она написала:

„Я передвинула ее нѣсколько дней тому назадъ.“

— Я спрашиваю васъ для чего вы передвинули ее?

Есѣрь написала на доскѣ только два слова:

„Стѣна сыра.“

Анна взглянула на стѣну. На обояхъ не было ни малѣ-

ншихъ признаковъ сырости. Она пощупала стѣну рукой, и не почувствовала ни малѣйшей сырости.

— Не правда, сказала она.

Есѣиръ стояла неподвижно.

— Стѣна не сыра, повторила Анна.

Есѣиръ, не поднимая глазъ, указала настойчиво на два слова, подождала чтобъ Анна прочла ихъ, и вышла изъ комнаты.

Звать ее назадъ было, очевидно, бесполезно. Оставшись одна, Анна послѣшила затворить дверь. Она заперла ее ключомъ и задвинула обѣ задвижки. Замокъ былъ цѣль и задвижки держались крѣпко. Тайная опасность, гдѣ бы она не скрывалась, не грозила со стороны двери.

Она оглянула всю комнату, осмотрѣла каминъ, окно, ставни, внутренность шкафа, заглянула подъ кровать. Она не замѣтила вездѣ ничего такого что могло бы оправдать опасенія самаго подозрительнаго существа.

Но это не успокоило ее. Предчувствіе тайной опасности, постепенно усиливаясь, обратилось въ убѣжденіе.

Она сѣла и начала припоминать всѣ происшествія дня, надѣясь разрѣшить такимъ образомъ свои сомнѣнія.

Попытка была бесполезна: она не вознаградилась ничѣмъ опредѣленнымъ, ничѣмъ осязаемымъ. Хуже, она дала поводъ къ новому сомнѣнію,—къ сомнѣнію была ли причина, переданная Бланкой, настоящей причиной побудившею сержъ-Патрику предложить ей свою помощь.

Дѣйствительно ли онъ приписываетъ поведеніе Джоффри корыстнымъ расчетамъ? И дѣйствительно ли онъ хочетъ увезти ее отъ мужа только потому что надѣется засгавить этимъ Джоффри согласиться на предложеніе Юлія? Дѣйствительно ли это единственная цѣль? Или онъ убѣжденъ (зная ея положеніе) что ей угрожаетъ физическая опасность въ домѣ мужа? И не скрылъ ли онъ это убѣжденіе изъ опасенія напугать ее? Она оглянула незнакомую комнату въ ночной тишинѣ и почувствовала что послѣднее предположеніе вѣроятнѣе перваго.

Стукъ запираемыхъ дверей и оконъ донесся до нея изъ нижняго этажа. Что было дѣлать?

Не было возможности дать условленный знакъ сержъ-Патрику и Арнольду. Они ожидали увидать свѣчу на окнѣ той комнаты которую заперла Есѣиръ.

Не было также никакой надежды на ночнаго сторожа, елибъ она, дождавшись когда онъ подойдетъ къ дому, позвала его

на помощь. Еслибы она могла заставить себя выразить такъ открыто недовѣрiе къ мужу, и еслибы даже помощь была близка, какой основательной причиною оправдала бы она такой поступокъ? У нея не было ни малѣйшей основательной причины, которая могла бы дать ей право обратиться къ покровительству закона.

Какъ послѣднее средство разрѣшить безотчетныя подозрѣнiя, которыя внушило ей перемѣщенiе кровати, она попробовала сдвинуть ее. Но какъ она не напрягала силъ, тяжелая кровать не сдвинулась ни на волосъ.

Осталось положиться на залертую дверь и бодрствовать всю ночь, съ надеждой что сэръ-Патрикъ и Арнольдъ бодрствуютъ тоже, въ близкомъ разстоянii отъ дома.

Она взяла работу и книги, и сѣла къ столу, поставивъ его посреди комнаты.

Послѣднiе звуки, свидѣтельствовавшiе о жизни и движенii въ домѣ, смолкли. Вокругъ нея воцарилась гробовая тишина.

Г Л А В А LVI.

Средство.

Наступилъ новый день; солнце взошло; домъ проснулся. Въ запасной комнатѣ и внѣ запасной комнаты не случилось ничего особеннаго.

Въ часъ назначенный для отъѣзда къ лорду Гольчестеру, Есѣиръ Дезриджъ и Джофри были наединѣ въ спальнѣ, въ которой Анна провела ночь.

— Она одѣта и ждетъ меня внизу, сказалъ Джофри.— Вы звали меня сюда. Чтѣ вамъ нужно?

Есѣиръ указала на кровать.

— Отодвинуть ее отъ стѣны?

Есѣиръ кивнула головой.

Они отодвинули кровать на нѣсколько футовъ отъ внутренней стѣны. Подумавъ съ минуту, Джофри сказалъ:

— Это должно быть сдѣлано сегодня ночью. Ея друзья могутъ вмѣшаться. Горничная можетъ воротиться. Непремѣнно сегодня.

Есѣиръ наклонила медленно голову.

— Сколько времени нужно вамъ быть одной въ домѣ?

Она показала три пальца.

— Три часа?

Она кивнула головой.

— Въ три часа это будетъ сдѣлано?

Она опять кивнула головой.

До сихъ поръ она никогда, говоря съ нимъ, не глядѣла на него. Въ ея манерѣ слушать его, въ каждомъ движеніи, которое она по необходимости дѣлала при немъ, выражалась безжизненная покорность, нѣмой ужасъ который онъ внушалъ ей. Онъ съ своей стороны до сихъ поръ молча выносилъ это. Но въ этотъ разъ, выходя изъ комнаты, онъ не выдержалъ.

— Почему, чертъ возьми, вы не можете глядѣть на меня?

Она какъ будто не слышала вопроса. Онъ сердито повторилъ его. Она написала отвѣтъ на доскѣ и протянула ему, опять не поднимая глазъ.

— Вѣдь я знаю что вы можете говорить, сказалъ онъ.—Я обличилъ васъ. Для чего же вы продолжаете играть со мною эту комедію?

Она настойчиво держала предъ нимъ доску. Онъ прочелъ: „Я нѣма для васъ и слѣпа для васъ. Оставьте меня въ покоѣ.“

— Оставьте васъ въ покоѣ, повторилъ онъ.—Не поздно ли отступить послѣ того что вы уже сдѣлали? Хотите вы получить назадъ вашу *Исповѣдь*, или нѣтъ?

При намекѣ на *Исповѣдь*, она подняла голову. Слабый рымавецъ вслыхнулъ на ея безжизненныхъ щекахъ; минутное страданіе возмутило ея мертвенное лицо. У этой женщины остался въ жизни только одинъ интересъ—овладѣть отнятою у нея рукописью. Только при воспоминаніи объ этомъ, пробуждалось ея слабое сознаніе.

— Такъ помните же ваше условіе, а я буду помнить свое, продолжалъ Джофри.—Вы знаете наши условія. Я прочелъ вашу *Исповѣдь*, но тамъ сказано не все. Я знаю что вы задумали его, но не знаю какъ вы это сдѣлали. Я хочу знать. Вы нѣмы и не можете разказать мнѣ. Вы должны сдѣлать съ этою стѣной то же самое что сдѣлали съ тою. Вы ничѣмъ не рискуете. Никто не увидитъ васъ. Когда я вернусь, пусть эта стѣна будетъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ была другая въ тотъ ранній часъ утра когда вы ждали съ полотенцемъ въ рукахъ перваго удара часовъ. Сдѣлайте это, и завтра вы получите назадъ вашу *Исповѣдь*.

При послѣднихъ словахъ, угасшая энергія женщины вслыхнула опять. Она взяла въ руки доску и, быстро написавъ на

ней, протянула ее обѣими руками къ самому лицу Джофри. онъ прочелъ:

„Я не хочу ждать до завтра. Вы должны отдать мнѣ *Исповѣдь* сегодня ночью.“

— Вы думаете что я ношу вашу *Исповѣдь* при себѣ, сказалъ Джофри.—Ея нѣтъ даже въ этомъ домѣ.

Она отступила назадъ, и въ первый разъ взглянула на него.

— Не бойтесь, продолжалъ Джофри.—Она залечатана моею печатью и хранится въ конторѣ моего банкира. Я самъ отнесъ ее туда. У васъ рѣшительный характеръ, мистрисъ Дезриджъ. Еслибъ я залеръ ее въ своей комнатѣ, вы сломали бы замокъ, лишь только я отвернулся бы отъ васъ. Еслибъ я носилъ ее при себѣ, на моемъ лицѣ очутилось бы полотенце въ ранній часъ утра. Въ конторѣ вамъ отдадутъ вашу *Исповѣдь*, когда вы предъявите записку написанную моею рукой. Сдѣлайте то что я сказалъ, и сегодня ночью вы получите записку.

Она провела фартукомъ по лицу и взглянула съ облегченіемъ. Джофри повернулся къ двери.

— Я вернусь въ шесть часовъ, сказалъ онъ.—Будетъ готово?

Она наклонила голову.

Первое условіе принято, онъ предложилъ второе.

— Въ удобную минуту я приду въ мою комнату, сказалъ онъ.—Предъ тѣмъ я позволю въ колокольчикъ столовой. Услыхавъ звонокъ, вы взойдете на верхъ и покажете мнѣ то что вы сдѣлаете въ мое отсутствіе.

Она опять наклонила голову.

Въ эту минуту, въ нижнемъ этажѣ отворилась дверь. Джофри послѣшилъ внизъ. Анна могла забыть что-нибудь; надо было помѣшать ей войти въ ея комнату.

Они встрѣтились въ корридорѣ.

— Надоѣло ждать въ саду? спросилъ онъ отрывисто.

— Почтальйонъ сейчасъ подамъ мнѣ сквозь рѣшетку садовой двери письмо къ вамъ, сказала она.—Оно лежитъ въ столовой, на столѣ.

Онъ вошелъ въ столовую. Адресъ былъ написанъ рукою мистрисъ Гленармъ. Онъ положилъ нераспечатанное письмо въ карманъ и вернулся къ Аннѣ.

— Пойдемте скорѣе, сказалъ онъ.— Мы опоздаемъ на поездъ.

И они отправились къ лорду Гольчестеру.

Г Л А В А LVII.

К о н е ц ъ .

Въ шесть часовъ безъ нѣсколькихъ минутъ, карета лорда Гольчестера привезла Джоффри и его жену на ихъ квартиру.

Джоффри помѣшалъ лакею позвонить у садовой двери. Уходя изъ дома, онъ взялъ ключъ съ собою. Впустивъ Анну и залеревавъ за нею дверь, онъ подошелъ къ окну кухни и кликнулъ Есѳирь Дезриджъ.

— Принесите холодной воды въ гостиную, сказалъ онъ,—и наполните вазу на каминѣ. Чѣмъ скорѣе вы поставите цвѣты въ воду, прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ,—тѣмъ долше они не завянутъ.

Онъ говорилъ о букетѣ который Юлій нарвалъ для Анны въ оранжереѣ своего дома. Оставивъ Анну въ гостиной устанавливать цвѣты, онъ послѣшилъ наверхъ. Минуту спустя, къ нему пришла Есѳирь.

— Готово? спросилъ онъ шелотомъ.

Есѳирь кивнула головой. Джоффри снялъ сапоги и вошелъ въ комнату Анны. Они придвинули беззвучно кровать къ стѣнѣ и послѣшили уйтц. Когда, нѣсколько минутъ спустя, Анна вошла въ свою комнату, она не замѣтила въ ней никакой перемѣны. Она сняла шляпку и пальто, и сѣла отдохнуть.

Все теченіе событій съ прошлой ночи шло къ тому чтобъ обмануть ее. Она не могла не поддаться убѣжденію что ея опасенія неосновательны, что подъ вліяніемъ вымышленныхъ подозрѣній она поддалась совершенно безпричинному страху. Въ твердомъ убѣжденіи что ей грозитъ опасность, она бодрствовала всю ночь, и ничего не случилось. Въ подной увѣренности что Джоффри далъ обѣщаніе, не имѣя намѣренія исполнить его, она желала узнать подъ какимъ предлогомъ онъ оставитъ ее дома. Но когда пришло время ѣхать, оказалось что онъ готовъ исполнить свое обѣщаніе. Въ домѣ лорда Гольчестера онъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки стѣснить свободу ея дѣйствій и словъ. Рѣшившись уведомить сэръ-Патрика о томъ что она перемѣнила комнату, она рассказала о пожарѣ со всеми подробностями, и Джоффри съ начала до конца разказа не остановилъ ее ни однимъ словомъ. Она говорила съ Бланкой наединѣ, и онъ не мѣшалъ ей. Гуляя по

оранжереѣ, она безпрелатственно отстала отъ другихъ, чтобы поблагодарить сэръ-Патрика и спросить его дѣйствительно ли онъ смотритъ на поведеніе Джоффри съ такой точки зрѣнія какъ передала Бланка. Она говорила съ нимъ минутъ десять или болѣе. Сэръ-Патрикъ увѣрилъ ее что Бланка передала правильно его мнѣніе. Онъ сказалъ ей что, по его убѣжденію, она должна дѣйствовать рѣшительно и послѣшнно, и что она хорошо сдѣлаетъ взявъ на себя (съ его помощію) инициативу разрыва. „Пока вы будете жить съ нимъ въ одномъ домѣ, говорилъ сэръ-Патрикъ, онъ будетъ спекулировать нашимъ нетерпѣніемъ освободить васъ отъ него и будетъ торговаться съ своимъ братомъ въ качествѣ кающагося мужа. Поставьте свѣчу на окно ночью и попробуйте уйти. Подойдите только къ садовой двери, и я ручаюсь что вы будете въ безопасности пока онъ не подпишетъ условія.“ Такъ онъ поощрялъ Анну къ послѣшнному образу дѣйствій, и она обѣщала ему послѣдовать его совѣту. Потомъ она ушла въ гостиную, и Джоффри не сдѣлалъ никакого замѣчанія объ ея отсутствіи. Она вернулась въ Фульгамъ вдвоемъ съ нимъ въ каретѣ его брата, и онъ дорогой ни о чемъ не спрашивалъ ее. Какое заключеніе должна она была вывести изъ всего этого? Развѣ она могла заглянуть въ душу сэръ-Патрика, и увидать что онъ умышленно скрылъ отъ нея свое мнѣніе объ ея положеніи, изъ опасенія что она лишится энергіи, узнавъ какъ онъ боится за ея безопасность? Нѣтъ. Она не могла не повѣрить признакамъ ложнаго спокойствія окружавшаго ея. Она не могла не согласиться искренно съ притворнымъ мнѣніемъ сэръ-Патрика и не повѣрить что сэръ-Патрикъ правъ.

Въ сумерки Анна начала чувствовать усталость, неизбежное слѣдствіе бессонной ночи. Она позвонила и попросила чаю.

Есэиръ, явившаяся на ея зовъ, вмѣсто того чтобъ отвѣтить по обыкновенію утвердительнымъ наклопеніемъ головы, подумала съ минуту, потомъ написала на доскѣ и показала Аннѣ слѣдующія слова:

„Безъ служанки вся работа лежитъ на мнѣ. Еслибы вы напились чаю въ гостиной, вы избавили бы меня отъ лишняго труда всходить на верхъ.“

Анна согласилась немедленно на ея предложеніе.

— Вы нездоровы? спросила она, замѣтивъ, какъ не было темно въ комнатѣ, что-то странное въ манерахъ Есэири.

Не поднимая глазъ, Есѣрь покачала головой.

— Не разстроило ли васъ что-нибудь?

Есѣрь повторила отрицательный знакъ.

— Не обидѣла ли я васъ чѣмъ-нибудь?

Есѣрь внезапно сдѣлала шагъ впередъ, внезапно взглянула на Анну, сдѣлала надъ собой усиліе, и съ нѣмымъ звукомъ, подобнымъ стону, вышла изъ комнаты.

Заклучивъ что какимъ-нибудь неумышленнымъ словомъ или поступкомъ она обидѣла Есѣрь, Анна рѣшилась возобновить разговоръ объ этомъ при первой возможности и сошла внизъ. Въ отворенную настежь дверь столовой, она увидала Джофри, писавшаго письмо, съ роковою бутылкой на столѣ.

Послѣ того что оказалъ ей мистеръ Слидвель, она сочла долгомъ сдѣлать ему замѣчаніе и исполнила свой долгъ безъ малѣйшаго колебанія.

— Простите что я прерываю васъ, сказала она. — Вы кажется забыли что говорилъ вамъ объ этомъ мистеръ Слидвель.

Она указала на бутылку. Джофри посмотрѣлъ на бутылку, потомъ на письмо, и покачалъ нетерпѣливо головой. Она сдѣлала вторую попытку образумить его, и опять безуспѣшно. „Ну, хорошо“, сказалъ онъ довольно мягкимъ тономъ. Идти на третью неудачу было бесполезно. Анна удалилась въ гостиную.

Письмо, которое онъ писалъ, было отвѣтомъ на письмо мистрисъ Гленармъ, въ которомъ она объявила ему что намѣрена уѣхать изъ Лондона. Онъ дошелъ до двухъ заключительныхъ фразъ, когда Анна прервала его: „Я можетъ-быть скоро сообщу вамъ новость, которой вы не ожидаете. Подождите еще одинъ день.“

Залечатавъ письмо, и выливъ стаканъ водки съ водой, онъ устремилъ глаза въ отворенную дверь. Когда Есѣрь, пройдя по корридору съ подносомъ въ рукахъ, вошла въ гостиную, онъ подалъ условленный знакъ, позвонивъ въ колокольчикъ. Есѣрь тотчасъ же вышла изъ гостиной и затворила за собою дверь.

— Усѣлась она за свой чай? спросилъ онъ, снимая тяжелые салюги и надѣвая заранѣе приготовленные туфли.

Есѣрь наклонила голову.

Онъ указалъ на лѣстницу. — Идите впередъ, шелгулъ онъ. — Безъ отговорокъ! и безъ шума!

Она поднялась на лѣстницу. Онъ медленно слѣдовалъ за ней. Хотя онъ выпилъ только одинъ стаканъ водки съ водой, шаги его были уже не тверды. Опираясь одною рукою въ стѣну, другой держась за перила, онъ поднялся на верхъ, остановился, прислушиваясь съ минуту, потомъ послѣдовалъ за Есѣрью въ свою комнату и тихо залеръ дверь.

— Ну! сказалъ онъ.

Она стояла неподвижно среди комнаты, похожая болѣе на машину, которую надо привести въ движеніе, чѣмъ на живое существо. Видя что съ ней словами ничего не сдѣлаешь, онъ дотронулся до нея (причемъ дрожь пробѣжала по его тѣлу) и указалъ ей на стѣну.

Прикосновеніе пробудило ее. Медленными шагами, съ разсѣяннымъ взглядомъ, двигаясь какъ во снѣ, она подошла къ стѣнѣ, олустилась на колѣни, и вынувъ изъ панели два тонкихъ, острыхъ гвоздя, подняла полосу обоевъ, отклеенную отъ штукатурки. Вставъ на стулъ, она откинула полосу наверхъ и приколола ее двумя гвоздями, которые держала въ рукахъ.

При послѣднемъ свѣтѣ сумерокъ, Джофри взглянулъ на стѣну.

Онъ увидалъ проломъ. На разстояніи трехъ футовъ отъ пола, переплетъ штукатурки былъ вырѣзанъ и гилсъ вынуть, такъ что образовалось отверстіе достаточной величины чтобы просунутыя черезъ него мужскія руки могли дѣйствовать свободно по всѣмъ направленіямъ. Ничто кромѣ обоевъ не мѣшало глазамъ и рукамъ проникнуть въ сосѣднюю комнату.

Есѣрь слѣзла со стула и знакомъ потребовала огня.

Джофри вынулъ спичку изъ коробки. Та же странная неувѣренность, которая уже владѣла его ногами, теперь, казалось, овладѣла и его руками. Онъ провелъ спичкой по крышкѣ коробки такъ сильно что спичка переломилаась. Досталъ другую и провелъ такъ слабо что она не зажглась. Есѣрь взяла изъ его рукъ коробку, зажгла свѣчу и указала на панель.

Подъ тѣмъ мѣстомъ стѣны съ котораго была снята полоса обоевъ, въ полъ были вбиты два костылька. Двѣ тонкія, круглыя веревочки были обернуты вокругъ костыльковъ. Нижніе концы веревочекъ лежали аккуратно смотанные у панели. Верхніе концы, туго натянутые уходили въ двѣ маленькія дырочки, провернутыя въ стѣнѣ на разстояніи фута отъ пола.

Снявъ веревочки съ костыльковъ, Есѣрь подняла свѣчу къ

отверстію. Здѣсь были еще два конца веревочекъ, свободно слускавшіеся съ нижняго края отверстія. Потянувъ верхніе концы, Есѳиръ начала поднимать отклеенную полосу обоевъ сосѣдней комнаты. Нижніе концы веревочекъ, которые предъ тѣмъ поддерживали полосу обоевъ въ натянутомъ положеніи, двигались чрезъ дырочки и не мѣшали ей подниматься. Джофри замѣтилъ что на изнанкѣ бумаги были наклеены мѣстами тонкія полоски ваты, прелятствовавшія ей царалатья о стѣну. Поднявъ полосу до конца, Есѳиръ взяла ее въ отверстіе, откинула наверхъ, прикрѣпила какъ и первую, и отошла въ сторону, уступивъ свое мѣсто Джофри. Въ отверстіе видѣлась комната Анны. Онъ тихо раздвинулъ легкій занавѣсъ надъ постелью и увидалъ у себя подъ руками подушку гдѣ будетъ лежать ея голова ночью.

Ужасъ овладѣлъ имъ. Его нервы не выдержали. Онъ отступилъ назадъ съ преступнымъ страхомъ и оглянулъ комнату. На столѣ, возлѣ его постели, стояла карманная фляжка съ водкой. Онъ выпилъ ее залпомъ и сдѣлался опять самимъ собою.

— Прежде чѣмъ идти далѣе, сказалъ онъ, — я хочу знать какъ привести все это въ прежнее положеніе. Если эту комнату будутъ осматривать, веревки все выдадутъ.

Есѳиръ вынула изъ шкафа стеклянку съ жидкостью похожею на клей. Частью знаками, частью съ помощью доски, Есѳиръ объяснила какъ намазать клеємъ отклеенную полосу обоевъ сосѣдней комнаты, какъ приклеить ее къ нижней части стѣны, натянувъ веревочки, какъ веревочки, послуживъ этой цѣли, могутъ-быть безпрелятственно вынуты, какъ потомъ, заложивъ отверстіе вынутыми матеріалами, или не закладывая, если не хватить времени, приклеить обои въ комнатѣ Джофри. Во всякомъ случаѣ, обои скроютъ отверстіе и не выдадутъ ничего.

Джофри удовлетворился. Онъ указалъ на полотенца, висѣвшія въ комнатѣ.

— Возьмите одно изъ нихъ, сказалъ онъ, — и покажите мнѣ собственными руками какъ вы это сдѣлали.

Въ эту минуту до нихъ донесся голосъ Анны, звавшей внизу мистрисъ Дезриджъ.

Нельзя было ручаться ни за одну минуту. Она могла придти въ свою комнату, и все узнать.

— Закройте скорѣе, сказалъ Джофри, указывая на стѣну.— Скорѣе.

Отверстіе было закрыто очень скоро. Стоило только ступить двѣ полосы обоевъ, натянуть веревочками полосу въ комнатѣ Анны, и прикрѣпить гвоздями полосу въ комнатѣ Джофри. Въ одну минуту стѣна приняла свой обычный видъ.

Они вышли нащипочкахъ изъ комнаты и начали смотрѣть въ нижній корридоръ. Не получивъ отвѣта на второй зовъ, Анна прошла по корридору въ кухню и вернувшись съ чайникомъ въ рукахъ, затворила за собою дверь гостиной.

Есэиръ ждала невозмутимо дальнѣйшихъ приказаній. Но дальнѣйшихъ приказаній не послѣдовало. Страшное драматическое представленіе преступленія Есэири не было нужно ни въ какомъ отношеніи. Всѣ средства были готовы, а способъ воспользоваться имъ былъ очевиденъ. Чтобы достигнуть цѣли, надо было выждать удобнаго времени и дѣйствовать рѣшительно. Джофри сдѣлалъ Есэири знакъ идти внизъ.

— Идите въ кухню, пока она не вышла, сказалъ онъ. — Я буду ждать въ саду. Когда она уйдетъ въ свою комнату, покажитесь у задней двери. Я пойму.

Есэиръ поставила ногу на первую ступеньку, остановилась, обернулась, оглянула медленно обѣ стѣны корридора, содрогнулась, покачала головой и сошла медленно внизъ.

— Что вы тамъ разсматривали? шепнулъ ей вслѣдъ Джофри.

Не отвѣтивъ и не оглянувшись, она ушла въ кухню.

Онъ подождалъ съ минуту и послѣдовалъ за ней.

Прежде чѣмъ выйти въ садъ, онъ зашелъ въ столовую. Луна взошла, и ставни не были затворены. Не трудно было найти водку и графинъ съ водою на столѣ. Онъ выпилъ водку въ кружку, разбавилъ водою и выпилъ залпомъ. „Голова кружится“, прошепталъ онъ, обтирая лицо платкомъ. „Какая адская жара сегодня.“ Онъ направился къ двери. Дверь была отворена и видно ясно, но онъ не попалъ въ нее. Два раза онъ наталкивался на стѣну, по обѣ стороны двери, прежде чѣмъ нашелъ ее. Онъ отправился въ садъ. Странное состояніе овладѣло имъ когда онъ ходилъ взадъ и впередъ по саду. Онъ лилъ слишкомъ мало чтобъ ольянѣть. Голова его была въ обыкновенномъ состояніи, но тѣломъ онъ былъ пьянъ.

Наступала ночь; церковные часы пробили десять.

Анна вышла изъ гостиной со спальною свѣчей въ рукахъ.

— Тушите свѣчи, сказала она, подойдя къ двери кухни. —
 I ухожу на верхъ.

Она вошла въ свою комнату. Утомленіе которое она чувствовала послѣ безсонной ночи становилось невыносимо. Она наперла дверь ключомъ, но задвижекъ не задвинула. Ея страхъ же прошелъ, и она не сочла нужнымъ задвинуть задвижки, гдѣмъ болѣе что онѣ могли бы помѣшать ей выйти ночью безъ шума изъ комнаты. Она разстегнула платье, откинула волосы съ висковъ и начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, думая. Джофри велъ жизнь неаккуратную; Есеиръ большею частью ложилась спать поздно. Надо было ждать часа два по крайней мѣрѣ, а по всей вѣроятности три, до того времени когда можно бы было рѣшиться дать въ окно условленный знакъ сэръ-Патрику. Ея сила замѣтно исчезала. Отказывая себѣ въ отдыхѣ еще часа три, она могла бы утомить себя до того что у нея не хватило бы рѣшимости рискнуть на побѣгъ. Сонъ одолевалъ ея, и она рѣшилась заснуть. Она не боялась что не проснется въ нужное время. Анна, какъ многіе нервные люди, засылая съ сознаниемъ что надо проснуться въ извѣстный часъ, была увѣрена что проснется во время инстинктивно. Она поставила зажженную свѣчу въ безопасное мѣсто и легла на постель. Менѣе чѣмъ черезъ пять минутъ, она спала глубокимъ сномъ.

Церковные часы пробили четверть одиннадцатаго.

Есеиръ Дезриджъ оказалась у задней двери. Джофри вошелъ въ домъ. Увидавъ въ корридорѣ, при свѣтѣ лампы, его лицо, Есеиръ полятилась отъ него.

— Чтѣ съ вами? спросилъ онъ.

Она покачала головой и указала въ дверь столовой на бутылку стоявшую на столѣ.

— Сумашедшая! Я такъ же трезвъ какъ и вы, сказалъ онъ.— Чтѣ бы со мною ни дѣлалось, только я не пьянъ.

Есеиръ взглянула на него опять. Онъ былъ правъ. По его голосу и по глазамъ видно было что онъ не пьянъ.

— Ушла она въ свою комнату?

Есеиръ кивнула головой.

Джофри поднялся на лѣстницу, шатаясь изъ стороны въ сторону. На верху онъ остановился, сдѣлалъ знакъ Есеири слѣдовать за нимъ, вошелъ въ свою комнату, подождалъ чтобъ она вошла и залеръ дверь.

Онъ взглянулъ на стѣну, не рѣшаясь подойти къ ней. Есепрь стояла за нимъ.

— Слать ли она? спросилъ онъ.

Есепрь подошла къ стѣнѣ, прислушалась и отвѣчала утвердительно.

Онъ сѣлъ.

— У меня болитъ голова, сказалъ онъ.—Дайте мнѣ стаканъ воды.

Онъ выпилъ немного воды и выпилъ остатокъ на голову. Есепрь подошла къ двери, намѣреваясь уйти изъ комнаты. Джофри послѣшво остановилъ ее.

— Я не справлюсь съ веревками, сказалъ онъ,—и не сумѣю поднять обою. Поднимайте.

Она сдѣлала движеніе рѣшительнаго отказа, и отворила дверь.

— Хотите вы или нѣтъ получить назадъ вашу *Исповѣдь*? спросилъ онъ.

Она затворила дверь, покорившись мгновенно, и подошла къ стѣнѣ.

Она подняла отклеенныя полосы обоевъ, указала на отверстіе и отошла на другую сторону комнаты.

Джофри всталъ, подошелъ нетвердыми шагами къ своей кровати, и подождалъ немного, держась за нее. Въ это время онъ почувствовалъ въ себѣ перемѣну. По правой сторонѣ его головы прошло такое ощущеніе будто на нее пахнулъ холодный вѣтеръ. Онъ почувствовалъ себя опять твердымъ, онъ былъ въ состояніи разчитывать разстоянія, онъ рѣшился просунуть руки въ отверстіе и раздвинуть легкій занавѣсъ кровати. Онъ рѣшился взглянуть на свою спящую жену.

Свѣтъ свѣчи стоявшей въ другой сторонѣ комнаты слабо освѣщалъ ее. Болѣзненное, утомленное выраженіе лица ея пропало. Глубокій сонъ возвратилъ ему все что въ немъ было прекраснаго въ былыя времена. Она казалась молодою при слабомъ свѣтѣ; она была хороша въ ея тихомъ покоѣ. Голова ея лежала на подушкѣ навзничъ. Въ такомъ положеніи она была въ полной власти человѣка подъ взглядомъ котораго спала, человѣка смотрѣвшаго на нее съ неумолимою рѣшимостью лишить ее жизни.

Посмотрѣвъ на нее съ минуту, онъ отступилъ назадъ.

— Она сегодня походитъ болѣе на ребенка чѣмъ на женщину, пробормоталъ онъ, и взглянулъ на Есепрь.

Зажженная свѣча, которую она привнесла съ собой на верхъ, стояла возлѣ нея.

— Задуите свѣчу, шеллулъ онъ.

Она не двигалась.

— Задуите свѣчу! повторилъ онъ.

Она не слышала его.

Что же она дѣлала? Она смотрѣла пристально въ уголъ комнаты.

Онъ опять повернулся къ отверстию. Онъ опять взглянулъ на спокойное лицо на подушкѣ. Онъ умышленно пробудилъ въ себѣ чувство мести къ ней.

— Еслибы не ты, прошепталъ онъ, — я выигралъ бы бѣгъ. Еслибы не ты, я былъ бы въ хорошихъ отношеніяхъ съ отцомъ. Еслибы не ты, я женился бы на мистрисъ Гленармъ.

Онъ оглянулся, пользуясь минутой сильнѣйшей злобы, схватилъ полотенце, подумалъ съ минуту, и бросилъ его.

Новая мысль пришла ему въ голову. Онъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ своей кровати. Онъ схватилъ одну изъ подушекъ и взглянулъ на Есѣриъ.

— Это не льяное животное, сказалъ онъ. — Это женщина которая будетъ бороться за свою жизнь. Подушка подѣвствуетъ лучше полотенца.

Она не отвѣтила ни слова и не взглянула на него. Онъ сдѣлалъ шагъ къ отверстию, остановился и бросилъ взглядъ назадъ.

Есѣриъ Дезриджъ сошла наконецъ съ своего мѣста.

Въ комнатѣ не было третьяго лица, но она смотрѣла и двигалась какъ будто слѣдовала за кѣмъ-нибудь вдоль стѣны. Губы ея были полуоткрыты отъ ужаса, маза, постепенно расширяясь, смотрѣли пристально блестящимъ взглядомъ въ пустое пространство. Шагъ за шагомъ она подходила все ближе и ближе къ Джофри, слѣдуя за невидимымъ образомъ, который также подходилъ все ближе и ближе. Онъ спросилъ себя что это значить? Можетъ-быть разсудокъ женщины не выдержалъ ужаса поступка при которомъ она присутствовала? Можетъ-быть она закричитъ и разбудитъ его жену?

Онъ послѣшилъ къ отверстию чтобы воспользоваться возможностью, пока была возможность.

Онъ крѣпко сжалъ въ рукахъ подушку.

Онъ просунулъ ее въ отверстіе.

Онъ расправилъ ее надъ головой спящей Анны.

Въ ту же минуту онъ почувствовалъ на своемъ плечѣ руку Есэири. Ея прикосновеніе прошло по его тѣлу, съ головы до ногъ, какъ прикосновеніе льда. Онъ вздрогнулъ, отступилъ назадъ и обернулся къ ней. Она устремила глаза черезъ его плечо на что-то находившееся за нимъ, какъ въ вилдигетскомъ саду. Въ третій разъ она увидала за нимъ призракъ Кровожадное бѣшенство овладѣло ею. Она какъ дикій звѣрь вцѣпилась въ его горло. Слабая старуха напала на атлета.

Онъ вырвалъ подушку и подыалъ свою могучую правую руку, чтобы сбросить ее, какъ сбросилъ бы насекомое.

Когда онъ подыалъ руку, страшная конвульсія исказила его лицо. Какая-то невидимая рука опустила внизъ его правую бровь и вѣку, опустила внизъ и правую сторону рта. Поднятая рука опустилась въ безсиліи. Вся правая сторона тѣла отнялась. Онъ упалъ какъ подкошенный.

Есэири Дезриджъ наклонилась надъ его распростертымъ тѣломъ, уперлась колѣнками въ его широкую грудь и сдвинула пальцами его горло.

Стукъ ладенія пробудилъ Анну. Она вскочила, оглянулась, и увидала надъ своимъ изголовьемъ отверстіе въ стѣнѣ и свѣтъ свѣчи въ сосѣдней комнатѣ. Она отступила назадъ, ждала, прислушивалась, глядѣла. Она не видала ничего кромѣ мерцанія свѣчи въ сосѣдней комнатѣ, не слышала ничего кромѣ хрилаго дыханія, словно кто-то задыхался. Скоро звукъ замолкъ. Прошла минута тишины. Голова Есэири Дезриджъ подыалась къ отверстию, подыалась съ безумнымъ блескомъ въ глазахъ, и взглянула на нее.

Анна бросилась къ отворенному окну и позвала на помощь. Голосъ сэръ-Патрика отозвался на ея зовъ, съ дороги за оградой сада.

— Подождите меня, ради Бога! крикнула она.

Она выбѣжала изъ комнаты, сбѣжала съ лѣстницы, отперла дверь, и черезъ минуту была въ саду.

Подбѣжавъ къ садовой двери, она услышала за ней голосъ незнакомаго человѣка. Сэръ-Патрикъ ободрилъ ее.

— Съ нами ночной сторожъ, сказалъ онъ. — У него есть ключъ отъ садовой двери.

Дверь отворилась снаружи. Она увидала сэръ-Патрика, Арнольда и полицейскаго. Когда они вошли, она успѣла только сказать: „на верхъ“, и лишилась чувствъ. Сэръ-Патрикъ под-

держалъ ее. Онъ посадилъ ее на скамейку и остался съ нею, между тѣмъ какъ Арнольдъ и полицейскій постѣвшили въ домъ.

— Куда же идти сначала? спросилъ Арнольдъ.

— Въ комнату изъ которой она звала на помощь, отвѣчалъ полицейскій.

Они взбѣжали на лѣстницу, вошли въ комнату Анны, тотчасъ же замѣтили отверстие въ стѣнѣ и взглянули въ него.

На полу лежало мертвое тѣло Джофри Деламена. Есэиръ Дезриджъ стояла на колѣняхъ возлѣ его головы и молилась.

Э П И Л О Г Ъ.

Утренній визитъ.

I.

Въ газетахъ было объявлено о возвращеніи лорда и леди Гольчестеръ въ ихъ лондонскую резиденцію, послѣ болѣе чѣмъ шестимѣсячнаго путешествія по континенту.

Сезонъ во всемъ разгарѣ. Въ продолженіи приемныхъ часовъ дня, двери дома лорда Гольчестера отворяются ежеминутно для приема посѣтителей. Большинство оставляетъ карточки и уѣзжаетъ. Нѣкоторыя привилегированныя особы выходятъ изъ каретъ и входятъ въ домъ.

Въ числѣ послѣднихъ была знатная особа, пріѣхавшая раньше другихъ съ твердымъ намѣреніемъ увидать во что бы то ни стало хозяйина или хозяйку дома, и не принимавшая никакихъ отговорокъ. Между тѣмъ какъ эта особа говоритъ съ главнымъ швейцаромъ, лордъ Гольчестеръ, переходя изъ одной комнаты въ другую, случайно проходитъ мимо двери швейцарской. Особа тотчасъ же накидывается на него съ возгласомъ: „дорогой лордъ Гольчестеръ!“ Юлій оборачивается и видитъ леди Лунди.

Онъ пойманъ и сдается съ самымъ любезнымъ видомъ. Отворяя предъ ея свѣтлостью дверь ближайшей комнаты, онъ взглядываетъ украдкой на часы и думаетъ: „Какъ мнѣ отдѣлаться отъ нея прежде чѣмъ они пріѣдутъ?“

Леди Лунди водворяется на диванъ, окружившись облакомъ шелку и кружевъ, и со свойственнымъ ей величественнымъ видомъ дѣлается „приятною во всѣхъ отношеніяхъ“. Она освѣдомляется съ величайшимъ участіемъ о леди Гольчестеръ,

о вдовствующей леди Гольчестеръ, о самой Юліи. Гдѣ они были? Чтѣ они видѣли? Помогло ли имъ время и перемена мѣсть примириться съ ударомъ того страшнаго происшествія о которомъ леди Лунди не рѣшается выразиться яснѣе? Юлія отвѣчаетъ самоотверженно и нѣсколько разсѣянно. Онъ съ своей стороны освѣдомляется о планахъ и намѣреніяхъ ея свѣтлости, и думаетъ о неумолимомъ теченіи времени и о случайностяхъ къ которымъ оно ведетъ. О себѣ самой леди Лунди не можетъ сообщить ничего новаго. Она пріѣхала въ Лондонъ только на нѣсколько недѣль. Она ведетъ жизнь удивленную. „Мой скромный кругъ обязанностей ограничивается Виндигетсомъ, лордъ Гольчестеръ. Если умъ мой утомляется, онъ находитъ обновленіе въ случайныхъ посвщеніяхъ невозможныхъ искреннихъ друзей, которыхъ убѣжденія согласуются съ моими убѣжденіями. Такъ проходитъ (не совсѣмъ бесполезно, надѣюсь) мое скромное существованіе. У меня нѣтъ новостей; я ничего не видала, исключая развѣ очень печальнаго зрѣлища которое мнѣ представилось вчера.“ Она останавливается. Юлія видитъ что она ждетъ вопроса, и предлагаетъ вопросъ.

Леди Лунди колеблется; объявляетъ что ея новость касается очень грустнаго событія, на которое она уже намекала; признается что, находясь въ Лондонѣ, она сочла долгомъ освѣдомиться объ Ессери Дезриджъ; что она не только освѣдомилась, но навѣстила сама несчастную женщину, говорила съ ней, нашла что она не сознаетъ своего ужаснаго положенія, не помнитъ рѣшительно ничего и покорно переноситъ свое существованіе. По мнѣнію медиковъ, свидѣтельствовавшихъ ее, несчастная проживетъ еще нѣсколько лѣтъ. Перечисливъ эти факты, ея свѣтлость готовится сдѣлать нѣсколько „соответствующихъ случаю замѣчаній“, которыми она славится, какъ вдругъ дверь отворяется, и леди Гольчестеръ, отыскивая своего мужа, входитъ въ комнату.

II.

Новый взрывъ сочувствія со стороны леди Лунди встрѣчается хозяйкой вѣжливо, но холодно. Леди Гольчестеръ, какъ и Юлія, думаетъ о теченіи времени и старается угадать долго ли намѣрена сидѣть гостя.

Леди Лунди не обнаруживаетъ намѣренія покинуть диванъ.

Она, очевидно, пріѣхала чтобы сказать что-то такое чего она еще не сказала. Скажетъ ли она это наконецъ? Да, она идетъ къ своей цѣли окольными путями. Позволятъ ли ей возобновить разговоръ о путешествіи лорда и леди Гольчестеръ? Такъ они были въ Римѣ. Не подтвердятъ ли они дошедшаго до нея поразительнаго извѣстія о „вѣроотступничествѣ“ мистрисъ Гленармъ?

Леди Гольчестеръ подтверждаетъ извѣстіе. Мистрисъ Гленармъ, дѣйствительно, отказалась отъ свѣта и ищетъ успокоенія въ лонѣ католической церкви. Леди Гольчестеръ видѣла ее въ Римѣ, въ монастырѣ. Она выдерживаетъ періодъ послушничества и намѣрена постричься. Леди Лунди, какъ хорошая протестантка, поднимаетъ руки въ ужасъ, объявляетъ что это слишкомъ тяжелый предметъ для разговора, и чтобы перемѣнить его, переходитъ прямо къ своей цѣли. Не встрѣчалась ли леди Гольчестеръ, во время своего путешествія по континенту, съ мистрисъ Арнольдъ Бринквортъ, или не слыхала ли о ней?

— Я, какъ вамъ извѣстно, прекратила всякія сношенія съ моими родственниками, объясняетъ леди Лунди.—Ихъ образъ дѣйствій въ періодъ нашего семейнаго испытанія, сочувствіе съ которымъ они относились къ особѣ имя которой я не рѣшаюсь произнести, отдалили меня отъ нихъ. Мнѣ очень грустно, но зла на нихъ я не питаю, и всегда услышу съ материнскимъ участіемъ о счастіи Бланки. До меня дошли слухи что она и мужъ ся путешествовали въ то же время когда путешествовали вы и лордъ Гольчестеръ. Не встрѣчались ли вы съ ними?

Юлій и жена его переглядываются. Юлій хранитъ молчаніе. Леди Гольчестеръ отвѣчаетъ:

— Мы видѣли мистера и мистрисъ Бринквортъ во Флоренціи, а потомъ въ Неаполѣ, леди Лунди. Они вернулись въ Англію недѣлю тому назадъ, въ ожиданіи счастливаго событія которое можетъ-быть увеличить число членовъ вашего семейства. Въ настоящее время они въ Лондонѣ. Я даже скажу вамъ что мы ожидаемъ ихъ сегодня къ завтраку.

Изложивъ такъ ясно положеніе дѣлъ, леди Гольчестеръ смотритъ на леди Лунди. (Неужели и это не заставитъ ее ухать?)

Тщетная попытка! Леди Лунди удерживаетъ свою позицію. Не слыхавъ въ продолженіи послѣднихъ шести мѣсяцевъ бук-

важно ничего о своихъ родственникахъ, она стараетъ отъ болытства узнать еще что-нибудь. Есть еще особа о которой она не освѣдомлялась.

— А что сэръ-Патрикъ? спрашиваетъ она съ кроткою меланхоліей, намекающею на прошлыя оскорбленія, прощевныя съ христіанскою незлобивостью. — Я знаю о немъ только то что было объявлено въ газетахъ. Не встрѣчали ли вы и сэръ-Патрика во Флоренціи и Неаполѣ?

Юліи и жена его переглянулись олять. Въ залѣ бьютъ часы. Юліи вздрагиваетъ, леди Гольчестеръ начинаетъ терять терпѣніе. Однако надо чтобы кто-нибудь отвѣтилъ. Отвѣчаетъ олять леди Гольчестеръ.

— Сэръ-Патрикъ былъ за границей, леди Лунди, съ своимъ племянницею и ея мужемъ, и вернулся съ ними.

— Здоровъ? вопрошаетъ ея свѣтлость.

— Моложе чѣмъ когда-либо, отвѣчаетъ леди Гольчестеръ.

Леди Лунди улыбається сатирически. Леди Гольчестеръ замѣчаетъ улыбку, рѣшаетъ что снисхождение оказываемое такою особѣ неумѣстно, и объявляетъ (къ ужасу своего мужа) что у нея есть новость о сэръ-Патрикѣ, — новость которая, можетъ-быть, удивитъ его свояченицу.

Леди Лунди горитъ нетерпѣніемъ услышать новость.

— Это не секретъ, продолжаетъ леди Гольчестеръ, — хотя извѣстно еще только немногимъ близкимъ друзьямъ его. Сэръ-Патрикъ сдѣлалъ важную перемену въ своей жизни.

Обворожительная улыбка леди Лунди исчезаетъ.

— Сэръ-Патрикъ очень умный и очень милый человекъ, продолжаетъ леди Гольчестеръ лукаво, — и по всѣмъ своимъ привычкамъ и по понятіямъ, онъ, какъ вамъ извѣстно, гораздо моложе своихъ лѣтъ и обладаетъ многими качествами пріятельными въ глазахъ женщинъ.

Леди Лунди вскакиваетъ.

— Неужели, леди Гольчестеръ, вы хотите сказать что сэръ-Патрикъ женился?

— Да, онъ женился.

Леди Лунди упадаетъ въ изнеможеніи на диванъ, въ непріятномъ изнеможеніи отъ двойнаго удара нанесеннаго ей. Она не только лишена положенія главной особы въ семействѣ, но и въ обществѣ отодвинута на задній планъ, съ прозвищемъ вдовствующей леди Лунди, на всю остальную часть своей жизни (такъ какъ ей уже сорокъ лѣтъ).

— Въ его года! восклицаетъ она, оломнившись.

— Позвольте мнѣ напомнить вамъ, возражаетъ леди Гольчестеръ,—что многіе женятся въ его года. Что же касается до его жевитбы, она выше насмѣшекъ или упрековъ. Она— доброе дѣло, въ высшемъ значеніи этого слова, и дѣлаетъ честь ему и женщинѣ которая раздѣляетъ его положеніе и его имя.

— Молоденькая дѣвочка, конечно, замѣчаетъ леди Лунди.

— Нѣтъ. Женщины испытанная необычайными страданіями и вытерпѣвшая благородно свою горькую участь. Женщина заслужившая спокойную, счастливую жизнь, въ которую она вступила.

— Могу я узнать кто она?

Въ эту минуту раздается стукъ въ наружную дверь. Юліи и жена его переглядываются въ третій разъ. Юліи вступаетъ наконецъ.

— Моя жена уже говорила вамъ, леди Лунди, что мы ожидаемъ къ завтраку мистера и мистрисъ Бринквортъ. Съ ними пріѣдутъ сэръ-Патрикъ и новая леди Лунди. Если я ошибаюсь, полагая что вамъ будетъ несомнѣнно пріятно встрѣтиться съ ними, я могу только попросить васъ извинить меня. Если же вамъ дѣйствительно непріятно встрѣтиться съ ними, я предоставляю женѣ принять ихъ, а самъ буду имѣть честь проводить васъ въ другую комнату.

Она направляется къ двери другой комнаты. Она предлагаетъ руку леди Лунди. Ея свѣтлость стоитъ неподвижно. Она хочетъ увидать женщину смѣстившую ее. Минуту спустя дверь отворяется, и слуга объявляетъ:

— Сэръ-Патрикъ и леди Лунди! Мистеръ Бринквортъ и мистрисъ Бринквортъ!

Леди Лунди смотритъ на женщину ставшую во главѣ семейства, и видитъ Анну Сильвестеръ.

К О Н Е Ц Ъ.

МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ

ЗА ГРАНИЦЕЙ И НА КАВКАЗЪ*

I.

Минеральныя воды во всѣхъ государствахъ Европы разсматриваются правительствами съ двухъ сторонъ: 1) какъ предметъ важный для народнаго здоровья и 2) какъ естественный продуктъ земли который, при своей эксплуатаци, можетъ служить къ развитію народнаго благосостоянія, привлечь иностранныя капиталы и вообще быть источникомъ косвеннаго дохода. Нѣкоторыя небольшія государства Германіи, уклоняясь отъ этого воззрѣнія, сдѣлали для себя изъ минеральныхъ водъ, которыми владѣютъ, *прямой* источникъ дохода, допустивъ на нихъ азартныя игры и обложивъ содержателей игорныхъ домовъ высокою пошлинной. Поида такимъ путемъ въ ущербъ первому и главному назначенію минеральныхъ водъ — общественной пользы, они старались для успокоенія совѣсти включить въ число пошлинъ, налагаемыхъ на поддерживаемыя ими страстныя развлечения публики, и пошлину въ пользу непосредственнаго развитія благоустройства и роскоши при самыхъ водахъ. Содержатели

* Читано въ Русскомъ бальнеологическомъ Обществѣ въ Пятигорскѣ.

банковъ обязывались дѣлать извѣстныя сооруженія при водахъ, выдавать ежегодно суммы для устройства и поддержанія благотворительныхъ заведеній въ краѣ, строить дороги и пр. Но воды въ этомъ случаѣ, очевидно, теряли уже свое прямое значеніе и становились только предлогомъ привлеченія играющей публики. Въ Германіи начали появляться и привлекать къ себѣ многочисленныхъ посѣтителей уже такія купанья при которыхъ совсѣмъ не было никакихъ минеральныхъ водъ и была лишь азартная игра. Около Ганау до сихъ поръ существуетъ и посѣщается подобный Вильгельмсбадъ, въ которомъ для приличія построено нѣсколько ваннъ наполняемыхъ простою рѣчною водою.

Но помимо этихъ исключеній, ни одно государство не рассматриваетъ минеральныя воды какъ источникъ *прямаго* дохода, но каждое видитъ въ нихъ источникъ весьма важнаго дохода косвеннаго. Безпрерывны примѣры наглядно свидѣтельствующіе о томъ какъ развитіе минеральныхъ водъ отражается на развитіи благосостоянія всего окружающаго ихъ края. Не прошло еще 20ти лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ глазъ путешественника, ѣхавшаго отъ Кельна къ Миндену, не доѣзжая двѣ станціи до этого города, встрѣчалъ одинокій домъ вестфальскаго крестьянина со всѣми его нероскошными принадлежностями. Проѣзжая теперь, на томъ же самомъ мѣстѣ путешественникъ видитъ небольшой, но прекрасный городокъ съ роскошными зданіями, многочисленными гостиницами, дѣятельнымъ народонаселеніемъ. Единственная причина этого превращенія заключается въ томъ что на этомъ мѣстѣ былъ открытъ и разработанъ минеральный источникъ (Реме, Эйнгаузенъ). Небольшая деревушка, въ горахъ саксонскаго Фохтланда, Эльзегеръ, давно извѣстная по своему минеральному источнику, привлекавшему къ себѣ по сотнѣ туземцевъ ежегодно, быстро, въ теченіи послѣднихъ 10ти лѣтъ, развивается въ городъ, удобно принимающій въ лѣто болѣе 3.000 посѣтителей, и начинаетъ соперничество съ своимъ давно уже прославленнымъ сосѣдомъ Франценсбадомъ. Подобныхъ примѣровъ такъ много что для перечисленія ихъ нужно бы было перечислить почти всѣ извѣстныя европейскія воды; въ исторіи почти *каждыхъ* изъ нихъ непремѣнно встрѣчается прямая связь развитія городовъ или общинъ съ развитіемъ находимыхъ въ нихъ минеральныхъ источниковъ. Основаніе и развитіе Пятигорска, неизмѣющаго болѣе ни стра-

тегическаго, ни коммерческаго значенія, также видимо и исключительно связано съ существованіемъ и развитіемъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ.

Сознавая связь эксплуатаціи этого естественнаго богатства страны съ развитіемъ самой страны, каждое государство, по мѣрѣ средствъ своихъ, охотно дѣлаетъ затраты на разработку и устройство водъ принадлежащихъ ему, или даже на приобретеніе въ свою собственность минеральныхъ источниковъ принадлежащихъ частнымъ людямъ. Затрата на устройство водъ считается вездѣ одною изъ самыхъ производительныхъ затратъ общественнаго капитала, и ни у одного, сколько-нибудь состоятельнаго правительства, несмотря на всю стоимость ему водъ, до сихъ поръ не родилось идеи—капитализировать ихъ, продавая въ частныя руки. Такое капитализированіе было бы сочтено за признакъ государственнаго банкротства и совершеннаго оскудѣнія государственнаго банка. Напротивъ, дѣлая подобныя затраты, ни одно правительство не считаетъ ихъ даже пожертвованіемъ съ своей стороны; каждое видитъ въ нихъ столь же мало самопожертвованія, какъ въ устройствѣ госпиталей, въ гарантіи желѣзной дороги, въ основаніи училища.

Покойный государь Николай Павловичъ показалъ что онъ вполне раздѣлялъ этотъ взглядъ и на наши минеральныя воды. При своемъ посѣщеніи ихъ въ 1837 году, онъ приказалъ отпустить для ихъ устройства по 200.000 руб., сумму, по тогдашней стоимости денегъ, весьма значительную. Въ остальной Европѣ подобные примѣры встрѣчаются на каждомъ шагу. Въ *Экстѣ*, въ Савоіи, сравнительно небогатое Сардинское правительство въ 1855 году назначаетъ 900.000 фр. на устройство купальнаго зданія; въ 1860, вскорѣ послѣ присоединенія Савоіи къ Франціи, Наполеонъ III прибавляетъ для того же зданія дополнительныхъ 700.000 и кромѣ того сумму для другихъ учрежденій при тѣхъ же водахъ: вся затрата простирается до 2хъ милліоновъ франковъ. Въ деревушкѣ *Эльстеръ* вало тянулось существованіе нѣсколькихъ цѣлебныхъ ключей, ведущихъ свою исторію съ XIIIго столѣтія; въ 1835 году составилось общество акціонеровъ съ цѣлью воздѣлать эти ключи и снабдить всѣмъ тѣмъ что относится къ благоустройству минеральныхъ водъ. Но средства частныхъ людей далеко не соответствовали ихъ патріотическому рвенію, и воды Эльстера не могли много выиграть при этомъ. Построеніе небольшого купальнаго зда-

нія, обдѣлка источниковъ и ихъ разслѣдованіе скоро истощили средства компаніи; наступилъ снова моментъ когда Эльстеръ долженъ былъ власть въ прежнее забвеніе. Тогда правительство сочло своимъ долгомъ оказать ему двѣтельное пособіе: вошло въ соглашеніе съ частными владѣльцами, приобрѣло отъ нихъ источники въ свою собственность (за 90.000 талеровъ) и сдѣлало на нихъ цѣлый рядъ затратъ, простиравшихся до 1869 года уже до 218.691 талеровъ. При этомъ, разумѣется, все что выручалось отъ лѣченія больныхъ въ лѣтній сезонъ, обращалось также для устройства минеральныхъ водъ. Кроме того, правительство имѣетъ въ виду при первой возможности купить у частнаго владѣльца еще, остающіеся внѣ его владѣнія, два источника (за 200.000 талеровъ).

На устройство *Виши*, Франція употребила огромныя средства; щедрость Наполеона III, излившаяся на это любимое его лѣтнее мѣстопробываніе, замѣчательна. Отдавая воды на аренду за 100.000 франк. въ годъ, онъ въ 1861 году выдалъ декретъ, которымъ назначено построеніе новаго парка, путей сообщенія, зданій церкви, ратуши и пр., стоимостью всего до 3хъ милліоновъ франковъ. Очевидно что получаемая аренда могла оплачивать развѣ только проценты на затрачиваемый капиталъ, и милліоны тратились не для приобрѣтенія сотни тысячъ. Но за то Виши сдѣлался значительнымъ городомъ, принимаетъ въ лѣто болѣе 30ти тысячъ посѣтителей, притягиваетъ къ Франціи соотвѣтственное количество иностранныхъ капиталовъ и пошлинами съ своей промышленности доплачиваетъ правительству хорошіе проценты на сдѣланныя имъ затраты.

Не меньшимъ вниманіемъ со стороны французскаго правительства постоянно пользовались минеральныя воды въ *Пломбьерѣ*. Это весьма древнія воды, представляющія до сихъ поръ достойныя удивленія гидравлическія сооруженія Римлянъ. Начиная съ Людовика XIV, французское правительство выразило свою заботу о нихъ обширнымъ рядомъ техническихъ работъ и построеній, потребовавшихъ, конечно, значительныхъ затратъ. При первомъ своемъ посѣщеніи Пломбьера (въ 1856) Наполеонъ III, замѣтя что многого еще недоставало для окончательнаго устройства и обдѣлки источниковъ, предписалъ немедленно составить обширный планъ гидравлическихъ работъ и тотчасъ же приступить къ исполненію ихъ. Эти рабо-

ты, повлекли за собою издержку правительства до 250.000 франковъ. Въ то же самое время состоялся декретъ, которымъ воды Пломбьера и всѣ построенія относящіяся къ нимъ передавались на 80 лѣтъ въ аренду частной компаніи *безплатно*, но съ условіемъ построить въ теченіи извѣстнаго числа лѣтъ новое зданіе ваннъ и гостиницу и сдѣлать нѣкоторые дополненія, относящіяся къ минеральнымъ источникамъ. Компанія горячо принялась за дѣло, но видимо перешла предѣлъ затраты могущей вознаграждаться существующею эксплуатаціей водъ. Окончаніе роскошныхъ построекъ вовлекло ее въ долги, и въ послѣднее время правительство готовилось оказать ей снова денежное пособіе.

Приведенные примѣры достаточно обрисовываютъ взглядъ европейскихъ *правительствъ* на минеральныя воды. Но такъ какъ воды не всегда составляютъ государственныя имущества, напротивъ, нерѣдко принадлежатъ общинамъ, городамъ, монастырямъ и частнымъ людямъ, то нахожу не лишнимъ сказать нѣсколько словъ и объ отношеніи къ нимъ этого рода владѣльцевъ.

Чѣмъ большими средствами располагаетъ *община*, тѣмъ обыкновенно болѣе взглядъ ея на минеральныя воды, которыми она владѣетъ, приближается ко взгляду на нихъ правительства. На сколько достаетъ у нея средствъ, она охотно затрачиваетъ ихъ, и даже дѣлаетъ значительные займы. Укажемъ для примѣра на одну изъ Пиринейскихъ общинъ *Люшонъ* (въ департаментѣ Верхней Гаронны). Весьма не богатая сама по себѣ, она употребила всѣ свои средства для приобрѣтенія въ общинное владѣніе минеральныхъ источниковъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, сдѣлала большую затрату на весьма обширныя гидравлическія работы и нѣсколько разъ дѣлала значительныя займы (по 300 тыс. франк.) для довершенія новаго купаленнаго зданія, обошедшагося ей въ миліонъ франковъ. Между тѣмъ прямой валовой доходъ, приносимый общинѣ продажей ваннъ и минеральной воды, простирается съ небольшимъ до 100 тыс. франк. Другія, обиднѣйшія общины достигли развитія и благоустройства своихъ водъ только при щедромъ и непосредственномъ пособіи правительства. Такъ на примѣръ, въ *Eaux Bonnes* всѣ цѣнныя постройки, каковы: дорога въ Котере, паркъ, салъ и пр., сдѣланы на счетъ правительства и предоставлены общинѣ безвозмездно. Изъ общинъ владѣющихъ минеральны-

ми водами, въ благоприятныхъ, хотя исключительныхъ условіяхъ находится *Спа*, гдѣ допущена публичная игра, которая платитъ ежегодно въ пользу общины 20% съ чистаго выигрыша. Этихъ процентовъ въ 1868 было 325.000 франковъ. Получая такую значительную ежегодную субсидію, община употребила 1.547.631 франковъ на устройство одного кулаеннаго зданія съ принадлежностями, не говоря объ обдѣлкѣ источниковъ. Зданіе вышло дѣйствительно образцовое. Затѣмъ община искала возможности отдать его въ аренду, но арендаторы предлагали ей слишкомъ ограниченную плату, и потому она рѣшилась сама управлять имъ (*en régic*), отдавъ на аренду лишь минеральныя источники, преимущественно для разсылки воды (за 13 тысячъ франковъ). По отчету 1868 года, ванны, за исключеніемъ расхода на содержаніе ихъ, принесли чистаго дохода 15.956 франковъ. Послѣ такихъ огромныхъ затратъ, нельзя не помять что столь ничтожная цифра дохода не могла быть цѣлью для которой дѣлались затраты.

Мариенбадъ представляетъ примѣръ водъ находящихся во владѣніи монастырей. Водами завѣдуетъ инспекторъ, назначаемый отъ монастыря. Владѣя въ то же время обширными лѣсными дачами и различными угодьями, и вызывая прихожанъ на различныя пожертвованія въ свою пользу, монастырь ведетъ одно общее хозяйство. Правительство, совершенно не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла управленія, довольствуется тѣмъ что имѣетъ при немъ своего комиссара, роль котораго ограничивается собираніемъ пошлинъ, установленныхъ въ пользу казны. Такова и вообще роль австрійскаго правительства по отношенію къ водамъ его: не владѣя непосредственно ни однимъ изъ нихъ, оно разсматриваетъ ихъ только какъ частную собственность, и въ послѣднее время, предполагая что каждый хозяинъ всего лучше можетъ самъ заняться благоустройствомъ своей собственности, значительно ограничило даже техническій надзоръ за ними, удержавъ однихъ своихъ комиссаровъ. Это основаніе, совершенно вѣрное въ общемъ своемъ значеніи, оказывается не вполне приложимымъ къ минеральнымъ водамъ. Средства частныхъ людей рѣдко, и то только при особенныхъ, исключительныхъ обстоятельствахъ, бывають въ состояніи довести воды до той степени развитія на которую можетъ возвести ихъ правительство. Односторонній взглядъ

австрійскаго правительства, вызванный, повидимому, недостаточностью государственныхъ средствъ, не могъ не отозваться и на благоустройство австрійскихъ минеральныхъ водъ: эти воды по своему устройству справедливо ставятся въ ряду германскихъ водъ на *второмъ* планѣ и далеко не достигаютъ тѣхъ результатовъ которыхъ бы можно было ожидать отъ нихъ при болѣе обширной эксплуатаціи, судя по высокому натуральному достоинству многихъ изъ нихъ. Стоитъ только припомнить Теллицъ, Карлсбадъ, Гастейнъ и пр.

Въ *Теллицъ* большая часть купаленныхъ зданій и источниковъ принадлежитъ частнымъ людямъ; нѣкоторые составляютъ собственность города (Stadtbad). Нельзя не согласиться что всѣ они (за исключеніемъ можетъ-быть одного Neubad, принадлежащаго свѣтлѣйшему князю фонъ-Клари) весьма далеко не только отъ совершенства и столь привлекательнаго для больныхъ изящества, встрѣчаемаго при источникахъ въ другихъ странахъ, но и отъ того состоянія удовлетворительности которое было бы достаточно для врача. Частные владельцы стараются возвысить доходность своихъ источниковъ, присоединяя къ нимъ устройство гостиницъ, ресторановъ и кладя на улучшеніе самыхъ ваннъ и владѣемыхъ ими источниковъ лишь то что соотвѣтствуетъ доходамъ съ этихъ сложныхъ заведеній. При городскихъ ваннахъ даже и подобныя затраты, ограничиваемыя другими нуждами самого города и затрудняемыя извѣстными формами городского управленія, не существующими при распоряженіи частною собственностью,—дѣлаются труднѣе и скуднѣе. Результатомъ этого выходитъ то что городскія ванны удовлетворительны менѣе всѣхъ другихъ. Stadtbad не можетъ выдержать сравненія ни съ Neubad ни съ Steinbad, ни съ Gürtlerbad и пр.

Въ *Карлсбадѣ*, столько знаменитомъ своими источниками, всѣ воды принадлежать городу и до сихъ поръ представляютъ въ устройствѣ своемъ такъ много несовершенствъ что въ этомъ отношеніи могутъ сравниться только съ весьма немногими нѣмецкими и французскими водами. До 1866 года онѣ отдавались въ аренду. Шлрудель за 6.000 гульд. въ годъ и Мюльбадъ за 4.500 гульд. Получая эту аренду на затраченны имъ предварительно для водъ до 50 тыс. гульд., городъ весьма долго довольствовался ею; разылка воды развилась до 300.000 бутылокъ въ годъ, и цѣлебная слава Карлсбада держалась

высоко. При истеченіи срока аренды, городъ принялъ воды въ свое распоряженіе, надѣясь возвысить прямую доходность ихъ для себя. Между тѣмъ обветшаніе зданій и недостаточность технической обдѣлки источниковъ выразались съ каждымъ годомъ все явственнѣе, и потому городъ при самомъ приѣмѣ ихъ въ свое распоряженіе принужденъ былъ сдѣлать заемъ въ 300.000 талеровъ для построенія новаго купальнаго зданія, которымъ, при всей обширности его, все-таки далеко не исчерпываются современныя требованія отъ минеральныхъ водъ. При этомъ разсылка водъ въ бутылкахъ нѣсколько уменьшилась, значительно ослаба прямой доходъ отъ источниковъ, и городъ въ настоящее время снова готовъ отдать ихъ на аренду.

Въ Франценсбадѣ, близъ Эгера, мы также встречаемъ соединеніе двухъ видовъ владѣнія: города и частныхъ лицъ, безъ всякаго участія со стороны правительства; и снова видимъ повтореніе того же что видѣли въ предыдущихъ примѣрахъ. Всѣ постройки при источникахъ принадлежащихъ людямъ частнымъ (Картеліери, Алоймавъ) безъ всякаго сравненія лучше построекъ городскихъ. Неудовлетворительность послѣднихъ заставила Картеліери приобрести два источника въ свою собственность, построить при нихъ зданіе, которое въ настоящее время составляетъ лучшее зданіе ваннъ во Франценсбадѣ. Вообще же нельзя не замѣтить что слава Франценсбада начала значительно ограничиваться, особенно въ виду счастливаго, возникшаго около него соперника, королевско-саксонскихъ водъ Эльстера.

Одна изъ главныхъ причинъ нашей экономической успѣшности при эксплуатаціи минеральныхъ водъ городами и частными владѣльцами, заключается въ томъ что прямой доходъ отъ водъ становится пропорціоналенъ дѣлаемымъ на нихъ затратамъ только при известной уже степени ихъ развитія и благоустройства. До тѣхъ же жоръ прямой доходъ ихъ едва даетъ ничтожные проценты на затрачиваемый капиталъ. Мы видѣли примѣръ Сла, затратившаго $1\frac{1}{2}$ миліона франковъ на свое купальное зданіе и получающаго отъ него лишь 15.000 франк. дохода.

Чтобы представить осязательнѣе доказательство того что дѣйствительная доходность водъ начинается лишь тогда когда онѣ достигаютъ полнаго своего развитія, я войду въ нѣкоторыя подробности. Прежде всего надобно сказать что

главный самостоятельный доход при минеральных водахъ почти никогда не заключается въ доходъ отъ ваннъ. Причина этому весьма простая: каждая ванна имѣетъ свою ограниченную *утильность*, произвольно возвышать которую нельзя безъ стѣпенія лѣгчащейся публики и вмѣстѣ безъ ограниченія самой употребительности ваннъ, иначе: чѣмъ дороже продается ванна тѣмъ она менѣе покупается. Назначеніе цѣны за ванну дѣлается смотря по мѣстнымъ условіямъ каждаго водъ, и малѣйшее неосторожное превышеніе ея почти всегда отзывается весьма ощутительнымъ ущербомъ въ итогахъ прихода. Въ Виши, въ 1868 году нѣсколько возвысили цѣну за ванны 1го класса (съ двухъ до трехъ франковъ) и въ отчетѣ за этотъ годъ мы уже видимъ уменьшеніе числа выдаваемыхъ ваннъ этого класса, съ примѣчаніемъ что такое уменьшеніе надобно приписать возвышенію цѣны ихъ. * Одною изъ причинъ малой доходности отъ ваннъ въ Спа очевидно была слишкомъ высокая такса на нихъ (ванна съ раздѣвальною 4 $\frac{1}{2}$ фр., безъ раздѣвальной 2 фр. 40. сант., ванна грязевая 8 фр.); гораздо успѣшнѣе результаты при нѣмецкихъ ваннахъ, гдѣ обыкновенная цѣна отъ $\frac{1}{2}$ — $\frac{2}{3}$ талера за ванну. Между тѣмъ, общее требованіе возможно большаго комфорта при ваннахъ и необходимость, чувствуемая каждымъ заведеніемъ, идти, по мѣрѣ силъ, въ уровень съ другими заведеніями, словомъ, соперничество ихъ, требуютъ отъ эксплуатаціи все большихъ и большихъ затратъ. Пропорціонально возвышенію комфорта и расширенію ваннъ возвышается и стоимость содержанія ихъ. Затраты на этотъ предметъ дѣлаютъ получаемый отъ ваннъ доходъ все меньшимъ и меньшимъ процентомъ на употребленный на нихъ капиталъ. Вотъ почему въ Виши, на примѣръ, находящемся въ возможно лучшихъ условіяхъ, можно отъ эксплуататоровъ услышать что ванны даютъ имъ убытокъ (*c'est perdre*). И дѣйствительно, въ отчетахъ компаніи въ 1868 году можно видѣть слѣдующія цифры: въ *приходѣ* отъ ваннъ и душей 209.631 фр.; въ *расходѣ*: общихъ расходовъ (*frais généraux*), въ числѣ которыхъ болѣе половины относятся къ содержанію ваннъ и водъ на мѣстѣ, 213.424 фр.; къ этому

* „Les bains de 1-ère classe ont été en 1868 moins nombreux qu'en 1867, d'où il parait resulter, que l'élevation des tarifs n'a point donné les avantages que nous étions en droit d'en attendre.“

подобно прибавить расходъ на содержаніе казино (26.796), на уничтожающееся ежегодно бѣлье (amortissement du linge), 26.980 франковъ, и мебель (17.900 фр.), и наконецъ значительную часть суммы употребляющей на ежегодныя публикаціи (73.221 фр.). Таковъ годовою оборотъ въ Виши, имѣющемъ болѣе 350 номеровъ ваннъ и болѣе 30.000 посѣтителей. Арендаторы, конечно, давно отказались бы отъ своей аренды, если бы въ томъ же отчетѣ не могли помѣстить въ приходѣ 838.000 фр., полученныхъ за продажу минеральной воды въ бутылкахъ, лепешекъ и солей.

Наконецъ есть даже случаи въ которомъ расширеніе ваннъ не только не увеличиваетъ прямой доходности водъ, но служитъ прямою причиною уменьшенія ея. Это именно тамъ гдѣ число ваннъ становится не соответствующимъ числу потребителей ихъ. Тогда даваемый ими процентъ на затраченный капиталъ еще болѣе уменьшается. Предъ нами примѣръ Пломбьера, арендаторы котораго, построивъ ваннъ болѣе чѣмъ сколько было нужно, соответственно цифрѣ посѣщенія водъ, въ настоящее время находятся на пути къ банкротству.

Приведенный примѣръ Виши указываетъ ясно въ чемъ заключается главная прямая доходность водъ для ихъ владельцевъ. Дѣйствительно, годовою бюджетъ прихода всѣхъ употребительнѣйшихъ германскихъ и французскихъ водъ весь основывается главнымъ образомъ на продажѣ и разсылкѣ минеральной воды. Предъ нами бюджетъ Эльстера на 1770 годъ; въ немъ значится: при всемъ горячемъ содѣйствіи правительства и довольно высокой таксѣ съ посѣтителей*, чистой прибыли (verbleibender Bestand) 7 талеровъ 4 гроша. Такая скудость объясняется тѣмъ что Эльстеръ разсылаетъ овою воду еще въ весьма незначительномъ количествѣ бутылокъ. Мариенбадъ посылаетъ ея до 600.000 бутылокъ, Карлсбадъ до 300.000, Виши до 2¼ милліоновъ бутылокъ и столько же коробокъ лепешекъ; Крейцнахъ, Киссингенъ, Эмсъ около 350.000 и т. п. Словомъ обширная разсылка водъ вездѣ составляетъ главную основу хорошихъ экономическихъ результатовъ. Гдѣ ея нѣтъ, или не можетъ быть по самому свойству минеральной воды, напримѣръ въ Теллицѣ, Пломбьерѣ, Вильдбадѣ, Гастейнѣ и пр., тамъ благосостояніе водъ весьма умѣренно и обыкновенно поддерживается только средствами извнѣ, напримѣръ пря-

* Curtaxe—три талера съ каждой особы и каждого члена семейства.

ными субсидіями или присоединеніемъ различныхъ отраслей коммерціи (гостиницы, рестораны). Таксы съ посетителей за пребываніе ихъ на водахъ обыкновенно составляютъ незначительную поддержку для водъ, поступаютъ по большей части въ пользу мѣстнаго управленія, а мѣстами ихъ и совсѣмъ нѣтъ.

Взглянемъ ближе на самое свойство затратъ, требуемыхъ водами при ихъ развитіи. Что нужно при первомъ открытіи минеральныхъ водъ? Обдѣлка источниковъ, гидравлическія работы. Какой же городъ, или какой частный человекъ въ состояніи затратить сотни тысячъ на гидравлическія работы при источникахъ, будущую производительность которыхъ еще не всегда можно опредѣлить заранее, какъ затратило французское правительство въ Виши, Пломбьеръ, Эксъ, Бурбонъ, Пиринеяхъ и пр., или прусское въ Реме, саксонское—въ Эльстеръ и т. п.? Далѣе нужны ученые изслѣдованія, геологическія и химическія пособія при водахъ. Какой частный владѣлецъ въ состояніи употребить на нихъ то что можетъ употребить правительство, имѣющее въ своемъ распоряженіи и техникувъ, и ученыхъ химиковъ, и геологовъ? Между тѣмъ все это затраты полагающія истинное и прочное основаніе благоустройству водъ и широко вознаграждающіяся, но только въ будущемъ: въ настоящемъ же, будучи одѣланы разъ (напримѣръ, устроена лабораторія, заведены метеорологическія наблюденія), онѣ становятся лишь источникомъ необходимаго новаго и постоянного расхода. Далѣе слѣдуетъ устройство самыхъ купальныхъ зданій, галерей для питья и другихъ приспособленій къ медицинскому употребленію минеральной воды. Мы видѣли какія суммы затрачивались при европейскихъ водахъ на эти сооруженія правительствами и общинами; города и частные владѣльцы могли затрачивать подобныя средства только при помощи рулетки, средства вреднаго и недостойнаго. Мы видимъ далѣе что прямая производительность и этой затраты (на построенія при водахъ) не тотчасъ становится прямо пропорціональна самой затратѣ. Примѣры Пломбьера, Спа, даже Виши доказываютъ это. Наконецъ, для благосостоянія водъ и полного достиженія цѣли развитія ихъ нужно возможное облегченіе посѣщенія ихъ. Какой же частный владѣлецъ или городъ можетъ содѣйствовать ему такъ дѣятельно, какъ правительство: затрачивать капиталъ на устройство дорогъ, гарантировать желѣзные пути, дѣйствовать на возвышеніе удобствъ и спокойствія жизни въ краѣ? Всѣ самыя бла-

гоустроенныя воды: 1) принадлежать правительствамъ края; 2) суть тѣ, развитіе которыхъ совершилось подъ непосредственнымъ веденіемъ и при затратахъ со стороны правительства или общины.

Когда воды достигаютъ уже извѣстной степени своего благоустройства, когда онѣ снабжены всѣмъ что необходимо для полной ихъ эксплуатаціи, тогда дѣло измѣняетъ свой видъ: онѣ перестаютъ требовать затратъ отъ государства и начинаютъ ему выплачивать прямо и косвенно свой процентъ на затраченный на нихъ капиталъ. Но тогда для полной успѣшности своей на этомъ пути онѣ уже требуютъ дѣятельности возможно самостоятельной, хозяйства, при которомъ ближайшій ихъ хозяинъ чувствовалъ бы себя наиболѣе отвѣтственнымъ, а слѣдовательно и свободнымъ въ дѣйствиіи, потому что безъ свободы дѣйствія не можетъ существовать и отвѣтственности дѣйствующаго. На этомъ основаніи, пока воды не доведены до возможности существовать самостоятельно и приносить извѣстный доходъ, правительства занимаются ими сами: воды управляются en régie, то-есть лицами непосредственно назначенными правительствомъ и ведущими все внутреннее хозяйство ихъ по существующимъ образцамъ казенныхъ учрежденій. Таково настоящее положеніе Эльстера; таково, до 1853 года, было положеніе Виши и другихъ французскихъ водъ принадлежащихъ государству. Когда воды достигаютъ самостоятельнаго существованія, тогда правительства, сознавая что для внутренняго ихъ завѣдыванія лучшая форма есть та которая наиболѣе приближается къ формѣ частнаго владѣнія, стараются сдать свои воды на аренду (en ferme). Дѣйствительная аренда, то-есть аренда платящая, только и возможна въ этомъ случаѣ, то-есть когда воды уже приносятъ доходъ и слѣдовательно арендатору есть за что платить. Когда французское правительство, въ 1853 году, назначило комиссію изъ людей наиболѣе компетентныхъ и знакомыхъ съ дѣломъ водъ, для обсужденія проекта объ отдачѣ Виши на аренду, то эта комиссія въ донесеніи своемъ (24го мая), не колеблясь высказала свое мнѣніе въ пользу системы арендной какъ наилучше удовлетворяющей интересамъ казны и общественнаго здоровья *, и даже присоединила къ этому свои

* „Elle n'a pas tardé à se convaincre que le système de la ferme est le meilleur pour l'exploitation des sources thermales appartenant à l'Etat, comme celui dans lequel peuvent le mieux se concilier les intérêts du Trésor et ceux de la santé publique.“

совѣтъ приложить ту же систему къ водамъ Бурбона, Нериса и др. Правительство приняло совѣтъ комиссiи и передало эти воды на такую аренду, на какую оказалось возможнымъ по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Но передавая ихъ въ частное содержанiе, оно никакъ не отказалось отъ заботъ о своемъ имуществѣ и даже отъ новыхъ затратъ на него, въ виду государственной пользы приносимой имъ. Оно выразилось весьма ясно что, передавая воды Виши, смотритъ на нихъ не какъ на простую статью дохода, а какъ на предметъ близко касающійся интересовъ общественныхъ. И потому, назнача сравнительно ничтожную сумму за аренду ихъ, оно вмѣнилъ въ обязанность арендаторамъ дополнить, въ теченiи извѣстнаго срока, построенiя при водахъ, и само, въ 1861 году, декретировало новую значительную затрату (до 3 милл.) на предметы относящiеся къ благоустройству водъ, назначая въ то же время чтобъ и сумма получаемая съ аренды водъ сливалась съ суммой декретированною. Опредѣливъ для Виши первоначальную арендную плату во 100.000 фр., оно поставило компанiю въ условiе сдѣлать въ теченiи нѣсколькихъ лѣтъ построенiй при водахъ на одинъ миллионъ франковъ и назначило таксу на воды и ванны. При такомъ обширномъ оборотѣ какъ въ Виши, эти условiя были весьма легки, и въ 1864 году сама компанiя арендаторовъ предложила правительству сдѣлать построекъ еще на 1.340.000 фр. и прибавить 55.000 арендной платы, требуя въ вознагражденiе за это лишь позволенiя увеличить таксу на воду продаваемую въ бутылкахъ (съ 35 сант. до 50) и на нѣкоторыя изъ ваннъ. Правительство согласилось на это.

Вновь развивающiяся государственныя саксонскiя воды въ Эльстерѣ находятся въ такомъ же положенiи; правительство управляетъ ими само (*en régie*), дѣлаетъ на нихъ затраты, обращаетъ прямой доходъ съ нихъ также на улучшенiе ихъ и ждетъ времени въ которое будетъ возможно передать ихъ въ аренду.

Рациональность этого взгляда подтверждается неблагоприятными примѣрами другихъ водъ, которыя были поведены другою дорогою. Карлсбадъ, городъ владѣющiй водами, постыдился отдать ихъ на аренду, не доведя до достаточной степени устройства. Что же вышло? Въ арендѣ онъ получалъ хорошия проценты на небольшой капиталъ, затраченный имъ на воды, но въ то же самое время ежегодно терялъ самый капиталъ свой, свои построенiя при водахъ. Привывъ ихъ

слова въ свое собственное завѣдываніе, онъ тотчасъ понялъ что для сохраненія этого капитала необходимы новыя затраты и сдѣлалъ для водъ значительный заемъ. Теперь снова, когда устройство ихъ ему кажется уже достаточнымъ, онъ имѣетъ въ виду отдать ихъ въ частное содержаніе, сознавая что при такомъ видѣ управленія эксплуатація ихъ будетъ всего успѣшнѣе.

II.

Обращаясь къ нашимъ кавказскимъ водамъ, постараемся приравнять къ нимъ результаты выведенные изъ изученія европейскихъ водъ. Скажемъ сначала нѣсколько словъ о настоящемъ ихъ положеніи.

Въ настоящее время кавказскія минеральныя воды, нѣтъ сомнѣнія, находятся еще въ первомъ періодѣ своего развитія, то-есть, въ періодѣ въ которомъ для нихъ еще не наступила возможность существованія собственными средствами. Высокое натуральное ихъ достоинство, заботы о нихъ правительства и затраты сдѣланныя имъ на нихъ,—давно бы уже могли вывести ихъ изъ этого періода во второй, періодъ самостоятельнаго существованія, еслибы внѣшнія обстоятельства не были такъ неблагопріятны для нихъ. Отдаленность ихъ, положеніе внутри края который надобно было завоевывать и потомъ охранять войсками; весьма малое развитіе въ немъ жизни промышленной, затруднявшее пребываніе посѣтителей на водахъ; трудность доступа къ нимъ извнутри Россіи по недостатку дорогъ и средствъ для удобнаго путешествія и т. п.,—все это были условія въ высшей степени затруднявшія развитіе водъ. Подъ именемъ *развитія* ихъ надобно понимать не только внутреннее устройство, но и полную эксплуатацію ихъ, то-есть такую которая вполнѣ удовлетворяетъ обѣимъ цѣлямъ существованія водъ: требованіямъ общественнаго здоровья и государственной экономіи. То и другое обыкновенно находится въ тѣсной связи между собою; но одно не можетъ измѣряться другимъ и внутреннее устройство водъ далеко не всегда идетъ рядомъ съ ихъ эксплуатаціей. Обыкновенно, при нормальномъ развитіи водъ, приглаждаются къ запросу на нихъ, и когда видятъ что этотъ запросъ увеличивается, тогда стараются увеличить и средства для удовлетво-

ренія ему, обращаясь къ соотвѣтственному развитію внутренняго устройства водъ. Тамъ гдѣ этотъ порядокъ былъ соблюденъ, развитіе водъ шло своимъ правильнымъ путемъ и достигало лучшихъ результатовъ. Гдѣ же это было понято не совсемъ ясно, тамъ или эксплуатація опережала устройство водъ, или наоборотъ, внутреннее благоустройство ихъ превышало потребности эксплуатаціи. Въ томъ и другомъ случаѣ воды всегда были въ потерѣ. Въ Карлсбадѣ эксплуатація опередила внутреннее устройство; въ Паомбьерѣ, напротивъ, внутреннее устройство превзошло требованія эксплуатаціи; и въ томъ и другомъ случаѣ результатъ былъ неблагоприятный.

Обращаясь съ этой точки зрѣнія къ нашимъ водамъ, мы не можемъ сказать чтобы развитіе ихъ до сихъ поръ много уклонялось отъ нормальнаго пути; эксплуатація вездѣ, исключая Ессентуковъ (по малому количеству воды) и по временамъ Желѣзноводска (по малому числу ваннъ) удовлетворяла запросамъ на нихъ. Но по сущности самаго дѣла, по безпримѣрному естественному разнообразію и достоинству нашихъ водъ, по ихъ уже утвердившейся репутации въ Россіи и за границей, мы находимся въ положеніи исключительномъ. Намъ нельзя, слѣдуя общему правилу, спокойно выжидать развитія требованій на наши воды для того чтобы усерднѣе приняться за расширеніе ихъ устройства. Эксплуатація наша сравнительно еще очень мала, но мы знаемъ что главное препятствіе ей до сихъ поръ было извнѣ, была трудность сообщенія и жизни на водахъ. Теперь, когда желѣзная дорога готовится разрушить это препятствіе, мы въ правѣ ожидать значительнаго усиленія запроса на наши воды. И потому въ настоящее время вниманіе наше должно быть обращено по преимуществу на внутреннее развитіе ихъ. Эксплуатація не замедлитъ расширяться вслѣдъ за нимъ.

Внутреннее устройство водъ, какъ мы видѣли, вездѣ начинается съ возможно основательной и соотвѣтствующей современнымъ средствамъ *обдѣлки* источниковъ, съ гидравлическихъ работъ. Въ этомъ полагается главная и прочная основа всѣмъ послѣдующимъ затѣмъ построеніямъ при водахъ и въ этомъ же заключается единственная гарантія того что при дальнѣйшемъ устройствѣ ихъ не будетъ слѣдено затратъ излишнихъ, безполезныхъ или неправильныхъ. Въ этомъ отношеніи наши воды были менѣ счастливы: часть технической

обдѣлки нашихъ источниковъ всегда стояла на заднемъ планѣ и выполнялась домашнимъ образомъ, не-техниками. Мы не имѣемъ еще ни одной артезианской работы; наши источники обдѣланы первобытно при своихъ натуральныхъ истокахъ и къ нимъ приспособлены купальныя зданія и галереи; а такъ какъ натуральныя истоки измѣняются отъ времени, то и зданіямъ построеннымъ на нихъ грозитъ опасность потерять со-временемъ свои отношенія къ источникамъ и, слѣдовательно, свое значеніе купальныхъ зданій и галерей при источникахъ. Къ сожалѣнію, мы видимъ возможныя условія для этого при всѣхъ лучшихъ изъ нашихъ построеній, при Николаевскихъ, Теллосѣрныхъ, Елисаветинскихъ ваннахъ, при Нарзанѣ и т. д. Техническое искусство еще нигдѣ достаточно не обезлечило стойкости нашихъ источниковъ и въ этомъ-то собственно заключается наша слабая сторона. Прежде чѣмъ возобновлять и пристроивать подобныя сооруженія вновь, надобно подумать о томъ чтобы положить имъ прочное основаніе въ упроченіи самихъ источниковъ.

Далѣе, говоря собственно о постройкахъ необходимыхъ при эксплуатаціи водъ, о *ваннахъ*, мы должны сказать что, если онѣ удовлетворяли до сихъ поръ существовавшимъ на нихъ требованіямъ (и то не вездѣ), то даже при нѣкоторомъ ожидаемомъ усиленіи запроса на нихъ, сейчасъ должна okazaться недостаточность ихъ. Бѣдность наша въ этомъ отношеніи очевидна: стоитъ припомнить что самое обширное наше купальное зданіе (Николаевское) заключаетъ въ себѣ только 15 номеровъ ваннъ. Что же значитъ это число въ сравненіи съ тѣми числами которыя мы находимъ при европейскихъ водахъ, гдѣ часто бываетъ отъ 100 до 300 номеровъ въ одномъ купальномъ зданіи? На всѣхъ нашихъ четырехъ группахъ водъ насчитываютъ 88 номеровъ ваннъ, включая сюда даже и тѣ которыя уже признаны негодными къ употребленію (какъ напримѣръ, Варшавскія), или которыя уже такъ ветхи что видимо дослуживаютъ свой краткій срокъ (напримѣръ Ермоловскія, Калмыцкія). Если отсчитать изъ этого числа еще тѣ которыя, по несовершенству своего построения, очевидно требуютъ перестройки (напримѣръ ванны Ессентукскія, Александро-Николаевскія, нѣкоторыя изъ Желѣзноводскихъ), то останется едва ли не половина названнаго числа, на которую будущая эксплуатація водъ можетъ твердо разчитывать. Такое положеніе построекъ есть, очевидно, послѣдствіе

того что онѣ не воздвигались по какому-либо опредѣленному плану, а возникали совершенно случайно, по мѣрѣ случайнаго открытія того или другаго источника, и притомъ строились иногда весьма бѣдными средствами (изъ лѣтна, тураука, въ видѣ калмыцкихъ кибитокъ), а иногда даже проргію motu proprio стотрыхъ смотрителей. Это почти общій историческій законъ первоначальнаго развитія минеральныхъ водъ. Такъ бывало въ началѣ и вездѣ въ Европѣ. Но за то въ послѣдствіи, когда воды начинали организоваться, эти первоначальныя построенія сламывались и замѣнялись новыми. Я не думаю чтобы, вступая въ новый періодъ развитія нашихъ водъ, мы имѣли надобность скрывать отъ себя, или отъ кого-нибудь истинное положеніе нашихъ водяныхъ сооружений и представлять ихъ себѣ въ лучшемъ видѣ, чѣмъ онѣ есть, именно теперь, когда должна быть сдѣлана полная программа ихъ расширенія, соотвѣтственно ихъ будущей роли. Если мы хотимъ чтобы наши воды играли такую же роль какъ воды европейскія (на что имѣемъ полное естественное право), то должны желать чтобы онѣ и внутреннимъ и вѣншимъ устройствомъ своимъ стояли не ниже ихъ. Настоящее же положеніе нашихъ ваннъ не можетъ выдержать никакого сравненія съ подобными сооружениями при иностранныхъ водахъ; стоить только взглянуть на эти зданія, обширныя, изящныя, снабженныя всѣми дорогими техническими усовершенствованіями новѣйшаго времени и стоящія каждое отъ одного до двухъ милліоновъ франковъ, то-есть каждое дороже чѣмъ всѣ наши купальныя зданія на четырехъ группахъ водъ, потому что самое лучшее изъ нихъ (Николаевское) стоило первоначально только 20 тыс. руб.

Но намъ говорятъ что правительство затратило уже до *милліона* рублей на кавказскія минеральныя воды. Мы готовы думать что оно затратило гораздо болѣе, потому что затраты его начались уже съ начала нынѣшняго столѣтія и въ теченіи почти 70 лѣтъ, по всему вѣроятію, достигли цифры гораздо вышей милліона. Но для будущей эксплуатаціи водъ будетъ весьма важно различить то что затрачено собственно на воды, въ тѣсномъ смыслѣ слова, то-есть на построенія при нихъ, и что на содержаніе ихъ, то-есть на управленіе ими, на содержаніе необходимыхъ чиновниковъ при нихъ, на строительный комитетъ города Пятигорска, на предводительствіе необходимой военной стражи и рабочихъ ротъ и т. п. Въ на-

стоящее время все движимое и недвижимое имущество водъ, со всеми галлерейми и устройствами, цѣнится съ небольшимъ въ 300.000 рублей, и мы кажется что будущіе эксплуататоры водъ должны прежде всего знать существенное достоинство этихъ построеній и понимать ихъ недостаточность для болѣе обширной эксплуатаціи. Представлять же имъ дѣло только съ выгодной коммерческой стороны, высчитывая, по валовому числу существующихъ ваннъ, сколько они могутъ продать ихъ въ годъ, значило бы вводить ихъ въ заблужденіе и ограничивать будущую программу развитія водъ. Считать возможною удовлетворительную эксплуатацію водъ при настоящихъ ея средствахъ, значитъ довольствоваться тѣмъ чтобъ эксплуатація совершалась въ предѣлахъ не болѣе обширныхъ чѣмъ теперъ. Очевидно что отъ будущей эксплуатаціи не того должно ожидать. Первымъ условіемъ для нея должно быть пополненіе и расширеніе ея средствъ: построеніе новыхъ, болѣе обширныхъ и соответственныхъ современнымъ техническимъ средствамъ купаленъ. Нечего и говорить уже объ основаніи для всего: о технической разработкѣ источниковъ. Когда правительство въ состояніи будетъ отдать воды кому-нибудь въ арендное содержаніе, то условія этого содержанія только тогда могутъ быть прочны для обѣихъ сторонъ, когда они и той и другой предоставлять *дѣйствительныя* выгоды, словомъ, когда контрактъ составится не на призрачной мысли объ обширномъ доходѣ отъ существующихъ ваннъ, но на ясно понятой оцѣнкѣ настоящихъ средствъ эксплуатаціи водъ и изученіи тѣхъ требованій которыя на первомъ же шагу представляются эксплуататору. Иначе, можетъ случиться подобное тому что случилось въ Пломбьерѣ. Французское правительство передало воды, со всеми ихъ принадлежностями, частной компаніи, обязавъ ее, вмѣсто платы, сдѣлать дополнителныя построенія при водахъ. Эти обязательства были такъ значительны что не могли покрыться эксплуатаціей водъ; ожиданія компаніи не сбылись, и правительство теперь принуждено или увидать банкротство содержателей Пломбьера, или идти къ нимъ на встрѣчу съ значительнымъ денежнымъ пособіемъ. Тѣ же арендаторы передали отъ себя право на приготовленіе и продажу лепешекъ и разсола изъ минеральной воды аптекарю Жантильому, подъ условіемъ платить имъ 1.000 фр. въ годъ и дѣлать публикацій на 1.500 фр. Жантильомъ можетъ продавать своихъ произведеній лишь на 1.000

фр. въ годъ и потому ждетъ съ нетерпѣніемъ окончанія срока своей аренды, оказавшейся для него убыточною.

Если въ Пломбьерѣ и даже, какъ мы видѣли, въ Виши, обладающихъ такими средствами и находящихся въ такихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, одна эксплуатація ваннъ не составляетъ выгодной операціи и едва даетъ ничтожный процентъ на затрачиваемый на нея капиталъ, то на какомъ основаніи могли бы мы при кавказскихъ водахъ предположить что здѣсь, въ недалекомъ уже будущемъ, этотъ предметъ слѣдѣтся источникомъ значительной прибыли? Недалекому будущему прежде всего предстоитъ еще поставить наши воды во внѣшнія столько же благоприятныя обстоятельства, какъ тѣ въ которыхъ находятся воды заграничныя. Железная дорога, безъ сомнѣнія, будетъ могучимъ дѣятелемъ для этого, но дѣятелемъ не безусловнымъ; она дастъ сообщеніе, а на сколько воды будутъ въ состояніи воспользоваться имъ и во сколько времени, — это будетъ зависеть отъ развитія всего края, его производительности, его цивилизаціи. Легкость пріѣзда на воды еще не все для посѣтителя ихъ, ему нужна еще легкая и пріятная жизнь на нихъ, не говоря уже о достоинствахъ самыхъ водъ и доступности ихъ употребленія.

Во всякомъ случаѣ, на той степени развитія на которой находятся наши воды, въ виду расширенія ихъ эксплуатаціи, прежде всего онѣ требуютъ новыхъ значительныхъ затратъ отъ своего эксплуататора. Кто же долженъ быть ихъ эксплуататоромъ и кому дѣлать эти затраты?

Изъ предшествовавшаго изученія иностранныхъ минеральныхъ водъ отвѣтъ на эти вопросы вытекалъ бы самъ собою. Наши воды составляютъ государственное имущество: онѣ не достигли еще періода возможности самостоятельнаго существованія своими средствами, слѣдовательно, должны эксплуатироваться государствомъ (*en régie*) и пользоваться его субсидіями. Еслибы новое обстоятельство, наканунѣ котораго мы теперь находимся, не должно было видоизмѣнить всей жизни края, то этотъ отвѣтъ еще надолго сохранилъ бы всю свою силу и значеніе. Воды долго бы еще не могли отвѣчать второму своему назначенію, прямо экономическому, требующему, на известной степени развитія, возможнаго освобожденія государства отъ прямыхъ затратъ на нихъ. Хотя и нельзя предполагать что уже скоро наступитъ тотъ моментъ въ кото-

рыи затраты государственнаго казначейства для водъ могутъ быть прекращены, но есть полное вѣроятіе думать что тѣ обширныя единовременныя затраты которыя необходимы для нашихъ водъ могутъ значительно облегчиться развитіемъ новой обширной отрасли промышленности, которую также гарантируетъ правительство, именно желѣзнодорожнаго дѣла.

Нѣтъ сомнѣній что государство ни въ какомъ случаѣ не должно покидать ближайшаго надзора и участія въ эксплуатаціи своего имущества; но въ то же время примѣры развитія всѣхъ государственныхъ минеральныхъ водъ за границей достаточно убѣждаютъ что въ этомъ развитіи, на известной его степени, должна быть предоставлена возможная внутренняя свобода развивающемуся организму водъ. Вездѣ считается доказаннымъ что эксплуатация водъ въ формѣ казенныхъ учрежденій менѣе успѣшна, чѣмъ въ формѣ арендной. Но для этой формы, въ истинномъ значеніи слова, мы еще не готовы; арендатора, который бы взялъ воды, сдѣлалъ на нихъ требуемыя имъ затраты и нашелъ для себя вознагражденіе въ эксплуатаціи ихъ, теперь, или очень скоро, — не найдется. Надобно искать слѣдовательно при нашихъ обстоятельствахъ термина средняго, который бы соответствовалъ переходному періоду существованія водъ, въ которомъ мы находимся, термина, который бы соединялъ въ себѣ и *regie* и *ferme*, до тѣхъ поръ пока мы будемъ въ состояніи совершенно перейти en *ferme*. Поэтому, въ ожиданіи возможности привлечь къ водамъ необходимый для нихъ капиталъ, я думаю что самая удобная форма завѣдыванія нашими водами будетъ: назначеніе самимъ правительствомъ управляющаго водами съ предоставленіемъ ему инициативы и полной свободы дѣйствія въ предѣлахъ известнаго бюджета, утверждаемаго ежегодно правительствомъ и въ предѣлахъ известной инструкции, которая будетъ имъ дана. Этотъ бюджетъ, по мѣрѣ средствъ которыми правительство будетъ располагать, можетъ ежегодно расширяться или ограничиваться. Когда представится возможность передать эксплуатацію водъ въ руки частныя, тогда вся внутренняя экономическая сторона дѣла должна перейти въ полное распоряженіе эксплуататоровъ; на директорѣ водъ останется обязанность наблюденія за точнымъ исполненіемъ эксплуататорами видовъ правительства, по отношенію къ водамъ, — наблюденія, также не лишенаго инициативы, — равно

какъ и за успѣшнымъ ходомъ при водахъ части медицинскои и общенаучной.

Правительство не можетъ забыть своей главной, руководящей его идеи по отношенію къ водамъ, идеи доведенія ихъ до возможной степени совершенства и развитія. Оно не можетъ увлечься расчетомъ на какую-нибудь арендную плату, во всякомъ случаѣ ничтожную сравнительно съ государственнымъ интересомъ, представляемымъ водами. Обманчиво было бы даже увлеченіе мыслью что оно сейчасъ же можетъ навсегда отмѣнить всѣ субсидіи для водъ, въ томъ или другомъ видѣ. Мы видѣли уже примѣры того какъ дорого обходятся въ послѣдствіи подобныя увлеченія. Еще обманчивѣе и опаснѣе была бы мысль что можно дѣлавшіяся до сихъ поръ субсидіи водамъ замѣнить возвышеніемъ таксы на нихъ съ потребителей. Въ этомъ случаѣ для правительства было бы невыгодно узаконить подобное возвышеніе, и весьма обманулся бы въ своихъ надеждахъ будущій эксплуататоръ водъ. Правительство нарушило бы главную цѣль существованія водъ и своихъ заботъ о нихъ—пользу общественную; оно стѣснило бы ихъ доступность. Эксплуататоръ ошибся бы въ своихъ расчетахъ потому что вслѣдъ затѣмъ вѣроятно надолго ограничилось бы и распространеніе употребительности водъ. Мы уже привели примѣръ Виши и результатъ который обнаружился бы и у насъ съ еще большею силой: публика притѣжающая къ намъ на воды обыкновенно такъ мало приготовлена къ расходамъ, сопряженнымъ съ дѣленіемъ водами и путешествіемъ на нихъ, что постоянно и безъ того уже слышится ропотъ на недостаточность средствъ, хотя въ сущности ванны у насъ дешевле многихъ иностранныхъ. Нѣсколько тысячъ ваннъ, выдаваемыхъ бесплатно на каждый сезонъ, едва могутъ смягчать этотъ ропотъ, поддерживаемый дѣйствительнымъ недостаткомъ многихъ насущныхъ удобствъ въ жизни больного, удобствъ, которыя только и могутъ быть доставлены временемъ и промышленнымъ развитіемъ края. И потому, передавая воды въ частное завѣдываніе, на первый разъ правительство единственнымъ условіемъ можетъ поставить—обязательство построить при водахъ, въ теченіе извѣстнаго срока, извѣстныя сооруженія, на извѣстную сумму. Другими словами: обязательство затратить на воды въ теченіе извѣстнаго времени извѣстный капиталъ. Передавать же въ другія руки завѣдываніе водами безъ этой цѣли, безъ

цѣли дальнѣйшаго развитія и возможнаго усовершенствованія ихъ, было бы непослѣдовательно. Да и кому же правительство могло бы сдѣлать эту передачу? Кто могъ бы, въ виду будущаго вознагражденія, затратить свой капиталъ на наши воды? Всего ближе это могла бы сдѣлать община, которая у насъ современемъ олицетворится въ земствѣ, но которой теперь еще нѣтъ. Городъ? Но при передачѣ городу, очевидно, не могло бы быть никакой подобной цѣли, потому что городъ не имѣетъ еще достаточно самостоятельныхъ средствъ не только для затраты на воды, но и для собственнаго благоустройства, и могъ бы принять ихъ на себя по необходимости развѣ только въ видахъ обратныхъ правительственнымъ, именно: не въ видахъ развитія водъ, а въ видахъ усиленія своихъ собственныхъ доходовъ на счетъ водъ. Относительно же формы самаго управленія, до которой должно быть желательно довести воды (аренда), это былъ бы шагъ назадъ, и притомъ шагъ, которому примѣровъ мы не встрѣчаемъ въ исторіи европейскихъ водъ. Тамъ мы видимъ примѣры только обратные: правительства покупаютъ у городовъ воды, сознавая что городскихъ средствъ недостаточно для развитія ихъ; дѣлаютъ ихъ государственными, затрачиваютъ на нихъ капиталы и затѣмъ отдаютъ ихъ въ аренду; припомнимъ примѣръ Эльстера. Городское управленіе обыкновенно не успѣшно при эксплуатаціи водъ; припомнимъ Карлсбадъ. И потому эти управленія сами, если они располагаютъ водами, стараются передать ихъ на аренду.

Оскается разчитывать на частныхъ капиталистовъ. Но изъ нихъ, безъ особенныхъ условій, безъ косвенной и совмѣстной поддержки другою отраслью промышленности, едва ли найдется такой который рѣшится сдѣлать большую затрату на воды, въ ожиданіи получить современемъ умѣренные проценты отъ нея. Самая обширная и счастливая эксплуатація водъ въ Европѣ, именно въ Виши, даетъ своимъ акціонерамъ только до 9% въ годъ. У насъ въ Россіи, гдѣ капиталы теперь находятъ для себя такое легкое и прибыльное помѣщеніе въ распространившихся дорожно-строительныхъ и банковыхъ предпріятіяхъ, конечно въ настоящее время трудно будетъ найги частный капиталъ который владельцы рѣшились бы затратить на такое предпріятіе обширность успѣха котораго не можетъ опредѣлить никто, потому что никто не можетъ сказать впередъ до какой степени раз-

витія можетъ быть доведена будущая эксплуатація водъ. Всякій знаетъ что она зависитъ отъ столькихъ вышнихъ обстоятельствъ что предвидѣть и исчислить ихъ впередъ невозможно. Сколько мнѣ извѣстно, попытки въ этомъ родѣ, слѣданныя лѣтомъ прошлаго года, подтвердили это положеніе, они не увѣнчались успѣхомъ: охотниковъ не нашлось.

Къ счастью, представляется случай, при которомъ есть возможность соединить прямой интересъ нашихъ водъ съ достаточною производительностію частнаго капитала, могущаго быть на нихъ затраченнымъ. Этотъ случай — построеніе желѣзной дороги идущей чрезъ Пятигорскъ. Для компаніи строителей, при обширности ихъ предпріятія, единовременная затрата суммы нужной въ настоящее время для водъ уже не можетъ быть такъ обременительна, какъ для всякаго другаго частнаго арендатора водъ. Далѣе, затрачивая эту сумму, они будутъ имѣть въ своихъ рукахъ и одно изъ средствъ — слѣлать ее производительною, именно: путь сообщенія. Въ развитіи водъ они будутъ имѣть пособіе для прямаго успленія доходности ихъ главнаго предпріятія, именно: для усиленія пассажирскаго движенія по эксплуатируемой ими желѣзной дорогѣ. При такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, правительство можетъ имѣть весьма рационально предложить взять воды въ аренду, на тѣхъ условіяхъ которыя оно найдетъ необходимыми для успѣшности развитія водъ. Строители желѣзной дороги могутъ принять это предложеніе безъ всякаго ущерба для своего прямаго интереса, тѣмъ болѣе что правительству легко будетъ гарантировать имъ ихъ будущія затраты на воды. Размѣры, въ которыхъ можетъ быть лотомъ уменьшена, а въ послѣдствіи, по окончаніи при водахъ построекъ необходимыхъ для расширенія ихъ эксплуатаціи, и совсѣмъ отмѣнена выдаваемая правительствомъ субсидія, будутъ зависѣть отъ взаимнаго соглашенія съ строителями дороги, или, лучше сказать, отъ степени предполагаемой доходности сей послѣдней и отъ быстроты развитія эксплуатаціи водъ. Такимъ образомъ текущіе расходы правительства на воды не только не увеличатся, но и пойдутъ нормальнымъ путемъ къ совершенному своему уничтоженію; развитію же водъ даны будутъ тѣ средства которыя необходимы для полноты его

Каково бы ни было условіе заключенное съ правитель-

ствомъ, но для того чтобы оно было прочно и дѣйствительно выгодно для истинной успѣшности развитія водъ, въ немъ должны быть подробно и точно высказаны, съ одной стороны, требованія и цѣль правительства; съ другой — поняты въ истинномъ видѣ тѣ наличныя средства на которыя можетъ разчитывать будущая эксплуатація, и напередъ оцѣнены затраты которыхъ она потребуеть. Истинная выгода правительства не можетъ быть отдѣлена отъ выгоды контрагирующихъ съ нимъ. Стараться показать товаръ лицомъ чтобы выгодноѣ сбыть его,—и недостойно правительства и въ сущности невыгодно для него, потому что въ такомъ случаѣ черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ товаръ останется на его же рукахъ. Съ другой стороны, и обязательствъ существенно убыточныхъ для частныхъ людей не возметъ на себя ни одинъ разсудительный и надежный контрагентъ.

Поэтому въ виду настоящаго положенія нашихъ водъ, я думаю что первая забота должна быть о томъ чтобы опредѣлить напередъ этотъ планъ и, соотвѣтственно ему, тѣ требованія къ исполненію которыхъ правительство должно будетъ стремиться само и которыя оно предложитъ при первой возможности—будущимъ арендаторамъ своимъ. Мы видѣли уже что первая и самая существенная нужда нашихъ водъ состоитъ въ гидравлическихъ работахъ, соотвѣтственныхъ современнымъ усовершенствованіямъ по этой части. Одно только удовлетвореніе этой нужды и можетъ дать прочную основу всѣмъ дальнѣйшимъ постройкамъ при водахъ. А потому его дѣйствительно можно назвать неотлагательнымъ. Въ настоящее время мы имѣемъ по этой части одного спеціальнаго, весьма опытнаго техника, Жюль-Франсуа, главнаго инженера французскихъ минеральныхъ водъ, которому около тридцати различныхъ водъ во Франціи и Бельгіи обязаны своимъ образцовымъ устройствомъ кулаленъ и источниковъ. Приглашеніе подобнаго техника для обзрѣнія нашихъ источниковъ на мѣстѣ и для составленія спеціальныхъ плановъ для гидравлическихъ работъ при нихъ и постройкіи кулаленъ можетъ быть сдѣлано всего удобнѣе правительствомъ, потому что для его приглашенія необходимо сношеніе съ французскимъ правительствомъ. Мы имѣемъ извѣстнаго своею ученостію геолога, академика Абиха, участіе котораго въ составленіи плана будущихъ гидравлическихъ работъ могло бы еще болѣе гарантировать самостоятельное достоинство этого плана. Что ка-

сается до издержки на это приглашеніе, то цѣль его такъ существенно важна и для правительства и для будущихъ арендаторовъ водъ, и сама издержка сравнительно такъ незначительна (по всему вѣроятію, можетъ простираться до 10—12 тысячъ руб.), что она едва ли можетъ составить существенное затрудненіе. Еслибы правительство затруднялось ею, то оно можетъ имѣть въ виду что въ послѣдствіи, при передачѣ водъ на аренду, каждый благоразумный арендаторъ согласится принять ее на себя и возратить правительству сдѣланныя на этотъ предметъ затраты. Кому будетъ предстоять затратить сотни тысячъ, тому неразумительно было бы не пожертвовать десятка для того чтобъ упрочить эту затрату и сдѣлать ее возможно производительнѣе. Приобрѣтя общій планъ для будущихъ работъ, я думаю что всего удобнѣе было бы обратиться для исполненія ихъ къ Германіи, гдѣ гидравлическія сооруженія производятся и такъ дешево и такъ отчетливо. Оттуда можно имѣть хорошаго бормейстера за тысячу или полторы тысячи рублей въ годъ, и помощника ему за половинную цѣну; оттуда же можно получить и достаточный запасъ нужныхъ инструментовъ за 700—800 рублей.

Обезпечивъ такимъ образомъ правильность и слѣдовательно производительность всѣхъ будущихъ построеній при водахъ, необходимо будетъ за симъ обратиться къ самымъ постройкамъ. Весьма опасно если будущій содержатель водъ приметъ ихъ съ мыслью что существующихъ нынѣ построеній достаточно для расширенія эксплуатаціи. Онъ долженъ знать, *вопервыхъ*, что ихъ недостаточно, и первою обязанностію ему должно быть вмѣнено расширеніе ихъ; *во вторыхъ*, что доходность эксплуатаціи должна будетъ основываться не на водахъ однихъ, но и на разсылкахъ минеральной воды и ея продуктовъ. При этомъ онъ долженъ знать что разсылка воды не только за границу, но и внутрь Россіи до сихъ поръ не могла совершаться въ сколько-нибудь обширныхъ размѣрахъ, не по трудности только сообщенія, а и по дороговизнѣ и немѣдленно на мѣстѣ необходимыхъ для нея принадлежностей. Вспомнимъ только что на сѣверномъ Кавказѣ нѣтъ ни одного стекляннаго завода, и что выписываемая извнутри Россіи пустая бутылка, доходя до Пятигорска, какъ на примѣръ въ нынѣшнемъ году, обходится болѣе 15 копѣекъ. Присоединяя къ этому цѣну доставки ея напистою (на примѣръ, въ Москву 20 коп. на бутылку), извѣстные проценты боя въ доро-

гѣ и плату за комиссію, ее нельзя было не продавать по цѣнѣ превышавшей цѣну всякой привозной заграничной воды; нельзя слѣдовательно было и разчитывать ни на какую конкуренцію съ заграничными водами. Этотъ примѣръ указываетъ ясно что не одна только легкость сообщенія, не одна желѣзная дорога нужна для успѣшной эксплуатаціи водъ, хотя мы и вѣримъ искренно что желѣзная дорога современемъ не останется безъ вліянія и на всѣ другія мѣстныя условія.

Рядомъ съ заботою о построеніяхъ при самыхъ водахъ должна идти забота о возможномъ доставленіи всѣхъ внѣшнихъ удобствъ для посѣтителей. Въ этомъ отношеніи представляется совершенная необходимость построенія обширныхъ гостиницъ, какъ въ Пятигорскѣ, такъ въ особенности въ Желѣзноводскѣ и Ессентукахъ. Самая большая казенная гостиница наша заключаетъ въ себѣ только 13 номеровъ; необходимо имѣть гостиницы съ 50—100 номерами. Извѣстно сколько затрудненій представляютъ посѣтителемъ недостатокъ и неудобство помѣщеній, особливо въ Желѣзноводскѣ и Ессентукахъ. Далѣе весьма важно построеніе шоссеиныхъ дорогъ между группами водъ; въ дурную погоду онѣ не только затрудняютъ сообщеніе, но и становятся причиною затрудненій въ доставкѣ жизненныхъ припасовъ. Затѣмъ должно быть обращено вниманіе и на другія мелкія подробности относящіяся къ удобствамъ жизни и развлеченію посѣтителей на водахъ. Все это, предварительно соображенное, можетъ войти условіями въ контрактъ правительства съ арендаторами, но условіями вполне обозначенными и точно опредѣленными. Заключая контрактъ, правительство должно будетъ прежде всего само знать въ подробности то чего оно должно требовать отъ контрагента. Только имѣя подъ рукою уже составленный общій планъ дѣйствія, можно будетъ безошибочно приводить его въ исполненіе по мѣрѣ представляющейся возможности.

Передавая такимъ образомъ воды въ частное завѣдываніе, по отношенію къ ихъ внутреннему хозяйству, правительство оставляетъ подъ непосредственнымъ своимъ наблюденіемъ техническую и медицинскую часть ихъ. Это наблюденіе выполняется назначаемымъ отъ правительства инспекторомъ водъ, который, на томъ основаніи что воды разсматриваются какъ врачебное заведеніе, долженъ быть непременно врачъ. Выборъ техниковъ, безъ сомнѣнія, предоставляется контрагенту, какъ дѣйствительному хозяину и производителю работъ. Но такъ

какъ эти работы должны производиться по планамъ предварительно сообщеннымъ ему отъ правительства и такъ какъ непосредственная и главная цѣль ихъ относится къ врачебному употребленію водъ, то при исполненіи ихъ, ближайшее наблюденіе за точностью и соответственностью ихъ цѣли относится къ инспектору водъ. Ему должно быть предоставлено право, въ случаѣ надобности, испрашивать въ пособіе себѣ прикомандированіе тѣхъ изъ правительственныхъ техниковъ какіе по его усмотрѣнію окажутся нужными для повѣрки производимыхъ работъ, для рѣшенія возникшихъ вопросовъ, составленія новыхъ предположеній и т. п.

Что касается до медицинской части, то снѣжаніе ея съ частью хозяйственною обыкновенно не представляетъ никакого особеннаго удобства. Медицинская практика при водахъ должна быть свободна для всѣхъ врачей имѣющихъ на нее право и подчиняется общему закону существующему въ государствѣ. Правительству въ настоящее время уже не предстоитъ заботы о томъ чтобы на водахъ во время сезона были врачи; для *практики* недостатка во врачахъ въ Пятигорскѣ быть уже не можетъ. Но нельзя сказать того же о другихъ группахъ водъ. Живя обыкновенно въ Пятигорскѣ, какъ центральномъ пунктѣ водъ, врачи на другія группы водъ пріѣзжаютъ только по временамъ, смотря по надобности. Для правительства въ этомъ дѣлѣ есть еще другая сторона, представляющая не менѣе важный интересъ для водъ, именно: сторона спеціальнаго изученія ихъ. Для пріѣзжающей на воды лубавки важно не только то чтобы были врачи, но и врачи еще хороши и научно знакомые съ водами. Отсюда естественно возникаетъ мысль: съ одной стороны, о доставленіи возможнаго пособія для научныхъ занятій врачамъ находящимся на водахъ, а съ другой—желаніе имѣть *постоянныхъ* врачей при каждой группѣ водъ, для того чтобы дать имъ возможность полнѣйшаго изученія ея. Въ первомъ отношеніи, устройство въ Пятигорскѣ химической лабораторіи (по мѣстнымъ обстоятельствамъ могущей служить и для цѣлаго края) и основаніе Бальнеологическаго Общества достаточно гарантируютъ правительство. Отъ будущаго содержателя водъ оно необходимо должно требовать полнаго содѣйствія къ поддержанію того и другаго. Относительно же врачей, установленіе отъ правительства постоянныхъ штатныхъ мѣстъ при каждой группѣ водъ достаточно обезлечитъ его виды. Но такъ какъ

состояніе медицинской части при водахъ будетъ имѣть весьма прямое отношеніе къ интересамъ будущаго содержателя водъ, то нельзя отказать и ему въ участіи при устройствѣ ся. Кромѣ обязательства имѣть, соотвѣтственно обнаруживающейся потребности, при каждой группѣ водъ алтеки, ему должно быть предоставлено право предлагать отъ себя и врачей на штатныя мѣста при водахъ; утвержденіе ихъ должно зависѣть отъ инспектора назначеннаго правительствомъ. Затѣмъ и содержаніе врачей при водахъ должно быть относимо на счетъ контрагента, по взаимному его соглашенію съ ними. Такимъ образомъ ему будетъ предоставлена возможность дѣлать приглашенія и такимъ врачамъ содержаніе которыхъ при водахъ, по положенію ихъ въ служебномъ или общественномъ отношеніи, было бы обременительно для правительства. Но инспекторъ водъ, назначаемый непосредственно правительствомъ, долженъ получать свое содержаніе отъ правительства. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, будутъ достаточно обезпечены интересы правительства и водъ съ одной стороны, и предоставлена полная свобода внутреннему хозяйству ихъ, съ другой.

Дѣлая общій выводъ изъ сказаннаго нами, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Кавказскія минеральныя воды, составляя государственное имущество, имѣютъ главною цѣлью своею пользу общественную и затѣмъ косвенный доходъ съ нихъ государству.

2. Соотвѣтственно этимъ двумъ цѣлямъ существованія минеральныхъ водъ, какое бы ни было управленіе ими, оно должно имѣть для себя главною и постоянною задачею: а) доведеніе водъ до возможной степени развитія и благоустройства, и затѣмъ б) до возможно обширной эксплуатаціи.

3. Въ настоящемъ періодѣ развитія кавказскихъ минеральныхъ водъ передача ихъ въ дѣйствительную аренду, на правильныхъ и соотвѣтствующихъ раціональнымъ видамъ правительства условіяхъ, кому-либо кромѣ концессионера желѣзной дороги, едва ли возможна. И потому правительству всего удобнѣе удержать за собою непосредственное управленіе ими впредь до утвержденія концессіи желѣзной дороги, избравъ отъ себя управляющаго водами и предоставляя ему въ предѣлахъ ежегодно утверждаемаго бюджета, возможно бѣльшую свободу дѣйствія.

4. При передачѣ водъ въ частное завѣдываніе концессіо-

нера, главнымъ и исключительнымъ условіемъ со стороны правительства должно быть обязательство произвести, въ теченіе извѣстнаго срока, напередъ опредѣляемыя имъ сооруженія, какъ при источникахъ, такъ на грунлахъ и между грунлами водъ (дороги).

5. Затраты концессионера для водъ могутъ быть гарантированы правительствомъ до опредѣленной цифры, на тѣхъ же основаніяхъ какъ оно гарантируетъ желѣзныя дороги.

6. Передача же водъ въ содержаніе кому бы то ни было, частному лицу или акціонерному обществу, на основаніи одного коммерческаго разчета, съ единственною цѣлью избавленія правительства отъ дѣлаемыхъ имъ субсидій, не можетъ быть выгодна для правительства, потому что не можетъ соответствовать ни его видамъ на воды, ни затратамъ уже сдѣланнымъ имъ на нихъ, ни, главное, государственному значенію водъ.

7. На основаніи тѣхъ же рациональныхъ видовъ правительства по отношенію къ минеральнымъ водамъ, однимъ изъ главныхъ условій при передачѣ ихъ завѣдыванія кому бы то ни было, должно быть возможное облегченіе доступности водъ для лѣвчащихся (что, при исключительномъ положеніи самаго края, еще весьма важно) и потому всякое возвышеніе таксы и всякіе налоги на посѣтителей должны быть отстранены до извѣстнаго времени.

8. Прежде заключенія какого-либо контракта съ кѣмъ бы то ни было, правительству предстоить необходимость имѣть общій планъ для будущихъ сооружений при водахъ. Только на основаніи его оно и можетъ выставить свои условія будущему концессионеру точно и опредѣленно; только ослышавшись на немъ, оно можетъ и само въ ожиданіи концессіи приступить безошибочно и рационально къ какимъ-нибудь постройкамъ при водахъ.

9. Гидравлическія работы при нашихъ источникахъ составляютъ самую существенную и неотлагательную потребность, и потому приглашеніе соответственныхъ специалистовъ для нихъ не должно быть отлагаемо.

10. Затрата на эти работы, столько же необходимая для правительства, владѣющаго водами, сколько и для будущихъ концессионеровъ, по справедливости можетъ быть въ послѣдствіи раздѣлена между тѣмъ и другими, и включена въ будущій контрактъ правительства.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

I.

Пѣсни собранныя И. В. Кирѣевскимъ, изд. Обществомъ Любителей Россійской Словесности, вып. VIII, Москва, 1870.

Нѣсколько недѣль тому назадъ мы говорили объ оласности строить исторію на основаніи народныхъ сказаній, думокъ и гѣсенъ. * Лежащій предъ нами выпускъ сборника издаваема-

* По поводу замѣтки нашей о книгѣ г. Мордовцева, *Гайдалачина*, мы получили отъ одного изъ уважаемыхъ членовъ Кіевской археографической комиссіи нѣсколько любопытныхъ и важныхъ свѣдѣній подкрѣпляющихъ наши выводы. Въ распоряженіи Кіевской комиссіи находится, пишутъ намъ, 1) около 200 актовъ относящихся къ исторіи *коліевщины*; 2) подлинныя протоколы „кодненскихъ судовъ“, то-есть той военно-сѣдственной комиссіи которая, по распоряженію польскаго правительства, допрашивала и судила лицъ участвовавшихъ въ *коліевщинѣ*, всего болѣе 500 человекъ; 3) подлинныя дѣла такой же комиссіи засѣдавшей въ Кіевѣ; 4) письма современниковъ и 5) офиціальная переписка Румянцева по этому дѣлу. Изъ всего этого важнаго историческаго матеріала, который вскорѣ будетъ изданъ, пишутъ намъ, „до очевидности яснымъ становится что приписываемое Поляками участіе русскаго правительства въ народномъ движеніи (*коліевщинѣ*), предполагаемое управленіе этимъ движеніемъ или подстрекательство къ нему со стороны Мельхиседе-

го Московскимъ Обществомъ Любителей Словесности побуждаетъ еще разъ возвратиться къ этому предмету. Изданіе о которомъ мы говоримъ отличается отъ другихъ подобныхъ тѣмъ между прочимъ что въ немъ собраны весьма многія, если не всѣ лѣсны сложенные на извѣстныя темы и относящіяся къ извѣстной эпохѣ, такъ что оно представляетъ весьма полный сборникъ народныхъ лѣсенъ; замѣтимъ при этомъ что число лѣсенъ извлеченныхъ изъ бумагъ покойнаго Курфевскаго значительно менѣе чѣмъ такихъ которыя заимствованы у другихъ собирателей. Въ этомъ отношеніи изданіе не оправдываетъ своего заглавія; за то оно представляетъ удобства для изученія нашей народной литературы, какихъ не представляютъ другія, подобныя. Благодаря стараніямъ редактора помянутаго сборника, г. Безсонова, мы получаемъ, на примѣръ, возможность слѣдить за причудливыми измѣненіями которымъ подвергается извѣстный мотивъ, переходя изъ устъ въ уста и изъ мѣстности въ мѣстность. Какой-нибудь безвѣстный стихотворецъ, принадлежащій можетъ-быть къ двору, а можетъ-быть и ко двору царя Алексѣя, сложилъ стихи по случаю рожденія царевича Петра. Эти стихи *можетъ-быть* были слѣдующіе:

Что у насъ, въ каменной Москвѣ приунали.
 Въ большой колоколъ звонили:
 Породила государыня царевича
 Свѣтъ-Петра Алексѣевича.
 Няюшки-мамушки
 Всей ночь не спали,
 Одѣяльце простегали
 На чистомъ сѣребрѣ,

ка Яворскаго, а тѣмъ болѣе существованіе манифеста императрицы Екатерины, есть чистая выдумка, пущенная польскими агитаторами лѣтъ 20 слуста"... Польская коммиссія, судившая гайдамаковъ въ Коднѣ, не только не открываетъ помянутыхъ обстоятельствъ, но ни разу комиссарямъ не приходило даже въ голову предложить подлежащимъ вопросъ о Мельхиседекѣ или манифестѣ Екатерины. При арестованіи большого числа гайдамаковъ и крестьянъ „не найдено никакого слѣда этого манифеста“, и легенда о немъ появляется въ первый разъ по поводу происходившихъ въ 1769—92 годахъ новыхъ волненій, къ которымъ примѣшали переяславскаго епископа Виктора. (Объ этомъ см. въ *Русск. Вѣстн.* 1863 статью г. Щебальскаго *Народныя движенія на Волынѣ и въ Подоліи*, гдѣ критически разсмотрѣнъ и пресловутый манифестъ.)

На красномъ золотѣ.
 Плотнички-мастеры
 Всеё ночку простукали,
 Колыбельку продавали....

Стихотворъ пролѣлъ свою лѣсню одному-другому изъ числа своихъ пріятелей, и вотъ пошла лѣсня гулять по широкой Руси, гулять и измѣняться въ своихъ подробностяхъ. Пройдя сотню-другую верстъ, она является уже въ слѣдующей формѣ:

Что у насъ было на Святой Руси,
 На Святой Руси, въ каменной Москвѣ,
 Православный царь веселъ былъ,
 Онъ и веселъ и радощенъ:
 Породила сударыня
 Ему сына царевича.
 Тутъ и нянюшки и мамушки и пр.

Протекло нѣсколько десятковъ лѣтъ; лѣсня неизвѣстнаго стихотвора все живетъ да живетъ, а между тѣмъ и видоизмѣняется. Она гласитъ:

Ужъ какъ свѣтелъ-радощенъ на Москвѣ
 Благовѣрный царь Алексѣй, царь Михайловичъ.
 Народилъ Богъ ему сына царевича,
 Царевича Петра Алексѣевича,
 Перваго императора на землѣ.
 Всё-то Русскіе какъ плотнички-мастеры и пр.

Очевидно всѣ три варианта разрабатываютъ одну тему, — тему данную первоначальнымъ стихотворомъ, но въ нихъ уже много новыхъ чертъ; лѣсня повторяется со слуха, съ памяти, и то здѣсь, то тамъ, повторяя ее, что-нибудь оторвутъ отъ нея или приставятъ къ ней. Въ послѣднемъ вариантѣ Петръ уже названъ императоромъ. Но бываютъ измѣненія и гораздо болѣе значительныя. Къ нѣкоторымъ изъ вышеприведенныхъ текстовъ приставленъ разказъ о томъ что нѣкій добрый молодецъ переправлялся черезъ рѣку Смородину, — рѣку быструю и глубокую, которая хотя и согласилась перелустить его черезъ себя, но потомъ потопила его, когда онъ сталъ издѣваться надъ нею.... Что тутъ общаго съ рожденіемъ и жизнію Петра I, — не знаемъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эпизодъ о рѣкѣ Смородинѣ непосредственно связанъ съ рожденіемъ „перваго императора на землѣ.“ Мало того: въ Сызрани, въ эпизодѣ о рѣкѣ Смородинѣ вставляютъ слѣдующіе стихи:

Возговоритъ рѣчунка
 Человѣческимъ голосомъ,
 Душой красной дѣвицей:
 Охъ ты гой-еси добрый молодецъ,
 Добрыня Никитичъ.....

Подобно тому какъ воспоминаніе о стародавнихъ временахъ извратило текстъ лѣсенъ о Петрѣ, точно также въкоторыя другія лѣсни о немъ измѣнились и извратились очевидно подѣ вліяніемъ новѣйшихъ событій: такъ напримѣръ въ одной лѣсни заставляютъ Петра воевать не со Шведами, а съ Французами, и притомъ подѣ Москвою:

Во матушкѣ каменн'й Москвѣ
 Тутъ бѣжитъ рѣка быстра;
 По правой сторонкѣ войско царя Бѣлаго
 Царя Бѣлаго, Петра Перваго,
 По лѣву сторону все Французское.

.....
 Залылаася сила-армія Французская....

Въ одной лѣснѣ, мотивъ которой напоминаетъ нѣсколько мотивы лѣсенъ о Петрѣ,—а именно его (никогда небывающее впрочемъ) плаваніе въ Стокгольмъ, вмѣсто Петра вдругъ очутился

.... благовѣрный царь Александръ Павловичъ,
 Со своей слугой со вѣрною, слугой безотѣнною:
 Посмотри Ильюшенька, * и пр.

Итакъ, Петръ Великій, небывающая рѣчка Смородина, Добрыня Никитичъ, Александръ I, Шведы и Французы,—все смѣшалось, все перепуталось въ народной фантазіи,—и эту-то своевольную народную фантазію иные новаторы желали бы положить въ основаніи историческихъ изслѣдованій!... Но въ приведенномъ случаѣ смѣшеніе именъ и эпохъ слишкомъ рѣзко, слишкомъ грубо; оно не даетъ возможности власти въ обманъ человѣку наиболее довѣряющему непререкаемой правдивости народныхъ сказаній. Перекинемъ нѣсколько страницъ и посмотримъ, какъ „народъ“ рассказываетъ о взятіи Азовской крѣпости.

Собирается православный царь
 подѣ крѣпкій Азовъ-городъ,
 Собираетъ онь тебѣжинокъ
 сорокъ тысячей;

* Илья—извѣстный лейбъ-кучеръ императора Александра I.

Въ каждую телѣжку сажалъ
 по пяти молодчиковъ,
 По шестому приставлявалъ
 по извожичку.
 Укрывали сукнами
 багрецовыми,
 Убивали гвоздочками
 полужеными.

Подѣзжали къ Азовскимъ крѣпкимъ
 воротичкамъ;
 Возговорить православный царь
 таково слово:
 „Охъ вы гои еси, Азовскіе
 караульщички!
 „Доложите во Азовъ
 своимъ начальничкамъ:
 „Пріѣхалъ къ вамъ богатый гость
 Федоръ Ивановичъ,
 „Съ тѣми ли товарами
 со заморскими,
 „Со куницами пріѣхалъ
 и съ соболицами.“

Отворили ему Азовски
 крѣпки воротички:
 Они ѣхали во Азовъ городъ
 трои суточки,
 На четвертые суточки уставились.
 Тутъ возговорить православный царь
 таково слово:
 „Охъ вы гои еси, извольщички,
 добры молодцы!
 „Отдирайте суконцы
 во единой махъ!
 Отдирали они суконцы
 скоро-на-скоро,
 Вылетали изъ каждой телѣжечки
 по пяти молодчиковъ;
 Они сабли востры
 на голо держуть.....

Какое же заключеніе должны мы вывести изъ этой лѣсни относительно взятія Азова? Такъ ли онъ былъ взятъ какъ видно изъ официальныхъ извѣстій, изъ писемъ царя, или такъ

какъ о томъ говорить „народъ“ въ славномъ селѣ Павловѣ, Нижегородской губерніи? Точно ли Русскіе вели траншеи и дѣлали подколы, или же они употребили способъ довольно похожій на тотъ какой предложилъ нѣкогда хитроумный Улисъ вождямъ осаждавшимъ Трои?...

Не преувеличивая до смѣшнаго важности простонародныхъ лѣсенъ какъ историческаго матеріала, отдадимъ однако справедливость тому значенію какое онѣ въ самомъ дѣлѣ имѣютъ. Не любопытно ли напимѣръ узнать что весьма грубо ошибались тѣ мнимые знатоки русской народной литературы и толкователи „истинныхъ“ возрѣній русскаго народа, которые утверждали что въ „народной“ жизни и въ „народномъ“ сознаніи Петръ Великій прошелъ безслѣдно; что о немъ сочинено много книгъ, но что въ устной литературѣ (единственно—„народной“) о немъ почти не упоминается! Такъ говорилось очень утвердительно и весьма еще недавно,—а между тѣмъ оказывается что г. Безсоновъ наполнилъ 332 страницы лѣсенями и стихами сложенными о Петрѣ „народомъ“, то-есть тѣми почтенными людьми которые вообще предпочитаютъ носить рубаху сверхъ портовъ! Только времена Владиміра Краснаго-Солнышка, дѣйствительно обильныя поэзіей, такъ широко отразились въ народной фантазіи какъ Петрово время: станутъ ли послѣ этого увѣрять насъ что „первый императоръ“, которому спеціально присвоено, по свидѣтельству г. Безсонова, наименованіе Бѣлый царь,—что онъ есть лицо не народное, не изъ русской жизни вышедшее и не имѣющее съ нею ничего общаго?... Очень любопытно будетъ узнать какъ смотрѣли народныя массы на послѣдующія эпохи, на Бироновщину, на царствованія Елисаветы и Екатерины? какъ залечталъ въ памяти крестьянства и мѣщанства Двѣнадцатый годъ, въ славныхъ событіяхъ коего эти сословія принимали такое широкое участіе? Любопытно бы узнать также какія лѣсенки сложены по случаю освобожденія крестьянъ? Сложены ли они по поводу введенія новыхъ судовъ и земства, паденія Севастополя и другихъ крупныхъ современныхъ событій? Иные думаютъ что духъ творчества въ народныхъ массахъ оскудѣваетъ съ начала XVIII вѣка; но сборникъ Московскаго Общества Любителей Словесности доказываетъ противное, и мы съ своей стороны увѣрены что возрѣнія народныхъ массъ на историческія событія нашего времени оставляютъ не менѣе любопытныя памятники какъ и тѣ которые остались отъ

Петровой эпохи. Мы думаемъ даже что эти массы сдѣлались нынѣ болѣе чуткими чѣмъ были въ прежнія времена; что между ними находится въ оборотѣ болѣе мыслей и болѣе представлений, а слѣдовательно и болѣе лици для творчества. Видя съ какимъ участіемъ мелкіе торгаши и подгородные крестьяне слѣдятъ,—одни по газетамъ, другіе по разказамъ,—за событіями совершающимися на дальнемъ западѣ, мы не удивились бы еслибы какой-нибудь безграмотный стихотворъ разказалъ на свой ладъ слачу Меца или Седана.... Но записываетъ ли кто-нибудь современныхъ лѣсенъ? Современность очень многими не почитается еще чѣмъ-либо серіознымъ, стоящимъ изученія, какъ будто и наше время не сдѣлается когда-нибудь стариной! Пусть лучше же дойдутъ до нашихъ потомковъ сказанія о современныхъ намъ дѣлахъ неискаженныя такими вставками какія мы видѣли выше и которыя неизбежны при изустномъ повтореніи.

Посмотримъ въ чемъ состоятъ главнѣйшіе мотивы простонародной поэзіи Петрова времени. Пѣсни собранныя г. Безсоновымъ о Петровой эпохѣ, касаются главнымъ образомъ слѣдующихъ предметовъ: рожденія царя, стрѣлецкихъ мятежей, Крымскихъ и Азовскихъ походовъ, мятежей на Дону, судьбы царицы Евдокии и болѣе всего войны съ Карломъ XII, причемъ народное творчество удостоило особымъ вниманіемъ: взятіе Шлиссельбурга, битву съ Левенгаултомъ (при Лѣсномъ, безъ сомнѣнія), Полтавскій бой, измѣну Мазелы, * взятіе Риги и Ревеля, Прутскую катастрофу, сооруженіе Ладожскаго канала, наконецъ государеву кончину.... ** Замѣтимъ что въ сборникъ Общества московскихъ любителей словесности не вошли стихи болѣе или менѣе духовнаго содержанія и раскольничьи; если же принять во вниманіе и эти двѣ очень крупныя категоріи, то мы увидимъ что явленія наиболѣе поражавшія воображеніе народныхъ массъ въ эпохѣ преобразования весьма близко совладаютъ съ тѣми которыя наиболѣе останавливаютъ и наше вниманіе, и что слѣдовательно

* Объ этомъ предметѣ г. Безсоновымъ приведено множество малорусскихъ лѣсенъ.

** Безъ сомнѣнія и многіе другіе мотивы были затронуты безграмотными, но чуткими стихотворами. Невѣроятно, напримѣръ, чтобы кончина царицы Алексѣи, до того сильно поразившая народное воображеніе что вызвала сотни легендъ, не дала лици ни одному стихотворенію.

между воззрѣніями различныхъ общественныхъ сферъ въ Россіи далеко нѣтъ той несоизмѣримости, о которой въ недавнее еще время говорилось такъ много и съ такою увѣренностью. Неизвѣстные слагатели изучаемыхъ нами стихотвореній описываютъ разнаго рода пытки и истязанія, тюремное заключеніе, буйную гульбу приволжскихъ, донскихъ и иныхъ „добрыхъ молодцевъ разбойничковъ“, бродяжничество, пьянство, связи между гуляющими мушкетерами и такими же женщинами, а отчасти связи и болѣе благороднаго свойства, родственныя отношенія, тоску по родномъ краѣ,—мотивъ весьма часто звучащій въ эту эпоху дальнихъ походовъ. Эти неизвѣстные авторы упоминаютъ о какихъ-то невѣдомыхъ намъ дѣятеляхъ: о князѣ Стрѣлковскомъ, объ Иванѣ Заморяицѣ, о Скорлыгинѣ и пр., но рядомъ съ ними и о Б. П. Шереметевѣ, о Меньшиковѣ, о Мазепѣ, объ атаманѣ Фролѣ Миняевѣ, объ Игнатѣ Некрасовѣ, даже о Шлиппенбахѣ и Левенгаултѣ. Такимъ образомъ еще разъ оказывается что интересы и воззрѣнія просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ классовъ въ Россіи совсѣмъ не такъ далеко расходятся между собою, какъ иные увѣряли, и что слѣдовательно мы, не находящіе удобнымъ носить рубашку сверхъ ланталонъ, имѣемъ тоже нѣкоторое право считать себя членами Русскаго народа.

Но можетъ-быть настоящій „народъ“ совсѣмъ не такъ какъ мы относимся къ историческимъ событіямъ и дѣятелямъ? Можетъ-быть онъ порицаетъ то чему мы сочувствуемъ и сочувствуетъ тому что мы порицаемъ? Такого заключенія отнюдь нельзя вывести изъ кучи стиховъ находящихся предъ нашими глазами. Правда, авторы нѣкоторыхъ изъ нихъ очень благосклонно распространяются о дѣлахъ „добрыхъ молодцевъ разбойничковъ“, но кто эти авторы? Можетъ-быть сами герои изображенныхъ ими подвиговъ. Нерѣдко слышатся жалобы на тяжелую службу царскую:

Ахъ вы бѣдныя головушки солдатскія,
Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою нѣтъ...

Во многихъ мѣстахъ изображаютъ тяжелыя минуты разставанья рекрутъ съ своими семействами:

Всѣ солдаты во слезахъ идутъ,
Во слезахъ идутъ возрыдаючи:
Что прощаются ль солдатѣшки

Какъ съ отцами и со матерями,
 Что съ жемами и со дѣтками,
 Съ родомъ-племенемъ, съ пріятельми.
 Лишь одинъ изъ нихъ весѣлъ идетъ,
 Что весѣлъ идетъ, не кручинится:
 Оставляеть онъ отца и мать,
 Оставляеть молоду жену,
 Оставляеть малыхъ дѣтушекъ,
 Оставляеть и весь родъ-племя....

Этотъ мотивъ повторяется часто и принимаетъ иногда очень поэтическія формы:

Не хотѣлось доброму молодцу въ походъ идти,
 Хотѣлось мнѣ доброму молодцу въ Москвѣ ложить,
 Въ Москвѣ ложить, при дворцѣ служить.
 Не жаль-то мнѣ доброму молодцу свою сторону,
 Не жаль мнѣ доброму молодцу зеленый садъ,
 Только жаль мнѣ доброму молодцу
 Во саду три дерева:
 Первое дерево — кипарисное,
 Другое дерево — сладкая яблонь,
 Третье дерево — зелена груша,
 Подъ грушицей подъ зеленой есть отросточки....
 Кипарисъ дерево — родной батюшка,
 Сладкая яблонь — родная матушка,
 Зелена груша — молода жена,
 И отросточки — малы дѣтушки.

Пѣсня правдива, говоря что русскій человѣкъ не безъ скорби покидалъ свой родной кровъ, чтобы стать подъ ружье; утверждать противное значило бы отрицать семейное начало въ русскомъ народѣ. Самъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, по словамъ пѣсни, „лилъ горячія слезы“, когда ему было указано идти противъ Шведа. Но мало-по-малу интересы другаго рода овладѣвали этими семьянистыми отъ природы людьми: мы находимъ множество пѣсенъ гдѣ съ видимымъ удовольствіемъ излагаются подробности взятія Азова и Орѣника, сраженія у *Красной Мызы*, или при *Полтавѣ*. Весьма часто въ пѣсняхъ объ этихъ предметахъ разказывается что царь или воевода спрашиваетъ совѣта у солдатъ или казаковъ, и тѣ отвѣчаютъ ему:

Взять ли намъ, не взять ли—бѣлой грудью.

Не безъ удивленія находимъ мы одну пѣсню въ которой говорится о работахъ на *Ладожскомъ каналѣ* безъ непріязнен-

наго чувства и въ которой отцы и матери отправляющихся на эти тяжелыя работы говорятъ имъ:

Вы удалые добры молодцы,
Вы бурлаченки понизовые,
Поработайте царю Бѣлому,
Государю-ста что Московскому:
Наградить васъ царь и пожалуетъ....

Много и другихъ неожиданностей находимъ мы въ лежащемъ предъ нами сборникѣ. Мы находимъ въ немъ воззрѣнія чрезвычайно разнообразныя и даже противоположныя на одинъ и тотъ же фактъ, на одно и то же явленіе, такъ что очень затруднительно сдѣлать заключеніе о тѣхъ понятіяхъ которыя господствовали между нашими предками. Но какъ бы мудро придти путемъ народныхъ лѣсенъ къ уразумѣнію народнаго міросозерцанія, мы должны стремиться къ этому и даже можемъ, кажется, этого достигнуть, сопоставляя между собою сходные мотивы. Вотъ двѣ лѣсни сложенныя на одну, тѣмъ,—на измѣну Некрасова, и которыя освѣщаютъ это событіе съ двухъ сторонъ. Одна изъ нихъ изображаетъ Некрасова среди преданныхъ ему казаковъ:

На стулѣ сидитъ ихъ молодой атаманъ,
Игнатьюшка Ивановичъ сынъ Некрасовъ;
Передъ нимъ стоятъ его сотники любимые.
Онъ же пишетъ на-скоро грамотку;
Не перомъ пишетъ, не чернилами,
А пишетъ онъ своими горячьими слезами,
Горячьими слезами къ графу Долгорукову:
„Ты спасибо, нашъ батюшко,
Поцѣль-кормилъ, берегъ и жаловалъ.
Ты въ одномъ же на насъ, батюшко, прогнѣвался:
Захотѣлъ старикамъ усы-бороды сбрить
И молодыхъ дѣтей во солдаты брать.“

Итакъ, причиной измѣны казаковъ былъ, по словамъ лѣсни, князь Долгоруковъ, который вздумалъ прикоснуться къ святынь бороды. Но отчего же это локушеніе приписывается князю Долгорукову, тогда какъ документально извѣстно что бродоненавистникомъ былъ лично Петръ? О его участіи въ этомъ святотатственномъ локушеніи лѣсня умалчиваетъ. Она прибавляетъ даже:

Ты пріѣхалъ къ намъ на Тихій Донъ,
Безъ указу-то насъ разорять сталъ.

Изъ приведенной выше выдержки видно что авторъ какъ бы оправдываетъ Некрасова и возлагаетъ отвѣтственность на Долгорукаго за то что казаки перекинулись къ султану. Но въ другой пѣснѣ на ту же тему, Некрасовъ прямо названъ измѣнникомъ. Въ ней какъ бы выгораживается отъ нареканій за измѣну Донское Войско, потому де что Некрасовъ

. казачковъ увель,
Не служилыхъ, старыхъ, а гаулыхъ малолѣточковъ.

Чему приписать это различіе въ возрѣніи на одно событіе? Тому что приведенныя пѣсни сложены людьми различнаго образа мыслей? Можетъ-быть; но можетъ-быть также и тому что въ первомъ случаѣ Некрасову противопоставляется князь Долгоруковъ, а во второмъ самъ царь. Вторая пѣсня оканчивается слѣдующимъ воззваніемъ:

Стойте, малые малолѣточки, не лужайтесь,
По темнымъ лѣсамъ не разбѣгайтесь!
Мы отрубимъ Игнаткѣ буйную голову,
Пойдемъ опять служить царю Петру Первому.

Въ самомъ дѣлѣ, пересматривая сборникъ Общества Любителей Словесности и принимая во вниманіе другія выраженія умоначертанія русскаго народа, мы убѣждаемся что царь ни въ какомъ случаѣ не ставится въ отвѣтственность, что онъ никогда не признается неправымъ, тогда какъ его воеводы, генералы и вообще начальныя люди нерѣдко подвергаются злымъ насмѣшкамъ и ядовитымъ порицаніямъ. Мы возьмемъ для примѣра одну пѣсню изображающую возвращеніе князя В. В. Голицына изъ Крымскихъ походовъ:

Не кудикъ по болотамъ куликаетъ,
Молодой князь Голицынъ по лугамъ гуляетъ;
Не одинъ князь гуляетъ,—съ разными со полками,
Со Донскимъ казаками, еще съ егерями.
И онъ думаетъ-гадетъ:
„Гдѣ пройти-проѣхать?“
Ему лѣсомъ ѣхать—очень темно,
Мнѣ лугами, князю, ѣхать—очень было мокро;
Чистымъ полемъ князю ѣхать—мужикамъ обидно;
А Москвою князю ѣхать—было стыдно.
Ужь поѣхалъ князь Голицынъ улицей Тверской,
Тверской-Ямской, Новой Слободою,
Новой Слободою, глухимъ переулкомъ....

Въ понятіи русскаго человѣка огромное, необъятное различіе существуетъ между царемъ и первѣйшими его сановниками; онъ безответственъ и неприкосновенъ, они — прямыя отвѣтчики за все что несправно, неладно, неудовлетворительно; онъ — священная особа, они — такіе же де люди какъ и всѣ. Различіе этихъ двухъ понятій весьма рельефно изображено въ одной изъ пѣсенъ лежащаго предъ нами сборника Воевода допрашиваетъ „добраго-молодца“, а тотъ ему въ отвѣтъ:

Не тебѣ собакѣ меня, молодца, спрашивать,
А не мнѣ-то было тебѣ отвѣтъ держать!
Распросилъ бы меня батюшка православный царь,
И сказалъ бы ему, батюшкѣ, правду-истину.

Въ *Сборникѣ* есть группа пѣсенъ описывающихъ заключеніе, и вѣроятно сложенныхъ самими узниками во время ихъ заключенія; это самыя горькія пѣсни изъ всѣхъ собранныхъ г. Безсоновымъ; въ нихъ преобладаетъ лирическое настроеніе, хотя и нѣтъ ничего похожаго на нынѣшнія элегіи.

Какъ во славномъ во городѣ во Питерѣ,
Во крѣпости Петропавловской,
У воротъ было Кавверскіихъ (Кронверкскихъ)
Тутъ стояла нова тѣмница
Безъ дверей и безъ окошечекъ.
Безъ щелочекъ, безъ протесочекъ.
Тутъ сидѣлъ въ ней добрый молодецъ,
Добрый молодецъ Донской казакъ.
Онъ сидѣлъ въ ней ровно тридцать лѣтъ.
Отростилъ свою бородушку
Онъ по самый по шелковъ поясъ:
Отростилъ свои русы кудри
Онъ по самыя могучіи плечѣ.

Но вотъ случилось проѣзжать царю мимо крѣпости; колодникъ взываетъ къ нему:

Эхъ батюшка, православный царь,
Прикажи меня поить-кормить;
Не прикажешь ты поить-кормить,
Прикажи на волю выпустить!

И православный царь, если вѣрять пѣснямъ, приказывалъ на волю выпускать колодниковъ, иногда даже не справляясь за что они содержатся. Въ одной пѣснѣ говорится что точно такимъ образомъ одинъ заключенный воззвалъ къ милосер-

дію царя: „а за что ты сидишь?“ спросил царь. „За то, отвѣчалъ колдунникъ, что зарѣзалъ отца, жену и брата рѣднаго „изъ-за одного коня виноходнаго“. На это царь говоритъ ему:

Молись Богу за государыню:

Она просила за тебя у Бога и у меня царя,

Богъ проститъ тебя, молодець,

И я прощаю православный царь.

Во всѣхъ винахъ.

Весьма требовательный въ отношеніи начальныхъ людей, какъ бы высоко ни были они поставлены, каковы бы ни были ихъ знатность и значеніе, русскій человекъ не только благоговѣетъ предъ особою царя, но не дерзаетъ судить о ней, отказывается прилагать къ ней обыкновенную нравственную мѣрку. Въ лѣсеняхъ о царицѣ Евдокіи, гдѣ нравственное чувство рѣшительно не допускаетъ стать на сторону Петра, мы не находимъ однако ни одного слова порицанія противъ него. Вотъ одна изъ такихъ лѣсенъ:

Воза садика млада хожу,

Воза зелена млада гуляю,

Соловьевыхъ лѣсенъ слушаю.

Хорошо въ саду соловей поетъ,

Онъ поетъ-поетъ прилѣваючи,

Къ моему горю прилѣваючи,

Къ моему житью ко безсчастному.

Не ленаю я, молодешенька,

Ни на батюшку, ни на матушку,

Ни на братца—на яснаго сокола,

Ни на сестрицу—лебедь бѣлую;

Что ленаю я, младешенька,

На свою ли участь горькую,

На свои ли очи ясныя.

Ахъ вы очи, очи ясныя!

Вы глядѣли да оглядѣлися,

Вы смотрѣли да осмтрѣлися:

Не по мысли вы друга выбрали,

Не по моему обычаю!

Авторъ другой лѣсени идетъ еще далѣе. Онъ заставляетъ Петра раскаиваться и убѣждать царицу-инокиню покинуть монастырь, обѣщая ей и драгоцѣнности и новъ-высокъ теремъ. На эти предложенія Евдокія отвѣчаетъ:

Что не надо мнѣ твоей тысячи,

Ни всего твоего имѣнца

Мнѣ не надобенъ новъ-высокъ теремъ:
 Я останусь въ этой келейкѣ,
 Ужь я стану жить спасатися
 За тебя Богу молитися.

Но если царь поставленъ такъ высоко въ понятіи народомъ что до него не только не достигають порицаніе, но даже сѣтованіе, что устраняется даже нравственная оцѣнка его дѣйствій, то тѣмъ строже надлежитъ быть относительно людей поставленныхъ чтобы непосредственно орудовать дѣлами. На нихъ возлагается вся отвѣтственность. Мы видѣли что, по словамъ одной пѣсни, *графъ* Долгоруковъ „безъ указу“ вздумалъ брить бороды казакамъ; въ другой, тѣ же Донцы обращаются къ царю съ жалобой что „воръ Васыка Голыцынъ“ заложилъ имъ всѣ пути-дороги къ морю:

Ахъ ты свѣтъ нашъ надежда, благовѣрный царь,
 А и грозенъ сударь Петръ Алексѣевичъ,
 Прикажи намъ на Дону кормиться....

Мы уже видѣли какъ глумится народъ надъ воеводою возвращающимся изъ неудачнаго похода. Г. Безсоновъ приводитъ цѣлую групу другихъ пѣсень, гдѣ одинъ и тотъ же мотивъ,—жалоба на ихъ неправды,—съ небольшими вариациями примѣняется къ князьямъ Меншикову, Репнину и Гагарину. Мы приведемъ одну изъ такихъ пѣсень:

Какъ по матушкѣ Москвѣ
 Да лятьсотъ стружковъ пламо,
 Что на каждомъ на стружкѣ
 По лятисотъ человекъ;
 Они ѣдутъ и гребутъ,
 Сами пѣсенки поютъ,
 Они пѣсенки поютъ,
 Разговоры говорятъ,
 Что про Гришку про Гришутку,
 Про Гагарина съ дѣтми:
 Заѣдаетъ воръ Гагаринъ
 Наше жалованье,
 Домовое, трудовое,
 Малодежное, —
 Что на всякаго человека
 По пятнадцати рублей.
 А на эти воръ на деньги
 Онь заводы заводилъ,
 Палатушки становилъ.

За большимъ Мучнымъ рядомъ,
 Онъ построилъ себѣ домъ,
 Что на улицу окошечки,
 Хрустальный потолокъ,
 Москворѣцкая вода
 По фонтанамъ введена,
 Жива рыба пущена,
 Кровать нова смощена.
 Какъ на той ли на кровати
 Самъ Гагаринъ князь лежитъ;
 Онъ лежитъ, лежитъ, лежитъ,
 На живу рыбу глядитъ,
 Таки рѣчи говоритъ:
 „Кабы Богъ мнѣ далъ пожить,
 Во Сибири послужить,—
 Я построилъ бы полатунку
 Не этакия,
 Право лучше, право чище
 Государева дворца,
 Развѣ тѣмъ только похуже,—
 Золотаго нѣтъ герба....“

Послѣ всего сказаннаго, читатель, конечно, угадываетъ ка-
 кого рода заявленія вызвала въ народномъ сознаниіи кончина
 Петра Великаго. Мы даже не стали бы приводить ихъ еслибъ
 эти заявленія не были отмѣчены особенно яркимъ характе-
 ромъ злохи. Мотивъ всѣхъ этихъ заявленій одинъ и тотъ же,
 и даже ихъ форма имѣетъ много общаго: почти вездѣ сѣво-
 ванія о почившемъ государѣ вложены въ уста гвардейскому
 солдату. Въ одной изъ такихъ пѣсенъ этотъ солдатъ говорить:

Померъ, померъ нашъ батюшка, православный царь,
 Померъ онъ, переставился!
 На кого ты, батюшка, обузунки покинулъ:
 Какъ и первую обузунку—мать Россееунку,
 Какъ другую-то обузунку—молодыхъ солдатъ,
 Какъ и третью-то обузунку—бѣлокаменны палаты?

Въ другой пѣснѣ мы находимъ слѣдующее лирическое мѣсто:

Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйныя,
 Разнесите съ небесъ снѣжки бѣлыя,
 Растолкните, вѣтры, бѣлъ-горючъ камень,
 Распатайте-ка мать сыру землю
 Вы на всѣ четыре стороны,
 Расколите, вѣтры, гробову доску.

Разверните вы золоту парчу,
 Распахните вы бѣлъ тонкой саванъ!
 Ужь ты встань-проснись, православный царь,
 Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
 Подыми ты свою головушку,
 Посмотри на свою силушку:
 Твоя силушка во строю стоитъ....

Нѣкоторыя изъ лѣсенъ собранныхъ г. Безонымъ подтверждаютъ фактъ добытый исторіей, что сѣтованія о смерти Петра усиливались по мѣрѣ того какъ шло время и обстоятельства измѣнялись. Въ одной изъ нихъ солдаты разсуждаютъ промежъ себя:

Что не стало-то нашего батюшки,
 Нашего батюшки, царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго, Петра Перваго!
 Безъ него все царство помутилось....

Наконецъ, въ одной изъ лѣсенъ отнесенныхъ г. Безонымъ къ событію 28го января 1725 года, но написанной гораздо послѣ, — можетъ-быть во время Семилѣтней войны, — все тотъ же гвардейскій солдатъ, *стоя на часахъ у Петровской гробницы* (анахронизмъ здѣсь ничего не значитъ), восклицаетъ:

Ты ударь въ набатъ, громкой колоколь;
 Простони кругомъ, мать сыра земля,
 Распахнись-ка ты, золотой покровъ,
 Ты откройся-ка, гробова доска,
 Изъ гробницы встань, русской Бѣлой царь!
 Ты взгляни-ка царь, радость гвардіи,
 Какъ полки твои во строю стоятъ,
 Опустивъ на грудь свои головы!
 Что не царь нами теперь властвуетъ
 И не русскій князь отдаетъ приказъ,
 А командуетъ, потѣшается,
 Злой тиранъ Биронъ изъ Нѣмечины....
 Встань-проснись, царь наше солнышко,
 Хоть одно слово полкамъ вымолви,
 Прикажи весь соръ метлой вымести
 Изъ престоальнаго града Питера,
 Поведи ты насъ въ Прусски области:
 Мы научимъ ихъ уму-разуму....

II.

Сѣверъ Россіи, соч. М. Сидорова, Спб. 1870.

Книга содержаніе которой мы хотимъ вкратцѣ передать читателямъ *Русскаго Вѣстника* очень любопытна и замѣчательна. Ея авторъ одинъ изъ тѣхъ желѣзныхъ людей которые, задавшись разъ какою-нибудь мыслию, преслѣдуютъ ее съ несокрушимою энергіей, съ неотступнымъ постоянствомъ. Г. Сидоровъ вышелъ изъ рядовъ промышленнаго и торговаго сословія, изъ коихъ всего чаще выходятъ у насъ крѣпкіе люди; болѣе 25 лѣтъ тому назадъ онъ отправился въ восточную Сибирь „искать счастія“; онъ изѣздилъ края Енисейскій, Туруханскій, Березовскій и Печорскій, сѣверное поморье азіатской и европейской Россіи; добывалъ золото, графитъ, былъ дѣлопромышленникомъ и судохозяиномъ, предпринималъ огромныя дѣла, и пришелъ къ твердому убѣжденію что наши сѣверныя пустыни, а еще болѣе омывающія ихъ моря заключаютъ въ недрахъ своихъ необъятныя сокровища, которыми Россія не пользуется лишь по незнанію ихъ и по безпечности или злонамѣренности тѣхъ которые прямо призваны раскрыть предъ правительствомъ и обществомъ эти богатства. Отчасти въ интересахъ своихъ торговыхъ дѣлъ, а отчасти изъ желанія выикнуть во всѣ подробности занимавшей его мысли, г. Сидоровъ изслѣдовалъ смежную съ Архангельскою губерніей сѣверную Норвегію или Финмаркенъ, собиралъ статистическія, метеорологическія и вообще всякаго рода свѣдѣнія объ интересующемъ его краѣ, посылалъ образчики его естественныхъ богатствъ на Парижскую всемірную выставку и многимъ вліятельнымъ лицамъ въ Россіи, писалъ объ немъ въ газетахъ и журналахъ, возбуждалъ пренія въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ, наконецъ, по случаю голода свирѣпствовавшаго на сѣверѣ европейской Россіи въ 1866 году, имѣлъ честь бесѣдовать о сѣверномъ краѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ.

Голодъ, которымъ сградаль нашъ Сѣверный край три года тому назадъ, пробудилъ вниманіе къ этому краю, но не установилъ правильныхъ о немъ понятій. Въ правительственныхъ сферахъ составлено, какъ извѣстно, предположеніе о Вятско-

Двинской желѣзной дорогѣ, съ цѣлью снабжать Архангельскую и Вологодскую губерніи вятскимъ хлѣбомъ; но это предположеніе не разрѣшаетъ существеннаго вопроса, вопроса о возбужденіи и правильномъ направленіи собственныхъ производительныхъ силъ нашего Сѣвера; составлены также предположенія о распространеніи въ томъ краѣ хлѣбопашества; но эти предположенія, не обѣщая прямыхъ выгодъ, несомнѣнно повлекутъ за собой истребленіе лѣсовъ и можетъ-быть отклонять туземцевъ отъ мореплаванія и морскихъ промысловъ, отъ коихъ давно уже отклоняютъ ихъ неправильныя мѣропріятія. Съ цѣлью доставить жителямъ Сѣвернаго края заработки, предполагался рядъ мѣръ клонившихся къ развитію смольчужнаго промысла и успленія сбыта лѣса за границу; но эти мѣры можно считать лишь паллятивными и притомъ онѣ истощаютъ природныя богатства страны. Лѣса составляютъ одно изъ главныхъ богатствъ края, и вмѣсто отправки за море строеваго лѣса сырьемъ, лучше было бы заботиться о томъ чтобы изъ него дѣлались суда. Вообще морскіе промыслы и морская торговля, вмѣстѣ съ огородничествомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и скотоводствомъ,—вотъ естественныя и наивыгоднѣйшія занятія нашихъ сѣверянъ и особенно поморянъ. Ложные и перемѣнчивые взгляды мѣстной администраціи, вмѣстѣ съ отсутствіемъ твердыхъ началъ со стороны центральнаго правительства, не только остановили его развитіе, но обезлюдили край и разрушили то относительное благосостояніе которое въ немъ существовало до исхода XVIII вѣка. Больше 30 торговыхъ домовъ Вологодской и Архангельской губерній, производившіе обороты еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, нынѣ не существуютъ. Во времена Ломоносова, чрезъ Колу проходило на одинъ тресковый промыселъ до 10.000 человекъ, а въ 1868 году проходило чрезъ этотъ городъ лишь 800 человекъ. Подобно тресковому, и всѣ морскіе промыслы сильно упали и перешли въ руки Норвежцевъ; русское населеніе Сѣвернаго края уменьшилось, какъ будто систематически уступая мѣсто иностранной колонизаціи.

Вообще у насъ укоренились съ нѣкотораго времени неправильныя мнѣнія о суровости и безплодности нашего сѣвернаго поморья. Въ 1842 году нѣсколько торговцевъ Архангельской, Вологодской и Вятской губерній желали организовать компанію для рыболовства, главнымъ пунктомъ для которой они избрали устье р. Печенги, вблизи отъ норвеж-

ской границы; но тогдашній архангельскій генераль-губернаторъ, маркизь де-Траверсе, не разрѣшилъ этой просьбы, а замѣтилъ шуточно что на Печенгской губѣ „могутъ жить только два пѣтуха и три курицы.“ Гораздо позднѣе, а именно на преніяхъ возбужденныхъ г. Сидоровымъ въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ въ 1867 году, заявлялось что на нашемъ поморьѣ невозможно „водворить какой-нибудь живой элементъ“, что оно принадлежитъ „къ безнадежнымъ на будущность мѣстамъ“; что тамъ немислимы ни колонизація, ни устройство путей; что если на Мурманскомъ берегу поселяются норвежскіе пришельцы, то надо радоваться „что есть еще люди которые тамъ охотно селятся“, „что точно также надо радоваться и прекращенію морскихъ промысловъ, такъ какъ они очень опасны и мало выгодны“... Такъ выражались мѣстные администраторы и спеціалисты, кромѣ только судебного слѣдователя города Колы, который утверждалъ что холодъ въ этомъ городѣ рѣдко превышаетъ—15°, а въ самую суровую зиму доходить лишь до—23°,—да еще одного промышленника, который говорилъ что „и мѣстность, и климатъ (на Мурманскомъ берегу) готовы благопріятствовать населенію, и что промыселъ *круглый годъ* готовъ вознаграждать въ изобиліи трудъ человѣка“.

Всѣ приведенныя, діаметрально другъ другу противоположныя мнѣнія, относятся главнымъ образомъ къ одной и той же мѣстности, а именно къ побережью простирающемуся отъ Кандаляльской губы вплоть до Норвежской границы; это обширное поморье подраздѣляется на три части, называемыя: Кандаляльскимъ берегомъ, оканчивающимся губой того же имени; Терскимъ берегомъ, находящимся насупротивъ Архангельска, и Мурманскимъ, примыкающимъ къ Норвегіи. Какъ же объяснить себѣ эти противорѣчія? Недоумѣніе наше еще усилится, если мы сравнимъ съ большинствомъ русскихъ мнѣній мнѣнія Норвежцевъ о своемъ Финмаркенѣ, области граничащей съ Мурманскимъ берегомъ: „Земли тамъ плодородны“, свидѣтельствуешь одинъ туземный естествоиспытатель; „на нихъ родится такой вкусный картофель какого нѣтъ во всей Норвегіи“, изъ *южныхъ частей* которой туда стали въ послѣднее время перебираться жители; средняя температура Нордкала—0,1° по Реомюру. Финмаркская газета 1868 года извѣщала что зимой стужа была необыкновенная, и что морозы доходили до—15°, но что 7го февраля

(26го января) уже открылось пароходство.... Какъ же согласить эти столь противоположные отзывы о свойствахъ смежныхъ между собою мѣстностей? Русскіе администраторы и путешественники утверждаютъ что жизнь рѣшительно невозможна въ сосѣдствѣ Финмаркена, а Норвежцы живутъ тамъ; мало того, они переселяются въ наши владѣнія, на тотъ самый Мурманскій берегъ и въ окрестности Колы, гдѣ будто бы „немыслима колонизація“. Не похоже ли это разногласіе на споръ тѣхъ двухъ философовъ изъ коихъ одинъ отрицалъ движеніе, а другой всталъ и началъ ходить?

Чтобы понять возможность благоприятныхъ для жизни условій въ странѣ находящейся за полярнымъ кругомъ, надо припомнить что морское теченіе (Гольфъ-Стримъ) стремится изъ Мексиканскаго залива къ Финмаркскому и Мурманскому берегамъ, гдѣ иногда море выбрасываетъ древесные обломки американскаго происхожденія. Вотъ почему на этихъ обоихъ берегахъ бухты и заливы, если они не очень глубоко вдаются въ материкъ, не замерзаютъ вовсе, или замерзаютъ на короткое время. Вотъ почему Норвежскіе порты открыты 9—10 мѣсяцевъ въ году; вотъ почему климатъ прибрежныхъ мѣстъ умѣренъ и почва на нихъ производительна, и вотъ почему заселеніе нашего Мурманскаго берега Русскими встрѣчается не естественныя, а какія-то другія прелятствія. Если, по свидѣтельству одного архангельскаго администратора, въ Колѣ существовали въ его время „одна дрожки и одна кобыла“, то не администрація ли въ томъ виновна болѣе чѣмъ природа? На этотъ вопросъ намъ отвѣчаетъ положеніе русской и норвежской смежныхъ между собой провинцій. Въ то время какъ и народонаселеніе и промыслы у насъ ослабѣваютъ, а города обращаются въ села по ихъ ничтожности, въ Финмаркентѣ, гдѣ считалось въ 1815 году 7.000 жителей, нынѣ, за прошедшимъ въ 1866 году отдѣленіемъ половины этой провинціи, считается 21.000; въ послѣднія 20—30 лѣтъ тамъ возникло нѣсколько городовъ и проектируются новые, проведено нѣсколько шоссированныхъ дорогъ, и морскіе промыслы расширяются ежегодно: для этихъ промысловъ нынѣ выѣзжаетъ до 7.000 норвежскихъ судовъ, тогда какъ у русскихъ поморовъ ихъ насчитывается только 400, и то самыхъ жалкихъ; до 20.000 Норвежцевъ на 1.000 судахъ промышляютъ каждое лѣто близъ однихъ только нашихъ береговъ, не говоря объ ихъ собственныхъ, тогда какъ русскихъ промышленниковъ нынѣ насчиты-

ваютъ не болѣе 2.000, и если они пускаются иногда къ норвежскимъ берегамъ, то единственно для того чтобы добыть тамъ соли... Лѣтъ 35 тому назадъ, по соглашенію русскаго и норвежскаго правительствъ, производилось разграниченіе между ихъ владѣніями, причемъ съ русской стороны уступленъ нашимъ сосѣдямъ треугольникъ земли пскони заселенной Русскими, гдѣ и до сего времени существуетъ старинная русская церковь, треугольникъ, коего основаніе, составляющее морской берегъ, имѣетъ 400 верстъ длинника...

Эго куріозное, а можетъ-быть и преступное дѣло не обратило на себя никакого вниманія въ оное блаженное время полной безгласности, еще и теперь иные скажутъ пожалуй: стоить ли спорить изъ-за клочка ледяной пустыни! Но этотъ клочокъ есть именно тотъ на который преимущественно двинулась норвежская колонизація, гдѣ находятся три незамерзающіе залива съ великолѣпными бухтами, удобными для военнаго порга и гдѣ проектируется военный портъ и крѣпость. Поморье уступленное Норвегіи есть, правда, ничтожная часть всего нашего сѣвернаго берега, но это единственная часть его гдѣ море круглый годъ открыто для плаванія. Вотъ что писалъ объ одномъ изъ этихъ заливовъ, именно Варангерскомъ, въ 1867 году г. Кемпбель, посланникъ Соединенныхъ Штатовъ при Шведскомъ дворѣ: „Заливъ этотъ содержитъ въ себѣ нѣсколько вмѣстительныхъ гаваней, способныхъ служить убѣжищемъ для большихъ флотовъ и можетъ быть такъ укрѣпленъ что доступъ къ нему съ моря былъ бы очень труденъ, если не вовсе невозможенъ. Теловатая вода Гольф-Стрима разливаются вдоль этого берега, и флоты могли бы отсюда выходить въ море во всякое время года.“ Г. Кемпбель выражаетъ въ своей депешѣ увѣренность что Россіи очень нужно было бы возвратитъ этотъ важный морской пунктъ, ибо, говоритъ онъ, „Россія крайне нуждается въ морскомъ портѣ, свободномъ круглый годъ ото льда“, безъ такого порта она никогда не пріобрѣтетъ морскаго значенія,—а безъ этого „Россія не можетъ ни считать свое всемірное положеніе упроченнымъ, ни чувствовать себя въ обладаніи всеми необходимыми условіями внутренняго развитія“. Такъ выражается представитель дружественной намъ державы; но, замѣчаетъ онъ, Англія и Франція, особенно первая, смотрятъ на такъ-называемые захваты Россіи съ крайнею ревностью... Швеція, прибавляетъ г. Кемпбель, несетъ по этому предмету особая обязательства предъ Англіей.“

До сихъ поръ мы говорили главнымъ образомъ о той части нашего сѣвернаго поморья которая находится къ западу отъ Бѣлаго Моря; но русское поморье простирается на востокъ до Берингова пролива и далеко не на всемъ своемъ пространствѣ представляется безжизненною пустыней, а моря прилегающія къ этимъ берегамъ, равно какъ бухты и заливы, заключаютъ въ своихъ нѣдрахъ неисчислимыя сокровища. По свидѣтельству одного русскаго путешественника, около Новой Земли водится такое множество китовъ, правда мелкой породы, что „трудно и опасно было проходить между ними“; въ извѣстное время года устья нѣкоторыхъ сѣверныхъ рѣкъ и нѣкоторыя бухты бывають буквально залужены бѣлугами, дельфинами, акулами, сельдями и пр. Не менѣе изумительны лѣсные богатства Печорскаго края Вологодской и Олонецкой губерній, но все это или гибнетъ безъ всякой пользы для кого бы то ни было, или же обогащаетъ только иностранныхъ промышленниковъ.

Такъ разказываетъ г. Сидоровъ. Между многими фактами служащими подтвержденіемъ его мрачнымъ воззрѣніямъ на положеніе нашего Сѣвера, онъ приводитъ исторію своихъ собственныхъ промышленныхъ предпріятій въ Сибири и въ Архангельской губерніи. Не будемъ слѣдить за этою цѣлью почти невѣроятныхъ дѣйствій административныхъ лицъ. Позволимъ себѣ только привести въ короткихъ словахъ извѣстіе объ одномъ обширномъ промышленномъ предпріятіи, въ которомъ авторъ не заинтересованъ лично и о коемъ онъ цитуетъ официальные свидѣтельства. Въ 1863 году, пишетъ онъ, лѣсной департаментъ заключилъ съ англійскою промышленною компаніею условіе слѣдующаго содержанія: департаментъ обязывается отпустить компаніи изъ казенныхъ дачъ и *корабельныхъ* роцъ Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерній, всего 2 милл. сосновыхъ и 500.000 еловыхъ деревьевъ; рубка оныхъ производится компаніею, но за излишне-порубленныя деревья и за тѣ которыя длиннѣе условленной мѣры отвѣтствуетъ не компанія, а рубщики; отправка лѣса изъ Онежскаго порта предоставлена компаніи на 25 лѣтъ, и кромѣ ея никому другому не можетъ быть дозволена. Это право остается въ своей силѣ даже и въ томъ случаѣ еслибы правительство нашло нужнымъ вообще воспретить отпускъ лѣснаго товара за границу, но компанія вольна отказаться отъ условнаго количества лѣса и ограничиться половиною; для облегченія до-

ставки лѣса къ Онежскому порту, вѣдѣнію компаніи пред- оставлены не только все водяные пути, но и сооруженія на нихъ. Что касается до поленныхъ денегъ, то онѣ исчислены только на основаніи длины срубленныхъ деревьевъ, безъ внима- нія къ ихъ толщинѣ... Содержаніе этого удивительнаго усло- вія заимствовано нами не со словъ г. Сидорова, а изъ приве- деннаго имъ отзыва Олонецкой контрольной палаты, которая, указывая на его несообразности, находитъ что приведенный контрактъ долженствовалъ бы заключенъ быть не иначе какъ съ высочайшаго разрѣшенія, что онъ къ англійской компаніи гораздо снисходительнѣе чѣмъ тѣ которые были заключаемы съ русскими промышленниками. Палата замѣчаетъ между прочимъ что все 11 тысячъ срубленныхъ компаніей по 1868 годъ сосновыхъ деревьевъ оплачены ею по таксъ самыхъ короткихъ и слѣдовательно самыхъ дешевыхъ бревенъ, хотя ничто не ру- чается чтобы въ числѣ ихъ не было и мачтовыхъ; она заявля- етъ кромѣ того что и помимо этихъ возможныхъ обмановъ, казна должна терять, по сравненію съ другими подобными контрактами, въ настоящемъ случаѣ по 20.000 руб. въ годъ, и что монополія предоставленная Англичанамъ наноситъ силь- вѣйшій ущербъ русскимъ лѣсо- и судопромышленникамъ.... Та- ково мнѣніе одного правительственнаго учрежденія о дѣйстви- ахъ другаго; а если съ правами предоставленными англійской Онежской компаніи сопоставить неслостижимую уступку един- ственной бывшей у Россіи незамерзающей гавани на европей- скомъ океанѣ и дать вѣру разказамъ г. Сидорова о порази- тельныхъ неудачахъ русскихъ промышленниковъ, о система- тическомъ, по свидѣтельству нашего автора, противодѣйствиіи со стороны различныхъ правительственныхъ учрежденій и лицъ развитію русскихъ промысловъ и мореходства на сѣве- рѣ, то невольно рождается вопросъ: что жь это дѣлается во- кругъ насъ?...

ПРИЗРАБЪ ВОСТОЧНАГО ВОПРОСА

Мы находимся можетъ-быть наканунѣ событій величайшей важности. Едва успѣла появиться въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* циркулярная депеша русокаго канцлера, какъ въ разныхъ концахъ Европы, а особенно въ Лондонѣ и Вѣнѣ, раздался, какъ набатъ, грозный лозунгъ *Восточный вопросъ*. Государь Императоръ, читаемъ мы въ этой депешѣ, усматривая что конвенція приложенная къ трактату 18го (30го) марта 1856 года, ограничивъ морскія силы Россіи на Черномъ Морѣ до самыхъ малыхъ размѣровъ, предоставила Турціи содержать военный флотъ у самаго входа въ это море; что конвенція *О Проливахъ* воспрещаетъ входъ въ это море военнымъ судамъ лишь въ мирное время и тѣмъ самымъ уничтожаетъ постановленную помянутымъ трактатомъ нейтрализацию Чернаго Моря; что этотъ трактатъ неоднократно и во многихъ частяхъ своихъ уже былъ нарушенъ, и притомъ къ невыгодѣ Россіи: объявляетъ что не считаетъ болѣе для себя обязательными трактатъ 18го (30го) марта 1856 года и приложенную къ нему конвенцію, насколько они связываютъ верховныя права Его Величества на Черномъ Морѣ, возвращая вмѣстѣ съ тѣмъ султану всю полноту его правъ... Таково содержаніе акта который успѣлъ уже возбудить въ Европѣ шумъ покрывающій грохотъ тысячъ орудій громающихъ Францію. Европа встревожилась, Европа заговорила о новыхъ замыслахъ Россіи на Востокъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности не прибавилось еще ни одного военного корабля къ скудной нашей Черноморской флотиліи и наша армія находится на мирномъ положеніи.

Но, основательно или не основательно, Европа встревожи-

лась. Судя по телеграммамъ полученнымъ въ послѣдніе дни изъ Вѣны и Лондона, и правительство и печать принимаютъ тамъ положеніе напоминающее 1853 годъ. Въ Константинополѣ депеша 19го октября произвела повидимому менѣе тревоги, но турецкое правительство и теперь, какъ семнадцать лѣтъ тому назадъ, можетъ увлечься внушеніями своихъ друзей; мы не говоримъ о другихъ державахъ которыя тоже могутъ послѣдовать толчку сообщенному изъ Вѣны и Лондона. Поэтому и теперь весьма возможна коалиція противъ Россіи, также какъ семнадцать лѣтъ тому назадъ, хотя, надо признаться, это была бы война изъ-за отвлеченнаго принципа. Никакого факта нарушающаго миръ Европы не совершилось: по выраженію *Московскихъ Вѣдомостей* „совершился лишь фактъ откровенно сказаннаго слова“... Дѣйствительно, Государь Императоръ только возвѣщаетъ о намѣреніи Своёмъ поставить наши силы на Черномъ Морѣ въ положеніе соотвѣтствующее силамъ Турціи; въ настоящее же время мы не имѣемъ на черноморскихъ водахъ ниже призрака монитора, и единственная сколько-нибудь серіозная морская наша сила заключается тамъ въ нѣсколькихъ канонеркахъ, которыя предназначены для защиты Керченскаго пролива, которыя не имѣютъ никакого наступательнаго значенія и которыя, сколько извѣстно... еще строятся. И вотъ тѣ призраки которые смущаютъ общественное мнѣніе въ Лондонѣ и Вѣнѣ!..

Бѣдствія войны могутъ тяжелѣе обрушиться на одну сторону чѣмъ на другую, но они никого не обходятъ, никому не даютъ пощады: пусть объ этомъ поразмыслятъ не тѣ, конечно, кто издали стануть приводить въ движеніе нити политическихъ событій, а тѣ кто должны будутъ сами выдерживать удары. Депеша 19го октября свидѣтельствуесть что Государь Императоръ не желаетъ возбуждать Восточнаго вопроса: пусть же не вызываютъ и другіе этого грознаго духа. Нѣсколько строкъ прочтенныхъ русскими дипломатическими агентами министрамъ тѣхъ дворовъ при коихъ они аккредитованы не разрушатъ Турецкой имперіи; но если раздастся хотя одинъ выстрѣлъ на востокъ Европы, кто знаетъ каковы могутъ быть послѣдствія?

Вообще нежелательно чтобъ общественное мнѣніе Россіи имѣло опоры гдѣ-либо на сторонѣ. Россія должна найти въ самой себѣ всю силу, требуемую обстоятельствами, и, безъ сомнѣнія, она найдетъ ее. Провидѣніе ведетъ народы къ своимъ

таинственнымъ дѣламъ разнообразными и ускользающими отъ человеческого изслѣдованія путями, и одинъ изъ нихъ есть путь грозныхъ испытаній, тяжелыхъ жертвъ и кровавыхъ усилій. Не разъ приходилось намъ давать отпоръ непріятельскимъ вторженіямъ; на нашей сторонѣ бывалъ успѣхъ, бывала и неудача; но подъ вліяніемъ какъ успѣховъ, такъ и неудачъ возвышался нашъ народный духъ, и въ результатъ выигрывало дѣло нашего народнаго объединенія. Война въ предѣлахъ отечества всегда была какъ бы горниломъ въ которыхъ сплавивалось единство Россіи. Изъ каждой такой войны Россія, залечивъ исподоволь свои раны, выносила возвышающія душу воспоминанія: къ святынямъ Полтавы и Бородины, послѣдняя война прибавила святыню Севастополя. Лишившись Москвы, мы заняли Парижъ; неудачи Восточной войны открыли путь преобразованіямъ которыя дали новую жизнь Россіи и къ которымъ, въ ту минуту какъ лишутся эти строки, присоединяется еще одно, величайшей важности, — преобразование военной повинности. Чѣмъ бы слѣдовательно ни кончилась тревога произведенная делепешей 19го октября, намъ не должно унывать, но слѣдуетъ готовиться къ событіямъ каковы бы они ни были. Силы Россіи велики; имъ недостаетъ только организаціи, а организація удесетеряетъ силы. Въ этомъ отношеніи да послужить намъ примѣромъ родственныи намъ народъ Чешскій, этотъ удивительный и въ самомъ дѣлѣ заслуживающій подражанія народъ, который, не имѣя собственнаго правительства и окруженъ будучи сильными врагами, отражаетъ ихъ покушенія при помощи организаціи провикшей его по всѣмъ направленіямъ и во всѣхъ его общественныхъ слояхъ. Кольца всевозможныхъ ассоціацій, перелетаясь между собою, покрываютъ Чехію какъ живую сѣтлю и дѣлаютъ ее несокрушимою, не взирая на ея ничтожное пространство и малочисленность ея населеніе. Какихъ бы интересовъ ни хотѣла коснуться въ этой странѣ непріязненная ей сила, вездѣ встрѣчаетъ она отпоръ не отдѣльныхъ лицъ, которыхъ легко сломить, но усилія совокупныя и организованныя; всякій ударъ нанесенный на одномъ какомъ-либо пунктѣ, мгновенно пробѣгаетъ по всей странѣ, какъ по нервамъ живаго организма и вызываетъ общій, единодушный отпоръ. Еслибы духъ ассоціацій получилъ у насъ такое же развитіе какъ въ Чехіи, Россія была бы положительно неуязвима. Къ несчастію, слы-

омъ долго историческія причины не допускали развиться у насъ этому великому принципу новаго времени; онъ поддерживали разѣединеніе сословій, отдѣльность интересовъ въ различныхъ мѣстностяхъ, различіе мѣстныхъ нарѣчій. Вслѣдствіе стѣновыхъ заблужденій, власть, справедливо гордящаяся преданностію ей народа, смотрѣла недовѣрчиво на всякій зародышъ общественной организаціи и установила въ законодательствѣ странное сближеніе между понятіями *skontz* и *заговоръ*.... Единственная существовавшая у насъ до послѣдняго времени организація была правительственная, административная; общественныя же силы Россіи можно было улудобить огромной кучѣ песка, который не представляетъ никакой плотности и разсыпается при малѣйшемъ прикосновеніи.... Но такъ не можетъ и не должно оставаться. Въ необходимости организаціи убѣдилось и правительство. Оно признало этотъ принципъ въ земскихъ учрежденіяхъ, въ общественныхъ банкахъ, въ различныхъ ученыхъ, благотворительныхъ и промышленныхъ обществахъ: дадимъ же этому принципу еще болѣе широкое развитіе, а правительство съ своей стороны допустить можетъ быть облегченіе въ тѣхъ формальностяхъ съ которыми еще связано учрежденіе всякой частной ассоціаціи. Примемся учреждать общества гимнастическія и стрѣлковыя,* которыми Пруссія такъ много обязана вынѣшними своими успѣхами; станемъ исподоволь заласаться оружіемъ; пусть владѣльцы механическихъ, литейныхъ и вообще металлическихъ заводовъ составляютъ соображенія о примѣненіи своихъ заведеній къ выработкѣ оружія, такъ какъ на пріобрѣтеніе его за границей мало надежды....

П. ЦЕБАЛЬСКІЙ.

6го ноября.

* Слѣшимъ заявить что въ Москвѣ уже образовалось подобное общество. Цѣль его—распространеніе въ Россіи искусства стрѣльбы, гимнастики и фехтованія. Оно слѣдитъ за ходомъ усовершенствованія оружія, пріобрѣтаетъ образцы всѣхъ системъ и родовъ оружія, открываетъ сначала въ Москвѣ, а потомъ и въ другихъ городахъ, стрѣльбища, гимнастическія и фехтовальныя залы, а также лекціи о всѣхъ этимъ предметахъ. Оно испрашиваетъ дозволенія числиться въ вѣдѣніи военнаго министерства и особыхъ льготъ при прохожденіи обязательной военной службы для тѣхъ кто, при знаніи грамоты и ариеметики, получаютъ отъ общества свидѣтельства объ успѣхѣ по части стрѣльбы, гимнастики и фехтованія и умѣніи читать военныя карты.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТЫЙ.

С Е Н Т Я Б Р Ъ .

	Стр.
Московскіе вольнодумцы начала XVIII вѣка и Стефанъ Яворскій. Гл. I—II. <i>Н. С. Тихонравова</i>	5
Финансовые результаты государственнаго горнаго хозяйства въ Россіи. <i>В. П. Безобразова</i>	62
Два эпизода изъ царствованія Екатерины II. Эпизодъ второй. I—III. <i>Барона Ф. А. Бюлера</i>	91
Глава изъ современной исторіи. Окончаніе. <i>П. К. Щербальскаго</i>	120
Мужъ и жена. Романъ. Коллинза. Гл. XLII—XLVI....	152
Паликаръ-Костаки. Разказъ. <i>К. Н. Леонтьева</i>	219
Очеркъ ученія о произвольномъ зарожденіи. Рѣчь профессора Гёксли.....	262
Семейство Гольць. Разказъ. <i>А. А. Фета</i>	281
Воображеніе какъ одно изъ орудій научнаго изслѣдованія. Лекція профессора Тиндаля.....	322
Библиографическія замѣтки. I. <i>Матеріалы для этнографіи Россіи</i> . Соч. А. Ф. Риттиха. <i>Положеніе рабочаго класса въ Россіи</i> . Соч. Н. Флеровскаго. II. <i>Политическія движенія Русскаго народа</i> . Соч. Д. Мордовцева. II. III.....	336
Замѣтки. I. Въ чемъ заслуга Бёрне. II. Чтò требуется отъ историка. III. Покойный Писаревъ и его читатели. IV. Горе отъ ума. <i>Л. Н.</i>	350

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

- Двадцать тысячъ льё подъ водою. Разказъ Жюль Верна. Часть вторая, гл. XIII—XVI.
- Тайна Эдвина Друда. Романъ Чарльза Диккенса. Последнія оставшіяся главы.

О К Т Я Б Р Ъ.

	<i>Стр.</i>
Государственные доходы и расходы въ царствованіе Екатерины II. (1769—1780.) <i>А. Н. Куломзина</i>	378
Сыщики. Историческая повѣсть изъ бироновскаго вре- мени. Часть первая. Гл. I—XVII. <i>Булкина</i>	426
Два эпизода изъ царствованія Екатерины II. Эпизодъ второй. IV. <i>Барона Ф. А. Буллера</i>	506
На ножахъ. Романъ. Часть первая. Гл. I—VII. <i>Н. С. Льскова (Стебницкаго)</i>	539
Бѣлая-Криница до приѣзда Амвросія. I—III. <i>Н. И. Суббо- тина</i>	601
Мужъ и жена. Романъ Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. (Окончаніе.).....	648
Минеральныя воды за границей и на Кавказѣ. <i>С. А. Смирнова</i>	752
Русская литература. I. <i>Пѣсни собранныя И. В. Кирпѣв- скимъ</i> , изд. Обществомъ Любителей Россійской Сло- весности. II. <i>Съверъ Россіи</i> . Соч. М. Сидорова. II. III.	781
Призракъ Восточнаго вопроса. <i>П. К. Щербальскаго</i>	806

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

Двадцать тысячъ лѣе подъ водой. Разказъ Жюля Верна.
Окончаніе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

„ДЪЯТЕЛЬНОСТЬ“

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

СЪ 1го ЯНВАРЯ 1871 ПО 1е ЯНВАРЯ 1872 ГОДА.

Выходитъ ежедневно, на листѣ большого формата, безъ цензуры.

Подписка а цѣна: безъ доставки: на годъ 7 р., на полгода 3 р. 50 к., на мѣсяць 60 к. Съ пересылкой по почтѣ и *доставкой* на домъ: на годъ 9 р., на полгода 4 р. 50 к., на мѣсяць 75 коп.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи, по Большой Садовой улицѣ, домъ № 39; а также во всѣхъ мѣстахъ гдѣ открыта подписка на періодическія изданія.

Желающимъ дѣлается разсрочка въ платежѣ, но только при выпискѣ изъ самой редакціи.

Новые подлицики желающіе начать получение *Дѣятельности* въ истекающемъ году, прилачиваютъ за каждый мѣсяць текущаго года по 50 к. съ пересылкою. 10.394.—3.

Немногое что оставалось надо было побережь для работавших. Для *Кораблика* же нельзя было удѣлить ни одного атома.

Возвратившись на бортъ, я былъ почти задушенъ. Какая ужасная ночь! Я не сумѣю описать ее. Подобныя страданія неизобразимы. На другой день дыханіе мое было стѣснено еще болѣе. Къ головнымъ болямъ присоединилось страшное головокруженіе, я былъ какъ бы подъ вліяніемъ сильнаго опьяненія. Мои товарищи испытывали подобныя же симптомы. Нѣкоторые изъ людей экипажа кричали.

Въ этотъ день, шестой день нашего заточенія, капитанъ Немо, находя что работа заступомъ и киркой очень медленна, рѣшилъ раздавить ледяной слой, еще отдѣлявшій насъ отъ водяной поверхности. Этотъ человѣкъ не потерялъ хладнокровія и энергіи. Онъ подчинялъ физическую боль нравственной силѣ. Онъ думалъ, соображалъ и дѣйствовалъ.

По его приказанію судно было облегчено, и вслѣдствіе измѣненія въ удѣльномъ вѣсѣ, приподнялось съ ледянаго слоя. Когда оно ползло, его направили къ пробитой нами огромной впадинѣ, имѣвшей форму его грузовой линіи. Потомъ резервуары наполнили водой, и *Корабликъ* опустился въ углубленіе. Тогда весь экипажъ вошелъ на бортъ, и двойная дверь залерася. Итакъ, *Корабликъ* лежалъ на ледяномъ слое въ метръ толщиной, пробитомъ въ тысячу мѣстахъ зондами.

Тогда совсѣмъ открыли краны резервуаровъ, и сто кубическихъ метровъ воды устремились туда, увеличивая вѣсъ *Кораблика* на сто тысячъ килограммовъ.

Мы ждали, слушали, забывая свои страданія и все еще надеясь. Мы ставили жизнь на эту послѣднюю карту.

Несмотря на шумъ въ моей головѣ, я вскорѣ услышалъ сотрясеніе подъ кузовомъ *Кораблика*. Преграда подавалась. Ледъ затрепалъ какъ-то особенно, съ шумомъ похожимъ на тотъ который происходитъ когда рвутъ бумагу, и *Корабликъ* сталъ опускаться.

— Мы проходимъ! прошепталъ мнѣ на ухо Консель.

Я не могъ ему отвѣчать. Я схватилъ его руку и сжалъ ее въ невольномъ порывѣ.

Вдругъ, увлекаемый своимъ ужаснымъ грузомъ, *Корабликъ* устремился въ воду, какъ пушечное ядро, упалъ, какъ будто въ пустомъ пространствѣ.

Тогда вся электрическая сила была направлена на насосы,

которые тотчасъ же начали выгонять воду изъ резервуаровъ. Черезъ нѣсколько минутъ наше паденіе было задержано. Скоро манометръ сталъ показывать восходящее движеніе. Винтъ, двигаясь со всею скоростью, приводилъ въ содроганіе желѣзный корпусъ до самыхъ его болтовъ, и увлекалъ насъ къ северу.

Но долго ли будетъ продолжаться это плаваніе подъ сплошнымъ льдомъ, пока мы наконецъ достигнемъ открытаго моря? Еще день? Но я умру раньше!

Полулежа на диванѣ въ библиотекѣ, я задыхался. Лицо мое было фіолетоваго цвѣта, губы посинѣли, силы меня оставили. Я болѣе ничего не видалъ и не слышалъ. Повятіе о времени исчезло изъ моей памяти. Мускулы мои не могли болѣе сокращаться.

Я не могъ сосчитать проведенные такимъ образомъ часы. Но я сознавалъ начинающуюся со мной агонію. Я понималъ что умираю...

Вдругъ я пришелъ въ себя. Въ мои легкія проникло нѣсколько глотковъ воздуха. Не поднялись ли мы на поверхность волны? Не миновали ли мы сплошной ледъ?

Нѣтъ! Это Недъ и Консель, мои преданные друзья, жертвовали собой, чтобы спасти меня. Небольшое количество воздуха оставалось еще на днѣ одного аппарата. Въмѣсто того чтобы дышать имъ, они сохранили его для меня, и, задыхаясь сами, вливали въ меня жизнь капля по каплѣ. Я хотѣлъ оттолкнуть аппаратъ, но они удержали мои руки, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ я дышалъ съ наслажденіемъ.

Я взглянулъ на часы. Было одиннадцать часовъ утра. Наступило уже 28е марта. *Корабликъ* шелъ съ ужасающею быстротой сорока миль въ часъ. Онъ крутился въ водахъ.

Гдѣ былъ капитанъ Немо? Не погибъ ли онъ? Не умерли ли съ нимъ его товарищи?

Въ эту минуту, манометръ показалъ что мы находились на разстояніи не болѣе двадцати футовъ отъ поверхности. Простое ледяное поле отдѣляло насъ отъ нея. Нельзя ли пробить его?

Можетъ-быть! Во всякомъ случаѣ, *Корабликъ* долженъ былъ испытать это средство. Въ самомъ дѣлѣ, я почувствовалъ что онъ принимаетъ наклонное положеніе, опуская корму и поднимая бивень. Достаточно было влустить нѣсколько воды въ резервуары чтобы нарушить его равновѣсіе. Потомъ, увлекаемый своимъ могучимъ винтомъ, онъ устремился на ледъ.

ное поле снизу, какъ ужасный таранъ. Онъ пробивать его мало-по-малу, удалялся, возвращался вновь со всею быстротой къ полю, которое прорывалось, и наконецъ, увлеченный сильнымъ порывомъ, онъ пробилъ его и вынырнулъ на ледяную поверхность.

Подъемныя двери были открыты, или вѣрнѣе сказать вырваны, и струи чистаго воздуха проникли во всѣ части *Кораблика*.

Г Л А В А XVII.

Отъ мыса Горна до Амазонки.

Какъ я очутился на платформѣ, не знаю. Можетъ-быть, Канадецъ перенесъ меня туда. Но я дышалъ, я глоталъ живительный морской воздухъ. Подлѣ меня оба мои товарища уливались его освѣжающими струями. Несчастные которые были долго лишены лица не должны опрометчиво бросаться на первое попавшееся кушанье. Мы же, напротивъ, не имѣли надобности воздерживаться, и могли полной грудью вдыхать въ себя струи воздуха, которыя морской вѣтеръ привосилъ намъ, вливая въ насъ какое-то сладостное упоеніе!

— Ахъ! сказалъ Консель, какъ хорошъ кислородъ! — Пусть его милость дышетъ не стѣсняясь. Его здѣсь достанетъ на всѣхъ.

Что касается Недъ-Ланда, онъ не говорилъ, но такъ открывалъ свои челюсти что могъ бы испугать акулу. И съ какой силой онъ вдыхалъ воздухъ! Онъ тянулъ его, какъ жарко разгорѣвшаяся печка.

Наши силы быстро возвратились, и оглядѣвшись кругомъ, я увидалъ что мы были одни на платформѣ. Ни одного чело-вѣка изъ экипажа. Не было даже капитана Немо. Странные люди *Кораблика* довольствовались воздухомъ распространявшимся внутри его. Никто изъ нихъ не пришелъ насладиться чистой атмосферой.

Первыя слова произнесенныя мной были изъявленіемъ горячей благодарности обоимъ моимъ товарищамъ. Недъ и Консель поддерживали мое существованіе въ продолженіи послѣднихъ часовъ этой долгой агоніи. Всея моею признательности было мало чтобы заплатить имъ за эту преданность.

— Хорошо! господинъ профессоръ, отвѣчалъ мнѣ Недъ-Ландъ, — объ этомъ не стоить и говорить! Въ чемъ наша за-

слуга? Ни въ чемъ. Это былъ просто математическій расчетъ. Ваша жизнь дороже нашей. Стало-быть, ее надо было беречь.

— Нѣтъ, Недъ, она не дороже вашей. Никто не можетъ быть выше великодушнаго и добраго человека, а вы таковы!

— Хорошо! Хорошо! повторялъ смущенный Канадецъ.

— А ты, мой честный Консель, ты много страдалъ?

— По правдѣ сказать, не слишкомъ много. Мнѣ правда не доставало нѣсколькихъ глотковъ воздуха, но я думаю что я могъ бы привыкнуть къ этому. Кромѣ того, я видѣлъ что вы лишились чувствъ и это отнимало у меня всякое желаніе дышать. У меня, какъ говорится, духъ занимал...

Консель, смущенный тѣмъ что впасть въ банальность, недокончилъ.

— Друзья мои, отвѣчалъ я, сильно взволнованный, мы связаны другъ съ другомъ навсегда, и вы имѣете на меня права...

— Которыми я и воспользуюсь, возразилъ Канадецъ.

— Чтò? сказалъ Консель.

— Да, возразилъ Недъ-Ландъ,—правомъ увлечь васъ за собой, когда покину этотъ адскій *Корабликъ*.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Консель,—но идемъ ли мы куда слѣдуетъ?

— Да, отвѣчалъ я,— потому что мы идемъ къ солнцу, а здѣсь солнце на сѣверѣ.

— Безъ сомнѣнія, возразилъ Недъ-Ландъ,—остается узнать гдѣ мы находимся: въ Тихомъ океанѣ, или въ Атлантическомъ, то-есть въ посвящаемыхъ или въ пустынныхъ моряхъ.

Я не могъ рѣшить этого, и опасался что капитанъ Немо скорѣе поведетъ насъ въ обширный океанъ омывающій берега Азіи и Америки. Онъ закончилъ бы такимъ образомъ свое кругосвѣтное подводное путешествіе, и возвратился бы въ моря гдѣ *Корабликъ* можетъ почитать себя внѣ опасности. Но къ чему послужать проекты Недъ-Ланда, если мы вернемся въ Тихій океанъ, лежащій далеко отъ всякой обитаемой земли?

Черезъ нѣсколько времени мы могли рѣшить этотъ важный вопросъ. *Корабликъ* шелъ быстро. Мы скоро миновали полярный кругъ, и направились къ мысу Горну. 31го марта, въ семь часовъ вечера, мы находились противъ южной оконечности Америки.

Тогда всѣ наши прежнія страданія были забыты. Воспоминаніе о нашемъ заточеніи въ льдахъ постепенно изглажива-

лось въ нашей памяти. Мы думали только о будущемъ. Капитанъ Немо не показывался болѣе, ни въ залѣ, ни на платформѣ. Подшкиперъ каждый день отмѣчалъ мѣсто судна на картѣ, что и позволяло мнѣ съ точностью опредѣлять направленіе *Кораблика*. Въ этотъ вечеръ, къ моему величайшему удовольствію, мнѣ стало ясно что мы возвращаемся къ сѣверу чрезъ Атлантическій океанъ.

Я сообщилъ Канадцу и Конселю о результатѣ моихъ наблюденій.

— Хорошая новость, отвѣчалъ Канадецъ, — но куда идетъ *Корабликъ*?

— Не знаю, Недъ.

— Не хочетъ ли капитанъ, побывавъ у южнаго полюса, идти къ сѣверному, и возвратиться въ Тихій океанъ знаменитымъ сѣверо-западнымъ проходомъ?

— Нельзя поручиться что это не придетъ ему въ голову, отвѣчалъ Консель.

— Ну что же, сказалъ Канадецъ, — только мы сначала уйдемъ изъ его общества.

— Во всякомъ случаѣ, прибавилъ Консель, — капитанъ Немо молодецъ, и мы не будемъ жалѣть что узнали его.

— Особенно когда съ нимъ разстанемся! возразилъ Недъ-Ландъ.

На другой день, 1го апрѣля, когда, за нѣсколько минутъ до полудня, *Корабликъ* возвратился на поверхность, мы увидали на западѣ берегъ. Это была Огненная Земля, которую первые мореплаватели называли этимъ именемъ, замѣтивъ многочисленныя столбы дыма выходившіе изъ хижинъ туземцевъ. Эта Огненная Земля состоитъ изъ большого сколаенія острововъ, простирающихся на тридцать миль въ длину и на восемьдесятъ миль въ ширину, между 53° и 56° южной широты, и 67°50' и 77°15' западной долготы. Берегъ показался мнѣ низменнымъ, но вдали поднимались высокія горы. Мнѣ даже казалось что я могу различить гору Сарміенто, возвышающуюся на двѣ тысячи семьдесятъ метровъ надъ уровнемъ моря, пирамидальную сланцевую массу, съ очень острой вершиной, которая, судя потому, покрыта ли она облаками, или нѣтъ, „предвѣщаетъ хорошую или дурную погоду,“ сказалъ мнѣ Недъ-Ландъ.

— Славный барометръ, мой другъ.

— Да, господишь профессоръ, барометръ который устроенъ

симою природою и который никогда меня не обманывалъ, когда мнѣ случалось проходить въ проходахъ Магелланова пролива.

Въ эту минуту мы увидали эту вершину, отчетливо выступившую на небесномъ сводѣ. Это предвѣщало хорошую погоду, и предвѣщаніе оправдалось на самомъ дѣлѣ.

Корабликъ, погрузившись въ воду, приблизился къ берегу, но держался его только въ продолженіи нѣсколькихъ миль. Въ окна залы я видѣлъ длинныя ліаны и гигантскія водоросли, тѣ самыя грушевидныя водоросли нѣсколько экземпляровъ которыхъ находилось въ свободномъ морѣ полюса; съ своими гладкими и липкими волокнами они имѣли до трехсотъ метровъ длины; настоящіе канаты, толще дюйма и очель прочные, они часто употребляются вмѣсто кабельтовыхъ для кораблей. Другая трава, извѣстная людѣ названіемъ *vep*, съ листьями длиной въ четыре фута, залѣпленными коралловыми осадками, покрывала дно: Она служитъ убѣжищемъ и пищей мириадамъ ракообразныхъ животныхъ и моллюсковъ, крабамъ и каракатицамъ. Тутъ тюлени и выдры ломьзуются роскошнымъ столомъ, соединяя, по англійскому обычаю, рыбъ съ морскими овощами.

Корабликъ промчался съ необычайною быстротою надъ этимъ плодоноснымъ и кипящимъ жизнью дномъ. Къ вечеру онъ приблизился къ архипелагу Малуинскихъ острововъ, суровыя вершины которыхъ я могъ разсмотрѣть на другой день. Глубина моря была посредственная. Я думалъ, и не безъ основанія, что эти два острова, окруженные множествомъ маленькихъ острововъ, составляли прежде часть Магеллановой земли. Вѣроятно Малуинскіе острова были открыты знаменитымъ Джономъ Девисомъ, который назвалъ ихъ южными Девисовыми островами. Позднѣе Ричардъ Гоукинсъ назвалъ ихъ Maiden-Islands, Дѣвичьими островами. Потомъ, въ началѣ восемнадцатаго вѣка, рыбаки изъ Сентъ-Мало назвали ихъ Малуинскими, и наконецъ Англичане, которымъ они принадлежатъ и въ настоящее время, назвали ихъ Фолькландскими островами.

Здѣсь мы вытаскивали сѣтями нѣсколько прекрасныхъ экземпляровъ водорослей и въ особенности одинъ видъ фукуса, въ корняхъ котораго находились самыя вкусныя ракушки. Гуси и утки падали дюжинами на платформу *Кораблика*, и вскорѣ заняли приличное мѣсто на нашей кухнѣ. Изъ рыбъ, я въ особенности наблюдалъ костистыхъ, принадлежащихъ къ роду

gobius длиной въ два дециметра, усѣянныхъ бѣловатыми и желтоватыми пятнами.

Я любовался также многочисленными медузами, и самыми красивыми изъ нихъ хризаорами, которыя водятся преимущественно въ этихъ моряхъ. То онѣ представлялись полу-сферическимъ очень гладкимъ зонтикомъ, съ темнокрасными полосами, кончавшимися двѣнадцатью правильными фестонами; то являлись въ видѣ корзинки изъ которой граціозно выходили широкіе листья и длинныя красныя вѣтки. Онѣ плавали передвигая своими четырьмя листовидными долями, причѣмъ лышныя пряди ихъ щупальцевъ развѣвались по волѣ теченія. Мнѣ хотѣлось сохранить нѣсколько экземпляровъ этихъ нѣжныхъ зоофитовъ, но это только облака, тѣни, призраки, которые исчезаютъ и испаряются, если ихъ вынуть изъ родной стихіи.

Когда послѣднія высоты Фолькландскихъ острововъ скрылись за горизонтомъ, *Корабликъ* погрузился въ воду, и держался на глубинѣ отъ двадцати до двадцати пяти метровъ, идя вдоль американскаго берега. Капитанъ Немо не показывался.

До 3го апрѣля мы не удалялись отъ Патагоніи, то плавая въ волнахъ Океана, то на его поверхности. *Корабликъ* миновалъ широкій лиманъ образуемый устьемъ Ла-Платы, и 4го апрѣля находился на траверсѣ отъ Урагуая, но въ пятидесяти миляхъ отъ него въ открытомъ морѣ. Онѣ направлялся къ сѣверу и огибалъ длинныя извилины берега Южной Америки. Мы уже сдѣлали шестнадцать тысячъ льё со дня нашего отплытія изъ Японскихъ морей.

Къ одинадцати часамъ утра мы пересѣкли тропикъ Козерога, на тридцать седьмомъ меридіанѣ, и прошли широту мыса Фріо. Капитанъ Немо, къ великому неудовольствію Недъ-Ланда, очевидно избѣгалъ сосѣдства населенныхъ береговъ Бразиліи, потому что онѣ шель съ невѣроятною скоростью. Ни одна рыба, ни одна птица, какъ бы онѣ ни были быстры, не могли слѣдовать за нами, и естественныя примѣчательности этихъ морей ускользали отъ всякаго наблюденія.

Съ такою быстротой мы шли въ продолженіи нѣсколькихъ дней, и вечеромъ 9го апрѣля увидѣли самую восточную оконечность Южной Америки, образуемую мысомъ Санъ-Рокъ. Но тутъ *Корабликъ* снова удалился отъ берега, и достигнувъ болѣе значительной глубины, пошелъ подводною долиной, которая находится между этимъ мысомъ и Сьерро-Леоне на африканскомъ берегу. Долина эта раздваивается на высотѣ Антиль-

скихъ острововъ и оканчивается къ сѣверу огромнымъ углубленіемъ въ девять тысячъ метровъ. Въ этомъ мѣстѣ, геологической разрѣзъ Океана представляетъ утесъ до малыхъ Антильскихъ острововъ, въ шесть километровъ вышины, расположенный отвѣсно, а на высотѣ острововъ Зеленаго мыса, другую не менѣе значительную стѣну, которая такимъ образомъ ограничиваютъ весь погруженный въ воду материкъ Атлантиды. Дно этой огромной долины разнообразится нѣсколькими горами, придающими живописный видъ этимъ морскимъ глубинамъ. Я заключилъ это по рукописнымъ картамъ которыя находились въ библиотекѣ *Кораблика* и очевидно были исполнены рукой капитана Немо, и составлены по его собственнымъ наблюденіямъ.

Въ продолженіи двухъ дней, *Корабликъ*, погружившійся съ помощью своихъ наклонныхъ плоскостей, посѣщалъ эти пустынные и глубокия воды. 11го апрѣля онъ вдругъ поднялся, и предъ нами снова появилась земля, при впаденіи Амазонки, образующей большой лиманъ; количество воды вливаемой ею въ Океанъ такъ велико что морская вода становится прѣсною на протяженіи нѣсколькихъ миль.

Мы пересѣкли экваторъ. Въ двадцати миляхъ къ западу лежала Гвіана, французская земля, гдѣ мы могли легко найти убѣжище. Но вѣтеръ дулъ съ большою силой, и бѣшенныя волны не позволяли отваживаться въ море въ простой лодкѣ. Безъ сомнѣнія Недъ-Ландъ понималъ это, потому что онъ ничего мнѣ не говорилъ. Я же, съ своей стороны, не намекалъ ему о его намѣреніи бѣжать, потому что не хотѣлъ натолкнуть его на попытку, которая, безъ сомнѣнія, не могла бы имѣть успѣха.

Я былъ вознагражденъ за это замедленіе интересными изслѣдованіями.

Въ продолженіи двухъ дней, 11го и 12 апрѣля, *Корабликъ* не покидалъ поверхности моря, и его сѣти доставили ему чудесную добычу, состоящую изъ зоофитовъ, рыбъ и пресмыкающихся.

Нѣкоторые зоофиты были оторваны цѣлю сѣти. Это были большею частью прекрасныя фукталліи, принадлежація къ семейству актиній, и между прочими видами *rhictalis protexta*, обыкновенный въ этой части Океана, маленькій цилиндрической стволъ, украшенный вертикальными линиями, испещренный красными точками и увѣнчанный чудесно распускаю-

щимися щупальцамъ. Что касается моллюсковъ, то они состояли изъ видовъ которые я уже наблюдалъ прежде: *turritella*; *oliva purpuria*, съ правильно пересѣкающимися линіями, рыжеватая лятна которыхъ рѣзко выступали на фонѣ тѣлеснаго цвѣта; *pterosera* похожія на окаменѣлыхъ скорлуповъ; *hualea translucida*, *argonauta*, каракатицы, превосходныя на вкусъ, и нѣсколько видовъ кальмаровъ, которыхъ древніе натуралисты причисляли къ летучимъ рыбамъ, и которые служатъ главнымъ образомъ приманкой для ловли трески.

Я замѣтилъ различныя виды рыбъ свойственныхъ этой мѣстности, которыхъ прежде не имѣлъ случая изучать. Между хрящеватыми: *retromizon pRicka*, родъ угрей въ пятнадцать дюймовъ длиной, съ зеленоватою головою, фіолетовыми плавниками, сѣро-голубоватою спиной, темно-серебристымъ животомъ, усѣянными яркими лятнами, съ окаймленною золотомъ радужною оболочкой глаза; эти любопытныя животныя были вѣроятно занесены въ море теченіемъ Амазонки, потому что они живутъ въ прѣсныхъ водахъ; *gaja tuberculata*, съ острою мордой, съ тонкимъ и длиннымъ хвостомъ, вооруженные длиннымъ зазубреннымъ шиломъ; маленькія акулы въ одинъ метръ, съ сѣрою и бѣловатою кожей, зубы которыхъ, расположенныя въ нѣсколько рядовъ, загигаются назадъ; *lorhinus vespertilio*, красноватые равнобедренные треугольники, длиной въ полметра, грудные плавники которыхъ держатся на мясистыхъ удлиненіяхъ, что и придаетъ имъ видъ нетопырей, но роговидный наростъ, находящійся около ноздрей, заставилъ назвать ихъ морскими едиворогами; наконецъ нѣсколько видовъ *balistes* и такъ далѣе.

Это „и такъ далѣе“ не помѣшаетъ мнѣ, однако, упомянуть еще объ одной рыбѣ, которую Консель долго и не безъ основанія будетъ помнить.

Въ сѣти наши попался одинъ экземпляръ ската, очень плоскій, который, еслибы у него отрѣзать хвостъ, представлялъ бы совершенный дискъ, и который вѣсилъ двадцать килограммовъ. Онъ былъ снизу бѣлый, сверху красноватый, съ большими круглыми темно-голубыми пятнами, окруженными черною каймой, съ очень гладкою кожей и оканчивался двуплостнымъ плавникомъ. Лежа на платформѣ, онъ бился, съ конвульсивными движеніями, старался перевернуться и дѣлалъ столько усилій что едва не успѣлъ соскочить въ море. Но Консель, не хотѣвшій потерять эту рыбу, бросился на

нее, и прежде чѣмъ я могъ остановить его, схватилъ ее обѣими руками.

Но онъ тотчасъ же былъ опрокинутъ кверху ногами, половина его тѣла была парализована, и онъ закричалъ:

— Ахъ! сударь, сударь! Помогите!

Въ первый разъ еще добрый малый обращался ко мнѣ не въ третьемъ лицѣ.

Мы съ Канадцемъ подняли его и начали растирать изо всѣхъ силъ. Придя въ себя, этотъ вѣчный классификаторъ прошелталъ прерывающимся голосомъ:

— Классъ хрящеватыхъ, порядокъ chondropterygea съ неподвижными жабрами, разрядъ clachia, семейство скатовъ, видъ гньюсь!

— Да, мой другъ, отвѣчалъ я, — это гньюсь или электрическій скать который причинилъ тебѣ эти страданія.

— Ахъ! Его милость можетъ повѣрить, возразилъ Консель, — что я отомщу этому животному.

— Какимъ образомъ?

— Съѣвши его.

Вечеромъ же онъ исполнилъ это, но единственно изъ мщенія, потому что, говоря откровенно, мясо было очень жестко.

Несчастный Консель наткнулся на самый опасный видъ электрическаго ската. Это страшное животное, въ средѣ служащей такимъ хорошимъ проводникомъ какъ вода, поражаетъ рыбъ на разстояніи нѣсколькихъ метровъ: такъ велика сила его электрическаго органа, котораго двѣ главныя поверхности имѣютъ двадцать семь квадратныхъ футовъ.

На другой день, 12го апрѣля, *Корабликъ* въ продолженіе дня приблизился къ голландскому берегу, около устья Марони. Тамъ жило цѣлымъ семействомъ нѣсколько группъ ламантиновъ. Эти прекрасныя животныя, кроткія и безвредныя, длиной отъ шести до семи метровъ, должны были вѣсить по крайней мѣрѣ четыре тысячи килограммовъ. Я сообщилъ Недъ-Ланду и Конселю что предусмотрительная природа назначила этимъ млекопитающимъ важную роль. Дѣйствительно, они, какъ тюлени, должны пасть на подводныхъ лугахъ, и такимъ образомъ уничтожать скопленіе травъ, которыя могутъ засорить устья тропическихъ рѣкъ.

— А знаете ли вы, прибавилъ я, — что произошло съ тѣхъ поръ какъ человекъ почти совсѣмъ уничтожилъ этихъ полезныхъ животныхъ? То что гнилыя травы заразили воздухъ,

а зараженный воздух—источникъ желтой лихорадки, которая опустошаетъ эти чудныя страны. Ядовитыя растенія размножились въ моряхъ жаркаго пояса, и зло непреодолимо распространилось отъ устья Рио де-ла-Платы до Флориды!

— И, если вѣрить Туссенелю, бичъ этотъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ несчастіемъ которое поразитъ нашихъ потомковъ, когда въ моряхъ будутъ истреблены всѣ киты и тюлени. Тогда, загромажденные осьминогами, медузами, кальмарами, моря сдѣлаются огромными источниками зараженія, потому что ихъ воды не будутъ болѣе служить убѣжищемъ „огромнымъ желудкамъ, которымъ Создатель предназначилъ собирать дань на поверхности морей“.

Однакоже *Корабликъ*, хотя и не пренебрегавшій этими теоріями, овладѣлъ полдюжиной ламантиновъ. Въ самомъ дѣлѣ, предстояло заготовить хорошій мясомъ, которое лучше говядины и телятины. Эта охота не была интересна. Ламантины давали себя убивать не защищаясь. Нѣсколько тысячъ килограммовъ мяса, назначеннаго для сушки, было сложено на бортъ.

Въ этотъ день была рѣдкая ловля, которая еще болѣе увеличила запасы *Кораблика*: такъ эти моря изобиловали дичью. Въ неводъ попало нѣсколько рыбъ, голова которыхъ оканчивалась овальными щитами съ мясистыми краями. Это были прилипалы, принадлежащія къ третьему семейству мягкокожыхъ рыбъ. Ихъ плоскій щитъ состоитъ изъ хрящеватыхъ поперечныхъ, подвижныхъ пластинокъ, между которыми животное можетъ образовать лустое пространство, вытягивая воздухъ, что и даетъ ему возможность прилипать къ предметамъ подобно банкамъ.

Окончивъ ловлю, *Корабликъ* приблизился къ берегу. Здѣсь нѣсколько морскихъ черепахъ спали на поверхности воанъ. Было бы очень трудно овладѣть этими драгоценными пресмыкающимися, потому что малѣйшій шумъ будитъ ихъ, а ихъ твердый верхній черепъ непроницаемъ для остроги. Но прилипалы должны были помочь намъ приобрести эту добычу съ необыкновенною ловкостію и точностію. И дѣйствительно, это животное настоящій крючокъ, который составилъ бы счастье и богатство простодушнаго рыбакова, пробавляющагося удочкой.

Матросы *Кораблика* надѣли на хвосты этимъ животнымъ по кольцу, довольно широкому, чтобы не стѣснять ихъ дви-

женій, а къ этимъ кольцамъ привязали длинныя веревки, прикрѣпивъ ихъ другимъ кольцомъ къ борту корабля.

Прилипапы, брошенныя въ море, сейчасъ же принялись за свое дѣло и устремились на черепахи. Они были такъ цѣлки что скорѣе дали бы себя растерзать, чѣмъ выпустить добычу. Ихъ вытаскивали на бортъ, а вмѣстѣ съ ними и черепахи, къ которымъ они пристали.

Такимъ же образомъ поймали нѣсколько какуанъ, шириною въ одинъ метръ, которыя вѣсили двѣсти килограммовъ. Ихъ верхній черепъ, покрытый большими роговыми пластинками, тонкими, прозрачными, каштановаго цвѣта, съ бѣлыми и желтыми пятнами, дѣлалъ ихъ очень цѣнными. Кроме того, омы были превосходны съ кулинарной точки зрѣнія, такъ же какъ и каретта зеленая, которая очень вкусна.

Этою ловлей закончилось наше пребываніе вблизи Амазонки, и съ наступленіемъ ночи *Корабликъ* опять возвратился въ открытое море.

Г Л А В А XVIII.

О с ь м и л о г и.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней *Корабликъ* постоянно удалялся отъ американскаго берега. Онъ избѣгалъ очевидно Мексиканскаго залива и моря омывающаго Антильскіе острова. Однако причиной этого не могло быть мелководье, потому что средняя глубина этихъ морей равняется тысячи восьмистамъ метрамъ; но, по всей вѣроятности, эта часть океана, усѣянная островами и оживляемая движеніемъ пароходовъ, не нравилась капитану Немо.

16го апрѣля, на разстояніи почти тридцати миль, мы увидели Мартинику и Гваделупу. Я одно мгновеніе различалъ поднимавшіяся вершины ихъ горъ.

Канадецъ надѣявшійся въ заливѣ привести въ исполненіе свои планы, или достигнувъ земли, или причаливъ къ одному изъ многочисленныхъ судовъ переплывающихъ отъ одного острова къ другому, былъ очень недоволенъ. Мы могли бы легко убѣжать, еслибы Канадцу удалось безъ вѣдома капитана овладѣть шлюпкой. Но въ открытомъ Океанѣ объ этомъ нечего было и думать.

Канадецъ, Консель и я, мы имѣли по этому поводу очень продолжительный разговоръ. Уже цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ мы были лѣвниками на борту *Кораблика*. Мы уже сдѣлали семнадцать тысячъ льё и, какъ говорилъ Недъ-Ландъ, не было основанія предполагать что лаваніе наше когда-либо кончится. Потому онъ рѣшился сдѣлать мнѣ предложеніе котораго я никакъ не могъ ожидать. Онъ посовѣтовалъ мнѣ спросить безъ обиняковъ капитана Немо разчитываетъ ли онъ держать насъ вѣчно на своемъ кораблѣ.

Подобная попытка мнѣ не нравилась. По моему мнѣнію, она не могла имѣть успѣха. Мы должны были разчитывать не на капитана *Кораблика*, а только на самихъ себя. Притомъ же съ вѣкотораго времени человѣкъ этотъ сдѣлался мрачнѣе, сосредоточеннѣе и становился все менѣе общительнымъ. Онъ, казалось, избѣгалъ меня. Я встрѣчалъ его весьма рѣдко. Прежде онъ охотно объяснялъ мнѣ подводныя чудеса, теперь же предоставлялъ меня моимъ занятіямъ и болѣе не появлялся въ залѣ.

Какая перемѣна произошла въ немъ? Почему? Можетъ-быть наше присутствіе на кораблѣ тяготило его? Однакоже я не могъ повѣрить чтобы подобный человѣкъ вдругъ вздумалъ возвратить намъ свободу. Я просилъ Неда дать мнѣ подумать, прежде нежели я примусь за дѣло. Если эта попытка не произведетъ благоприятнаго результата, то пожалуй только возбудитъ его подозрѣнія, усложнитъ наше положеніе и повредитъ планамъ Канадца. Прибавлю что я не имѣлъ никакой возможности сослаться на плохое состояніе здоровья. За исключеніемъ тяжелаго испытанія которому мы подвергались будучи окружены сплошнымъ льдомъ южнаго полюса, мы никогда въ жизни не чувствовали себя лучше, ни я, ни Консель, ни Недъ. Здоровая лица, благотворная атмосфера, правильная жизнь, равномерность температуры, все это не могло подать ни малѣйшаго повода къ болѣзни, и я понималъ что подобное существованіе возможно для человѣка въ которомъ воспоминаніе земли не оставило ни одного сожалѣнія, который идетъ куда хочетъ, и всюду у себя дома, который таинственными для другихъ и извѣстными только ему путями стремится къ своей цѣли. Но мы вовсе не разорвали нашихъ связей съ человѣчествомъ. Что касается до меня, то я вовсе не хотѣлъ похоронить съ собой мои наблюденія, столь новыя и любопытныя. Теперь я имѣлъ право написать сочи-

веніе о морѣ, и хотѣлъ чтобъ это сочтеніе появилось въ свѣтъ скорѣй раньше, чѣмъ позже.

И теперь, проходя водами омывающими Антилскіе острова, въ десяти метрахъ ниже поверхности океана, сколько я видѣлъ въ открытыя окна интересныхъ экземпляровъ, о которыхъ могъ уломянуть въ своихъ ежедневныхъ замѣткахъ. Между прочими животнорастеніями тутъ встрѣчались галереи, извѣстная подъ именемъ *physalia pelagica*; это большіе продолговатые пузыри съ перламутровымъ отливомъ, разпускающіе по вѣтру свою перелонку, и спускающіе въ воду свои голубоватые щупальцы, какъ шелковые нити. Медузы, красивыя съ виду, но которыя жгутъ какъ крапива если до нихъ дотронуться, и выдѣляютъ ядкую жидкость. Между членистыми тутъ были аннелиды, длиной въ полтора метра, вооруженныя розовымъ хоботомъ и снабженныя тысячею семью стами двигательными органами. Они извивались въ волнахъ какъ змѣи и, проходя, сіяли всѣми цвѣтами солнечнаго спектра. Въ отдѣлѣ рыбъ тутъ были огромные скаты, длиной въ десять футовъ, въоящіе шестью футомъ, съ треугольнымъ груднымъ лавникомъ, съ нѣсколькими выпуклою посрединѣ спиной, съ глазами находящимися на оконечностяхъ передней стороны головы. Они плавали какъ остатки разрушеннаго корабля, и по временамъ приставали къ нашему стеклу, какъ плотныя ставни.

Тутъ были *balistes americanus*, которыхъ природа одѣла только двумя цвѣтами бѣлымъ и чернымъ, *gobius* длиннѣе и мясистые, съ желтыми лавниками съ выдавшеюся челюстью, корфены въ шестнадцать дециметровъ, съ короткими и острыми зубами, покрытыя маленькими чешуйками. Потомъ цѣлыми стаями появлялись краснобородки (*mullus surmuletus*) перетянутыя золотыми полосками отъ головы до хвоста, колеблющія своими сіяющими лавниками; это настоящія художественно исполненныя драгоценныя бездѣлушки; онѣ были некогда посвящены Діанѣ и считались изысканнымъ блюдомъ у богатыхъ Римлянъ, и пословица говорила о нихъ: „Не тотъ ищетъ кто ловить!“ Наконецъ *romasanthus auratus*, украшенные изумрудными полосками, одѣтые бархатомъ и шелкомъ проходили предъ нашими глазами, какъ вельможи Веровскіе красные сити, казалось, разсѣкали поверхность моря своимъ острымъ груднымъ лавникомъ, и серебристыя сам-

ны, достойныя своего имени, поднимались на горизонтъ водъ, какъ мѣсяцы сіяющіе въ бѣловатыхъ лучахъ.

Сколько бы еще новыхъ и удивительныхъ экземпляровъ мнѣ удалось увидеть, еслибы *Корабликъ* не погрузился мало-малу въ глубокіе слои! Его наклонныя плоскости увлекали его на глубину двухъ тысячъ и трехъ тысячъ пятисотъ метровъ. Здѣсь представителями животной жизни являлись только морскія звѣзды, хорошенькія *pentacrinus caput medusae*, прямая стебель которыхъ поддерживаетъ маленькую чашечку, и нѣсколько моллюсковъ довольно большихъ размѣровъ.

20го апрѣля мы подыались среднимъ числомъ на полторы тысячи метровъ. Ближайшая земля была архипелагъ Лукатскихъ острововъ, словно намощенный на поверхности водъ. Тамъ поднимались высокія подводныя скалы, отвѣсныя стѣны, состоящія изъ вытершихся обломковъ, расположенныхъ широкими основаніями, между которыми вдавались черныя расщелины, до дна коихъ не могли проникнуть наши электрическіе лучи.

Эти скалы были одѣты большими растениями, огромными ламинаріями, гигантскими фукусами и представляли настоящій шпалерникъ водорослей, достойный міра титановъ. Разговаривая объ этихъ колоссальныхъ растеніяхъ, намъ всѣмъ троимъ, мнѣ, Конселю и Неду, естественно пришлось уломянуть о гигантскихъ животныхъ насѣляющихъ море. Одни очевидно предназначены въ лицу другимъ. Однако въ окна *Кораблика*, почти не двигавшагося съ мѣста, я могъ различить на этихъ длинныхъ волокнахъ только главныхъ членистыхъ изъ отѣла *brachyura*, длинноногихъ ламбръ, лиловатыхъ крабовъ, кліоновъ свойственныхъ морямъ Антильскихъ острововъ.

Было около одиннадцати часовъ, когда Недъ-Ландъ обратилъ мое вниманіе на значительное движеніе, происходившее между большими водорослями.

— Да, сказалъ я,—это настоящія пещеры осьминоговъ, и я не удивился бы увидавъ здѣсь нѣсколько этихъ чудовищъ.

— Какъ, сказалъ Консель,—кальмаровъ, простыхъ кальмаровъ, изъ класса головоногихъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я,—осьминоговъ большихъ размѣровъ. Но кажется, другъ Ландъ ошибается; я больше ничего не вижу.

— Очень жаль, возразилъ Консель.—Я желалъ бы встрѣтить лицомъ къ лицу одного изъ тѣхъ осьминоговъ, о которыхъ

такъ много слышался и которые могутъ увлекать на два моря цѣлые корабли. Эти животныя называются краке....

— Кракъ, и довольно, отвѣчалъ насмѣшливо Канадецъ.

— Кракенами, возразилъ Консель, договаривая слово и не обращая вниманія на шутку своего товарища.

— Никогда я не повѣрю, сказалъ Недъ-Ландъ,—что подобныя животныя существуютъ.

— Отчего же нѣтъ, отвѣчалъ Консель.—Вѣдь вѣрили же мы нарвау его милости.

— Мы ошибались, Консель.

— Безъ сомнѣнія, но другіе вѣрятъ въ него и до сихъ поръ.

— Очень возможно, Консель, но я, съ своей стороны, твердо рѣшился не вѣрить въ существованіе этихъ чудовищъ, пока мнѣ не удастся собственноручно анатомировать хоть одного изъ нихъ.

— Слѣдовательно, спросилъ у меня Консель, — его милость не вѣрить что существуютъ огромные осьминоги?

— Да, кто же, чортъ возьми, когда-нибудь вѣрилъ этому! закричалъ Канадецъ.

— Очень многіе, другъ Недъ.

— Только не рыболовы. Быть-можетъ ученые.

— Извините, Недъ, и рыболовы и ученые.

— Но я, я самъ, сказалъ Консель съ самымъ серьезнымъ видомъ,—я отлично помню что самъ своими глазами видѣлъ большое судно, увлеченное въ волны такимъ головоногимъ.

— Вы это видѣли? спросилъ Канадецъ.

— Да, Недъ.

— Собственными глазами?

— Собственными.

— Гдѣ, скажите пожалуйста?

— Въ Санъ-Мало, продолжалъ невозмутимый Консель.

— Въ гавани? сказалъ насмѣшливо Недъ-Ландъ.

— Нѣтъ, въ церкви, отвѣчалъ Консель.

— Въ церкви? воскликнулъ Канадецъ.

— Да, другъ Недъ. Это была картина представлявшая осьминога.

— Хорошо! замѣтилъ Недъ, разразившись смѣхомъ.—Консель дурачить меня.

— Дѣйствительно онъ правъ, сказалъ я. — Я слышалъ объ этой картинѣ; но содержаніе ея заимствовано изъ одной легенды, а вы знаете какое значеніе имѣютъ онѣ въ естествен-

ной исторіи. Къ тому же, воображеніе охотно разыгрывается, когда дѣло идетъ о чудовищахъ. Не только утверждали что осьминоги могутъ увлекать на дно моря корабли, но нѣкто Олаусъ Магнусъ разказываетъ объ одномъ головоногѣ, длинной въ милю, которое походило скорѣе на островъ, чѣмъ на животное. Разказываютъ также будто однажды еписколъ Нидроса поставилъ алтарь на огромной скалѣ. Когда обѣдня отошла, скала сдвинулась съ мѣста и скрылась въ морѣ, скала была осьминогъ.

— И только? спросилъ Канадецъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.— Другой еписколъ, Понтопидамъ, или Бергема, точно также говоритъ объ одномъ осьминогѣ, на которомъ могъ маневрировать цѣлый кавалерійскій полкъ.

— Они не теряли даромъ словъ, еписколы стараго времени, сказалъ Недъ-Ландъ.

— Наконецъ натуралисты древности упоминаютъ о чудовищахъ ласть которыхъ походила на заливъ и которыя были сапшкомъ толсты чтобы пройти Гибралтарскій проливъ.

— Прекрасно! замѣтилъ Канадецъ.

— Но что же справедливо во всѣхъ этихъ разказахъ? спросилъ Консель.

— Ничего, друзья мои, ничего, по крайней мѣрѣ изъ того что переходитъ за предѣлы вѣроятнаго становится басней, или легендой. Тѣмъ не менѣе воображенію разказчиковъ необходима если не причина, то, по меньшей мѣрѣ, предлогъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ что существуютъ осьминоги и кальмары очень большихъ размѣровъ, хотя однако и меньше китовъ. Аристотель утверждаетъ что бываютъ кальмары въ пять локтей, то-есть три метра, десять центиметровъ. Наши рыболовы часто видятъ такихъ размѣры которыхъ превышаютъ одинъ метръ восемь десятыхъ. Въ музеумахъ Триеста и Монпелье хранятся скелеты осьминоговъ, въ два метра длинной. Притомъ же по вычисленію натуралистовъ подобное животное, имѣющее только шесть футовъ, должно быть снабжено щупальцами длинной въ двадцать семь футовъ. А этого достаточно чтобъ оно было ужаснымъ чудовищемъ.

— А ловятъ ихъ теперь? спросилъ Канадецъ.

— Если моряки не ловятъ, то по крайней мѣрѣ видятъ ихъ. Одинъ изъ моихъ друзей, капитанъ Павелъ Босъ изъ Гавра, часто увѣрялъ меня что онъ встрѣтилъ въ индѣйскихъ моряхъ одно изъ этихъ огромныхъ чудовищъ. Но самый уди-

вительный фактъ, послѣ котораго нельзя болѣе сомнѣваться въ существованіи этихъ громаднѣхъ животныхъ, случился въ-скольکو лѣтъ тому назадъ, въ 1861 году.

— Что же это? спросилъ Недъ-Ландъ.

— Вотъ что. Въ 1861 году, къ сѣверо-востоку отъ Тенерифа, почти на той широтѣ гдѣ мы теперь находимся, экипажъ судна *Алеатонъ* увидѣлъ плывшее недалеко отъ него чудовище. Командиръ судна г. Буте приблизился къ животному и напалъ на него, атакуя острогами и выстрѣлами, что однако не имѣло успѣха, потому что и люди и остроги проникали въ эту мягкую массу, какъ въ простое желе. Послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ, экипажу удалось накинуть лѣтаю на тѣло животнаго. Узелъ лѣтаи съѣхалъ до хвостоваго лавника и остановился на немъ. Пытались втащить чудовище на бортъ, но тяжесть его была такъ значительна что отъ напряженія веревки хвостъ его оторвался и, лишенный этого украшенія, онъ исчезъ въ волнахъ.

— Вотъ это фактъ, сказалъ Недъ.

— Фактъ не подлежащій сомнѣнію, мой храбрый Недъ. И поэтому предложили назвать этого осьминогаго кальмаромъ Буте.

— А какъ онъ былъ великъ? спросилъ Канадецъ.

— Не имѣлъ ли онъ около шести метровъ? сказалъ Консель, который, помѣстившись у окна, снова разсматривалъ неровности и углубленія въ скалахъ.

— Именно, отвѣчалъ я.

— Голова его, продолжалъ Консель, была увѣнчана восемью щупалами, колебавшимися въ водѣ, какъ гнѣздо змѣй.

— Именно.

— Глаза его, находившіеся на верху головы, отличались значительнымъ развитіемъ?

— Да, Консель.

— А ласть его наминала настоящій клювъ лопугая, но клювъ ужасный?

— Въ самомъ дѣлѣ, Консель.

— Ну, такъ съ позволенія его милости, спокойно отвѣчалъ Консель,—если это не самъ кальмаръ Буте, то по крайней мѣрѣ одинъ изъ его братьевъ.

Я смотрѣлъ на Конселя. Недъ-Ландъ бросился къ окну.

— Ужасное животное! вскричалъ онъ.

Я взглянулъ въ свою очередь, и не могъ подавить чувства

отвращенія. Предъ моими глазами двигалось страшное чудовище. Это былъ кальмаръ колоссальныхъ размѣровъ, имѣвшій восемь метровъ въ длину. Онъ съ необыкновенною быстротой подвигался задомъ по направленію къ *Кораблику*. Онъ смотрѣлъ своими огромными неподвижными сѣрозелеными глазами. Его восемь рукъ, или скорѣе ногъ, начинавшихся на головѣ, что и заставило назвать этихъ животныхъ головоногими, были вдвое длиннѣе всего его тѣла и корчились, какъ волосы фурій. Ясно были видны всѣ двѣсти шестьдесятъ присосковъ, расположенныхъ на внутренней сторонѣ щупальцевъ въ видѣ полусферическихъ мѣшечковъ. Повременамъ эти присоски приставали къ стеклу окна, вытягивая воздухъ. Пасть этого чудовища,—роговой клювъ, устроенный какъ клювъ лолугая, — открывался и закрывался вертикально. Его языкъ, тоже изъ роговаго вещества, и тоже вооруженный нѣсколькими рядами острыхъ зубовъ, высовывался, изъ этихъ клещей. Какой капризъ природы! Птичій клювъ у моллюска! Его тѣло, веретенообразное и вздущееся въ средней части, составляло мясистую массу, которая должна была вѣсить отъ двадцати до двадцати пяти тысячъ килограммовъ. Цвѣтъ его измѣнялся и переходилъ, смотря по раздраженію животного, чрезвычайно быстро чрезъ всѣ оттѣнки, начиная отъ синевато-сѣраго до коричнево-красноватаго.

Что раздражало этого моллюска? Безъ сомнѣнія присутствіе *Кораблика*, который былъ больше его и которому не могли причинить вреда его сосущія руки и его челюсти. И однако что за чудовища эти спруты, какою живучестью одарилъ ихъ Творецъ, сколько силы въ ихъ движеніяхъ, такъ какъ они имѣютъ три сердца!

Случай доставилъ намъ возможность увидеть этого кальмара, и я не хотѣлъ упустить его, не изучивъ тщательно этотъ экземпляръ головоногихъ. Я предолѣлъ отвращеніе, которое онъ внушалъ мнѣ, и, взявши карандашъ, принялся рисовать его.

— Это быть-можетъ тотъ же самый котораго видѣлъ *Алекзонъ*, замѣтилъ Консель.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Канадецъ, — этотъ цѣлый, а у того нѣтъ хвоста!

— Это еще ничего не доказываетъ отвѣчалъ я. — Ноги и хвостъ этого животного снова восстанавливаются, и въ семь лѣтъ, хвостъ кальмара Буге безъ сомнѣнія имѣлъ время вырости.

— Впрочемъ, возразилъ Недъ, если кальмаръ Буге не эготъ самый, то, можетъ быть, который нибудь изъ тѣхъ! И въ самомъ дѣлѣ, у стекла съ правой стороны показались другіе спруты. Я насчиталъ ихъ семь. Они сопровождали *Корабликъъ*, и я слышалъ какъ ихъ клювы скриптали, по желѣзной обшивкѣ. Судьба баловала насъ.

Я продолжалъ свое занятіе. Чудовища держались возлѣ насъ съ такимъ упорствомъ, что казались неподвижными, и я могъ бы скалькировать его въ меньшемъ размѣрѣ на стеклѣ. Впрочемъ мы шли не очень скоро.

Вдругъ *Корабликъъ* остановился. Ударъ заставилъ его содрогнуться всѣмъ корпусомъ.

— Мы съли на мель? спросилъ я.

— Во всякомъ случаѣ мы уже снялись съ нея, отвѣчалъ Канадець,—потому что мы движемся.

Безъ сомнѣнія, *Корабликъъ* двигался, но онъ не шелъ. Лопастни его винта не разсѣкали болѣе воды. Прошла минута. Капитанъ Немо, сопровождаемый своимъ помощникомъ, вошелъ въ залу.

Я не видалъ его нѣсколько времени. Мнѣ показалось что онъ мраченъ. Не говоря намъ ни слова, быть-можетъ даже не замѣчая насъ, онъ подошелъ къ окнамъ, взглянулъ на спрутовъ и сказалъ нѣсколько словъ своему помощнику. Последний вышелъ. Скоро ставни задвинулись. Потолокъ освѣтился.

Я подошелъ къ капитану.

— Любопытная коллекція спрутовъ, началъ я развязнымъ тономъ, какимъ говорилъ бы любитель предъ прозрачнымъ стекломъ аквариума.

— Да, господинъ натуралистъ, отвѣчалъ онъ,—и мы вступимъ съ ними въ рукопашный бой.

Я смотрѣлъ на капитана. Я думалъ что не хорошо разслышалъ.

— Въ рукопашный бой? спросилъ я.

— Да. Винтъ остановленъ. Я думаю что роговая челюсть одного изъ этихъ кальмаровъ попала между его лопастями. Это мешаетъ намъ идти.

— Что же вы сдѣлаете?

— Поднимусь на поверхность и перебую всѣхъ этихъ гадинъ.

— Это трудно.

— Правда. Электрическія пули безсильны противъ этихъ

рыхлыхъ массъ, въ которыхъ онѣ не находятъ достаточно сопротивленія чтобы разорваться. Но мы наладимъ на нихъ съ топорами.

— И съ острогами, капитанъ, сказалъ Канадецъ,—если вы не откажетесь отъ моей помощи.

— Я принимаю ее, господинъ Ландъ.

— Мы пойдемъ съ вами, сказалъ я, и слѣдуя за капитаномъ Немо, мы направились къ средней лѣстницѣ.

Тамъ человѣкъ десять людей, вооруженныхъ абордажными топорами, стояли готовые къ наладенію. Мы съ Конселемъ взяли по топору. Недъ-Ландъ схватилъ острогу. *Корабликъ* возвратился на поверхность волнъ. Одинъ изъ моряковъ, стоявшій на верхней ступенькѣ, отвинчивалъ болты подъёмной двери. Но едва гайки освободились, какъ дверь поднялась съ поразительною силой, очевидно отворенная присоскомъ ноги спрута.

Тотчасъ одна изъ этихъ длинныхъ ногъ проскользнула какъ змѣя въ отверстие, и двадцать другихъ заколебались надъ нею. Ударомъ топора капитанъ Немо отрубилъ это страшное щупало, и оно, корчась, скатилось по ступенямъ.

Въ то время какъ мы тѣснились одни за другими, чтобы взобраться на платформу двѣ другія ноги, свистнувъ въ воздухъ, упали на матроса, стоявшаго предъ капитаномъ Немо, и подняли его съ неудержимою силой.

Капитанъ Немо вскрикнулъ и бросился впередъ. Мы устремились за нимъ.

Какое зрѣлище! Несчастный обхваченный щупальцемъ и удерживаемый присосками, качался въ воздухъ, кричалъ задыхаясь: ко мяѣ! ко мяѣ! Слова эти, произнесенныя по французски, повергли меня въ глубочайшее изумленіе. Такъ на борту былъ мой соотечественникъ, быть-можетъ нѣсколько! Этотъ раздирающій душу призывъ! Я буду слышать его всю жизнь!

Несчастный погибалъ. Кто могъ освободить его изъ этихъ страшныхъ объятій? Однако капитанъ Немо устремился на спрута и ударомъ топора отрубилъ ему еще одну ногу. Помощникъ его яростно боролся съ другими чудовищами всплывшими по бокамъ корабля. Экипажъ дрался топорами. Канадецъ, Консель и я погружали топоры въ эти мясистыя тѣла. Сильный запахъ мускуса распространился въ атмосферѣ. Ужасно!

Одну минуту я думалъ что несчастный обхваченный спрутотъ будетъ избавленъ отъ страшныхъ присосковъ. Изъ восьми ногъ семь были отрублены. Только одна, поднимавшая жертву и потрясавшая ея какъ перышкомъ, корчилась въ воздухъ. Но въ то мгновенье какъ калитанъ Немо и его помощникъ бросились къ нему, животное выпустило столбъ черноватой жидкости, выдвѣяемой мѣшкомъ находящимся у него въ брюхъ. Насъ ослѣпило. Когда это облако разсѣялось, кальмаръ уже исчезъ и съ нимъ вмѣстѣ мой несчастный соотечественникъ.

Съ какимъ бѣшенствомъ бросились мы тогда на этихъ чудовищъ! Мы не владали больше собою.

Десять или двѣнадцать спрутовъ взобрались на платформу и на бока *Кораблика*. Мы въ безлорядкѣ двигались посреди этихъ обрубоквъ змѣй, которыя содрагались на платформу въ потокахъ крови и чернилъ. Казалось что эти скользкія щупалы возрождались какъ головы гидры. При каждомъ ударѣ, острога Недъ-Ланда погружалась въ сѣро-зеленые глаза чудовищъ и прокалывала ихъ. Но мой смѣлый товарищъ былъ неожиданно опрокинутъ щупальцами одного чудовища, отъ котораго онъ не успѣлъ увернуться.

О какъ мое сердце не разбилось отъ волненія и ужаса! Ужасная пасть кальмара раскрылась надъ Недъ-Ландомъ. Несчастный былъ бы разрѣзанъ пополамъ. Я устремился къ нему на помощь, но калитанъ Немо опередилъ меня. Его топоръ исчезъ между огромными челюстями спрута и, спасенный чудеснымъ образомъ, Канадецъ поднялся и возилъ всю свою острогу до самаго сердца осьминога.

— Я былъ въ долгу предъ самимъ собою! сказалъ калитанъ Немо Канадцу.

Недъ поклонился молча.

Бой этотъ длился четверь часа. Чудовища, побѣжденные, изувѣченныя, избитыя, оставили поле битвы и исчезли подъ волнами.

Покрытый кровью, калитанъ Немо стоялъ неподвижно возлѣ маяка; онъ смотрѣлъ на море, поглотившее одного изъ его спутниковъ, и крупныя слезы струились изъ его глазъ.

ГЛАВА XIX.

Гольф-Стрижъ.

Никто изъ насъ не забудетъ никогда ужасной сцены 20го апрѣля. Я описалъ ее подъ впечатлѣнiемъ сильнаго волненiя. Послѣ я перечиталъ мой разказъ, я прочелъ его Конселю и Канадду. Они нашли его точнымъ относительно фактовъ, но лишеннымъ надлежащаго эффекта. Чтобъ описывать подобныя картины, надо владѣть перомъ знаменитѣйшаго изъ нашихъ повтовъ, автора *Работниковъ моря*.

Я сказалъ что капитанъ Немо смотрѣлъ на море и плакалъ. Его печаль была безпредѣльна. Со дня нашего прибытiя на корабль, онъ терялъ уже втораго товарища. И какая смерть! Этотъ другъ, раздавленный, задушенный, уничтоженный страшными объятiями осьминога, растертый его желѣзными челюстями, не будетъ вмѣстѣ со своими товарищами покоиться въ тихихъ водахъ коралловаго кладбища! Что до меня касается, то посреди этой борьбы я слышалъ крикъ отчаянiя, вырвавшiйся изъ груди несчастнаго, и этотъ крикъ раздиралъ мое сердце. Бѣдный Французъ, забывъ условное нарѣчiе, произнесъ свою послѣднюю мольбу на языкѣ своей родины и своей матери! Итакъ, между людьми *Кораблика*, которые связаны тѣломъ и душой съ капитаномъ Немо, и подобно ему избѣгаютъ сообщества людей, находился одинъ изъ моихъ соотечественниковъ! Одинъ ли онъ только былъ представителемъ Францiи въ этомъ таинственномъ товариществѣ, очевидно состоявшемъ изъ людей различныхъ національностей? Это еще одна изъ тѣхъ неразрѣшимыхъ загадокъ которыя постоянно представлялись моему уму.

Капитанъ Немо ушелъ въ свою комнату, и я нѣсколько времени не видѣлъ его. Но какъ была велика его печаль, его отчаянiе и нерѣшимость, можно судить по его кораблю, душой котораго онъ былъ и на которомъ отражались всѣ его впечатлѣнiя. *Корабликъ* не держался болѣе опредѣленнаго направленiя. Онъ какъ трупъ носился взадъ и впередъ, по произволу волнъ. Винтъ его былъ свободенъ, и однако онъ почти не служилъ ему. Онъ плылъ наудачу. Онъ не могъ оставить мѣста послѣдней борьбы, не могъ разстаться съ моремъ которое поглотило одного изъ его обитателей. Такъ прошло

десять дней. И только 1го мая *Корабликъ* опять смѣлю направился къ сѣверу, пройдя близъ Лукайскихъ острововъ, мимо Багамскаго канала. Теперь мы плыли по теченію одной изъ самыхъ большихъ рѣкъ моря, которая имѣетъ свои берега, рыбъ и свою собственную температуру. Я говорю о Гольфъ-Стримѣ.

Это дѣйствительно рѣка, свободно протекающая посреди Атлантическаго океана, и воды которой не смѣшиваются съ водами океана. Вода этой рѣки соленая, гораздо солонѣе окружающаго ея моря. Средняя глубина ея три тысячи футовъ, а средняя ея ширина шестьдесятъ миль. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, она течетъ со скоростью четырехъ километровъ въ часъ. Неизмѣняемая масса ея водъ гораздо значительнѣе водной массы всѣхъ рѣкъ земнаго шара.

Настоящій источникъ Гольфъ-Стрима, указанный капитаномъ Мори, или, лучше сказать, мѣсто гдѣ онъ беретъ свое начало, находится въ Бискайскомъ заливѣ. Тамъ начинаютъ собираться его воды, температура и цвѣтъ которыхъ еще не вполне установились. Онъ спускается къ югу, проходитъ вдоль экваторіальной Африки, согрѣваетъ въ жаркомъ поясѣ свои воды, пересѣкаетъ Атлантическій океанъ, достигаетъ мыса Санъ-Рокъ на бразильскомъ берегу, и раздѣляется на два рукава; одинъ изъ нихъ идетъ къ сѣверу и еще насыщается горячими водами Антилскаго моря. Тогда Гольфъ-Стримъ, назначеніе котораго возстановить равновѣсіе между температурами и смѣшать южныя воды съ сѣверными, начинаетъ свое уравнивающее дѣйствіе. Нагрѣтый въ Мексиканскомъ заливѣ, онъ поднимается къ сѣверу, омывая Американскіе берега, доходитъ до Новой-Земли, и гонимый холоднымъ потокомъ Девисова пролива, уклоняется съ своего пути, опять проходитъ Океаномъ, слѣдуя локсодромическою линіей, и раздѣляется на два рукава подъ сорокъ третьимъ градусомъ; одинъ изъ этихъ рукавовъ, при помощи сѣверо-восточнаго пассатнаго вѣтра, возвращается къ Бискайскому заливу и Азорскимъ островамъ, другой же, согрѣвъ берега Ирландіи и Норвегіи, проходитъ дальше Шлиппбергена, гдѣ его температура понижается до четырехъ градусовъ и образуетъ свободное море полюса.

По этой-то рѣкѣ Океана плыль *Корабликъ*. По выходѣ изъ Багамскаго канала, на протяженіи четырнадцати миль ширины и трехсотъ пятидесяти метровъ глубины, Гольфъ-

Стримъ течетъ по восьми километровъ въ часъ. По мѣрѣ того какъ онъ приближается къ сѣверу, быстрота эта постепенно и равномерно уменьшается, и надо желать чтобъ эта правильность была постоянна, потому что, какъ уже было замѣчено нѣкоторыми, если его быстрота и направленіе измѣнятся, то европейскій климатъ подвергается такимъ пертурбаціямъ, послѣдствія которыхъ невозможно исчислить.

Въ полдень мы съ Конселемъ были на платформѣ. Я общалъ ему нѣкоторыя подробности о Гольфъ-Стримѣ. Окончивъ свое объясненіе, я предложилъ ему опустить руку въ потокъ.

Консель послушался, и былъ очень удивленъ не испытывая никакого ощущенія, ни тепла, ни холода.

— Это происходитъ оттого, сказалъ я ему, — что температура водъ Гольфъ-Стрима, по его выходѣ изъ Мексиканскаго залива, мало отличается отъ температуры крови. Гольфъ-Стримъ — огромный источникъ теплоты, отъ дѣйствія котораго берега Европы покрыты вѣчною зеленью. И, если вѣрить Мори, теплота этого теченія, употребленная вся сплошная, доставила бы достаточно теллорода чтобы держать въ расплавленномъ состояніи цѣлую рѣку изъ желѣза, величиной съ Амазонку или Миссури.

Въ это время быстрота Гольфъ-Стрима дошла до двухъ метровъ двадцати пяти центиметровъ въ секунду. Его теченіе такъ отличается отъ окружающаго его моря что его сжатые воды выступаютъ надъ уровнемъ Океана и поднимаются надъ его холодными водами. Темныя и очень богатые солеными частуцами, онъ рѣзко отдѣляется своимъ чистымъ синимъ цвѣтомъ отъ окружающихъ ихъ зеленыхъ волнъ. Ихъ демаркаціонная линія видна такъ ясно, что близъ Каролинскихъ острововъ можно было замѣтить какъ носъ *Кораблика* разсѣкалъ уже воды Гольфъ-Стрима, тогда какъ его винтъ находился еще въ водахъ Океана.

Это теченіе увлекало за собой цѣлый міръ живыхъ существъ. Аргонавты свойственные Средиземному морю, плавали тутъ многочисленными стаями. Между хрящеватыми рыбами, самыя замѣчательныя были скаты, очень тонкіе хвосты которыхъ составляли почти треть всего тѣла, и напоминали огромные косоугольники, въ двадцать пять футовъ длиной; потомъ маленькія акулы, длиной въ одинъ метръ, съ большою головою, съ короткою и круглою мордой, съ острыми зубами распо-

желтыми въ нѣсколько рядовъ, тѣло которыхъ, казалось, было покрыто чешуей.

Между костистыми рыбами, я замѣтилъ губановъ свойственныхъ этимъ морямъ; спаровъ-отшельниковъ которые блестятъ какъ огонь; сциенъ въ метръ длиной, съ широкою ластью наполненною маленькими зубами, онъ издавали легкіе крики; *centronatus niger* о которыхъ я уже говорилъ; корифенъ голубыхъ, украшенныхъ золотомъ и серебромъ; настоящія радуги Океана, которые могутъ соперничать своими цвѣтами съ самыми лучшими тропическими птицами; блѣдые коббьи, съ треугольною головою; кособоки, голубоватые (родъ камбаалы), лишенные чешуи; *batrachoides*, съ желтою поперечною полосой, изображающею греческое τ; цѣлые стада *gobius bos*, усаженныхъ темными пятнами; перозубы съ серебристою головою и желтымъ хвостомъ; различные экземпляры семги, *trigloporus*, тонкіе и длинныя, блестявшіе нѣжнымъ свѣтомъ, и которыхъ Ласеледъ посвятилъ любимой подругѣ своей жизни; наконецъ прекрасная рыба, *chaetodon*, украшенная всѣми орденами и всевозможными лентами, часто посѣщаетъ берега этой великой націи, которая такъ мало уважаетъ ленты и ордена.

Я прибавлю еще что ночью фосфорическія воды Гольфъ-Стрима соперничали своимъ блескомъ съ электрическимъ свѣтомъ нашего маяка, особенно во время грозы, которая повторялась довольно часто.

8го мая, мы еще находились наискось отъ мыса Готтерастъ, близъ Сѣверной Каролины. Здѣсь ширина Гольфъ - Стрима семидесять пять миль, а глубина двѣсти десять метровъ, *Корабликъ* попрежнему лмылъ наудачу. Казалось что всакій надзоръ былъ изгнаъ съ корабля. Я долженъ былъ согласиться что приплодобныхъ условіяхъ попытка бѣжать могла увѣнчаться успѣхомъ. Въ самомъ дѣлѣ, населенные берега представляли повсюду удобное убѣжище. Многочисленные пароходы, которые ходятъ между Нью-Йоркомъ или Бостономъ и Мексиканскимъ заливомъ, постоянно бороздили море, и день и ночь его пересѣкали маленькія, нагруженныя шкуны, плававшія въ различныхъ пунктахъ, вдоль Американскаго берега. Мы могли надѣяться что насъ примутъ на нихъ. И такъ, намъ представлялся удобный случай, несмотря на тридцать миль, отдѣлявшихъ *Корабликъ* отъ береговъ Союза.

Но одно неприятое обстоятельство совершенно разстраивало планы Канадца. Погода была очень дурна. Мы прибли-

зились къ тѣмъ мѣстамъ гдѣ бури бывають очень часто, къ области смерчей и циклоновъ, поражаемыхъ теченіемъ Гольфъ - Стрима. Пуститься въ море часто волнуемое бурями въ лодкѣ, значитъ идти на вѣрную гибель. Самъ Недъ-Ландъ соглашался съ этимъ. Онъ скрывалъ свою досаду, но имъ овладѣла страшная тоска по родинѣ, отъ которой только одно бѣгство могло излѣчить его.

— Господинъ профессоръ, сказалъ онъ мнѣ въ этотъ день, — пора кончить это. Я хочу выяснитъ дѣло. Вашъ Немо удаляется отъ земли и возвращается къ сѣверу. Но я вамъ объявлю что съ меня довольно и южнаго полюса, и я не хочу слѣдовать за нимъ къ сѣверному.

— Что дѣлать, Недъ, въ настоящее время бѣгство невозможно.

— Я возвращусь къ моей прежней мысли. Надо поговорить съ капитаномъ. Вы ничего не говорили ему, когда мы были въ моряхъ вашей родины. Теперь же мы находимся въ моряхъ моей родины, и я буду говорить. Когда я думаю что черезъ нѣсколько дней *Корабликъ* будетъ близъ Новой-Шотландіи, и что тамъ, около Новой-Земли, открывается большой заливъ, а въ этотъ заливъ владаетъ рѣка Святаго Лаврентія, моя собственная рѣка, рѣка протекающая въ Квебекѣ, моемъ родномъ городѣ, когда я думаю объ этомъ, кровь бросается мнѣ въ лицо, волосы поднимаются на головѣ. Мной овладѣваетъ бѣшенство. Слушайте, господинъ профессоръ, я скорѣ брошусь въ море! Я не останусь здѣсь! Я здѣсь задыхаюсь!

Терпѣніе Канадца очевидно истощалось. Его сильная натура не могла освоиться съ такимъ продолжительнымъ заточеніемъ. Лицо его становилось день ото дня тревожнѣе. Характеръ его дѣлался все мрачнѣе. Я понималъ какъ онъ долженъ былъ страдать, потому что и мной также овладѣвала тоска по родинѣ. Прошло почти семь мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ какъ мы не имѣли никакихъ сообщеній съ землей. Сверхъ того, одиночество капитана Немо, перемѣна въ его характерѣ, которая сдѣлалась особенно замѣтна послѣ битвы съ осьминогами, его молчаливость, все представляло мнѣ вещи совсѣмъ въ другомъ видѣ. Я уже не испытывалъ такого энтузіазма какъ въ первое время. Надо было быть Фланцемъ, какъ Консель, чтобы мириться съ этимъ положеніемъ, въ средѣ населенной китами и прочими обитателями моря.

И въ самомъ дѣлѣ, елибъ этого честный малый имѣлъ вмѣсто легкихъ жабры, онъ, я думаю, былъ бы отличною рыбой.

— Ну что же, господишь профессоръ? возразилъ Недъ-Ландъ, видя что я не отвѣчаю.

— Итакъ, Недъ, вы хотите чтобъ я спросилъ капитана Немо какія у него намѣренія относительно насъ?

— Да, господинъ профессоръ.

— Хотя онъ уже и высказалъ намъ это?

— Да. Я хочу въ послѣдній разъ слышать что-нибудь опредѣленное. Если хотите, говорите только обо мнѣ одномъ, отъ моего имени.

— Но я его рѣдко встрѣчаю. Онъ даже избѣгаетъ меня.

— Тѣмъ болѣе причинъ идти къ нему.

— Я его спрошу, Недъ.

— Когда? спросилъ настойчиво Канадецъ.

— Когда встрѣчусь съ нимъ.

— Господинъ Аронаксъ, хотите ли вы чтобъ я шелъ къ нему самъ?

— Нѣтъ, предоставьте мнѣ. Завтра.....

— Сегодня, сказалъ Недъ-Ландъ.

— Пусть будетъ такъ. Сегодня я его увижу, отвѣчалъ я Канадцу, который вѣроятно испортилъ бы дѣло, еслибы сталъ дѣйствовать самъ.

Я остался одинъ. Вопросъ былъ рѣшенъ, и мнѣ хотѣлось тотчасъ же локомотивъ съ нимъ. Лучше что-нибудь сдѣлать тотчасъ же нежели откладывать на будущее время.

Я вошелъ въ свою комнату. Оттуда я слышалъ шаги въ каютѣ капитана Немо. Не надо было упускать этого случая видѣться съ нимъ. Я постучалъ въ его дверь, но не получилъ отвѣта. Я опять постучалъ, и повернулъ ручку. Дверь открылась.

Я вошелъ. Капитанъ былъ тамъ. Нагнувшись надъ своимъ рабочимъ столомъ, онъ не слышалъ какъ я вошелъ. Рѣшившись не уходить не поговоривъ съ нимъ, я приближился къ нему. Онъ быстро поднялъ голову, нахмурилъ брови, и сказалъ мнѣ довольно грубо:

— Вы здѣсь! Что вамъ нужно?

— Я хотѣлъ поговорить съ вами, капитанъ.

— Но я занятъ, господинъ профессоръ, я работаю. Я оставляю вамъ свободу уединяться, но развѣ я, съ своей стороны, не могу ею пользоваться!

Пріемъ былъ не ободрительный. Но я рѣшился все выслушать, чтобы на все отвѣчать.

— Капитанъ, оказалъ я холодно,—мнѣ надо говорить съ вами о дѣлѣ которое не терпитъ отсрочки.

— О какомъ, господинъ профессоръ? насмѣшливо отвѣчалъ онъ.—Не сдѣлали ли вы какого-нибудь открытія, которое ускользнуло отъ моего вниманія? Не открыло ли вамъ море новыя тайны?

Мы далеко не понимали другъ друга. Но, прежде чѣмъ я успѣлъ отвѣтить, онъ сказалъ мнѣ болѣе серіознымъ тономъ, показывая на рукопись лежавшую на столѣ.

— Вотъ, господинъ Ароннаксъ, рукопись, написанная на нѣсколькихъ языкахъ. Она заключаетъ въ себѣ перечень моихъ изслѣдованій моря, и, если Богу будетъ угодно, она не погибнетъ вмѣстѣ со мною. Эта рукопись, подписанная моимъ именемъ, дополненная исторіей моей жизни, будетъ заключена въ маленькій нетонущій аппаратъ. Послѣдній изъ насъ оставшійся на борту *Кораблика* броситъ этотъ аппаратъ въ море, и онъ полыветъ туда куда унесутъ его волны.

Имя этого человѣка! Его жизнь, описанная имъ самимъ! Стало-быть его тайна будетъ когда-нибудь открыта? Но, въ эту минуту, я видѣлъ въ этомъ сообщеніи только поводъ начать разговоръ.

— Капитанъ, отвѣчалъ я,—мнѣ остается только одобритъ мысль заставляющую васъ дѣйствовать такимъ образомъ. Плоды вашихъ изслѣдованій не должны погибнуть. Но вы, мнѣ кажется, прибѣгаете къ средству черезчуръ первобытному. Кто знаетъ куда вѣтеръ унесетъ этотъ аппаратъ, въ чьи руки онъ попадетъ? Не найдется ли способа болѣе вѣрнаго? Вы, или кто-нибудь изъ вашихъ не можетъ ли?...

— Никогда, господинъ профессоръ, быстро сказалъ капитанъ, прерывая меня.

— Но я и мои товарищи, мы готовы хранить эту рукопись, и если вы возвратите намъ свободу...

— Свободу! сказалъ капитанъ Немо, вставая.

— Да, капитанъ, и именно по поводу этого предмета я хотѣлъ говорить съ вами. Вотъ уже семь мѣсяцевъ какъ мы находимся на вашемъ кораблѣ, и я васъ спрашиваю сегодня, отъ имени моихъ товарищей, а также и отъ моего, намѣрены ли вы держать насъ здѣсь вѣчно?

— Господинъ Ароннаксъ, сказалъ капитанъ Немо,—сегодня

я вамъ отвѣчаю то же что я отвѣчалъ семь мѣсяцевъ тому назадъ: Кто разъ ступилъ на *Корабликъ*, тотъ никогда не покинетъ его.

— Но вѣдь вы налагаете на насъ рабство!

— Называйте это какимъ вамъ угодно именемъ.

— Но вездѣ рабъ сохраняетъ за собой право возвратити себя свободою! Какіе бы ни представились ему средства, онъ можетъ считать ихъ хорошими!

— Да кто же вамъ отказываетъ въ этомъ правѣ, отвѣчалъ капитанъ Немо, — развѣ я думалъ когда-нибудь связать васъ клятвой?

Капитанъ смотрѣлъ на меня, скрестивъ руки на груди.

— Капитанъ, сказалъ я ему, — ни вы, ни я не пожелаемъ возвратиться еще разъ къ этому разговору. Но такъ какъ мы его уже начали, исчерпаемъ его до конца. Я вамъ повторяю что тутъ дѣло идетъ не обо мнѣ одномъ. Наука для меня опора, могущественное развлеченіе, наслажденіе, страсть которая можетъ заставить меня все забыть. Какъ вы, я могу жить въ полной неизвѣстности, съ меккою надеждой забывать когда-нибудь будущему, посредствомъ гипотетическаго аппарата пущеннаго на волю волнъ и вѣтра, результаты моихъ трудовъ. Однимъ словомъ, я могу вамъ удивляться, слѣдовать за вами, не досадуя на ту роль которую до нѣкоторой степени понимаю; но есть еще другія стороны вашей жизни; она представляется мнѣ окруженною усложненіями и тайнами, въ которыхъ только я и мои товарищи не принимаемъ никакого участія. И даже когда наши сердца бились въ вашу пользу, тронутыя вашими огорченіями, или пораженныя вашимъ гениемъ и мужествомъ, мы должны были подавить въ себѣ малѣйшіе признаки той симпатіи которая зарождается при видѣ красоты и добра, не разбирая откуда онѣ идутъ, отъ друга или врага. И такъ, это сознаніе того что мы чужды всему васъ касающемуся дѣлаетъ наше положеніе невыносимымъ, невозможнымъ, даже для меня, и въ особенности невозможнымъ для Недъ-Ланда. Каждый человѣкъ, потому только что онъ человѣкъ, стоить того чтобъ о немъ думали. Спрашивали ли вы себя какіе планы мщенія могутъ породить любовь къ свободѣ и ненависть къ рабству въ такой натурѣ какъ натура Канадца, что онъ можетъ думать, пробовать, на что покушаться?...

Я замолчалъ. Капитанъ Немо всталъ.

— Пусть Недь-Ландъ думаетъ, пробуетъ, покушается на все что ему угодно, что мнѣ за дѣло? Не я его искалъ! Не для своего удовольствія я держу его на кораблѣ! Что касается васъ, господинъ Ароннакъ, то вы изъ тѣхъ которые могутъ понимать все, даже молчаніе. Мнѣ нечего болѣе отвѣчать вамъ. Пусть этотъ первый нашъ разговоръ объ этомъ предметѣ будетъ также и послѣднимъ, потому что въ другой разъ я даже не буду въ состояніи выслушать васъ.

Я удался. Съ этого дня положеніе наше стало очень натянуто. Я передалъ этотъ разговоръ моимъ товарищамъ.

— Мы знаемъ теперь, сказалъ Недь,—что намъ нечего ожидать отъ этого человѣка. *Корабликъ* приближается къ Лонгъ-Эйланду. Мы бѣжимъ, какова бы ни была погода.

Но небо становилось все мрачнѣе. Появились признаки урагана. Атмосфера принимала бѣловатый и молочный цвѣтъ. Вслѣдъ за суггусъ съ разбросанными снопами, слѣдовали на горизонтѣ ряды *пѣвочисилус*. Другія низко слугтившіяся облака быстро неслись. Море шумѣло и вздувалось большими волнами. Птицы скрылись, за исключеніемъ буревѣстника, друга бурь. Барометръ значительно понизился и показывалъ чрезвычайное ступеніе паровъ въ воздухѣ. Борьба стихій была близка.

Буря разразилась днемъ 18го мая, въ то самое время когда *Корабликъ* несясь близъ Лонгъ-Эйланда, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Нью-Йоркскихъ проходовъ. Я могу описать эту борьбу стихій, потому что капитанъ Немо, вмѣсто того чтобы скрыться въ глубинахъ моря, по какому-то необъяснимому калпризу, предпочелъ остаться на его поверхности.

Вѣтеръ дулъ съ юго-запада, сначала довольно сильно, то есть со скоростью пятнадцати метровъ въ секунду, но къ тремъ часамъ вечера, скорость эта дошла до двадцати пяти метровъ. Это скорость бури.

Непоколебимый при этомъ шквалѣ, капитанъ Немо занялъ мѣсто на платформѣ. Онъ привязалъ себя канатомъ за поясъ, чтобы противиться ужаснымъ валамъ разбивавшимся о бортъ *Кораблика*. Я тоже вокарабкался туда и привязалъ себя, одинаково удивляясь и бурѣ и этому несравненному человѣку, который встрѣчалъ ее лицомъ къ лицу.

Большіе клочья облаковъ касались взволнованной поверхности моря. Я не видѣлъ болѣе ни одной изъ тѣхъ маленькихъ промежуточныхъ волнъ которыя образуются въ глуби-

нѣ, между большими валами. Ничего кромѣ долгихъ черныхъ какъ сажа валовъ, гребни которыхъ не разбивались: такъ они были плотны. Вышина ихъ все увеличивалась. Онѣ рѣдались одна отъ другой. *Корабликъ* то лежалъ на боку, то выпрямлялся какъ мачта, страшно качаясь и ныряя носомъ.

Къ пяти часамъ пошелъ проливной дождь, но онъ не ослабилъ ни вѣтра ни дождя. Буря разразилась со скоростью сорока пяти метровъ въ секунду, то-есть почти сорока миль въ часъ. При подобныхъ условіяхъ она опрокидываетъ дома, разноситъ черепичныя кровли, разламываетъ желѣзныя рѣшетки, передвигаетъ двадцатичетырехъ-фунтовыя лушки. Однакоже посреди этого шторма, *Корабликъ* оправдывалъ слова одного ученаго инженера. „Хорошо выстроенный корабль всегда можетъ бороться съ моремъ!“ Это не была неподвижная скала, которую волны могли бы разбить; это было сильное веретено, послушное и подвижное, безъ такелажа и рангоута, безнаказанно боровшееся съ ихъ яростью.

Между тѣмъ я внимательно разсматривалъ эти бѣшенныя волны. Онѣ доходили до пятнадцати метровъ вышины при длинѣ отъ ста пятидесяти до ста семидесяти пяти метровъ, а быстрота ихъ распространенія равнялась половинѣ быстроты вѣтра, то-есть пятнадцати метрамъ въ секунду. Ихъ объемъ и могущество увеличивались съ глубиной водъ. Я понималъ тогда роль этихъ волнъ, которыя набираютъ въ себя воздухъ и несутъ его въ глубину моря, куда онѣ вмѣстѣ съ кислородомъ доставляютъ жизнь. Крайняя сила ихъ давленія, — е уже вычислили, — можетъ дойти до трехъ тысячъ килограммовъ, на квадратный футъ поверхности, которую они разбиваютъ. Подобныя волны сдвинули съ мѣста на Гебридскихъ островахъ скалу вѣсившую восемьдесятъ четыре тысячи фунтовъ; а въ бурю 23 сентября 1864 года, разрушивъ часть города Эдло въ Японіи, и дѣлая семьсотъ километровъ въ часъ, разбились въ тотъ же день у береговъ Америки.

Къ ночи буря усилилась. Барометръ, какъ во время извѣстнаго циклона въ 1860 году, спустился до семисотъ десяти миллиметровъ. При наступленіи ночи, я увидѣлъ на горизонтѣ большой корабль, который съ большимъ трудомъ боролся съ бурей. Онъ лежалъ въ дрейфѣ поддерживая небольшіе лары, чтобъ твердо держаться на волнахъ. Должно-быть это былъ линейный пароходъ шедшій изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль или въ Гавръ. Онъ скоро исчезъ во мракѣ.

Въ десять часовъ вечера, небо было все въ огнѣ. Сильныя молніи полосами разсѣкали атмосферу. Я не могъ выносить ихъ блеска, тогда какъ капитанъ Немо смотрѣлъ прямо, и казалось вдыхалъ въ себя самую душу бури. Страшный шумъ наполнялъ воздухъ, смѣшанный гулъ, состоящій изъ шума разбивающихся волнъ, воя вѣтра и раскатовъ грома. Вѣтеръ пробѣгалъ по всѣмъ сторонамъ горизонта, а циклонъ, выходя съ востока, возвращался туда же, пройдя сѣверомъ, западомъ и югомъ, въ противоположность кружащимся бурямъ южнаго полушарія.

Ахъ! этотъ Гольфъ-Стримъ! Онъ оправдывалъ свое названіе царя буры! Онъ создаетъ эти ужасныя циклоны, различіемъ температуры въ слояхъ воздуха, разстилающихся надъ его теченіемъ. За дождемъ слѣдовали потоки огня. Дождевыя капли превратились въ горящія искры. Можно было подумать, что капитанъ Немо, желая достойной себя смерти, искалъ случая быть убитымъ громомъ. Во время страшной килевой качки, *Корабликъ* поднималъ вверхъ свой стальной бивень, какъ громовой отводъ, и я видѣлъ какъ изъ него летѣло множество искръ.

Разбитый, измученный, я прилолъ къ подъемной двери. Я поднималъ ее и сошелъ въ залу. Невозможно было держаться на ногахъ внутри *Кораблика*.

Капитанъ Немо пришелъ въ полночь. Я слышалъ какъ резервуары мало-по-малу наполнялись, и *Корабликъ* тихо погружался въ глубину моря.

Сквозь открытыя ставни залы, я видѣлъ испуганныхъ большихъ рыбъ, которыя проходили какъ привидѣнія въ огненныхъ водахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были убиты громомъ на моихъ глазахъ!

Корабликъ все погружался. Я думалъ что онъ найдетъ спокойствіе на глубинѣ пятнадцати метровъ. Нѣтъ. Верхніе слои были слишкомъ сильно взволнованы. И чтобы достигнуть тишины, пришлось спуститься на глубину пятидесяти метровъ въ нѣдра моря.

Но тамъ, какое спокойствіе, какое безмолвіе, какая тихая среда! Кто бы сказалъ что страшный ураганъ свирѣлствовавалъ въ это время на поверхности Океана?

ГЛАВА XX.

Подъ 47° 24' широты и 17° 28' долготы.

Эта буря отбросила насъ на востокъ. Всякая надежда убѣжать вблизи Нью-Йорка или Святаго Лаврентія исчезла. Бѣдный Недъ, доведенный до отчаянія, удивлялся также какъ и капитанъ Немо. Мы съ Конселемъ не разставались болѣе.

Я сказалъ что *Корабликъ* отвесло къ востоку. Я долженъ былъ выразиться точнѣе и сказать къ сѣверо-востоку. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, онъ блуждалъ то на поверхности волнъ, то подъ ними, окруженный морскими туманами, столь опасными для мореплавателей. Они происходятъ главнымъ образомъ отъ таянія льдовъ, которымъ поддерживается чрезвычайная влажность атмосферы. Сколько кораблей погибло въ этихъ мѣстахъ, когда они уже готовы были различать неопредѣленные огни берега! Сколько несчастныхъ случаевъ происходило отъ этого тумана! Сколько ударовъ о подводные камни, шумъ прибоя которыхъ заглушался шумомъ вѣтра! Сколько столкновеній между кораблями, несмотря на ихъ позиціонные огни, несмотря на предостереженія ихъ свистковъ и вѣстовыхъ колоколовъ!

Дно этихъ морей имѣло видъ поля сраженія, гдѣ лежали всѣ побѣжденные Океаномъ: старые были покрыты иломъ; другіе еще молодые, отражали на своихъ желѣзныхъ и мѣдныхъ частяхъ блескъ нашего маяка. Сколько между ними кораблей погибшихъ со всѣмъ своимъ грузомъ и экипажемъ, съ цѣлымъ населеніемъ эмигрантовъ, на этихъ опасныхъ пунктахъ, отмѣченныхъ въ статистикахъ, на мысѣ Расъ, островѣ Святаго Павла, въ проливѣ Бель-Ильскомъ, въ заливѣ Святаго Лаврентія! И въ продолженіи всего только нѣсколькихъ дѣтъ, сколько жертвъ, доставили этимъ ежегоднымъ погребальнымъ спискамъ компаниі, на пути къ Рояль-Моль, Имана, Монреалю; тутъ сѣли на мель: *Сольвей*, *Изида*, *Парматтъ*, *Венгеревъ*, *Канадеувъ*, *Англо-Саксоневъ*, *Гулбольдтъ*, *Соединенные Штаты*; *Артикъ* и *Лионевъ* попали ко дву вслѣдствіе столкновенія; *Президентъ*, *Тихій Океанъ*, *Фордъ Глазго* погибли по неизвѣстнымъ причинамъ; *Корабликъ* плавалъ посреди этихъ мрачныхъ развалинъ, какъ будто дѣлалъ смотръ мертвецамъ!

15го мая мы находились на южной оконечности мели Новой Земли. Мель эта образовалась из морской наносной земли; это значительное скопленіе органическихъ остатковъ, занесенныхъ сюда или отъ экватора, теченіемъ Гольфъ-Стрима, или отъ сѣвернаго полюса, тѣмъ противоположнымъ теченіемъ холодной воды которое идетъ вдоль Американскаго берега. Тамъ скопляются также плавающія глыбы, унесенныя при вскрытіи льда. Тутъ образовалась огромная груда костей и остатковъ рыбъ, моллюсковъ или зоофитовъ, которые погибаютъ здѣсь миллиардами.

Глубина моря близъ Новой Земли незначительна. Не болѣе нѣсколькихъ сотъ сажень. Но къ югу вдругъ образуется глубокая впадина, въ три тысячи метровъ. Тутъ Гольфъ-Стримъ расширяется. Его воды разливаются. Быстрота его и температура понижаются; онъ становится моремъ.

Между рыбами, всревоженными появленіемъ *Кораблика*, я назову линагора, въ метръ величиной, съ черноватою спиною и оранжевымъ животомъ, который подаетъ своимъ родичамъ примѣръ супружеской вѣрности, но находитъ мало послѣдователей; зубатокъ, съ большими глазами и головой имѣющею нѣкоторое сходство съ головой собаки; слизи; черныхъ колбней-воронокъ, въ два дециметра длиной; длиннохвостовъ, съ длинными хвостами, блестящимъ серебристымъ блескомъ, быстрыхъ рыбъ, живущія вдали отъ сѣверныхъ морей.

Въ сѣти попалась также смѣлая, отважная, сильная рыба съ крѣпкими мускулами, вооруженная шилами на головѣ, и колючками на лавникахъ, настоящій скорпионъ отъ двухъ до трехъ метровъ величины, жестокой врагъ трески и семги, это рамша сѣверныхъ морей, съ шишковатымъ тѣломъ темнаго цвѣта, съ красными лавниками. Рыболовы *Кораблика* съ трудомъ овладѣли этимъ животнымъ, которое, благодаря устройству своихъ жаберныхъ крышекъ, предохраняетъ свои дыхательные органы отъ изсушающаго дѣйствія атмосферы, и можетъ жить нѣкоторое время внѣ воды.

Назову,—для памяти,—колбней, маленькихъ рыбъ, которыя долго слѣдуютъ за кораблями въ сѣверныхъ моряхъ; остроносыхъ рялушекъ, свойственныхъ сѣверному Атлантическому океану, и дохожу до трески, которую главнымъ образомъ я видѣлъ въ этихъ моряхъ, на мели Новой Земли.

Можно сказать что треска горная рыба, потому что Новая Земля подводная гора. Когда *Корабликъ* прокладываетъ себѣ

луть посреди ихъ тѣсно сомкнувшейся фаланги, Консель не могъ удержаться отъ слѣдующаго замѣчанія:

— Это треска! сказалъ онъ; — а я думалъ, что треска плоская какъ камбала?

— Какая наивность! вскричалъ я.—Плоская треска бываетъ только у бакалейныхъ торговцевъ, гдѣ ее приходится видѣть разрѣзанной и растянутой. Но въ водѣ это веретенообразныя рыбы, и превосходно приспособленныя для плаванія.

— Не смѣю не вѣрить ихъ милости, отвѣчалъ Консель. — Какое множество! какая ихъ пропасть!

— Э! мой другъ, ихъ было бы еще больше, еслибъ они не имѣли враговъ, рыбъ и людей! Знаешь ли ты по сколько лицъ насчитываютъ въ одной только самкѣ?

— Скажемъ самое большое, отвѣчалъ Консель. — Пятьсотъ тысячъ.

— Одинадцать милліоновъ, мой другъ.

— Одинадцать милліоновъ! Ну, я никогда не повѣрю этому, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ пока самъ не сосчитаю.

— Сосчитай ихъ, Консель. Но ты потеряешь меньше времени если повѣришь мнѣ на слово. Сверхъ того, Французы, Англичане, Американцы, Датчане, Норвежцы, ловятъ треску тысячами. Ее потребляютъ въ громадномъ количествѣ, и безъ удивительной плодовитости этихъ рыбъ, онѣ скоро были бы истреблены во всѣхъ моряхъ. Такъ въ одной Англіи и Америкѣ, пять тысячъ кораблей, съ семьюдесятью пятью тысячами матросовъ, отправляются на ловлю трески. Каждый корабль привозитъ среднимъ числомъ сорокъ тысячъ штукъ, что составляетъ двадцать пять милліоновъ. На берегахъ Норвегіи ловля производится въ такихъ же размѣрахъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Консель,—я соглашаюсь съ ихъ милостью. Я не стану считать ихъ.

— Что такое?

— Одинадцать милліоновъ лицъ. Но я сдѣлаю одно замѣчаніе.

— Какое?

— То, что еслибы всѣ яйца вылапалились, то четыре трески было бы достаточно чтобы снабдить этою рыбой Англію, Америку и Норвегію.

Въ то время когда мы скользили вдоль мели Новой Земли, я хорошо видѣлъ длинныя тонкія веревки, съ двумя стами

рыболовныхъ крючковъ, которыя привязываются дюжинами къ каждой лодкѣ. Каждая веревка, увлекаемая внизъ посредствомъ маленькаго дрека, держалась на поверхности на конскомъ волосѣ, прикрѣпленномъ къ пробочному багану. *Корабликъ* долженъ былъ маневрировать съ большою ловкостью посреди этой подводной сѣти.

Сверхъ того, онъ недолго оставался въ этихъ многочисленныхъ мѣстахъ. Онъ поднялся до сорокъ втораго градуса широты; до высоты Святаго Иоанна на Новой Землѣ и Heart's Content (Радость Сердца), гдѣ оканчивается канатъ транзатлантическаго телеграфа.

Вмѣсто того чтобы продолжать свой путь къ сѣверу, *Корабликъ* направился къ востоку, какъ будто онъ хотѣлъ слѣдовать по этому плоскогорью на которомъ лежитъ телеграфный канатъ и котораго рельефъ изслѣдованъ съ необыкновенною точностью, благодаря многократному зондированью.

17го мая, въ пяти стахъ миляхъ отъ Heart's-Content, на глубинѣ двухъ тысячъ восьмисотъ метровъ, я увидалъ канатъ лежащій на днѣ. Консаль, котораго я не предупредилъ, принялъ его сначала за гигантскую морскую змѣю, и по своему обыкновенію, приготовился ее классифицировать. Но я вывелъ изъ заблужденія добраго малаго, и чтобъ утѣшить его послѣ промаха, разказалъ ему о разныхъ подробностяхъ устройства этого каната.

Первый канатъ былъ положенъ въ 1857 и 1858 годамъ; но передавъ около четырехсотъ телеграммъ, онъ пересталъ дѣйствовать. Въ 1863 году инженеры устроили новый канатъ, равнявшійся тремъ тысячамъ четыремстамъ километрамъ и вѣсившій четыре тысячи лятьсотъ тоннъ, которымъ нагрузили *Гретъ-Истерикъ*. Но и эта попытка не удалась.

Но 25го мая, *Корабликъ*, погрузившись на глубину трехъ тысячъ восьмисотъ тридцати шести метровъ, находился на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ произошелъ разрывъ помѣшавшій выполнению этого предпріятія. Это было въ шестистахъ тридцати восьми миляхъ отъ берега Ирландіи. Въ два часа полудни, замѣтили что сообщеніе съ Европой прекратилось. Инженеры, бывшіе на кораблѣ, рѣшились обрѣзать поврежденную часть. Къ одиннадцати часамъ, операція была исполнена, канатъ былъ снова погруженъ въ воду. Но черезъ нѣсколько дней, онъ оборвался, и на этотъ разъ его уже не могли вытащить изъ водъ Океана.

Американцы не отчаивались. Отважный Cigus-Field, главный двигатель этого предпріятія, рискующій для него всѣмъ своимъ имуществомъ, устроилъ новую подвеску. Она была тотчасъ же покрыта. Другой канатъ былъ устроенъ при лучшихъ условіяхъ. Пучекъ проводящихъ проволокъ, изолированныхъ слоемъ гутталерчи, заключался въ канатъ съ металлическою обкладкой. *Гретъ-Истернъ* вышелъ въ море 13го іюля 1866 года.

Предпріятіе шло хорошо. Однако же случилось препятствіе. Нѣсколько разъ развертывая канатъ, инженеры замѣчали что въ него недавно были воткнуты гвозди съ цѣлю испортить его внутреннюю часть. Калитанъ Андерсонъ, его офицеры и инженеры собрались для совѣщанія и велѣли объявить что если найдутъ виновнаго на кораблѣ, то выбросятъ его въ море безъ всякаго суда. Съ этихъ поръ преступная попытка не возобновлялась болѣе. -

23го іюля *Гретъ-Истернъ* находился только въ восьмистахъ километрахъ отъ Новой Земли, когда ему телеграфировали изъ Ирландіи извѣстіе о перемиріи заключенномъ между Пруссіей и Австріей послѣ битвы при Садовой. 27го числа, посреди густаго тумана онъ увидѣлъ гавань Heart's-Content. Предпріятіе счастливо кончилось, и въ первой своей делешѣ молодая Америка обратилась къ старой Европѣ съ мудрыми, но рѣдко понимаемыми словами: „Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ людямъ“.

Я не ожидалъ что найду электрической канатъ въ его первоначальномъ видѣ, такимъ какимъ онъ вышелъ изъ мастерской. Длинная змѣя, усаженная остатками раковинъ, была покрыта корою изъ каменистыхъ отложеній, которая предохраняла ее отъ просверливающихъ моллюсковъ. Она тихо покоилась, защищенная отъ морскаго волненія, и подъ давленіемъ благоприятнымъ для передачи электрической искры, которая проходитъ отъ Америки до Европы въ тридцать двѣ сотыхъ секунды. Прочность этого каната несомнѣнна, такъ какъ по наблюденіямъ оказалось что гутталерчевая обертка улучшается отъ пребыванія въ морской водѣ.

Сверхъ того, на этомъ такъ счастливо выбранномъ плоскогорьѣ, канатъ никогда не погружается такъ глубоко чтобъ оборваться. *Корабликъ* слѣдовалъ за нимъ до самой значительной его глубины, находящейся на четырехъ тысячахъ четырехста тридцати одномъ метрѣ, и тамъ онъ лежалъ не

испытывая никакого натяженія. Потомъ мы приблизись къ тому мѣсту гдѣ произошло несчастье въ 1868 году.

Тутъ дно океана образовало широкую равнину во сто двадцать километровъ, на которой можно бы было помѣстить Монъ-Бланъ, и его вершина не выступила бы на поверхность волнъ. Эта равнина залерта съ восточной стороны отвѣсною стѣной въ двѣ тысячи метровъ. Мы прибыли туда 28го мая, и *Корабликъ* находился только въ ста пятидесяти километрахъ отъ Ирландіи.

Неужели капитанъ Немо думалъ опять подняться чтобы подойти къ берегамъ Британскихъ острововъ? Нѣтъ. Къ моему величайшему удивленію, онъ опять спустился къ югу и возвратился къ европейскимъ морямъ. Обходя Изумрудный островъ, я на одно мгновеніе видѣлъ мысъ Клеръ и огонь Фастене, освѣщающій тысячи кораблей, выходящихъ изъ Глазго или Ливерпуля.

Тогда важный вопросъ возникъ въ моемъ умѣ. Осмѣлятся ли *Корабликъ* взойти въ Британскій каналъ? Недъ-Ландъ, появившійся въ то время какъ мы подходили къ землѣ, нѣсколько разъ спрашивалъ меня объ этомъ. Чтѣ ему отвѣчать? Капитанъ Немо не показывался. Показавъ Канадцу берега Америки, не думаетъ ли онъ показать и мнѣ берега Франціи?

Между тѣмъ *Корабликъ* шелъ къ югу. 30го мая онъ прошелъ близъ крайней оконечности Англій. Еслибъ онъ хотѣлъ войти въ Британскій каналъ, то ему слѣдовало идти прямо на востокъ. Но онъ этого не сдѣлалъ.

Въ продолженіе всего дня 31го мая *Корабликъ* описывалъ на морѣ рядъ круговъ чтѣ меня сильно интересовало. Казалось онъ отыскивалъ мѣсто которое ему трудно было найти. Въ полдень капитанъ Немо пришелъ самъ опредѣлить мѣсто корабля. Онъ не сказалъ мнѣ ни слова. Онъ показался мнѣ мрачнѣе обыкновеннаго. Чтѣ могло такъ его огорчить? Происходило ли это отъ близости европейскихъ береговъ? Не возвращались ли къ нему воспоминанія объ его покинутой родинѣ? Чтѣ испытывалъ онъ въ это время? Раскаяніе или сожалѣніе? Долго эта мысль занимала меня, и у меня было какое-то предчувствіе что случай скоро откроетъ намъ тайну капитана.

На другой день, 31го мая, *Корабликъ* продолжалъ тѣ же самыя маневры. Очевидно онъ искалъ опредѣленнаго пункта въ Океанѣ. Капитанъ Немо пришелъ также какъ и наканунѣ

опредѣлять высоту солнца. Море было прекрасно, небо чисто. Въ восьми миляхъ на востокъ, большой пароходъ обрисовывался на горизонтѣ. На немъ не было никакого флага, и я не могъ узнать какой націи онъ принадлежалъ.

За вѣсколько минутъ до того какъ солнце должно было пройти черезъ меридіанъ, капитанъ Немо взялъ свой секстантъ и наблюдалъ съ необыкновенною точностью. Совершенная тишина воанъ способствовала его наблюденію. неподвижный *Корабликъ* не испытывалъ ни боковой, ни килевой качки.

Я былъ въ это время на платформѣ. Окончивъ наблюденіе, капитанъ Немо произнесъ только два слова:

— Это здѣсь!

Онъ опять сошелъ въ подъемную дверь. Увидѣлъ ли онъ корабль который измѣнялъ свой ходъ и, казлось, приближался къ намъ? Я не умѣю сказать этого.

Я возвратился въ залу. Подъемныя двери закрылись, и я слышалъ шумъ воды входящей въ резервуары. *Корабликъ* началъ погружаться по вертикальной линіи, потому что его остановившійся винтъ не сообщалъ ему никакого движенія.

Черезъ вѣсколько минутъ онъ остановился на глубинѣ восьмисотъ тридцати трехъ метровъ и коснулся дна.

Тогда свѣтъ на потолкѣ залы погасъ, ставни открылись, и сквозь стекла я увидѣлъ море, ярко освѣщенное лучами маяка на полмили въ окружности.

Я посмотрѣлъ въ окно; съ лѣвой стороны судна ничего не было кромѣ безпредѣльныхъ и тихихъ водъ.

Съ правой же стороны судна видѣлось на днѣ значительное возвышеніе, которое и привлекло мое вниманіе. Казалось что это развалины, погребенныя подъ слоемъ бѣловатыхъ раковинъ, какъ подъ снѣговой одеждой. Разсматривая внимательно эту массу, я сталъ отличать формы корабля, лишеннаго мачтъ, очевидно пошедшаго ко дву носомъ. Конечно, несчастіе это произошло давно. Этотъ корпусъ долженъ былъ пробыть много лѣтъ на днѣ Океана чтобы такъ обрасти известковыми отложеніями морскихъ водъ.

Что это былъ за корабль? Для чего *Корабликъ* носвилъ его могилу? Развѣ онъ пошелъ ко дну не вслѣдствіе кораблекрушенія?

Я не зналъ что подумать, когда услышалъ капитана Немо, медленно говорившаго возлѣ меня:

— Прежде этотъ корабль назывался *Марсельюэль*. Онъ имѣлъ семьдесятъ четыре пушки и былъ спущенъ въ 1762 году. Въ 1778 году, 13го августа, подъ начальствомъ Ла-Поиль-Вертріе, онъ смѣло боролся съ *Престономъ*. Въ 1779 году, 4го іюля, онъ вмѣстѣ съ эскадрой адмирала д'Отенъ участвовалъ при взятіи Гранады. Въ 1781, 5го сентября, онъ принималъ участіе въ сраженіи графа де-Грасо въ бухтѣ Чезаликъ. Въ 1794, французская республика перемѣнила его имя. 16го апрѣля того же года, онъ присоединился въ Брестѣ къ эскадрѣ Виляре-Жойезъ, которой было поручено конвоировать транспортъ съ хлѣбомъ, плывшій изъ Америки подъ начальствомъ адмирала Ванъ-Стабель. 11го и 12го преріала 18го года, эта эскадра встрѣтилась съ англійскими кораблями. Господинъ профессоръ, сегодня 13й преріаль, 1е іюня 1868 года. Ровно семьдесятъ четыре года тому назадъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, подъ 47° 24' широты и 17° 28' долготы, этотъ корабль, послѣ геройскаго сраженія, потерявъ свои три мачты, съ каютами полными водою, потерявъ третью часть своего экипажа, лишенный возможности сражаться, онъ предпочелъ утонуть со своими тремъстами лятидесятью шестью моряками, но не сдался, и прибывъ гвоздями свой флагъ къ кормѣ, онъ исчезъ подъ волнами съ крикомъ: „Да здравствуетъ республика!“

— *Мститель!* вскричалъ я.

— Да, господинъ профессоръ, *Мститель!* Прекрасное имя! прошелгалъ капитанъ Немо, скрестивъ руки.

Г Л А В А Х Х I.

Гекатомба.

Эта рѣчь, неожиданность сцены, разказъ о патриотическомъ кораблѣ, начатый съ такимъ хладнокровіемъ, но послѣднія слова котораго этотъ странный человѣкъ произнесъ съ глубокимъ волненіемъ, имя *Мститель*, смыслъ котораго не могъ ускользнуть отъ меня, все вмѣстѣ глубоко потрясло мой умъ. Глаза мои не покидали болѣе капитана. Протянувъ къ морю руки, онъ смотрѣлъ лылающимъ взоромъ на эти славные останки. Можетъ-быть, я никогда не узнаю кто онъ, откуда и куда идетъ; но я видѣлъ какъ человѣкъ все болѣе и болѣе отдѣлялся отъ ученаго. Не простая мизантропія заключила капитана Немо и его товарищей въ стѣнахъ *Кораблика*, но

ненависть, чудовищная или возвышенная, которую время не могло ослабить.

Искала ли эта ненависть мщенія? Будущее должно было скоро показать мнѣ это.

Между тѣмъ *Корабликъ* медленно поднимался на поверхность моря, и я видѣлъ какъ мало-по-малу исчезали неясныя очертанія *Мстителя*. Вскорѣ я узналъ, по легкой боковой качкѣ, что мы плывемъ по поверхности.

Въ эту минуту послышался глухой раскатъ. Я посмотрѣлъ на капитана. Капитанъ не двигался.

— Капитанъ? сказалъ я.

Онъ не отвѣчалъ.

Я оставилъ его и вышелъ на платформу. Консель и Канадецъ были уже тамъ.

— Что это за звукъ? спросилъ я.

Я увидалъ корабль и смотрѣлъ по его направленію. Онъ приблизился къ *Кораблику*, и видно было что онъ еще усиливаетъ пары. Шесть миль отдѣляли его отъ насъ.

— Пушечный выстрѣлъ, отвѣчалъ Недъ Ландъ.

— Какой это корабль, Недъ?

— Судя по его такелажу и по высотѣ нижнихъ мачтъ, отвѣчалъ Канадецъ,—я держу пари что это военный корабль. Пусть бы онъ шелъ на насъ и потопилъ этотъ проклятый *Корабликъ*!

— Другъ Недъ, отвѣчалъ Консель, — что можетъ онъ сдѣлать *Кораблику*? Развѣ онъ можетъ налечь на него подъ волнами? Или стрѣлять по немъ въ глубинѣ моря?

— Скажите мнѣ, Недъ, спросилъ я,—можете ли вы узнать какой націи принадлежитъ этотъ корабль?

Канадецъ сдвинулъ брови, опустилъ рѣсницы, прищурилъ глаза и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ сосредоточивалъ на кораблѣ всю силу своего взгляда.

— Нѣтъ, господинъ профессоръ, отвѣчалъ онъ,—я не могу узнать какой націи онъ принадлежитъ. Его флагъ не поднятъ. Но я могу утверждать что это военный корабль, потому что длинный вымпелъ развертывается на верху его большой мачты.

Въ продолженіе четверти часа мы продолжали смотрѣть на корабль, который направлялся къ намъ. Однако же я не могъ допустить чтобъ онъ узналъ *Корабликъ* на такомъ разстоя-

ни, и еще менѣе чтобъ ему было известно что это за подводная машина.

Вскорѣ Канадецъ сказалъ мнѣ что это большой броненосный фрегатъ, съ бивнемъ на носу и двумя палубами. Черный густой дымъ выходилъ изъ двухъ его трубъ, убранные паруса сливались съ реями. На гафель не было никакого флага. Разстояніе мѣшало еще разглядѣть цвѣта его вымпела, который видя какъ тонкая лента.

Онъ быстро приближался. Если капитанъ Немо дастъ ему подойти ближе, то намъ можетъ представиться еще случай къ спасенію.

— Господинъ профессоръ, сказалъ мнѣ Недъ-Ландъ,—если этотъ корабль подойдетъ къ намъ на разстояніе одной мили, то я брошусь въ море, и совѣтую вамъ сдѣлать то же самое.

Я не отвѣчалъ на предложеніе Канадца и продолжалъ смотрѣть на корабль, который становился все больше и больше. Какой бы онъ ни былъ, англійскій, французскій, американскій или русскій, онъ во всякомъ случаѣ приметъ насъ, если намъ удастся до него добраться.

— Ихъ милость, я думаю, хорошо помнитъ, сказалъ тогда Консаль,—что у насъ есть нѣкоторая опытность въ искусствѣ лаванія. Они могутъ положиться на меня, я уже буду вести ихъ милость на буксирѣ до самаго корабля, если имъ будетъ угодно слѣдовать за другомъ Недомъ.

Я хотѣлъ отвѣчать, какъ вдругъ бѣлый паръ показался на носу военного корабля. Потомъ, черезъ нѣсколько секундъ, вода, взволнованная паденіемъ тяжелаго тѣла, обдала корму *Кораблика*. Немного спустя внезапный раскатъ поразилъ мой слухъ.

— Какъ? они стрѣляютъ въ насъ! вскричалъ я.

— Молодцы! прошепталъ Канадецъ.

— Стало-быть они не принимаютъ насъ за потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, спасающихся на обломкахъ корабля!

— Съ позволенія ихъ милости... Ба! сказалъ Консаль, стряхивая воду, которою вновь улавшее ядро обдало его.—Съ позволенія ихъ милости, они узнали парвала и стрѣляютъ по немъ.

— Но вѣдь они должны видѣть, вскричалъ я,—что имѣютъ дѣло съ людьми.

— Можетъ-быть поэтому-то они и стрѣляютъ, отвѣчалъ Недъ-Ландъ, посмотрѣвъ на меня.

Внезапное откровеніе озарило мой умъ. Безъ сомнѣнія, мнимое чудовище теперь уже не было загадкой. Безъ сомнѣнія, при abordажѣ *Авраама Линкольна*, когда Канадецъ ударилъ своей острогой о *Корабликъ*, капитанъ Фаррагутъ узналъ что нарвалъ подводная лодка, которая гораздо опаснѣе сверхъестественнаго кита?

Да, конечно, это было такъ, и безъ сомнѣнія, теперь во всѣхъ моряхъ преслѣдовали эту ужасную, разрушительную машину.

Дѣйствительно ужасную, если, какъ можно было предположить, *Корабликъ* служилъ капитану Немо орудіемъ мщенія! Въ ту ночь, когда въ Индѣйскомъ океанѣ онъ насъ залеръ въ камуту, не нападалъ ли онъ также на какой-нибудь корабль? Не былъ ли тотъ человѣкъ который теперь погребенъ на коралловомъ кладбищѣ, жертвой столкновенія, вызваннаго *Корабликомъ*? Да, это непремѣнно было такъ. Одна сторона таинственнаго существованія капитана Немо разоблачилась. И если его еще не узнали вполнѣ, то тѣмъ не менѣе соединившіяся націи преслѣдовали теперь не фантастическое существо, но человѣка который питаетъ къ нимъ непримиримую ненависть!

Все это грозное прошедшее предстало предъ моими глазами. Въмѣсто друзей, мы должны были встрѣтить на приближавшемся кораблѣ безжалостныхъ враговъ.

Между тѣмъ лущечныя ядра падали чаще и чаще вокругъ насъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, встрѣчая жидкую поверхность, отскакивали рикашетомъ въ сторону и терялись на значительномъ разстояніи. Но ни одно изъ нихъ не достигало до *Кораблика*.

Броненосный корабль находился только на разстояніи трехъ миль. Несмотря на сильную канонаду, капитанъ Немо не показывался на платформѣ. Между тѣмъ, еслибы хотя одно изъ этихъ коническихъ ядеръ ударило перпендикулярно въ корпусъ *Кораблика*, оно могло бы причинить ему большой вредъ. Канадецъ сказалъ мнѣ тогда:

— Господинъ профессоръ, мы должны на все отважиться чтобы выйти изъ этого гадкаго положенія. Подадимъ сигналъ! Тысячу чертей! Можетъ быть, они и поймутъ что мы честные люди!

Недъ-Ландъ взялъ свой носовой платокъ чтобы помахать имъ въ воздухѣ. Но лишь только Недъ развернулъ платокъ,

какъ желѣзная рука схватила его, и несмотря на свою удивительную силу, онъ упалъ на ладубу.

— Бездѣльникъ! вскричалъ капитанъ, — развѣ ты хочешь чтобъ я пронзилъ тебя бивнемъ *Кораблика*, прежде чѣмъ онъ устремится на этотъ фрегатъ!

Страшно было слушать капитана Немо, но еще страшнѣе смотрѣть на него. Лице его поблѣднѣло отъ спазмы сердца, прекратившаго на мгновение свои бѣшенія. Зрачки его страшно сжались. Онъ уже не говорилъ, а рычалъ. Наклонившись впередъ, всѣмъ тѣломъ, онъ сжималъ рукой плечо Канадца.

Потомъ, оставивъ его, онъ обернулся къ военному кораблю, ядра котораго сыпались вокругъ него.

— А! ты знаешь кто я, корабль проклятой власти! вскричалъ онъ своимъ могучимъ голосомъ. — Мнѣ не нужны твои цѣвта чтобъ узнать тебя! Смотри! Я покажу тебѣ свои!

И капитанъ Немо развернулъ на бакѣ латформы черный флагъ, такой же какъ тотъ который онъ водрузилъ на южномъ полюсѣ.

Въ эту минуту, ядро ударилося вкось о корпусъ *Кораблика*, но не повредило ему и, проскользнувъ рикошетомъ около капитана, упало въ море.

Капитанъ Немо пожалъ плечами. Потомъ обернулся коммѣ.

— Уходите, сказалъ онъ мнѣ отрывистымъ тономъ, — уходите вы и ваши товарищи.

— Капитанъ, вскричалъ я, — развѣ вы хотите напасть на этотъ корабль?

— Я его потоплю.

— Вы не сдѣлаете этого!

— Я это сдѣлаю, холодно отвѣчалъ капитанъ Немо. — Не судите меня. Судьба показываетъ вамъ то чего вы бы не должны были видѣть. На меня нападаютъ. Отпоръ будетъ ужасенъ. Ступайте.

— Какой это корабль?

— Вы не знаете? Ну, тѣмъ лучше! По крайней мѣрѣ его національность останется для васъ тайной. Ступайте.

Мы съ Канадцемъ и Конселемъ немогли послушаться. Человѣкъ пятнадцать матросовъ *Кораблика*, окружали капитана и смотрѣли на приближавшійся корабль съ неумолимымъ чувствомъ ненависти. Ясно было что тотъ же духъ мести воодушевлялъ всѣ эти сердца.

Я сошелъ въ ту минуту когда новая бомба ударилась о корпусъ *Кораблика*, и слышалъ какъ капитанъ закричалъ:

— Стрѣляй, безумный корабль! Расточай свои бесполезныя ядра! Ты не избѣгнешь бивня *Кораблика*. Но не на этомъ мѣстѣ долженъ ты погибнуть! Я не хочу чтобы твои развалины смѣшались съ славными развалинами *Мстителя*!

Я ушелъ въ свою комнату. Капитанъ и его подшхиперъ остались на платформѣ. Винтъ былъ приведенъ въ движеніе. *Корабликъ*, быстро удаляясь, находился внѣ опасности отъ ядеръ корабля. Но преслѣдованіе продолжалось, и капитанъ Немо довольствовался тѣмъ что держался на извѣстномъ разстояніи.

Въ четыре часа вечера, не въ силахъ болѣе сдерживать пожиравшія меня нетерпѣніе и безпокойство, я подошелъ къ центральной лѣстницѣ. Подъемная дверь была открыта. Я отважился выйти на платформу. Капитанъ еще ходилъ по ней неровными шагами. Онъ смотрѣлъ на корабль, который находился въ пяти или шести миляхъ подъ вѣтромъ. Онъ вертѣлся около него какъ звѣрь преслѣдуемый охотникомъ и, позволяя себя преслѣдовать, увлекалъ его къ востоку. Однако наладеніе не начиналось. Можетъ-быть, онъ еще колебался.

Я хотѣлъ вступиться въ послѣдній разъ. Но едва я обратился къ капитану Немо, какъ онъ заставилъ меня замолчать:

— Я справедливость, я судъ! сказала онъ мнѣ. — Я угнетенный, а вотъ притѣснитель! Черезъ него все что я любилъ, что боготворилъ и уважалъ: отечество, жена, дѣти, отецъ и мать, все погибло! Все что я ненавижу находится тамъ! Замолчите же!

Я бросилъ послѣдній взглядъ на военный корабль, который усиливалъ лары. Потомъ я присоединился къ Неду и Конселю.

— Мы убѣжимъ! вскричалъ я.

— Хорошо, сказалъ Недъ. — Какой это корабль?

— Я не знаю, но какой бы онъ ни былъ, его лотолять еще до ночи. Во всякомъ случаѣ, лучше погибнуть вмѣстѣ съ нимъ, чѣмъ быть соучастниками мщенія, въ справедливости котораго нѣтъ возможности убѣдиться.

— Это и мое мнѣніе, холодно отвѣчалъ Недъ-Ландъ. — Подождемъ ночи.

Наступила ночь. Глубокое безмолвіе царствовало на кораблѣ. Компасъ показывалъ что *Корабликъ* не измѣнилъ своего направленія. Я слышалъ удары винта, разсѣкавшаго волны съ

равномерною скоростью. *Корабликъ* держался на поверхности воды, и легкая боковая качка наклоняла его то на одну сторону, то на другую.

Я и мои товарищи рѣшились бѣжать въ то время, когда корабль настолько приблизится къ намъ что будетъ въ состояніи или услышать насъ, или увидѣть, потому что луна свѣтила ярко, такъ какъ черезъ три дня должно было наступить полнолуніе. Достигнувъ корабля, мы, еслибы намъ и не удалось отвратить угрожавшей ему опасности, по крайней мѣрѣ сдѣлали бы все что обстоятельства позволили бы намъ предпринять. Нѣсколько разъ я думалъ что *Корабликъ* готовился къ нападенію. Не онъ только допускалъ своего противника приблизиться, и немного времени спустя, опять шелъ своимъ быстрымъ ходомъ.

Часть ночи прошла безъ приключеній. Мы выжидали удобнаго случая дѣйствовать. Мы говорили мало, потому что были очень взволнованы. Недѣ-Ландъ хотѣлъ броситься въ море. Я просилъ его подождать. По моему мнѣнію, *Корабликъ* долженъ былъ нападать на фрегатъ на поверхности волнъ, и тогда было бы не только возможно, но даже легко убѣжать.

Въ три часа утра, я вышелъ на платформу, сильно встревоженный. Калитанъ Немо не покидалъ ея. Онъ стоялъ на носу корабля, около своего флага, который развѣвался надъ его головой отъ легкаго вѣтерка. Онъ не слускалъ глазъ съ корабля. Его чрезвычайно напряженный взглядъ, казалось, притягивалъ, околдовывалъ, увлекалъ его гораздо сильнѣе, чѣмъ еслибы онъ тащилъ его за собой на буксирѣ!

Въ это время луна проходила черезъ меридіанъ. Юпитеръ поднимался на востокъ. Посреди общей тишины природы, небо и Океанъ соперничали между собой въ спокойствіи, а море представляло ночному свѣтилу самое прекрасное зеркало, которое когда-либо отражало его изображение.

И когда я думалъ объ этомъ глубокомъ спокойствіи стихій, и сравнивалъ его съ гнѣвомъ килѣвшимъ въ стѣнахъ ненавистнаго *Кораблика*, я чувствовалъ какъ дрожь пробѣгала по всему моему тѣлу.

Корабль держался въ двухъ миляхъ разстоянія отъ насъ. Онъ все приближался, лывая по направленію къ фосфорическому блеску, обозначававшему мѣстонахожденія *Кораблика*. Я видѣлъ его позиціонные огни, зеленый и красный, и бѣлый фонарь висѣвшій на его большомъ фокъ-штагѣ. Легкое отра-

женіе лучей освѣщало его оснастку и показывало что паръ разведенъ во всей силѣ.

Сюлы искръ, куски лылавшаго угля, вылетая изъ его трубъ, разсыпались въ атмосферѣ какъ звѣзды. Я оставался тутъ до шести часовъ утра, и капитанъ Немо, повидиму, не замѣчалъ меня. Корабль находился на разстояніи полуторы мили отъ насъ, и съ наступленіемъ дня, онъ опять началъ свою канонаду. Не далека была та минута когда *Корабликъ* нападетъ на своего противника, и тогда я и мои товарищи навсегда покинемъ этого человѣка, котораго я не смѣлъ судить.

Я хотѣлъ сойти чтобы предупредить ихъ, когда лодки-перъ вошелъ на платформу. Нѣсколько моряковъ сопровождали его. Капитанъ Немо не видѣлъ ихъ, или не хотѣлъ видѣть. Были сдѣланы нѣкоторыя приготовленія, которыя можно было назвать приготовленіями *Кораблика* къ бою. Они были очень просты. Перила платформы были олущены. Точно также помѣщенія маяка и рулевого олустились въ корпусъ, не выдаваясь болѣе надъ нимъ. Поверхность дашной сигары изъ листового желѣза не представляла болѣе ни одной выуклости, которая могла бы стѣснять ея маневры.

Я возвратился въ залу. *Корабликъ* все оставался на поверхности. Лучи утренняго свѣта проникали чрезъ жидкій слой. При легкомъ колебаніи волнъ, стекла освѣщались краснымъ свѣтомъ восходящаго солнца. Наступалъ ужасный день 2го юня.

Въ пять часовъ, лагъ показалъ мнѣ что быстрота *Кораблика* убавилась. Я понялъ что онъ допускаетъ фрегатъ подойти ближе. Къ тому же лучечные выстрѣлы становились гораздо слышнѣе. Ядра взрывали окружающую воду и производили ее со страннымъ свистомъ.

— Друзья мои, сказалъ я, — минута наступила. Пожмемъ другъ другу руки, и да сохранить насъ Богъ!

Недъ-Ландъ былъ смѣлъ, Кюрсель покоенъ, я находился въ сильномъ раздраженіи и едва могъ владѣть собой.

Мы прошли въ бібліотеку. Въ ту минуту когда я отворилъ дверь которая вела къ центральной лѣстницѣ, я услышалъ что верхняя подземная дверь быстро захлопнулась.

Канадецъ бросился на ступеньки; но я остановилъ его. Хорошо знакомый шумъ далъ мнѣ понять что вода проникаетъ въ резервуары корабля. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько

минулъ, *Корабликъ* погрузился на нѣсколько метровъ ниже поверхности волнъ.

Я попялъ его маневръ. Было саишкомъ поздно дѣйствовать. *Корабликъ* не думалъ наладать на фрегатъ сверху, гдѣ онъ защищенъ непроницаемыми латами, но хотѣлъ поразить его иже ватерлинии, тамъ гдѣ металлическая броня не защищаетъ обшивку.

Мы были снова заключены, и дѣлались невольными свидѣтелями готовившейся несчастной драмы. Сверхъ того, мы почти не имѣли времени разсуждать. Скрывшись въ моей комнатѣ, мы смотрѣли другъ на друга не говоря ни слова. Глубокое оцѣпенѣнiе овладѣло моимъ умомъ. Мысли замерли. Я находился въ томъ тяжеломъ состоянiи которое предшествуетъ ожиданiю ужаснаго взрыва. Я ждалъ, слушалъ, я весь превратился въ слухъ.

Между тѣмъ быстрота *Кораблика* значительно увеличилась. Это онъ хотѣлъ разойтись чтобы придать больше силы своему натиску. Весь его корпусъ содрогался.

Вдругъ я вскрикнулъ. Произошло столкновенiе, но относительно легкое. Я чувствовалъ съ какою силою проникалъ стальной бивень. Я слышалъ скриль и трескъ. Но *Корабликъ*, увлекаемый силою своего движенiя, проходилъ сквозь массу корабля, какъ игла парусника сквозь холстъ!

Я не могъ болѣе тутъ оставаться. Обезумѣвши, внѣ себя, я бросился вонъ изъ комнаты и вбѣжалъ въ залу.

Капитанъ Немо былъ тамъ. Безмолвный, мрачный, неумолимый, онъ смотрѣлъ въ открытыя ставни бакборда.

Огромная масса тонула подъ водою, и чтобы ничего не потерять изъ ея агонiи, *Корабликъ* опускался въ бездну вмѣстѣ съ ней. Въ десяти метрахъ отъ меня, я видѣлъ этотъ расколотый корпусъ, куда вода устремлялась съ грознымъ ропотомъ, потомъ двойной рядъ пушекъ и сѣти по бортамъ судна. Палуба была покрыта черными, двигавшимися тѣнями.

Вода прибывала. Несчастные бросались на вахты, цѣплялись за мачты, ломали руки подъ водою. Это былъ людской муравейникъ, застигнутый морскимъ приливомъ!

Въ оцѣпенѣнiи, пораженный ужасомъ, съ поднявшимися волосами, съ широко раскрытыми глазами, безъ дыханiя, безъ гедоса, я также смотрѣлъ! Непреодолимая сила приковывала меня къ окну.

Огромный корабль медленно погружался. *Корабликъ*, слѣдуя

за нимъ, слѣдилъ за всѣми его движеніями. Вдругъ произошелъ взрывъ. Сжатый воздухъ разорвалъ лалубу корабля, какъ будто въ каютахъ былъ пожаръ. Давленіе водъ было таково что *Корабликъ* отнесло.

Тогда несчастный корабль сталъ погружаться бы стрѣе. Показались его марсы, покрытые жертвами, его румпель, стибавшійся подъ тяжестью людей, наконецъ верхушка его большой мачты. Потомъ темная масса исчезла, а съ ней и экипажъ мертвецовъ, увлекаемый ужаснымъ водоворотомъ....

Я обернулся къ капитану Немо. Этотъ страшный судья, настоящій архангелъ мести, все еще смотрѣлъ. Когда все было кончено, капитанъ Немо направился къ двери своей комнаты, отворилъ ее и вошелъ. Я слѣдилъ за нимъ глазами.

На задней стѣнѣ, подъ портретами его героевъ, я увидѣлъ портретъ еще молодой женщины и двоихъ маленькихъ дѣтей. Капитанъ Немо смотрѣлъ на нихъ нѣсколько минутъ, потомъ протянулъ къ нимъ руки, и опустившись на колѣни, зарыдалъ.

Г Л А В А XXII.

Послѣднія слова капитана Немо.

Послѣ этого страшнаго зрѣлища, ставни закрылись, но зала не освѣтилась. Внутри *Кораблика* царствовали мракъ и безмолвіе. Онъ съ страшною быстротой покидалъ мѣсто отчаянія, лежавшее въ ста футахъ подъ водой. Куда онъ шелъ? На сѣверъ или на югъ? Куда бѣжалъ этотъ человекъ послѣ такого ужаснаго мщенія?

Я ушелъ въ свою комнату, гдѣ Недъ и Консель сидѣли молча. Я чувствовалъ непреодолимое отвращеніе къ капитану Немо. Сколько бы люди ни причиняли ему страданій, онъ все-таки не имѣлъ права наказывать ихъ такимъ образомъ. Онъ сдѣлалъ меня если не соучастникомъ, то по крайней мѣрѣ свидѣтелемъ своей мести! Это было уже слишкомъ.

Въ одиннадцать часовъ электрической свѣтъ опять показался. Я прошелъ въ залу. Она была пуста. Я посмотрѣлъ на разные инструменты: *Корабликъ* шелъ къ сѣверу, со скоростью двадцати пяти миль въ часъ, то на поверхности моря, то на тридцать футовъ ниже ея.

Опредѣливъ мѣсто на картѣ, я увидѣлъ что мы проходимъ вблизи входа въ Британскій каналъ и направляемся къ сѣверу

она страшно застучала. Можетъ-быть, этотъ шумъ происходилъ только въ моемъ воображеніи!

Я подвигался ползкомъ въ узкихъ и темныхъ проходахъ *Кораблика*, останавливаясь на каждомъ шагу чтобы сдерживать біеніе своего сердца. Я подошелъ къ угловой двери залы. Я тихо отворилъ ее. Въ залѣ царствовала глубокая темнота. Тихо звучали акорды органа. Капитанъ Немо былъ тамъ. Онъ меня не видалъ. Я думаю что даже при дневномъ свѣтѣ онъ не замѣтилъ бы меня, такъ всецѣло отдавался онъ своему восторгу.

Я подкрадывался ползкомъ по ковру, избѣгая малѣйшаго шума, который выдалъ бы мое присутствіе. Мнѣ нужно было пять минутъ чтобы достигнуть задней двери, выходившей въ библіотеку.

Я хотѣлъ отворить ее, когда вздохъ капитана Немо приковалъ меня къ мѣсту. Я понялъ что онъ встаетъ. Я даже видѣлъ его мелькомъ, потому что нѣсколько лучей изъ освѣщенной библіотеки проникало въ залу. Онъ шелъ ко мнѣ со скрепченными руками, молча; онъ скорѣе скользилъ какъ привидѣніе. Его стѣсенная грудь вздымалась отъ рыданій. И я слышалъ какъ онъ прошелталъ эти слова,—послѣднія которыя мнѣ довелось слышать:

— Всемогущій Боже! довольно! довольно!

Были ли эти слова слѣдствіемъ угрызенія совѣсти, вырывавшимися такимъ образомъ изъ души этого человѣка?...

Внѣ себя, я бросился въ библіотеку. Я вышелъ на центральную лѣстницу и, слѣдуя по верхнему узкому проходу, достигъ лодки. Я прошелъ тѣмъ отверстіемъ которое уже послужило выходомъ моимъ обоимъ товарищамъ.

— Бѣжимъ! бѣжимъ! вскричалъ я.

— Сейчасъ! отвѣчалъ Канадецъ.

Отверстіе сдѣланное въ листовомъ желѣзѣ *Кораблика*, было закрыто и залерто болтомъ, посредствомъ англійскаго ключа, которымъ залася Недъ-Ландъ. Отверстіе лодки также закрылось, и Канадецъ началъ отвинчивать гайки, которыя насъ удерживали на поверхности подводнаго судна.

Вдругъ внутри корабля послышался шумъ. Голоса съ живостью переговаривались. Чтò случилось? Не замѣтили ли нашего бѣгства? Я почувствовалъ какъ Недъ-Ландъ всукулъ мнѣ въ руку кивжалъ.

— Да! прошелталъ я,—мы сумѣемъ умереть!

Канадецъ прервалъ свою работу. Но одно слово, повторенное двадцать разъ,—ужасное слово, объяснило мнѣ причину волненія, распространившагося на борту *Кораблика*. Тревога его экипажа относилась не къ намъ!

— *Мальштромъ! Мальштромъ!* кричали они.

Мальштромъ! Могло ли болѣе ужасное слово раздаться въ нашихъ ухахъ, при болѣе ужасномъ положеніи? Неужели мы находились въ этихъ опасныхъ мѣстахъ, близъ Норвежскаго берега? Неужели *Корабликъ* былъ увлеченъ въ эту пучину въ ту минуту когда наша лодка готовилась отдѣлиться отъ него?

Извѣстно что во время прилива, воды стѣсненные между островами Фэроерскими и Лоффоденскими извергаются съ непреодолимою силой. Онѣ образуютъ водоворотъ, изъ котораго еще никогда не выходилъ ни одинъ корабль. Со всѣхъ сторонъ горизонта устремляются сюда чудовищные валы. Они образуютъ пучину, центростремительная сила которой простирается на разстояніи лятнадцати километровъ. Здѣсь водоворотъ поглощаетъ не только корабли, но даже китовъ, и бѣлыхъ медвѣдей арктическихъ странъ.

Сюда-то *Корабликъ*, случайно, или можетъ-быть и умышленно, былъ вовлеченъ своимъ капитаномъ; онъ описывалъ спиральную линію, радіусъ которой все болѣе и болѣе уменьшался. Лодка, еще привязанная къ его боку, увосилась вмѣстѣ съ нимъ съ ужасною быстротою. Я это чувствовалъ. Я испытывалъ болѣзненное головокруженіе, обыкновенно слѣдующее за очень продолжительнымъ вращательнымъ движеніемъ. Мы были въ страхѣ, въ ужасѣ, достигшемъ послѣднихъ предѣловъ; кровообращеніе остановилось, нервная дѣятельность прекратилась, холодный потъ обдавалъ васъ, какъ будто потъ послѣдней агоніи! И какой шумъ вокругъ нашей хрупкой лодки! Какой ревъ повторяемый эхомъ на разстояніи нѣсколькихъ миль! Какой грохотъ отъ этихъ водъ, дробящихся объ острия скалы на днѣ, тамъ гдѣ самыя твердыя тѣла разбиваются, гдѣ стволы деревьевъ обращаются въ щепы.

Какое положеніе! Насъ бросало изъ стороны въ сторону. *Корабликъ* защищался какъ человѣческое существо. Его стальные мускулы трещали. Иногда онъ выпрямлялся, а вмѣстѣ съ нимъ и мы!

— Надо держаться крѣпче, сказалъ Недъ,—и снова завитить гайки! Оставаясь провинченными къ *Кораблику*, мы еще можемъ спастись!...

Не успѣвъ онъ еще окончить фразу, какъ раздался трескъ. Гайки оборвались и лодка, выдвигнутая изъ своего углубленія, была выброшена какъ камень изъ пращи въ вихрь водоворота.

Я ударился обо что-то головой и, отъ сильного толчка, потерялъ сознание.

Г Л А В А XXIII.

З а к л ю ч е н і е.

Вотъ заключеніе нашего подводнаго путешествія. Что произошло въ эту ночь, какъ вынесло лодку изъ страшнаго водоворота, какъ Недъ - Ландъ, Консель и я вышли изъ бездны,—я не сумѣю разказать. Но когда я пришелъ въ себя, то лежалъ въ хижинѣ одного рыболова, на одномъ изъ Лофоденскихъ острововъ. Оба мои товарища, цѣлые и невредимые, стояли возлѣ меня и ложили мои руки. Мы обнялись съ восторгомъ. Въ это время намъ нечего и думать о возвращеніи во Францію. Сообщенія между сѣверною и южною Норвегіей очень рѣдки. Я вынужденъ дожидаться прибытія парохода который совершаетъ перевъздъ къ Нордкалу въ два мѣсяца разъ.

Здѣсь, среди пріотившихъ насъ честныхъ людей, я пересматриваю разказъ объ этихъ приключеніяхъ. Онъ точенъ. Ни одного факта не пропущено, ни одно обстоятельство не преувеличено. Это вѣрное описаніе невѣроятной экспедиціи, въ недоступной для человѣка стихіи, гдѣ со временемъ успѣхи науки проложатъ свободные пути.

Повѣрять ли мнѣ? Не знаю. Да и что за дѣло. Утверждаю одно: что имѣю право говорить о моряхъ, въ глубинѣ которыхъ менѣе чѣмъ въ десять мѣсяцевъ сдѣлалъ двадцать тысячъ лье; подводномъ, кругосвѣтномъ путешествіи, которое открыло мнѣ столько чудесъ въ Тихомъ и Индійскомъ океанахъ, въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ, въ Атлантическомъ океанѣ, въ моряхъ южныхъ и сѣверныхъ!

Но что сдѣлалось съ *Корабликомъ*? Выдержалъ ли онъ напоръ водоворота? Живъ ли еще Калитанъ Немо? Продолжаетъ ли онъ подъ водами Океана свое ужасное мщеніе или остановился предъ этою послѣднею гекатомбой? Принесутъ

ли когда-нибудь воны рукопись въ которой заключается вся исторія его жизни? Узнаю ли я наконецъ имя этого человѣка? Узнаемъ ли мы, по національности исчезнущаго корабля, національность капитана Немо?

Я надѣюсь на это. Я также надѣюсь что его сильный аппаратъ преодолѣлъ море въ самой ужасной его пучинѣ, и что *Корабликъ* остался цѣлъ тамъ гдѣ погибло столько кораблей! Если это такъ, если капитанъ Немо все еще живетъ въ Океанѣ, своемъ избранномъ отечествѣ, то пусть утихнетъ ненависть въ его суровомъ сердцѣ! Пусть созерцаніе столько чудесъ изгладитъ въ немъ чувство мести! Пускай исчезнетъ карающій судья, и останется ученый, занимающійся мирнымъ изслѣдованіемъ морей. Если участь его странна, то она также и возвышенна. Развѣ я самъ не испытывалъ этого? Не прожилъ ли я десять мѣсяцевъ эту неестественною жизнію? И теперь на вопросъ, предложенный Екклезіастомъ, шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ: „кто могъ когда-нибудь измѣрить глубины бездны?“ изъ всѣхъ людей имѣютъ право отвѣтить только два человѣка: капитанъ Немо и я.

К О Н Е Ц Ъ .

